ВАМПИРСКИЕ АРХИВЫ

КНИГА 2. ПРОКЛЯТИЕ КРОВИ

РЭЙ БРЭДБЕРИ, БРЭМ СТОКЕР,
ДЭН СИММОНС,
КЛАЙВ БАРКЕР
И ДР.

Annotation

Вампиры… Эти странные существа, всего каких-нибудь два века назад шагнувшие из мира легенд на страницы произведений литературы, в кратчайший срок заполонили собой ту нишу, которую занимали до них бесчисленные Горгоны, химеры, русалки и прочая нежить, пугающая наше воображение. И самое удивительное — идут века, сменяются поколения, интерес же к этим сумеречным героям не иссякает, а со временем лишь усиливается.

- Отто Пензлер
  - Классические истории
    - Виктор Роман
      -
      - Четыре деревянные кола (© Перевод И. Иванова)
    - Э.Ф. Бенсон
      -
      - Комната в башне (© Перевод Н. Кротовской.)
      - Миссис Эмворт (© Перевод С. Антонова.)
    - Бэзил Коппер
      -
      - Доктор Портос (© Перевод К. Тверьянович.)
    - Ф. Мэрион Кроуфорд
      -
      - Ибо кровь есть жизнь (© Перевод С. Антонова)
    - М. Р. Джеймс
      -
      - Граф Магнус (© В. Харитонова)
    - Мэнли Уэйд Уэллман
      -
      - В лунном свете (© Перевод А. Чикина)
    - Август Дерлет
      -
      - Метель (© Перевод А. Чикина.)
    - Элис Эскью, Клод Эскью
      -
      - Эйлмер Вэнс и вампир (© Перевод И. Иванова.)

- Брэм Стокер
  -
  - Гость Дракулы (© Перевод Л. Бриловой)
- Элджернон Блэквуд
  -
  - Превращение (© Перевод В. Кулагиной-Ярцевой.)
- Г. Б. Марриот Уотсон
  -
  - Каменный склеп (© Перевод И. Иванова)
- Ян Неруда
  -
  - Вампир (© Перевод Г. Растроповой)
- Кларк Эштон Смит
  -
  - Конец рассказа (© Перевод И. Тетериной.)

◦ Любовь… навсегда

- Лиза Татл
  -
  - Подмена(© Перевод И. Иванова.)
- Фредерик Коулс
  -
  - Княгиня тьмы (© Перевод С. Теремязевой.)
- Гарри Килворт
  -
  - Серебряный ошейник (© Перевод С. Теремязевой.)
- Уолтер Старки
  -
  - История старика (© Перевод С. Теремязевой.)
- Винсент О'Салливан
  -
  - Желание (© Перевод С. Теремязевой.)
- Дион Форчун
  -
  - Жажда крови (© Перевод С. Теремязевой.)
- Эверил Уоррелл
  -
  - Канал (© Перевод С. Теремязевой.)
- Мэри А. Турзилло
  -

        - Когда Гретхен была человеком (© Перевод И. Савельевой.)
    - Лафкадио Хирн
        -
        - История Чугоро (© Перевод И. Иванова)
- Вампиры идут
    - Стив Резник Тем
        -
        - Мужчины и женщины Ривендейла (© Перевод И. Иванова.)
    - Танит Ли
        -
        - Зимние цветы (© Перевод И. Иванова)
    - Брайан Стэблфорд
        -
        - Возлюбленный вампирши (© Перевод О. Ратниковой.)
    - Ф. Пол Уилсон
        -
        - Полуночная месса (© Перевод О. Ратниковой.)
- Знак вампира
    - Артур Конан Дойл
        -
        - Вампир в Суссексе (© Перевод Н. Дехтеревой.)
    - Сэбайн Бэринг-Гулл
        -
        - Мертвый палец (© Перевод С. Теремязевой.)
    - М. Р. Джеймс
        -
        - Плачущий колодец (© Перевод А. Сергеева)
    - Клайв Баркер
        -
        - Человеческие останки (© Перевод А. Трофимова)
    - Сидни Хорлер
        -
        - История со священником (© Перевод А. Чикина.)
    - Хью Б. Кейв
        -
        - Страгелла (© Перевод В. Двининой.)
    - Верной Ли

        -
        - Марсий во Фландрии (© Перевод В. Теремязевой)
    - Ги де Мопассан
        -
        - Орля (© Перевод Э. Линецкой)
    - Фриц Лейбер
        -
        - Девчонка с голодными глазами (© Перевод А. Лисочкина.)
- Это воина?
    - Роберт Блох
        -
        - Живой Мертвец (© Перевод А. Чикина)
    - Гарднер Дозуа, Джек Данн
        -
        - Среди мертвецов (© Перевод К. Плешков)
- Современные вампиры
    - Брайан Ламли
        -
        - Некрос (© Перевод П. Матвейца)
    - Рэй Брэдбери
        -
        - Постоялец со второго этажа (© Перевод Т. Ждановой.)
    - Мэнли Уэйд Уэллман
        -
        - Честель (© Перевод Д. Кальницкой.)
    - Питер Тримейн
        -
        - Кресло Дракулы (© Перевод Н. Кудрявцева.)
    - Ричард Лаймон
        -
        - Особенная (© Перевод К. Плешкова)
    - Дэн Симмонс
        -
        - Утеха падали (© Перевод А. Кириченко)
    - Гэхан Уилсон
        -
        - Вода была мокра насквозь… [88](© Перевод С. Теремязевой.)

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26
  - 27
  - 28
  - 29
  - 30
  - 31
  - 32
  - 33
  - 34
  - 35
  - 36
  - 37
  - 38

- 39
- 40
- 41
- 42
- 43
- 44
- 45
- 46
- 47
- 48
- 49
- 50
- 51
- 52
- 53
- 54
- 55
- 56
- 57
- 58
- 59
- 60
- 61
- 62
- 63
- 64
- 65
- 66
- 67
- 68
- 69
- 70
- 71
- 72
- 73
- 74
- 75
- 76
- 77

- 78
- 79
- 80
- 81
- 82
- 83
- 84
- 85
- 86
- 87
- 88

Отто Пензлер
Вампирские архивы: Книга 2. Проклятие крови

Классические истории

Виктор Роман

Виктор Роман— таинственная персона, никаких сведений о нем разыскать не удалось. На одном из веб-сайтов он назван афроамериканским автором, однако нет ни одного свидетельства в пользу или против этого утверждения. Каких-либо других его сочинений не обнаружено, хотя рассказ «Четыре деревянных кола», включенный в настоящую антологию, печатался многократно и по праву обрел статус классики жанра.

В США первая публикация этого рассказа состоялась в журнале «Странные истории» в феврале 1925 года; в том же году он был опубликован в Великобритании в первом выпуске суперуспешной книжной серии «Не ночью», редактировавшейся Кристиной Кемпбелл Томпсон (Лондон: Селвин и Блаун, 1925). Остается неясным, где именно рассказ был напечатан впервые.

Четыре деревянные кола (© Перевод И. Иванова)

Передо мною лежала телеграмма:

> ДЖЕК ЗПТ РАДИ СТАРОЙ ДРУЖБЫ НЕМЕДЛЕННО ПРИЕЗЖАЙ ТЧК СОВСЕМ ОДИН ТЧК ОБЪЯСНЮ ПРИ ВСТРЕЧЕ ТЧК РЕМСОН ТЧК

Простые слова описывали некую, не совсем понятную ситуацию. Однако больше всего меня насторожил тревожный тон телеграммы.

Я сумел успешно закончить дело, которое в течение трех недель озадачивало полицию и два лучших детективных агентства города. После напряженной работы я, надо думать, заслужил этот отдых, посему велел собрать мне пару чемоданов и полез искать расписание поездов. С Ремсоном Холройдом мы не виделись несколько лет, фактически с того самого дня, когда окончили колледж. Мне было интересно узнать, как сложилась его судьба, а содержание телеграммы, имевшее оттенок таинственности, судя по всему, обещало неплохое развлечение.

Через день я уже стоял на платформе Черинга — захудалого городишки с населением не более полутора тысяч человек, который правильнее было бы назвать деревней. Усадьба Ремсона лежала отсюда в десяти милях. Я подошел к кучеру, дремавшему на козлах двухколесного

экипажа, и спросил, не согласится ли он меня довезти. Узнав, куда мне надо, малый сложил ладони, словно собирался молиться, затем поглядел на меня со смешанным чувством удивления и подозрительности.

— Не знаю, мистер приезжий, чего вам там понадобилось. Но если хотите совет от богобоязненного человека — возвращайтесь-ка лучше туда, откуда приехали. Про то место никто доброго слова не сказал — одна жуть. Кто туда забредал — живыми не возвращались либо вскоре помирали от потери крови и страха. Нечистое там место. Человек это творит или зверь — не знаю. Но одно скажу: я бы вас туда не повез даже за сто долларов. [1]

Услышанное не обнадеживало, хотя и не вызывало особого доверия. Обычные сплетни и суеверия жителей захолустья. Я не стал уговаривать этого кучера и отправился на поиски какого-нибудь менее впечатлительного субъекта, который не откажется меня подвезти за приличную для здешних мест плату. Представьте мое удивление, когда и все остальные повели себя точно так же, как первый: одни истово крестились, другие ошалело глядели на меня и бросались бежать, будто перед ними был пособник дьявола.

Между тем мое любопытство возросло настолько, что я вознамерился добраться до жилища Ремсона, даже если это будет стоить мне жизни. Одарив этих несчастных насмешливым взглядом, я подхватил чемоданы и бодро зашагал в указанном направлении. Мили через две я ощутил, что мой багаж заметно потяжелел, и был вынужден сбавить шаг.

Солнце уже цеплялось за верхушки деревьев, когда впереди появились очертания большой старинной усадьбы, где нынче Ремсон жил в полном одиночестве. Время и стихии заметно потрепали это строение: трудно было найти окно с цельными стеклами, а покосившиеся ставни и на слабом ветру скрипели так, что даже смелому и стойкому человеку делалось не по себе.

Ярдах в ста от усадьбы я заметил небольшое здание из серого камня. Куски такого же камня лежали и вокруг него, утопая в густой траве и кустах (добавлю, что буйство растительности я замечал везде, куда обращал свой взгляд). Подойдя ближе, я понял назначение этого строения. Оно было фамильным склепом, а куски серого камня — могильными плитами. Но тогда почему одних членов семьи хоронили внутри склепа, а других — снаружи, как на обычном кладбище?

Не задерживаясь возле склепа, я направился к дому, поскольку вовсе не собирался проводить ночь в обществе мертвых. И тут у меня впервые шевельнулась странная мысль. Страх жителей Черинга и их упорное нежелание ехать сюда уже не казались мне глупыми суевериями. Разумно ли я поступил, отправившись в эту глухомань? Я ведь мог бы неплохо

отдохнуть и на побережье или в загородном клубе.

К этому времени солнце окончательно скрылось. В сумерках усадьба и окрестности приобрели еще более жуткий вид. Собрав всю свою храбрость, я поднялся на веранду, поставил чемоданы на шаткий стул и дернул рукоятку старинного звонка.

Где-то в недрах усадьбы что-то зазвенело и затем еще несколько раз повторилось, пока, как мне показалось, не начал звенеть весь дом. Потом вновь наступила тишина, если не считать скрипа и стона, который издавали раскачиваемые ветром ставни.

Прошло несколько минут, прежде чем с другой стороны двери послышались шаги. Затем они смолкли. Дверь осторожно приоткрылась, оттуда высунулась голова (туловище скрывалось в темноте) и принялась меня тщательно оглядывать. Наконец дверь широко распахнулась, и выскочивший Ремсон бросился мне на шею, бормоча слова благодарности за мой приезд. Я едва узнал своего приятеля по колледжу. Состояние, в котором он находился, граничило с истерикой.

Я несколько раз попросил его успокоиться и взять себя в руки. Похоже, звук моего голоса возымел действие: Ремсон стыдливо извинился за свою невоспитанность и повел меня по широкому коридору внутрь дома. В камине гостиной весело трещал огонь. Пройдя десять миль с грузом в обеих руках, я изрядно проголодался и дал волю своему аппетиту, а утолив голод, уселся напротив Ремсона и приготовился слушать его историю.

— Джек, я начну с самого начала и постараюсь изложить тебе факты в их строгой последовательности… Пять лет назад моя семья состояла из пяти человек: деда, отца, двоих моих братьев и меня — самого младшего в семье. Если помнишь, моя мать умерла, когда мне было всего несколько недель. А теперь…

Его голос дрогнул. Какое-то время Ремсон был не в силах говорить.

— Теперь я остался один. Скорее всего, и я последую за родными, если ты не поможешь мне разгадать, что за проклятие витает над этим домом. Четверо уже стали его жертвами. Моя очередь.

Я терпеливо ждал, когда кончится и эта пауза.

— Первым скончался дед. Несколько лет он прожил в Южной Америке. Буквально перед самым возвращением его во сне укусила большая летучая мышь. На следующее утро дед настолько ослабел, что не мог ходить. Гнусная тварь высосала из него большую часть крови. Сюда он вернулся уже больным и через несколько недель скончался. Врачи отказались признать причиной смерти потерю крови и все списали на преклонный возраст. Но я-то знаю, что это не так. Его сгубил этот чертов

укус. Перед смертью дед велел спешно построить склеп и завещал похоронить себя там. Должно быть, ты видел склеп; он рядом с домом… Прошло еще сколько-то времени, и у нас начал чахнуть отец. Больше всего врачей удивляло, что он до самой смерти не терял аппетита. Даже наоборот, ел за троих, однако был чрезвычайно слаб и не мог перенести ногу через порог. Когда отец умер, его, как и деда, поместили в склеп… А потом скончались мои братья — Джордж и Фред. Теперь они тоже покоятся в склепе. Вскоре за ними могу последовать и я. Это не пустые слова. С недавних пор у меня резко возрос аппетит, однако я теряю силы.

— Чепуха! — возразил я. — Иногда бывают странные совпадения, а люди видят в них некую тайну. Мы с тобой уедем отсюда, попутешествуем. Когда ты вернешься, то сам будешь смеяться над прежними страхами. Эти все — следствие твоего нервного перевозбуждения. А возможная причина смерти твоих родственников — наследственное заболевание. Знал бы ты, в скольких семьях их члены уходили один за другим.

— Джек, в нашем роду не было никаких наследственных заболеваний. Это я проверял, и очень тщательно. А что до твоего предложения уехать… не могу. Пойми меня: я сам ненавижу это место, но я не в состоянии его покинуть. У меня какая-то странная привязанность к нему, возможно, болезненная, но она меня не отпускает. Если хочешь оказать мне настоящую дружескую помощь, останься здесь на несколько дней. Даже если ты ничего и не обнаружишь, одно твое присутствие и звук твоего голоса сотворят для меня чудо.

Я сказал, что изо всех сил постараюсь ему помочь. На самом же деле я изо всех сил старался скрыть улыбку. Страхи Джека казались мне совершенно беспочвенными. Мы еще несколько часов говорили о разных пустяках, после чего я сказал, что не прочь отправиться спать, ибо и впрямь устал от поездки по железной дороге и десятимильного пешего похода. Ремсон провел меня в мою комнату и, устроив со всеми возможными удобствами, пожелал спокойной ночи.

Когда он повернулся, чтобы покинуть комнату, дрожащее пламя лампы осветило его шею, и я заметил на коже две маленькие ранки. Я спросил его, откуда они. Джек ответил, что, должно быть, сковырнул прыщик, и добавил: раньше у него их не было. Еще раз пожелав мне приятного сна, он ушел.

Я разделся и повалился на кровать. Всю ночь меня преследовало ощущение удушья. Мне снилось, что у меня на груди лежит громадный камень, который мне никак не сдвинуть. Проснувшись утром, я ощутил во всем теле противную слабость, так что с трудом встал и стащил с себя

пижаму.

Сворачивая пижамную куртку, я заметил на воротнике тонкую полоску крови. А ощупав шею, замер от страха. Прикосновение было болезненным; бросившись к зеркалу, я увидел две кровоточащие точки. Две точки на *моей*шее, откуда сочилась *моя*кровь! А ведь совсем недавно я посмеивался над страхами Ремсона. Теперь мне было не до смеха. Я понимал, что во сне подвергся нападению какой-то твари.

Я оделся с поспешностью, какую позволяло мое состояние, и сбежал вниз, рассчитывая найти друга в гостиной. Его там не было. Я заглянул в соседние комнаты. Никаких признаков. Всему этому было лишь одно объяснение: Ремсон еще не вставал. Часы показывали девять, и я решил его разбудить.

Я не знал, где именно спит Ремсон, и стал открывать двери всех комнат подряд. Везде царил беспорядок, а толстый слой пыли на мебели доказывал, что сюда давно никто не заходил.

Своего друга я обнаружил на третьем этаже, в комнате окнами на север. Ремсон лежал, разметавшись во сне. Я наклонился, чтобы его разбудить, и тут заметил на покрывале две капельки крови и едва подавил в себе желание заорать во все горло. Вместо этого я стал довольно бесцеремонно трясти Ремсона. Его голова запрокинулась набок, и место укуса на шее проступило со всей своей дьявольской наглядностью. Ранки были совсем свежими и крупнее, нежели вчерашние точки. Я тряс друга со всей силой, какая у меня оставалась. Наконец Ремсон открыл глаза и тупо огляделся по сторонам. Увидев меня, он сказал:

— Джек, это существо снова побывало здесь. Мне больше не выдержать. Да заберет Господь мою душу к себе, когда это случится.

В его голосе звучали боль и покорность судьбе. Произнеся эти слова, обессиленный Ремсон опять закрыл глаза. Я оставил его лежать и спустился вниз, чтобы приготовить себе завтрак. Мне представлялось неуместным разрушать его веру в меня и говорить, что я тоже пострадал от неведомого мучителя.

Прогулка не подсказала никаких решений, зато несколько успокоила мысли. В усадьбу я вернулся около полудня. К этому времени Ремсон уже встал. Вместе мы приготовили великолепное угощение. Я проголодался и ел с аппетитом, однако за Ремсоном мне было не угнаться: когда я насытился, он все продолжал и продолжал есть. У меня даже возникла тревога, как бы он не лопнул от такого количества пищи.

После еды хозяин предложил мне посмотреть фамильную коллекцию картин, многие из которых представляли большую ценность.

Мы неспешно двигались по большому залу, и в дальнем его конце мое внимание привлек старый портрет какого-то джентльмена. В свое время он наверняка считался франтом и щеголем: длинные волосы, которые так любили художники старой школы, ниспадали на плечи, усы и бородка клинышком были тщательно подстрижены. Ремсон заметил мой интерес.

— Меня не удивляет, что тебя привлек этот портрет. Мне он тоже очень нравится. Иногда я просиживаю здесь часами, разглядывая выражение на лице этого человека. Знаешь, Джек, порою мне кажется, что он пытается о чем-то рассказать. Конечно же, это полный вздор… Погоди, я же тебе не представил изображенного. Это и есть мой дед. В свое время его считали красавцем. Мог бы и сейчас жить, если бы не та чертова летучая мышь. Возможно, здесь тоже есть летучие мыши, и одна из них сосет мою кровь. Как ты думаешь?

— Ремсон, у меня недостаточно фактов, чтобы высказывать свое мнение. Если только я не сильно заблуждаюсь, в поисках объяснений мы должны копать глубже. Возможно, сегодня вечером у нас появятся факты. Ты отправишься спать, как обычно, а я займусь пристальным наблюдением. Мы либо разгадаем эту загадку, либо погибнем.

Ремсон молча протянул мне руку. Я крепко стиснул ее. В глазах друг друга мы прочли полное понимание. Желая переменить тему разговора, я спросил его о слугах.

— Я без конца пытаюсь нанять постоянных слуг. Но где-то на третий день их поведение становится странным, а потом они и вовсе исчезают.

Вечером я проводил друга до его спальни и дождался, пока он разденется и ляжет. Приглядевшись к стеклам в оконной раме, я заметил, что все они с трещинами, а в одной ячейке стекла и вовсе не было. Я предложил заколотить дыру, но Ремсон отказался, сославшись на приверженность к свежему ночному воздуху. Я не стал упорствовать и ушел.

Расположившись в гостиной, у камина, я час или два провел за книгой. Внешне уютная, обстановка тем не менее не располагала к безмятежному чтению. Каждый новый звук заставлял мой разум отвлекаться от страницы, а по спине пробегал холодок. Поднялся ветер. Он свистел или, правильнее сказать, странно завывал в ветвях деревьев. Скрип ломаных ставень лишь добавлял жути. Где-то вдалеке слышалось уханье многочисленных сов, крики других ночных птиц и иных существ животного мира, для которых наступило время бодрствования.

Отложив книгу, я решил проведать Ремсона. Пока я поднимался, пламя свечи отбрасывало довольно зловещие тени на стены и потолок. Не скажу,

что эта затея мне нравилась. Не раз и не два я был вынужден призывать все свое мужество, однако здесь требовалось не только мужество.

Возле закрытой двери хозяина я потушил свечу и, стараясь не производить шума, опустился на колени и заглянул в замочную скважину. Обзор был достаточным, чтобы увидеть кровать и два окна. Постепенно мои глаза привыкли к темноте, и тогда возле одного из окон я заметил слабое красноватое свечение. Казалось, оно шло из ниоткуда. На фоне освещенного пятна плясали и кружились сотни мельчайших пылинок. Пока я наблюдал за их причудливым танцем, мне показалось, что из пылинок составились очертания человеческого лица. Насколько я мог судить, мужского. Об этом же свидетельствовала и прическа. Затем таинственное свечение исчезло.

Ночь была прохладной, но от напряжения я взмок насквозь. Некоторое время я мешкал, не зная, что предпринять: войти ли в спальню Ремсона или остаться в коридоре, продолжая наблюдения через замочную скважину. Второй вариант показался мне более удачным, и я вновь приник глазом к отверстию в двери.

В освещенном пространстве что-то двигалось. Из-за слабого света мне не сразу удалось разглядеть очертания и форму движущегося предмета. Однако вскоре я увидел его, и достаточно отчетливо. То была голова человека.

Клянусь, я увидел точную копию щеголя с фамильного портрета. Но до чего же разнилось выражение лица! Приоткрытый рот, скривленный в усмешке, два ряда безупречно белых зубов. Даже на расстоянии я заметил, что клыки длиннее и острее обычных человеческих. Изумрудно-зеленые глаза были полны ненависти, волосы — всклокочены, а спутанная борода, как мне показалось, слиплась от крови.

Наблюдение длилось считаные секунды, после чего голова исчезла из моего поля зрения. Зато теперь я увидел крупную летучую мышь. Она кружила за окном, и ее широкие крылья выбивали барабанную дробь на стеклах. Наконец животное подлетело к дыре в оконной раме и проникло в комнату. Ненадолго оно скрылось за пределами моего обзора, после чего появилось снова и принялось летать над моим другом. Ремсон крепко спал и ничего не чувствовал. Летучая мышь опускалась все ниже, пока не оказалась у него на горле, рядом с яремной веной.

Я рванул дверь и вбежал в комнату, норовя поймать крылатого злодея, являвшегося ночь за ночью пировать человеческой кровью. Увы! Тот оказался проворнее и успел ретироваться через дыру в окне. Я подошел к спящему.

— Ремсон, дружище, вставай.

Он мгновенно проснулся и сел на постели.

— В чем дело, Джек? Ты его видел?

— Об этом поговорим потом. Одевайся, и побыстрее. Нам предстоит кое-какая работа.

Ремсон вопросительно поглядел на меня, но подчинился. Я осматривал комнату в поисках чего-нибудь, способного послужить в качестве оружия. В углу я заметил толстую палку и схватил ее.

— Джек!

Я резко обернулся.

— Что ты затеял? Я и так напуган до смерти.

Дрожащим пальцем он указал на окно.

— Там! Клянусь тебе, я его видел. Это был мой дед, но как же он изменился!

Хозяин повалился на кровать и затрясся в рыданиях. Я вполне понимал его состояние.

— Дружище, прости меня. Но я был вынужден действовать поспешно. — Я подал ему фляжку. — Подкрепись и возьми себя в руки. Возможно, очень скоро мы все разгадаем.

Ремсон приложился к фляжке, затем докончил одевание, и мы покинули дом, выйдя в темную, безлунную ночь.

Я шел впереди. До серого склепа оставалось не более десяти ярдов. Остановившись, я велел Ремсону спрятаться за деревом и только наблюдать, а сам занял позицию по другую сторону склепа, предварительно убедившись, что его дверь закрыта и заперта на замок. В напрасном ожидании прошло около часа. Я уже собирался прекратить наблюдение, когда в полусотне ярдов от нас, среди деревьев, мелькнула белая фигура.

Фигура медленно двигалась в нашу сторону. Я смотрел не на нее, а сквозь нее. Дул сильный ветер, однако складки плаща даже не вздрагивали. Возле склепа фигура остановилась и огляделась. Я знал, кого увижу, но все равно испытал заметный шок, заглянув в глаза старого Холройда, умершего пять лет назад. Сдавленный стон доказывал, что Ремсон тоже увидел своего покойного деда и узнал его. Потом дух, призрак, или кем он был, проник в склеп через узкую щель между дверью и косяком.

Когда призрак исчез, Ремсон подбежал ко мне. Даже в темноте было видно, насколько бледно его лицо.

— Джек, что это? Кто это был? Внешне он напоминал деда, но такое просто невозможно. Дед умер пять лет назад.

— Идем в дом, — сказал я. — Там, насколько это в моих силах, я попытаюсь тебе объяснить. Я могу ошибаться, но лучше попробовать мой способ, чем бездействовать. Ремсон, мы имеем дело с вампиром. Сейчас этот термин несколько искажен, и вампирами называют корыстных женщин. Однако мы столкнулись с настоящим вампиром. Я видел у тебя тома старой энциклопедии. Пожалуйста, принеси мне двадцать четвертый том, [2]и тогда я с большей полнотой объясню тебе значение этого слова.

Мы вернулись в дом, и Ремсон принес мне нужную книгу. Я открыл ее на пятьдесят второй странице и вслух прочел:

> *«Вампир.*Слово предположительно сербского происхождения. [3]Первоначально так в Восточной Европе называли кровососущих призраков. В современном мире это название закрепилось за породой кровососущих летучих мышей, обитающих в Южной Америке… В своем изначальном значении вампир — это душа умершего человека, которая по ночам покидает тело и сосет кровь у живых людей. Поэтому при вскрытии могил вампиров обнаруживали, что их тела не тронуты разложением и имеют розоватый оттенок от поглощаемой вампиром крови… Считается, что вампир способен принимать любой желаемый облик и очень часто перемещается в виде пылинок, песчинок, соломинок и прочих очень мелких предметов… Чтобы прекратить злодеяния вампира, ему в грудь вбивают кол, отрезают голову, вырывают сердце, а могилу поливают кипятком и уксусом… Вампирами становятся колдуны, ведьмы, самоубийцы и те, кто умер насильственной смертью. Отметим также, что жертвы вампиров сами превращаются в вампиров, пополняя ряды этого дьявольского отродья… См. Калюмет: „Диссертация о венгерских вампирах“».

Я взглянул на Ремсона. Мой друг уставился в огонь: он понимал, какое дело нам предстоит, и собирался с силами.

— Джек, давай подождем до утра, — наконец произнес он.

Больше он не сказал ни слова. Но я понял его, и он это знал. Мы молча сидели всю ночь, погруженные каждый в свои мысли, пока небо над деревьями не начало светлеть.

Ремсон сказал, что у него есть кувалда и большой нож, который можно заточить до остроты бритвы. Я занялся изготовлением четырех деревянных кольев. Когда все было готово, мы взяли свои жуткие орудия и направились

к склепу. Шли быстро. Уверен: допусти мы хотя бы секундное колебание, все бы сорвалось. К счастью, необходимость исполнить этот долг перевешивала сомнения и страхи. Ремсон отпер дверь склепа и потянул ее (дверь открывалась наружу). Шепча молитвы, мы вошли и, не сговариваясь, сразу же направились к гробу, стоявшему слева. Там лежал дед Ремсона. Мы откинули крышку…

Казалось, что старый Холройд просто спит с открытыми глазами. Пять лет спустя после смерти у него сохранялся здоровый цвет лица и не имелось ни малейших признаков трупного разложения. Однако его волосы явно нуждались в услугах гребня, а усы и борода — ножниц. В бороде виднелись буроватые пятна.

Но особенно меня поразили его зеленоватые глаза — они сверкали такой отчаянной злобой, какую я не видел ни прежде, ни впоследствии. Лицо выражало недоумение и ярость. Дед Ремсона был похож на дьявола, каким того изображают некоторые художники.

Ремсон пошатнулся и, наверное, упал бы, но я схватил его за руку и спешно влил ему в горло порцию виски; глотнул и сам. Приободрившись, Ремсон нацелил кол в сердце вампира и попросил у Бога помощи в том, что выпало на его долю.

Я отошел на шаг, замахнулся кувалдой и со всей силой ударил по деревянному колу. Склеп огласился ужасным криком. Из раны хлынула кровь, забрызгав стены и нашу одежду. Не мешкая, я нанес еще несколько ударов по колу. Вампир делал слабые попытки вырвать деревянный стержень из тела, но ему это не удавалось. Последний удар вогнал острие в самое сердце.

Подобно разорванному червяку, вампир извивался в узком гробу. Ремсон схватил нож и принялся отрезать ему голову. Когда лезвие рассекло последние жилы, вампир испустил еще один крик — и на наших глазах труп рассыпался в прах, а в гробу остался лишь окровавленный кол и груда костей.

Затем мы проделали то же самое с остальными тремя вампирами. Занятие это было жутким, но мы чувствовали, как к нам возвращаются силы. Я перестал ощущать боль, а у моего друга бесследно исчезли раны на шее.

О случившемся мне хотелось рассказать всему миру, однако Ремсон настоял, чтобы я хранил молчание.

Через несколько лет мой друг умер смертью христианина, и теперь уже никто не мог подтвердить истинность этого рассказа. Но в десяти милях от городишки Черинг и по сей день стоит заброшенная старая

усадьба, а возле нее — небольшой склеп из серого камня. Внутри — четыре гроба с открытыми крышками. В каждом из гробов лежит груда костей и деревянный кол с пятнами запекшейся крови, на котором остались отпечатки пальцев покойного Ремсона Холройда.

Э.Ф. Бенсон

Эдвард Фредерик Бенсон(1867–1940) родился в городе Уокингеме (графство Беркшир) и рано снискал успех на писательском поприще благодаря социальному роману «Додо» (1893), который регулярно переиздавался на протяжении восьмидесяти с лишним лет. Это позволило автору целиком посвятить себя литературному творчеству, и он создал великое множество произведений в жанре социальной сатиры, в частности цикл об Эммелине «Люсии» Лукас и Элизабет Мэпп, по которому в 1985–1986 годах канал «Лондон уик-энд телевижн» сделал телесериал «Мэпп и Люсия». Кроме того, перу Бенсона принадлежит серия авторитетных биографий, включая образцовое для того времени жизнеописание Шарлотты Бронте. В общей сложности им было написано более семидесяти книг.

Хотя большая часть прозы Бенсона ныне, как и следовало ожидать, устарела, его частые вторжения на территорию сверхъестественного и ужасного по-прежнему удерживают высокие позиции в литературе. В числе его романов, относящихся к этому жанру, — «Судебные отчеты» (1895), «Ангел горести» (1905), «Переправа» (1919), «Колин» (1923), «Колин-2» (1925), «Наследник» (1930) и «Воронья стая» (1934).

Еще большим пиететом, нежели романы, окружены сегодня рассказы Бенсона, среди которых бесспорными шедеврами являются «Комната в башне», «Миссис Эмворт» и «Гусеницы».

«Комната в башне» впервые была опубликована в авторском сборнике «„Комната в башне“ и другие истории» (Лондон Миллз и Бун, 1912); «Миссис Эмворт», впервые напечатанная в журнале «Хатчинсонс мэгэзин» в июне 1922 года, была перепечатана в сборнике рассказов писателя «Зримое и незримое» (Лондон: Хатчинсон, 1923).

Комната в башне (© Перевод Н. Кротовской.)

Вероятно, у всякого, кто часто видит сны, их события или подробности хотя бы однажды воплощались в реальной жизни. В этом нет ничего удивительного, напротив, странно, если бы сны время от времени не сбывались, — нам ведь, как правило, снятся знакомые люди и привычные обстоятельства, с которыми немудрено столкнуться и наяву, при свете дня.

Сны играли в моей жизни значительную роль. Редко когда я,

просыпаясь утром, не вспоминал о том, что пережил во сне; порой мне всю ночь напролет снились самые головокружительные приключения. Приключения эти почти всегда бывали приятными, хотя и вполне заурядными. Но то, о чем я собираюсь рассказать, случай совсем иного рода.

Я впервые увидел этот сон, когда мне было около шестнадцати. Мне снилось, будто я стою у дверей просторного дома из красного кирпича, в котором собираюсь остановиться. Открывший дверь слуга говорит, что чай подан в саду, и ведет меня через низкий, отделанный темным деревом зал с большим камином на светлую зеленую лужайку, окаймленную цветочными клумбами. У чайного стола расположилась небольшая компания. Я никого в ней не знаю, кроме моего однокашника Джека Стоуна, судя по всему, сына хозяев дома. Он представляет меня своим родителям и двум сестрам. Помнится, меня слегка удивило, как я здесь оказался, ведь я никогда не был дружен с Джеком и даже недолюбливал его. Вдобавок уже год, как он не учился в нашей школе. День стоит на редкость жаркий и невыносимо душный. По ту сторону лужайки тянется ограда из красного кирпича с чугунными воротами посредине, за ней растет каштан. Мы садимся в тени дома, напротив высоких окон, за которыми виден покрытый скатертью стол, сверкающий хрусталем и серебром. С фасада дом очень длинный, и на одном его конце высится трехъярусная башня, по виду значительно древней основной постройки.

Немного погодя миссис Стоун, которая до той поры, как и все собравшиеся, не проронила ни слова, говорит: «Джек вам покажет вашу спальню. Я приготовила для вас комнату в башне».

Сам не знаю почему, при этих словах сердце у меня упало. Я словно заранее знал, что мне отведут комнату в башне и что в ней таится нечто ужасное. Джек тут же встает, и мне остается лишь следовать за ним. Мы молча проходим через зал, поднимаемся по великолепной дубовой винтовой лестнице и оказываемся на тесной площадке с двумя дверями. Мой спутник резко распахивает одну из них и, едва я переступаю порог, захлопывает ее снаружи. Предчувствия меня не обманули: в комнате кто-то есть; меня захлестывает панический страх, и я, весь дрожа, просыпаюсь.

С тех пор этот сон с незначительными изменениями повторялся на протяжении пятнадцати лет. Обычно он снился мне именно в такой последовательности: приезд, чай на лужайке, мертвая тишина, нарушаемая одной и той же леденящей кровь фразой, лестница, по которой я взбираюсь с Джеком Стоуном, комната, где таится нечто ужасное, и, наконец, панический страх, хотя мне никогда не удавалось разглядеть, что там

внутри. Время от времени мне снились вариации на ту же тему. К примеру, иногда мы обедали в столовой, в окна которой я заглядывал той ночью, когда этот дом приснился мне впервые. Однако где бы мы ни находились, гнетущая тишина и чувство подавленности оставались неизменными. И я заранее знал, что тишину неотвратимо нарушат слова миссис Стоун: «Джек вам покажет вашу спальню. Я приготовила для вас комнату в башне». Вслед за чем (этот порядок никогда не нарушался) я должен был проследовать за ним к дубовой винтовой лестнице и зайти в комнату, которой страшился с каждым разом все больше. Иногда я видел себя за молчаливой карточной игрой в ярко освещенной гостиной с огромными канделябрами. Не имею ни малейшего представления, во что мы играли, мне лишь запомнилось тревожное предчувствие, что вскоре миссис Стоун поднимется и скажет: «Джек вам покажет вашу спальню. Я приготовила для вас комнату в башне». Гостиная, где шла игра, примыкала к столовой и, как я уже говорил, всегда была залита светом, тогда как остальные помещения — погружены во мрак. Но даже при ярком свете я все никак не мог сосредоточиться на картах, все почему-то не мог в них разобраться: кстати, мне никогда не выпадала красная масть, одна черная, а некоторые карты были черными по всему полю. Я ненавидел и боялся их.

По мере того как сон мой повторялся, я все подробнее знакомился с устройством дома. В конце коридора рядом с гостиной располагалась курительная, за дверью, обитой зеленым ершом. Там было всегда темно, и каждый раз, когда я входил туда, я сталкивался с кем-то в дверях, но не успевал его разглядеть. С людьми, населявшими мой сон, происходили любопытные перемены, которые вполне могли бы случиться в обычной жизни. К примеру, миссис Стоун в первый раз приснилась мне черноволосой, однако с годами поседела и при словах «Джек вам покажет вашу спальню. Я приготовила для вас комнату в башне» уже не вставала со стула с прежней легкостью, а поднималась с трудом, словно силы оставили ее. Джек тоже возмужал и превратился в неприятного юношу с темными усиками, а одна из сестер исчезла, и я догадался, что она вышла замуж.

И вдруг этот сон перестал мне сниться. Прошло полгода или больше, и я уже начал было надеяться, что все мои страхи позади и он никогда не повторится. Но вдруг в одну из ночей я вновь увидел себя пьющим чай на лужайке, только на этот раз миссис Стоун отсутствовала, а остальные были в черном. Я сразу догадался о причине траура, и сердце мое радостно забилось при мысли, что мне, быть может, не придется ночевать в страшной комнате. Несмотря на то что за столом, как всегда, царило молчание, я принялся болтать и смеяться, чего никогда не позволял себе

ранее. Но все равно я ощущал некоторую неловкость — ведь говорил я один, остальные молчали и лишь украдкой переглядывались. Вскоре поток моей глупой болтовни иссяк, и по мере того, как медленно сгущались сумерки, мною стали овладевать еще более мрачные, чем прежде, предчувствия.

Вдруг тишину нарушил хорошо знакомый голос миссис Стоун: «Джек вам покажет вашу спальню. Я приготовила для вас комнату в башне». Казалось, он доносится от ворот в ограде из красного кирпича, и, поглядев в ту сторону, я увидел, что трава за воротами густо усеяна надгробными плитами. От них исходило странное сероватое сияние, и на ближайшей могиле мне удалось разобрать слова: «Злой памяти Джулии Стоун». И как всегда, Джек поднялся, и я последовал за ним через зал и дальше, по винтовой лестнице. На этот раз было темней обычного, и, переступив порог комнаты в башне, я только сумел разглядеть уже знакомое расположение мебели. Комнату наполнял ужасный трупный запах, и я с криком проснулся.

Сон этот, с некоторыми изменениями и новыми подробностями, вроде описанных мною, повторялся на протяжении пятнадцати лет. Бывало, он мне снился две-три ночи кряду, а однажды, как я уже сказал, я не видел его полгода. Однако в среднем он повторялся приблизительно раз в месяц. Разумеется, он был сродни кошмару, поскольку под конец меня неизменно охватывал дикий ужас, который с каждым разом становился все пронзительней. Вдобавок он имел странное, пугающее сходство с жизнью. Его молчаливые участники, как я упомянул, постепенно старились, умирали и выходили замуж, и после своей смерти миссис Стоун уже никогда не появлялась в нашей компании. Но именно ее голос всегда сообщал, что для меня приготовлена комната в башне, и каждый раз — пили ли мы чай перед домом или сидели в одной из комнат с окнами в сад — мне открывался вид на ее могилу за чугунными воротами. Так же и с замужней дочерью. Обычно она отсутствовала, но раз или два снова появилась с каким-то мужчиной, очевидно мужем. Он, как и все остальные, всегда хранил молчание. Поскольку мой сон регулярно повторялся, я перестал, просыпаясь, придавать ему значение. За все эти годы я так и не встретил Джека Стоуна и никогда не видел здания, похожего на мрачный дом моих снов. Затем произошло следующее.

В тот год я до конца июля жил в Лондоне, а в первую неделю августа поехал погостить к другу, снявшему на лето дом в Эшдаун-Форест, в графстве Суссекс. Я покинул Лондон рано утром, Джон Клинтон должен был ждать меня на станции. Мы собирались весь день играть в гольф, а

вечером отправиться к нему на дачу. Мы провели поистине чудесный день, а около пяти вечера мой друг сел за руль своей машины, и мы двинулись в путь. Нам предстояло проехать всего десять миль, и мы решили пить чай не в клубе, а у него дома. По дороге погода, до того хоть и жаркая, но восхитительно свежая, похоже, стала портиться, в воздухе повисла какая-то гнетущая духота, и, как всегда перед грозой, мною овладели неясные, мрачные предчувствия. Однако Джон не разделял моего настроения, объясняя его двумя проигранными матчами. И все же предчувствия не обманули меня, хотя причиной моего уныния, конечно, была не только гроза, разыгравшаяся той ночью.

По обе стороны дороги тянулись высокие насыпи, и не успели мы далеко отъехать, как я заснул и проснулся, лишь когда мотор умолк. И вдруг с внезапным волнением, в котором любопытство пересиливало страх, я увидел перед собой дом моих сновидений. Мы прошли — я все недоумевал, не сплю ли я, — через низкий, отделанный дубом зал на лужайку, где в тени дома был накрыт чай. Лужайку окаймляли клумбы с цветами, напротив тянулась красная кирпичная ограда, за которой в высокой траве рос каштан. С фасада дом был очень длинным, и на одном его конце высилась трехъярусная башня, по виду значительно древней остального строения.

На этом сходство со сном заканчивалось. Моим глазам предстало не безмолвное семейство, а шумное общество веселых людей, которых я прекрасно знал. И, несмотря на страх, который всегда внушал мне этот сон, увидев эту сцену, я нисколько не испугался. Мною овладело жгучее любопытство: что произойдет дальше.

За чаем царило оживление, но вскоре миссис Клинтон поднялась со стула. И я уже знал, что она скажет. Обратившись ко мне, она произнесла: «Джек вам покажет вашу спальню. Я приготовила для вас комнату в башне».

На какой-то миг во мне ожил прежний страх. Но тотчас исчез, уступив место жгучему любопытству. Вскоре я с избытком удовлетворил его.

Джон повернулся ко мне.

— На самом верху, — сказал он. — Но, думаю, тебе там будет удобно. К нам понаехала куча народу. Пойдем, посмотришь свое пристанище. Черт возьми! Кажется, ты был прав, скоро начнется гроза. Небо совсем потемнело.

Я встал и последовал за ним. Мы миновали зал и поднялись по давно знакомой лестнице. Затем Джон отворил дверь, и я вошел внутрь.

И вновь меня охватил глубокий безотчетный страх. Я не понимал, чего

боялся: мне просто было страшно. И вдруг, подобно тому как в памяти неожиданно возникает давно забытое имя, меня осенило: я боялся той, чья могила со зловещей надписью «Злой памяти Джулии Стоун» часто снилась мне в высокой траве, под окнами этой комнаты. Но тут же страх бесследно исчез, я даже не мог взять в толк, чего тут было бояться, — и я стоял, спокойный и невозмутимый, в комнате в башне, которую так часто видел в моих снах и обстановку которой так хорошо изучил.

Я огляделся и с гордостью собственника отметил, что в комнате ничего не изменилось. Слева от двери у стены стояла кровать изголовьем в угол. Там же находились камин и небольшой книжный шкаф. Напротив двери было два решетчатых окна, между ними туалетный стол, а у четвертой стены расположились умывальник и шкаф. Мои чемоданы были распакованы, туалетные принадлежности аккуратно расставлены на умывальнике и столике, а одежда для обеда разложена на кровати, поверх покрывала. И вдруг я с тревогой заметил еще два предмета, которых прежде никогда здесь не видел: писанный маслом портрет миссис Стоун в полный рост и черно-белый набросок, изображавший Джека Стоуна таким, каким он приснился мне всего неделю назад, в последнем из длинной вереницы повторяющихся снов: скрытный, злобного вида господин лет тридцати. Набросок висел между окнами, глядя через всю комнату на другую картину возле кровати. Я перевел взгляд на этот второй портрет, и на меня опять нахлынул ужас.

Он изображал миссис Стоун, какой она приснилась мне в последний раз: старой, сморщенной и седой. Но, несмотря на явную немощь тела, сквозь оболочку плоти проглядывала мрачная, зловещая сила, лицо светилось тайным дьявольским торжеством, а сложенные на коленях руки, казалось, дрожали от еле сдерживаемого ликования. Заметив в левом нижнем углу надпись, я подошел поближе и прочел «Портрет Джулии Стоун работы Джулии Стоун».

В дверь постучали, и в комнату вошел Джон Клинтон.

— Не надо ли тебе чего-нибудь? — спросил он.

— Спасибо, у меня все есть, даже с избытком, — ответил я, указывая на портрет.

Он рассмеялся.

— Мрачная старушка, — сказал он. — Насколько мне известно, изобразила себя собственноручно. И не слишком себе польстила.

— Разве ты не видишь? — спросил я. — В этом лице нет ничего человеческого. Это лицо ведьмы или дьявола.

Джон вгляделся в ее черты.

— Верно, картинка не из приятных, — признал он. — Не слишком годится для спальни. Могу себе представить, какие ужасы приснились бы мне, окажись эта дама рядом с моей кроватью. Я уберу ее отсюда, если ты не возражаешь.

— Сделай милость.

Он позвонил в колокольчик, и с помощью слуги мы сняли портрет со стены и вынесли на лестницу, поставив лицом к стене.

— Увесистая старушка! — воскликнул Джон, вытирая пот со лба. — Хотел бы я знать, что у нее на уме.

Меня тоже удивила тяжесть картины. Я только хотел ответить, как заметил у себя на руке кровь, вся ладонь была в крови.

— Я ненароком порезался, — сказал я.

Джон с изумлением воскликнул:

— Черт! Я тоже! Сам не пойму как.

Тем временем лакей вытащил из кармана платок и тоже обтер руку. Я заметил на его платке кровь.

Мы с Джоном вернулись в комнату в башне и вымыли руки. Однако ни он, ни я не обнаружили у себя ни царапины, ни пореза. Убедившись в этом, мы оба, словно по молчаливому согласию, не возвращались к этой теме. В моей душе зародились смутные подозрения, которые я гнал от себя прочь. То же, как я догадывался, происходило и с Джоном.

После обеда жара и духота стали нестерпимыми: гроза, которую мы ждали, все еще не разразилась. Большинство присутствующих, среди них Джон Клинтон и я, расположились на лужайке, где днем пили чай. Было очень темно, ни мерцание звезд, ни лунный луч не проникали сквозь густую завесу облаков. Мало-помалу компания наша редела, женщины отправились спать, мужчины разбрелись кто в курительную, кто в бильярдную, и к одиннадцати часам в саду остались только я и мой приятель. Весь вечер мне казалось, что он чем-то встревожен, и, едва мы остались одни, Джон заговорил:

— У слуги, который помогал нам снять картину, рука тоже была в крови, ты заметил? Я только что спросил его, не поранился ли он.

Он ответил, что сначала так и подумал, но потом не нашел никаких следов пореза. Тогда откуда кровь?

Запретив себе думать о случившемся, я потерял всякое желание обсуждать этот вопрос, особенно перед сном.

— Не знаю, — ответил я, — да и знать не хочу, коль скоро портрет Джулии Стоун больше не висит у меня над кроватью.

Джон поднялся.

— Но все это очень странно, — заметил он. — Гляди, сейчас ты увидишь еще одну странную вещь.

Пока мы беседовали, его пес, ирландский терьер, выбежал из дома. Дверь, ведущая в зал, была распахнута, и яркая полоса света тянулась через лужайку до чугунных ворот, за которыми в высокой траве рос каштан. Я обратил внимание, что шерсть у терьера от ярости и страха встала дыбом, он глухо рычал, словно собирался на кого-то броситься. Даже не взглянув на меня и своего хозяина, он медленно и настороженно крался к воротам. Там он на секунду замер, глядя через прутья и не переставая рычать. Но неожиданно отвага покинула его, он взвыл и опрометью бросился в дом, странно припадая к земле.

— И так по многу раз в день, — сказал Джон. — Что-то такое там есть, что его приводит в ярость и пугает.

Я подошел поближе и выглянул за ворота. В траве что-то шуршало, и вскоре до моих ушей донесся непонятный звук. Однако через секунду я понял: это мурлычет кошка. Я чиркнул спичкой и увидел огромного дымчатого персидского кота, который с гордо задранным хвостом возбужденно ходил кругами прямо за воротами, высоко поднимая лапы. Его глаза сверкали, он то и дело опускал морду в траву и фыркал.

Я засмеялся.

— Боюсь, тайне конец, — сказал я. — Здесь огромный кот в одиночку празднует Вальпургиеву ночь. [4]

— Это Дарий, — отозвался Джон. — Он проводит здесь полдня и всю ночь. Но это не конец собачьей тайны, потому что Тоби и Дарий неразлучные друзья, а начало кошачьей тайны. Что здесь делает кот? И почему Дарий доволен, а Тоби до смерти напуган?

Тут в моей памяти ожили жуткие подробности моего сна, когда мне привиделся за воротами, как раз на том месте, где сейчас кружил кот, белый надгробный камень со зловещей надписью. Но не успел я собраться с мыслями, как хлынул проливной дождь, и в тот же миг огромный кот протиснулся сквозь прутья ограды и пулей помчался по лужайке к дому. Там он уселся в дверях, напряженно вглядываясь в темноту. А когда Джон слегка подтолкнул его, чтобы закрыть дверь, кот зашипел и ударил его лапой.

Без портрета Джулии Стоун комната в башне уже не внушала мне прежних опасений, и, когда я, усталый и сонный, улегся в постель, загадочный случай с кровью на руках и необычное поведение кота и собаки уже не вызывали во мне ничего, кроме любопытства. Последнее, что я увидел перед тем, как задуть свечу, была пустая стена возле моей кровати.

Там, где раньше висел портрет, на фоне выгоревших обоев выделялся прямоугольник темно-красного цвета. Я задул свечу и мгновенно уснул.

Проснулся я столь же мгновенно из-за того, что в лицо мне словно бы ударил яркий свет, хотя, когда я открыл глаза, стояла кромешная тьма. Я прекрасно понимал, где нахожусь: в комнате моих снов, но страх, который я испытывал прежде, не шел ни в какое сравнение с тем леденящим ужасом, который охватил меня теперь. В следующий миг ударил гром, но, сколько я ни убеждал себя, что меня разбудила вспышка молнии, сердце мое бешено колотилось. Я чувствовал, что в комнате кто-то есть, и, защищаясь, инстинктивно вытянул вперед правую, ближнюю к стене руку — и наткнулся на раму от портрета.

Я как ужаленный вскочил с кровати, опрокинув стоящую рядом тумбочку, и услыхал, как часы, свеча и спички упали на пол. Но свеча не понадобилась, потому что небо прорезала ослепительная вспышка молнии, осветив портрет миссис Стоун. И хотя комната сразу же погрузилась во тьму, в свете молнии я успел различить еще кое-что: перегнувшись через спинку кровати, на меня глядел призрак, закутанный в испачканную землей белую ткань. Лицо было лицом с портрета.

И снова прогрохотал гром, затем в наступившей тишине я услыхал слабый шорох приближавшейся фигуры и — что еще ужаснее — ощутил запах тления и распада. Вдруг холодная рука обвила меня за шею и учащенное нетерпеливое дыхание раздалось над ухом. И хотя я мог видеть, слышать, обонять и осязать это чудовище, я понимал, что оно явилось мне из иного мира. Затем знакомый голос произнес:

— Я знала, что ты придешь в комнату в башне. Я долго ждала. И наконец ты пришел. Этой ночью мой праздник, а скоро мы будем праздновать вместе.

Частое дыхание послышалось еще ближе, я ощутил его на затылке.

И тут сковавший меня ужас пробудил яростный инстинкт самосохранения. Я начал бешено отбиваться — и что-то мягкое, испустив звериный писк, с глухим стуком упало подле меня. Я кинулся к дверям, чуть было не упал, споткнувшись о то, что лежало на полу, каким-то чудом нашел дверную ручку. Через секунду я был уже на лестнице и захлопнул за собой дверь. И тут же услышал внизу скрип двери и увидел бегущего вверх по лестнице Джона Клинтона со свечой в руке.

— В чем дело? — спросил он. — Я спал прямо под твоей комнатой и вдруг услышал дикий шум, будто… Боже, да у тебя все плечо в крови!

Потом он мне рассказывал, что я стоял, раскачиваясь из стороны в сторону, белый как мел, с кровавым отпечатком руки на плече.

— Оно там, в комнате, — прошептал я. — Верней, она. Портрет тоже висит на прежнем месте.

Джон расхохотался.

— Дружище, — сказал он, — тебе приснилось.

Он отодвинул меня в сторону и распахнул дверь, а я, скованный страхом, так и стоял на месте, не в силах задержать его, не в силах пошевелиться.

— Тьфу, что за мерзкий запах! — произнес он.

Затем настала тишина. И хотя дверь была открыта, Джон находился вне поля моего зрения. Через секунду он вышел, такой же белый, как я, и торопливо затворил за собой дверь.

— Верно, портрет на прежнем месте, — сказал он, — а на полу валяется что-то такое… что-то измазанное землей, вроде того, в чем хоронят покойников. Пошли отсюда, быстро!

Не знаю, как мне удалось спуститься вниз. Меня трясло крупной дрожью, я совершенно лишился сил, не столько физических, сколько душевных, и моему приятелю, который то и дело испуганно оглядывался назад, не раз пришлось поддерживать меня, чтобы я не свалился с лестницы. Однако нам удалось благополучно добраться до его комнаты этажом ниже, и там я рассказал ему все, что здесь описал. Конец этой истории можно изложить в нескольких словах. Вероятно, некоторые из моих читателей уже догадались, в чем дело, припомнив странный случай, который лет восемь назад произошел на кладбище в Вест-Фоли, где трижды пытались похоронить тело женщины-самоубийцы. Всякий раз гроб через несколько дней появлялся из-под земли. После третьей попытки тело, чтобы избежать разговоров, похоронили в неосвященной земле. Прямо за воротами дома, где жила эта женщина. Она покончила с собой в верхней комнате башни. Звали ее Джулия Стоун.

Миссис Эмворт (© Перевод С. Антонова.)

Селение Максли, где прошлым летом и осенью произошли эти странные события, расположено на поросшем вереском и соснами нагорье Сассекса. Во всей Англии не сыскать более милого и полезного для здоровья места. Южный ветер приносит с собой запахи моря; с востока высокие холмы защищают этот край от мартовского ненастья, а с запада и севера его овевает легкий ветерок, напоенный ароматами протянувшихся на многие мили лесов и вересковых пустошей.

Жителей в селении не много, зато приятных глазу видов в избытке. Посередине единственной улицы, с широкой проезжей частью и просторными лужайками слева и справа от нее, находится маленькая нормандская церквушка, возле которой расположено старинное кладбище, давно заброшенное; прочие строения — это дюжина скромных домиков в георгианском стиле, сложенных из красного кирпича, с высокими окнами, квадратными цветниками перед фасадом и продолговатыми на задворках; этот ряд мирных жилищ замыкают два десятка лавок и около сорока крытых соломой изб, принадлежащих работникам из соседних поместий. Всеобщий покой, к великому сожалению, нарушается по субботам и воскресеньям: через Максли проходит одна из магистралей, ведущих из Лондона в Брайтон, и наша тихая улица каждую неделю становится треком для несущихся мимо легковых автомобилей и велосипедов.

На въезде в селение вывешен знак, предупреждающий об ограничении скорости, который, кажется, лишь подзадоривает водителей разгоняться еще сильнее — им нет никаких причин поступать иначе, раз дорога впереди пряма и свободна. Соответственно, жительницы Максли, завидев приближающуюся машину, протестующе зажимают носы и рты платочками, хотя улица заасфальтирована и подобные меры предосторожности против пыли излишни. Но на исходе воскресного дня ватага лихачей исчезает, и мы снова погружаемся в пятидневное блаженное уединение. Забастовки железнодорожников, которые так часто сотрясают страну, оставляют нас равнодушными, поскольку большинство обитателей селения никогда не покидают его пределы.

Я являюсь счастливым владельцем одного из упомянутых маленьких домиков в георгианском стиле и считаю не меньшей удачей то обстоятельство, что моим соседом оказался столь интересный и общительный человек, как Фрэнсис Эркомб, закоренелый макслианец, никогда не ночевавший вдали от своего дома, который находится как раз напротив моего, на другой стороне улицы. Мы живем по соседству приблизительно два года, с тех пор как он, еще будучи мужчиной средних лет, оставил кафедру психологии в Кембридже и посвятил себя изучению тех сокровенных и необычных явлений, которые, как кажется, в равной мере касаются физической и психической сторон человеческой природы. Более того, отставка Эркомба была связана с его стремлением проникнуть в загадочные, неизведанные сферы, которые начинаются у границ науки и самое существование которых столь решительно отрицают материалистически настроенные умы: он выступал за то, чтобы в обязательном порядке экзаменовать студентов-медиков на предмет их

способности к месмеризму, [5]а также предлагал ввести вопросник для проверки их знаний в таких областях, как видения в момент смерти, дома, населенные призраками, вампиризм, автоматическое письмо [6]и одержимость.

— Меня, конечно, не стали слушать, — сетовал он, — ибо эти авторитеты ничего не боятся так, как знания, а путь знания пролегает через исследование подобных феноменов. Функции человеческого тела в общих чертах известны; эта территория худо-бедно изучена и нанесена на карту. Однако за ее пределами, вне всякого сомнения, простираются обширные неведомые земли, и подлинными первооткрывателями становятся те, кто, рискуя быть осмеянным за легковерие и суеверность, тем не менее жадно стремится в эти туманные и, вероятно, опасные края. *Я*чувствовал, что, отправившись туда без компаса и рюкзака, смогу принести больше пользы, нежели сидя в клетке и щебеча, точно канарейка, о том, что давно всем известно. К тому же человек, который ощущает себя всего лишь учеником, ни в коем случае не должен учить других; только самодовольный осел способен преподавать.

Так вот, тому, кто, подобно мне, испытывает дразнящий и жгучий интерес к упомянутым «туманным и опасным краям», нельзя было пожелать более восхитительного соседа, чем Фрэнсис Эркомб; а минувшей весной в нашей славной общине появилась еще одна исключительно приятная особа, а именно миссис Эмворт, вдова индийского государственного чиновника. После того как в Пешаваре скончался ее муж, который был судьей в Северо-Западных провинциях, она вернулась в Англию и, проведя год в Лондоне, почувствовала желание сменить туманы и грязь города на простор и солнечную погоду сельской местности. Кроме того, у нее была причина поселиться именно в Максли — столетие назад здесь родились ее предки, и на старом кладбище, ныне заброшенном, можно найти немало могильных плит, на которых начертана ее девичья фамилия — Честон. Высокая, энергичная, общительная, она быстро пробудила жителей Максли от привычной спячки. Большинство из нас составляли холостяки, или старые девы, или пожилые люди, не слишком склонные к гостеприимству, и до появления миссис Эмворт апогеем веселья в наших краях были чаепития с последующим бриджем и возвращением в галошах (если случался ненастный день) домой, где каждого ожидал его ужин на одну персону. Но миссис Эмворт открыла нам более общительный образ жизни, введя в моду совместные ланчи и легкие

обеды. В иные вечера, когда подобных приглашений не ожидалось, одинокому мужчине вроде меня было приятно знать, что, позвонив миссис Эмворт (чей дом находился менее чем в сотне ярдов от моего) и осведомившись, можно ли заглянуть после ужина на партию пикета перед сном, он, весьма вероятно, услышит утвердительный ответ. Она встречала гостя с живой и дружеской приязнью, и затем следовали стакан портвейна, чашка кофе, сигарета и игра в пикет, игра на фортепьяно и прелестное пение хозяйки дома. Когда дни стали длиннее, местом нашей игры сделался сад, который миссис Эмворт за несколько месяцев превратила из рассадника слизняков и улиток в живописный уголок, полный цветущих растений.

Она всегда была весела и жизнерадостна, знала толк в музицировании, садоводстве и всевозможных играх. Она всем нравилась, общение с нею для каждого из нас было подобно свету солнечного дня. Единственным исключением из этого правила оказался Фрэнсис Эркомб; по его собственному признанию, он недолюбливал ее и вместе с тем испытывал к ней необычайный интерес. Я находил это странным, ибо, зная, как мила и приятна в общении миссис Эмворт, не видел в ней ничего, что могло бы вызвать нелестные для нее подозрения, — настолько открытой и ясной личностью представала она перед нами. Но заинтересованность Эркомба была неподдельной — он непрестанно наблюдал изучающим взглядом за нашей новой соседкой. О своем возрасте она без обиняков заявила, что ей сорок пять; но, видя ее живость, ее энергию, ее гладкую кожу и черные как смоль волосы, трудно было удержаться от подозрения, что она набавила себе десять лет, вместо того чтобы, как это обычно бывает, десяток убавить.

Когда наша вполне невинная дружба окрепла, миссис Эмворт нередко стала звонить мне и просить разрешения зайти. Если я в этот вечер работал, то, как между нами было условлено, следовал прямой отказ, и я слышал в ответ ее веселый смех и пожелания успеха в моих литературных занятиях. Бывало, приход Эркомба, желавшего покурить и поболтать со мной, опережал ее предполагаемый визит, и в таких случаях он, едва услышав имя миссис Эмворт, всегда настаивал на том, чтобы она присоединилась к нашей компании. «Вы засядете за свой пикет, — говорил он, — а я, если не возражаете, буду наблюдать за вами и учиться игре». Но я сомневаюсь, что он уделял много внимания пикету: было совершенно очевидно, что его взгляд исподлобья устремлен не на карты, а на одного из играющих. Казалось, он может просидеть так битый час, и нередко его глаза и нахмуренные густые брови говорили о том, что он обдумывает какую-то серьезную проблему. Увлеченная игрой миссис Эмворт, похоже,

не замечала его испытующего взгляда. Так было до одного июльского вечера, когда (насколько я могу судить теперь, зная, что случилось в дальнейшем) впервые робко шевельнулась завеса, скрывавшая от меня ужасную тайну. В то время я, конечно, этого не понимал, однако от моего внимания не ускользнуло, что с тех пор миссис Эмворт, звоня мне по поводу своего очередного визита, стала интересоваться не только тем, занят я или нет, но и тем, ожидаю ли я этим вечером Фрэнсиса Эркомба. Если я отвечал утвердительно, она говорила, что не хочет мешать беседе двух закоренелых холостяков, и, смеясь, желала мне доброй ночи.

В тот знаменательный вечер Эркомб появился у меня за полчаса до прихода миссис Эмворт и завел разговор о средневековых поверьях, связанных с вампиризмом — одним из тех пограничных феноменов, которые, как он утверждал, были без должного изучения выброшены медиками на свалку дремучих предрассудков. Так он сидел, мрачный и взволнованный, с прозрачной ясностью (делавшей его столь замечательным лектором в его кембриджские годы) прослеживая историю этого таинственного явления. Все известные случаи такого рода походили друг на друга: некий отвратительный дух вселялся в живого человека, сообщая ему сверхъестественную способность парить в воздухе подобно летучей мыши и удовлетворяя свою жажду ночными кровавыми пиршествами. Когда человек умирал, упомянутый дух продолжал обитать в его теле, не подвергавшемся разложению. Недвижимый в дневное время, по ночам этот живой мертвец покидал могилу и вновь отправлялся на свой ужасающий промысел. Кажется, ни одна страна средневековой Европы не избежала этого бедствия; а в более ранние эпохи аналогичные случаи знала римская, греческая и иудейская история.

— Подобные факты принято игнорировать как очевидный вздор, — продолжал Эркомб, — несмотря на то что сотни независимых друг от друга свидетелей, живших в разные столетия, подтверждают существование этого феномена и, насколько мне известно, исчерпывающего объяснения ему до сих пор не найдено. Если ты спросишь меня, почему, раз все это правда, мы не сталкиваемся с такими фактами в наше время, я отвечу тебе вот что. Во-первых, хорошо известны некоторые эпидемические заболевания вроде «черной смерти», [7]которые имели власть над людьми в Средние века, а впоследствии исчезли, — что отнюдь не дает оснований утверждать, будто таких заболеваний не существовало вовсе. Мы знаем, что «черная смерть» посещала Англию и выкосила население Норфолка, но столь же несомненно, что в этих самых краях лет триста назад наблюдалась вспышка вампиризма и пик ее пришелся на Максли. Второй и куда более

весомый довод состоит в том, что вампиризм никуда не исчезал — год или два назад его проявления были замечены в Индии.

В это мгновение миссис Эмворт возвестила снаружи о своем прибытии стуком дверного молоточка — как всегда, энергичным и требовательным. Я не мешкая впустил ее в дом.

— Входите скорее, — произнес я, — и спасите меня. Мистер Эркомб пытается меня запугать: от его рассказов кровь стынет в жилах.

Она вплыла в комнату и, казалось, мгновенно наполнила ее своим живым и шумным присутствием.

— Ах, как интригующе это звучит! Мне нравится, когда у меня кровь стынет в жилах. Продолжайте свою историю о призраках, мистер Эркомб. Я обожаю истории о призраках.

Эркомб по своему обыкновению устремил на нее пристальный взгляд.

— Я говорил не о призраках, — ответил он. — Я рассказывал нашему гостеприимному хозяину, что такое явление, как вампиризм, продолжает существовать и сегодня. Одна вспышка имела место в Индии всего несколько лет назад.

Последовала выразительная пауза, в продолжение которой миссис Эмворт неотрывно, раскрыв рот, смотрела на Эркомба Затем напряженную тишину, повисшую в комнате, разорвал ее веселый смех.

— О, как вам не стыдно! — воскликнула она. — Вы, стало быть, не собираетесь пугать меня вовсе. Где вы откопали эту историю, мистер Эркомб? Я долго жила в Индии и никогда не слышала подобных слухов. Должно быть, это выдумка какого-то базарного сплетника, которыми славятся те края.

Я видел, что Эркомб был готов продолжить, но он все же сдержался и произнес только:

— О, весьма вероятно, что так оно и есть.

Но на весь остаток вечера наше обычное мирное общение было непоправимо расстроено, а миссис Эмворт утратила свойственную ей веселость. Она не выказала никакого азарта, играя в пикет, и покинула нас после двух партий. Эркомб упорно молчал до самого ее ухода.

— К несчастью, — произнес он наконец, — недавняя вспышка… скажем так, таинственного заболевания имела место в Пешаваре, как раз там, где проживали ваша гостья и ее супруг. И…

— Что? — нетерпеливо спросил я.

— Он стал одной из жертв болезни. Упоминая про Индию, я совершенно упустил из виду это обстоятельство.

Лето выдалось невообразимо знойным и жарким, и Максли страдал от

засухи и нашествия крупных черных комаров, укусы которых вызывали неимоверный зуд. Насекомые налетали на закате дня и садились на кожу так мягко, что человек ничего не чувствовал до тех пор, пока внезапная острая боль не подсказывала ему, что он укушен. Они атаковали не руки и не лицо, а всегда выбирали шею, и, когда яд всасывался в кровь, у большинства пострадавших временно вырастал зоб. Где-то в середине августа стало известно о первом случае загадочного заболевания, которое наш местный доктор счел следствием продолжительной жары и укусов ядовитых насекомых. Недугом оказался охвачен подросток шестнадцати-семнадцати лет, сын садовника миссис Эмворт; его анемичная бледность и изнеможение усугублялись сонливостью и расстройством аппетита. На его горле доктор Росс обнаружил две маленькие ранки, которые, как он предположил, были следом комариного укуса; однако, как ни странно, вокруг этих ранок не наблюдалось опухоли или воспаления. Жара тем временем начала понемногу спадать, но и прохладная погода не могла улучшить состояния мальчика, который, несмотря на усиленное кормление, превращался в обтянутый кожей скелет.

В один из тех дней я повстречал доктора Росса на улице и поинтересовался здоровьем его пациента; в ответ он выразил опасение, что мальчик умирает, и признался, что данный случай для него — совершеннейшая загадка. Некая странная форма злокачественной анемии — вот и все, что он мог сказать. Но он также спросил, не согласится ли мистер Эркомб осмотреть мальчика и, возможно, пролить на этот случай какой-то новый свет; и поскольку в тот вечер мне предстоял ужин с Эркомбом, я предложил доктору Россу присоединиться к нам. Он сказал, что не сможет, но постарается заглянуть позднее. Когда он пришел, Эркомб сразу изъявил согласие помочь, чем сумеет, и они вместе удалились. Лишившись таким образом компании на этот вечер, я позвонил миссис Эмворт и осведомился, нельзя ли мне заглянуть к ней на часок. Испрашиваемое приглашение было получено, и между пикетом и музицированием упомянутый час превратился в два. Она завела речь о мальчике, находившемся во власти столь загадочной и безнадежной болезни, и сказала, что часто навещает его и носит ему всевозможные деликатесы. Но ее терзало опасение — и добрые глаза миссис Эмворт наполнились слезами, когда она это говорила, — что сегодня она видела мальчика в последний раз. Зная об антипатии, существовавшей между ней и Эркомбом, я не сказал ей, что профессора пригласили для консультации. Когда я отправился домой, она проводила меня до моей двери, желая пройтись по холодку перед сном и заодно взять журнал, где была

напечатана заинтересовавшая ее статья о садоводстве.

— Ах, как восхитительна эта прохлада! — воскликнула она, с наслаждением вдыхая вечерний воздух. — Ночная прохлада и цветущий сад — вот два источника, которые придают жизни вкус. Ничто не вдохновляет и не волнует нас так, как ничем не стесненное общение с нашей щедрой матерью-землей. И ничто не вызывает в нас такого ощущения свежести, как перепачканные черноземом руки и ногти и заляпанные естественной грязью башмаки. — Миссис Эмворт издала привычный веселый смешок. — Я обожаю обе эти стихии — воздух и землю, — продолжала она. — Воистину, я с нетерпением жду смерти, ибо тогда меня захоронят и нежная, мягкая земля будет окружать меня со всех сторон. Не должно быть никаких свинцовых гробов — я дала четкие распоряжения на этот счет. Но как быть с воздухом? Впрочем, полагаю, нельзя иметь все. А-а, журнал? Тысяча благодарностей, я непременно верну вам его. Доброй ночи, возделывайте сад и оставляйте на ночь окна открытыми — и у вас никогда не будет малокровия.

— Я всегда сплю с открытыми окнами, — ответил я.

Вернувшись домой, я направился прямиком в спальню, одно из окон которой выходило на улицу; когда я уже разделся, мне показалось, что снаружи неподалеку от дома раздаются чьи-то голоса. Но я не стал прислушиваться, погасил свет и, быстро заснув, погрузился в пучину ужасающего кошмара, который, без сомнения, был искаженным отголоском последних реплик из моего разговора с миссис Эмворт. Мне снилось, что я проснулся и нашел оба окна спальни закрытыми. Нестерпимая духота побудила меня соскочить с кровати и пересечь комнату, чтобы открыть их. Штора на ближайшем окне была опущена, и, подняв ее, я похолодел, с неописуемым ужасом увидев перед собой лицо миссис Эмворт, зависшее по ту сторону оконного стекла, кивавшее и улыбавшееся мне из ночной темноты. Защищаясь от страшного зрелища, я опустил штору и метнулся ко второму окну, расположенному в другой стене, но и сквозь него на меня глядело лицо миссис Эмворт. Панический ужас взял надо мной полную власть: я задыхался в душной комнате, и, какое бы окно я ни открывал, лицо миссис Эмворт парило перед ним точно беззвучный черный комар, от чьего укуса невозможно уберечься. Кошмар разрешился сдавленным криком, издав который я проснулся и обнаружил, что в спальне моей прохладно и тихо, оба окна открыты, шторы на них подняты и ущербная луна с высоты своего небесного хода отбрасывает на пол прямоугольник мягкого света. Но и пробудившись, я беспокойно метался по постели, все еще пребывая в плену недавнего ужаса.

Должно быть, я проспал довольно долго, прежде чем меня обуял кошмар, так как вскоре забрезжил рассвет и на востоке начали приподниматься сонные веки утра.

Утром, едва я успел спуститься (когда занялась заря, я все же заснул во второй раз и встал позже обычного), мне позвонил Эркомб и спросил, можем ли мы встретиться немедля. Он пришел мрачный и озабоченный, и я заметил, что он пытается затянуться трубкой, в которой нет табака.

— Мне нужна ваша помощь, — сказал он, — но первым делом я должен рассказать о том, что произошло этой ночью. Вчера я отправился с доктором взглянуть на его пациента и застал мальчика еле живым. Я сразу понял, чем вызвана эта анемия. Ей может быть только одно объяснение: мальчик стал жертвой вампира.

Эркомб положил пустую трубку на столик для завтраков, за которым я сидел, и скрестил руки на груди, пристально глядя на меня из под густых бровей.

— Теперь о том, что случилось ночью, — продолжал он. — Я настоял, чтобы мальчика перенесли из отцовского жилища в мой дом. Когда мы уложили его на носилки и отправились ко мне, кого, как вы думаете, мы встретили по дороге? Миссис Эмворт. Она выразила свое крайнее недоумение по поводу наших действий. Почему, как вы думаете?

Я вспомнил сон, пригрезившийся мне в эту ночь, и в мою охваченную ужасом душу закралось подозрение столь абсурдное и невероятное, что я незамедлительно отбросил его и произнес:

— Не имею ни малейшего представления.

— Тогда слушайте, что произошло дальше. Я погасил весь свет в комнате, куда поместили мальчика, и принялся ждать. Из-за моего недосмотра одно окно осталось слегка приоткрытым, и около полуночи я услышал снаружи какой-то звук — кто-то явно пытался отворить окно пошире. Теряясь в догадках насчет того, кто это может быть (окно, замечу, расположено на высоте добрых двадцати футов), я заглянул за край шторы. Прямо перед собой я увидел лицо миссис Эмворт и ее руку, лежавшую на оконной раме. Я очень тихо подкрался поближе и с шумом захлопнул окно, подозреваю, прищемив при этом кончик ее пальца.

— Но это невозможно! — вскричал я. — Как она могла парить в воздухе подобным образом? И зачем ей там появляться? Не рассказывайте мне сказки…

Кошмар минувшей ночи вновь всплыл в моей памяти, еще теснее сжав меня в своих объятиях.

— Я лишь рассказываю о том, что видел, — сказал Эркомб. — Всю

ночь, до самого рассвета, она порхала за окном подобно ужасной летучей мыши, пытаясь проникнуть внутрь. А теперь давайте сопоставим то, что нам известно. — Он принялся загибать пальцы. — Первое: в Пешаваре произошла вспышка заболевания, сходного с тем, от которого страдает этот мальчик, и ставшего причиной смерти мистера Эмворта. Второе: миссис Эмворт противилась перенесению мальчика в мой дом. Третье: она или демон, вселившийся в ее тело, могущественное и смертоносное создание, пытается проникнуть туда, где находится больной. И вот еще одно обстоятельство: в Средние века Максли затронула эпидемия вампиризма. Согласно сохранившимся отчетам, вампиром оказалась Элизабет Честон… Полагаю, вы помните девичью фамилию миссис Эмворт. И наконец, этим утром состояние мальчика немного улучшилось; без сомнения, он не выжил бы, если бы его в эту ночь вновь посетил вампир. Так какой из всего этого следует вывод?

Последовала долгая пауза, во время которой я постепенно осознавал, что все происходящее, несмотря на его невообразимый ужас, реально.

— Я могу кое-что добавить, — ответил я, — что, возможно, имеет, а возможно, и не имеет отношения к делу. Вы говорите, что этот… этот призрак исчез незадолго до рассвета?

— Да.

Я рассказал об увиденном во сне, и Эркомб мрачно улыбнулся.

— Что ж, хорошо, что вы проснулись, — произнес он. — Это было предупреждение, пришедшее из глубин вашего подсознания, которое бдительно оповестило о грозящей вам смертельной опасности. Вы должны помочь мне, дабы не только спасти других, но и уберечься самому.

— И чего же вы от меня ждете?

— Прежде всего я хочу, чтобы вы помогли мне присматривать за этим мальчиком, исключив всякую возможность ее проникновения в дом. Главная же наша задача — выследить это существо, разоблачить и уничтожить. Это не человек, а принявший человеческое обличье демон. Как именно следует действовать и что предпринять, я пока не знаю.

До полудня оставался час. Мы направились к Эркомбу домой, где я двенадцать часов провел у постели больного, пока профессор отсыпался, чтобы ночью опять заступить на дежурство. Таким образом, на протяжении этих суток один из нас неотлучно присутствовал в комнате, где находился мальчик, чей вид, что ни час давал все больше надежд на его выздоровление. Наступило утро субботы, ясное и чистое, и, когда я подходил к дому Эркомба, чтобы вновь приступить к своим обязанностям, улицу уже начали заполнять машины, направлявшиеся в Брайтон. Я

одновременно увидел Эркомба, вышедшего мне навстречу с веселым лицом, что предвещало хорошие новости о пациенте, и миссис Эмворт, которая подходила к широкому газону возле дороги с корзинкой в одной руке и приветственно махала мне другой. Поравнявшись с обоими, я заметил (и Эркомб заметил тоже), что один из пальцев левой руки миссис Эмворт забинтован.

— Доброе утро, джентльмены, — сказала она. — Я слышала, что вашему пациенту стало лучше, мистер Эркомб. Я принесла ему желе и хочу посидеть часок возле него. Мы с этим мальчиком большие друзья, и я очень рада его выздоровлению.

Эркомб мгновение помедлил, как будто размышляя над ее словами, и затем выставил вперед указательный палец.

— Я запрещаю вам приближаться к нему и даже видеть его, — произнес он. — И вам не хуже меня известно почему.

Никогда еще я не видел, чтобы человеческое лицо претерпевало столь ужасающую метаморфозу, какая произошла в этот момент с лицом миссис Эмворт — оно сделалось пепельно-серым. Она вскинула руки, словно защищаясь от жеста Эркомба, пальцем начертившего в воздухе крест, и, сжавшись, отступила на дорогу.

Раздался неистовый гудок, завизжали тормоза, из мчавшейся по улице машины донесся возглас — увы, запоздалый! — и долгий пронзительный крик резко оборвался. По телу миссис Эмворт проехались колеса, оно откатилось на газон и осталось лежать там, судорожно вздрагивая, а потом замерло.

Ее похоронили спустя три дня на кладбище за пределами Максли, в точном соответствии с теми распоряжениями, о которых она упоминала в нашем недавнем разговоре. Всеобщее потрясение, вызванное ее внезапной и ужасной смертью, мало-помалу начало проходить. Лишь мы с Эркомбом воспринимали кончину миссис Эмворт более сдержанно, зная, что это освободило всех нас от огромной опасности; но, разумеется, мы ни единым словом не обмолвились о страшных последствиях, которых удалось избежать нашему селению. Однако меня удивляло, что Эркомб, похоже, не был удовлетворен исходом дела; мои вопросы об этом оставались без ответа. Затем, по мере того как убывали, словно пожелтевшие листья с деревьев, мягкие безмятежные осенние дни, его тревога понемногу улеглась. Но незадолго до наступления ноября кажущееся спокойствие было нарушено в одночасье.

Как-то вечером я возвращался домой после ужина на другом конце селения. Луна светила необычайно ярко, превращая окрестности в подобие

офорта. Я как раз проходил рядом с домом, который прежде занимала миссис Эмворт и который теперь, как гласила вывеска, сдавался в аренду, и вдруг услышал, как стукнула калитка. В следующее мгновение я, весь дрожа и похолодев, увидел хозяйку дома. Ошибиться было невозможно — я отчетливо различил ее ярко освещенный профиль. Меня она, похоже, не заметила (впрочем, я был укрыт густой тенью от тисов, росших перед ее садом) и, быстро перейдя через дорогу, исчезла во дворе дома напротив.

Я часто задышал, как после быстрого бега, — и теперь я и вправду бежал, то и дело в страхе оборачиваясь, и так преодолел сотню ярдов, которая отделяла меня от собственного дома и дома Эркомба. Ноги сами привели меня на его порог, и миг спустя я оказался внутри.

— Что произошло? — спросил он. — Позвольте, я угадаю.

— Не угадаете, — ответил я.

— А я и не стану гадать. Она вернулась, и вы ее видели. Расскажите мне все.

Я не мешкая посвятил его в детали случившегося со мной в этот вечер.

— Это дом майора Пирсолла, — уточнил он. — Нам нужно вернуться туда немедленно.

— Но что мы станем делать?

— Понятия не имею. Это зависит от того, что мы там обнаружим.

Минутой позже мы стояли возле дома майора. Теперь здание не было погружено в темноту — из двух окон наверху струился свет. Пока мы рассматривали его, входная дверь открылась и через мгновение у калитки показался майор Пирсолл. Увидев нас, он остановился.

— Я иду к доктору Россу, — торопливо произнес он. — Моя жена внезапно захворала. Я поднялся в спальню спустя час после того, как она легла, и нашел ее бледной как призрак и в крайнем изнеможении. Кажется, она уснула, но прошу простить меня, я очень спешу.

— Минутку, майор, — сказал Эркомб. — Нет ли у нее на горле каких-то следов?

— Как вы догадались? — удивился Пирсолл. — Следы и в самом деле есть: должно быть, один из этих мерзких комаров дважды укусил ее. Я заметил даже кровоподтек на шее.

— Возле нее сейчас кто-нибудь есть?

— Да, я отправил к ней горничную.

Он ушел, а Эркомб повернулся ко мне.

— Теперь я знаю, что нам следует делать, — сказал он. — Встретимся у вас дома. Смените одежду.

— Что вы задумали? — спросил я.

— Расскажу по дороге. Мы отправляемся на кладбище.

Когда мы встретились, я увидел, что он принес с собой кирку, лопату и отвертку, а на плече у него висел длинный моток веревки. Мы тронулись в путь, и Эркомб в общих чертах описал тот страшный час, который ожидал нас впереди.

— То, что я скажу, — начал он, — возможно, покажется вам сейчас слишком фантастичным, чтобы в это можно было поверить, но еще до рассвета мы узнаем, так ли это далеко от реальности. В лучшем случае вы видели привидение или астральное тело миссис Эмворт — называйте как хотите, — которое направлялось на свой ужасный промысел; следовательно, не приходится сомневаться, что вампирская сущность, которая овладела ею при жизни, оживила ее и после смерти. В этом нет ничего невозможного — по правде говоря, я ожидал подобного все те недели, что прошли со дня ее кончины. Если я прав, мы найдем ее труп ничуть не тронутым тлением.

— Но она умерла почти два месяца назад, — усомнился я.

— Даже если бы она умерла два года назад, ее тело осталось бы невредимым, раз им завладел вампир. Итак, помните: что бы над нею ни совершилось, это будет совершено не над той, чей прах при естественном ходе вещей питал бы ныне траву над могилой, а над злым духом, дающим призрачную жизнь ее мертвому телу.

— Но что вы собираетесь совершить? — спросил я.

— Я скажу вам. Мы знаем, что сейчас вампир покинул свою смертную оболочку, чтобы вновь утолить голод. Но до зари он должен вернуться — вернуться в бренную плоть, лежащую в могиле. Мы дождемся этого момента и тогда выкопаем тело. Если я прав, покойница будет выглядеть как живая, в ее жилах будет пульсировать свежая кровь, добытая в результате омерзительного пиршества. А затем, когда наступит рассвет и вампир не сможет покинуть свое телесное убежище, я проткну ей сердце вот этим (он указал на кирку), и тогда та, что возвращается к жизни благодаря усилиям демона, обретет подлинный конец, равно как и ее адский вдохновитель. После этого мы вновь похороним ее, освободившуюся от проклятия.

Мы пришли на кладбище и в ярком свете луны без труда отыскали нужную могилу. Она находилась ярдах в двадцати от небольшой часовни, в тени портика которой мы и укрылись. Могила оттуда была видна как на ладони, и нам оставалось только дождаться, когда адский гость воротится домой. Стояла теплая, безветренная погода, но, даже если бы задул резкий холодный ветер, полагаю, я ничего бы не почувствовал — так сильно меня

занимало то, что должны были принести с собой ночь и рассвет. Колокол на башне часовни отсчитывал одну четверть часа за другой, и меня поразило, как часто раздаются его удары.

Луна была еще высоко, но звезды уже начали бледнеть в предрассветном небе, когда пробило пять утра. Спустя несколько минут я почувствовал, как Эркомб легко толкнул меня локтем, и, взглянув туда, куда он указывал, увидел высокую, крепко сложенную женскую фигуру, которая приближалась справа. Двигаясь бесшумно, не ступая, а словно скользя над землей, она наконец оказалась возле могилы, находившейся прямо перед нами, обошла вокруг, точно желала убедиться, что достигла нужного места, и на миг обратила лицо в нашу сторону. Сквозь сумрак, к которому понемногу привыкли мои глаза, я мог отчетливо различить ее черты.

Она поднесла руку ко рту, словно вытирая губы, и вдруг разразилась тихим смехом, от которого у меня зашевелились волосы на голове. Потом она прыгнула на могилу и, вскинув руки, дюйм за дюймом стала исчезать под землей. Эркомб отпустил мою руку, которую прежде требовательно сжимал, призывая хранить молчание.

— Идемте, — произнес он.

Подхватив кирку, лопату и веревку, мы двинулись к могиле. Почва была сухой и песчаной; копнув полдюжины раз, мы добрались до крышки гроба. Эркомб разрыл киркой землю, и затем, пропустив через ручки гроба веревку, мы попытались его поднять, что потребовало немало времени и усилий: когда дело было сделано, солнце, осветив край могилы, уже возвестило о наступлении утра. С помощью отвертки профессор освободил крепления крышки, сдвинул ее в сторону, и мы оба взглянули на лицо миссис Эмворт. Ее глаза, некогда сомкнутые смертью, были открыты, на щеках играл румянец, алые, полнокровные губы, казалось, улыбались.

— Один удар, и все будет кончено, — сказал Эркомб. — Вам не стоит смотреть.

Говоря это, он подобрал кирку и, приложив ее конец к левой груди покойницы, примерился. И хотя я знал, что за этим последует, я не нашел в себе сил отвернуться…

Он сжал кирку обеими руками, приподнял ее на несколько дюймов, чтобы точнее прицелиться, и со всей силы опустил на грудь трупа. Из тела, которое давно покинула жизнь, хлынул фонтан крови, в следующее мгновение с глухим всплеском ударивший в погребальный саван; одновременно с алых губ сорвался истошный, пронзительный крик, подобный вою сирены, и затем замер. И вдруг так же мгновенно, как вспыхивает свет, ее лицо непоправимо, гибельно исказилось, округлые

румяные щеки сморщились и сделались пепельно-серыми, рот провалился.

— Слава богу, все кончено, — выдохнул Эркомб и, не медля ни секунды, задвинул крышку гроба на прежнее место.

День стремительно занимался, и мы, как одержимые, торопливо опустили гроб в могилу и закидали его землей. Птицы огласили воздух первыми песнями, когда мы возвратились в Максли.

Бэзил Коппер

Бэзил Копперродился в 1924 году в Лондоне и длительное время работал журналистом и редактором газеты. Его первое художественное произведение увидело свет в 1938 году. Хотя на сегодняшний день он является весьма плодовитым автором фантастической и «страшной» беллетристики, первая публикация Коппера в этом жанре состоялась только в 1964 году, когда его рассказ «Паук» появился на страницах антологии «Панорама ужасов-5».

Перу Коппера принадлежит огромное количество детективных произведений, в том числе восемь сборников рассказов и один роман о Соларе Понсе, похожем на Шерлока Холмса сыщике, придуманном некогда Августом Дерлетом, а также более полусотни романов о Майке Фарадее, частном детективе из Лос-Анджелеса, которые писатель сочинял по два и более ежегодно с 1966-го по 1988 год. В романах этого цикла присутствуют некоторые недостатки, естественные для автора, никогда не бывавшего в США.

Наибольших успехов Коппер достиг в литературе ужасов — благодаря, в частности, сборникам рассказов «Еще не в сумерках» (1967), «У изголовья зла» (1973), «Явление демонов» (1978) и романам «Проклятие насмешников» (1976) и «Некрополь» (1977). По сюжетам многих его рассказов сделаны теле- и радиоинсценировки. Он также написал высоко оцененный телесценарий по мотивам классического рассказа М. Р. Джеймса «Граф Магнус». Кроме того, Коппер — автор двух серьезных исследований: «Вампиры — в легендах, фактах и искусстве» (1973) и «Оборотни — в легендах, фактах и искусстве» (1977).

Рассказ «Доктор Портос» был впервые опубликован в антологии «Они появляются в полночь» под редакцией Питера Хэйнинга (Лондон: Лесли Фрюин, 1968).

Доктор Портос (© Перевод К. Тверьянович.)

I

Нервное истощение, так сказал врач. А ведь Анджелина никогда в жизни не болела. Нервное истощение, видите ли!.. Нет, тут что-то

посерьезнее. Возможно, стоило бы даже обратиться к специалисту. Но мы забрались в такую глушь, и местные жители так лестно отзываются о докторе Портосе. И зачем только мы вообще переехали в этот дом? Прежде Анджелина чувствовала себя превосходно. Невозможно представить, что моя жена могла так измениться всего лишь за пару месяцев.

В городе она была весела, жизнь в ней так и кипела; теперь же, глядя на нее, я с трудом сдерживаю волнение. Бледные впалые щеки, тусклые усталые глаза — ей всего двадцать пять, а красота ее уже увяла. Быть может, все дело в этом доме, в его обстановке, в воздухе, которым мы дышим? Да нет, едва ли это возможно. Иначе почему все старания доктора Портоса ни к чему не приводят?

Перемен к лучшему пока не заметно, несмотря на все его искусство. Если бы не завещание моего дяди, мы ни за что сюда не приехали бы.

Пусть друзья говорят, что я скряга, пусть люди думают, что им угодно, но правда в другом: мне просто нужны были деньги. Я и сам не слишком крепок здоровьем, а работа в семейной фирме (нашей семье принадлежит весьма уважаемая бухгалтерская контора) убедила меня в том, что образ жизни надо менять. Но я не мог позволить себе оставить службу, как вдруг благодаря дядиному завещанию, условия которого изложил мне наш семейный адвокат, решение пришло само собой.

Ежегодная рента — прямо сказать, весьма значительная рента, — но при условии, что я вместе с супругой проживу в доме этого почтенного джентльмена не менее пяти лет, начиная с того дня, как завещание вступит в силу. Я долго колебался: мы с женой оба любим город, а поместье дяди расположено в глуши, где люди живут просто и скучно. Как я понял со слов адвоката, в дядином доме не было даже газового освещения. Летом это не так важно, но вот долгие зимние месяцы будет невесело коротать при мерцающем свете свечей и тусклом блеске масляных ламп, едва оживляющих сумрак этого старинного уединенного жилища.

Мы с Анджелиной все обсудили, и вот, как-то на выходных, я поехал осмотреть поместье. Еще из города я отправил телеграмму, чтобы известить управляющего о своем приезде, и после долгой поездки в промерзшем поезде, занявшей большую часть дня, я прибыл на станцию, где меня ждал запряженный экипаж. Следующий этап моего странствия занял часа четыре. Когда я наконец понял, в какую даль и глушь мой дядюшка забрался, чтобы обрести себе достойное жилище, меня охватило смятение.

Ночь была темна, но луна порою сбрасывала свою облачную вуаль, высвечивая призрачные очертания валунов, холмов и деревьев. Экипаж

качался и подпрыгивал на разбитой дороге, которую прорезали глубокие колеи, продавленные за многие месяцы колесами тех повозок, что изредка здесь проезжали. Перед моим отъездом адвокат телеграфировал своему старинному приятелю, доктору Портосу, любезности которого я теперь был обязан всеми удобствами своего путешествия. Доктор обещал, что встретит меня в деревне неподалеку от поместья.

И в самом деле, как только наша повозка со скрипом вкатилась в ворота деревянного постоялого двора, доктор тут же выступил нам навстречу из тени огромного балкона. Он оказался худощавым высоким мужчиной; пенсне с квадратными стеклами плотно сидело на его тонком носу; на нем был широкий плащ, какие носят конюхи, а зеленый цилиндр, щеголевато сдвинутый набок, придавал ему вид несколько залихватский. Он шумно приветствовал меня, и все же было в этом человеке что-то отталкивающее.

Я не смог бы сказать, что именно мне не понравилось. Как-то не так он держал себя, да и рука его была такой холодной и по-рыбьи влажной, что от рукопожатия меня передернуло. Кроме того, его взгляды поверх очков приводили меня в замешательство — взгляды туманно-серых глаз, словно приковывающие к месту и пронзающие насквозь. К своему великому разочарованию, я выяснил, что путь мой еще не окончен. Доктор объявил мне, что до поместья еще нужно доехать, так что ночь придется провести на постоялом дворе. Однако раздражение, которое вызвала во мне эта новость, вскоре улетучилось возле пылающего очага, за хорошей едой, которой доктор меня усиленно потчевал. Проезжающих в это время года обычно немного, и в просторной столовой, обшитой дубом, мы обедали вдвоем.

Несмотря на то что я не видел моего почтенного родственника уже много лет, мне все же хотелось знать, что это был за человек. Доктор Портос состоял при нем личным врачом, и я воспользовался случаем, чтобы его порасспросить.

— Барон был большим человеком в наших краях, — сообщил мне Портос.

Это было сказано столь добродушно, что я осмелился задать вопрос, ответ на который мне хотелось услышать больше всего.

— От чего умер мой дядя? — спросил я.

Бокал доктора время от времени вспыхивал отблесками огня, подобно мерцающему рубину, и вдруг озарял его лицо янтарным светом.

— Малокровие, — спокойно ответил Портос. — Кстати сказать, этот роковой недуг — проклятие всех его предков по отцовской линии.

Эти слова заставили меня задуматься. Возникал новый вопрос:

— Как вы думаете, почему он назначил наследником именно меня?

Доктор Портос ответил мне ясно и напрямик, без малейших колебаний.

— Вы принадлежите к другой ветви рода, — объяснил он. — Свежая кровь, знаете ли. Для барона это имело чрезвычайное значение. Он хотел, чтобы его древний род не прерывался. — Тут Портос резко встал, предупредив тем самым мои дальнейшие расспросы. — Именно так сказал сам барон, лежа на смертном одре. А теперь надо отдохнуть: завтра нам предстоит проделать значительный путь.

II

Мои теперешние несчастья заставили меня вспомнить слова доктора Портоса: «Кровь, свежая кровь…» Может ли это иметь какое-то отношение к мрачным преданиям, которые местные жители рассказывают о дядином доме? В таких условиях просто не знаешь, о чем и думать. Осмотр дома, проведенный мною вместе с доктором Портосом, оправдал мои худшие опасения: покосившиеся двери и оконные переплеты, осыпающиеся карнизы, стенная обшивка изъедена червями. Всей прислуги — одна супружеская пара, оба средних лет: именно они присматривали за домом с тех пор, как умер барон. Местные жители, по словам Портоса, — народ угрюмый и недружелюбный. В самом деле, когда наша повозка прогромыхала мимо небольшой деревушки, находящейся примерно в миле от дядиного дома, все двери и окна в ней были плотно закрыты, и мы не встретили ни одной живой души. Издалека дом пленяет какой-то готической красотой. Он не очень стар: большая его часть была заново отстроена на руинах огромного древнего здания, погибшего в огне. По прихоти владельца, при котором проводилась реставрация, — не знаю, был ли то мой дядя или кто-нибудь из его предшественников, — дом украсился всевозможными башенками, подъемным мостом с зубчатыми наблюдательными вышками и был окружен рвом. Когда мы вышли из особняка, чтобы осмотреть поместье, эхо наших шагов скорбно стенало, разносясь по всему этому великолепию.

Внезапно я увидел мраморные статуи и изъеденные временем обелиски, покосившиеся и словно сбившиеся в кучу. Казалось, это мертвецы, не нашедшие покоя, вырвались из-под земли и перелезли через древнюю, мхом поросшую стену, преграждающую вход во внутренний

двор.

Доктор Портос язвительно усмехнулся.

— Старое семейное кладбище, — пояснил он. — Здесь покоится и ваш дядюшка. Он сказал мне, что хотел бы лежать возле своего дома.

III

Ну что ж, дело сделано. Не прошло и двух месяцев с моего первого визита, как мы уже переехали, и тут-то произошла та глубокая и печальная перемена, о которой я сообщил выше. Не только сама атмосфера дома — а ведь казалось, что даже камни здесь злобно перешептываются, — но и его окрестности, темные, словно застывшие деревья, все, вплоть до мебели, будто дышало враждой к привычной нам жизни — к той жизни, которая по-прежнему остается уделом счастливчиков, населяющих города.

В сумерки изо рва поднимается ядовитый туман, и у меня возникает такое чувство, будто между нами и внешним миром вырастает еще одна стена. Присутствие горничной, которую Анджелина привезла с собой из города, и слуги, которого мой отец нанял еще до моего рождения, не в состоянии развеять мрачные чары этого места. Кажется, даже упрямый здравый смысл этих людей начинает слабеть под воздействием ядовитых миазмов, сочащихся из каменных пор дома. В последнее время это стало особенно заметно, и я теперь даже рад ежедневным визитам доктора Портоса, хотя и подозреваю в нем причину всех наших бед.

А начались они неделю спустя после нашего приезда. Тем утром Анджелина, спавшая подле меня на супружеском ложе, не проснулась в обычное время. Я тихонько потряс ее, чтобы разбудить, и мои крики, должно быть, услышала горничная. Потом я, видимо, лишился чувств, и когда пришел в себя, уже наступило утро. Постель была залита кровью; простыни и подушки у изголовья моей дорогой жены покрывали кровавые пятна. В пытливом взгляде Портоса блеснула сталь: таким я его еще не видел. Он дал Анджелине какое-то сильное снадобье, а потом обратился ко мне.

— Я не знаю, кто напал на вашу жену, — сказал он, — но зубы у этой твари острее, чем у собаки.

На шее у Анджелины он обнаружил две крошечные ранки, вполне, впрочем, соотносимые с количеством потерянной крови. А крови было столько, что даже мои собственные руки и белье были ею измазаны. Видимо, это зрелище и заставило меня издать такой нечеловеческий крик.

Портос объявил, что этой ночью останется возле больной.

Когда некоторое время спустя я на цыпочках вошел в комнату, Анджелина все еще спала. Портос дал ей снотворного, которое посоветовал принять и мне в качестве успокоительного средства, но я отказался. Мне хотелось подежурить вместе с ним. У доктора возникла некая гипотеза насчет крыс или еще каких-то там ночных тварей, и он засел в библиотеке, изучая старые книги барона по естествознанию. Этот человек меня удивляет: ну что за тварь могла напасть на Анджелину в ее собственной спальне? Когда я ловлю загадочные взгляды Портоса, мои прежние опасения оживают и вдобавок к ним зарождаются новые.

IV

За следующие полмесяца произошло еще три нападения. Моя любимая слабеет прямо на глазах, хотя Портос съездил в ближайший городок за более сильными лекарствами и успокоительными средствами. Я испытываю все муки ада: никогда еще не переживал я таких темных времен. А Анджелина, несмотря ни на что, наотрез отказывается уезжать. Она говорит, что мы должны пройти через этот нелепый кошмар. В первую ночь нашего с Портосом дежурства мы оба заснули, а наутро обнаружили ту же картину, что и накануне. Значительная потеря крови, и повязка на шее сдвинута так, чтобы можно было добраться до ранок. Я не решаюсь даже вообразить себе ту тварь, которая способна проделать такое.

Эти события меня вымотали не на шутку, и на следующий вечер я уступил настояниям Портоса и принял снотворное. Несколько ночей подряд прошли спокойно, и Анджелина начала поправляться, но потом этот ужас снова повторился. В смятении я понял, что конца этому не будет.

Ясно, что Портосу доверять нельзя, и в то же время я не могу обвинить его перед своими домочадцами. Ведь мы отрезаны от внешнего мира, и малейшая ошибка может стать роковой.

В последний раз я почти что поймал его. Проснувшись на рассвете, я увидел Портоса: он растянулся на кровати, его длинный, темный силуэт сотрясала дрожь, а руки подбирались к горлу Анджелины. В полусне не разобрав, кто передо мной, я ударил его, и он обернулся. В полумраке комнаты глаза его светились. В руке он держал шприц, до половины наполненный кровью. Кажется, я выбил шприц из рук Портоса и раздавил каблуком.

У меня нет никаких сомнений в том, что я наконец поймал ту тварь,

которая измучила нас, но где взять доказательства? Сейчас доктор Портос по-прежнему у нас. Спать я не решаюсь и постоянно отказываюсь от зелий, которые он пытается влить в меня. Скоро ли он доведет и меня до того же плачевного состояния, до которого довел Анджелину? Может ли человек оказаться в более страшном положении?

Я сижу и наблюдаю за Портосом, который искоса бросает на меня все те же пытливые взгляды. Его бесстрастное лицо как будто говорит о том, что он может позволить себе ждать и наблюдать и что его время настанет. Моя жена, мертвенно-бледная, в те редкие часы, когда приходит в сознание, сидит и со страхом смотрит на нас обоих. И все же я не могу довериться ей, ведь она решит, что я сошел с ума. Я стараюсь привести в порядок свои мысли, несущиеся вскачь. Боюсь, что в конце концов я лишусь рассудка. Ночи так длинны. Господи, помоги мне.

V

Конечно. Перелом наступил и миновал. Я поверг безумного демона, обратившего нас в рабство. Я поймал его с поличным. Портос скорчился от боли, когда мои руки сжали его горло. Я чуть не убил его, застав за этим подлым занятием, со сверкающим шприцем в руке. На сей раз ему удалось ускользнуть, сбежать от меня — но это не надолго. На мой крик мгновенно собрались слуги, и я дал им четкие указания, как поймать его. Теперь ему от меня не скрыться. Я меряю шагами коридоры этого изъеденного червями особняка, и когда еще удастся загнать врага в угол, я его убью. Анджелина будет жить! Собственными руками я совершу целительное убийство… Но сейчас мне надо отдохнуть. Уже опять светает. Присяду в кресло у колонны, отсюда хорошо виден весь зал. Сплю.

VI

Позже. Просыпаюсь от боли и холода. Я лежу на голой *земле*.По руке стекает что-то склизкое. Открываю глаза. Провожу рукой по губам. Рука становится алой. В глазах у меня проясняется. А вот и Анджелина. Она будто очень испугана и в то же время как-то по-особому печальна и спокойна. Она держит за руку доктора Портоса.

Он же навис надо мной, и лицо его в полумраке склепа, того, что возле нашего дома, кажется демоническим. Он взмахивает деревянным

молотком, и нависшую над могилами тишину раздирают вопли. Боже милостивый, *у меня в груди кол!*

Ф. Мэрион Кроуфорд

Фрэнсис Мэрион Кроуфорд(1854–1909), американец по национальности и племянник знаменитой поэтессы Джулии Уорд Хоу, родился в Италии, в городке Баньи-ди-Лукка. Он учился в Кембридже, Гейдельберге и Риме. В возрасте двадцати пяти лет он отправился в Индию изучать санскрит, а по возвращении продолжил образование в Гарварде. Его первый роман «Мистер Айзеке» (1882), представлявший собой зарисовку из англо-индийской жизни, мгновенно обрел популярность у читателей. В следующем году Кроуфорд вернулся в Италию, где и прожил остаток жизни.

Один из самых успешных в коммерческом отношении авторов своего времени, Кроуфорд написал более сорока книг, по большей части выдержанных в романтическом духе и нередко эксплуатирующих сверхъестественную и мистическую тематику, как, например, роман «Халид: Арабская повесть» (1891) и роман ужасов «Пражская колдунья» (1891). «Корлеоне» (1897) стал первым романом, в котором изображалась деятельность мафии; в нем также впервые была описана ситуация, когда тайна исповеди не позволяет священнику выступить свидетелем по уголовному делу. Позднее Марио Пьюзо дал фамилию Корлеоне (ныне хорошо известную) главе мафиозного клана из романа «Крестный отец» (1969). Сегодня романы Кроуфорда, несмотря на их былую популярность, читают редко, а его имя помнят только благодаря немногим превосходным рассказам.

Рассказ «Ибо кровь есть жизнь» был впервые опубликован 16 декабря 1905 года в журнале «Кольерс»; позднее вошел в авторский сборник «Странствующие призраки» (Нью-Йорк: Макмиллан, 1911), двумя неделями раньше напечатанный в Лондоне издателем Анвином под названием «Жуткие истории».

Ибо кровь есть жизнь (© Перевод С. Антонова)

Мы обедали на закате, расположившись на верху старой башни — там прохладнее всего даже в самые знойные летние дни, кроме того, трапезничать рядом с маленькой кухней, занимающей угол обширной квадратной площадки, удобнее, чем носить блюда вниз по крутой каменной лестнице, изъеденной временем и местами разбитой. Башня эта — одна из

многих, возведенных вдоль западного побережья Калабрии императором Карлом V для отражения набегов берберийских пиратов в начале шестнадцатого века, в ту пору, когда неверные объединились с Франциском I против императора и церкви. Ныне эти цитадели обращаются в руины, лишь немногие еще уцелели, и моя — одна из самых крупных. Каким образом она десятилетие назад перешла в мою собственность и почему я ежегодно провожу в ней часть своего времени, не имеет значения для рассказываемой ниже истории. Башня находится в одном из самых уединенных уголков на юге Италии, на краю изогнутого скалистого мыса, образующего маленькую, но надежную естественную гавань в южной оконечности залива Поликастро, чуть севернее мыса Скалеа, на котором, согласно старинной местной легенде, родился Иуда Искариот. Она одиноко высится на этой серповидной каменной шпоре; ни единого строения не видно на расстоянии трех миль вокруг. Когда я отправляюсь туда, то беру с собой двух матросов, один из которых — превосходный кок; а во время моего отсутствия за башней присматривает гномоподобный человечек, бывший некогда горнорабочим и состоящий при мне уже очень давно.

Иногда меня в моем летнем уединении навещает друг — выходец из Скандинавии, художник по роду занятий и, в силу обстоятельств, космополит по образу жизни.

Итак, мы обедали на закате; заходящее солнце вспыхивало и снова бледнело, окрашивая в пурпурные тона протяженную горную цепь, окаймлявшую глубокий залив на востоке и делавшуюся все выше и выше к югу. Становилось жарко, и мы пересели в обращенный к побережью угол площадки, ожидая, когда с низлежащих холмов подует вечерний бриз. Воздух, утратив дневные краски, на короткое время стал сумрачно-серым; из-за открытой двери кухни, где ужинали слуги, струился желтый свет лампы.

Затем над гребнем мыса неожиданно взошла луна, залившая своими лучами площадку и озарившая каждый каменный выступ и каждый травянистый бугорок внизу, вплоть до самой границы берега и недвижимой воды. Мой друг раскурил трубку и сел, устремив взгляд в некую точку на склоне холма. Я знал, куда он глядит, и давно гадал, увидит ли он там что-нибудь, способное привлечь его внимание. Сам-то я хорошо знал это место. Было заметно, что в конце концов он заинтересовался, хотя прошло немало времени, прежде чем он заговорил. Подобно большинству живописцев, мой друг полагается на собственное зрение так же, как лев полагается на свою силу или олень — на свою быстроту, и потому всегда смущается, если не может согласовать увиденный образ с тем, что, по его мнению, он *должен*

был увидеть.

— Это странно, — сказал он. — Видишь вон тот холмик по эту сторону валуна?

— Да, — ответил я и догадался о том, что последует дальше.

— Похож на могильный, — заметил Холджер.

— Совершенно верно. Он похож на могильный.

— Да, — продолжал мой друг, по-прежнему пристально глядя на пятно. — Но странно, я вижу тело, лежащее наверху. Конечно, — сказал Холджер, по обыкновению художников склонив голову набок, — это наверняка оптический обман. Прежде всего, это вообще не могила. Во-вторых, будь это могилой, тело находилось бы внутри ее, а не снаружи. Следовательно, это световой эффект, создаваемой луной. Ты не видишь тела?

— Превосходно вижу, как и в любую лунную ночь.

— Кажется, оно тебя не слишком интересует, — произнес Холджер.

— Напротив, интересует, хотя я успел привыкнуть к нему. Ты, однако, недалек от истины. Там действительно могила.

— Не может быть! — недоверчиво воскликнул Холджер. — Полагаю, сейчас ты скажешь, что наверху и в самом деле лежит труп!

— Нет, — ответил я. — Это не так. Я точно знаю, поскольку дал себе труд спуститься туда и посмотреть.

— И что же это? — спросил Холджер.

— Ничто.

— Ты хочешь сказать, что это световой эффект?

— Возможно. Однако в нем есть нечто, чего нельзя объяснить: этот эффект не зависит от того, восходит луна или заходит, прибывает или убывает. Если на востоке, или западе, или прямо над головой светит луна, то в ее сиянии всегда видны очертания тела на вершине холмика.

Холджер острием ножа перемешал табак в трубке и прикрыл чашу большим пальцем. Когда трубка разгорелась ярче, он встал с кресла.

— Если не возражаешь, — произнес он, — я спущусь и взгляну.

Он оставил меня, пересек площадку и скрылся в темноте лестницы. Я не двигался, но сидел, глядя вниз, и видел, как мой друг вышел из башни. Я слышал, как он мурлыкает старую датскую песенку, пересекая в ярком свете луны открытое место и направляясь прямиком к таинственной могиле. Оказавшись в десяти шагах от нее, Холджер на миг остановился, сделал еще пару шагов вперед, а затем три-четыре шага назад и вновь замер. Я понял, что это значит. Он достиг того места, где Нечто переставало быть видимым, где, как сказал бы мой друг, менялся световой

эффект.

Затем он двинулся дальше, подошел к холмику и остановился. Я по прежнему видел Нечто, но оно уже не лежало, как раньше, а стояло на коленях, обхватив своими белыми руками торс Холджера и обратив взор к его лицу. Легкое дуновение ветра шевельнуло мои волосы в тот момент, когда с холмов начала спускаться ночная прохлада, однако в этом движении воздуха мне почудилось дыхание иного мира.

Казалось, Нечто пытается подняться на ноги, уцепившись за Холджера, который меж тем стоял, явно не чувствуя этого и глядя на башню, выглядящую особенно живописной, когда луна освещает ее с той стороны.

— Возвращайся! — крикнул я. — Не стой там всю ночь!

Мне показалось, что, отходя от холмика, он двигается неохотно или с трудом. Причиной было Оно. Нечто продолжало обхватывать руками талию Холджера, но не могло ступить за край могилы. Когда мой друг медленно пошел прочь, за ним потянулось и окружило кольцом что-то вроде тумана, белого и тонкого; одновременно я отчетливо увидел, что Холджер поежился, словно от холода. В тот же миг ветер донес до моего слуха короткий возглас, полный боли, — возможно, это был крик небольшой совы, угнездившейся в скалах, — и затем кольцо тумана вокруг Холджера разорвалось, плавно заскользило обратно и распласталось, как прежде, поверх холмика.

Холодное дуновение ветра вновь коснулось моих волос, но в этот раз я почувствовал еще и ледяной ужас, от которого у меня по спине пробежала дрожь. Я хорошо помнил, что однажды спустился туда один в свете луны; что, приблизившись к этому месту, ничего не увидел; что, как и Холджер, я подошел к холмику вплотную; и я помнил также, как возвращался, убежденный, что там ничего нет, и внезапно ощутил уверенность, что, стоит мне обернуться, я все же обнаружу Нечто; я сопротивлялся этому искушению как недостойному здравомыслящего человека до тех пор, пока, стремясь избавиться от него, не поежился так же, как Холджер.

И теперь я понял, что те белые туманные руки обнимали и меня, — понял в мгновение ока и содрогнулся, вспомнив, что тогда тоже слышал крик ночной совы. Но это не было криком совы. Это кричало Оно.

Я вновь набил трубку и наполнил бокал крепким южным вином. Минуту спустя Холджер уже вновь сидел напротив меня.

— Разумеется, там ничего нет, — сказал он, — но все равно мне как-то не по себе. Ты знаешь, когда я возвращался, я настолько отчетливо ощущал позади чье-то присутствие, что хотел обернуться и посмотреть. Мне с

трудом удалось одолеть этот соблазн.

Он усмехнулся, вытряхнул пепел из своей трубки и налил себе немного вина. На некоторое время воцарилось молчание; луна поднималась все выше, а мы глядели на Нечто, лежавшее поверх холмика.

— Ты мог бы сочинить об этом историю, — произнес Холджер после продолжительной паузы.

— Она уже существует, — ответил я. — Если тебе не хочется спать, я расскажу ее.

— Давай, — согласился Холджер, который был любителем занимательных историй.

Старый Аларио умирал в деревне за горой. Ты, без сомнения, помнишь его. Поговаривали, что он нажил состояние, сбывая фальшивые драгоценности в Южной Америке, и сбежал, прихватив деньги, когда мошенничество было раскрыто. Подобно всем малым такого рода, вернувшимся с деньгами, он незамедлительно занялся расширением своего дома и, поскольку здесь не было каменщиков, послал в Паолу за двумя рабочими. Ими оказалась пара мерзавцев грубоватой наружности — одноглазый неаполитанец и сицилиец со старым шрамом в полдюйма глубиной, пересекавшим его левую щеку. Я часто видел их, так как по воскресеньям они обычно спускались сюда и рыбачили, сидя на выступавших из воды камнях. Когда Аларио охватила лихорадка, которая затем свела его в могилу, каменщики еще были заняты работой. Поскольку было договорено, что частью причитавшейся им платы будут стол и кров, он оставлял их ночевать в доме. Аларио был вдовцом и имел единственного сына, который звался Анджело и вел много более достойную жизнь, чем его отец. Анджело предстояло жениться на дочери самого богатого жителя деревни, и, несмотря на то что брак был устроен родителями молодых, те, как ни странно, искренне полюбили друг друга.

Неудивительно, что Анджело был по сердцу всей деревне и, среди прочих, порывистому привлекательному созданию по имени Кристина, похожему на цыганку больше, чем любая другая девушка, когда-либо виденная мною в этих местах. У нее были ярко-алые губы и черные волосы, грация гончей и дьявольски острый язык. Но Анджело не обращал на нее никакого внимания. Он был простоватый малый, совершенно отличный от своего старого мошенника-отца, и в обычных обстоятельствах он, я уверен, никогда не взглянул бы на какую-либо другую девушку, кроме той милой толстушки с солидным приданым, которую отец определил ему в жены.

С другой стороны, один молодой и весьма недурной собой пастух с гор

над Маратеей был влюблен в Кристину, кажется не питавшую к нему ответного чувства. Кристина не имела постоянных средств к существованию, но она была прилежной девушкой, охочей до любой работы и готовой отправиться с поручением сколь угодно далеко за буханку хлеба или чечевичную похлебку и возможность ночевать не под открытым небом. Она бывала особенно рада, когда ей доводилось делать что-либо возле дома отца Анджело. В деревне не было лекаря, и когда соседи увидели, что старик Аларио при смерти, то послали Кристину в Скалеа за доктором. Это было уже в конце дня, и если они и прибегли к этой чрезвычайной мере слишком поздно, то лишь потому, что умирающий скряга отказывался от нее до тех пор, покуда не утратил речь. Пока Кристина находилась в пути, положение больного резко ухудшилось, к его изголовью был призван священник, который, прочтя отходную молитву, заявил собравшимся, что, по его мнению, старик уже мертв, и оставил дом.

Ты знаешь здешних жителей. При встрече со смертью они испытывают физический ужас. Пока священник не заговорил, комната была полна людей. Едва слова слетели с его уст, она опустела. В наступившей ночи люди торопливо спустились по темным ступеням лестницы и покинули жилище Аларио.

Анджело, как я уже говорил, отсутствовал, Кристина еще не вернулась; служанка, которая ухаживала за больным, сбежала вместе с остальными, и тело осталось одиноко лежать в мерцающем свете масляной лампы.

Пятью минутами позже два человека опасливо заглянули внутрь комнаты и затем прокрались к кровати. Это были одноглазый неаполитанский каменщик и его напарник сицилиец. Они знали, что ищут. В мгновение ока они вытащили из-под кровати окованный железом сундук, маленький, но тяжелый, и задолго до того, как кто-либо решился вернуться в комнату, где лежало тело покойного, эти двое покинули дом и деревню, растворившись во мраке. Сделать это было довольно легко, так как жилище Аларио было последним перед ущельем, которое ведет сюда, к берегу, и воры просто-напросто вышли через черный ход, перелезли через каменную стену и оказались в безопасности — исключая разве что возможность встретить какого-нибудь запоздалого сельчанина, что было крайне маловероятно, ибо редко кто пользуется этой тропой. У них были мотыга и лопата, и они проделали свой путь без происшествий.

Я излагаю тебе эту часть событий в том виде, в каком они, вероятно, происходили, — свидетелей этому, разумеется, нет. Воры пронесли сундук через ущелье, намереваясь закопать его на берегу во влажном песке, где он

мог бы долгое время покоиться в целости и сохранности. Но бумага неизбежно пришла бы в негодность, оставь они ее там надолго, поэтому они стали копать возле этого валуна. Да, как раз там, где ты видишь холмик.

Доктора Кристина в Скалеа не нашла — он был отозван в долину, в местечко на полпути к Сан-Доменико. Если бы она застала его, они могли бы добраться до деревни верхом на его муле по верхней дороге, более длинной, но не такой крутой. Однако Кристина избрала короткий путь через скалы, который проходит футах в пятидесяти над холмиком и огибает вон тот уступ. Те двое как раз рыли яму, когда она следовала мимо, и девушка услышала шум. Кристина не могла не остановиться, чтобы выяснить его источник, — она ничего на свете не боялась, а кроме того, знала, что время от времени здесь ночной порой пристают к берегу рыбаки, которые ищут подходящий камень для якоря или сухие ветки для костра. Ночь стояла темная, и, возможно, Кристина оказалась слишком близко к тем двоим, прежде чем смогла увидеть, что они делают. Она их, конечно, узнала, и они тоже узнали ее и в мгновение ока сообразили, что находятся в ее власти. Злоумышленники могли сохранить свою тайну лишь одним способом, к которому и прибегли. Они ударили девушку по голове, вырыли глубокую яму и быстро зарыли тело вместе с окованным железом сундуком. Они, вероятно, понимали, что смогут избежать подозрений, только если вернутся в деревню раньше, чем их отсутствие будет замечено; вот почему они немедленно устремились назад и полчаса спустя были найдены мирно беседующими с человеком, который изготавливал для Аларио гроб. Он был их дружком и прежде занимался ремонтом в доме старика. Насколько я могу судить, единственными людьми, знавшими, где Аларио хранил свое сокровище, были Анджело и старая служанка, о которой я упоминал прежде.

Нетрудно понять, почему никто больше не знал, где находятся деньги. Старик держал дверь запертой, ключ, уходя, уносил с собой и не позволял служанке прибираться в комнате в его отсутствие. Вся деревня, однако, знала, что он где-то хранил деньги и что каменщики, вероятно, обнаружили местонахождение ящика, проникнув в комнату через окно, когда Аларио не было дома. Не будь старик в бреду, до того как потерял сознание, он, несомненно, трясся бы за свое богатство. Верная служанка забыла о деньгах лишь на короткое время, когда удалилась из комнаты вместе с другими, охваченная ужасом при виде смерти. Не прошло и двадцати минут, как она вернулась с двумя отвратительного вида старухами, которых всегда призывали, когда требовалось приготовить умершего к погребению.

Даже тогда ей не сразу хватило духу приблизиться к постели, однако она сделала вид, будто что-то уронила, опустилась на колени и заглянула под кровать. На фоне недавно побеленной стены она сразу увидела, что сундук исчез. Днем он еще находился на месте и, следовательно, был украден вскоре после того, как она покинула комнату.

В деревне нет карабинеров, нет даже сторожа, поскольку нет местного самоуправления. Полагаю, там никогда не было чего-либо подобного. Чтобы вызвать кого-нибудь из Скалеа, потребовалась бы пара часов. Старая служанка прожила в деревне всю свою жизнь, и ей ни разу не случалось обращаться за помощью к представителям власти. Она просто ударилась в плач и побежала в темноте через деревню, крича, что дом ее покойного хозяина ограблен. Многие сельчане выглядывали из своих окон, но поначалу никто не выказывал готовности прийти ей на выручку. Большинство из них, судя о ней по себе, шептали друг другу, что, вероятно, она сама и украла деньги. Наконец заговорил отец девушки, которой предстояло стать женой Анджело; собрав вокруг себя всех своих домочадцев, лично заинтересованных в богатстве, которое должно было достаться их семье, он заявил, что, по его мнению, сундук украли два пришлых каменщика, живших в доме. Он возглавил их поиски, которые, разумеется, начались с дома Аларио, а закончились в плотницкой мастерской, где воры были найдены распивающими с хозяином вино над недоделанным гробом при свете единственной глиняной лампы, наполненной маслом и жиром. Искавшие тут же обвинили каменщиков в преступлении и пригрозили запереть их в винном погребе до тех пор, пока из Скалеа не прибудут карабинеры. Те двое обменялись быстрыми взглядами, загасили лампу, схватили стоявший между ними гроб и, используя его в качестве тарана, ринулись в темноте на своих противников. В несколько мгновений они исчезли из виду.

Так оканчивается первая часть этой истории. Сокровище исчезло бесследно, из чего жители деревни сделали вывод, что воры преуспели в своем предприятии. Старика похоронили, и, когда Анджело наконец вернулся, он занял денег, дабы оплатить скромную заупокойную службу, что оказалось не совсем просто. Он ясно понимал, что с потерей наследства потерял и свою невесту. В этих краях браки основываются на строгих деловых принципах, и, если оговоренная сумма не вносится в назначенный день, невеста или жених, чьи родители отказались от платежа, должны быть готовы отказаться и от своих брачных притязаний. Бедный Анджело хорошо знал это. Его отец едва ли владел какой-либо землей, и теперь, когда деньги, вывезенные Аларио из Южной Америки, пропали, не

осталось ничего, кроме долгов за строительные материалы, которые пошли на расширение и усовершенствование старого дома. Анджело был на пороге нищеты, и та милая толстушка, которая должна была стать его женой, при виде его надменно вздернула носик. Что до Кристины, прошло несколько дней, прежде чем обнаружилось ее исчезновение, — поначалу никто не вспомнил, что ее послали в Скалеа за доктором, который так и не прибыл. Она нередко отсутствовала несколько дней кряду, если находила работу на какой-нибудь отдаленной ферме в горах. Но когда ее отсутствие затянулось, сельчане стали дивиться этому и в конце концов заключили, что она была в сговоре с каменщиками и сбежала вместе с ними.

Я сделал паузу и осушил свой бокал.

— Такого рода вещи не могут произойти в каком-либо другом месте, — заметил Холджер, снова набивая свою неизменную трубку. — Удивительно, каким естественным очарованием окружены убийство и внезапная смерть в подобной романтической стране. События, которые выглядели бы всего-навсего жестокими и отвратительными, случись они где-нибудь еще, воспринимаются нами как драматичные и таинственные, потому что это — Италия и мы живем в настоящей башне Карла Пятого, построенной для защиты от берберийских пиратов.

— В этом что-то есть, — согласился я.

В глубине души Холджер — самая романтичная натура в мире, но всегда считает необходимым объяснять, почему он чувствует то или иное.

— Полагаю, тело несчастной девушки было обнаружено вместе с ящиком, — сказал он, помолчав.

— Кажется, ты заинтересовался этой историей, — произнес я в ответ. — Что ж, я расскажу тебе ее окончание.

Тем временем луна поднялась еще выше, и загадочный силуэт на верху холма стал еще отчетливее, чем прежде.

Очень скоро деревня вновь погрузилась в прежнюю размеренную жизнь. Никто не скучал по старому Аларио — тот провел в Южной Америке так много времени, что считался едва ли не чужаком в своем родном краю. Анджело жил в наполовину перестроенном доме, покинутый престарелой служанкой, которой он больше не мог платить; впрочем, в память о прежней службе у его отца она все же изредка приходила постирать ему рубашку. Помимо дома он унаследовал маленький клочок земли в некотором удалении от деревни; Анджело, как мог, возделывал его, но душа юноши не лежала к сельскому труду, ибо он знал, что никогда не

сможет платить налоги и за землю, и за дом, который, несомненно, будет конфискован властями или арестован вследствие неуплаты долга за строительные материалы, которые поставивший их человек отказался забрать назад.

Анджело был глубоко несчастен. Когда его отец был жив и богат, каждая девушка в деревне была влюблена в него, но теперь все изменилось. В прошлом юноша с удовольствием принимал от окружающих знаки льстивого восхищения, его не раз зазывали выпить вина отцы, имевшие дочерей на выданье; ныне же он с тяжелым чувством ловил на себе неприветливые взгляды и порой слышал насмешки над тем, что потерял свое наследство. Он стряпал себе скудную еду и постепенно погружался в меланхолию и мрачное уныние.

По вечерам, когда замирали дневные заботы, он, вместо того чтобы околачиваться со своими молодыми сверстниками в окрестностях местной церкви, искал уединения на окраине деревни, где оставался вплоть до наступления темноты. Тогда он крадучись возвращался домой и ложился в постель, дабы сократить расходы на свет. Но в те одинокие сумеречные часы он начал видеть странные сны наяву. Он уже не всегда был один, ибо часто, сидя на каком-нибудь пне, там, где узкая тропка ведет в ущелье, он, без сомнения, видел женщину, бесшумно, как если бы она была босая, двигавшуюся над неровной грядой камней; она останавливалась под купой каштановых деревьев всего лишь в нескольких ярдах от Анджело и манила его к себе, не говоря, однако, ни слова. Хотя она находилась в тени, он знал, что у нее алые губы и что, когда ее рот слегка приоткрывается в улыбке, обнажаются два маленьких острых зуба. Он знал это раньше, чем увидел воочию, и знал также, что это Кристина и что она мертва. Однако он не боялся; он лишь спрашивал себя, не сон ли это, ибо думал, что если это происходит наяву, то ему следовало бы бояться.

Кроме того, у мертвой были алые губы, а такое могло быть только во сне. Всякий раз, когда Анджело оказывался возле ущелья после захода солнца, она уже ожидала его там или появлялась вскоре после его прихода, и он уже почти уверился, что у нее кроваво-красный рот. Наконец все черты ее сделались отчетливо видны, и с бледного лица на него обратился глубокий взгляд голодных глаз.

Глаза-то его и манили. Мало-помалу Анджело понял, что однажды видение не исчезнет, когда он повернется, чтобы уйти домой, а поведет его в ущелье, из которого возникло. Она была ближе сейчас, когда манила его. Ее щеки были не мертвенно-бледными, какими обыкновенно бывают щеки покойника, но впалыми от голода, неистового и неутоленного физического

голода, которым горели ее глаза. Эти глаза пожирали его, проникали в самую душу, околдовывали и в конце концов приблизились к его глазам и завладели им всецело. Он не смог бы сказать, было ее дыхание горячим как огонь или же холодным как лед, воспламенялись ли его губы от прикосновения ее алых губ или замерзали, оставляли ее пальцы следы ожогов на его запястьях или поражали холодом; он не смог бы сказать, бодрствовал он или спал, живой она была или мертвой, — но он знал, что она любила его, единственная из всех земных и неземных существ, и что ее чары имеют над ним необоримую власть.

Когда луна в ту ночь поднялась высоко, призрачная тень на могильном холме внизу была уже не одна.

Анджело пробудился на рассвете, сплошь покрытый утренней росой и продрогший до самых костей. Он открыл глаза и увидел, что в вышине еще сияют звезды. Он ощущал сильную слабость, его сердце билось так медленно, что он был едва не на грани обморока. Осторожно он повернул голову, покоившуюся на земляном возвышении, словно на подушке, но ничьего лица рядом не увидел. Внезапно его охватил страх, неведомый и невыразимый; Анджело вскочил и бегом устремился в ущелье — и не оборачивался до тех пор, пока не достиг двери первого дома на краю деревни.

В унынии он принялся за дневную работу, и томительные часы потянулись за движением солнца, пока оно, коснувшись моря, не опустилось за горизонт, а остроконечные горы над Маратеей не окрасились пурпуром на фоне сизого восточного неба. Тогда Анджело взвалил на плечо тяжелую мотыгу и покинул поле. Он чувствовал себя не таким обессиленным, как утром, когда только приступил к работе, но дал зарок, что отправится домой, не задерживаясь в ущелье, приготовит себе наилучший ужин, на который способен, и проведет всю ночь в постели, как и полагается доброму христианину. На этот раз его не совратит с пути призрак с алыми губами и ледяным дыханием и он не отдастся во власть сна, полного ужаса и наслаждения. Он уже находился вблизи деревни; прошло полчаса с того момента, как закатилось солнце, и надтреснутый голос церковного колокола отзывался расстроенным эхом над скалами и ущельями, возвещая честному люду об окончании дня. Анджело на мгновение задержался на развилке тропы, от которой налево шел путь к деревне, а направо — вниз в ущелье, туда, где кроны каштановых деревьев нависали над узкой дорогой. Он постоял с минуту, сняв свою поношенную шляпу и глядя на море, стремительно темневшее на западе; его губы беззвучно повторяли привычную вечернюю молитву. Губы шевелились, но

последующие, еще не произнесенные слова молитвы постепенно утрачивали в его сознании свой смысл и обращались в другие — и наконец увенчались именем, сказанным вслух: Кристина! Когда он выдохнул это имя, напряжение, в котором пребывала его воля, неожиданно ослабло, реальность исчезла, прежний сон опять завладел им и повлек, словно лунатика, все дальше и дальше по крутой тропинке в сгущавшуюся тьму. И скользившая подле него Кристина шептала странные, нежные слова в самое ухо Анджело — слова, которых он, бодрствуя, ни за что бы не понял; но сейчас они казались ему самым чудесным, что он когда-либо слышал. Затем она поцеловала его, но не в губы. Он почувствовал ее острые поцелуи на своем горле и знал, что ее рот алеет от крови. Безумный сон простерся над сумраком, темнотой, восходом луны и великолепием летней ночи. Но в рассветном холоде Анджело уже лежал, словно полумертвый, на верху могильного холмика, то приходя в себя, то вновь впадая в забытье, истекая кровью, однако странным образом желая вновь ощутить прикосновение алых губ. Затем его одолел страх, невыразимый, смертельный, панический ужас, стерегущий границы мира, которого мы не видим и о котором ничего доподлинно не знаем, но который ощущаем, когда его холод леденит все наши члены и волосы шевелятся на голове от прикосновения призрачной руки. С наступлением дня Анджело вновь спрыгнул с могилы и направился через ущелье к деревне, однако теперь его шаг был менее уверенным и он задыхался так, словно бежал. И когда он достиг прозрачного ручья, струившегося на полпути к холмам, он упал на четвереньки, окунул лицо в воду и принялся пить так жадно, как никогда не пил прежде, — то была жажда раненого человека, который целую ночь пролежал, истекая кровью, на поле боя.

Отныне Кристина крепко держала его, он не мог от нее спастись и вынужден был приходить к ней каждый вечер на закате до тех пор, пока не лишится последней капли своей крови. Напрасны были его попытки избрать для возвращения другую дорогу и направиться домой по тропе, которая не проходит вблизи ущелья. Напрасны были обещания, которые он каждое утро давал самому себе, совершая на рассвете свой одинокий путь от побережья до деревни. Все было напрасно, ибо, как только пылающее солнце опускалось за горизонт и вечерняя прохлада являлась из своих потайных мест на радость утомленному миру, ноги сами обращали Анджело на прежний путь, к тому месту, где его ожидала она, стоя в тени каштанов; и затем все повторялось, и она прямо на ходу целовала его горло, обвив юношу одной рукой и легко скользя по тропинке. И по мере того как кровь в его теле убывала, Кристина становилась все более голодной и с

каждым днем испытывала все большую жажду, и с каждой новой зарей ему было все труднее заставить себя одолеть крутую тропу, ведущую к деревне; когда же он приступал к работе, то тяжело волочил ноги, а рукам его едва хватало сил, чтобы управляться с тяжелой мотыгой. Он теперь редко с кем-нибудь разговаривал, и люди утверждали, что он «чахнет» от любви к девушке, с которой был помолвлен перед тем, как потерял свое наследство, и, не будучи излишне романтическими натурами, от души смеялись при мысли об этом.

Тем временем Антонио, человек, который присматривает за моей башней, вернулся из поездки к родственникам, живущим в окрестностях Салерно. Он уехал, когда Аларио был еще жив, и ничего не знал о том, что случилось в деревне. Антонио говорил мне, что вернулся во второй половине дня и заперся в крепости, желая поесть и поспать, так как очень устал в дороге. Уже минула полночь, когда он проснулся; выглянув наружу и посмотрев в направлении насыпи, он увидел там Нечто и более уже не смыкал глаз в ту ночь. Когда утром он вновь обратил взгляд в ту сторону, то в ярком свете дня не обнаружил на холме ничего, кроме камней и песка. Тем не менее он не осмелился приблизиться к этому месту, а прямиком направился в деревню к дому старого священника.

— Я видел нечто зловещее этой ночью, — сказал он. — Я видел, как мертвец пил кровь живого человека, и эта кровь придала ему жизни.

— Расскажите мне, что именно вы видели, — попросил его священник.

Антонио подробно описал ему сцену, свидетелем которой стал ночью.

— Вы должны взять служебник и святую воду нынче вечером, — добавил он. — Я приду перед закатом, чтобы отправиться туда вместе с вами, и, если вашему преподобию угодно отужинать со мной, пока мы будем ждать, я все приготовлю для этой цели.

— Я пойду с вами, — ответствовал священник, — ибо я читал в старинных книгах об этих странных созданиях, которые не являются ни живыми, ни мертвыми и лежат, не подвергаясь тлению, в своих могилах, выскальзывая оттуда на закате, чтобы вкусить жизни и крови.

Антонио не умел читать, но обрадовался, увидев, что священник понял суть дела; ибо книги, несомненно, должны были подсказать наилучший способ навсегда утихомирить это полуживое-полумертвое существо.

Итак, Антонио вернулся к своей работе, которая, когда он не удил рыбу, забравшись с леской на какой-нибудь камень и безуспешно пытаясь что-нибудь поймать, заключалась в основном в сидении на затененной стороне башни. Но в этот день он дважды отправлялся взглянуть на

пресловутый холм в ярком солнечном свете и кругами ходил вокруг него, ища какую-нибудь нору, через которую существо могло выходить наружу и вновь скрываться под землю; однако он ничего не обнаружил. Когда солнце начало садиться, а воздух в тенистых местах стал делаться все холоднее, Антонио отправился за священником, взяв с собой небольшую плетеную корзинку; в нее они положили бутылку со святой водой, чашку, кропило и необходимую священнику епитрахиль; затем добрались до башни и остановились у ворот ждать наступления темноты. Но еще когда дневной свет медленно превращался в серые сумерки, они увидели нечто движущееся прямо вон там. Их взорам предстали две фигуры — бредущий мужчина и женщина, которая бесшумно скользила рядом с ним, положив голову ему на плечо и целуя его в шею. Об этом мне рассказал священник, равно как и о том, что зубы его стучали и он схватил Антонио за руку. Видение проследовало мимо и растворилось в сумерках. Тогда Антонио достал кожаную флягу с крепким ромом, которую держал для особых случаев, и сделал такой глоток, который заставил его вновь почувствовать себя едва ли не юношей; он помог священнику надеть епитрахиль, дал ему святую воду, и они направились туда, где им предстояло свершить их дело. Антонио говорил, что, несмотря на выпитое, его колени дрожали, а священник запинался, бормоча свою латынь. Ибо когда они оказались в нескольких ярдах от могилы, мерцающий свет фонаря упал на белое лицо Анджело, безмятежное, как если бы он пребывал во сне, и на его горло, из которого очень тонкая красная струйка крови сбегала на воротник; этот мерцающий свет выхватил из темноты и другое лицо, которое оторвалось от своего пиршества, озарил глубокие мертвые глаза, вопреки смерти наделенные взглядом, полуоткрытый, неестественно алый рот и два блестящих зуба, на которых сверкали розовые капли. Тогда священник, старый добрый человек, плотно смежил веки и окропил перед собой святой водой, и его сорвавшийся голос превратился почти что в крик. Затем Антонио, который, что ни говори, все же не робкого десятка, поднял одной рукой кирку, а другой — фонарь и прыгнул вперед, не представляя, что из этого получится; и тотчас после он, по его уверению, услышал женский крик, и Нечто исчезло, а Анджело остался лежать на холме без сознания, с красной полосой на горле и предсмертной испариной на холодном лбу. Они подняли его, полумертвого, и положили на землю неподалеку, после чего Антонио принялся за работу, а священник помогал ему, несмотря на старость и слабость. Они выкопали глубокую яму, и наконец Антонио, стоя на дне могилы, наклонился, держа в руке фонарь, готовый увидеть все, что угодно.

У него были темно-каштановые волосы с седыми прядями у висков; прежде чем минул месяц с того страшного дня, он поседел как лунь. В юности он был горнорабочим; большинство этих малых во время несчастных случаев сталкивается с ужасными зрелищами, но он никогда не видел того, что увидел в ту ночь, — существа, которое не было ни живым, ни мертвым, ни жителем земли, ни обитателем могилы. Антонио принес с собой кое-что, чего не заметил священник, — острый кол, выточенный из старой плотной древесины. Этот кол был с ним, когда он спустился в могилу. Я не знаю такой силы, которая могла бы заставить его рассказать, что произошло потом, а священник был слишком напуган, чтобы смотреть. Он говорит, что слышал, как Антонио дышит, словно дикий зверь, и двигается в яме так, будто борется с чем-то столь же сильным, как и он сам; он слышал также некий зловещий звук, словно что-то с трудом проходило сквозь плоть; и затем донесся самый ужасный звук — пронзительный женский крик, потусторонний крик женщины, которая не была ни живой, ни мертвой, но погребенной много дней назад. Бедный старый священник мог только трястись от страха и, упав на колени, громко читать молитвы и выкрикивать заклинания, чтобы заглушить эти ужасающие звуки. Внезапно из ямы вылетел маленький, окованный железом сундук и, перекувырнувшись, упал к ногам священника, а спустя мгновение показался Антонио; его лицо было таким же белым, как жир в мерцающем свете фонаря, он в неистовой спешке принялся сгребать песок и камни в могилу до тех пор, пока она не наполнилась до середины; по словам священника, руки и одежда Антонио были сплошь покрыты свежей кровью.

Я окончил рассказ. Холджер допил вино и откинулся на спинку кресла.

— Стало быть, Анджело получил свое наследство назад, — сказал он. — А женился ли он на той полненькой жеманной особе, с которой был обручен?

— Нет, случившееся вселило в него глубокий страх перед женщинами. Он перебрался в Южную Америку, и с тех пор о нем ничего не известно.

— А тело несчастного создания все еще находится там, я полагаю, — произнес Холджер. — Интересно, оно теперь в самом деле мертво?

Меня это тоже интересовало. Но, будь это создание живым или мертвым, мне не хотелось бы его *увидеть*— даже при ярком дневном свете. Антонио, повстречавшись с ним, поседел как лунь и сделался после той ночи другим человеком.

М. Р. Джеймс

Монтегю Родс Джеймс(1862–1936), уроженец Кента, ректор Кингз-колледжа Кембриджского университета в 1905–1918 годах и Итонского колледжа в 1918–1936 годах, снискал себе международную научную славу. Сегодня его, однако, чаще всего вспоминают как автора фантастической и «страшной» прозы, в первую очередь рассказов о привидениях, которые он читал своим друзьям на вечеринках в канун Рождества, зарекомендовав себя превосходным актером. Впоследствии компания Би-би-си использовала эту идею, представив зрителям знаменитого актера Кристофера Ли, звезду фильмов ужасов, читающим рассказы Джеймса в озаренной свечами комнате Кингз-колледжа.

Рассказы Джеймса, полные атмосферы страха, имеют классическую структуру, предполагающую определенный набор элементов, среди которых: старинное аббатство, кафедральный собор, университет или усадьба, как правило, в отдаленной деревне либо приморском городке; степенный, простодушный ученый джентльмен; редкая книга или другой предмет антиквариата, вызывающий гнев какого-либо сверхъестественного существа, обычно из загробного мира. Согласно Джеймсу, призрак не может быть дружелюбным или веселым — он должен приносить беду. Однажды он написал: «Призраку полагается быть злонамеренным и неприятным: симпатичные и благожелательные привидения отлично подходят для волшебных сказок и местных легенд, но совсем неуместны в вымышленной истории о призраках».

Фильм Жака Турнера «Ночь демона» (в США демонстрировался под названием «Проклятие демона»), снятый в 1957 году по мотивам знаменитого рассказа Джеймса «Подброшенные руны», стал событием в британском хоррор-кино.

«Граф Магнус» был впервые опубликован в сборнике Джеймса «Рассказы антиквария о привидениях» (Лондон: Эдвард Арнольд, 1904).

Граф Магнус (© В. Харитонова)

Как попали в мои руки бумаги, из которых я вывел связный рассказ, читатель узнает в самую последнюю очередь. Однако мои выписки необходимо предварить сообщением о том, какого рода эти бумаги.

Итак, они представляют собой отчасти материалы для книги

путешествий, какие во множестве выходили в сороковые и пятидесятые годы. Прекрасным образцом литературы, о которой я веду речь, служит «Дневник пребывания в Ютландии и на Датских островах» Хораса Марриэта. Обычно в этих книгах рассказывалось о каком-нибудь неизведанном месте на континенте. Они украшались гравюрами на дереве и на стальных пластинах. Они сообщали подробности о гостиничном номере и дорогах, каковые сведения мы теперь скорее найдем в любом хорошем путеводителе, и основное место в них отводилось записям бесед с умными иностранцами, колоритными трактирщиками и общительными крестьянами. Словом, это были книги-собеседники.

Начатые с целью доставить материал для такой книги, попавшие ко мне бумаги постепенно приняли форму отчета о единственном, коснувшемся только одного человека испытании, к завершению которого и подводил этот отчет.

Пишущим был некто мистер Рексолл. Я знаю о нем ровно столько, сколько позволяют узнать его собственные записи, и из них я заключаю, что это был пожилой человек с некоторым состоянием и один-одинешенек на целом свете. Своего угла в Англии у него, похоже, не было, он скитался по гостиницам и пансионам. Он, возможно, предполагал когда-нибудь обосноваться на одном месте, но так и не успел; сдается мне, пожар на мебельном складе «Пантекникон» в начале семидесятых годов уничтожил многое из того, что могло пролить свет на его прошлое, поскольку он раз-другой поминает имущество, сданное туда на хранение.

Выясняется также, что мистер Рексолл в свое время опубликовал книгу о вакациях в Бретани. Ничего более об этом труде я не могу сообщить, поскольку усердный библиографический поиск оставил меня в убеждении, что книга выходила без имени автора либо под псевдонимом.

Нетрудно составить приблизительное представление о его личности. Это был умный и развитый человек, без пяти минут член совета своего колледжа — Брейзноуза, как мне подсказывает оксфордский ежегодник. Безусловно, его искусительной слабостью было излишнее любопытство — в путешественнике, может быть, простительная слабость, однако наш путешественник в итоге дорого заплатил за нее.

Приготовлением к новой книге как раз и было путешествие, ставшее для него последним. Его вниманием завладела Скандинавия, о которой сорок лет назад в Англии знали не очень много. Возможно, он набрел на старые книги по истории Швеции или мемуары и осознал надобность в книге, где странствия по этой стране перемежались бы рассказами про знатные шведские фамилии. Запасшись, как водится, рекомендательными

письмами к некоторым шведским аристократам, он отбыл туда в начале лета 1863 года.

Нет нужды пересказывать, как он разъезжал по Северу или несколько недель просидел в Стокгольме. Следует лишь упомянуть о том, что некий тамошний savant [8]навел его на ценный семейный архив, принадлежавший владельцам старого поместья в Вестергётланде, и исхлопотал для него разрешение поработать с документами.

Упомянутое поместье, или herrgärd, мы здесь назовем Räbäck (по-английски это звучит примерно как «Робек») — в действительности у него другое название. В своем роде это одно из лучших сооружений в стране, и на гравюре 1694 года, помещенной в «Suecia antiqua et moderna» [9]Даленберга, сегодняшний турист признает его сразу. Поместье было построено вскоре после 1600 года и в отношении материала близко тогдашнему домостроительству в Англии: красный кирпич, облицованный камнем. Воздвиг его отпрыск знатного рода Делагарди, чьи потомки и поныне владеют им. Когда случится говорить о них, я так и буду их называть: Делагарди.

Мистера Рексолла они приняли уважительно и тепло и настаивали, чтобы он жил у них, пока будут продолжаться его занятия. Оберегая свою независимость и стесняясь плохо говорить по-шведски, он, однако, обосновался в деревенской гостинице, и житье там оказалось вполне сносным, во всяком случае в летнюю пору. Такое решение повлекло за собой ежедневные прогулки в усадьбу и обратно — это меньше мили. Сам дом стоял в парке, укрытый или, лучше сказать, теснимый громадными вековыми деревьями. Неподалеку, за стеной, раскинулся сад, дальше вы попадали в густую рощу, за ней сразу озерцо, какими изобилует тот край. Там уже начиналась пограничная стена, вы взбирались по крутому холму, кремнистую кручу чуть покрывала земля, и на самой вершине стояла церковь в окружении высоких темных деревьев. На взгляд англичанина, это было курьезное сооружение. Низкие неф и приделы, много скамей, хоры. На западных хорах стоял старый, пестро раскрашенный орган с серебряными трубами. На плоском потолке церкви художник семнадцатого столетия изобразил причудливо-кошмарный Страшный суд, смешав в одно языки пламени, рушащиеся города, горящие корабли, стенающие души и смуглых скалящихся чертей. С потолка свисали красивые бронзовые паникадила; кафедру, как кукольный домик, покрывали резные раскрашенные фигурки херувимов и святых; к аналою крепилась подставка с тройкой песочных часов. Подобное убранство вы увидите во множестве

шведских церквей, только эта церковь выделялась пристройкой к основному зданию. У восточного края северного придела основатель поместья выстроил для себя и своих родственников мавзолей. Это восьмиугольное здание с круглыми оконцами под куполом, увенчанное неким подобием тыквы, из которого вырастает шпиль, — шведские зодчие обожают эту деталь. Купол снаружи медный и выкрашен черной краской, а стены мавзолея, как и церкви, ослепительно белые. Из церкви нет входа в усыпальницу. С северной стороны у нее есть приступок и своя дверь.

Дорожка мимо кладбища ведет в деревню, и через три-четыре минуты вы у порога гостиницы.

В первый день своего пребывания в Робеке мистер Рексолл нашел дверь церкви открытой и сделал то описание внутреннего убранства, которое я привел здесь. Однако в усыпальницу ему попасть не удалось. В замочную скважину он лишь разглядел прекрасные мраморные изваяния и медные саркофаги с богатым гербовым орнаментом, чрезвычайно раздразнившим его любопытство.

Документы, обнаруженные им в поместье, были как раз того рода, какие требовались для его книги: семейная переписка, дневники, счета прежних владельцев с подробными, разборчивыми записями, с забавными и живописными деталями. Первый Делагарди представал в них сильной и одаренной личностью. Вскоре после строительства дома в округе настала нищета, крестьяне взбунтовались, напали на несколько замков, что-то пожгли и порушили. Владелец Робека возглавил подавление мятежа, и в записях упоминались суровые кары против зачинщиков, которые он учинил недрогнувшей рукой.

Портрет Магнуса Делагарди был одним из лучших в доме, и мистер Рексолл изучал его с интересом, не ослабевшим после целого дня работы с бумагами. Он не дает подробного описания, но я догадываюсь, что это лицо подействовало на него скорее силою выражения, нежели правильностью черт либо добродушием; да он и сам пишет, что граф был на редкость безобразен.

В тот день мистер Рексолл ужинал в усадьбе и возвратился к себе хотя и поздно, но еще засветло. «Не забыть спросить церковного сторожа, — пишет он, — не пустит ли он меня в усыпальницу. Он, безусловно, имеет туда доступ; я видел его вечером на ступенях, он, по-видимому, отпирал или запирал дверь».

Я выяснил, что утром следующего дня мистер Рексолл беседовал со своим хозяином. То, что он подробнейше это расписал, сперва меня удивило; потом уже я сообразил, что бумаги, которые я читаю, были, во

всяком случае вначале, материалами к задуманной книге; а задумана она была в псевдоочерковом духе, где вполне допустимы диалоги вперемешку с прочим.

Целью мистера Рексолла, как он сам говорит, было выяснить, сохранились ли какие-либо предания о графе Магнусе в связи с его деятельностью и пользовался ли этот господин любовью окружающих или нет. Он убедился в том, что графа определенно не любили. Если арендаторы опаздывали на работы, их драли на «кобыле» либо секли и клеймили во дворе замка. Были один-два случая, когда люди занимали земли, краем заходившие в графские владения, после чего их дома таинственным образом сгорали зимней ночью со всеми домочадцами. Но сильнее всего запало в сердце трактирщику черное паломничество графа — он заговаривал о нем несколько раз, — откуда тот либо что-то привез, либо вернулся не один.

Вслед за мистером Рексоллом вы, естественно, заинтересуетесь, что такое «черное паломничество». Однако на сей счет вам придется потерпеть, как терпел и мистер Рексолл. Хозяин был явно не расположен распространяться и даже заикаться на эту тему и, когда его вызвали на минуту, вышел со всей поспешностью, через малое время заглянув в дверь сказать, что его требуют в Скару и вернется он только вечером.

Так и не удовлетворив своего любопытства, мистер Рексолл отправился в усадьбу разбирать бумаги. Те, что попались ему в тот день, скоро отвлекли его мысли в сторону: это была переписка между Софией Альбертиной из Стокгольма и ее замужней кузиной Ульрикой Леонорой из Робека с 1705 по 1710 год. Письма представляли исключительный интерес, давая яркую картину шведской культуры того времени, что подтвердит всякий, кто читал их полное издание в публикациях Шведской комиссии исторических рукописей.

К вечеру он закончил с письмами и, вернув коробку на полку, естественным образом взял несколько ближайших томов, дабы определить, какими он будет заниматься назавтра в первую очередь. На той полке помещались главным образом хозяйственные книги, заполненные первым графом Магнусом. Впрочем, стояли там и книги другого рода — трактаты по алхимии и иным предметам, также написанные по орфографии шестнадцатого века. Не будучи знатоком подобной литературы, мистер Рексолл, не жалея места, без всякой нужды выписывает названия и первые строчки этих трактатов: «Книга Феникс», «Книга тридцати слов», «Книга жабы», «Книга Мириам», «Turba philosophorum» [10]и тому подобное, а затем пространно изъявляет свой восторг, обнаружив на листке в середине

тома, первоначально не исписанном, рукою графа Магнуса начертанные слова «Liber nigrae peregrinationis». [11]Правда, там было всего несколько строк, но этого было достаточно, чтобы отнести предание, утром помянутое хозяином, ко временам графа Магнуса, и, возможно, хозяин этому верил. Вот те слова в переводе: «Желающий обрести долгую жизнь да обретет верного гонца и увидит кровь врагов своих, а вперед этого пусть отправится в город Хоразин и поклонится князю…» — тут было подчищено одно слово, но не до конца, и мистер Рексолл был почти уверен, что он правильно читает «aeris» («воздуха»). Запись обрывалась латинской фразой: «Quaere reliqua hujus materiei inter secretiora» («Прочее об этом смотри в личных бумагах»).

Нельзя отрицать, что все это бросало довольно мрачный свет на вкусы и верования графа; однако в глазах мистера Рексолла, отделенного от него почти тремя столетиями, граф вырастал в еще более яркую фигуру, добавив к своему могуществу знание алхимии и обретя с нею что-то вроде магии; и когда, вдоволь наглядевшись на портрет в холле, мистер Рексолл отправился к себе в гостиницу, его мыслями целиком владел граф Магнус. Он не глядел по сторонам, его не занимали ни вечерние лесные запахи, ни картины заката на озере, и когда он неожиданно остановился, то изумился тому, что дошел почти до ворот кладбища и к тому же в нескольких минутах пути его ждет обед. Взгляд мистера Рексолла упал на мавзолей.

— А, — сказал он, — вот и вы, граф Магнус. Очень хотелось бы увидеться с вами.

«Как многие одинокие люди, — пишет он, — я имею привычку говорить с самим собою вслух, не ожидая ответа. Естественно — и к счастью для меня, — в этот раз ни голоса, ни ответа не прозвучало; только женщина, я думаю, прибиравшая церковь, уронила на пол что-то металлическое, и от этого звука я вздрогнул. А граф Магнус, я полагаю, спит крепким сном».

В тот же вечер хозяин гостиницы, знавший о желании мистера Рексолла повидаться со служкой, или дьяконом (как он именуется в Швеции), познакомил их у себя. Быстро договорившись осмотреть на следующий день склеп Делагарди, они еще некоторое время беседовали. Памятуя, что среди прочего шведские дьяконы готовят конфирмантов, мистер Рексолл решил освежить свои познания в Библии.

— Не скажете ли мне что-нибудь о Хоразине? — спросил он.

Дьякон озадачился, но тут же вспомнил, что место это было проклято.

— Само собой разумеется, — сказал мистер Рексолл, — сейчас городок лежит в руинах?

— Скорее всего, да, — ответил дьякон. — Старики священники говаривали, что там народится антихрист; существуют всякие истории…

— А! Какие же истории? — поспешил спросить мистер Рексолл.

— *Я*как раз хотел сказать, что все их перезабыл, — сказал дьякон и вскоре после этого распрощался.

Оставшийся один хозяин был целиком в распоряжении мистера Рексолла, который не собирался щадить его.

— Герр Нильсен, — сказал он, — мне попало в руки кое-что о черном паломничестве. Не откажите рассказать, что вам известно. Что привез с собой граф по возвращении?

Может, шведы вообще не спешат с ответом, а может, это была отличительная черта трактирщика — не знаю. Только мистер Рексолл отмечает, что хозяин с минуту смотрел на него, прежде чем заговорил снова. Он приблизился к своему постояльцу и с видимым усилием сказал:

— Мистер Рексолл, я расскажу вам одну маленькую историю, но только одну, не больше, и ни о чем не расспрашивайте меня после. При жизни моего деда — это, значит, девяносто два года назад — некие два человека сказали: «Граф давно мертв, мы его не боимся. Сегодня ночью пойдем на охоту в его лес». Это та дубрава на холме, что видна за Робеком. А те, кто их слышал, сказали: «Не ходите. Там наверняка бродят люди, которым бродить не положено. Им положено лежать смирно, а не бродить». Но те двое рассмеялись. Лесничих там не было, потому что в тот лес никто не ходил. И здесь, в поместье, никого не было. Так что эта пара могла поступать, как ей заблагорассудится.

Ладно, той же ночью они ушли в лес. Мой дед сидел здесь, в этой комнате. Дело было летом, ночь стояла светлая; открыв окно, он видел лес и все слышал. И вот он сидел тут, и еще двое-трое с ним, и все слушали. Сначала они ничего не слышали. Потом слышат — а вы знаете, как это далеко, — слышат, кто-то завопил, да так, словно из него душу вырывали. Все, кто тут сидел, ухватились друг за друга и обмерли на три четверти часа. Потом еще слышат — сотнях в трех ярдов отсюда, — кто-то как захохочет! И это не из тех двоих, что ушли. Это вообще, говорят они, не человек хохотал. А потом услышали, как захлопнулась огромная дверь.

Когда взошло солнце, они все пошли к священнику. И говорят ему «Облачайтесь, отче, и идемте хоронить их, Андерса Бьёрнсена и Ханса Торбьёрна».

Они, понимаете, были уверены, что те двое уже покойники. И пошли

они все в лес. Дед, сколько жил, помнил про это. Говорил, что они сами были как покойники. И священник был белый от страха. Когда они пришли к нему, он сказал «Я слышал, как ночью один кричал. Слышал, как потом другой смеялся. Не будет мне больше сна, если я этого не забуду».

Итак, они пошли в лес и нашли тех двоих на опушке Ханс Торбьёрн стоял спиной к дереву и все отмахивался руками, словно отталкивал что-то невидимое. Он, выходит, остался живой. Они увели его, поместили в лечебницу в Нючёпинге, и к зиме он помер, а руками так и махал все время. И Андерса Бьёрнсена они нашли. Но этот был мертвый. И вот что я вам скажу про него, про Андерса Бьёрнсена: он был красивым мужчиной, а тут у него и лица не осталось, одни голые кости торчали. Представляете? Мой дед забыть этого не мог. Они положили его на носилки, которые были с ними, накрыли голову холстиной, и священник пошел впереди. И по пути они все запели, как могли, заупокойную молитву. Только пропели первый стих, один из тех, что шли впереди, вдруг упал, остальные оглянулись и видят: холстина съехала и на них во все глаза смотрит Андерс Бьёрнсен. Этого они вынести не смогли. Священник закрыл ему лицо, послал за лопатой, и они тут же, на этом месте, его и зарыли.

На следующий день, пишет дальше мистер Рексолл, дьякон прислал за ним после завтрака, и его повели к церкви и к усыпальнице.

Он отметил, что ключ от мавзолея висит на гвоздике сбоку от кафедры, и тогда же подумал, что раз церковь, похоже, не запирается, то ему не составит труда одному наведаться к статуям раз-другой, если он сразу же не удовлетворит свой интерес. Помещение, куда он вошел, оказалось внушительным. Памятники большей частью представляли собой крупные изваяния семнадцатого-восемнадцатого веков, напыщенно-величавые, обильно украшенные эпитафиями и гербами. В центре сводчатого зальца стояли три медных саркофага, покрытые тонкой резьбы орнаментом. На крышках двух из них лежали, как это принято в Дании и Швеции, большие металлические распятия. На третьем же, где, как выяснилось, покоился граф Магнус, вместо распятия была вырезана его фигура в полный рост, а вокруг саркофага несколько рядов того же богатого орнамента представляли разные сцены. Один барельеф изображал сражение: пушка изрыгала клубы дыма, высились крепости, шли отряды копейщиков. На другом была представлена казнь. На третьем через лес бежал во всю мочь человек с развевающимися волосами и распростертыми руками. За ним двигалась странная фигура; художник будто намеревался изобразить человека, но ему не хватило на это умения, а может, его намерением было показать именно такое чудовище — трудно сказать. Признавая мастерство,

с каким была выполнена вся сцена, мистер Рексолл склонялся ко второму предположению. Эта малорослая фигура была укутана в плащ с капюшоном, волочившийся по земле. Трудно было назвать рукой то, что торчало из этого куля. Вспомнив по этому поводу морского дьявола, то бишь осьминога, мистер Рексолл продолжает: «Увидев это, я сказал себе: если здесь представлена некая аллегория — например, дьявол преследует обреченную душу, — то это может быть навеяно историей графа Магнуса и его таинственного спутника. Посмотрим, каким предстанет охотник: это, несомненно, будет демон, дующий в свой рог». Однако этой тревожащей воображение фигуры не обнаружилось, лишь на холме, опершись на трость, стоял человек, закутанный в плащ, и наблюдал за охотой с явным интересом, который резчик попытался передать соответствующей позой.

Мистер Рексолл отметил также отличной работы массивные висячие замки — всего их было три, — оберегавшие покой саркофага.

Один, он видел, разомкнулся и лежал, на полу. Стесняясь задерживать дьякона и жалея тратить попусту рабочее время, он поспешил в усадьбу.

«Любопытно отметить, — пишет он, — что, возвращаясь знакомой дорогой, настолько уходишь в свои мысли, что абсолютно не замечаешь ничего вокруг. Сегодня вечером, уже во второй раз, я совершенно не отдавал себе отчета в том, куда иду (у меня было намерение одному зайти в гробницу и переписать эпитафии), и вдруг как бы пробудился и обнаружил, что снова стою перед воротами кладбища и, представьте себе, напеваю что-то вроде: „Вы не проснулись, граф Магнус?“, „Вы спите, граф Магнус“ — и уж не помню, что там еще. Похоже было, что этому нелепому времяпрепровождению я посвятил известное время».

Он нашел ключи от усыпальницы на месте, переписал многое из того, что хотел переписать, и, вообще говоря, работал, пока не стемнело.

«Я, должно быть, ошибся, — пишет он, — сказав, что разомкнулся один замок на саркофаге графа; вечером я увидел на полу два замка. Я поднял их и, не сумев закрепить, осторожно положил на подоконник. Оставшийся третий держался крепко, и хотя, по всей видимости, это замок с пружиной, я не могу понять, как он открывается. Если бы мне удалось его отпереть, то, страшно сказать, я бы попытался открыть и саркофаг. Странно, как влечет меня к себе личность этого, боюсь, жестокого и мрачного дворянина».

Следующий день, как выяснилось, был последним днем пребывания Рексолла в Робеке. Он получил письма касательно своих капиталовложений, и выяснилось, что дела требуют его возвращения в Англию. Его работа с архивами практически завершилась, а путь предстоял долгий. Он решил нанести прощальные визиты, закончить свои записи и отправляться домой.

Визиты и завершение записей заняли больше времени, чем он предполагал. Гостеприимное семейство уговорило его отобедать с ними — они обедали в три часа, — и за железные ворота Робека мистер Рексолл вышел почти в половине седьмого. Сознавая, что в последний раз идет этой дорогой, он задумчиво шел берегом озера, стремясь сохранить в себе ощущение этого места и времени. Достигнув вершины кладбищенского холма, он долго стоял там, озирая бескрайнее море близких и дальних лесов, лежавших темной массой под бирюзовым небом. Когда он собрался уходить, ему неожиданно пришла мысль попрощаться и с графом Магнусом, и со всеми прочими Делагарди. Церковь находилась всего ярдах в двадцати, а где висит ключ от усыпальницы, ему было известно. Вскоре он стоял у большого медного надгробия, по обыкновению разговаривая с собою. «Может быть, в свое время вы были негодяем, Магнус, — говорил он, — но мне все равно хотелось бы вас увидеть или…»

«В этот самый миг, — пишет он, — я почувствовал удар по ноге. Я довольно проворно отдернул ее, и что-то со стуком упало на пол. Это разомкнулся на саркофаге последний, третий замок. Я нагнулся подобрать его, и — небеса свидетели, что это истинная правда, — не успел я выпрямиться, как скрипнули металлические петли и я отчетливо увидел, что крышка поднимается. Может быть, я повел себя как трус, но я не смог оставаться там долее ни секунды. Я был за порогом этого страшного сооружения быстрее, чем сейчас записал или выговорил эти слова. И что страшит меня более всего, я не сумел запереть за собой дверь. Записывая сейчас у себя в комнате случившееся (не прошло и двадцати минут), я задаюсь вопросом, продолжился ли потом этот скрип металлических петель, и не могу ответить на этот вопрос. Знаю только, что меня встревожило что-то еще, чего я здесь не записал. Но был то звук или я что-то видел — не могу вспомнить. Что же такое я сделал?»

Бедный мистер Рексолл! На следующий день он, как и планировал, отправился обратно в Англию и благополучно добрался туда, но добрался человеком сломленным, как я могу судить по отрывочным записям и

изменившемуся почерку. В одной из маленьких записных книжек, доставшихся мне вместе с его бумагами, содержится если не ключ, то намек на то, что он пережил. Большую часть пути он плыл на небольшом суденышке, и я отметил, что не менее шести раз он пытался пересчитать и описать своих спутников. Записи были примерно такого рода:

«24. Деревенский пастор из Сконе. Обычное черное пальто и мягкая черная шляпа.

25. Коммерсант из Стокгольма. Направляется в Трольхеттан. Черный плащ, коричневая шляпа.

26. Мужчина в длинном черном плаще, в широкополой шляпе, очень старомодный».

Последняя запись вычеркнута, и сбоку приписано: «Возможно, тот же, что № 13. Пока не видел его лица». Найдя номер тринадцатый, я увидел, что это католический священник в сутане.

Итог всегда был одинаков. Двадцать восемь человек, из них один мужчина в длинном черном плаще и широкополой шляпе, а другой — «коротышка в темном плаще с капюшоном».

С другой стороны, неизменно отмечалось, что к обеду выходят только двадцать шесть пассажиров и мужчина в плаще, скорее всего, отсутствует, а коротышка отсутствует определенно.

В Англии мистер Рексолл, как выясняется, высадился в Харидже и сразу же решил избавиться от одного или двух людей, в которых он, несомненно, видел своих преследователей, хотя и не распространялся на их счет. С этой целью, не доверяя железной дороге, он нанял крытый одноконный экипаж и отправился дальше в сельскую глушь, в деревню Белшем-Сент-Пол. Он добрался до места к десяти часам вечера. Августовская ночь была лунной. Он сидел впереди и смотрел в окно на пробегавшие мимо поля и рощи; ничего другого не было видно. И вот он подъехал к развилке дорог. Перед ним неподвижно стояли две фигуры, обе в темных плащах, на высоком была шляпа, на коротышке — капюшон. Он не успел разглядеть их лиц, и они даже не шелохнулись. Тем не менее лошадь дико прянула и сорвалась в галоп, а мистер Рексолл упал на подушки, близкий к отчаянию. Он уже видел их прежде.

В Белшем-Сент-Пол ему повезло, он нашел пристойно обставленную комнату и следующие двадцать четыре часа прожил сравнительно спокойно. В это время он сделал свои последние записи. Они слишком

бессвязны, чтобы привести их здесь полностью, однако смысл их достаточно ясен. Мистер Рексолл ожидает прихода своих преследователей — каким образом и когда, ему неведомо, — и постоянно повторяет: «Что же я сделал?» и «Есть ли надежда?» Врачи, он уверен, признают его сумасшедшим, полицейские высмеют. Священника поблизости нет. Остается только запереть дверь и взывать к Господу.

Еще в прошлом году жители Белшем-Сент-Пол вспоминали, как много лет назад августовским вечером к ним приехал странный господин, и как через сутки его нашли мертвым и было назначено следствие, и как присяжные, увидев тело, попадали в обморок, а было их семеро, но ни один потом не проговорился, что они увидели, и как вынесли приговор: «Кара Господня», и как владельцы того дома на той же неделе уехали в другие края. Они, я полагаю, так и не узнали, что на эту таинственную историю когда-нибудь, может быть, и будет пролит слабый свет. Так случилось, что в прошлом году их маленький дом перешел ко мне как часть наследства. Он пустовал с 1863 года, и не было никакой надежды его сдать; поэтому я пустил его на слом, а бумаги, из которых я тут сделал извлечения, были обнаружены в забытом шкафчике, под окном, в лучшей спальне.

Мэнли Уэйд Уэллман

Мэнли Уэйд Уэллман(1903–1986) родился в городе Камундонго в Португальской Западной Африке (ныне Ангола) в семье врача британской медицинской заставы. Когда он был еще ребенком, его семья перебралась в Вашингтон; он получил звание бакалавра искусств по специальности «английская литература» в Государственном университете Уичиты, а затем звание бакалавра права в Колумбийском университете. Некоторое время он работал репортером в двух уичитских газетах, а в 1939 году переехал в Нью-Йорк, где стал заместителем директора Фольклорного проекта Администрации развития общественных работ (WPA).

Сочинять «страшные» рассказы он начал в 1920-е годы, а в следующем десятилетии они появились на страницах ведущих жанровых изданий, таких как «Странные истории», «Чудесные истории» и «Удивительные истории». В «Странных историях» одновременно печатались три различные серии рассказов Уэллмана: о Серебряном Джоне, или Джоне Менестреле (провинциальном певце, обладателе гитары с серебряными струнами), о Джоне Танстоуне (нью-йоркском плейбое, авантюристе и детективе-экстрасенсе) и, наконец, о судье Кейте Хилари Персиванте, пожилом оккультном детективе (последняя серия публиковалась под псевдонимом Ганс Т. Филдз).

Кроме того, Уэллман является автором литературной основы ряда комиксов, в частности первого выпуска «Приключений капитана Марвела» для «Фосетг пабликейшнс». Когда компания «ДС комикс» обвинила «Фосетт» в заимствовании образа Супермена, Уэллман выступил на стороне истца, и тот выиграл дело после трехлетней тяжбы.

Рассказ «В лунном свете» был впервые опубликован в журнале «Неизвестные миры» в феврале 1940 года.

В лунном свете (© Перевод А. Чикина)

> Это стук в окне случайный, никакой здесь нету тайны: посмотрю и успокою трепет сердца моего.
> Эдгар Аллан По. Ворон.
> (Перевод Д. Мережковского)

Рукой бледной и худой, как птичья лапка, он обмакнул перо в чернильницу и написал в углу листа дату — 3 марта 1842. Затем вывел заголовок: «Заживо погребенные. Эдгар А. По».

Ох, как ему было ненавистно его собственное второе имя, доставшееся в наследство от мелочного и нелюбимого отчима. Какое-то мгновение он раздумывал: может, вычеркнуть его? Но потом решил, что дело вовсе не в имени — просто он изо всех сил пытается отложить писание на потом, и это самое что ни на есть заурядное малодушие. Писать он обязан, иначе придется голодать, ведь филадельфийская «Доллар ньюспэйпер» настойчиво требует от него обещанный рассказ. Что ж, сегодня он как раз услышал пересказ слухов — теща принесла от соседки, — ожививших в душе неизменно притягивавшую его тему.

Он вздохнул и принялся писать аккуратным убористым почерком профессионала-газетчика:

«Есть темы, проникнутые всепокоряющим интересом, но слишком ужасные, чтобы стать законным достоянием литературы…» [12]

Получится, скорее всего, эссе, а не рассказ, ведь он собирается отнестись к поставленной задаче серьезно и обстоятельно. Ему часто приходило в голову, что мир — вовсе не театр, а огромное, пышно изукрашенное кладбище с надгробиями, под которыми не всегда находят покой их обитатели. Слишком многие из них тщетно стараются сбросить с себя пелену савана, поднять тяжелую заколоченную крышку гроба. Ну что такое, позвольте узнать, литературный труд, как не попытка противостоять обществу, стремящемуся втиснуть его в прокрустово ложе своих норм и придушить; обществу жестокому, унылому и бесчувственному, как комья земли, сброшенные с лопаты могильщика?

Он прервался и пошел в кладовку за свечой (керосиновую лампу давно пришлось заложить). Для середины дня, пожалуй, темновато, хотя на улице март. Его заботливая теща хлопотала по хозяйству в доме, из соседней комнаты доносилось тихое дыхание измученной болезнью жены. Бедняжка Вирджиния заснула и на время перестала ощущать изнурительные боли. Вернувшись обратно со свечой, он зажег ее, снова обмакнул перо и продолжил:

«Погребение заживо, несомненно, чудовищнее всех ужасов, какие когда-либо выпадали на долю смертного. И здравомыслящий человек едва ли станет отрицать, что это случалось часто, очень часто…»

Его воспаленный мозг и изощренная фантазия принялись перерабатывать услышанную сегодня историю. Произошло это здесь, в Филадельфии, в его же квартале, по соседству, меньше месяца назад.

Вдовец через некоторое время после смерти жены пришел на ее могилу. Наклонившись, чтобы положить цветы на мраморный обелиск, он услышал странные звуки, доносящиеся из-под земли. Он решил, что супругу похоронили живой, и, вне себя от радости, тотчас же нанял людей для эксгумации тела. Когда открыли гроб, к всеобщему удивлению, оказалось, что тлен не тронул ее тела. Он отвез женщину домой, и ночью она пришла в сознание.

Так говорила людская молва. Возможно, что-то в истории было преувеличено или искажено, а может быть, все было чистейшей правдой. Дом, в котором это произошло, находился совсем недалеко от Спринг-Гарден-стрит, где сейчас писатель склонился над листом бумаги.

По достал записные книжки, полистал их и принялся делать выписки, выстраивая план повествования, выискивая различные примеры: мрачная история воскрешения из мертвых в Балтиморе, еще одна во Франции; по-настоящему жуткая цитата из лейпцигского «Хирургического журнала» — подтвержденный под присягой случай оживления мертвеца разрядами гальванической батареи в Лондоне. Он прибавил, приукрасив романтическими подробностями, случай из собственного жизненного опыта, который ему помнился с детства, проведенного в Виргинии. Он уже собирался поставить точку и закончить рассказ, когда в его голову пришла замечательная идея.

Почему бы не узнать подробнее об этом филадельфийском случае погребения заживо и о самой восставшей из мертвых? Это придаст остроту сочинению. Он мог бы написать кульминацию, привязанную ко времени и месту, что обеспечит успех рукописи. Тогда-то ее непременно напечатают. Помимо всего прочего, он удовлетворит собственное любопытство, которое, чего скрывать, терзало его так же, как постоянные муки голода. По отложил перо в сторону, встал из-за стола, снял с крюка черную шляпу с широкими полями и видавший виды военный плащ, который носил со времен своей несчастливой кадетской юности в Вест-Пойнте. Завернувшись в него, он открыл входную дверь и очутился на улице.

Март ворвался в природу и в жизнь Филадельфии радостно, шумно и мощно. Холодная сухая пыль ударила в глаза, и По крепче сжал губы под темно-русыми усами. Ноги его отчаянно мерзли под слишком легкими для погоды брюками в полоску, ботинки давно нуждались в починке.

В какую же сторону направиться?

Он припомнил название улицы. Еще вроде бы что-то говорили о запущенном садике возле дома. Вскоре он нашел это место или то, что могло им быть. Сад и в самом деле был совершенно запущен: кругом

торчали стебли сухих прошлогодних сорняков, сплетенных в неопрятные узоры. По не без труда отворил скрипучую калитку, прошел по тропинке, вымощенной грубыми плитами, к крыльцу. На двери висела бронзовая табличка с именем владельца: Гаубер. Он взялся за дверной молоток и громко постучал. В доме послышалось какое-то движение, однако дверь оставалась запертой.

— Никто не живет там теперь, мистер По, — заметил стоявший на улице мальчик-рассыльный из бакалейной лавки с тяжелой корзиной в руках.

По сошел вниз по ступенькам. Он хорошо знал парнишку: как-никак он задолжал бакалейщику одиннадцать долларов.

— А ты уверен? — спросил он паренька.

— Еще как, — охотно заверил тот, переложив тяжелую ношу из одной руки в другую. — Кабы там кто жил, они бы покупали в нашей лавке. А я бы доставлял покупки. Но я работаю здесь уже шесть месяцев, а покупки сюда ни разу не приносил.

По сказал парню «спасибо» и пошел по улице, но не домой, нет. Он отправился в магазин Пембертона, своего издателя и друга, чтобы провести с ним время и, возможно, одолжить немного денег.

Перехватить у Пембертона не удалось ни доллара, у того наступили тяжелые времена. Но он предложил глоток-другой виски, от чего По скрепя сердце отказался, однако с благодарностью разделил с хозяином трапезу из супа, галет, сыра и чесночной колбасы. Дома он был бы вынужден ограничиться хлебом с черной патокой, если теща не одолжила или не выпросила что-то у соседей. Солнце уже зашло за горизонт, на улице темнело, когда писатель пожал руку Пембертону, поблагодарил его за теплый прием и гостеприимство. Предстоял путь домой по вечерним улицам Филадельфии.

Дождя, слава небесам, не было. Грозы внушали По печаль. Ветер утих, и мартовское небо было чистым, если не принимать во внимание небольшую кудрявую тучку и темную пелену на горизонте. Поднималась полная луна цвета сливочного мороженого. По внимательно изучал узор пятен и теней на белом диске. Ведь он мог, к примеру, написать еще один рассказ о путешествии на Луну — вроде того, о Гансе Пфаале, но на этот раз вполне серьезно. Размышляя, он шагал по улице в сгущавшихся сумерках, пока не оказался как раз напротив того самого дома с запущенным садом, скрипучей калиткой и надписью на дверях — «Гаубер».

Парнишка-рассыльный ошибался! В окне фасада виднеется какой-то

водянисто-голубой свет — или ему показалось? Нет-нет, не показалось. Определенно, видна фигура в окне: человек наклонился, прильнул лицом к стеклу и, похоже, смотрит прямо на него.

По прошел через калитку к входной двери и, решив попытать счастья еще раз, постучал.

Ожидать ответа пришлось довольно долго, затем раздался скрежет открываемого старого замка. Дверь открывалась внутрь медленно и со скрипом. По успел подумать, что насчет света он обманулся — перед ним зиял черный проем двери. Из темноты прозвучал голос:

— Что вам, сэр?

Голос был хриплый и тихий, как будто тот, кто открыл дверь, задыхался. По снял широкополую шляпу и вежливо поклонился.

— Простите великодушно за непрошеное вторжение… — По растерянно замолк, потому что не знал, к мужчине он обращается или к женщине. — Извините, здесь живут Гауберы?

— Здесь, — ответил голос, тихий, хриплый и по-прежнему бесполый. — Что вам угодно, сэр?

По заговорил официально и решительно; он стал артиллерийским сержантом, когда ему еще не стукнуло двадцати одного, и с тех пор научился находить подходящий тон.

— У меня есть дело, — заявил он. — Я, видите ли, журналист. Мне поручено разобраться со странным отчетом.

— Журналист? — удивился его собеседник. — Странный отчет? Заходите, сэр.

По воспользовался приглашением и шагнул в темноту, услышав в тот же миг за спиной режущий ухо щелчок закрывавшегося замка. Ему сразу же припомнился очень похожий звук: когда он угодил в тюрьму, за ним точно так же резко захлопнулась дверь камеры. Не самое приятное воспоминание о жизненных передрягах. Однако глаза его понемногу привыкли к слабо струившемуся в окно лунному свету.

Он стоял в темной прихожей, отделанной деревянными панелями, но без мебели и без всяких украшений, драпировок или картин. Однако он находился здесь не один, а в компании женщины в длинной юбке и кружевном чепце, завязанном под подбородком. Она была примерно его роста, с напряженным взглядом, а ее глаза как будто светились изнутри. Женщина замерла неподвижно и молчала, ожидая, пока он подробнее объяснит, зачем пришел.

Он именно так и поступил. Назвал себя и, немного покривив душой, представился редактором отдела «Доллар ньюспэйпер», получившим

задание сделать интервью.

— Итак, мадам, эта история касается преждевременного захоронения…

Женщина подошла к нему почти вплотную, но, когда он повернулся к ней лицом, неожиданно отшатнулась. По отметил, что от его дыхания она отпрянула, как отлетевшее перышко. Он вспомнил чесночную колбасу Пембертона и огорчился. Подтверждая его мысли, женщина предложила ему вина — видимо, чтобы перебить чесночный дух.

— Могу ли я предложить вам бокал канарского вина, мистер По? — любезно спросила она и открыла перед ним боковую дверь в комнату.

Он вошел и увидел, что комната оклеена бледно-голубыми обоями. Лунный свет, поглощенный и повторно отраженный в них, создавал какую-то искусственную, призрачную атмосферу. Именно этот странный свет По и заметил в окне. Женщина взяла бутылку со стола без скатерти, налила вина в металлическую чарку и протянула ему.

По страстно хотелось выпить, но совсем недавно он дал больной жене торжественное и искреннее обещание не притрагиваться к алкоголю, так легко разрушавшему его. Запекшимися от внезапной жажды губами он через силу выговорил:

— Благодарю вас, мадам, но я предпочитаю воздерживаться от спиртного.

— А-а, — понимающе улыбнулась она.

По обратил внимание на ее белоснежные зубы.

Затем она прибавила:

— Меня зовут Элва Гаубер, жена Джона Гаубера. То, о чем вы хотели со мной поговорить, не вполне понятно и мне самой. Ясно одно: все произошедшее — правда. Мой муж был похоронен на Истменском лютеранском кладбище…

— Простите, миссис Гаубер, но, по моей информации, похоронена была женщина.

— Нет, похоронен был мой муж. Он тяжело болел. Тело его стало холодным и бесчувственным. Лечащий врач, доктор Мичем, констатировал смерть. Я похоронила мужа под мраморным обелиском в фамильном склепе. — Она говорила усталым, но твердым голосом. — Это случилось вскоре после Нового года. В День святого Валентина я пришла на его могилу с цветами и услышала, как он шевелится и бьется под плитой. Я потребовала вскрыть могилу. И теперь он живет… если можно так выразиться.

— Он жив? — переспросил По. — Он в этом доме?

— А вам бы хотелось взглянуть на него? Переговорить с ним?

Сердце По застучало, как взбесившийся паровой молот, спина похолодела. Такое ощущение всегда доставляло ему своеобразное удовлетворение.

— С огромным удовольствием, — заверил он женщину.

Она пошла к другой двери, которая вела внутрь дома. Открывая ее, миссис Гаубер замерла на пороге, словно собиралась с духом, как перед прыжком в холодную воду. Затем стала спускаться вниз по ступенькам.

По спускался вслед за ней и подсознательно, автоматически прикрыл за собой дверь.

Сразу наступила полная, непроглядная тьма, как в тюрьме, как в могиле. Да, именно как в могиле. Элва Гаубер приглушенно вскрикнула:

— Нет… лунный свет… впустите его!

И вдруг тяжело и бессильно упала, покатившись вниз по ступенькам.

По испугался и быстро спустился к ней, рискуя в любую минуту свернуть себе шею. Она лежала, привалившись к нижней двери, врезанной в деревянную панель. По тронул ее — тело было холодным и окоченевшим, без малейших признаков жизни. Он лихорадочно шарил по двери своей маленькой худой рукой, наконец отыскал ручку и распахнул дверь. Через проем заструился тот же странный лунный свет. По нагнулся, чтобы подтащить женщину поближе к свету.

В то же мгновение она глубоко вздохнула, подняла голову и привстала.

— Как глупо с моей стороны, — хрипло извинилась она.

— Это я виноват, — оправдывался По. — Ваши нервы, истощенные силы, подорванное здоровье — и вот результат. Неожиданная темнота, узкое тесное помещение, все это плохо повлияло на вас. — Он пошарил в кармане в поисках спичек. — Если не возражаете, я зажгу свет.

Она протянула руку запрещающим жестом:

— Нет-нет. Хватит лунного света.

Женщина подошла к продолговатому окошку и ухватилась за подоконник руками, такими же худыми, как у По, но с длинными неопрятными ногтями. Подставив лицо лунному свету, она купалась в его волнах, и ее лицо становилось все спокойнее. Грудь вздымалась почти сладострастно.

— Я пришла в себя, — сказала она. — За меня не беспокойтесь. И прошу вас, сэр, пожалуйста, не стойте так близко.

Он вспомнил о запахе чесночной колбасы и, полный раскаяния, отошел подальше. Как чувствительна к запахам эта Элва Гаубер! Что твои… как их там?… Кто еще, черт возьми, так восприимчив? Каких-то

существ отгоняют запахом чеснока. По не мог припомнить, кого именно. Оглянувшись по сторонам, он понял, что они находятся в полуподвальном помещении с каменными стенами и земляным полом. В одном углу с потолка капала вода, собираясь на полу в грязную лужу. Неподалеку от этой лужи в стене виднелась закрытая на щеколду дверь в подвал, сколоченная из толстых досок, расположенных крест-накрест. Даже и на дверь не слишком похоже. Может, это ставни на окне? Но какое же окно так близко к земле? Сырой землей пахло так сильно и воздух был настолько спертый, словно помещение десятки лет не проветривали.

— Ваш муж здесь? — с невольным удивлением осведомился По.

— Да.

Она кивнула в ответ и прошла к той странной дверце, открыла щеколду и распахнула ее.

Взору По открылся зияющий чернотой проем, откуда слышалось слабое бормотание. По подошел поближе и, напрягая зрение, вгляделся: в конуре из камня-плитняка стояла кровать, а на ней лежал мужчина, почти полностью обнаженный. Его кожа была цвета слоновой кости, и только глаза выдавали жизнь, еще теплящуюся в его теле. Мужчина уставился на Элву Гаубер, потом перевел взгляд на По, задержался на нем, но не выказал удивления.

— Уходи прочь, — еле слышно пробормотал он.

— Сэр, — обратился к нему По официальным тоном, — я пришел сюда, чтобы узнать, каким образом вам удалось возвратиться к жизни из могилы…

— Это ложь! — прервал его человек, лежавший на убогом ложе.

Он с трудом повернулся на бок и, напрягая силы, сел. В слабом лунном свете было отчетливо видно, насколько он худ и изможден. Глаза ввалились, тонкие губы едва прикрывали зубы — то был оскал черепа.

— Ложь, говорю я вам! — закричал он с неожиданной для живого скелета силой, вкладывая в этот крик, возможно, последнюю жизненную энергию. — Ложь, которую распространяет это чудовище. Она., не жена мне…

Дверца захлопнулась, заглушив крики. Элва Гаубер повернулась к По, отступив на шаг от чесночного запаха.

— Вы видели моего мужа, — сказала она. — Зрелище не из приятных.

Он не ответил, и женщина прошла по земляному полу к двери на лестницу.

— Не могли бы вы пойти впереди? — попросила она. — А наверху, пожалуйста, держите дверь открытой, чтобы я не… — Она сказала не то

«упала», не то «умерла». По не был уверен, какое из двух слов она употребила.

Стало ясно как день: хотя она любезно пригласила его в дом, несмотря на поздний час, теперь она тяготилась его присутствием и торопилась выпроводить непрошеного гостя. Глаза Элвы Гаубер, неумолимые и повелевающие, смотрели на него. По подчинился.

Он послушно взобрался по ступенькам и, распахнув верхнюю дверь, придерживал ее, пока Элва поднималась вслед за ним. Когда она оказалась в комнате, она взглянула ему прямо в глаза, и По, как никогда раньше, внезапно понял, что такое «месмерическое озарение», [13]о котором он так любил писать.

— Надеюсь, — проговорила она ровным тоном, тщательно взвешивая слова, — этот визит поможет вам выполнить ваше задание. Я живу одна, ни с кем не вижусь, целиком посвящаю себя заботам о несчастном создании, которое когда-то было моим мужем Джоном Гаубером. Рассудок мой едва держится. Возможно, и манеры оставляют желать лучшего. Простите, если я произвела на вас неблагоприятное впечатление, и позвольте попрощаться.

Он понял, что его вежливо выпроваживают, и через минуту вышел на улицу. Входная дверь захлопнулась за ним, лязгнул замок.

Свежий воздух, хлещущий по лицу ветер и освобождение от настойчивого завораживающего взгляда Элвы Гаубер вернули его к реальности. До него наконец дошло, что могло с ним произойти, останься он в проклятом доме подольше.

В тот непогожий мартовский вечер он вышел из дому с единственной целью: опровергнуть или подтвердить слухи о захоронении заживо. И встретил на своем пути мрачное болезненное существо, назвавшее слухи ложью. Так или иначе, ему не позволили исследовать это происшествие, что могло бы стать одним из самых экзотических приключений, когда-либо выпадавших на его долю. Почему же он должен бросать дело на полпути, не раскрыв тайны этого дома и его обитателей?

И он решил: будь что будет, я обязан узнать правду.

Приняв решение, он быстро разработал план дальнейших действий. Сойдя с крыльца, дошел до калитки, чтобы из дома видели его уход, а сам быстро обогнул здание и отыскал окошко продолговатой формы, расположенное у самой земли.

Приникнув к окошку, По мог разглядеть все полуподвальное помещение — по всей вероятности, оно освещалось изнутри. Он мгновенно определил, откуда исходил свет: из открытой двери на лестницу. Он различал и ее, и грязную лужу в углу, и открытую дверцу, ведущую в

каменную конуру. Этот вход что-то заслоняло — какая-то согбенная фигура приникла к бледному худому телу Джона Гаубера.

Длинная юбка в складку, чепец — это была Элва Гаубер. Она нагнулась вперед, лицо ее касалось то ли лица, то ли правого плеча несчастного мужа.

Сердце писателя, и без того не отличавшееся крепостью, безумно забилось, так что звенело в ушах. Он придвинулся ближе к окошку, но, вероятно, переусердствовал, заслонив свет, потому что в этот момент Элва Гаубер обернулась.

Лицо ее было бледным, как лунный диск. И так же как луна, было испещрено темными пятнами неправильной формы. Она быстро подошла, почти подбежала к окошку, за которым, согнувшись в три погибели, скорчился наблюдатель. По увидел ее так ясно и так близко, что смог разглядеть все до мельчайших деталей.

По ее губам и щекам было размазано что-то темное, блестящее и липкое. Женщина высунула язык, облизывая губы…

Кровь!

По вскочил на ноги и побежал к входной двери дома. Дрожащими пальцами схватился за молоток и принялся колотить в дверь. Никакого ответа. Тогда он попытался выбить дверь плечом, налег всем своим хрупким телом — дверь не поддавалась. Он бросился к окну, постучал в него, приник к стеклу, но не сумел ничего разглядеть внутри. Снова поднял кулак, намереваясь разбить стекло за неимением лучшего выхода.

За окном появился силуэт женщины. Она взялась за раму и подняла ее вверх. Прежде чем По успел отпрянуть, в образовавшемся проеме метнулось, как нападающая кобра, что-то белое, скрюченные пальцы схватили его за лацканы плаща и вцепились мертвой хваткой. Горящие глаза Элвы Гаубер с неописуемой яростью впились в него.

Чепец упал ее с головы, темные волосы в беспорядке разметались по плечам. Кровь яркими каплями и размазанными пятнами выделялась на губах и на скулах.

— Твое любопытство зашло слишком далеко, — произнесла она голосом размеренным и холодным, как капли, падающие с сосулек. — Я не собиралась трогать тебя, потому что запах чеснока мне противен. Я показала тебе то немногое, что должно было навеки отвадить от этого дома любого здравомыслящего человека. Я отпустила тебя. Но теперь…

По отчаянно старался освободиться от ее мертвой хватки, но все было тщетно. Пальцы ее держали не хуже стального капкана. На лице женщины застыла презрительная победная ухмылка.

— Смотри мне в глаза, — приказывала она. — Смотри, ты не в силах противостоять мне, ты не можешь убежать. Ты умрешь, умрешь вместе с Джоном, а затем вы оба, мертвые, подниметесь из могилы такими же, как я. У меня будет два живительных источника, пока вы живы, и два товарища — после вашей смерти.

— Женщина! — вскричал По, стараясь не поддаваться чарам ее неистового гипнотизирующего взгляда. — Женщина, ты сошла с ума!

Она фыркнула и тихо рассмеялась.

— Я в своем уме, как и ты. Мы оба знаем, что я говорю правду. Мы оба знаем, что все твои попытки избежать своей участи обречены на провал. — Голос ее окреп и зазвучал громче. — Через щелку в склеп проник лучше лунного света и ударил мне в глаза. Я проснулась. Я боролась. Меня освободили. Сегодня ночью светит луна. Ах! Какая луна! Не дыши этой дрянью мне в лицо!

Она отвернулась от чесночного запаха. В тот же момент По показалось, что опустился занавес полной темноты, а вместе с ним скользнула вниз и фигура Элвы Гаубер.

Тьма лишила ее жизненных сил, и ее тело повисло на подоконнике, как небрежно брошенная после представления марионетка. Ее рука по-прежнему сжимала борт плаща По, и, чтобы высвободиться от этой хватки, он отрывал от плаща один за другим ее скрюченные, холодные и негнущиеся пальцы. Наконец ему это удалось, и он повернулся спиной к Элве Гаубер. Бежать, бежать! Прочь из этого заклятого места, где живая плоть и кровь подвергается смертельной опасности.

Взглянув в мглистое небо, он увидел, откуда пришла нежданная помощь. Туча, которую он заметил у горизонта, когда выходил из дома Пембертона, переместилась на середину неба. Край этой черной как сажа тучи затмил луну. По остановился, разглядывая черный небосвод и размышляя.

Он внимательно изучил размеры тучи и вычислил примерную скорость ее передвижения. Она будет скрывать луну еще — минут десять. И на протяжении этих десяти минут Элва Гаубер будет лежать неподвижно. Как она сама признала, лунный свет служит источником ее жизненных сил. Ведь она упала как подкошенная и покатилась по ступенькам, когда он закрыл доступ этому свету… По быстро сводил воедино все известные обстоятельства.

Значит, на самом деле умерла и была похоронена в семейном склепе Элва Гаубер, а не ее муж Джон. Она была возвращена к жизни — или к подобию жизни, жалкому и противоестественному, — проникшим в склеп

лучом лунного света. Люди не раз обращали внимание на то, что свет луны порой особым образом влияет на живых существ: заставляет собак выть на луну, вызывает буйство у сумасшедших, приносит с собой страх, черную тоску или, наоборот, вдохновенный экстаз. В древних легендах под лунным светом рождались феи, меняли свой облик оборотни, летали на шабаш ведьмы. Несомненно, именно луна была источником и движущей силой всех злодеяний вампиров: точно так же, как труп Элвы Гаубер, они пробуждались в ее лучах. И он, Эдгар По, не должен стоять и попусту рассуждать — надо быстро действовать.

Он собрал все свое мужество и вскарабкался на подоконник, на котором лежало, перекинувшись через него, бессильное и бесчувственное женское тело. Прошел во тьме по комнате до двери, ведущей в подпол, спустился по ступенькам к нижней двери, открыл ее и очутился в каменном полуподвальном помещении.

Здесь было совершенно темно, луна еще не выглянула из-за тучи. По на мгновение остановился, вынул из кармана коробку спичек и запалил туго свернутый из льняного полотна жгут. Огонек давал слабый свет, однако этого хватило, чтобы ориентироваться в пространстве. По отыскал дверцу, открыл ее и тронул худое обнаженное плечо Джона Гаубера.

— Вставайте, — сказал он. — Я пришел, чтобы спасти вас.

Похожая на череп голова несчастного слегка повернулась в его сторону, Гаубер с трудом просипел:

— Все бесполезно. Я не могу двигаться, если она не позволяет. Она держит меня в плену своих глаз, я наполовину мертв. Должен был давно умереть, но…

По вспомнился паук, пораженный жалом осы, парализованный, беспомощно лежащий в ее тесном гнезде и ожидающий, когда победитель проголодается. Писатель нагнулся ниже, держа перед собой ярко горящую спичку, и осмотрел шею Гаубера: она была покрыта мельчайшими следами укусов, кое-где виднелись капельки крови — свежей и засохшей. По вздрогнул от отвращения, но остался тверд в своем намерении.

— Позвольте мне угадать истинное положение вещей, — торопливо сказал он. — С кладбища вашу жену привезли домой, где она вновь обрела подобие жизни. Она сумела околдовать вас или выкинула еще какой-то трюк, чтобы превратить вас в беспомощного пленника. Последнее, уверяю вас, не противоречит законам природы. Я изучал месмеризм и знаю, о чем говорю.

— Да, все правда, — пробормотал Джон Гаубер.

— И каждую ночь она приходит пить вашу кровь?

Гаубер слабо кивнул.

— Да. Сегодня она только приступила к трапезе, как вдруг убежала наверх. Она скоро вернется.

— Вот и прекрасно, — мрачно отметил По. — Вернувшись, она обнаружит не то, чего ожидает. Приходилось вам слышать о вампирах? Я изучал и это явление. Первые подозрения у меня зародились, когда я понял, что она не переносит запаха чеснока. Вампиры днем лежат неподвижно и оживают ночью, тогда же они и питаются. Они порождены луной, их пища — кровь, а теперь все, идем.

По закончил свою маленькую лекцию, осветил напоследок комнату, хорошенько запомнил расположение дверей и, загасив спичку, с легкостью подхватил Гаубера на руки. Тот был не тяжелее ребенка. По усадил его там, где Гаубера прикрывала дверь на лестницу, и накрыл своим военным плащом. В темноте серый плащ сливался с серыми стенами полуподвала. Бедняга был надежно укрыт от глаз жены-вампира.

Затем По скинул пиджак, жилетку и рубаху; сложив одежду, он спрятал ее под лестницу. Закончив приготовления, он встал у жалкого ложа, обнаженный до пояса. Его кожа была почти такой же бледной и бескровной, как у несчастного Гаубера, грудь и руки такие же худые. Он рассчитывал, что на первый взгляд Элва примет его за мужа.

Погреб снова залил лунный свет. Туча уплыла. Время истекало, следовало поторопиться. По прислушался. Наверху послышалось неясное движение, будто что-то тащили, затем звук шагов.

Элва Гаубер, ночной вампир, вернулась к жизни.

Ну вот, пора, подумал По. Он осторожно опустился на ложе и закрыл за собой дверь.

Он улыбнулся. Он знал все легендарные способы уничтожения вампиров — проткнуть колом, сжечь на костре, применить святую воду и молитву и прочее, прочее, — но Эдгар Аллан По придумал свой собственный, совершенно особенный способ. Во множестве преданий исчадия ада терпеливо поджидали в засаде ничего не подозревавших людей, но скажите на милость, слышал ли кто-нибудь о том, чтобы обычный человек поджидал в засаде вампира? Правда, себя он никогда не считал «обычным» — ни по духу, ни по уму, ни по вкусам.

Он вытянулся, сложив ноги вместе, скрестив руки на голой груди. Вот так, наверное, придется лежать в могиле. На память пришла строчка из стихотворения Брайанта, опубликованного в каком-то старом литературном журнале Новой Англии: «Душная темнота и узкая домовина». В этой дыре и вправду было темно, хоть глаза выколи, душно и негде повернуться. Но

он гнал от себя эти дурные аналогии: нет, он не похоронен заживо! Чтобы страшные глаза Элвы Гаубер не оказали на него месмерического воздействия, он перевернулся на бок, лицом к стене, и положил обнаженную руку на голову, прикрывая щеку и висок.

Когда его ухо коснулось затхлого тюфяка, он снова услышал шаги, вернее, эхо шагов вампира. Она спускалась по лестнице. Шаги были размеренные, уверенные. Элва шла к желанной добыче. Она собиралась закончить прерванную трапезу.

Теперь она ступала по земляному полу. Ни разу не остановилась, не свернула в сторону. Значит, она не заметила мужа, укрытого старым кадетским плащом По и спрятанного за дверью в тени. Элва приблизилась к дверце, ведущей в конуру. По слышал, как она возится со щеколдой. Как-то подозрительно долго.

Нет, все в порядке: конуру тотчас же залил голубой, как снятое молоко, свет. Прямо посредине четырехугольника света стояла зловещая фигура. Воображение писателя, опережающее и преображающее действительность, шепнуло ему, что эта тень материальна, что она тяжела, как свинец, что она имеет свой нрав — злобный, агрессивный.

— Джон, — произнесла Элва Гаубер ему на ухо, — я вернулась. Ты сам знаешь, почему и зачем. — В голосе звучало нетерпение, и По представил себе, как она стоит над ним с жаждущими крови, трясущимися губами. — Теперь ты — мой единственный источник жизненных сил. Я понадеялась, что появится еще один — тот пришелец, но он сумел ускользнуть. К тому же от него несло проклятым чесноком.

Ее рука ощупывала шею По, выискивая на коже лакомый кусочек.

«Господи, она щупает меня, как мясник — обреченную на убой скотину», — подумал он.

— Ну же, не отворачивайся от меня, дорогой. Не будь таким застенчивым. — Она командовала по-хозяйски, с грубоватой насмешкой над беспомощной жертвой. — Ничего у тебя не получится, ты прекрасно знаешь. Это ночь полнолуния, и я могу позволить себе все, что захочу! — Она старалась оторвать его ладонь, прикрывавшую лицо. — Своим сопротивлением ты ничего не…

Она вдруг замолкла на полуслове, осознав: что-то не так. А потом издала дикий хриплый вопль:

— Ты не Джон!

По рывком перевернулся на спину, выкинул вперед обе худые, как птичьи лапки, руки и схватил Элву Гаубер. Одну руку он запустил в ее разметавшиеся волосы, похожие на клубок змей, а другой вцепился в

холодную плоть предплечья.

Ее дикий вопль перешел в ужасные хрипы. По, стараясь не обращать внимания на эти леденящие душу звуки, с силой рванул ее на себя, собрав в этом усилии всю мощь своего тщедушного тела. Ноги Элвы оторвались от земли, и она влетела в узкую клетушку. Ее голова врезалась во внутреннюю стену ниши позади кровати, где лежал По, раздался треск проломленных черепных костей. Она упала бы на него, если бы По в тот же миг не выскользнул из каменной конуры на земляной пол.

С лихорадочной поспешностью он схватился за дверцу и налег на нее всем телом. Элва Гаубер упала на опустевшее вонючее ложе и барахталась меж дырявых простынь, а По захлопнул дверцу и навалился на нее.

Женщина бросалась на дверь с той стороны, крича и завывая подобно зверю, попавшему в ловушку. Она обладала силой не меньшей, чем он, и на секунду в его душу закралось сомнение: кто победит в их единоборстве? Но, пыхтя и потея, он удерживал дверь плечом, упираясь ногами в земляной пол, и одновременно нашаривал крепкую щеколду. Наконец его пальцы нашли спасительный запор и задвинули его. Все, теперь вампир никуда не денется.

— Темно! — стонала внутри Элва Гаубер. — Темно… нет луны, нет луны…

Голос ее постепенно затих.

По отошел к грязной луже в углу. Вода была протухшей, глинистой — именно такая, как нужно сейчас. Он опустил в лужу сложенные пригоршней ладони и, набрав грязи, с силой швырнул ее на дверцу. Одна пригоршня, другая, третья и еще, еще… Ладонями, как мастерком, он методично залепил все щели и трещины, покрыв доски толстым слоем грязи.

— Гаубер, — позвал он, переводя дыхание, — как вы?

— В порядке, кажется.

Голос его удивительным образом окреп. Оглянувшись через плечо, По увидел, что Гаубер сам, без посторонней помощи, сумел подняться на ноги. Он, конечно, был неимоверно худ и бледен, но на ногах стоял твердо.

— Что вы делаете? — поинтересовался Гаубер.

— Законопачиваю ее, — пошутил По, снова и снова набирая полные пригоршни жидкой грязи. — Замуровываю навечно — и ее, и зло, которое она несет людям.

В голове его вдруг искрой пронеслась вдохновенная сцена, символическое зерно будущего рассказа: мужчина замуровывает женщину в стену или нишу вроде этой. А вместе с ней он замуровывает и

воплощение вселенского зла, принявшего обличье, скажем, черного кота.

Закончив нелегкий труд, По выпрямился, глубоко вдохнул полной грудью затхлый воздух подземелья и улыбнулся. Даже в моменты смертельной опасности, в часы работы, во времена невзгод и отчаянной нужды он умудрялся придумывать сюжеты для новых рассказов. Так будет всегда.

— Не знаю, как вас благодарить, — бормотал Гаубер, растерявшийся от счастья. — Я думаю, теперь все будет хорошо, если… если она не выберется оттуда.

По прислушался к тому, что происходило внутри ниши, приблизив к дверце ухо.

— Ни шороха, ни единого звука, сэр. Без лунного света она лишена силы и способности жить. Не могли бы вы помочь мне одеться? Я страшно замерз.

Теща встретила его на пороге дома, когда он вернулся на Спринг Гарден-стрит. Ее худое лицо под белым вдовьим чепцом выражало беспокойство. Она даже осунулась от тревоги за беспутного зятя.

— Эдди, ты нездоров?

В такой форме она пыталась узнать у По, не пил ли он сегодня. Приглядевшись и принюхавшись, она установила, что худшие опасения на этот счет не подтвердились.

— Слава богу, нет! Но тебя так долго не было дома. А как ты выглядишь? Ты посмотри на себя, на кого ты похож? Грязный, чумазый… Ты должен сейчас же помыться.

По позволил теще провести себя на кухню, где она налила в таз теплой воды. И пока он отскребал грязь, в его голове складывались самые банальные оправдания: мол, отправился на прогулку, чтобы набраться на свежем воздухе вдохновения, а голова внезапно закружилась. Она же знает, что это с ним случается. Оступился, упал в лужу, и так далее, и тому подобное.

— Сделать тебе хорошего горячего кофе, Эдди? — Заботливая теща заглянула на кухню проверить, как у него дела.

— Да, если можно, — ответил По и отправился в свою комнату.

Он зажег свечу, сел за стол и взял в руки перо.

Его мозг напряженно работал: он придумывал и разрабатывал сюжет нового рассказа. Зерно этого сюжета зародилось в голове в минуту вдохновения, посетившего писателя в полуподвальном помещении долга Гаубера. Нет, он отложит это на завтра, чтобы работать на свежую голову.

По надеялся, что «Юнайтед Стэйтс сатердэй пост» купит у него такую вещь. Название? Он назовет рассказ просто, без причуд: «Черный кот».

Да, но необходимо закончить сегодняшнюю работу. С чего начать? И чем закончить? Если описать и опубликовать все то, что с ним сегодня приключилось, сможет ли он оправдаться перед публикой и критиками, опровергнуть все более громкие слухи о его безумии? Ситуация не из приятных.

По решил: он забудет все, что с ним произошло. Если сможет. Ему нужны хорошая компания, поддержка и покой; может быть, он станет писать какие-нибудь легкие стихи, юмористические статьи и рассказы. Впервые в жизни он пресытился зловещими темами.

Он быстро дописал последний абзац.

«Бывают мгновения, когда даже бесстрастному взору Разума печальное Бытие человеческое представляется подобным аду, но нашему воображению не дано безнаказанно проникать в сокровенные глубины. Увы! Зловещий легион могильных ужасов нельзя считать лишь пустым вымыслом; но, подобные демонам, которые сопутствовали Афрасиабу в его плавании по Оксусу, они должны спать, иначе растерзают нас, — а мы не должны посягать на их сон, иначе нам не миновать погибели».

Вот это годится для публики, решил Эдгар Аллан По. Во всяком случае, годится для филадельфийской «Доллар ньюспэйпер».

Теща принесла ему кофе.

Август Дерлет

Август Уильям Дерлет(1909–1971) родился в Соук-Сити, штат Висконсин, где провел всю свою жизнь. В 1930 году он получил степень магистра в Университете Висконсина; начиная с 1926 года в «Странных историях» и других палп-изданиях публиковались его «страшные» рассказы, часть которых написана в соавторстве с Марком Шорером, другом детства Дерлета. На протяжении жизни Дерлет написал более трех тысяч рассказов и статей и опубликовал свыше сотни книг, включая детективы (в которых действуют судья Пек и частный сыщик Солар Понс — американский Шерлок Холмс), мистические истории и то, что сам он расценивал как серьезную литературу: протяженный цикл книг, рассказов, стихов, очерков о жизни в маленьком городке под названием Священная Прерия.

Дерлету принадлежит едва ли не единоличная заслуга признания широким читателем творчества Лавкрафта, которое не было по достоинству оценено при жизни писателя. Он расширил созданную Лавкрафтом вселенную мифов Ктулху, управляемую зловещими Древними, включив в нее благожелательных Старших Богов, которые выведены во многих его рассказах. Другой, возможно, наиболее значительный вклад Дерлета в литературу ужасов — издательство «Аркхэм хаус», которое он основал вместе с Дональдом Уондри и в котором были опубликованы многочисленные тома сочинений Лавкрафта, а также ранние произведения будущих титанов жанра, таких как Роберт Блох, Фриц Лейбер, Рэй Брэдбери и Джозеф Пейн Бреннан.

Рассказ «Метель» был впервые опубликован в «Странных историях» в феврале 1939 года.

Метель (© Перевод А. Чикина.)

Шаги приближавшейся тетушки Мэри внезапно затихли, и Клодетта обернулась посмотреть, что задержало тетушку. Старая дама застыла как изваяние, крепко сжав свою трость; ее неподвижный взгляд был устремлен на большие французские окна, расположенные как раз напротив двери, в которую она вошла.

Клодетта бросила взгляд через стол на мужа, тоже наблюдавшего за тетушкой, но выражение его лица ничего не прояснило. Она снова

обернулась — тетушка испытующе смотрела на нее холодным молчаливым взором. Клодетта почувствовала себя неуютно.

— Кто раздвинул шторы на окнах с западной стороны?

Услышав эти слова, Клодетта покраснела.

— Я, тетушка. Извините, я забыла о вашем запрете.

Старая дама издала странный мычащий звук и снова уставилась на высокие створки. Она сделала едва уловимое движение, и служанка Лиза выскочила из сумрака зала, откуда с крайним неодобрением наблюдала за Клодеттой и ее мужем. Подбежав прямо к окнам, она задернула шторы.

Тетушка Мэри медленно заняла свое место во главе стола. Прислонив трость к боковине стула, она потянула за цепочку у себя на шее так, чтобы поместить лорнет на колени. Перевела взгляд с Клодетты на своего племянника Эрнеста.

Затем глаза тетушки остановились на пустом стуле с противоположной стороны стола, и она заговорила так, словно не видела ни Клодетту, ни ее мужа.

— Я запретила вам обоим после захода солнца раздвигать шторы на окнах с западной стороны. Вы, должно быть, уже заметили, что и вечером, и ночью эти окна всегда зашторены. Я специально позаботилась о том, чтобы разместить вас в комнатах с окнами на восток, да и гостиная тоже находится в восточной стороне дома.

— Я уверен, Клодетта не имела намерения досадить вам, тетушка, — вдруг вмешался Эрнест.

Старая дама подняла брови и бесстрастно продолжила:

— Я не считала нужным объяснять причину моей просьбы. И не собираюсь ничего растолковывать сейчас. Но хочу предупредить: раздвигая шторы, вы подвергаете себя вполне реальной опасности. Эрнест знает об этом, а ты, Клодетта, еще нет.

Клодетта озадаченно глянула на мужа. Заметив это, тетушка добавила:

— Можете считать меня эксцентричной старухой, выжившей из ума, но я советую вам прислушаться к моим словам.

Неожиданно в комнату вошел молодой человек. Буркнув присутствующим в знак приветствия что-то невнятное, он плюхнулся на свободный стул.

— Опять опоздал, Генри, — произнесла хозяйка.

Генри пробубнил что-то в ответ и торопливо начал есть. Тетушка вздохнула и тоже наконец приступила к еде, за ней Клодетта и Эрнест. Старый слуга, все это время стоявший за стулом тетушки Мэри, удалился, одарив Генри презрительным взглядом.

Через некоторое время Клодетта подняла голову и осмелилась сказать:

— Тетушка Мэри, а вы не настолько оторваны от внешнего мира, как мне казалось.

— Ты права, дорогуша. У меня есть телефон, машина и все прочее. Но каких-нибудь двадцать лет назад, поверьте, дела обстояли совершенно иначе. — Улыбаясь от нахлынувших воспоминаний, тетушка поглядела на Эрнеста. — Твой дедушка был тогда еще жив, и снежные заносы частенько лишали его всякой связи с окружающим миром.

— Когда в Чикаго говорят о «северных районах» или «висконсинских лесах», кажется, что это далеко-далеко, — заметила Клодетта.

— В общем-то, это действительно далеко, — встрял в разговор Генри. — Кстати, тетушка, я надеюсь, вы сделали приготовления на тот случай, если вы окажемся отрезанными от мира на день-другой? Снег собирается, да и по радио обещают метель.

Старая дама, хмыкнув, посмотрела на Генри.

— Ты, Генри, как-то слишком обеспокоен. Словно, едва ступив на порог моего дома, жалеешь о том, что приехал. Если волнуешься по поводу метели, я прикажу Сэму отвезти тебя в Ваусау, и завтра ты будешь в Чикаго.

— Да нет, не надо.

Наступило молчание, и тетушка тихо позвала Лизу. Служанка вошла в комнату и помогла ей встать со стула, хотя старая дама — Клодетта уже успела заметить это и сказала мужу — в особой помощи не нуждалась.

У двери тетушка Мэри, невозмутимо-грозная, с тростью в одной руке и нераскрытым лорнетом в другой, пожелала всем доброй ночи и исчезла в темном коридоре. Послышались удаляющиеся шаги старой дамы и почти безотлучно находившейся при ней служанки. Большую часть времени в доме никто не жил, кроме них двоих. Лишь краткие наезды племянника Эрнеста — «мальчика дорогого Джона» — и Генри, о чьем отце тетушка никогда не говорила, скрашивали приятную дремоту их тихого существования. Да еще Сэм, обычно ночевавший в гараже.

Клодетта нервно взглянула на мужа, и тут Генри высказал то, что пришло на ум им обоим.

— Похоже, она сходит с ума, — заметил он бесстрастно.

Не дав Клодетте возможности возразить, он поднялся и вышел в гостиную, откуда доносились звуки музыки из радиоприемника.

Клодетта повертела в руках ложку и наконец произнесла:

— Эрнест, мне действительно кажется, что она немного не в себе.

Эрнест снисходительно улыбнулся.

— А я так не считаю. У меня есть соображения по поводу того, почему она занавешивает окна на западной стороне. Там погиб мой дед: однажды ночью он ослабел от холода и замерз на склоне холма. Не могу сказать точно, как все произошло, в тот день меня здесь не было. Мне кажется, тетушка не любит, когда ей напоминают о его смерти.

— Но о какой опасности она говорила?

Эрнест пожал плечами.

— Вероятно, дело в ней самой. Что-то терзает ее, а она терзает нас. — Он замолчал на мгновение, а потом добавил: — Она действительно кажется странной, но такой она была всегда, сколько я ее помню. В следующий приезд ты этого и не заметишь.

Клодетта поглядела на мужа и сказала:

— Эрнест, мне не нравится этот дом.

— Чепуха, дорогая.

Эрнест приподнялся со стула, но Клодетта его остановила.

— Послушай, Эрнест. Я прекрасно помнила, что тетушка Мэри запретила раздвигать шторы, но у меня было такое чувство, что я должна это сделать. Я не хотела, но что-то заставило меня. — Голос ее дрожал.

— Но, Клодетта, — спросил Эрнест обеспокоенно, — почему ты раньше мне об этом не сказала?

Она пожала плечами.

— Тетушка могла подумать, что я ищу отговорку.

— Ну, ничего плохого не случилось. Ты немного переволновалась, а тебе это вредно. Забудь об этом. Думай о чем-нибудь другом. Пойдем послушаем радио.

Они поднялись и вместе направились в гостиную. У двери они столкнулись с Генри. Тот отступил в сторону и заявил:

— Мне нужно было догадаться, что мы здесь застрянем. — И прежде чем Клодетта успела возразить, добавил: — С нами все будет хорошо. Просто поднимается ветер, снег идет, а я знаю, чем это кончается.

Генри пропустил Клодетту с мужем в гостиную, а сам направился в пустую столовую. Там он на мгновение остановился и посмотрел на длиннющий стол. Затем обогнул его, подошел к окну, раздвинул шторы и, прищурившись, уставился в темноту. Эрнест увидел его у окна и крикнул из гостиной:

— Генри, тетушка Мэри не любит, когда там раздвигают шторы!

Генри обернулся и ответил:

— Ну, пусть она боится, а я рискну.

Клодетта вгляделась в ночную тьму поверх головы Генри и вдруг

воскликнула:

— Посмотрите, там кто-то есть!

Бросив быстрый взгляд через стекло, Генри ответил:

— Нет никого. Это снег, ветер гоняет его туда-сюда.

Задернув шторы, Генри отошел в сторону. Клодетта неуверенно заметила:

— Но я могу поклясться, что видела, как кто-то прошел мимо.

— Тебе могло показаться с того места, где ты сидишь, — предположил Генри. — Думаю, на тебя подействовали чудачества тетушки Мэри.

Клодетта не ответила. Она замерла, не отрывая глаз от все еще колыхавшихся штор. Потом поднялась и вышла из гостиной, прошла по длинному коридору в восточное крыло дома, отыскала комнату тетушки Мэри и осторожно постучала в дверь.

— Войдите, — послышался голос хозяйки.

Клодетта открыла дверь и переступила порог комнаты. Тетушка Мэри сидела в ночной сорочке, а ее непременные атрибуты — лорнет и трость покоились на бюро и в углу соответственно. Выглядела она на удивление добродушной, это Клодетта отметила сразу.

— Хм, а ты думала, я переодетое чудовище? — спросила старая дама, улыбаясь, что выглядело очень непривычно. — Нет, я не чудовище, как ты убедилась. К тому же сама побаиваюсь окон на западной стороне.

— Я хотела вам кое-что сказать об этих окнах, — начала Клодетта и вдруг замолчала.

Молодой женщине стало не по себе от странного выражения, появившегося на лице старухи: не гнев или недовольство, а затаенное мучительное напряжение. Она испугалась!

— Ну и?… — быстро спросила тетушка Мэри.

— Я посмотрела в окно, и на мгновение мне показалось, что снаружи кто-то есть.

— Вот именно, показалось. Клодетта, у тебя разыгралось воображение. А может быть, это из-за метели.

— Воображение? Допускаю. Но метели не было, ветер задул позднее.

— Я сама часто обманываюсь, дорогуша. Иногда утром выхожу посмотреть, нет ли следов, и никогда их не нахожу. У нас есть и телефон, и радиоприемники, но, когда начинается метель, до нас практически невозможно добраться. Ближайший сосед живет у подножия большого холма, за три мили отсюда, к тому же через леса. Главная дорога проходит там же, а небольшие подъезды в такую погоду заметает.

— Но я видела отчетливо, могу поклясться.

— Может быть, утром выйдешь посмотреть? — резко спросила тетушка Мэри.

— Разумеется, нет.

— Значит, ты ничего не видела! — Это был наполовину вопрос, наполовину приказ.

— Ох, тетушка, вы так озабочены этим сегодня, — отозвалась Клодетта.

— Так ты видела что-то или нет?

— Не видела, тетушка Мэри.

— Очень хорошо. Тогда поговорим о чем-то более приятном?

— Ну конечно… Извините, тетушка. Я не знала, что там погиб дед Эрнеста.

— Хм, он тебе все-таки рассказал?

— Да, Эрнест сказал, что именно по этой причине вы не любите смотреть на холм после заката солнца. Что вам не нравится, когда напоминают об этом.

Когда хозяйка взглянула на Клодетту, ее лицо ничего не выражало.

— Бог даст, Эрнест никогда не узнает, насколько он близок к истине.

— Что вы имеете в виду, тетушка Мэри?

— Ничего такого, о чем тебе нужно знать, дорогуша. — Она снова улыбнулась, и лицо ее стало менее суровым. — А сейчас, Клодетта, тебе лучше уйти. Я устала.

Клодетта послушно поднялась и направилась к двери. У двери старуха остановила ее вопросом:

— Как погода?

— Генри сказал, что идет снег, дует сильный ветер.

При этом известии на лице тетушки отразилось неудовольствие.

— Плохо, совсем плохо. А если сегодня кому-то вздумается притащиться на склон? — спросила она, как будто говорила сама с собой, забыв о том, что Клодетта стояла у двери. Вспомнив о присутствии молодой женщины, старая дама произнесла: — Но ты же ничего не знаешь, Клодетта… Спокойной ночи.

Выйдя из комнаты, Клодетта прислонилась спиной к закрытой двери и попыталась понять, что могли означать эти слова: «Но ты же ничего не знаешь, Клодетта». Она недоумевала — странные слова. Странно и то, что на миг тетушка совершенно забыла о ее присутствии.

Клодетта отошла от двери и, едва повернув в восточное крыло, натолкнулась на Эрнеста.

— А, вот ты где, — сказал он. — А я все гадал, куда ты подевалась.

— Я немного поговорила с тетушкой Мэри.

— Генри опять выглядывал в окна на западной стороне, и теперь он тоже считает, что там кто-то есть.

Клодетта резко остановилась.

— Он действительно так думает?

Эрнест с серьезным видом кивнул головой.

— Впрочем, там ужасная метель. Могу представить, как твое предположение на него подействовало.

Клодетта повернулась и зашагала обратно по коридору.

— Пойду расскажу тетушке Мэри.

Эрнест хотел остановить ее, но, пока он раздумывал, как лучше это сделать, его жена уже постучала в дверь тетушкиной комнаты, отворила ее и вошла внутрь.

— Тетушка Мэри, — произнесла Клодетта, — не хотела вас беспокоить, но Генри снова выглянул в окно столовой и теперь тоже считает, что там кто-то есть.

Слова молодой женщины магически подействовали на хозяйку.

— Он видел их! — воскликнула она.

Затем вскочила на ноги и подбежала к Клодетте.

— Давно ли? — спросила тетушка Мэри, вцепившись в руку молодой женщины. — Говори скорей. Давно он их видел?

От удивления Клодетта лишилась дара речи, но лишь на мгновение. Чувствуя на себе пристальный взгляд старухи, она вновь заговорила:

— Недавно, тетушка Мэри. После ужина.

Старая дама отпустила Клодетту и как-то обмякла.

— Ох, — выдавила она, повернулась и медленно прошла к столу, прихватив из угла трость.

— Значит, там все-таки кто-то есть? — выкрикнула Клодетта, когда тетушка уселась на стул.

Долго-долго, как показалось Клодетте, тетушка хранила молчание. Затем тихо кивнула головой, и едва различимое «да» сорвалось с ее губ.

— Тогда давайте впустим их в дом, тетушка Мэри.

Бросив короткий серьезный взгляд на Клодетту, старая дама уставилась на стену и ответила ровным низким голосом:

— Мы не можем впустить их в дом, Клодетта… потому что они неживые.

В мозгу Клодетты немедленно зазвучали слова Генри: «Она сходит с ума». Невольный испуг выдал ее мысли.

— К сожалению, я не сумасшедшая, милая. Лучше бы так, но я в

здравом рассудке. Вначале там была девушка. Потом к ней присоединился мой отец. Давно, в дни моей молодости, отец сделал нечто такое, в чем раскаивался до конца жизни. Человек он был крайне вспыльчивый, до бешенства. Однажды вечером он узнал, что один из моих братьев — отец Генри — состоит в связи с одной из служанок, очень привлекательной девушкой чуть старше меня. Он считал, что виновата девушка, хотя никакой ее вины не было. Отец немедленно выгнал служанку из дому, несмотря на поздний час. Зима еще не наступила, но ночи стояли холодные, а жила девушка в пяти милях отсюда. Мы просили отца не выгонять ее — что-то нам подсказывало, что быть беде, — но он отмахнулся. И девушке пришлось уйти. Вскоре после ее ухода задул сильный ветер, перешедший в жестокую бурю. Отец уже раскаялся в своем скоропалительном решении и послал мужчин на поиски, но они оказались безуспешными. Утром следующего дня замерзший труп служанки нашли на пологом склоне холма к западу от дома.

Тетушка вздохнула, чуть помедлила и продолжала рассказ:

— Спустя годы девушка вернулась. Она пришла в метель, как и ушла когда-то. Но она стала вампиром. Мы все ее видели. Случилось это так. Мы сидели за ужином в столовой, и тут отец увидел ее. Ребята уже к тому времени поднялись наверх, за столом оставались только отец и мы, две девочки — я и моя сестра. Так вот, мы ее увидели, но не сразу узнали: различили лишь смутную фигуру, с трудом передвигавшуюся в снегу за стеклянными дверями. Отец выбежал к ней наружу, приказав нам послать мальчиков за ним следом. Больше живым мы его не видели. Утром мы обнаружили его труп на том самом месте, где год назад было найдено тело девушки. Он умер от переохлаждения. Прошло несколько лет, и девушка вернулась вместе со снегом, но не одна, а в сопровождении нашего отца. Он тоже превратился в вампира. Они оставались здесь, пока не сошел снег, и все время пытались выманить кого-нибудь наружу. Я уже знала, что делать, и закрывала занавесками стеклянные двери от захода до восхода солнца, потому что они никогда не Бродили дальше западного склона. Ну, теперь ты все знаешь, Клодетта.

Клодетта хотела сказать что-то, но не успела произнести и слова, потому что сначала услышала за дверью быстрые шаги. Затем в дверь постучали, и в проеме вдруг появилась голова Эрнеста.

— Идите скорее! — крикнул он почти весело. — На западном склоне люди — девушка и старик. Генри пошел за ними.

И он с видом победителя исчез. Клодетта вскочила на ноги, но тетушка опередила ее и помчалась по коридору, на ходу громко призывая Лизу. Лиза

вылетела из комнаты в ночном чепце и ночной сорочке.

— Позови Сэма, Лиза, — приказала старая дама. — Пусть поспешит ко мне в гостиную.

Тетушка вбежала в гостиную, Клодетта за ней. Створки французских окон были распахнуты настежь, Эрнест стоял снаружи на заснеженной террасе и звал Генри. Старая дама бросилась к нему и встала рядом, прямо в снег, не обращая внимания на сильную метель.

Поросший лесом западный склон затерялся в снежной пелене. Ближние деревья были чуть видны.

— Куда же они подевались? — спросил Эрнест, обернувшись и думая, что рядом с ним стоит Клодетта. При виде старой дамы он озадаченно вымолвил: — Ба, тетушка Мэри… вы же почти раздеты. Вы простудитесь.

— Не волнуйся, Эрнест. Я в порядке. Я велела позвать Сэма, чтобы он помог тебе искать Генри.

— Вряд ли Генри ушел далеко — он только что вышел.

— Он ушел раньше, чем ты это заметил; и он уже далеко.

Тут к ним присоединился запыхавшийся Сэм в наброшенном на плечи пальто. Сэм был значительно старше Эрнеста — почти ровесник тетушки. Он вопросительно взглянул на нее:

— Опять они явились?

Тетушка Мэри кивнула головой.

— Тебе придется отправиться за Генри. Эрнест поможет. И запомни: держитесь вместе. И не отдаляйтесь от дома.

Клодетта вынесла Эрнесту пальто и вместе с тетушкой встала у окна. Они стояли и смотрели на удалявшихся мужчин, пока тех не поглотила пелена снежного бурана. Потом женщины повернулись и вошли в дом.

Старая дама уселась на стул у окна. Лицо ее было бледным и изможденным. Клодетта позднее отметила, что «выглядела она так, будто в ней что-то надломилось». Женщины долго сидели молча. Затем, тихо вздохнув, тетушка Мэри повернулась к Клодетте и сказала:

— Теперь их будет трое.

Внезапно — так неожиданно, что они не успели понять, как это произошло, — за окном появились Сэм и Эрнест. Они вдвоем тащили Генри. Тетушка подскочила к створкам, чтобы открыть их, и трое запорошенных снегом мужчин оказались в комнате.

— Мы нашли его, но… боюсь, он сильно промерз, — сообщил Эрнест.

Тетушка послала Лизу за холодной водой, а Эрнест побежал переодеться. Клодетта пошла за ним и уже в комнате рассказала ему, о чем поведала ей старая дама.

Эрнест рассмеялся.

— И ты поверила? Сэм и Лиза верят, я знаю. Давным-давно я слышал от Сэма эту историю. Кажется, шок от смерти деда оказался для всех троих слишком сильным потрясением.

— Но история с девушкой, и потом…

— Боюсь, история с девушкой — правда. Неприятная история, но она действительно имела место.

— Однако и Генри, и я видели этих людей! — слабо возразила Клодетта.

Эрнест замер.

— Это так, — согласился он. — Я тоже их видел. Они и сейчас там, и мы должны их найти!

Эрнест снова накинул пальто и вышел из комнаты, хотя жена с дрожью в голосе попыталась остановить его. У двери гостиной его ждала тетушка — до ее слуха донесся голос Клодетты.

— Нет, Эрнест, ты не должен туда больше ходить, — сказала она. — Там никого нет.

Эрнест осторожно обошел ее и позвал Сэма:

— Ты идешь, Сэм? Те двое еще там, мы чуть не забыли о них.

Сэм посмотрел на него как-то странно.

— Чего вы хотите? — спросил он резко и глянул на качавшую головой старую даму.

— Там девушка и старик, Сэм. Мы должны их найти.

— А, девушка и старик, — повторил Сэм. — Так они мертвые!

— Тогда я пойду один, — заявил Эрнест.

Генри вдруг вскочил на ноги, и вид у него был совершенно отрешенный. Сделав несколько шагов, он оглядел присутствующих невидящим взором и неожиданно заговорил. Голос его был неестественным, детским.

— Снег, — бормотал он, — снег… красивые руки, такие маленькие, такие прекрасные… ее красивые руки… и снег… прекрасный снег кружится и падает на нее…

Генри медленно повернулся и посмотрел на высокие створки окон. Все обернулись туда же. Ветер прибивал снег к дому сплошной белой стеной. На мгновение Генри замер, и тут из снега появилась белая, покрытая инеем фигура девушки. Ее блестящие глаза странным образом притягивали к себе, очаровывая.

Пытаясь удержать Генри, старая дама бросилась к нему. Но было поздно: ее племянник успел подбежать к окну, раскрыть его и, не обращая

внимания на окрик Клодетты, исчез в снежной стене.

Эрнест рванулся к дверям, но тетушка обхватила его руками, почти повиснув на нем, и взмолилась:

— Не ходи! Генри ты уже не поможешь.

Клодетта подбежала, чтобы помочь ей, а Сэм с угрожающим видом встал у окна, прикрыв его от ветра и зловещего снега. Так они и держали Эрнеста, не выпуская.

— Завтра, — сказала тетушка суровым шепотом, — мы должны пойти на кладбище и проткнуть их кольями. Надо было раньше это сделать.

Утром они обнаружили скрюченное тело Генри под старым дубом, там же, где когда-то были найдены тела старика и девушки. На снегу виднелся едва различимый след — длинная неровная полоса, — оставшийся после того, как некая сила волоком тянула мертвеца за собой. Но человеческих следов вокруг не было, лишь непонятные впадинки, как-будто сделанные ветром в снегу. Ветер, и больше ничего.

Но на коже Генри остались отметины снежных вампиров — небольшие следы нежных девичьих рук.

Элис Эскью, Клод Эскью

Элис Джейн де Курси(1874–1917) родилась в лондонском районе Сент-Панкрас.

Клод Артур Кэрри Эскью(1866–1917) родился в районе Ноттинг-Хилл, Западный Лондон, получил образование в Итонском колледже и на континенте.

Они поженились в 1900 году, и этот брак положил начало удивительно плодотворному соавторству: их перу принадлежит множество журнальных сериалов, рассказов и свыше девяноста романов, выходивших в свет с 1904-го по 1934 год, хотя сами авторы погибли во время Первой мировой войны, когда находившееся в Средиземном море судно, пассажирами которого они были, подверглось атаке вражеской подводной лодки.

Их первый роман, «Суламифь» (1904), был адаптирован для лондонской театральной сцены Клодом Эскью и драматургом Эдвардом Кноблохом; позднее по нему были сняты два немых фильма (1915, 1921). Другие экранизации прозы четы Эскью — «Жена Джона Хериота» (1920, по одноименному роману 1909 года), «Доказательство» (1920, по одноименному роману 1909 года), «Тайна Плейделла» (1916, по роману «Яд» (1913)) и «Глина в руках Божьих» (1919, по одноименному роману 1913 года).

Хотя большая часть их романов и рассказов — это детективные повествования, Элис и Клод Эскью писали также любовные, приключенческие и прочие романы — по сути, в их творчестве представлены все популярные прозаические жанры, включая цикл мистических рассказов об оккультном детективе, или охотнике на привидений, Эйлмере Вэнсе; публиковавшиеся в периодике, они впервые были собраны под одной обложкой в сборнике «Эйлмер Вэнс, духовидец» (1988).

Рассказ «Эйлмер Вэнс и вампир» был впервые опубликован в журнале «Еженедельный рассказчик» в июле 1914 года.

Эйлмер Вэнс и вампир (© Перевод И. Иванова.)

Эйлмер Вэнс, обладавший большими познаниями в области паранормальных явлений, жил в районе Пикадилли, на Дувр-стрит. Решив идти по его стопам и учиться у него, я снял жилье в том же доме, чтобы

быть поближе к наставнику. Довольно быстро мы с Эйлмером стали близкими друзьями. Он занялся развитием моих способностей к ясновидению, о котором до встречи с ним я даже не подозревал; сразу добавлю, что в нескольких серьезных делах эта способность сослужила мне добрую службу. Но и я сумел оказаться полезным для Вэнса, в первую очередь тем, что сделался хроникером множества его удивительных приключений. Сам он не жаждал известности, и далеко не сразу мне удалось убедить наставника, что его опыт и наблюдения представляют большой интерес для науки, а потому должны быть задокументированы. Только тогда он согласился и позволил мне вести эти записи.

Случай, о котором я вам расскажу, произошел вскоре после моего переселения в дом, где жил Вэнс. Естественно, тогда я был еще новичком в таких делах.

В то утро я находился у него. Он сообщил мне, что около десяти ждет посетителя. На визитной карточке, присланной заранее, значилось имя Пола Давенанта.

Имя было мне знакомо. Уж не тот ли Давенант — спортсмен, что добился успехов и в водном поло, и в скачках с препятствиями? Этот молодой человек происходил из богатой и знатной семьи и, как я вспомнил, примерно год назад женился на девушке, признанной первой красавицей сезона. Иллюстрированные издания печатали их снимки. Мне подумалось тогда: «Какая замечательная пара».

Когда посетитель появился в кабинете Вэнса, я засомневался — о том ли человеке я подумал. На снимках я видел хорошо сложенного, крепкого молодого мужчину. Сейчас же перед нами был человек неопределенного возраста, слабый, бледный, ссутулившийся. В кабинет он вошел шаркающей походкой. Особенно меня поразило (и даже насторожило) его обескровленное лицо.

Человек, стоявший перед нами, был лишь тенью прежнего Пола Давенанта.

Он уселся на предложенный Эйлмером стул и после нескольких учтивых фраз, которые произносят при встрече, вопросительно поглядел в мою сторону.

— Мистер Вэнс, я хочу поговорить с вами наедине, — сказал он. — Предмет разговора очень важен для меня и имеет… весьма деликатную природу.

Разумеется, я тут же встал, чтобы покинуть кабинет, однако Вэнс меня задержал.

— Мистер Давенант, если этот предмет относится к кругу моих

профессиональных интересов и если вы хотите, чтобы я в чем-то разобрался и помог вам, я буду только рад, если ваше доверие распространится и на мистера Декстера. Он помогает мне в работе. Но если вы…

— Нет, — перебил его Давенант. — Я ничуть не возражаю против присутствия мистера Декстера.

Он дружески улыбнулся мне и спросил:

— Вы ведь выпускник Оксфорда, мистер Декстер? Я учился там позже вас, но слышал о ваших успехах в гребной команде. Если не ошибаюсь, вы участвовали в Хенли. [14]

Не без гордости я подтвердил свое участие в тех соревнованиях. Сердцу мужчины всегда дороги воспоминания о том, каким сильным и ловким он был в школе или колледже.

После этого Давенант почувствовал себя свободнее и начал рассказывать о своих злоключениях.

— Думаю, вы сразу заметили, что мой внешний вид оставляет желать лучшего. Год назад я выглядел совсем не так. Вот уже шесть месяцев подряд я постоянно теряю вес. Около недели назад я приехал из Шотландии на консультацию к лондонскому врачу. Фактически я побывал у двоих, и они устроили нечто вроде консилиума. Однако результаты неутешительны: эскулапы не знают, что со мною.

Я чувствовал: все это время Вэнс незаметно, но очень внимательно наблюдал за нашим гостем.

— Анемия… и сердце, — предположил Вэнс. — Насколько я знаю, такое часто бывает у спортсменов, когда они хотят превзойти самих себя и перегружают организм.

— Но у меня здоровое сердце, — возразил Давенант. — Оно в превосходном состоянии. Вся беда в том, что ему недостает крови для перекачки по венам и артериям. Врачей интересовало, не случалось ли со мной какого-либо происшествия, вызвавшего обильную потерю крови. Однако со мной ничего такого не было, да и симптомов анемии не наблюдалось. Необъяснимая загадка: я терял кровь, сам не зная об этом. Терял в течение довольно длительного времени, поскольку становился слабее и слабее. Поначалу это было почти незаметно. Поймите, никаких внезапных перемен. Ухудшение здоровья шло постепенно.

— А что натолкнуло вас на мысль обратиться ко мне? — спросил Вэнс, неспешно произнося каждое слово. — Вам известен круг моих интересов. Позвольте спросить: у вас есть основание связывать ваше состояние здоровья с причинами нефизического порядка?

На бледных щеках Давенанта появился слабый румянец.

— Есть любопытные обстоятельства, — тихим, искренним голосом ответил он. — Я постоянно раздумываю о них, пытаясь понять смысл. Возможно, это полнейшая глупость. Должен вам сказать, что я отнюдь не считаю себя суеверным человеком. Но и абсолютного неверия в сверхъестественное у меня нет. Просто я никогда не задумывался о подобных вещах. Я вел слишком насыщенную жизнь. Однако, как я уже сказал, есть ряд любопытных обстоятельств, о которых я и хотел проконсультироваться с вами. Возможно, они как-то связаны с моим состоянием.

— Вы согласны рассказать нам все без утайки? — спросил Вэнс.

Чувствовалось, слова Давенанта его заинтересовали. Мой наставник сидел в своей любимой позе — поставив ноги на скамеечку, опираясь локтями на колени, а подбородком о ладони. Вопросы он задавал, медленно, чтобы собеседник успел расслышать и понять каждое слово.

— Скажите, мистер Давенант, нет ли у вас на теле какой-нибудь отметины… чего-то такого, что вы могли бы соотнести… пусть и отдаленно… с вашей нынешней телесной слабостью и плохим самочувствием?

— Меня удивляет одно то, что вы задаете мне этот вопрос, — тут же ответил Давенант. — Действительно, такая отметина имеется. Нечто вроде шрама. Я показывал его обоим врачам, но они заверили меня, что он никак не связан с моим состоянием. А если бы он и был связан — видимо, это лежит за пределами их медицинского опыта. По-моему, они посчитали этот шрам чем-то вроде родимого пятна и спросили, всегда ли он существовал. Но я могу поклясться: раньше его не было. Он появился полгода назад, как раз в то время, когда мое здоровье начало ухудшаться.

Давенант расстегнул воротник рубашки и обнажил горло. Вэнс встал со стула и внимательно оглядел подозрительное место. Оно находилось почти по центру (точнее, с незначительным смещением влево), над ключицей. Мой друг предложил и мне осмотреть повреждение. В отличие от двух лондонских докторов отметина сильно заинтересовала Вэнса.

Правда, ее нельзя было назвать особо впечатляющей. Обычный участок кожи, никаких воспалений. И на ней — два красных пятнышка на расстоянии дюйма друг от друга. Каждое имело форму полумесяца. Если бы не болезненная белизна кожи Давенанта, мы бы вряд ли их заметили.

— Пустяк какой-то, — натянуто рассмеявшись, сказал наш гость. — По-моему, эти пятнышки уменьшаются.

— То есть вы хотите сказать, что сейчас они не настолько воспалены,

как прежде? — спросил Вэнс. — Если да, значит, когда-то они бывали заметнее.

Давенант задумался.

— Да, такое случалось. Я просыпался по утрам и замечал, что эти пятнышки стали крупнее и… более угрожающего вида, что ли. Прикосновение к ним вызывало боль. Правда, совсем незначительную. Даже не боль, а зуд. Но я не придавал этому особого значения. Только сейчас, когда вы стали меня расспрашивать, я припомнил: в такие дни я чувствовал себя особенно уставшим и выжатым. Меня охватывала совершенно несвойственная мне апатия… Еще вспомнил: знаете, мистер Вэнс, однажды вблизи этого места я заметил пятно крови. Тогда я не придал ему значения и просто стер.

— Понятно.

С этими словами Эйлмер Вэнс вернулся на свой стул и предложил посетителю последовать его примеру.

— Мистер Давенант, вы упомянули о любопытных обстоятельствах, о которых желали нам рассказать. Мы готовы вас выслушать.

Давенант застегнул воротник и тоже сел. Постараюсь с максимальной точностью передать его рассказ, опуская моменты, когда нам с Вэнсом приходилось его перебивать.

Как я уже говорил, Пол Давенант происходил из богатой и знатной семьи и потому считался достойным (со всех точек зрения) женихом для мисс Джессики Мактейн. И действительно, через некоторое время молодые люди поженились. Прежде чем рассказывать о внезапном ухудшении своего здоровья, Давенанту пришлось немало рассказать нам о своей супруге и истории ее семьи.

Джессика была шотландкой, однако, если не считать некоторых характерных черт этого народа, в ее облике не замечалось ничего шотландского. Она скорее походила на уроженку юга Англии, чем шотландских высокогорий. Имена не всегда соответствуют тем, кто их носит, и мисс Мактейн могла служить впечатляющим примером такого несоответствия. Имя Джессика явилось печальной попыткой уравновесить ее очевидную непохожесть на остальных членов семьи и предков. На то имелась причина, и вскоре мы о ней узнали.

Особое очарование мисс Мактейн придавали ее чудесные рыжие волосы. Это вовсе не кельтская рыжина; такой оттенок рыжего едва ли встретишь за пределами Италии. Добавлю, что ее волосы были очень длинными — почти до щиколоток, к тому же обладали удивительным блеском, отчего казалось, что они живут своей жизнью. Естественно, кожа

лица Джессики могла быть только фарфоровой белизны — единственного цвета, какой встречается у рыжеволосых. Но в отличие от большинства рыжих девушек на ее лице полностью отсутствовали веснушки. Свою красоту мисс Мактейн унаследовала от неведомой прародительницы, привезенной в Шотландию издалека.

Давенант влюбился в Джессику с первого взгляда. Вокруг нее вилось немало поклонников, но он имел все основания полагать, что девушка ответит ему взаимностью. В то время он мало что знал о ней и об истории ее рода. Богатая невеста, круглая сирота являлась последней из рода Мактейнов, известного кровожадностью и жестокостью. В далеком прошлом ее предки были отъявленными разбойниками, вписавшими немало кровавых страниц в летопись Шотландии.

У отца Джессики имелся в Лондоне свой дом. Ей не исполнилось и пятнадцати, когда она лишилась родителя; мать умерла еще в Шотландии, вскоре после родов. Смерть жены так сильно подействовала на мистера Мактейна, что он с малюткой дочерью уехал в Лондон, вручив старинный замок заботам управляющего. Правда, особых хлопот у того не было, поскольку с отъездом хозяина Блэквик практически опустел. Окрестные жители предпочитали обходить эти места стороной.

После смерти отца мисс Мактейн переехала жить к некой миссис Мередит — дальней родственнице со стороны матери. По линии отца близких у нее не осталось. Как я уже сказал, Джессика была последней из некогда обширного клана — настолько обширного, что внутриклановые браки стали семейной традицией. Но эта же традиция способствовала их вырождению.

Миссис Мередит ввела Джессику в высшее лондонское общество, чего бы не случилось, будь жив ее отец. Мистер Мактейн был нелюдимым, погруженным в себя человеком. Горе преждевременно состарило его.

Итак, Пол Давенант с первого взгляда влюбился в Джессику и достаточно скоро попросил ее руки. Он имел все основания рассчитывать на взаимность, но, к своему великому удивлению, получил отказ. Мисс Мактейн ничего ему не объяснила, а только разразилась горестными слезами.

Ошеломленный и глубоко удрученный, Давенант обратился к миссис Мередит, с которой находился в дружеских отношениях. От нее он узнал, что Джессика аналогичным образом отказала уже нескольким претендентам — людям вполне достойным и уважаемым.

Утешая себя, Давенант рассуждал так: возможно, Джессика не питала к ним никаких чувств. Но почему же тогда она отказала ему? Эта мысль не

давала Полу покоя, и он решил сделать новую попытку.

Вторая попытка увенчалась частичным успехом. Джессика призналась Давенанту, что любит его, но тут же повторила слова о своем нежелании выходить замуж. Любовь и брак — не для нее. Затем, к полному изумлению Пола, она объявила, что проклята от рождения. Рано или поздно проклятие ударит по ней, но еще сильнее — по тому, с кем она свяжет свою жизнь, и, возможно, даже погубит его. Так имела ли она право подвергать риску человека, которого любит? Поскольку проклятие передавалось по наследству, Джессика приняла твердое решение: ни один ребенок не назовет ее своей матерью и на ней старинный род прекратится.

Услышанное немало потрясло Давенанта. Он был склонен думать, что Джессика вбила в себе в голову какую-то абсурдную идею. Немного логики, и он поможет своей возлюбленной позабыть про этот бред. А если это не бред, то, возможно… лунатизм? Лунатизм тогда казался Давенанту единственным разумным объяснением ее странностей. Может, девушку пугает хождение во сне или что-то подобное?

Но Джессика только качала головой. Лунатизмом в ее семье никто не страдал, их недуг был более серьезным и таинственным. Давенант хотел знать, что это за недуг, и мисс Мактейн, после некоторых колебаний, рассказала ему все, что знала сама.

Проклятие (за неимением более точного слова она употребляла это) сопровождало весь их старинный род. Ему были подвержены ее отец и дед. Их жены умерли еще в молодости от какой-то страшной болезни, сгубившей обеих женщин за считаные годы. Если бы Мактейны придерживались традиции внутриклановых браков, такого, возможно, не случилось бы. Однако клан был на грани исчезновения, и приходилось искать супругов на стороне.

Проклятие (чем бы это ни было) не убивало тех, кто принадлежал к роду Мактейнов. Опасность подстерегала их близких. Казалось, стены родового замка, густо пропитанные кровью, исторгали миазмы, заражавшие тех, кто попадал сюда извне, — а ими оказывались самые дорогие для родственников Джессики люди.

— Знаете, кем мы становимся? — дрожа всем телом, спросила Пола девушка. — Отец мне говорил… Вампирами. Это были его слова. Вы только подумайте, Пол. Вампирами, питающимися кровью живых людей.

Давенанту хотелось рассмеяться, но Джессике было не до смеха.

— Такое вполне возможно! — воскликнула она. — Подумайте сами. Наш род — исчезающий. С ранних времен его история отмечена жестокостью и кровопролитием. Стены замка Блэквик буквально

пропитались злом. Каждый камень способен рассказать о насилии, боли, вожделении и убийствах. Чего еще ожидать от тех, кто всю свою жизнь проводил среди этих стен?

— Но вы-то тут при чем? — удивился Пол. — Судьба пощадила вас. Вы были увезены из замка сразу же после смерти вашей матери, не получив возможности даже запастись воспоминаниями о Блэквике. И вам незачем туда возвращаться.

— Боюсь, что зло вошло и в мою кровь, — печально ответила она. — Возможно, пока оно дремлет и ждет своего часа. А воздерживаться от посещения Блэквика… сомневаюсь, что у меня это получится. Во всяком случае, отец предостерегал меня от поездок туда. Он говорил о существовании некой силы, которая будет звать меня в родной дом вопреки моим желаниям. Но я не знаю, ничего не знаю, и отсюда все мои трудности. Если бы я смогла поверить, что все это — не более чем глупые суеверия, ко мне вернулась бы радость жизни. Я умею и хочу радоваться жизни — ведь я совсем молода. Но отец рассказал мне об этом, когда находился на смертном одре. Он никогда не шутил, а перед смертью — тем более.

Последние слова, как передал нам Пол, Джессика произнесла совсем тихо и с оттенком ужаса. Тем не менее ему удалось выведать у девушки еще один фрагмент истории ее рода. По мнению Пола, этот фрагмент имел непосредственное отношение к судьбе Джессики.

Закат клана Мактейнов начался лет двести назад. Возможным виновником считался некий Роберт Мактейн. Он нарушил семейную традицию и не захотел выбрать себе жену внутри клана. Вместо этого он привез из чужой страны женщину удивительной красоты, со сверкающими рыжими волосами и белым, как тончайший фарфор, лицом. С тех пор отдельные ее черты проявлялись в облике каждой женщины, рождавшейся в основной ветви семьи. Но только Джессика унаследовала наиболее полное сходство с чужестранкой.

Вскоре об избраннице Роберта Мактейна поползли недобрые слухи. Ее называли ведьмой и рассказывали ужасные истории о ее проделках. Замок Блэквик и так пользовался дурной славой, а с появлением новой хозяйки и вовсе стал считаться нечистым местом.

Однажды Роберту понадобилось куда-то уехать. Он отсутствовал, всего сутки, но за это время его рыжеволосая жена исчезла. Слуги обыскали все вокруг, однако никаких следов не нашли. Роберт был человеком жестоким и скорым на расправу. К тому же он души не чаял в своей иноземной жене. В ее исчезновении он заподозрил двоих слуг замка.

Оправданными были его подозрения или нет — об этом уже никто не узнает: Роберт собственноручно и хладнокровно убил подозреваемых. Убийство в те дни было явлением обыкновенным, но его расправа вызвала такой взрыв недовольства, что Роберт был вынужден бежать, покинув двоих детей на попечение няньки. Замок Блэквик надолго остался без хозяина.

Вернулся ли потом Роберт — Джессика не знала. Не знала она и того, что же случилось с Заидой, как звали рыжеволосую ведьму. Но со времен той давней трагедии считалось, что дух ведьмы продолжает витать над Блэквиком и творить свои черные дела. У слуг замка и окрестных крестьян вдруг стали болеть и умирать дети. Причины всех смертей были вполне естественные и объяснимые, однако людей охватил ужас. Некоторые видели призрак Заиды — бледнолицую женщину в белом. Говорили, что она летает над домами, высматривая себе очередную жертву. В жилище, над которым она задерживалась и кружила, вскоре кто-то заболевал и умирал.

С тех пор клан Мактейнов стал постепенно хиреть. У замка Блэквик менялись хозяева, и у каждого, стоило ему поселиться в этих мрачных стенах, менялся характер. На этого человека словно обрушивался многовековой груз злодейства предков, а сам он как будто и впрямь становился вампиром, неся беды всем, кто не был напрямую связан с его родом.

Постепенно замок Блэквик опустел. Желающих служить там больше не находилось. Опустели и дома окрестных крестьян, а их поля заросли травой. Местный суеверный люд утверждал, что «женщина в белом» по-прежнему летает по ночам и ее появление предвещает смерть, а возможно, и нечто похуже смерти.

Но самое удивительное — клан Мактейнов был не в состоянии покинуть родовое гнездо. Богатство позволяло им жить спокойно и счастливо в любом месте, но какая-то неодолимая сила заставляла их оставаться под крышей ветшающего замка Блэквик. Соседи-аристократы их сторонились, а горстка слуг, хотя и получала щедрое жалованье, относилась к хозяевам со страхом и неприязнью.

Судьбы отца и деда Джессики были похожи: оба потеряли своих жен совсем молодыми. Называйте это «вампирским духом» или злом минувших поколений, но некая сила по-прежнему требовала себе в жертву молодую кровь.

Отец Джессики повторил путь своею отца. Он привез горячо любимую молодую жену в Блэквик, где она начала чахнуть и через несколько лет

умерла от злокачественной анемии. Так говорили врачи, однако мистер Мактейн считал, что это он погубил свою жену.

В отличие от предков он нашел в себе силы вырваться из Блэквика — не столько ради себя, сколько ради дочери. Только Джессика не знала, что ее отец ежегодно ездил в Шотландию. Наступали моменты, когда ему было не побороть тоски по мрачным, таинственным залам и коридорам старинного замка, по вересковым пустошам и густым сосновым лесам. Он знал: эта тоска передастся и его дочери — и перед смертью рассказал Джессике, какая судьба ее ожидает.

Такова была история, рассказанная мисс Мактейн тому, кто просил ее руки. Давенант отнесся к услышанному довольно легкомысленно, что свойственно мужчинам его типа. Он назвал все это дурацкими суевериями и умственными заблуждениями. Пол старался переубедить Джессику, что оказалось не таким уж трудным делом. Девушка по-настоящему любила его и приняла эту точку зрения. Она согласилась выбросить из головы «все жуткие мысли», а вслед за тем и выйти замуж за Давенанта.

— Ради вас я пойду на любой риск, — заявил ей Пол. — Я даже готов отправиться жить в Блэквик, если вы того пожелаете. Думать, будто вы — моя обожаемая Джессика — вампир? В жизни не слышал подобной глупости.

— Отец говорил, что я очень похожа на ведьму Зайду, — пыталась возражать Джессика, однако Пол утихомирил ее поцелуем.

Они поженились и свой медовый месяц провели за границей. Осенью шотландские друзья Пола пригласили его поохотиться на куропаток. Помимо спорта он не менее страстно увлекался и охотой. Джессика посоветовала ему принять приглашение. Зачем же отказывать себе в таком удовольствии?

Возможно, молодая пара совершила опрометчивый поступок, отправившись в Шотландию. Но в те дни всеми их мыслями руководила любовь, которая становилась все крепче. Какие там страхи! Джессика находилась в превосходном настроении и на здоровье не жаловалась. Несколько раз она говорила мужу: если они окажутся вблизи Блэквика, она будет не прочь взглянуть на старинный замок. Просто из любопытства и из желания доказать, что она преодолела свои давние опасения.

Пол счел план жены вполне здравым, а поскольку они действительно гостили неподалеку от Блэквика, то отправились туда на автомобиле и, разыскав управляющего, попросили его показать им замок.

Они увидели внушительное строение весьма почтенного возраста, частично разрушенное. Замок стоял на крутой скале, из камня которой его

и построили. Один склон, почти отвесный, срывался в пропасть, где на глубине ста футов несся горный поток. Лучшей крепости древние разбойники из рода Мактейнов не могли и желать.

Неподалеку поднимался склон другой скалы, поросшей сосновым лесом, среди которого то там, то здесь проглядывали каменистые утесы. Некоторые из них имели причудливую форму и чем-то походили на стражников, стерегущих замок и узкое ущелье, по которому только и можно было добраться до Блэквика.

По словам Давенанта, в этом ущелье постоянно слышались какие-то странные, жутковатые звуки. Даже в тихие дни там что-то скрипело и стонало, взлетая вверх и ныряя вниз. Казалось, это проделки спрятавшегося ветра, который свистел между утесами или разражался ехидным смехом. «Стенания заблудших душ» — так назвал звуки ущелья сам Давенант.

Естественно, что и дорога превратилась в обыкновенную тропу, местами терявшуюся в траве. Прежде чем начать подниматься к замку, она огибала небольшое, но глубокое озеро. Из-за деревьев, росших на склоне, воды его постоянно находились в тени и вряд когда-либо видели свет солнца.

И наконец, сам замок. Давенант обрисовал его несколькими фразами, однако я мысленно увидел мрачное строение, и какая-то часть затаившегося там ужаса передалась моему мозгу. Возможно, причиной тому были мои ясновидческие способности. Во всяком случае, когда по просьбе Вэнса Пол стал рассказывать, как выглядит замок внутри, мне показалось, что я уже знаком с большими каменными залами, длинными коридорами, где даже в самые жаркие дни царили сумрак и холод, угрюмыми комнатами, обшитыми дубовыми панелями, и широкой главной лестницей. В старину один из Мактейнов вместе с дюжиной охотников въехали по ней на конях, преследуя оленя, решившего спрятаться в покоях. В родовом гнезде Джессики была и сторожевая башня с необычайно толстыми стенами, менее всего поврежденными временем. В подвалах башни находилась тюрьма, чьи камеры видели немало ужасов и могли бы рассказать леденящие душу истории.

Пока управляющий водил чету Давенантов по замку, овеянному недоброй славой, Пол с симпатией вспоминал свой дом в графстве Дербишир — прекрасный особняк в георгианском стиле, [15]оборудованный всеми современными удобствами. Скорее бы вернуться туда с его обожаемой Джессикой. Неудивительно, что он испытал нечто вроде шока, когда на обратном пути жена взяла его за руку и прошептала:

— Пол, ты и вправду готов выполнить любую мою просьбу?

До того как произнести эти слова, Джессика была непривычно молчаливой. Пол ответил, что да, достаточно лишь сказать, чего она желает. Однако вопрос жены насторожил его, и ответ был не особо искренним, поскольку Давенант смутно догадывался, о чем она попросит.

Он не ошибся: Джессике захотелось пожить в замке. Совсем недолго; она не сомневалась, что вскоре такая жизнь ее утомит. Свою просьбу она подкрепила тем, что управляющий сообщил ей о каких-то документах, с которыми ей необходимо ознакомиться, ибо теперь владелицей замка являлась она. К тому же ее заинтересовало это гнездо предков, и она хотела получше узнать Блэквик. Джессика тут же добавила, что не верит в давние предрассудки и не испытывает никакой насильственной тяги к этому месту. Все подобные страхи она уже преодолела. Пол ее излечил, а раз сам он считает их беспочвенными, то вряд ли откажет ей в таком маленьком одолжении.

Аргументы Джессики звучали убедительно, и возразить на них было непросто. В конце концов Пол уступил, хотя и не без борьбы. Он предложил не спешить. В замке давно никто не жил, и помещения требуют хотя бы минимального ремонта. Вторым его предложением было повременить до лета следующего года — не въезжать же в Блэквик накануне зимы.

Однако Джессика не захотела надолго откладывать переезд, а идею ремонта и вовсе отвергла. Это лишь нарушит очарование старинного замка. К тому же ремонт — напрасная трата денег, поскольку ей хотелось провести в замке не более двух недель. Лучше всего это сделать сейчас. Их дом в Дербишире все равно еще не совсем готов, и обои, наклеенные в комнатах, должны как следует просохнуть.

Погостив у друзей Пола еще немного, супруги Давенант перебрались в Блэквик. К тому времени управляющий нанял несколько новых слуг и создал максимально возможный уют в комнатах новых хозяев. На душе у Давенанта было неспокойно, но поделиться своими предчувствиями с женой он не смел. Не он ли совсем недавно смеялся над ее страхами и называл их предрассудками?

Вот так, полгода назад, они поселились в Блэквике. С тех пор они покидали замок, самое большее, на несколько часов. Эта поездка в Лондон была первой. Пол приехал один.

— Жена постоянно умоляла меня уехать, — продолжал свой невеселый рассказ Давенант. — Едва ли не на коленях она просила меня оставить ее. Однако я наотрез отказывался и говорил, что уеду только

вместе с нею. И вот тут, мистер Вэнс, я наталкивался на главное препятствие. Какая-то сила не выпускала Джессику за пределы замка. Невидимые кандалы ужаса удерживали ее ничуть не хуже настоящих. Привязанность жены к этому месту оказалась даже крепче, чем у ее отца. Мы обнаружили, что каждый год он не менее шести месяцев проводил в Блэквике: делал вид, будто отправляется путешествовать за границу, а сам ехал в Шотландию. Чары, заклятие — называйте это, как вам угодно, но что-то цепко его держало, отпуская лишь ненадолго.

— А вы пробовали просто увезти вашу жену из замка? — спросил Вэнс.

— Несколько раз, и все безуспешно. Стоило нам отъехать на определенное расстояние от Блэквика, как Джессика буквально заболевала. Ей становилось очень плохо, и мы были вынуждены вернуться. Однажды мы поехали в Доркирк — ближайший к замку город. Мне казалось: достаточно продержаться ночь, и эта жуткая тяга к Блэквику ослабнет. Представьте себе: Джессика вылезла в окно и ночью, пешком, отправилась назад. А путь до замка был неблизким. Я намеревался показать жену врачам, но медицинская помощь понадобилась не ей, а мне. Все настаивали, чтобы я немедленно уехал из замка. Я противился… вплоть до недавнего времени.

— Ваша жена изменилась? — перебил его Вэнс. — Я имею в виду телесные изменения.

Давенант задумался.

— Изменения, — повторил он. — Да, но настолько незначительные, что даже не знаю, как их описать. Она стала красивее, чем прежде, и в то же время это другая красота. Надеюсь, вы понимаете меня. Я говорил о белизне ее лица. Теперь оно выглядит еще белее, так как ее губы заметно покраснели. Они стали почти как две полоски крови. Верхняя губа искривилась. Раньше этого не было. И вот еще: Джессика смеется, но не улыбается… Забыл сказать про ее волосы — они потеряли свой удивительный блеск.

— А что вы скажете про перемены в ее поведении?

— Всем женщинам свойственны перепады настроения, но у Джессики они носят странный характер. Как я вам уже говорил, она упрашивает меня оставить ее в замке, а самому уехать. Проходит всего несколько минут, и она бросается мне на шею и говорит, что не может жить без меня. Чувствую: внутри ее происходит какая-то борьба, и она медленно уступает страшному влиянию… не знаю, чьему именно. Когда она просит меня уехать, передо мной — знакомая мне Джессика. А когда умоляет остаться…

ее очарование становится сильнее, но оно какое-то… чужое. Я вспоминаю слово, которое она упомянула однажды, еще до нашей женитьбы. Вампир, — произнес он, понизив голос, и провел ладонью по вспотевшему лбу. — Но ведь это абсурд. Это смехотворно. Суеверия прошлых веков. Мы живем в двадцатом столетии.

Возникла пауза, после чего Вэнс негромко произнес:

— Мистер Давенант, вы сами признались, что врачи бессильны вам помочь. Поэтому вы обратились ко мне и доверительно рассказали о своей беде. Согласны ли вы на мою помощь? Полагаю, я сумею вам помочь, если только уже не слишком поздно. В случае вашего согласия мы с мистером Декстером отправимся вместе с вами в замок Блэквик и сделаем это как можно раньше. Например, сегодня вечером, выехав Северным почтовым. В противном случае я бы посоветовал вам, ради сохранения собственной жизни, никогда туда не возвращаться.

Давенант упрямо замотал головой.

— Я бы ни за что не последовал вашему совету, — заявил он. — Я как раз собирался ехать Северным почтовым и рад, что вы оба поедете со мною.

Решение было принято. Мы условились встретиться на вокзале, и Пол Давенант, откланявшись, ушел. Прощаясь, он сказал, что все прочие подробности, если в таковых возникнет надобность, он расскажет нам в дороге.

— Любопытное и весьма интересное дело, — заметил Вэнс, когда мы остались наедине. — А что вы об этом думаете, Декстер?

— Неужели даже сегодня, когда цивилизация достигла заметного развития, может существовать такое явление, как вампиризм? — осторожно спросил я. — Я еще могу поверить в неблагоприятное влияние, которое оказывает какой-нибудь дряхлый старик на юношу, если они постоянно соприкасаются. Тогда говорят, что старческий организм для собственной поддержки высасывает из молодого жизненные силы. Есть определенные люди… с некоторыми из них я знаком., они способны влиять на других и забирать у них энергию. Разумеется, это происходит бессознательно, но те, кто оказывается рядом с такими людьми, чувствуют упадок сил. Но здесь… иное явление, которое наблюдается не одну сотню лет и каким-то таинственным образом воздействует на жену Давенанта. Возможно ли влияние на физическом уровне? Не являются ли все странности миссис Давенант исключительно ментальными?

— То есть вы думаете, что все это целиком связано с состоянием ее ума? — спросил Вэнс. — А чем тогда вы объясните отметины на шее

Давенанта?

Ответа на этот вопрос у меня не было. Я попросил у Вэнса разъяснений, но мой наставник не захотел углубляться в подробности.

За время нашего долгого пути в Шотландию не случилось ничего примечательного. К замку Блэквик мы добрались лишь под конец следующего дня. Место оказалось таким, каким я его мысленно увидел. Ощущение чего-то мрачного охватило меня сразу же, едва наш автомобиль миновал Ущелье ветров и начал подниматься по тропе.

Это состояние еще более усилилось, когда мы очутились в просторном и холодном зале замка.

Миссис Давенант, предупрежденная телеграммой, сердечно встретила гостей. Она ничего не знала об истинной цели нашего появления и посчитала нас с Вэнсом друзьями мужа. К Полу она относилась исключительно заботливо, однако в ее тоне ощущалась напряженность, отчего мне стало слегка не по себе. Мне казалось, что все слова и жесты этой женщины являются результатом принуждения со стороны какой-то внешней силы. Но доказательств у меня не было, и такой вывод вполне мог явиться следствием услышанного от Давенанта, а мрачная обстановка замка только усиливала тревожные мысли. Во всем остальном миссис Давенант была просто очаровательна. Только теперь я по-настоящему понял силу замечания, брошенного Давенантом во время нашей поездки:

— Я сделаю все, чтобы спасти Джессику, вызволить ее из Блэквика. Я чувствую: так оно и будет. Я готов пройти через ад, только бы вернуть ее в прежнее состояние.

И вот теперь, увидев миссис Давенант, я понял, какой смысл он вкладывал в слова «прежнее состояние». Красота Джессики… ее нельзя было сравнить с привлекательностью обыкновенной женщины — скорее это очарование Цирцеи, ведьмы, колдуньи. Противостоять ее власти было очень трудно.

Вскоре после нашего прибытия мы получили наглядное доказательство одержимости Джессики злой силой. Вэнс приготовил ей вполне невинное испытание. От Давенанта мы узнали, что цветы в Блэквике не растут. В городке, где мы сошли с поезда и где нас ждал присланный из замка автомобиль, Вэнс купил большой букет белых роз — обычный знак уважения к хозяйке дома.

Едва мы появились в замке, мой наставник преподнес букет миссис Давенант. Она взяла цветы — мне показалось, с каким-то беспокойством. И едва ее руки коснулись букета, как лепестки белым дождем посыпались на пол.

— Нужно действовать немедленно, — шепнул мне Вэнс, когда мы, переодевшись и приведя себя в порядок, спускались на обед. — Задержки недопустимы.

— Чего вы опасаетесь? — тоже шепотом спросил я.

— Давенант отсутствовал неделю, — мрачно произнес Вэнс. — Сейчас он сильнее, чем был, когда уезжал. Однако не настолько, чтобы снова выдержать потерю крови. Мы должны его защитить. Ночью ему грозит опасность.

— Вы имеете в виду его жену? — спросил я, вздрогнув от чудовищности своего предположения.

— Время покажет, — ответил Вэнс и добавил: — Поймите, Декстер: миссис Давенант сейчас колеблется между двумя состояниями. Злая сила еще не до конца подчинила ее себе. Помните, Давенант рассказывал нам о странных перепадах в настроении жены? То умоляет поскорее уехать, то через минуту просит остаться. Она борется с этой силой, но та постепенно одерживает верх. Последнюю неделю миссис Давенант провела здесь одна, и это усилило злое влияние. Мне, Декстер, предстоит битва. Оружием будет сила воли. Беззвучное сражение, пока кто-то один не победит. Внимательно наблюдайте, и вы увидите. В случае, если с миссис Давенант произойдет перемена, вы поймете, что победа осталась за мной.

Итак, теперь я знал направление, в котором мой друг и наставник собирался действовать. Он противопоставлял свою волю той таинственной силе, что наложила проклятие на замок Мактейнов. И времени, чтобы освободить миссис Давенант от злых чар, оставалось совсем немного.

Молчаливое сражение началось еще за обедом. Хозяйка практически ничего не ела. Чувствовалось, что ей не по себе: она ерзала на стуле, много говорила и смеялась. Я сразу вспомнил слова ее мужа: смех без улыбки. Едва найдя благовидный предлог, миссис Давенант встала из-за стола и удалилась.

Отобедав, мы перешли в гостиную. Вскоре к нам присоединилась и хозяйка замка. Я ощущал незримое сражение между моим наставником и злой силой: воздух в гостиной был тяжелым и наэлектризованным. За стенами свистел, выл и стонал ветер — казалось, что все умершие Мактейны явились на битву за свой клан.

Со стороны все выглядело так, будто четверо присутствующих в гостиной ведут обычную беседу о разных пустяках, учтивый послеобеденный разговор. Пол Давенант ничего не знал о наших планах. Я знал, но был вынужден играть свою роль. Однако меня интересовал не разговор, а выражение лица Джессики. Когда же наступит изменение? Или

действительно мы опоздали? Эти вопросы я без конца мысленно задавал себе.

Наконец Давенант поднялся и объявил, что устал и пойдет спать. Джессике спешить незачем; он ляжет в туалетной комнате и не будет ее беспокоить.

И как раз в тот момент, когда Пол подошел, чтобы на сон грядущий поцеловать жену, когда их губы встретились, а Джессика, забыв о нашем присутствии и повинуясь чужой воле, обняла его, наступила перемена.

За окнами дико завыл ветер. Следом раздался громкий стук в оконный переплет, будто туда ломилось стадо коз. Из груди Джессики вырвался долгий, протяжный стон, руки соскользнули с мужниных плеч. Она отпрянула, качаясь из стороны в сторону.

— Пол! — изменившимся голосом крикнула она. — Какой же негодяйкой я была, уговорив тебя поселиться в Блэквике! Посмотри, в кого ты превратился! Но мы ведь отсюда уедем? Правда, дорогой? Я поеду с тобой. Ты увезешь меня? Увези меня завтра же!

Она говорила с предельной искренностью, совершенно забыв, что происходило с нею в течение этих злополучных шести месяцев. По ее телу пробегали судороги.

— Даже не знаю, почему мне захотелось здесь остаться, — без конца повторяла миссис Давенант. — Я ненавижу это место. Оно злое! Злое!

Услышав эти слова, я внутренне возликовал. Вэнс одержал победу. Но опасность еще не миновала, в чем я вскоре убедился.

От волнения забыв пожелать нам спокойной ночи, Джессика тоже отправилась в спальню. Давенант бросил на Вэнса удивленный взгляд. Видно, он смутно догадывался о причинах внезапной перемены в состоянии жены. Обсуждение планов отъезда, не сговариваясь, отложили на завтра.

— Я одержал победу, — выдохнул Вэнс, когда мы остались одни. — Но успех может оказаться лишь временным. Поэтому ночью я буду бодрствовать и наблюдать. А вы, Декстер, ложитесь спать — здесь вы мне ничем не поможете.

Я повиновался, хотя и мне пришлось в эту ночь нести караул, противостоя непонятной опасности. В отведенной мне комнате — мрачной и скудно обставленной — спать казалось немыслимым, точно в склепе, так что я не стал даже раздеваться, а сел возле открытого окна. Ветер, еще недавно бесновавшийся вокруг здания, теперь стих и лишь жалобно скулил в верхушках сосен. Казалось, кто-то мучается очень давно и никак не может избавиться от своих страданий.

Не знаю, сколько я просидел возле окна, но в какой-то момент заметил белую фигуру, выскользнувшую из замка. Она пересекла террасу и побежала в сторону леса. Мне хватило мгновения, чтобы безошибочно узнать в таинственной фигуре Джессику Давенант.

Инстинктивно я почувствовал, что над женщиной нависла большая опасность. Хозяйка Блэквика бежала в очень странной позе — со скрещенными руками, что свидетельствовало о ее глубоком отчаянии. Мешкать было нельзя. Окно комнаты находилось на втором этаже, однако стена густо поросла плющом и потому спуститься не составило труда.

Я никогда не забуду этой безумной погони. К счастью, мне не пришлось гадать, по какой из тропинок бежала Джессика, — тропинка здесь была только одна, без развилок и перекрестков, а густой лес по сторонам не позволял сойти с нее.

Меж тем чащу наполняли жуткие звуки: стоны, скрипы и безумный хохот. Возможно, это были проделки ветра или голоса ночных птиц — однажды меня едва не задели по лицу широкие птичьи крылья. Я преследовал миссис Давенант, одновременно сознавая, что сам стал жертвой чьего-то преследования: казалось, силы ада объединились и гнались за мною.

Тропинка вывела меня прямо к озеру, о котором я уже упоминал. Оказавшись на берегу, я понял, что попал сюда очень даже вовремя. Фигура в белом брела уже по колено в воде. Услышав мои шаги, она вскинула руки и закричала. Рыжие волосы хлестали ее по плечам. Ее лицо в тот момент едва ли можно было назвать человеческим — столько горя и раскаяния отражалось на нем.

— Уходите! — крикнула мне Джессика. — Ради бога, дайте мне умереть!

Но я уже находился рядом. Она пыталась сопротивляться, однако ей не хватало сил справиться со мною. Тогда, тяжело дыша, Джессика стала умолять, чтобы я позволил ей утопиться.

— Это единственный способ его спасти! Неужели вы не понимаете, что на мне проклятие? Ведь это я… я высасывала его кровь! Теперь я это знаю. Сегодня мне раскрылась страшная правда! Я — вампир. У меня нет надежды ни на этом, ни на том свете! Умоляю — ради него, ради нашего нерожденного ребенка — позвольте мне умереть!

Вы когда-нибудь слышали столь ужасную просьбу? Мне сделалось жутко, но я продолжал тащить Джессику к берегу. Вскоре она перестала сопротивляться и мертвым грузом повисла у меня на руке. Я вытащил несчастную на мшистый берег, опустился на колени и стал всматриваться в

черты ее лица.

Вот тогда я и понял, что поступил правильно. Передо мной было не лицо Джессики-вампира; нет, я глядел на другую Джессику. На ту женщину, в которую, едва увидев, влюбился Пол Давенант.

Позже я узнал, чем в это время был занят Эйлмер Вэнс.

— Я дождался, пока Давенант уснет, затем прокрался в его комнату и занял пост возле постели. Как я и ожидал, вскоре явилась женщина-вампир — проклятая тварь, питавшаяся душами людей из клана Мактейнов. Затем и они уподоблялись ей, а кровь тех, кто не принадлежал к клану, шла на поддержание ее существования. Мы с вами, Декстер, боролись за тело Пола и душу Джессики.

— Вы имеете в виду ведьму Зайду? — не веря своим ушам, спросил я.

— Да, Декстер. Клан Мактейнов не блистал добродетелью, но ее злой дух сделался для них сущим проклятием. Однако теперь, думаю, мы изгнали ее навсегда.

— Как это произошло?

— Минувшей ночью Заида явилась к Полу Давенанту, как обычно приняв облик его жены. Вы же знаете, что они с Джессикой очень похожи. Но на этот раз пиршество не состоялось — я поместил на грудь спящего Пола особый амулет, лишающий вампира силы. Обнаружив препятствие, Заида с воплем бросилась прочь. Но прежде чем это случилось, Пол проснулся и решил, что видит перед собой жену. Глаза, губы, голос — все было как у Джессики. Однако обман продолжался недолго. Сила амулета показала ему вампира в истинном обличье — Пол увидел отвратительный призрак, двести лет наводивший ужас на замок и окрестности. Чары рассеялись, и дух Заиды отправился туда, откуда явился.

Вэнс умолк.

— И что теперь? — спросил я.

— Замок Блэквик необходимо сровнять с землей. Растереть в пыль каждый его камень, каждый кирпич и основательно прожечь это место огнем. Иначе взамен Заиды может появиться другое исчадие зла. Давенант согласился.

— А миссис Давенант?

— Думаю, что и она не станет возражать, — осторожно ответил Вэнс. — Разрушение замка окончательно снимет с нее проклятие. Благодаря вам Джессика не поддалась воле Заиды. Она виновата меньше, чем себе вообразила. Она не была хищницей, а лишь подчинялась чужой воле. Но представьте отчаяние Джессики, ее раскаяние, когда она узнала о

своей страшной роли. А слова о будущем ребенке, который унаследует ужасное проклятие? Думаю, это и было последней каплей, заставившей Джессику кинуться к озеру.

Я невольно содрогнулся.

— Понимаю, — прошептал я и еще тише добавил: — Слава богу, что злые замыслы рухнули!

Брэм Стокер

Брэм (Абрахам) Стокер(1847–1912) родился в приморском предместье Дублина. В детстве он отличался очень слабым здоровьем, и мать скрашивала долгие часы, которые он проводил в постели, страшными историями — вымышленными, фольклорными и подлинными (вроде жутких хроник холерной эпидемии в Слайго в 1832 году). Здоровье мальчика улучшилось, когда в возрасте семи лет он пошел в школу; позднее он стал спортивной звездой дублинского Тринити-колледжа. В начале 1870-х годов Стокер начал писать рассказы и публиковать театральные рецензии в газете «Дублин ивнинг мейл», одним из владельцев которой был известный автор готических повествований Джозеф Шеридан Ле Фаню, а в 1878 году стал менеджером театра «Лицеум» (возглавлявшегося популярным актером того времени Генри Ирвингом) и занимал эту должность на протяжении двадцати шести лет, работая по восемнадцать часов в сутки.

Несмотря на столь напряженный рабочий график, за годы работы в театре Ирвинга Стокер написал более дюжины романов и других произведений, включая «Дракулу» (1897) — самый известный из романов ужасов XIX века, который снискал успех как у критиков, так и у читателей и удостоился бесчисленных переизданий. Сегодня в этом романе принято видеть фрейдистский подтекст, истоки которого, по-видимому, скрыты в подсознании Стокера: в отношениях Стокера с Ирвингом, истощавшим силы писателя потогонной работой, присутствуют черты «психического» вампиризма, а неутомимому охотнику на вампиров автор книги дал свое собственное имя — его зовут Абрахам Ван Хельсинг.

Рассказ «Гость Дракулы» был задуман и написан как одна из глав «Дракулы», которая, однако, не вошла в его окончательный текст. Впервые рассказ был опубликован посмеретно в авторском сборнике «„Гость Дракулы“ и другие истории» (Лондон: Рутледж, 1914).

Гость Дракулы (© Перевод Л. Бриловой)

Когда мы собирались на прогулку, солнце ярко сияло над Мюнхеном и воздух был наполнен радостным предвкушением лета. Мы уже были готовы отправиться в путь, когда герр Дельбрюк, метрдотель гостиницы «Quatre Saisons», [16]где я остановился, подошел с непокрытой головой к

нашей коляске, пожелал мне приятной прогулки и, держась за ручку дверцы, сказал кучеру:

— Не забудь, вы должны вернуться засветло. Небо кажется ясным, но ветер северный, холодный — значит, может внезапно начаться буря. Впрочем, ты не припозднишься, я уверен. — Тут он улыбнулся и добавил: — Ты ведь знаешь, что за ночь сегодня.

Иоганн ответил подчеркнуто выразительно: «Ja, mein Herr», [17]коснулся рукой шляпы, и коляска быстро тронулась с места. Когда мы выехали из города, я подал знак остановиться и спросил:

— Скажи, Иоганн, что сегодня за ночь?

Он перекрестился и ответил лаконично:

— Walpurgis Nacht. [18]

Потом он вынул свои большие серебряные часы — старомодную немецкую луковицу — и стал смотреть на них, сдвинув брови и нетерпеливо дергая плечами. Я понял, что таким образом он вежливо протестует против ненужной задержки, и откинулся на спинку сиденья, знаком предложив ему продолжить путь. Он погнал лошадей, словно стараясь наверстать потерянное время. Лошади время от времени вскидывали головы и, казалось, с опаской нюхали воздух. Вслед за ними и я стал осматриваться в тревоге. Путь проходил по довольно унылой местности: мы пересекали высокое, открытое ветрам плато. Сбоку я заметил дорогу, на вид малонаезженную, которая ныряла в небольшую извилистую долину. Выглядела она так заманчиво, что я, рискуя рассердить Иоганна, крикнул, чтобы он остановился. Когда он натянул вожжи, я сказал, что хочу спуститься этой дорогой. Он никак не соглашался, часто крестясь во время речи. Это подстегнуло мое любопытство, и я принялся расспрашивать его. Иоганн отвечал уклончиво и несколько раз взглядывал на часы в знак протеста. Наконец я сказал:

— Что ж, Иоганн, я хочу спуститься этой дорогой. Я не заставляю тебя туда ехать, но, по крайней мере, объясни, почему ты отказываешься, — это все, что я желаю знать.

Мне показалось, что он свалился с козел: так быстро он спрыгнул на землю. Потом он умоляюще протянул руки и стал заклинать меня отказаться от своего намерения. В его речи к немецким словам было примешано достаточно английских, чтобы понять общий смысл. Он как будто старался донести до меня какую-то мысль, которой отчаянно страшился и потому ни разу не выговорил ее до конца, и только повторял, крестясь: «Walpurgis Nacht!»

Я пытался возражать, но трудно спорить с человеком, не зная его родного языка. Преимущество, несомненно, было у Иоганна, потому что, заговорив на английском, очень ломаном и примитивном, он от волнения тут же сбивался на свой родной язык. При этом он то и дело взглядывал на часы. Лошади вновь забеспокоились и принялись нюхать воздух. Иоганн сильно побледнел, испуганно оглядываясь, неожиданно прыгнул вперед, схватил лошадей под уздцы и отвел их в сторону футов на двадцать. Я пошел следом и спросил, зачем он это сделал. В ответ он осенил себя крестом, указал на место, которое мы покинули, потянул коляску в сторону поперечной дороги и произнес, сначала по-немецки, а потом по-английски:

— Здесь хоронили — кто себя убивал.

Я вспомнил старый обычай хоронить самоубийц на перекрестье дорог.

— А! Понял, это самоубийца. Любопытно.

Одного я, хоть убей, не мог понять: почему так испуганы лошади.

Во время разговора мы услышали звуки, напоминавшие то ли повизгивание, то ли лай. Они доносились издалека, но лошади очень встревожились, и Иоганну пришлось вновь и вновь их успокаивать. Он был бледен. Наконец он проговорил:

— Похоже на волка — но сейчас здесь нет волков.

— Что значит «сейчас»? — спросил я. — Ведь волки уже давно не встречаются так близко от города?

— Это когда весна и лето — давно, а когда снег — не так давно.

Пока Иоганн оглаживал лошадей, пытаясь их успокоить, по небу быстро понеслись темные облака Солнце скрылось, и дохнуло холодом. Правда, это было всего лишь дуновение — не реальность, а скорее предупреждающий знак, потому что солнце тут же засияло снова. Иоганн из-под ладони оглядел горизонт и произнес:

— Снежная буря. Будет здесь очень скоро.

Он снова взглянул на часы и тут же, крепко удерживая поводья (ибо лошади по-прежнему беспрестанно били копытами и встряхивали головами), взобрался на козлы, словно настало время продолжить нашу поездку. Мне захотелось поупрямиться, и я не сразу сел в коляску.

— Скажи, — спросил я, — куда ведет эта дорога? — Я указал вниз.

Иоганн опять перекрестился, забормотал молитву и только после этого ответил:

— Там нечисто.

— Где?

— В деревне.

— Значит, там есть деревня?

— Нет, нет. Там никто не живет уже сотни лет.

Это лишь подстегнуло мое любопытство.

— Но ты сказал, что там деревня.

— Была.

— А где она теперь?

В ответ Иоганн разразился длинной историей на такой дикой смеси немецкого и английского, что я не вполне его понимал. В общем, я сделал вывод, что очень давно, сотни лет назад, люди там умерли и были положены в могилы; но из-под земли слышались звуки, а когда вскрыли могилы, то нашли там мужчин и женщин, румяных, как живые, а их уста были красны от крови. И вот, спасая свои жизни (и души! — он перекрестился), опрометью бежали остальные в другие места, где живые живы, а мертвые мертвы, а не… не иначе. Заметно было, как он боялся произносить последние слова. Он продолжал рассказ, все более волнуясь. Казалось, воображение им полностью завладело, и в конце концов страх обратился в смертельный ужас. Бледный, взмокший, дрожащий, Иоганн оглядывался вокруг, будто ожидая, что присутствие чего-то страшного проявится здесь, при ярком солнечном свете, на открытой равнине. Наконец он отчаянно вскричал: «Walpurgis Nacht» — и указал на коляску, чтобы я сел в нее. Моя английская кровь вскипела, и, отступив, я произнес:

— Ты трусишь, Иоганн, трусишь. Отправляйся домой — я вернусь один. Прогулка пойдет мне на пользу.

Дверца коляски была открыта. Я забрал с сиденья дубовую трость, которую всегда беру с собой во время воскресных вылазок, и захлопнул дверцу. Указывая в сторону Мюнхена, я сказал:

Отправляйся домой, Иоганн. Walpurgis Nacht к англичанам отношения не имеет.

Лошади вели себя еще беспокойнее, чем прежде, и Иоганн старался удержать их, при этом отчаянно умоляя меня не поступать так глупо. Мне было жаль беднягу, который искренне верил в то, что говорил, но в то же время я не мог удержаться от смеха. Познания в английском ему окончательно изменили. В волнении он забыл также, что я его пойму, только если он будет говорить на моем родном языке, и продолжал тараторить на немецком. Это начало меня утомлять. Я бросил ему: «Домой!» — и повернулся, собираясь спуститься поперечной дорогой в долину.

С жестом отчаяния Иоганн развернул лошадей в сторону Мюнхена. Я оперся на трость и стал смотреть ему вслед. Он медленно ехал вдоль дороги; потом на вершине холма появился какой-то высокий и тонкий

человек. Это было все, что я сумел рассмотреть на таком расстоянии. Когда незнакомец приблизился к лошадям те начали шарахаться и брыкаться, потом испуганно заржали. Иоганн не мог их удержать: они понеслись по дороге в безумной скачке. Я следил за ними, пока они не скрылись из виду, потом поискал взглядом незнакомца, но он тоже исчез.

С легким сердцем я повернулся и начал спуск по покатому склону в долину, куда отказывался ехать Иоганн. Я не находил ни малейшего основания для его отказа. Часа два я шел пешком, ни о чем не думая, и — могу сказать определенно — не встретил по дороге ни живой души, ни жилья. Что касается окрестности, то трудно было вообразить себе место более заброшенное. Но я этого не замечал, пока, пройдя изгиб дороги, не оказался на неровной лесной опушке и только тут понял, что окружающее запустение подсознательно на меня влияло.

Я сел отдохнуть и стал оглядываться окрест. Как я отметил, с начала прогулки успело сильно похолодать. Вокруг чудились звуки, напоминавшие вздохи. Над головой время от времени раздавался приглушенный шум. Подняв глаза, я обнаружил, что высоко в небе быстро перемещаются с севера на юг большие плотные облака. В верхних слоях атмосферы замечались признаки приближавшейся бури. Я немного озяб. Объяснив это тем, что засиделся после быстрой ходьбы, я возобновил прогулку.

Теперь мой путь пролегал по гораздо более живописной местности. Взгляд не выделял ничего примечательного, но очарование присутствовало во всем. Я не следил за временем и, только когда сгущавшиеся сумерки уже нельзя было не замечать, задумался о том, как найду дорогу домой. Яркий дневной свет померк. Воздух обжигал холодом, движение облаков над головой усилилось. Оно сопровождалось отдаленным мерным гулом, через который иногда прорывался тот таинственный крик, который кучер назвал волчьим воем. Я немного поколебался, но, согласно своему первоначальному намерению, решил все же взглянуть на брошенную деревню, и вновь двинулся вперед. Вскоре я набрел на обширный открытый участок, со всех сторон зажатый холмами. Их склоны были одеты деревьями, которые спускались на равнину и группами усеивали попадавшиеся там небольшие косогоры и ложбины. Я проследил глазами извивы дороги и обнаружил, что она делает поворот рядом с группой деревьев, одной из самых густых, и далее теряется из виду.

Я ощутил в воздухе пульсирующий холод; начал падать снег. Подумав о милях и милях открытой местности, оставшихся позади, я поспешил укрыться в лесу. Небо темнело, снегопад становился все гуще, пока не покрыл землю блестящим белым ковром, край которого терялся в туманной

мгле. Дорога здесь была в плохом состоянии. Там, где она прорезала возвышенный участок, края ее еще были заметны, но когда я достиг ровного места, то вскоре обнаружил, что, должно быть, сбился с пути. Ноги ступали по мягкой земле, все более увязая во *мху*и траве. Ветер задувал все сильнее, и мне пришлось бежать. Ударил мороз, и я начал мерзнуть, несмотря на то что двигался быстро. Снег теперь падал сплошной стеной и завихрялся вокруг меня, так что я почти ничего не видел. Время от времени небеса прорезала яркая вспышка молнии, и в эти моменты я различал впереди множество деревьев, главным образом тисов и кипарисов, плотно укутанных снегом.

Скоро я оказался под защитой стволов и крон. Здесь было сравнительно тихо, и я улавливал шум ветра высоко над головой. Вскоре мрак бури был поглощен темнотой ночи. Постепенно буря слабела; не утихали только свирепые порывы ветра. В такие минуты казалось, что странным звукам, напоминавшим волчий вой, вторят схожие звуки вокруг меня.

Снова и снова черную массу несущихся облаков проницал лунный луч и освещал окрестности. Я разглядел, что нахожусь на опушке густой рощи из кипарисов и тисов. Когда снегопад прекратился, я вышел из укрытия и начал более детальную разведку. Я подумал, что, поскольку по дороге мне часто встречалось разрушенное жилье, стоило бы поискать себе временное убежище, пусть даже плохо сохранившееся. Огибая рощу, я обнаружил, что она обнесена низкой стеной, и вскоре наткнулся на проход. Кипарисы здесь образовывали аллею, которая вела к какому-то массивному сооружению квадратной формы. Но тут стремительные облака снова скрыли луну, и путь по аллее я проделал в темноте. Ветер сделался еще холоднее — по дороге меня охватила дрожь. Но я надеялся найти защиту от непогоды и продолжал вслепую двигаться вперед.

Вдруг я остановился, пораженный внезапной тишиной. Буря улеглась, и в унисон с молчанием природы мое сердце словно бы перестало биться. Но это продолжалось какое-то мгновение. Лунный свет неожиданно пробился сквозь облака, и я увидел, что нахожусь на кладбище, а квадратное сооружение впереди оказалось массивной мраморной гробницей, белой как снег, который окутывал ее и все вокруг. Одновременно раздался свирепый вздох бури: она как будто возобновилась. Этот звук походил на протяжный низкий вой стаи собак или волков. Я был потрясен и испуган; в меня все глубже проникал холод, грозя достичь до самого сердца. Поток лунного света по-прежнему падал на мрамор гробницы; буря, судя по всему, разыгралась с новой силой. Словно

зачарованный, я приблизился к усыпальнице, чтобы рассмотреть ее и узнать, почему она находится в столь уединенном месте. Обойдя ее кругом, я прочел над дорическим порталом надпись, сделанную по-немецки:

ГРАФИНЯ ДОЛИНГЕН

ИЗ ГРАЦА, ШТИРИЯ

ЕЕ ИСКАЛИ И НАШЛИ МЕРТВОЙ

1801

На вершине гробницы, сложенной из нескольких громадных каменных блоков, торчала большая железная пика или стойка, казалось вбитая в мраморный монолит. Зайдя с другой стороны, я увидел надпись, высеченную крупными русскими буквами:

НЕ СТРАШНЫ МЕРТВЫМ ДАЛИ [19]

Все это произвело на меня такое странное и жуткое впечатление, что я похолодел и почувствовал приближение обморока. Впервые я пожалел, что не прислушался к советам Иоганна. И тут, в этой почти мистической обстановке, меня как громом поразила мысль: нынешняя ночь — Вальпургиева!

Ночь, когда, согласно верованиям миллионов людей, по свету бродит дьявол, когда разверзаются могилы и мертвые встают из них и бродят по свету. Когда вся нечистая сила на земле, в воде и в воздухе ликует и веселится. Именно этого места мой кучер особенно опасался. Здесь была деревня, опустевшая несколько веков назад, здесь был похоронен самоубийца, и именно здесь я оказался в одиночестве, дрожа от холода; все вокруг было окутано снежным саваном, а над головой снова собиралась буря. Мне понадобились вся моя философия, вся вера, в которой я был воспитан, все мужество, чтобы не лишиться чувств от страха.

И вот настоящий ураган обрушился на меня. Земля дрожала, как под гулкими ударами тысяч лошадиных копыт. На этот раз буря принесла на

своих ледяных крыльях не снег, а крупный град, летевший стремительно, как камни из пращи. Градины сбивали на землю листья и ветки; прятаться под кипарисами было так же бессмысленно, как под былинкой в поле. Сначала я бросился к ближайшему дереву, но вскоре понял, что единственное доступное мне убежище — это дорический портал мраморной гробницы. Там, припав к массивной бронзовой двери, я нашел хоть какую-то защиту от градин. Теперь они достигали меня только рикошетом от земли или от мраморных стен.

Когда я прислонился к двери, она подалась и приоткрылась внутрь. Даже такое убежище, как гробница, было желанным в эту беспощадную грозу, и я уже собирался войти, когда зигзагообразная вспышка молнии осветила все пространство небес. В это мгновение, клянусь жизнью, я различил в темноте гробницы красивую женщину с округлым лицом и ярко-красными губами, которая лежала на возвышении и казалась спящей. Над моей головой раздался гром, и, как будто рукой гиганта, меня выбросило наружу. Это произошло так внезапно, что я и опомниться не успел, как обнаружил, что меня бьет градом. Одновременно у меня возникло странное, навязчивое ощущение, что я не один. Я бросил взгляд на гробницу. Тут же последовала еще одна ослепительная вспышка молнии, которая, казалось, ударила в железную пику, венчавшую сооружение, и вошла в землю, круша мрамор, точно взрывом. Мертвая женщина на мгновение приподнялась в агонии, охваченная пламенем, ее отчаянный крик боли потонул в раскатах грома. Хаос душераздирающих звуков был последним, что я слышал. Гигантская рука опять схватила меня и потащила прочь, а град продолжал колотить по мне, и воздух как будто дрожал в унисон волчьему вою. В моей памяти запечатлелось напоследок движение какой-то белой туманной массы, словно все могилы окрест послали сюда призраки своих окутанных саванами мертвецов и те приближались ко мне в пелене града.

Постепенно ко мне стало возвращаться сознание, потом я ощутил ужасную усталость. Какое-то время я ничего не воспринимал, но чувства понемногу пробуждались. Ноги ломило от боли, я не мог ими пошевелить: казалось, они словно отнялись. Затылок и спина окоченели от холода; уши, как и ноги, казались яркими, но страшно болели, грудь же, напротив, ласкало восхитительное тепло. Это походило на кошмар — физически ощутимый кошмар, если можно так выразиться, потому что какой-то тяжелый груз давил мне на грудь, мешая дышать.

Это подобие летаргии показалось мне нескончаемым. Должно быть, я

заснул или впал в забытье. Затем пришло что-то вроде тошноты, как при начинающейся морской болезни, и отчаянное желание от чего-то освободиться — от чего именно, я не знал. Безбрежная тишина окутывала меня, словно весь мир заснул или умер; ее нарушало только тяжелое дыхание какого-то животного. Горла касалось что-то теплое и шершавое. Потом пришло осознание чудовищной истины. Я похолодел, кровь бросилась мне в голову. Какой-то крупный зверь, взгромоздившись на меня, лизал мне горло. Я боялся пошевелиться, инстинкт самосохранения велел мне лежать неподвижно, но животное, казалось, заметило происшедшую со мной перемену и подняло голову. Сквозь ресницы я увидел пару больших горящих глаз огромного волка. Его острые зубы светились в зияющей красной пасти, и я ощущал кожей его горячее и едкое дыхание.

И еще один отрезок времени выпал у меня из памяти. Потом я услышал низкий вой, за ним лай, повторявшийся снова и снова. Как мне почудилось, очень издалека донесся хор множества человеческих голосов, кричавших в унисон «э-ге-гей!». Осторожно подняв голову, я посмотрел в ту сторону, откуда шел звук, но мой взгляд уперся в кладбище. Волк продолжал издавать странное тявканье, и вокруг кипарисовой рощи, будто вслед за звуком, начало перемещаться красное сияние. Голоса слышались все ближе, а волк тявкал все чаще и громче. Я не решался ни шевельнуться, ни крикнуть. Красное зарево приближалось, оно виднелось над белой пеленой, простиравшейся во тьму вокруг меня. Внезапно из-за деревьев появилась группа всадников с факелами в руках. Волк соскочил с моей груди и бросился в сторону кладбища. Один из всадников (военных, судя по фуражкам и длинным шинелям) вынул карабин и прицелился. Его товарищ толкнул руку стрелявшего, и я услышал, как пуля просвистела над моей головой. Он, очевидно, принял меня за лежащего волка. Другой прицелился в убегавшее животное, грянул выстрел. Потом одни всадники галопом двинулись ко мне, другие — вслед за волком, который исчез среди заснеженных кипарисов.

Когда они подъехали ближе, я попытался пошевелиться, но не смог, хотя видел и слышал все, что происходило вокруг. Двое или трое спрыгнули на землю и опустились на колени возле меня. Один из них приподнял мою голову и приложил руку мне к сердцу.

— Порядок, ребята! — вскричал он. — Сердце еще бьется!

Потом мне в рот влили немного бренди. Это придало мне сил, я сумел шире открыть глаза и осмотреться. Между деревьями перемещались огни и тени, перекликались голоса. Люди собирались в кучу, издавая испуганные

восклицания; но вот, под вспышки факелов, все повалили, как одержимые, за кладбищенские ворота. Те, кто был рядом со мной, в волнении спрашивали подъезжавших:

— Ну, нашли его?

Те отвечали поспешно:

— Нет! Нет! Давайте быстрей убираться, нечего нам тут делать, особенно в такую ночь!

— Что это было? — Этот вопрос повторялся на множество ладов.

Ответы звучали разнообразные, однако все неопределенные, словно какой-то общий импульс подталкивал людей к разговору, но общий же страх не давал им высказать свои мысли.

— Ни… ничего себе! — бормотал один военный, которому явно отказывал рассудок.

— И волк — и не волк, — добавил другой, содрогаясь.

— Что толку в него стрелять, если нет освященной пули, — заметил третий более спокойным тоном.

— Поделом нам, нечего было шляться в такую ночь! А уж свою тысячу марок мы честно заработали! — восклицал четвертый.

— Там кровь на расколотом мраморе, — заметил другой после короткой паузы, — не молнией же ее туда занесло. А он-то цел? Посмотрите на его горло! Ребята, а ведь волк лежал на нем и согревал его кровь!

Офицер взглянул на мое горло и ответил:

— С ним все в порядке, на коже ни царапины. Что бы это значило? Нам бы ввек его не найти, если бы волк не затявкал.

— А где он сейчас? — спросил человек, державший мою голову. Он, казалось, меньше других поддался панике, руки у него не дрожали. На его рукаве был нашит шеврон младшего офицера.

— Убрался восвояси, — ответил военный с худым бледным лицом. Он испуганно оглядывался, буквально трясясь от страха. — Здесь достаточно могил, куда можно залечь. Прочь отсюда, ребята, прочь из этого проклятого места!

Офицер поднял и усадил меня, потом прокричал слова команды; несколько человек взгромоздили меня на лошадь. Офицер вспрыгнул в седло, обхватил меня руками, скомандовал; «Вперед!», и мы, развернувшись спиной к кипарисовой роще, по-военному быстро поскакали прочь.

Язык все еще отказывался мне повиноваться, и я был принужден молчать. Должно быть, я заснул; дальше мне вспоминается, что я стою, а

солдаты поддерживают меня с двух сторон. Заря уже занялась, и на севере, на снежном полотне, лежала красная полоса отраженного солнечного света, напоминавшая кровавый след. Офицер говорил с солдатами, приказывая им молчать об увиденном и говорить только, что они подобрали незнакомого англичанина, которого охраняла большая собака.

— Собака! Как бы не так, — вмешался человек, который так отчаянно трусил, — уж волка-то я отличу с первого взгляда.

— Я сказал — собака, — невозмутимо повторил молодой офицер.

— Собака! — произнес другой с иронией. Видно было, что вместе с восходом солнца к нему возвращается храбрость. Указав на меня, он добавил: — Посмотрите на его горло! Собака могла это сделать, как по-вашему, господин капитан?

Инстинктивно я схватился за горло и вскрикнул от боли. Все сгрудились вокруг и смотрели, некоторые спешились. И снова раздался спокойный голос молодого офицера:

— Собака, и нечего спорить. Если мы будем говорить иначе, нас поднимут на смех.

Меня усадили в седло позади одного из рядовых, и вскоре мы достигли окрестностей Мюнхена. Здесь нам случайно повстречалась коляска, меня посадили в нее, и она покатила к «Quatre Saisons». Молодой офицер сел со мной в коляску, а рядовой сопровождал нас верхом. Остальные отправились в казармы.

Герр Дельбрюк так стремительно бросился вниз по ступенькам мне навстречу, что я понял: он ждал меня, глядя в окно. Он бережно подхватил меня под руки и ввел в дом. Офицер отсалютовал мне и направился было к выходу, но я настойчиво стал приглашать его к себе в комнату. За стаканом вина я тепло поблагодарил гостя и его храбрых товарищей за свое спасение. Он ответил просто, что рад быть полезным и что герр Дельбрюк с самого начала предпринял все, дабы участники экспедиции были довольны. Метрдотель сопроводил это двусмысленное высказывание улыбкой. Сославшись на служебные обязанности, офицер удалился.

— Объясните, герр Дельбрюк, — спросил я, — как случилось, что вы послали солдат искать меня?

Он пожал плечами, как бы умаляя свои заслуги, и ответил:

— Я, к счастью, получил разрешение от командира полка, в котором прежде служил, нанять там добровольцев.

— Но как вы узнали, что я заблудился?

— Кучер вернулся с остатками разбитой коляски. Она опрокинулась, когда лошади понесли.

— Но вы ведь не из-за этого послали солдат на поиски?

— Нет-нет! Еще до того, как вернулся кучер, я получил эту телеграмму от дворянина, у которого вы гостили.

Он вынул из кармана телеграмму и протянул мне. Я прочел:

> БИСТРИЦА [20]ТЧК ПОЗАБОТЬТЕСЬ О МОЕМ ГОСТЕ ТЧК ЕГО БЕЗОПАСНОСТЬ ДАЯ МЕНЯ ВЕСЬМА ДРАГОЦЕННА ТЧК ПРОИЗОЙДЕТ С НИМ ЧТО ИЛИ ПРОПАДЕТ ОН ИЗ ВИДУ ЗПТ НИЧЕГО НЕ ЖАЛЕЙТЕ ЗПТ ТОЛЬКО БЫ ОН ОСТАЛСЯ ЦЕЛ ТЧК ОН АНГЛИЧАНИН ЗПТ А ЗНАЧИТ ЗПТ ИСКАТЕЛЬ ПРИКЛЮЧЕНИЙ ТЧК СНЕГ ЗПТ ВОЛКИ ЗПТ НОЧЬ ЗПТ ВСЕ МОЖЕТ ОБЕРНУТЬСЯ БЕДОЙ ТЧК НЕ ТЕРЯЙТЕ НИ МИНУТЫ ЗПТ ЕСЛИ ЗАПОДОЗРИТЕ НЕЛАДНОЕ ТЧК ВАШЕ УСЕРДИЕ БУДЕТ ВОЗНАГРАЖДЕНО ТЧК ДРАКУЛА ТЧК

Я сжал в руке телеграмму, и мне показалось, что комната начала стремительно кружиться. Если бы внимательный метрдотель не подхватил меня, я рухнул бы на пол. Происшедшее представилось мне не просто странным, но столь таинственным и неподвластным уму, что я вдруг почувствовал себя игрушкой потусторонних сил, и сама эта смутная мысль парализовала мою волю. Я, несомненно, находился под чьим-то загадочным покровительством. Из отдаленной страны как раз в нужную минуту пришло послание, спасшее меня от гибели в снежном сне или в волчьей пасти.

Элджернон Блэквуд

Элджернон Блэквуд(1869–1951) родился в юго-восточной части Лондона и учился в колледже Веллингтон, а затем в школе моравского братства в Германии и в Эдинбургском университете; он серьезно изучал восточные религии и оккультизм и был членом нескольких оккультных обществ. В двадцатилетнем возрасте он перебрался в Канаду, где держал молочную ферму и управлял отелем, а затем переехал в США и работал репортером в «Нью-Йорк сан» и «Нью-Йорк таймс». Когда ему исполнилось тридцать, Блэквуд вернулся в Великобританию и впоследствии полностью посвятил себя литературному творчеству.

Он вошел в историю литературы как автор многочисленных рассказов о сверхъестественном, составивших более дюжины книг, а также шестнадцати романов. Самыми известными из его малой прозы, вероятно, являются рассказы об оккультном детективе из сборника «Несколько случаев из оккультной практики доктора Джона Сайленса» (1908). Эти истории изначально были представлены издателю в виде очерков о подлинных случаях из жизни самого Блэквуда, но затем публикатор убедил автора переработать их в серию новелл. Сайленс, следовательно, выступает как alter ego своего создателя, и это обстоятельство сообщает повествованию дополнительный интерес.

Среди рассказов Блэквуда, не входящих в цикл о Джоне Сайленсе, более других известны «Ивы» (1907) и «Вендиго» (1910). Он также написал автобиографическую книгу о своей молодости, озаглавленную «Когда еще не было тридцати» (1923).

Рассказ «Превращение» был впервые опубликован в британском еженедельном журнале «Сельская жизнь» в декабре 1911 года; позднее вошел в авторский сборник «Сад Пана» (Лондон: Макмиллан, 1912).

Превращение (© Перевод В. Кулагиной-Ярцевой.)

Все началось с того, что заплакал мальчик. Днем. Если быть точной — в три часа. Я запомнила время, потому что с тайной радостью прислушивалась к шуму отъезжающего экипажа. Колеса, шелестя в отдалении по гравию, увозили миссис Фрин и ее дочь Глэдис, чьей гувернанткой я служила, что означало для меня несколько часов желанного отдыха в этот невыносимо жаркий июньский день. К тому же царившее в

небольшом загородном доме возбуждение сказалось на всех нас, а на мне в особенности. Это приподнятое настроение, наложившее отпечаток на все утренние занятия в доме, было связано с некоей тайной, а гувернанток, как известно, в тайны не посвящают. Глубокое беспричинное беспокойство овладело мною, а в памяти всплыла фраза, сказанная когда-то моей сестрою: с такой чуткостью мне следовало бы сделаться не гувернанткой, а ясновидицей.

К чаю ожидали редкого гостя — мистера Фрина-старшего, «дядюшку Фрэнка». Это было мне известно. Я знала также, что визит каким-то образом связан с будущим благополучием маленького Джейми, семилетнего брата Глэдис. Больше я не знала ничего, и из-за недостающего звена мой рассказ превращается в некое подобие головоломки, важный фрагмент которой утерян. Визит дядюшки Фрэнка носил характер филантропический, и Джейми предупредили, чтобы он вел себя как следует и старался понравиться дядюшке. А Джейми, до тех пор никогда дядюшку не видевший, заранее ужасно боялся его. И вот сквозь замирающий в знойном воздухе шелест колес до меня донесся тихий детский плач, который неожиданно отозвался в каждом нерве и заставил вскочить на ноги, дрожа от беспокойства. Слезы подступили к глазам, вспомнился беспричинный ужас, охвативший мальчика, когда ему сказали, что к чаепитию приедет дядюшка Фрэнк и ему непременно нужно «вести себя хорошо». Плач мальчика причинял мне боль, словно ножевая рана. Несмотря на то что все это произошло средь бела дня, меня охватило гнетущее ощущение кошмара.

— Этот человек с грома-а-адным лицом? — спросил Джейми чуть дрогнувшим от страха голосом и, не говоря больше ни слова, вышел из комнаты в слезах; все попытки утешить его оказались безуспешны.

Вот все, что я видела, а слова мальчика о человеке «с грома-а-адным лицом» показались мне дурным предзнаменованием. Но в какой-то мере это послужило развязкой — внезапным разрешением тайны и возбуждения, пульсировавших в тишине знойного летнего дня. Я боялась за мальчика. Из всего этого вполне заурядного семейства Джейми нравился мне больше всех, хотя мы с ним не занимались. Джейми был нервным, чувствительным ребенком, и мне казалось, его никто не понимает, а меньше всего — добросердечные, порядочные родители; и вот негромкий плач мальчика заставил меня вскочить с постели. Я подбежала к окну, будто услышав крик о помощи.

Июньский зной тяжелым покровом повис над большим садом; чудесные цветы, радость и гордость миссис Фрин, поникли; газоны, мягкие

и упругие, заглушали все звуки, только липы да заросли калины гудели от пчел. Сквозь жару и марево до меня донесся отдаленный, едва слышный детский плач. Удивительно, как мне вообще удалось услышать его, потому что в следующую минуту я увидела Джейми в белом матросском костюмчике, одного, позади сада, шагах в двухстах от дома. Он стоял рядом с Запретным местом — отвратительным куском земли, где ничего не было.

Меня охватила слабость, подобная смертной слабости, когда я увидела его не где-нибудь, а именно там, куда ему запрещалось ходить, где он и сам всегда боялся бывать. Увидев мальчика одного в этом странном месте и услышав его плач, я оцепенела. Однако только собралась с силами, чтобы позвать Джейми, как из-за поворота появился мистер Фрин-младший с собаками, возвращавшийся с нижней фермы, и, увидев сына, сделал это вместо меня. Громким, добрым голосом он окликнул мальчика, Джейми повернулся и побежал к нему — как будто чары рассеялись, — прямо в раскрытые объятия своего любящего, но непонимающего отца. Мистер Фрин-младший, усадив его себе на плечо, понес домой, спрашивая по дороге, из-за чего такой шум. За ними с громким лаем следовали короткохвостые овчарки, они прыгали и приплясывали, взбрасывая сырой круглый гравий. Джейми называл это «танцами на дорожках».

Я отошла от окна, прежде чем меня заметили. Доведись мне стать свидетельницей спасения ребенка из огня или из реки, я вряд ли испытала бы большее облегчение. Но мистер Фрин-младший, я уверена, не в состоянии был сделать то, что нужно. Защитить мальчика от его собственных пустых выдумок он мог, но дать такое объяснение, которое развеяло бы их, был не в силах. Они скрылись за розовыми кустами, направляясь к дому. Больше я ничего не видела до приезда мистера Фрина-старшего.

Трудно понять, почему этот безобразный клочок земли именовался «запретным»; возможно, такое определение закрепилось за ним когда-то давно, хотя не припомню, чтобы кто-нибудь из семейства употреблял его. Для Джейми и меня, хотя мы тоже никогда не называли так этот кусок земли, где не росло ни цветочка, ни деревца, он был более чем странным. В дальнем конце великолепного, пышного розария зияла голая, больная земля, черневшая зимой наподобие коварного болота; летом же, заскорузлая и потрескавшаяся, она давала приют зеленым ящерицам, пробегавшим по ней, словно искры. В сравнении с роскошью всего изумительного сада это место казалось воплощением смерти среди пышного цветения жизни, средоточием болезни, жаждущим исцеления,

пока болезнь не распространилась. Но она не распространялась. Дальше шла роща серебряных берез, а за нею переливалась зелень луга, где резвились ягнята.

У садовников было очень простое объяснение бесплодности этой земли: вся вода ушла оттуда по лежащему рядом склону, и не осталось ни капли. Что тут можно сказать? Это Джейми, который на себе ощущал ее чары и часто бывал там, который, преодолевая страх, простаивал там часами — потому-то ему и было велено «держаться подальше от этого места», ибо пребывание там бередило и без того богатое воображение мальчика, причем самые мрачные его стороны, — именно Джейми, который хоронил там побежденных людоедов и слышал исходивший от земли плач, уверял, что видел, как ее поверхность порою содрогается, и потихоньку подкармливал землю найденными во время своих ежедневных странствий по округе мертвыми птичками, мышами или кроликами. Это ему, Джейми, удалось необыкновенно верно выразить словами ощущение, охватившее меня с первой же минуты, как я увидела эту пустошь.

— Это дурное место, мисс Гулд, — сообщил он мне.

— Но, Джейми, в природе нет ничего дурного — совсем дурного; просто есть вещи, которые отличаются от остальных.

— Мисс Гулд, но ведь здесь пусто. Здесь ничего не родится. Эта земля погибает, потому что не получает нужной пищи.

И пока я смотрела на бледное личико, на котором чудесно сияли темные глаза, и собиралась с мыслями, чтобы найти верный ответ, мальчик произнес, убежденно и страстно, ту самую фразу, от которой я похолодела.

— Мисс Гулд, — он всегда обращался ко мне именно так, — она голодает, разве вы не видите? Но я знаю, что может ей помочь.

Серьезность ребенка, возможно, могла бы заставить окружающих обратить хотя бы мимолетное внимание на странное предположение, но я ощущала: то, во что верит дитя, весьма важно, его слова всегда звучат как тревожный и мощный прорыв действительности. Джейми, со своей склонностью к гиперболе, уловил приметы удивительного явления, его чуткому воображению приоткрылась некая сокровенная истина.

Трудно сказать, в чем крылся ужас этих слов, но, когда он произнес последнюю фразу: «Но я знаю, что может ей помочь», мне показалось, что вокруг сгустились какие-то темные силы. Помню, что не стала расспрашивать его подробнее. Фразы, по счастью, не произнесенные, дали жизнь некой не облеченной в слова возможности, которая с тех пор существовала в глубине моего сознания. Само ее возникновение, как мне думается, доказывает, что она уже присутствовала в моем разуме. Кровь

отхлынула от сердца, колени подогнулись: мысль Джейми совпадает — и совпадала — с моей собственной…

И сейчас, лежа на кровати и раздумывая обо всем этом, я поняла, почему приезд дядюшки Фрэнка был каким-то образом связан с переживаниями, ужаснувшими Джейми. Внезапно мне пришла в голову мысль, так испугавшая меня, что я не в силах была ни отказаться от нее, ни попытаться опровергнуть; вместе с ней явилась темная, полная — как в кошмаре — убежденность в том, что она истинна; и если кошмар можно облечь в слова, то мысль моя состояла в следующем: этой гибнущей земле в саду чего-то недоставало, и она постоянно искала это нечто — то, что дало бы ей возможность ожить и расцвести. Более того, существовал человек, который мог ее спасти. Мистер Фрин-старший, иначе дядя Фрэнк, и был тем человеком, который своею избыточной жизненностью мог восполнить этот ее изъян — сам не осознавая этого.

Связь между гибнущим, пустым куском земли и личностью этого энергичного, здорового и процветающего человека уже существовала в моем подсознании задолго до того, как я стала отдавать себе в этом отчет. Конечно, она существовала всегда, хотя и неосознанно. Слова Джейми, внезапная бледность мальчика, боязливое предчувствие как бы наметили контур, но его одинокий плач в Запретном месте выявил четкий отпечаток. Передо мной в воздухе возник некий образ. Я отвела глаза. Если бы не боязнь, что они покраснеют — с красными глазами лицо мое никуда не годилось, — я бы заплакала. Слова, сказанные Джейми утром о «грома-а-адном лице», снова обрушились на меня подобно ударам тарана.

Мистер Фрин-старший столько раз становился объектом семейных бесед, с тех пор как я начала здесь работать, я так часто слышала разговоры о нем и так часто читала о нем в газетах — о его энергии, о благотворительной деятельности, об успехах на любом поприще, — что его портрет составился в моем представлении довольно полно. Я даже знала, каков он внутри, или, как говорит моя сестра, сокровенно. Единственный раз мне привелось видеть его воочию, отвозя Глэдис на собрание, где он председательствовал, там я ощутила окутывавший этого человека ореол, разглядела его лицо во время минутного покровительственного разговора с племянницей и убедилась, что нарисованный мною портрет верен. Остальное вы можете счесть лишь необузданными женскими фантазиями, я же думаю, что это род божественной интуиции, присущей женщинам и детям. Если бы души могли быть видимы, я поручилась бы жизнью за истинность и точность составленного мною портрета.

Мистер Фрин принадлежал к людям, которые увядают в одиночестве и

расцветают в компании — потому что они используют жизненные силы окружающих. Он, сам не осознавая этого, был непревзойденным мастером присваивать плоды чужой жизни и работы — для собственной пользы. Занимался вампиризмом он, разумеется, бессознательно, однако всех тех, с кем ему приходилось иметь дело, оставлял изможденными, утолщенными, вялыми. Мистер Фрин жил за счет других, поэтому в зале, где было полно народу, он блистал, а предоставленный самому себе, не имея рядом жизни, которую можно подманить, слабел, терял силы. Находясь с ним рядом, можно было почувствовать, как его присутствие опустошает тебя; он присваивал твои мысли, твою силу, даже твои слова и потом использовал их для собственной выгоды и возвышения. Разумеется, без злого умысла. Он был неплохой человек, но чувствовалось, насколько опасна та легкость, с которой этот бессознательный вампир поглощал не принадлежащие ему жизненные силы. Его глаза, голос, само присутствие лишало жизни — казалось, живое существо, недостаточно высокоорганизованное, чтобы сопротивляться, должно всеми силами избегать его приближения и прятаться в страхе быть поглощенным, то есть в страхе смерти.

Джейми, сам того не ведая, положил последний мазок на неосознанно составленный мною портрет этого человека, который владел даром молча подчинять себе и вытягивать из тебя все силы, мгновенно усваивая их. Вначале сопротивляясь, ты постепенно слабеешь, воля твоя угасает, и тебе остается либо уйти, либо сдаться, соглашаясь со всем, что бы он ни сказал, ощущая слабость, доходящую до обморока. С противником-мужчиной могло быть иначе, но и тогда попытки сопротивления порождали силу, которую поглощал он, и никто другой. Защищенный каким-то инстинктом, он никогда не давал ничего, я хочу сказать, он никогда ничего не давал людям. В этот раз вышло иначе: у него было не больше шансов, чем у мухи под колесами огромного — или, как говорил Джейми, «чудовищного» — паровоза.

Именно таким он виделся мне: громадный человек-губка, вобравший в себя жизненные силы, украденные у других. Моя мысль о человеке-вампире была, несомненно, верной. Мистер Фрин жил, присваивая сгустки жизненной энергии других. В этом смысле его жизнь не была в полной мере «его», и поэтому, думаю, он не мог контролировать ее целиком, как предполагал.

Через час-другой этот человек окажется здесь. Я подошла к окну. Оголенный кусок земли, тускло черневший среди великолепных садовых цветов, притягивал мой взгляд. Меня поражал этот клочок пустоты,

жаждущий, чтобы его наполнили, напитали. Мысль о том, что Джейми играл на самом его краю, была невыносимой. Я смотрела на неподвижные летние высокие облака, вслушивалась в послеполуденную тишину, всматривалась в знойное марево. Кругом царило гнетущее безмолвие. Не могу припомнить другого такого застывшего дня. Все замерло в ожидании, семейство тоже — в ожидании, когда из Лондона на большом автомобиле приедет мистер Фрин.

Мне никогда не забыть охватившей меня тревоги, ледяной дрожи, пробежавшей по спине, когда я услышала шум мотора. Мистер Фрин приехал. Стол к чаю накрыли на траве под липами, и миссис Фрин с Глэдис, возвратившиеся из поездки, сидели в плетеных креслах. Мистер Фрин-младший встретил брата в холле, а Джейми, как я потом узнала, пребывал в таком беспокойном состоянии, что ему разрешили остаться в своей комнате. В конце концов, может быть, его присутствие и не было столь уж необходимым. Визит явно имел отношение к таким непривлекательным сторонам жизни, как деньги, ценные бумаги, дарственные и тому подобное; точно не скажу, однако семейство находилось в волнении, ведь дядюшка Фрин был человеком состоятельным.

Впрочем, это не имело значения для того, что произошло. Главным было то, что миссис Фрин послала за мной и просила сойти вниз в «своем миленьком белом платьице» — если, разумеется, я не против; я была и испугана, и польщена, поскольку приглашение означало, что глаз гостя хотят порадовать хорошеньким личиком. Странно, но я сразу почувствовала, что мое присутствие каким-то образом предполагалось, что мне надлежит стать свидетельницей всему, что случится. В тот момент, когда я ступила на газон — не знаю, стоит ли говорить, настолько глупо и путано это звучит, но я готова в этом поклясться! — и наши взгляды встретились, внезапно сгустилась тьма, затмив на мгновение щедро разлитый кругом солнечный свет, и целые табуны маленьких черных коней заскакали от этого человека к нам и вокруг нас, готовые растоптать все на своем пути.

Бросив на меня беглый взгляд, выдавший его, мистер Фрин больше не смотрел в мою сторону. Чаепитие и беседа текли спокойно; я передавала чашки и тарелки, а случавшиеся паузы заполняла негромким разговором с Глэдис. О Джейми никто не упоминал. Внешне все выглядело превосходно, но только внешне, ибо происходящее соприкасалось с чем-то не облекаемым в слова и было столь чревато опасностью, что я, как ни старалась, не могла сдержать дрожь в голосе, участвуя в беседе.

Рассматривая жесткое, холодное лицо нашего гостя, я отметила, как он худощав и как странно блестят его немигающие глаза. Они отливали маслянистым блеском, мягким и бархатным, как у людей Востока. Во всех его действиях и словах ощущалось то, что я рискнула бы назвать «присасыванием». Его вампирическая сущность достигала своей цели без ведома сознания. Мистер Фрин властвовал над всеми нами, но настолько мягко, что этого никто не замечал — до самого конца.

Не прошло и пяти минут, как я впала в какую-то прострацию: представившаяся моему внутреннему взору картина казалась настолько живой, что мне было странно, почему никто не вскрикнет и не побежит, чтобы предотвратить неизбежное. А происходило вот что: отделенный от нас доброй дюжиной ярдов, наш гость, в котором бурлили присвоенные жизненные силы окружающих, стоял неподалеку от зиявшей пустотою земли, ждавшей и жаждавшей, чтобы ее наполнили. Земля чуяла добычу.

Эти два действующих «полюса» находились на расстоянии, подходящем для поединка: он — худощавый, жесткий, энергичный за счет окружающих, практичный, торжествующий, и безобразная пустошь — терпеливая, глубокая, ненасытная, за ней стояли силы земли, и она — ах! — явно уповала на долгожданную возможность утолить свой голод.

Я видела все это так ясно, как если бы наблюдала за двумя огромными животными, готовыми схватиться в смертельном поединке; это было какое-то необъяснимое внутреннее видение. Столкновение предстояло неравное. Каждая сторона уже выслала лазутчиков, не могу сказать, давно ли, поскольку первым свидетельством, что с нашим гостем что-то не в порядке, было замешательство в его голосе, ему стало не хватать воздуха, губы дрогнули. В следующую минуту эта странная и ужасная перемена отразились и на его лице — оно сделалось обвислым, большим, мне невольно вспомнились загадочные слова Джейми о «грома-а-адном лице». Лазутчики двух царств, человеческого и стихийного, сошлись, как я поняла, именно в этот момент. В первый раз за всю свою долгую жизнь мистер Фрин противостоял противнику более сильному, и та небольшая часть его живущего за чужой счет существа, которая, собственно, и являлась личностью этого вампиричного человека, содрогнулась, охваченная предчувствием беды.

— Да, Джон, — говорил он, лениво растягивая слова и самодовольно внимая собственному голосу, — сэр Джордж отдал мне этот автомобиль… точнее, подарил. Взгляни, разве он не очарова…

И он вдруг запнулся, оборвал фразу, набрал в грудь воздуха и тревожно огляделся.

Все застыли в изумлении. Это было как щелчок, пустивший в ход огромный механизм, — мгновенная пауза перед тем, как он действительно заработает. Дальнейшие свои действия мистер Фрин, больше напоминавший сейчас работающий без контроля автомат, совершал с калейдоскопической быстротой. Мне пришла в голову мысль о невидимом и бесшумном моторе, который приводил его в движение.

— Что это? — пролепетал он упавшим голосом, в котором слышалась нескрываемая тревога. — Что за жуткое место? И там как будто кто-то воет? Кто это?

Мистер Фрин указал на пустошь и, не дожидаясь ответа, побежал к ней через газон, с каждым мгновением убыстряя шаг. Прежде чем кто-либо успел остановить его, он оказался на краю пустоши. Наклонился, пристально вглядываясь в землю.

Казалось, прошли часы, хотя на самом деле всего несколько секунд, ведь время измеряется не тем, сколько произошло событий, а тем, с какими переживаниями они сопряжены. Среди всеобщего замешательства я фиксировала происходящее с безжалостными, фотографическими подробностями. Противоборствующие стороны проявляли необычайную активность, но лишь одна — человек — сопротивлялась, напрягая все силы. Другая просто играла, не используя и тысячной доли своих исполинских возможностей, большего и не требовалось. Победа была легкой и тихой, можно даже сказать, жуткой — ни шума, ни титанических усилий…

Я наблюдала за ходом битвы, стоя неподалеку, кажется, мне одной пришла в голову мысль последовать за мистером Фрином. Все остались на своих местах, только миссис Фрин, всплеснув руками, задела чашку, а Глэдис, как мне помнится, воскликнула, чуть не плача:

— Мама, это от жары?

Мистер Фрин-младший, ее отец, сидел безмолвный, бледный как полотно.

Когда я подошла к краю пустоши, стало ясно, что именно влекло меня туда. На другом ее краю, среди серебристых берез, стоял малыш Джейми. Он наблюдал. Из-за него я пережила один из самых ужасных моментов в своей жизни — мгновенный, беспричинный и от этого еще более сильный страх охватил меня. И все же, знай я заранее то, что должно было случиться, страх мой оказался бы во сто крат сильнее; происходило нечто жуткое, исполненное несказанного ужаса.

Казалось, я наблюдала за столкновением вселенских сил, причем ужасное действо происходило на пространстве не более квадратного фута.

Думаю, мистер Фрин догадывался, что, если кто-нибудь займет его место, он будет спасен, и инстинктивно выбрал самую легкую добычу из всех возможных — увидев Джейми, он громко позвал его:

— Джеймс, мальчик мой, подойди сюда!

Голос звучал глухо и безжизненно, подобное ощущение вызывает сухой щелчок при осечке ружья вместо ожидаемого выстрела. Это была мольба. И с удивлением я вдруг услышала свой собственный голос: повелительный и сильный, он принадлежал, несомненно, мне, хотя до меня только сейчас стало доходить, что с моих уст срываются эти слова:

— Не ходи, Джейми. Стой, где стоишь.

Но Джейми, этот мальчишка, не послушался ни одного из нас. Подойдя к самому краю пустоши, он остановился — и засмеялся! Я слышала этот смех, но готова была поклясться, что смеялся не мальчик, а голая, жаждущая жертвы земля…

Мистер Фрин повернулся, воздев руки. Его холодное, жесткое лицо, раздаваясь в стороны, делалось все шире, щеки обвисли. То же самое происходило со всем его телом, вытянувшимся под действием каких-то невидимых вихрей. Лицо его на мгновение напомнило мне игрушки из каучука, которые так любят растягивать дети, — оно стало поистине «грома-а-адным». Но это было лишь внешнее впечатление, на самом же деле я поняла совершенно ясно: жизненные силы, вся жизнь, которую этот человек годами получал от других людей, сейчас уходили от него, превращаясь в нечто иное…

Вдруг мистер Фрин пошатнулся, быстро и неуклюже шагнул вперед, на эту голую землю, и тяжело рухнул ничком. Глаза упавшего мертвенно поблекли, а то выражение, которое застыло на его лице, можно было охарактеризовать лишь одним словом — крах. Он выглядел совершенно уничтоженным. Мне послышался звук — неужели Джейми? — но на сей раз это был не смех, а что-то похожее на глоток, глубокий и жадный, шедший из глубины земли. Мне снова привиделся табун маленьких черных коней, уносящихся галопом в земную бездну, — они погружались все глубже, а топот их копыт становился все слабее и слабее. Моих ноздрей коснулся резкий запах сырой земли…

Когда я пришла в себя, мистер Фрин-младший приподнимал голову брата, который упал из-за жары на газон рядом с чайным столом. А Джейми, как мне потом удалось узнать, все это время проспал в своей кроватке наверху, измученный плачем и беспричинной тревогой. Глэдис бежала к столу с холодной водой, губкой, полотенцем и бутылкой бренди.

— Мама, это из-за жары?

Ответа миссис Фрин я не расслышала. Судя по ее лицу, она сама была близка к обмороку. Подошел дворецкий, и бесчувственного гостя наконец подняли и отнесли в дом; он оправился еще до прихода доктора.

У меня до сих пор не укладывается в голове: как же так, ведь все остальные видели то же самое, что и я, однако никто так и не обмолвился об этом ни словом. И это, возможно, самое ужасное во всей этой истории.

С того дня я едва ли слышала упоминание о мистере Фрине-старшем. Казалось, он вдруг куда-то исчез. Газеты перестали писать о нем, его бурная общественная деятельность, очевидно, прекратилась. Так или иначе, в последующие годы этот человек не достиг ничего, достойного публичного упоминания. Хотя, возможно, покинув дом миссис Фрин, я лишилась возможности слышать о нем.

Судьба же пустого клочка земли в последующие годы оказалась совершенно иной. Насколько мне известно, садовники не делали ничего для того, чтобы провести туда воду или насыпать другой земли, но еще до моего ухода, случившегося на следующее лето, это место превратилось в густые буйные заросли сорных трав и ползучих растений — мощных, полных сил и жизненных соков.

Г. Б. Марриот Уотсон

Генри Бреретон Марриот Уотсон(1863–1921) родился в Австралии, в пригороде Мельбурна Колфилде, и переехал в Новую Зеландию в возрасте десяти лет, когда его отец, англиканский священник, получил приход в церкви Святого Иоанна в Крайстчерче. Закончив университет, Марриот Уотсон в 1885 году навсегда уехал в Великобританию, где стал журналистом (должность младшего редактора в «Блэк энд уайт» и «Пэлл-Мэлл газетт») и, благодаря покровительству У. Э. Хенли, сделал первые шаги в литературе. Он сделал успешную карьеру как новеллист и романист, став одним из самых популярных авторов приключенческих и исторических романов в литературе рубежа XIX–XX столетий. По его книгам снят ряд немых фильмов, в том числе «Заговор против короля» (1911), «Ее лицо» (1912), «Богатства Эльдорадо» (1913), «Любовь вслепую» (1916).

Хотя Марриот Уотсон никогда не был женат, у него была продолжительная связь с декадентской поэтессой Розамунд Марриот Уотсон, которая взяла его фамилию. Она умерла от рака в 1911 году; их единственный сын погиб во время Первой мировой войны.

Хотя имя Уотсона не ассоциируется с мистической прозой, его перу принадлежит некоторое количество рассказов, относящихся к этому жанру. Два из них, «Каменный склеп» и «Демон с болот», обрели классический статус.

Рассказ «Каменный склеп» был впервые опубликован в авторском сборнике «Сердце Миранды» (Лондон: Джон Лэйн, 1899).

Каменный склеп (© Перевод И. Иванова)

Покупка Марвинского аббатства моим приятелем Уоррингтоном состоялась еще минувшей осенью, но по-настоящему во владение он вступил лишь в начале лета: постройка находилась в столь плачевном состоянии, что понадобилось не менее полугода, прежде чем она приобрела жилой вид. Между тем задержка была даже на руку Уоррингтону. Семейство Босанкетов — отец и дочь — проводило зиму за границей, и мой приятель во что бы то ни стало желал находиться рядом. Я еще не встречал человека, который бы с таким рвением повсюду следовал за предметом своей любви. Он постоянно сопровождал мисс Босанкет и

своим поведением примерного возлюбленного стремился показать, что будет для нее таким же примерным мужем. Только по возвращении в Англию Уоррингтон наконец смог приехать в аббатство Марвин и оценить качество ремонта, произведенного нанятым им архитектором.

Мой приятель был вполне обычным человеком, а некоторая порывистость и импульсивность характера уравновешивалась его добротой. Явившись ко мне, он воодушевленно заговорил о своем аббатстве и предстоящей женитьбе. Воодушевление нарастало, и под конец речи Уоррингтон объявил, что мы давно знакомы и что не кто иной, как я, должен отправиться с ним в аббатство Марвин и помочь ему наполнить домашним теплом эти древние стены. Я знал, что мне предстоит участие в церемонии его свадьбы, но намеревался отправиться туда позже. Однако Уоррингтон настаивал, чтобы мы поехали вместе и как можно скорее. Надо сказать, перспектива провести лето в тех местах выглядела довольно заманчивой: несколько лет назад я ездил в ту часть Девоншира на экскурсию, и, помню, меня очаровала деревушка Аттербурн, расположенная на склоне лесистого холма и неподалеку от моря. Что касается аббатства Марвин — его я видел лишь издали и отнесся к нему как к любой подобной достопримечательности, которыми изобилует Англия. Тогда я представить не мог, что через несколько лет мне предстоит какое-то время жить там.

К аббатству мы с Уоррингтоном подъехали по широкой аллее. Время не пощадило эти красивые строения гармоничных пропорций. По мере приближения все явственнее становились следы разрушений, причиненных неумолимым временем. Насколько я мог судить, правое крыло уже давно перестало быть жилым: крыша отсутствовала, от стен остались лишь фрагменты, а фундамент зиял трещинами. Уоррингтон поступил разумно, отставив это крыло добычей стихий и занявшись восстановлением левого. Скорее всего, когда-то входом служила высокая и массивная дверь, возможно, даже двустворчатая, но по непонятной мне причине архитектор заменил ее современной дверью, заложив кирпичом оставшееся пространство проема. Не считая этого курьеза, в остальном восстановительные работы проводились умело и с уважением к старине. Внутренние помещения сохранили былое величие; более того, им вернули прежний уют, устранив все следы запустения. Места поврежденных дубовых панелей заняли их точные копии, и в целом просторные комнаты претерпели лишь незначительные изменения, вполне отвечающие новым представлениям о бытовых удобствах.

Чувствовалось, Уоррингтон был доволен ремонтом. Он бегло

осматривал комнаты, удовлетворенно кивая и постоянно обращая мое внимание на ту или иную деталь убранства. Когда же он спросил, что я думаю насчет его приобретения, я без вежливого лукавства ответил:

— Я просто восхищен. Вот только комнаты непривычно большие, будто строились для великанов. Человек в них теряется.

— Это тебе только кажется, — со смехом возразил Уоррингтон. — Ты привык к лондонским меркам. А здесь простор. Представляешь, зимой во всех каминах гудит огонь. Летом — никакой духоты. А как весело здесь будет!

Мы прошли по внушительному коридору и остановились возле небольшой дубовой двери, почти черной от времени. Уоррингтон повернул ключ.

— Спальные комнаты находятся наверху. Моя еще не готова. И потом, не хочу там спать до тех пор, пока… Думаю, ты понял, — смущенно улыбнувшись, добавил он.

Я его вполне понимал. Уоррингтон распахнул дверь.

— Спальней мне временно послужит эта комнатка. Необычная, правда? Кажется, здесь была библиотека. Как ты ее находишь?

По своим размерам помещение значительно уступало другим и было достаточно узким. Свет проникал через два высоких и тоже узких окна, но его явно не хватало, поскольку внутри царил полумрак. Оконные ниши позволяли судить о массивности стен. Кровать и другие современные атрибуты выглядели здесь странно, если не сказать, чужеродно. Стены были расписаны довольно грубыми старинными фресками. Но сильнее всего меня поразил каменный пол: выщербленный, истертый ногами многих поколений. Пожалуй, эта комната больше, чем все остальные, напоминала монастырскую келью.

Только сейчас в моей голове возникла мысль, которая должна была бы появиться с самых первых минут, как я переступил порог аббатства Марвин. Почему это строение, по размаху сопоставимое с замками аристократии, называлось аббатством? Какое отношение оно имело к монахам и монашескому укладу жизни?

Уоррингтон к моим вопросам отнесся довольно равнодушно.

— Кажется, прежде здесь стоял монастырь. Потом, когда у монахов стали отнимать земли… это место отдали предку Марвинов.

При его характере и интересах Уоррингтон едва ли стал бы углубляться в историю аббатства и окрестностей. Сейчас его волновало, не будет ли в этой комнате сыро, а ее сумрачный вид он предполагал оживить за счет светлой мебели.

— Удачное помещение для библиотеки, — сказал я, не кривя душой. — Здесь такие толстые стены. Стоит закрыть дверь, и ты оказываешься в полной тишине.

— Нет, Хейвуд, полная тишина не по мне, — порывисто ответил он и рассмеялся. — Через пару месяцев ты не узнаешь этого места.

Он продолжал говорить о ремонте и тех новшествах, которые задумал ввести в старинной усадьбе. Я же продолжал думать о роде Марвинов. Кто они были? За какие заслуги их предку отдали отобранную у монахов землю? Сколько поколений успело смениться в этих стенах? Какими славными или постыдными делами был известен этот род?

Обедали мы в сравнительно небольшой комнате, из окон которой открывался чудесный вид на долину и берег моря. Я вновь перевел разговор на Марвинов. Уоррингтон досадливо поморщился.

— Ты же знаешь, вся эта хронология — не по мне. Какая нам сейчас разница, кто здесь жил и что делал?

Я решил сыграть на его самолюбии.

— А если кто-то из твоих гостей спросит тебя про Марвинов? Что ты ему скажешь?

— Скажу, что этот род прекратился, кажется, в тысяча семьсот четырнадцатом году. Так мне сказал прежний владелец. И еще я узнал: здесь десятилетиями никто не жил. По-моему, лет сорок. Усадьба разрушалась и, наверное, разрушилась бы вконец, если бы я ее не купил. Ты лучше спроси у миссис Бэтти. Она всю жизнь прожила здесь.

Желая сделать мне приятное и, вне всякого сомнения, гордясь своим новым владением, Уоррингтон позвал домоправительницу и переадресовал ей мои вопросы о Марвинах. Увы, ее знания оказались весьма скудными. Из рассказа миссис Бэтти я узнал, что Марвины вели отнюдь не добродетельную жизнь. Их богатство, скорее всего, было нажито бесчестным путем, и род оборвался внезапно. Когда я спросил миссис Бэтти о причинах, она лишь пожала плечами. В соседней деревне, где она выросла, с тех пор сменилось несколько поколений.

Когда экономка ушла, Уоррингтон с видимым облегчением вновь заговорил о делах ближайшего будущего, волновавшего его несравненно сильнее, чем отдаленное прошлое. Впрочем, это было вполне простительно — ведь всего в каких-то пяти милях от аббатства Марвин находился Сент-Фарамонд, усадьба сэра Уильяма Босанкета.

— Что ты думаешь обо всем этом? — спросил вечером Уоррингтон и от избытка чувств даже хлопнул меня по плечу. — Ты видел Марион. Теперь ты видишь это поместье. Ну разве я не счастливчик? Черт побери,

Хейвуд, я не из набожных людей, но мне хочется поблагодарить Бога! Я не грешник, но и не святой. Как видишь, Господь вознаграждает не только благочестивых. Иногда мне кажется, что наследство свалилось на меня незаслуженно. Однако я тут же гоню эту мысль. Ведь я не прокутил деньги, а употребил их разумно и с пользой. Для Марион мои деньги мало что значат, зато они важны для ее отца. Сомневаюсь, что без всего этого он бы дал согласие на наш брак… Да, дружище. Дом. Деньги. Новая жизнь. Знаешь, иногда мне кажется — я не заслужил все это. Где-то внутри я даже стыжусь себя. Ты знаешь, я не лукавлю, а моя жизнь тебе хорошо известна.

Дрожащими пальцами он схватил бокал вина и залпом выпил.

Уоррингтон действительно был, как говорят, неплохим парнем. Возможно, чересчур эмоциональным. Но его эмоции не были разрушительными. Я вполне понимал его нынешнее состояние: он ошалел от счастья и не мог совладать с распиравшими его чувствами.

Мы засиделись допоздна. Уоррингтон строил планы на будущее, рассказывал о Марион и ее отце. Несколько раз он вскакивал со стула и принимался трясти мне руку.

Через какое-то время поток его красноречия иссяк. Мы встали, чтобы идти спать. У лестницы Уоррингтон задержал меня.

— Это последний из моих холостяцких дней, — с улыбкой возвестил он. — Полуночные бдения, выпивка — все в прошлом. Сам убедишься. Спокойной ночи. Думаю, ты найдешь свою комнату. Спи, сколько душе угодно. А я, конечно же, встану рано.

Я глядел ему вслед, и вдруг меня пронзило странное ощущение. Уоррингтон, идущий по темному коридору со свечкой в руках, показался мне призраком. Я прогнал дурацкую мысль, объяснив это избытком выпитого вина и разыгравшимся воображением. Когда мой приятель обоснуется здесь с молодой женой, коридоры будут освещаться, а пока… Толстые ковры давно поглотили звук шагов Уоррингтона, а крошечный огонек мелькал и мелькал во тьме.

В отведенной мне комнате имелся балкончик. Ночь была теплой. Слишком возбужденный, чтобы лечь спать немедленно, я полчаса провел на этом балкончике, дыша приятным свежим воздухом. Я пребывал в сентиментальном настроении и вспоминал наш недавний разговор. Затем я вернулся в мрачноватую квадратную комнату, разделся, лег и задул свечу. Волнение мое постепенно улеглось, я заснул и проспал достаточно долго.

С Уоррингтоном мы встретились за завтраком. Он действительно встал раньше меня.

— Разве можно так бессовестно спать? — с улыбкой спросил он. — Я

целых полчаса барабанил тебе в дверь, и никакого результата.

Я извинился, сославшись на свежий деревенский воздух и на то, что не сразу смог заснуть.

— Представь себе, я тоже, — признался он. — Мы с тобой вчера слишком засиделись. Думаю, здесь эти городские привычки быстро пройдут… Так, и чем же нас решила попотчевать миссис Бэтти?

Он поднял салфетку.

— Боже! Ты когда-нибудь видел такую гигантскую яичницу с беконом? Можно целый полк накормить. — Уоррингтон нахмурился и с раздражением бросил: — Неужели у миссис Бэтти не хватило фантазии приготовить что-то еще?

Признаюсь, раньше я почти не видел своего приятеля в дурном настроении. Странно, что его расстроил такой пустяк, как однообразие завтрака. Но Уоррингтон привык к жизни лондонских клубов — возможно, этим и объяснялся всплеск его недовольства.

Он положил себе порцию яичницы и принялся неохотно ковырять вилкой.

— Ничего, Хейвуд. Я сумею изменить уклад здешней жизни, — решительно сказал он. — Наведу здесь порядок. Почему-то люди считают, что комфорт — это принадлежность городов, а в поместье мы должны смиряться с неудобствами. Спрашивается, почему? Ради чего мне менять свои привычки?

Эти слова не слишком вязались с его вчерашними панегириками простоте деревенской жизни. Уоррингтон меж тем продолжал:

— Марион — девушка утонченная. Она не потерпит упрощения своей жизни. И потом, с какой стати? Самое скверное, что эти деревенские жители напрочь лишены воображения.

Уоррингтон поддел на вилку кусок бекона и с явным отвращением стал его разглядывать.

— Ты только посмотри! Черт побери, ну почему бы им не поучиться у цивилизованных людей? У тех же французов?

Я еще больше удивился этому утреннему приступу раздражительности. Должно быть, мой приятель вчера приналег на вино. Возможно, плохо спал на новом месте, что тоже часто бывает. Без всякой связи со своими размышлениями, я спросил Уоррингтона, как ему понравилась его спальня.

— Вполне сносная, — равнодушно ответил он. — Оказалось, что там теплее, чем я думал. Но спал я плохо. Я всегда плохо сплю на чужих кроватях.

Он демонстративно отодвинул от себя тарелку и закурил сигарету.

— Когда ты покончишь с этой жвачкой, мы отправимся прогуляться по аббатству.

Прогулка вернула ему доброе расположение духа, и Уоррингтон с прежним пылом заговорил о новшествах, которые введет в своем поместье. Невдалеке от левого крыла находились развалины часовни, живописно поросшие *мхом*.Провал крыши затянул плющ. Мы вошли внутрь: между камней пробивалась трава, *мха*здесь не было, зато стены во многих местах покрывал все тот же плющ. Смерть завладела здесь камнями, как прежде людьми. Странная красота руин настроила меня на задумчивый лад, но ничуть не повлияла на Уоррингтона. Он видел в разрушенной часовне лишь часть своего приобретения.

Мое внимание привлек один из камней пола; наклонившись, я обтер его пучком вырванной травы. На поверхности виднелись следы надписи, прочитать которую не удалось.

— Смотри. Оказывается, это могильные камни, — сказал я.

— Да, — достаточно равнодушно отозвался Уоррингтон. — Похоже, у Марвинов здесь было нечто вроде фамильного склепа. Все они тут и похоронены.

Уоррингтон продолжал разговор о своих планах. Я рассеянно кивал, но думал о другом. Аббатство Марвин казалось мне принадлежащим прошлому, и я не очень представлял, как Уоррингтон сумеет приспособить поместье к современной жизни. Должно быть, вместо миссис Бэтти появится внушительный дворецкий в ливрее, а по коридорам будут сновать горничные в белых чепцах. Почему-то мелькнула мысль: скорее аббатство Марвин подчинит себе чету Уоррингтонов, чем наоборот. И все равно, я отчасти завидовал своему приятелю. Окажись я хозяином этих старинных стен, я бы лучше нашел с ними общий язык.

Эту мысль я в шутливой форме высказал Уоррингтону.

— Не уверен, — засмеялся он. — Я тоже люблю старину. Мне всегда хотелось жить в каком-нибудь достойном месте, где есть традиции и ощущается влияние предков.

Мои слова ему чем-то польстили.

Однако за ланчем Уоррингтон вновь впал в раздражительность, теперь уже по иной причине. Он получил письмо от мисс Босанкет, которое, судя по недоуменному выражению лица, его немало озадачило. Морща лоб, Уоррингтон читал и перечитывал послание.

— Чертовщина какая-то, полная бессмыслица! — проворчал он. — Она предлагает встретиться, но, спрашивается, где? Я не могу понять, то ли

мы должны ехать в Сент-Фарамонд, либо они собираются к нам. Взгляни, Хейвуд. Может, ты что-нибудь разберешь.

Я пробежал глазами строки, но не успел произнести и слова, как Уоррингтон разразился новой тирадой:

— Этих женщин не поймешь. Не умеют выражать свои мысли просто и последовательно. Столько слов, и ничего по существу. Видишь, и ты молчишь, поскольку ничего не понял. Представляешь, в какое идиотское положение мы попали? Если мы останемся здесь, они могут не приехать. А если поедем, то, чего доброго, разминемся.

Уоррингтон раздраженно прищелкнул пальцами.

Я радовался, что никак не замешан в случившемся. Уоррингтон ждал моего совета. Я предложил отправиться в Сент-Фарамонд и, если не застанем хозяев, написать записку с объяснениями и вернуться назад. Уоррингтон и слушать не захотел, сердито махнув рукой.

— Нет. Я останусь здесь. Не собираюсь попусту тратить время.

И резко переменил тему, обратив мое внимание на особенности убранства комнаты.

Босанкеты так и не появились, отчего настроение моего приятеля ухудшилось. Я понимал и его любовное томление, и импульсивность характера, но общество Уоррингтона начало меня тяготить. Он стал язвительным и колким, возражал, даже не вслушиваясь в смысл фраз. Дальше оставаться с ним мне не хотелось. Найдя предлог, я покинул его, оставив пребывать в одиночестве, а сам направился к развалинам часовни. День клонился к вечеру. Сквозь оконные проемы западной стены дул мягкий приятный ветер, шелестел в листьях плюща и раскачивал высокую траву. Я стоял среди этого островка покоя и вновь думал о судьбах тех, кто когда-то жил в аббатстве Марвин. Неожиданно мое внимание привлекла массивная мраморная плита. Солнечный свет падал под таким углом, что я сумел прочитать надпись на ее щербатой поверхности:

Здесь лежит тело сэра Руперта Марвина

Кроме почти неразличимых цифр, на плите больше не было ничего: ни принятого в ту эпоху перечисления заслуг покойного, ни стихотворных строк о бренности земной жизни. Я вертел головой, наклонял ее влево и вправо, щурился, пытаясь прочесть даты рождения и смерти. У меня получалось 1723 и 1745. Стало быть, под этим камнем покоился прах последнего Марвина. Меня всегда интересовали древности, а история этой

усадьбы была не только давней, но и во многом таинственной. Я постарался запомнить имя покойного и даты.

Когда я вернулся, от дурного настроения Уоррингтона не осталось и следа. Приветливо улыбаясь, он извинился за свое поведение.

— Я был очень раздосадован, что не увижу Марион, — сказал он. — Когда-нибудь ты поймешь меня, дружище. Но завтра мы едем к ним.

Обед проходил в обстановке такого искреннего дружелюбия, какое я редко замечал за Уоррингтоном. Скорее всего, он получил весточку из Сент-Фарамонда, но предпочитал скрывать это от меня. Вино было превосходным. Сам Уоррингтон не особо разбирался в винах, поэтому, скорее всего, воспользовался советами какого-нибудь знатока. Мы весело пообедали, выпили больше, чем следовало, после чего перешли на террасу и расположились на свежем воздухе, покуривая сигары. Уоррингтон вновь находился в возбужденном состоянии.

— Дружище, а не сыграть ли нам на бильярде? — вдруг спросил он. — У меня здесь превосходный стол.

Я отказался: мне нравилось дышать дивным морским воздухом, к тому же бильярд требовал более трезвой и ясной головы. Уоррингтон засмеялся, хотя чувствовалось, мой отказ его огорчил.

— Бильярд в аббатстве — почти святотатство, — пытаясь обратить это в шутку, сказал я. — Что подумают о нас призраки Марвинов?

— Пусть эти Марвины убираются ко всем чертям. — раздраженно ответил Уоррингтон. — Ты только и говоришь о них.

Его раздражение тут же погасло. Он встал, ненадолго удалился в дом и вернулся оттуда с графином виски и парой бокалов.

— Попробуй это, — предложил он. — Ликеров я не запас.

С этими словами он плеснул в бокалы по порции виски и тут же выпил свою.

Я удивленно глядел на него, ибо Уоррингтон всегда предпочитал вино и не увлекался крепкими напитками. Графин был заполнен на четверть. Не заметив моего удивления, Уоррингтон уселся в легкое кресло и закурил новую сигару.

— Здесь никогда не будет скучно, — произнес он, разговаривая больше с самим собой, чем обращаясь ко мне. — Терпеть не могу этот деревенский покой, от которого тупеешь. Балы, карнавалы, домашние вечеринки. И так — весь год. Думаю, что и ты, Нед, будешь наезжать ко мне поохотиться. Нынешний год обещает превосходную охоту.

Я согласился, и Уоррингтон с жаром продолжал свои рассуждения.

— Пока не знаю, как лучше устроить жизнь в аббатстве. Вряд ли мы

будем сидеть здесь безвылазно. Я привык к городской жизни. Без города я заскучаю. Но и это место мне нравится. Я ничуть не жалею, что купил его. — Он порывисто встал. — Бери бокал и идем со мной. Я тебе кое-что покажу.

Мне вовсе не хотелось двигаться, однако хозяин настаивал, и я последовал за ним. Мы вошли в одну из комнат, окна которой глядели на террасу, и Уоррингтон настежь распахнул оконные створки.

— Вот тебе воздух! — заявил он. — А теперь садись.

Сам он подошел к буфету и достал оттуда второй графин с виски.

— Ирландский. Угощайся.

С этими словами он вновь повернулся к буфету, после чего сел, держа руки под столом.

— Не робей, Нед, — подбодрил он меня. — Налей нам по хорошей порции, а потом немного развлечемся.

Он взмахнул рукой, в которой оказалась зажата колода карт, и бросил их на стол.

От удивления у меня округлились глаза. К картам мой приятель не притрагивался с наших студенческих времен. Видимо, он принял мое удивление на свой счет, поскольку воскликнул:

— Я пока что не женат! Уоррингтон еще принадлежит самому себе. Ну как? В покер?

— Выбирай сам, — вздохнул я, уступая ему.

Его глаза удовлетворенно заблестели, и он принялся шумно тасовать карты.

— Снимай, — произнес он и плеснул себе еще виски.

Мне было совестно тратить прекрасный вечер на карточную игру, но выбора не оставалось. Уоррингтон играл не ахти как умело и победил только на чистом везении.

— Ставим по десять шиллингов, — объявил он.

— Ты забываешь, что я не миллионер. — Я покачал головой.

— Пустяки! Я люблю игру, достойную победы. Продолжаем.

Он буквально пожирал глазами карты и тасовал их с особой тщательностью. Его поведение изумило меня, а Уоррингтона изумило то, что я начал выигрывать.

По ходу игры лицо моего приятеля становилось все мрачнее. В лихорадочных движениях ощущалась алчность, а в тоне вновь появилась раздражительность.

— С меня довольно! — не выдержав, воскликнул я.

— Нет, мы продолжим игру! — упрямо возразил Уоррингтон,

вскакивая на ноги. — Ты победитель, Хейвуд. Я готов отправить тебя в ад, но я обязательно должен взять реванш.

Меня в одинаковой степени удивили и слова, и ярость, с какой они были произнесены. Уоррингтон бешено вращал глазами, а его лицо перекосила сердитая гримаса.

Неожиданно я заметил у него на шее какую-то странную царапину.

— Что это у тебя? — спросил я. — Ты никак порезался?

Он ощупал лицо.

— Чепуха, — буркнул он.

Я пригляделся и понял, что это вовсе не порез, а просто красное пятнышко размером с мелкую монету. Так бывает, когда воротник тугой и пуговица врезается в горло.

— Продолжаем игру, — потребовал хозяин.

Его раздосадованность проигрышем я по-прежнему списывал на чрезмерное количество выпитого виски.

— Послушай, ты проиграл всего несколько фунтов. Стоит ли печалиться? Завтра отыграешься.

Алчный блеск в его глазах потух, и Уоррингтон неуклюже рассмеялся.

— Да, ты прав. Что-то слишком волнуюсь из-за ерунды.

— Виски, — назидательным тоном произнес я.

Он уставился в свой бокал.

— Сколько же я выпил? — спросил он и присвистнул. — Это недопустимо, Нед! Я должен начать жизнь с чистого листа. Идем, полюбуемся звездным небом.

Я был только рад оторваться от карт, и вскоре мы вновь очутились на террасе. Уоррингтон задумчиво взирал на звезды. Затем его взгляд переместился на залитую лунным светом долину — точнее, туда, где находился Сент-Фарамонд.

Когда мы расставались на ночь, он по-прежнему был удручен своим поведением.

— Приятных тебе снов, — сказал он мне.

— И тебе тоже.

— Думаю, я сумею заснуть. — Он слабо улыбнулся, но неожиданно схватил меня за руку. — Нед, прошу тебя, не позволяй мне вести себя столь идиотским образом, — порывисто, но вполне искренне произнес он. — Понимаешь: усадьба, Марион совсем рядом. Мне не совладать со своими чувствами. Но я так не хочу, чтобы она считала меня безвольным. Помоги мне.

— Обязательно, — пообещал я, стискивая его руку. — А сейчас

постарайся выспаться.

На том мы и расстались.

Во вторую ночь я спал даже крепче. Меня разбудило щебетанье дроздов в саду. Я встал, подошел к окну и увидел, что солнце уже достаточно высоко. Деревья и трава переливались капельками росы. Я опять опоздал к завтраку! Чувствуя себя виноватым, я торопливо оделся и спустился вниз. Уоррингтон уже находился в столовой и ожидал меня, стоя возле окна. Услышав мои шаги, он повернулся. У него было такое осунувшееся, изнуренное лицо, что я опешил. Казалось, он провел ночь без сна. Но больше всего меня поразили его налитые кровью глаза. Так выглядят кутилы, успевшие растратить все, чем одарила их природа. Я спросил его, в чем дело. Уоррингтон молча плюхнулся на стул.

— Наконец я тебя дождался. Извольте кушать, сэр, — язвительно бросил он мне. — Только уж не взыщите, что кофе остыл.

Я пропустил его колкость мимо ушей.

— Ты что, опять плохо спал? — спросил я.

— Представь себе, я спал прекрасно, — все в той же вызывающей манере ответил он. — Давай завтракать, а потом я возьму у тебя реванш.

— Какой еще реванш? — удивился я. — Ты же собирался с утра ехать в Сент-Фарамонд.

— Обойдется! — грубо ответил он. — С этими женщинами чем больше цацкаешься, тем они капризнее. А ты что, боишься мне проиграть?

— Я вообще не собираюсь сейчас играть, — ответил я, задетый его тоном. — Если желаешь, сыграем вечером, и больше я за карты не сажусь.

Он пробурчал что-то себе под нос, и дальше мы завтракали молча. Не скрою, такое обращение Уоррингтона со мною обижало меня. Но мои обиды отступали на задний план перед странностями в его поведении, которые было трудно объяснить одними лишь перепадами настроения. Раз он не видит себя со стороны, то я, как его друг, должен ему об этом сказать.

— Уоррингтон, что с тобою? Такое ощущение, будто ты пил ночь напролет. Вспомни, о чем ты просил меня вчера.

— Не суйся не в свои дела! — рявкнул он, отстраняясь от меня, хотя по лицу было видно, что ему неловко и стыдно.

Отступать я не собирался и заговорил с ним уже откровеннее и резче:

— Давай проясним ситуацию. Если ты болен, попробуем разобраться в причине твоей болезни. Но я не намерен дальше терпеть твое вздорное настроение.

— Я не болен, — огрызнулся он.

— Да ты посмотри на себя! — воскликнул я, поворачивая его лицом к

зеркалу над камином.

Собственное отражение заставило Уоррингтона озадаченно наморщить лоб.

— Боже милосердный! Нед, я же совсем не такой, — уже другим голосом произнес он. — Должно быть, и я впрямь вчера хватил лишку.

Он жалобно поглядел на меня.

— Давай, возьми себя в руки. Поездка верхом тебя взбодрит. И больше ни капли виски.

— Нет! Конечно же нет! — порывисто закричал он.

Он содрогнулся всем телом, потом сжал мою руку и выбежал из столовой. Через некоторое время я последовал за ним.

Утро было тихим и солнечным. Уоррингтон стоял на террасе, глядя в сторону Сент-Фарамонда.

— Идем в конюшню, Нед, — с прежней импульсивностью сказал он мне. — Выберешь себе клячу поприличнее.

Я покачал головой.

— Лучше твоей лошади все равно нет. Но я с тобой не поеду, — сказал я, выдерживая его удивленный взгляд. — Отправляйся один. В этой поездке тебе не нужны провожатые. Я останусь здесь и попытаюсь разузнать еще что-нибудь о Марвинах.

Он нахмурился, но всего на мгновение.

— Как тебе угодно, дружище. Я еду без промедления.

Вскоре ему подвели лошадь, и Уоррингтон весело засмеялся.

— Тебя, Нед, ожидает прескучный день, но ты сам его выбрал, любитель древностей. За ланч ты сядешь в одиночестве — я, скорее всего, вернусь поздно.

Он взмахнул хлыстом и ускакал.

Его отъезд принес мне облегчение. Честно говоря, состояние, в каком находился Уоррингтон, действовало мне на нервы. Свой отдых в аббатстве Марвин я представлял не таким. Я не сомневался, что из Сент-Фарамонда мой приятель вернется совсем в другом настроении, а пока мне хватало собственного общества. После ланча я полчаса поиграл сам с собой на бильярде, но потом мне это наскучило. Я вышел из бильярдной и в коридоре встретил экономку — дородную женщину лет около шестидесяти, с приветливым лицом, располагавшим к разговору. Я остановился. Миссис Бэтти спросила, нравится ли мне моя комната.

— Это замечательная комната, сэр, — сказала она. — Там когда-то спала леди Марвин.

Она произнесла эти слова так, будто когда-то прислуживала последней

представительнице старинного рода, хотя на самом деле миссис Бэтти начинала свою службу с должности помощницы кухарки, и было это около пятидесяти лет назад.

— В этом доме я знаю каждый уголок, — с гордостью продолжала она. — Я подбирала комнаты для мистера Уоррингтона.

Мы как раз находились напротив его спальни. Мои глаза переместились на черную дверь, взгляд миссис Бэтти последовал за моим.

— Я отговаривала хозяина от этой комнаты, но он настоял. Для спальни она маловата, и, если желаете знать мое мнение, она лучше всего подходит, чтобы держать здесь дрова. Прежний хозяин так и делал.

Я толкнул дверь и переступил порог комнаты. Женщина последовала за мной.

— Здесь довольно сыро, — сказала она.

В этом помещении я вновь испытал странное чувство: казалось, что со мною разговаривает тишина. Воздух был затхлым, спертым, пахло плесенью и пылью тяжелых портьер. Даже новая мебель не могла сделать комнату менее мрачной. Я подошел к узкому окну, стекла которого помутнели от времени. Солнце освещало развалины часовни, и я видел два цвета: золотистый и черный.

— Миссис Бэтти, а в аббатстве, случаем, не водятся привидения?

Я задал этот вопрос в шутку, но экономка отнеслась к нему очень серьезно.

— Об этом, сэр, я еще ни разу не слышала. Если бы они существовали, я бы непременно знала о них.

Пока мы говорили, до нас донеслось негромкое жужжание. Подняв голову, я увидел в углу высокого сводчатого потолка чью-то отвратительную морду, глядящую на нас черными узкими глазками. Сознаюсь, при виде этого существа я оторопел, но ненадолго. Через мгновение я понял, что это всего-навсего летучая мышь. Существо висело вниз головой, растопырив свои большие крылья, и глядело на нас, как на непрошеных гостей. Оно спокойно выдержало мой взгляд и даже не шевельнулось. Тогда я громко крикнул и ударил в ладоши. Летучая мышь лениво захлопала крыльями и переместилась в дальний, более темный угол, где сходились балки. Миссис Бэтти была искренне удивлена и недоумевала, как животное сумело сюда проникнуть и так долго прятаться.

— Ничего удивительного, — ответил я. — Летучие мыши живут в расщелинах скал, в нишах. Возможно, где-то есть брешь в кладке, через нее она и пробралась.

Я успокаивал миссис Бэтти, а у самого по спине ползли мурашки.

Да, пребывание в аббатстве Марвин не оправдывало моих ожиданий. Несколько раз у меня появлялась мысль собрать вещи и уехать, но я беспокоился за Уоррингтона. Моя тревога усугубилась, когда он вернулся из Сент-Фарамонда в скверном расположении духа, отнюдь не свойственном его доброй, отходчивой натуре. Скорее всего, они с мисс Босанкет сильно поссорились, но это было лишь моим предположением. Сам Уоррингтон молчал, а я не смел расспрашивать его о подобных вещах. Чувствовалось, что внутри него до сих пор бушует пламя, хотя он и сдерживался. Обед наш прошел в молчании. Судя по раздраженным репликам, мой друг не был настроен говорить и вместо этого налегал на выпивку.

После обеда Уоррингтон позвал меня в библиотеку, довольно грубо напомнив, что я обещал ему вечернюю игру и что он намерен взять реванш за вчерашнее поражение.

— Хорошо, сегодня я сыграю с тобой, но больше за карты не сяду, как бы ты ни просил. По правде говоря, я уже подумываю завтра вернуться в Лондон.

Он выразительно на меня посмотрел, но ничего не сказал. Игра началась. С первой партии Уоррингтон проигрывал, но не желал останавливаться и только повышал ставки. За короткое время я выиграл у него несколько сот фунтов. Уоррингтон тяжело сопел и сердито хмыкал. Потом он вдруг стал сомневаться в честности моей игры и принялся бормотать проклятия. Я решил игнорировать выплески его гнева и заставить приятеля осознать, что он не умеет ни играть, ни держать себя в руках. Я вел игру молча и сосредоточенно. По мере роста моих выигрышей лицо Уоррингтона делалось все краснее, а его глаза недоверчиво следили за каждым моим движением. И вдруг он вскочил на ноги и, перегнувшись через стол, схватил мою руку с зажатыми в ней двумя картами.

— Черт тебя побери, Хейвуд! Я видел твои проделки! — в каком-то исступлении закричал он. — А ну, разожми руку! Разожми руку, иначе…

Он не договорил, ибо я тоже встал, вырвал свою руку из его хватки и стал надвигаться на него. Я словно забыл обо всем, кроме желания отомстить за оскорбление. И тут слова застыли у меня в горле. Его лицо! Оно приобрело синюшный оттенок, глаза налились кровью. В довершение к этому, воспаление на шее, которое я приписал тугому воротнику и пуговице, стало крупнее и ярче.

— Уоррингтон, что это у тебя? — испуганно закричал я, указывая на зловещее пятно. — Ты только посмотри!

— Не твое дело, — огрызнулся он. — Пытаешься отвлечь мое

внимание от своих шулерских трюков? Не выйдет.

Я молча бросил на стол его долговые расписки и покинул библиотеку. Я был изрядно зол на Уоррингтона и решил утром же покинуть аббатство Марвин. Поднявшись к себе, я запер дверь и прошел на балкон, пытаясь взять себя в руки.

Но мысли продолжали вертеться вокруг более чем странного поведения Уоррингтона — его как будто подменили. Насколько я помнил, он всегда вел себя учтиво и отличался уступчивостью. Лезть на рожон было не в его натуре. И вдруг — это дикарское поведение. Ну не мог же его характер беспричинно измениться за каких-то два дня. Тогда что явилось причиной? Болезнь? Сумасшествие? Мой гнев утих, сменившись искренней жалостью. Казалось бы, такие блистательные перспективы на будущее и вдруг — стремительная деградация. Возможно, он действительно серьезно болен, и болезнь, до поры до времени таившаяся внутри, теперь вырвалась наружу. А я посчитал это грубостью и рассердился. Мне стало стыдно. Я решил спуститься и поговорить с ним; ведь всего лишь вчера он умолял о помощи. Может, он инстинктивно цеплялся за меня, как за последнюю надежду?

Друга я нашел в библиотеке, где он сидел, уронив голову на стол. Графин с виски был почти пуст. Я взял приятеля за плечи и принялся энергично трясти, пока он не открыл глаза.

— Уоррингтон, тебе пора ложиться спать, — сказал я.

Он улыбнулся и наградил меня искренним благодарным взглядом — видимо, был не настолько пьян, как мне казалось.

— Нед, который теперь час? — спросил он.

Я ответил, что второй час ночи, и он резко встал.

— Должно быть, я заснул. Помоги мне добраться до спальни. Ноги что-то не держат. А ты куда исчез?

Я довел его до кровати. Уоррингтон кое-как разделся. Глядя на него, поддавшись нахлынувшему чувству, я вдруг сказал:

— Уоррингтон, не надо здесь спать. Идем в мою комнату.

— Дорогой друг, твоя комната — не единственная, — возразил он, глуповато хихикая. — В этом доме найдется еще с полдюжины спален.

— Ну так ложись в какой-нибудь из них.

Он покачал головой.

— Я буду спать здесь, — упрямо заявил Уоррингтон.

Я не стал его уговаривать: в конце концов, он здесь хозяин, — а тихо вышел и закрыл за собой дверь. Уже в коридоре, намереваясь вернуться к себе, я вдруг услышал., жалобный крик. Тихий, сдавленный, но очень

отчетливый. Сразу же я вновь открыл дверь — мой приятель лежал в постели, а его тяжелое дыхание доказывало, что он спит и никак не мог издать этот странный крик. На столике возле кровати горел ночник, достаточно ярко освещая постель и отбрасывая причудливые тени на стены. Когда я повернулся, чтобы уйти, у меня за спиной захлопали крылья, и комната погрузилась во тьму. Гнусное создание, жившее под крышей, загасило свечу в ночнике. Уоррингтон перестал шумно дышать. В спальне угасли все звуки. И вновь тишина стала звенящей, а воздух — тяжелым. Я вдруг почувствовал, что какая-то неведомая сила овладевает мной. Какая и зачем — разумеется, об этом я не имел ни малейшего представления. Вокруг меня сжималось невидимое, но ощутимое кольцо. Мне стало жутко. Я выбежал в коридор, громко хлопнув дверью. Там я немного постоял. И вновь мне показалось, что я слышу тихий, печальный крик.

Я проснулся до рассвета, вынырнув из тяжелого, кошмарного сна. Птицы еще не ознаменовали своим щебетаньем новый день, и в садах вокруг аббатства стояла тишина. Выглянув из окна, я заметил темную фигуру, осторожно пробиравшуюся к развалинам часовни. Походка и силуэт немало меня удивили. Я наспех оделся и бросился вниз. Добежав до часовни, я замер: это был Уоррингтон. Он стоял, опустив голову, и как будто вглядывался в темную росистую траву. Я подошел и тихо опустил ему руку на плечо.

— Что ты здесь делаешь? — спросил я.

Он очумело посмотрел на меня. Сонные глаза заморгали.

— Это ты? — вялым голосом спросил он. — А я думал…

Он умолк, но потом заговорил снова:

— Почему ты здесь?

— Мне не спалось. Я выглянул в окно и увидел тебя. Подумал, может, ты преследуешь какого-то незваного гостя.

Уоррингтон избегал смотреть мне в глаза.

— Мне показалось, что я услышал крик. Отсюда. Крик о помощи.

— Уоррингтон, возвращайся в постель, — со всей искренностью предложил я.

Он молча взял меня за руку, и я повел его в дом. У двери своей мрачной спальни он остановился.

— Как по-твоему, такое возможно…

Он не договорил и открыл дверь. Я вошел следом. Уоррингтон сел на постель. Его взгляд был устремлен на зарешеченное окно, где проступал

черный силуэт разрушенной часовни.

— Не надо об этом рассказывать, — вдруг произнес он. — Марион не должна знать.

Я рассмеялся каким-то нелепым смехом.

— Зачем скрывать? Тебя разбудил крик о помощи, и ты, как истинный джентльмен, выбежал узнать, в чем дело.

— И ты тоже слышал? — спросил он.

Не желая поощрять его странные фантазии, я покачал головой.

— Успокойся, я пошутил. Выспись как следует, и все твои кошмары уйдут.

Он вздохнул и лег прямо в одежде. Через минуту он уже храпел.

Я ожидал, что к завтраку Уоррингтон выйдет мрачным и угрюмым, но ошибся. На его лице не было никаких следов раннего приключения. Кажется, он начисто забыл о своей прогулке к часовне и держал в руках письмо, которое со смехом перебросил мне.

— Боже, попробуй понять этих женщин! — воскликнул он и хрипло расхохотался.

Пробежав пару строчек, я отодвинул письмо, поскольку его содержание явно не предназначалось для чужих глаз. Письмо было от мисс Босанкет: теплое, полное искренних чувств. Меня удивило легкомыслие Уоррингтона, поскольку он всегда казался мне достаточно деликатным человеком.

— Они с отцом сегодня приедут к нам на обед, — небрежно сообщил Уоррингтон. — Оставь девушку на пару дней без внимания, и она сама прискачет.

Я промолчал. Мне претила грубость Уоррингтона, хотя и радовало возвращение его хорошего расположения духа. Вероятно, они помирились.

Мы закончили завтракать. Молоденькая горничная убирала со стола посуду. Когда она ушла, Уоррингтон поглядел ей вслед и громко причмокнул губами.

— Премиленькая девчонка, — непривычно сладким голосом заметил мой приятель. — Рад, что миссис Бэтти взяла ее в дом. Я люблю симпатичных служанок.

Я передернул плечами и раздраженно произнес:

— Что-то ты сегодня непривычно развязен.

Он лишь засмеялся.

— Просто я не такой святоша, как ты, Хейвуд, — ответил он и потащил меня на улицу.

Мне случалось бывать у Уоррингтона в гостях, и я знал, насколько он

радушный хозяин. Но сегодня он превзошел себя. Босанкеты приехали достаточно рано. Сэр Уильям был общительным человеком, любителем книг и хороших вин — теперь стало ясно, кто помог Уоррингтону с его винным погребом. Мисс Босанкет была столь же очаровательна, как и в Лондоне. Уоррингтон вел себя безупречно, если не считать некоторой взбудораженности. Впрочем, это, наверное, объяснялось присутствием невесты. Сэр Уильям ходил вдоль стола, потягивая вино, однако сам Уоррингтон сегодня не притрагивался к выпивке. Чувствовалось, он ищет повод, чтобы присоединиться к своей невесте в гостиной. Вскоре, учтиво извинившись, он оставил меня в компании баронета. Мы с сэром Уильямом оба не хотели мешать влюбленным и, оставшись вдвоем, быстро нашли тему для разговора — история аббатства Марвин. Босанкет сообщил, что в его библиотеке есть редкая книга об аббатстве и, если мне интересно, он будет рад пригласить меня к себе и показать ее.

Теперь мне предстоит рассказать об ужасном происшествии, нарушившем мирное течение нашей беседы. День клонился к вечеру. С юга надвигалась гроза, возвещая о себе раскатами грома. Решив, что Уоррингтон и мисс Босанкет ушли в сад, мы направились туда. Сэр Уильям признался мне, что не любит гроз. Потом он вспомнил, что их открытый экипаж может промокнуть, а кучер, если ему не сказать, не потрудится перегнать повозку под навес. Он отправился давать указания своему нерасторопному кучеру, а я закурил сигарету и пошел разыскивать влюбленных, поскольку отец беспокоился за дочь и просил, чтобы она вернулась в дом.

Я дошел до кустарника, росшего возле дальней стороны часовни, когда вдруг услышал голоса: грубый и хриплый мужской и умоляющий женский. Затем раздался пронзительный крик. Я немедленно бросился в том направлении. Зрелище, открывшееся моим глазам, на мгновение заставило меня остолбенеть. К этому времени заметно стемнело. На фоне кустарников, озаряемые вспышками молний, стояли Уоррингтон и мисс Босанкет. Казалось, еще немного, и между ними начнется борьба.

— Ты должна! — грубым, не своим голосом требовал Уоррингтон.

Девушка что-то шептала ему в ответ, потом заплакала и вновь закричала. Я бросился к Уоррингтону и схватил его за руку, не веря своим глазам: Уоррингтон цепко держал обе ладони мисс Босанкет и выкручивал их на манер жестоких школяров. Но чтобы так себя вести с девушкой, да еще с той, которую любишь! Мне показалось, что я слышу хруст ее нежных костей.

Физически я был сильнее Уоррингтона, и мне удалось повалить его на

землю. Мисс Босанкет тоже упала, и я поднял ее. Уоррингтон вскочил, сжимая кулаки, и двинулся ко мне, но вдруг остановился, свирепо сверкнул глазами и побежал прочь.

Мисс Босанкет находилась в обмороке, но достаточно скоро очнулась. Конечно, хрупкой девушке пришлось вытерпеть нешуточную боль, но гораздо сильнее ее потряс ужас случившегося. Я не смел задать ей ни одного вопроса об их ссоре с Уоррингтоном и лишь осведомился, как она себя чувствует. Затем, осторожно взяв мисс Босанкет за руку, я повел ее к дому. У нее сильно колотилось сердце. Она тяжело дышала и опиралась на меня, ибо ей было трудно идти.

Мы добрели до входа в часовню. Я вдруг почувствовал, что у меня не хватит духу показать мисс Босанкет в таком состоянии ее отцу, и вообще не представлял, как объясню сэру Уильяму случившееся. Марион требовался отдых, а мне — время, чтобы собраться с мыслями.

— Давайте зайдем внутрь. Там вы немного передохнете, — предложил я.

Она не возражала, и мы вступили под мрачные своды. Я усадил девушку на мраморную плиту, а сам встал рядом. Мысли мои путались, а пережитое потрясение побуждало говорить без умолку. Самой невинной темой мне показалось состояние часовни и обнаруженная мною могильная плита. Мисс Босанкет кивала. Удивительно, как еще ей удавалось сохранять самообладание. Я прошел к плите сэра Руперта и вслух прочитал надпись. Потом я перешел к другой плите, делая вид, будто разглядываю, не осталось ли чего и там. И вдруг… не знаю, откуда явилась эта мысль, но я вспомнил: сегодня утром именно здесь я нашел Уоррингтона На этом самом месте. *Я*раздвинул траву, вырвал несколько мешавших мне пучков и склонился над плитой. Небо ярко осветилось молнией, последовали оглушительные раскаты грома. Но я их не слышал. Пока длилась вспышка, я успел прочитать надпись на могильной плите: «Присцилла, леди Марвин».

Снаружи хлынул ливень.

Я знал: плющ, затянувший отверстия ветхой крыши, долго не выдержит и скоро мы вымокнем до нитки. Я подхватил мисс Босанкет на руки и бросился в дом. Меня поразило, насколько робким человеком оказался сэр Уильям: он не на шутку испугался грозы и дождя, который мог сильно размыть дорогу. За этими страхами он даже не заметил, в каком состоянии находится его дочь, и донимал меня единственным вопросом: когда кончится дождь. Судя по разгулу стихии, ливень мог идти еще час и даже больше. Уоррингтон не возвращался, и его никто не видел. Мисс

Босанкет сидела на краешке дивана, необычайно бледная, с широко распахнутыми глазами, в которых застыл ужас. Яопасался, как бы с нею вновь не случился обморок. Разыскав миссис Бэтти, я сказал ей, что эта страшная гроза сильно подействовала на юную леди и что ей требуется немного полежать. Экономка увела несчастную девушку, и мы с сэром Уильямом вновь остались одни. Он нервозно расхаживал по комнате и без конца выглядывал в окно, проверяя состояние погоды. Один или два раза он с раздражением осведомился об Уоррингтоне, но я не знал, что ответить, не считая себя вправе обрушивать на человека, испугавшегося грозы, еще более страшные сведения. К счастью, меня выручила миссис Бэтти, вызвав в коридор. Она была чем-то сильно встревожена.

— Что случилось? — спросил я. — Мисс Босанкет…

— Нет, сэр. Думаю, она спит. Она., я уложила ее в комнате мистера Уоррингтона.

— А разве в доме мало других комнат? — довольно резко спросил я.

— Комнат хватает, сэр, но они не готовы. Кроме вашей. Вот я и подумала…

— Девушку следовало уложить в моей комнате, а не в этом… склепе.

Женщина глядела на меня, разинув рот.

— Что у вас еще? — сердито спросил я, забыв, что не являюсь здесь хозяином. — Сегодня все как с ума посходили!

— Элис сбежала, — выпалила миссис Бэтти.

Речь шла об одной из горничных.

— То есть как сбежала? По такой погоде? — спросил я, поскольку экономка была заметно перепугана.

Она начала что-то говорить, но ее слова потонули в раскатах грома.

— Что ее выгнало в такую бурю? Наверное, просто спряталась где-нибудь.

Всегдашняя сдержанность покинула миссис Бэтти, и она принялась торопливо рассказывать о событиях, о которых здесь я сочту за благо умолчать — весьма неприглядных.

— Где мистер Уоррингтон? — спросил я.

В ответ она лишь покачала головой.

Некоторое время мы молчали, ошеломленно глядя друг на друга.

— С нею все будет хорошо, — наконец сказал я, поскольку эта тема была исчерпана.

От волнения экономка не знала, куда деть свои руки.

— Ну кто бы мог подумать? — без конца твердила она. — Кто бы мог подумать?

— Я все же считаю, что это какая-то ошибка, — сказал я, хотя интуиция утверждала обратное.

Более того, я был почти готов к чему-то подобному.

— Она побежала вроде бы к деревне, — прошептала миссис Бэтти. — Один бог знает, куда на самом деле она направлялась. Ведь и река тоже в той стороне.

— Глупости! — воскликнул я. — Не надо говорить чепухи. Это не более чем ошибка. Кстати, у вас найдется бренди?

Возвращение к всегдашним обязанностям благотворно подействовало на миссис Бэтти. Она проворно двинулась на кухню и вернулась с графином и бокалами. Я налил себе щедрую порцию, после вернулся к сэру Уильяму. Он яростно ругал погоду, и мне пришлось выслушать длинный список возможных потерь, которые он понесет, если гроза повредит посевы на полях. Я думал о трагедии, едва не случившейся с его дочерью, и сетования насчет ячменя и проса казались мне нелепыми. Но бренди несколько улучшило его настроение, и сэр Уильям, забыв о погоде, стал допытываться, куда же подевался Уоррингтон.

— Он — городской житель, а в здешнем парке столько дорожек. Думаю, он хотел вернуться кратчайшим путем, но вместо этого заблудился и был вынужден пережидать дождь в какой-нибудь беседке.

Я не знал, насколько убедительно звучит мое вранье, и мечтал только об одном: чтобы поскорее наступил завтрашний день.

Постепенно раскаты грома начали слабеть. Гроза уходила на север, уводя с собою дождь, только вспышки молний еще озаряли небо. Сэр Уильям сообщил, что стихия бушевала более двух часов. Он решил собираться домой и спросил о своей дочери. Я вызвал миссис Бэтти и попросил ее разбудить мисс Босанкет. Экономка отправилась за девушкой, но очень скоро вернулась. К счастью, сэр Уильям сосредоточенно глядел в окно и ничего не заметил.

— Скорее идемте к мисс Босанкет, — умоляюще шепнула мне испуганная женщина. — Ради бога, поторопитесь!

Я выскочил в коридор и через несколько секунд оказался в комнате Уоррингтона. Невеста хозяина лежала на постели. Ее волосы разметались по подушке, глаза были широко открыты и полны ужаса. Марион глядела в потолок, а ее руки застыли, будто их свело судорогой боли. Казалось, с нею случился приступ удушья; она дышала хрипло и с трудом. В ногах у нее сидела все та же отвратительная летучая мышь.

Я склонился над мисс Босанкет и скомандовал:

— Огня! Давайте сюда свечу!

Потом я осторожно приподнял мисс Босанкет. Летучая мышь нехотя взмахнула крыльями, взлетела и исчезла в сумраке потолочных балок. В ужасе я наклонил голову девушки — лицо ее было мертвенно-бледным, на нежной коже шеи краснело круглое пятно размером с мелкую монету.

Увидев проклятую отметину, я чуть не уронил несчастную обратно на кровать. Собрав всю свою волю, я поднял мисс Босанкет на руки и вынес из комнаты. Миссис Бэтти вышла следом.

— Что вы намерены делать? — тихо спросила экономка.

— Унести ее подальше от этой чертовой комнаты! — крикнул я. — Куда угодно. В коридор! Даже в кухню!

Мы перенесли мисс Босанкет в столовую и уложили на диван. Я попросил принести бренди и сумел влить несколько глотков в рот несчастной девушки. Постепенно ужас ушел из ее глаз, и она недоуменно взглянула на меня.

— Вы? Где это я?

— Вам стало нехорошо от грозы. А сейчас попытайтесь уснуть.

Она вздрогнула и закрыла глаза.

Достаточно скоро Босанкеты покинули аббатство Марвин. Разумеется, я не делал никаких попыток удержать их, понимая, что чем раньше мисс Босанкет уедет отсюда, тем лучше для нее. Получасовой сон отчасти вернул ей силы, и я помог девушке сесть в экипаж. О случившемся не было сказано ни слова. Марион поблагодарила меня за доброту и участие; об Уоррингтоне ни она, ни сэр Уильям даже не спросили. Похоже, им обоим больше всего хотелось поскорее вернуться домой. Провожая их, я заметил, что пятно на шее мисс Босанкет побледнело.

Ожидая возвращения Уоррингтона или каких-либо вестей о нем, я просидел до полуночи, после чего отправился спать. Утром мне пришлось завтракать одному, и только к полудню мне принесли письмо с лондонской маркой. Я вскрыл конверт. Каракули Уоррингтона в полной мере передавали его душевное состояние. Мой приятель умолял о прощении и вопрошал: «Неужели я — дьявол? Неужели я сошел с ума? Честное слово, я не мог так поступить. Это был не я! Не я!!! — (Последние две фразы были жирно подчеркнуты.) — Я собственными руками непоправимо все разрушил. Сегодня я уезжаю за границу. Когда вернусь в Англию — не знаю. Но в аббатстве Марвин моей ноги больше не будет никогда».

Я обрадовался его отъезду; честно говоря, мне не хотелось видеть Уоррингтона. Однако я сознавал, что сам не могу покинуть это место, не попытавшись распутать доставшийся мне клубок проблем. Я сообщил миссис Бэтти об отъезде хозяина и спросил ее насчет Элис. Новости были

неутешительными, но самого страшного, чего мы оба опасались, с девушкой не случилось. Отдав необходимые распоряжения, я счел, что с этой печальной историей покончено. Но оставалась мисс Босанкет, и здесь я был бессилен что-либо предпринять. Об ее состоянии было известно лишь то, что девушка заболела: это приписывалось ее слабому здоровью и влиянию непогоды. Я не стал разуверять миссис Бэтти, но некий моральный долг перед невестой друга заставил меня еще на некоторое время задержаться в аббатстве Марвин.

Несколько дней, что протекли между описанными событиями и моим визитом в Сент-Фарамонд, я потратил на обдумывание случившегося. Я не мог ни гулять, ни наслаждаться красотами природы. Мои мысли постоянно возвращались к загадке аббатства, а ум требовал объяснений. Не будучи суеверным, к рассказам о всякой чертовщине я относился как к старушечьим сплетням, которые иногда, любопытства ради, можно послушать, но не принимать всерьез. Однако спальня Уоррингтона не давала мне покоя, и я решил устроить эксперимент. Я сказал миссис Бэтти, что этой ночью буду спать там. Она не стала возражать, но снова обратила мое внимание на сырость. От нее я узнал еще кусочек истории аббатства: оказывается, спальня Уоррингтона в действительности называлась Каменным склепом.

— Но почему склеп? — удивился я. — Ведь все Марвины покоятся в разрушенной часовне.

— Этого, сэр, я не знаю. Вы все-таки уверены, что хотите ночевать в той комнате?

— Да, миссис Бэтти. Может, я сумею подружиться с летучей мышью и уговорить ее поискать себе другое жилище.

На самом деле мне было не слишком весело, и только любопытство заставляло меня осуществить свой план.

Вместо ненадежной свечки я взял с собой небольшую керосиновую лампу. Около двух часов я читал привезенный из Лондона том путевых заметок, который раньше так и не успел раскрыть, пока не почувствовал усталость. Тогда я загасил лампу и уснул. Ночью меня ничто не тревожило. Я спал крепче, чем до сих пор, и проснулся в превосходном настроении. Впрочем, продержалось оно недолго. Одеваясь, я заглянул в зеркало. Что такое? На шее виднелось красноватое пятно — точно такое же, как у Уоррингтона и мисс Босанкет. Мои сомнения только усилились, а на душе стало тревожно. Память подсказывала вычитанные истории о кровососущих летучих мышах. Но разум напоминал те твари водятся в жарких странах. Здешние летучие мыши вполне безобидны. Я отогнал

тревожные мысли, но не мог прогнать пятно с собственной шеи. Оно оставалось реальностью и пугало меня. Тугих воротников с врезающимися пуговицами я не носил, считать это пятно простым совпадением было бы абсурдно. Невидимое кольце ужаса вновь медленно смыкалось вокруг меня.

Тем не менее следующую ночь я опять провел в Каменном склепе. Отсутствие иной компании, кроме собственной, я возмещал, выпивкой и немного перебрал, отчего быстро заснул. Проснулся я около трех часов ночи и с удивлением обнаружил, что лампа по-прежнему горит. Хорош же я был, если бухнулся спать, даже не прикрутив фитиль. Когда я протянул руку, чтобы хоть теперь погасить лампу, над головой промелькнула летучая мышь сделала круг и исчезла. Однако я находился в столь отупелом состоянии, что едва заметил незваную гостью и, загасив лампу, тут же снова заснул.

На следующее утро след на шее стал заметнее, но, как и вчера, к вечеру почти полностью исчез. Мною вдруг начало овладевать безразличие. Наверное, я просто привык к обстановке усадьбы. Уоррингтон был прав: горожанину сельская жизнь быстро надоедает. Я не знал, куда себя деть: читать не хотелось, и лишь прогулка верхом внесла некоторое разнообразие. Нет, если так будет продолжаться, нужно поскорее уезжать отсюда. В конце концов, я же не брал на себя обязательство следить за усадьбой Уоррингтона!

Наступил вечер. Я слонялся из угла в угол. Прогулялся к развалинам часовни, полюбовался на ее стены при лунном свете. Увы, прежнее очарование в моих глазах эти руины утратили и не внушали ничего, кроме скуки, как и все вокруг. Вернувшись в дом, я прошел в библиотеку и попробовал скоротать время за оставшимися от Уоррингтона картами, но вскоре раздраженно швырнул колоду на стол — не будешь же играть с самим собой. Как раз в это время в библиотеку вошел слуга, принесший виски.

Только потом я осознал и достаточно подробно проанализировал свое поведение, но еще до того где-то на уровне подсознания испытывал стыд. Тем не менее я предложил слуге сыграть в карты. Он вежливо отказался. Я упорствовал. Слуга пожал плечами и сел напротив меня. Чуть ли не с первой партии ему начало везти. Должно быть, потом он сам удивлялся легкости, с какой выигрывал у меня партию за партией. Причина такого везения раскрылась мне позже, а в тот момент успехи партнера меня раздражали, причем все сильнее и сильнее. Не могу сказать, чтобы мне было жалко денег, да и играли мы не по-крупному. Но вдруг мое терпение

кончилось. Я смахнул карты на пол и встал. Слуга тоже встал и улыбнулся. В его улыбке радость победы была перемешана с настороженностью.

— Пошел прочь! — сердито крикнул я.

Хорошо вышколенный слуга учтиво поклонился и ушел. Я сел, вперившись глазами в стол. И тут меня пронзило запоздалое осознание всей глупости своего поведения. Взгляд переместился на графин с виски. Тот был почти пуст. Вот и причина череды моих проигрышей. Точно так же вел себя и Уоррингтон, когда мы играли. Слуга же, насколько помню, к выпивке вообще не притрагивался. Пойти и извиниться перед ним у меня не хватило духу, и я просто отправился спать.

Всю ночь в Каменном склепе звучали тихие, умоляющие голоса. В них не было ничего пугающего; они лишь уговаривали меня спать покрепче. Однако я не спал, а находился в состоянии дремы, из которой меня вырвал донесшийся снаружи резкий, пронзительный крик. Немедленно во всех углах что-то заворочалось и заскреблось — мне так показалось. В окне чернел силуэт часовни, озаренной лунным светом. Некая сила толкала меня выйти наружу и узнать, откуда донесся крик. Однако я подавил этот импульс и снова лег.

События следующего дня лучше просто пересказать, оставив без комментариев.

За завтраком мне подали письмо от сэра Уильяма Босанкета с приглашением посетить Сент-Фарамонд. Я обрадовался, поскольку подспудно ожидал этого приглашения. Оно сразу же сделалось главным событием дня, и я едва дождался времени, указанного в письме.

Сэр Уильям встретил меня вежливо, но не скажу, чтобы сердечно. Он ни словом не обмолвился об Уоррингтоне: подозреваю, что он вычеркнул моего приятеля из своей жизни и жизни дочери, а меня пригласил скорее из вежливости и сострадания к моему одиночеству, ибо сам едва ли нуждался в обществе. Предложение остаться на обед я принял без колебаний: ведь я еще не видел мисс Босанкет, а мне, скажу честно, было очень любопытно ее увидеть. Когда же она наконец вышла к нам, меня почти так же, как в первый раз, поразила ее красота. Несомненно, она была замечательной девушкой. Жаль только, что ее здоровье не отличалось крепостью.

После обеда сэр Уильям припомнил обещание показать мне книгу про аббатство Марвин, и, основательно порывшись в библиотеке, мы нашли ее. Хозяина куда-то позвали, и он, извинившись, ушел, оставив меня читать.

Книга была издана в первой трети века и рассказывала об истории аббатства Марвин и его владельцах. Часть, касавшуюся католического монастыря и королевских гонений на монахов, я только пролистал — меня

больше интересовала глава о судьбе последних Марвинов. Их род прекратился внезапно, в результате кровавой трагедии. В простом, безыскусном рассказе чаще всего упоминалось два имени: сэра Руперта Марвина и его жены Присциллы, леди Марвин. В назидательных книгах написали бы, что история рода, запятнавшего себя множеством кровавых преступлений, не могла окончиться иначе, как насильственным образом. Судя по описанным делам, было трудно сказать, кто из двоих братьев Марвин отличался большей склонностью к различным злодействам. Автор все же склонялся к мысли, что Уильям, младший, был злее и коварнее старшего. За обоими братьями числилось немало прегрешений, однако, ко всему прочему, они были азартными картежниками. История их гибели давалась предположительно, ибо свидетелей трагедии не имелось. Автор подозревал, что причиной мог стать роман между Присциллой и Уильямом, приходившимся ей деверем. Очевидно, порочная семья, в которую вошла леди Марвин, развратила и ее. Однако автор приводил и другое мнение: своим коварством и развращенностью Присцилла, возможно, даже превосходила братьев. Никто не знал, откуда она и кто ее родители. Любвеобильный сэр Руперт привез ее в аббатство, вернувшись из очередного странствия, и объявил своей законной женой. Автор писал, что Присцилла отличалась какой-то особой красотой, для которой лучшим определением будет слово «бесстыдная». Вероятно, это и послужило причиной ее порочной связи с деверем.

В канун трагедии братья, как обычно, уселись играть в карты. Вскоре слуги услышали их громкие, сердитые голоса и поняли, что происходит ссора. Автор предполагал, что в тот вечер Уильяму не везло. Тогда он, разгоряченный вином и взбудораженный проигрышами, отпустил какую-то колкость в адрес жены сэра Руперта. Возникла словесная перепалка, закончившаяся трагически: сэр Руперт кинжалом заколол своего брата. По свидетельству слуг, леди Марвин, услышав шум и крики, вбежала в комнату и заперла ее изнутри. Слуги, зная крутой нрав хозяев, со страху попрятались кто куда. Затем в доме стало тихо. Из-за двери не доносилось ни единого звука. Слуги сообщили местным властям. Те приехали и велели взломать дверь… На полу лежали три трупа.

Каким образом сэр Руперт и его жена встретили свой конец, уже никто и никогда не узнает.

«Трагедия эта, — завершал главу автор, — произошла в Каменном склепе, что под лестницей».

Чтение было прервано появлением мисс Босанкет. Я находился под впечатлением прочитанного и даже очертания комнаты видел словно сквозь

дымку. Но что-то во мне шевельнулось, и в голове мелькнуло несколько отчаянных мыслей.

— Я думала, отец с вами, — сказала она, оглядев помещение.

Я ответил, что сэра Уильяма куда-то позвали. Мисс Босанкет замешкалась, что еще больше подогрело мое волнение.

— Мистер Хейвуд, я ведь даже не поблагодарила вас, — едва слышно произнесла она. — Вы были так добры и заботливы. Позвольте мне сделать это сейчас.

Она вдруг заплакала.

Порыв, овладевший мною, развязал мне язык. Голова еще была полна прочитанного, а помимо истории о кончине Марвинов там носились еще кое-какие мысли. Весьма опрометчивые, которые тогда мне таковыми не казались.

— Мисс Босанкет, позвольте мне ненадолго коснуться того происшествия. Я не стану вдаваться в подробности.

— Умоляю, не надо! — воскликнула она и испуганно сжалась.

— Пожалуйста, выслушайте меня. Случившееся видится вам проявлением необузданной похоти. На самом деле вы были свидетельницей печального происшествия — временного помутнения рассудка. Ведь даже вы явились жертвой того же необъяснимого явления.

— Как вас понимать? — еще сильнее сжавшись, спросила она.

— Я больше ничего не скажу, чтобы вы не высмеяли меня. Конечно, вы не стали бы смеяться, но мои зыбкие предположения все равно бы вас не убедили. Но если и впрямь имело место временное помутнение рассудка, вы бы предпочли похоронить прошлое в могиле своей памяти.

— Я догадываюсь, о чем вы хотите сказать, но… нет, не могу, — прошептала она.

— Неужели вы отвернулись бы от своего возлюбленного или даже просто друга, поскольку его одолела болезнь? Представьте, что того, кто дороже вам всего на свете, вдруг свалила бы лихорадка. Он метался бы в горячке, бредил, и в этом бреду говорил бы, что не желает вас видеть, и иные недостойные слова. Неужели вы бы отнеслись к ним всерьез? Или сочли бы их следствием болезни и по выздоровлении дорогого вам человека не стали бы упрекать его ни в чем, а о случившемся вспоминали бы лишь с сожалением?

— Я вас не понимаю, — прошептала мисс Босанкет.

— Думаю, вы усердно читаете Библию. И не раз удивлялись тому, как злые духи способны овладеть своей жертвой и помыкать ею. Но с чего вы решили, что подобное случалось только в прошлом? Или вы думаете, что

наука и просвещение уничтожили злых духов и современному человеку нечего бояться?

Мисс Босанкет внимательно глядела на меня.

— Вы намекаете на странные вещи, — сказала она.

Наши глаза встретились, а дальше… Сам не знаю почему, но миссия, которую я на себя возложил, перестала меня занимать. Я жадно пожирал глазами мисс Босанкет. Ее хрупкая фигурка, бледное одухотворенное лицо неодолимо притягивали меня. Я осторожно коснулся ее руки. Она не отвела свою руку, словно принимала мою заботу. Я возликовал. Во мне вспыхнула кровь. В голове замелькали сумасбродные мысли. Я сознавал, что слишком крепко сжимаю руку девушки. Мисс Босанкет тоже это поняла и попыталась высвободиться, но это лишь усилило мою страсть. Я сжал ее пальцы и громко засмеялся. Ее глаза удивленно глядели на меня, а грудь, скрытая легким платьем, вздрагивала с каждым вдохом. Я понимал, что привлекаю девушку к себе с явным намерением ее обнять. И вдруг ее глаза наполнились ужасом. Она вырвала руку и, шатаясь, попятилась. Глаза мисс Босанкет были прикованы к моей шее.

— Проклятая отметина! Что это? Откуда она? — дрожа всем телом, спрашивала девушка.

Она осела на пол и лишилась чувств. В то же мгновение дикая кровь ударила мне в голову. Я склонился над мисс Босанкет… Не знаю, что было бы дальше, не вернись сэр Уильям. Он сурово поглядел на нас и занялся дочерью. Я стоял в стороне, охваченный непонятной яростью, словно зверь, от которого отобрали добычу. Сэр Уильям повернулся ко мне и в необычайно учтивой манере попросил извинения за то, что я явился свидетелем этой печальной сцены. Увы, его дочь с рождения не отличалась крепким здоровьем. Еще раз извинившись, хозяин сказал, что не смеет меня задерживать.

Я неохотно покинул их дом. Но стоило мне выйти за порог, как меня охватила паника. Дьявольское наваждение схлынуло; дрожа всем телом, я вскочил в седло и понесся обратно с такой скоростью, будто от этого зависела моя жизнь.

В аббатство Марвин я вернулся около десяти часов вечера и сразу же попросил постелить мне наверху. После всего, что со мною было, я просто боялся спать в Каменном склепе и выпил несколько порций виски, чтобы успокоить взвинченные нервы.

Но мой сон был коротким. Голова тут же наполнилась прежними мыслями. Я отогнал их, сказав себе, что раздумывать буду завтра утром. Однако зов Каменного склепа был силен. Я противился ему, боролся, но

потом уступил: оделся, взял свечу и спустился вниз. Подойдя к черной двери, я широко распахнул ее и вглядывался в темноту, вслушивался, словно ожидал, как некий голос позовет меня. Было тихо, как в гробнице, однако стоило мне переступить порог, и голоса принялись манить и уговаривать меня. Я стоял, пошатываясь, не в силах вернуться наверх и не испытывая такого желания, и глядел на дрожащее пламя свечи. Только сейчас я заметил, что пол в нише не покрыт ковром, а на нем темнеет какое-то пятно. Я нагнулся и дотронулся до одной из каменных плит. Она шевельнулась. Тогда я поставил свечу на пол, присел на корточки, взялся за плиту обеими руками и попытался поднять. Все звуки, звеневшие у меня в ушах, мгновенно стихли. Еще рывок, и плита сдвинулась с места, обнажив зияющую черную дыру, не больше квадратного ярда.

В пламени свечи я разглядел несколько ступенек, уходящих вниз. Возможно, когда-то там был погреб. Меня охватило возбуждение. Даже не подумав дождаться утра, я протиснулся в дыру, взял свечу и принялся осторожно спускаться вниз. Пройдя дюжину ступеней, я очутился перед узким проходом — прямым как стрела. Я пригнул голову и двинулся вперед — с необычайной осторожностью, более всего опасаясь, как бы не уронить свечу и не оказаться в кромешной тьме. Здесь было холодно и сыро. Глухое эхо повторяло каждый мой шаг.

Примерно через сто ярдов заплесневелый проход вывел в более просторное помещение, где дышалось легче. В трещину пробивался одинокий лунный луч. Значит, я находился не очень далеко от поверхности земли. Посередине этого грота я увидел каменный постамент. Он заинтересовал меня, и вскоре я сообразил, где нахожусь. Не требовалось читать грубо выбитые надписи под гробами — я и так знал, что очутился в фамильном склепе Марвинов. Скудный свет выхватывал из темноты сгнившие гробы, высыпавшиеся кости, черепа с их жутким оскалом. Бренные останки этого несчастного семейства заставили меня содрогнуться. Я вернулся к центральному алтарю, где в мрачной тишине стояли два гроба. Крышка одного из них была снята и валялась рядом, обнажая отвратительный скелет. Мне показалось, будто он ухмыляется и подмигивает мне, словно приглашая перейти черту и примкнуть к сну смерти. Интуиция подсказывала: это скелет сэра Руперта Марвина — зачинщика ужасного преступления, обрекшего три души на вечные страдания. На несколько мгновений я замер, пораженный этим грустным зрелищем, потом шагнул ко второму гробу.

Сумрачная меланхолия, наполнявшая мои мысли, мгновенно уступила место странному ликованию, какой-то нечестивой радости. С бешено

колотящимся сердцем, я не мог оторвать глаз от потемневшего серебряного орнамента, украшавшего крышку гроба, и коснулся ее дрожащей от нетерпения рукой. Крышка тихо скрипнула под моими пальцами. Звук чем-то напугал меня, и я тут же отдернул руку. Не берусь гадать, какая сила вмешалась, но крышка сдвинулась сама собой! Самое удивительное, что эта чертовщина не вызывала у меня никакого ужаса. Крышка продолжала сдвигаться и подниматься на ребро, а внутренность гроба тем временем озарялась мягким светом. Моя свечка стала подмаргивать и коптить. Мне показалось, что я увидел в гробу белые, сверкающие одежды.

Сверху послышалось хлопанье крыльев. От неожиданности я вскрикнул, отшатнулся и, зацепившись за щербатый пол, упал, выронив гаснущую свечу.

В следующее мгновение по склепу разлился яркий свет, выхватив из темноты все, что там находилось. Раздался пронзительный крик. Я вскочил на ноги, очумело глядя на вспыхнувший пожар. Склеп был охвачен огнем. Я кинулся к проходу и вновь услышал этот жуткий крик. Летучая мышь отчаянно била крыльями, пытаясь вырваться из круга пламени. Увидев проход, я бросился туда, пробираясь ощупью. Если сюда я шел, то обратно бежал, то и дело ударяясь о стены.

Достигнув лестницы, я выбрался наружу и задвинул каменную плиту. Потом стал вслушиваться: из глубины не доносилось ни единого звука. Я выбежал из проклятой комнаты и закрыл ее на ключ. Думаю, в этот момент я сам был похож на призрак. Поднявшись на второй этаж, я ворвался в комнату, заперся и налил себе полный бокал бренди.

Уоррингтон вернулся через полгода. Вскоре после этого, наняв стряпчего, он продал аббаство Марвин. Впрочем, я и не сомневался, что он это сделает. Новый владелец был доволен своим приобретением. До меня дошли сведения, что Каменный склеп используется в качестве спальни для гостей, которым нравится «настоящая старина».

Все, что происходило со мною после бегства Уоррингтона, относится к категории бездоказательных явлений. Да мне и не хотелось копаться в той трагедии и доискиваться объяснений, даже для себя. Все, о чем я рассказал, — правда, за исключением имен, которые, по вполне понятным причинам, заменены вымышленными.

Ян Неруда

Ян Непомук Неруда(1834–1891) родился в Праге, в той части города, которая славится своими крутыми, узкими, кривыми улочками, старинными домами и степенными обывателями, которых он позднее высмеял в своих рассказах. Неруда учился в Германии, затем в Чешской академической гимназии, где сформировалось его национальное самосознание. Он стал журналистом и выступал в периодике как автор многочисленных статей, фельетонов и путевых очерков, а также как литературный критик. Его бурная личная жизнь, в которой имели место связи с известными в обществе женщинами, в том числе замужними, вызывала возмущение и осуждение консервативных кругов.

Плодовитый поэт и прозаик, Неруда считается сегодня крупнейшей фигурой в чешской литературе, хотя его произведения малоизвестны в англоязычном мире. Примечательным исключением стал сборник рассказов «Малостранские повести» (1877), переведенный на английский язык знаменитым автором детективных романов Эллис Питере в 1957 году.

Неруда был представителем «майской школы», которая главенствовала в чешской литературе в 1860-1870-е годы; ее название восходит к эпической поэме Карела Махи «Май», проникнутой стремлением уйти от провинциализма и национальной изоляции и акцентировать внимание на общечеловеческих темах.

В честь Яна Неруды выбрал себе псевдоним чилийский поэт, лауреат Нобелевской премии по литературе Рикардо Рейес Басоальто, более известный как Пабло Неруда.

Рассказ «Вампир» был впервые опубликован в авторском сборнике «Разные люди» (1871).

Вампир (© Перевод Г. Растроповой)

Пригородный пароход доставил нас из Стамбула к острову Принкип. [21]Мы сошли на берег. Общество было немногочисленное: польская семья — отец, мать, дочь и ее жених — и нас двое. Да, чтобы не забыть, к нам еще в Стамбуле, на деревянном мосту, ведущем через Золотой Рог, присоединился какой-то молодой грек, очевидно художник: под мышкой у него был альбом. Лицо у грека было бледное, глубоко посаженные черные глаза, до плеч спадали длинные темные волосы. Вначале он мне

понравился — он был любезен и хорошо знал местные условия. Но он так много говорил, что в конце концов его присутствие стало неприятно.

Большую симпатию вызывала во мне польская семья. Отец и мать — милые, еще бодрые люди, жених — элегантно одетый молодой человек, прямодушный и искренний. Они приехали на Принкип по желанию слабой здоровьем дочери, чтобы провести здесь лето. Эта красивая бледная девушка, видимо, перенесла тяжелую болезнь, или, может быть, недуг только начинался. Молодая полька шла, опираясь на руку своего жениха, охотно присаживалась отдохнуть, и частый сухой кашель прерывал ее шепот. Всякий раз, как повторялся приступ кашля, ее спутник останавливался и сочувственно смотрел на невесту. Она же отвечала ему взглядом, который говорил «Все это пустяки, я счастлива!» И все мы верили в ее выздоровление и счастье.

По совету грека, который распрощался с нами у мола, наши спутники сняли комнату в гостинице, расположенной на горе. Гостиница принадлежала французу, и все в этом доме было удобно и красиво, истинно на французский лад.

Мы позавтракали все вместе и, когда немного спала жара, отправились в горы, в пиниевую рощу, полюбоваться окрестностями. Едва нашли подходящее место для привала, как снова появился грек. Слегка кивнул головой в знак приветствия, огляделся, сел в нескольких шагах от нас, раскрыл альбом и начал рисовать.

— По-моему, он нарочно сел так, чтобы не было видно, что он рисует, — сказал я.

— Ну и пусть, — возразил молодой поляк, — нам и так есть на что смотреть… — И через минуту добавил: — Мне кажется, он рисует кого-то из нас. Что ж, его дело.

Любоваться и в самом деле было чем. Этот остров — самый красивый и мирный уголок в целом свете! Политическая изгнанница Ирина, современница Карла Великого, [22]провела здесь месяц в изгнании; ах, если бы и я мог побыть здесь хоть месяц — я до конца жизни хранил бы воспоминание о нем. Никогда не забыть мне этот единственный день, проведенный на Принкипе.

Воздух там чистый, как алмаз, и такой нежный и мягкий, что он как бы подхватывает твои мысли и уносит вдаль. Справа, из-за моря, поднимаются темные азиатские вершины, слева вдали синеет обрывистый европейский берег. Халки, ближний из девяти Принцевых островов, со своими кипарисовыми рощами, точно грустный сон, виднеется в подернутой туманом дали, увенчанный большим прекрасным зданием — убежищем

страждущих душ.

Воды Мраморного моря переливаются всеми цветами радуги, словно искрящийся на солнце опал. Вдали вода, белая, как молоко, кое-где розовеет, между островами горит ярким оранжевым светом, а прямо под нами — изумительного сине-зеленого цвета, подобно прозрачному сапфиру. Великолепен бескрайний морской простор! Нигде не видно больших пароходов, только два крохотных суденышка под английским флагом курсируют вдоль берега: одно неуклюже, точно караульная будка, другое идет на веслах, и когда все шесть пар весел разом поднимаются, с них будто стекает расплавленное серебро. Доверчивые дельфины снуют между суденышками, вздымая фонтаны брызг, и описывают смелые дуги, играя над водой. В синем небе порою пролетит величавый орел, свободно преодолевая пространство между двумя частями света.

Вся долина, насколько хватает глаз, покрыта цветущими розами, воздух напоен их ароматом. Из кафе, расположенного у моря, доносится музыка, слегка приглушенная расстоянием.

Природа нас очаровала. Все сидели молча, наслаждаясь этой красотой. Девушка лежала на траве, положив голову на грудь любимого. Легкий румянец оживил ее бледное лицо, и из голубых глаз вдруг выкатились слезинки. Жених наклонился и поцеловал ее в глаза. Мать девушки тоже не могла сдержать слез, а я… странное чувство овладело мною.

— Здесь и душа и тело должны исцелиться, — прошептала девушка. — Счастливый край!

— Бог свидетель, у меня нет врагов, но если б и были, я простил бы их, — дрожащим голосом сказал отец девушки.

И снова все замолчали. Было так хорошо, так непередаваемо сладостно! Каждый из нас был переполнен счастьем, и каждый хотел разделить это счастье со всем миром. Все чувствовали одно и то же, и никто не нарушал молчания. Мы почти не заметили, что грек кончил рисовать и, поклонившись, ушел. Мы остались.

Наконец, когда горизонт на юге окрасился в волшебный темно-фиолетовый цвет, мать девушки напомнила нам, что пора возвращаться в гостиницу. Все поднялись и не торопясь, как беззаботные люди, сошли вниз.

Придя в гостиницу, мы расположились на красивой веранде. Вскоре до нас донесся шум вспыхнувшей ссоры. Грек затеял перебранку с хозяином гостиницы. От нечего делать мы прислушались. Спор продолжался недолго.

— Не будь у меня других постояльцев, я бы тебе сказал… —

проворчал хозяин и поднялся по лестнице к нам.

— Скажите, пожалуйста, кто этот человек? Как его зовут? — спросил молодой поляк.

— А кто его знает, — пробормотал хозяин. — Мы его зовем Вампиром.

— Он художник?

— Еще какой! Рисует только покойников. Умрет кто-нибудь в Стамбуле или в округе, а у него уж готов портрет. Этот парень рисует заранее и никогда не ошибается, что твой коршун.

Старая полька в ужасе вскрикнула: дочь, побелев как мел, без чувств упала ей на руки.

Жених девушки спрыгнул со ступенек, одной рукой схватил грека за грудь, другой потянулся к альбому.

Мы устремились за ним. Оба они уже катались по земле.

Альбом был раскрыт, и на одном его листе карандашом нарисована голова молодой польки — глаза закрыты, вокруг чела мирт.

Кларк Эштон Смит

После своего раннего поэтического успеха **Кларк Эштон Смит**(1893–1961) начал, под влиянием своего друга Г. Ф. Лавкрафта, писать «страшные» и фантастические рассказы. Эдгар По и «Тысяча и одна ночь», читанные им в юности, дали Смиту материал и стиль для составивших его славу историй об ужасных смертях. Ныне он вместе с Лавкрафтом и Робертом Говардом считается одним из трех величайших авторов «Странных историй» — самого влиятельного палп-журнала 1920-1930-х годов, посвященного фантастике и сверхъестественному. Также он часто писал для таких первоклассных изданий, как «Удивительные истории» и «Необыкновенные истории», издававшиеся Хьюго Гернсбеком.

Во второй половине 1930-х годов, после восьмилетнего периода творческой активности, Смит впал в депрессию, вызванную смертью его матери в 1935 году, гибелью его друга Говарда в 1936-м, а также кончиной отца и Говарда Лавкрафта в 1937-м. В последующие четверть века он не написал почти ничего.

Еще в юности Смит увлекался живописью и графикой и достиг заметного мастерства, хотя в его работах и присутствовали недостатки, характерные для художника-самоучки. С прекращением литературных занятий он занялся лепкой, создавая с помощью лавы, песчаника, слюды и талька гротескные скульптуры, которые были под стать сюжетам его картин и рисунков и приносили ему совсем незначительный доход. Позднее издательство «Аркхэм хаус» начало издавать произведения Смита большими авторскими сборниками, выпустив в свет пять томов его прозы, в том числе «За пределами пространства и времени» (1942) и «Затерянные миры» (1944), и две книги стихов.

«Конец рассказа» был впервые опубликован в «Странных историях» в мае 1930 года.

Конец рассказа (© Перевод И. Тетериной.)

Это повествование было найдено в бумагах Кристофа Морана, студента, изучавшего право в Туре, после его необъяснимого исчезновения во время поездки к своему отцу в Мулен в ноябре 1789 года.

«Вот-вот должна была разразиться гроза, и, хотя до вечера было еще

далеко, Аверуанский лес окутали зловещие коричневато-пурпурные осенние сумерки. Деревья вдоль дороги, по которой я ехал, превратились в черные расплывчатые громады, а сама дорога, смутная и призрачная, казалось, слабо колышется передо мной. Я пришпорил лошадь, утомленную нашим путешествием, которое началось на рассвете, и она, много часов недовольно трусившая вялой рысцой, галопом припустила по темнеющей дороге меж исполинских дубов, тянувших к нам свои корявые ветви.

С ужасающей быстротой на нас опускалась ночь, темнота превратилась в плотную цепкую пелену. Смятение и отчаяние заставляли меня вновь и вновь ожесточенно пришпоривать лошадь, но первые отдаленные раскаты грома уже мешались со стуком копыт. Вспышки молний выхватывали из тьмы дорогу, которая, к моему изумлению (я полагал, что нахожусь на главном Аверуанском тракте), почему-то сузилась и превратилась в хорошо протоптанную тропу. Я решил, что сбился с пути, однако не отважился вернуться в пасть тьмы, где сгущались косматые грозовые облака, а поспешил вперед, надеясь, что такая ровная тропинка выведет меня к какому-нибудь домику или замку, где я мог бы найти приют до утра.

Надежды мои вполне оправдались, ибо через несколько минут я различил среди деревьев проблески света и неожиданно очутился на опушке леса. Впереди на невысоком холме возвышалось большое здание, на нижнем этаже его светилось несколько окон, а крыша казалась почти неразличимой на фоне бешено мчащихся туч.

„Это, без сомнения, монастырь“, — подумал я, останавливая свою загнанную лошаденку и спешиваясь. Подняв тяжелый медный молоток в виде собачьей головы, я изо всей силы ударил им о крепкую дубовую дверь. Раздавшийся звук оказался неожиданно громким и гулким и отозвался в темноте зловещим, каким-то замогильным эхом. Охваченный невольным испугом, я поежился, однако страх мой полностью рассеялся, когда через миг дверь распахнулась и передо мной в ярком свете факелов, освещавших просторный зал, который открывался за ней, предстал высокий румяный монах.

— Прошу пожаловать в Перигонское аббатство, — пророкотал он гостеприимно.

Тотчас откуда-то появился еще один человек в рясе с капюшоном и увел моего коня в стойло. Едва я успел бессвязно поблагодарить моего спасителя, как разразилась буря и страшные потоки дождя, сопровождаемые нарастающими раскатами грома, с демонической яростью

обрушились на закрывшуюся за мной дверь.

— Какая удача, что вы так своевременно нас нашли, — заметил монах. — В такую непогоду в лесу пришлось бы несладко и человеку, и лошади.

Догадавшись, что я столь же голоден, сколь и изнурен, он провел меня в трапезную и поставил передо мной миску со щедрой порцией баранины с чечевицей, кувшин отменного крепкого красного вина и дал ломоть хлеба.

Я принялся за еду, а он уселся за стол напротив меня. Отчасти утолив голод, я воспользовался возможностью и более внимательно рассмотрел своего гостеприимного хозяина. Он был высоким и крепко сбитым, а лицо, со лбом, ничуть не менее широким, чем мощная челюсть, выдавало острый ум вкупе с жизнелюбием. От него веяло каким-то особым тактом и утонченностью, образованностью, хорошим вкусом и воспитанием.

„Этот монах, должно быть, глотает книги с не меньшей охотой, чем вино“, — подумал я про себя.

Очевидно, по выражению моего лица он догадался, что меня мучает любопытство, потому что, словно отвечая на мой невысказанный вопрос, представился:

— Я — Илер, настоятель Перигона. Мы — орден бенедиктинцев, мы живем в ладу с Богом и людьми и не считаем, что дух следует укреплять, умерщвляя или укрощая плоть. Наши кладовые полны разнообразных яств, а в погребах хранятся старейшие и изысканнейшие аверуанские вина. И если вас это заинтересует, у нас есть библиотека, заполненная редчайшими томами, бесценными манускриптами, величайшими шедеврами язычества и христианства, среди которых есть даже несколько уникальных рукописей, переживших пожар Александрии.

— Весьма признателен за ваше гостеприимство, — ответил я, кланяясь. — Я — Кристоф Моран, изучаю право. Я ехал из Тура домой к отцу, в наше поместье под Муленом. Я тоже люблю книги, и ничто не способно доставить мне большее удовольствие, нежели привилегия изучить библиотеку столь богатую и редкостную, как та, о которой вы говорите.

Пока я заканчивал свой ужин, мы беседовали о классике и соревновались в цитировании римских, греческих и христианских авторов. Мой хозяин проявил столь блестящую образованность, широкую эрудицию и глубокие познания как в древней, так и в современной литературе, что я в сравнении с ним почувствовал себя полным профаном. Он, в свою очередь, был так любезен, что похвалил мою весьма далекую от совершенства латынь, так что к тому времени, когда я осушил бутылку вина, мы уже по-

приятельски болтали, словно два старых друга.

Всю мою усталость точно рукой сняло, и меня вдруг охватило небывалое ощущение довольства, телесной бодрости и в то же время необыкновенной ясности и остроты ума. Поэтому, когда настоятель предложил пройти в библиотеку, я с готовностью согласился.

Он провел меня по длинному коридору, по обе стороны которого располагались монашеские кельи, и большим медным ключом, свисавшим с пояса, отпер дверь огромного зала с высокими потолками и несколькими окнами-бойницами. Воистину, мой хозяин нисколько не преувеличивал, повествуя о сокровищах библиотеки, ибо длинные полки ломились от книг, и еще множество фолиантов громоздилось на столах или грудами возвышалось в углах. Там были свитки папируса, пергамента и вощеной бумаги, диковинные византийские и коптские книги, древние арабские и персидские манускрипты в раскрашенных или осыпанных драгоценными камнями обложках; десятки бесценных инкунабул, сошедших с первых печатных станков; бесчисленные монастырские списки с творений античных авторов в переплетах из дерева и слоновой кости, украшенные богатыми иллюстрациями и тиснением, которые зачастую сами являли собой подлинные шедевры.

С осторожностью истинного книголюба и рачительного хозяина настоятель Илер раскрывал передо мной том за томом. Многих книг я никогда раньше не видал, а о некоторых даже и не слышал. Мой рьяный интерес и неподдельный восторг явно доставляли ему удовольствие, потому что через некоторое время монах нажал на скрытую внутри одного из библиотечных столов пружину и вытащил длинный ящик, где, как он поведал мне, содержались такие сокровища, которые он не отваживался вынимать в присутствии кого бы то ни было и о существовании которых монахи даже не догадывались.

— Вот, — продолжал он, — три оды Катулла, которых вы не найдете ни в одном опубликованном издании его произведений. А вот подлинная рукопись Сапфо — полная копия поэмы, которая доступна всем остальным лишь в виде разрозненных отрывков. А тут два утерянных текста из „Милетских сказок“, письмо Перикла к Аспазии, неизвестный диалог Платона и древний арабский труд неизвестного автора по астрономии, который предвосхищает теорию Коперника. И наконец, вот печально известная „История любви“ Бернара Велленкура, все издание которой было уничтожено сразу же после выхода в свет; кроме этого, известен всего один уцелевший экземпляр.

С благоговением, перемешанным с любопытством, разглядывая

редкостные, неслыханные сокровища, которые он демонстрировал мне, я заметил в углу ящика тоненькую книжицу в простом переплете из темной кожи. Я осмелился взять ее в руки и обнаружил внутри несколько листов убористого рукописного текста на старофранцузском языке.

— А это что такое? — обратился я с вопросом к Илеру, и его лицо вдруг, к моему крайнему изумлению, приняло опечаленное и тревожное выражение.

— Лучше бы ты не спрашивал, сын мой. — Он перекрестился, а его голос утратил свое добродушие, и в нем зазвучали резкие, взволнованные и полные горестного смятения нотки. — Проклятие лежит на страницах, которые ты держишь в руках: губительные чары довлеют над ними. Тот, кто отважится прочесть их, подвергнет огромной опасности не только тело, но и душу.

Он решительно забрал у меня книгу и положил ее назад в ящик, вновь набожно перекрестившись.

— Но, отец мой, разве такое возможно? — решился возразить я. — Какую опасность могут представлять несколько покрытых письменами листов пергамента?

— Кристоф, есть многие вещи, постичь которые ты не в состоянии, вещи, которых тебе лучше не знать. Власть Сатаны проявляется в различных видах и разными способами. Существует множество искушений, кроме мирских и плотских соблазнов, множество ловушек, подстерегающих человека столь же коварно и незаметно, сколь и неизбежно; и есть тайные ереси и заклятия иной природы, чем те, которым предаются колдуны.

— И с чем же связаны эти страницы, если в них таится такая сверхъестественная опасность, такая пагубная сила?

— Я запрещаю тебе спрашивать об этом. — Монах произнес это строго, как отрезал, и я удержался от дальнейших расспросов.

— А для тебя, сын мой, — продолжал он, — опасность возрастает вдвое, ибо ты молод и горяч, полон желаний и любопытства. Поверь мне, лучше тебе забыть, что ты вообще видел эту рукопись.

Настоятель закрыл потайной ящик, и как только странная рукопись оказалась на своем месте, выражение гнетущего беспокойства на его лице сменилось прежним добродушием.

— А сейчас, — возвестил он, повернувшись к одной из книжных полок, — я покажу тебе книгу Овидия, некогда принадлежавшую самому Петрарке.

Преподобный Илер снова превратился в славного ученого, доброго и

радушного хозяина, и я понял, что не стоит пытаться вновь заговаривать о загадочной рукописи. Но странное волнение монаха, смутные и пугающие намеки, которые он обронил, зловещие слова его предостережения возбудили во мне нездоровое любопытство, и хотя я отдавал себе отчет в том, что охватившее меня наваждение безрассудно, остаток вечера я не мог думать ни о чем другом. Всевозможные догадки, фантастические, абсурдные, скандальные, нелепые, чудовищные, роились в моем воспаленном мозгу в то время, пока я из вежливости восхищался инкунабулами, которые Илер любезно доставал с полок и демонстрировал мне.

Около полуночи он проводил меня в мою комнату — комнату, которая была отведена специально для гостей и обставлена с большими удобствами, даже, можно сказать, с большей роскошью, чем кельи монахов и самого настоятеля, ибо там имелись и пышные занавеси, и ковры, а на кровати лежала мягкая перина. Когда мой гостеприимный хозяин удалился, а я, к своему огромному удовольствию, убедился в мягкости предоставленной мне постели, в моем мозгу все еще клубились вопросы относительно запретной рукописи. Хотя буря уже утихла, я долго не мог уснуть, а когда наконец сон пришел ко мне, я крепко уснул и спал без сновидений.

Когда я пробудился, ясные, точно расплавленное золото, потоки солнечного света изливались на меня из окна. Гроза прошла без следа, и на бледно-голубых октябрьских небесах не было видно ни намека на облачко. Я подбежал к окну и увидел осенний лес и блестящие от росы поля. Поистине прекрасный пейзаж был исполнен той безмятежности, всю степень которой способен оценить лишь тот, кто, подобно мне, долгое время прожил в городских стенах, окруженный высокими зданиями вместо деревьев и вынужденный ходить по булыжной мостовой вместо мягкой травы. Но каким бы чарующим ни казалось представшее моим глазам зрелище, оно удержало мой взгляд лишь на краткий миг, а потом я увидел возвышавшийся над верхушками деревьев холм, до которого было от силы с милю пути. На вершине темнели руины старого замка; в его стенах и башнях явственно царили запустение и разруха. Развалины неодолимо притягивали мой взгляд и обладали неизъяснимой романтической прелестью, они казались столь естественной, столь неотъемлемой частью пейзажа, что я ни на миг не задумался и не удивился. Я не мог отвести от них взгляда. Застыв у окна, я пристально изучал каждую черточку полуразрушенных от времени башен и бастионов. Была какая-то неуловимая притягательность в самой форме, размерах и расположении

громады замка — притягательность, схожая с тем воздействием, которое оказывает на нас нежная мелодия, стихотворная строфа или черты любимого лица. Глядя на него, я погрузился в мечты, которые не мог впоследствии воспроизвести, но которые оставили после себя то же самое мучительное чувство невыразимого наслаждения, какое порой вызывают мимолетные ночные грезы.

К действительности меня возвратил негромкий стук в дверь, и я спохватился, что до сих пор не одет. Пришел настоятель — узнать, как я провел ночь, и сказать, что мне подадут завтрак, когда бы я ни захотел выйти. Я почему-то почувствовал себя немного смущенным, даже пристыженным за то, что меня застали врасплох, и, хотя в том не было никакой необходимости, извинился перед преподобным Илером за свою нерасторопность. Тот, как мне показалось, бросил на меня пытливый, проницательный взгляд и быстро отвел глаза, с радушной любезностью хорошего хозяина ответив, что извиняться мне не за что.

Позавтракав, я с многочисленными выражениями признательности за гостеприимство сообщил Илеру, что мне пора в путь. Однако тот столь неподдельно огорчился, услышав про мой отъезд, с такой сердечностью предложил мне задержаться хотя бы еще на денек и так настойчиво меня уговаривал, что я согласился остаться. По правде говоря, ему не пришлось меня долго упрашивать, поскольку, кроме того, что я испытывал подлинную симпатию к Илеру, тайна запретной рукописи всецело завладела моим воображением. Помимо того, для юноши, обладающего тягой к познанию, доступ к богатейшей монастырской библиотеке был редкой роскошью, бесценной возможностью, которую не следовало упускать.

— Я хотел бы воспользоваться вашим несравненным собранием книг для проведения некоторых изысканий, — обратился я к монаху.

— Сын мой, я буду очень рад, если ты останешься. Мои книги в твоем полном распоряжении, — объявил настоятель, снимая с пояса ключ от библиотеки и отдавая его мне. — Мои обязанности, — продолжал он, — вынуждают меня на некоторое время покинуть стены монастыря, а ты, несомненно, в мое отсутствие захочешь позаниматься.

Вскоре настоятель извинился и ушел. В предвкушении столь желанной возможности, которая без всякого труда сама упала мне в руки, я поспешил в библиотеку, снедаемый желанием прочесть запретную рукопись. Едва взглянув на заставленные книгами полки, я отыскал, стол с потайным ящиком и принялся нащупывать пружину. Несколько томительных минут спустя я наконец нажал на нужную точку и вытащил ящик. Мной

руководил порыв, обратившийся в настоящее наваждение, лихорадочное любопытство, граничившее с помешательством, и даже ради спасения собственной души я не согласился бы подавить желание, заставившее меня вынуть из ящика тонкую книгу в простой, без всяких надписей, обложке.

Устроившись в кресле около одного из окон, я принялся просматривать страницы, которых насчитывалось ровно шесть. Их покрывала затейливая вязь букв; никогда прежде я не сталкивался с таким причудливым написанием, а французский язык казался не просто устаревшим, но почти варварским в своей старомодной вычурности. Ничуть не обескураженный трудностями, с которыми столкнулся при расшифровке записей, с безотчетным безумным волнением, охватившим меня с первых же прочитанных слов, я, как зачарованный, продолжал чтение.

Ни заголовка, ни даты в тексте не оказалось, а сам он представлял собой повествование, которое начиналось почти так же внезапно, как и обрывалось. В нем рассказывалось о некоем Жераре, графе де Вентильоне, который накануне женитьбы на знатной и прекрасной девушке, Элеонор де Лис, встретил в лесу рядом со своим замком странное получеловеческое создание с рогами и копытами. Поскольку Жерар, как гласило повествование, считался юношей пылким, чья отвага, равно как и христианское благочестие, были всем известны, он именем Спасителя нашего, Иисуса Христа, приказал этому существу остановиться и рассказать все о себе.

Дико расхохотавшись в наступивших сумерках, странное существо непристойно заплясало перед ним с криком:

— Я — сатир, а твой Христос для меня значит не больше, чем сорняки в мусорной яме.

Потрясенный подобным святотатством, Жерар чуть было не выхватил свой меч и не умертвил омерзительное создание, но оно опять закричало:

— Остановись, Жерар де Вентильон, и я открою тебе секрет, который заставит тебя забыть поклонение Христу и свою прекрасную невесту и побудит отказаться от мира и от самого солнца, добровольно и без сожалений.

И Жерар, хотя и не слишком охотно, наклонился и подставил сатиру ухо, и тот подошел ближе и что-то прошептал. Что было сказано, так и осталось неизвестным, но, прежде чем скрыться в темном лесу, сатир снова возвестил:

— Власть Христа черной изморозью сковала все леса, поля, реки, горы, где мирно жили веселые бессмертные богини и нимфы былых дней. Но в потаенных пещерах, в далеких подземных убежищах, глубоких, как

ад, выдуманный вашими священниками, все еще живет языческая красота, все еще звенят языческие восторги.

И с этими словами странное создание снова залилось безумным нечеловеческим хохотом и исчезло в лесной чаще.

С того мига Жерара де Вентильона точно подменили. В тоске вернулся он в свой замок, не бросив, против обыкновения, ни слова приветствия слугам, и так же молча сидел в своем кресле или бродил по залам и даже почти не притронулся к принесенной ему еде. Не пошел он в тот вечер навестить и свою невесту, нарушив данное ей обещание; но, когда приблизилась полночь, с восходом красной, точно омытой кровью, ущербной луны, граф тайком прокрался через заднюю дверь замка и по старой, почти заросшей лесной тропе пробрался на развалины замка Фоссефламм, который возвышался на холме за монастырем бенедиктинцев в Перигоне.

Эти развалины (как говорилось в рукописи) были очень древними; местные жители привыкли обходить их стороной, ибо с ними было связано множество легенд о древнем Зле. Поговаривали, что в них обитают злые духи, а руины служат местом свиданий колдунов и суккубов. Но Жерар, будто позабыв о дурной славе этих мест или не страшась ее, точно одержимый дьяволом, бросился в тень разрушенных стен и ощупью, словно следуя в хорошо известном ему направлении, пробрался к северному концу внутреннего двора замка. Там он правой ногой ступил на плиту, находившуюся под двумя центральными окнами, точно посередине между ними, и отличавшуюся от остальных треугольной формой. Под его ногой плита сдвинулась и наклонилась, открывая гранитные ступени, ведущие в подземелье. Жерар зажег принесенный с собой факел и спустился вниз по ступеням, а плита за его спиной заняла свое прежнее место.

На следующее утро его невеста, прекрасная Элеонор де Лис, и вся свадебная процессия так и не дождались графа у собора в Вийоне, главном городе Аверуана, где было назначено венчание. С того дня никто больше не видал Жерара Вентильона и ничего не слышал ни о нем самом, ни о судьбе, постигшей его…

Таково было содержание запретной рукописи, на этом она обрывалась. Как я уже упоминал, в ней не значилось ни даты, ни имени того, кто был ее автором, ни как до него дошли описанные в ней события. Но, как ни странно, я ни на минуту не усомнился в ее правдивости, и одолевавшее меня любопытство относительно содержания рукописи мгновенно сменилось жгучим желанием, в тысячу раз более могущественным, более

неотступным, узнать, чем закончилась эта история, и выяснить, что же нашел Жерар де Вентильон, спустившись по ступеням потайной лестницы.

Когда я читал это повествование, мне, разумеется, пришло в голову, что замок Фоссефламм, описанный в нем, и есть те самые руины, которыми я поутру любовался из окна моей спальни, и чем больше я об этом думал, тем сильнее овладевала мной какая-то безумная лихорадка, тем настойчивей становилось снедавшее меня порочное возбуждение. Вернув манускрипт в потайной ящик, я ушел из библиотеки и некоторое время бесцельно бродил по коридорам монастыря. Там я случайно наткнулся на того самого монаха, который накануне увел в стойло мою лошадь, и отважился спросить его, как можно более осторожно и осмотрительно, о развалинах, вид на которые открывался из монастырских окон.

Услышав мой вопрос, он перекрестился, и на широком добродушном лице его застыло испуганное выражение.

— Это развалины замка Фоссефламм, — ответил он. — Говорят, они многие годы служат прибежищем злым духам, ведьмам и демонам. В этих руинах они устраивают свои оргии, описывать которые у меня язык не повернется. Ни одно людское оружие, никакие изгоняющие нечистую силу заговоры, ни даже святая вода не властны над этими демонами. Многие отважные рыцари и монахи сгинули во мраке Фоссефламма без вести. Однажды, говорят, сам настоятель Перигона отправился туда, чтобы бросить вызов силам Зла, но что отдало его в руки суккубам, никто не знает и даже не догадывается. Некоторые полагают, что демоны — омерзительные старухи, чьи тела оканчиваются змеиными хвостами; другие утверждают, что они — женщины, чья красота затмевает красоту всех смертных женщин, чьи поцелуй даруют дьявольское наслаждение, пожирающее людскую плоть, будто адский огонь… Что же до меня, не знаю, какие из этих слухов верны, но я бы не отважился отправиться в замок Фоссефламм.

Еще прежде, чем он закончил говорить, в моей душе созрело решение пойти туда и лично выяснить все, что будет в моих силах. Это побуждение оказалось таким властным и неодолимым, что даже если бы я был исполнен решимости до последнего сопротивляться ему, я проиграл бы эту битву, точно околдованный какими-то могущественными чарами. Предостережение преподобного Илера, таинственная неоконченная история из древней рукописи, дурная слава, на которую намекал монах, — все это, казалось бы, должно было испугать меня и отвратить от подобного решения, однако же на меня точно какое-то затмение нашло. Мне казалось, что за всем этим кроется какая-то восхитительная тайна, запретный мир

неописуемых чудес и неизведанных наслаждений. Мысли о них воспламенили мое воображение и заставили сердце лихорадочно колотиться. Я не знал и не в силах был даже предположить, что могут представлять собой эти наслаждения, но каким-то загадочным образом был убежден в их совершенной реальности, точно так же, как настоятель Илер верил в существование рая.

Я решил отправиться на развалины в тот же день, пока не вернулся Илер; я был безотчетно уверен в том, что он с подозрением отнесся бы к подобному намерению с моей стороны и непременно воспротивился бы ему.

Мои приготовления были крайне просты и заняли всего несколько минут. Я положил в карман огарок свечи, позаимствованный из спальни, захватил в трапезной краюху хлеба и, убедившись, что мой верный кинжал в ножнах, незамедлительно покинул гостеприимный монастырь. Встретив во дворе двоих братьев, я сообщил им, что намерен прогуляться по лесу. Они напутствовали меня веселым „pax vobiscum“ [23]и пошли дальше своей дорогой, занятые разговором.

Стараясь идти как можно более прямой дорогой к Фоссефламму, башни которого то и дело скрывались за спутанными ветвями деревьев, я углубился в лес. Я шел без дороги, и мне то и дело приходилось отклоняться в сторону от намеченного пути, чтобы обойти густой подлесок. В лихорадочной спешке, охватившей меня, казалось, что я много часов добирался до вершины холма, где возвышались развалины, но на самом деле путь занял от силы полчаса. Преодолев последний откос, я внезапно увидел перед собой замок, возвышавшийся в центре ровной площадки, которую представляла собой вершина. В разрушенных стенах пустили корни деревья, а обвалившиеся ворота заросли кустарником, ежевикой и крапивой. Не без труда пробившись сквозь эти заросли и изорвав о колючки одежду, я, как и Жерар де Вентильон из старинной рукописи, направился к северной оконечности дворика. Между плитами мостовой разрослись пугающе огромные стебли бурьяна, их толстые мясистые листья уже тронуты были коричневыми и лиловыми красками наступившей осени. Но я вскоре отыскал треугольную плиту, описанную в повествовании, и без малейшего промедления и колебания ступил на нее правой ногой.

Неукротимая дрожь, трепет безрассудного торжества, окрашенного легким волнением, пробежал по моему телу, когда огромная плита у меня под ногой легко накренилась, открыв темные гранитные ступени, точно так же, как в древнем манускрипте. Теперь-то смутные страхи, навеянные

намеками монахов, на краткий миг ожили в моем воображении, превратились в неизбежную реальность, и я остановился перед зияющим отверстием, готовым поглотить меня, раздумывая, не дьявольские ли чары привели меня сюда, в царство неведомого ужаса и немыслимой опасности.

Однако колебался я всего лишь несколько мгновений. Затем чувство опасности померкло, ужасы, описанные монахами, стали казаться причудливым сном, и очарование какой-то непостижимой тайны, на пороге которой я стоял, охватило меня, точно крепкое объятие любящих рук. Я зажег свечу и начал спускаться по лестнице, и точно так же, как за Жераром Вентильоном, треугольная каменная глыба бесшумно закрылась за мной и заняла свое место в вымощенном полу. Несомненно, ее приводил в движение какой-то механизм, срабатывавший под воздействием человеческого веса на одну из ступеней, но я не стал останавливаться, чтобы выяснить, каким образом он работает, и не попытался найти способ заставить плиту открыться изнутри, чтобы я мог вернуться.

Я преодолел, наверное, с дюжину ступеней, которые привели меня в низкий, тесный, пахнущий плесенью склеп, где не оказалось ничего, кроме древней, покрытой пылью паутины. Дойдя до конца, я обнаружил маленькую дверцу и очутился во втором склепе, который отличался от первого лишь тем, что казался более просторным и более пыльным. Миновав еще несколько таких же склепов, я оказался в длинном не то коридоре, не то туннеле, местами перегороженном каменными глыбами или грудами булыжников, обрушившимися со стен. Было очень сыро, в нос бил омерзительный запах стоялой воды и гнили. Несколько раз под моими ногами хлюпала влага, когда я вступал в маленькие лужицы. Сверху падали тяжелые капли, зловонные и липкие, будто просочившиеся из могилы. Мне казалось, что за колеблющимся кругом света, который отбрасывала моя свеча, во тьме расползаются куда-то зловещие призрачные змеи, потревоженные моим приближением, но я не был уверен, были ли то действительно змеи или просто беспокойные отступающие тени, почудившиеся глазам, еще не привыкшим ко мгле подземелья.

Завернув за внезапно открывшийся передо мной поворот, я увидел то, чего менее всего ожидал — проблеск солнечного света там, где, очевидно, был конец туннеля. Не могу сказать, что именно я рассчитывал отыскать, но такой результат почему-то совершенно меня обескуражил. В некотором смятении я поспешил вперед, вынырнул из отверстия и ослепленно заморгал, очутившись на ярком солнечном свету.

Еще прежде чем окончательно опомниться и протереть глаза, чтобы осмотреться по сторонам, я был потрясен одним странным

обстоятельством. Несмотря на то что вошел я в подземелье утром, а все мои блуждания по склепам не могли занять долее нескольких минут, солнце уже клонилось к горизонту. Да и сам солнечный свет казался другим — более ярким и мягким, чем тот, который я видел над Аверуаном, а небо — синим-синим, без намека на осеннюю блеклость.

Я с нарастающим недоумением огляделся и не смог найти ничего не только знакомого, но и просто правдоподобного в пейзаже, расстилавшемся передо мной. Вопреки всякой логике, вокруг не было видно ничего похожего ни на холм, на котором стоял замок Фоссефламм, ни на его окрестности. Вокруг меня лежала дышавшая покоем страна холмистых лугов, меж которых извилистая река стремила золотистые воды к темно-лазурному морю, видневшемуся за вершинами лавровых деревьев… Но в Аверуане никогда не росли лавры, да и море находилось в сотнях миль, так что можно представить, как ошеломило и потрясло меня это зрелище.

Никогда прежде не доводилось мне видеть такой красоты. Трава, в которой утопали мои ноги, была мягче и ярче изумрудного бархата, в ней там и сям проглядывали фиалки и разноцветные асфодели. Темно-зеленые кроны деревьев, как в зеркале, отражались в золотистой реке, а на невысоком холме вдали смутно поблескивал мраморный акрополь, возвышавшийся над равниной. Все было напоено ласковым дыханием весны, вот-вот готовой смениться теплым и радостным летом. Казалось, я очутился в стране классических мифов и греческих легенд, и мало-помалу мои изумление и растерянность отступили перед чувством затопившего меня восторга и восхищения совершенной, не поддающейся описанию красотой этой земли.

Неподалеку, в роще лавровых деревьев, в последних лучах солнца поблескивала белая крыша. Меня немедленно потянула туда все та же, только куда более могущественная и неодолимая сила притяжения, которую я ощутил, впервые взглянув на запретный манускрипт и на развалины замка Фоссефламм. Именно здесь, понял я со сверхъестественной уверенностью, находится цель моих поисков, награда за мое безумное и, возможно, порочное любопытство.

Вступив в рощу, я услышал зазвеневший между деревьями смех, гармонично переплетавшийся с тихим шепотом листвы на легком, благоуханном ветерке. Мне показалось, что мое приближение спугнуло какие-то смутные фигуры, исчезнувшие из виду среди стволов, а один раз косматое, похожее на козла создание с человеческой головой и телом перебежало передо мной тропку, будто преследуя быстроногую нимфу.

В самом центре рощицы я обнаружил мраморное здание с портиком и

дорическими колоннами. Когда я приблизился к нему, меня приветствовали две девушки в одеждах древних рабынь, и, хотя мой греческий был совсем плох, я без труда разобрал их речь, чему немало способствовало их безукоризненное аттическое произношение.

— Госпожа Никея ожидает тебя, — хором объявили мне незнакомки.

Я уже ничему не удивлялся, а воспринимал все происходящее без вопросов и бесплодных гаданий, как человек, полностью погрузившийся в упоительное сновидение.

„Возможно, — думал я, — все это мне лишь снится, а на самом деле я лежу в роскошной постели в монастыре“.

Но никогда прежде ночные видения, посещавшие меня, не были столь отчетливыми и восхитительно прекрасными.

Дворец был обставлен с роскошью, граничившей с варварской, которая, несомненно, принадлежала к периоду упадка Древней Греции, ибо в ней угадывались многочисленные восточные веяния. По коридору, блиставшему ониксом и полированным порфиром, меня провели в богато убранную комнату, где на обитой великолепными тканями софе возлежала ослепительно прекрасная, словно богиня, женщина.

При виде ее я затрепетал от охватившего меня странного волнения. Мне доводилось слышать о людях, внезапно пораженных безумной любовью с первого взгляда на чье-то лицо или фигуру, но никогда прежде я не испытывал столь сильной страсти, такого всепоглощающего пыла, какой внезапно почувствовал к этой женщине. Поистине казалось, что я любил ее долгое время, сам не подозревая, что люблю именно ее, не в состоянии определить природу этого чувства или направить его в какое-то русло.

Невысокая, она обладала совершенной фигурой, источавшей невыразимую чувственность. Ее темно-сапфировые глаза казались бездонными, как летний океан, и мне показалось, будто я погружаюсь в их жаркую глубину. Изгиб ее соблазнительных губ таил в себе какую-то загадку, они были одновременно печальными и нежными, словно уста античной Венеры. Волосы, скорее медные, чем белокурые, ниспадали на шею, уши и лоб прелестными локонами и были перехвачены простой серебристой лентой. Во всем ее облике сквозила смесь гордости и сладострастия, царственного величия и женственной уступчивости. Движения ее казались легкими и грациозными, как у змеи.

— Я знала, что ты придешь, — прошептала она на том же мелодичном греческом языке, на каком говорили ее служанки. — Я ждала тебя целую вечность, но, когда ты нашел убежище от грозы в Перигонском аббатстве и увидел в потайном ящике рукопись, я поняла, что час твоего прибытия уже

близок. Ты и не подозревал, что чары, которые так неодолимо и с такой необъяснимой силой влекли тебя сюда, были чарами моей красоты, волшебным зовом моей любви!

— Кто ты? — спросил я.

Греческие слова без малейших усилий полились с моих уст, и это безмерно удивило бы меня еще час назад. Но сейчас я мог принять что угодно, каким бы странным и абсурдным оно ни казалось, как часть удивительной удачи, невероятного приключения, выпавшего на мою долю.

— Я — Никея, — ответила красавица на мой вопрос. — Я люблю тебя. Мой дворец, как и мои объятия, в твоем полном распоряжении. Ты хочешь знать еще что-нибудь?

Рабыни куда-то исчезли. Я бросился к ложу богини и покрыл поцелуями ее протянутую руку, принося ей клятвы, которые, вне всякого сомнения, звучали абсолютно бессвязно, но тем не менее были исполнены такого пыла, что красавица нежно улыбнулась.

Ее рука показалась моим губам прохладной, но прикосновение к ней воспламенило мою страсть. Я осмелился присесть на край ложа рядом с Никеей, и она не возразила против такой фамильярности. Нежные пурпурные сумерки начали сгущаться в углах комнаты, а мы все беседовали и беседовали, полные радости, без устали повторяя все те милые нелепые пустячки, ласковые глупости, которые инстинктивно срываются с губ влюбленных. Никея оказалась такой невероятно податливой в моих объятиях, что казалось, в ее прелестном теле нет ни единой косточки.

В комнате бесшумно появились служанки. Они засветили замысловато изукрашенные золотые лампы и поставили перед нами ужин, состоявший из пряных яств, невиданных ароматных фруктов и крепких вин. Но я едва мог заставить себя проглотить что-нибудь и, даже пригубив вина, жаждал еще более сладкого и хмельного напитка — поцелуев Никеи.

Не помню, когда мы наконец заснули, но вечер пролетел как один миг. Пьяный от счастья, я унесся прочь на ласковых крыльях сна, и золотые лампы и лицо Никеи растворились в блаженной дымке и пропали из виду…

Внезапно что-то вырвало меня из глубин забытья, и я проснулся. Спросонья я даже не мог сообразить, где нахожусь, и еще меньше понимал, что же пробудило меня. Затем я услышал тяжелые шаги, приближающиеся к открытой двери комнаты, и, выглянув из-за головы спящей Никеи, в свете ламп увидел преподобного Илера, замершего на пороге. На лице у него застыло выражение ужаса, и, поймав мой взгляд, он что-то быстро-быстро

залопотал на латыни. В голосе его страх мешался с отвращением и ненавистью. В руках у него я увидел пузатую бутыль со святой водой и кропило и, уж конечно, догадался, для чего все это предназначено.

Я увидел, что Никея тоже проснулась, и понял, что она знает о присутствии аббата. Красавица улыбнулась мне странной улыбкой, в которой я различил нежную жалость, смешанную с ободрением, как будто она утешала испуганное дитя.

— Не беспокойся за меня, — прошептала она.

— Гнусная вампирша! Проклятая ламия! Змея дьявола! — внезапно загремел Илер, переступив порог комнаты с поднятой бутылью.

В тот же миг Никея соскользнула с нашего ложа и с невероятным проворством скрылась за дальней дверью, выходившей в рощу лавровых деревьев. В ушах у меня, донесшись словно из немыслимой дали, прозвенел ее голос:

— Прощай, Кристоф! Не бойся, ты найдешь меня снова, если будешь отважен и терпелив.

Как только слова замерли вдали, капли святой воды упала с кропила на пол комнаты и на ложе, где еще миг назад спала рядом со мной Никея. Раздался оглушительный грохот, и золотистые лампы растворились во тьме, наполнившейся водопадами пыли и градом обломков. Я потерял сознание, а когда очнулся, оказалось, что я лежу на куче булыжников в одном из склепов, по которым блуждал днем. Преподобный Илер со свечой в руке склонялся надо мной с выражением сильнейшего беспокойства и безграничной жалости на лице. Рядом с ним стояла бутыль.

— Благодарение Господу, сын мой, я успел найти тебя вовремя, — пробормотал он. — Когда вечером я вернулся в монастырь и узнал, что ты ушел, то догадался, что произошло. Я догадался, что в мое отсутствие ты прочел проклятую рукопись и попал под ее губительные чары, подобно множеству других неосторожных, среди которых был и один почтенный аббат, мой предшественник. Увы, все они, начиная с Жерара де Вентильона, жившего много сотен лет назад, пали жертвами ламии, которая обитает в этих склепах.

— Ламии? — переспросил я, едва осознавая, что он говорит.

— Да, сын мой, прекрасная Никея, которую ты сжимал в своих объятиях этой ночью, ламия, древняя вампирша, создавшая в этих омерзительных склепах свой дворец дарующих блаженство иллюзий. Неизвестно, как ей удалось обосноваться в Фоссефламме, ибо ее появление здесь уходит корнями в древность более глубокую, чем людская память. Она стара, как само язычество, ее знали еще древние греки, сам Аполлоний

изгнал ее из Тиана, и если бы ты мог увидеть ее подлинный облик, то вместо обольстительного тела узрел бы кольца омерзительной змеи. Всех тех, кого любила и с таким радушием принимала в своем дворце эта красавица, она потом сжирала, высосав из них жизнь и силы своими дарящими дьявольское наслаждение поцелуями. Заросшая лаврами равнина, которую ты видел, золотистая река, мраморный дворец со всей его роскошью — все это не более чем дьявольский морок, красивый обман, созданный из пыли и праха незапамятных времен, древнего тлена. Он рассыпался под каплями святой воды, которую я захватил с собой, когда пустился в погоню. Но Никея, увы, ускользнула от меня, и боюсь, что она уцелела, чтобы опять возвести свой дворец сатанинских чар и снова и снова предаваться в нем своим омерзительным порокам.

Все еще в каком-то оцепенении, вызванном крушением моего только что обретенного счастья и поразительных откровений, которые я услышал от настоятеля, я покорно побрел за ним по склепам Фоссефламма. Монах поднялся по ступеням, по которым я спускался вниз, и когда мы добрались до последней, нам пришлось немного нагнуться; массивная плита повернулась наверх, впустив внутрь поток холодного лунного света. Мы выбрались наружу, и я позволил ему увести меня назад в монастырь.

Когда мой разум начал проясняться и смятение, охватившее меня, улеглось, на смену ему быстро пришло возмущение — яростный гнев на помешавшего нам Илера. Не задумываясь, спас он меня или нет от ужасной физической и духовной опасности, я оплакивал прекрасный сон, от которого он пробудил меня. Поцелуи Никеи все еще пламенели на моих губах. Кто бы она ни была, женщина ли, демон или змея, никто другой в мире не смог бы внушить мне такую любовь и подарить такое наслаждение. Однако же у меня хватило ума скрыть свое состояние от Илера; я понимал, что, если я выдам свои чувства, это всего лишь заставит его считать меня безвозвратно заблудшей душой…

Наутро, сославшись на необходимость безотлагательного возвращения домой, я покинул Перигон. Сейчас, в библиотеке отцовского дома под Муленом, я пишу это повествование о своих приключениях. Воспоминания о Никее остаются столь же поразительно отчетливыми, столь же неизъяснимо сладостными для меня, как если бы она до сих пор была со мной, я так и вижу пышные занавеси полуночной спальни, освещенной причудливо изукрашенными золотыми светильниками, и в ушах у меня до сих пор звучат ее прощальные слова;

„Не бойся, ты найдешь меня снова, если будешь отважен и терпелив“.

Вскоре я вернусь на развалины замка Фоссефламм и вновь спущусь в подземелье, скрытое треугольной плитой. Но хотя от Фоссефламма рукой подать до Перигона, несмотря на все мое уважение к почтенному аббату, всю признательность за его радушие и восхищение его несравненной библиотекой, я и не подумаю навестить моего доброго друга Илера».

Любовь… навсегда

Лиза Татл

Лиза Татлродилась в 1952 году в Хьюстоне, штат Техас, и получила звание бакалавра искусств по специальности «английская литература» в Университете Сиракьюс. В 1980 году она перебралась в Великобританию и в настоящее время живет в Шотландии вместе с мужем. Еще в молодости она примкнула к литературному семинару «Turkey City» в Остине, Техас, а в 1974 году стала лауреатом премии Джона Кемпбелла как лучший дебютант в научной фантастике.

Ее первый роман, «Гавань Ветров» (1981), был написан в соавторстве с Джорджем Р. Р. Мартином, с которым они ранее сочинили рассказ «Шторм в Гавани Ветров», в 1975 году удостоенный премии «Хьюго»; Татл также написала роман-фэнтези для подростков «Ведьма-кошка» (1983), проиллюстрированный Уной Вудрофф, и роман «Радуга Анджелы» (1983) в соавторстве с Майклом Джонсоном. Кроме того, ее перу принадлежат еще десять романов, среди которых — «Дух-покровитель» (1983), «Габриель» (1987), «Утраченное будущее» (1992) и «Серебряная ветвь» (2006).

В 1981 году, будучи почетной гостьей конвента «Микрокон», Татл получила премию «Небьюла» за лучший рассказ, но отказалась от награды. В 1989 году она была удостоена премии Британской ассоциации научной фантастики в категории «малая форма». Помимо книг в жанре фэнтези и хоррор, Татл является также автором «Энциклопедии феминизма» (1986).

Рассказ «Подмена» был впервые опубликован в авторском сборнике рассказов «Память тела: Истории о желании и превращении» (Лондон: Графтон/Коллинз, 1992). В 1999 году по его мотивам был снят один из эпизодов телесериала «Голод».

Подмена(© Перевод И. Иванова.)

Стюарт Холдер шел по унылому кварталу в северной части Лондона, направляясь к станции метро. Дженни предлагала подбросить его до работы, но он отказался и теперь испытывал смешанное чувство вины и облегчения: одним бессмысленным спором меньше. Он смотрел на мостовую, усеянную картонками из-под фастфуда и белыми бумажными пакетами, и вдруг увидел среди собачьих «колбасок», пивных жестянок и окурков нечто жуткое.

Существо это было величиной с кошку, но без шерсти, с какой-то

заскорузлой кожей. Удивительно, как его тонюсенькие лапки поддерживали диспропорциональное, похожее на луковицу туловище. Морда со светлыми глазками и мокрой щелью рта напоминала лицо уродливой обезьяны. Увидев человека, существо задергалось и заковыляло к нему. Приблизившись, оно издало сдавленный нечленораздельный звук. Этот звук был болезненным, как прикосновение металлом к зубному нерву, а дальше послышалось нечто среднее между кашлем и мяуканьем. Существо протягивало к нему лапки, двигало ими, изгибало чешуйчатые коготки. Стюарт почувствовал тошноту и страх.

Вообще-то он не боялся ни животных, ни насекомых. Последние ему даже нравились. Натыкаясь на паука, осу или майского жука, Дженни принималась кричать, не зная, что делать. Тогда Стюарт осторожно брал крылатого или бескрылого гостя и выдворял его вон, не причиняя ни малейшего вреда.

Но сейчас все было по-другому. Существо явно не было каким-нибудь редким экземпляром бескрылых летучих мышей, сбежавшим из зоопарка. Едва ли его снимок и описание можно найти в зоологических атласах. Оно словно противоречило законам природы, было ее ошибкой, недоразумением. Эта тварь не принадлежала к земному миру.

Существо тихо зарычало. Стюарт шагнул к нему и что есть силы надавил на него подошвой ботинка. Уши резанул пронзительный писк, затем хрустнули тонкие слабые косточки. От твари осталось месиво неопределенного цвета.

Стюарт очистил подошву о край тротуара. Новая волна тошноты потребовала выхода. Стюарт наклонился и извергнул свой завтрак в полосатый красно-белый бак, заполненный мятой бумагой и обглоданными куриными косточками.

Потом он выпрямился и тщательно обтер носовым платком губы, потом выбросил в бак платок. Стюарта трясло. Он украдкой огляделся по сторонам — не видел ли кто этой расправы. По проезжей части равномерно ползли машины. На другой стороне улицы несколько девиц, по виду старшеклассниц, стояли возле газетного киоска, заигрывая с продавцом и вдыхая дым его сигареты. На этой стороне было сравнительно пусто. От ближайших пешеходов Стюарта отделяло ярдов сто, а закусочная, где готовили жареную курятину, и магазин сантехники еще не открылись.

До сегодняшнего утра Стюарт никого не убивал. Конечно, он прихлопывал комаров, мух и других насекомых, а однажды уничтожил гнездо шершней. И это все. Он был городским жителем и не испытывал никакого интереса к охоте. Стюарт вспомнил, как его отец раскладывал

потраву для крыс и как он сам в детстве кидался в них обломками кирпичей в дворике, где играл. Крысы не вызывали у него ни малейшего сочувствия. Они вели себя нагло и не желали добровольно покидать облюбованную территорию. Потому их приходилось убивать.

Стюарт заставил себя опустить глаза и взглянуть на тротуар — он хотел убедиться, что раздавленное существо мертво. Даже такую тварь незачем обрекать на страдания. К счастью, его каблук оказался слишком тяжелым, а череп существа — слишком хрупким. Скорее всего, смерть была мгновенной. Стюарт зашагал прочь с облегчением и некоторым удовлетворением. А потом ему стало стыдно. К нему вернулось чувство вины, теперь уже по другому поводу. Имел ли он право убивать это существо, поддавшись жестокому, иррациональному позыву? Он ведь даже не знал, названия зверюшки. А вдруг это чей-то домашний питомец, привезенный с другого конца земли?

От стыда и недовольства собой Стюарта бросало то в жар, то в холод. На перекрестке он остановился, дожидаясь, пока загорится зеленый сигнал. Рядом стояло еще пять или шесть прохожих. Стюарту не хотелось на них смотреть. Он опустил глаза и…

Существо ожило и ковыляло по тротуару.

Стюарт едва удержался, чтобы не закричать. Конечно, это была другая тварь той же породы, однако у него подкосились ноги. Ему захотелось лишить жизни и ее, и он ужаснулся такому желанию. Тонкий влажный рот существа шевелился, будто оно хотело что-то сказать.

Яркий зеленый сигнал светофора заставил Стюарта отвести глаза от ненавистной твари. Пешеходы зашагали через дорогу, их головы и мысли были устремлены вперед — у всех, кроме одной женщины в элегантном деловом костюме. Она осталась стоять на тротуаре. Ее лицо выражало болезненное изумление. Женщина смотрела на отвратное существо. Стюарт подумал, что нужно убить и вторую тварь — хотя бы ради защиты незнакомой женщины. Но она вряд ли оценила бы его благородство. Скорее, возмутилась бы от неоправданной жестокости. Стюарту не хотелось выглядеть в глазах незнакомки монстром, который с наслаждением давит ботинком чужую хрупкую жизнь, сокрушая кости и размазывая по тротуару внутренности.

Стюарт заставил себя отвести взгляд и двинулся через улицу, пощадив странное чуждое создание. Но он по-прежнему сомневался, нужно ли его щадить.

Стюарт Холдер работал редактором в издательстве, в нескольких

минутах ходьбы от собора Святого Павла. Пять лет назад, когда он познакомился с Дженни, она работала здесь секретаршей. Нынче Дженни занимала более высокую должность в другом издательстве, расположенном подальше на юг от Темзы, и недавно они купили машину. Стюарт поддерживал амбиции жены и ее стремление поскорее освоить премудрости вождения, он вообще радовался всем ее достижениям. Тем не менее от каждого ее нового успеха ему становилось не по себе, хотя он никогда не высказывал это вслух. А вдруг в один прекрасный день Дженни поймет, что больше в нем не нуждается? Мелкая, эгоистичная часть его личности этого боялась. Потому-то он затевал шоры с женой и предугадывал ее решения, когда она вела машину, а он сидел рядом. Сейчас, шагая по запруженным народом улицам к себе в издательство, Стюарт мысленно это признавал. Он говорил себе, что изменится. Ему нужно измениться. Если что-то и отдаляет их друг от друга, то его поведение, а не ее карьера. Стюарт жалел, что утром не согласился на предложение жены и не поехал с нею в машине. Уж лучше легкая перебранка между мужем и женой, чем преследующее его видение — жуткая морда неизвестного существа, которое он убил. Войдя в здание, Стюарт тайком вытер подошву ботинка о ковер.

В приемной издательства Стюарт увидел двух женщин из редакторского отдела и еще одну молодую девицу из отдела рекламы. Они обступили стол его секретарши и что-то разглядывали. На звук открывшейся двери обернулись все четверо. Вид у них был виноватый и оправдывающийся, какой бывает на лицах женщин, занятых обсуждением секретов, не предназначенных для мужских ушей.

Стюарт ощутил неловкость, как мальчишка, потревоживший взрослых, занятых важным разговором.

— Девочки, принести вам кофе? — улыбнувшись, спросил он.

— Простите, Стюарт, вы хотели…

Троих женщин как ветром сдуло, а секретарша поспешно убрала со стола плотный белый бумажный пакет, на котором красовались крупные буквы: NEXT.

— Шутка, Фрэнки, шутка.

Стюарт всегда ходил за кофе сам. Это был удобный повод исчезнуть из кабинета. Секретарша так и не могла привыкнуть к этому, и Стюарт без конца повторял, что дело не в ее нерадивости, а в его привычках. Наверное, NEXT — фирма, торгующая соблазнительным нижним бельем. Спрашивать у смущенной Фрэнки он не решился.

Ему отчаянно хотелось позвонить Дженни и рассказать о

случившемся, однако он понимал: такое не объяснишь, особенно по телефону. Ему хотелось просто услышать спокойный уверенный голос жены в подтверждение того, что мир не сошел с ума. Стюарт дотерпел до полудня — в это время он обычно звонил Дженни на работу.

Оказалось, что Дженни на совещании.

— Передайте ей, что звонил Стюарт, — сказал он секретарше жены.

Дженни была пунктуальна и всегда перезванивала. Но сегодня время шло, Стюарту звонили другие люди, но не жена. Около пяти он снова позвонил ей на работу. Секретарша сообщила, что Дженни ушла и сегодня уже не вернется.

Так рано ушла с работы, не сделав ответный звонок… это было немыслимо. Может, заболела? Стюарт не покидал кабинета раньше семи, однако сегодня он изменил своей привычке и ушел, забыв, что терпеть не может часы «пик».

Может, Дженни на него рассердилась? Но у нее не было привычки дуться. Если она сердилась, то сразу выкладывала, за что и почему. Они не лгали друг другу и не играли в игры типа «забыл позвонить».

Стюарт доехал до своей станции и вышел наружу. К нему вернулось утреннее беспокойство. Глаза обшаривали тротуары и канавы. Раз или два он испуганно подпрыгнул, когда рядом шевельнулась скомканная бумага, но то был ветер. Стюарт прошел мимо места, где раздавил странную тварь. Там серел пыльный асфальт. Либо существом полакомился какой-нибудь пес, либо неведомые силы затянули останки в то измерение, откуда оно явилось. Прежде чем свернуть к дому, Стюарт заметил, что другие прохожие тоже обращают внимание на тротуар и кромку дороги. Это усилило его тревогу.

Лондонские дорожные пробки были неизменны, и Стюарт доехал домой на метро раньше Дженни. Ожидая ее возвращения, он заварил чай, отхлебнул, поморщился, выплеснул в раковину и налил себе порцию виски. Разбавлять содовой не стал. После виски ему полегчало. Он успокоился, и в это время вернулась Дженни.

— Ты уже дома?

Выражение ее лица чем-то напомнило ему лица женщин в офисе, и Стюарт почувствовал себя почти взломщиком в собственном доме. Дженни улыбалась, но ее улыбка опоздала на несколько часов.

— Я не думала, что ты вернешься так рано.

— Я сам не думал. Пытался тебе звонить. Мне сказали, ты уже ушла. Ты не заболела?

— Нет. Чувствую себя великолепно.

Она и в самом деле чувствовала себя великолепно, и знакомые черты жены погасили внутреннее раздражение Стюарта Он любовался худощавой мальчишеской фигурой Дженни, ее коротко стриженными курчавыми волосами, белым лицом и лучистыми голубыми глазами.

Щеки Дженни слегка раскраснелись. Она закусила верхнюю губу и оценивающе поглядывала на мужа, прежде чем начать разговор по существу.

— А что ты скажешь, если мы заведем домашнее животное?

Стюарт вдруг ясно понял: речь идет не о собаке или кошке. Эта уверенность его ужаснула. У него закружилась голова, и он решил, что это из-за виски, выпитого на пустой желудок.

— Он лежал у меня под машиной. Если бы не заметила, как он шевелится, раздавила бы бедняжку.

Она слегка передернула плечами.

— Боже милостивый, Дженни, неужели ты притащила его домой?

Дженни с вызовом поглядела на него.

— Разумеется. Как я могла оставить его на улице? Задавить такого малыша — пара пустяков.

«Или колесами, или ногой», — подумал Стюарт.

Теперь рассказ об утреннем происшествии стал просто невозможен. У Стюарта упало настроение. Он еще цеплялся за спасительную мысль: а вдруг он ошибался? Вдруг Дженни спасла обычного котенка?

— И что же это за «малыш»? — с деланой небрежностью спросил Стюарт.

Дженни возбужденно рассмеялась. Ее смех звучал как-то по-новому.

— Не знаю, — сказала она. — Думаю, это редкое животное. Вот, посмотри.

Она сняла с плеча и раскрыла большую вязаную сумку.

— Смотри. Правда, милое?

Почему люди, такие близкие и во многом похожие, воспринимают что-то с диаметрально противоположных позиций? Даже сейчас Стюарту хотелось раздавить мерзкое существо, а Дженни просто влюбилась в маленькое чудовище. Стюарт придал лицу нейтральное выражение, но невольно поморщился, услышав слово «милое».

— Милое? — переспросил он.

Ему было больно видеть, как Дженни порывисто прижала к себе сумку, будто защищая «любимца».

— Понимаю, красивым его не назовешь, ну и что? Сначала он мне тоже показался ужасным… — Ее лицо помрачнело, будто Дженни

мучительно вспоминала некое давнее событие. Голос слегка дрогнул. — Но потом я поняла, какой он беззащитный. Он нуждался в моей помощи. Что с этим поделать? Ничего, мы привыкнем. Кстати, правда, он похож на Псаммеда?

— Кого-кого?

— Псаммеда. Из книжки «Пятеро детей и я». [24]

Стюарт помнил название этой старомодной детской книжки, но история про Псаммеда ему никогда не нравилась.

— Дженни, это существо не из книжки, — возразил Стюарт, недовольно встряхивая головой. — Ты подобрала его на улице и не знаешь, что это за зверь и откуда. Он может быть опасен или болен.

— Опасен, — бесцветным тоном повторила она.

— Ты ведь не знаешь…

— Он пробыл со мною целый день и никому не причинил вреда. Он рад, что его подобрали. А еще он любит, когда ему чешут за ушками.

— А если он бешеный?

Это была классическая фраза из детства Стюарта, пресекавшая все попытки притащить домой уличного котенка или щенка.

— Не говори глупостей.

— Нет, это ты не говори глупостей. Такие животные в английских лесах не водятся. Скорее всего, он откуда-то из Африки или Южной Америки и с полной коллекцией тамошних паразитов.

— Да ты рассуждаешь, как расист. Не желаю тебя слушать! Еще и выпил неизвестно по какому поводу.

Дженни выскользнула из комнаты.

К этому времени бокал с капелькой виски уже лежал в сушилке, а не то Стюарт расколотил бы его вдребезги. Стюарт закрыл глаза и принялся медленно дышать, сосредоточиваясь на вдохах и выдохах. Эта ссора была куда хуже всех прежних перепалок. Дженни всегда отстаивала свое мнение более решительно, чем он. Стюарт обычно соглашался. Но сегодняшняя ситуация была совершенно иной. Он не позволит, чтобы это существо осталось у них дома. Дженни придется с ним согласиться.

Такие разговоры надо вести в спокойном состоянии. Стюарт заставил себя успокоиться.

— Прости меня, — сказал он, когда жена снова появилась в комнате.

По правде говоря, извиняться нужно было бы ей. Услышав его извинения, Дженни (все еще недовольная) передернула плечами. Смотреть ему в глаза она избегала.

— Хочешь, сходим куда-нибудь пообедать? — предложил Стюарт.

Она покачала головой.

— Пожалуй, нет. Мне еще надо поработать.

— Налить тебе что-нибудь? Я, пока тебя ждал, проглотил порцию виски. Всего одну. Честно.

Она расправила плечи.

— Ты тоже меня извини. День сегодня был тяжелый. Налей мне виски. И себе.

Дженни села на диванчик, поставила сумку на пол. Раскрыла ее, наклонилась и голосом умиленной мамаши произнесла:

— И откуда же пришел ко мне мой дорогой малыш?

Если бы это был котенок, щенок или морская свинка, Стюарт сел бы рядом с женой. Но сейчас он подал ей бокал, а сам отошел в другой конец гостиной.

— Не сердись, Дженни. Мы в свое время решили: если надумаем завести домашнее животное, то вначале все обсудим и обговорим. Помнишь?

Плечи Дженни вновь напряглись. Она гладила маленького уродца, стараясь сдержаться.

— Помню, — угрюмо ответила она. — Но это особый случай. Малыш появился сам. И я несу ответственность перед ним. Или перед ней. — Она нервно рассмеялась. — Радость моя, я даже не знаю, какого ты пола.

— Я понимаю, что ты из жалости подобрала это существо. Но оставлять его у нас дома — не самая лучшая идея, — тщательно выбирая слова, сказал Стюарт.

— Я не выброшу его на улицу! — отрезала Дженни.

— Нет… я не об этом. Но согласись, его нужно показать ветеринару. Осмотреть. Возможно, понадобятся какие-то прививки.

Дженни бросила на мужа испепеляющий взгляд. Стюарт дрогнул, но лишь на мгновение. Вернувшееся раздражение придало ему сил.

— Не капризничай, Дженни! Давай рассуждать здраво. Нельзя притащить с улицы черт знает какую зверюшку и поселить ее в доме. Ты даже не знаешь, чем питается эта тварь.

— Кое-что знаю. Ему понравились фрукты. Жевать он не может, а сок высосал.

— Этого мало. Может, фрукты для него — вроде легкой закуски. Может, в день он сжирает уйму насекомых или парочку мышей. Или ты надеешься приучить его к корму для грызунов?

— Стюарт!

— Ты согласна показать его ветеринару? Проверить его здоровье?

Дженни, я хочу услышать твой ответ.

— Тогда я смогу оставить малыша у нас? Если ветеринар скажет, что он здоров и не требует экзотической пищи, ты успокоишься?

— Тогда мы поговорим о его дальнейшей судьбе. И не надо смотреть на меня так. Ты не десятилетняя девчонка, а я не твой папочка. Мы равноправные партнеры. А партнеры не ставят друг друга перед фактом. Если есть проблемы, их надо обсуждать, достигать компромисса и…

— Здесь не может быть никакого компромисса.

Слова Джейн подействовали на него, как ведро ледяной воды.

— Почему?

— Либо побеждаю я, и малыш остается в доме, либо побеждаешь ты, и я его выбрасываю. Какой компромисс?

«Вот так начинаются войны», — подумал Стюарт, но вслух не произнес ничего.

Он являл собой образец деликатной рассудительности и способности терпеливо объяснять.

— Компромисс заключается в том, что мы оба пытаемся понять точку зрения друг друга. Ты отвезешь это существо к ветеринару, проверишь, здорово ли оно, а *я*…постараюсь сделать так, чтобы оно мне как-то понравилось. Ты уже выбрала для него имя?

Ее глаза вспыхнули.

— Нет, но… мы можем сделать это потом, вместе. Если мы его оставляем.

Ощущение холода не проходило. Сам не понимая почему, Стюарт был уверен, что Дженни ему лжет.

Стюарту не спалось. Перед глазами стояло существо, которое он раздавил утром, в ушах слышался его предсмертный писк. В тот момент слепой сокрушающей ярости Стюарт был сам не свой. Он не мог отрицать ни сам факт расправы, ни отвращение, овладевшее им. Но сейчас, когда Дженни безмятежно спала рядом, а спасенное ею животное скрючилось на полу ванной, он пытался хотя бы мысленно повернуть время вспять.

Он представил, как останавливает занесенную над существом ногу, обуздал свою ярость. Стюарт силился пробиться сквозь гнев и страх — самые сильные и типично мужские эмоции — и найти путь к женскому состраданию Дженни. Вдруг его интуиция оказалась ошибочной, а жена права? Может быть, не помайся он импульсу, вскоре сам убедился бы в беспочвенности собственных страхов.

«Бедное маленькое существо. Бедное маленькое существо. Оно

беззащитно, оно нуждается во мне. Оно безобидно, и я не причиню ему вреда».

Стюарт медленно продирался через свои чувства к чувствам Дженни, и в какой-то момент это ему удалось. Он преодолел гнев, страх и ненависть, он ощутил… Нет, то была не любовь, а сострадание. Теплое, светлое чувство сострадания заполнило его сердце, разлилось по жилам, растапливая лед сомнений и страхов. Стюарт погрузился в море сна, где Дженни улыбалась и любила его, где между ними было полное взаимопонимание.

Его разбудил среди ночи переполненный мочевой пузырь. Стюарт вышел в темный коридор и только тогда вспомнил, кто обитает в ванной. Вернуться в постель, не опорожнившись, он не мог. Стюарт поднес руку к выключателю, не решаясь повернуть его и открыть дверь ванной.

Нет, он не боялся существа размером с футбольный мяч и не ждал, что оно причинит ему вред. Стюарт опасался, что сам не удержится и покалечит спасенного Дженни зверька. Похожее состояние испытываешь на краю обрыва, когда боишься не столько упасть, сколько броситься вниз, поддавшись шепоту подсознания и диктуемой им потребности в самоуничтожении. Стюарт не хотел убивать это существо. Разве его чувства не изменились? Достаточно того, что Дженни любит малыша. И все же его темное подсознание не собиралось так легко сдаваться, и Стюарт опасался неожиданного выплеска.

Он прошел в конец коридора и выбрался в запущенный грязный дворик — подобие общего сада, где стояли мусорные баки. Влажный ночной воздух мгновенно проник под тонкую пижаму. Дрожа от холода, Стюарт облегчился на чахлый куст форзиции. Дженни посадила его в конце минувшей зимы, искренне надеясь, что растение приживется и расцветет.

Телесное облегчение не принесло облегчения душевного. Благостное настроение, с которым Стюарт засыпал, исчезло. Он увидел, что в ванной горит свет, а дверь туда приоткрыта. Из ванной доносился тихий уговаривающий голос Дженни:

— Не бойся, не бойся, мой маленький. Никто здесь тебя не обидит. Обещаю. Ты в безопасности. Засыпай, малыш. Спокойной ночи.

Стюарт почувствовал, что его присутствие в ванной крайне нежелательно, и на цыпочках прошел мимо. Он вернулся в постель и уснул под ласковую бессмысленную речь Дженни, все еще баюкавшей своего «малыша».

Стюарт не привык сомневаться в правдивости Дженни, но бодрый рапорт о том, что она побывала у ветеринара и тот нашел ее приемыша совершенно здоровым, показался ему наспех состряпанной ложью.

— А ветеринар сказал, что это за порода? — стараясь не выказать подозрений, спросил Стюарт.

— Нет, он не знает.

— Итак, он не знает, какой породы это существо, но утверждает, что оно совершенно здорово.

— Боже мой, Стюарт, что еще тебе нужно? Всем понятно, что мой дружок здоров и счастлив. Или тебе нужно его свидетельство о рождении?

Дженни горделиво прижимала к груди своего «дружка». Глядя на нее, Стюарт вдруг почувствовал себя несчастным и раздавленным.

— Кому это «всем»? — спросил он.

— Всем у меня на работе. Мне даже завидуют.

Она нагнулась и поцеловала остроконечную голову «дружка». Затем посмотрела на Стюарта. А ведь она всегда целовала его, когда возвращалась домой. Его, а не это существо, с которым теперь не расстается.

— Он останется здесь, — тихо сказала Дженни. — А если тебе это не нравится…

Возникшая пауза была похожа на прозрачную глыбу, возникшую между ними.

— Извини, но придется привыкнуть.

«Это слишком для отношений на равных, — подумал Стюарт. — Это уже не жизнь вдвоем, а сосуществование».

Глубоко задетый словами Дженни, он сделал вид, будто ничего не случилось.

— Хочешь пойти в индийский ресторан? — спросил он.

Дженни покачала головой и отвернулась.

— Чего-то не тянет вылезать. И по телику есть что посмотреть. А ты сходи. Принесешь мне чего-нибудь вкусненького. Порции баджи из шпината и пары наанов [25]будет вполне достаточно.

— А что принести твоему… дружку?

Она как-то странно улыбнулась.

— Он сыт. Я его недавно покормила. Спасибо за заботу, — добавила Дженни, удостоив Стюарта благодарным взглядом.

Он не стал есть в ресторане один, а взял пакеты с едой для Дженни и для себя. По дороге зашел в бар, где торговали мексиканским пивом навынос. Дженни оно нравилось. Пока ему наливали пиво, по радио

звучала сентиментальная песенка о любви. Стюарт знал эту песню с раннего детства — ее часто напевала мама. Простенькая мелодия, глуповатые слова. По щекам Стюарта скатилось несколько слезинок, и он смущенно замотал головой.

Смотреть телевизор в компании любимца Дженни ему не хотелось. Срочной работы не было. Стюарт взялся за несрочную, а когда подошло время спать, он увидел, что Дженни застилает простыней диван в гостиной.

— Ванная — неподходящее место для малыша. Ему там плохо, — объяснила она.

— Ему нужная целая постель?

— Не ему, а нам. Он будет спать со мной. Его все настораживает и пугает. *Я* его единственная защита. Поэтому я решила лечь с ним здесь. Я ему нужна.

— Ты нужна ему? А мне?

— Стюарт, перестань, — поморщилась Дженни. — Ты взрослый человек. Поспишь пару ночей один.

— А эта тварь, значит, не может?

— Не называй его тварью!

— А как прикажешь его называть? Слушай, ты же не его мамаша, и он вовсе не нуждается в тебе так сильно. Вчера он великолепно переночевал в ванной. Переночует и сегодня.

— Стюарт, откуда в тебе столько жестокости? Ну чем тебе мешает маленькое беззащитное создание? По-моему, ты готов его убить. Что, я угадала?

— Нет, — торопливо ответил Стюарт.

Он ужаснулся ее проницательности. Если Дженни узнает, что вчера он расправился с сородичем этой твари, она ни за что ему не простит.

— Нет, — повторил он. — У меня рука не поднимется. Это все равно что… покалечить тебя.

Лицо Дженни подобрело. Она ему поверила. Учитывая ее отношение к этому уродцу, любая жестокость по отношению к нему означала бы жесткость по отношению к ней. Стюарт не мог так поступить. Дженни это знала.

— Стюарт, всего на несколько ночей, пока он не освоится у нас.

Пришлось согласиться. Оставалось лишь надеяться, что она по-прежнему его любит и рано или поздно пресытится живой игрушкой.

Прошло несколько дней. Дженни больше не предлагала Стюарту подбросить его до работы. Когда он попросил об этом, в ответ услышал,

что сегодня ей нужно быть в издательстве пораньше, а если она сделает крюк, то из-за утренних пробок опоздает. Она отказалась даже подвезти его к станции метро, сказав, что глупо ехать туда на машине, если за четверть часа можно дойти пешком. А при его сидячей работе ходить пешком полезно. Доводы были вполне убедительные, Стюарт сам признавал их логичность. Но ведь совсем недавно Дженни охотно подвозила его и не сетовала на пробки. Вспомнив об этом, он сжался от внутренней боли. Зато приблудный любимец сопровождал Дженни повсюду, и на работу тоже. Вязаная сумка превратилась в переносное гнездо.

— Слушай, а может, наш брак разваливается? — не выдержал Стюарт.

— Если что-то в нашей жизни изменилось, это не значит, что я разлюбила тебя. Другого мужчины у меня нет. Только этот малыш. Тебе ничего не угрожает. Ты был и остаешься моим мужем.

Ее слова звучали вполне логично, но Стюарт чувствовал: теперь он не занимает в ее жизни прежнее место. Ему захотелось уничтожить маленького уродца. Но не так, как тогда, поддавшись вспыхнувшей ярости. Нужно все тщательно продумать. Может, отравить его каким-нибудь изощренным способом. Или увезти подальше и обставить все так, будто паршивец убежал сам. Дженни погорюет и постепенно забудет «дружка». И снова будет принадлежать Стюарту.

Но никаких шансов подобраться к лысому уродцу у него не было. Дженни буквально помешалась на «малыше», постоянно держала при себе. Когда она посещала туалет или принимала душ, существо находилось рядом, за закрытой дверью ванной. На все предложения Стюарта присмотреть за «дружком» Дженни лишь улыбалась, как улыбаются взрослые в ответ на детскую глупость. Настаивать Стюарт не решался, чтобы не возбуждать подозрений.

Он продолжал ходить на работу, а после работы отправлялся выпить с коллегами. Он уже не торопился домой, как прежде, поскольку знал, что теперь они с Дженни не останутся наедине. Он больше не спорил с женой и не пытался вызвать в ней жалость. По случайным фразам Стюарта (на самом деле — отнюдь не случайным) Дженни должна была понять: его отношение к ее питомцу изменилось. Через несколько недель или месяцев она привыкнет, научится ему доверять, и вот тогда…

В один из дней, вернувшись после обеденного перерыва, Стюарт увидел в приемной Линду, старшего редактора. Она сидела на корточках возле стола его секретарши, что-то бормоча себе под нос и хихикая.

— Линда! — не сдержался Стюарт.

Женщина вздрогнула и тяжело поднялась на ноги. Она покраснела,

втянула голову в плечи и совсем не походила на строгую самоуверенную даму, какой ее привыкли считать.

— Стюарт, я тут…

В приемную вошла Фрэнки, неся груду ксерокопий.

— Ага! — громко воскликнула она.

Лицо Линды стало еще краснее.

— Просто шла мимо, — пробормотала она и пулей вылетела из приемной.

Из нижнего ящика стола на Стюарта пялилось точно такое существо, как любимец Дженни. Разинув ротовую щель, существо зашипело. На одной из тонких паучьих лапок поблескивало кольцо. От кольца шла цепь, прикрепленная к другой стенке ящика.

— Некоторым людям свойственно брать то, что им не принадлежит. Вот и приходится держать его на цепи, — мрачно произнесла Фрэнки. — И ведь никогда на нее не подумаешь.

Стюарт пристально поглядел на секретаршу. Пусть видит его неодобрение и раздражение. Даже отвращение.

— Фрэнки, насколько помню, в вашем контракте нет разрешения брать с собой на работу домашних животных.

— Это не животное.

— Что же это?

— Не знаю. Может, вы знаете?

— Мне все равно, как оно называется, но я не позволяю вам держать его на рабочем месте.

— Я не могу оставить его дома.

— Почему же?

Фрэнки повернулась к нему спиной и стала раскладывать принесенные листы.

— Не могу. Вдруг он покалечится? Или убежит?

— Вот было бы здорово, — усмехнулся Стюарт.

Фрэнки посмотрела на него так, как смотрела Дженни, когда впервые принесла в дом лысого уродца.

— А что по этому поводу думает ваш приятель? — спросил Стюарт.

— У меня нет приятеля, — сердито и с вызовом ответила Фрэнки.

Раздражение сменилось язвительным смехом.

— Кажется, условиями контракта не оговорено, что у меня должен быть приятель.

— Ваша личная жизнь меня не касается, но вот этого… животного, или как оно там называется… на работе быть не должно. Вам придется

отнести его домой.

— Прямо сейчас? — спросила Фрэнки, вскинув густые брови.

Стюарта подмывало сказать «да», однако он сразу подумал о неотправленных рукописях, ненапечатанных письмах и прочих сбоях в рабочем процессе.

— Сегодня пусть остается, а завтра — чтобы я его здесь не видел. Понятно?

— Да, сэр, — огрызнулась Фрэнки.

На Стюарта вдруг навалилась усталость. Он чувствовал: Фрэнки все равно сделает по-своему, как и его жена. Она принесет эту тварь на работу и завтра, и послезавтра. Спрячет получше, а может, не станет прятать. А он либо смирится, либо будет вынужден ее уволить.

Стюарт прошел к себе в кабинет, закрыл дверь и сел, положив голову на стол.

Вернувшись домой, он увидел, как жена кормит «дружка»… своей кровью.

Нет, ему не показалось. Скорее всего, это было далеко не первое кормление. Существо, как бы оно ни называлось, оказалось вампиром. Однако Дженни не была беспомощной жертвой. Она не спала, находилась в полном сознании. Она спокойно смотрела, как «дружок» сосет кровь из вены на ее руке.

При появлении Стюарта Дженни дернулась, опасаясь, что он начнет кричать. Нет, он был не в состоянии вымолвить ни слова. Он просто смотрел, не пытаясь вмешаться.

Насытившись, «дружок» отвалился от вены. Дженни посадила его на колени, придерживая рукой, из которой он сосал кровь. Другой рукой она взяла со столика кусок ваты, смочила медицинским спиртом и протерла маленькую ранку. Только после этого Дженни подняла глаза на мужа.

— Ему надо есть, — сказала Дженни своим обычным рассудительным тоном. — Жевать он не может. Ему требуется кровь. Совсем немного, тем не менее…

— И он обязательно должен высасывать ее из тебя? Ты не могла бы…

— А где я возьму ему кровь? Притащу живого кролика или собаку? — Дженни поморщилась. — Сам посуди. Ты же знаешь, насколько я брезглива. А так гораздо легче. И совсем не больно.

«Зато мне больно», — подумал Стюарт.

— Дженни, послушай…

— Не начинай заново, — оборвала его Дженни. — Не волнуйся, я не подцеплю от него никакой болезни и он не высосет всю мою кровь.

Знаешь, мне это даже нравится. Мне и ему.

— Дженни, прошу тебя, прекрати. Пожалуйста. Ради меня. Прекрати.

— Нет.

Она крепко прижала к себе маленького уродца и смотрела на Стюарта с бесстрастием палача.

— Извини, Стюарт, но все останется так, как есть. Это не обсуждается. Если для тебя такое положение вещей неприемлемо, нам лучше расстаться.

Стюарт предвидел этот исход и избегал его, как мог. Он понимал, что Дженни сделала выбор, с кем ей остаться. Он пытался возражать, но понял бесполезность любых доводов. Дженни недвусмысленно объявила ему о своем решении, отказавшись что-либо обсуждать. Внешне она оставалась похожей на ту, кого он любил, но только внешне. Перед ним сидела совсем другая Дженни, и с этой женщиной он не мог и не хотел жить под одной крышей.

Конечно, он мог бы отказаться уйти. В конце концов, он не совершил ничего дурного. Почему он должен покидать квартиру, наполовину принадлежащую ему? Но мысль выгнать отсюда Дженни не приходила Стюарту в голову. Он чувствовал ответственность за жену, пусть и бывшую.

— Мне нужно собрать чемодан и сделать несколько звонков, — тихо сказал Стюарт.

Один из его коллег говорил, что готов сдать комнату. Если комната уже сдана, он пока поживет у брата. Мысленно Стюарт покинул эту квартиру раньше, чем вышел на улицу с чемоданом в руках.

Они официально развелись, и после завершения всех формальностей Стюарт снял жилье в районе Холлоуэй-роуд, вблизи станции метро Арчуэй. Если Дженни захочется его навестить, сюда несложно дойти пешком. Но эти надежды были напрасными. Сам он несколько раз заходил к ней и всегда чувствовал себя незваным гостем в доме, который когда-то был их общим.

Ему не понадобилось увольнять Фрэнки. Через неделю после того случая она уволилась сама, сообщив, что ей предложили место редактора в женском журнале. Наверное, ее новый контракт не запрещал приносить с собой на работу животных.

Стюарт так и не узнал, как называется эта порода кровососов. Он не знал, откуда они появились, сколько их. Может, они обитали только в Айлинггоне? (Фрэнки жила возле Аппер-стрит.) Газеты не печатали статей об этих тварях, телеканалы не показывали их в новостях. Ни ученый мир,

ни городские власти не делали никаких официальных заявлений об их существовании. И все же по косвенным, туманным фразам, сказанным совсем по другим поводам, Стюарт понимал люди знают о маленьких лысых вампирах. Но почему-то молчат.

В один из вечеров Стюарт возвращался домой и засмотрелся на женщину, сидевшую напротив. Возможно, его ровесницу. У женщины были золотистые волосы, зеленоватые глаза и почти прозрачная кожа. Одета она была броско: высокие сапоги из мягкой кожи, длинная шерстяная юбка и плащ-пончо клюквенного цвета. Плащ застегивался на шее. Чуть ниже застежки была прикреплена простая круглая золотая брошь, а от нее шла тоненькая золотая цепочка. Цепочка скрывалась внутри плаща.

Стюарт скользил глазами по женщине и думал, что где-то он уже видел такую цепочку. Поезд остановился на станции Арчуэй. Стюарт встал, чтобы выйти. Женщина тоже встала. Они оба покинули вагон и некоторое время шли почти рядом. Стюарт пытался придумать предлог, чтобы заговорить с ней. Он теперь был свободен, возможно, и у нее никого не было. За годы семейной жизни Стюарт успел забыть, как в громадном Лондоне знакомятся одинокие люди.

Он снова украдкой глянул на женщину, надеясь, что она повернет голову и посмотрит на него. Пальцы ее худощавой руки перебирали золотую цепочку. От ходьбы ее плащ распахнулся, и Стюарт успел заметить… лысого уродца. Женщина несла его под плащом, крепко прижимая к себе.

Стюарт остановился. Женщина прошла мимо. Стюарт стоял, не находя сил подняться по ступеням к выходу из метро. Через несколько минут силы вернулись, и он выбрался на улицу.

Может, ему показалось? Может, цепочка была обыкновенным украшением, а его воображение дорисовало остальное? Он знал, что у некоторых женщин есть привычка носить с собой котят или маленьких собачек. Рассуждения не помогали. Мгновенное видение (реальное или придуманное) настолько потрясло Стюарта, что он пошел не в том направлении. Только потом сообразил, что идет к своему бывшему дому. Но и это не заставило его повернуть назад. Стюарту вдруг захотелось пройти мимо окон Дженни.

В гостиной, за плотными шторами, горел свет. Стюарт вспомнил, что Дженни не любила зимние сумерки и всегда отгораживалась от них. Он замедлил шаги. Его страшно потянуло зайти внутрь, почувствовать свою принадлежность к этому месту. Может, Дженни обрадуется? А вдруг ей сейчас так же одиноко, как ему?

Подойдя ближе, он увидел лысого уродца, распластавшегося на оконном стекле. Паучьи лапки царапали стекло в безуспешной попытке выбраться наружу.

Мучения маленького уродца передались Стюарту, и он ощущал их, как свои собственные. Штора слегка отодвинулась, в проеме мелькнул знакомый силуэт. Потом рука Дженни оторвала существо от стекла и унесла в теплый, ярко освещенный мир гостиной. Через мгновение штора задернулась, отсекая Стюарта от этого мира.

Фредерик Коулс

Фредерик Итатиус Коулс(1900–1948) — британский писатель, член Королевского литературного общества и почетный член Литературно-художественного института Франции, наградившего его в 1936 году серебряной медалью.

При жизни автора были опубликованы два сборника его рассказов о сверхъестественном: «Ужас Эбботс Грейндж» (Лондон: Фредерик Маллер, 1936), куда вошел «Безголовый прокаженный» — первый опубликованный им рассказ, и «Вой ветра в ночи» (Лондон: Фредерик Маллер, 1938).

Произведения Коулса, несмотря на обилие восхищенных отзывов, принято считать подражанием другим представителям «страшного» жанра, в первую очередь М. Р. Джеймсу.

Столь же очевидно влияние на Коулса киноверсии стокеровского «Дракулы» (1931) — самый известный его рассказ «Вампир из Кальденштайна» воспроизводит знаменитую реплику, произнесенную в фильме Белой Лугоши: «Я не пью… вина».

Третий сборник рассказов писателя, «Страх шествует в ночи», не был опубликован при его жизни, однако стараниями издателя и исследователя литературы ужасов Хью Лама все же увидел свет в 1993 году. В этом же сборнике был впервые напечатан и помещенный ниже рассказ «Княгиня тьмы».

Княгиня тьмы (© Перевод С. Теремязевой.)

I

Весной 1938 года я отправился в Будапешт с одним деликатным поручением. Дело в том, что в последнее время дипломатические круги как минимум пяти европейских стран находились в полном замешательстве из-за некоей княгини Бешшеньи — эту даму после нескольких якобы случайных появлений в венгерской столице заподозрили в международном шпионаже. Впервые она привлекла к себе внимание в 1925 году, когда внезапно приехала в Будапешт и столь же внезапно покинула его через два месяца, бросив своих безутешных поклонников. Примерно через год ее вновь увидели в свете, после чего княгиня стала время от времени наезжать

в столицу, проводя в ней от полутора до трех месяцев.

О княгине Бешшеньи поползли самые ужасные слухи. Говорили, что ее отъезды странным образом совпадали с таинственной смертью мужчин, которые, по слухам, были ее любовниками. Нашлись и такие, кто уверенно заявлял, что у печально известного коммунистического деятеля Белы Куна есть одна близкая знакомая, удивительно похожая на княгиню Бешшеньи, и она лично инспирирует кровавые вакханалии правящего режима. Впрочем, это заявление сочли пустой болтовней — кто поверит в историю о гордой аристократке, связавшейся с отъявленным негодяем, на время захватившим бразды правления венгерским правительством?

Никто не мог припомнить, чтобы хоть раз встречался с княгиней ранее 1925 года. О ней было известно только то, что принадлежит она к древнему венгерскому роду и, по-видимому, обладает несметным богатством. Ее притязания на поместье на границе с Трансильванией не вызвали никаких вопросов, поскольку на карте Венгрии всегда существовало и существует до сих пор место под названием Бешшеньи. История о шпионаже также не выдерживала критики, ибо, как выяснилось, Будапешт был единственным городом, куда приезжала таинственная княгиня. И все же в некоторых кругах информацию о шпионаже восприняли всерьез, в результате чего мне и пришлось отправиться в Венгрию. Моя задача была предельно проста: познакомиться с княгиней и по возможности выяснить ее прошлое.

В те годы — я имею в виду период между двумя мировыми войнами — Будапешт был популярным курортом и излюбленным местом для мошенников всех мастей. Чудный город любви и романтики; до сих пор я грустно вздыхаю, вспоминая мерцание огоньков по берегам Дуная, залитую огнями огромную статую святого Геллерта и вечную цыганскую музыку, звенящую в ночи.

Одним из наших агентов был Иштван Зичи, с которым я подружился во время своих неоднократных поездок в Венгрию. Этот приятный молодой человек имел титул графа и вращался в высшем свете. Радушно встретив меня на вокзале Нюгати, он весело болтал о разных пустяках, пока мы ехали до отеля «Дунапалота», где для меня был заказан номер. Когда мы вошли в номер, я рассказал Иштвану о цели своего приезда. Он, к моему удивлению, сразу стал серьезным и несколько встревожился.

— Не нравится мне это, друг мой, — сказал он. — Княгиня действительно необычная женщина, однако принимать ее за шпионку — это, знаешь ли, смешно. По-моему, она воплощенное зло и поклоняется дьяволу. — Он быстро перекрестился и, заметив мою невольную улыбку, продолжал: — Ах, ты смеешься и думаешь, что Иштван поддался

суевериям? Но я венгр и знаю, как сильны у нас старинные поверья. Что нам известно о княгине Бешшеньи? Дама приезжает в Будапешт, проводит там несколько месяцев и возвращается в свой замок, расположенный неподалеку от Арада. Там никто никогда не бывал, и я слышал, что замок давно превратился в руины. Как только княгиня покидает столицу, странным образом умирает какой-нибудь молодой человек, кому она соизволила подарить свою любовь. Подожди, ты сам ее увидишь. Мурашки по коже побегут, помяни мое слово.

— Однако меня уверяли, — возразил я, — что княгиня обворожительна.

— Конечно, она красавица, — ответил Иштван. — Но мне такая красота не по вкусу. Змея тоже красива — для того, кто любит змей. И вот еще что: где ее родственники? Княгиня часто рассказывает о своем отце, однако тот ни разу не приезжал в Будапешт. Более того, ни один человек его никогда не видел.

— Сам знаешь, порой родственники могут стать досадной помехой, — смеясь, ответил я. — Возможно, дама предпочитает их скрывать.

— Похоже, дама предпочитает скрывать и многое другое, — заметил Иштван. — Хорошо, мой друг, я тебе помогу. Откровенно говоря, работа у тебя незавидная. Завтра вечером тебе устроят встречу с княгиней, а выводы делай сам. Одно тебе скажу: если она и шпионка, то шпионит она в пользу джентльмена, с рогами на голове.

II

На следующий вечер в «Астории» меня представили княгине. Иштван тщательно продумал мою легенду, и я превратился в богатого английского аристократа, посетившего Венгрию на пути в Константинополь.

Трудно описать княгиню и первое впечатление о ней. Это была стройная женщина среднего роста с темно-рыжими волосами и пронзительными зелеными глазами. Я бы дал ей лет тридцать; ее бледное лицо и белые руки казались совершенно бескровными, а губы, напротив, были неестественного ярко-красного цвета. Она протянула мне для поцелуя ледяную руку и улыбнулась, обнажив острые, словно клыки, зубы. На протяжении вечера я присматривался к ней и чувствовал смутное беспокойство. Оживленно болтая и весело смеясь, она походила на обычную молодую женщину, но, когда замолкала, напоминала древнюю старуху. Ни единая морщинка не портила ее прелестное личико, но по

временам это лицо превращалось в застывшую маску, вырезанную из слоновой кости много веков назад. Глаза княгини, в лучах света сверкавшие изумрудами, в тени становились почти черными.

Она оживленно обсуждала всевозможные темы — от политической обстановки в мире до пьесы, идущей в Национальном театре. За вечер княгиня съела лишь пару персиков и выпила немного минеральной воды. Как выяснилось впоследствии, это была ее обычная пища; никто никогда не видел, чтобы она ела что-то более существенное. Я заметил, что главный скрипач цыганского оркестра очень старался держаться от нее подальше; когда же спустился в зал, чтобы поиграть гостям, то обходил наш столик, а если и приближался к нам, то держался за спиной княгини. В какой-то момент она резко обернулась и что-то ему сказала — и я увидел, как в глазах цыгана мелькнул страх.

Потом я еще несколько раз встречался с княгиней, и она неизменно радовалась моему обществу. Через неделю мы стали с ней довольно близкими друзьями; честно говоря, я находил ее весьма привлекательной, хотя иногда, сам не знаю почему, испытывал необъяснимый страх. Однажды мы танцевали в «Хунгарии»; когда вечер подошел к концу, княгиня попросила меня вызвать такси и отвезти ее домой — она снимала квартиру в одном из старинных дворцов Буды. Мы проезжали по цепному мосту Сечени, когда на крутом повороте машину сильно качнуло и княгиня невольно прижалась ко мне. Я обнял ее за плечи; она подняла голову и заглянула мне в глаза. В ее взгляде читался такой явный и страстный призыв, что я не выдержал, наклонился и крепко поцеловал ее в красные губы. Она приоткрыла рот, и тут я почувствовал, как ее острые зубы чуть прикусили мою нижнюю губу. Все это длилось не более секунды, и в следующее мгновение княгиня быстро отодвинулась, издав долгий вздох удовлетворения. Затем тихо рассмеялась. В ее смехе не было и тени веселья; я с неприязнью подумал, что княгиня злорадствует, достигнув некоей цели. Это впечатление только усилилось, когда при расставании она тихо сказала:

— Теперь ты мой навсегда. Сегодня ты увидишь меня во сне.

В ту ночь я действительно увидел ее во сне, и должен признаться, что не хотел бы пережить такое еще раз. Как обычно, перед сном я немного почитал, потом выключил свет и приготовился уснуть. Наверное, я уже начал засыпать, поскольку то, что последовало далее, могло произойти только во сне, хотя и казалось мне явью. Внезапно в окно моей спальни скользнул зеленый луч света, и по нему в комнату тихо вплыла княгиня Бешшеньи. На ней было длинное белое одеяние, ее глаза сверкали, как

холодные изумруды, а изо рта торчали неестественно длинные зубы. Я лежал, не в силах шевельнуться, и чувствовал, что эти зубы сейчас сомкнутся на моем горле. Вот она подходит ближе… из ее рта стекает тягучая слюна. Она откидывает одеяло, склоняется надо мной и одним движением, как змея, впивается мне в шею. Но тут раздался глухой стук, словно костью ударили по металлу, и я понял, что зубы вампирши наткнулись на серебряное распятие, которое я всегда носил на шее. С горестным воплем, полным муки и ярости, она отшатнулась, и ее бледное лицо стало меняться самым ужасным образом. Щеки ввалились, глаза превратились в пустые глазницы, на месте рта зияла черная дыра — передо мной стоял не человек, а иссохший труп… Я проснулся в холодном поту и огляделся по сторонам. Окно спальни было распахнуто, ночной ветер колыхал занавески. Больше в ту ночь я не смог уснуть.

На следующий вечер мы с Иштваном отправились на гала-концерт в оперный театр. Княгиня была уже там в сопровождении нескольких поклонников из немецкого посольства. В антракте мы отправились к ней в ложу, чтобы засвидетельствовать почтение. Я сразу увидел тонкий белый шрам, пересекавший ее рот судя по всему, ожог, оставленный раскаленным металлическим стержнем. Заметив мой взгляд, княгиня делано засмеялась и пробормотала что-то про небрежное обращение с горящей сигаретой.

В следующий раз уж встретились примерно через неделю — случайно пересеклись в «Аллаткерте», Будапештском зоологическом саду. Из-за ненастной погоды в парке было безлюдно; я наткнулся на княгиню около вольера с сибирскими волками. Перебравшись через ограждение, она подошла вплотную к клетке и ласкала зверей, просунув руку сквозь прутья. Я с удивлением увидел, что громадные свирепые звери вели себя как домашние собаки — они ластились к княгине и лизали ей руку.

— Осторожнее! — воскликнул я, подойдя ближе. — Не стоит дразнить их таким лакомым кусочком.

— Они мне ничего не сделают, — ответила княгиня. — Я привыкла к волкам и знаю, когда они опасны.

Отступив от клетки, она подошла ко мне. Мы немного постояли, наблюдая за животными, после чего я пригласил ее перекусить со мной в ресторане. Она извинилась и ответила, что никогда не ест между обедом и ужином, но с удовольствием просто посидит со мной и посмотрит, как я буду пить кофе. Мы зашли в полупустое кафе, сели за столик у стены и завели беседу. Внезапно княгиня спросила:

— Скажите, вы католик?

Я ответил утвердительно. Она продолжала:

— В таком случае у вас наверняка есть какой-нибудь крестик или ладанка, чтобы подарить мне на память? Завтра я уезжаю. Возможно, мы с вами больше не увидимся.

— У меня есть крестик, — ответил я. — Но, видите ли, он мне дорог как память, мне не хотелось бы его отдавать. Пойдем лучше в город, и в честь нашей дружбы я куплю вам какой-нибудь милый сувенир.

— Нет! — довольно резко воскликнула она. — Мне нужна ваша личная вещь, что-то такое, что вы всегда носите с собой. Я успела к вам привязаться, и мне хотелось бы сохранить воспоминания об этих счастливых днях.

Увидев лихорадочный блеск в ее зеленых глазах, я понял, что ей нужен именно мой крест, и ничто другое. Вместе с тем я понимал, что этот крестик — мое единственное оружие, что без него я окажусь во власти неведомых сил. Я очень осторожно переменил тему, и мы принялись весело болтать о разных пустяках. Затем я проводил княгиню к выходу из зоосада, где она остановила такси и протянула мне руку на прощание. Когда я прижался губами к ее холодным пальцам, она шепнула:

— Ты отказал мне в моей просьбе, но знай, крест тебя не спасет. Ты мой навсегда. Я подожду. Ничего, ждать я умею.

Красные губы княгини скривила безжалостная улыбка. Она что-то отрывисто бросила шоферу, и машина умчалась.

Не на шутку встревожившись, я разыскал Иштвана и поведал ему о событиях минувшего утра. Он слушал молча; я рассказал ему и об отношении княгини к волкам, и о ее горячем желании заполучить мой крестик, и о том кошмарном сне.

— Все это подтверждает мои подозрения, — сказал Иштван. — Эта красивая женщина вовсе не та, за кого себя выдает. Если я скажу тебе, кто она на самом деле, ты, боюсь, не поверишь. Тем не менее я убежден, что хотя бы ради собственной безопасности ты должен постараться остановить эту дьяволицу. Ты не мог бы повторить свой рассказ профессору Отто Немецу?

— Ты имеешь в виду знаменитого исследователя и автора множества ученых книг и монографий об оккультизме? — спросил я.

— Именно. Профессор очень интересуется нашей княгиней и, возможно, сможет дать тебе несколько ценных советов.

— С удовольствием встречусь с ним, — ответил я. — Я читал его работы, и если Немец хоть отчасти похож на свои книги, то он поистине замечательный человек.

— Обещаю, он тебя не разочарует, — сказал Иштван.

III

Мой друг отвез меня на квартиру профессора Отто Немеца и представил нас друг другу. Выполнив все необходимые формальности, Иштван сослался на занятость и оставил меня наедине с хозяином. Профессор оказался вовсе не таким, каким я его себе представлял. Вместо высокого и сурового ученого мужа я увидел маленького толстенького человечка с веселыми блестящими глазами. Как только Иштван ушел, профессор первым делом подвел меня к окну, чтобы я насладился потрясающим видом на Дунай, открывающимся с балкона его квартиры. Зрелище, представшее моему взору с высоты четвертого этажа, было поистине чудесным: серебряная лента реки, королевский дворец и церковь Коронации, а за ними, далеко на севере — панорама окутанных голубой дымкой гор.

Внезапно профессор затащил меня обратно в комнату, закрыл окно и сказал:

— А теперь к делу.

Усадив меня на стул, он достал из кармана связку ключей, отпер один из выдвижных ящиков письменного стола, осторожно вынул оттуда завернутый в зеленое сукно небольшой сверток, развернул и протянул мне. Это был написанный маслом портрет княгини Бешшеньи; художнику удалось на редкость точно передать злобный блеск изумрудных глаз и хищный изгиб красных губ.

— Удивительное сходство! — воскликнул я. — Как зовут художника?

— Не зовут — звали. Портрет написал Николаш Эрдеши, который — вы, вероятно, удивитесь — умер в тысяча пятьсот втором году.

— Не может быть! — неуверенно возразил я. — Здесь явно изображена княгиня Бешшеньи, а из ваших слов выходит, что ей больше четырехсот лет!

— Совершенно верно, — ответил профессор и, придвинувшись ко мне, тихо сказал: — Полагаю, именно таков настоящий возраст княгини. За эти четыреста лет она принесла миру немало бед. Не подумайте, что я сошел с ума. Выслушайте меня, прежде чем объявлять мою теорию фантастическими измышлениями.

Профессор предложил мне сигарету, раскурил трубку и продолжал:

— В некоторых районах Венгрии, точнее, в Трансильвании до сих пор верят в существование вампиров. На протяжении многих веков люди считали, что эти существа с помощью черной магии умеют поддерживать в

себе жизнь даже после смерти. Книга Иоганна Кристофера Херенберга «Philosophicae et Christianae Cogitationes de Vampiris» [26]доказывает нам, что этот вопрос давно занимал ученых. Вампиры питаются кровью живых мужчин и женщин; когда питания достаточно, они могут разгуливать среди живых и вести себя как обычные люди. Поскольку время и расстояние не имеют значения для вампира, он может покинуть свою могилу, отправиться к людям и жить среди них около шести месяцев. Вампирская жажда живой крови напоминает любовную страсть, на что и покупается большая часть его жертв. Обычно вампир не боится надолго оставлять «дом» — если, конечно, может обеспечить себе достаточное питание. Лежа в могиле, он сохраняет вид живого человека; так он может существовать многие сотни лет, изредка выходя на поверхность, чтобы пить человеческую кровь. Известно, что в этой части Европы до сих пор живут потомки старинных родов, на которые за какие-то провинности в Средние века было наложено проклятие вампиров. Бешшеньи — один из таких родов. В пятнадцатом веке несколько представителей этого рода запятнали свою честь, связавшись с черной магией. Князь Лоранд был худшим из них. Он продал душу дьяволу и заставлял свою дочь, княгиню Гизеллу, участвовать в мерзких ритуалах сатанистов. Постепенно Гизелла стала убийцей, она внушала ужас всей округе и несла смерть, за что и была казнена в тысяча пятьсот шестом году. К несчастью, из уважения к знатному роду княгиню похоронили в часовне замка Бешшеньи. Лучше бы ее сожгли! Я убежден, что и она, и ее отец выходят из могил, чтобы пожить среди людей. В разные времена эта женщина появлялась в разных странах. Вам она известна под именем княгини Бешшеньи.

— Нет, не могу поверить в такие сказки! — прервал я профессора. — Готов поклясться, что княгиня — женщина из плоти и крови. К тому же сомневаюсь, что ваша теория построена на научной основе. В конце концов, на дворе двадцатый век!

— Да, княгиня действительно существо из плоти и крови, — отозвался Немец. — Только этой плоти более четырехсот лет. Я понимаю, мои слова отдают средневековым мракобесием, и все же я уверен, что не ошибаюсь. Более того, я собираюсь вам это доказать, а заодно избавить мир от дьявольского отродья. Венгры — народ суеверный, и вряд ли среди них я найду себе помощника. Вы англичанин и сможете мне поспособствовать. Если, конечно, захотите.

— Но как это возможно? — взволнованно спросил я, вспомнив обо всех странных происшествиях, случившихся со мной после знакомства с княгиней. Невольно я начал верить словам профессора.

— Не хотите ли поехать со мной в замок Бешшеньи? — предложил маленький профессор. — Гарантирую полную безопасность от живых мертвецов, однако не обещаю, что вам там понравится. Как я успел понять, вы человек хладнокровный и вряд ли испугаетесь того, что останется в вашей памяти навечно.

— Я не боюсь ничего, что поддается объяснению, но ваш рассказ я постигнуть не в состоянии, — ответил я. — По долгу службы я обязан знать об этой женщине все, поэтому я помогу вам. Даже поеду с вами в замок Бешшеньи.

— Отлично! — воскликнул Немец. — Не будем терять время. Отправляемся завтра в девять утра. Кстати, было бы неплохо заглянуть в Национальный архив Венгрии и поискать информацию о семье Бешшеньи.

Профессор подхватил шляпу и трость, и вскоре мы шагали по Хорти-Миклош-Ут. Возле моста профессор остановил такси, мы переехали через реку в Буду, там вышли возле церкви Коронации, рядом с которой, на Бечикапу-Тер, находится современное здание Национального архива. Вскоре мы беседовали с любезным служителем. По венгерской традиции, он сначала предложил нам распить бутылку вина. Затем мы изложили ему цель нашего визита.

— Да, — сказал он. — Я слышал об этом замке, но, насколько я помню, он расположен на спорной территории. Я предоставлю вам всю информацию, какую смогу собрать.

Наш новый знакомый позвонил в колокольчик, вызвал младшего сотрудника и приказал принести необходимые документы и карты. Разложив бумаги перед собой, он сообщил поразительную вещь: оказывается, семья Бешшеньи — во всяком случае, та ее ветвь, что владела замком, — полностью вымерла в 1723 году.

— Как же так, — удивился я, — ведь княгиня Бешшеньи хорошо известна в высшем свете Будапешта!

— Возможно, она происходит из другой ветви, — ответил архивист. — Замок Бешшеньи со всеми прилегающими землями перешел в государственную собственность уже в середине прошлого века. В настоящее время замок — не более чем живописные руины. Из документов следует, что до начала войны за ним присматривал сторож. После подписания Трианонского договора связь с поместьем Бешшеньи, оказавшимся на спорной территории, была утеряна. Говорят, тяжба за земли идет до сих пор. Если хотите туда съездить, это нетрудно, только вряд ли при замке остался хотя бы один смотритель. За последние двадцать — тридцать лет поместьем никто не интересовался.

Мы поблагодарили архивиста за помощь, попрощались и вернулись в Пешт.

IV

На следующий день, ровно в девять часов, профессор был у меня. Разложив на столе карту, он показал мне дорогу, по которой нам предстояло добираться до замка.

— До поместья, — сказал он, — чуть больше сотни английских миль. Только, боюсь, последнюю часть пути придется проделать по скверной дороге, так что до замка мы доберемся не раньше позднего вечера. Было бы неплохо заночевать там. Ну как, сможете выдержать такое испытание?

— Раз уж ввязался в это дело, — ответил я, — я в вашем распоряжении. Если вы считаете, что нужно провести ночь в замке, так оно и будет.

— Превосходно! Да, вот еще что: вы носите крест?

При виде моего серебряного крестика на тонкой цепочке профессор что-то одобрительно проворчал. Мы вышли из гостиницы. У подъезда стояла машина, которую профессор собирался вести сам. На заднем сиденье я заметил две дорожные сумки и небольшой лом.

Мы совершили приятную поездку с короткими остановками в Кешкемете и Сегеде. В Сегеде мы перекусили и полюбовались прекрасной церковью. После Мако шоссе превратилось в пыльную проселочную дорогу, петляющую между кукурузных полей и виноградников. Наконец мы въехали в густой лес, где наткнулись на цыганский табор. Немец остановил машину, подозвал одного из мужчин и попросил проводить нас до замка Бешшеньи. Услышав про замок, цыган явно испугался. Когда профессор повторил свою просьбу, этот человек обрушил на нас целый поток слов, сопровождая их отчаянной жестикуляцией. Насколько я сумел понять, замок находился в дремучем лесу и давно превратился в развалины. Место считается проклятым, и нам лучше объехать его стороной. При этих словах Немец засмеялся и сказал, что приехал навестить княгиню. Цыган испугался еще больше; когда мы уезжали, он что-то умоляюще кричал нам вслед.

— Видите, — сказал мой спутник, — даже цыгане боятся этого замка. Они знают, что в нем притаилось зло.

В лесу было так темно, что профессору пришлось включить фары. Через пару миль между деревьями показался просвет, и вскоре мы увидели

две полуразрушенные колонны — на одной из них еще сохранились остатки семейного герба. За колоннами начиналась главная аллея, ведущая к дому. Впереди над верхушками деревьев высилась одинокая башня, однако больше ничего не было видно, поскольку дорога, заросшая густым кустарником, мало чем отличалась от леса, из которого мы только что выехали. Было уже темно, когда мы подъезжали к дому. Внезапно совсем рядом раздался леденящий душу вой, из кустов вынырнул поджарый серый волк и побежал рядом с машиной, Нажав на тормоз, Немец мгновенно выхватил револьвер и трижды выстрелил в зверя. Трудно было промахнуться с такого близкого расстояния. Тем не менее волк, целый и невредимый, с яростным рыком встал на задние лапы, прыгнул вперед и скрылся между деревьев. И сразу со всех сторон послышалось злобное завывание волчьей стаи.

За покосившимися воротами начинались непроходимые заросли — здесь когда-то был парк. Несколько чахлых деревьев свесились над заросшим камышами озером, куда стекала вода из грязной канавы, которую мы переехали по ветхому мостику.

Мы подъехали к замку, и вблизи я разглядел, что он разрушился почти до основания. С западной стороны стояла круглая башня, за ней виднелось какое-то одинокое строение — по всей видимости, часовня. Остановив машину у главного входа, профессор протянул мне электрический фонарик. Мы вытащили из машины сумки и поднялись по щербатым ступеням.

— Вполне возможно, что здесь все же есть сторож, — сказал Немец, — хотя это маловероятно.

С этими словами он потянул за ржавую цепочку, висящую возле двери. Где-то в глубине здания раздался глухой звон. Когда звуки замерли, послышались шаркающие шаги, и тяжелая дверь распахнулась. На пороге стоял высокий человек, одетый так, как в старину одевались слуги. В руке он держал горящую свечу, и в ее свете глаза человека сверкали странным красным огнем. Признаюсь, мне сразу захотелось оказаться в своем уютном номере отеля «Дунапалота». Однако профессор Немец ничуть не смутился.

— Полагаю, вы сторож? — спросил он.

Человек едва заметно кивнул, и профессор продолжал:

— Мы путешественники и хотели бы у вас переночевать. Это можно устроить?

— Мы живем бедно, — тонким мелодичным голосом ответил сторож. — Но если это вас не пугает, добро пожаловать. Входите, джентльмены. Входите по доброй воле и будьте гостями замка Бешшеньи.

Высоко подняв свечу, он отступил в сторону, и мы вошли в дом. В холле, который можно было считать почти целым, пахло сыростью и гнилью. На одной из стен висел ветхий гобелен, колыхавшийся от порывов ветра, остальные стены густо покрывала зеленая плесень. Не дав нам как следует оглядеться, сторож захлопнул дверь и повел нас вверх по широкой лестнице и узкому коридору — в большую комнату. При слабом свете свечи нашему взору предстали голый пол, массивный стол, два стула и широкая дубовая скамья.

— Это лучшее, что у нас есть, — сказал сторож. — Надеюсь, вы взяли с собой еду, потому что в замке ее нет. Устраивайтесь, здесь все-таки лучше, чем в лесу. — Тихо рассмеявшись, сторож добавил: — Давненько мы не принимали гостей в замке Бешшеньи.

— Вы не могли бы развести огонь? — попросил профессор. — Здесь холодно, как в могиле.

— Сожалею, но дров у нас тоже нет, — последовал ответ. — Мы можем предложить вам лишь крышу над головой да стулья, чтобы дождаться утра. А в могиле вовсе не так холодно, как думают живые.

Внезапно под окном раздался волчий вой. Сторож что-то буркнул, схватил со стола свечу и вышел, оставив нас в полутьме.

Как только за ним захлопнулась дверь, профессор Немец приоткрыл ее вновь и кивком подозвал меня к себе. Мы потихоньку выбрались в коридор, подошли к перилам и глянули вниз. Сторож медленно спускался в холл; от его свечи на влажных стенах плясали странные тени. Двигаясь какой-то неестественной скользящей походкой, он подошел к входной двери, распахнул ее, и в холл метнулась длинная серая тень. Я в страхе отшатнулся от перил. И тут, прямо на наших глазах, волк превратился в женщину. Это была княгиня Бешшеньи. Мы услышали тихие голоса, затем женщина подняла голову и взглянула туда, где стояли мы с профессором. Немец схватил меня за руку и оттащил в тень, откуда мы увидели, как две фигуры скрылись за дверью у лестницы. Мы переждали несколько минут и молча вернулись в комнату.

— Итак, теперь все ясно, — сказал профессор, запирая дверь на ржавый засов. — Княгиня здесь, а сторож вовсе не тот, за кого себя выдает. Нам надо подготовиться к ночи.

Он принялся распаковывать сумки и первым делом достал мощный электрический фонарь, осветивший большую часть нашей мрачной камеры. Мы увидели, что пол в ней покрыт толстым слоем пыли, а на окнах висит густая паутина. Над широким камином и двумя окнами красовался фамильный герб. Немец вытащил из сумки связку чеснока,

разложил несколько головок на пороге и подоконниках, затем поставил на стол два медных подсвечника, вставил в них длинные тонкие желтые свечи и зажег их.

— Это защита от прямого нападения, — пояснил он. — Не знаю почему, но вампиры не выносят запах чеснока. К тому же он мешает им творить заклинания. Эти свечи освящены архиепископом церкви Сретения Господня, а для верности я окроплю комнату святой водой.

Он достал из кармана фляжку и стал читать молитву, одновременно окропляя святой водой углы помещения. Когда все было готово, мы сели за стол и подкрепились бутербродами, запивая их сельтерской.

— Ну вот, теперь можно спать, — сказал профессор, покончив с едой. — Ни в коем случае не выходите из комнаты, не открывайте дверь и окна.

Мы еще немного посидели, беседуя на обычные темы, которые в этой зловещей обстановке казались мне до смешного нереальными. Внезапно я почувствовал, что засыпаю. Мой компаньон, как я заметил, тоже боролся со сном. Наконец, уронив голову на руки, он уснул. Должно быть, и я погрузился в сон, хотя мне казалось, что я ни на секунду не сомкнул глаз. И тут я увидел, что в камине появилась красноватая дымка. Она начала сгущаться, превращаясь в мельчайшие частицы сверкающей пыли, плясавшие в свете электрического фонаря. Затем частички потянулись друг к другу, соединились… в дымке показались очертания чьей-то фигуры… и предо мной предстала княгиня Бешшеньи. Ее зеленые глаза излучали нежность и призыв. Она кивнула мне, приглашая следовать за собой. Я знал, что, прежде чем встать, я должен снять с шеи серебряный крестик, однако не мог поднять руки, словно был прикован к стулу. Женщина заметила мои бесплодные попытки повиноваться ее немому приказу, и ее лицо изменилось: на нем отразились гнев и разочарование, рот перекосила злобная улыбка, между губами блеснули длинные белые клыки. Но вот ее вновь скрыла дымка, в воздух взметнулся столб красной пыли, и княгиня исчезла. Меня разбудил вой голодного волка, эхом разлетевшийся под сводами замка. Немец был уже на ногах; прижав к губам палец, он знаком велел мне молчать. Из-за двери доносились хриплые голоса, затем вновь раздался волчий вой.

— Не бойтесь, все в порядке, — шепнул профессор.

Он начал объяснять, что вампиры часто принимают образ волков и в таком виде утоляют жажду крови. Думаю, тихий и монотонный голос профессора убаюкал меня во второй раз. Когда я проснулся, сквозь грязные окна в комнату струился солнечный свет. Профессор Немец колдовал над

спиртовкой, и по комнате расплывался приятный аромат горячего кофе.

V

Мы плотно позавтракали, так как мой компаньон прихватил с собой щедрый запас провизии. Однако, как я вскоре заметил, мяса он не взял: когда имеешь дело с нечистью, объяснил профессор, лучше не употреблять мясные продукты. После завтрака мы упаковали вещи и подготовились к отъезду.

— Но главную задачу мы пока не выполнили, — сказал профессор. — Мы приехали сюда, чтобы избавить мир от злобной твари, и мы это сделаем. Правда, для этого понадобится все наше мужество. Да поможет нам Бог.

Он открыл дверь, и мы с сумками в руках вышли в коридор. Внезапно я вскрикнул и остановился. На пыльном пороге комнаты было нацарапано: «Ты мой навсегда». Должен сказать, что за все время знакомства с княгиней Бешшеньи ничто не повлияло на меня так сильно, как это странное послание. Я буквально затрясся от страха, и Немецу потребовалось немало усилий, чтобы успокоить меня и привести в чувство. Но даже после этого мне отчаянно хотелось бросить все и удрать, и я бы удрал — если бы смог придумать, как сделать это достойно.

Мы спустились вниз. Сторожа не было; в холодном свете дня замок еще сильнее, чем ночью, напоминал заброшенные развалины. Мы заглянули в несколько комнат на первом этаже: если не считать обломков старинной мебели, они были совершенно пусты. В зале, когда-то служившем столовой, в нескольких местах со стен слетела лепнина, и на ее месте торчали птичьи гнезда.

Прежде чем уложить сумки в машину, профессор Немец достал и засунул в свои необъятные карманы следующие вещи: деревянное распятие, грозного вида кинжал, горсть чеснока и бутылку со святой водой. Сжав в руке ломик, он решительно зашагал в сторону часовни.

Это было небольшое и довольно изящное здание, построенное в начале четырнадцатого века. Дверь отворилась от одного прикосновения, и в лицо нам пахнуло холодным и влажным воздухом. Внутри часовня была грязной, заваленной отвалившимися от стен камнями. В окнах еще торчали осколки цветного стекла; у восточной стены располагался каменный алтарь. Поднявшись по ступенькам, профессор осмотрел венчавшую алтарь каменную плиту, изгаженную птичьим пометом. Немного отчистив

плиту от грязи, он обратил мое внимание на темные коричневые пятна, хорошо видные в центре. Пять нарисованных на плите освященных крестов были замазаны грязью, рака для святых мощей была пуста.

— Здесь они совершали жертвоприношения, — пояснил профессор. — Вот доказательства того, что алтарь служил для богохульных ритуалов черной мессы.

За алтарем мы обнаружили ступеньки, уходящие куда-то вниз, словно под землю. Оказалось, что они ведут к маленькой двери, на которой был изображен знакомый герб.

— Теперь начинается самое главное, — сказал Немец. — Здесь находится усыпальница рода Бешшеньи, и здесь мы найдем то, за чем пришли. Помолимся, чтобы Господь дал нам силы завершить это ужасное предприятие.

Преклонив колени перед осквернённым алтарем, мы вознесли молитву, прося Господа благословить нас и защитить от сил зла. После чего профессор спустился по ступенькам и попытался открыть дверь подземелья. Она была заперта на ржавый замок, однако профессор пустил в дело лом, и вскоре дверь распахнулась. С диким, пронзительным писком, от которого у меня в жилах застыла кровь, из темноты стремительно вылетело какое-то существо и, взмыв вверх, заметалось под сводами часовни. Это была всего лишь крупная белая сова, но наши нервы, и так натянутые до предела, едва не сдали. Честно говоря, будь на то моя воля, я бы давно бросил эту затею, однако профессор быстро справился с собой, коротко рассмеялся и, подняв фонарь, осветил подземелье. Жуткое зрелище предстало нашим глазам. В нишах вдоль стен помещались гробы всевозможных форм и размеров; со многих были сброшены крышки. Тут и там валялись кости и останки человеческих тел, на которых еще сохранились куски засохшего мяса. В центре склепа стояли два свинцовых гроба.

— Вот они, — сказал профессор, заходя в склеп. — Остальные нам не нужны, поскольку это обычные человеческие тела, подвергшиеся разложению.

Профессор передал, мне фонарь и велел держать его так, чтобы был хорошо виден первый гроб, после чего взял ломик и поддел крышку. Она оказалась вовсе не запечатанной. Немного сдвинув крышку в сторону, профессор взялся за нее руками. Очевидно, она была не такой тяжелой, как он думал, поскольку легко поддалась. И что же мы увидели? В свинцовом ящике лежало тело человека, которого мы приняли за сторожа замка Бешшеньи. «Сторож» как будто спал, его жестко очерченный рот кривился

в злобной усмешке.

— Так я и думал, — пробормотал профессор Немец. — Это князь Лоранд. Считается, что он умер в пятнадцатом веке. Можете взглянуть — вот он, лежит в могиле, а когда нужно, выходит на свет божий. А теперь посмотрим, что у нас тут.

Мы взялись за крышку второго гроба, легко подняли ее и поставили на пол. Конечно, я догадывался, какое зрелище может предстать передо мною, однако то, что я увидел повергло меня в шок. Луч фонаря осветил княгиню Бешшеньи во всей красе, мирно почивающую в могиле. Впрочем, трудно было сказать, что она спит, ибо ее широко открытые глаза с презрительной усмешкой смотрели на нас. Глядя на прекрасное лицо княгини, невозможно было поверить, что эта женщина бродит по земле более четырех столетий, а ее жизнь поддерживается за счет крови невинных людей. Да, теперь я все понял.

Мы вернулись к первому гробу, и профессор вытащил кинжал. Шепотом велев мне крепче держать фонарь, он взмахнул рукой и с силой вонзил кинжал в сердце лежащего в гробу существа. Раздался оглушительный вопль, тело изогнулось, забилось в судорогах и на наших глазах рассыпалось в прах. На Немеца это зрелище не произвело никакого впечатления, он бросил в гроб несколько головок чеснока и плеснул туда святой воды. Мы нагнулись, чтобы подобрать крышку и положить ее на место, и вдруг фонарь выпал у меня из рук. Склеп погрузился в темноту. Я лихорадочно шарил по полу, пытаясь нащупать фонарь, когда тишину склепа прорезал пронзительный визгливый смех. Мы мгновенно обернулись и увидели: в узком дверном проеме, озаренная бледным светом, стояла княгиня Бешшеньи. Ее зеленые глаза горели адским злобным огнем. Не мешкая ни секунды, профессор выхватил револьвер и выстрелил в призрака. Напрасный труд — пули пролетели мимо.

Властно подняв руку — при этом мы с профессором окаменели, — княгиня произнесла:

— Немец, ты забрал, у меня моего отца, и за это ты поплатишься. Ты не смог меня одолеть, и теперь ничто не спасет тебя от моей мести, ибо мы, живые мертвецы, ничего не забываем.

Затем она взглянула на меня и, загадочно улыбнувшись, сказала:

— К чему повторять тебе то, что ты и сам знаешь? Ты мой, и останешься моим навеки. Твои губы коснулись моих; пусть нас разделяют годы и океаны, наступит день, и я приду за тобой.

С этими словами она исчезла. В тот же миг к нам вернулись силы, и мы бросились к выходу из подземелья. Княгини в часовне не было, лишь

белая сова, хлопая крыльями, с насмешливым уханьем нырнула во тьму склепа.

Профессор казался ужасно расстроенным.

— Поздно! — простонал он. — Слишком поздно. Я не должен был забывать, что она отлично владеет черной магией, так просто ее не взять.

Мы сели в машину и вскоре уже ехали по лесу. Всю дорогу Немец молчал. Он вел машину на бешеной скорости, словно хотел уйти от преследующего нас ужаса. К вечеру мы были в Будапеште. Как только мы оказались в моем номере, я дал профессору рюмку крепкого бренди, однако это не помогло.

— Прежде чем мы расстанемся, — сказал он мне перед уходом, — я хочу вас предупредить. Это существо питает к вам страсть, в некотором роде напоминающую страстную любовь, и не успокоится, пока не сделает вас своей жертвой. Учтите, ждать она может долго — многие годы. Вам остается только одно: защищаться любой ценой. Я боюсь за вас и за себя. Княгиня сказала, что отомстит, и она сдержит клятву. Да поможет вам Бог, друг мой. Если все будет хорошо, завтра я вас навещу.

Больше я его не видел. В ту же ночь профессор Немец был убит самым зверским образом. Следствие пришло к выводу, что в квартиру несчастного каким-то образом забрался дикий зверь, поскольку тело профессора было растерзано в клочья. Но я-то знаю, отчего погиб Немец. Я видел ужас в его остекленевших глазах, я помню огромного серого волка возле замка Бешшеньи.

Теперь моя очередь. Пока со мной мой серебряный крестик, я в безопасности, однако я знаю — она найдет способ преодолеть его силу. Я пишу эти строки с надеждой: может быть, найдется храбрец, которому с Божьей помощью удастся уничтожить гнездо живых мертвецов. Я покидаю этот город со страхом в душе, ибо знаю, что она будет преследовать меня, пока существует этот мир.

Постскриптум доктора Реджинальда Стейнса, военного врача психиатрической клиники города Истдаун, Аевон

Данная рукопись принадлежит Харви Гортону, бывшему сотруднику дипломатической службы, поступившему в нашу клинику 10 ноября 1939 года с диагнозом «острое психическое расстройство». По словам пациента, его постоянно преследовала некая женщина, которую он называл «княгиня Бешшеньи». В остальном пациент вел себя совершенно спокойно и не

доставлял нам никаких забот. Более того, он оказался весьма образованным человеком, и мы часто проводили время в приятных беседах, обсуждая международную обстановку. Его крайне беспокоила надвигающаяся война, а особенно судьба Венгрии — он трогательно любил эту страну. Если бы так все и развивалось, через несколько месяцев мистера Гортона можно было бы выписать из клиники.

Второго декабря, после легкого снегопада, он отправился на прогулку. Неловко ступив, Гортон запнулся о корень дерева, упал, скатился на набережную и сильно ударился плечом. Вернувшись в клинику, он пожаловался на сильную боль. Рентгеновский снимок показал перелом верхней части плечевой кости. Было решено провести операцию под анестезией. У Гортона на шее висел маленький серебряный крестик; хирург хотел его снять, чтобы лучше рассмотреть плечо, но пациент пришел в сильное возбуждение и сказал что снимать крест ни за что не позволит. Мы ввели ему в вену пентонал, и Гортон уснул. Во время операции сестра сделала неловкое движение, задела цепочку, которая порвалась, и крестик упал на пол. Гортон спал не более сорока секунд; затем его отвезли в палату, и о крестике забыли. Придя в себя и не обнаружив на шее крестика, больной пришел в такое волнение, что я распорядился немедленно отыскать пропажу. К сожалению, в операционной успели прибраться. Если крестик и был найден, то находился в запертом ящике стола сестры-хозяйки, к тому времени закончившей дежурство и покинувшей больницу.

Я пытался успокоить Гортона, но он меня не слушал и требовал, чтобы кто-нибудь немедленно взломал стол. Я видел, что пациент становится буйным, и во избежание неприятностей ввел ему сильнодействующее снотворное.

Вечером я убедился, что пациент крепко спит, и отправился в дом викария, где провел час, обсуждая с женой викария организацию занятий по оказанию первой медицинской помощи. Едва мы обсудили все вопросы, зазвонил телефон, и меня попросили срочно приехать в клинику.

Там творилось что-то невообразимое. Мой заместитель доктор Снелл сообщил, что через пять минут после моего ухода в клинику пришла какая-то женщина и попросила разрешения навестить Гортона. Судя по акценту, это была иностранка. Ее проводили в приемную, и сестра пошла к доктору Снеллу, чтобы передать просьбу посетительницы. Естественно, в свидании было отказано; когда сестра вернулась с ответом, в приемной уже никого не было. В это время сверху послышался дикий вопль, и весь персонал бросился по лестнице к палатам больных. Там они увидели, что дверь

палаты Гортона распахнута настежь. Бедняга лежал поперек кровати мертвый. При осмотре трупа я обнаружил, что в его жилах совсем не осталось крови; как это произошло, я объяснить не в состоянии. Повреждений на теле практически не было, если не считать двух крошечных ранок на шее.

Гарри Килворт

Гарри Килвортродился в 1941 году в Йорке, но много путешествовал по миру в детские годы вместе с отцом — пилотом Королевских ВВС (каковым впоследствии семнадцать лет прослужил сам). Позднее, уже в зрелом возрасте, он с отличием окончил Лондонский университет.

В 1974 году его рассказ «Пойдем на Голгофу!» победил на литературном конкурсе, организованном газетой «Санди таймс». В дальнейшем Килворт написал более сотни рассказов и свыше шестидесяти романов в научно-фантастическом, фэнтезийном, историческом и других жанрах; в 1980 году он дебютировал как автор детских книг, также имеющих научно-фантастическую или фэнтезийную направленность и принесших ему множество наград.

Произведения Килворта четырежды номинировались на Всемирную премию фэнтези: в 1985 году «Певчие птицы боли» были номинированы в категории «Лучший сборник», в 1988 году — «Свиная ножка и птичьи лапки» в категории «Лучший рассказ», в 1992 году — повесть «Рэгторн», написанная в соавторстве с Робертом Холдстоком, в категории «Лучшая повесть» и, наконец, в 1994-м — «Свиная ножка и птичьи лапки», вновь в категории «Лучший рассказ».

Килворт признается, что он обожает писать. По его словам, если бы завтра это занятие объявили незаконным, он стал бы преступником.

Рассказ «Серебряный ошейник» был впервые опубликован в антологии «Крови недостаточно» под редакцией Эллен Датлоу (Нью-Йорк: Морроу, 1989).

Серебряный ошейник (© Перевод С. Теремязевой.)

Одинокий шотландский остров показался вдали, когда солнце уже клонилось к закату. Там, где кончалась природная гавань, озаренные солнечными лучами морские волны легонько бились о берег, потряхивая белыми гривами. Мой катер с урчанием пробивался вперед, навстречу отливу; время от времени, когда волна подбрасывала его вверх, двигатель завывал на самой высокой ноте и лопасти винта молотили воздух. Когда я добрался до пирса, луна уже заливала холодным светом берег и поросшие пурпурным вереском холмы. В этом пустынном месте — одна голая почва да камни — царила какая-то душная атмосфера. Жесткая трава и густой

кустарник приникли к земле, чтобы блеклым ковром прикрыть ее неровности, спрятать наготу острова от любопытных взоров.

Как мне и обещали, он ждал меня на причале. Высокая угловатая фигура четко выделялась на фоне плоских холмов, как кусок гранитной скалы, на вершине которой стоял его дом.

— Я привез продукты, — сказал я, когда он подхватил брошенный мною канат.

— Хорошо. Зайдете ко мне? Дома горит очаг, тепло, да и виски найдется. Что может быть лучше стаканчика виски у огня, когда в комнате приятно пахнет дымком?

— Мне бы надо вернуться с отливом, — ответил я, — так что лучше я направлюсь обратно.

Нельзя сказать, что я не хотел принимать приглашение этого отшельника, этого странного затворника — напротив, он был мне очень интересен. Однако на следующий день я должен был уйти в плавание вместе с рыбаками.

— Бросьте, выпьем немного, время еще есть. — Его голос долетел до меня вместе с порывом холодного ветра, словно на нас дохнул ледяной север.

Я решил, что стаканчик виски у горящего камина придаст мне сил для обратного пути, и согласился. К тому же он говорил так настойчиво, что отказаться было попросту невозможно.

— Что ж, благодарю вас. Подождите минуту… Ну, показывайте дорогу.

И я последовал за ним, худым и гибким. Мы шагали по зарослям колючего вереска, царапавшего ноги даже сквозь толстые носки. Судя по тому, что тропа была едва заметна, большую часть времени мой хозяин проводил в доме или во дворе, ибо даже при лунном свете на пологом склоне холма не было заметно следов колес.

Когда мы подошли к дому, он распахнул деревянную дверь, пропуская меня вперед. Усадил у огня, налил мне щедрую порцию виски, после чего сел сам. Я слушал, как в деревянных балках и крытой дерном крыше гудит ветер, и ждал, когда заговорит мой новый знакомый.

— Ведь вас зовут Джон? — спросил он. — Мне по радио передали.

— Да, а вы Сэмюел.

— Сэм. Зовите меня просто Сэм.

Я согласился, и мы замолчали, разглядывая друг друга. Торф — неважное топливо: когда из него выходит газ, он горит, разбрасывая искры и разноцветные огоньки; и все же его используют с незапамятных времен.

При вспышках огня, когда торф рассыпал снопы искр, я мог разглядеть лицо моего собеседника. Трудно было определить его возраст, но я знал, что этот человек гораздо старше меня. Видимо, он думал о том же, поскольку после недолгого молчания спросил:

— Джон, сколько вам лет? На вид около двадцати.

— Почти тридцать, Сэм. Недавно исполнилось двадцать шесть.

Он кивнул и сказал, что слишком редко видит людей и разучился правильно определять их возраст. Недавние события он почти позабыл, зато прошлое помнит отлично.

Сэм наклонился к шипящему огню, словно хотел вдохнуть аромат старины, исходящий от пылающего очага. Мне показалось, что глинобитные стены дома, скрепленные толстыми бревнами и нетесаными камнями, сдвинулись, словно хотели подтвердить его слова. Я почувствовал, что сейчас услышу какую-то историю. Я не раз бывал в долгом морском плавании и знал эту позу — так усаживается человек, когда готовится начать рассказ. Оставалось надеяться, что его история не займет слишком много времени.

— Вы красивый молодой человек, — произнес Сэм. — Таким же и я был когда-то.

Он замолчал и принялся ворошить торф. На мгновение его озарила вспышка голубовато-зеленого пламени, и я увидел высокие скулы, туго обтянутые кожей, и очень бледное лицо — наверное, виной всему суровый климат этих островов, где солнце почти не появляется из-за туч, приносящих с севера белую завесу туманов и дождей. Да, когда-то этот человек был красив. Он и сейчас был красив. Вглядевшись в его лицо, я с удивлением заметил, что он вовсе не так стар, как мне показалось.

— Давным-давно, — начал он, — когда по улицам ездили конные экипажи, все было совсем по-другому…

Меня отвлек резкий свистящий звук — ветер задул сквозь плотно пригнанные бревна. Конные экипажи? Что это? Мне собираются рассказать детскую сказочку? Однако Сэм продолжал говорить. Вот его рассказ от первого лица.

Улицы в те времена освещались газом, а у людей были совсем иные ценности. Иные верования. Тогда мы были более язычниками, что ли. Мы верили в темные силы. Век машин отучил нас от этого. Мистика и язычество не выживут в век машин. Сверхъестественное может существовать только рядом с естественным, а природа с тех пор сильно изменилась. Да, теперь мы живем в другом мире — и боимся совсем других

вещей. Когда я был молодым, я боялся того, что вы сочтете просто смешным. Например, я боялся попасть в безвыходное положение: скажем, влюбиться в женщину не своего круга. Вы понимаете? Именно это со мной и случилось. Мне было примерно столько же лет, сколько вам, а может быть, даже меньше. Меня только что перевели из учеников в подмастерья. Я был ювелиром и работал с серебром. Вы знали об этом? Ну конечно нет. Я был способным учеником, очень способным. Хозяин поставил меня управлять одной из трех его мастерских, и я раздувался от гордости. Так вот, однажды вечером, как обычно, я работал, и тут вдруг звякнул дверной колокольчик.

Я как раз зажег газовые лампы, освещавшие мастерскую, и поспешил к прилавку, чтобы встретить покупателя. Дверь осталась открытой, и в наше подвальное помещение ворвались звуки улицы: было слышно, как по выложенной булыжником мостовой с грохотом проезжают экипажи, крики уличных мальчишек и цветочниц сливались с гудками пароходов. Стараясь держаться как можно вежливее, я обошел посетительницу и закрыл за ней дверь. Затем, повернувшись к ней, спросил:

— Я могу вам помочь, госпожа?

На ней был дорогой атласный плащ, какие могли себе позволить лишь самые богатые дамы. Она откинула капюшон, открыв свое лицо — ничего более прекрасного я никогда не видел в мире. Ее лицо светилось дивной неземной чистотой, и это было нечто большее, чем безукоризненные черты и кожа. А ее глаза — как мне их описать? Словно черные зеркала, где отражалась твоя душа. Темные волосы, уложенные в высокую прическу, контрастировали с ее кожей, бледной, как зимняя луна, и нежной, как бархат, которым я полировал серебро.

— Да, — ответила она. — Вы можете мне помочь. Вы ведь ювелир?

— Подмастерье, мадам. В этой мастерской я заменяю хозяина.

Она была чем-то взволнована, ее пальцы нервно теребили сумочку.

— Я… — начала она и запнулась. — У меня к вам необычная просьба. Вы умеете хранить тайны, ювелир?

— Умею, если это требуется клиенту. Вам нужна какая-то необычная вещь? Что-то такое, чем можно удивить? У нас есть изделия очень тонкой работы. — Я вытащил поднос с нашими изделиями. — Эти вещи подойдут и даме, и джентльмену. Как вам нравится эта шкатулка для сигар? Взгляните, на крышке изображен орел, он сделан из тончайших серебряных нитей. Эта шкатулка сделана на заказ, но если нужно что-то особенное…

Я замолчал, поскольку дама начала проявлять признаки нетерпения.

— Мне нужно нечто совсем иное. Специально для меня. Я хочу, чтобы

вы сделали ожерелье. Серебряное ожерелье. Это возможно?

— Все возможно, — с улыбкой ответил я. — Разумеется, если вы дадите мне время. Вы хотите, чтобы я сделал вам серебряное украшение на шею? Что-то вроде обруча?

— Нет, вы меня не поняли. — Белоснежный лоб дамы прорезала морщинка. Она тревожно оглянулась на дверь. — Возможно, я совершила ошибку…

Я испугался, что потеряю клиента, и стал уверять даму, что смогу исполнить любое ее пожелание. И вновь повторил, что умею держать язык за зубами.

— Об этом не будет знать никто, кроме мастера и клиента — меня и вас.

Она улыбнулась чарующей колдовской улыбкой, и мое сердце растаяло. В тот миг я мог сделать для нее все, что угодно, даже ограбить своего хозяина, и она это почувствовала.

— Простите, — сказала она. — Я давно должна была понять, что вам можно доверять. У вас доброе лицо. Благородное. Людям с таким лицом можно верить. Я хочу, чтобы вы… я хочу, чтобы вы сделали мне такое ожерелье, чтобы оно закрывало мне всю шею, особенно горло. Вот, смотрите, у меня есть рисунок — такие украшения носят некоторые племена в Африке. Женщины надевают металлические кольца, закрывающие шею от плеч до самого подбородка. Я хочу, чтобы вы сделали мне такое же, только не из колец, а из единой пластины, понимаете? И чтобы она плотно охватывала шею, так плотно, чтобы… — Тут она схватила мою руку своими затянутыми в перчатку пальчиками. — Чтобы под нее нельзя было подсунуть даже ваш мизинец.

Честно говоря, эта просьба меня изумила. Я попытался объяснить даме, что подобную конструкцию носить невозможно, что кожа под ней не сможет дышать, будет болеть, и шея станет безобразной.

— Если металл натрет кожу, вы не сможете надевать ожерелье. Понимаете, постоянное раздражение вызовет…

Она отпустила мою руку и сказала, что я вновь понял ее неправильно. Эту вещь она собирается носить постоянно. Как только я закреплю пластину у нее на шее, она ее больше не снимет. Никакого замка или чего-то в этом роде не требуется. Она желает, чтобы я заварил металл.

— Но как же… — начал я, но дама перебила меня.

— Ювелир, я высказала свою просьбу, свое пожелание. Вы выполните заказ или мне обратиться к другому мастеру? Мне бы этого очень не хотелось, поскольку мы с вами уже начали друг друга понимать. Буду

откровенной. Серебряная пластина нужна мне для… как бы это сказать… для защиты. Понимаете, мой будущий муж не похож на обычных людей, но я его люблю. Не хочу отвлекать вас долгими разговорами, тем более что это личное дело, но пластина нужна для того, чтобы… чтобы мой брак был счастливым в течение определенного времени. Это время — моя жизнь. Вы должны меня понять! Если сейчас вы попросите меня уйти, я уйду, но все же я прошу вас помочь мне. Ведь вы молоды и знаете, что такое муки любви, когда она не имеет своего естественного завершения. Вы молоды и красивы, у вас наверняка есть возлюбленная. Представьте: если бы с ней что-нибудь случилось, если бы она заболела, неужели вы бы ее бросили? Нет, я уверена, вы бы попытались бороться с бедой и остались рядом со своей любовью, приняв меры предосторожности. Я права?

Едва шевеля губами, я выдавил одно слово — «да». Перед глазами вставали страшные картины: прекрасную молодую женщину терзает жуткое чудовище, мерзкое порождение ночного мрака, не имеющее права даже приближаться к ней, не говоря уж о том, чтобы прикасаться к ее благословенной коже и целовать — я представлял себе, как именно, — эти нежные влажные губы, прижимаясь к ним слюнявым ртом. Как это возможно? Сама мысль об этом заставляла меня содрогаться.

— Понимаю, — с улыбкой произнесла она, — вы хотите меня спасти. Думаете, он мерзкий урод, который меня загипнотизировал? Ошибаетесь. Он красив — если бы вы его видели, то согласились бы со мной. Он нежный, добрый, благородный. В общем, в нем есть все, что нравится женщинам. Он получил блестящее образование. Его кровь…

Поморщившись, я сделал шаг назад, но она увлеклась перечислением его достоинств и забыла обо мне, поэтому продолжала мечтательно говорить:

— У него поистине голубая кровь, он принадлежит к королевскому роду и является отпрыском одной из самых древних фамилий Европы. Я люблю его, но не хочу становиться такой, как он, ибо это разрушит мою любовь…

— И он… конечно, без ума от вас, — осмелился предположить я.

На мгновение ее прекрасные глаза затуманились. Затем она ответила:

— Да, он любит меня — по-своему. Понимаете, мне вовсе не нужно, чтобы мы испытывали друг к другу одинаковую любовь. Мы просто хотим быть вместе до конца наших дней. Из всех мужчин на свете мне нужен только он, и я не собираюсь терять его из-за препятствия, возникшего не по нашей вине. Эту преграду установила на нашем пути несправедливая природа. Ему себя уже не переделать, а я хочу быть с ним. Вот и все.

Последовало долгое молчание. У меня пересохло в горле, я не мог произнести ни слова; в глубине моей души что-то отчаянно билось и трепетало, словно запутавшийся в сетях зверек. Я оказался в немыслимой ситуации, и мне даже не хотелось раздумывать над ней: постигнув ее смысл, я бы наверняка, как дурак, с воплем выскочил из лавки, что непременно привлекло бы внимание соседей.

— Так вы исполните мою просьбу, мастер?

— Но, — пробормотал я, — если у вас будет широкий металлический ошейник, закрывающий горло, как же… — Я замолчал в надежде, что она меня поймет. — Как же остальные части тела? Руки, бедра…

Она рассердилась.

— Слушайте, он ведь не животное! Он джентльмен. Я лишь хочу защититься на случай… если он потеряет голову. Моей жизни ничего не грозит. Это чувственное и духовное общение, а то, что вы предположили, — в ее голосе слышалось отвращение, — ничем не отличается от изнасилования.

Она очень распалилась, и у меня не хватило духу сказать, что ее возлюбленному придется хоть где-то удовлетворять свою страсть и таким образом забывать о манерах и моральных принципах джентльмена.

— Так вы мне поможете?

Ее глаза молили меня. Чтобы не видеть их, я стал смотреть в сторону — за окошко, на залитый желтым светом кусок улицы. Но эти глаза притягивали меня, и через секунду я вновь смотрел на женщину. Под ее мучительно-беспощадным взором я чувствовал себя совершенно беспомощным, как птичка, попавшая в силки. Разумеется, я сдался.

Я ответил согласием. Словно во сне, я услышал свой голос, сказавший «да», после чего, проводив даму в мастерскую, приступил к работе. Сделать широкую серебряную пластину — дело нехитрое, гораздо сложнее оказалось заварить шов. Поскольку операция это болезненная, я выполнял ее медленно, постепенно и провозился до самой ночи. Инстинктивно я то и дело поглядывал на окно, и один раз незнакомка тихо заметила:

— Не бойтесь, он не придет.

Шея у нее была прекрасная, длинная и изящная. Заковать ее в металл — это казалось мне святотатством, и я постарался сделать ошейник как можно красивее, украсив его узорами. По просьбе дамы я нанес на серебро тонкую гравировку и рисунки: там, где проходила сонная артерия, я изобразил распятого Христа, а также Зевса с Ледой и Зевса с Европой. Громовержец предстал в зверином обличье — в виде лебедя и быка. Подозреваю, даме нравилось думать, что ее избранник подобен божеству.

Когда работа была закончена, незнакомка расплатилась и ушла. С тяжелым сердцем я смотрел, как она скрылась в утреннем тумане. Что я мог поделать? Я был простым ремесленником и не имел права вмешиваться в чужую жизнь. Возможно, следовало быть настойчивее и попытаться ее переубедить, но, боюсь, она не стала бы меня слушать. Кроме того, я уже успел по уши в нее влюбиться и решил, что когда она поймет свою ошибку, то придет ко мне опять, чтобы снять ошейник.

Я умирал от желания увидеть ее, прекрасно понимая, что у меня нет никакой надежды на любовные отношения с ней. Она была не моего круга — точнее, я был не ее круга, и ее красота была для меня недосягаема, несмотря на мою молодость и привлекательность. Меня даже называли красивым, ничего грубого и сурового в моей внешности не было.

Но, несмотря на физические достоинства, у меня не было никаких надежд привлечь к себе внимание знатной дамы. Самое большее, на что я мог рассчитывать, это стать ее слугой.

Через три недели она вновь появилась в лавке. Вид у нее был весьма смущенный.

— Я хочу, чтобы вы его сняли, — сказала она. — Он мне больше не нужен.

Мои пальцы дрожали, когда я снимал ошейник, хотя это было куда проще, чем надеть его.

— Вы бросили вашего жениха? — спросил я. — Он сюда не прибежит?

— Нет, вы ошибаетесь. — В ее глазах появилось какое-то загнанное выражение, и у меня по спине пополз холодок. — Дело не в этом. Я была слишком недоверчива. Если я действительно его люблю, то должна исполнять любое его желание. Я должна посвятить себя ему полностью, без остатка. Понимаете, он нужен мне, а я — ему, но когда на мне этот ошейник, я не могу дарить ему ту любовь, какая ему нужна. Теперь я поняла, что поступила очень эгоистично. Я должна пойти к нему…

— Вы с ума сошли! — забывшись, воскликнул я. — Вы станете такой же, как он! Вы станете…

— Как вы смеете! Как вы смеете учить меня? Делайте свою работу, ювелир! Снимайте ошейник!

Как всегда при разговоре с человеком, занимающим более высокое положение, я струсил и проявил слабость. Я разрезал ошейник, снял его и отложил в сторону. Она потерла шею и громко пожаловалась, что с нее слезает кожа.

— Какая гадость, — проговорила она. — Теперь он меня разлюбит.

— Вам надо благодарить за это Бога! — набравшись смелости, воскликнул я.

Она пристально взглянула мне в глаза, и на ее лице появилось странное выражение.

— Вы влюблены в меня? Ах, теперь понятно, почему вы так взволнованы. Простите меня. Я подумала, что вы просто назойливы и любите совать нос в чужие дела. Вы беспокоились обо мне, а я и не заметила. Милый мальчик, — добавила она и легонько провела пальцами по моей щеке. — Не надо грустить. Ничего уже не исправить. Найдите себе какую-нибудь милую девушку и постарайтесь меня забыть, потому что больше мы не встретимся. Не бойтесь за меня. Я знаю, что делаю.

С этими словами она подобрала свои юбки и ушла в сторону реки. Вставало солнце, и я подумал, глядя ей вслед: «Вот и хорошо, у нее есть еще несколько часов нормальной жизни».

После этого, следуя ее совету, я попытался выбросить эту любовь из головы. Я работал, иногда чувствовал себя абсолютно счастливым и редко покидал мастерскую. Я знал, что если продержусь хотя бы несколько месяцев, то буду спасен. Конечно, по ночам мне снились кошмары, но я сумел с этим справиться. Мне удавалось держать сны на расстоянии, не позволяя им завладевать моим разумом и влиять на мою жизнь.

Однажды, когда я работал над кулоном в виде бабочки — один банкир заказал его для своей жены, — в мастерскую зашел маленький мальчик и протянул мне записку. Без подписи, но я понял, от кого это, и дрожащими руками развернул клочок бумаги.

Там было просто написано: «Приходи. Ты мне нужен».

Ниже был нацарапан адрес. Мне следовало пойти к одной из верфей, на южном берегу реки.

Я ей нужен — понятно, для чего. Я провел рукой по горлу. Мне она тоже была нужна, но по другой причине. Я не имел той смелости, какой отличалась она, — жертвенной смелости, которую рождает всепоглощающая любовь. Но и слабаком я тоже не был. Если есть шанс, пусть самый ничтожный, встретиться с ней, а потом незаметно скрыться, я готов рискнуть.

Но как это сделать? Муж, по ее словам, обладал немалой физической силой, следовательно, удрать от него будет не так-то просто.

Я не питал иллюзий по поводу ее любви. Даже если она меня любила, я был ей нужен для определенной цели, настолько же далекой от любви, насколько земля далека от звезд. Снимая ошейник, я видел на нем глубокие

царапины, похожие на следы звериных когтей на стволе дерева. Теперь понятно, почему она просила меня заварить шов. Существо, оставившее эти следы, с легкостью сломает любые запоры. Кто-то бешено пытался сорвать с нее серебряный ошейник, чтобы добраться до горла. Тем не менее она вернулась к нему, на этот раз без спасительной серебряной пластины.

Я хотел ее. Я грезил о том, как мы будем лежать рядом, как я буду чувствовать тепло ее тела. Возможно, она уже не та женщина, которая пришла ко мне в мастерскую, но я не считал это преградой. Я был уверен: что бы с ней ни произошло, она по-прежнему прекрасна. Я желал ее страстно, безумно. Ночами я лежал без сна, строил планы и пытался придумать, как нам провести ночь любви — всего одну ночь! — чтобы потом я мог незаметно выскользнуть из ее дома. Я представлял себе эту женщину во всем цвете ее красоты; к ней, и только к ней, стремились мое тело и душа.

Всего один шанс. Он был у меня, этот шанс. Я полюбил женщину из высшего общества. Ее утонченная манера речи сразу же околдовала меня. Она отличалась непревзойденной элегантностью и изяществом, а ее божественная фигура напоминала творение самого искусного ювелира.

Я был обязан что-то придумать.

Наконец в моей голове сложился план. Набравшись смелости, я набросал записку: «Жду вас. Приходите ко мне». Разыскав мальчишку-газетчика, я попросил его бросить эту записку в почтовый ящик по указанному адресу.

В тот день я зашел в церковь, а затем к поставщику хирургических инструментов.

Вечером, бесцельно бродя по улицам, я то хвалил себя за изобретательность, то проклинал за неуклюжий способ, выбранный для осуществления моего плана. Я забрел в квартал бедноты, где обходил валявшихся в грязных канавах пьяниц и кивал девчонкам, спешившим домой после шестнадцатичасового рабочего дня на трикотажной фабрике. Внезапно я осознал, что впервые за все время позволил чувствам взять верх над разумом. Не могу сказать, что в те времена я был особенно умен — нет, я был обычным парнем, — однако мне хватило ума осознать опасность моего замысла. Тем не менее я не оставил его, чувства оказались сильнее страха. Я не мог с ними бороться. Сердце не рассуждает, но его зов сильнее разума.

Прислонившись к чугунному парапету набережной, я смотрел, как тяжелые баржи, вспахивая воду, медленно движутся вверх по реке. Глядя на свет газовых фонарей, отражавшийся на темной поверхности воды, я думал

о призрачном мире, который существует параллельно с нашим. В том мире нет ничего постоянного, устоявшегося, там все движется, искажается, как те блики на воде, что начинали плясать, когда очередная баржа вспенивала гладь реки. Неужели я попаду в тот мир и превращусь в какое-то иное существо, если не безобразное, то нереальное, эфемерное? Такие создания кажутся обычными людьми, но не могут существовать при дневном свете и появляются лишь по ночам, когда оживают тени и бестелесные призраки; они пытаются подражать реальному миру, оставаясь лишь жалкой насмешкой над реальностью.

Когда начался отлив и в нос ударил запах обнажившихся водорослей, я отправился домой. Из-за промозглого и резкого воздуха мне стало неуютно, и я с радостью ушел от реки, чтобы поскорее укрыться в тепле и безопасности своей комнаты. Безопасность? От этой мысли я рассмеялся — я выдал свои тайные страхи.

Она пришла. Однажды рано утром я услышал легкое царапанье по оконной раме, открыл дверь и впустил ее. Она не изменилась. Я бы даже сказал, что бледные щеки и полные алые губы сделали ее еще прекраснее.

Мы не сказали друг другу ни слова. Я лежал голый на постели; сбросив одежду, она легла рядом со мной. Она провела рукой по моим волосам и шее, и я прижался к ее нежному молодому телу. Не могу описать свое блаженство. Это было… немыслимо, невероятно прекрасно. Она позволяла мне все, она подбадривала меня, и мое счастье стоило того: я был согласен попасть в ад, чтобы узнать рай.

В конце концов она склонила голову мне на грудь. Я почувствовал ласковое прикосновение ее черных локонов, ощутил их легкий аромат. Я чувствовал, как на моей шее пульсирует наполненная горячей кровью артерия. Ее тело прижалось ко мне — ее восхитительное теплое тело. Мне хотелось, чтобы она осталась со мной навсегда. Внезапно я почувствовал легкую боль в шее, словно ее укололи иголкой, и тут же словно погрузился в теплую воду. Укачивая, эти волны медленно понесли меня куда-то; я словно плыл в ласковых волнах тропического моря, недалеко от залитого солнцем белоснежного песчаного берега. Я не испытывал страха… только блаженство.

Вдруг она громко фыркнула и соскочила с кровати с такой прытью, какой я не видывал и у спортсменов. В ее глазах сверкала ярость. Она задыхалась от бешенства и шипела, как змея.

— Что ты сделал? — взвизгнула она.

И тут мне стало страшно. Я сжался на постели, подтянув колени к подбородку, стараясь отодвинуться от нее как можно дальше.

— Что ты сделал? — снова крикнула она.

— Это святая вода, — пролепетал я. — Я ввел себе в вену немного святой воды.

Она завизжала так, что у меня зазвенело в ушах. Она потянулась ко мне… и я увидел ее длинные ногти, похожие на когти. Она тянулась к моей шее, но я больше не боялся. Я желал лишь одного: чтобы она опять легла рядом со мной. Последствия меня уже не волновали.

— Пожалуйста! — сказал я, протягивая к ней руки. — Помоги мне. Я хочу, чтобы ты мне помогла.

Она отскочила от меня и подбежала к окну. Близился рассвет. Над горизонтом показались первые лучи солнца.

— Дурак! — бросила она мне, прежде чем скрыться во тьме.

Я подбежал к окну и выглянул наружу, чтобы позвать ее, но увидел лишь речной туман, клубами поднимавшийся над старым пирсом.

Через некоторое время я пришел в себя и начал ее забывать. Однако я не раз ловил себя на мысли, что мне бы он тоже не помешал — серебряный ошейник…

Огонь вспыхнул и громко затрещал; я вздрогнул и отодвинулся от очага. Не знаю, сколько времени я слушал рассказ Сэма, но торф в очаге давно превратился в золу.

— Отлив, — забеспокоился я. — Мне нужно ехать.

— Я еще не закончил, — жалобно сказал Сэм, но я уже встал.

Выйдя из дома, я быстро пошел вниз по узкой тропе туда, где стоял мой катер. Издали было видно, что он лежит на боку в жидкой скользкой грязи.

Я сердито оглянулся на холм, где стоял маленький домик. Несомненно, Сэм это знал. Знал. Мне захотелось вернуться и высказать хозяину все, что я о нем думал, как вдруг я увидел его дом по-новому. На первый взгляд он ничем не отличался от обычных строений: бревенчатый, с промазанными глиной стенами и торфяной крышей, где куски торфа удерживаются с помощью камней. Но по конструкции дом больше напоминал могильный холм, чем человеческое жилище с четырьмя стенами и крышей, а главное — в нем не было окон…

В моем мозгу мгновенно пронеслись образы дерева, земли и скал, и голова у меня закружилась. В землю опускают деревянный гроб, на могиле ставят надгробный камень… Это же могила, могильный холм.

«Он не смог с ней расстаться. Та же самая ловушка, в какую попала она».

Навалившись на катер, я стал тянуть и толкать его, чтобы волоком подтащить к воде, но все было напрасно — слишком тяжело.

Сдвинув лодку не более чем на дюйм, я выбился из сил. Мышцы рук и ног нещадно болели. Пока я пыхтел, пытаясь сдвинуть катер с места, мой мозг неотступно сверлила мысль: надо немедленно покинуть остров. Я слышал свой собственный голос: «Он не смог с ней расстаться. Не смог расстаться».

Я продвинул катер на целых шесть ярдов, когда у меня за спиной внезапно раздался голос — тихий и безжизненный, полный заботливого участия:

— Хватит, Джон… Позволь, я помогу тебе…

В тот день Сэм действительно мне помог. Он сделал для меня даже больше, чем мне хотелось. Но я не чувствую к нему ненависти, особенно сейчас, когда прошло столько лет. У меня есть моя работа: я ночной перевозчик, переправляю людей через озеро. Помогаю юным девушкам — таким, как эта, что сидит в моей лодке. Она бежит из дома, чтобы соединиться с возлюбленным.

— Не бойтесь, — говорю я ей после того, как закончу свою историю, — мы, моряки, обожаем сказки. Идите сюда, садитесь рядом со мной у руля. Я покажу вам, как управлять лодкой. Вы меня не боитесь? Вот и хорошо. Я просто хочу вам помочь…

Уолтер Старки

Уолтер Фиц-Уильям Старки(1894–1976) родился в Дублине и провел большую часть жизни в цыганской среде. Ученый и преподаватель, он посвящал общению с цыганами все каникулярные месяцы, играя на скрипке, изучая цыганский язык и фольклор и позиционируя себя в журнале «Тайм» как современного цыгана. Рассказы о его путешествиях и записи цыганских легенд составили книги «Табор: Приключения со скрипкой в Венгрии и Румынии» (1933) и «Испанский табор: Приключения со скрипкой в Северной Испании» (1934). Представленные как подлинные и автобиографические истории, эти книги, весьма вероятно, содержат ряд преувеличений; более взвешенный автопортрет Старки дает в своей автобиографии «Ученые и цыгане» (1963).

В 1926 году Старки занял должность профессора отделения испанской словесности дублинского Тринити-колледжа; со временем он сделал выдающуюся карьеру переводчика испанской литературы, наивысшим достижением которой является осуществленный им в 1957 году полный перевод «Дон Кихота» Мигеля де Сервантеса, высоко оцененный критиками и переиздающийся уже в течение полувека.

На протяжении семнадцати лет Старки был директором возрожденного Театра Аббатства в Дублине — хотя и не столь знаменитым, как занимавшие ранее этот пост леди Августа Грегори и Уильям Батлер Йейтс.

«История старика» впервые была опубликована в книге «Табор: Приключения со скрипкой в Венгрии и Румынии» (Лондон: Джон Меррей, 1933).

История старика (© Перевод С. Теремязевой.)

Было уже темно, и я решил провести ночь под открытым небом, ибо воздух был душист и свеж, а залитые ярким лунным светом окрестности казались сказочной страной. Днем стояла изнуряющая жара, венгерская степь становилась сухой, как пергамент, и над дорогами столбом поднималась пыль, зато ночью налетал нежный прохладный ветерок, и природа оживала, радуясь жизни. Лунный свет, струившийся сквозь кроны деревьев, придавал всему странные, причудливые очертания. Залитая серебристым светом листва казалась тончайшим произведением

ювелирного искусства, ветви приобретали таинственные, призрачные очертания. Трудно описать словами эту атмосферу тайны и романтики, в которую погружается путешественник, впервые оказавшийся в Венгрии. При свете дня он видит скучные пейзажи, поскольку большая часть страны — сплошная широкая степь. Зато ночью, когда всходит луна, залитые лунным светом кукурузные поля, купы деревьев и рассеянные по равнинам невысокие холмы превращаются в страну фей. Смешение множества народов, проживающих в Венгрии, — вот что придает этому краю поэтическое очарование. Сами мадьяры считают, что рядом с ними обитают невидимые существа, оживающие с заходом солнца. Я встречал крестьян, опасавшихся выходить из дома по ночам, поскольку они были абсолютно уверены, что при лунном свете на землю с небес спускается лихорадка. Природа играет в жизни венгров особую роль — их можно считать пантеистами. Это отражается в коротких песнях, которые они придумывают и исполняют тут же, под звуки деревенской дудки или цыганской скрипки. Венгр не отделяет свою личность от окружающей природы. Когда его возлюбленная лежит на смертном одре, лес вместе с ним погружается в траур; девушка сажает и бережно выращивает фиалки, потому что они служат залогом возвращения ее возлюбленного, уехавшего в дальние края; пастух пасет стадо на берегу Тисы, смотрит на звездное небо и вспоминает о далекой Трансильвании, где живет его мать или сестра, в этот миг подметающая пол пучком розмарина. В Северной Европе пейзажи более величественны, чем в Венгрии, однако жители севера не рассматривают свою страну сквозь дымку национальных сказок и музыки и не связывают каждую легенду или песню с определенным событием в своей истории, как это делают мадьяры. На каждом шагу одинокий путник, шагающий по бескрайним степям Венгрии, слышит песни, плач по покойнику или танцы, в итоге сливающиеся в единую симфонию, составленную из бесчисленных напевов.

Я решил заночевать у подножия холма, где в лунном свете мирно дремало деревенское кладбище. Укрывшись за одним из могильных камней, я развел маленький костерок и приготовился провести ночь по-цыгански. Я был уверен, что уж на кладбище меня никто не побеспокоит. В рюкзаке у меня лежали сыр, хлеб и бурдюк с вином. Спустилась глубокая ночь; костер медленно догорал, и мне почему-то стало грустно и одиноко. Я пожалел, что остановился рядом с кладбищем, так как близкое соседство могил рождало мысли о вампирах и оборотнях. Чтобы разогнать меланхолию, я немного поиграл на скрипке, однако ее звуки показались мне резкими и нестройными, как «танец смерти». Внезапно что-то с тихим

шелестом задело меня по лицу, и я в ужасе отбросил инструмент. Летучая мышь закружилась над моей головой, словно мрачный предвестник гибели. Я вспомнил о Дракуле и поежился.

Я хотел лечь и заснуть, но понял, что спать на открытом воздухе даже в выжженной солнцем венгерской степи — удовольствие сомнительное, особенно для того, чья кожа не выдублена солнцем и ветром, как у цыган. Ночь превратилась для меня в бесконечную войну с москитами и другими кусачими насекомыми. Пока весело пылал костер, они держались в стороне, но стоило огню погаснуть, как над головой зловеще запели тысячи крохотных скрипочек невидимого оркестра, и к незащищенным участкам моего тела устремились ненасытные орды. Вскоре я почувствовал, как от мелких укусов распухает мое лицо. О спокойном сне можно было забыть.

Ночи в Венгрии холодные, с частыми порывами ледяного ветра, так что на свежем воздухе немеют руки и ноги. Когда я сплю под открытым небом, все мои чувства обостряются до предела: я способен расслышать даже самые тихие звуки. В ту ночь я понял, почему венгерские крестьяне до сих пор верят, что на кладбищах обитают вампиры: порой из темноты доносился хруст веток, и мне казалось, что из кустов за мной наблюдают чьи-то горящие глаза. Затем у моих ног прошмыгнула какая-то тень — я решил, что это крыса. Даже дома, в привычной обстановке, крысы вызывают у меня отвращение и страх, здесь же, в степи, мне хотелось завопить от сознания собственной беспомощности. Свою лепту в эту кошмарную ночевку внесли ползающие твари вроде уховерток и мокриц, не говоря уж о неуловимых блохах. Когда писклявый оркестр москитов умолк, я погрузился в тяжелую дремоту, но ненадолго — вскоре меня разбудило подозрительное жжение в области шеи. Мгновенно проснувшись, я увидел, что по мне дружно марширует армия муравьев.

Из беспокойного сна меня вырвал собачий визг, внезапно раздавшийся поблизости. Я выглянул из-за камня и увидел, как возле одной из могил вспыхнул слабый огонек. На мгновение мне показалось, что я вижу сон, затем в голову пришла ужасная мысль о вампирах, обитающих на заброшенных кладбищах. Несомненно, собачий визг и мерцающий огонек — признаки приближения жуткого вампира! Мне тут же захотелось вскочить на ноги, однако эта сцена казалась столь зловещей и нереальной, что страх уступил место любопытству, и я остался лежать на земле, притаившись за камнем. Мерцающий огонек тем временем приближался, и вскоре я увидел старика с фонарем в руке. Он медленно шел, тяжело опираясь на палку, и тащил за собой упиравшуюся собаку. Старик был маленький, сгорбленный и чем-то напоминал гнома из сказок братьев

Гримм. Он так низко держал голову, что его длинная белая борода почти касалась земли. Его одежда была грязной и рваной, а дыры на ней прикрывали заплаты самой невероятной формы и цвета. Это ветхое рубище свободно болталось на высохшем теле, так что старик напоминал соломенное чучело, украшенное птичьими перьями. Его лицо было мрачным и изможденным, как маска смерти на каком-нибудь средневековом карнавале. Подойдя ко мне, старик что-то проскрипел по-венгерски. Я ответил ему по-немецки, и разговор продолжился на этом языке.

— Что вы делаете на кладбище? — спросил старик. — Разве вы не знаете, что могилу, возле которой вы устроились, посещает ночной дух? Я вас увидел и решил, что вы один из них, даже перекрестился. Послушайте, mein Herr, взгляните вон на ту могилу. Видите на камне два отверстия? Значит, в ней обитает вампир. Пока не рассвело, он в любой момент может выйти и напасть на вас. Неужели у вас нет даже чеснока, чтобы заткнуть дырки и не дать нечисти выйти из могилы? — Голос старика звучал пронзительно и тонко, глаза горели безумным огнем. — Говорю вам, никто не спасет от вампира, если он избрал вас своей жертвой! Я жизнь потратил на то, чтобы избавиться от него, а он постепенно отнял у меня все, что было мне дорого. Он бы и жизнь мою забрал, если бы не молитвы.

С этими словами старик вытащил из кармана распятие из черного дерева и осенил себя крестом, шепча молитву. Пока он молился, собака рычала и повизгивала, словно чего-то боялась. Старик прикрикнул на нее, но она лишь прижалась к его ногам, испуганно дрожа.

— Посмотрите на пса, — сказал старик. — Он знает, что на кладбище обитают оборотни, и не хочет сюда идти.

Потом мы долго сидели возле могилы, пока старик рассказывал мне свою историю. Время от времени приходилось его прерывать и напоминать, что костер потухнет, если не подбросить в него веток. Страшно внимать историям о вампирах, сидя в полной темноте. Наверное, суеверие старика передалось и мне: я чувствовал, что сейчас услышу нечто совершенно невероятное. Мы устроились у огня, и я, слушая скрипучий монотонный голос, впал в полусонное состояние, мои глаза закрывались сами собой. Время от времени старик вскрикивал, изображая страх, и тогда я просыпался и вскидывал голову.

«Вас удивляет, что я говорю о вампирах? Послушайте мою историю, и вы поймете, почему я страшусь их ужасной мести.

Я родился в деревне недалеко от Будапешта, в семье крестьянина.

Когда я вырос, я покинул родной дом и ушел бродить по свету, принимая жизнь такой, какова она есть. В 1878 году я ушел на войну с турками и в награду получил искалеченную ногу, из-за которой остался хромым. Солдатская доля в те далекие годы была очень тяжела; много раз мне казалось, что саваном мне станет шинель. Оставив военную службу, я стал коммивояжером и исколесил всю Турцию и Болгарию, переезжая из деревни в деревню. Однажды в городке Русчук я встретил прекрасную болгарскую девушку, дочь крестьянина, и начал за ней ухаживать. После свадьбы мы поселились в Венгрии, в городке Сегед. У нас родилось трое детей, мальчик и две девочки. Мальчик, которого мы назвали Шандором, вырос сильным и красивым, беспечным и смелым, как племенной жеребчик из Хортобади. Эх, лошади-то его и сгубили — связался парень с барышниками да конокрадами, совсем голову потерял. Когда его в армию забрали, я даже обрадовался, думал, армейская дисциплина приведет его в чувство. Отслужив, он вернулся домой, да не один, а с каким-то незнакомцем. Шандор представил нам его как своего благодетеля. Мне он потихоньку признался, что тот человек не раз выручал его деньгами, когда нужно было выплачивать карточный долг. Конечно, незнакомца мы приняли как родного, раз он был другом Шандора, и вскоре тот зажил у нас, как у себя дома. Правда, меня удивляла горячая привязанность сына к нему — ведь он был лет на двадцать старше Шандора. Но скоро я понял это не Шандор к нему прилип, а он к Шандору. Незнакомец всюду следовал за моим сыном, прислушивался к каждому его слову, вечно навязывал ему свое мнение, и что же? Из веселого разбитного парня мой сын превратился в угрюмого нелюдима и жил, словно во сне. Внешне наш новый знакомый напоминал Мефистофеля — высокий, худой, с резкими чертами лица и маленькой острой бородкой. Его глаза внимательно следили за всем, что происходило вокруг, а иногда становились совсем дикими, как у цыгана; линии рта у него были резкие, губы красные, и он часто облизывал их, когда говорил. В эти мгновения я видел его зубы — белые и острые, словно клыки волка или собаки.

Вскоре он стал нам почти родным, поскольку умел притворяться добрым и ласковым, несмотря на частые вспышки гнева, когда его глаза сверкали огнем, а во рту блестели острые зубы. Он приходил к нам и дарил разные подарки. Он был обходительным горожанином, а мы — всего лишь темными крестьянами, которых он почтил своим вниманием. В нем было что-то необычное, притягивающее; он объездил весь мир и любил рассказывать о своих необычайных приключениях. Дело дошло до того, что Юльча, наша старшая дочь, стала называть его прекрасным принцем,

которого прислала к нам сама Делибаб или, по-вашему, Фата Моргана. Мы никогда не знали, куда он уезжает и когда вернется, а он нам ничего не объяснял. Ему нравилось окутывать себя тайнами; он внезапно заявлял, что его ждут дела, и исчезал. Я так и не узнал, что там были за дела; обычно он говорил, что ему надо срочно уехать далеко и надолго. Шло время, и наша Юльча привязывалась к нему все сильнее. Она могла часами слушать его рассказы о путешествиях, а он как будто гипнотизировал ее взглядом своих холодных серых глаз. Все в незнакомце и пугало, и восхищало ее — и шикарный коричневый костюм, и начищенные сапоги, и алый шейный платок, придававший ему сходство с восточным принцем, и длинные тонкие пальцы с остро заточенными ногтями, как у женщины. Бедная Юльча, она без памяти влюбилась. Однажды она в слезах призналась мне, что безумно любит этого человека и боится одного: что ее прекрасный рыцарь исчезнет, как уплывший на лебеде Лоэнгрин.

Зато моя жена относилась к незнакомцу с неприязнью, несмотря на его любезность.

„Проходимец он, вот и все, — говорила она, — вот погоди, соблазнит он нашу Юльчу и скроется в ночи, как вор“.

В глубине души я был с ней согласен, но мне было жаль дочку. Как только я заговаривал с ней о незнакомце, она начинала плакать. Я видел, что девчонка безнадежно влюблена, и опасался, что она выкинет какую-нибудь глупость. Поразмыслив, я пришел к выводу, что лучше всего указать незнакомцу на дверь и запретить ему являться в наш дом. Тот разговор закончился бурной ссорой. В серых глазах мужчины сверкала ненависть, рот кривился в злобной торжествующей усмешке. Чтобы отвлечь Юльчу от печальных мыслей, мы заперли дом и уехали погостить в Темешвар.

Однажды ночью, когда дом погрузился в сон, я услышал на дороге стук лошадиных копыт. Ночь была темной и туманной, но я, высунувшись из окна, успел разглядеть карету, которую влекла четверка вороных коней. Карета быстро скрылась в облаке пыли. Я суеверен, а потому замер от ужаса, ведь вороные лошади — дурная примета. Очнувшись, я сразу бросился в комнату Юльчи — там было пусто. Постель была смята, а из окна свисала веревка, свитая из простыней.

На столе лежала записка: „Дорогие папа и мама, простите меня за то, что я сделала, и молитесь за мою душу. Юльча“.

Не могу описать наше горе. Мы искали ее повсюду, мы обратились в полицию, мы перевернули вверх дном всю страну, но нашей дочери и след простыл. И, как часто бывает в таких случаях, к нам приходили разные люди и сообщали, что видели ее то тут, то там, непременно в

сопровождении какого-то пожилого господина. Жена была уверена, что Юльчу утащил вампир; сильнее всего ее мучила не столько потеря старшей дочери, сколько ужасная мысль, что Юльча, попав в лапы вампира, сама станет вампиром. „Тот человек был вампиром! — рыдая, повторяла она. — Ты заметил какие у него красные губы и острые зубы? Те черные кони, конечно, везли его карету, и теперь наша Юльча принадлежит ему душой и телом. Когда он высосет из нее всю кровь, он явится к нам и будет преследовать нас, пока мы все не погибнем“. Целыми днями жена молилась. Ей казалось, что она слышит голос Юльчи, что дочь плачет и зовет ее. Потом она вообразила, что однажды Юльча прилетит домой в образе летучей мыши и набросится на свою младшую сестру Сари или на Шандора. По всем комнатам у нас были развешаны распятия, а по ночам жена вешала над кроватями Сари и Шандора головки чеснока. Разум ее постепенно угасал; целыми днями она бродила по дому, глядя в пустоту, звала Юльчу и беспрестанно крестилась, словно таким образом хотела изгнать из нее дьявола. Через несколько месяцев я отвез ее на кладбище.

После смерти матери Шандор покинул дом, и мы остались вдвоем с Сари. Время от времени от Шандора приходили письма, в которых он рассказывал о своей жизни. Он работал клерком в одной конторе в Будапеште и, судя по этим посланиям, был вполне доволен своей скучной жизнью. Потом он надолго замолчал. И вот однажды я получил письмо, где говорилось, что Шандор серьезно болен и просит меня приехать. Я бросил все дела и помчался в Будапешт, где первым делом разыскал сына. Шандор лежал в грязной комнате и выглядел полумертвым. Бледный как полотно, он едва смог открыть глаза. Увидев меня, он улыбнулся — слабой и грустной улыбкой. У его постели стоял доктор, который тихо сказал мне, что жить Шандору осталось недолго, поскольку у него последняя стадия чахотки. Жизнь быстро покидала моего сына. Иногда он слабо вскрикивал и звал Юльчу, а однажды рассказал о странном сне, что привиделся ему недавно.

Ему снилось, что он остановился перед воротами какого-то города, а за теми воротами находится Юльча и зовет его. Одетая в ослепительно белое платье, она казалась очень красивой и счастливой, только лицо ее было таким же белым, как платье, а губы красные, как свежая рана. Она кивала Шандору, приглашая его войти, а он, как ни старался, не мог сделать ни шагу. Проснулся он в ужасных муках и был так слаб, что решил, будто уже умирает. Он никак не мог понять, почему чувствует такую печаль, ведь сон был хороший, он видел счастливую сестру. Ночь за ночью Шандору снился этот сон, и каждый раз, просыпаясь, он чувствовал себя хуже некуда. Но

вот однажды Юльча все-таки перетащила его к себе, за ворота, и повела по какому-то городу, потом по дороге, пока не привела в рощицу, где виднелось несколько могил. Шандор часами метался в бреду и пытался вспомнить, что это был за город. „Если бы я вспомнил, как он называется, я бы нашел Юльчу!“ — выкрикивал он. С каждым днем ему становилось все хуже, несмотря на старания доктора. Я-то знал, что моему сыну не помогут никакие лекарства: его убивал дух нашей Юльчи. Как прежде жена, я разложил в комнате Шандора головки чеснока, а над изголовьем кровати повесил распятие. Я не отходил от него и по ночам; сидя возле постели сына, я смотрел, как он мечется, пытаясь обрести покой. Дико сверкая глазами, он звал Юльчу, беспрестанно шептал ее имя. Я знал, что она гипнотизировала его, как змея гипнотизирует птичку. Я читал над ним молитвы, повторял заклинания, которые узнал от цыган, — все было напрасно. Однажды ночью я задремал, и вдруг перед моими глазами поплыл какой-то туман. Я мгновенно проснулся. Шандор тихо спал, но его лицо застыло, как у покойника, а из уголка рта на белую шею стекала струйка крови. Много ужасных часов провел я у постели моего бедного сына, наблюдая, как он постепенно превращается в бессмертного вампира, исчадие ада. Один раз он пронзительно вскрикнул „Могилы, могилы! Я знаю, где они, — я вижу деревья и низкую ограду. Тот город называется Лепшень. За ним начинается дорога, что ведет на кладбище“. Когда он проснулся, он забыл, что говорил во сне. Но теперь я понял, что мне делать. Я решил разыскать то кладбище, найти могилу Юльчи и избавить мир от ужасного вампира. Я поручил заботу о Шандоре родственнику и покинул Будапешт, взяв с собой старую цыганку, с которой был знаком много лет. Мне предстояло совершить страшное дело, и она должна была стать моим союзником. Эта цыганка была cohalyi — так в Венгрии называют ведьм; шагая вместе со мной по дороге, она то бормотала заклинания, то учила меня, как избежать преследования вампира. Добравшись до Лепшеня, мы свернули с дороги и после долгих и изнурительных поисков отыскали вот это самое кладбище, где мы с вами находимся. Оно оказалось в точности таким, как описал мой сын. Мы начали осматривать могилу за могилой, пока в самом углу не обнаружили могильную плиту, на которой крупными буквами было вырезано имя моей старшей дочери. Она умерла в позапрошлом году. Как? Кто закрыл ей глаза? Если она умерла в нищете, кто водрузил плиту на ее могилу? Некому было ответить на эти вопросы.

На следующую ночь мы с цыганкой вернулись на кладбище, чтобы исполнить нашу страшную задумку. Началась гроза; ветер свистел в ветвях деревьев, дождь хлестал нас по лицу. Луны не было, и я благодарил за это

Бога, потому что при ярком свете нас могли заметить местные крестьяне и заподозрить неладное. В полночь я принялся раскапывать могилу; цыганка стояла рядом и шептала заклинания. Вскоре лопата ударилась обо что-то твердое. От этого звука я едва не упал в обморок, но цыганка суровым голосом приказала мне поддеть лопатой крышку гроба и открыть его. Я так и сделал — и вскоре увидел то, что осталось от моей бедной Юльчи. На мгновение мне показалось, что я стал жертвой галлюцинации, потому что она лежала в гробу как живая, будто мирно спала. Ее глаза были затянуты каким-то прозрачным веществом, а губы были ярко-красными, словно она совсем недавно получила свою мерзкую пищу, раздобыв ее в мире живых. Не в силах отвести глаз от трупа дочери, я медлил. Из оцепенения меня вывел резкий окрик цыганки: „Не стой! Бери нож! Отрежь голову и закопай ее в другом конце кладбища. Если сделаешь так, дух больше не потревожит ни тебя, ни твою семью“. С этими словами старуха протянула мне острый нож, а сама стала собирать ветки для костра. Я попытался заставить себя сделать так, как она велела, но силы покинули меня. Увидев это, цыганка выхватила у меня нож и одним движением отрезала голову покойницы. Я закрыл глаза, но мне почудилось, будто я услышал стон, и в лицо мне брызнули капли крови. Закрыв гроб крышкой, мы опустили его в могилу и быстро забросали землей, после чего закопали отрезанную голову в другом конце кладбища. Потом мы отправились обратно, в Будапешт. На прощание цыганка сказала: „Не забывай приходить на кладбище и окроплять могилу дочери вином; это самый верный способ не дать призраку покинуть гроб“. Когда я вернулся в город, сын был уже при смерти; однако его глаза теперь смотрели по-другому, а на лице лежала печать умиротворения. Он молча слушал мои молитвы и тихо скончался. Я похоронил его на том самом кладбище, где лежит его сестра; каждый месяц я прихожу сюда, чтобы проведать могилы. Сегодня, увидев огонь вашего костра, я ужасно перепугался — я подумал, что кто-нибудь выведал мою тайну».

Закончив рассказ, старик отвел меня в дальнюю часть кладбища и показал свежую могилу, на которой я увидел камень с надписью: «Шандор».

Занималась заря, в сером воздухе плыл туман. Мы тихо покинули кладбище. Вдали, на вершине холма, показалась женщина. Она быстро шла в нашу сторону. Увидев ее, старик сказал:

— Это моя дочь Сари. Она всегда встречает меня по утрам, когда я возвращаюсь после ночного бдения.

Женщина подбежала к старику и поцеловала его. Я видел, как они

вместе двинулись по дороге, ведущей в Лепшень.

Винсент О'Салливан

Винсент О'Салливан(1868–1940) родился в Нью-Йорке в богатой семье и получил начальное образование в Колумбийской грамматической школе, затем переехал в Великобританию, где учился в римско-католическом колледже Св. Марии в Оскотте, перед тем как поступить в Оксфордский университет.

С 1894 года в журнале «Сенат» стали появляться его рассказы и стихи, в 1896 году собранные в поэтический сборник; в том же году вышла в свет «Книга сделок» — один из самых значительных ранних сборников рассказов о сверхъестественном, опубликованный другом О'Салливана Леонардом Смитерсом, одной из ключевых фигур в декадентском движении 1890-х годов. О'Салливан — единственный известный американец в английском эстетизме конца XIX века лидерами которого были Обри Бердслей, Оскар Уайльд, Эрнест Доусон и Джон Аддинггон Саймонс. Его творчество, как и произведения многих представителей этого круга, проникнуто духом болезни и упадка.

О'Салливан использовал свое состояние, чтобы помогать друзьям (в первую очередь Оскару Уайльду после его освобождения из тюрьмы), что в конце концов привело его к разорению. Уайльд однажды написал о своем друге, что он «очень мил с точки зрения того, кто смотрит на жизнь из могилы». Поддержка, которую он оказал Уайльду, навлекла общественное негодование и на самого О'Салливана и фактически закрыла для него возможность публиковать свои сочинения. В конце жизни он впал в крайнюю нищету и умер в парижском приюте для бедных вскоре после оккупации Франции немцами.

Рассказ «Желание» был впервые опубликован по-французски в журнале «Меркюр де Франс» в январе 1898 года; годом позже он был напечатан по-английски в авторском сборнике «Зеленое окно» (Лондон: Леонард Смитерс, 1899).

Желание (© Перевод С. Теремязевой.)

I

«Сохраняют ли мертвецы свою власть после того, как их закапывают в

землю? Могут ли они использовать эту власть и править нами, восседая на своих ужасных тронах? Может быть, их закрытые глаза становятся зловещими маяками, а парализованные руки хватают нас за ноги, чтобы направить на путь, выбранный ими? Нет, нет! Несомненно, когда мертвые превращаются в прах, их власть также рассыпается в прах».

Он часто думал об этом, сидя длинными летними вечерами рядом с женой у окна, выходящего на парк Печальных Фонтанов. Именно на закате, когда на их мрачный дом падали пурпурные брызги, он более всего ненавидел свою жену. Они поженились несколько месяцев тому назад и с тех пор все дни проводили одинаково — сидели перед окном в огромной комнате с громоздкой дубовой мебелью и тяжелыми темно-красными портьерами, пахнущими пылью и удушливым ароматом лаванды. Целый час он неотрывно смотрел на жену — высокую, бледную, хрупкую, с иссиня-черными волосами, кольцами спускавшимися на шею, с тонкими пальцами, перелистывающими страницы украшенного рисунками молитвенника, — затем вновь переводил взгляд на парк Печальных Фонтанов, где вдали, как серебряная мечта, поблескивала река. На закате ему начинало казаться, что река бурлит, словно поток крови, а деревья, облаченные в алые одеяния, размахивают сверкающими мечами. Один долгий день следовал за другим, а они так и сидели в комнате, молчали и наблюдали, как серо-стальные тени становятся багряными, потом серыми, а потом чернеют. Изредка они отправлялись на прогулку, проходили через ворота парка Печальных Фонтанов, и он слышал, что люди шепчут друг другу: «Какая красавица!» И его ненависть к жене стократно усиливалась.

Да, он отравлял ее, медленно, но верно, ядом более коварным и незаметным, чем яд в кольце Цезаря Борджа, — ядом, что таился в его глазах. Он смотрел на нее, не отрывая взгляда, и вытягивал из нее жизненные соки, иссушал ее вены, останавливал биение сердца. Он не нуждался ни в медленных ядах, от которых слабеет и чахнет плоть, ни в быстрых, от которых мгновенно сгорает мозг; его ядом была ненависть, и он изливал ее на белую плоть жены, лишая ее сил и способности удерживать рвущуюся на свободу душу. С тихим торжеством он наблюдал, как с каждым днем уходящего лета женщина слабеет; каждый день, каждый час она отдавала дань его глазам. Осенью у нее начались обмороки, очень напоминавшие каталепсию, и он заставил себя не поддаться слабости, продолжая ненавидеть, ибо чувствовал, что конец близок.

Однажды вечером, во время серого зимнего заката, жена, как всегда, лежала на кушетке в темной комнате, а он вдруг понял, что она умирает. Доктора прошептали, что это конец, и вышли, оставив их наедине. По

своему обыкновению, он сидел у окна и смотрел на парк Печальных Фонтанов, когда внезапно она окликнула его.

— Ты получил то, чего так желал, — сказала она. — Я умираю.

— Я желал этого? — воскликнул он, всплеснув руками.

— Тише! — простонала она. — Ты думаешь, я не знаю? Целыми днями и месяцами ты высасывал из меня жизнь, забирал ее себе, чтобы выплеснуть на землю мою душу. Целыми днями и месяцами я находилась подле тебя; ты видел, что я умоляю пожалеть меня, но не сжалился. Что ж, твое желание скоро исполнится, я умираю. Все будет так, как ты хотел: мое тело умрет. Тело — но не душа. Да! — крикнула она, приподнявшись на подушках. — Моя душа не умрет, она будет жить и получит всемогущий скипетр власти, зажженный от звезд.

— О чем ты говоришь, жена!

— Ты мечтал избавиться от меня, но ты не будешь жить без меня. Долгими безлунными ночами и тоскливыми пасмурными днями я буду рядом с тобой. В хаосе грозы и бури, под вспышками молний, на вершине самой высокой горы — ты нигде не скроешься от меня. Отныне мы с тобой одно целое, ибо таковы условия сделки, которую я заключила с верховными жрецами смерти.

В полночь она умерла, а через два дня гроб с телом был погребен в заброшенном аббатстве. Убедившись, что жену зарыли в землю, он покинул парк Печальных Фонтанов и уехал в дальние страны. Он побывал в самых диких, самых неизведанных уголках земли; несколько месяцев провел в арктических морях; видел много страшных и трагических сцен. Он приучил себя к насилию и жестокости: он спокойно взирал на муки женщин и детей, страдания и страх мужчин. А когда через много лет он вернулся на родину, то поселился в доме с видом на заброшенное аббатство и могилу жены, даже не заглянув в дом, окна которого выходили на парк Печальных Фонтанов.

Здесь он проводил сонные дни и бессонные ночи — ночи, разрисованные жуткими, уродливыми картинами и снами наяву. Перед ним проплывали страшные призраки; в комнате возникали залитые холодным светом руины городов; в его ушах звучал барабанный бой марширующих армий, грохот мчавшихся в атаку эскадронов, шум войны. Перед ним возникали призраки женщин, они протягивали к нему руки и молили о милосердии. Почти всегда это были живые женщины, но порой он видел и мертвецов. Наконец пришел день, когда он отвел усталый взгляд от одинокой могилы и решил искать избавления в восточных снадобьях. Часами пребывал он в состоянии полусна-полуяви, бормотал отрывки из

звучных, убаюкивающих стихов в прозе Бодлера или перелистывал страницы произведений сэра Томаса Брауна, вчитываясь в его загадочные глубокомысленные фразы, где за каждой буквой скрывались тайны жизни и смерти.

Однажды ночью, когда луна вошла в последнюю фазу, он услышал, как за окном кто-то царапается. Распахнув окно, он почувствовал спертый тяжелый запах, какой обычно стоит в подземных усыпальницах. И тут же увидел жука — чудовищного, нереально огромного; он полз по той стене дома, что выходила на кладбище; забравшись в комнату, жук побежал по полу, быстро перебирая лапками. Двигаясь на удивление быстро, тварь заползла на стол возле его кушетки. Содрогаясь от отвращения, он осторожно приблизился к жуку и вдруг, к своему ужасу, увидел глаза этого существа — красные, как две капли крови. Задыхаясь от ненависти, он смотрел на жука, не отрываясь; красные глаза притягивали его, впивались в него, словно зубы. В ту ночь его не посещали обычные видения — нет, он смотрел только на жука! Всхлипывая, сидел он, жалкий и беззащитный, не в силах отвести взор от ужасной твари; глядя на ее ядовитые зубы, он думал о том, чем она может питаться. Ночь показалась ему столетием; он просидел до самого утра, в ужасе взирая на отвратительную скользкую тварь. С первыми лучами зари жук уполз, оставив после себя запах гнили и тлена. Однако день не принес покоя, ибо мерзкое насекомое продолжало являться и в дневных сновидениях. В ушах звучала музыка, наполненная страстью и жалобными стонами, криками скорби и тревоги. Ему казалось, что на него движется некто, вооруженный с головы до ног, а он стоит перед ним голый и беззащитный — и так весь день, до самой ночи, когда из развалин аббатства, из этой равнодушной, всеми забытой Голгофы, всегда находившейся у него перед глазами, вновь выползло мерзкое чудовище. Оно двигалось медленно и спокойно, но внутри его, возможно, бушевали гроза и буря! Дрожа и испытывая чувство неизгладимой вины, он поджидал эту тварь — змея, посланника мертвых. Так повторялось день за днем, ночь за ночью. С первого дня новолуния до того момента, когда луна начинала убывать, жук оставался в могиле, но это не приносило облегчения. Наоборот, это время превращалось в кошмар, рождало ощущение такого ужаса, что он, дрожа и изнывая от страданий, ждал лишь одного — безумия. Он не страдал физически, но его окутывали облака духовного страха: он чувствовал, что этому мерзкому отродью, этому безмолвному гостю, нужна его жизнь, его плоть и кровь. Так проводил он все дни, стоя у окна и мучительно вглядываясь во тьму. И вот наконец наступила ужасная ночь, отмеченная невероятными потрясениями и болью.

II

На рассвете, когда трава была еще тяжела от росы, он вышел из дома, прошел по кладбищу и остановился у железных ворот усыпальницы, где лежала его жена. Стоя в воротах и шепча молитвы, он стал бросать в склеп баснословно дорогие вещи: шкуры зверей-людоедов, тигров и леопардов; шкуры животных, пивших воду из Ганга и купавшихся в грязи Нила; драгоценные камни, некогда принадлежавшие фараонам; бивни слонов и редчайшие кораллы, за которые можно было отдать жизнь. Затем воздел руки и так громко, что голос его мог достать небеса, крикнул:

— Прими эти дары, о душа, требующая отмщения, и оставь меня в покое! Тебе довольно?

Через несколько недель он снова пришел к склепу и принес священную чашу для причастия, отделанную драгоценными каменьями, и дароносицу из чистого золота. Он наполнил их драгоценным вином, поставил посреди усыпальницы и гневно крикнул:

— Прими мой дар, неумолимая душа, и отпусти меня! Разве этого недостаточно?

Наконец он принес браслеты, принадлежавшие той, кого он любил и чье сердце разбил, расставшись с ней, чтобы умилостивить мертвеца. Он принес длинную прядь ее волос и платок, пропитанный ее слезами. Усыпальница огласилась жалобным шепотом, похожим на стон:

— О жена моя, неужели этого недостаточно?

Но все, кто находился рядом с ним, видели: его дни сочтены. Ненависть к смерти, страх перед ее неотвратимой лаской придавали ему сил. Своими тонкими худыми руками он словно пытался оттолкнуть невидимого убийцу. Он видел тех, кто пришел за ним, более четко и красочно, чем собственные сновидения, ибо уже созерцал залитый ярким светом пейзаж у входа в царство смерти. Он отчаянно цеплялся за жизнь, как скряга цепляется за сундук с золотом, как сопротивляется влюбленный, когда его разлучают с возлюбленной, — но все-таки испустил дух.

Серым промозглым осенним вечером его отнесли в усыпальницу, чтобы похоронить рядом с женой. Так он пожелал, ибо знал, что лишь здешний мрак дарует ему покой. По дороге в склеп ему пели величественную надгробную песнь, в которой слышался глухой мерный топот парадного марша. Мелодия этой песни звенела в порывах ветра и плакала в ветвях старых деревьев. В усыпальнице люди опустили его в могилу и встали рядом на колени, чтобы помолиться за его душу. Requiem

aeternam dona ei, Domine! [27]

Когда же все собрались покинуть заброшенное аббатство, в склепе неожиданно зазвучали слова — до того прекрасные и ужасные, что люди замерли, прислушиваясь, и глядели друг на друга с перекошенными от ужаса бледными лицами.

Сначала раздался женский голос:

— Ты пришел.

— Да, я пришел, — ответил голос мужчины. — И сдаюсь на твою милость, победительница.

— Долго же я тебя ждала, — сказала женщина. — Много лет я лежала здесь, дождь лился на меня сквозь камни, снег давил мне на грудь. Много лет, пока солнце танцевало над землей, а луна дарила свою бледную улыбку садам и всем благам земли. Я лежала вместе с червем и заключила с ним союз. Ты делал только то, чего хотела я. Ты был игрушкой в моих мертвых руках. Да, ты украл у меня тело, но я украла у тебя душу!

— Но я могу обрести покой… теперь… наконец?

Голос женщины зазвучал громче, разнесся под сводами склепа, как трубный глас:

— Мне не нужен покой! Ты и я — отныне мы во владениях той, которая правит могущественной империей! Мы оба трепещем пред царицей смерти!

Услышав этот разговор, люди бросились назад, в усыпальницу, и вскрыли гробы. В первом, старом и полусгнившем, они увидели тело женщины. Казалось, она умерла совсем недавно. Зато тело мужчины почти разложилось и выглядело ужасно — как труп, много лет пролежавший в земле.

Дион Форчун

Вайолет Мэри Фёрт(1890–1946), уроженка города Лландидно на севере Уэльса, образовала псевдоним Дион Форчун из своего семейного девиза «Deo, non Fortuna» («Бог, а не Судьба»). Ее родители были энтузиастами христианской науки и концепции «города-сада», она же стала членом ордена Золотой Зари, который, однако, оставила, основав в 1924 году другое мистическое общество — братство Внутреннего Света. Ее интерес к спиритизму и оккультизму во многом был обусловлен встречей с доктором Теодором Мориарти, который стал прототипом главного героя ее рассказов, доктора Тэвернера, напоминающего Шерлока Холмса, оккультного детектива, о чьих приключениях рассказывает его помощник, похожий на Ватсона доктор Роудс.

Сборник рассказов «Тайны доктора Тэвернера» (1926) стал дебютом Форчун в художественной прозе; параллельно она продолжала писать статьи, книги, брошюры о спиритизме, вегетарианстве и контрацепции. Каждый из двенадцати рассказов о Тэвернере исследует оккультные, магические и психологические темы, описывая мистический путь жизни, пролегающий через благие и зловещие покровы бытия. Образный мир сочинений Форчун включает Атлантиду, великого бога Пана, астральные тела и реинкарнацию. Она умерла, не успев завершить роман «Лунная магия», однако две финальные главы книги, по легенде, были надиктованы из потустороннего мира одному из медиумов братства Внутреннего Света.

Рассказ «Жажда крови» был впервые опубликован в сборнике «Тайны доктора Тэвернера» (Лондон: Дуглас, 1926).

Жажда крови (© Перевод С. Теремязевой.)

I

Никогда не мог понять, кем считать доктора Тэвернера — героем или злодеем. Нет сомнений, что он был человеком бескорыстным, самых высоких идеалов, однако методы, которые он использовал для воплощения этих идеалов, мягко говоря, вызывали сомнение. Он не просто обходил закон — он его полностью игнорировал. С больными он обращался с величайшей бережностью, но свои глубочайшие познания в области

психологии использовал для того, чтобы разбивать человеческую душу на мелкие кусочки, действуя в той же спокойной, методичной и доброжелательной манере, словно все его внимание было направлено исключительно на лечение пациента.

С этим странным человеком меня свел самый обычный случай. Отслужив в Королевском корпусе военно-медицинской службы, я вышел в отставку, после чего обратился в агентство по найму медицинских работников и поинтересовался, какие вакансии свободны на данный момент.

Я сказал:

— Я только что вернулся с военной службы, у меня совершенно расшатаны нервы. Мне нужно какое-нибудь тихое местечко, где я мог бы прийти в себя.

— Не вы один, — ответил клерк и внимательно взглянул на меня.

Он немного подумал.

— Вообще-то одна вакансия есть, — проговорил он. — Интересно, сколько вы сможете продержаться? Я отправлял туда уже несколько человек, и ни один не захотел остаться.

Вот так я получил адрес и оказался на одной из боковых улочек, примыкающих к Харлей-стрит. Там я познакомился с ученым, которого, несмотря ни на что, считаю самым великим из всех, кто попадался на моем пути.

Высокий, худощавый, с худым лицом, словно обтянутым кожей, он словно не имел возраста — ему можно было дать и тридцать пять, и шестьдесят пять. В течение часа, пока длилась наша беседа, он казался мне то юношей, то старцем. Не теряя времени, он тут же перешел к делу.

— Мне как раз требуется помощник, — сообщил он. — Насколько я понял, в армии вы занимались психиатрией. Хочу предупредить, что мои методы вы можете счесть не совсем обычными. Тем не менее, поскольку мне удалось добиться положительных результатов там, где другие потерпели неудачу, я считаю их оправданными и отказываться от них не собираюсь. Мне даже кажется, доктор Роудс, что мои эксперименты превосходят все притязания моих коллег.

Этот несколько циничный подход к делу мне не понравился, хотя нельзя было не признать, что в настоящее время в лечении психических заболеваний действительно отсутствуют строго научные методы. Словно прочитав мои мысли, доктор продолжал:

— Я изучаю главным образом те области психиатрии, какими не решается заняться большая наука. Если согласитесь со мной работать, вы

познакомитесь с самыми удивительными явлениями. Прошу вас лишь об одном: открыть разум неизведанному, а рот закрыть на замок.

И я согласился. Хотя в самом докторе было что-то отталкивающее, меня разбирало любопытство: от этого человека исходила такая невероятная сила, такая непреодолимая страсть к исследованиям, что я решил за ним наблюдать… и только потом сделать выводы. Невероятная притягательность его личности настроила мой мозг на нужный лад, и я, сам не знаю почему, подумал, что наша совместная работа станет хорошим жизненным стимулом для такого человека, как я, — растерявшегося по возвращении в мирную жизнь.

— Если вам не нужно долго собираться, — продолжал доктор, — я могу отвезти вас в клинику на машине. Пройдите со мной в гараж. Мы заедем к вам домой, вы заберете свои вещи, и я доставлю вас к месту работы еще засветло.

Мы помчались по дороге на Плимут. Проехав Терсли, мы, к моему изумлению, свернули направо и покатили по старой проселочной дороге среди зарослей вереска.

— Это луг Тора, поле Тора, — сказал доктор, глядя на расстилавшуюся перед нами унылую пустошь. — Здесь еще живы старинные поверья.

— Вы имеете в виду католические поверья? — поинтересовался я.

— Католичество, мой дорогой, зародилось сравнительно недавно. Нет, я имею в виду язычество. Местные крестьяне все еще проводят один древний языческий ритуал, вернее, то, что от него осталось. Они считают, что так привлекают к себе удачу или что-то еще. При этом они понятия не имеют о скрытом смысле действа. — Немного помолчав, доктор обернулся ко мне и взволнованно спросил: — Вы когда-нибудь задумывались над тем, что произойдет, если человек, обладающий истинным знанием, соберет фрагменты этого ритуала воедино?

Я признался, что нет. Честно говоря, я немного растерялся, поскольку впервые в жизни столкнулся со столь далекими от христианских воззрений рассуждениями.

Здание, где располагалась клиника доктора Тэвернера, приятно контрастировало с унылым пейзажем, окружавшим его. Я увидел пышный сад, пестрящий цветами всевозможных видов и сортов, и старый дом, увитый лианами, очаровательный внутри и снаружи. Он навевал мысли о Востоке или эпохе Ренессанса: выстроенный без соблюдения какого-либо единого стиля, дом был создан для того, чтобы хорошо и удобно жить в нем.

Вскоре я приступил к работе и нашел ее чрезвычайно интересной. Как

я уже говорил, исследования доктора Тэвернера начинались там, где заканчивалась обычная медицина. Мне приходилось заниматься случаями, которые обычный психиатр даже не стал бы рассматривать, а с легким сердцем отправил бы пациента в сумасшедший дом. Но доктор Тэвернер, используя собственные методы, вскрывал причину заболевания, изучая не только душу пациента, но и самые дальние уголки его сознания. Надо ли говорить, что в результате проблема высвечивалась в совершенно новом ракурсе, и это помогало Тэвернеру вырвать пациента из-под власти тьмы, медленно пожиравшей его душу. Одним из таких случаев я считаю дело о зарезанных овцах.

II

Однажды, когда за окном лил сильный дождь, к нам в клинику заглянул один из соседей — явление само по себе необычное, поскольку к доктору Тэвернеру и его работе местные фермеры относились с большим подозрением. Наш посетитель… точнее, посетительница сбросила с себя насквозь промокший плащ, но при этом категорически отказалась снять шарф, несмотря на теплую погоду, дважды обернутый вокруг шеи.

— Я слышала, у вас лечат психические расстройства, — сказала она моему коллеге. — Мне очень нужно поговорить об одном деле.

Тэвернер кивнул, внимательно глядя на девушку.

— Речь идет о моем друге. То есть он мне не друг, а жених. Он просил разорвать нашу помолвку, но я ни за что этого не сделаю, и не потому, что хочу удержать человека, хотя он меня разлюбил, а потому что знаю: он по-прежнему меня любит, но с ним что-то случилось. Что-то такое, о чем он не хочет мне говорить. Я умоляла его честно рассказать обо всем, чтобы мы вместе могли подумать, что нам делать. Понимаете, ведь то, что кажется ему непреодолимым препятствием, я могу преодолеть. Но вы же знаете, как ведут себя мужчины, когда дело касается их чести.

Она с улыбкой взглянула на нас. Почему-то все женщины считают мужчин детьми; впрочем, возможно, они не так уж не правы. Девушка умоляюще сжала руки.

— Мне кажется, я знаю, что его угнетает, потому и пришла к вам. Я хочу спросить, права я или нет.

— Опишите, что происходит с вашим женихом, — сказал доктор Тэвернер.

И девушка поведала нам свою историю.

— Мы с Дональдом обручились, когда он жил у нас во время военных маневров — это было пять лет назад. Между нами всегда царили мир и гармония. Так продолжалось до тех пор, пока он не ушел из армии; тогда мы начали замечать в нем странные перемены. Он по-прежнему часто приходил к нам, но при этом явно не хотел оставаться со мной наедине. Раньше мы часами вдвоем бродили по вересковым пустошам, но с недавних пор он категорически отказался выходить со мной на прогулку. Затем он внезапно прислал письмо, написал, что не может на мне жениться и вообще не хочет меня больше видеть. А еще в письме была одна очень странная фраза: «Если когда-нибудь я приду к тебе и попрошу пойти со мной прогуляться, ни за что не соглашайся». Дома у меня решили, что он просто полюбил другую девушку, и страшно на него рассердились. Но я считаю, дело в чем-то ином. Я написала ему, но он не ответил, и тогда я решила, что между нами все кончено, нужно о нем забыть. Как вдруг он объявился вновь. И вот здесь начинается самое интересное. Как-то раз ночью в курятнике поднялся страшный переполох; мы решили, что к курам забралась лиса. Вооружившись клюшками для гольфа, мои братья вышли во двор, и я вместе с ними. Подойдя к курятнику, мы увидели несколько кур — они валялись на земле, и у каждой было перегрызено горло, словно на них напала крыса. Но когда мальчики проверили дверь курятника, выяснилось, что ее кто-то взломал, чего крыса сделать не могла. Братья решили, что в курятник забрался какой-нибудь цыган, и велели мне идти домой. Я шла по дорожке, обсаженной густым кустарником, и внезапно кто-то загородил мне дорогу. Ярко светила луна, и я сразу узнала Дональда. Он протянул ко мне руки, я бросилась к нему, но вместо того, чтобы поцеловать меня, он наклонил голову и… вот, смотрите!

Она размотала шарф. На шее девушки, возле самого уха, виднелось полукружье мгленьких голубых отметин — явный след человеческих зубов.

— Он искал яремную вену, — сказал Тэвернер. — Ваше счастье, что он не успел прокусить кожу.

— Я спросила: «Дональд, что ты делаешь?» Наверное, мой голос привел его в чувство, потому что он отскочил от меня и бросился в кусты. Мальчики хотели его догнать, но не нашли. Больше мы его не видели.

— Полагаю, вы обратились в полицию? — спросил Тэвернер.

— Папа сказал полицейским, что кто-то пытался залезть в наш курятник, но никого не нашли. Понимаете, я ничего не сказала им о Дональде.

— И вы разгуливаете в одиночку по полям, зная, что он прячется где-то неподалеку?

Девушка кивнула.

— Советую вам не делать этого, мисс Уайнтер. Этот человек крайне опасен, особенно для вас. Мы отвезем вас домой на машине.

— Вы думаете, он сошел с ума? Я тоже так думаю. Наверное, он понял, что теряет рассудок, и разорвал помолвку. Доктор Тэвернер, неужели его нельзя вылечить? Мне кажется, Дональд не болен, тут что-то другое. У нас когда-то была сумасшедшая служанка, так она была явно больна, изнутри — если вы понимаете, о чем я. А с Дональдом все иначе. Он, конечно, болен, но им словно кто-то управляет снаружи, понимаете?

— Вы дали совершенно точное описание симптомов психического расстройства, обычно называемого «одержимостью дьяволом», — заметил Тэвернер.

— Значит, Дональда можно спасти? — оживилась девушка.

— Я сделаю все, что в моих силах, если вы приведете его ко мне.

На следующий день в нашей приемной на Харлей-стрит привратник сделал запись о визите капитана Дональда Крейги. Капитан оказался на редкость обаятельной личностью — один из тех нервных и впечатлительных людей, которых называют творческими натурами. В здоровом состоянии он, вероятно, был очень приятным человеком, однако в тот день к нам явился мрачный, угрюмый тип.

— Не будем терять времени, — сказал он. — Берил нажаловалась вам на меня? Из-за кур.

— Она сказала, что вы пытались ее укусить.

— Она говорила, что я и кур перегрыз?

— Нет.

— Странно, ведь я их в самом деле перегрыз.

Наступила тишина. Затем доктор Тэвернер спросил:

— Когда это у вас началось?

— После контузии. Меня выбросило из траншеи и здорово тряхнуло. Слегка отшибло мозги, в госпитале десять дней провалялся, а потом это и началось.

— Скажите, вы боитесь крови?

— Не очень. В общем, в обморок не падаю. На войне к крови быстро привыкаешь, рядом всегда кого-нибудь ранят.

— Или убивают, — быстро сказал доктор Тэвернер.

— Да, или убивают, — согласился пациент.

— Значит, вам постоянно хочется крови?

— Вроде того.

— И как же вы выходите из положения? С помощью недожаренного

мяса и тому подобного?

— Нет, мясо мне ни к чему. Ужасно в этом признаться, но меня привлекает только свежая кровь — та, что вытекает из жил жертвы.

— Ах, вот как! — отозвался доктор. — Это другая история.

— Я так и думал. Плохо мое дело.

— Напротив! Все, что вы мне только что рассказали, звучит весьма обнадеживающе. У вас наблюдается не жажда крови вследствие некоего внешнего психического воздействия, а тяга к живой плоти, что относится к иному заболеванию.

Крейги вскинул голову.

— Вот именно. Хорошо, что вы мне все объяснили, а то я не знал, что и думать.

Было заметно, что простые и ясные слова доктора подняли его авторитет в глазах пациента.

— Я бы хотел, чтобы вы на время остались у меня в клинике, под моим личным наблюдением, — сказал доктор Тэвернер.

— Я не против, но сначала вы должны узнать еще кое-что. Понимаете, у меня начал меняться характер. Сначала мне казалось, что кто-то управляет мной со стороны, а теперь он вроде как сделался частью меня: я ему отвечаю, помогаю и стараюсь угодить, но так, чтобы самому не вляпаться в историю. Я потому и побежал в курятник, когда залез во двор Уайнтеров, — испугался, что потеряю контроль над собой и наброшусь на Берил. Что я и сделал, потому что куры не помогли. Наоборот, мне стало хуже, «это» сделалось сильнее, когда я ему поддался. Я вижу только один выход — покончить с собой, да не могу решиться. Боюсь, что после смерти встречусь с «ним» лицом к лицу.

— Не надо бояться клиники, — сказал Тэвернер. — Мы будем за вами присматривать.

Когда капитан ушел, доктор спросил меня:

— Вы когда-нибудь слышали о вампирах, Роудс?

— Слышал — ответил я. — Когда у меня была бессонница, я усыплял себя книгами о Дракуле.

— Перед вами прекрасный образец. — Доктор Тэвернер кивнул на дверь, в которую только что вышел капитан.

— Вы хотите сказать, что собираетесь отправиться в Хиндхед и заняться этим отвратительным случаем?

— Почему же отвратительным, Роудс? Душа этого человека попала в ловушку. Конечно, его душа может оказаться не такой уж светлой, но все же это душа, живая душа. Нужно освободить ее, и она очистится сама

собой.

Я всегда восхищался тем, какую удивительную терпимость и жалость доктор Тэвернер проявлял к человеческим слабостям.

«Чем глубже вы погружаетесь в исследование природы человека, — сказал однажды доктор, — тем менее склонны презирать людей, ибо понимаете, сколько им приходится страдать. Люди поступают плохо не потому, что им так нравится, а потому, что выбирают меньшее из зол».

III

Через пару дней меня вызвали, чтобы принять нового пациента. Это был Крейги. Остановившись перед входной дверью, он застыл на месте, словно приклеился к дверному коврику. Он явно стыдился самого себя, и мне не хватило духу прикрикнуть на него, что в данной ситуации было бы вполне объяснимо.

— У меня такое чувство, словно я лошадь понукаю, а она не идет, — сказал он. — Хочу войти, да не могу.

Я позвал доктора Тэвернера. При виде его капитан оживился.

— Ох, — сказал он, — как увижу вас, сразу легче становится. Даже с «ним» могу справиться.

С этими словами он расправил плечи и перешагнул порог. Освоившись в клинике, он как будто позабыл о своих мучениях и казался совершенно счастливым. Берил Уайнтер потихоньку от своих родных навещала его почти ежедневно и очень старалась приободрить, да и сам Крейги, судя по всему, быстро шел на поправку.

Однажды утром я прогуливался со старшим садовником по дорожке сада, обсуждая новые посадки. Мой собеседник обронил фразу, которая припомнилась мне немного позднее:

— Как по-вашему, сэр, всех немецких военнопленных вернули домой? А вот и нет. Прошлой ночью я видел одного у нас в саду, возле дома. Никогда бы не подумал, что снова увижу их проклятую серую форму.

Я понимал его негодование: он побывал в немецком плену, а такие воспоминания не меркнут.

Вскоре я забыл о словах садовника, но через несколько дней мне пришлось их вспомнить. Одна из пациенток подошла ко мне и сказала:

— Доктор Роудс, я считаю, что вы поступаете крайне непатриотично, нанимая на работу немецкого военнопленного. Ведь по стране бродят тысячи безработных английских солдат.

Я заверил ее, что ничего подобного мы не делали, тем более что ни один немец не выдержал бы и дня работы под командой бывшего пленного — нашего старшего садовника.

— Но вчера вечером возле оранжерей я ясно видела человека в военной форме, — заявила она. — Я ее сразу узнала — серая, и фуражка с плоским верхом.

Я рассказал об этом Тэвернеру.

— Передайте Крейги, чтобы он ни под каким видом не выходил из дома после захода солнца, — велел доктор. — И попросите мисс Уайнтер пока не приходить.

Прошел день или два. Я курил в саду послеобеденную сигарету, когда внезапно увидел Крейги: он куда-то спешил, продираясь через кусты.

— Вот погодите, достанется вам от доктора Тэвернера! — крикнул я ему вслед.

— Я потерял сумку с письмами, — ответил капитан. — Хочу вернуться к почтовому ящику и поискать там.

На следующий вечер после заката я вновь столкнулся с Крейги. Тут я не на шутку рассердился.

— Слушайте, Крейги, — сказал я, — раз уж вы поселились у нас, то обязаны соблюдать распорядок! Вы же знаете, что доктор Тэвернер запретил вам выходить по вечерам.

В ответ он оскалился и зарычал, как собака. Решительно взяв его за руку, я отвел капитана обратно в дом, после чего сообщил о случившемся Тэвернеру.

— Все ясно: тварь, что сидела внутри его, вернулась, — сказал доктор. — Очевидно, уморить ее голодом, не подпуская к капитану, мы не сможем. Придется использовать другие методы. Где сейчас Крейги?

— Играет на пианино в гостиной, — ответил я.

— В таком случае идем в его комнату. Снимем защитную оболочку.

Поднимаясь по лестнице, доктор спросил меня:

— Скажите, вы никогда не думали о том, почему Крейги остановился на пороге нашей приемной?

— Я не обратил на это внимания, — ответил я. — Люди с больной психикой часто совершают странные поступки.

— Так вот знайте: этот дом окружен защитной оболочкой, ограждающей его от влияния темных сил. В народе такая оболочка называется «заклятием». Двойник, живущий внутри капитана Крейги, не смог попасть в дом, но и расставаться с «хозяином» он не собирается. Мы попытаемся избавиться от двойника, но это будет трудно. Слишком глубоко

он укоренился в сознании капитана, так глубоко, что Крейги сам начинает действовать по его указке. В дурном обществе человек забывает о хороших манерах, а постоянно сталкиваясь с тварью из преисподней, сам начинает вести себя как дикое существо. Особенно если это чувствительный кельт вроде Крейги.

Когда мы зашли в комнату капитана, доктор Тэвернер подошел к окну и провел рукой по подоконнику, словно что-то с него стряхивал.

— Ну вот, — произнес он, — теперь тварь может сюда пробраться. Она, конечно, вцепится в Крейги, а мы посмотрим, что будет дальше.

Доктор подошел к двери и начертил на пороге какой-то знак.

— Через дверь ему не войти, — сказал он.

Вернувшись в свой кабинет, я застал там местного полисмена.

— Хочу попросить вас, сэр, присматривайте за вашей собакой, — сказал он. — Фермеры жалуются, что кто-то повадился резать овец. Не знаю, что за зверь такой — действует в радиусе трех миль, и все вокруг вашей больницы.

— Наша собака — эрдель, — ответил я. — Не думаю, что он может охотиться на овец, Обычно за овцами гоняются колли, а не эрдели.

В одиннадцать часов мы погасили свет и велели пациентам разойтись по комнатам. По просьбе Тэвернера я надел старый костюм и теннисные туфли на резиновой подошве. Мы встретились в курительной комнате, расположенной как раз под комнатой Крейги, затаились и стали ждать.

— Ничего не предпринимайте, — предупредил меня доктор, — просто следите за происходящим.

Долго ждать не пришлось. Примерно через четверть часа послышался шорох, и в окне показался Крейги. Он торопливо спускался по стене, цепляясь за прочные плети глицинии. Когда он спрыгнул на землю и скрылся в кустах, я тихо последовал за ним, стараясь держаться в тени дома.

Крейги бежал легкой рысцой, как собака; направлялся он, судя по всему, в сторону Френшема.

Сначала я следовал за ним перебежками, используя для укрытия каждый клочок тени, затем понял, что прятаться ни к чему. Крейги был полностью погружен в свои мысли и не замечал ничего вокруг, так что я открыто следовал за ним на расстоянии шестидесяти ярдов.

Он бежал, слегка раскачиваясь и как-то боком, словно гончая. Вокруг расстилалась широкая безлюдная равнина, поросшая вереском, в небольших овражках плавали клочья тумана, на фоне звездного неба четко вырисовывались холмы Хиндхеда. Я не испытывал ни страха, ни волнения:

в конце концов, мы мужчины, и я так же силен, как Крейги, к тому же вооружен «успокоителем» — в руке я сжимал двухфутовый кусок свинцовой трубы с резиновой рукояткой. Такие вещи не входят в официальный список имущества психиатрических клиник, однако подобные дубинки тайком носят в брючинах почти все санитары.

Если бы я знал, с чем мне придется столкнуться, то не стал бы легкомысленно полагаться на «успокоитель». Порой неведение становится отличным заменителем храбрости.

Внезапно у самой дороги появилась овца, и охота началась. Крейги рванул за овцой, та бросилась наутек. Вообще-то овцы бегают довольно быстро, но только на короткие дистанции, к тому же бедняжке сильно мешала длинная шерсть. Крейги загонял ее, постепенно сужая круги. Наконец овца окончательно выбилась из сил, споткнулась и упала на колени. Он тут же набросился на нее и схватил за голову. Что было дальше, я не разглядел, поскольку в это время луна скрылась за облаком; я видел какое-то свечение, словно между мною и темной массой, барахтавшейся среди вереска, опустилась некая полупрозрачная дымка. Когда луна засияла вновь, на земле валялись фуражка с плоским верхом и серая немецкая форма.

Не могу передать, какой ужас охватил меня. Нечеловеческое существо помогало человеческому существу, в тот миг переставшему быть человеком.

Конвульсии овцы наконец затихли. Крейги выпрямился и встал с колен, потом развернулся и все той же рысью побежал на восток — серый двойник не отставал от него ни на шаг.

Не помню, как я добрался до клиники. Я бежал, не оглядываясь — мне казалось, за мной по пятам гонится «он». Порывы ветра я принимал за холодные пальцы, сжимавшие мне горло; густые еловые ветви хватали меня за одежду, когда я пробегал под ними; в зарослях вереска мерещились очертания человеческой фигуры. Я бежал, как в копшарном сне, когда никак не можешь добраться туда, куда стремишься.

Наконец, нимало не заботясь о том, что меня могут увидеть, я пулей пронесся по лужайке перед клиникой, ворвался в курительную и без сил повалился на диван.

IV

— Так-так-так, — произнес доктор Тэвернер. — Неужто все так

плохо?

Отвечать у меня не было сил, но он сам обо всем догадался.

— Куда побежал Крейги? — спросил доктор.

— В ту сторону, откуда светит луна, — ответил я.

— Вы проследили его до Френшема? Значит, он направляется к дому Уайнтеров. Это опасно, Роудс. Его нужно немедленно остановить, хотя, боюсь, мы уже опоздали. Как вы? Сможете пойти со мной?

Доктор заставил меня выпить полный стакан бренди, после чего мы пошли в гараж и вывели машину. Рядом с доктором Тэвернером мне не было страшно. Теперь я понимал, почему в его присутствии пациенты чувствовали себя увереннее. Кем бы ни была та серая тень, доктор сумеет с ней справиться — в этом я не сомневался.

Вскоре мы добрались до места.

— Оставим машину здесь, — сказал доктор, сворачивая на поросшую травой дорожку. — Не будем тревожить их раньше времени.

Осторожно ступая по росистой траве, мы подошли к загону, расположенному около сада Уайнтеров. От садовой лужайки его отделял небольшой заборчик, что позволяло нам не только хорошо видеть дом, но и при надобности быстро добежать до него. Мы притаились в тени увитой розами перголы. Огромные бутоны, в лунном свете ставшие почти бесцветными, казалось, насмешливо поглядывали на нас.

Мы ждали. Внезапно краем глаза я уловил какое-то движение.

Со стороны пастбища на лужайку медленно выкатилось нечто; обойдя дом по широкой дуге, оно скрылось в небольшой рощице слева от дома. Возможно, у меня разыгралось воображение, но мне почудилось, что за существом тянулась полоска тумана.

Мы замерли. Вскоре существо вновь выскочило на лужайку, на этот раз гораздо ближе к дому — очевидно, он ходил сужающимися кругами. На третий раз он появился прямо перед нами.

— Быстрее! Хватайте его! — шепнул Тэвернер. — Не то в следующий раз он влезет в окно.

Перемахнув через заборчик, мы во весь дух побежали по лужайке. В этот момент в окне показалась девушка — Берил Уайнтер. Тэвернер, который был хорошо виден в свете луны, приложил палец к губам и кивнул ей, прося выйти к нам.

— Сейчас я сделаю одну весьма рискованную вещь, — прошептал он. — Попробуем, ведь Берил храбрая девушка, и, если у нее не сдадут нервы, сегодня все закончится.

Через несколько секунд Берил тихо выскользнула через заднюю дверь

и встала рядом с нами. На ней был плащ, накинутый на ночную сорочку.

— Берил, вы готовы исполнить одно весьма неприятное поручение? — спросил Тэвернер. — Гарантирую вам полную безопасность — если у вас хватит сил сохранять спокойствие. Учтите: если от страха вы растеряетесь, это смертельно опасно.

— Дело касается Дональда? — спросила она.

— Да, — ответил Тэвернер. — Сегодня я надеюсь избавиться от твари, которая преследует вашего жениха и хочет пожрать его целиком.

— Я видела это существо, — сказала девушка. — Оно похоже на серый туман, плавающий у Дональда за спиной. У него очень страшное лицо. Эта тварь заглянула к нам в окно, пока Дональд бегал кругами вокруг дома.

— И что же вы сделали? — спросил Тэвернер.

— Ничего. Я испугалась за моих близких. Понимаете, если бы я их позвала, они всем рассказали бы об этом лице, и их отправили бы в сумасшедший дом.

Тэвернер кивнул.

— Совершенная любовь изгоняет страх… — сказал он. — Вижу, на вас можно положиться.

С этими словами Тэвернер вывел мисс Уайнтер на залитую лунным светом террасу.

— Как только Крейги вас заметит, — сказал он, — бегите. Сначала за угол, потом в сад. Мы с Роудсом будем вас там ждать.

С террасы на задний двор вела узкая дверь. За ней мы с доктором и спрятались.

— Когда он будет пробегать мимо, хватайте его и держите изо всех сил, — велел мне Тэвернер. — Будьте осторожны: следите, чтобы он вас не покусал. Это очень заразно.

Едва мы спрятались за дверью, как на террасе послышался дробный топот. Очевидно, капитан сразу заметил Берил, поскольку с рыси мгновенно перешел на бешеный галоп. Как и было условлено, девушка развернулась и, забежав за угол дома, спряталась за спиной Тэвернера. И тут же из-за угла вылетел Крейги. Еще один прыжок, и он впился бы в Берил зубами, но я успел поймать его, схватил за локти и зажал мертвой хваткой. Какое-то время он отчаянно сопротивлялся и вырывался, но я применил старый прием, заломил ему руку и повалил на землю.

— Так, — сказал доктор, — держите его крепче, а я займусь двойником. Прежде всего нужно отделить его от Крейги, иначе он вернется, и капитан может умереть от шока. Мисс Уайнтер, вы готовы?

— Я сделаю все, что потребуется, — твердо ответила девушка.

Вынув из кармана небольшой футлярчик, доктор достал из него скальпель и сделал за ухом Берил небольшой надрез. В лунном свете блеснула черная капелька крови.

— Это наша приманка, — пояснил Тэвернер. — А теперь подойдите к Крейги и попытайтесь выманить двойника. Сделайте так, чтобы он вышел за вами на открытое место.

Когда Берил приблизилась к Крейги, тот начал извиваться в моих руках, как дикий зверь; внезапно от темной стены отделилась серая тень и через миг очутилась прямо у моего локтя. Мисс Уайнтер подошла ближе, оказавшись почти полностью внутри тени.

— Не так близко! — крикнул ей Тэвернер, и она остановилась.

Серая тень словно раздумывала, как поступить; затем отделилась от Крейги и поползла к Берил. Та отступила на шаг, тень последовала за ней — и оказалась в ярком лунном свете. Ее было хорошо видно — от фуражки с плоским верхом до сапог с высокими голенищами. Высокие скулы и раскосые глаза выдавали уроженца той части Юго-Восточной Европы, где проживают варварские народы, до сих пор отвергающие цивилизацию и придерживающиеся странных верований.

Тень медленно двинулась за девушкой. Когда она удалилась от Крейги примерно на двадцать ярдов, доктор Тэвернер внезапно вышел из-за двери, отрезав путь к отступлению. Тень мгновенно почуяла его присутствие, резко обернулась, и тут началась игра в кошки-мышки: Тэвернер пытался загнать тень в психическую клетку, которую он для нее заготовил. Невидимые для меня каналы психической силы воздействовали на тень, заставляя ее подчиняться воле Тэвернера. Она боролась, извивалась, пыталась вырваться из цепких пут, но Тэвернер крепко держал ее, продвигая к вершине невидимого треугольника, где он смог бы нанести ей coup de gráce. [28]И вот наступила развязка. Тэвернер рванулся вперед. Я увидел знак, а за ним последовал звук. Серая тень завертелась волчком. Она крутилась все быстрее и быстрее, постепенно превращаясь в серый туман; вскоре и туман рассеялся. Тень распалась на частицы, и с едва слышным писком, возникшим из-за бешеной скорости вращения, душа отправилась туда, где ей было уготовано место.

Затем что-то произошло. Ледяной ад безграничного ужаса исчез, и я вновь увидел обычный задний двор. Деревья перестали казаться ужасными чудовищами, а стена, окружающая двор, вновь стала обычной оградой, а не темной западней, из которой — я знал это наверняка — больше никогда не выползет серая тень, чтобы отправиться на свою ужасную охоту.

Я ослабил хватку, и Крейги тихо повалился на землю. Мисс Уайнтер побежала будить отца, а мы с доктором понесли бесчувственного капитана в дом.

Что наговорил великий обманщик Тэвернер семейству Уайнтеров, я так и не узнал, но спустя два месяца нам с доктором прислали кусок свадебного торта — не обычный кусочек, а огромный кусок. К нему была приложена записка от невесты, предлагавшей отправить торт в наш буфет, где, как известно, хранились закуски, которыми доктор любил угощаться во время ночных дежурств.

Во время одного из таких ночных «перекусонов» я попросил доктора подробнее рассказать мне о капитане Крейги и преследовавшей его твари. Я долго не решался начать тот разговор: воспоминания об ужасной резне овец не давали мне покоя.

— Вы же слышали о вампирах, — ответил доктор Тэвернер. — Так вот, это типичный случай. В течение последней сотни лет они почти не встречались в Европе — я имею в виду Западную Европу, — однако все изменила война. Первое время, когда какой-нибудь несчастный солдат начинал бросаться на раненых, его просто уводили подальше и расстреливали. Не слишком разумный способ избавиться от вампира, если не сжечь ею труп, как полагается в делах, связанных со старой доброй черной магией. Затем наше просвещенное поколение пришло к выводу, что вампиризм — не преступление, а болезнь и несчастных, одержимых этим дьявольским наваждением, следует помещать в лечебницу для душевнобольных. Там они не жили долго, поскольку были лишены необходимой пищи. И никому ни разу не пришло в голову, что проблема вампиризма связана с чудовищным союзом, связывающим мертвых и живых.

— Господи боже, о чем вы говорите? — спросил я.

— Как вам известно, у человека есть две оболочки — материальная и астральная. Астральная находится внутри материальной и служит своего рода средой для жизненных сил, играющих в жизни человека огромную роль — какую именно, могла бы сказать современная наука, если бы потрудилась ими заняться. Когда человек умирает, его астральная оболочка вместе с заключенной в ней душой выходит из материальной формы и витает рядом с телом в течение трех дней или до тех пор, пока плоть не начнет разлагаться. Затем душа покидает астральное тело, которое также умирает, и человек вступает в первую фазу своего post mortem [29]существования, то есть, иными словами, попадает в чистилище. Астральное тело может существовать бесконечно долго — при условии,

что его подпитывает жизненная энергия. Однако, не имея желудка для переваривания пищи и превращения ее в энергию, оно вынуждено кормиться за счет того, у кого он есть, то есть превращается в духа-паразита, которого мы называем вампиром. Черную магию хорошо знают в Восточной Европе. А теперь представьте себе, что один из таких людей погибает на войне. Он знает, что через три дня умрет его астральное тело и ему придется отвечать за свои грехи, чего вампиру совсем не хочется. Тогда он устанавливает связь с подсознанием какой-нибудь души, имеющей тело, при условии, что она ему подходит. Например, слишком образованный человек ему ни к чему, нужно подыскать кого-нибудь попроще, средних способностей, из низших слоев. Видите, как опасно пренебрегать образованием! Астральный двойник может временно вселиться в человека, например, после контузии; а затем вампир начинает действовать, овладевая душой даже развитого человека — вроде капитана Крейги, — чтобы использовать его в качестве источника пищи.

— Но почему в таком случае это существо не довольствовалось одним Крейги и заставляло его нападать на других людей?

— Потому что Крейги, став пищей вампира, умер бы через три дня, и тварь осталась бы без своей «бутылочки с молоком». Она действовала посредством Крейги, принуждая его высасывать жизненную энергию из других и передавать ее себе. Поэтому Крейги испытывал постоянную потребность в жизненной энергии, а не в свежей крови, хотя вместе с кровью своих жертв получал и жизненные силы.

— Выходит, солдат германской армии, которого мы все видели…

— Это попросту труп, умерший не до конца.

Эверил Уоррелл

Миссис Эверил Уоррелл Мерфи(1893–1969) получила образование в Университете Джорджа Вашингтона в Вашингтоне. Ее первая публикация состоялась в феврале 1916 года в журнале «Оверленд мансли». В отличие от большинства своих современников, писавших для палп-изданий, Уоррелл — автор совсем небольшого числа произведений: между 1926 и 1954 годами на журнальных страницах (главным образом в «Странных историях») было напечатано около двадцати ее рассказов. Среди мистических произведений Уоррелл, появившихся в «Странных историях» и затем неоднократно включавшихся в различные антологии, — рассказы «Извне» (апрель 1928 года), «Простейший закон» (июль 1928 года), «Не зови их по имени» (март 1954 года) и повесть «Жила-была маленькая девочка» (январь 1953 года). Она также написала для «Странных историй» повесть «Норна», которая была опубликована в феврале 1936 года под псевдонимом Лирев Моне.

Публикуемый в настоящем томе «Канал» — самый известный рассказ Уоррелл, впервые напечатанный в «Странных историях» в декабре 1927 года и впоследствии не раз включавшийся в жанровые антологии. Он также послужил сюжетной основой одного из эпизодов телесериала Рода Серлинга «Ночная галерея»; поставленный Леонардом Нимоем эпизод под названием «Смерть на барже», с участием Лесли Энн Уоррен и Лу Антонио, был впервые показан в эфире канала Эн-би-си 4 марта 1973 года.

Канал (© Перевод С. Теремязевой.)

Мимо спящего города, петляя, река течет, рядом тихо, как зверь, канал ползет.

Нет, я не собирался говорить стихами, хотя, согласитесь, в этой картине есть какое-то поэтическое очарование — тягостное и мрачное, как стихи По. Я испытал его на себе, ибо слишком часто бродил по заросшим травой тропинкам там, где черные деревья, жалкие лачуги и далекие фабричные трубы отражались в грязном, лениво движущемся потоке, больше напоминавшем стоячую лужу.

Я всегда любил ночные прогулки. Современная жизнь сделала нас скептиками, презирающими древние врожденные страхи, которые преследовали человечество на протяжении многих поколений. Нас спасает

то, что мы не склонны бродить в одиночку. Мы выходим на ночные прогулки, однако наши цели находятся на ярко освещенных улицах или там, куда люди отправляются с компанией. Собираясь в далекое путешествие, мы ищем себе спутников. Мало кто из моих знакомых — и даже из всех жителей города — отважился бы один гулять ночью по тем тропинкам, и вовсе не из-за страха, а потому что так никто не делает.

Опасно быть не таким, как все. Опасно сворачивать с наезженного тракта. Эти опасности, подстерегавшие человечество на заре его существования и дальше, на протяжении столетий, имели реальную основу.

Месяц назад меня здесь никто не знал. Я только что вступил во взрослую жизнь — три месяца назад, весной, закончил колледж. Я был одинок и в ближайшее время не собирался заводить друзей, ибо всегда отличался склонностью к уединению.

Как-то раз я получил приглашение провести выходные в летнем лагере, где отдыхал мой коллега — мы работали с ним в одной фирме. Лагерь располагался на берегу широкой реки, прямо напротив города и канала, на высоком и крутом откосе, поросшем густым лесом. У самой воды, словно цветы, пестрели разноцветные палатки. По ночам, когда лагерь скрывался во тьме, вдоль берега виднелась лишь вереница искрящихся огоньков и крошечных фонариков, да над спокойной водой тихо звенела музыка. Тот берег никак не подходил для человека эксцентричного и любящего одиночество, но ближний берег — он наверняка оскорблял бы взоры обитателей лагеря, не будь река столь широка, — привлек меня сразу, как только я его увидел.

Проплыв на катере вдоль берега, мы повернули назад и пошли против течения. Я оглянулся, чтобы еще раз увидеть то, что оставалось за кормой: вонючая стоячая лужа, называемая каналом, скопление низких домиков, пустынная и узкая полоска земли между каналом и рекой, темные редкие деревья. Я решил, что непременно вернусь и исследую это место.

В те выходные я чуть не умер от скуки, зато вечер понедельника вознаградил меня сполна — мой первый вечер после возвращения в город, одинокий и свободный. Покончив с делами в офисе, я в полном одиночестве пообедал. Затем ушел к себе в комнату и проспал с семи до полуночи. Проснулся я, уже предвкушая исследование того восхитительно уединенного места, которое обнаружил. Я оделся, тихо выскользнул из дома, сел в машину, завел двигатель и покатил по освещенным улицам.

Я оставил машину на грязной мостовой, сбегавшей прямо к чернильно-черным водам канала, пересек узкий мостик и вышел туда, куда так стремился. Через несколько минут я стоял на старом бечевнике, где

всего год назад мулы тянули суда вверх и вниз по реке. Я бодро шагал по берегу, и строй жалких лачуг, где жили жалкие люди, двигался рядом со мной, пока не отстал.

Мостик находился в северной части города, а канал проходил вдоль его западной границы. Десять минут ходьбы — и река вместе с убогими хижинами осталась позади, пустынная полоска суши стала шире и покрылась растительностью. Высокие деревья на противоположном берегу канала, подражая лачугам, строем сопровождали меня. Со стороны города послышался слабый звон колокола. Полночь.

Я остановился, наслаждаясь тишиной и покоем. Наконец-то я получил именно то, чего хотел. Я посмотрел на небо: по нему медленно ползли тяжелые облака, подсвеченные снизу тусклыми огнями города, отчего казалось, что они сияют сами по себе. Земля у меня под ногами, напротив, была совершенно черной. Я почти инстинктивно выбирал путь вдоль канала, едва различая в темноте более черную, чем сама ночь, воду и медленно ступая по утоптанной тропинке.

Но когда я вновь остановился и замер, возведя глаза к небу, а в моей голове начали возникать самые невероятные видения и образы, ощущение счастья и блаженства внезапно улетучилось, уступив место какому-то другому чувству. Страх был мне неведом — меня всегда притягивали такие места, пугавшие обычных людей. Однако теперь по моей спине побежали мурашки; наверное, то же самое испытывали наши предки, когда у них на загривке вставала дыбом шерсть. Я понял, что за мной следят, и боялся шевельнуться. Я застыл как вкопанный, глядя в небо. Затем сделал усилие и заставил себя встряхнуться.

Медленно, медленно, стараясь не спугнуть невидимого наблюдателя, я опустил голову и взглянул вперед — на верхушки деревьев, тихо покачивающиеся от порывов прохладного ночного ветерка, на черную массу деревьев и противоположный берег, где поблескивала поверхность канала с отражениями облаков. Привыкнув к темноте, я разглядел смутные очертания старой лодки или баржи, наполовину ушедшей в воду. Но что это? Мне кажется или на самом деле на крыше каюты видна облаченная в белые одежды фигура? Бледное правильное лицо… мерцающие глаза, как будто озаряющие лицо светом… Неужели я все это вижу сквозь тьму?

Да, сомнений быть не может, я видел эти глаза. Они блестели, как блестят в темноте глаза животных — фосфорическим блеском, к тому же красным! Впрочем, я слышал, что у некоторых людей в темноте глаза тоже светятся красным.

Но как здесь мог оказаться человек, к тому же девушка? В том, что это

девушка, я был почему-то уверен. Такое личико могло быть только у девушки. Я видел его все яснее, поскольку привык к темноте и мог различать очертания предметов; возможно, этому помогло красное свечение глаз незнакомки.

Стараясь не нарушать тишину ночи, я тихо позвал:

— Эй, привет! Вы кто? Вы заблудились или упали с лодки? Вам нужна помощь?

Сначала ответа не было. Я слышал, как у моих ног тихо плещет вода. Налетел порыв ветра, и волны сильнее забили о берег. Весь день стояла жара, я вспотел и теперь трясся от холода.

— Не уходите. Можете со мной поговорить, если хотите. Я одна, но не заблудилась. Я… живу здесь. — Девушка ответила шепотом, но я услышал ее совершенно отчетливо.

Она жила здесь — в старой заброшенной лодке, наполовину затопленной в стоячей воде!

— Вы одна?

— Нет. Я живу с отцом, но он глухой и спит очень крепко.

Ветер ли стал холоднее, словно налетел с какого-то неведомого ледяного моря, или меня насторожил ее тон? И почему меня так влечет к ней? Внезапно мне захотелось прижать ее к себе, заглянуть ей в лицо, утонуть в этих глазах, мерцающих во мраке ночи. Мне захотелось… да, захотелось заключить ее в объятия и целовать ее губы…

Я сделал шаг к воде.

— Можно к вам? — спросил я. — Сейчас тепло, и я не боюсь промокнуть. Знаю, уже поздно, но мне бы хотелось посидеть с вами и поболтать — всего несколько минут, а потом я вернусь в город. Вам не скучно жить в таком месте?

Это вызвало ее решительный и необъяснимый протест. Девушка выкрикнула звенящим голосом:

— Нет! Нет, ни за что! Вам сюда нельзя!

— Может быть, завтра? Я могу прийти днем. Мы посидели бы у вас на лодке, или вы перебрались бы ко мне, на берег.

— Днем — нет! Никогда!

И вновь от изумления я лишился дара речи.

Судя по ее тону, она запрещала мне приближаться не из-за неподходящего времени. Без сомнений, любая здравомыслящая девушка назначает свидание днем, а незнакомка особо подчеркнула, что «днем — никогда», словно встреча с ней возможна лишь ночью.

На меня по-прежнему действовало какое-то колдовское очарование,

словно в воздухе витал дурман, затуманивающий сознание и путающий мысли. Я проговорил:

— Почему «днем — никогда»? Вы хотите сказать, что я могу приходить сюда по ночам, но сейчас мне нельзя перебраться к вам? Почему? Вы боитесь за мою одежду, а сами не хотите перебросить доску и добраться до берега, чтобы немного посидеть со мной? Я приду еще раз, если мы с вами сможем спокойно разговаривать, а не кричать через воду. А если я приеду днем и представлюсь вашему отцу, что в этом плохого? Вдруг мы подружимся?

— По ночам отец спит, а днем сплю я. Поэтому я не могу встретиться с вами и познакомить вас с отцом. Если вы придете к нам днем, то, конечно, сами встретитесь с ним — и очень об этом пожалеете. А я в это время буду спать. Теперь вы понимаете, что я никогда не смогу представить вас отцу?

— Вижу, вы спите очень крепко, как и ваш отец.

В моем голосе слышалась досада.

— Да, у нас крепкий сон.

— И вы всегда спите по очереди?

— Всегда. Мы охраняем друг друга. Один из нас постоянно охраняет другого. С нами обошлись жестоко… в вашем городе. С тех пор мы живем здесь. И мы всегда начеку.

Обида улеглась, и мое сердце вновь потянулось к ней. Во мраке ночи она казалась такой бледной, такой беззащитной. Глаза окончательно привыкли к темноте, и я разглядел облик моей новой знакомой — если можно было считать знакомством разговор через черную гладь канала.

Печаль, царившая вокруг, и полное одиночество девушки усиливали мое сочувствие к ней. Но было и кое-что еще. В воздухе ощущалось нечто странное, на что я не сразу обратил внимание: меня пронизывал странный леденящий холод, не похожий на обычную ночную прохладу. Темнота давила на меня, лишая возможности дышать полной грудью, и ночь казалась на редкость душной. В воздухе вдруг прокатилась волна мертвящего холода — пронеслась и исчезла, не изменив температуры, как рябь, пробегающая по воде и исчезающая, не замутив поверхности.

Но и это еще не все. Я чувствовал неприятный запах — дух тлена и сырости, напоминающий о смерти и разложении. Даже мне, знатоку всего мерзкого и гадкого, приходилось делать над собой усилие, чтобы вытерпеть этот запах. Каково же этим людям, вынужденным постоянно вдыхать такие миазмы? Нет, лучше об этом не думать. Впрочем, девушка и ее отец наверняка давно привыкли к запаху. Несомненно, он исходил от застоявшейся воды канала и гниющей деревянной лодки, на которой нашли

приют эти несчастные.

Приглядевшись, я увидел, что девушка болезненно худа, хотя ее лицо казалось весьма привлекательным. Платье болталось на ней, как на вешалке, однако она вовсе не походила на пугало. Я был уверен, что ее бледное овальное личико понравилось бы мне еще больше, если бы я взглянул на него поближе. Значит, я просто обязан был подружиться с членами этой странной команды, несущей вахту на полузатопленной лодке.

— Не лучшее вы выбрали место, — после паузы сказал я. — Даже не имея денег, можно найти что-то поуютнее. Но мне кажется, я могу вам помочь. Уверен в этом. Если вас унижали из-за нищеты, то я… я, конечно, небогат, но все же могу вас выручить. Позвольте одолжить вам немного денег или подыскать работу. Хотите?

Ее глаза, пристально наблюдавшие за мной, мерцали во тьме, как два маленьких озера, в которых отражается безоблачное небо. Сжавшись в комок, девушка сидела на крыше каюты. Внезапно она вскочила на ноги — одним резким, быстрым и гибким движением — и, прежде чем ответить, несколько раз прошлась взад и вперед.

— Так вы думаете, что поможете мне, если усадите за письменный стол и запрете в четырех стенах, если я потеряю свободу делать то, что мне хочется, и поступать по-своему? Ни за что! Лучше я буду жить в этой старой лодке или в одинокой могиле под звездами!

Мы явно были похожи, я и это странное существо, чье лицо я так старался разглядеть в темноте. Я сам ответил бы примерно так же, поскольку чувствовал то же самое, хотя ни разу не выражал свои мысли столь категорично. Моя размеренная, расписанная по часам жизнь — как она была скучна! Настоящая жизнь начиналась лишь по ночам, когда я выбирался из дому. Да, девушка права! Человек должен жить так, как ему нравится.

— Вы не представляете, как я вас понимаю, — ответил я. — И мне бы хотелось вновь с вами встретиться. Честное слово, я могу вам помочь. Отныне можете располагать мной. Прикажите — я все исполню. Клянусь!

— Клянетесь? Всерьез клянетесь?

В восторге от того, с каким пылом она восприняла мои слова, я торжественно воздел руку к темным небесам.

— Клянусь. Отныне и навсегда, клянусь.

— Тогда слушай. Сегодня тебе нельзя перебраться ко мне, и я тоже не сойду на берег. Я не хочу, чтобы ты поднимался к нам на лодку — ни сегодня, ни когда-либо. Тем более днем. Но не печалься. Я сама приду к тебе. Нет, не сегодня и не завтра — когда-нибудь. Может быть, не очень

скоро. Я сойду на берег, когда вода в канале перестанет течь.

Должно быть, я невольным жестом выразил нетерпение или отчаяние. Ее слова означали «никогда». Разве может вода в канале перестать течь? Наверное, девушка угадала мои мысли. Она произнесла:

— Ты не понял. Я говорю серьезно: обещаю, мы с тобой встретимся здесь, на берегу. Вода бежит все медленнее и медленнее. Выше по течению канал уже пересох. Здесь, между шлюзами, вода еще просачивается и движется, хоть и медленно. Но наступит ночь, когда течение остановится, — и я приду к тебе. А когда мы встретимся, я попрошу тебя об одной услуге.

Вот такие обещания я получил в ту ночь. Девушка вновь уселась на крыше каюты, сжалась в комок и недвижным взором уставилась на меня. То есть мне казалось, что она смотрит на меня, но в следующее мгновение я в этом сомневался. И все же я чувствовал ее немигающий взгляд. Холодный ветер, про который я забыл во время нашего разговора, налетел вновь, зловонный запах тлена и гнили усилился.

Я вернулся домой перед самым рассветом, тихо поднялся по лестнице и проскользнул в свою комнату.

На следующий день я падал с ног от усталости. Шли дни, а я чувствовал себя все хуже — ведь человек не может обходиться без сна. Как безумный, бродил я по старому бечевнику и ждал, ночь за ночью, стоя напротив полузатонувшей лодки. Иногда я видел свою ночную даму, иногда — нет. Она почти не разговаривала со мной; время от времени она садилась на крышу каюты и позволяла любоваться собой до зари или до того момента, когда меня охватывал внезапный страх и я убегал домой, в свою комнату, там валился на постель и засыпал. Мне снились страшные сны, и я ворочался на постели до тех пор, пока мне на лоб не падали первые лучи солнца. Тогда я вскакивал, наспех одевался и мчался на работу.

Однажды я спросил ее, почему она поставила столь странное условие: вода в канале должна остановиться, чтобы она пришла ко мне. (Как жадно я всматривался в эту воду! Как часто бегал на берег лишь затем, чтобы в очередной раз увидеть грязный поток, в котором медленно плыли пузыри, пучки соломы, ветки и разный мусор!) Однако мои расспросы вызывали у нее лишь раздражение, и я перестал их задавать. Девушка решила покапризничать, пусть так. Мое дело — ждать.

Через неделю я снова задал ей вопрос, уже на другую тему. После чего усмирил свое любопытство.

— Никогда не спрашивай меня о том, чего не знаешь, иначе ты меня больше не увидишь!

Я всего лишь спросил, за что ее с отцом преследовали в нашем городе, что вынудило их искать убежища на старой лодке и где они жили раньше.

Чтобы не потерять ее доверие, я поспешил переменить тему. Но пока подыскивал слова, услышал ее тихий голос:

— Ужасно, ужасно! Эти домишки под мостом и вдоль канала, неужели они лучше моей лодки? Я задыхалась, я не могла там жить! У меня не было свободы, а теперь я свободна. Скоро я забуду все, чего не забыла до сих пор. Этот визг, крики и проклятия! Представь себе, что сидишь в одной из тех лачуг и дрожишь от страха за собственную жизнь!

Я не нашел слов для ответа. Удивительно, что она вообще снизошла до воспоминаний. Я понял одно: до того, как поселиться на старой гниющей лодке, она жила в одной из тех ужасных развалюх на берегу. Каждая из них выглядела как место преступления.

Покидая ее в ту ночь, я чувствовал себя готовым на все.

Однако на следующий день мне в голову закралась тревожная мысль. Я жил, как во сне, и впервые задумался о том, куда эта дорога может завести меня. Я вообразил, что в старых домиках вдоль канала таится ужас и девушка сбежала оттуда. Мне очень нравилась зловещая атмосфера тайны, окружавшая объект моих весьма необычных ухаживаний, но не слишком ли разыгралось мое воображение?

К этому времени у меня начались серьезные проблемы. Не то чтобы у меня появились враги, но за моей спиной начали шушукаться коллеги. Поразмыслив, я пришел к выводу, что еще немного — и меня объявят сумасшедшим, хотя пока еще со мной держались в высшей степени вежливо, стараясь лишний раз не беспокоить, что устраивало меня на все сто. Мучительно проживая очередной тягучий серый день, изнывая от бессонницы, чувствуя на себе косые взгляды коллег, я мечтал об одном: чтобы скорее наступила ночь.

Однажды я подошел к тому человеку, который приглашал меня в летний лагерь.

— Ты когда-нибудь обращал внимание на домики, что стоят вдоль канала со стороны города? — спросил я его.

Он бросил на меня странный взгляд. Видимо, понял, что я впервые хочу поговорить о чем-то очень важном.

— Странные у тебя вкусы, Мортон, — после недолгого молчания сказал он. — Я слышал, ты любишь бродить в уединенных местах. Советую тебе, держись подальше от этих домиков. Там сплошная грязь, и слухи о них ходят самые неприятные. Если будешь около них прогуливаться, можешь попасть в историю. Там произошло несколько

убийств, а рядом обнаружили наркопритон. Скажи на милость, зачем они тебе понадобились?

— Они мне не нужны, — ответил я. — Просто мне интересно на них посмотреть, не заходя внутрь. По правде говоря, я слышал одну историю. Неважно, где. Ты говоришь, там кого-то убили? Так вот, я слышал, что в одной из лачуг жили отец и дочь, а потом что-то случилось, и все на них ополчились, а они сбежали из города. Ты что-нибудь об этом знаешь?

Барретт посмотрел на меня так, словно эта жуткая тема заставила его похолодеть от страха.

— Постой, я что-то припоминаю, — сказал он. — Об этом писали газеты. В поселке пропала маленькая девочка; все решили, что она погибла, и обвинили в ее смерти отца и дочь. Говорили, что они… боже, не хочу об этом вспоминать. Кошмар какой-то. Ребенка вскоре нашли — вернее, нашли то, что от него осталось. Тело было изуродовано до неузнаваемости, и все решили, что это сделано специально, чтобы скрыть причину смерти. На горле девочки зияла страшная рана, а умерла она от потери крови. Тело нашли… знаешь, где? В комнате той девицы. Правда, старик с дочерью успели сбежать до приезда полиции. Полицейские прочесали все окрестности, но беглецов не нашли. Неужели ты ничего не знал? Об этом писали все газеты.

Теперь я вспомнил ту историю. И вновь в мою душу закрались страшные сомнения. Так кем же — или чем — была девушка, похитившая мое сердце?

Измученный усталостью, преследуемый страшным наваждением, мой разум отказывался воспринимать реальность. Я чувствовал себя как лунатик, когда инстинкт предупреждает его об опасности, не давая подходить к самому краю крыши.

В голове возникали страшные картины. Я читал, что существуют женщины-убийцы, постоянно испытывающие жажду крови, а еще есть привидения или призраки. Имя им легион, о них можно прочитать во множестве старинных книг о нечистой силе, и их жажда крови не исчезает и после смерти. Вампиры, вот как их называют. Днем они мертвы, а ночью превращаются в злых духов, бродят в собственном обличье, в виде летучих мышей или зверей и убивают тела и души своих жертв. Тот, кто умирает от «поцелуя» вампира, сам становится вампиром. Я не раз читал о таких вещах.

Я перебирал в памяти все, что знал о живых мертвецах, и вот что вспомнил: одну преграду они не в силах преодолеть, и эта преграда — текущая вода.

В ту ночь я, как обычно, отправился на берег канала, полностью сознавая свое жалкое положение. Не осталось сомнений — я стал жертвой колдовства более сильного, чем моя слабая воля. Я вышел на берег в тот момент, когда часы на городской башне начали отбивать полночь. Луны не было, небо затянули тучи. Где-то на горизонте вспыхивали зарницы, словно за гранью мира горели невидимые огни. В их зловещих отблесках я увидел кое-что новое: между старой лодкой и берегом темнело что-то длинное и тонкое — узкая доска! В тот момент я понял, что затеял игру с силами зла и они не собираются меня отпускать. Нет, они вцепились мне в горло мертвой хваткой. Зачем я пришел сюда? Почему? Не потому ли, что наложенные на меня чары обладают большим могуществом, чем то, другое, чистое и высокое, что зовется любовью?

Сзади хрустнула ветка, и что-то коснулось моей руки.

И тут началось то, что снилось мне в страшных снах. Даже не поворачивая головы, я знал, что прекрасное бледное лицо со сверкающими дивными глазами приблизилось к моему лицу. Она была совсем рядом, стоит только протянуть руку — и можно коснуться ее гибкого стана, который я так давно мечтал заключить в объятия. Наверное, мне полагалось испытывать блаженство, ведь исполнились мои желания, но я чувствовал лишь невероятную, гнетущую духоту и отвратительную вонь, наполнившую неподвижный воздух. Тело обдавали порывы ледяного ветра, всегда налетавшего в этом месте, заставляя меня дрожать от холода. Но это был не ветер, потому что листья на деревьях не шевелились, словно давно увяли.

Медленно, с усилием, я повернул голову.

Две руки обхватили меня за шею. Бледное лицо придвинулось совсем близко, так что теплое дыхание овевало мою щеку.

И вдруг мое сердце затрепетало, и все хорошее, что еще оставалось в моей испорченной натуре, всколыхнулось в едином протесте. Мне хотелось приникнуть губами к этому красному рту, раскрывшемуся передо мной, как темный цветок; я жаждал его — и вместе с тем испытывал непреодолимый ужас. Вырвавшись из объятий девушки, я крепко сжал тонкие руки, только что обнимавшие меня за шею.

Я стоял на тропе, лицом к городу. Жаркую духоту летней ночи нарушил глухой раскат грома. Вспышка молнии разорвала небо пополам, осветив всю вселенную. Тучи стремительно неслись, гонимые воздушными потоками в верхних слоях атмосферы, и приобретали уродливые, фантастические формы, а воздух над самой землей был недвижим. В отдалении, возле канала, зловещие отблески молний как будто специально

зависали над рядами отмеченных проклятием убийства жалких лачуг, где бродил призрак мертвого ребенка.

Не сводя глаз с этих домиков, я отстранился от бледного лица с горящими глазами, с трудом высвободился из цепких объятий. Прошло долгое мгновение. Зарево погасло, и мир погрузился во тьму. Но на мое лицо падали отблески гораздо более страшного огня — огня горящих глаз, неотрывно смотревших на меня, пока я машинально вглядывался в темнеющий вдали ряд лачуг.

Эта девушка, эта женщина откликнулась на мои неразумные просьбы и пришла ко мне, но она не любила меня. Она не любила меня — но это еще не все. Она увидела, что я смотрю туда, где осталось ее ужасное прошлое, и — я был в этом уверен — поняла, о чем я думаю. Она поняла, почему я испытывал ужас при виде тех домиков, и поняла, что тот же ужас внушает мне сама. За это она меня возненавидела лютой ненавистью, на какую не способно ни одно живое существо.

Какой человек мог вместить в себя ту ненависть, которую я, дрожа с ног до головы, видел в ее взгляде? Там пылал огонь, напоминающий не сияние женских глаз, а адское пламя.

В тот же миг все мое спокойствие улетучилось. Я осознал, что попал в кошмарную ситуацию, откуда не было выхода. Все это происходило на самом деле, я не мог проснуться и стряхнуть с себя страшные видения. Сейчас, записывая эти строки, я вновь испытываю ту же панику. Она возрастает, так что скоро мне придется отложить ручку. Если бы не твердая решимость исполнить свой долг, я бы уже выскочил на улицу и с дикими воплями бежал куда глаза глядят, пока меня не поймают и не посадят в комнату с крепкими решетками на окнах. Возможно, там я бы почувствовал себя в безопасности…

Я до сих пор вздрагиваю от ужаса, стоит мне вспомнить тот взгляд, полный ненависти, и горящие красным огнем глаза. Я хотел бежать, но две тонкие руки удержали меня, крепко схватив за руку. Я избежал смертельного поцелуя, но не смог отказаться от обещания, которое я дал.

— Ты обещал, ты поклялся, — прошептала она мне в самое ухо. — И сегодня ты сдержишь клятву.

Моя клятва… да, я должен ее сдержать. Ведь я воздел руку к темным небесам и поклялся, что исполню любое ее желание. Я поклялся по собственной воле, без принуждения.

Нужно спасаться.

— Позволь, я помогу тебе вернуться на лодку, — забормотал я. — Ты не испытываешь ко мне никаких чувств, и я тоже, как ты сама убедилась,

тебя не люблю. Я пойду в город, а ты возвращайся к отцу и забудь человека, нарушившего твой покой.

Смех, прервавший мои слова, я не забуду никогда.

— Ах вот как, ты меня больше не любишь! А я тебя ненавижу! Ты думаешь, я мучилась столько месяцев ради того, чтобы сейчас вернуться назад? Я спала, когда в канал пустили воду, и не смогла отсюда выбраться, потому что такие, как мы, не могут преодолевать водные потоки. А теперь, когда мы с отцом наконец-то можем освободиться, ты предлагаешь мне вернуться на старую лодку? Да как ты смеешь! Я так долго ждала этой ночи! Мне было так одиноко, так хотелось есть… Но ничего — теперь мне принадлежит весь мир! И это благодаря тебе!

Я спросил, чего она от меня хочет, хотя уже понял, что ей нужно. Она хотела перебраться на тот берег реки, где находились летние лагеря. Воспользовавшись моим ужасом на грани безумия, она сломила мою волю и заставила меня подчиниться. Я должен взять ее на руки и перенести по длинному мосту на ту сторону реки, где в этот час не было ни одной лодки.

В ту ночь мой обратный путь был долгим, очень долгим. Она шла позади меня, а я смотрел вперед и больше никуда. Только проходя мимо лачуг, я увидел их отражение в воде канала и невольно содрогнулся. Я вспомнил об убийстве ребенка, в котором обвиняли эту женщину, и о том, что она может прочитать мои мысли.

Помню, как мы подошли к длинному и широкому мосту, переброшенному через реку. В это время началась буря, и на нас обрушились потоки воды. Помню, как я шагал по мосту и отчаянно пытался удержаться на ногах, словно речь шла о моей жизни, а кошмарное создание, которое я нес на руках, прижималось ко мне и склоняло голову мне на плечо. Это существо с бледным лицом внушало мне такой смертельный ужас, что я перестал видеть в нем женщину.

Гроза еще бушевала, когда мы сошли с моста на другом берегу реки. Она одним гибким движением высвободилась из моих объятий. И вновь я шел за ней помимо собственной воли, а деревья стегали меня ветвями, и при вспышках молний, озарявших небо, я видел бледную изнанку листьев.

Мы все шли и шли; ветер отрывал от деревьев большие ветки, с шумом падавшие на землю, но каким-то чудом — вернее, к несчастью — ни одна из веток нас не задела, и мы не погибли под поваленным деревом. Река разбушевалась не на шутку; дождь мощными струями хлестал пенистые волны, придавая им фантастические очертания. Тучи были похожи на демонов, стремительно пролетающих по небу.

Мы крадучись пробирались мимо палаток. Одни были темными, в

других за брезентовыми стенами мерцал тусклый свет фонаря.

Моя спутница остановилась возле одной из палаток, небрежным жестом приказав мне удалиться. Я видел ее темный силуэт у входа, затем ее тень увеличилась и стала расплывчатой, когда она вошла внутрь. Я слышал, как она произнесла своим тихим и жутким голосом, очаровавшим меня с нашей первой встречи:

— Простите, я заблудилась. Позвольте немного посидеть у вас, я очень устала и замерзла.

Я знал, кого перенес на руках через реку. Знал, что сейчас произойдет. Сейчас она его поцелует — и…

Меня она не удостоила поцелуем вампира. Я был лишь инструментом, позволившим ей попасть в мир живых людей. Теперь я мог идти на все четыре стороны. Сегодня, в этой палатке, она наконец-то утолит свой голод. Я понял это по ее тону.

Из палатки доносились приглушенные голоса; о чем они говорили, я не слышал, хотя мог догадаться. Что мне было делать? Поднять тревогу? Ворваться в палатку и крикнуть мужчине, собравшемуся провести ночь с красивой женщиной, что она вампир? Если меня запрут в сумасшедшем доме, я не спасу мир от зла, которое сам выпустил на свободу.

Опустив голову, я побрел к воде. Дождь стихал, ветер тоже. Где-то неподалеку вздыхали камыши. Волны успокоились и тихо плескались о камни. В тучах показались просветы; я стоял, погрузившись в глубокое раздумье. Из-за пелены тумана выглянула тусклая луна.

Внезапно я понял, что надо делать. Сейчас, когда я записываю свои последние слова, я знаю, что именно этого я и хочу. Если любовь и ненависть сродни друг другу, то же самое можно сказать об очаровании и ужасе. Когда моя чудовищная возлюбленная забралась в палатку к другому мужчине, я осознал, несмотря на ужас и отвращение, что не смогу без нее жить.

Она не подарила мне поцелуй вампира. Но я его получу и избавлю людей от проклятия. Я заслужил это — отдав свою душу. Я знаю, какое исступление и восторг умеют вызывать в нас силы зла, и позабочусь о том, чтобы этого не узнал больше никто.

Все-таки удивительно устроена наша жизнь — после счастливого детства и беззаботной юности мы вступаем в пору бесконечных тревог и испытаний. У меня был молодой дядя, обожавший истории о рыцарях так же, как я любил разные ужасы. Когда я был еще мальчишкой, он выстругал, мне деревянный меч. Отправляясь волонтером на войну в одну из так называемых «независимых стран», он заострил у меча лезвие. Дядя погиб в

первом же бою, далеко от родной земли. С тех пор меч висел у меня в комнате, и я никогда не брал его в руки.

Начался рассвет, тусклый, размытый дождем. Я не видел, куда они пошли, но знал: любовник понесет ее назад через мост, перекинутый над бушующей водой. И поскольку она то, что она есть, она непременно вернется на старую лодку. И будет спать там до следующей ночи.

Тогда я приду к ней. Я возьму с собой острый деревянный меч и спрячу его за спиной.

«Я пришел, чтобы остаться с тобой навеки, — скажу я. — Мне не нужны другие женщины, я вижу только твое лицо, бледное и прекрасное. Ради твоего поцелуя я отвергну небеса, я отправлюсь в ад и буду счастлив. Поцелуй меня».

А потом я достану деревянный меч, поскольку дерево смертельно для вампиров во все века. Я взмахну деревянным мечом — и…

Мэри А. Турзилло

Доктор **Мэри А. Турзилло**— в прошлом преподаватель английской словесности Кентского университета, работая в котором она писала критические и научные статьи, посвященные главным образом научной фантастике. Под псевдонимом Мэри Т. Брицци она выпустила «Путеводитель читателя по миру Филиппа Хосе Фармера» (1980) и «Путеводитель читателя по миру Энн Маккефри» (1985).

Турзилло — известная поэтесса, удостоенная ряда наград, публиковавшаяся во многих американских журналах и выпустившая два поэтических сборника; «Ваш кот и другие пришельцы из космоса» (2007) и «Драконий суп» (2008, в соавторстве с художницей и поэтессой Мардж Симон).

Она — давний член Американской ассоциации писателей-фантастов, удостоившей ее премии «Небьюла» за повесть «Марс — не место для детей» (впервые опубликована в 2000 году в журнале «Век научной фантастики»), В 2007 году ее рассказ «Гордость» был номинирован на «Небьюлу» в категории «Лучший рассказ». Ее единственный на данный момент роман, «Старомодная марсианская девушка», опубликован в журнале «Аналог» в 2004 году.

Профессор Турзилло живет в Огайо вместе с мужем — писателем-фантастом Джеффри Л. Лэндисом.

Рассказ «Когда Гретхен была человеком» был впервые опубликован в антологии «Большая книга женских историй о вампирах» под редакцией Стивена Джонса (Лондон: Робинсон, 2001). Русский перевод антологии: Вампиры: Опасные связи. СПб.: Азбука-классика, 2009.

Когда Гретхен была человеком (© Перевод И. Савельевой.)

— Ты всего лишь человек, — сказал Ник Скарофорно, перелистывая потрепанные страницы первого издания «Образа зверя».

Разговор между ними завязался после нерешительной попытки Гретхен продать Нику Скарофорно раннее издание рассказов Пэнгборна. Затем они, скрестив ноги, уселись на поцарапанный деревянный пол в магазинчике «Книги» мисс Трилби и наблюдали за танцем пылинок в лучах послеполуденного августовского солнца. Гретхен погрузилась в пучину саморазоблачений и наслаждалась жалостью к самой себе.

— Порой я даже не чувствую себя человеком.

Гретхен уселась поудобнее и прислонилась спиной к стопке пахнувших пылью кожаных переплетов «Книги знаний» издания 1910 года.

— Это я могу понять.

— Да и кто бы предпочел такую участь, будь у него выбор? — спросила Гретхен, обводя обветренными пальцами рисунок древесных волокон на полу.

— А у тебя есть выбор? — поинтересовался Скарофорно.

— Видишь ли, после того как Эшли поставили диагноз, мой бывший получил над ней опекунство. Ну и тем лучше. — Она порылась в карманах рабочего халата в поисках платка. — После того как мы расстались, я даже не была в больнице. А его страховка распространяется на девочку, но только в том случае, если лечение будет проходить в Сиэтле.

На нее нахлынули непрошеные воспоминания: теплое миниатюрное тельце Эшли ерзает у нее на коленях, тоненькие пальчики открывают «Где живут необычные вещи», тычут в строчки. «Мама, читай!»

Скарофорно кивнул:

— Но неужели лейкемию до сих пор не научились лечить?

— Иногда это удается. Сейчас у нее наступила ремиссия. Но сколько продлится это улучшение?

Гретхен исподтишка рассматривала Скарофорно. Удивительно, но он ей понравился. А она уже решила, что депрессия убила в ней все сексуальные порывы. Ник был крупным, коренастым парнем, но без признаков жира, с быстрыми светло-карими глазами и растрепанной шевелюрой. Он вспотел в своих серых брюках, коричневой футболке и пляжных сандалиях, но, если и не отличался особой привлекательностью, все же выглядел совсем неплохо. У Ника была привычка вертеть на запястье браслет с часами, и под ним порой мелькала полоска незагоревшей кожи с вытертыми тонкими волосками.

— Но сам по себе рак бессмертен, — пробормотал он. — Почему же он не наделяет бессмертием своего носителя?

— Рак бессмертен?

Да, конечно, рак должен быть бессмертным. Это же идеальный хищник. Так почему бы ему не заполучить все козыри?

— Я говорю о раковых клетках. В лаборатории раковые клетки поджелудочной железы жили еще пятьдесят лет после того, как пораженный болезнью человек умер. Но раковые клетки все же не так разумны, как вирусы. Вирус предпочитает не убивать своего хозяина.

— Но вирусы убивают людей?

Он усмехнулся:

— Верно, многие вирусы убивают. И бактерии тоже. Но существуют бактерии, которые тысячелетия назад решили завладеть каждой клеткой наших тел. Они превратились… как бы это сказать… в органеллы. Это вроде митохондрий.

— А что такое «митохондрия»?

Он пожал плечами, слегка бравируя своими познаниями:

— Это преобразующие энергию органы в животных клетках. Но отличные от ДНК своего хозяина. Существует предположение, что можно создать митохондрии, которые обеспечат своему хозяину вечную жизнь.

Гретхен изумленно взглянула на него:

— Нет. Даже думать об этом не хочу.

— Почему?

— Это было бы ужасно. Что-то вроде зомби. Или вампира.

Он промолчал, но в глазах заплясала улыбка.

Она слегка вздрогнула.

— Эти идеи ты почерпнул в книгах мисс Трилби?

— Это мудрость веков. — Ник обвел жестом высокие полки, потом поднялся. — А вот идет и сама мадам Трилби. Как ей понравится, если она застанет тебя на полу с посетителем?

Гретхен вспыхнула:

— Она не будет возражать. Мой дед дружил с ее отцом, и я работаю в этом магазинчике с самого детства.

Она ухватилась за протянутую руку Скарофорно и тоже поднялась.

Мисс Трилби, хрупкая и подвижная женщина, распространявшая вокруг себя запах пудры и отсыревшей бумаги, втащила в магазин ящик из-под молочных бутылок, набитый брошюрами. Увидев Гретхен, она нахмурилась.

«Странно, — подумала Гретхен. — Еще вчера она говорила, что мне нужно найти другого мужчину, а сегодня смотрит с осуждением. За то, что я сидела на полу? Но я всегда сажусь на пол, когда надо достать что-то с нижних полок. Здесь нет места для стульев. Значит, за то, что болтала с покупателем-мужчиной».

Мисс Трилби бросила почту на прилавок и скрылась в задней комнате.

— Не слишком приветлива сегодня, — произнес Скарофорно.

— Она всегда хорошо ко мне относится. И даже одалживает денег на поездку в Сиэтл, чтобы я могла повидаться с девочкой. Но сегодня что-то нервничает.

— Ага. Да, хотел спросить, пока не ушел. Ты замерзла или плакала?

Гретхен вспыхнула:

— У меня хронический насморк.

Внезапно она словно увидела себя со стороны: жидкие волосы, костлявая, сутулая фигура. И как только она могла надеяться на флирт с этим парнем?

— Береги себя.

Он прикоснулся пальцами к ее запястью и вышел на улицу.

— Он тебе не нужен, — заявила мисс Трилби, направляясь из подсобки к древнему компьютеру фирмы «Кайпро».

— А разве я сказала, что он мне нужен?

— Я прочла это по твоему лицу. Он что-нибудь купил?

— Жаль, но я так и не поняла, что его интересует.

— Я кончу свои дни в приюте для бедных. Надо было предложить ему древние медицинские пособия. Или детективы. А он читает исторические романы прямо у полки и посмеивается. Воображает себя знатоком, отыскивает ошибки.

— Чем он вам так не понравился, кроме того, что читает книги и не покупает?

— О, он покупает. Но, Гретхен, ягненочек, тебе не подходит такой парень. Это ненормальный отшельник.

— Но он умеет слушать. И сочувствовать.

— Как мясник теленку. Что это за чепуха насчет бессмертия рака?

— Ничего. Просто мы говорили об Эшли.

— Прости, ягненочек. Жизнь жестоко с тобой обошлась. Но постарайся быть немного мудрее. Этот человек похож на вампира.

Гретхен разгладила пыльный конверт с пластинками «Эврианты» и «Оберона» в исполнении труппы Лондонского оперного театра.

— Может, он и есть вампир.

Мисс Трилби округлила губки в немом выражении ужаса.

— Может! Однако он не похож на Фрэнка Лангеллу. [30]

Нет, он на него не похож, решила Гретхен, разбирая заказы на переиздания «Манускрипта об икебане» Каденшо и трудов де Оннекура.

Но было в Нике Скарофорно что-то привлекательное, что-то кроме его сочувствия к неизлечимо больному ребенку. Возможно, это его тонкий мрачный юмор. Мисс Трилби могла и ошибаться.

Почему бы не попытаться привлечь его внимание?

Ее усилия даже самой Гретхен казались смехотворными. Она попросила Киишу, мать-одиночку, занимавшую комнату напротив, помочь осветлить несколько прядей волос на голове. Она купила дешевый

шерстяной жакет, отороченный ангорой, и раскопала старый бюстгальтер, увеличивающий грудь.

— Ягненочек, — сухо заметила мисс Трилби, когда Гретхен как-то явилась в магазин во всем своем «великолепии», — между человеком и модными картинками мало общего.

Но усилия Гретхен если и не впечатлили Скарофорно, то, во всяком случае, не остались незамеченными. Вскоре он пригласил ее на кофе, потом на ужин. Хотя чаще всего он приходил в магазин незадолго до закрытия и позволял ей попытаться всучить очередного «белого слона» вроде сочинения преподобного Вуда «Нарушители, или О том, как обитатели земли, воды и воздуха не в состоянии посягать на чужие владения». Гретхен теребила серебряную цепочку на шее, а потом они усаживались на пол, и она изливала на него свои беды. Других покупателей в это позднее время обычно не было.

— Ты доверяешь ему свою частную жизнь, — сказала как-то мисс Трилби. — А что ты знаешь о его жизни?

Он много говорил. Действительно много. О философии, истории, о деталях болезни Эшли, и однажды Гретхен спросила, чем он занимается.

— Я краду души. Я фотограф.

Ого.

— С таким занятием вряд ли можно заработать много денег, — заметила мисс Трилби, услышав об этом. — Ходят слухи, что у него имеется неофициальный источник доходов.

— Вы хотите сказать, криминальный?

— Ты слишком романтична, Гретхен. Спроси лучше у него.

В ответ были названы счастье игрока и удачные инвестиции.

Однажды, уходя в магазин, Гретхен открыла почтовый ящик и обнаружила письмо — даже не телефонный звонок — о том, что ремиссия Эшли закончилась и ее девочка снова оказалась в больнице.

Она испытала непереносимую, почти физическую боль. Гретхен боялась возвращаться в свою квартирку. Ко дню рождения Эшли она купила книгу с иллюстрациями Яна Пиенковски [31]«Дом с привидениями», полную забавных, словно вырезанных из бумаги фигурок. Теперь она не могла взглянуть на нее, словно это была отравленная наживка.

Гретхен отправилась в магазин и начала составлять каталог новых поступлений, но дело не клеилось, она даже не могла вспомнить алфавит. Мисс Трилби не без труда отвлекла ее от этого занятия.

— Что случилось? Что-то с Эшли?

Гретхен протянула ей письмо.

Мисс Трилби, нацепив лорнет с толстыми стеклами, прочла извещение.

— Посмотри на себя, — сказала она. — У тебя щеки пылают. И глаза блестят. Несчастье красит тебя. Или близость смерти подталкивает нас к размножению, как романтические отношения в концлагере?

Гретхен содрогнулась.

— Может быть, мое тело снова побуждает меня к репродукции?

— Чтобы заменить Эшли. Это не смешно, ягненочек. Однако, может, так и есть. Но я опять хочу тебя спросить: почему ты выбрала этого мужчину? Неужели безумие тебя не пугает?

На следующий день Гретхен вместе с ним прошла к машине. Ей показалось совершенно естественным без приглашения забраться внутрь, проехать до его дома, а потом подняться на второй этаж по лестнице с потрескавшимися ступенями.

Он усадил ее на табурет в затемненной кухне и показал несколько своеобразных старинных фотографий архитектурных объектов. В помещении пахло химикатами и уксусом. Открытую дверь в кладовку подпирал старый «Коммодор 64». В гостиной Гретхен заметила более современный компьютер с заставкой на экране в виде гигеровских [32]ребятишек с фанатами и кружившихся в танце духов.

— Я никогда здесь не ем, — сказал Ник. — В качестве кухни эта комната совершенно бесполезна.

Затем он слил содержимое кювет в канализацию и прополоскал ванночки. Под тонкой шерстью громко забилось сердце. От его тела, гибкого, как у льва, исходил мужской, какой-то хищный запах.

Когда он отвернулся, она расстегнула жакет. Пуговицы, словно подогревая ее страсть, слишком легко выскользнули из петель.

Жакет соскользнул в тот момент, когда он снова повернулся к ней лицом. И при виде удивленного взгляда, скользнувшего по ее худощавой груди, она ощутила холодок кухни.

Он снова отвернулся и вытер руки кухонным полотенцем.

— Тебе не стоит в меня влюбляться.

— Не слишком ли самоуверенно с твоей стороны?

Она не собиралась влюбляться. Нет. Это совсем другое.

— Это не самоуверенность, а предостережение. Я охраняю свою территорию, хищники всегда так поступают. Да, некоторое время я буду держать тебя при себе. Но рано или поздно ты начнешь мешать моей охоте.

И тогда я тебя убью или прогоню, чтобы не убивать.

— Я не намерена влюбляться в тебя.

Твердо. Убедительно.

— Отлично.

Он бросил полотенце в раковину, подошел к ней и приник к ее рту.

Она неловко ответила; после долгого перерыва реакция оказалась слишком сильной, и она оцарапала ему спину.

Поцелуй закончился. Он погладил ее волосы.

— Не беспокойся. Я не стану пить кровь. Я могу сдерживать свои импульсы.

Она решила подыграть его шутке, в которую почти поверила.

— Это не важно. Я хочу стать такой же, как ты.

Шутка?

Он уселся на стул, привлек ее к себе, прижался щекой к груди.

— Этого недостаточно. Для превращения у тебя должны быть соответствующие гены.

— Это действительно инфекция?

Она почти шутила, наполовину притворяясь, что верит.

— Как вирус, который заражает раком. Я знаю, что из тысяч моих жертв только несколько человек подхватили лихорадку и выжили, став такими же, как я.

— Вампирами?

— Можно сказать и так. Одним из тех, кого я заразил, был мой сын. Он тоже заболел лихорадкой и переродился. Поэтому я решил, что все дело в генах.

Он крепче прижал ее к себе, словно желая согреть.

— А что случится, если у жертвы окажутся неподходящие гены?

— Ничего. Ничего не случится. Я никогда не дохожу до того, чтобы убивать. Я никого не убивал уже более сотни лет. Тебе ничто не угрожает.

Она соскользнула на пол, встав на колени, обвила руками его талию. Он поддерживал ладонью ее голову, гладил по обнаженным рукам и плечам.

— Шелк, — наконец произнес он, поднял на ноги, прикоснулся к груди.

Она кормила Эшли, но это не предохранило девочку от лейкемии. В груди столкнулись лед и огонь, как будто снова вот-вот польется молоко.

— Ты одинок?

— Господи, конечно. Только поэтому я не устоял против тебя. Знаешь, у меня инстинкты хищника, этого я не могу отрицать. Но я родился

человеком.

— Как ты заразил своего сына?

— Случайно. Я сам заразился вскоре после женитьбы. Пьетра, моя жена, давно умерла.

— Пьетра. Какое странное имя.

— Для Флоренции тринадцатого века оно нисколько не странное. Мое перерождение произошло вскоре после свадьбы. Я очень тяжело болел. Я понимал, что мне нужна кровь, но не знал почему и не мог контролировать свою жажду. Я выпил кровь священника, который пришел меня исповедовать. Жажда оказалась такой сильной, что я убил его. Но я не хотел его убивать, Гретхен. Я был не более виновен, чем младенец, сосущий материнскую грудь. Первая жажда всегда почти неконтролируема. Я выпил слишком много, а когда увидел, что он мертв, быстро оделся и убежал.

— И оставил свою жену.

— Я больше никогда ее не видел. Но спустя несколько лет я встретил за карточным столом молодого человека. Притворился его другом и заманил в темный переулок. Я выпил его крови, чтобы утолить жажду. А позже снова увидел его, уже переродившимся. Он стал моим соперником в погоне за кровью. Я заразил его, он переболел лихорадкой и стал таким, как я. Позже я сложил все куски головоломки. Я покинул Пьетру беременной, и, как ты понимаешь, он оказался нашим сыном. У него имелись необходимые гены. Если бы их не было, он бы и не заметил небольшой потери крови.

Его рука вновь погладила ее по плечу.

— А где он теперь?

— Я сам частенько гадаю об этом. Вскоре после его перерождения я заставил его уехать. Вампиры не могут держаться вместе. Им необходимо охотиться.

— Почему ты все это мне рассказываешь?

Гретхен пыталась контролировать себя, но услышала, каким тонким стал ее голос.

— Я всегда говорю людям, кто я такой. И никто не верит.

Он встал, заставил ее подняться, снова поцеловал, прижался к ее телу бедрами. Она прошлась рукой по его плечам и расстегнула рубашку.

— Ты тоже мне не веришь.

И тут она улыбнулась:

— Я хочу тебе поверить. Помнишь, я как-то говорила, что не хочу быть человеком.

Он приподнял бровь и посмотрел на нее сверху вниз.

— Боюсь, твои гены не позволят тебе стать кем-то еще.

В его аккуратной спальне почти не было мебели. На низенькой полке рядом с кроватью она заметила книги из магазина мисс Трилби: «Красный дракон» и «Исповедь наркомана». Внезапно он поднял ее и уложил поверх покрывала. Они опять долго целовались. Потом он медленно овладел ею. Он не закрыл дверь, и с кровати был виден экран компьютера. Гигеровские духи хранителя экрана исполняли сладострастный танец. А потом она закрыла глаза, но духи продолжали танцевать под веками.

Когда все закончилось, она поняла, что солгала. Если это и не было любовью, то чем-то столь же сильным и опасным.

Она провела пальцем по вздувшейся вене на его руке.

— Ты родился в Италии?

Он поцеловал ее руку, скользящую по его коже.

— Да, сотни лет назад. До того, как моя плоть онемела.

— Тогда почему ты говоришь без акцента?

Он перекатился на спину, скрестил руки под головой и усмехнулся.

— Я провел в Америке больше времени, чем ты. И очень старался избавиться от акцента. А ты не собираешься спрашивать меня о солнечном свете, чесноке и серебряных пулях?

— Это все суеверия?

— Похоже, что так. — Он вновь усмехнулся. — Зато чувства постепенно угасают.

— Ты сказал, что не способен любить.

Он вытащил из прикроватной тумбочки перьевую ручку и вонзил кончик себе в руку.

— Видишь?

Кровь медленно растеклась по коже.

— Прекрати! Господи, зачем ты себя поранил?

— Просто чтобы показать. Плотью постепенно овладевает… рак, если можно так выразиться. Все начинается с самых холодных частей тела. Нервы разрушаются. Я ничего не ощущаю. Эмоции тут ни при чем.

— И только для охраны своей территории…

— Да. Эмоции не умирают окончательно. В этом кроется ужасный конфликт. Я слышал об одном очень старом вампире, у которого был поражен мозг. Он стал хуже, чем акула, превратился в машину для поглощения крови. Но метастазы распространяются очень медленно.

Она набросила на себя простыню. Теперь, когда они лежали порознь, комната казалась прохладной.

— Но ты казался мне обычным человеком, когда…

— Значит, ты ничего не почувствовала, когда мы целовались?

— Почувствовала?

Он взял ее указательный палец и засунул себе в рот. У самого корня языка она нащупала крошечные выступающие шипы.

Она внезапно испугалась и отдернула руку. Он поймал ее пальцы и поцеловал, почти насмешливо.

Ужас перемешался с нежностью, и она зарылась лицом в подушку. Но разве не это она воображала себе и почти надеялась ощутить?

— В следующий раз, — сказала она, повернув к нему лицо, словно маргаритка к солнцу, — выпей моей крови, пожалуйста.

Духи хранителя экрана продолжали танцевать.

Одна мысль об автобусной поездке в Сиэтл вызывала у нее ужас, и она прогоняла ее, словно, оставаясь в Уоррене, могла предотвратить надвигающееся несчастье. Но второе письмо, на этот раз от ее бывшей невестки Мириам, заставило взглянуть фактам в лицо. Мириам писала, что химиотерапия на этот раз не помогала. Эшли «угасает».

«Угасает!»

С той же почтой пришла открытка от Скарофорно.

«Уехал из города по делам, занимаюсь инвестициями. Всего хорошего, человек», — написал он.

Она предупредила мисс Трилби, что ей нужен выходной, чтобы навестить Эшли.

— Ягненочек, ты ужасно выглядишь. Не вздумай ехать на автобусе. Я дам тебе денег на самолет, и ты сможешь отдать их, когда выйдешь замуж за какого-нибудь богатого адвоката.

— Нет, мисс Трилби. У меня просто насморк, вот и все.

Но у нее горела кожа, во рту и в горле пересохло, а голова пульсировала от боли.

В тот день они чистили книги от пыли. Спустившись со стремянки, Гретхен почувствовала такую усталость, что ушла в подсобную комнатку и свернулась клубком на стоявшей там кушетке, взяв с собой книжку «Как пожелаете». Слова кружились у нее перед глазами, но они помогали прогнать мысли о болезни Эшли, о бессмертных раковых клетках, убивающих смертное тело. Мысли о бессмертии. Это должно сработать. Другой вид рака. А потом все мысли исчезли.

Она очнулась в больнице Всех Святых, все такой же больной и беспокойной.

— Пей. У тебя обезвоживание, — сказала ей сиделка.

В комнате пахло отбеливателем и увядшими цветами.

Кто же ее сюда привез?

— Я не знаю. Может, твоя хозяйка? Пожилая женщина. Скоро придет доктор, все тебе расскажет. Постарайся каждый час выпивать по стакану воды.

В минуты просветления Гретхен испытывала радость. Началось перерождение, определенно это то самое перерождение. Если она выживет, то освободится от непосильной ноши человеческого бытия.

Анализы ничего не выявили. Ничего удивительного, этот вирус не станет размножаться в желе из агар-агара. Если только это действительно вирус.

Она не спала ночами, мечтая о человеческой крови. И расплакалась, когда из палаты перевели ее соседку, страдающую от анорексии вдову, почти высохшую от голода, но все же способную дать несколько восхитительных капель, если бы Гретхен смогла добраться до нее в отсутствие сиделок.

Однажды ее посетила мисс Трилби, и только неимоверным усилием воли она удержалась, чтобы не наброситься на женщину.

— Убирайтесь отсюда! — закричала Гретхен. — Иначе я убью вас!

Доктора, неспособные определить ее заболевание, должно быть, встревожились после такого взрыва с ее стороны и в палату больше никого не помещали. И ее тоже не выписывали, несмотря на отсутствие страховки.

Мисс Трилби больше не возвращалась.

Никто не мог предположить, что у нее рак. При раковых заболеваниях не бывает лихорадки, жажды, чрезмерно блестящих глаз и онемения кончиков пальцев.

Наконец она поняла, что ждала слишком долго. В те несколько минут в день, когда лихорадка ее отпускала, она была слишком слаба, чтобы с кем-то справиться.

Скарофорно пришел, когда она уже почти умирала. Она была в сознании, но перед глазами все расплывалось, и дыхание смерти — запах дезинфекции — не вызывало отвращения.

— Я в карантине, — прошептала она.

Это было не совсем так, но после того, как она прогнала мисс Трилби, ее больше никто не навещал.

Он только махнул рукой и распаковал большой шприц.

— Что тебе необходимо, так это кровь. Но они об этом, конечно, не подумали.

— Где ты это взял?

Как же прекрасна кровь. Ей хотелось прижать запястья Скарофорно к едва наметившемуся выступу под языком и насладиться горячим источником его вен.

— Ты слишком слаба, чтобы пить. Для полного выздоровления тебе бы надо несколько кварт человеческой крови. Но моя тоже сойдет.

Она напряженно следила, как Скарофорно туго перевязывает себе руку, втыкает иглу в вену на локтевом сгибе, как наполняет шприц.

Она потянулась к шприцу. Он отвел его подальше. Она рвалась изо всех сил. Но он положил шприц на тумбочку у кровати и схватил ее запястья, сжал их одной рукой.

— А ты сильнее, чем я думал.

Он сжимал руки до тех пор, пока отдаленная боль не заставила ее опомниться. Она попыталась расслабиться, но не могла не стремиться к такой близкой крови. Она даже потянулась к его горлу, но Скарофорно легко подавил эту попытку.

— Прекрати! В шприце не так много крови, чтобы ты могла ее просто выпить! Я введу ее в вену, и тебе станет немного легче. Но кровь в моем теле для тебя под запретом.

Да, она убила бы его, убила бы кого угодно, лишь бы глотнуть крови. Дрожа от жажды, она упала на спину. Игла вошла в ее тело, но боли не было. А когда кровь стала поступать в вену, она содрогнулась от наслаждения. Она ощущала ее вкус. Из руки по всему телу распространялась старая кровь, напитанная тем же голодом, но все же дающая некоторое насыщение.

— Вот кое-какая одежда. Тебе надо набраться сил, чтобы дойти до машины. Я заберу тебя отсюда.

Она схватила его запястье.

— Нет. Еще капля крови вампира может тебя убить. Или, — он мрачно усмехнулся, — ты окажешься достаточно сильной, чтобы убить меня. Вставай.

Он поднял ее, словно ребенка, и поставил на ноги.

В квартире он сразу пронес ее в спальню и уложил на кровать. Она почуяла запах крови. Рядом неподвижно лежала очень светлая блондинка лет двадцати, в белых замшевых брюках, в ботинках и черном кружевном бюстгальтере.

Она стала неловко нащупывать вену на ее шее. От девушки сильно пахло жасминовой туалетной водой, дешевый аромат был очень резким и возбуждающим.

— Подожди. Не делай больших ран, чтобы все не испортить. Здесь требуется точность.

Он наклонился и прижался губами к шее девушки.

Гретхен рванулась вперед.

Она поспешно погрузила недавно обретенный орган для поглощения крови в шею, но быстро поняла, что опять неправильно выбрала место. Зашипев от злости, она сделала третью попытку. Солоноватая горячая струя согрела ее тело, словно подогретое виски.

Уже через мгновение она почувствовала, как палец Скарофорно проник ей в рот и прервал контакт. От жестокого разочарования у нее закружилась голова. Скарофорно снова схватил ее за руки и крепко сжал. Боль существовала где-то в другой вселенной. Она попыталась вырваться.

— Ты можешь убить ее, — предостерег он.

— А кто это?

Она тряхнула головой, чтобы прийти в себя, и с тоской посмотрела на девушку, казалось погруженную в кому.

— Никто. Просто девушка. Я приглашаю ее к себе время от времени. Но никогда не беру слишком много крови, чтобы не причинить ей вред. Я предпочитаю обходиться без этого.

— Она приняла наркотик?

— Нет, нет. Я… мы… обладаем иммунитетом к бактериям и прочей заразе, но наркотиков надо избегать. Я загипнотизировал ее.

— Ты загипнотизировал? Хочешь сказать, она просто спит?

— Ей кажется, что она слишком много выпила. А теперь помоги мне устроить ее поудобнее.

— Она считает, что ты занимался с ней любовью?

Скарофорно молча улыбнулся.

— Ты в самом деле занимался с ней любовью?

Он продолжал приводить в порядок одежду девушки.

Гретхен легла на спину, опершись головой на спинку кровати.

— Мне мало этого. Господи, мне надо еще крови.

— Я знаю. Но теперь тебе придется отыскивать жертву самостоятельно.

— Как же я смогу заставить их подчиниться?

Скарофорно зевнул:

— Это твои проблемы. Твое спасение стоило мне немалого труда. Теперь ты будешь сама заботиться о себе. Ты стала умнее и сильнее, чем нормальные люди. Ты заметила, что твой насморк исчез?

— Ник, помоги мне.

Он даже не посмотрел в ее сторону.

— Тебе лучше покинуть этот город.

— Но ты же спас меня.

— А теперь ты стала моей соперницей. Уезжай, пока жажда крови не завладела тобой, пока мы не столкнулись из-за очередной добычи.

Она вспомнила о человеческих чувствах и постаралась на время забыть о голоде.

— И моя любовь к тебе не имеет никакого значения?

Внезапно она ощутила настоящую любовь.

— Завтра ты узнаешь, что такое ненависть.

По пути к выходу она заметила новую заставку на экране компьютера: красные кровяные клетки плавали на черном фоне, то собираясь вместе, то расходясь в разные стороны.

В автобусе, по пути в Сиэтл, она плакала. Да, она любила его, но теперь узнала, что такое ненависть. Она стала забавляться с обычной иголкой, втыкая ее в пальцы. Ничего. Правда, ее пальцы еще не окончательно онемели. Неужели это произойдет? Неужели чувства Ника умерли?

Будет ли ее бесчувственность распространяться дальше? Если тело стало бессмертным, зачем ему нервы, предупреждающие об опасности?

Возможно, она еще пожалеет о заключенной сделке.

Онемение постепенно распространялось. Ее пальцы и кисти рук уже не реагировали на боль. Но жажда не проходила. Метастазы, поразившие язык и нервную систему, нуждались в питании.

Ее соседом был мормон-миссионер, разлученный со своим спутником из-за недостатка свободных мест в автобусе. В Чикаго он попросил ее поменяться местами, чтобы сесть рядом со своим напарником. Но она отказалась. Это не входило в ее планы.

Она погладила его по щеке и крепко вцепилась в шею, не переставая при этом по-кошачьи улыбаться. Она едва ощущала то, как касалась его, зато отчетливо видела свою добычу под его кожей. Он попытался урезонить ее, смущенно посмеиваясь и принимая ее действия за сексуальные заигрывания. Современная распутная язычница. Потом затеял бесполезную борьбу. Он каким-то ребяческим жестом выворачивал ей большой палец на руке, но она не чувствовала боли. А потом он заплакал, обмяк и впал в транс. Она припала к его шее, широко раскрыв рот. Пила его кровь. Пила и не могла остановиться. Если бы он продолжал сопротивляться, она сломала бы ему шею. Она окончательно переродилась.

В Сиэтле, в педиатрическом отделении больницы, ее остановила дежурная сестра. Гретхен вдохнула пары карболки и густой сладковатый запах мочи, который ничем нельзя было вывести. За спиной сестры она увидела в темном экране компьютера свое отражение. Да, теперь она выглядела настоящей хищницей. Она казалась яркой, как манекен, но и опасной, словно пума. И очень сильной. Совершенно не похожей на чью-то мамочку. К ним, как будто предчувствуя беду, подошли еще две сестры.

Она предъявила свои водительские права, и тогда они почти поверили ей. Ее пропустили в холл, а потом и в четыреста девятую палату. Но сестра не сводила с нее глаз. Гретхен сильно изменилась.

Она открыла дверь. Дежурившая на этаже сестра вошла следом.

Эта обритая наголо, истощенная малышка, опутанная гибкими трубками, не могла быть Эшли.

Эшли тоже изменилась. Но под действием более опасного рака.

Медсестра шмыгнула носом:

— Мне очень жаль. Она очень сильно сдала за последние недели.

Сестра явно не доверяла разведенным матерям, оставившим ребенка. А может, до сих пор не верила, что эта сильная и спокойная женщина приходится девочке матерью.

Если бы Гретхен была человеком, она почувствовала бы неуверенность и постаралась объяснить, что девочку отняли у нее недобросовестные законники. Теперь же она смотрела на сестру как на ближайший контейнер с пищей, из которого при подходящих обстоятельствах можно отхлебнуть крови. Она по-кошачьи улыбнулась, и сестра мгновенно отвела взгляд.

— Эшли, — окликнула она дочку, как только они остались вдвоем.

Она привезла с собой книгу Яна Пиенковски, завернутую в красную бархатную бумагу с черными силуэтами кошек. Эшли нравились кошки. И ей понравятся страшные картинки-раскладушки. Они вместе будут читать и рассматривать эту книгу. Но пока Гретхен положила подарок на стул, ей предстояло заняться более важным делом.

— Эшли, это твоя мамочка. Проснись, дорогая.

Маленькая девочка открыла огромные, обведенные синими тенями глаза и тихонько всхлипнула.

Гретхен опустила ограждение на кровати и подсунула руку под спину Эшли. Девочка оказалась пугающе легкой.

Гретхен ощущала лихорадочный жар больного ребенка, чувствовала запах антисептиков, пропитавший больничную палату, сладкий аромат кожи своей дочери. Но все это оставалось где-то вдали. Гретхен уже

относилась к числу бессмертных существ.

«Мы должны охранять свою территорию». Кажется, так говорил Ник? «Это не эмоциональное онемение; это физическая нечувствительность». Она вспомнила, как он втыкал перо в руку, как вводил иглу в вену, вспомнила о своих онемевших пальцах, вспомнила о том, как все ощущения, даже запах и тепло ее ребенка, становятся все слабее и дальше. Бессмертие. Онемение. Нечеловеческая сила. Одиночество.

Она прикоснулась своим новым, хищным ртом к шейке дочери. Скажет ли Эшли ей за это спасибо?

Но решать предстояло ей.

Лафкадио Хирн

Патрик Лафкадио Тессима Карлос Хирн(1850–1904) родился на ионическом острове Санта-Маура в семье военного врача-ирландца, служившего в британской армии, и гречанки по имени Роза. Когда ему было шесть лет, их семья переселилась в Дублин. Он учился в Англии и во Франции, а затем эмигрировал в США, где работал типографом и журналистом.

Он начал сочинять гротескные повествования, часто со сверхъестественным колоритом, но зарабатывал себе на жизнь статьями и колонками в газете. Сойдясь с негритянкой по имени Алетейя Фоли, он потерял работу и перебрался в Нью-Орлеан, где писал истории из креольской жизни и пытался выучить гумбо — креольский диалект Луизианы.

Его ранние сочинения — переводы произведений Теофиля Готье (1882), «Разрозненные страницы удивительных сочинений» (1884), сборники креольских поговорок и кулинарных рецептов. В 1890 году Хирн по заданию журнала отправился в Японию, где женился на женщине двадцати двух лет, дочери знатного самурая, и где провел остаток жизни. Несмотря на смешанное происхождение, Хирна принято считать американским писателем, хотя его лучшие произведения представляют собой переложения и пересказы японских и китайских легенд, часто сверхъестественного и жуткого содержания. Его сдержанная, лаконичная проза предвосхищает прозу Хемингуэя, хотя это сходство не сразу бросается в глаза в силу существенных различий в авторской интонации.

Рассказ «История Чугоро» был впервые опубликован в авторском сборнике «Котто: Японские редкости, полные различных хитросплетений» (Нью-Йорк: Макмиллан, 1902).

История Чугоро (© Перевод И. Иванова)

В давние времена, в той части Эдо, [33]что зовется Койсикава, жил некий батамото [34]по имени Судзуки. Его ясики [35]стояла на берегу речки Эдогавы, неподалеку от моста Наканохаси. У него в услужении, среди множества других слуг, находился асигару, [36]которого звали Чугоро. Был этот Чугоро юношей ладным, дружелюбным и смышленым, и все

остальные слуги его очень любили.

Юноша уже несколько лет служил у Судзуки и за все время не получил ни одного порицания. Но как-то другие асигару обнаружили, что каждую ночь Чугоро отлучается из ясики и возвращается только под утро. Поначалу они ничего не сказали юноше, поскольку службу свою он по-прежнему нес исправно. Вероятно, влюбился, вот и бегает на свидания. Так решили другие асигару. Однако через какое-то время Чугоро побледнел, осунулся и стал терять силы. Его товарищи, почуяв неладное, решили вмешаться. Вечером, когда Чугоро, как всегда, собирался тайком покинуть ясики, его остановил старший асигару.

— Чугоро, мальчик мой, мы все знаем, что с некоторых пор ты стал исчезать по ночам и возвращаться под утро. И эти отлучки добра тебе не приносят. Уж не связался ли ты с дурными людьми и не перенял ли от них дурные пристрастия, что губят здоровье? Расскажи, куда ты ходишь, иначе нам придется сообщить старшему офицеру. Но мы твои друзья, мы беспокоимся о тебе и хотим знать, что творится с тобою. Уж если такой послушный воин, как ты, нарушает правила, на то есть причина.

Слова старшего асигару ошеломили и насторожили Чугоро. Он молча направился в сад, что примыкал к ясики. Старший асигару пошел за ним. Когда они достаточно удалились от случайных ушей, Чугоро остановился и сказал:

— Я расскажу тебе все, но обещай сохранить мою тайну. Если ты повторишь то, что услышишь от меня, мне несдобровать.

Старший асигару дал требуемое обещание, и Чугоро начал свой рассказ.

— Это случилось месяцев пять назад, весною. Тогда я действительно искал любви и потому стал уходить из ясики. Но мне не везло. А однажды я решил навестить родителей и, когда возвращался от них, увидел на берегу реки, невдалеке от главных ворот, девушку. Она была одета, как знатная особа. Таких девушек и днем-то редко увидишь, да и то непременно со слугами. Но здесь — одна, да еще в поздний час. Только кто я такой, чтобы лезть в дела знати? Я намеревался молча пройти мимо, как вдруг она шагнула навстречу и дернула меня за рукав. Я остановился. Девушка была совсем молодая и очень красивая. «Не проводишь ли ты меня до моста? — спросила она. — А я тебе кое-что расскажу».

У нее был нежный, приятный голос. Она улыбалась так, что я не мог ей отказать. Мы пошли с нею к мосту. По дороге девушка призналась, что часто видела меня за забором ясики и что я ей приглянулся. «Хочу, чтобы ты стал моим мужем, — сказала она. — Если я тебе понравлюсь, мы

принесем друг другу счастье».

Я не знал, какой ответ ей дать. Но девушка мне понравилась. Когда мы подошли к мосту, она вновь потянула меня за рукав и подвела к самой кромке воды. «Идем со мною», — сказала она, увлекая меня в воду.

Сам знаешь: там глубоко. Мне стало страшно, и я попытался уйти. Но девушка поймала меня за руку и сказала «Со мною тебе нечего бояться!»

От ее прикосновения я стал беспомощным, как ребенок. Я чувствовал себя словно во сне, когда хочешь бежать, но не можешь пошевелить ни рукой, ни ногой. И я пошел за нею в глубокую воду. Я ничего не видел не слышал и не чувствовал, пока не очутился в большом, ярко освещенном дворце. При этом я не промок и не озяб. Все вокруг было сухим, теплым и красивым. Я не понимал ни где нахожусь, ни как туда попал. А девушка, по-прежнему держа мою руку, вела меня через дворцовые покои. Все они были пустыми, но очень красивыми. Наконец мы очутились в зале для гостей, где лежала тысяча циновок. В дальнем конце я увидел большую нишу, а перед нишей были разложены подушки, как для празднества, однако никого из гостей не было. Девушка усадила меня на самое почетное место, сама села напротив. «Это мой дом, — сказала она. — Как ты думаешь, тебе будет здесь хорошо со мной?» — «Да», — пробормотал я в ответ и тут же вспомнил историю Урасимы. [37]Быть может, эта девушка — дочь какого-нибудь бога? Но спросить ее я не осмелился.

Потом в зале появились служанки и принесли рисовое вино и много разных кушаний, которые они поставили перед нами. Девушка сказала мне: «Сегодня у нас будет брачная ночь, поскольку я тебе понравилась. Но вначале давай повеселимся на нашем свадебном пиру».

Мы поклялись быть верными друг другу в течение семи жизней, после чего стали пировать. А потом она повела меня в брачные покои.

Рано утром она разбудила меня и сказала: «Дорогой, ты теперь мой муж. Но по причинам, о которых я не могу тебе рассказать и о которых не следует спрашивать, наш брак должен оставаться тайным. Если ты задержишься здесь до рассвета, это будет стоить жизни нам обоим. Так что, не сердись, но я должна вернуть тебя в дом твоего господина. А к ночи ты придешь снова, и так будет повторяться всегда. Вечерами жди меня возле моста. Не волнуйся, я не задержусь. Однако крепко запомни: наш брак должен оставаться тайной. Если ты расскажешь о нем, мы, скорее всего, расстанемся навеки».

Я помнил о судьбе Урасимы, но обещал ей, что сделаю так, как она велит. И девушка вновь провела меня через множество пустых и очень красивых покоев. Мы оказались на пороге дворца. Там она взяла меня за

руку. Вокруг все потемнело, а когда тьма рассеялась, я увидел, что стою один на берегу реки, вблизи моста Наканохаси. Я вернулся в ясики, и как раз колокола в храме возвестили утро.

Поздним вечером, в назначенное время, я вновь пришел к мосту. Девушка уже ждала меня и опять взяла за руку, мы погрузились в воду и оказались в ее прекрасном дворце… Вот так мы встречались и расставались. Она и сегодня будет ждать меня. Я скорее соглашусь умереть, чем огорчить ее, так что мне пора… Но еще раз прошу тебя, друг мой: никому не передавай моих слов.

История Чугоро удивила и взволновала старшего асигару. Он понимал, что юноша рассказал ему правду, и эта правда была чревата тяжкими последствиями. Возможно, не существовало никакого подводного дворца, а некая злая сила видениями туманила Чугоро глаза. Понятно, что у злой силы и намерения могло быть только злыми. Однако несчастный юноша заслуживал скорее сострадания, нежели осуждения. Он не понимал, в какую ловушку угодил, но если вытащить его оттуда насильно, мало ли чего он может натворить от отчаяния. И потому старший асигару не стал с ним спорить, а ласково сказал:

— Я никому не раскрою того, что узнал от тебя. По крайней мере, до тех пор, пока ты жив и здоров. Иди к своей возлюбленной, но… будь осторожен! Как бы не оказалось, что она обманывает тебя с недоброй целью.

В ответ на предостережение старшего асигару Чугоро только улыбнулся и поспешил к мосту. Через несколько часов он вернулся в ясики, и взгляд его был странным и блуждающим.

— Ну как, встречался с нею? — спросил его старший асигару.

— Нет, — вздохнул Чугоро. — Она не пришла. В первый раз не пришла. Наверное, теперь уже не придет. Зря я тебе рассказал. Какой же я был глупец, что нарушил обещание!

Напрасно старший асигару пытался его утешить. Чугоро лег на землю и больше не произнес ни слова. Он дрожал всем телом, будто подхватил лихорадку.

Когда колокола в храме возвестили утро, Чугоро попытался было встать, но упал без чувств. Стало ясно: он болен, притом смертельно. Послали за китайским лекарем. Тот внимательно осмотрел Чугоро и удивленно воскликнул:

— У вашего слуги совсем не осталось крови! В его жилах течет обыкновенная вода. Спасти больного будет очень трудно и едва ли

возможно. Кто же мог сотворить с ним это зло?

Лекарь старался изо всех сил, применял все средства, какие у него были. Но, увы! На закате дня Чугоро умер. Тогда старший асигару поведал китайцу всю историю несчастного юноши.

— Я догадывался! — сказал лекарь. — Но вашего слугу мне было не спасти. Он не первый, кого она погубила.

— Но кто она? — спросил асигару. — Женщина-лиса?

— Нет. Она с незапамятных времен обретается возле реки. Любит молодую кровь.

— Кто она? — не унимался асигару. — Женщина-змея? Женщина-дракон?

— Нет. Если бы ты увидел ее днем, то поморщился бы — настолько она противна и уродлива.

— Так что это за существо?

— Всего-навсего лягушка. Большая мерзкая лягушка!

Вампиры идут

Стив Резник Тем

Стив Резник Темродился в 1950 году в Джонсвилле, штат Виргиния, в сердце Аппалачей. Он учился в колледже при Политехническом институте Виргинии и в Университете содружества Виргинии, где получил звание бакалавра в области британских образовательных технологий, а затем удостоился степени магистра в области творческого письма в Государственном университете Колорадо. В настоящее время живет с женой в Денвере; у них четверо детей и три внука.

Свой путь в литературе Тем начал как поэт и лишь затем перешел к сочинению художественной прозы. С 1980 года им написано более двухсот рассказов в детективном, научно-фантастическом, фэнтези, хорроре и иных жанрах; его проза публиковалась в «Сайнт мэгэзин», «Сумеречной зоне», «Журнале научной фантастики Айзека Азимова», «Журнале фэнтези и научной фантастики» и «Криминальной волне». Его рассказы номинировались на Всемирную премию фэнтези («Огненная буря», 1983) и премию Брэма Стокера («Тела и головы», 1990; «Черные окна», 1991; «Хеллоуин-стрит», 2000). Он также был номинантом этой премии в категориях «Лучшая повесть» («Человек на потолке», 2001) и «Лучший сборник» («Городская рыбалка», 2001). Он также является автором четырех романов: «Раскопки» (1987, номинация на премию Брэма Стокера в категории «Лучший дебютный роман»), «Дочери» (2001, совместно с Мелани Тем), «Книга дней» (2002, номинация на премию Международной гильдии хоррора) и «Человек на потолке» (2008).

Рассказ «Мужчины и женщины Ривендейла» впервые был опубликован в антологии «Ночные видения-1» под редакцией Алана Райана (Найлс, Иллинойс, 1984).

Мужчины и женщины Ривендейла (© Перевод И. Иванова.)

Иногда он вспоминал, о днях и неделях в Ривендейле — неужели он провел там несколько недель? — в памяти не всплывали громадный холл и столовая. Он не вспоминал ни библиотеку, отделанную изумительными резными панелями красного дерева, ни даже мужчин и женщин Ривендейла с их светлыми глазами, белесыми головами и руками, почти лишенными волосяного покрова. Больше всего ему запомнился номер, в котором они с Кэти остановились, сама Кэти, свернувшаяся калачиком на кровати, ее

лысая голова, которую она с трудом отрывала от подушки. Он вспоминал тяжелые плюшевые шторы, в прихотливых складках которых таилась бездна пыли.

Фрэнку думалось, что он целыми днями глазел на эти складки. В их номере только два предмета привлекали взгляд: шторы и его жена, превратившаяся в мешок, разъедаемый раком. Глаза ее стали просто огромными, лицо утратило признаки возраста и напоминало кукольное. Все это свидетельствовало о последней стадии болезни. Шторы были темно-красного цвета. Иногда Фрэнк задавался вопросом: это их изначальный цвет или же они потемнели от времени и пыли? Вблизи на шторах различался орнамент — листики и морские раковины. Издали — когда он сидел в кресле или лежал на кровати — раковины казались ему сотнями крошечных хищных ртов.

До приезда сюда Кэти мало рассказывала ему о Ривендейле. Фрэнк знал лишь, что это бывший курорт где-то на южном берегу озера Эри и там когда-то били горячие источники. Он не спрашивал жену, но сам пытался понять, почему источники вдруг разом иссякли, словно кто-то перекрыл общий вентиль. Бессмыслица какая-то, поскольку в природе такого не бывает.

Кэти происходила из клана Ривендейлов. Ее предки владели этим местом, когда курорт еще действовал. Сейчас многие из них, если не все, жили либо в отеле «Курорт Ривендейл», либо в домиках, стоявших неподалеку. Фрэнк испытал некоторый шок, когда, с чемоданами в руках, переступил порог отеля и увидел всех этих Ривендейлов, сидящих в холле вокруг камина. Нет, они не напоминали клонированных существ из фантастических рассказов. Однако от их семейного сходства Фрэнку стало не по себе. Одинаковые позы, постоянно изогнутые брови, головы, вечно склоненные под острым углом, розовые пятна на щеках. У Фрэнка слегка похолодела спина. После нескольких дней жизни в Ривендейле он понял причину своей оторопи: рак превратил Кэти в рыхлую копию этих людей.

Фрэнк помнил ее совершенно иной: с длинными рыжевато-каштановыми волосами и настоящим румянцем на щеках, оживленную, энергичную, потрясающе стройную, красивую женщину. Она с легкостью могла бы сделать карьеру фотомодели или манекенщицы, но ей претило выставлять себя на публике. И потом, как Фрэнк понимал интуитивно, подобный род деятельности опозорил бы фамилию Ривендейлов.

По словам Кэти, болеть раком — все равно что прожариваться под знойным солнцем. Пыльный номер и холлы Ривендейла дарили ей прохладу. Она сказала мужу, что хочет пробыть в Ривендейле как можно

дольше, чтобы скрыться от врачей и медсестер.

На операцию она не соглашалась — это тоже было ниже достоинства женщины из семейства Ривендейлов, зато усердно прибегала к лучевой терапии. Когда Фрэнк увидел представителей этого семейства с их отдраенной, антисептической кожей, он вдруг подумал, что жена переусердствовала с радиацией.

Вопреки опасениям Фрэнка, рак у Кэти не сопровождался зловонием и быстрыми уродливыми изменениями внешности. Изменения происходили внутри организма. Иногда она жаловалась на внезапную слабость в ногах. Бывало, вскрикивала среди ночи. Тогда Фрэнк глядел на ее бледное, почти прозрачное тело и пытался угадать, где сейчас раковые клетки устроили свое пиршество.

Радиационная терапия привела к тому, что у Кэти начал расти живот. Она выглядела как женщина на седьмом месяце беременности. Они никогда не хотели детей. Им с лихвой хватало других занятий, и ребенок просто не вписывался в их планы. Теперь Фрэнку иногда снилось, как он везет жену на каталке в родильное отделение. Он бежал, стремясь добраться до врачей раньше, чем у нее начнутся ужасные схватки. В его сне двери родильного отделения всегда были широко открыты, и на пороге стоял долговязый врач в ослепительно белой маске. Врач забирал Кэти и закрывал двери. Сон так и не показывал Фрэнку, какое дитя родилось из большого бледного живота жены.

Через девять месяцев после того, как у Кэти обнаружили рак, она получила приглашение из Ривендейла. За все годы их совместной жизни она почти не вспоминала о родне, но это приглашение подняло в ней волну мрачного возбуждения. Вскоре Фрэнк увидел это письмо в мусорном ведре. Оно гласило: «Приезжай в Ривендейл». И все.

Когда они вошли, кто-то из родственников приветствовал Кэти у стойки администратора. Впрочем, «приветствовал» — не совсем верное слово. Он записал в книгу прибытия имена ее и Фрэнка, словно здесь по-прежнему был курорт, и даже выдал Кэти ключ с фирменным брелком. Кожа на брелке изрядно вытерлась, как и серебристая надпись. Их приезд прошел почти незамеченным; несколько человек на мгновение оторвались от чтения, а их рты скривились, будто после многих лет молчания они пытались заговорить. Не было произнесено ни одного приветствия и вообще ни одного слова. Насколько мог заметить Фрэнк, сидевшие в холле и между собой практически не разговаривали.

Они сразу же поднялись в номер, поскольку поездка утомила Кэти. Франк провел свой первый в Ривендейле вечер, сидя в старом кресле и

глядя на жену, которая свернулась клубочком и сразу же заснула. Тогда он перевел взгляд на шторы. Ветер, дувший в открытую форточку, заставлял их шевелиться, и вышитые узоры беспокойно двигались взад-вперед.

Утро началось со звона колокольчика. Звук был негромким, и Фрэнк посчитал, что это ему снится. Однако Кэти мгновенно встала и оделась. Тогда поднялся и Фрэнк. Он не знал здешних порядков и решил приглядываться к жене, чтобы не допустить какой-нибудь оплошности. Когда колокольчик зазвонил снова, Кэти вышла из номера и направилась вниз. Фрэнк за нею.

Им отвели места за одним из длинных столов, покрытых льняными скатертями. На карточках было написано «Кэти» и «Фрэнк». Фрэнка настолько удивили эти надписи, сделанные старомодным витиеватым почерком, что он подумал: может, здесь есть их тезки? Однако Кэти тут же отодвинула стул и села. Тогда и он сел рядом.

Тост в их честь обошелся без слов. Родственник, записавший их вчера в книгу прибытия, поднял бокал с яблочным вином; все прочие сделали то же и через мгновение почти одновременно поднесли бокалы к губам. Кэти двигалась в общем ритме, но Фрэнку от этой согласованности стало не по себе. Он отставал на шаг, следя за Ривендейлами через стекло своего бокала. Самое удивительное, они и здесь не обращали внимания друг на друга. Конечно, синхронность их движений была не абсолютной, но достаточно впечатляющей.

Фрэнк посмотрел на Кэти. Пока она пила, ее щеки побледнели и напряглись. Есть обычную пищу она уже не могла и принимала особую питательную смесь. Кожа жены была гладкой, как у младенца, но из-за отсутствия жировых прослоек морщилась. От каждого движения морщины делались глубже, будто борозды, оставленные плугом смерти.

После завтрака супруги встали у широкого окна столовой. Ривендейлы чинно расходились по двое и по трое. Их движения были медленными и вальяжными, как у рыб, обитающих на теплом мелководье.

— Может, нам следует представиться? — негромко спросил Фрэнк. — Ведь кто-то нас пригласил сюда. А как остальные узнают, кто мы?

— Они знают, Фрэнк, и не надо поднимать шум. У Ривендейлов всегда были свои способы узнавать о нужных вещах. В нужное время кто-нибудь из них к нам подойдет. А пока мы предоставлены самим себе.

Фрэнк не возражал.

Они долго гуляли по окрестностям. Плавательный бассейн был закрыт и застелен парусиной. Корты для шаффлборда [38]пришли в запустение; там

в трещинах росла трава и змеились корни деревьев. Теннисные корты… именно теннисные корты впервые дали Фрэнку понять, что необходимо уезжать отсюда.

Местные корты находились на вершине пологого холма, сразу за зданием отеля. Пока супруги туда поднимались, внимание Фрэнка привлекли странные звуки. Их было слишком много, и они сливались в общий вой. Испуганный Фрэнк схватил жену за руку и потащил вниз. Однако на Кэти вой никак не действовал, она даже в лице не переменилась, а только вырвала руку и продолжала идти.

— Кэти! Мне кажется, нам лучше…

Но она словно не слышала мужа, и Фрэнк неохотно поплелся следом.

Когда они подошли к ограде, вой стал еще громче, но теперь Фрэнк убедился, что это не человеческие голоса. Скорее, животных. Но каких? Сколько Фрэнк ни вспоминал слышанные звериные крики, он не мог припомнить ничего похожего.

Возле последнего дерева Фрэнк остановился, не в силах идти дальше. Кэти подошла к забору и встала почти у самой проволоки, но так, чтобы когтистые лапы не дотянулись до нее.

Теннисные корты были превращены в гигантский загон для нескольких сотен котов и кошек. Теперь Фрэнк понял причину неистового воя. На стремянке, возвышаясь над забором, стоял старик и опорожнял вниз ведра с кормом. По самому верху ограды тянулась металлическая сетка, укрепленная на стеклянных изоляторах.

«Электроизгородь», — подумал Фрэнк.

Старик обернулся и внимательно поглядел на Фрэнка. У него были изогнутые брови, бледная кожа и пятна на щеках. Старик улыбнулся Фрэнку, и форма губ совпала с формой бровей. Улыбка была похожа на крылья мотылька или на след, оставшийся от укуса на куске сыра. Во рту старика сверкнули ослепительно белые зубы.

Большую часть каждого дня Кэти проводила в обширной библиотеке Ривендейла. В основном она просматривала названия книг на корешках, но иногда садилась и читала какой-нибудь старинный фолиант. Там к ней по очереди подходили родственники (вероятно, дядюшки или двоюродные и троюродные братья), что-то негромко ей говорили и, кивнув, удалялись. Чем дольше Фрэнк жил в Ривендейле, тем труднее ему становилось распознавать его обитателей. Он еще мог отличить мужчину от женщины. В остальном все Ривендейлы были почти одинакового роста и телосложения. Определить их возраст Фрэнк затруднялся, поскольку

молодые и старые Ривендейлы выглядели практически одинаково.

Помимо библиотеки Кэти тихо сидела в холле или столовой либо возвращалась в номер, где дремала или просто лежала, уставившись в лепнину на потолке. Каждый день она, словно заклинание, повторяла мужу, что будет рада, если он к ней присоединится, однако Фрэнк понимал: как бы он ни старался, ему не вписаться в общую массу Ривендейлов. Торчать в холле или столовой, в окружении этих людей, похожих на мумии или фигуры из музея восковых персон? Несколько раз он попытался заговорить с ними. В ответ очередной Ривендейл рассеянно улыбался, как тот старик на стремянке, или делал вид, что не слышит. Фрэнк уходил в библиотеку, надеясь развлечь себя чтением. Но ему почему-то всегда попадались либо подробные руководства по устройству садовых шпалер, либо книги по истории французской архитектуры, либо музейные каталоги. Иногда он выуживал какой-нибудь роман, однако на второй или третьей странице уставал от тяжеловесного стиля и обилия нравоучений. Наверное, Кэти находила для себя что-то интереснее. Но эти книги ему не встречались, будто они хранились в особых шкафах. Можно было бы спросить у Кэти, однако Фрэнк не решался задавать жене подобные вопросы. Он даже не решался заглянуть ей через плечо. Как будто боялся.

Атмосфера неловкости и страха становилась все плотнее, и это злило Фрэнка. Его шейные мышцы постоянно оставались в напряжении, а головная боль почти не проходила. Но что еще хуже, все это не являлось для него неожиданным. С какого-то времени отношения с Кэти текли в этом направлении. До знакомства с нею Фрэнк почти всегда страдал от скуки. В детстве его нужно было постоянно забавлять. Став взрослым, он без конца менял любовниц, жилье и работу. Теперь все это повторилось, что пугало Фрэнка.

Нарастающая скука, которая начинала пронизывать все стороны его пребывания в Ривендейле, отчетливо показывала ему, какой тоскливой была его семейная жизнь. Болезнь жены настолько поглотила его, что на время он забыл обо всем остальном. Когда у Кэти обнаружили прогрессирующий рак, скука рассыпалась. Пусть и в извращенном виде, но рак внес что-то новое и почти драматичное в их совместное существование. Поначалу ему было плохо. Фрэнк содрогался, глядя на облысевшую Кэти, на ее тощее, изможденное тело с непропорционально большим животом. И вдруг это пробудило в нем затихшую чувственность. Фрэнку захотелось заниматься с женой сексом. Желание почти не оставляло его, однако после нескольких не особо удачных попыток он решил не приставать к ней. Фрэнк боялся просить Кэти об интимной

близости. Но чем больше она продвигалась к смерти, тем сильнее становилась его страсть.

Иногда Фрэнк усаживался на широкой лужайке, расположив складной стул под развесистым деревом, всего в двадцати футах от окна библиотеки. Он наблюдал за женой, которая сидела за одним из громадных дубовых столов, листала книги и беседовала с кем-нибудь из престарелых Ривендейлов. Они втекали и вытекали неиссякаемым потоком. Как-то Фрэнк услышал фразу одного из Ривендейлов. Впрочем, может, это ему приснилось, когда однажды он прилег после завтрака или задремал, сидя под деревом. Фраза состояла всего из двух слов: «Семейные истории».

Бледное лицо с почти лысым черепом, застывшее за окном библиотеки, ничем не напоминало прежнюю Кэти: темноглазую, с нервными жестами и узким ртом, готовым сжаться в отвратительную гримасу или исторгнуть ругательства. Они оба убедились, что гнев, ярость и мелкие жестокости делают семейную жизнь куда более волнующей, чем любовь. На первом же своем свидании они сильно поругались. И вдруг, посередине язвительной тирады, Фрэнк попросил ее о новом свидании. Кэти уставилась на него во все глаза. Она даже перестала дышать. Потом нехотя согласилась.

Чем больше они встречались, тем яростнее делались их стычки. Однажды Фрэнк ее ударил (он и представить себе не мог, что способен ударить женщину), и она с рыданиями упала в его объятия. Они могли часами заниматься сексом. Это превратилось в бредовый ритуал: крики, вопли, потасовка, после чего их подхватывала сладостная волна желания. Утро они встречали обессиленными, с воспаленными от бессонной ночи глазами.

Брак — замечательное изобретение. Он позволяет вам сполна насладиться садизмом и мазохизмом втайне от чужих глаз и в безопасности вашего жилища.

— Что тебе от меня нужно, уродина?

Кэти сверкнула зубами. У них был розоватый оттенок, наверное, губная помада оказалась нестойкой. Так подумалось Фрэнку. Фрэнк прижал ее голову к матрасу и смотрел, как ее язык маятником дергается между зубов. Он попал в ловушку.

Она ударила его ногой и сбросила с кровати. Фрэнк попытался откатиться в сторону, но Кэти не позволила ему шевельнуться и придавила к полу.

— Отпусти! Отпусти меня! — прохрипел он.

Ее локоть упирался ему в горло, перекрывая воздух. Перед глазами все

поплыло, а лицо начало сдавливать тяжесть.

— Фрэнк…

Он едва ее слышал. Он думал, что тогда вполне мог умереть. Еще одна из ее дурацких шуток. Он почти засмеялся. Из них двоих Кэти гораздо чаще говорила о смерти. Порою ее речи напоминали театральные монологи. У Фрэнка не было желания умирать, а у нее — было.

Он открыл глаза и взглянул на нее. Кэти возилась с его рубашкой, расстегивая воротник. Точнее, обрывая пуговицы воротника. Возможно, она пыталась его спасти.

Потом он увидел ее бешено пылающие глаза, оскаленный рот, двигающийся язык. Теперь Кэти вцепилась в его брючный ремень. Все это казалось очень знакомым. Выглядело частью их ритуала. Он попытался заглянуть ей в глаза, но, кажется, в тот момент она его даже не видела.

— Фрэнк…

Он резко проснулся и посмотрел на окно библиотеки. Оттуда на него глядело бледное лицо Кэти, окруженное еще более бледными лицами родственников. Их рты беззвучно шевелились, совсем как у рыб. Фрэнку показалось, что он слышит, как с легким звоном бьется стекло и сотни крошечных ртов впиваются в него своими зубами.

Чаще всего он вспоминал этот номер в отеле и наблюдающих Ривендейлов. У них был особый, очень вежливый стиль наблюдения. Что ни говори, во многом эти Ривендейлы оставались настоящими леди и джентльменами. Они следовали древнему этикету, сложившемуся через общение с людьми всех времен и племен. Задолго до того, как он встретил Кэти, они уже знали о нем, следили за ним и очень подробно его изучили. Во всяком случае, Фрэнку так казалось.

Особое, практически ежедневное, внимание Фрэнка привлекал один старый Ривендейл. Брови старика напоминали истрепанные крылья бабочки. Этот Ривендейл каждый день прогуливался по одному и тому же маршруту. Он размеренно двигался по безупречно вымощенной дорожке и, казалось, не обращал на Фрэнка никакого внимания. Только в одном месте у Фрэнка появлялось безошибочное ощущение, что старик наблюдает за ним. Прислушивается к нему. Этот прогулочно-наблюдательный ритуал старика заставил Фрэнка подумать, что мир, возможно, полон Ривендейлов, наблюдающих и вербующих в свои ряды.

Фрэнк начал узнавать их (при этом он испытывал странное возбуждение), угадывать их мысли. Они всегда насыщались, насыщались жадно. Их огромный голод не поддавался утолению, сколько бы жизней

они ни опустошили и на сколько умирающих отношений ни взирали. Подобно раку, таящемуся внутри тела, их вежливые обличья скрывали внутреннее паразитическое возбуждение. Они питались чужими чувствами. Своих у них не было. Они даже не могли производить детей и, чтобы размножаться, были вынуждены заражать других.

Прежде Фрэнк представлял их породу более страшной: с невероятно длинными зубами и зловонным дыханием, в котором ощущается запах крови. Нет, у них были изысканные манеры, и даже волновались они сдержанно, не расходуя силы.

Как-никак, он был одним из них. Одним из Ривендейлов, если не по крови, то по привычкам. Эта мысль его ужасала.

Чаще всего он вспоминал, как сидел в номере отеля, а Кэти лежала на кровати и глядела на него, едва шевеля своей лысой головой.

— Кэти, я должен уехать отсюда. Это какое-то безумие.

Минут пятнадцать он собирал свои вещи, надеясь, что она скажет хоть слово. Но единственными звуками в номере были шелест и шуршание его рубашек и брюк, которые он наугад вытаскивал из гардероба и бросал в чемодан. Впрочем, был и другой звук — шелест штор от ветерка, дувшего из форточки. Казалось, что маленькие листики и раковины на шторах дышат, вздыхают и о чем-то переговариваются.

И был ее последний вздох, последняя попытка вырваться отсюда, убежать из родового гнезда, пока их рты не поймают ее и не начнут насыщаться.

— Кэти…

Позади кровати двигались тени. Фрэнка раздражало, что он не видит ее глаз.

— Между нами все равно не было любви… ты понимаешь, о чем я говорю?

Красные глазки вспыхивали и перемигивались в темноте. Десятки пар.

— Стычки и ссоры — это все, что удерживало нас вместе и отгоняло скуку. Но мне уже не хочется ссориться с тобой.

Тишина действовала ему на нервы.

— Кэти!

Фрэнк прекратил сборы. Несколько пар носков упало на пол. В окне тускло поблескивали крошечные глаза. И крошечные ротики. Другого источника возбуждения у него не было; делать это сам он не умел. Никакой иной защиты от жуткой, всепоглощающей скуки. Ривендейлы правильно его оценили.

Кэти вытянулась на постели. Он видел тень от ее жуткого,

вздувшегося живота, видел, как тот выпирает из-под тяжелого одеяла. Фрэнк видел бледность ее кожи, ее зубы. Но он не слышал ее дыхания. Он стал медленно взбираться на кровать. У него дрожали руки, однако ему не терпелось добраться до нее.

Он часто вспоминал следы укусов в прохладном ночном воздухе, крошечные рты, притаившиеся в пыльном плюше. Он вспоминал, как его в последний раз охватила паника, а затем он отдался новому ощущению. Но чаще всего он вспоминал этот номер в отеле.

Танит Ли

В последние сорок лет **Танит Ли**зарекомендовала себя как необычайно плодовитый прозаик, работающий в жанрах фэнтези, хоррора, научной фантастики, готической и исторической романистики, адресованной и детям, и взрослым, автор, на счету которого более семидесяти романов и двухсот пятидесяти рассказов.

Однако к литературным высотам Танит Ли вознесло не количество, а качество ее произведений, о чем свидетельствуют ее многочисленные награды.

В их числе премия «Небьюла»: «Восставшая из пепла», номинация в категории «Лучший роман» (1975); «Красны как кровь», номинация в категории «Лучший рассказ» (1980); Всемирная премия фэнтези: «Владыка ночи», номинация в категории «Лучший роман» (1979); «Горгона», приз в категории «Лучший рассказ» (1983); «Она третья» («Смерть»), приз в категории «Лучший рассказ» (1984); «Ныне отпущаеши…», номинация в категории «Лучшая повесть» (1984); «Красны как кровь, или Сказки сестер Гример», номинация в категории «Лучшая антология / лучший сборник» (1984); «Ночные видения-1», номинация в категории «Лучшая антология / лучший сборник» (1985); «Сны о тьме и свете», номинация в категории «Лучшая антология / лучший сборник» (1987); «Чары тьмы», номинация в категории «Лучшая антология / лучший сборник» (1988); «Пурпур и золото», номинация в категории «Лучшая повесть» (1999); «…ная», номинация в категории «Лучшая повесть» (2006); Британская премия фэнтези (British Fantasy Award): пять номинаций, включая «Владыку смерти», который победил в категории «Лучший роман» (1980).

Рассказ «Зимние цветы» был впервые опубликован в «Журнале научной фантастики Айзека Азимова» в июне 1993 года.

Зимние цветы (© Перевод И. Иванова)

Этот рассказ посвящается Луизе Купер, которая услаждала меня музыкой и рассказывала мне про них

Пьера сожгли в Бетельмае. Я помогал им разжигать костер.

Местами город уже горел. Дымы и грабежи были нам только на руку, и мы занимались своим делом. Нам месяцами не платили жалованья, а в

Бетельмае имелось немало разных забавных вещиц, особенно в домах близ церкви. Невзирая на пять недель осады, в погребах оставалось вино, а в кухнях — мясо и хлеб. И конечно же, в городе жило достаточно пухленьких белокожих женщин. Так что парням герцога Вальфа сейчас было с кем позабавиться. Думаю, толстушек хватало на всех.

Я набрел на старый узкий дом. Его либо пропустили в спешке, либо наведались и двинулись дальше. Скорее все же второе, о чем свидетельствовали черепки битой посуды, рассыпанные монеты. Трупов я не увидел, но наверху кто-то ходил, а может — только дышал. Я взбежал по лестнице и рванул дверь. В сумраке комнатенки, озаряемой отсветами городских пожаров, меня встретила пара янтарно-карих глаз, широко распахнутых от страха.

— Не насилуй меня, — взмолилась она и на скверной латыни прочитала обрывки молитвы.

Эту молитву я слышал в лагере, накануне взятия города. Должно быть, хозяева сбежали, а девчонку-служанку бросили здесь. Почти ребенок; от силы лет четырнадцать.

— За свою честь можешь не бояться.

Я присел на краешек деревянной кровати, явно хозяйской, и взял девчонку за руку. От меня разило битвой, металлом, кровью и дымом, но только не похотью. Я испытывал лишь жажду.

У нее на запястье блестел маленький серебряный браслет.

— Не отнимай его у меня, — попросила служанка. — Это все, что у меня есть.

— Не бойся, не отниму.

Я поднес ее руку к своему рту и чуть сдвинул браслет, освобождая вену. Я лизнул руку и немного ее пососал, чтобы от моей слюны девчонка впала в дрему. Служанка затихла. Когда я прокусил ей вену, она даже не дернулась. Только один раз вздохнула.

Я уже давно не насыщался кровью. Жажда моя нарастала. Войны бывают затяжными. Топаешь день за днем, и негде найти крови. Потому мы все ждали, когда дойдет дело до сражения. В неразберихе битв появляется так много возможностей.

Мне сразу же стало лучше. Кровь подкрепляла сильнее мяса и вина. Однако я не стал усердствовать. Закончив, я оторвал от ее рукава лоскут и перевязал рану. Вряд ли девчонка вспомнит, что я здесь был. Те, чью кровь мы пьем, редко помнят.

Служанка сонно шевельнулась. Я поцеловал ее в лоб и положил рядом монеты, подобранные внизу.

— Оставайся здесь, пока совсем не стемнеет. Тогда выходи, но осторожно. Глядишь, сумеешь выбраться из города.

Хотя куда ей идти? Стараниями алчных солдат герцога Вальфа вся местность вокруг города давно опустела. Но и здесь девчонке оставаться не резон. Пусть попытает счастья, как и все мы.

Спустившись, я посмотрел, не осталось ли внизу чего-нибудь и для меня. Впрочем, надежд на это было мало. Чувствовалось, солдаты растащили все. Один из ящиков комода был заперт. Я сбил замок рукояткой кинжала, рванул ящик и выгреб жалкую горсть монет.

Покинув дом, я отправился на поиски вина. Ко мне вернулись силы. Я вновь чувствовал себя проворным и чистым. Такое ощущение всегда появлялось у нас после живой крови. Незамутненными глазами я глядел на тлеющие крыши, на трупы и остатки разграбленного добра. Довольные ребята Вальфа выкидывали свою добычу прямо из окон или перебрасывали через стены. Многие успели крепко выпить и теперь, пошатываясь, бродили по улицам, во всю глотку прославляя герцога. На взмыленных лошадях проносились командиры. Над их головами гордо развевались штандарты Вальфа, а сами они держались так, будто принесли городу великое благо. Где-то слышались глухие удары, что-то билось и ломалось, истошно кричали женщины. Воздух был сизым от дыма.

От пожаров на улицах Бетельмая казалось тепло, а кое-где и жарко. Но на окрестных равнинах и холмах царила зима, хотя и без снега. Правда, Болло утверждал, что еще до конца недели снег появится, а он редко ошибался. С божьей помощью, герцог Вальф разграбил почти все города и селения края. Куда теперь он поведет свою армию? Поговаривали, что на север, к городу Паке Понтис. Тот покрупнее Бетельмая; осада может растянуться на месяцы. Значит, Вальфу придется откуда-то добывать и денег, и провизии, иначе его горделивая армия разбежится. Эти мысли мелькали в моей голове, пока я брел с бурдюком вина, отобранным у вдрызг пьяного солдата. Вино я добыл, а остальное — заботы герцога.

На площади, возле церкви, я заметил людское скопление, в середине которого находился Пьер. Солдаты Вальфа крепко держали его за руки. Даже издали я разглядел на губах Пьера ярко-красную отметину.

А на церковных ступенях, у выломанной двери, стояли несколько офицеров герцога и наблюдали за происходящим. Толпы солдат не особо задумывались, за что схвачен Пьер. Должно быть, немного проштрафился. Ничего удивительного; когда победа одержана, дисциплина в армии стремительно падает.

Ко мне подошел толстопузый капитан Ротлам. Его испещренное

шрамами лицо с крючковатым носом недовольно морщилось. Он чем-то был похож на сердитого гусака, только без шеи.

— Слушай, Маурс. Там мои ребята схватили одного из твоих.

— Да, капитан. Он действительно из наших.

— Вонючие наемники, — процедил Ротлам и плюнул мне на сапог.

Невелика беда. За этот день случались штучки и похуже.

— Проклятое грязное ворье — вот вы кто, — не унимался капитан. — Герцог платит вам жалованье.

«Это о каком жалованье речь?» — подумал я.

— А вы только делаете вид, что сражаетесь, — кричал Ротлам. — Кого вы убили за это утро, кроме собственных блох? Где уничтоженные вами враги?

— Прикажете принести их отрезанные головы? — спросил я.

— Ты еще шутить вздумал? Заткни пасть. Полюбуйся на своего мерзавца. А знаешь, на чем мы его поймали?

Я знал, причем очень хорошо. Мое сердце, легкое и ликующее после утоления жажды, быстро холодело. Такое случалось и раньше, и почти всегда мы ничем не могли помочь. Мы все это понимали. Даже горячий Арпад, ворчун Йенс и меланхоличный, язвительный Фестус. Каждое утоление жажды — это риск. Удаче, как и рекам, свойственно иссякать. Сегодня, завтра или в конце времен.

Но я повел себя, как и подобает командиру наемников.

— Что Пьер натворил?

— Ах, так его звать Пьером? А ты знаешь, что он — вонючий колдун? Чародей поганый?

Я истово перекрестился. У меня тоже случаются ошибки, но я не дурак, чтобы лезть на рожон.

— Да хранит нас Бог, — шумно выдохнул Ротлам и подал солдатам знак.

Они подняли Пьера, подтащили к нам и заставили опуститься на колени.

Наши глаза встретились. По моему рту Пьер догадался, что я утолял жажду. Бедняга Пьер. Брат наш пропащий. Но сейчас я был вынужден думать о других братьях, и о собственной шкуре тоже.

— Ну? — грубо, как и подобает командиру, спросил я. — Чем ты опозорился перед Господом и герцогом?

— Поверь, Маурс, я ничего такого не сделал.

Он все понимал. Как и я, Пьер играл свою роль до конца. Только роли у нас были разными.

— Попался мне мальчишка. Вижу, у него на шее золотая цепочка висит. Говорю ему: «Отдай по-хорошему, и я тебя не трону». Он ни в какую. Я протянул руку, хотел сорвать с него цепочку, а он как кинется на меня. Бешеный щенок. Мне было не дотянуться до кинжала. Тогда я укусил этого паршивца в шею. Он сразу испугался. А тут — солдаты капитана. Слушать меня не захотели, начали руки заламывать.

— Не ври, урод! — рявкнул на Пьера солдат, державший его за левую руку. — Ты не просто укусил мальца, а начал сосать у него кровь.

Солдат что есть силы дернул руку Пьера, едва не вырвав ее с мясом.

— Проклятое ведьмино отродье! — заорал вояка.

Чувствовалось, ему страшно. Вино, которое он успел выпить, теперь превратилось в яд.

— Мой дружок хотел прикончить этого колдуна на месте. Но я ему сказал: так негоже. Отведем мерзавца к капитану.

— Боже милосердный, — прошептал я, выказывая свое изумление, хотя мое сердце покрыл иней окрестных полей. — Неужто моему солдату было не справиться с мальчишкой? Про какую кровь ты толкуешь? Вина в городе мало?

— Говорю тебе: он пил у мальца кровь, — угрюмо повторил коренастый солдат. — Видел бы, как мы, поверил бы. А может, когда и видел, да ничего не сделал?

Услышав этот вопрос, Ротлам пихнул меня в грудь.

— Что скажешь, Маурс? Отвечай, мешок с дерьмом.

Я выпрямился и пожал плечами.

— Я не видел, что было с тем мальчишкой. Но вижу, эти двое пьяны сверх всякой меры. Им еще и не такое померещится.

Солдаты загалдели, потом тот из них, что был поспокойнее, выхватил меч и двинулся на меня. Пришлось уложить его кулаком, чтобы отдохнул. Ротлам вступился за солдата и ударил меня. А вот этот удар мне пришлось проглотить, ибо толстопузый был любимым капитаном нашего доблестного герцога. Пьер к тому времени совсем сник. Когда шум поутих, я услышал его бормотание:

— Брось меня, Маурс. Я сам виноват. Я неплохо пожил.

— Что там бормочет этот дьявол? — недоверчиво спросил гусак Ротлам.

— Должно быть, Бога молит, — ответил я. — Я плохо знаю этого человека. Он у нас совсем недавно. Лучше позовите священника — что он скажет.

Как библейский Петр, я отрекся от своего друга. И как Петр, я

обливался холодным потом, а на душе у меня было мрачно и паршиво. Только в городе не нашлось петуха, чтобы подтвердить мое предательство.

Капитану Ротламу и другим командирам герцога хотелось поразвлечься, и они устроили судилище. К церковной площади согнали всех солдат, кто еще держался на ногах. Пьера допрашивали. Пришли и священники — три елейные церковные крысы, успевшие пожировать на теле Бетельмая. Приперся и внебрачный сынок герцога, но вскоре убрался. «Судьи» расспрашивали меня и Болло. Затем настал черед Иоганна — спутника Пьера по многим вылазкам. После него взялись за Фестуса и Лютгери. Сегодня они с Пьером перебирались через рухнувшие городские ворота. Мы все твердили, что плохо знаем Пьера, что он в отряде недавно и ничем не успел себя проявить. В одну из летних ночей он вышел к нашему костру. Это было незадолго до того, как мы предложили свои мечи герцогу. И пока мы мололи подобную чепуху, я украдкой поглядывал на Пьера. Тот слушал, слегка кивая… Давным-давно я присутствовал на таком же судилище. Тогда я заплакал и чуть не навлек на себя подозрения… Тех слез уже давно нет. Они иссякли, как иссякают реки и удача.

В конце Пьера объявили колдуном и сказали, что он одержим демонами. Он признал обвинения, иначе ему могли сломать пальцы, исполосовать плетьми и сделать все, что придет в головы богобоязненных людей. А так его просто приговорили к сожжению на столбе. Столбом послужила балка, принесенная из развороченного дома. Дров в городе хватало. Пьера крепко привязали к столбу. Он взглянул на меня. Его глаза говорили: «Прокляни меня». Мы все дружно прокляли его, после обратились к священникам за помощью в покаянии. Мы спрашивали, какие молитвы нам читать, дабы очиститься — ведь мы несколько месяцев, не подозревая о том, находились рядом с колдуном. Священники были рады нам помочь. Они взяли себе нашу долю трофейного золота и велели нам воздерживаться от вина, мяса и женщин, а также непрестанно молиться, прося у Бога милости. Конечно, за такие мудрые советы стоило заплатить.

Когда дрова и хворост были готовы, я схватил зажженный факел и с ревом бросил его в костер. Мои друзья, выкрикивая проклятия, плевали в сторону Пьера, который глядел на нас сквозь густеющую завесу дыма. Он был красивым парнем; на вид — лет двадцать, не больше. Такое лицо нравилось девушкам, а порою и герцогам. Он знал: каждое наше проклятие — это молитва, а каждый плевок — крик о прощении.

Через какое-то время Пьер испустил предсмертный стон и забыл о нас.

Говорят, огонь холоден. Как-то я слышал об этом. Очень, очень холоден.

После казни нам будет легко воздерживаться от мяса.

Когда тело Пьера полностью сгорело, а языки пламени ослабели и начали гаснуть, солдаты разворошили костер. Священники побрызгали место святой водой.

Вскоре после этого гусак Ротлам велел нам убираться из города. Прегрешение Пьера отчасти пало и на нас, а потому жалованья мы не получим и никакой добычи взять не смеем. Я усмехнулся про себя. Жалованье в армии герцога и так забывали платить. А добычей успели поживиться священники. Но вслух я стал спорить, как и полагалось алчному наемнику. Если бы я молча смирился, это сочли бы странным и, возможно, подозрительным.

— Как же так, капитан? — изображая обиду, спросил я. — Мы храбро сражались за герцога Вальфа.

Но Ротлам лишь усмехнулся, а его приспешники выразительно зазвенели мечами.

Пройдя равнину и достигнув холмов, мы оглянулись. Бетельмай продолжал гореть. С трудом верилось, что еще утром Пьер был с нами.

— Желаю им подавиться собственным мясом, и чтоб их вырвало от своих внутренностей, — сказал Арпад.

— Непременно подавятся, — отозвался Лютгери. — Конец у них одинаковый.

Я вспомнил о девчонке с янтарными глазами. Сумела ли она выбраться из города? Думать о Пьере я не мог. К мыслям о нем нужно подходить медленно и осторожно. Он был частью нас, и эта часть легла пеплом на городской площади. Со мной никто не заговаривал. Мы молча поднимались по склонам холмов, неся на своих спинах копоть Бетельмая, в своих животах — кровь Бетельмая, и знаменем нашим была гибель Пьера.

Болло оказался прав насчет снега. Снег появился, будто серая птица из разверзшихся небес. Снежинки лепестками падали на стылую землю. Было холодно, очень холодно.

— Здесь водятся волки, — сказал Жиль.

— Волки так волки. — Иоганн отнесся к этому стоически.

Есть два взгляда на волков. Согласно первому, это злобные твари, которым ничего не стоит напасть на вас во сне, откусить все, что болтается между ног, а то и полакомиться вашим мясом. Сам я придерживаюсь второго. Волки редко нападают на движущегося человека, да и на спящего тоже. Как-то зимой, на поле, Иоганн справлял нужду. Появился волк, остановился и просто глядел на него. У зверя были вполне человеческие

глаза. Потом Иоганн целых три дня мучился запором. Но тогда он закричал, и волк убежал.

Во всяком случае, за все время нашего странствия по белым холмам мы так и не услышали волчьего воя. Стояла гробовая тишина. Мир умер. Ну и черт с ним.

В один из дней, поднявшись на высокий холм, мы увидели вдалеке город. Смеркалось, а там блестели огни. Подумалось о пылающих очагах, факелах, свечах. Потянуло к теплу. Йенс сказал, что это, должно быть, Музен. Ему лучше знать. Но мы не стали испытывать судьбу и двинулись дальше.

Еще через два дня мы начали говорить о Пьере. Вспоминали его слова и поступки, чем восхищал нас и чем злил. Те из нас, кто помнил его появление, говорили об этом. Он действительно вышел к нашему походному костру, и было это летней ночью, только сто лет назад. Он нашел нас, как он говорил, по магическому запаху. Верно сказано. Наше братство крови древнее. О нем ходит немало смутных толков. Чего нам только не приписывают. Но мы очень похожи на волков. Такие же одинокие и пугливые. Наша стая верна самой себе. Мы охотимся только там, где это возможно. И у нас тоже человеческие глаза.

Под вечер, когда белизна снега начала темнеть, Иоганн сказал мне:

— Вот ты спрашивал Ротлама, не принести ли ему головы убитых тобою врагов. Стоило ли говорить такие вещи? Не навел ли ты его на мысль о том, кто мы на самом деле? Говорят, древние египтяне отрезали головы своим врагам. А вдруг этот пузатый капитан оказался умнее, чем мы думали?

— Если я чего и сболтнул, он давно про нас забыл. Кто мы ему? Шайка наемников.

Возможно, Иоганн был прав: я допустил промашку. Но с кем не бывает?

Пьер…

Не скажу, чтобы я испытывал к нему нежные чувства или относился как к сыну. Он был частью меня. Частью каждого из нас.

Наверное, Лютгери старше всех в нашей компании. Ему иногда снятся диковинные сны о бревенчатых хижинах, где очаг посередине, а дым уходит через дыру в крыше. Огонь там зажигали без кремня и кресала, произнеся заклинание.

Он уверяет, что когда-то так и было. Мы не верим ему. И в россказни о нас тоже не верим. Мы не боимся солнечного света и не тянемся к луне. Чеснок для нас — отличная приправа. Нас не погубить шипами. Что

касается железа и серебра — у нас было и то и другое, но мы лишились их обоих. А крест Христов? Христос был одним из нас. Так говорил Пьер. Разве они не пили кровь?

Но если нас убивают, мы умираем. Если сжигают — превращаемся в пепел.

Ах, Пьер…

Так мы и брели, переживая смерть Пьера. Отряд наемников без командира, двуногие волки и бескрылые вороны зимних равнин. И в один из дней наших странствий мы увидели тот замок.

Наверное, нам лучше было бы обойти его стороной, как город Музен. Но солнце клонилось к закату, и замок предстал перед нами на кроваво-красном, расшитом золотом фоне небес. Темный. Ни огонька. Никаких внешних признаков жизни.

— А вдруг там живет какой-нибудь граф или герцог, которому нужны ландскнехты? — сказал Арпад. — Вдруг он задумал по весне двинуться на один из здешних городов? Предложим этому старому пню свои услуги.

— Наверное, там есть и женщины, — предположил Фестус.

— Великолепные женщины, — подхватил Жиль. — Белолицые, с большой сладкой грудью и розовым лоном.

Мы обшарили глазами окрестности. Замок стоял один-одинешенек. Ни деревень, ни отдельных домишек. На подступах к нему тоже было пусто.

— Развалина, — высказал догадку Йенс. — Кто-то успел его захватить и разграбить. Теперь там пусто.

— Ну так пойдем и посмотрим, — сказал Арпад.

— Зимовать в развалинах, — вздохнул Иоганн. — Не впервой.

Однако в тот вечер мы не подошли к замку. Разбили лагерь на склоне холма и ночевали у костра. Утром, когда взошло солнце, мы вновь стали разглядывать замок. Теперь он был совсем не черным, а теплым и зовущим.

Если бы Пьера просто казнили и отдали нам тело, мы бы похоронили его в этом замке. Увы, нам не досталось и горсти пепла нашего собрата.

— Пьеру понравился бы замок, — сказал Лютгери. — Он бы даже сочинил балладу. Помните, как здорово он пел? Настоящий трубадур.

Мы представили Пьера стоящим под узкими высокими окнами замка и распевающим эту балладу какой-нибудь принцессе.

Спускаясь с холма, с каждым шагом мы все глубже увязали в снегу. На подступах нам пришлось выдержать настоящую битву с сугробами и ледяной коркой.

Подойдя ближе, мы увидели, что замок вовсе не так уж велик, как нам

казалось. Несколько зубчатых башен, донжон с островерхой заснеженной крышей. А внизу, на снегу, что-то краснело и зеленело.

— Ну и ну, — прошептал Иоганн.

Мы остановились.

— Что там? — не унимался он.

— Цветы, — ответил Жиль.

— Нет.

Какие цветы среди снегов?

— А помните, как Пьер назвал то поле? — спросил Арпад.

Опять воспоминания, и опять они связаны с Пьером. Несколько лет назад, зимой, мы очутились на поле сражения, оставленном Богу и хищным птицам. Там лежали умирающие солдаты. Они истекали кровью, окрашивая снег. Красное на белом. Пир. Жуткий, проклятый пир. Мы были противны самим себе. Но тогда мы находились в слишком отчаянном положении, чтобы пройти мимо.

И Пьер дал имя этому полю.

— Кровь на снегу, озаренном солнцем, — сказал он. — Красные розы. Зимние цветы.

— Зимние цветы, — повторил сейчас Арпад, причем настолько тихо, что только мы и могли его услышать.

Мы услышали.

Находившееся за стенами замка очень напоминало цветы. Зимние цветы. Розы.

— Уму непостижимо, — прошептал Иоганн. — Мы попали в сказку.

Мы засмеялись и продолжили нелегкий путь к замку.

Есть такая легенда о Мариам — непорочной деве и матери Христа. Был у нее сад, окруженный высокими стенами. И в том саду никогда не кончалось лето и росли цветы.

Неужто мы попали в сад Мариам?

Приближаясь к замку, мы пристально вглядывались в его башни и стены. Но нигде не стояли караульные. Никто не окликнул нас. Мы подошли к воротам. Они были приоткрыты. Само по себе это могло предвещать ловушку, но мы не испугались. Странное не всегда означает опасность; и наоборот, то, что выглядит вполне обычно, может таить коварные неожиданности.

Черные тяжелые створки ворот казались высеченными из камня, хотя на самом деле были железными. Зазора между ними хватило, чтобы беспрепятственно пройти на внутренний двор. Только это был не двор, а

сад.

На земле, на ступенях, ведущих к башням, и на высокой крыше здания лежал снег. Но во дворе из-под снега пробивались цветы. Правильнее сказать, цветущие колючие кустарники, карабкающиеся вверх по стенам. Цветы были дымчато-розовыми, оранжево-песчаными, багровыми, пурпурными и желтовато-белыми. Снег касался их лепестков, не причиняя никакого вреда. Казалось, они всего лишь припорошены белой пылью. От цветов исходил аромат, и им был густо напоен холодный зимний воздух.

— Боже, какая красота! — восхитился Жиль. — Но не губительна ли она для нас?

— И такое возможно, — ответил Фестус.

Он вытащил кинжал и шагнул к ближайшему кусту. Иоганн схватил его за руку.

— Лучше не трогай эти цветы, — предостерег его Лютгери. — Мало ли кого ты можешь рассердить.

— Кого? — огрызнулся Фестус.

— Возможно, самого Бога, — ответил Лютгери. — Он ведь так старался, создавая эту красоту.

Посередине двора располагался колодец, окаймленный камнем и украшенный каменными птицами. Я направился к колодцу. Иоганн и Арпад последовали за мной. Внизу ярко светилось зеленое зеркало воды, хотя стенки колодца обледенели.

С крыши донеслось шуршание. Но это был всего лишь ветер. В солнечном воздухе заискрилась снежная пыль, а аромат цветов стал еще сильнее.

— Это магия? — спросил Жиль.

— Да, — сказал Болло. — Дева спит в своем саду, и только поцелуй Бога способен ее пробудить.

— А мне что-то не по себе, — признался Йенс. — У меня все кишки шевелятся, будто змеи в брюхе ползают.

— Глядите, дверь в башню тоже открыта, — сказал Арпад и шагнул туда. — Прекрасная дева у себя в спальне. В этом нет ничего опасного.

Фестус, не убирая кинжала, вошел за ним.

— Маурс, что нам делать? — спросил Иоганн.

Они по привычке считали меня командиром.

— Заглянуть внутрь и посмотреть, что к чему. Может, и там не хуже, чем во дворе.

Арпад и Фестус скрылись за дверью. Вскоре мы услышали крик Арпада и, выхватив оружие, ринулись внутрь.

В дверях мы вели себя не лучше балаганных шутов. Иоганн, Жиль, Лютгери и я столкнулись с Йенсом и Болло.

А Арпад и Фестус преспокойно стояли посреди громадного зала и глазели. Здесь было на что посмотреть. По стенам висели восточные ковры ярко-красного и шафранового цвета. Потолок был резной, с птицами и разными диковинными существами: женщинами с рыбьими и змеиными хвостами, крылатыми конями, трехглавыми львами, рогатыми медведями и птицами с бородатыми человеческими головами. С потолка на длинных цепях свисали медные лампы, и все они горели, ярко освещая зал. В большом очаге жарко пылал огонь. Очаг был облицован розовым мрамором. Квадратные плиты такого же цвета составляли пол, перемежаясь с красно-коричневыми. У начала лестницы, что вела наверх, стояли две статуи выше человеческого роста. Одна — женская, держащая перед собой не то позолоченный щит, не то большое зеркало. Другая являла Короля-Смерть в плаще. Вместо головы у него был череп, увенчанный золотой короной. Окна в зале располагались высоко. В них были вставлены настоящие стекла, и в каждом — по рубину. Сейчас солнце освещало три окна, бросая кровавые капли прямо на корону и плащ короля. От этого дурного знака нам стало не по себе, словно мы выпили уксуса.

Но рядом с очагом стоял стол и стулья. Стол был уставлен всевозможными графинами, кувшинами и штофами, тарелками с золотыми ложками и ножами. На блюдах лежали зажаренные поросята и зайцы, а также и другое мясо. Здесь был хлеб на любой вкус: от простого до сладкого, с пряностями. На серебряных подносах громоздились фрукты, какие увидишь лишь в жарких странах. Фрукты были свежими, будто их только что сорвали, также и хлеба, а от мяса поднимался пар и исходил удивительный запах.

— Что все это значит? — спросил Жиль.

— Ловушка дьявола, — ответил ему Йенс.

Арпад приблизился к столу и протянул руку к яствам.

— Не тронь, дурень! — крикнул я ему. — Не смей.

Он послушно опустил руки и покраснел.

— Все это так чудесно, что может оказаться настоящим, — осторожно сказал Болло. — Подарок свыше.

— Ты уверен? — спросил я.

Болло пожал плечами.

— И что нам теперь делать? — поинтересовался Болло.

— Осмотрим все здание. Тогда и решим, можно ли пировать за этим столом, — сказал я.

Мы так и сделали: осмотрели этот маленький замок, стоящий на заснеженной равнине; замок, за стенами которого было лето, а внутри приветливо светили лампы, горел очаг и стол ломился от изысканных кушаний.

Куда бы мы ни заходили, наше восхищение не исчезало. Повсюду нас встречали резные картины, представлявшие все легенды и сказания, какие существовали на белом свете. В каждом окне имелись настоящие стекла; во многих они были цветными, а кое-где встречались однотонные витражи. Ковры и шпалеры радовали глаз сочностью красок, словно их изготовили только вчера. Над залом помещалась библиотека с множеством старинных книг и свитков на латыни и греческом языке. Попадались и еще более древние книги, где вместо букв пестрели маленькие рисунки. В замке имелась и оружейная комната, дверь которой тоже была не заперта. Оружие древнее и нынешнее, все — в прекрасном состоянии. Кожа была смазана, дерево — натерто особыми составами, металл — начищен до блеска. От изобилия глаза разбегались: луки из рога, бронзовые булавы, зазубренные копья, мечи, побывавшие не в одних руках.

Нам встречались спальные покои с просторными кроватями и резными шкафами. В шкафах, переложенные мешочками с душистыми травами, лежали и висели богатые одежды и пояса, отделанные золотом. В шкатулках мы находили драгоценности, достойные королев и королей: жемчуг, кораллы, аметисты цвета голубиной крови, гранаты, серебряные кресты с зелеными бериллами. Попадались вещицы с Востока: тяжелые золотые браслеты, золотые диадемы и диски. Многие из них были очень древними. Чьи руки их держали и носили?

— Не вздумайте ничего отсюда брать, — предупредил я своих.

— Понятное дело, — почти хором ответили они.

— Тут явно не обошлось без колдовства, — сказал Иоганн.

— Конечно ловушка, чтобы нас сцапать, — согласились остальные.

Мы решили, что лучше без промедления покинем замок, будем охотиться на мышей-полевок и спать на снегу, возле нежаркого костра. Но мы уже влюбились в этот замок. Так бывает, когда влюбляешься в красивую женщину. И ведь чувствуешь, что у нее недобрые намерения, но начинаешь себя уговаривать: возможно, она не такая и коварная и, если к ней отнестись по-доброму, все обойдется.

А за стенами замка опять шел снег и было темно, как в сумерках. Неужели кому-то понадобилось разными заклинаниями заманивать сюда горстку оборванцев, освещать для них весь замок, — разводить огонь в очаге и готовить угощение?

Наконец мы устали от всей этой роскоши и разнообразия. Столько соблазнов, и ничего не тронь.

И вдруг мы наткнулись на закрытую дверь.

— Куда она ведет? — спросил Фестус.

— Похоже, что в башню. В ту, наклонную, с красивым окном.

Над каменным косяком были вырезаны слова «Virgo pulchra, claustra recludens».

— «Прекрасная дева, открой засов», — перевел Болло.

— Дева — это Матерь Божия? — спросил Йенс.

— Нам достаточно нескольких прекрасных дев, — сказал Жиль.

— И еще кое-чего, — напомнил Лютгери.

— Крови, — подсказал я.

За запертой дверью было тихо.

— Может, найдем здесь и прекрасных дев, — сказал Иоганн. — Похоже, в этом замке есть все.

Мы переглянулись.

У Арпада заблестели глаза, у Жиля взгляд стал тяжелым. Йенс нахмурился и закусил губу. Фестус отвернулся, а лицо Болло приобрело цвет старинного пергамента Лютгери и Иоганн о чем-то раздумывали или что-то вспоминали. А я? Я думал о Пьере. И о девчонке в бетельмайском доме, мечтавшей о невозможном — чтобы ее не изнасиловали и не отняли браслет.

— Спускаемся вниз, — сказал я.

— Еда, — мечтательно произнес Арпад, а Йенс добавил:

— Я так голоден, что не побрезговал бы и беленой.

Мы вернулись в зал. В очаге все так же весело трещали поленья, которые за это время ничуть не сгорели. Все так же ярко светили лампы. А вот блюда на столе, естественно, немного остыли и мясо покрылось налетом жира. Мы отрезали по ломтю мяса, добавили к нему фруктов и открыли крышки графинов и кувшинов. Нигде наши ноздри не улавливали ни малейшего признака дурного запаха. Однако прежде, чем взяться за трапезу, мы бросили жребий. Арпад с Йенсом с радостью перепробовали по кусочку всего, что было на столе. Мы внимательно следили за ними, ожидая, что вот-вот они поперхнутся или их начнет рвать. Но они были вполне здоровы и только раззадорили свой аппетит. Солнце тем временем добралось и до других окон. И тогда мы уселись за стол и предались пиршеству, как бедные рабы жизни, кем мы и были.

Я проснулся от страха. Меня это не удивило.

Бывают сны, которые никак не вспомнить. Бывают звуки, слышимые во сне, вполне невинные, но мозг тут же вспоминает о других временах, когда такие же звуки означали совсем иное.

Я сел, и в голове слегка зазвенело от терпких вин, выпитых за столом. Потом туман несколько рассеялся. Я вспомнил, где я лег и почему выбрал такое место. После этого страх показался мне вполне оправданным.

Картина перед глазами изменилась. Возможно, это было предостережением.

Все лампы погасли. От веселого пламени в очаге остались синеватые язычки, ящерицами снующие между тлеющих углей. Поленья превратились в почерневшие головешки. Погода за стенами заколдованного замка поменялась. Снег прекратился; на синевато-черном небе сверкали звезды. Теперь они заменяли погасшие лампы. Наверное, и луна уже взошла.

Я повернул голову. Пол был залит лунным светом, похожим на куски льда. Стол после нашего пиршества казался разрушенной крепостью. Лунный свет лежал и на стенах, выхватывая из резьбы то руку, то единорога, то череп.

Зал был пуст, но чувствовалось, кто-то сюда успел наведаться. Кто? Почти все мои собратья пожелали спать наверху, на тех роскошных кроватях. Прежде чем лечь, я велел Иоганну стеречь лестницу, а Лютгери и Фестусу — обходить коридоры. Двери зала мы надежно заперли на тяжелый засов. Я улегся возле очага, расстелив плащ и подложив под голову позаимствованную наверху мягкую подушку.

Если что-то произошло, я бы непременно услышал шум. Но ведь ей-богу, что-то произошло. Об этом не знал мой слабый разум, но знали сердце и душа.

Я прошелся по залу и приблизился к столу. Вино было вполне пригодным, и я для успокоения опрокинул в себя бокал.

То, что вместе со мной находилось в этом зале, было подобно шепоту, легкому вздоху. Паутина из ничего, мимолетный призрак. Возможно, и не оно разбудило меня. Тогда что? Какое-то инстинктивное чувство, некий призыв, прорвавшийся ко мне. Словно у меня в крови звонил колокол, и, когда я его наконец услышал, он смолк.

Я не стал звать ни Лютгери с Фестусом, ни Иоганна. Они бы наверняка сами меня разбудили, если что. Караульных должны были сменить Йенс и Болло.

Тихо. В замке и за его пределами — невероятно тихо. Ни свиста ветра, ни криков зверья, шастающего по ночам. Но даже в самую тихую ночь

человеческое жилье не бывает совсем беззвучным. Скребутся крысы, шуршат тараканы, поскрипывают балки и мебель. А тут — гробовая тишина. Все звуки, которые я слышал, исходили от меня.

Я вытащил меч, а в левую руку взял кинжал. Затем на цыпочках подошел к лестнице и пробрался мимо фигур Короля-Смерти и его королевы.

Иоганна наверху не было. Уходить с поста — не в его правилах, а если ушел, значит, не просто так. В любом случае он бы меня разбудил и объяснил, что к чему.

— Иоганн! — тихо позвал я.

Он не отвечал. Факелы погасли, и на лестнице было совсем темно. Я немного умел видеть в темноте и вскоре различил изогнутый коридор и дверь. Возле порога что-то лежало.

Я знал Иоганна более трехсот лет. Когда требовалось бодрствовать, он не смыкал глаз. Он и сейчас не спал. Он лежал возле двери спальни Арпада, потому что был мертв.

Мы все привыкли видеть смерть. Мы видели ее чуть ли не ежедневно. Но нельзя привыкнуть к тому, что погибает кто-то из твоих собратьев.

Я склонился над ним и осмотрел его, одновременно продолжая следить за темнотой.

Боже, передо мной был даже не труп. Пустой мешок. Точнее, мешок с костями. Мне вспомнилась картина, изображавшая Смерть на повозке, которую тащили скелеты. От прежнего тела у них оставалось только то, что болтается между ног. Вот таким я нашел и Иоганна.

Останки моего собрата шумно упали на пол. Я закричал. Я умею кричать, а после той ночи мое умение возросло.

Найди я просто труп Иоганна, я бы не так ужаснулся. Но ни мяса, ни жил не было. Я это видел без всякого света. И крови, разумеется, в нем тоже не осталось.

На Иоганна напал демон и просто высосал его насухо. Не так, как это делаем мы. Совсем не так. Наше насыщение можно сравнить с тем, когда зачерпываешь ведро воды из колодца и пьешь. Мы не вычерпываем весь колодец. Не оставляем после себя обескровленные трупы.

Иоганн разделил судьбу Пьера. Вся разница, что Пьера сожгли снаружи, а его — изнутри.

Нет больше Иоганна.

Я вошел в комнату, избранную Арпадом для ночлега.

Лунный свет щедро заливал пол и постель, но ему не хватало силы, чтобы проходить сквозь драгоценный камень в окне, отчего на полу чернел

рубец.

Арпад лежал, наполовину свесившись с роскошной кровати. Я дотронулся до его руки. Арпад, самый живой и страстный из нас, с неукротимым огнем внутри, любитель хорошенько выпить… он превратился в такой же мешок с костями.

И тут на меня накатил такой страх, какого за всю свою долгую жизнь я ни разу еще не испытывал. Страх буквально пригвоздил меня к месту. А ведь в каких только переделках я не бывал, сколько ужасов при жизни и после смерти мне не предрекали. Но никогда во мне не было такого страха. Он родился той ночью. Смогу ли я когда-нибудь от него освободиться?

Я вышел из комнаты и двинулся по темному коридору. Кое-где сквозь узкие окошки на пол падали скудные лучи луны, и на каждом был шрам от драгоценного камня, непреодолимого для ее света. А потом ночное светило скрылось за стеной, и я остался наедине с темнотой. Давным-давно луну прозвали Белолицей. Нрав у нее капризный; ей ничего не стоит бросить тебя в самый неподходящий момент, а то и предать.

Вскоре я набрел на Фестуса и через несколько шагов — на Лютгери. Фестуса Смерть тоже могла запрягать в свою повозку. Я встряхнул Лютгери. Неужели и он мертв? Эта мысль пробудила во мне ненависть к нему. Потом я услышал его негромкое дыхание. Оно было хриплым и прерывистым, похожим на скрип крыльев старой ветряной мельницы.

— Лютгери! Очнись!

— Тише, — прошептал он. — Успокойся, мой мальчик.

Я поднял его на руки.

— Слушай, дерьмовая крыса, если ты умрешь, я тебя убью.

Это была наша шутка, непонятная посторонним.

— Знаю, Маурс. Но я постараюсь вытянуть.

Я не выдержал и заплакал у него на плече. Теплом, человеческом плече. Но времени на долгие слезы у меня не было.

— Кто это сделал? — спросил я.

— Сколько? — прохрипел он.

— Арпад. Фестус. Иоганн тоже.

— Ах, — вздохнул Лютгери. — И он…

Тут сознание покинуло Лютгери. Я сжал ему шею в нужном месте, и он очнулся.

— Расскажи, как это было.

— Не могу. И не хочу.

Я не отставал.

— Что-то… оно выскочило из темноты. Оно было похоже… ни на что

оно не было похоже. Оно двигалось бесшумно. И набросилось на меня. Боже милосердный! Его зубы впились мне в грудь. Оно сосало мою кровь. Я не смог рукой пошевелить. Даже крикнуть не мог. Горло перехватило.

— А как же ты уцелел? — отупело спросил я.

— Видно, моя старая кровь пришлась ему не по вкусу. Либо до меня успел попировать на ком-то из наших.

— А другие? — спросил я. — У них есть шанс уцелеть?

— У Арпада с Фестусом не было, — прошептал Лютгери. — У Йенса с Жилем… не думаю, если эта тварь наткнулась на них. Болло — он старый крокодил. Этот, может, и выживет.

Голова Лютгери запрокинулась — он опять потерял сознание. Я разжал ему зубы и прислонил свою руку.

— Пей, свинья. Слышишь? Пей, пока не сдох.

Он выпил. Совсем немного. Потом схватился за меч.

— Маурс, оставь меня здесь. Теперь, если что, я отобьюсь. Но ты должен…

— Знаю, что я должен.

Я перекинул Лютгери через плечо и отнес в библиотеку. Лампа погасла и там. Я схватил первую попавшуюся книгу и положил ему на руку.

— Вот тебе. Наберешься сил — сразу почувствуешь, что тяжесть стала меньше. А нет — груз не даст тебе потерять сознание.

— Хорошо, Маурс. Меч при мне. Иди, ищи остальных. Иди.

Болло решил спать в оружейной. Правильнее сказать, он думал уединиться там и посмотреть имеющееся оружие. Спать он вообще не собирался и позаимствовал со стола кувшин вина. Когда надо, Болло мог не спать дней десять подряд. Сам видел. Но зачем противиться сну, если такой надобности не было? Раздумывая об этом, я побежал в оружейную.

Вблизи двери нечто преградило мне путь, вынуждая остановиться, но я не остановился, а продолжал медленно идти, с мечом и кинжалом наготове. Дверь оружейной была приоткрыта (как и все двери замка, кроме той, за которой обитала неведомая дева). Я ползком пробрался внутрь.

И там в окно светила луна, и там ее лучи не могли пробиться сквозь драгоценный камень. Мысленно я назвал его «каиновой печатью». Так что света хватало.

Болло сидел за столом. Перед ним лежала книга, которую он принес из библиотеки, и стоял подсвечник с полностью сгоревшей свечой. Представляете? Лунный свет, разлитый по полкам и стойкам с оружием, фолиант, на переплете которого золото соседствовало с индиго, и темное

пятно в окне, которое днем было ярко-красным.

Глаза Болло были широко раскрытыми и застывшими, как колесики механизма. Потом колесики медленно повернулись, и взгляд Болло переместился на меня. Собрат узнал, кто перед ним. Он не утратил сознания, но не мог шевельнуться.

Нечто склонилось над ним, заслоняя собой, как легкое облачко луну. Почти прозрачное, похожее на призрака, но весьма реальное.

Что же я там увидел? Это зрелище навсегда врезалось мне в память, только вот как рассказать о нем словами?

Существо, нависшее над Болло, было гораздо древнее замка и всего, что находилось в замке, включая и свитки, написанные до Потопа. Оно состояло из каких-то лохмотьев, костей, жил и сухожилий, непонятным образом сочлененных вместе и натянутых наподобие струн в арфе. Лунный свет проникал сквозь лохмотья, а сквозь само существо — еле-еле. Так бывает, когда смотришь на замерзшую реку и подо льдом едва различаешь камни. Очертания скелета были похожи на зубцы гребня. Существо имело человеческий облик… вернее, то, что от него осталось. Одному богу известно, какого пола оно было. Существо держало Болло под мышки, а его голова с нитями прозрачных волос склонилась к груди нашего собрата.

Со стороны это виделось жестом покаяния, словно существо явилось поплакать у Болло на груди. Но от Лютгери я знал, что оно вытворяло на самом деле.

Я вонзил меч в спину существа, туда, где у него было сердце.

Мне показалось, что меч воткнулся в снег. Тем не менее существо отпустило Болло, по-змеиному изогнулось и взглянуло на меня.

У существа были глаза. У нас и у волков глаза человеческие, но у него они походили на две сверкающие черные бусины. Они казались наиболее осязаемыми и впечатляли сильнее, чем все остальное в его призрачном теле. Осколки ночи, но не этой. Ночи, которую мы никогда не увидим.

Потом существо широко разинуло рот, обнажив острые желтые зубы и темный, клиновидный, слишком длинный язык. Оно зашипело, и я отступил.

Я выдернул меч, побывавший словно в облаке липкого пара.

Что же делать? Мне подумалось: самое правильное — отсечь его призрачную голову от призрачных плеч. Но едва я занес руку для удара, существо ретировалось, как удирающая змея. Оно докатилось до стены, затем стена разошлась и впустила его в себя.

Так оно и было. Камень стал податливым, как масло. Я услышал хриплый, задыхающийся крик Болло:

— Маурс… туда., туда.

В его глазах я увидел гибель Йенса и Жиля. Я увидел самого короля Смерти на бледном, медленно ступающем коне. И тогда я бросился к стене, не дав ей закрыться. Я погнался за древним вампиром.

В сражениях я делал немало сумасбродных поступков. Потом их называли храбрыми. Но они были порождены безумием войны. А здесь — ничего подобного. Мне было страшно идти сквозь стену, однако повернуть назад я не мог.

Существо было где-то рядом. Возможно, даже не одно. Я слышал не то вздох, не то шепот. Но я не спал, и им не вонзить свои зубы в меня. Почему так случилось? Глупый вопрос случилось, и нечего спрашивать. Каждый из нас знает: он бессмертен. Что бы ни выпало на нашу долю, мы переживем. Смерть может коснуться нас, но потом она уходит.

Коридор внутри стены был совершенно темным, однако я уже говорил, что за много лет научился видеть в темноте. И потом, мой противник слабо светился. Так светятся гнилушки, грибы и гребни волн в теплых морях.

Существо двигалось быстро, но вряд ли при помощи ног или лап. За ним тянулся светящийся след. Я видел его одежды. Возможно, это светились они. Возле поворота я мог бы ухватиться за них, но не ухватился.

Как мне убивать его, когда поймаю? Обезглавить? Мы с собратьями были уязвимы, а ведь эту тварь я пронзил насквозь, и ничего. Зачем я вообще погнался за нею? Потому что должен отомстить за пять смертей. Так считал Болло, и я его послушался.

Древний вампир явно куда-то направлялся. В какую-нибудь каморку, где у него логово.

Коридор начал разветвляться. Справа и слева от меня в темноту уходили другие коридоры. Существо знало, куда двигаться, а я — нет. Заблудиться тут — пара пустяков. Я попал в лабиринт внутренних ходов, устроенных в стенах замка. В его, так сказать, кровеносные жилы.

К счастью, я не потерял своего противника из виду. Он подлетел к дыре, похожей на дымоход. Вверх уходили прямые, узкие ступеньки. Вампир скрылся в этом колодце, и свечение исчезло.

Страх, обуявший меня, был настолько велик, что я застыл на месте. И тот же страх подгонял меня, толкая вверх по лестнице.

Потом я немного успокоился, задрал голову и глянул вверх. Мерзкое существо успело добраться до последней ступеньки и исчезнуть в арке коридора. Пространство арки слегка освещалось, но не холодным беловатым свечением вампира. Свет был теплым.

Я мигом поднялся по ступеням и прошел в коридор. Неподалеку, слева,

находилась полуоткрытая дверь. Свет пробивался оттуда — мягкий, уютный свет. Я догадался, откуда он исходит. И все равно, очутившись возле двери и заглянув внутрь, я оказался не готов к этому зрелищу.

Я сразу же понял, что это за покои. Верхняя комната в наклонной башне, вход в которую встретил нас закрытой дверью. «Прекрасная дева, открой засов». И она это сделала открыла засов наверху, чтобы впустить своего прислужника.

Комната была прекрасна, как на картине, — чистенькая, уютная. Каждый предмет в ней находился на своем месте. Узкая белая девичья кровать под пепельно-розовым балдахином, разноцветная шпалера на стене, изящный инкрустированный столик с деревянными гребнями и разными снадобьями в каменных баночках. С краю резной шкатулки свисало ожерелье из дорогих самоцветов. Возле столика я заметил несколько скамеечек для ног. Их покрывали накидки с вышитыми гончими, зайцами, птицами и цветами.

На одной из этих скамеечек, подняв хрупкие руки, перед девой стоял коленопреклоненный вампир, за которым я гнался. Кроме него тут были еще трое, отнявшие жизнь у моих собратьев. Все они были похожи на кукол из кусков тонкой парчи, соединенных серебряной проволокой. Вампиры находились в странных позах, будто вовсе не имели костей. И еще они напомнили мне одежду, которую смяли и бросили.

Эти трое успели отчитаться перед своей госпожой и вручить ей дар. Она опустошила их до последней капли. Теперь и четвертый отдавал ей то, что отнял у Болло. Вот почему он стоял на скамеечке, подняв руки. Дева склонила голову, прокусила его запястье и пила оттуда, как из бурдюка, нашу кровь.

Я вошел в комнату и остановился, глядя, как насыщается дева.

Потолок был фиолетовым, с золотыми звездочками. Ночь сделала цветные стекла в окне совсем черными (луна, видимо, скрылась за тучами). Комнату освещали только медные лампы, дававшие нежный, приятный свет. Возле окна, в большом горшке, стоял розовый куст. Крупные красные лепестки были широко раскрыты. От них исходил аромат, перемешиваясь с благовониями на теле девы.

Ее кожа была белой как снег, а по плечам вились волосы — черные, с вороненым блеском. Наряд ее был бледно-красного цвета, будто кровь, перемешанная со снегом. На пальцах блестели кольца и перстни с самоцветами.

Дева подняла голову, позволяя вампиру удалиться. Теперь и он стал похож на измятую тряпку. На ее лбу я заметил золотую цепь, составленную

из крошечных цветков.

У нее было прекрасное лицо. И все в ней было прекрасным, без малейшего изъяна. На лепестках ее губ не осталось ни капли крови. Темно-янтарные глаза девы казались ясными и невинными.

— Наконец-то ты пришел ко мне, — сказала она. — Я так долго ждала.

— И сколько же?

— Много-много лет.

Я поверил ей. Я все понял и не нуждался в дополнительном уроке. Мне его и не преподали. Замок был ее ловушкой. Все, что нас удивляло и завораживало, все, что вызывало восхищение, на самом деле было покрыто пылью, плесенью и гнилью. Одному богу известно, что в действительности мы ели за пиршественным столом. Когда же нас, отягощенных яствами и вином, потянуло спать, явились прислужники девы. Они перелили в себя нашу кровь и жизненные соки, чтобы затем все до капли отдать своей госпоже. Вот откуда ее красота и сила. Кем она была еще вчера? Сморщенным трупом в прогнившем гробу?

А один из нас требовался ей в качестве возлюбленного. Возможно, для продолжения рода, если она была последней в этом роду. Возможно, чтобы скрасить ее одиночество. Или ей хотелось с чьей-то помощью выбраться из собственной ловушки и отправиться туда, где она бы стала могущественной колдуньей. В мире достаточно стран, где кровь льется рекой.

Все это понимал мой разум, но стоило ей взглянуть на меня, и я влюбился в нее. Я обожал ее. Она была королевой-девственницей и источником сладостного греха. Она была моей матерью, дочерью, сестрой. Моей душой.

Ее магия была достаточно сильной, и она получила вожделенную кровь.

Дева протянула ко мне свою прекрасную руку. Я шагнул к ней.

В ее янтарных глазах отражался свет ламп. Мне вспомнилась девчонка из Бетельмая, с тонким браслетом на огрубевшей руке. «Не насилуй меня. Не отнимай мой браслет». Мне показалось, что я слышу слова: солдаты все-таки нашли ее. Или она наткнулась на них. Они изнасиловали ее и отняли у нее единственную драгоценность, а потом толкнули в грязь, где валялись смердящие трупы… Потом я увидел сгорающее тело Пьера и черный прах, вьющийся над гаснущим костром… Я увидел поле зимней битвы, где мы насыщались кровью умирающих. «Розы на снегу». Отчаяние на их лицах и слезы на наших, перепачканных этой кровью… В глазах прекрасной девы я увидел нас, бредущих к замку, чтобы послужить ей

пищей. Арпад, Йенс, Фестус, Жиль, Иоганн. Лютгери с мечом и книгой, напоминающей ему о необходимости жить дальше. Болло, вглядывающийся в темноту… Я увидел и себя, стоящего перед ней с мечом в руках, мрачного, как тень.

Бог так устроил, чтобы одни питались другими. Лев — оленем, кот — мышью. И никаким покаянием неправедное не сделать праведным. Тому, что мы живем, убивая других, нет оправдания, кроме одного — мы вынуждены это делать. Выживание превыше всего. Как и мы, дева была уязвима. Ее безмозглые прислужники могли обходиться без пищи, а она нет. Как и мы, она состояла из плоти и крови. Моя сестра, как Пьер, который был моим братом и частью меня. И такая прекрасная.

Утро поднималось медленно, будто состояло из большого тяжелого куска железа. Вместо роз снег во дворе был присыпан чем-то серым, похожим на муку. Таким же серым было и убранство комнаты в башне.

Лютгери медленно точил кинжал. Он ни словом не обмолвился об угрюмых холодных покоях и сгнивших коврах. Болло сходил к колодцу, разбил корку льда и сообщил мне, что от воды исходит зловоние и пить ее опасно.

Я рассказал им о деве из башни. Они слушали. Прежде чем отправиться хоронить наших собратьев в мерзлой земле за пределами замка, они спросили, что я делал наверху.

— Я предался любви с нею. Ни одну женщину я не любил так, как ее. То действовали ее чары.

— Стало быть, ты вошел к ней, — сказал Болло, но Лютгери слегка махнул рукой, словно предостерегая его.

— Да, я вошел к ней.

— А потом? — спросил Лютгери. — Что было потом?

— Я отсек ей голову мечом.

Брайан Стэблфорд

Брайан Майкл Стэблфордродился в 1948 году в Шипли, графство Йоркшир. В 1969 году он получил звание бакалавра биологии в Йоркском университете, а спустя десять лет — докторскую степень по социологии. Он начал сочинять рассказы и преподавать социологию в Университете Рединга, параллельно читая лекционные курсы по научной фантастике и фэнтези. Его первые два романа, «Колыбель Солнца» (1969) и «Слепой червь» (1970), представляли собой авантюрные научно-фантастические повествования. Затем он выпустил в свет трилогию «День гнева», за которой появился цикл из шести романов, объединенных мизантропическим персонажем по имени Грейнджер. Эти и последующие романные циклы построены как классическая «космическая опера». Позднейшие его произведения имеют более сложную структуру и содержат лишь элементы фэнтези и хоррора.

Ранние, а также несколько поздних книг писателя были опубликованы под именем Брайан М. Стэблфорд, кроме того, он печатался под псевдонимом Брайан Крейг (дань признательности его другу Крейгу А. Макинтошу, в соавторстве с которым написаны некоторые ранние рассказы Стэблфорда). Всего им создано более пятидесяти романов, а также ряд научных работ о фантастическом жанре, в числе которых — «Тайны научной фантастики» (1977), «Научный роман в Британии, 1890–1950» (1985) и «Открытые умы: Очерки о фантастической литературе» (1995). Кроме того, Стэблфорд перевел с французского языка множество вампирских историй и других произведений в жанре «темного фэнтези».

Рассказ «Возлюбленный вампирши» впервые был опубликован в «Журнале фэнтези и научной фантастики» в августе 1988 года.

Возлюбленный вампирши (© Перевод О. Ратниковой.)

Мужчина, полюбивший женщину-вампира, обретает долголетие, но в конце концов смерть ждет и его.

Валашская пословица

Было тринадцатое июня лета Господня 1623-го. В Великую Нормандию рано пришла прекрасная теплая погода, и лондонские улицы

купались в солнечных лучах. Город кишел народом, в порту сновали корабли — в тот самый день в док вошло три судна. Один из кораблей, «Фримартин», прибывший из Мавритании, вез товары из Черной Африки — слоновую кость и шкуры экзотических животных. Ходили также слухи о более заманчивых вещах, провозимых тайно, — драгоценных камнях и магических зельях, однако прибытие кораблей из дальних стран всегда сопровождалось подобными толками. Нищие и уличные мальчишки, как обычно, толпились в доках, привлеченные разговорами, и приставали к морякам, одинаково жадные до новостей и медяков. Единственные равнодушные лица в Лондоне принадлежали казненным преступникам, чьи головы украшали копья на Саутворкских воротах. Лондонский Тауэр эта суета также не трогала, и его высокие грозные башни, возвышающиеся над городом, казалось, принадлежали какому-то иному миру.

Эдмунд Кордери, придворный механик эрцгерцога Жерара, наклонил маленькое вогнутое зеркало в медном приборе, стоявшем на его рабочем столе, и пойманный луч вечернего солнца, преломляясь, устремился через систему линз.

Отвернувшись, он приказал сыну, Ноэлю, занять свое место.

— Взгляни, как он работает, — устало произнес мастер. — Я с трудом могу сфокусировать зрение, уж не говоря о том, чтобы настроить прибор.

Ноэль, прищурившись, приложил правый глаз к линзе микроскопа и повернул колесико, регулирующее высоту предметного столика.

— Прекрасно, — ответил он. — Что это такое?

— Это крыло бабочки.

Эдмунд, осмотрев полированную столешницу, убедился, что остальные предметные стекла готовы к демонстрации. При мысли о предстоящем визите леди Кармиллы его охватила смутная тревога, которую он всячески стремился подавить. Даже в давние дни она редко навещала его в лаборатории, и встреча с ней здесь, на его собственной территории, грозила разбудить воспоминания, дремавшие даже тогда, когда он мельком видел ее в общедоступной части Тауэра или на публичных церемониях.

— Стекло с водой не готово, — заметил Ноэль.

Эдмунд покачал головой.

— Когда понадобится, я сделаю свежий образец, — пояснил он. — Живые существа хрупки, и мир, существующий в капле воды, очень легко разрушить.

Кордери еще раз оглядел рабочий стол и убрал из виду тигель, задвинув его за ряд банок. Навести здесь чистоту не представлялось возможным — да в этом и не было необходимости, — но он чувствовал,

как важно поддерживать определенный порядок и систему. Желая отогнать беспокойство, Эдмунд подошел к окну и устремил взгляд на искрящиеся воды Темзы и странное серое сияние, покрывавшее крытые шифером крыши домов на противоположном берегу. Отсюда, с головокружительной высоты, люди выглядели совсем крошечными; Эдмунд казался себе выше ростом, чем крест на церковной колокольне около Кожевенного рынка. Не будучи набожным, Кордери находился во власти такого сильного смятения, так жаждал выразить его каким-нибудь действием, что вид церковной башни заставил его перекреститься и пробормотать слова молитвы. Однако он тут же выругал себя за это ребячество.

«Мне сорок четыре года, — думал он, — я механик. Теперь я не мальчишка, которого знатная госпожа одарила своей благосклонностью, и у меня нет никаких причин для этой вздорной тревоги».

Выговаривая себе таким образом, он сознательно покривил душой. Его тревожили не только воспоминания о любви Кармиллы. Он думал о микроскопе и мавританском корабле и надеялся, что по поведению госпожи сможет понять, нужно ли ее бояться.

В этот момент открылась дверь и появилась сама леди. Слегка обернувшись, она взмахом руки приказала слуге оставить ее, и тот скрылся, прикрыв за собой дверь. Она была одна, без свиты друзей и фаворитов. Леди Кармилла осторожно пересекла комнату, немного приподняв подол, хотя пол был чисто выметен. Взгляд ее скользил по обстановке, останавливаясь на полках, мензурках, горне, многочисленных инструментах механика. На обычного человека эта лаборатория безбожника нагнала бы страх, но леди была холодна и отлично владела собой. Она остановилась у недавно законченного медного инструмента, мельком оглядела его, подняла голову и посмотрела прямо в лицо механику.

— Вы хорошо выглядите, мастер Кордери, — бесстрастно произнесла Кармилла. — Однако вы бледны. Вам не следует столько времени проводить взаперти — в Нормандию пришло лето.

Эдмунд едва заметно поклонился, но не отвел взгляда. Разумеется, она нисколько не изменилась с того времени, когда они были близки. Ей было шестьсот лет — немногим меньше, чем эрцгерцогу, — и годы не имели власти над ее телом. Леди была намного смуглее Эдмунда, обладала прозрачными темно-карими глазами и черными как смоль волосами. Он не оказывался так близко к ней уже несколько лет, и помимо воли его захлестнула волна воспоминаний. Разумеется, она обо всем забыла: он уже поседел, кожа покрылась морщинами, должно быть, для нее он выглядит совсем чужим. Однако, встретившись с ней взглядом, Эдмунд

почувствовал, что она тоже перебирает воспоминания и воспоминания эти ей приятны.

— Миледи, — начал он, вполне овладев собой, — разрешите мне представить вам моего сына и ученика, Ноэля.

Ноэль поклонился гораздо ниже, чем отец, и зарделся от смущения.

Леди Кармилла снизошла до улыбки.

— Он похож на вас, мистер Кордери, — обронила она пустой комплимент. Затем снова обратила внимание на микроскоп. — Его создатель говорил правду? — поинтересовалась она.

— Совершенную правду, — подтвердил мастер. — Это исключительно хитроумное устройство, и я бы с удовольствием познакомился с его изобретателем. Прекрасная вещь — хотя для того, чтобы воспроизвести ее, потребовалось все искусство, на которое способен мой шлифовальщик. Думаю, что мы можем усовершенствовать этот прибор, приложив еще больше старания и мастерства; перед вами самый простой экземпляр, наша первая попытка.

Леди Кармилла опустилась на скамью, и Эдмунд показал ей, как нужно смотреть в микроскоп, как настраивать линзы и зеркало. Она выказала удивление при виде увеличенного крыла бабочки, и Эдмунд продемонстрировал ей серию заготовленных препаратов, включавших части тела насекомых, срезы стеблей и семян растений.

— Здесь необходим более острый нож и более твердая рука, миледи, — объяснил он. — Прибор выдает мою неловкость.

— Отнюдь, мастер Кордери, — любезно заверила она его. — Все это прекрасно. Но нам сказали, что с помощью микроскопа можно увидеть более интересные вещи. Крошечные живые существа, невидимые простым глазом.

Эдмунд с извиняющимся поклоном стал рассказывать о приготовлении препаратов воды. Он изготовил новый, взяв пипеткой каплю грязной речной воды из кувшина и капнув ее на предметное стекло. Затем терпеливо помог леди отыскать на стекле мельчайшие создания, недоступные взгляду человека. Мастер показал госпоже плавающее полужидкое животное и других, более мелких, передвигавшихся при помощи ресничек. Зрелище захватило ее, и некоторое время она не отрывалась от микроскопа, осторожно передвигая стекло накрашенными ногтями.

В конце концов леди Кармилла спросила:

— А вы не смотрели на другие жидкости?

— Какие именно жидкости? — переспросил Кордери, хотя смысл

вопроса был ему совершенно ясен и привел его в смятение.

Но она не собиралась смягчать выражения.

— Кровь, мастер Кордери, — очень тихо произнесла она.

Их давнее знакомство научило ее уважать его интеллект, и он почти сожалел об этом.

— Кровь очень быстро свертывается, — объяснил Кордери. — Я не смог приготовить достаточно хороший препарат. Это потребует необыкновенного мастерства.

— Несомненно, — согласилась она.

— Ноэль зарисовал многие вещи, которые мы изучали, — сказал Эдмунд. — Не желаете ли взглянуть?

Она не возражала против перемены темы и дала понять, что согласна посмотреть на рисунки. Подойдя к столу Ноэля, она начала перебирать листы, время от времени поднимая взгляд на юношу, чтобы похвалить его работу. Эдмунд стоял рядом, вспоминая, как остро чувствовал он когда-то ее настроения и желания, и изо всех сил стараясь угадать, о чем она сейчас думает. От одного задумчивого взгляда, брошенного Кармиллой на Ноэля, внутри у Эдмунда все сжалось от ужаса, и его тяжкие мысли и страхи мгновенно отступили на задний план, сменившись беспокойством за сына — а может быть, простой ревностью? И снова он проклял себя за слабость.

— Могу ли я взять это, чтобы показать эрцгерцогу? — спросила леди Кармилла, обращаясь скорее к Ноэлю, чем к его отцу.

Мальчик кивнул, по-прежнему слишком смущенный, чтобы сформулировать подходящий ответ. Она взяла отобранные рисунки и свернула их в трубку, затем поднялась и снова взглянула в лицо Эдмунду.

— Мы очень заинтересованы в этом приборе, — сообщила леди. — Мы тщательно обдумаем вопрос о предоставлении вам новых помощников, которых вы обучите необходимым навыкам. А пока вы можете вернуться к текущей работе. Я пришлю кого-нибудь за инструментом, чтобы эрцгерцог смог рассмотреть его на досуге. Ваш сын превосходно рисует, вы должны его поощрять. Вы с ним можете посетить меня в моих покоях в следующий понедельник в семь часов; вы пообедаете со мной и расскажете мне о своих последних работах.

Эдмунд поклонился в знак согласия — разумеется, это следовало понимать как приказ, а не как приглашение. Опередив ее, он подошел к дверям, чтобы открыть их, и, в то время как она проходила мимо, они обменялись быстрым взглядом.

Когда Кармилла ушла, внутри у него словно ослабла какая-то туго натянутая струна, оставив слабость и пустоту. Он чувствовал странное

спокойствие и отчужденность при мысли о том, что его жизнь находится в опасности.

Когда погас последний луч заката, Эдмунд зажег свечу на верстаке и уставился на пламя, попивая темное вино из оплетенной бутыли. Он не повернулся, когда в дверях показался Ноэль, но после того, как сын пододвинул к нему свой табурет и уселся рядом, предложил ему бутыль. Ноэль принял ее, но отхлебнул с осторожностью.

— Теперь я достаточно взрослый, чтобы пить? — сухо заметил он.

— Достаточно, — заверил его Эдмунд. — Но остерегайся излишества и никогда не пей в одиночестве. Обычный отцовский совет, как ты понимаешь.

Протянув руку через стол, Ноэль погладил тонкими пальцами цилиндр микроскопа.

— Чего ты боишься? — спросил он.

Эдмунд вздохнул:

— Ты уже и для этого достаточно взрослый, я так понимаю?

— Мне кажется, об этом судить тебе.

Бросив взгляд на медный инструмент, Эдмунд начал:

— Подобные вещи лучше держать за семью замками. Какой-то ученый, чтобы доставить удовольствие вампирам, захотел продемонстрировать свои знания и, наверное, горд этим, словно павлин. Болван. Однако теперь все эти развлечения с увеличительными стеклами неизбежно войдут в моду.

— Когда у тебя ухудшится зрение, ты обрадуешься, что на свете существуют очки, — возразил Ноэль. — В любом случае я не вижу в этой новой игрушке никакой опасности.

Эдмунд усмехнулся.

— Новая игрушка, — задумчиво повторил он. — Часы, показывающие время, мельницы, перемалывающие зерно, стекла, помогающие лучше видеть. Их изготавливают люди-ремесленники, чтобы ублажить своих хозяев. Думаю, нам наконец-то удалось доказать вампирам, как мы умны и как многого еще сможем достичь.

— Ты думаешь, вампиры начинают нас бояться?

Эдмунд отхлебнул из бутыли и снова передал ее сыну.

— Их власть основана на страхе и суевериях, — негромко произнес он. — Они подвержены лишь слабым приступам болезней, смертельных для нас, и обладают чудесным даром вечной молодости. Но они не бессмертны, и их гораздо меньше, чем людей. Пока их боятся, они в

безопасности, но страх этот поддерживается людским невежеством. За показным высокомерием и самоуверенностью вампиров прячется вечная тревога: а что произойдет, если люди когда-нибудь утратят веру в их сверхъестественные способности? Их нелегко убить, но даже смерти они страшатся меньше, чем разоблачения.

— Восстания против правления вампиров уже происходили. И все они потерпели крах.

Эдмунд кивнул в знак согласия.

— В Великой Нормандии живут три миллиона людей, — сказал он, — и менее пяти тысяч вампиров. Во всей Галлии насчитывается всего лишь сорок тысяч вампиров, и столько же в Византийской империи. Не знаю, сколько их в Валашском ханстве или в Китае, но вряд ли намного больше. В Африке на каждого вампира приходится по три четыре тысячи человек. Если люди перестанут считать их демонами, полубогами или непобедимыми слугами зла, то их империя вскоре падет. Прожитые века дают им мудрость, но долголетие, по-видимому, неблагоприятно действует на творческую мысль: они могут научиться чему-либо, но не могут ничего изобрести. Люди по-прежнему остаются истинными властителями искусства и науки — этих двигателей прогресса. Вампиры попытались взять науку под контроль, обратить себе на пользу, однако она тревожит их, словно заноза в боку.

— Но они обладают могуществом, — настаивал Ноэль. — Они же вампиры.

Эдмунд пожал плечами:

— Долголетие не выдумка, так же как и вечная молодость. Но правда ли, что это результат колдовства? Я не знаю точно, какая сила заключена в заклинаниях и ритуалах вампиров, и думаю, что даже они сами не знают. Они цепляются за свои обряды, потому что не осмеливаются отказаться от них, но кто знает, какова природа силы, превращающей людей в вампиров? Дар дьявола? Вряд ли. Я не верю в дьявола — я думаю, что дело здесь в крови. Мне кажется, что вампиризм — нечто вроде болезни, но эта болезнь не ослабляет людей, а делает их сильнее, позволяет им противостоять смерти, вместо того чтобы убить. Представь, что это правда, — теперь тебе ясно, почему леди Кармилла спросила, рассматривал ли я под микроскопом кровь?

Ноэль секунд двадцать не сводил пристального взгляда с инструмента, обдумывая слова отца. Затем рассмеялся.

— Если бы мы все превратились в вампиров, — легкомысленно заметил он, — нам пришлось бы пить кровь друг друга.

Эдмунд не мог заставить себя смеяться над подобными вещами. Перспективы, открываемые разоблачением секрета вампиров, представлялись ему гораздо более реальными и весьма безрадостными.

— Неверно считать, что они нуждаются в человеческой крови, — объяснил он мальчику. — Кровь — не пища для них. Пить ее доставляет им… какое-то удовольствие, мы не можем этого понять. И это часть тайны, которая делает их такими ужасными… и, следовательно, такими могущественными.

Эдмунд смолк, почувствовав смущение. Он не знал, что известно Ноэлю о его источниках информации. Они с женой никогда не говорили о его романе с леди Кармиллой, но слухи и сплетни все равно достигали ушей сына.

Ноэль снова взял бутыль и на этот раз сделал глоток побольше.

— Я слышал, — с отстраненным выражением сказал он, — что люди тоже получают удовольствие, когда… у них пьют кровь.

— Нет, — спокойно возразил Эдмунд. — Это неправда. Если не считать удовольствия, которое испытываешь, когда приносишь себя в жертву. Удовольствие, которое мужчина получает в объятиях женщины-вампира, ничем не отличается от любви обыкновенной женщины. Девушки, развлекающие мужчин-вампиров, могут испытывать нечто другое, но я подозреваю, что дело здесь в возбуждении, в надежде, что они и сами могут превратиться в вампиров.

Ноэль в смущении смолк и, возможно, оставил бы эту тему, но Эдмунд внезапно понял, что не хочет прекращать разговор. Мальчик имеет право знать, и, возможно, в один прекрасный день это знание ему пригодится.

— Я не совсем верно выразился, — поправился Эдмунд. — Когда леди Кармилла пила мою кровь, это приносило мне какое-то удовлетворение. Мне нравилось доставлять ей удовольствие. В любви женщины-вампира есть что-то возбуждающее, отличающее ее от обыкновенной женщины… хотя шанс, что любовник вампирши сам превратится в вампира, совершенно ничтожен.

Ноэль покраснел, не зная, как реагировать на это доверительное признание отца. В конце концов он предпочел изобразить чисто академический интерес.

— Почему среди вампиров гораздо больше женщин, чем мужчин? — спросил он.

— Никто точно не знает, — ответил Эдмунд. — Во всяком случае, люди не знают. Я могу поведать тебе свою точку зрения, то, что я узнал из слухов, до чего дошел своим умом, но ты должен понять, что об этом

предмете опасно думать, не то что говорить.

Ноэль кивнул.

— Вампиры держат свою историю в тайне, — начал Эдмунд, — они также пытаются контролировать историографию человечества, но отдельные реальные факты до нас дошли. Вампиризм появился в Западной Европе в пятом веке, его принесли сюда гуннские орды, возглавляемые вампиром Аттилой. Аттила, должно быть, отлично знал, как увеличить число своих собратьев, — он совратил Аэция, который затем стал правителем Галльской империи, и Феодосия Второго, восточного императора, — позднее тот был убит. Из всех существующих в настоящее время вампиров большинство — обращенные. Я слышал о детях-вампирах, рожденных вампирами-женщинами, но подобные случаи крайне редки. Вампиры-мужчины, по-видимому, гораздо менее мужественны, чем люди, — говорят, что они очень редко вступают в брак. Однако они часто берут в любовниц обычных женщин, и эти женщины иногда превращаются в вампиров. Вампиры представляют это как дар, которым они награждают людей по своей воле, с помощью магии, но я не уверен, что они могут контролировать превращение. Мне кажется, что в семенной жидкости мужчины-вампира содержатся крошечные переносчики вампиризма, подобно тому как семя человека делает женщину беременной, — и происходит это так же, по закону случая.

Ноэль некоторое время обдумывал услышанное, затем спросил:

— Тогда откуда взялись правители-вампиры?

— Их совратили другие вампиры-мужчины, — объяснил Эдмунд. — Так же как Аттила совратил Аэция и Феодосия.

Он не стал вдаваться в подробности, чтобы увидеть, поймет ли Ноэль скрытый смысл сказанного. На лице юноши отразилось отвращение; Эдмунд не мог решить, радоваться или огорчаться тому, что сын в состоянии вести подобные разговоры.

— Такие вещи происходят очень редко, — продолжал Эдмунд, — и вампиры легко могут представить дело так, будто они обладают какой-то особой магией. Но некоторые женщины так никогда и не беременеют, хотя годами живут со своими мужьями. Говорят, что человек может также превратиться в вампира, вкусив его крови, — при условии, что ему известно соответствующее заклинание. Подобные слухи не поощряются вампирами, и они подвергают пойманных за таким преступлением ужасным наказаниям. Разумеется, дамы, принадлежащие к нашему двору, в большинстве своем бывшие любовницы эрцгерцога или его кузенов. Нам неудобно рассуждать о происхождении самого эрцгерцога, хотя он, без

сомнения, знаком с Аэцием.

Ноэль вытянул вперед руку, ладонью вниз, и сделал несколько пассов над пламенем свечи, отчего огонек заметался из стороны в сторону. Затем он пристально уставился на микроскоп.

— Так ты рассматривал кровь? — спросил сын.

— Да, — подтвердил Эдмунд. — И сперму. Разумеется, и то и другое — человеческие.

— И?…

Эдмунд покачал головой.

— Определенно, это не однородные жидкости, — рассказал он, — но инструмент недостаточно точен для настоящего, подробного исследования. Там присутствуют маленькие тельца — те, что в сперме, имеют длинные извивающиеся хвостики, — но есть еще многое… очень многое, что я пока не смог увидеть. Завтра прибор отнимут — и не думаю, что мне представится возможность изготовить другой.

— Не может быть, чтобы тебе угрожала опасность! Ты важная персона, и твоя лояльность никогда не подвергалась сомнению. Люди тебя самого считают чуть ли не вампиром. Черным магом. Девушки с кухни боятся меня, потому что я твой сын, — при виде меня они осеняют себя крестом.

Эдмунд рассмеялся, и в смехе его послышалась горечь.

— Не сомневаюсь, что они подозревают меня в сношениях с демонами и избегают смотреть мне в лицо из боязни дурного глаза. Но для вампиров все это не имеет никакого значения. Для них я всего лишь человек. Как высоко ни ценят вампиры мои знания, они без колебаний прикончат меня, если заподозрят, что я проник в их тайны.

Слова отца явно встревожили Ноэля.

— Неужели… — Он умолк, но, видя, что Эдмунд ожидает продолжения, после едва заметной паузы заговорил снова: — Леди Кармилла… неужели она…

— Не защитит меня? — Отец покачал головой. — Нет, даже будь я по-прежнему ее фаворитом. Вампиры хранят верность лишь своим собратьям.

— Когда-то она принадлежала к роду людскому.

— Это совершенно неважно. Она превратилась в вампира почти шестьсот лет назад, но если бы это произошло совсем недавно, что это меняет?

— Но… она действительно любила тебя?

— По-своему, — печально сказал Эдмунд. — По-своему любила.

Затем он поднялся — настоятельное желание помочь сыну все понять

куда-то исчезло. Существуют вещи, которые мальчик сможет постичь лишь на собственном опыте, и, возможно, ему никогда не представится такой случай. Отец взял подсвечник и, прикрывая рукой пламя, направился к двери. Ноэль последовал за ним, оставив на столе пустую бутыль.

Эдмунд покинул крепость через так называемые Ворота Предателей и пересек Темзу по Тауэрскому мосту. К этому времени дома на мосту погрузились во тьму, но прохожие и экипажи еще мелькали: даже в два часа ночи деловая жизнь огромного города не замирала полностью. Ночь выдалась облачная, вскоре начался мелкий дождь. Часть масляных ламп, призванных в любое время дня и ночи освещать проезд, погасла; фонарщика не было видно. Но Эдмунд не боялся темноты.

Еще не достигнув южного берега, он заметил двоих шпионов и замедлил шаг, желая дать им понять, что станет легкой добычей. Но, нырнув в путаницу улочек, окружавших Кожевенный рынок, он ускользнул от преследователей. Кордери был хорошо знаком этот грязный лабиринт — здесь прошло его детство. Здесь он служил в подмастерьях у часовщика и приобрел сноровку в обращении с инструментами, здесь начался тот путь, который в конце концов привел его к богатству и известности. Его брат и сестра по-прежнему жили и работали в этом районе, но Эдмунд очень редко виделся с ними. Родичи нисколько не гордились своим братом, который слыл колдуном, и не простили ему связи с леди Кармиллой.

Эдмунд осторожно выбирал дорогу в темных переулках, перебирался через кучи мусора, не обращая внимания на возню крыс. Он не выпускал рукоять кинжала, пристегнутого к поясу, хотя нужды в оружии не было. Звезды скрылись за завесой облаков, воцарилась полная темнота; свечи горели всего в нескольких окошках; но Эдмунд ориентировался, время от времени дотрагиваясь рукой до знакомых стен.

Наконец, оказавшись в одном из переулков, он подошел к узкой двери, находившейся на три ступени ниже мостовой, и быстро постучал — три раза, а затем еще два. Ему пришлось подождать, прежде чем дверь подалась под его рукой, и он торопливо вошел. Только сейчас, после того как дверь со щелчком захлопнулась за ним, он расслабился и понял, что находился во власти сильного напряжения.

Эдмунд подождал, пока зажгут свечу.

Наконец вспыхнул свет, и из темноты возникло худое злобное лицо, покрытое морщинами, с необыкновенно светлыми глазами; редкие седые волосы выбивались из-под льняного чепца.

— Да пребудет Господь с тобой, — прошептал он.

— И с тобой, Эдмунд Кордери, — прокаркала женщина.

При звуке собственного имени он нахмурился — это было намеренное нарушение правил, едва заметное, бессмысленное проявление независимого нрава. Она не любила Эдмунда, хотя он всегда был к ней добр. В отличие от многих людей она не боялась его, но считала испорченным. Узы братства связывали их почти двадцать лет, но она так и не научилась полностью доверять ему.

Старуха провела Эдмунда во внутреннее помещение, где оставила его разбираться со своими делами.

Из тени выступил незнакомец, невысокий, полный, лысый, не старше шестидесяти лет. Он особым образом перекрестился, и Эдмунд ответил тем же.

— Я Кордери, — представился он.

— За вами следили? — В голосе старика прозвучали почтение и страх.

— Не здесь. Они следовали за мной от Тауэра, но я легко от них отделался.

— Плохо.

— Возможно, но это к нашему делу не относится. Вы вне опасности. Вы принесли то, о чем я просил?

Толстяк неуверенно кивнул.

— Мои начальники недовольны, — сообщил он. — Они велели мне передать вам, что не желают, чтобы вы так рисковали. Вы представляете слишком большую ценность, чтобы подвергать себя смертельной опасности.

— Я уже нахожусь в смертельной опасности. События нас опережают. В любом случае, это не ваша забота и не забота ваших… начальников. Решать мне.

Толстяк покачал головой, но этот жест выражал скорее уступку, чем отрицание. Он вытащил из-за стула, на котором сидел, ожидая Эдмунда, какой-то предмет. Это оказался большой ящик, завернутый в кожу. В продольной стенке был проделан ряд маленьких дырочек; из ящика доносилось царапанье, выдававшее присутствие живых существ.

— Вы действовали в соответствии с моими инструкциями? — уточнил Эдмунд.

Человечек кивнул и дотронулся до плеча механика дрожащей от страха рукой.

— Не открывайте это, сэр, умоляю вас. Не здесь.

— Бояться нечего, — заверил его Эдмунд.

— Вы не были в Африке, сэр, а я был. Поверьте мне, боятся все — и не

только простые люди. Говорят, что вампиры тоже умирают.

— Да, мне это известно, — рассеянно отвечал Эдмунд.

Он стряхнул с плеча руку старика, удерживавшую его, расстегнул ремни, стягивающие коробку, и приподнял крышку, но совсем немного — лишь для того, чтобы осветить внутреннее пространство и взглянуть, что там находится.

В коробке сидели две большие серые крысы. При виде света они забились в угол.

Эдмунд закрыл крышку и затянул ремни.

— Я не осмелился бы перечить вам, сэр, — нерешительно начал маленький человечек, — но я не уверен, что вы хорошо понимаете, с чем имеете дело. Я видел города Западной Африки; я был также в Корунье, был и в Марселе. В этих местах помнят прошлые эпидемии чумы, а теперь жуткие истории повторяются. Сэр, если одна из этих крыс окажется на свободе…

Эдмунд взвесил на руках коробку, проверяя, сможет ли он легко нести ее.

— Это не ваше дело, — отрезал он. — Забудьте об этой встрече. Я свяжусь с вашими начальниками. Я теперь за все отвечаю.

— Простите меня, — возразил его собеседник, — но я должен сказать вам вот что: какая нам выгода от того, что мы уничтожим вампиров, если сами погибнем вместе с ними? Бессмысленно в борьбе с угнетателями губить половину населения Европы.

Эдмунд холодно смерил толстяка взглядом.

— Вы много говорите, — произнес он. — Слишком много.

— Прошу прощения, сэр.

Эдмунд помедлил несколько секунд, не зная, следует ли заверить посланца, что его обеспокоенность понятна, но он давно уже уяснил себе: имея дело с братством, лучше всего держать язык за зубами. Кто знает, когда этот человек снова заговорит о происшедшем, с кем и к чему это приведет.

Механик взял коробку, убедившись, что ее удобно нести. Внутри шуршали крысы, царапая дерево крошечными когтистыми лапками. Свободной рукой Эдмунд снова изобразил знак креста.

— Господь с вами, — искренне пожелал курьер.

— И со духом твоим, — бесцветно отвечал Эдмунд.

Он ушел, не позаботившись обменяться ритуальным прощанием со старой каргой. У него не возникло трудностей с тайной доставкой ноши в Тауэр — страж одной из дверей не в первый раз смотрел на подобные вещи

сквозь пальцы.

Наступил понедельник, и Эдмунд с Ноэлем отправились в покои леди Кармиллы. Ноэлю раньше не приходилось бывать в подобной обстановке, и он с интересом смотрел по сторонам. Эдмунд заметил, как поражен мальчик видом ковров, драпировок, утвари, и не мог не вспомнить тот, первый раз, когда он сам вошел в эти комнаты. С тех пор ничего не изменилось; многие вещи здесь будили и обостряли его потускневшие воспоминания.

Более молодые вампиры меняли обстановку часто, они были помешаны на всем новом, словно боялись своей собственной вечности. Леди Кармилла давно миновала эту стадию. Со временем она привыкла к неизменности, и такие мирские чувства, как скука и тоска, уже не затрагивали ее. Она приспособилась к новой эстетике существования: ее личное жизненное пространство отражало ее собственную неизменность и непроходящую молодость, а новшества допускались лишь в ограниченную часть ее жизни и под строгим контролем — к этим новшествам относились и беспорядочно сменявшиеся любовники.

Великолепие господского стола поразило Ноэля не меньше всего остального. Он готов был увидеть серебряные тарелки и вилки, хрустальные бокалы, резные графины с вином. Но изобилие блюд, поданных за обычной трапезой и предназначенных всего для троих обедающих, действительно ошеломило юношу. Ноэль всегда считал себя членом привилегированного класса; по меркам обычных людей, мастер Кордери и его семья питались весьма хорошо. Обнаружив, что существует следующая ступень богатства, отличающая мир буржуазии от настоящих аристократов, мальчик явно был потрясен.

Эдмунд очень тщательно выбрал наряд — он извлек из сундука самый пышный костюм, не надевавшийся многие годы. В официальных случаях он всегда был вынужден играть роль механика и одевался соответственно. Эдмунд никогда не появлялся в облике придворного, а всегда изображал лишь служащего. Однако в сегодняшнем обличье он показался незнакомым Ноэлю, и, несмотря на то что мальчик не уловил всей тонкости различия, он горько сожалел о том, что его самого заставили одеться просто и скромно.

Эдмунд ел и пил мало и удовлетворенно заметил, что Ноэль, подчиняясь его указаниям, также проявляет умеренность, несмотря на изобилие роскошных яств. Некоторое время хозяйка посвятила обмену общепринятыми любезностями, но довольно быстро, по ее меркам,

перешла к делу, ради которого устроила этот прием.

— Мой кузен Жерар, — обратилась она к Эдмунду, — в большом восторге от вашего хитроумного устройства. Он считает его исключительно интересным.

— В таком случае мне доставит удовольствие преподнести микроскоп ему в подарок, — ответил Эдмунд. — И я с радостью изготовлю еще один, чтобы развлечь вашу светлость.

— Не нужно, — холодно ответила леди Кармилла. — У нас другие планы. Эрцгерцог и его сенешаль обсудили несколько поручений, которые вы могли бы выполнить с выгодой для себя. Разумеется, вы получите инструкции в свое время.

— Благодарю вас, миледи, — произнес Эдмунд.

— Придворным дамам очень понравились рисунки, которые я им показала, — продолжала леди Кармилла, оборачиваясь к Ноэлю. — Они изумились, узнав, что в чашке воды из Темзы живут тысячи мельчайших живых существ. Как вы думаете, а может быть, и наши тела служат обиталищем бесчисленным невидимым насекомым?

Ноэль открыл рот, чтобы ответить, поскольку вопрос был адресован ему, но Эдмунд спокойно вмешался:

— Существуют насекомые, которые могут жить на нашем теле, и черви, паразитирующие внутри. Ученые люди говорят, что микрокосм человеческого тела отражает в основе своей структуру макрокосма; возможно, внутри нас существует еще один, меньший микрокосм, невообразимо маленький, воспроизводящий наши тела. Я читал…

— Я читала, мастер Кордери, — перебила леди Кармилла, — что болезни, поражающие людей, по мнению некоторых ученых, переносятся от человека к человеку посредством этих крошечных существ.

— Мысль о том, что болезни передаются от человека к человеку крохотными семенами, возникла еще в античные времена, — ответил Эдмунд, — но я понятия не имею, как можно обнаружить подобные семена, и не думаю, что существа из речной воды являются такими переносчиками.

— Мне становится не по себе при мысли о том, — настаивала леди, — что в наших телах живут существа, о которых мы ничего не знаем, и с каждым вдохом мы вдыхаем в себя семена, переносчики недугов, слишком малые, чтобы увидеть или почувствовать их. Это внушает определенное беспокойство.

— Но вам беспокоиться не о чем, — возразил Эдмунд. — Переносчики болезней разрушают лишь человеческую плоть; ваше тело

неприкосновенно.

— Вам известно, что это не так, мастер Кордери, — ровным голосом сказала она. — Вы своими глазами видели меня больной.

— Это было во время эпидемии оспы, погубившей миллионы людей, миледи, а вы перенесли лишь небольшую лихорадку.

— Мы получили сообщения из Византийской империи, а также из мавританских поселений: в Африке появилась чума, она уже достигла южных границ Галльской империи. Говорят, что от этой чумы страдают не только люди, но и вампиры.

— Это досужие сплетни, миледи, — успокаивающе сказал Эдмунд. — Вы знаете, что по дороге новости всегда обрастают мрачными подробностями.

Леди Кармилла снова обернулась к Ноэлю и на этот раз обратилась к нему по имени, чтобы Эдмунд не смог оспаривать у него чести отвечать ей.

— Вы боитесь меня, Ноэль? — спросила она.

Юноша вздрогнул и слегка запнулся, прежде чем ответить отрицательно.

— Вы не обязаны мне лгать, — уговаривала она его. — Вы меня боитесь, потому что я вампир. Мастер Кордери — скептик; должно быть, он говорил вам, что вампиры не так уж могущественны, как обычно считается; но он также, по всей вероятности, предупредил вас, что в моей власти причинить вам вред. А вы сами не хотели бы стать вампиром, Ноэль?

Ноэль еще не пришел в себя после выговора и не мог сразу придумать ответ, но в конце концов выдавил:

— Да, хотел бы.

— Ну конечно, хотели бы, — промурлыкала она. — Все люди превратились бы в вампиров, если бы могли, несмотря на слова, которые они произносят в церкви, стоя на коленях. Все люди могут стать вампирами; бессмертие — это часть нашего дара. По этой причине мы всегда пользовались преданностью и любовью огромного числа подданных-людей. И мы всегда в достаточной степени вознаграждали эту преданность. В наши ряды вступают немногие, но наше господство принесло людям века порядка и стабильности. Вампиры избавили Европу от Темных веков, и, пока власть в наших руках, варвары остаются под контролем. Наше правление не всегда было милосердным, ведь мы не можем оставлять сопротивление безнаказанным, но без нас жизнь была бы гораздо хуже. И даже после всего этого находятся люди, готовые нас уничтожить, — вам ведь это известно?

Ноэль не знал, что на это ответить, он просто уставился на Кармиллу, ожидая продолжения. Видимо, ее слегка раздражали его неуклюжие манеры, и Эдмунд сознательно не стал прерывать неловкую паузу. Ему хотелось, чтобы Ноэль произвел плохое впечатление.

— Существует подпольная организация, — продолжала леди Кармилла. — Тайное общество, целью которого является открытие секрета превращения людей в вампиров. Они распространяют слухи о том, что могут сделать бессмертными всех людей, но это ложь, и глупая ложь. Члены этого братства ищут могущества лишь для себя.

Леди-вампир прервала свою речь, чтобы отдать приказания относительно перемены блюд. Она также велела принести еще вина. Взгляд ее блуждал от неловкого юноши к его самоуверенному отцу.

— Лояльность вашей семьи, разумеется, не подлежит никакому сомнению, — наконец заговорила она. — Никто не может постичь движущие силы общественной жизни лучше механика; механику хорошо известно, что противоборствующие силы должны находиться в равновесии, а различные части машины — сцепляться между собой и поддерживать друг друга. Мастер Кордери отлично понимает, что мудрость правителей сходна с ремеслом часовщика.

— Вы совершенно правы, миледи, — подтвердил Эдмунд.

— Хороший механик, — произнесла она необычным, отстраненным тоном, — за определенные заслуги может удостоиться превращения в вампира.

У Эдмунда хватало ума, чтобы не счесть это предложением или обещанием. Сделав глоток молодого вина, он заметил:

— Миледи, подобные вопросы, как мне кажется, лучше обсуждать без посторонних. Разрешите мне отослать сына в его комнаты.

Леди Кармилла слегка прищурилась, но на ее лице с прекрасными точеными чертами не отразилось никаких эмоций. Эдмунд задержал дыхание, понимая, что подталкивает ее к решению, принять которое она пока не готова.

— Бедный мальчик еще не пообедал, — сказала она.

— Я считаю, что он уже сыт, миледи, — возразил Эдмунд.

Ноэль не стал противиться, и после небольшого колебания хозяйка кивнула в знак согласия. Эдмунд попросил Ноэля оставить их вдвоем. После его ухода леди Кармилла поднялась из своего кресла и направилась из столовой во внутренние покои. Эдмунд последовал за ней.

— Вы забываетесь, мастер Кордери, — заявила она.

— Я увлекся, миледи. Здесь все напоминает мне о прошлом.

— Мальчик будет принадлежать мне, — сказала она, — если я того пожелаю. Вы ведь понимаете это.

Эдмунд поклонился.

— Но я пригласила вас сегодня к себе не для того, чтобы вы наблюдали за обольщением вашего сына. Вы это тоже понимаете. Этот вопрос, который вы хотели обсудить со мной, — он касается науки или предательства?

— Науки, миледи. Как вы сами отметили, моя лояльность не подлежит сомнению.

Кармилла опустилась на кушетку и знаком велела Эдмунду занять стоящий рядом стул. Они находились в будуаре, соседнем со спальней, воздух наполнял сладкий аромат благовоний.

— Говорите, — приказала она.

— Мне кажется, эрцгерцог опасается разоблачений, которые можно сделать с помощью моего маленького инструмента, — начал он. — Он боится, что микроскоп позволит увидеть эти семена, которые переносят болезнь вампиризма. Думаю, что человек, создавший инструмент, уже казнен, но, как вы понимаете, однажды сделанное открытие можно повторить снова и снова. Вы не уверены, как лучше себя вести, потому что не знаете, откуда следует ждать наибольшей угрозы вашему господству. Существует братство, посвятившее себя уничтожению вашего рода; в Африке появилась чума, от которой гибнут даже вампиры; и вот перед вами новое орудие, делающее видимым то, что ранее скрывалось от человеческого взора. Не хотите ли послушать моего совета, леди Кармилла?

— А вы можете мне что-то посоветовать, Эдмунд?

— Да, могу. Не пытайтесь остановить события с помощью террора и казней. Если ваше правление будет жестоким, как раньше, вы окажетесь на пути к гибели. Если вы уступите власть без сопротивления, то можете просуществовать еще века, но если ударите — ваши враги нанесут ответный удар.

Женщина-вампир откинула назад голову и взглянула на потолок. Ей удалось выдавить слабую улыбку.

— Я не могу передать подобный совет эрцгерцогу, — откровенно призналась она.

— Так я и думал, миледи, — очень спокойно подтвердил Эдмунд.

— Вы, люди, обладаете особым родом бессмертия, — с сожалением заметила леди Кармилла. — Вы утверждаете, что ваша религия обещает вам вечную жизнь. Христианство говорит, что вы не должны стремиться к

бессмертию, подобному нашему, а мы, тщательно охраняя свои секреты, лишь подтверждаем это. Вам следует взывать о помощи к вашему Христу, а не к нам. Думаю, вы прекрасно понимаете, что при всем желании мы не смогли бы обратить весь мир. Нашу магию нельзя использовать в широких масштабах. Вы огорчены, потому что этот дар никогда не предлагался вам? Вы обижены? Вы хотите стать нашим врагом, потому что не можете стать нашим союзником?

— Вам нечего бояться меня, миледи, — солгал он, а затем добавил, не зная хорошенько, правду говорит или нет; — Я любил вас от всего сердца. И до сих пор еще люблю.

При этих словах леди выпрямилась и вытянула руку, словно собираясь погладить его по щеке, хотя он сидел для этого слишком далеко.

— Именно так я и сказала эрцгерцогу, — промолвила она, — когда он предположил, что вы предатель. Я пообещала ему, что смогу лучше увериться в вашей преданности у себя в покоях, чем его офицеры — в своих застенках. Я не думаю, что вы сможете предать меня, Эдмунд. Я права?

— Да, миледи, — ответил он.

— К утру, — мягко сказала леди Кармилла, — я узнаю, предатель вы или нет.

— Да, узнаете, — заверил он ее. — Вы это узнаете, миледи.

Он проснулся раньше ее, с сухостью во рту и пылающей головой. Он не вспотел — напротив, ему казалось, что тело его иссохло, словно из его органов выжали влагу. Голова болела, и свет утреннего солнца, лившийся в открытое окно, резал глаза.

Эдмунд с усилием сел на кровати, отбросив покрывало с обнаженной груди.

«Уже!» — подумал он.

Эдмунд не ожидал, что болезнь завладеет им так быстро, но, к своему удивлению, почувствовал скорее облегчение, чем сожаление. Он с трудом мог собраться с мыслями и ощутил извращенную радость при мысли о том, что думать больше не нужно.

Эдмунд опустил взгляд на порезы, которые она сделала на его груди своим маленьким серебряным ножом. Порезы, сочащиеся свежей алой кровью, составляли странный контраст со старыми крестообразными шрамами, воскрешавшими историю их незабываемой страсти. Он осторожно прикоснулся пальцами к ранкам и вздрогнул от резкой боли.

В этот момент Кармилла проснулась и увидела, что он рассматривает

отметины.

— Тебе не хватало моего ножа? — сонно спросила она. — Ты тосковал по его прикосновению?

Необходимость лгать исчезла, и сознание этого давало восхитительное чувство свободы. Эдмунд радовался возможности смело взглянуть ей в лицо, наконец сорвать покровы не только с тела, но и с мыслей.

— Да, миледи, — ответил он с легкой хрипотцой в голосе. — Мне не хватало этого ножа. Его прикосновение… снова раздуло огонь в моей груди.

Она опять закрыла глаза, позволив себе роскошь медленного пробуждения. Затем рассмеялась.

— Приятно иногда возвращаться к забытой любви. Ты не можешь понять, как вкус иногда пробуждает воспоминания. Я рада снова встретиться с тобой вот так. Я уже привыкла видеть тебя в обличье незаметного механика. Но теперь…

Он засмеялся, так же легкомысленно, как и она, но смех превратился в кашель, и звук этого кашля встревожил ее: что-то было не так. Открыв глаза, она подняла голову и повернулась к нему.

— Что с тобой, Эдмунд?! — воскликнула Кармилла. — Ты бледен как смерть!

Протянув руку, она дотронулась до его щеки и тут же отдернула ее — щека оказалась неожиданно сухой и горячей. По ее лицу разлилась краска смущения. Он взял ее руку в свои и сжал пальцы, пристально глядя ей в глаза.

— Эдмунд, — тихо спросила она. — Что ты наделал?

— Я не могу сказать с уверенностью, — ответил он, — я не доживу до последствий своего поступка, но я совершил покушение на вашу жизнь, миледи.

Рот ее приоткрылся от изумления, и это доставило Эдмунду удовольствие. Он наблюдал за тем, как на лице ее выражение недоверия сменялось тревогой, за ее попытками сохранить самообладание. Она не стала звать на помощь.

— Ты говоришь чепуху, — прошептала леди.

— Возможно, — согласился он. — Возможно, то, о чем мы говорили вчера вечером, тоже чепуха. Чепуха насчет предательства. Почему вы велели мне изготовить микроскоп, миледи, зная, что посвятить меня в такой секрет — все равно что подписать мне смертный приговор?

— О Эдмунд, — вздохнула она. — Как ты можешь думать, что приказ исходил от меня? Я пыталась защитить тебя, Эдмунд, от страхов и

подозрений Жерара. Именно потому, что я выступала в твою защиту, мне было поручено передать тебе его пожелание. Что ты наделал, Эдмунд?

Он начал было отвечать, но слова заглушил приступ кашля.

Она села прямо, вырвала ладонь из его ослабевшей руки и оглядела тело, рухнувшее обратно на подушки.

— Во имя Господа нашего! — вскричала она с искренностью верующей. — Это чума — африканская чума!

Он хотел подтвердить ее подозрение, но смог лишь кивнуть, с трудом хватая ртом воздух.

— Но ведь они задержали «Фримартин» у побережья Эссекса на двухнедельный карантин, — возразила она. — На борту не было никаких следов чумы.

— Болезнь убивает людей, — объяснил Эдмунд едва слышным шепотом, — но животные могут переносить заразу в крови и оставаться в живых.

— Ты не можешь этого знать!

Эдмунду удалось изобразить слабую усмешку.

— Миледи, — сказал он, — я состою в том самом братстве, которое интересуется способами убийства вампиров. И я получил нужную мне информацию как раз вовремя, чтобы организовать доставку крыс, хотя тогда я еще не знал, каким образом использую их. Но недавние события…

Он снова был вынужден прерваться, не в силах поддерживать дыхание даже для легкого шепота.

Леди Кармилла приложила руку к горлу и сглотнула, словно ожидая проявления немедленных признаков заражения.

— Ты хотел уничтожить меня, Эдмунд? — спросила она, словно ей трудно было поверить в это.

— Я хочу уничтожить вас всех, — ответил он. — Я готов навлечь на мир катастрофу, перевернуть его вверх ногами, лишь бы сбросить ваше ярмо… Мы не можем и дальше позволять вам подавлять науку, чтобы навеки сохранить вашу империю. Порядок наступает лишь после хаоса, и хаос пришел, миледи.

Когда она попыталась подняться с кровати, он схватил ее, и, хотя силы почти покинули его, она позволила себя удержать. Покрывало упало, оставив открытыми ее груди.

— Мальчик умрет, мастер Кордери, — сказала она. — И его мать — тоже.

— Они уже далеко, — возразил Эдмунд. — Ноэль прямо из-за вашего стола отправился под защиту общества, которому я служу. Сейчас они вне

пределов вашей досягаемости. Эрцгерцог никогда не сможет их схватить.

Кармилла пристально взглянула на него, и теперь он заметил в ее глазах зарождающийся страх и ненависть.

— Ты пришел сюда прошлой ночью, чтобы дать мне выпить отравленной крови, — сказала она. — В надежде, что эта новая болезнь сведет меня в могилу, ты обрек себя на смерть. Как ты это сделал, Эдмунд?

Он снова вытянул руку и дотронулся до ее локтя; она, вздрогнув, отпрянула, и это было приятно — его начинали бояться.

— Лишь вампиры живут вечно, — хрипло объяснил он. — Но пить кровь может любой, кто имеет желудок. Я взял всю кровь из моих двух зараженных крыс… и молю Бога, чтобы переносчики заразы проникли в мою кровь… и в мое семя. Вам тоже досталась полная мера, миледи… и теперь ваша жизнь в руках Божьих, как жизнь любого простого смертного. Я не уверен, заразитесь ли вы чумой, и если да, то убьет ли она вас, но я, неверующий, не стыжусь молиться. Может быть, и вы помолитесь, миледи, так что мы узнаем, одинаково ли Господь относится ко всем безбожникам.

Она взглянула на него сверху вниз, и с лица ее постепенно исчезли эмоции, искажавшие его: оно сделалось неподвижным, словно маска.

— Ты мог бы перейти на нашу сторону, Эдмунд. Я доверяла тебе, я бы могла завоевать для тебя доверие эрцгерцога. Ты мог бы стать вампиром. Мы бы разделили с тобой вечную жизнь — ты и я.

Это было ложью, и оба знали это. Когда-то он был ее возлюбленным, затем они расстались, и он старел в течение стольких лет, что теперь его сын напоминал ей о тех временах больше, чем он сам. Теперь стало совершенно очевидно, что обещания ее пусты; она понимала, что ее предложения не могут даже осквернить его.

Рядом с кроватью валялся маленький серебряный нож, с помощью которого она надрезала ему кожу. Леди Кармилла схватила его и выставила перед собой, словно кинжал, а не тонкий инструмент, с которым следует обращаться с любовью и осторожностью.

— Я думала, что ты все еще любишь меня, — сказала она. — Искренне думала.

Эдмунд решил, что, по крайней мере, теперь она говорит правду.

Он запрокинул голову, открыв шею для ожидаемого удара. Он хотел, чтобы она ударила — злобно, жестоко, страстно. Ему больше нечего было сказать, не хотелось ни отрицать, ни подтверждать, что он все еще любит ее.

Теперь он понял, что им двигали различные побуждения, и усомнился, действительно ли преданность братству заставила его отважиться на этот

необычный эксперимент. Это не имело никакого значения.

Она перерезала ему горло, и еще несколько долгих секунд он видел ее — она неподвижно смотрела, как хлещет из раны кровь. И когда она прикоснулась к губам испачканными отравленной кровью пальцами, он понял, что по-своему она по-прежнему любит его.

Ф. Пол Уилсон

Фрэнсис Пол Уилсонродился в 1946 году в Джерси-Сити, штат Нью-Джерси; получив медицинское образование, он работал семейным врачом. Опубликовав свой первый рассказ в журнале «Аналог» в 1970 году, он продолжил писать научную фантастику; в 1976 году вышел в свет его дебютный роман «Целитель». Из более чем тридцати романов, написанных им на данный момент, шесть относятся к научно-фантастической литературе. Наибольший успех Уилсон снискал в жанре хоррора, в первую очередь благодаря ставшему бестселлером роману «Крепость» («Замок», 1981), который в 1983 году был экранизирован на студии «Парамаунт» режиссером Майклом Манном по его же сценарию. Другое достижение писателя в этом жанре — роман «Гробница» (1984), явивший читателю уилсоновского антигероя — Мастера Джека, специалиста по необычным расследованиям, ставшего впоследствии персонажем ряда рассказов и романов («Наследники» (1998), «Заговорщики» (1999) и др.), число которых прирастает ежегодно. На счету Уилсона также книги для подростков, триллеры из современной жизни, нью-эйдж-триллер «Пятый обертон» (2003) и романы, не поддающие строгой классификации. Во всех книгах писателя просматриваются его либертарианские политические взгляды — более всего очевидные в романе «Враг государства» (1980) и в цикле о Мастере Джеке.

Повесть «Полуночная месса» впервые была напечатана в 1990 году отдельной книгой, вышедшей тиражом около 900 экземпляров. В 2003 году режиссер Тони Мэндайл поставил одноименный фильм по сценарию, написанному им в соавторстве с Уилсоном; оба сыграли в картине эпизодические роли. Критики сочли картину ужасающей. Год спустя Уилсон издал подробную новеллизацию сценария этого фильма.

Полуночная месса (© Перевод О. Ратниковой.)

I

Прошла почти целая минута с того момента, как он стукнул медным молотком по тяжелой дубовой двери. Дверь, должно быть, достаточно прочна. В конце концов, ведь и дверной молоток здесь в форме креста. Но

нет, они считали нужным, щурясь, рассматривать гостя сквозь замочную скважину и выглядывать из боковых окошек, расположенных справа и слева от двери.

Равви Зев Вольпин вздохнул и позволил осмотреть себя. Он не мог осуждать людей за меры предосторожности, но эти показались ему чересчур предусмотрительными. Закатное солнце ярко светило в спину раввину; на фоне сияющего неба вырисовывался его силуэт. Что им еще нужно?

«Может быть, мне раздеться догола и станцевать?»

Он мысленно пожал плечами и глубоко вдохнул влажный морской воздух. По крайней мере, здесь прохладно. Он приехал на велосипеде из Лейквуда, находившегося всего в десяти милях отсюда, дальше от побережья, но там было по меньшей мере на двадцать градусов жарче. Величественная громада дома-убежища, выстроенного в тюдоровском стиле, отгораживала его от Атлантического океана, но повсюду чувствовался соленый морской воздух и доносился ритмичный грохот прибоя.

Спринглейк. Морской курорт, населенный ирландцами-католиками, посещаемый еще с конца прошлого века. Зев огляделся вокруг, обозревая тщательно отреставрированные викторианские здания, огромные особняки, тянущиеся вдоль пляжа, дома поменьше, выстроившиеся аккуратными рядами на улицах, идущих прочь от океана. Многие из них еще обитаемы. Не то что в Лейквуде. Лейквуд стал городом-призраком.

«Неплохое убежище, — решил он и подумал: — Сколько таких домов находится в собственности католической церкви?»

Серия щелчков и стуков снова привлекла его внимание к двери — кто-то в спешке отодвигал один за другим бесчисленные засовы. Дверь отворилась внутрь, и на пороге возник молодой человек нервозного вида в длинной черной сутане. Взглянув на Зева, он скривил губы и потер рот тыльной стороной запястья, чтобы скрыть улыбку.

— И что показалось вам таким смешным? — поинтересовался Зев.

— Простите. Я просто…

— Понимаю, — кивнул Зев, отметая объяснения, и взглянул на деревянный крест, свисавший на веревке с его шеи. — Понимаю.

Бородатый иудей в мешковатом саржевом костюме, ермолке и с крестом на шее. Весело, правда?

Nu? [39]Этого требовали нынешние времена, все вынуждены были делать это, если хотели выжить. А Зев хотел выжить. Кто-то должен продолжать жить, чтобы сохранить традиции Талмуда и Торы, даже если во

всем мире не останется ни одного еврея.

Зев в ожидании стоял на залитом солнцем крыльце. Священник молча наблюдал за ним. Наконец Зев спросил:

— Так как, можно Вечному жиду войти?

— Я не могу вас прогнать, — сказал священник, — но вы, конечно, не думаете, что я приглашу вас.

Ах да. Очередная предосторожность. Вампир не может пересечь порога дома, если его не попросят войти, следовательно, не приглашайте в дом никого. «Добрый новый обычай», — подумал он.

Равви ступил внутрь, и священник тут же захлопнул за ним дверь, один за другим заложил все засовы. Когда он обернулся, Зев протянул ему руку:

— Равви Зев Вольпин, отец. Благодарю, что впустили меня.

— Брат Кристофер, сэр, — представился тот, улыбаясь и тряся руку Зева. Его подозрения, по-видимому, полностью улетучились. — Я пока не священник. Мы не можем предложить вам многого, но…

— О, я не задержусь у вас. Я пришел лишь поговорить с отцом Джозефом Кэйхиллом.

Брат Кристофер нахмурился:

— Сейчас отца Кэйхилла здесь нет.

— А когда он вернется?

— Я… я точно не знаю. Видите ли…

— У отца Кэйхилла очередная пьянка, — раздался из-за спины Зева зычный голос.

Обернувшись, Зев увидел пожилого священника, который глядел на него из дальнего угла вестибюля. Седовласый, тучный, в черной сутане.

— Я равви Вольпин.

— Отец Адаме, — назвался священник, выступая вперед и протягивая руку.

После того как они обменялись рукопожатием, Зев спросил:

— Вы сказали, что у него «очередная» пьянка? В первый раз слышу, что отец Кэйхилл — пьяница.

— Очевидно, существует много вещей, которых мы не знали об отце Кэйхилле, — сухо ответил патер.

— Если вы имеете в виду грязную историю, случившуюся в прошлом году, — возразил Зев, чувствуя, как в нем поднимается давний гнев, — то я, например, ни минуты в это не верил. Удивляюсь, что кто-то может принимать на веру хотя бы слово.

— Его виновность или невиновность в конечном итоге не имеет

никакого значения. Ущерб репутации отца Кэйхилла — fait accompli. [40]Отец Пальмери вынужден был требовать его удаления ради блага прихода Святого Антония.

Зев понял, что причины подобного отношения скрывались в «очередной пьянке» отца Джо.

— Где я могу найти отца Кэйхилла?

— Я думаю, он где-то в городе, выставляет себя на посмешище. Если вы каким-либо образом сможете его немного вразумить, постарайтесь, прошу вас. Он не только губит свое здоровье алкоголем, он позорит духовенство и церковь.

«И последнее беспокоит вас больше?» — хотел было спросить Зев, но придержал язык.

— Я попытаюсь.

Он дождался, когда брат Кристофер откроет все замки, и вышел навстречу солнечному свету.

— Попробуйте зайти к Мортону, это вниз по Семьдесят первой, — шепнул молодой человек, когда Зев проходил мимо него.

Зев ехал, на велосипеде по Семьдесят первой. Было странно видеть на улицах людей. Их было немного, но больше, чем когда-либо будет в Лейквуде. И он знал, что вампиры сжимают мир в своих тисках, проникают в католические общины и здесь тоже с каждым днем будет становиться все меньше и меньше жителей.

Ему показалось, что он проезжал мимо забегаловки с именем Мортона, когда направлялся в Спринглейк. И тут он увидел ее впереди, у железнодорожного переезда — белая одноэтажная коробка с оштукатуренными стенами, на одной из которых висела вывеска, написанная большими черными буквами: «Мортон. Алкогольные напитки».

В ушах его прозвучали слова отца Адамса: «Очередная пьянка…»

Зев подвел велосипед к двери и подергал за ручку. Заперто крепко. Заглянув внутрь, он увидел хаос, валяющийся мусор, пустые полки. Окна были забраны решетками, стальная задняя дверь закрыта так же надежно, как и парадная. Так где же отец Джо?

Затем он заметил подвальное окошко на уровне земли, рядом с переполненным мусорным баком. Окошко оказалось незапертым. Зев опустился на колени и распахнул его.

Вглядываясь в могильную тьму, он ощутил на лице дуновение прохладного, затхлого воздуха. Ему пришло в голову, что он может нарваться на неприятности, если просунет голову внутрь, но необходимо

было попытаться. Если отца Кэйхилла здесь нет, Зеву придется пуститься в обратный путь в Лейквуд, и все путешествие окажется напрасной тратой времени.

— Отец Джо? — позвал он. — Отец Кэйхилл?

— Опять ты, Крис? — ответил кто-то слегка заплетающимся языком. — Иди домой. Со мной все будет в порядке. Я попозже вернусь.

— Это я, Джо. Зев. Из Лейквуда.

Он услышал, как кто-то волочит по полу ноги, и затем в луче света, лившегося в окно, показалось знакомое лицо.

— Ну, черт меня побери. Это и впрямь ты! Я уж подумал, что это брат Крис пришел, чтобы отволочь меня в убежище. Он все боится, что меня сцапают, если я не вернусь засветло. Ну и как у тебя дела, ребе? Рад видеть тебя живым. Давай заходи!

Зев заметил, что глаза у отца Кэйхилла остекленели, а сам он едва заметно раскачивается, словно дерево на ветру. На священнике были выцветшие джинсы и черная майка с рекламой тура Брюса Спрингстина [41]«Tunnel of Love».

Сердце у Зева сжалось при виде друга, находящегося в таком состоянии. Такой mensch, [42]как отец Кэйхилл, не должен вести себя, словно shikker. [43]Наверное, он зря сюда пришел. Зев пожалел, что они встретились таким образом.

— У меня не так уж много времени, Джо. Я пришел сказать тебе…

— Пропихивай сюда свою волосатую задницу и выпей со мной, а не то я выйду и сам тебя притащу.

— Хорошо, — согласился Зев. — Я войду, но пить не буду.

Он спрятал велосипед за мусорным баком и протиснулся в окно. Отец Джо помог ему спуститься на пол. Они обнялись, хлопая друг друга по спине. Отец Джо был выше ростом, гигант по сравнению с Зевом. При росте шесть футов с четвертью он казался выше на десять дюймов, в свои тридцать пять выглядел моложе на много лет; у него была мускулистая фигура, густые каштановые волосы и — в лучшие дни — ясные голубые глаза.

— Ты поседел, Зев, и похудел.

— Сейчас не так уж легко доставать кошерную пищу.

— Любая пища сейчас становится редкостью. — Дотронувшись до креста, свисавшего с шеи Зева, он улыбнулся. — Изящный штрих. Хорошо гармонирует с цицитами. [44]

Зев пощупал бахрому, высовывающуюся из-под рубашки. Старые

привычки легко не умирают.

— Знаешь, я даже немного привязался к нему.

— Так чего тебе налить? — спросил священник, обведя жестом ряды ящиков с алкогольными напитками. — Мой личный запас. Назови свой яд.

— Я не хочу пить.

— Ну давай, ребе. У меня здесь есть самая настоящая «Столичная». Ты обязан выпить хотя бы один глоток…

— Зачем? Потому что ты решил, что нельзя пить в одиночку?

Отец Джо улыбнулся:

— Туше!

— Ладно, — согласился Зев. — Bissel. [45]Я выпью один глоток при условии, что ты не сделаешь ни одного. Потому что я хочу поговорить с тобой.

Священник мгновение обдумывал это предложение, затем потянулся за бутылкой.

— Договорились.

Он щедро налил водки в бумажный стаканчик и протянул Зеву. Тот отхлебнул. Он редко пил спиртное, а когда все же решал выпить, предпочитал ледяную водку прямо из холодильника. Но эта оказалась вкусной. Отец Кэйхилл уселся обратно на ящик виски «Джек Дэниелс» и сложил руки на груди.

— Nu? [46]— спросил патер, пожав плечами, словно Джеки Мэйсон. [47]

Зев не мог не рассмеяться:

— Джо, я по-прежнему подозреваю, что у кого-то из твоих предков в жилах текла еврейская кровь.

На минуту он ощутил легкость, почувствовал себя почти счастливым. Когда же он в последний раз смеялся? Наверное, целый год назад; да, за их столиком в задней части гастронома Горовица, как раз перед историей в приходе Святого Антония и задолго до появления вампиров.

Зев вспомнил день их знакомства. Он стоял у прилавка Горовица и ждал, пока Юссель завернет ему заказанную stuffed derma, [48]когда вошел этот молодой гигант. Он был намного выше всех присутствовавших раввинов, выглядел чистокровным ирландцем, словно один из членов «Paddy's Pig», [49]и носил воротничок католического священника. Он сказал, что, по слухам, это единственное место на всем побережье Джерси, где можно достать приличный сэндвич с солониной. Он заказал порцию и весело предупредил, что лучше бы ему оказаться хорошим. Юссель

осведомился, что он знает о хорошей солонине, на что священник ответил, что он вырос в Бенсонхерсте. [50]А около половины присутствовавших в тот день у Горовица — да и во все остальные дни, если уж на то пошло, — были родом из Бенсонхерста, и не успел священник оглянуться, как все принялись расспрашивать его, знает ли он такой-то магазин и такой-то гастроном.

Затем Зев сообщил патеру — со всем должным уважением к стоявшему за прилавком Юсселю Горовицу, — что лучшие в мире сэндвичи с солониной делают в иерусалимском магазине деликатесов Шмуэля Розенберга в Бенсонхерсте. Отец Кэйхилл ответил, что он там бывал и согласен на сто процентов.

И тут Юссель подал ему сэндвич. Когда священник откусил огромный кусок солонины с ржаным хлебом, tummel, [51]обычный в магазине кошерной еды в обеденное время, смолк, и у Горовица стало тихо, словно в shoul [52]воскресным утром. Все смотрели, как ирландец жует и глотает. Подождали. Внезапно на его лице появилась эта широченная ирландская улыбка.

— Боюсь, что мне придется изменить свое мнение, — сказал он. — Горовиц из Лейквуда делает самые лучшие в мире сэндвичи с солониной.

Под звуки аплодисментов и дружеского смеха Зев отвел отца Кэйхилла к заднему столику, который затем стал их обычным местом, и сел рядом с этим сдержанным и притягательным иноверцем, который с такой легкостью завоевал симпатию полного зала незнакомых людей и доставил такую mechaieh [53]Юсселю. Он узнал, что молодой священник — новый помощник отца Пальмери, настоятеля католической церкви Святого Антония, находившейся в северной части Лейквуда. Отец Пальмери служил здесь многие годы, но за это время Зев всего лишь пару раз видел его. Он принялся расспрашивать отца Кэйхилла — который хотел, чтобы его называли Джо, — о жизни в Бруклине, и они проговорили целый час.

В течение последующих месяцев они так часто сталкивались у Горовица, что решили регулярно встречаться и обедать вместе по понедельникам и четвергам. Эти встречи продолжались не один год; они обсуждали религию — о, эти богословские дискуссии! — политику, экономику, философию, жизнь вообще. Во время этих обедов они решали большую часть мировых проблем. Зев был уверен, что они решили бы их все, если бы скандал в церкви Святого Антония не привел к изгнанию отца Джо из прихода.

Но это было в другом измерении, в другом мире. В том мире, который

существовал до вампиров.

Зев покачал головой, размышляя о нынешнем положении отца Джо в пыльном подвале винной лавки Мортона.

— Это насчет вампиров, Джо, — начал он, сделав еще глоток «Столичной». — Они захватили Святого Антония.

Отец Джо фыркнул и пожал плечами:

— У них теперь численный перевес, Зев, не забывай об этом. Они захватили все. А почему приход Святого Антония должен отличаться от всех прочих приходов мира?

— Я не имел в виду приход. Я имел в виду церковь.

Глаза католического священника слегка приоткрылись.

— Церковь? Они захватили само здание?

— Каждую ночь, — ответил Зев. — Они приходят туда каждую ночь.

— Это же святое место. Как им это удалось?

— Они осквернили алтарь, уничтожили все кресты. Церковь Святого Антония — больше не святое место.

— Очень плохо, — отозвался отец Джо, опустив взгляд и печально качая головой. — Это была красивая старая церковь. — Он снова взглянул на Зева. — А откуда ты знаешь, что происходит в приходе Святого Антония? Это не так уж близко от твоей общины.

— У меня больше нет общины в прямом смысле этого слова.

Отец Джо протянул огромную ладонь и схватил его за плечо.

— Прости, Зев. Я слышал, как сильно пострадал ваш народ. Ничего не стоило их захватить. Мне правда очень жаль.

«Ничего не стоило». Точное выражение. О, они отнюдь не глупы, эти кровопийцы. Они знали, кто наиболее уязвим. На какой бы район они ни нападали, они всегда выбирали в качестве первых жертв евреев, а среди евреев — прежде всего ортодоксальных. Умно. Где еще существовала такая низкая вероятность наткнуться на крест? Это сработало в Бруклине, и они пришли на юг, в Нью-Джерси, распространяясь, словно чума, они направлялись прямо в город с самым большим скоплением yeshivas [54]в Северной Америке.

Но после холокоста в Бенсонхерсте члены общин Лейквуда быстро поняли, что происходит. В реформистских и консервативных синагогах по субботам начали выдавать кресты — для многих было уже слишком поздно, но часть людей спаслась. Последовали ли ортодоксы их примеру? Нет. Члены общин укрывались в домах, shoule и yeshivas, читали и молились.

И были уничтожены.

Крест, распятие — они обладали властью над вампирами, отгоняли их прочь. Его собратья-раввины не желали принимать этот простой факт, потому что прикосновение к кресту несло за собой разрушительные последствия. Взять в руки крест означало отринуть две тысячи лет истории еврейского народа, признать, что Мессия приходил, а они его не заметили.

Правда ли это? Зев не знал. Об этом можно будет поспорить потом. А в тот момент гибли люди. Но раввины хотели спорить об этом сейчас же. И пока они спорили, их паству уничтожали, словно скот на бойне.

Как бранил их Зев, как умолял их! Слепые, упрямые дураки! Если дом твой горит, неужели ты откажешься тушить пожар водой потому лишь, что тебя всю жизнь учили не верить в воду? Зев пришел на совет раввинов с крестом, и его вышвырнули вон — буквально выбросили за дверь. Но по крайней мере, ему удалось спасти немногих прихожан. Слишком мало.

Да, он вспомнил своих братьев, ортодоксальных раввинов. Всех тех, кто отказывался взглянрь в лицо реальности и признать страх вампиров перед распятием, тех, кто запрещал своим ученикам и прихожанам носить кресты, тех, кто смотрел, как эти самые ученики и прихожане умирали десятками лишь затем, чтобы снова восстать и обратиться против своих наставников. А вскоре и сами раввины принялись блуждать по своему району, выслеживать выживших, охотиться в других yeshivas, других приходах, пока вся община не была ликвидирована и не присоединилась к армии вампиров. Великий ужас пришел и ушел: люди ассимилировались.

Раввины могли бы спастись, могли бы спасти свой народ, но они не желали понять происходящее. Что, размышлял Зев, было вполне естественным. Разве поколение за поколением не учили они людей отворачиваться от остального мира?

Те дни начала войны, дни беспорядочной бойни, закончились. Теперь, когда власть принадлежала вампирам, кровопролитие приняло более организованную форму. Но урон народу Зева был нанесен — и урон этот оказался непоправимым. Гитлер остался бы доволен. Нацистское «окончательное решение» было воскресным пикником по сравнению с делом рук вампиров. То, что гитлеровский рейх не смог сделать за годы Второй мировой войны, вампиры закончили в несколько месяцев.

Нас осталось так мало. Так мало, и мы так рассеяны. Последняя диаспора.

На какое-то время горе почти сломило Зева, но он запрятал его вглубь, закрыл на замок в том месте, где хранил свои печали, и думал, как повезло его жене Шане — она умерла от естественных причин до того, как начался этот кошмар. У нее было слишком нежное сердце, она не пережила бы того,

что произошло с их общиной.

— Мне жаль гораздо сильнее, Джо, — произнес Зев, усилием воли возвращаясь к настоящему. — Но поскольку мой народ уничтожен и у меня почти не осталось друзей, я использую дневные часы для скитаний. Так что можешь называть меня Вечным жидом. И во время этих скитаний я встречаю кое-кого из твоих старых прихожан.

Лицо священника застыло. Голос зазвучал ядовито:

— Неужели и в самом деле? И как поживает мое любящее стадо?

— Они потеряли всякую надежду, Джо. Они хотят, чтобы ты вернулся.

Он рассмеялся:

— Хотят, разумеется! Так же сильно, как гоготали мне в спину год назад, когда мое имя смешивали с грязью. Да, они хотят моего возвращения. Бьюсь об заклад!

— Гнев, Джо. Это не подобает тебе.

— Дерьмо собачье. Был когда-то такой Джо Кэйхилл, наивное ничтожество, верившее, что преданные прихожане поддержат его. Но нет. Пальмери сообщает епископу, что поднялся слишком большой шум, епископ убирает меня, а люди, которым я посвятил свою жизнь, молча стоят и смотрят, как меня вышвыривают из моего прихода.

— Простым людям нелегко противиться воле епископа.

— Возможно. Но я не могу забыть, как они тихо стояли в стороне, пока у меня отнимали положение, достоинство, доброе имя, все, что у меня было в жизни…

Зеву показалось, что сейчас у Джо сорвется голос. Он уже хотел протянуть к нему руки, когда священник кашлянул и распрямил плечи.

— А тем временем я превратился в парию там, в убежище. Долбаный прокаженный. Некоторые из них и впрямь верят… — Он с рычанием оборвал себя. — А, какая разница? Все кончено. В любом случае, как я предполагаю, большая часть прихожан мертва. И если бы я остался там, то сам бы погиб. Так что, наверное, все было к лучшему. И вообще, кому какое дело.

Он потянулся к стоявшей рядом бутылке «Гленливета».

— Нет-нет! — воскликнул Зев. — Ты обещал!

Отец Джо отдернул пальцы и скрестил руки на груди.

— Продолжай, бородатый. Я слушаю.

Отец Джо явно изменился к худшему. Мрачный, язвительный, апатичный, полный жалости к себе. Зев начинал удивляться, как он мог называть этого человека другом.

— Они забрались в твою церковь, осквернили ее. Каждую ночь они

продолжают марать ее кровопролитиями и богохульствами. Неужели для тебя это ничего не значит?

— Это приход Пальмери. Я отстранен. Пусть он позаботится об этом.

— Отец Пальмери — их лидер.

— Разумеется. Он же их настоятель.

— Ты не понял. Он руководит вампирами в непристойностях, которые они совершают в церкви.

Отец Джо напрягся, и отсутствующее выражение исчезло из его глаз.

— Пальмери? Он один из них?

Зев кивнул:

— Хуже того. Он лидер местной ячейки. Он организует их ритуалы.

Зев увидел по глазам священника, как в нем разгорается гнев, увидел, как руки его сжались в кулаки, и на мгновение подумал, что сейчас вырвется на волю прежний отец Джо.

«Давай же, Джо. Покажи мне этот старый огонь».

Но тот лишь тяжело осел обратно на ящик.

— Это все, что ты хотел мне сообщить?

Зев, скрывая разочарование, кивнул:

— Да.

— Отлично. — Джо схватил бутылку виски. — Потому что мне необходимо выпить.

Зев хотел уйти, но нужно было остаться, прощупать немного глубже и увидеть, что еще осталось от его старого друга, сколько места занимает в нем этот новый, ядовитый, чужой Джо Кэйхилл. Может быть, еще есть надежда. И они продолжали беседовать.

Внезапно он заметил, что за окном стемнело.

— Gevalt! [55]— воскликнул Зев. — Я не заметил, как время пролетело!

Отец Джо тоже казался удивленным. Он подбежал к окну и высунулся наружу.

— Проклятье! Солнце село! — Он обернулся к Зеву. — О Лейквуде и речи быть не может, ребе. Даже убежище слишком далеко — мы не станем рисковать. Похоже, мы застряли здесь до утра.

— Тут безопасно?

Отец Кэйхилл пожал плечами.

— А почему нет? Насколько мне известно, за последние несколько месяцев здесь бывал только я, и то днем. Будет весьма странно, если одна из этих пиявок в образе человеческом надумает бродить тут сегодня.

— Надеюсь, что ты прав.

— Не беспокойся. С нами все будет в порядке, если мы не привлечем

внимания. У меня есть карманный фонарик, если понадобится, но нам лучше всего просидеть здесь в темноте и проболтать до восхода солнца. — Отец Джо улыбнулся и взял с одного из ящиков огромный серебряный крест, по меньшей мере в фут длиной. — Кроме того, мы вооружены. И честно говоря, это не самое худшее место для ночевки.

Он подошел к ящику «Гленливета» и открыл новую бутылку. Его способность поглощать спиртное была невероятной.

Зев тоже считал, что уголок неплохой. Вообще-то со времен холокоста ему приходилось проводить ночи в гораздо более отталкивающих местах. Он решил не терять времени даром.

— Итак, Джо. Наверное, я должен рассказать тебе еще немного о том, что происходит в Лейквуде.

Спустя несколько часов они утомились, и разговор иссяк. Отец Джо, снабдив Зева фонариком, вытянулся на ящиках и уснул. Зев попытался устроиться поудобнее, чтобы вздремнуть, но сон не шел к нему. И он слушал, как друг храпит в темноте подвала.

Бедный Джо. Столько гнева в человеке. Хуже того — боли. Он чувствует, что его предали, обошлись с ним несправедливо. И у него есть на то причины. Но теперь, когда мир разлетелся на куски, это зло не исправить. Джо должен забыть о прошлом и продолжать жить, но, очевидно, не в состоянии. Какой стыд. Необходим какой-то толчок, чтобы вырвать его из депрессии. Зев думал, что новости о происходящем в приходе Святого Антония разбудят в священнике интерес, но это, казалось, привело лишь к тому, что он стал пить еще больше. И Зев боялся, что отец Джо Кэйхилл безнадежен.

Зев закрыл глаза и постарался отдохнуть. Нелегко было устроиться с болтавшимся на груди крестом, и он его снял, но положил поблизости. Он уже начал засыпать, когда услышал снаружи какой-то шум. У мусорного бака. Металлический звук.

«Мой велосипед!»

Соскользнув на пол, он на цыпочках подкрался к спящему отцу Джо, потряс его за плечо и прошептал:

— Кто-то нашел мой велосипед!

Священник всхрапнул, но не проснулся. Громкий лязг заставил Зева обернуться, и неловким движением он задел бутылку. Он попытался подхватить ее на лету, но в темноте промахнулся. Звон бьющегося стекла разнесся по подвалу, словно пушечный выстрел. Чувствуя, как запах виски заглушает запахи плесени, Зев прислушался к звукам, доносящимся

снаружи. Ничего.

Наверное, это было какое-то животное. Он вспомнил енотов, совершавших набеги на контейнер с мусором у его дома… когда у него еще был дом… когда у него был мусор…

Зев подошел к окну и выглянул наружу. Да, скорее всего, животное. Он открыл раму на несколько дюймов и почувствовал на лице прикосновение прохладного ночного воздуха. Вытащив из кармана пальто фонарик, он направил в отверстие луч света.

И чуть не выронил фонарик при виде бледного, оскалившегося дьявольского создания — обнажив клыки, вампир зашипел. Зев отпрянул, а чудовище рывком просунуло голову и плечи в окно; в воздухе мелькнули скрюченные пальцы, но промахнулись. Затем вампир прыгнул в окно и бросился на Зева.

Тот попытался увернуться, но вампир был проворнее. При столкновении фонарик вылетел у Зева из рук и покатился по полу. Он вскрикнул, и рычащее чудовище подмяло его под себя. Невозможно было сопротивляться его мощному натиску. Вампир уселся на Зева, отбросил в стороны его молотящие воздух руки, разорвал когтистыми пальцами воротник, обнажив горло, и вытянул шею жертвы, открыв уязвимую плоть. Вампир наклонился, приблизив к шее клыки, и его тлетворное дыхание ударило Зеву в нос. Он отчаянно закричал.

II

Отца Джо разбудили вопли, полные ужаса.

Он потряс головой, чтобы прогнать сон, и тут же пожалел, что не остался лежать спокойно. Голова весила по меньшей мере фунтов двести, рот был полон отвратительной на вкус ваты. Зачем он это с собой делает? После этого он чувствует себя больным; к тому же ему начинают сниться кошмары. Как сейчас.

Он услышал еще один испуганный крик — всего в нескольких футах от себя.

Он взглянул в ту сторону. В слабом свете фонарика, валявшегося на полу, он увидел Зева, лежащего на спине, отчаянно отбивающегося от…

Проклятье! Это не сон! Сюда забрался один из кровососов!

Одним прыжком Джо очутился рядом с тварью, которая тянулась клыками к горлу Зева. Схватив вампира за шиворот, он оторвал его от пола. Тело оказалось странно тяжелым, но это его не остановило. Джо

чувствовал, как нарастающий гнев делает его сильнее.

— Гниль поганая!

Схватив вампира за шею, он швырнул его о стену. Тварь ударилась о бетон с силой, от которой у человека переломались бы все кости, но чудовище лишь сползло вниз, одним движением прокатилось по полу и вскочило на ноги, готовое к атаке. Джо знал, что, как бы он ни был силен, ему никогда не одолеть вампира. Обернувшись, он схватил свое большое серебряное распятие и бросился на врага.

— Голоден? Вот этого пожри!

Тварь, обнажив клыки, зашипела на него, и Джо ткнул нижним, более длинным концом креста ему в глотку. По серебру побежал бело-голубой свет, отразившийся в полных ужаса глазах, и плоть врага начала с шипением трескаться. Вампир испустил полузадушенный крик и попытался увернуться, но Джо не собирался ею отпускать. От ярости он покраснел: гнев забил фонтаном из какого-то скрытого источника и бурлил внутри его. Джо проталкивал крест все дальше в глотку твари. Глубоко в горле вампира сверкнула вспышка, осветив бледное тело изнутри. Он попытался ухватиться за крест и вытащить его, но стоило ему прикоснуться к серебру, как пальцы его загорелись и начали дымиться.

Наконец Джо отступил, позволив извивающемуся врагу вскарабкаться по стене и уползти через окно в темноту. Затем он обернулся к Зеву. Если с ним что-то произошло…

— Эй, ребе! — окликнул он, опускаясь на колени рядом со стариком. — С тобой все в порядке?

— Да, — ответил Зев, с трудом вставая на ноги. — Благодаря тебе.

Джо рухнул на ящик: как только испарился гнев, его охватила слабость.

«Я и не предполагал, что со мной может такое случиться», — подумал он.

Но оказалось так чертовски приятно сорвать злобу на этом вампире. Слишком приятно. И это беспокоило его.

«Моя душа разрушается… как и все в этом мире».

— Было уже близко, — сказал он Зеву, в порыве радости сжимая плечо старика.

— Да уж, точно, ближе не бывает, — согласился Зев, надевая ермолку. — У меня к тебе просьба, отец Джо: если когда-нибудь у меня высосут кровь и я превращусь в вампира, будь добр, напомни мне, чтобы я держался подальше от тебя.

Джо впервые за долгое время разразился смехом. Было так хорошо

посмеяться.

С первыми лучами солнца они выкарабкались наружу. Оказавшись на свежем воздухе, Джо потянулся, расправляя сведенные судорогой руки, а Зев проверил, на месте ли велосипед.

— Ой! — воскликнул Зев, вытаскивая велосипед из-за бака. Переднее колесо было так помято, что несколько спиц сломалось. — Посмотри, что он наделал. Похоже, мне придется возвращаться в Лейквуд пешком.

Но Джо гораздо больше, чем велосипед, интересовало местонахождение их ночного гостя. Он знал, что вампир не мог далеко уйти. Он и не ушел. Они нашли врага, вернее, то, что от него осталось, за мусорными контейнерами: разлагающийся, скорченный труп, покрытый черной коркой и дымящийся в свете утреннего солнца. Между зубами у него все еще торчало серебряное распятие.

Джо, приблизившись, осторожно вытащил свой крест из отвратительных останков.

— Судя по всему, сосать кровь тебе уже не придется, — сказал он и тут же почувствовал себя глупо.

Перед кем он здесь изображает мачо? Зев уж точно на это не купится. Слишком не похоже на него. Тот знал, что подобные высказывания не в характере отца Джо. Но в конце концов, а какой у него сейчас характер? Когда-то он был приходским священником. Сейчас он никто. Даже меньше, чем никто.

Выпрямившись, он взглянул на Зева:

— Пойдем в убежище, ребе. Я куплю тебе что-нибудь на завтрак.

Джо повернулся и направился прочь, но Зев остался стоять, глядя на тело у своих ног.

— Говорят, они не уходят далеко от мест, где провели всю жизнь, — заметил Зев. — Если он жил где-то поблизости, значит, он не еврей. Вероятно, католик. Скорее всего, ирландец.

Джо остановился и оглянулся, уставившись на свою длинную тень. Восходящее солнце, скрытое дымкой, светило ему в спину, порождая гигантскую фигуру с темным крестом в руке; на земле образовалась янтарная клякса в том месте, где свет проходил сквозь непочатую бутылку виски, которую Джо держал в другой руке.

— Ты это к чему? — спросил он.

— Думаю, Kaddish [56]для него не совсем подойдет, так что я просто размышляю, кто бы мог прочесть над ним заупокойную молитву, или что вы там делаете, когда умирает кто-то из ваших людей.

— Это не один из наших людей! — огрызнулся Джо, чувствуя

поднимающуюся в душе горечь. — Он вообще не был человеком.

— Да, но ведь когда-то раньше он был им, до того, как его убили и он превратился в одного из них. Так что, может быть, сейчас ему не помешает скромная помощь.

Джо все это не нравилось. Он чувствовал, что на него давят.

— Он этого не заслуживает, — возразил он и тут же сообразил, что угодил в ловушку.

— А я думал, что этого заслуживает даже последний грешник, — заметил Зев.

Джо понял, что потерпел поражение. Зев был прав. Он сунул крест и бутылку в руки другу — возможно, немного грубо, — подошел к скрюченному трупу, опустился на колени и совершил над ним последние обряды. Закончив, он вернулся к Зеву и вырвал у него свое имущество.

— Ты лучше меня, Гунга Дин, [57]— бросил он, направляясь прочь.

— Ты говоришь так, словно, став вампирами, они отвечают за свои действия, — задыхаясь, упрекнул его Зев, спеша рядом и стараясь догнать широко шагавшего Джо.

— А ты думаешь, нет?

— Нет.

— Ты в этом уверен?

— Ну, не совсем. Но они совершенно точно перестают быть людьми, так что, наверное, мы не должны подходить к ним с человеческими мерками.

При звуках убеждающего голоса Зева Джо вспомнились споры, которые они вели в лавке Горовица.

— Но, Зев, мы же знаем, что-то от старого характера остается. Я имею в виду — они живут в родных городах, обычно в подвалах своих бывших домов. Они охотятся за людьми, которых знали при жизни. Это не просто безмозглые хищники, Зев. Они обладают остатками сознания. Почему же они не могут подняться над собой? Почему они не… сопротивляются?

— Не знаю. По правде говоря, это мне никогда не приходило в голову. Забавно было бы: не-мертвые отказываются от пищи. Я предоставил отцу Джо придумать что-нибудь в этом духе. Мы должны обсудить этот вопрос на пути в Лейквуд.

Джо невольно улыбнулся. Так вот в чем все дело.

— Я не собираюсь в Лейквуд.

— Отлично. Тогда обсудим это сейчас. Возможно, жажда крови слишком сильна, чтобы сопротивляться.

— Возможно. А возможно, они просто не пытаются.

— Ты слишком суров, друг мой.

— Да, я парень жесткий.

— Ты когда-то был другим.

Джо ожесточенно взглянул на собеседника:

— Ты не знаешь, какой я сейчас.

Зев пожал плечами:

— Может, ты прав, а может, и нет. Но неужели ты и правда думаешь, что сможешь сопротивляться?

— Разумеется, черт подери.

Джо не знал, говорит ли он серьезно. Возможно, он просто морально готовился к тому дню, когда ему предстояло действительно оказаться в подобной ситуации.

— Интересно, — проговорил Зев, когда они начали подниматься по ступеням парадного крыльца убежища. — Ну что ж, я лучше пойду. У меня впереди долгий путь. Долгий, одинокий путь до самого Лейквуда. Долгий, одинокий, возможно, опасный путь для несчастного старика, который…

— Хорошо, Зев! Хорошо! — перебил его Джо, сдерживая смех. — Я все понял. Ты хочешь, чтобы я отправился с тобой в Лейквуд. Зачем?

— Просто мне нужна компания, — с невинным видом ответил старик.

— Нет, неправда. Что там творится в твоих иудейских мозгах? Что ты затеял?

— Ничего, отец Джо. Совершенно ничего.

Джо пристально уставился на друга. Пропади все пропадом, если он не преследует какую-то цель. Что у Зева на уме? Хотя, какого черта. Почему бы и не пойти. Ему больше нечем заняться.

— Ладно, Зев. Ты победил. Я пойду с тобой в Лейквуд. Но только на один день. Просто чтобы составить тебе компанию. И я не собираюсь подходить к церкви Святого Антония, ясно? Ты понял меня?

— Понял, Джо. Прекрасно понял.

— Отлично. А теперь убери с лица эту улыбочку, и мы раздобудем себе поесть.

III

Солнце поднималось к зениту; они шли на юг вдоль кромки прибоя, ступая босыми ногами по сырому песку заброшенного пляжа. Зев никогда не делал такого. Ему понравилось чувствовать песок между пальцами ног, прохладу воды, заливавшей его щиколотки.

— Знаешь, какой сегодня день? — спросил отец Джо. Он закинул кроссовки за плечо. — Веришь или нет, но сегодня Четвертое июля.

— Ах да. Ваш День независимости. Мы никогда не обращали большого внимания на светские праздники. Слишком много у нас религиозных. А почему ты думаешь, что я тебе не поверю?

Отец Джо расстроенно покачал головой:

— Это Манаскван-Бич. Знаешь, как обычно выглядело это место четвертого июля до прихода вампиров? Сплошные тела, ступить было некуда.

— В самом деле? Да, думаю, сейчас солнечные ванны не такая распространенная прихоть, как когда-то.

— Ах, Зев! По-прежнему образец лаконичности. Но я скажу тебе одно: пляж чище, чем когда-либо. Ни одной пивной банки, ни одного шприца. — Он указал вперед. — Но что это там?

Когда они подошли поближе, Зев разглядел два обнаженных тела, вытянувшихся на песке: это были мужчина и женщина, оба молодые, с короткими стрижками. Бронзовая кожа блестела на солнце. Подняв голову, мужчина пристально взглянул на них. Посреди лба его красовалась татуировка — голубое распятие. Потянувшись к лежащему рядом рюкзаку, он вытащил огромный сверкающий никелированный револьвер.

— Просто идите! — приказал он.

— Ладно, ладно, — ответил отец Джо. — Мы просто идем мимо.

Когда они проходили мимо парочки, Зев заметил на лбу у девушки такую же татуировку. Он успел разглядеть и остальные части тела, и где-то глубоко внутри шевельнулось полузабытое чувство.

— Очень популярная татуировка, — заметил он.

— Неплохо придумано. Такой крест нельзя выронить или потерять. В темноте, наверное, он не поможет, но при свете может дать кое-какое преимущество.

Повернув на запад, они покинули побережье, добрались до шоссе № 70 и направились вдоль него через мост Бриэль в графство Оушен.

— Помню, какие здесь были кошмарные пробки каждое лето, — сказал отец Джо, когда они трусили по пустому мосту. — Никогда не думал, что буду скучать по дорожным пробкам.

Срезав угол, они оказались на шоссе № 88 и придерживались его всю дорогу до Лейквуда. По пути им иногда попадались люди — в Бриктауне, в Оушен-Каунти-парке, где они собирали ягоды, но в самом Лейквуде…

— Настоящий город призраков, — сказал священник, когда они шагали по пустынной Форест-авеню.

— Призраки, — согласился Зев, печально кивая. Они шли долго, и он устал. — Да. Полный призраков.

Перед его мысленным взором возникли тени погибших раввинов, студентов yeshivas, бородатых, в черных костюмах, черных шляпах, целеустремленно вышагивающих туда-сюда в будние дни, гуляющих с женами по субботам, детей, тянувшихся за ними, словно выводки утят.

Погибли. Все погибли. Пали жертвами вампиров. Теперь они сами стали вампирами — большинство из них. У него заныло сердце при мысли об этих добрых, мягких мужчинах, женщинах и детях — сейчас, днем, они скорчились в подвалах своих бывших домов, но с наступлением темноты они выйдут, чтобы охотиться на других, распространять заразу дальше…

Зев стиснул в пальцах свисавший с шеи крест. Если бы только они послушали!

— Я знаю одно место недалеко от церкви Святого Антония, где можно спрятаться, — сказал он священнику.

— Ты уже достаточно прошел сегодня, ребе. И я повторяю: мне нет дела до церкви Святого Антония.

— Останься на ночь, Джо, — попросил Зев, схватив молодого священника за локоть. Он уговорил его прийти сюда; нельзя позволить ему уйти теперь. — Посмотри, что натворил отец Пальмери.

— Если он стал одним из них, он больше не священник. Не называй его отцом.

— Они по-прежнему называют его отцом.

— Кто?

— Вампиры.

Зев увидел, как сжались челюсти Джо. Он сказал:

— Может быть, я сам быстро схожу к церкви…

— Нет. Здесь не так, как у вас. В городе их полно — наверное, в двадцать раз больше, чем в Спринглейке. Они сцапают тебя, если ты не успеешь. Я отведу тебя.

— Тебе нужно отдохнуть, дружище.

На лице отца Джо отразилась искренняя забота. Зев заметил, что добрые чувства в нем начинают брать верх со времени их вчерашней встречи. Может быть, это хороший знак?

— Я отдохну тогда, когда мы доберемся до нужного места.

IV

Отец Джо Кэихилл смотрел, как луна восходит над его бывшей церковью, и размышлял, разумно ли было приходить сюда. Мгновенное решение, принятое этим утром при свете дня, сейчас, с наступлением темноты, показалось ему безрассудным и авантюрным.

Но пути назад не было. Вслед за Зевом он поднялся на второй этаж двухэтажного офисного здания, находившегося через дорогу от церкви Святого Антония, и здесь они дождались ночи. Должно быть, раньше здесь размещался офис какой-то юридической фирмы. Здание было разгромлено, оконные стекла выбиты, мебель разнесена на куски, но на стене все еще висел старый диплом Юридической школы университета Темпль, и один диван остался более или менее целым. Зев прилег вздремнуть, а Джо уселся, отхлебнул немного своего виски и углубился в тяжелые мысли.

Главным образом он думал об алкоголе. В последнее время он пьет слишком много, он понимал это; так много, что уже боялся, что не сможет вовремя остановиться. Так что сейчас он выпил совсем чуть-чуть, только для того, чтобы снять напряжение. Он выпьет остальное позже, когда вернется оттуда, из этой церкви.

Он не сводил взгляда с церкви Святого Антония с тех пор, как они пришли. Ее тоже сильно покалечили. Когда-то это была небольшая красивая каменная церковь, скорее, миниатюрный собор, напоминавший о готике своими островерхими арками, крутыми крышами, башенками, украшенными лиственным орнаментом, стеклянными окнами-«розами». Сейчас стекла были разбиты, кресты, венчавшие колокольню и фронтоны, исчезли, и все в гранитном здании, напоминавшее крест, было изуродовано до неузнаваемости.

Как он и предчувствовал, при виде этого здания ему вспомнилась Глория Салливан — молодая хорошенькая женщина, добровольно работавшая в приходе. Ее муж служил в Нью-Йорке, в компании «Юнайтед кемикал интернэшнл», каждый день ездил туда и слишком часто отправлялся в заграничные командировки. Джо и Глории нередко приходилось встречаться по церковным делам, и они стали добрыми друзьями. Но Глории почему-то взбрело в голову, что между ними уже существует нечто большее, чем дружба, и однажды ночью, когда Джо был один в доме, она заявилась к нему. Он постарался объяснить ей, что, как бы привлекательна она ни была, она не для него. Он принял некие обеты и не намеревался их нарушать. Он сделал все, что мог, чтобы смягчить ее разочарование, но отказ уязвил ее. И разозлил.

Все могло бы остаться по-прежнему, но вскоре ее шестилетний сын Кевин вернулся из церкви, где он был служкой, с рассказом о священнике,

который заставил его снять штаны и трогал его. Кевин так и не сказал, какой именно священник сделал это, но Глория Салливан знала это точно. Ошибки быть не могло — это сделал отец Кэйхилл: человек, который отверг искреннее предложение ее любви и ее тела, мог быть только гомосексуалистом, если не хуже. И совратитель несовершеннолетних был хуже.

Она сообщила это в полицию и в газеты.

Джо еле слышно застонал, вспомнив, как внезапно его жизнь превратилась в ад. Но он твердо решил выдержать бурю, уверенный, что настоящий преступник рано или поздно будет выявлен. У него не было доказательств — да и сейчас нет, — но если кто-то из священников церкви Святого Антония был педерастом, то, очевидно, не он. Оставался отец Альберто Пальмери, пятидесятипятилетний настоятель прихода Святого Антония. Однако, прежде чем Джо смог докопаться до истины, отец Пальмери потребовал, чтобы отца Кэйхилла удалили из прихода, и епископ согласился на это. Джо ушел, но дурная слава последовала за ним в убежище, находившееся в соседнем графстве, и тяготила его до сегодняшнего дня. Единственным источником недолгого утешения от бессильного гнева и горечи, сжигавших его и отравлявших ему каждое мгновение жизни, была бутылка — а это, он знал наверняка, был тупик.

Так зачем он согласился вернуться сюда? Чтобы помучить себя? Чтобы посмотреть на Пальмери и полюбоваться, как низко тот пал?

Возможно, и так. Может быть, вид Пальмери, оказавшегося наконец в своей стихии, заставит его выбросить из головы весь этот эпизод в приходе Святого Антония и присоединиться к остаткам человеческого рода — которым он сейчас нужнее, чем когда-либо.

А возможно, и нет.

Мысль о возвращении к прежней жизни была заманчивой, но за последние несколько месяцев Джо все меньше волновали окружающие люди и события.

Кроме, может быть, Зева. Друг не бросил Джо в самую трудную минуту, защищал его перед всеми, кто соглашался выслушать его. Но поддержка ортодоксального раввина значила в приходе Святого Антония слишком мало. А вчера Зев на велосипеде проехал до самого Спринглейка, чтобы увидеться с ним. Старина Зев оказался прав.

Он был также прав насчет числа вампиров здесь. Лейквуд кишел этими тварями. Завороженный отвратительным зрелищем, Джо наблюдал, как вскоре после заката улицы наполнились ими.

Но его больше беспокоили те, кто вышел наружу до заката.

Люди. Живые люди.

Предатели.

Если и существовало что-то более низкое, воистину заслуживающее смерти больше, чем сами вампиры, то это были живые люди, сотрудничавшие с ними.

Кто-то дотронулся до его плеча, и он подскочил. Это был Зев. Он протягивал ему что-то. Джо взял предмет и поднял его, разглядывая в свете луны: крошечный полумесяц, свисающий на кольце с цепочки.

— Что это?

— Серьга. Местные вишисты [58]носят такие.

— Вишисты? Как во Франции?

— Да. Именно так. Рад видеть, что ты не настолько невежествен, как все ваше поколение. Люди-вишисты — так я называю коллаборационистов. Эти серьги — отличительный знак для местной группировки вампиров. Их не трогают.

— Где ты это достал?

Лицо Зева было скрыто в тени.

— Прежний владелец… потерял их. Надень.

— У меня не проколоты уши.

В луче лунного света показалась старческая рука, и Джо заметил длинную иглу, зажатую между большим и указательным пальцами.

— Это я могу исправить, — сказал Зев.

— Может быть, тебе не следует смотреть на это, — прошептал Зев, когда они, припав к земле, притаились в густой тени западного крыла церкви Святого Антония.

Озадаченный, Джо прищурился на него в темноте:

— Ты пробуждаешь во мне чувство вины, приводишь меня сюда, а теперь у тебя такие мысли?

— Это так ужасно, что я не могу передать словами.

Джо поразмыслил. В мире за стенами этой церкви столько ужаса. Зачем еще смотреть на то, что происходит внутри?

«Потому что когда-то это была моя церковь».

Несмотря на то что он был всего лишь викарием и так и не был полностью введен в должность, несмотря на то что его бесцеремонно вышвырнули отсюда, приход Святого Антония был его первым приходом. Он пришел. И он должен узнать, что они там делают.

— Покажи мне.

Зев подвел его к куче обломков камня под разбитым грязным окном и

указал вверх: изнутри лился слабый свет.

— Загляни туда.

— Ты не идешь со мной?

— Спасибо, одного раза мне хватило.

Джо вскарабкался на кучу так осторожно, как только мог, ощущая усиливающееся зловоние, подобное запаху гнилого, разлагающегося мяса. Зловоние исходило изнутри, из разбитого окна. Собравшись с силами, он выпрямился и высунулся из-под подоконника.

На мгновение он был ошеломлен, подобно человеку, который выглянул в окно городской квартиры и увидел бесконечные холмы канзасской фермы. Это не могла быть церковь Святого Антония.

В мерцающем свете сотен церковных свечей он рассмотрел голые стены, с которых сняли все украшения и декоративные тарелки с картинами крестного пути; темная дубовая обшивка была исцарапана и выдолблена в тех местах, где изображалось хоть что-то, отдаленно напоминающее крест. Пол тоже был в основном голым, скамьи, когда-то стоявшие аккуратными рядами, были вырваны и изрублены на куски, острые обломки кучей возвышались в задней части помещения, под хорами.

И огромное распятие, находившееся за алтарем и доминировавшее над церковью, — от него осталась лишь часть. Поперечины креста были отпилены, и безрукое изображение Христа в человеческий рост висело вниз головой у задней стены санктуария.

Джо охватил все это одним взглядом, затем его внимание привлекло нечестивое сборище, занявшее этой ночью церковь Святого Антония. Предатели — вишисты, как назвал их Зев, — находились на периферии. Они выглядели как нормальные, обычные люди, но в ухе у каждого болталась серьга в виде полумесяца.

Но другие, те, кто собрался в санктуарии, — Джо почувствовал, как при виде их в нем разгорается ярость. Они плотным кольцом окружили алтарь. Их бледные звериные лица, лишенные всяких признаков человеческого тепла, сочувствия, порядочности, были обращены вверх. Гнев Джо вспыхнул с удвоенной силой, когда он увидел объект их пристального внимания.

Обнаженный подросток со связанными за спиной руками был подвешен за щиколотки над алтарем. Он задыхался и всхлипывал, его пустые от ужаса глаза были широко раскрыты, он явно лишился рассудка. Со лба его содрали кожу — по-видимому, «вишисты» нашли подходящее средство против татуировок с крестом, — кровь из только что отсеченных

гениталий медленно стекала вниз по животу и груди. И рядом с ним, у алтаря, стояло чудовище в длинной сутане, с окровавленным ртом. Джо узнал узкие плечи, седые волосы, свисающие с лысоватого черепа, но был потрясен при виде кровавой лисьей улыбки, с которой оно обратилось к своим собратьям, столпившимся внизу.

— Пора, — произнесла тварь высоким голосом, который Джо сотни раз слышал с кафедры церкви Святого Антония.

Отец Альберто Пальмери.

Снизу протянулась рука с отточенным лезвием и перерезала мальчику горло. Кровь хлынула ему на лицо, и вампиры принялись пихаться и пробиваться вперед, подобно птенцам стервятника, стремясь поймать открытыми ртами капли и алые струйки.

Джо отшатнулся от окна, и его вырвало. Он почувствовал, как Зев схватил его за руку и повел прочь. Он смутно помнил, как они пересекли улицу и направились к разгромленному офису.

V

— Зачем, во имя Господа, ты заставил меня смотреть на это?!

Зев взглянул через комнату в ту сторону, откуда доносился голос. Он различал смутные очертания фигуры отца Джо — тот сидел на полу, прислонившись к стене, с открытой бутылкой виски в руке. Со времени их возвращения священник выпил всего один глоток, не больше.

— Я решил, что тебе следует знать, что происходит в твоей церкви.

— Ты это уже говорил. А какова истинная причина?

Зев пожал плечами в темноте:

— Я слышал, что у тебя не все в порядке, что еще до того, как все рухнуло, ты уже почти погиб. И когда настал безопасный момент, я пришел проведать тебя. Как я и ожидал, я нашел человека, озлобленного на весь мир и отдавшегося этой злобе. Я подумал, что неплохо бы указать этому человеку какой-то более конкретный предмет для ненависти.

— Сволочь ты! — прошептал отец Джо. — Кто дал тебе такое право?

— Наша дружба дала мне на это право. Как, по-твоему, я должен жить спокойно, зная, что ты опускаешься и сидишь без дела? У меня больше нет собственной паствы, так что я обратил внимание на тебя. Я всегда был несколько навязчивым раввином.

— Ты и сейчас такой. Вышел спасать мою душу?

— Мы, раввины, не спасаем души. Направляем их — возможно, с

надеждой указываем им правильный путь. Но лишь ты сам можешь спасти свою душу, Джо.

На некоторое время в воздухе повисло молчание. Внезапно серьга-полумесяц, которую Зев дал отцу Джо, упала в лужу лунного света на полу между ними.

— Почему они это делают? — спросил священник. — Эти вишисты — почему они пошли на предательство?

— Первые предатели делали это неохотно, поверь мне. Они согласились потому, что вампиры взяли в заложники их жен и детей. Но прошло немного времени, и оставшиеся в живых люди начали выползать из нор и предлагать вампирам свои услуги в обмен на бессмертие.

— Зачем затруднять себя работой на них? Почему бы просто не пойти и не дать себя укусить первому же кровососу?

— Я сам вначале задавался подобным вопросом, — ответил Зев. — Но, наблюдая за холокостом в Лейквуде, я понял тактику вампиров. Они сами выбирают тех, кто вступит в их ряды, так что, получив полный контроль над населением, они изменили образ действий. Видишь ли, они не хотят, чтобы в одном месте сосредоточивалось слишком много их сородичей. Это как в лесу, где слишком большая популяция хищников, — когда стада дичи истреблены, плотоядные умирают с голоду. Так что у вампиров теперь иной способ убивать. Ведь только тогда, когда вампир высасывает кровь из горла, пронзив его клыками, жертва становится одним из них. Человек, из которого выпустили кровь, как из того мальчика в церкви, умирает навсегда. Он мертв, как если бы его переехал грузовик. Он не восстанет завтра ночью.

— Понял, — сказал отец Джо. — Вишисты торгуют своей возможностью выходить при свете дня и выполняют для вампиров грязную работу в обмен на бессмертие, которое получат потом.

— Верно.

В негромком смехе отца Джо, разнесшемся по комнате, не было слышно веселья.

— Превосходно. Я никогда не перестану удивляться, глядя на своих ближних. Способность человека творить добро меркнет лишь в сравнении с его способностью пасть в бездну зла.

— Отчаяние делает с нами странные вещи, Джо. Вампирам это известно. И они лишают нас надежды. Таков их метод. Они превращают наших друзей, соседей, лидеров в наших врагов, оставляя нас в одиночестве, в полной изоляции. Некоторые люди не в силах вынести отчаяние — они кончают с собой.

— Отчаяние, — повторил Джо. — Мощное оружие.

После долгой паузы Зев спросил:

— Так что ты собираешься предпринять теперь, отец Джо?

Очередная горькая усмешка.

— Предполагаю, мне следует объявить, что я нашел новую цель в жизни и отныне стану бродить по свету в качестве бесстрашного истребителя вампиров.

— Это было бы неплохо.

— К черту! Я собираюсь всего лишь перейти эту улицу.

— И пойти в церковь Святого Антония?

Зев увидел, что отец Джо сделал большой глоток из бутылки и плотно завернул крышку.

— Да. Посмотрим, что я смогу предпринять.

— Отцу Пальмери и его банде это может не понравиться.

— Я тебе сказал, не называй его отцом. И пошел он к дьяволу! Никто не может проделать то, что сделал он, и остаться безнаказанным. Я верну мою церковь.

В темноте Зев улыбался себе в бороду.

VI

Остаток ночи Джо бодрствовал, давая Зеву поспать. Старику нужен отдых. А Джо все равно не смог бы уснуть. Он был слишком возбужден. Он просидел до утра, глядя на церковь Святого Антония.

Они ушли перед рассветом — темные фигуры показались из парадных дверей и спустились по ступеням, словно прихожане после ранней службы. Джо заметил, что скрежещет зубами, разыскивая среди них Пальмери, но в полумраке не смог найти его. Когда солнце показалось над крышами домов и верхушками деревьев на востоке, улица внизу была уже пуста.

Он разбудил Зева, и они вместе направились к церкви. Тяжелые дубовые, окованные железом двери, каждая из которых представляла собой половину остроконечной арки, были закрыты. Джо распахнул их и закрепил крючками, чтобы они не закрывались. Затем он, пройдя через вестибюль, очутился в центральном нефе.

Несмотря на то что он был готов к зловонию, миазмы заставили его отшатнуться. Когда судороги в желудке прекратились, священник заставил себя идти дальше, между двумя кучами разломанных и разнесенных в щепки скамей. Зев шел рядом, прижав ко рту носовой платок.

Прошлой ночью Джо понял, что церковь превратилась в руины. Теперь он увидел, что все гораздо хуже. Дневной свет, заглянув во все уголки, осветил то, чего нельзя было разглядеть при слабом мерцании свечей. Полдюжины разлагающихся трупов свисало с потолка — прошлой ночью он не заметил их, — еще несколько валялось на полу вдоль стен. Некоторые тела были разрублены на куски. За алтарной оградой поперек кафедры свешивалось обезглавленное женское тело. Слева от алтаря возвышалась статуя Девы Марии. Кто-то прилепил на нее резиновые груди и огромный пенис. И у задней стены санктуария стоял крест, с которого вверх ногами свисал безрукий Христос.

— Моя церковь, — шептал Джо, проходя там где когда-то был центральный проход, по которому отцы вели к алтарю своих дочерей. — Посмотри только, что они сотворили с моей церковью!

Джо приблизился к массивному каменному блоку, который когда-то был алтарем. Раньше алтарь стоял у дальней стены санктуария, но отец Джо передвинул его вперед, чтобы служить мессу, находясь лицом к прихожанам. Сейчас нельзя было узнать алтарь, вырубленный из цельного куска каррарского мрамора. Он был так густо запятнан засохшей кровью, спермой и фекалиями, что под слоем этого вполне мог быть и пенопласт.

Отвращение Джо постепенно ослаблялось, таяло в разгоравшемся огне ярости, тошнота проходила. Он хотел очистить помещение, но здесь было слишком много работы, слишком много для двух человек. Безнадежно.

— Одец Джо?

При звуке незнакомого голоса он обернулся. В дверном проеме неуверенно маячила тощая фигура. Человек примерно пятидесяти лет робко двинулся вперед.

— Одец Джо, эдо вы?

Теперь Джо узнал Карла Эдвардса. Подергивающийся всем телом человечек, который помогал носить корзину для пожертвований во время воскресной мессы в 10.30. Выходец из Джерси-Сити — почти все местные жители были оттуда родом. Он уставился на Джо; лицо его сильно исхудало, глаза лихорадочно блестели.

— Да, Карл Это я.

— О, благодаредие Богу! — Подбежав, он упал перед Джо на колени и заплакал. — Вы вердулись! Благодаредие Богу, вы вердулись!

Джо поднял его на ноги.

— Ну-ну, хватит, Карл. Возьми себя в руки.

— Вы вердулись дас спасти? Бог послал вас сюда покарать его?

— Покарать — кого?

— Одца Пальмери! Од один из их! Од замый худжий изо всех! Од…

— Я знаю, — прервал его Джо. — Знаю.

— О, как хорошо, что вы здесь, одец Джо! Мы здадь не здали, что дедадь, с тех пор как эди кровососы пришли. Мы все молились, чдобы кто-то вроде вас пришел, и вот вы здесь. Эдо чудо, черт возьми!

Джо хотел было спросить Карла, где был он и все эти люди, которые теперь так нуждались в нем, когда его выпроваживали из прихода. Но это была старая история.

— Это не чудо, Карл, — возразил Джо, мельком взглянув на Зева. — Равви Вольпин привел меня сюда.

Когда Карл и Зев пожимали друг другу руки, Джо прибавил:

— Вообще-то я просто проходил мимо.

— Проходили мимо? Дет. Эдого не можед быдь! Вам дада остаться!

Джо увидел, как гаснет огонек надежды в глазах маленького человечка. Что-то сжалось, перевернулось у него внутри.

— Что я могу сделать здесь, Карл? Я всего лишь человек, и я один.

— Я помогу! Сделаю все, что ходиде! Только скажиде!

— Ты поможешь мне убраться здесь?

Карл огляделся и, по-видимому, впервые заметил трупы. Он съежился и заметно побледнел.

— Да., кодечно. Все, что надо.

— Ну? Что скажешь? — обратился Джо к Зеву.

— Почему я должен говорить тебе, что делать? Это не моя церковь.

— И не моя.

Зев махнул подбородком в сторону Карла.

— Думаю, он другого мнения.

Джо медленно обернулся. В сводчатом нефе царило полное молчание — лишь жужжали мухи вокруг мертвецов.

Огромная уборка. Но если работать целый день, они смогут многое сделать. А тогда…

А тогда — что?

Джо не знал. Он соображал на ходу. Он подождет и посмотрит, что принесет ночь.

— Можешь достать нам что-нибудь поесть, Карл? Я бы продал душу за чашку кофе.

Карл взглянул на него как-то странно.

— Это просто такой оборот речи, Карл. Нам нужно подкрепиться, если мы хотим поработать здесь.

Глаза человечка снова загорелись.

— Дак, здачит, вы осдаедесь?

— Ненадолго.

— Я добуду поесть! — возбужденно крикнул Карл и побежал к двери. — И кофе. Я здаю кое-кого, у дее еще есдь кофе. Она поделидся с одцом Джо. — У двери он остановился и обернулся. — А, и еще, одец, я дигогда не верил дому, чдо говорили про ваз. Нигогда.

Джо попытался сдержаться, но не смог:

— Было бы гораздо лучше, если бы ты сказал это год назад, Карл.

Тот опустил взгляд.

— Да-а. Думаю, лудьше. Но я все изправлю, одец. Обязадельдо. Можеде на медя положидься.

И он исчез за дверями. Обернувшись к Зеву, Джо увидел, что старик закатывает рукава.

— Nu? [59]— произнес Зев. — Тела. Прежде всего, думаю, следует убрать отсюда тела.

VII

Вскоре после полудня Зев почувствовал, что устал. Жара и тяжелый труд сделали свое дело. Ему необходимо было остановиться и отдохнуть. Присев на алтарную ограду, он огляделся. Почти восемь часов работы — а они едва сделали самое необходимое. Но церковь выглядела и пахла лучше.

Уборка облепленных мухами тел и отрубленных конечностей оказалась самым неприятным. Отвратительная работа, от которой все внутри переворачивалось, заняла почти все утро. Они вынесли трупы на маленькое кладбище за церковью и похоронили их там. Эти люди заслуживали настоящих похорон, но сегодня для этого не было времени.

Когда с трупами было покончено, отец Джо сорвал оскверняющие предметы со статуи Девы Марии, и они обратили все внимание на огромное распятие. Через некоторое время им удалось найти в куче ломаных скамей гипсовые руки Христа. Руки по-прежнему были пригвождены к отпиленным кускам распятия. Пока Зев с отцом Джо сооружали из подручных средств скобы, чтобы прикрепить обратно руки, Карл нашел швабру и ведро и приступил к длительной, трудоемкой процедуре уборки нефа.

Теперь распятие приняло первозданный вид — гипсовый Иисус в натуральную величину снова обрел руки и был закреплен на восстановленном кресте. Отец Джо и Карл поместили крест на старое

место. Распятый висел как раньше, над санктуарием, во всем своем мучительном великолепии.

Неприятное зрелище. Зев никогда не мог понять пристрастия католиков к подобным мрачным изображениям. Но пока вампиры их боятся, Зев был полностью «за».

В желудке у него заурчало от голода. По крайней мере, они неплохо позавтракали. Карл вернулся из утренней экспедиции с хлебом, сыром и двумя термосами горячего кофе. Сейчас Зев жалел, что они ничего не оставили про запас. Может быть, в рюкзаке завалялась корка хлеба. Он отправился в вестибюль, чтобы проверить это, и обнаружил у дверей алюминиевую кастрюлю и бумажный пакет. Кастрюля была полна тушеной говядины, а в мешке лежало три банки пепси-колы.

Он высунул голову наружу, но на улице никого не было. Так продолжалось весь день — иногда Зев замечал одну-две фигуры, заглядывающие в парадную дверь; задержавшись у входа на мгновение, словно желая убедиться, что слышанная новость верна, они бросались прочь. Зев взглянул на оставленную еду. Должно быть, группа местных пожертвовала часть своего запаса консервов и напитков. Зев был тронут.

Он позвал отца Джо и Карла.

— Похоже на «Динти Мур», [60]— сказал отец Джо, проглотив кусок тушеного мяса.

— Точно, — подтвердил Карл. — Узнаю маленькие картошки. Женщины прихода, должно быть, сильно обрадовались, чдо вы вернулись, езли достали дакие консервы.

Они устроили пир в ризнице, небольшом помещении недалеко от санктуария, в котором хранились облачения священников, — так сказать, Зеленой комнате [61]клириков. Зев нашел, что мясо приятно на вкус, но слишком пересолено. Однако жаловаться он не собирался.

— Мне кажется, я такого никогда не пробовал.

— Я бы весьма удивился, если бы ты ел подобное, — сказал отец Джо. — Сильно сомневаюсь, что какие-либо из продуктов марки «Динти Мур» являются кошерными.

Зев усмехнулся, но внезапно его охватила сильная грусть. Кошерный… какими бессмысленными казались сейчас все обряды, которые когда-то регулировали его жизнь. До лейквудского холокоста он был страстным поборником строгих ограничений в еде. Но те дни остались позади, подобно тому как исчезла община Лейквуда. Зев тоже изменился. Если бы

он не изменился, если бы по-прежнему соблюдал обряды, то не мог бы сидеть здесь и ужинать с этими двумя людьми. Он должен был бы находиться где-то в другом месте и есть особую пищу, приготовленную особым образом, из отдельной посуды. Но какой цели в действительности служили в современном мире законы о пище? Это была не просто традиция. Эти обычаи воздвигали еще одну стену между верующими евреями и инородцами, отделяли их даже от тех евреев, которые не соблюдали обрядов.

Зев заставил себя проглотить большой кусок тушеного мяса. Пора сломить все преграды между людьми… пока еще есть время и остались люди, ради которых имеет смысл делать это.

— С тобой все в порядке, Зев? — спросил отец Джо.

Зев молча кивнул — он боялся расплакаться. Несмотря на все анахронизмы, он тосковал по жизни в старые добрые времена, которая закончилась год назад. Она прошла. Все исчезло. Богатые традиции, культура, друзья, молитвы. Он чувствовал, что его уносит куда-то далеко — во времени и в пространстве. Он нигде не сможет чувствовать себя как дома.

— Ты уверен? — Молодой священник казался искренне озабоченным.

— Да, все в порядке. Настолько в порядке, насколько можно ожидать после почти целого дня ремонта распятия и поглощения некошерной пищи. И осмелюсь заметить, не так уж это приятно.

Старик отставил в сторону свою миску и поднялся со стула:

— Все, пошли. Надо продолжать работу. У нас ещё много дел.

VIII

— Солнце почти зашло, — заметил Карл.

Джо, чистивший алтарь, выпрямился и пристально взглянул на запад через одно из разбитых окон. Солнца не было видно — оно скрылось за домами.

— Теперь ты можешь идти, Карл, — сказал он маленькому человечку. — Спасибо тебе за помощь.

— А куда вы пойдете, одец?

— Я останусь здесь.

Карл сглотнул, и его выпирающий кадык судорожно задергался.

— Да? Чдо ж, хорошо, я доже осданусь. Я сказал, что исправлю все. И потом, думаю, что кровососам не слижком понравился новая, улучшенная

церковь, когда они сегодня ночью вернудся. Не думаю, чдо они смогут в дверь войти.

Джо улыбнулся Карлу и оглядел церковь. К счастью, был июль, дни стояли длинные. У них хватило времени, чтобы навести порядок. Пол был вымыт, распятие починено и водружено на свое место, как и большая часть картин с изображением стояний крестного пути. Зев обнаружил их под скамьями, взял те, которые не были испорчены до неузнаваемости, и повесил на стены. Стены были усеяны множеством новых крестов. Карл нашел молоток и гвозди и соорудил несколько дюжин крестов из обломков скамей.

— Нет. Не думаю, что им понравятся новые украшения. Но ты можешь достать для нас кое-что, если удастся, Карл. Огнестрельное оружие. Пистолеты, винтовки, дробовики, все, из чего можно стрелять.

Карл медленно кивал:

— Знаю несколько парней, которые с этим могут помочь.

— И немного вина. Немного красного вина, если у кого-то осталось.

— Получите его.

Он поспешил прочь.

— Ты что, планируешь последний бой Кастера? [62]— поинтересовался Зев, прибивавший к восточной стене кресты Карла.

— Скорее битву при Аламо. [63]

— Результат тот же, — ответил Зев с характерным пожатием плеч.

Джо вернулся к чистке алтаря. Он занимался этим делом уже больше часа. Он взмок от пота и знал, что от него пахнет, как от медведя, но не мог бросить работу, пока алтарь не станет чистым.

Прошел еще час, и он был вынужден сдаться. Бесполезно. Это никогда не отчистить. Вампиры, должно быть, что-то проделали с кровью и прочей гадостью, и смесь эта глубоко впиталась в камень.

Джо сел на пол, прислонился спиной к алтарю и позволил себе отдохнуть. Ему не нравилось отдыхать, потому что в это время он мог размышлять. А когда он начинал размышлять, то осознавал, как ничтожны его шансы дожить до завтрашнего утра.

По крайней мере, он умрет сытым. Их тайный поставщик оставил им на обед у дверей свежего жареного цыпленка. При одном воспоминании о еде рот Джо наполнялся слюной. Кто-то явно очень обрадовался его возвращению.

Но, по правде говоря, каким бы он ни был несчастным, он не был готов к смерти. Ни сегодня ночью, ни когда-либо еще. Он не жаждал Аламо

или Литл-Бигхорна. Все, чего он хотел, — это задержать вампиров до рассвета. Одну ночь не позволить им войти в церковь Святого Антония. И все. Это будет посвящением — его посвящением. Если он найдет возможность воткнуть кол в гнилое сердце Пальмери, тем лучше, но на это он не рассчитывал. Одну ночь. Просто чтобы дать им понять, что они не могут делать все, что им угодно, где угодно и когда угодно. Сегодня ночью на его стороне внезапность, так что, возможно, это сработает. Одну ночь. А потом он отправится своей дорогой.

— Что, мать вашу, вы сделали?

Услышав вопль, Джо поднял голову. Тучный длинноволосый мужчина в джинсах и фланелевой рубашке стоял в вестибюле, уставившись на частично восстановленный неф. Когда он подошел поближе, Джо заметил серьгу в форме полумесяца.

Предатель.

Джо сжал кулаки, но не пошевелился.

— Эй, я с вами говорю, мистер. Это ваших рук дело?

Ответом ему был лишь ледяной взгляд, и он обернулся к Зеву.

— Эй ты! Жид! Ты какого дьявола ты делаешь? — Он начал наступать на Зева. — А ну давай снимай эти поганые кресты…

— Только тронь его, и я тебя пополам разорву, — тихо предупредил Джо.

Вишист внезапно остановился и уставился на него:

— Ты, козел! Ты что, чокнутый? Ты знаешь, что сделает с тобой отец Пальмери, когда придет?

— Отец Пальмери? Почему ты продолжаешь звать его так?

— Он хочет, чтобы его так называли. И он назовет тебя трупом, когда появится здесь!

Джо поднялся на ноги и взглянул на вишиста исподлобья. Человек отступил на два шага, внезапно потеряв свою самоуверенность.

— Передай ему, что я буду его ждать. Скажи, что отец Кэйхилл вернулся.

— Ты поп? Не похож.

— Заткнись и слушай. Скажи ему, что отец Кэйхилл вернулся и зол как черт. Скажи именно так. А теперь выметайся отсюда, пока цел.

Человек развернулся и шмыгнул в наступающую тьму. Джо взглянул на Зева и увидел, что тот улыбается себе в бороду.

— Отец Кэйхилл вернулся и зол как черт. Мне нравится.

— Сделаем наклейку на бампер с такой надписью. А пока давай закроем двери. Сюда начали забредать криминальные элементы. Я поищу

еще свечей. Темнеет.

IX

Он облачился в ночь, как в смокинг.

Одетый в свежую сутану, отец Альберто Пальмери свернул с Каунтилейн-роуд и зашагал к церкви Святого Антония. Ночь была прекрасна, особенно потому, что принадлежала ему. Теперь все ночи в этой части Лейквуда принадлежали ему. Он любил ночь. Он чувствовал единство с нею, ощущал всю ее гармонию и диссонансы. Темнота заставляла его почувствовать себя таким живым. Странно — ему пришлось умереть, чтобы по-настоящему стать живым. Но это было так. Он нашел свою нишу, свое призвание.

Какой стыд — на это потребовалось так много времени. Все эти годы он пытался подавить свои наклонности, пытался быть членом их общества, проклиная себя после того, как давал волю своим аппетитам, как это все чаще происходило в конце его бренного существования. Он должен был полностью отдаться им давным-давно.

Лишь приход не-мертвых освободил его.

Подумать только — он боялся не-мертвых, каждую ночь в страхе прятался в подвале церкви, огородившись крестами. К счастью, он прятался не настолько тщательно, как ему казалось, и один из тех, кого он сейчас зовет братьями, смог подкрасться к нему в темноте, когда он задремал. Теперь он знал, что в результате этой встречи не потерял ничего, кроме крови.

А взамен получил весь мир.

Ведь теперь это был его мир! По крайней мере, этот уголок мира принадлежал ему, уголок, в котором он мог свободно делать все, что ему угодно. Кроме одного: у него не было выбора относительно крови. Это было новое стремление, более сильное, чем все остальные, и от него нельзя было избавиться. Но он не имел ничего против жажды крови. Он даже находил любопытные способы ее утоления.

Впереди показалась осквернённая церковь Святого Антония. Он полюбопытствовал: что припасли для него сегодня его слуги? У них было довольно богатое воображение. Они еще не успели утомить его.

Но, приблизившись к церкви, Пальмери замедлил шаг. По коже его побежали мурашки. Здание изменилось. Что-то было не так, что-то внутри. Что-то было неладно со светом, струившимся из окон. Это был не прежний,

знакомый свет свечей, это было что-то еще, что-то другое. От этого у него внутри все задрожало.

По улице к нему устремились фигуры. Живые люди. Ночное зрение позволило ему различить серьги и знакомые лица нескольких из его слуг. Когда они приблизились, он ощутил тепло их крови, пульсирующей под кожей. Его охватила жажда, и он подавил желание вонзить клыки в одного из них. Он не мог позволить себе такое удовольствие. Необходимо держать слуг в подвешенном состоянии, заставлять их работать на себя и свою группу. Вампиры нуждались в услугах живых предателей, чтобы устранить препятствия, которые «дичь» ставила на их пути.

— Отец! Отец! — кричали они.

Ему нравилось, когда они называли его «отцом», нравилось, будучи не-мертвым, одеваться, как один из врагов.

— Да, дети мои. Что за жертву приготовили вы для нас сегодня?

— Жертвы нет. Отец, у нас неприятности!

В глазах у Пальмери потемнело от гнева, когда он услышал о молодом священнике и иудее, которые осмелились попытаться снова превратить церковь Святого Антония в святое место. Услышав имя священника, он взорвался:

— Кэйхилл?! Джозеф Кэйхилл снова в моей церкви?!

— Он чистил алтарь! — сказал один из слуг.

Пальмери большими шагами направился к церкви, слуги засеменили следом. Он знал, что ни Кэйхилл, ни сам Папа Римский не смогут отчистить этот алтарь. Пальмери лично осквернил его; он научился проделывать это, став главарем группировки вампиров. Но что еще осмелился вытворить этот щенок?

Что бы это ни было, все необходимо исправить. Немедленно!

Пальмери взбежал по ступеням, распахнул правую створку — и завизжал от мучительной боли.

Свет! Свет! Свет! Белые копья пронзили глаза Пальмери и обожгли его мозг, словно две раскаленные кочерги. Его затошнило, и, заслонив лицо руками, он, шатаясь, отступил в прохладную, уютную темноту.

Прежде чем утихла боль, отступила тошнота и вернулось зрение, прошло несколько минут.

Он этого никогда не поймет. Он всю жизнь провел рядом с крестами и распятиями, окруженный ими. Но, превратившись в не-мертвого, он не может выносить их вида. Вообще-то с тех пор, как он стал вечно живым, он не видел ни одного креста. Крест перестал быть предметом. Это был свет, мучительно яркий свет, ослепительно белый свет, и смотреть на него было

просто пыткой. В детстве, в Неаполе, мать запрещала ему смотреть на солнце, но однажды, во время солнечного затмения, он взглянул прямо на сияющий диск. Боль при взгляде на крест оказалась в сотню, нет, в тысячу раз хуже. И чем больше было распятие, тем сильнее была боль.

Сегодня ночью, заглянув в церковь, он испытал жуткую боль. Это могло означать лишь одно: этот Джозеф, этот молодой мерзавец, восстановил огромное распятие. Это было единственное возможное объяснение.

Он набросился на своих слуг:

— Идите туда! Уберите это распятие!

— У них ружья!

— Тогда идите за подкреплением. Но уберите его!

— Мы тоже достанем ружья! Мы можем…

— Нет! Он мне нужен! Священник нужен мне живым! Я хочу оставить его для себя! Тот, кто его убьет, умрет очень мучительной смертью, и умрет не скоро! Ясно?

Все было понятно. Слуги, не ответив, поспешили прочь.

Пальмери отправился за остальными членами своей группы.

X

Джо, облаченный в сутану и стихарь, вышел из ризницы и направился к алтарю. Он заметил Зева на посту у одного из окон. Священник не стал говорить другу, как смешно тот выглядит с дробовиком, принесенным Карлом. Старый раввин держал ружье осторожно, словно оно было наполнено нитроглицерином и могло взорваться при малейшем движении.

Зев обернулся и улыбнулся при виде его:

— Вот теперь ты выглядишь как прежний отец Джо, которого мы все знаем.

Джо слегка поклонился ему и подошел к алтарю.

Все в порядке: у него было все, что нужно. У него был требник, найденный днем среди обломков скамей. У него было вино; Карл добыл около четырех унций кислого красного «барбароне». В одном из шкафов в святилище он обнаружил грязный стихарь и пыльную сутану и надел их. Облаток, однако, не нашлось. Придется обойтись коркой хлеба, оставшейся от завтрака. Потира тоже не было. Если бы он знал, что ему придется служить мессу, он запасся бы всем необходимым. В качестве последнего средства Джо воспользовался открывалкой, найденной в доме священника,

и отрезал верхнюю часть от одной из банок пепси, оставшихся от обеда. Никакого сравнения с золотым потиром, которым он пользовался со дня посвящения в сан, но более похоже на чашу, которой пользовался Иисус во время той первой мессы — Тайной вечери.

Ему не нравилось присутствие оружия в церкви Святого Антония, но выбора он не видел. Они с Зевом представления не имели об огнестрельном оружии, а Карл знал не многим больше; вероятно, попытайся они воспользоваться им, они причинят больше вреда себе, чем врагам. Но может быть, вид оружия немного отпугнет вишистов, заставит их поколебаться. Все, что ему нужно, — это пробыть здесь еще некоторое время, чтобы успеть провести освящение.

«Это будет самая необычная месса за всю историю», — подумал он.

Но он намеревался довести ее до конца, даже если потом его убьют. А это было вполне возможно. Эта месса может оказаться для него последней. Но Джо не боялся. Он был слишком возбужден, чтобы бояться. Он глотнул виски — лишь для того, чтобы унять дрожь, — но это не помогло утишить гул адреналина, от которого трепетала каждая клетка его тела.

Он разложил предметы на белой скатерти, принесенной из дома священника, чтобы закрыть грязный алтарь. Затем взглянул на Карла:

— Готов?

Карл кивнул и заткнул за пояс пистолет тридцать восьмого калибра, который проверял.

— Уже давно, одец. Мы это учили на уроках латыни, когда я был маленьким, но думаю, я смогу это провернуть.

— Просто постарайся как следует и не беспокойся насчет ошибок.

Месса. Осквернённый алтарь, сухарь вместо облатки, банка из под пепси — потир, пятидесятилетний служка с пистолетом за пазухой, и паства, состоящая из одинокого еврея-ортодокса с дробовиком.

Джо поднял взгляд к небесам.

«Ты ведь понимаешь, Господи, что все это устроено второпях?»

Время начинать.

Он прочел Евангелие, но обошелся без проповеди. Он попытался вспомнить, как обычно служат мессу, чтобы лучше согласовываться с запоздалыми ответами Карла. Во время приношения даров главные двери распахнулись и вошла группа людей — десять человек, у всех в ушах болтались серьги-полумесяцы. Уголком глаза он заметил, как Зев отошел от окна и двинулся к алтарю, направив на них свой дробовик.

Оказавшись в главном нефе и миновав сломанные скамьи, вишисты рассыпались по сторонам. Они начали срывать со стен изображения сцен

крестного пути и самодельные кресты Карла и ломать их на куски. Карл, стоявший на коленях, поднял взгляд на Джо; во взгляде его был вопрос, рука потянулась к пистолету за пазухой.

Джо покачал головой, не прерывая хода богослужения.

Когда все маленькие кресты были сорваны, вишисты устремились за алтарь. Джо, бросив быстрый взгляд через плечо, заметил, что они начали ломать починенное распятие.

— Зев! — негромко произнес Карл, кивая в сторону вишистов. — Останови их!

Зев взвел курок ружья. Звук разнесся по церкви. Джо услышал, что возня у него за спиной прекратилась. Он приготовился к выстрелу…

Но выстрела не последовало.

Он посмотрел на Зева. Старик встретился с ним взглядом и печально покачал головой. Он не мог сделать этого. Под аккомпанемент возобновившегося шума и язвительного смеха за спиной. Джо едва заметно кивнул Зеву, показывая свое одобрение и понимание, и поспешил закончить мессу и провести освящение.

Подняв вверх корку хлеба, он вздрогнул — гигантское распятие с грохотом рухнуло на пол, и сжался, услышав, как враги снова отрывают от креста недавно прикрепленные поперечины и руки.

Он воздел к небу руку с банкой из-под пепси, полной вина, а в это время вишисты с угрожающими криками и ухмылками окружили алтарь и нагло сорвали у него с шеи крест. Зев и Карл попытались было спасти свои кресты, но их одолели.

И тут появилась новая группа, и по коже Джо побежали мурашки. Их было по меньшей мере сорок, и все они были вампирами.

Во главе их шел Пальмери.

XI

Пальмери, скрывая неуверенность, приблизился к алтарю. Распятие и невыносимый белый свет, исходивший от него, исчезли, но что-то по-прежнему было не в порядке. Что-то пугало его, побуждало спасаться бегством. Что?

Возможно, это просто остаточный эффект распятия и всех этих крестов, которыми они облепили стены. Должно быть, так. К утру это тревожное ощущение пройдет. О да. Его ночные братья и сестры позаботятся об этом.

Он сосредоточил внимание на человеке у алтаря и рассмеялся, когда понял, что тот держит в руках.

— Пепси, Джозеф? Ты пытаешься превратить пепси в Кровь Христову? — Он обернулся к своим собратьям-вампирам. — Видели вы это, мои братья и сестры? Неужели мы должны бояться этого человека? И посмотрите, кто с ним! Старый еврей и приходской юродивый!

Он услышал их свистящий смех — они образовали полукруг у него за спиной, широкой дугой окружая алтарь. Еврей и Карл — он узнал Карла и удивился, каким образом ему удавалось так долго скрываться от них, — отступили за алтарь, став по бокам Джозефа. А Джозеф… его смазливое ирландское лицо побледнело и исказилось, рот образовал жесткую прямую линию. Он выглядит напуганным до смерти. И у него есть на это все основания.

Пальмери при виде отваги Джозефа подавил свой гнев. Он был рад, что молодой священник вернулся. Он всегда ненавидел его за легкость в обращении с людьми, за то, что прихожане толпами шли к нему со своими проблемами, — а ведь у него не было и сотой доли опыта их старшего и более мудрого настоятеля. Но с этим было покончено. Тот мир рухнул, и на месте его возник новый, ночной мир — мир Пальмери. И когда Пальмери покончит с отцом Джо, никто больше не сможет приходить к нему за советом. «Отец Джо» — как он ненавидел это имечко, с которым прихожане начали обращаться к этому сопляку. Что ж, сегодня ночью их отец Джо послужит неплохим развлечением. Похоже, это будет забавно.

— Джозеф, Джозеф, Джозеф, — произнес он, остановившись и улыбаясь молодому священнику, стоявшему по другую сторону алтаря. — Этот бесполезный жест так характерен для твоего заносчивого нрава.

Но Джозеф лишь окинул его яростным взглядом, и на лице его отразилась смесь пренебрежения и отвращения. И от этого гнев Пальмери вспыхнул с новой силой.

— Я вызываю у тебя неприязнь, Джозеф? Мой новый облик оскорбляет твою драгоценную ирландскую чувствительность, взращенную в пивной? Мое бессмертие тебе отвратительно?

— Тебе удалось вызвать у меня эти чувства еще при жизни, Альберто.

Пальмери позволил себе улыбнуться. Джозеф, вероятно, думает, что выглядит храбрецом, но дрожь в голосе выдала его страх.

— Всегда наготове быстрый ответ, Джозеф. Ты вечно считал, себя лучше меня, всегда ставил себя выше.

— В качестве совратителя несовершеннолетних — ни на дюйм выше.

Ярость Пальмери достигла предела:

— Великолепно. Какая самоуверенность. А как насчет твоих пристрастий, Джозеф? Тайных страстей? Каковы они? Тебе всегда удавалось справляться с ними? Неужели ты настолько совершеннее всех нас, что никогда не поддавался соблазну? Могу поклясться: ты думаешь, что, даже став одним из нас, сможешь победить стремление пить кровь.

По изменившемуся лицу Джозефа он увидел, что угодил в цель. Он подступил ближе, почти касаясь алтаря.

— Думаешь? Ты и в самом деле считаешь, что сможешь с этим справиться? Что ж, мы об этом позаботимся, Джозеф. К рассвету у тебя в жилах не останется ни капли крови, а когда взойдет солнце, тебе придется прятаться от его света. Снова придет ночь, и ты станешь одним из нас. А тогда все правила исчезнут. Ночь будет принадлежать тебе. Ты сможешь делать все, что угодно, все, что ты когда-либо желал. Но жажда крови будет преследовать тебя. Тебя не удовлетворит глоток крови твоего бога, которую ты так часто пил, ты будешь сосать человеческую кровь. Ты будешь жаждать горячей человеческой крови, Джозеф. И прежде всего тебе придется удовлетворить эту жажду. И я хочу быть рядом, когда это произойдет, Джозеф. Я хочу быть рядом, чтобы рассмеяться тебе в лицо, глядя, как ты пьешь алый нектар, и смеяться каждую ночь, глядя, как кровавая жажда уводит тебя в бесконечность.

Так оно и будет. Пальмери был уверен в этом так же твердо, как в своей собственной жажде. Он страстно желал дождаться того мгновения, когда сможет окунуть дорогого Джозефа лицом в грязь его собственного отчаяния.

— Я как раз собирался закончить богослужение, — холодно ответил Джозеф. — Ты не возражаешь, если я доведу мессу до конца?

На этот раз Пальмери не смог удержаться от смеха.

— Ты и впрямь думаешь, что эта тарабарщина сработает? Ты решил, что сможешь служить мессу на этом?

Протянув руку, он сорвал с алтаря скатерть; требник и хлебная корка полетели на пол, и открылась замаранная мраморная плита.

— Неужели ты возомнил, что сможешь провести Пресуществление [64]здесь? Ты веришь во всю эту чушь? В то, что хлеб и вино на самом деле превращаются в… — Он попытался произнести имя, но оно не давалось. — В тело и кровь Сына?

Один из членов банды вампиров, Фредерик, выступил вперед и с усмешкой склонился над алтарем.

— Пресуществление? — произнес он самым что ни на есть елейным голосом, выхватив из рук Джозефа банку из-под пепси. — Это значит, что

здесь кровь Сына?

Предупреждающий импульс пронесся в мозгу Пальмери. Что-то было такое в этой банке, что-то такое, из-за чего он не мог как следует сфокусировать на ней взгляд…

— Брат Фредерик, я считаю, тебе не следует…

Ухмылка Фредерика стала еще шире.

— Всегда мечтал отведать крови Бога.

Члены ячейки засмеялись свистящим смехом, глядя, как Фредерик подносит банку к губам и пьет.

И тут изо рта Фредерика возник столб невыносимо яркого света, сразив Пальмери. Внутренность черепа вампира засветилась, из его ушей, носа, глаз — изо всех отверстий в его голове — хлынули лучи чистого белого света. Свечение распространилось по его телу, проникло вниз: в глотку, грудь, брюшную полость, осветив изнутри ребра, и затем просочилось сквозь кожу. Фредерик расплавился на месте, его плоть задымилась, размякла и растеклась, словно горячая светящаяся лава.

Нет! Этого не может быть! Только не сейчас, когда Джозеф у него в руках!

Банка выпала из растворяющихся пальцев Фредерика и угодила на алтарь. Ее содержимое вытекло на грязную поверхность, и взгляду предстал еще один всплеск нестерпимого сияния, более мощный, чем предыдущий. Ослепительно яркий свет быстро распространялся по алтарю, стекал по бокам, двигаясь, словно живое существо, охватил весь камень и заставил его сиять, словно частичку огня, оторванную от самого Солнца.

И от света исходил обжигающий жар, который заставил Пальмери отступать все дальше и дальше, пока он не вынужден был повернуться и вслед за своими собратьями сломя голову бежать из церкви Святого Антония в прохладную, приятную, безопасную тьму за ее дверями.

XII

Пока вампиры спасались бегством в ночь, а вслед за ними — подхалимы-вишисты, Зев с любопытством, смешанным с отвращением, рассматривал лужу гниющих останков, которые только что были вампиром по имени Фредерик. Взглянув на Карла, он заметил на его лице застывшее выражение изумления. Зев дотронулся до алтаря — он стал чистым, свергающим, отчетливо была видна каждая прожилка на мраморной поверхности.

Здесь действовала страшная сила. Невероятно могущественная сила. Но это открытие не ободрило его, а, напротив, привело в уныние. Давно ли это происходит? Неужели так бывало во время каждой мессы? Как получилось, что он прожил целую жизнь, не имея об этом понятия?

Он обернулся к отцу Джо:

— Что произошло?

— Я… я не знаю.

— Чудо! — произнес Карл, проводя ладонью по поверхности алтаря.

— Чудо и переплавка, — сказал отец Джо. Подняв с пола банку из-под пепси, он заглянул внутрь. — Представь себе: ты заканчиваешь семинарию, принимаешь рукоположение, служишь бесчисленное количество месс — и веришь в Пресуществление. Но после всех этих лет увидеть его на самом деле…

Зев увидел, как он провел пальцем по банке и попробовал его на вкус. Он скорчил гримасу.

— В чем дело? — спросил Зев.

— Все равно это кислое «барбароне»… с привкусом пепси.

— Неважно, какой у него вкус. Если Пальмери и его приятели скрылись, то это стоящая вещь.

— Нет, — слегка улыбнувшись, отозвался священник. — Это кока-кола.

И они засмеялись. Шутка была не такая уж и смешная, но Зев обнаружил, что хохочет вместе с этими двумя. Это была скорее реакция после напряжения. Бока у него болели. Он вынужден был прислониться к алтарю, чтобы не упасть.

Однако возвращение вишистов умерило их веселье. Враги бросились в атаку, держа перед собой тяжелое пожарное одеяло. На этот раз отец Джо не стал безмолвно стоять и смотреть, как захватывают его церковь. Он обошел алтарь и встретил их лицом к лицу.

Он был величествен и ужасен в своем гневе. Его высокая фигура и поднятые кулаки на несколько мгновений остановили негодяев. Но затем они, должно быть, вспомнили, что их двенадцать, а он один, и ринулись в атаку. Взмахнув массивным кулаком, он ударил первого из нападающих прямо в челюсть. От удара человек взлетел в воздух и повалился на следующего. Оба рухнули на пол.

Зев упал на одно колено и потянулся за дробовиком. На этот раз, поклялся он себе, он воспользуется ружьем и перестреляет этих паразитов!

Но тут кто-то прыгнул ему на спину и придавил его к полу. Попытавшись приподняться, он увидел отца Джо в окружении врагов — он

размахивал кулаками, и с каждым ударом один из вишистов летел на землю. Но их было слишком много. Священник скрылся под грудой нападавших, и в этот момент тяжелый сапог ударил Зева в висок, и он провалился в темноту.

XIII

…Пульсирующая боль в голове, резь в щеке, и голос, свистящий, но грубый:

— Ну-ну, Джозеф. Очнись. Просыпайся. Не хочу, чтобы ты пропустил это!

Перед глазами возникло землистое лицо Пальмери; оно парило над ним, и улыбка его была похожа на оскал черепа. Джо попытался пошевелиться, но обнаружил, что связан по рукам и ногам. Правая рука ныла и раздулась вдвое: должно быть, он сломал кисть о челюсть вишиста. Подняв голову, он увидел, что растянут за руки и ноги на алтаре, покрытом пожарным одеялом.

— Мелодраматично, согласен, — произнес Пальмери, — но подходяще, как ты думаешь? Я хочу сказать: мы с тобой когда-то символически приносили в жертву нашего бога каждый будний день и по нескольку раз по воскресеньям, так что этот алтарь вполне может служить твоим жертвенником.

Джо закрыл глаза, борясь с приступом тошноты. Этого не может быть.

— Думал, ты победил? — Не дождавшись ответа, Пальмери продолжал: — Даже, если бы тебе удалось навсегда изгнать меня отсюда, чего бы ты этим добился? Сейчас нам принадлежит весь мир, Джозеф. Хозяева и стадо — вот какова расстановка сил. Мы — хозяева. И сегодня ночью ты присоединишься к нам. А он — нет. Voilá! [65]

Отступив, он картинным жестом указал в сторону балкона. Джо оглядел полутемное, освещенное лишь свечами помещение церкви, не зная еще, что он должен увидеть. Затем он различил фигуру Зева и застонал. Ноги старика были привязаны к перилам балкона; он висел головой вниз, налитое кровью лицо и полные ужаса глаза были обращены к Джозефу. Священник откинулся на спину и попытался натянуть веревки, но они не поддавались.

— Отпусти его!

— Что? И дать пропасть всей доброй, густой жидовской крови? Что ты! Ведь эти люди — избранники Божии! Они — лакомство!

— Мерзавец!

Если бы только он мог добраться до Пальмери, всего на минуту.

— Тсс, Джозеф. Только не в доме Божием. Еврею следовало быть поумнее и бежать вместе с Карлом.

Карл сбежал? Это хорошо. Бедняга, наверное, ненавидит себя за это и всю оставшуюся жизнь будет считать себя трусом, но он сделал все, что мог. Лучше остаться жить, чем умереть так, как Зев.

«Мы квиты, Карл».

— Но ты не волнуйся за своего раввина. Ни один из нас не дотронется до него. Он не заслужил права вступить в наши ряды. Чтобы выпустить из него кровь, мы воспользуемся бритвой. И когда он умрет, то умрет навсегда. Но ты — дело другое, Джозеф. О да, с тобой все будет по-другому. — Его улыбка стала еще шире. — Ты мой.

Джо хотел плюнуть Пальмери в лицо — не столько затем, чтобы выразить свое отвращение, сколько затем, чтобы скрыть страх, волнами накатывавший на него, — но не смог, во рту у него пересохло. При мысли о превращении в вампира он ослабел. Провести вечность, как… он бросил взгляд на сосредоточенные лица собратьев Пальмери, столпившихся под телом Зева… как они?

Он не станет таким, как они! Он этого не допустит!

Но что делать, если выбора у него нет? Что будет, если превращение сведет на нет жизнь, полную самопожертвования, и все подспудные страсти сорвутся с цепи, уничтожат все его представления о том, как нужно жить? Честь, справедливость, чистота, истина, порядочность, честность, любовь — вдруг эти основы его жизни превратятся в бессмысленный набор звуков?

Внезапно в мозгу родилась мысль.

— Предлагаю тебе сделку, Альберто, — сказал он.

— Едва ли возможно торговаться в твоем положении, Джозеф.

— А почему бы и нет? Ответь мне на такой вопрос: не-мертвые когда-нибудь убивают друг друга? То есть случалось ли одному из вас протыкать колом сердце другого вампира?

— Нет. Разумеется, нет.

— Ты уверен? Лучше бы ты убедился в этом наверняка, прежде чем привести в исполнение свой сегодняшний план. Потому что если меня насильно превратят в вампира, в голове у меня останется только одна мысль: найти тебя. И когда я тебя найду, то не стану загонять кол тебе в сердце; я прибью тебя за руки и ноги к сваям на Пойнт-Плезент, и там ты увидишь восход солнца и почувствуешь, как оно медленно превращает тебя

в головешку.

Улыбка Пальмери погасла.

— Это невозможно. Ты изменишься. Тебе захочется благодарить меня. Ты будешь удивляться, зачем сопротивлялся мне.

— Лучше убедись в этом как следует, Альберто… ради своего же блага. Потому что у меня будет целая вечность на то, чтобы выследить тебя. И я тебя найду. Я клянусь в этом на своей могиле. Подумай об этом.

— Думаешь, меня испугают пустые угрозы?

— Вот мы и посмотрим, пустые ли они. Но вот мое условие: отпусти Зева, и я оставлю тебя в покое.

— Тебе так дорог старый еврей?

— Он приходится мне тем, кого у тебя никогда не было при жизни и никогда не будет: он мой друг.

«И он вернул мне мою душу».

Пальмери наклонился ближе к нему, и Джозефа обдало смердящим тошнотворным дыханием.

— Друг? Как можно дружить с мертвецом? — С этими словами он выпрямился и обернулся к балкону. — Кончайте с ним! Немедленно!

Под яростные угрозы и мольбы Джозефа один из вампиров вскарабкался на кучу обломков, к Зеву. Зев не сопротивлялся. Джо увидел, как старик в ожидании конца закрыл глаза. Вампир протянул к нему руку с лезвием, и Джо подавил рыдание, полное горя, ярости и беспомощности. Он уже собирался зажмурить глаза, как вдруг заметил огненную арку, возникшую в одном из окон и пронесшуюся по воздуху. Огненный шар ударился о пол, раздался звон бьющегося стекла, ухнуло вырвавшееся на свободу пламя.

Джо приходилось слышать о подобных вещах, и он сразу же догадался, что видит перед собой «коктейль Молотова» в действии. Брызги горящего бензина попали на одежду ближайшего вампира, и тот принялся с воплями кружить по церкви, хлопая себя по пылающей одежде. Но его крики потонули в реве новых голосов — их была сотня, если не больше. Оглядевшись, Джо заметил людей — мужчин, женщин, подростков, — они карабкались в окна, прорывались через главную дверь. Женщины держали над головой кресты, мужчины вооружились длинными деревянными кольями — это были остро заточенные ручки от швабр, черенки грабель и лопат. Джо узнал большую часть лиц — эти люди годами посещали мессы, которые он служил здесь.

Прихожане церкви Святого Антония вернулись, чтобы потребовать обратно свою святыню.

— Да! — вскричал он, не зная, смеяться или плакать. Но при виде бешенства во взгляде Пальмери он рассмеялся: — Ты проиграл, Альберто!

Пальмери рванулся было к горлу своей жертвы, но, съежившись, отшатнулся: к алтарю подбежали женщина с высоко поднятым распятием и мужчина с колом — это были Карл и женщина, которую, как вспомнил Джо, звали Мэри О'Хара.

— Говорил же я, чдо вас не брошу, верно, одец? — воскликнул Карл, ухмыляясь и вытаскивая швейцарский нож с красной ручкой. Он начал перепиливать веревку у правого запястья Джо. — Верно?

— Именно так, Карл. Кажется, я сейчас при виде тебя обрадовался, как никогда в жизни. Но каким образом?…

— Я им сказал. Я обежал весь приход, из дома в дом. Я говорил, чдо у одца Джо неприядносди, чдо мы его бросили один раз, но вдорой раз не должны бросать. Он вернулся за нами, и мы должны вернудься за ним. Все просдо. И тогда они начали бегадь из дома в дом, и не успел я оглянуться, как у нас уже была маленькая армия. Мы пришли поддать им как следует, одец, извини меня за выражение.

— Поддайте всем, кому сможете, Карл.

Джо взглянул в остекленевшие от ужаса глаза Мэри О'Хара, которая поворачивалась из стороны в сторону, глядя вокруг; он заметил, как дрожит в ее руках распятие. В таком состоянии она мало кому может наподдать, но она здесь, Господь милосердный, она пришла сюда спасать его и церковь Святого Антония, несмотря на очевидный страх, переполнявший ее. Сердце его наполнилось любовью к этим храбрым людям и гордостью за них.

Освободив руки, Джо сел и взял у Карла нож. Перерезав веревки, стягивавшие его ноги, он оглядел церковь.

Самые старые и самые молодые из прихожан стояли на постах у окон и дверей, держа перед собой кресты, чтобы отрезать вампирам путь к отступлению, а в центре помещения царил хаос. Вопли, крики, время от времени выстрелы эхом отдавались от стен церкви Святого Антония. Люди втрое превосходили вампиров по численности; по-видимому, твари были ослеплены и приведены в замешательство присутствием такого количества крестов вокруг. Несмотря на сверхчеловеческую силу, им, похоже, действительно наподдали как следует. Несколько монстров, наколотых на деревяшки, уже корчились на полу. Джо наблюдал, как две женщины с распятиями в руках загнали вампира в угол. Тварь скрючилась, закрыв руками лицо, и какой-то мужчина с заостренной ручкой от граблей наперевес набросился на него и пронзил насквозь, словно копьем.

Но и часть прихожан, окровавленные, неподвижно лежали на полу — вампиры и вишисты тоже унесли с собой немало жертв.

Джо высвободил ноги и спрыгнул с алтаря. Он осмотрелся, ища Пальмери, — ему необходимо было найти Пальмери, — но жрец вампиров затерялся в суматохе. Джо поднял взгляд к балкону и увидел, что Зев по-прежнему висит там, пытаясь освободиться. Джо бросился через неф на помощь старику.

XIV

Зева раздражало, что он болтается здесь, словно салями в витрине гастрономического магазина. Он снова попытался согнуться вдвое, чтобы достать веревки, связывавшие его ноги, но не смог дотянуться. Он никогда не был силен в физических упражнениях; сидение прямо на полу всегда давалось ему с трудом, так неужели он решил, что сможет проделать такой сложный маневр, вися в воздухе вверх ногами? Он упал вниз, утомленный усилиями, и почувствовал, как кровь снова устремляется ему в голову. Перед глазами возник туман, в ушах зашумело, и ему показалось, что кожа на лице сейчас разлетится в клочья. Еще немного — и с ним случится удар или что похуже.

Вися вниз головой, он наблюдал за битвой, происходившей под ним, и с радостью видел, что вампиры терпят поражение. Эти люди — заметив среди них Карла, Зев понял, что они принадлежат к приходу Святого Антония, — были полны ярости, с дикой злобой нападали на вампиров. Месяцы сдерживаемого гнева и страха перед мучителями вылились в свирепую вспышку жестокости. Зрелище выглядело почти пугающим.

Внезапно он почувствовал, что его схватили за ногу. Кто-то развязывал узлы. Спасибо Тебе, Господи. Скоро он снова встанет на ноги. Веревки ослабли, и он решил, что должен, по крайней мере, попытаться помочь своему освободителю.

«Еще раз, — подумал Зев. — Попытаюсь еще раз».

Со стоном он приподнялся, напрягшись, вытянул руки, чтобы за что-нибудь схватиться. Из темноты возникла рука; он потянулся к ней. Но радость Зева сменилась жутким страхом, когда он ощутил ледяной холод пальцев, сжимавших его ладонь, с нечеловеческой силой тянувших его вверх, через балконные перила. Его едва не стошнило при виде ухмыляющегося лица Пальмери, показавшегося меньше чем в шести дюймах от его собственного.

— Это еще не конец, еврей, — негромко произнес он, и его зловонное дыхание проникло в нос и горло Зева, чуть не удушив его. — Мы еще посмотрим, кто кого!

Он почувствовал, как свободная рука Пальмери ткнула его в живот и ухватилась за пряжку пояса, а другая рука вцепилась в рубашку у шеи. И прежде чем он смог пошевельнуться или вскрикнуть, его подняли над полом и перебросили через перила балкона.

И дьявольский голос зашептал ему в ухо:

— Джозеф назвал тебя своим другом, еврей. Посмотрим, правду ли он говорил.

XV

Джо преодолел половину пути через неф, когда над творившимся внизу безумием разнесся голос Пальмери:

— Останови их, Джозеф! Останови их немедленно, или я сброшу твоего друга вниз!

Джо, взглянув вверх, обмер. Пальмери стоял, перегнувшись через ограждение балкона, отводя взгляд от нефа и появившихся в нем крестов. В вытянутых руках он держал Зева, и старик висел в воздухе над торчащими вверх обломками скамей, как раз над особенно длинной и острой щепкой, направленной прямо ему в спину. Зев переводил испуганный взгляд с Джо на гигантское копье внизу.

Джо услышал, что шум схватки вокруг него немного стих, затем бой прекратился — все взгляды были прикованы к сцене на балконе.

— Человек, напоровшись на деревянный кол, умирает точно так же, как и вампир! — крикнул Пальмери. — И так же быстро, если кол пронзает ему сердце. Но если проткнуть живот, то его ждет многочасовая агония.

В церкви Святого Антония воцарилась тишина; враги отступили в противоположные углы, и посредине остался один Джо.

— Чего ты хочешь, Альберто?

— Во-первых, уберите все эти кресты, чтобы я смог видеть!

Джо обернулся вправо, туда, где столпились его прихожане.

— Спрячьте их, — велел он. Поднялся недовольный ропот, и он добавил: — Не выпускайте их из рук, просто уберите из виду. Прошу вас.

Медленно, сначала один, затем остальные, люди спрятали кресты и распятия за спины и под пальто.

Слева послышалось облегченное шипение вампиров, вишисты

радостно зашумели. Услышав эти звуки, Джо почувствовал себя так, словно ему под ногти загоняли раскаленные иглы. Наверху Пальмери повернулся лицом к Джо и улыбнулся:

— Так-то лучше.

— Что тебе нужно? — спросил Джо, и внутри у него все перевернулось — он отлично знал, какой последует ответ.

— Предлагаю сделку, — отвечал Пальмери.

— Меня в обмен на него, я так полагаю? — произнес Джо.

Пальмери улыбнулся еще шире:

— Совершенно верно.

— Не надо, Джо! — вскрикнул Зев.

Пальмери грубо тряхнул старика. Джо услышал его слова: «Сиди тихо, еврей, не то я сломаю тебе позвоночник!» Затем вампир снова взглянул вниз, на Джо.

— Следующее, о чем я тебя попрошу, — вели своему сброду отпустить народ мой. [66]— Он рассмеялся и снова обратился к Зеву: — Слыхал, еврей? Цитата из Библии — Ветхий Завет, ни больше ни меньше!

— Договорились, — не задумываясь, ответил Джо.

Справа от него прихожане, все как один, задохнулись от изумления, и церковь Святого Антония наполнилась криками «Нет!» и «Вы не можете сделать этого!» Кто-то поблизости от него выкрикнул особенно громким голосом: «Это всего лишь вшивый еврей!»

Джо резко обернулся и узнал Джина Харрингтона, плотника. Он указал большим пальцем себе за спину, в сторону вампиров и их прислужников.

— Если судить по твоим словам, тебе скорее место среди них, Джин.

Харрингтон отступил на шаг и уставился себе под ноги.

— Простите, отец, — произнес он голосом, в котором слышалось рыдание. — Ведь вы только что вернулись к нам!

— Со мной все будет в порядке, — мягко ответил Джо.

И он был уверен в своих словах. Где-то глубоко в его сознании таилось убеждение, что он пройдет через это; если он сможет обменять себя на Зева и встретиться лицом к лицу с Пальмери, то выйдет победителем из этой игры или, по крайней мере, сыграет вничью. Теперь, когда он уже не был привязан подобно жертвенному ягненку, когда он был свободен, снова мог распоряжаться своими руками и ногами, он не мог представить себе смерть в руках собратьев Пальмери.

А кроме того, один из прихожан дал ему небольшое распятие. Он крепко сжимал его в пальцах.

Но сначала нужно освободить Зева. Это превыше всего. Он поднял взгляд на Пальмери.

— Хорошо, Альберто. Я иду к тебе.

— Подожди! — остановил его Пальмери. — Кто-нибудь, обыщите его.

Джо заскрежетал зубами, когда один из вишистов, жирный, немытый грубиян, вышел вперед и начал рыться у него в карманах. Джо уже подумал было, что сможет скрыть распятие, но в последний момент его заставили показать руки. Вишист ухмыльнулся в лицо Джо, выхватив у него из ладони крест и пряча его в карман.

— Теперь он чист! — крикнул толстяк и толкнул Джо в направлении вестибюля.

Джо помедлил. Ему предстояло спускаться в змеиную яму безоружным. Взгляд в сторону прихожан показал ему, что пути назад тоже нет.

Он продолжил идти, на ходу сжимая и разжимая напряженные, потные пальцы. У него есть еще шанс выбраться живым отсюда. Он слишком рассержен, чтобы умирать. Джо молился, чтобы, когда он окажется вблизи от бывшего настоятеля, тлевший внутри гнев на то, что Пальмери делал, когда еще был настоятелем, и на то, что совершил с церковью Святого Антония с тех пор, как перестал им быть, вырвался наружу и дал ему силы разорвать врага на кусочки.

— Нет! — крикнул сверху Зев. — Забудь обо мне! Ты начал здесь дело, ты должен довести его до конца!

Джо не обратил внимания на слова друга.

— Я иду, Альберто.

Отец Джо идет, Альберто. И он зол как черт. Действительно зол.

XVI

Зев чуть не свернул себе шею, наблюдая, как отец Джо скрывается под балконом.

— Джо! Вернись!

Пальмери снова встряхнул его.

— Брось это, старик. Джозеф никогда никого не слушал, а теперь он не будет слушать тебя. Он все еще верит в добродетель, честь и преданность, в победу добра и правды над тем, что он считает злом. Он придет сюда, полный готовности пожертвовать собой ради тебя, но в глубине души он уверен, что в конце концов победит. Но он ошибается.

— Нет! — вскрикнул Зев.

Но он сердцем чувствовал, что Пальмери прав. Как сможет Джо противостоять Пальмери, наделенному чудовищной силой, вампиру, который может держать Зева в воздухе так долго? Неужели его руки никогда не устанут?

— Да! — прошипел Пальмери. — Ему суждено проиграть, а мы победим. Мы победим по той же причине, что и всегда. Мы не позволяем такой глупой и преходящей вещи, как чувства, мешать нам действовать. Если бы там, внизу, мы побеждали, а ситуация была бы обратной… если бы Джозеф держал одного из моих собратьев над этой деревянной палкой, — неужели ты думаешь, что я сомневался бы хоть одну минуту? Секунду? Никогда! Вот почему Джозеф и эти люди боролись напрасно.

«Напрасно…» — подумал Зев.

Видимо, большая часть прожитых им лет была напрасной. И все его будущее. Сегодня ночью Джо умрет, а Зев останется жить, еврей с крестом на шее; все традиции ею прошлого растоптаны и преданы огню, а впереди — ничего, кроме огромной пустой бесконечной равнины, где ему суждено блуждать в одиночестве.

Со ступеней балкона послышался какой-то шум, и Пальмери повернул голову.

— Ах, это ты, Джозеф, — произнес он.

Зев не видел священника, но все равно крикнул:

— Уходи, Джо! Он обманет тебя!

— Кстати, об обмане, — сказал Пальмери, перегибаясь еще дальше через перила, в качестве предупреждения для Джо. — Надеюсь, ты не собираешься натворить каких-нибудь глупостей.

— Нет, — раздался усталый голос Джо откуда-то из-за спины Пальмери. — Никакого обмана. Втащи его на балкон и отпусти.

Зев не мог допустить этого. И внезапно он понял, что нужно сделать. Он изогнулся, схватил Пальмери за ворот сутаны, одновременно поднял ноги и уперся ступнями в один из столбиков перил. Пальмери обратил к нему встревоженное лицо, и Зев, собрав все свои силы, судорожным рывком оттолкнулся от перил, потянув за собой Пальмери. Священник-вампир потерял равновесие. Даже его огромная сила не могла помочь ему, и ноги его оторвались от пола. Зев увидел, как расширились от ужаса его бессмертные глаза, когда нижняя часть его тела перевалилась через ограждение. Они полетели вниз, и Зев обхватил Пальмери руками и прижал к себе его холодное и странно худое тело.

— Что случится со старым евреем, то случится и с тобой! — крикнул

он в ухо вампиру.

На мгновение перед ним возникло лицо пораженного ужасом Джо, стоявшего на вершине лестницы, он услышал его прощальное «нет!». Этот крик заглушил раздавшийся рядом вопль Пальмери, выкрикнувшего то же слово, затем все его тело содрогнулось от удара, позвоночник сломался, и рвущая на части, не поддающаяся описанию, невыносимая боль обожгла грудь. В какой-то миг он увидел, как деревянное острие пронзило его и Пальмери тела.

А потом он больше ничего не чувствовал.

Пока над ним смыкалась ревущая тьма, он думал: удалась ли его попытка, этот последний отчаянный, неразумный поступок. Он не хотел умирать, пока не узнает этого. Ему необходимо было знать…

Но затем все исчезло.

XVII

Джо кричал сам не зная что, свесившись через перила и глядя, как падает Зев, и подавился собственным криком, увидев, как окровавленный обломок скамьи прошел сквозь облаченную в сутану спину Пальмери прямо под ним. Он видел, как Пальмери извивался и вертелся, словно пронзенная острогой рыба, затем безвольно упал на неподвижное тело Зева.

Радостные крики смешались с воплями ужаса, и церковь снова огласилась шумом битвы, а Джо отвернулся от этого зрелища и упал на колени.

— Зев! — вслух простонал он. — Господь милосердный, Зев!

Заставив себя подняться на ноги, он, спотыкаясь, направился к лестнице, прошел через вестибюль и очутился в церкви. Вампиры и вишисты спасались бегством, настолько же пораженные и деморализованные смертью своего лидера, насколько эта смерть вдохновила прихожан. Медленно, но верно они отступали перед бешеным натиском людей. Но Джо едва обращал на все это внимание. Он пробрался к тому месту, где лежал Зев, пронзенный деревянным колом, под уже начинавшим разлагаться трупом Пальмери. Он поискал в остекленевших глазах старого друга признаки жизни, намек на пульс на его горле, под бородой, но все было напрасно.

— О Зев, тебе не нужно было делать этого. Не нужно было.

Внезапно его окружила толпа ликующих прихожан церкви Святого

Антония.

— Мы сделали эдо, одец Джо! — выкрикнул Карл; его лицо и руки были запятнаны кровью. — Мы их всех поубивали! Мы отвоевали нашу церковь!

— Благодаря человеку, который лежит здесь, — ответил Джо, указывая на Зева.

— Нет! — воскликнул кто-то. — Благодаря вам!

Слушая радостные крики, Джо покачал головой и ничего не ответил. Пусть порадуются. Они это заслужили. Они отвоевали крошечный кусочек своей планеты, клочок земли, не более. Небольшая победа, в этой войне она имеет так мало значения, но тем не менее это победа. Их церковь снова принадлежит им, по крайней мере сегодня ночью. И они намерены удерживать ее.

Хорошо. Но одну вещь нужно изменить. Если они хотят, чтобы их отец Джо остался с ними, им придется согласиться переименовать церковь.

Церковь Святого Зева.

Джо понравилось, как это звучит.

Знак вампира

Артур Конан Дойл

Артур Конан Дойлполагал, что самое значительное в его художественной прозе — это исторические романы «Майках Кларк» (1889), «Белый отряд» (1892) и «Сэр Найджел» (1906), а также сборник рассказов «Подвиги бригадира Жерара» (1896). Среди нехудожественных сочинений самыми важными писатель считал работы о спиритизме, изучением которого он с невероятным энтузиазмом занимался в последние двадцать лет своей жизни, посвятив этому львиную долю своего состояния и написав ряд больших и малых трудов на эту тему.

Думая так, он, несомненно, заблуждался, ибо высшим его литературным достижением был Шерлок Холмс — вероятно, самый знаменитый персонаж из всех, когда-либо созданных писательским воображением. Впервые он появился в «Этюде в багровых тонах» (1887), за которым вскоре последовал «Знак четырех» (1890). Ни одна из этих повестей, впрочем, не имела решающего значения для судьбы детективного жанра; лишь с публикацией в «Стрэнд мэгэзин» в июле 1891 года рассказа «Скандал в Богемии» самый известный в мире частный детектив по-настоящему обрел своего читателя. Появления каждой новой истории о Холмсе публика ожидала с таким нетерпением, что накануне выхода очередного номера журнала у киосков выстраивались очереди из сгоравших от любопытства читателей.

Одна из самых знаменитых холмсовских максим гласит: «Отбросьте все, что не могло иметь места, и останется один-единственный факт, который и есть истина». Этот принцип наглядно проиллюстрирован в нижеследующем рассказе.

«Вампир в Суссексе» впервые был напечатан в «Стрэнд мэгэзин» в январе 1924 года; позднее вошел в авторский сборник «Архив Шерлока Холмса» (Лондон: Джон Меррей, 1927).

Вампир в Суссексе (© Перевод Н. Дехтеревой.)

Холмс внимательно прочел небольшую, в несколько строк записку, доставленную вечерней почтой, и с коротким, сухим смешком, означавшим у него веселый смех, перекинул ее мне.

— Право, трудно себе представить более нелепую мешанину из современности и Средневековья, трезвейшей прозы и дикой фантазии. Что

вы на это скажете, Уотсон?

В записке стояло:

Олд-Джюри, 46
19 ноября
Касательно вампиров

Сэр!

Наш клиент мистер Роберт Фергюсон, компаньон торгового дома «Фергюсон и Мюирхед, поставщики чая» на Минсинг-лейн, запросил нас касательно вампиров. Поскольку наша фирма занимается исключительно оценкой и налогообложением машинного оборудования, вопрос этот едва ли относится к нашей компетенции, и мы рекомендовали мистеру Фергюсону обратиться к Вам.

У нас свежо в памяти Ваше успешное расследование дела Матильды Бриге.

С почтением, сэр,

Моррисон, Моррисон и Додд

— Матильда Бриге, друг мой Уотсон, отнюдь не имя молоденькой девушки, — проговорил Холмс задумчиво. — Так назывался корабль. В истории с ним немалую роль сыграла гигантская крыса, обитающая на Суматре. Но еще не пришло время поведать миру те события… Так что же нам известно о вампирах? Или и к нашей компетенции это не относится? Конечно, все лучше скуки и безделья, но, право, нас, кажется, приглашают в сказку Гримма. Протяните-ка руку, Уотсон, посмотрим, что мы найдем под буквой «В».

Откинувшись назад, я достал с полки за спиной толстый справочник. Кое-как приладив его у себя на колене, Холмс любовно, смакуя каждое слово, проглядывал собственные записи своих подвигов и сведений, накопленных им за долгую жизнь.

— «Глория Скотт»… — читал он. — Скверная была история с этим кораблем. Мне припоминается, что вы, Уотсон, запечатлели ее на бумаге, хотя результат ваших трудов не дал мне основания поздравить вас с успехом… «Гила, или Ядовитая ящерица»… Поразительно интересное

дело. «Гадюки»… «Виктория, цирковая прима»… «Виктор Линч, подделыватель подписей»… «Вигор, Хаммерсмитское чудо»… «Вандербильт и медвежатник»… Ага! Как раз то, что нам требуется. Спасибо старику — не подвел. Другого такого справочника не сыщешь. Слушайте, Уотсон: «Вампиры в Венгрии». А вот еще: «Вампиры в Трансильвании».

С выражением живейшего интереса он листал страницу за страницей, читая с большим вниманием, но вскоре отшвырнул книгу и сказал разочарованно:

— Чепуха, Уотсон, сущая чепуха. Какое нам дело до разгуливающих по земле мертвецов, которых можно загнать обратно в могилу, только вбив им кол в сердце? Абсолютная ерунда.

— Но, позвольте, вампир не обязательно мертвец, — запротестовал я. — Такими делами занимаются и живые люди. Я, например, читал о стариках, сосавших кровь младенцев в надежде вернуть себе молодость.

— Совершенно правильно. Здесь эти сказки тоже упоминаются. Но можно ли относиться к подобным вещам серьезно? Наше агентство частного сыска обеими ногами стоит на земле и будет стоять так и впредь. Реальная действительность — достаточно широкое поле для нашей деятельности, с привидениями к нам пусть не адресуются.

Полагаю, что мистера Роберта Фергюсона не следует принимать всерьез. Не исключено, что вот это письмо писано им самим, быть может, оно прольет свет на обстоятельства, явившиеся причиной его беспокойства.

Холмс взял конверт, пришедший с той же почтой и пролежавший на столе незамеченным, пока шло чтение первого письма. Он принялся за второе послание с веселой, иронической усмешкой, но постепенно она уступила место выражению глубочайшего интереса и сосредоточенности. Дочитав до конца, он некоторое время сидел молча, погруженный в свои мысли; исписанный листок свободно повис у него в пальцах. Наконец, вздрогнув, Холмс разом очнулся от задумчивости.

— Чизмен, Лемберли. Где находится Лемберли?

— В Суссексе, к югу от Хоршема.

— Не так уж далеко. Ну а что такое Чизмен?

— Я знаю Лемберли — провинциальный уголок. Сплошь старые, многовековой давности дома, носящие имена первых хозяев — Чизмен, Одли, Харви, Карритон; сами люди давно забыты, но имена их живут в построенных ими домах.

— Совершенно верно, — ответил Холмс сухо. Одной из странностей этой гордой, независимой натуры была способность с необычайной

быстротой запечатлевать в своем мозгу всякое новое сведение, но редко признавать заслугу того, кто его этим сведением обогатил. — К концу расследования мы, вероятно, узнаем очень многое об этом Чизмене в Лемберли. Письмо, как я и предполагал, от Роберта Фергюсона. Кстати, он уверяет, что знаком с вами.

— Со мной?

— Прочтите сами.

Он протянул мне письмо через стол. Адрес отправителя гласил: «Чизмен, Лемберли».

Я стал читать:

Уважаемый мистер Холмс!

Мне посоветовали обратиться к Вам, но дело мое столь деликатного свойства, что я затрудняюсь изложить его на бумаге. Я выступаю от имени моего друга. Лет пять тому назад он женился на молодой девушке, уроженке Перу, дочери перуанского коммерсанта, с которым познакомился в ходе переговоров относительно импорта нитратов. Молодая перуанка очень хороша собой, но ее иноземное происхождение и чуждая религия привели к расхождению интересов и чувств между мужем и женой, и любовь моего друга к жене стала несколько остывать. Он даже готов был считать их союз ошибкой. Он видел, что некоторые черты ее характера навсегда останутся для него непостижимыми. Все это было особенно мучительно потому, что эта женщина, по-видимому, необычайно любящая и преданная ему супруга.

Перехожу к событиям, которые надеюсь изложить точнее при встрече. Цель этого письма — лишь дать общее о них представление и выяснить, согласны ли Вы заняться этим делом. Последнее время жена моего друга стала вести себя очень странно, поступки ее шли совершенно вразрез с ее обычно мягким и кротким нравом. Друг мой женат вторично, и от первого брака у него есть пятнадцатилетний сын — очаровательный мальчик, с нежным, любящим сердцем, несмотря на то что несчастный случай еще в детстве сделал его калекой. Теперешняя жена моего друга дважды и без малейшего повода набрасывалась на бедного ребенка с побоями.

Один раз ударила его палкой по руке с такой силой, что от удара остался большой рубец.

Но все это не столь существенно по сравнению с ее отношением к собственному ребенку, прелестному мальчугану, которому не исполнилось и года. Как-то кормилица на несколько минут оставила его в детской одного. Громкий, отчаянный крик младенца заставил ее бегом вернуться назад. И тут она увидела, что молодая мать, прильнув к шейке сына, впилась в нее зубами: на шейке виднелась ранка, из нее текла струйка крови. Кормилица пришла в неописуемый ужас и хотела тотчас позвать хозяина, но женщина умолила ее никому ничего не говорить и даже заплатила пять фунтов за ее молчание. Никаких объяснений засим не последовало, и дело так и оставили.

Но случай этот произвел страшное впечатление на кормилицу. Она стала пристально наблюдать за хозяйкой и не спускала глаз со своего питомца, к которому испытывала искреннюю привязанность. При этом ей казалось, что и хозяйка, в свою очередь, непрерывно за ней следит — стоило кормилице отойти от ребенка, как мать немедленно к нему кидалась. День и ночь кормилица стерегла дитя, день и ночь его мать сидела в засаде, как волк, подстерегающий ягненка. Конечно, мои слова кажутся Вам совершенно невероятными, но, прошу Вас, отнеситесь к ним серьезно, быть может, от этого зависят и жизнь ребенка, и рассудок его отца.

Наконец наступил тот ужасный день, когда стало невозможно что-либо скрывать от хозяина. Нервы кормилицы сдали, она чувствовала, что не в силах выдержать напряжение, и во всем ему призналась. Отцу ребенка ее рассказ показался таким же бредом, каким он, вероятно, кажется и Вам. Мой друг никогда не сомневался, что жена искренне и нежно его любит и что, если не считать этих двух нападений на пасынка, она такая же нежная, любящая мать. Разве могла она нанести рану своему собственному любимому дитяти? Мой друг заявил кормилице, что все это ей померещилось, что ее подозрения — плод больного воображения и что он не потерпит столь злостных поклепов на свою жену. Во время их разговора раздался пронзительный детский крик. Кормилица вместе с хозяином кинулась в детскую. Представьте себе чувства мужа и отца,

когда он у видел, что жена, отпрянув от кроватки, поднимается с колен, а на шее ребенка и на простынке — кровь. С криком ужаса он повернул лицо жены к свету — губы ее были окровавлены. Сомнений не оставалось: она пила кровь младенца.

Таково положение дел. Сейчас несчастная сидит, запершись в своей комнате. Объяснения между супругами не произошло. Муж едва ли не потерял рассудок. Он, как и я, плохо осведомлен о вампирах, собственно, кроме самого слова, нам ровно ничего не известно. Мы полагали, что это всего-навсего нелепое, дикое суеверие, не имеющее места в нашей стране. И вдруг в самом сердце Англии, в Суссексе… Все эти происшествия мы могли бы обсудить завтра утром. Согласны ли Вы меня принять? Согласны ли употребить свои необычайные способности в помощь человеку, на которого свалилась такая беда? Если согласны, то, прошу Вас, пошлите телеграмму на имя Фергюсона (Чизмен, Лемберли), и к десяти часам я буду у Вас.

С уважением

P. S. Если не ошибаюсь, Ваш друг Уотсон и я однажды встретились в матче регби: он играл в команде Блэкхита, я — в команде Ричмонда. Это единственная рекомендация, которой я располагаю.

Роберт Фергюсон

— Отлично помню, — сказал я, откладывая письмо в сторону. — Верзила Боб Фергюсон, лучший трехчетвертной, каким могла похвастать команда Ричмонда. Славный, добродушный малый. Как это похоже на него — так близко принимать к сердцу неприятности друга.

Холмс посмотрел на меня пристально и покачал головой.

— Никогда не знаешь, чего от вас ожидать, Уотсон, — сказал он. — В вас залежи еще не исследованных возможностей. Будьте добры, запишите текст телеграммы: «Охотно беремся расследование вашего дела».

— «Вашего» дела?

— Пусть не воображает, что наше агентство — приют слабоумных. Разумеется, речь идет о нем самом. Пошлите ему телеграмму, и до завтрашнего дня оставим все эти дела в покое.

На следующее утро, ровно в десять часов, Фергюсон вошел к нам в комнату. Я помнил его высоким, поджарым, руки и ноги как на шарнирах,

плюс ко всему поразительное проворство, не раз помогавшее ему обставлять коллег из команды противника. Да, грустно встретить жалкое подобие того, кто когда-то был великолепным спортсменом, которого ты знавал в расцвете сил. Могучее, крепко сбитое тело как будто усохло, льняные волосы поредели, плечи ссутулились. Боюсь, я своим видом вызвал в нем те же чувства.

— Рад вас видеть, Уотсон, — сказал он. Голос у него остался прежний — густой и добродушный. — Вы не совсем похожи на того молодца, которого я перебросил за канат прямо в публику в «Старом Оленьем Парке». [67]Думаю, и я порядком изменился. Но меня состарили последние несколько дней. Из телеграммы я понял, мистер Холмс, что мне нечего прикидываться, будто я выступаю от имени другого лица.

— Всегда лучше действовать напрямик, — заметил Холмс.

— Согласен. Но поймите, каково это — говорить такие вещи о своей жене, о женщине, которой долг твой велит оказывать помощь и покровительство! Что мне предпринять? Неужели отправиться в полицию и все им выложить? Ведь и дети нуждаются в защите! Что же это с ней такое, мистер Холмс? Безумие? Или это у нее в крови? Сталкивались ли вы с подобными случаями? Ради всего святого, подайте совет. Я просто голову потерял.

— Вполне вас понимаю, мистер Фергюсон. А теперь сядьте, возьмите себя в руки и ясно отвечайте на мои вопросы. Могу вас заверить, что я далек от того, чтобы терять голову, и очень надеюсь, что мы найдем способ разрешить ваши трудности. Прежде всего скажите, какие меры вы приняли? Ваша жена все еще имеет доступ к детям?

— Между нами произошла ужасная сцена. Поймите, жена моя человек добрый, сердечный — на свете не сыщешь более любящей, преданной жены. Для нее было тяжким ударом, когда я раскрыл ее страшную, невероятную тайну. Она даже ничего не пожелала сказать. Ни слова не ответила мне на мои упреки — только глядит, и в глазах дикое отчаяние. Потом бросилась к себе в комнату и заперлась. И с тех пор отказывается меня видеть. У нее есть горничная по имени Долорес, служила у нее еще до нашего брака, скорее подруга, чем служанка. Она и носит жене еду.

— Значит, ребенку не грозит опасность?

— Миссис Мэйсон, кормилица, поклялась, что не оставит его без надзора ни днем ни ночью. Я ей полностью доверяю. Я больше тревожусь за Джека, я вам писал, что на него дважды было совершено настоящее нападение.

— Однако никаких увечий не нанесено?

— Нет. Но ударила она его очень сильно. Поступок вдвойне жестокий, ведь мальчик — жалкий, несчастный калека. — Обострившиеся черты лица Фергюсона как будто стали мягче, едва он заговорил о старшем сыне. — Казалось бы, несчастье этого ребенка должно смягчить сердце любого: Джек в детстве упал и повредил себе позвоночник. Но сердце у мальчика просто золотое.

Холмс взял письмо Фергюсона и стал его перечитывать.

— Кроме тех, кого вы назвали, кто еще живет с вами в доме?

— Две служанки, они у нас недавно. В доме еще ночует конюх Майкл. Остальные — это жена, я, старший мой сын Джек, потом малыш, горничная Долорес и кормилица миссис Мэйсон. Больше никого.

— Насколько я понял, вы мало знали вашу жену до свадьбы?

— Мы были знакомы всего несколько недель.

— А Долорес давно у нее служит?

— Несколько лет.

— Значит, характер вашей жены лучше известен горничной, чем вам?

— Да, пожалуй.

Холмс что-то записал в свою книжку.

— Полагаю, в Лемберли я смогу оказаться более полезным, чем здесь. Дело это, безусловно, требует расследования на месте. Если жена ваша не покидает своей комнаты, наше присутствие в доме не причинит ей никакого беспокойства и неудобств. Разумеется, мы остановимся в гостинице.

Фергюсон издал вздох облегчения.

— Именно на это я и надеялся, мистер Холмс. С вокзала Виктория в два часа отходит очень удобный поезд — если это вас устраивает.

— Вполне. Сейчас в делах у нас затишье. Я могу целиком посвятить себя вашей проблеме. Уотсон, конечно, поедет тоже. Но прежде всего я хотел бы уточнить некоторые факты. Итак, несчастная ваша супруга нападала на обоих мальчиков — и на своего собственного ребенка и на вашего старшего сынишку?

— Да.

— Но по-разному. Вашего сына она только избила.

— Да, один раз палкой, другой раз била прямо руками.

— Она вам объяснила свое поведение в отношении пасынка?

— Нет. Сказала только, что ненавидит его. Все повторяла: «Ненавижу, ненавижу…»

— Ну, с мачехами это случается. Ревность задним числом, если можно так выразиться. А как она по натуре — ревнивая?

— Очень. Она южанка, ревность у нее такая же яростная, как и любовь.

— Но мальчик — ведь ему, вы сказали, пятнадцать лет, и если физически он неполноценен, тем более, вероятно, высоко его умственное развитие, — разве он не дал вам никаких объяснений?

— Нет. Сказал, что это без всякой причины.

— А какие отношения у них были прежде?

— Они всегда друг друга недолюбливали.

— Вы говорили, что мальчик ласковый, любящий.

— Да, трудно найти более преданного сына. Он буквально живет моей жизнью, целиком поглощен тем, чем я занят, ловит каждое мое слово.

Холмс снова что-то записал себе в книжку. Некоторое время он сосредоточенно молчал.

— Вероятно, вы были очень близки с сыном до вашей второй женитьбы — постоянно вместе, все делили?

— Мы почти не разлучались.

— Ребенок с такой чувствительной душой, конечно, свято хранит память матери?

— Да, он ее не забыл.

— Должно быть, очень интересный, занятный мальчуган. Еще один вопрос касательно побоев. Нападение на младенца и на старшего мальчика произошло в один и тот же день?

— В первый раз — да. Ее словно охватило безумие, и она обратила свою ярость на обоих. Второй раз пострадал только Джек, со стороны миссис Мэйсон никаких жалоб относительно малыша не поступало.

— Это несколько осложняет дело.

— Не совсем вас понимаю, мистер Холмс.

— Возможно. Видите ли, обычно сочиняешь себе временную гипотезу и выжидаешь, пока полное знание положения вещей не разобьет ее вдребезги. Дурная привычка, мистер Фергюсон, что и говорить, но слабости присущи человеку. Боюсь, ваш старый приятель Уотсон внушил вам преувеличенное представление о моих научных методах. Пока я могу вам только сказать, что ваша проблема не кажется мне неразрешимой и что к двум часам мы будем на вокзале Виктория.

Был тусклый, туманный ноябрьский вечер, когда, оставив наши чемоданы в гостинице «Шахматная доска» в Лемберли, мы пробирались через суссекский глинозем по длинной, извилистой дороге, приведшей нас в конце концов к старинной ферме, владению Фергюсона, — широкому,

расползшемуся во все стороны дому, с очень древней средней частью и новехонькими боковыми пристройками. На остроконечной крыше, сложенной из хоршемского горбыля и покрытой пятнами лишайника, поднимались старые, тюдоровские трубы. Ступени крыльца покривились, на старинных плитках, которыми оно было вымощено, красовалось изображение человека и сыра — «герб» первого строителя дома. [68]Внутри под потолками тянулись тяжелые дубовые балки, пол во многих местах осел, образуя глубокие кривые впадины. Всю эту старую развалину пронизывали запахи сырости и гнили.

Фергюсон провел нас в большую, просторную комнату, помещавшуюся в центре дома. Здесь в огромном старомодном камине с железной решеткой, на которой стояла дата «1670», полыхали толстые поленья.

Осмотревшись, я увидел, что в комнате царит смесь различных эпох и мест. Стены, до половины обшитые дубовой панелью, относились, вероятно, к временам фермера-йомена, построившего этот дом в семнадцатом веке. Но по верхнему краю панели висело собрание со вкусом подобранных современных акварелей, а выше, там, где желтая штукатурка вытеснила дуб, расположилась отличная коллекция южноамериканской утвари и оружия — ее, несомненно, привезла с собой перуанка, что сидела сейчас запершись наверху, в своей спальне. Холмс быстро встал и с живейшим любопытством, присущим его необыкновенно острому уму, внимательно рассмотрел всю коллекцию. Когда он снова вернулся к нам, выражение лица у него было серьезное.

— Эге, а это что такое? — воскликнул он вдруг.

В углу в корзине лежал спаниель. Теперь собака с трудом поднялась и медленно подошла к хозяину. Задние ее ноги двигались как-то судорожно, хвост волочился по полу. Она лизнула хозяину руку.

— В чем дело, мистер Холмс?

— Что с собакой?

— Ветеринар ничего не мог понять. Что-то похожее на паралич. Предполагает менингит. Но пес поправляется, скоро будет совсем здоров, правда, Карло?

Опущенный хвост спаниеля дрогнул в знак согласия. Печальные собачьи глаза глядели то на хозяина, то на нас. Карло понимал, что разговор идет о нем.

— Это произошло внезапно?

— В одну ночь.

— И давно?

— Месяца четыре назад.

— Чрезвычайно интересно. Наталкивает на определенные выводы.

— Что вы тут усмотрели, мистер Холмс?

— Подтверждение моим догадкам.

— Ради бога, мистер Холмс, скажите, что у вас на уме? Для вас наши дела, быть может, всего лишь занятная головоломка, но для меня это вопрос жизни и смерти. Жена в роли убийцы, ребенок в опасности… Не играйте со мной в прятки, мистер Холмс. Для меня это слишком важно.

Высоченный регбист дрожал всем телом. Холмс мягко положил ему на плечо руку.

— Боюсь, мистер Фергюсон, при любом исходе дела вас ждут впереди новые страдания, — сказал он. — Я постараюсь щадить вас, насколько то в моих силах. Пока больше ничего не могу добавить. Но надеюсь, прежде чем покинуть этот дом, сообщить вам что-то определенное.

— Дай-то бог! Извините меня, джентльмены, я поднимусь наверх, узнаю, нет ли каких перемен.

Он отсутствовал несколько минут, и за это время Холмс возобновил свое изучение коллекции на стене. Когда наш хозяин вернулся, по выражению его лица было ясно видно, что все осталось в прежнем положении. Он привел с собой высокую, тоненькую, смуглую девушку.

— Чай готов, Долорес, — сказал Фергюсон. — Проследи, чтобы твоя хозяйка получила все, что пожелает.

— Хозяйка больная, сильно больная! — выкрикнула девушка, негодующе сверкая глазами на своего господина. — Еда не ест, сильно больная. Надо доктор. Долорес боится быть одна с хозяйка, без доктор.

Фергюсон посмотрел на меня вопросительно.

— Очень рад быть полезным.

— Узнай, пожелает ли твоя хозяйка принять доктора Уотсона.

— Долорес поведет доктор. Не спрашивает можно. Хозяйка надо доктор.

— В таком случае я готов идти немедленно.

Я последовал за дрожащей от волнения девушкой по лестнице и дальше, в конец ветхого коридора. Там находилась массивная, окованная железом дверь. Мне пришло в голову, что если бы Фергюсон вздумал силой проникнуть к жене, это было бы ему не так легко. Долорес вынула из кармана ключ, и тяжелые дубовые створки скрипнули на старых петлях. Я вошел в комнату, девушка быстро последовала за мной и тотчас повернула ключ в замочной скважине.

На кровати лежала женщина, несомненно, в сильном жару. Она была в

забытьи, но при моем появлении вскинула на меня свои прекрасные глаза и смотрела, не отрываясь, со страхом. Увидев, что это посторонний, она как будто успокоилась и со вздохом снова опустила голову на подушку. Я подошел ближе, сказал несколько успокаивающих слов; она лежала не шевелясь, пока я проверял пульс и температуру. Пульс оказался частым, температура высокой, однако у меня сложилось впечатление, что состояние женщины вызвано не какой-либо болезнью, а нервным потрясением.

— Хозяйка лежит так один день, два дня. Долорес боится, хозяйка умрет, — сказала девушка.

Женщина повернула ко мне красивое пылающее лицо.

— Где мой муж?

— Он внизу и хотел бы вас видеть.

— Не хочу его видеть, не хочу… — Тут она как будто начала бредить: — Дьявол! Дьявол!.. О, что мне делать с этим исчадием ада!..

— Чем я могу помочь вам?

— Ничем. Никто не может помочь мне. Все кончено. Все погибло… И я не в силах ничего сделать, все, все погибло!..

Она явно находилась в каком-то непонятном заблуждении; я никак не мог себе представить милягу Боба Фергюсона в роли дьявола и исчадия ада.

— Сударыня, ваш супруг горячо вас любит, — сказал я. — Он глубоко скорбит о случившемся.

Она снова обратила на меня свои чудесные глаза.

— Да, он любит меня. А я, разве я его не люблю? Разве не люблю я его так сильно, что готова пожертвовать собой, лишь бы не разбить ему сердца?… Вот как я его люблю… И он мог подумать обо мне такое… мог так говорить со мной…

— Он преисполнен горя, но он не понимает.

— Да, он не в состоянии понять. Но он должен верить!

— Быть может, вы все же повидаетесь с ним?

— Нет, нет! Я не могу забыть те жестокие слова, тот взгляд… Я не желаю его видеть. Уходите. Вы ничем не можете мне помочь. Скажите ему только одно: я хочу, чтобы мне принесли ребенка. Он мой, у меня есть на него права. Только это и передайте мужу.

Она повернулась лицом к стене и больше не произнесла ни слова.

Я спустился вниз. Фергюсон и Холмс молча сидели у огня. Фергюсон угрюмо выслушал мой рассказ о визите к больной.

— Ну, разве могу я доверить ей ребенка? — сказал он. — Разве можно поручиться, что ее вдруг не охватит опять то ужасное, неудержимое

желание… Разве могу я забыть, как она тогда поднялась с колен и вокруг ее губ — кровь?

Он вздрогнул, вспоминая страшную сцену.

— Ребенок с миссис Мэйсон, там он в безопасности, там он и останется.

Элегантная горничная, самое современное явление, какое мы доселе наблюдали в этом доме, внесла чай. Пока она хлопотала у стола, дверь распахнулась, и в комнату вошел подросток весьма примечательной внешности — бледнолицый, белокурый, со светло-голубыми беспокойными глазами, которые так и вспыхнули от волнения и радости, едва он увидел отца. Мальчик кинулся к нему, с девичьей нежностью обвил его шею руками.

— Папочка, дорогой! — воскликнул он. — Я и не знал, что ты уже приехал! Я бы вышел тебя встретить. Как я рад, что ты вернулся!

Фергюсон мягко высвободился из объятий сына; он был несколько смущен.

— Здравствуй, мой дружок, — сказал он ласково, гладя льняные волосы мальчика. — Я приехал раньше потому, что мои друзья, мистер Холмс и мистер Уотсон, согласились поехать со мной и провести у нас вечер.

— Мистер Холмс? Сыщик?

— Да.

Мальчик поглядел на нас испытующе и, как мне показалось, не очень дружелюбно.

— А где второй ваш сын, мистер Фергюсон? — спросил Холмс. — Нельзя ли нам познакомиться и с младшим?

— Попроси миссис Мэйсон принести сюда малыша, — обратился Фергюсон к сыну. Тот пошел к двери странной, ковыляющей походкой, и мой взгляд хирурга тотчас определил повреждение позвоночника. Вскоре мальчик вернулся, за ним следом шла высокая, сухопарая женщина, неся на руках очаровательного младенца, черноглазого, золотоволосого — чудесное скрещение рас, саксонской и латинской. Фергюсон, как видно, обожал и этого сынишку, он взял его на руки и нежно приласкал.

— Только представить себе, что у кого-то может хватить злобы обидеть такое существо, — пробормотал он, глядя на небольшой ярко-красный бугорок на шейке этого амура.

И тут я случайно взглянул на моего друга и подивился напряженному выражению его лица — оно словно окаменело, словно было вырезано из слоновой кости. Взгляд Холмса, на мгновение задержавшись на отце с

младенцем, был прикован к чему-то, находящемуся в другом конце комнаты. Проследив за направлением этого пристального взгляда, я увидел только, что он обращен на окно, за которым стоял печальный, поникший под дождем сад. Наружная ставня была наполовину прикрыта и почти заслоняла собой вид, и тем не менее глаза Холмса неотрывно глядели именно в сторону окна. И тут он улыбнулся и снова посмотрел на младенца. Он молча наклонился над ним и внимательно исследовал взглядом красный бугорок на мягкой детской шейке. Затем схватил и потряс махавший перед его лицом пухлый, в ямочках кулачок.

— До свидания, молодой человек. Вы начали свою жизнь несколько бурно. Миссис Мэйсон, я хотел бы поговорить с вами с глазу на глаз.

Они встали поодаль и несколько минут о чем-то серьезно беседовали. До меня долетели только последние слова: «Надеюсь, всем вашим тревогам скоро придет конец». Кормилица, особа, как видно, не слишком приветливая и разговорчивая, ушла, унеся ребенка.

— Что представляет собой миссис Мэйсон? — спросил Холмс.

— Внешне она, как видите, не очень привлекательна, но сердце золотое и так привязана к ребенку.

— А тебе, Джек, она нравится?

И Холмс круто к нему повернулся.

Выразительное лицо подростка как будто потемнело. Он затряс отрицательно головой.

— У Джека очень сильны и симпатии и антипатии, — сказал Фергюсон, обнимая сына за плечи. — По счастью, я отношусь к первой категории.

Мальчик что-то нежно заворковал, прильнув головой к отцовской груди. Фергюсон мягко его отстранил.

— Ну беги, Джекки, — сказал он и проводил сына любящим взглядом, пока тот не скрылся за дверью. — Мистер Холмс, — обратился он к моему другу, — я, кажется, заставил вас проехаться попусту. В самом деле, ну что вы можете тут поделать, кроме как выразить сочувствие? Вы, конечно, считаете всю ситуацию слишком сложной и деликатной.

— Деликатной? Безусловно, — ответил мой друг, чуть улыбнувшись. — Но не могу сказать, что поражен ее сложностью. Я решил эту проблему методом дедукции. Когда первоначальные результаты дедукции стали пункт за пунктом подтверждаться целым рядом не связанных между собой фактов, тогда субъективное ощущение стало объективной истиной. И теперь можно с уверенностью заявить, что цель достигнута. По правде говоря, я решил задачу еще до того, как мы

покинули Бейкер-стрит, — здесь, на месте, оставалось только наблюдать и получать подтверждение.

Фергюсон провел рукой по нахмуренному лбу.

— Ради бога, Холмс, — сказал он хрипло, — если вы в чем-то разобрались, не томите меня. Как обстоит дело? Как следует поступить? Мне безразлично, каким путем вы добились истины, мне важны сами результаты.

— Конечно, мне надлежит дать вам объяснение, и вы его получите. Но позвольте мне вести дело согласно собственным моим методам. Скажите, Уотсон, в состоянии ли миссис Фергюсон выдержать наше посещение?

— Она больна, но в полном сознании.

— Прекрасно. Окончательно все выяснить мы сможем только в ее присутствии. Поднимемся наверх.

— Но ведь она не хочет меня видеть! — воскликнул Фергюсон.

— Не беспокойтесь, захочет, — сказал Холмс. Он начеркал несколько слов на листке бумаги. — Во всяком случае, у вас, Уотсон, есть официальное право на визит к больной. Будьте так любезны, передайте мадам эту записку.

Я вновь поднялся по лестнице и вручил записку Долорес, осторожно открывшей дверь на мой голос. Через минуту я услышал за дверью возгласы, одновременно радостные и удивленные. Долорес выглянула из-за двери и сообщила:

— Она хочет видеть. Она будет слушать.

По моему знаку Фергюсон и Холмс поднялись наверх. Все трое мы вошли в спальню. Фергюсон шагнул было к жене, приподнявшейся в постели, но она вытянула руку вперед, словно отталкивая его. Он опустился в кресло. Холмс сел рядом с ним, предварительно отвесив поклон женщине, глядевшей на него широко раскрытыми, изумленными глазами.

— Долорес, я думаю, мы можем отпустить… — начал было Холмс. — О, сударыня, конечно, если желаете, она останется, возражений нет. Ну-с, мистер Фергюсон, должен сказать, что человек я занятой, а посему предпочитаю зря время не тратить. Чем быстрее хирург делает разрез, тем меньше боли. Прежде всего хочу вас успокоить. Ваша жена прекрасная, любящая вас женщина, несправедливо обиженная.

С радостным криком Фергюсон вскочил с кресла.

— Докажите мне это, мистер Холмс, докажите, и я ваш должник по гроб жизни!

— Докажу, но при этом буду вынужден причинить вам новые

страдания.

— Все остальное безразлично, лишь бы была оправдана моя жена. По сравнению с этим ничто не имеет значения.

— В таком случае разрешите мне изложить вам ход моих умозаключений еще там, на Бейкер-стрит. Мысль о вампирах я почел абсурдной. В практике английской криминалистики подобные случаи места не имели. И в то же время, Фергюсон, вы действительно видели, как ваша жена отпрянула от кроватки сына, видели кровь на ее губах.

— Да, да.

— А вам не пришло в голову, что из ранки высасывают кровь не только для того, чтобы ее пить? Вам не вспоминается некая английская королева, которая высасывала кровь из раны для того, чтобы извлечь из нее яд?

— Яд?

— В доме, где хозяйство ведется на южноамериканский лад, должна быть коллекция оружия — инстинкт подсказал мне это прежде, чем я увидел ее собственными глазами. Мог быть использован, конечно, и какой-либо другой яд, но это первое, что пришло мне на ум. Когда я заметил пустой колчан возле небольшого охотничьего лука, я увидел именно то, что ожидал увидеть. Если младенец был ранен одной из его стрел, смоченных соком кураре или каким-либо другим дьявольским зельем, ему грозила неминуемая смерть, если не высосать яд из ранки.

И потом — собака. Тот, кто задумал пустить в ход такой яд, сперва непременно испытал бы его, чтобы проверить, не утратил ли он свою силу. Случая с собакой я не предвидел, но смысл его разгадал, и этот факт занял свое место в моем логическом построении.

Ну, теперь-то вы поняли? Ваша жена страшилась за младенца. Нападение произошло при ней, и она спасла своему ребенку жизнь. Но она не захотела открыть вам правду, зная, как сильно вы любите мальчика, зная, что это разобьет вам сердце.

— Джекки!..

— Я наблюдал за ним, когда вы ласкали младшего. Его лицо ясно отражалось в оконном стекле там, где закрытая ставня создавала темный фон. Я прочел на этом лице выражение такой ревности, такой жгучей ненависти, какую мне редко доводилось видеть.

— Мой Джекки!

— Отнеситесь к этому мужественно, Фергюсон. Особенно печально, что причина, толкнувшая мальчика на такой поступок, кроется в чрезмерной, нездоровой, маниакальной любви к вам и, возможно, к

покойной матери. Душу его пожирает ненависть к этому великолепному ребенку, чье здоровье и красота — прямой контраст с его собственной немощностью.

— Боже правый! Просто невозможно поверить!

— Я сказал правду, сударыня?

Женщина рыдала, зарывшись лицом в подушки. Но вот она повернулась к мужу.

— Как могла я рассказать тебе это, Боб? Нанести тебе такой удар! Я предпочла ждать, пока чьи-нибудь другие уста, не мои, откроют тебе истину. Когда этот джентльмен — он настоящий маг и волшебник — написал, что все знает, я так обрадовалась!

— Мой рецепт юному Джекки — год путешествия по морю, — сказал Холмс, поднимаясь со стула. — Одно мне не совсем ясно, сударыня. Ваш гнев, обрушившийся на Джекки, вполне понятен. И материнскому терпению есть предел. Но как вы решились оставить младенца на эти два дня без своего надзора?

— Я надеялась на миссис Мэйсон. Она знает правду, я ей все сказала.

— Так я и предполагал.

Фергюсон стоял возле кровати, дыхание у него прерывалось, протянутые к жене руки дрожали.

— Теперь, Уотсон, я полагаю, нам пора удалиться со сцены, — шепнул мне Холмс. — Если вы возьмете не в меру преданную Долорес за один локоток, я возьму ее за другой. Ну-с, — продолжал он, когда дверь за нами закрылась, — я думаю, мы можем предоставить им самим улаживать свои отношения.

Мне осталось лишь познакомить читателя с еще одной запиской — Холмс отправил ее в ответ на то послание, с которого этот рассказ начался. Вот она:

Бейкер-стрит
21 ноября
Касательно вампиров

Сэр!

В ответ на Ваше письмо от 19 ноября сообщаю, что я взял на себя ведение дела мистера Роберта Фергюсона из торгового дома «Фергюсон и Мюирхед, поставщики чая» на Минсинг-лейн, и

расследование оного дела дало удовлетворительные результаты.

С благодарностью за рекомендацию остаюсь, сэр, Ваш покорный слуга

Шерлок Холмс

Сэбайн Бэринг-Гулл

Сэбайн Бэринг-Гулд(1834–1924), сын сквайра и внук адмирала из Северного Девона, унаследовал имение размером 3000 акров. Получив звание магистра искусств в Кларк-колледже Кембриджского университета, он стал викарием в городке Хорбери (графство Йоркшир); там он влюбился в одну из прихожанок — прелестную 16-летнюю работницу, которой дал образование и которая в 1868 году стала его женой. В этом браке родилось пятнадцать детей, а само преображение неграмотной юной девушки вдохновило Джорджа Бернарда Шоу на создание «Пигмалиона», сюжет которого позднее лег в основу мюзикла «Моя прекрасная леди».

Хотя скучноватые и набожные романы Бэринг-Гулда сегодня забыты, репутация писателя успешно выдержала проверку временем благодаря его вкладу в сохранение английских народных песен и религиозным гимнам, которые он создал, — таким как заслуженно знаменитые «Христово воинство, вперед!» и «Этот день настал».

Как это ни странно для священника и создателя религиозных сочинений, он также является автором работ по средневековой мифологии, таких как «Книга оборотней» и «Примечательные мифы Средневековья», за которыми последовало несколько серьезных трудов об ужасном и сверхъестественном в культуре.

Рассказ «Мертвый палец» был впервые опубликован в авторском сборнике «Книга привидений» (Лондон: Метуэн, 1904).

Мертвый палец (© Перевод С. Теремязевой.)

I

Не могу объяснить, почему Национальная галерея менее популярна, чем, скажем, Британский музей. В Британском музее не так уж много экспонатов, интересных обычному посетителю. Что этот посетитель понимает в первобытных кремневых инструментах и отметках на костях? Или в ассирийской скульптуре? В египетских иероглифах? Древнегреческие и римские статуи холодны и мертвы, а картины Национальной галереи светятся красками и полны жизни. И все же по ее залам бродят лишь отдельные зевающие личности, тогда как Британский

музей осаждают толпы любителей древностей, готовые часами бродить по залам, обсуждая время создания и предназначение экспонатов, о которых не имеют ни малейшего понятия.

Я думал об этом однажды утром, сидя в одном из залов картинной галереи на Трафальгарской площади, где находится богатейшее собрание полотен английских мастеров. В то же время мой мозг сверлила другая мысль. Я уже обошел залы зарубежной живописи и сейчас находился там, где висели полотна Рейнольдса, Морланда, Гейнсборо, Констебля и Хогарта. Утро выдалось солнечное, однако ближе к полудню на город опустился темно-коричневый туман, и стало почти невозможно рассмотреть картины и различить оттенки красок. Я очень устал и, опустившись на стул, погрузился в раздумья. Во-первых, я размышлял о том, почему Национальная галерея недостаточно популярна; во-вторых, почему у британской школы живописи не было начального периода, как у школы итальянской или голландской? Живопись, рожденная на Апеннинском полуострове или во Фландрии, развивалась медленно и постепенно, как дитя, и мы можем проследить все этапы ее становления. С английской живописью дело обстоит иначе. Она появляется внезапно, во всей своей зрелой красе. Кто творил до Рейнольдса, Гейнсборо и Хогарта? Картины, висящие в наших домах, подписаны именами знаменитых иностранных художников. Мы украшаем стены портретами кисти Гольбейна, Кнеллера, Ван Дейка и Лели, цветочными натюрмортами Моннуайе. Пейзажи, портреты — все это наносное, привозное. Как так получилось? Неужели у нас не было своих художников? Неужели мода погубила нашу зарождавшуюся живопись, как она погубила в зародыше становление нашего музыкального искусства?

Здесь было о чем подумать. Я погрузился в грезы и рассеянно глядел сквозь коричневую дымку на хогартовский портрет Лавинии Фентон в роли Полли Пичем, не задаваясь вопросом, как эта холодная красота могла в течение тридцати лет возбуждать страстную любовь герцога Болтонского. К действительности меня вернуло странное поведение одной дамы. Как и я, дама сидела на стуле, дожидаясь, когда рассеется туман.

Сначала я не обратил на нее внимания. Я и сейчас не могу припомнить, как она выглядела. Помню только, что она была среднего возраста и одета очень скромно, но прилично. Меня отвлекло от размышлений не ее лицо или платье — я обратил внимание на ее странное поведение.

Она сидела спокойно и безразлично, а потом, обведя глазами зал и не обнаружив ничего интересного среди живописных полотен, принялась

изучать меня. Это мне очень не понравилось. Конечно, и кошка может смотреть на короля, а внимание дамы лестно для любого мужчины, однако меня смутило не удовлетворенное тщеславие, а сознание того, что мой вид вызвал у незнакомки сначала изумление, затем легкую тревогу и, наконец, неописуемый ужас.

Ни один мужчина не будет спокойно сидеть, опершись подбородком на ручку зонтика, когда на него взволнованно смотрит красивая дама, пусть даже не очень молодая и не слишком модно одетая. Однако любой мужчина забеспокоится, если во взгляде этой дамы виден ужас.

В чем дело? Я провел рукой по подбородку и верхней губе, проверяя — что было вполне возможно, — не забыл ли я побриться утром, хотя как она могла разглядеть это в таком тумане, оставалось для меня загадкой. Надо сказать, что я порой пренебрегаю бритьем, когда живу в деревне, но в городе — никогда.

Затем в голову пришла другая мысль: не испачкался ли я в чем-то? Может быть, копоть, плавающая в черном лондонском воздухе, похожем на густой гороховый суп, осела мне на нос? Поспешно вынув из кармана шелковый носовой платок, я смочил слюной его уголок и провел по носу и обеим щекам. Затем скосил глаза на даму, проверяя, успокоили ли ее мои действия.

И тут я понял, что ее широко раскрытые глаза смотрят не на мое лицо, а на мою ногу.

Моя нога! Господи боже, что в ней страшного? Утро выдалось пасмурное, ночью шел дождь, и я, признаюсь, слегка подвернул штанины, чтобы не замочить брюки. Обычная вещь, ничего такого, что могло бы заставить даму замереть от ужаса.

Если дело только в этом, я могу и поправить брючины.

Но тут дама быстро встала и пересела на другой стул, подальше, не отрывая взгляда от меня — точнее, от моей ноги на уровне колена. Ее зонтик упал на пол, но она не обратила на это внимания. Вцепившись в сиденье стула, дама старалась отодвинуться как можно дальше.

Мои мысли и чувства пришли в такое смятение, что я позабыл и об истоках английской школы живописи, и об интересе публики к Британскому музею, и о крайней непопулярности Национальной галереи.

Наверное, меня обрызгал проехавший по Оксфорд-стрит кеб, предположил я и поспешно провел рукой по ноге, уже испытывая раздражение, как вдруг моя рука наткнулась на что-то холодное и влажное. Сердце чуть не выпрыгнуло у меня из груди, я вздрогнул и шагнул вперед. Этого дама не выдержала — она с воплем вскочила, замахала руками и

вылетела из зала, забыв про зонтик.

В зале в это время находились посетители. Услышав крик, все обернулись и с удивлением посмотрели вслед даме.

Ко мне подошел охранник и спросил, что случилось. Я был так взволнован, что не сразу нашел слова для ответа. Я сказал, что и сам не понимаю, в чем дело, что дама вела себя весьма странно и нужно забрать ее зонтик, поскольку она непременно за ним вернется. Расспросы охранника раздосадовали меня, поскольку не дали возможности немедленно узнать причину переполоха. Мне нужно было выяснить, что так напугало даму, и проверить свою ногу, поскольку я все время чувствовал, как по ней что-то ползет.

Я изнемогал от отвращения, но не мог просто стряхнуть то, что прикасалось ко мне. Мне казалось, что мои руки испачканы, и я мучительно хотел их вымыть, чтобы избавиться — если это возможно — от ощущения какой-то мерзости, приставшей ко мне.

Я опустил глаза и взглянул на свою ногу — ничего. Тогда я подумал наверное, вставая со стула, я махнул полой пальто, и тварь забралась туда. Я быстро снял пальто, несколько раз встряхнул его и вновь осмотрел брюки. На них не было ничего, и ничего не выпало из пальто.

Еще раз внимательно осмотрев одежду, я спешно покинул галерею и почти побежал на вокзал Черинг-Кросс, оттуда — по узкой улочке к зданию отеля «Метрополитен», где разыскал банно-парикмахерское заведение Фолкнера и попросил принести мне побольше горячей воды и мыла. Сунул руку в таз с горячей, насколько можно вытерпеть, водой и принялся изо всех сил тереть кожу карболовым мылом, после чего столь же тщательно оттер ногу, особенно с той стороны, где находился странный предмет. В тот вечер я собирался пойти в театр, а также заказать обратный билет на поезд, однако теперь мне было не до театров. Меня подташнивало от отвращения, стоило вспомнить прикосновение холодной твари. Зайдя в ресторан Гатти, я сделал заказ — не помню, что именно, но когда официант принес кушанья, я почувствовал, что ничего не хочу. Я не мог проглотить ни кусочка, еда вызывала во мне отвращение. Отодвинув тарелки, я сделал несколько глотков кларета, вышел из ресторана и отправился к себе в отель.

Чувствуя себя слабым и разбитым, я швырнул пальто на диван и повалился на кровать.

Трудно объяснить почему, но я упорно не сводил глаз с пальто.

Туман рассеялся, вокруг посветлело — не слишком, но достаточно для лондонца, так что можно было разглядеть свою комнату, словно скрытую за темной завесой.

Не думаю, что меня занимали какие-то мысли. Обычно мой мозг отключается и засыпает только в одном случае — когда я пересекаю Канал, направляясь из Дувра в Кале. Меня укачивает в любую погоду, и тогда я полностью лишаюсь способности мыслить. Но сейчас, валяясь на постели, больной и жалкий, я впал в такое же состояние. Однако длилось это недолго.

Ибо я увидел нечто такое, что заставило меня потерять дар речи.

Сначала мне показалось, что карман пальто слегка оттопырился. Я не обратил на это внимания, решив, что пальто сползает с дивана на пол и его полы шевелятся. Однако вскоре я понял, что это не так. Что-то явно пыталось выбраться из кармана наружу. Оно поднималась все выше, шевеля ткань, но в последний момент испугалось и повернуло назад. Движение выдавали складки материи: мне было хорошо видно, как некое существо медленно передвигается под пальто.

«Это же мышь, — решил я и сразу забыл о плохом настроении. Мне стало интересно. — Вот негодница! Как ей удалось забраться ко мне в карман? А я-то носил пальто все утро!»

Но нет, это была не мышь. Сначала из кармана показалось что-то белое, затем оттуда вывалилось все существо целиком. Что это такое, я не мог понять.

Крайне заинтригованный, я приподнялся на локте. От этого движения скрипнула кровать. В тот же миг на пол что-то упало; немного полежав, оно ожило и, как червяк, поползло по полу.

Есть гусеница, которая называется «землемерка»: при движении она то складывается пополам, образуя петлю, то вновь распрямляется во всю длину. То, что ползло по моему полу, перемещалось именно таким способом. По цвету оно напоминало сырного червяка трех с половиной дюймов в длину. Вместе с тем оно совсем не походило на гусеницу: у гусеницы тело гибкое, может гнуться в любом месте, а это существо словно состояло из двух частей, одна больше другой. Я замер от удивления, молча разглядывая существо, тихо ползущее по ковру — блеклому зеленому ковру с рисунком из темно-зеленых, почти черных цветов.

Мне показалось, что конец тела этого создания поблескивает — очевидно, там была его голова. Однако в комнате стоял полумрак, и определить точно, что это такое, было невозможно. Кроме того, существо все время двигалось.

Но вскоре я испытал потрясение не меньшее, чем при появлении загадочной твари из кармана. Я понял, что находится у меня перед глазами: это палец, человеческий палец, а блестящий кончик, который я принял за

голову гусеницы, это ноготь!

Не похоже, чтобы это был ампутированный палец. На месте сустава не было никаких следов крови или порезов. Основание пальца, так сказать, его корень, скрывала какая-то дымка, так что я не мог определить, откуда он растет.

Не было видно ни руки, ни тела, которому принадлежал этот еле живой палец. В нем не чувствовалось циркуляции крови, но он упорно полз по ковру в сторону платяного шкафа, стоявшего у стены возле камина.

Вскочив с кровати, я хотел подойти к пальцу, но он как будто испугался, пополз быстрее и скрылся под шкафом. Я зажег спичку и заглянул под шкаф, стоявший на ножках высотой около двух дюймов, однако ничего не увидел.

Я достал зонтик и попытался нашарить что-то под шкафом, но не вытащил ничего, кроме хлопьев пыли.

II

На следующий день я упаковал чемодан и вернулся домой, в деревню. Всякое желание развлекаться в городе пропало, а вместе с ним исчезло и желание заниматься делами.

Я чувствовал вялость и болезненное беспокойство; голова была как в тумане. Мысли путались, я не мог сосредоточиться. Временами мне казалось, что я теряю рассудок или нахожусь на грани серьезного заболевания. И все же, здоровый или больной, я стремился домой, ибо дом был моим единственным прибежищем. Когда я вошел, слуга, как обычно, взял у меня чемодан и отнес наверх, в мою комнату. Он снял с чемодана ремни, но распаковывать не стал, поскольку я не люблю, когда посторонний копается в моем любимом чемодане фирмы «Глэдстоун». Нет, я ничего не скрывал — просто потом мне пришлось бы долго искать нужную вещь. По части одежды я давно перестал сопротивляться — камердинер убирал ее туда, куда считал нужным, и знал лучше меня, где что лежит. Но помимо фрака и смены белья я вожу с собой письма, бумаги, книги, и разбираться в них должен я сам. У слуг есть один весьма скверный недостаток — они кладут бумаги и книги в такие места, что потом их приходится искать полдня. Поэтому, несмотря на скверное настроение и дурное самочувствие, свой чемодан я распаковывал сам. Разбирая вещи, я неожиданно заметил, что замочек на коробке для воротничков сломан, крышка слегка приподнята, а в коробке что-то лежит. Я немедленно

вытащил коробку, чтобы проверить, не испорчены ли воротнички, как вдруг в ней что-то зашевелилось, выпрямилось и скакнуло на пол, как попрыгунчик, после чего быстро поползло прочь — уже знакомым мне способом.

Я ни минуты не сомневался — это тот самый палец. Видимо, он переехал вместе со мной из Лондона в деревню.

Где он спрятался, я не знал. У меня не было сил об этом думать.

Когда наступил вечер, я взял книгу, устроился в своем любимом кресле и попытался углубиться в чтение. Я устал — от поездки, от беготни по городу, от беспокойства и страха, вызванного моим странным видением. Я чувствовал себя совершенно опустошенным. Не в силах понять, о чем идет речь в книге, я почувствовал, что засыпаю. Когда книга с шумом упала на пол, я вздрогнул и проснулся. Не уверен, что сон в кресле можно считать здоровым. После такого сна я просыпаюсь с тяжелой головой и потом долго не могу прийти в себя. Пять минут сна на кровати стоят получаса в кресле, как говорил мой личный опыт. Когда спишь сидя, голова находится в неудобном положении — либо откидывается назад, либо заваливается набок. Ее постоянно приходится поднимать, чтобы она находилась на одной линии с телом, через которое проходит центр тяжести, иначе голова перевешивает, тело искривляется, и человек может выпасть из кресла и свалиться на пол.

Несмотря на эти сложности, я спал спокойно, поскольку неимоверно устал. Меня разбудило ощущение холода, продвигающегося от горла к сердцу. Проснувшись, я обнаружил, что лежу по диагонали, прижав правое ухо к правому плечу, словно подставляя горло. Вот туда он и подобрался — туда, где пульсировала яремная вена. В том месте я ощутил ледяное прикосновение. Встряхнувшись, я повел левым плечом и потер шею. На пол что-то упало — тот самый палец.

С ужасом и отвращением я заметил, что он торопливо тащит что-то за собой. Мне показалось, это старый чулок или что-то в этом роде.

В комнату заглянуло вечернее солнце, и его золотой луч осветил тварь, копошившуюся на полу. И тогда я рассмотрел, что тащил за собой палец. Это трудно описать, но я попробую.

Сам палец состоял из твердой материи; то, что он тащил за собой, имело смутные, расплывчатые очертания. Палец был соединен с человеческой кистью, не до конца, так сказать, воплощенной, кисть же соединялась с полупрозрачной рукой, а рука — с телом в еще менее материальном, парообразном состоянии. Все это и тащил за собой палец, как гусеница-шелкопряд, вытягивающая нить своей паутинки. Я видел ноги

и руки, голову, даже фалды фрака; все это то появлялось, то исчезало, соединялось и сливалось в неясной дымке. У тела не было ни костей, ни мышц, у него вообще не было очертаний: конечности крепились к туловищу, лишенному позвоночника, однако они были не нужны, поскольку телом управлял палец, волочивший за собой скопление разнообразных отростков.

Все парообразное вещество пребывало в хаотическом движении, так что порой — не могу утверждать, но у меня создалось подобное впечатление — из ноздри этого существа выглядывал глаз, а из уха свешивался язык.

Тело-зародыш я видел лишь мгновение; не могу подобрать другого определения для этого призрачного, нематериального вещества. Я разглядел его в свете солнечного луча. Потом оно попало в тень и сразу пропало, на виду остался лишь ползущий по полу палец.

После этого у меня уже не осталось ни моральных, ни физических сил, чтобы встать, наступить на палец и впечатать его каблуком в пол. У меня вообще не осталось никаких сил. Что случилось с тем пальцем — куда он уполз, где спрятался, — я так и не знаю. Я сидел в кресле, оглушенный, застывший, и глядел в пространство.

— Простите, сэр, — произнес у меня над ухом чей-то голос, — пришел мистер Скуэр, инженер-электрик.

— Что? — Я не сразу понял, о чем идет речь.

Мой камердинер стоял уже возле двери.

— Сэр, пришел один джентльмен и спрашивает, нельзя ли ему осмотреть дом. Он хочет проверить проводку.

— О да, конечно. Пожалуйста, проводите его ко мне.

III

Некоторое время назад я доверил заботу об освещении своего дома одному умному человеку — мистеру Скуэру, инженеру-электрику, моему давнему и искреннему другу.

Недалеко от дома он поставил навес, где установил динамо-машину. Прокладку проводов он поручил своим помощникам, поскольку был завален заказами и не мог лично следить за каждой мелочью. И все же он не любил пускать дело на самотек, а электричество, как известно, не игрушка. Недостаточно умелые или безалаберные рабочие часто делают плохую обмотку проводов или забывают установить свинцовые прокладки,

служащие предохранительным клапаном на случай слишком высокого напряжения. Сгоревшие дома, погибшие от удара током люди — все это результат небрежности и непрофессионализма электриков.

Прокладка проводов в моем доме только что завершилась, и мистер Скуэр пришел лично убедиться в том, что все в порядке.

Он обожал свое дело и был убежден, что у электричества огромные перспективы, которые трудно себе даже представить.

— Все виды энергии, — говорил он, — связаны между собой. Если вы обладаете энергией в одной форме, вы можете превратить ее в другую, какую пожелаете. Например, в движущую силу, свет или тепло. Скажем, у нас есть электричество, и мы используем его для освещения дома. Прекрасно, однако мы пока не умеем использовать его так, как это делают в Штатах — там уже появились экипажи на электрической тяге. Почему наши омнибусы тащат лошади? Давно пора пустить электрические трамваи. Почему мы сжигаем уголь, чтобы согреться? Ведь есть электричество, не порождающее этого черного вонючего угольного дыма. Почему мы не используем энергию приливов и отливов на Темзе? Сама природа дала нам в руки богатство — бесплатно, в неограниченном количестве! — которое мы можем использовать для передвижения, освещения, обогрева. Скажу больше, дорогой сэр: я упомянул только три вида энергии и привел всего три способа использования электричества. А как насчет фотографии? А театр? Держу пари, — добавил мистер Скуэр, — в скором времени электричество будут использовать и в медицине.

— Ну да, я уже слышал о мошенниках — предлагали чудо-пояса, якобы от всех болезней.

На этот небольшой выпад с моей стороны мистер Скуэр не отреагировал. Слегка поморщившись, он продолжал:

— Но мы не умеем управлять электричеством, вот в чем наша проблема. Я этим не занимаюсь, но другие обязательно займутся, я уверен. Тогда мы будем пользоваться электричеством так же свободно, как порошками и таблетками. Честно говоря, я не очень-то доверяю врачам. Я считаю, что болезнь одолевает человека, когда у него не хватает физических сил ей противостоять. Теперь вы понимаете, что нас берутся лечить не с того конца? Нам нужна энергия, позволяющая компенсировать недостаток нашей собственной физической энергии, а энергия едина, для чего бы она ни использовалась — для движения, освещения или как-то еще. Не понимаю, почему врачи не задействовали силу приливов под Лондонским мостом для лечения тех, кто потерял силы, став жертвой беспорядочной жизни нашей столицы? Я уверен, скоро этим обязательно

займутся. Но и это еще не все. Энергия едина, везде и всюду. Политические силы, моральные, физические, динамическая сила, энергия тепла, света, приливов и отливов — все это единая энергия. Пройдет совсем немного времени, и мы научимся применять электричество и энергию моральных сил для излечения больной надломленной души, для очищения нечистой совести или обуздания грязных желаний. Настанет век новой, современной цивилизации. Не знаю, как этого добиться. Не знаю, как добьются этого другие, но уверен, что в будущем священник и врач будут использовать электричество в качестве своего главного — нет, единственного — помощника. Они будут получать энергию отовсюду — из водных потоков, из ветра, из волн. Я расскажу вам одну историю, — продолжал мистер Скуэр, посмеиваясь и потирая руки, — чтобы на простом примере показать великие возможности электричества. В одном большом американском городе, более современном, чем Нью-Йорк, городской транспорт был электрическим, повсюду протянулись трамвайные провода. Профсоюз трамвайной компании однажды потребовал у хозяев уволить всех, кто не состоял в профсоюзе. Правление отказалось и уволило самих членов профсоюза, чьи места были немедленно заняты людьми из резерва компании. Профсоюзным боссам это не понравилось, и они уговорились в определенный день и час перерезать все провода. Узнав об этом от своих осведомителей, компания распорядилась в три раза увеличить напряжение в сетях. В час «икс» забастовщики принялись перерезать кабель, но закончилось это для них очень быстро и плачевно. Множество людей попадали вниз, сломали ребра, руки, ноги, а двое или трое свернули шеи. Думаю, компания поступила очень великодушно, не увеличив напряжение так, чтобы превратить забастовщиков в обуглившиеся головешки, — общественное мнение такого могло бы не оценить. Но забастовка прекратилась. Огромный моральный эффект — и все благодаря электричеству.

Вот такие байки любил рассказывать мистер Скуэр. Мне было с ним интересно, и я уже подумывал о том, что в его словах и в самом деле что-то есть. Он не занимался пустой болтовней. И теперь, когда слуга ввел в комнату мистера Скуэра, я очень обрадовался. Но у меня не нашлось сил, чтобы встать с кресла и пожать ему руку. Слабым голосом я поздоровался и знаком предложил моему другу сесть. Мистер Скуэр удивленно взглянул на меня.

— Господи боже, что случилось? — спросил он. — Вы плохо выглядите. Надеюсь, не подхватили флюшку?

— Что, простите?

— Инфлюэнцу. Сейчас каждый третий вопит, что у него инфлюэнца. Эвкалипт раскупают тоннами, хотя какой от него толк? Что он может сделать с вирусами инфлюэнцы, скажите на милость? А вы, сударь, как-то сдали. Что с вами случилось?

Я молчал, размышляя, стоит ли ему рассказывать о том, что со мной приключилось. Но Скуэр не привык ходить вокруг да около. Он был настойчив и прям, а потому не прошло и десяти минут, как он вытянул из меня все.

— Подумать только, ползающий палец, — сказал он. — Что и говорить, зрелище не для слабонервных. Странная история.

Скуэр замолчал и о чем-то задумался.

Через несколько минут он встал и сказал:

— Пойду проверю проводку, а заодно обмозгую ваше положение. Может быть, я что-нибудь соображу. Обожаю такие штуки.

Мистер Скуэр не был американцем, но он долго прожил в Америке и иногда разговаривал, как настоящий янки. Используя их словечки и выражения, он никогда не подражал гнусавому американскому говору. В остальном он никогда не испытывал никакого желания покрасоваться, американская речь была его единственной невинной слабостью.

Этот человек серьезно относился к своему делу, и я приготовился к долгому ожиданию. Разумеется, он проверит каждую деталь генератора, все соединения и разъемы. На это должно уйти несколько часов. День близился к концу. Я знал, что сегодня Скуэр не успеет закончить работу, и распорядился приготовить ему комнату. Голова у меня раскалывалась, кожа горела огнем. Я велел камердинеру извиниться перед мистером Скуэром и сообщить ему, что я не выйду к обеду, а лягу в постель — скорее всего, у меня инфлюэнца.

Камердинер — толковый парень, служивший мне уже шесть лет, — внимательно посмотрел на меня и спросил, не послать ли за доктором. Я не доверял местному лекарю, но не хотел обижать его, посылая за врачом из города, да и болезнь могла отступить, поэтому я отказался. В конце концов, в инфлюэнце я разбирался не хуже любого врача. Хинин, и еще раз хинин, — вот и все лечение. Я велел слуге поставить на столик маленькую лампу, чтобы ночью я мог отыскать стакан с соком, носовой платок или часы. Когда все было сделано, он ушел.

Я лежал в постели. Мое тело пылало, голова раскалывалась, глаза слезились.

Не знаю, что произошло дальше: может быть, я уснул, а может быть, начал сходить с ума или потерял сознание. Я плохо помню, что было после

того, как я улегся в постель и выпил немного лимонного сока — у него оказался какой-то мыльный привкус. Внезапно я почувствовал резкую боль в боку, которая нарастала медленно, но неотвратимо. Острая, режущая, мучительная боль. Я наполовину забылся или задремал, но при этом сознавал: со мной что-то происходит. Боль была вполне реальной, и воображение рисовало мне огромного червя, прогрызающего путь у меня между ребер. Мне казалось, что я его вижу. Вот он совершил вращательное движение, описал полукруг, вернулся в первоначальное положение, снова описал полукруг, действуя скорее как шило, а не бурав, который полностью поворачивается вокруг своей оси.

Скорее всего, это был бред, галлюцинация, поскольку я лежал неподвижно, глядя на тот конец кровати, где лежали сбитые в кучу покрывало, одеяло и простыни. Однако в лихорадке человек видит все, что происходит вокруг него, во всех направлениях и даже сквозь предметы.

Не в силах больше терпеть, я вскрикнул и с усилием перевернулся на правый бок, пронизанный болью. И сразу почувствовал: шило, протыкавшее мои ребра, мгновенно исчезло.

Я увидел, что возле кровати стоит некая фигура, медленно вытаскивающая свою руку из-под моей простыни. Рука вынырнула из-под простыни и задержалась на стеганом одеяле, вытянув указательный палец.

Это была призрачная фигура мужчины в лохмотьях, с бледным злым узколобым лицом, с волосами, подстриженными на французский манер, и темными усами. Его щеки и подбородок покрывала щетина, словно человек не брился недели две. Полупрозрачная фигура была соткана из белесой дымки, бледное лицо, казалось, как будто расплывалось. Увидев, что я на него смотрю, призрак отпрянул от кровати. Теперь я ясно видел только руку — по-видимому, единственную осязаемую часть этого существа. Однако фигура больше не тянулась за пальцем, цепляясь за него, наоборот — она приобрела плотность, консистенцию, которой не было раньше.

Как и куда она исчезла, я не знаю. В этот момент открылась дверь, и в комнату вошел Скуэр.

— Ну надо же! — весело воскликнул он. — Все-таки инфлюэнца?

— Не знаю… по-моему, снова тот палец.

IV

— Знаете что? — сказал Скуэр. — Мне до черта надоели выходки этого паразита. Ну-ка, рассказывайте все по порядку.

Я был так слаб, так разбит, что едва смог собрать последние силы и поведать Скуэру о случившемся. Чтобы помочь мне, он стал задавать наводящие вопросы, выделяя основные моменты. Затем мысленно сложил их воедино — и получил полное представление обо всем, что произошло со мной за последнее время.

— Одна деталь, — сказал он, — сразу обращает на себя внимание. Сначала появился палец, затем рука, а потом все целое тело, призрачная фигура, соединенная с рукой, правда, без костей. И наконец, полная форма, материальное осязаемое тело с позвоночником и прочим. Но пока это желеобразная масса, у которой материальна только одна часть — палец. Что мы видим? Мы видим, что одновременно с процессом медленной материализации этого существа происходит ухудшение вашего здоровья, словно тварь вытягивает из вас жизненные силы. То, что теряете вы, она получает путем прямого контакта с вами. Это вам понятно?

— Возможно… не знаю. У меня нет сил, чтобы думать.

— Еще бы! Из вас вытянули саму способность мыслить. Ладно, за вас буду мыслить я. Энергия едина, и мы еще посмотрим, сумею ли я справиться с вашим гостем, как трамвайной компании удалось справиться с забастовщиками. Но это я так, к слову.

— Вы не могли бы подать мне стакан с лимонным соком? — жалобно попросил я.

Я сделал несколько глотков невероятно кислой жидкости, но лучше мне не стало. Я слушал Скуэра без всякой надежды. Мне хотелось одного: чтобы меня оставили в покое. Я устал от боли, устал от всего, даже от жизни. Мне было безразлично, поправлюсь я или умру.

— Скоро призрак вернется, — сказал инженер. — Как говорят французы, «l'appetit vient en mangeant». [69]Он навещал вас уже трижды, но этого ему не хватит — в отличие от вас. Думаю, что на этот раз он вас прикончит.

Мистер Скуэр потер подбородок и сунул руки в карманы брюк. Этому он тоже научился в Штатах — не слишком изысканная манера. Когда его руки не были чем-нибудь заняты, он непременно совал их в карманы брюк, словно их что-то туда притягивало. Дамы не любили мистера Скуэра и говорили, что он не джентльмен. Дело было не в том, что он говорил или делал что-то неприличное, — нет, просто в обществе дам он постоянно держал руки в карманах. Однажды я видел, как одна дама повернулась к нему спиной из-за этой его привычки.

Вот и сейчас, сунув руки в карманы, он внимательно разглядывал мою кровать.

— Старомодная и неудобная, — презрительно бросил он. — К тому же с балдахином. Зачем вам балдахин? Это очень нездорово.

Мне не хотелось вступать с ним в дискуссию. Лично мне нравится, когда у меня над головой висят тяжелые портьеры. На ночь я их не опускаю, но балдахин создает ощущение спокойствия и уединения. Если кровать стоит напротив окна, вам не надо вставать, чтобы задернуть шторы. К тому же вы укрыты от посторонних глаз. В пользу балдахинов можно сказать еще очень много, однако в тот момент это было неуместно.

Вытащив руки из карманов, мистер Скуэр стал производить какие-то манипуляции с электрическим проводом: закрепил один конец у меня над головой, протянул шнур по полу так, чтобы образовалась петля, а другой конец провода подсоединил к электрической кнопке и вложил ее мне в руку.

— Будьте внимательны, — сказал он, — спрячьте руку под одеяло. Если палец опять подберется к вам и начнет сверлить ребра, ткните в него этой штукой. Я буду стоять за занавеской и в нужный момент включу ток.

Он договорил и скрылся.

Не в силах думать ни о чем, кроме своего жалкого состояния, я даже не взглянул, где он спрятался. Я неподвижно лежал на кровати, закрыв глаза, с кнопкой в руке, страдал и осознавал только дикую боль в голове и спине, в паху и ногах.

Прошло какое-то время, прежде чем я почувствовал, что палец вновь взялся за мои ребра. На этот раз он не сверлил, а осторожно ощупывал. Теперь я чувствовал прикосновение руки, а не единственного пальца; рука была твердой, холодной и влажной. Не знаю откуда, но я знал как только кончик пальца окажется над моим сердцем, то есть подберется к левой стороне груди, рука накроет мое сердце и оно остановится, а я, говоря словами Скуэра, «откину копыта».

Чтобы спасти свою жизнь, я быстро вытащил из-под одеяла электрическую кнопку и прижал ее к руке призрака, вернее, к одному из его пальцев… Сразу раздался пронзительный, душераздирающий вопль. С усилием повернув голову, я увидел, что призрак — на этот раз уже не расплывчатая, а четкая фигура, — скрючившись от боли, тщетно пытается отдернуть руку, оторвать ее от электрического прибора.

В этот момент из-за занавески вышел Скуэр. Он коротко рассмеялся и сказал:

— Я так и думал. Он угодил в петлю, теперь никуда не денется. Давай, приятель, выкладывай, кто ты такой!

Последние слова он адресовал не мне, а призраку.

Скуэр попросил меня немного отодвинуть кнопку от руки призрака, или кто он там был, но приготовиться в любой момент пустить ее в ход. После чего он приступил к допросу моего гостя, который метался внутри петли, образованной проводом, но не мог вырваться. Призрак отвечал тонким писклявым голосом, доносившимся словно издалека, с жалобными нотками. Не стану пересказывать весь их разговор — я плохо его помню. Я был болен, и моя память страдала не меньше, чем мое тело. Но кое-что я запомнил. Вернее, эти слова мне потом пересказал Скуэр.

— Да, я неудачник. Мне никогда не везло. Все было против меня, весь мир. Общество. Ненавижу его, это общество. И работать я не хочу, потому что не люблю это занятие, никогда не любил. Мне нравится другое — разрушать то, что уже создано. Я ненавижу королевскую семью, общественные интересы, священников, ненавижу все, за исключением некоторых людей, причем исключительно безработных. Я всегда был таким. Я не мог найти работу по душе. Когда я умер, меня положили в дешевый гроб — самый дешевый, какой только был, — выкопали дешевую могилу, дешевый священник наскоро прочитал надо мной молитву, меня забросали землей и ушли, не поставив могильного камня. Ну и не надо! О, нас много таких, недовольных. Да, недовольных! Это превращается в страсть, проникает тебе в вены, наполняет мозг, стучится в сердце. Это как раковая опухоль, которая медленно пожирает человека, заставляя его ненавидеть все и всех. Но ничего, придет время, и мы получим свою долю счастья. Мы только того и ждем. Одни считают, что скоро на нас снизойдет благодать, тешат себя надеждой и хватаются за нее, как за последний спасительный якорь. Но если у тебя не осталось никаких надежд, если ты ни во что не веришь, можно поискать счастья здесь, в мире живых. Мы не нашли его при жизни, что ж, можно поискать после смерти. И мы это делаем, вставая из мерзких дешевых гробов. Но не раньше чем сгниет большая часть нашей плоти. Когда остается только пара пальцев, они могут выбраться на поверхность, поскольку дешевые гробы в земле быстро сгнивают. Сбежав из могилы, остаток плоти начинает потихоньку собирать все потерянные части тела. Потом мы начинаем следить за кем-нибудь из живых. За богачом, если находим способ к нему подобраться, или за честным работягой, если нет богачей. Кстати, честных бедных рабочих мы тоже ненавидим — ведь они, как правило, смиренны и счастливы. Подобравшись к человеку поближе, мы незаметно к нему прикасаемся и начинаем вытягивать из него жизненные силы, вбирая их в себя и восстанавливая свой облик. Что я и собирался сделать с этим вот, что лежит на кровати. Все шло как по маслу. Я почти стал человеком, у меня появился

шанс на новую жизнь. Но я проиграл. Как всегда. Я вечно проигрываю. Теряю все, кроме несчастий и разочарований. Вот уж чего у меня предостаточно.

— А кто вы такие? — спросил Скуэр. — Анархисты, оставшиеся без работы?

— Кого-то из нас считают анархистами, других называют по-другому, но все мы едины и служим одному монарху — его величеству господину Недовольству. Мы с детства ненавидим труд и вырастаем бездельниками. Мы ворчим и брюзжим, мы всем недовольны, мы ссоримся с обществом вокруг нас и с Провидением над нами.

— А как вы называете себя сейчас?

— Никак. Мы одно, но в разных формах, только и всего. Людишки называли нас анархистами, нигилистами, социалистами, уравнителями. Теперь придумали слово «инфлюэнца». Ученые мужи толкуют о микробах, бациллах, бактериях. Чтоб черти взяли эти микробы, бациллы и бактерии! Мы — инфлюэнца, мы — ошибка социума, мы — вечное недовольство. Мы вылезаем из заброшенных могил и превращаемся в болезнь. Мы — инфлюэнца.

— Ну вот, я же говорил! — торжествуя, воскликнул Скуэр. — Я говорил вам, что все энергии связаны между собой? Из этого следует, что отрицательное воздействие энергии, ее нехватка проявляется одинаково. А люди готовы повторять, что священное недовольство — это сила, способствующая прогрессу! Чепуха. Недовольство ведет к параличу энергии. Все, что оно впитывает в себя, превращается в яд, зависть, злобу, желчь. Недовольство ничего не создает, но на корню отравляет мораль. Вот оно перед вами — недовольство моральное и социальное. Политический бунт — его разновидность, не более того. Как анархизм поражает тело политическое, так инфлюэнца поражает тело физическое. Вы меня понимаете?

— Э-э-э… кажется, да, — выговорил я, прежде чем улететь в страну грез.

Я выздоровел. Что сделал Скуэр с той тварью, я не знаю. Скорее всего, вернул ее в исходное состояние вечного отрицания и саморазрушения.

М. Р. Джеймс

М. Р. Джеймс, вероятно, величайший из когда-либо существовавших авторов историй о сверхъестественном, отличался весьма определенными представлениями о том, как и вокруг чего подобные повествования должны строиться и чего в них следует избегать.

Главным героем таких историй должен быть степенный, простодушный, живущий отшельником ученый джентльмен (портрет, во многом напоминающий самого Джеймса).

Исключается присутствие сексуальных мотивов. «Секс изрядно надоел в романах, — писал он. — В рассказе о привидениях, и тем более в качестве основы такого рассказа, я его не потерплю». Биографы и современники Джеймса отмечают, что его рассказы, возможно, представляют собой психологические манифестации подавленных чувств автора к некоторым из его студентов.

Сюжеты этих историй должны разворачиваться в старых, уединенных зданиях, расположенных в маленьком старинном городке или на берегу моря.

Редкая книга или иной древний артефакт, будучи случайно потревожены, открывают двери сверхъестественному злу, как правило имеющему потустороннюю природу.

Призраку полагается быть не дружелюбным или веселым, а злокозненным.

В изображении сверхъестественного необходимы тонкая нюансировка и умолчания — открытые формы ужасного разрушают пугающий эффект.

Рассказ «Плачущий колодец» был впервые опубликован ограниченным тиражом в 157 экземпляров (Стэнфорд Дингли: Милл-хаус пресс, 1928); позднее перепечатан в «Собрании рассказов М. Р. Джеймса о привидениях» (Лондон: Эдвард Арнольд, 1931).

Плачущий колодец (© Перевод А. Сергеева)

В 19… году в одном известном колледже учились два скаута; звали их Артур Уилкокс и Стэнли Джадкинс. Они были ровесниками, жили в одном доме, числились в одном соединении и, естественно, в одном отряде. Внешне они были настолько похожи, что это озадачивало, смущало и даже раздражало старших, которым приходилось иметь с ними дело. Но если бы

вы знали, до чего разными были у них характеры!

Это ему, Артуру Уилкоксу, старший воспитатель сказал однажды, с улыбкой глядя, как мальчик входит в его кабинет:

— Знаешь, Уилкокс, если ты еще немного пробудешь в наших рядах, у нас иссякнет призовой фонд! Вот тебе «Жизнь и деяния епископа Кена» [70]в роскошном переплете; прими мои искренние поздравления и передай их своим родителям.

Это его, Уилкокса, заметил провост, [71]проходя по спортивному полю, и, на мгновение задумавшись, сказал вице-провосту:

— У этого парнишки удивительные брови.

— Что верно, то верно, — согласился вице-провост. — Это признак либо гениальности, либо отсутствия ума.

Уилкокс получил все возможные скаутские значки и награды. Значок лучшему повару, лучшему картографу, лучшему спасателю; значок тому, кто быстрее всех соберет разлетевшиеся газетные листы; значок тому, кто не хлопает дверью, выходя из класса, и много других. О значке спасателя я расскажу поподробнее, когда речь пойдет о Стэнли Джадкинсе.

Вы вряд ли удивитесь, узнав, что в честь Артура Уилкокса мистер Хоуп Джонс специально дописал по куплету ко всем своим песням, а младший воспитатель залился слезами, вручая ему медаль «За хорошее поведение» в красивой пурпурной коробочке, ведь за Уилкокса единодушно проголосовал весь третий класс. Я сказал — «единодушно»? Значит, ошибся. Нашелся тот, кто был против, Джадкинс mi; [72]он заявил, что у него есть веские основания для несогласия. Дело в том, что они с Джадкинсом ma жили в одной комнате. Вас, наверное, не удивит, что в то время Артур Уилкокс оказался первым и единственным учеником, который стал командиром как школьной, так и городской организации; нагрузка, связанная с деятельностью на обоих постах в дополнение к учебе, оказалась такой серьезной, что семейный врач потребовал от Уилкокса в течение шести месяцев соблюдать полный покой и отправиться в кругосветное путешествие.

Приятная задача — прокладывать дорогу к головокружительным высотам, которых он нынче достиг; но хватит пока об Артуре Уилкоксе. Не будем терять времени и обратимся совсем к другой теме: к жизни Стэнли Джадкинса — Джадкинса ma.

Стэнли Джадкинс, как и Артур Уилкокс, привлекал к себе внимание наставников, но совсем по другой причине. Это ему младший воспитатель говорил без тени улыбки на лице: «Ну что, Джадкинс, опять за старое?

Давай продолжай в том же духе, и скоро ты пожалеешь, что вообще переступил порог этого заведения. Так что выполняй приказы и радуйся, что нет других поручений!» Это он, Джадкинс, попал в поле зрения провоста, проходившего по спортивному полю; брошенный с довольно большой силой мяч внезапно угодил ректору прямо в лодыжку, и тут же совсем рядом кто-то крикнул: «Спасибо, отбили!»

— Лучше бы этот мальчик попал в самого себя! — проворчал провост, потирая ногу.

— Вот-вот, — согласился вице-провост, — пусть только мне попадется, я ему устрою!

Стэнли Джадкинс не имел никаких скаутских значков, за исключением тех, которые стащил у членов других отрядов. Во время соревнования поваров его поймали, когда он пытался заложить петарды в полевую кухню соперников. На соревновании портных он умудрился так крепко сшить вместе двух мальчиков, что, когда они попытались встать, последствия оказались самыми разрушительными. Значка «За опрятность» он был лишен, потому что во время летних занятий, когда выдалась жара, его не смогли убедить, чтобы он не держал пальцы в чернильнице; он утверждал, что так ему прохладнее. На один поднятый им с земли клочок бумаги приходилось по крайней мере шесть брошенных банановых шкурок или апельсиновых корок. Старушки, едва завидев его, принимались со слезами на глазах просить, чтобы он не переносил их ведра с водой на другую сторону улицы. Они прекрасно знали, каким будет результат. Но наибольшее осуждение вызвало поведение Стэнли Джадкинса на соревнованиях по спасению жизни; здесь итог был самым показательным. Да будет вам известно, что для этого состязания из младшей группы выбирали скаута подходящей комплекции, напяливали на него все, что можно, связывали ему руки и ноги, бросали в воду в самом глубоком месте Кукушкиной заводи и засекали время, в течение которого действовал спасатель. Каждый раз, когда Стэнли Джадкинс участвовал в этом соревновании, в самый ответственный момент его охватывала такая сильная судорога, что он начинал кататься по земле с криками о помощи. Естественно, это отвлекало присутствующих от мальчика, находившегося в воде, и если бы не Артур Уилкокс, список погибших мог бы оказаться длинным. Вот почему младший воспитатель решил, что нужно занять жесткую позицию, и объявил, что эти состязания больше проводиться не будут. Напрасно мистер Бизли Робинсон объяснял ему, что в пяти соревнованиях пострадали всего четыре пацана. Младший воспитатель ответил, что ему меньше всего хотелось бы вмешиваться в работу скаутов;

но трое из этих мальчиков были лучшими певцами его хора, поэтому они с доктором Леем считают, что неудобства от понесенных потерь перевешивают целесообразность состязания. Кроме того, переписка с родителями мальчиков стала слишком утомительной и неприятной: их не удовлетворило стандартное письмо, которое младший воспитатель отправил по почте, и многие папаши и мамаши уже посетили Итон, отняв у него массу ценного времени выражением своего недовольства. Так что соревнования по спасению утопающих ушли в прошлое.

Итак, Стэнли Джадкинс не пользовался доверием скаутов, у которых было немало поводов просить его покинуть ряды разведчиков. Эту линию активно отстаивал мистер Ламбарт; но в конце концов мнение более умеренных судей победило, и было решено дать Джадкинсу еще один шанс.

Именно при таких обстоятельствах мы застаем его во время летних каникул 19… года в лагере скаутов, в живописном районе W (или X) страны D (или Y).

Было замечательное утро, когда Стэнли Джадкинс и еще двое его друзей — все-таки у него были друзья — лежали на вершине холма, греясь на солнышке. Стэнли лежал на животе, поддерживая ладонями подбородок, и смотрел вдаль.

— Интересно, что это там такое? — произнес он.

— Где? — спросил один из приятелей.

— Да вон там, смотри — какие-то заросли посреди луга.

— А-а… Понятия не имею.

— Зачем тебе это? — спросил другой парнишка.

— Не знаю, — ответил Стэнли, — просто красиво. Как это называется? Кто-нибудь взял карту? Тоже мне скауты!

— Есть у нас карта, — сообщил запасливый Уилфред Пипсквик, — и место это отмечено. Но оно обведено красным кружком. Нам туда нельзя.

— Да кого это волнует? — отмахнулся Стэнли. — Только все равно на твоей дурацкой карте нет названия.

— Если тебе так надо узнать название, спроси у этого сморчка.

«Этим сморчком» был старик пастух, который взобрался на холм и уселся неподалеку.

— Доброе утро, молодые люди, — сказал он, — повезло вам сегодня с погодой.

— Да, спасибо, — ответил Элджернон де Монморанси, страдавший врожденной вежливостью. — Вы не скажете, как называются те заросли? И

что там находится?

— Конечно скажу, — откликнулся пастух. — Это Плачущий колодец. Но вам там делать нечего.

— Там правда колодец? — поинтересовался Элджернон. — А кто им пользуется?

Пастух рассмеялся.

— Бог с вами, — сказал он. — К Плачущему колодцу не ходит ни человек, ни овца; сколько лет здесь живу, но такого не бывало ни разу.

— Значит, сегодня обычаю конец, — заявил Стэнли Джадкинс, — потому что сейчас я пойду и принесу воды для чая!

— Боже упаси, юноша! — испуганно воскликнул пастух. — Даже не говорите об этом! Неужели воспитатели не предупредили вас, что туда нельзя ходить? Они обязаны были это сделать.

— И сделали, — подтвердил Уилфред Пипсквик.

— Заткнись, дурак! — крикнул Стэнли Джадкинс. — Подумаешь! Там что, вода плохая? Подумаешь, вскипятим — и будет нормально.

— Не знаю, в воде ли дело, — сказал пастух. — Но могу сказать, что мой старый пес не пойдет на этот луг, и я не пойду, и никто другой, у кого в голове есть хоть чуточку мозгов.

— Нет у них ни одной мозги, — буркнул Стэнли Джадкинс; с вежливостью и грамматикой он был не в ладу. — Кто пострадал от того, что там побывал? — добавил он.

— Три женщины и один мужчина, — с серьезным видом сообщил пастух. — А теперь послушай меня. Я знаю эти края, а ты нет, и я тебе скажу больше: за последние десять лет ни одна овца не приходила пастись на этот луг, там не выдернули ни одного стебелька — а земля там хорошая. Видишь: все поросло ежевикой и сорной травой. Вот вы, молодой человек, — обратился он к Уилфреду Пипсквику, — вы носите очки, но и вам наверняка это тоже видно.

— Да, — согласился Уилфред, — но я также вижу тропинки. Значит, кто-то там иногда ходит.

— Тропинки! — повторил пастух. — Ну конечно! Четыре тропинки оставили три женщины и один мужчина.

— Женщины и мужчина? Как это понять? — спросил Стэнли, который впервые обернулся и посмотрел на пастуха (до сих пор он разговаривал, демонстрируя ему свою спину: это был очень невоспитанный мальчик).

— Что значит «как это понять»? Так и надо понимать: три женщины и мужчина.

— Кто они? — уточнил Элджернон. — И зачем туда ходят?

— Может, кто-нибудь и расскажет вам, кем они были, — ответил пастух, — но они перешли в мир иной до того, как я здесь появился. Зачем они до сих пор туда наведываются — это человеческому разумению недоступно: только слышал я, что, когда они были живы, добрым словом о них никто не отзывался.

— Да ну, бред какой-то! — зашептались Элджернон и Вилфред; Стэнли сидел с презрительно-угрюмым видом.

— Вы что, хотите сказать, что это мертвецы? Чушь собачья! Только дурак в это поверит. Интересно, их хоть кто-нибудь видел?

— Я их видел, молодые люди! — сказал пастух. — Я видел их отсюда, с холма, причем стоял на этом самом месте; если бы мой старый пес умел говорить, он бы подтвердил, что тоже их видел. Было около четырех часов, день был совсем такой же, как сегодня. Я видел, как они один за другим вышли из кустов, постояли и медленно направились по тропинкам к центру, где находится колодец.

— На кого они были похожи? Скажите! — наперебой заныли Элджернон и Уилфред.

— Это были скелеты в лохмотьях, молодые люди; четыре белых скелета, покрытые лохмотьями. Они шли, и мне казалось, что я слышу бряцанье костей. Они двигались очень медленно, все время оглядываясь по сторонам.

— На что были похожи их лица? Вы их разглядели?

— Это нельзя назвать лицами, — сказал пастух, — но, кажется, у них были зубы.

— Боже! — воскликнул Уилфред. — А что было потом, когда они добрались до деревьев?

— Этого я вам не скажу, джентльмены, — ответил пастух. — Меня не тянуло здесь оставаться, но даже если бы я этого хотел, то мне все равно пришлось бы отправиться на поиски пса — он убежал! Раньше он никогда не бросал меня одного, но на этот раз умчался, а когда я его все-таки догнал, он был в таком состоянии, что не узнал меня и был готов вцепиться мне в горло. Но я продолжал его звать, и вскоре, вспомнив мой голос, он подполз ко мне, и глаза у него были, как у ребенка, который просит прощения. Не хотелось бы еще раз увидеть его таким — да и любую другую собаку тоже.

Тут прибежал пес, обнюхал мальчишек, задрал морду и уставился на хозяина, выражая полное согласие с тем, что он только что рассказал.

Некоторое время мальчики обдумывали услышанное; потом Уилфред спросил:

— А почему это называется Плачущим колодцем?

— Если бы вы пришли сюда зимой, в сумерки, вы бы не спрашивали, — только и ответил пастух.

— Это все выдумки, — заявил Стэнли Джадкинс. — В следующий раз обязательно туда пойду: провалиться мне на месте, если я этого не сделаю!

— Значит, я вам не указ? — сказал пастух. — И предупреждения командиров тоже? Знаете, молодой человек, зря вы меня не слушаете. Чего ради я стал бы плести небылицы? Какое мне дело до того, что кто-то отправится на этот луг? Но я бы не хотел, чтобы такой славный парнишка сгинул в расцвете лет.

— А я думаю, у вас свой интерес, — отозвался Стэнли. — Небось прячете там перегонный аппарат или еще что-нибудь — вот никого и не подпускаете. Ерунда все это. Пошли, ребята.

И они ушли. Двое приятелей Стэнли сказали «до свидания» и «спасибо», но сам он не произнес ни слова. Пастух пожал плечами и остался стоять на месте, с грустью глядя им вслед.

По пути в лагерь завязался отчаянный спор по поводу услышанного; Стэнли было сказано прямо, каким дураком он будет, если отправится к Плачущему колодцу.

В тот вечер, сделав несколько объявлений, мистер Бизли Робинсон спросил, у всех ли на картах есть место, отмеченное красным кружком.

— Обратите внимание, — предупредил он, — туда заходить запрещено.

— Почему, сэр? — раздалось несколько голосов, и среди них недовольный голос Стэнли Джадкинса.

— Потому что запрещено, — ответил мистер Бизли Робинсон, — и если вам этого мало, пеняйте на себя. — Он повернулся к мистеру Ламбарту, о чем-то с ним пошептался, а потом объявил: — Я вам так скажу: нас просили запретить скаутам появляться на лугу. Мы благодарны местным жителям за то, что они разрешили устроить здесь лагерь, поэтому надо выполнить их просьбу хотя бы из уважения — уверен, вы с этим согласитесь.

«Да, сэр!» — ответили все, за исключением Стэнли Джадкинса, который пробормотал «Из уважения — как же!»

На следующий день ранним вечером можно было услышать следующий диалог:

— Уилкокс, твоя палатка в сборе?

— Нет, сэр, не хватает Джадкинса!

— С этим мальчишкой вечно одни неприятности! Как ты думаешь, где

он может быть?

— Не представляю, сэр.

— Кто-нибудь знает?

— Сэр, боюсь, он мог пойти к Плачущему колодцу.

— Кто это сказал? Пипсквик? Что еще за Плачущий колодец?

— Сэр, это место на лугу… в общем, заросли на том диком лугу…

— Ты хочешь сказать, что это место, обведенное кружком? Боже милостивый! Почему ты думаешь, что он пошел именно туда?

— Вчера он очень хотел выяснить, что там такое, и мы познакомились с пастухом, который много всего рассказал и посоветовал туда не соваться; но Джадкинс ему не поверил и заявил, что все равно пойдет.

— Вот негодяй! — возмутился мистер Хоуп Джонс. — Он что-нибудь взял с собой?

— Да, кажется, веревку и бидон. Мы говорили ему, что только ненормальный туда пойдет.

— Паршивец! Что это взбрело ему в голову! Так, вы трое пойдете со мной его искать. Неужели так трудно понять простейший приказ? Что говорил этот человек? Да не стойте, расскажете по пути.

Они двинулись в путь. Элджернон и Уилфред стали наперебой рассказывать все, что знали; лица слушателей становились все более озабоченными. Наконец они добрались до той самой вершины, откуда открывался вид на луг, о котором рассказывал накануне пастух. Обзор был отличный; колодец хорошо просматривался в зарослях изогнутых сучковатых сосен, как и четыре тропинки, петлявшие среди густой колючей поросли.

День был чудесный и жаркий. Небо напоминало лист металла. Ни дуновения ветерка. Добравшись до вершины, все попадали от усталости в горячую траву.

— Пока что его не видно, — сказал мистер Хоуп Джонс, — надо немного подождать. Вы устали, я тоже. — И через миг воскликнул: — Смотрите, кажется, кусты шевельнулись!

— Точно, — подтвердил Уилкокс, — я тоже видел. Смотрите. Нет, это не он. И все-таки там кто-то есть — вон голова высовывается, видите?

— Кажется, да, но я не уверен.

Снова тишина. И вдруг…

— Это он, точно, — сказал Уилкокс, — лезет через ограждение с той стороны. Видите? С какой-то блестящей штукой. Это бидон — ты о нем говорил?

— Да, он направляется прямо к деревьям, — подхватил Уилфред.

В этот момент Элджернон, который внимательно вглядывался в заросли, вдруг закричал:

— Что это — там, на тропинке? Нет, на всех четырех! Там была женщина. Уберите ее! Остановите!

Он покатился по земле, цепляясь за траву и пытаясь спрятать в ней лицо.

— Хватит! — крикнул мистер Хоуп Джонс, но без толку. — Слушайте внимательно, — продолжал он, — мне придется спуститься. Уилфред, ты останешься здесь и будешь следить за мальчишкой. А ты, Уилкокс, срочно беги в лагерь и приведи помощь.

Они бросились в разные стороны. Уилфред остался с Элджерноном, постарался его успокоить, как мог, но ему самому было не легче. Время от времени он бросал взгляд с холма вниз, на луг. Он увидел мистера Хоупа Джонса, который быстрыми шагами приближался к цели; вдруг, к его великому удивлению, Джонс остановился, посмотрел наверх, огляделся по сторонам и решительно повернул в сторожу! В чем дело? Мальчишка увидел на лугу ужасное существо в черных лохмотьях, под которыми мелькало что-то белое; голова на длинней тонкой шее была наполовину скрыта под бесформенной панамой. Существо делало пассы руками в направлении приближавшегося спасателя; воздух между двумя фигурками, казалось, дрожал и мерцал; такого Уилфред еще никогда не видел; он смотрел вниз и чувствовал, что непонятное дрожание и путаница начинаются у него в мозгу; нетрудно было представить, что творилось с тем, кто находился ближе к опасности. Уилфред взглянул туда, где бодрой скаутской походкой шагал к зарослям Стэнли Джадкинс; разумеется, шел он осторожно, чтобы не наступить на сухую ветку и не попасть в лапы ежевики. Он ничего не замечал, но явно подозревал, что где-то таится опасность, поэтому старался не шуметь. Уилфреду было видно и это, и многое другое. Внезапно сердце у него замерло от страха: он заметил, что среди деревьев кто-то притаился и ждет; еще одно существо — такое же ужасное и черное — приближалось по тропинке с другой стороны луга, озираясь, в точности как описывал пастух. В довершение всего он увидел четвертое чудище — это явно был мужчина; он вырос из кустов в нескольких ярдах за спиной у бедного Стэнли и неуклюже заковылял по тропинке. Путь несчастной жертве был отрезан со всех сторон.

Уилфред чуть с ума не сошел. Он бросился к Элджернону и стал его трясти.

— Вставай, — кричал он. — Давай, кричи! Ори громче. Черт, если бы у нас был свисток!

Элджернон тут же сообразил, что к чему.

— Вот свисток, — сказал он. — Наверное, Уилкокс выронил.

Один из мальчиков засвистел, другой начал кричать. Звуки разнеслись в неподвижном воздухе. Стэнли услышал, остановился, оглянулся; с холма летел пронзительный, душераздирающий вопль — мальчишки старались вовсю. Но было слишком поздно. Скрюченный урод, который догонял Стэнли, прыгнул на него и крепко схватил. Чудовище, делавшее пассы, снова замахало руками — на этот раз оно ликовало. Тварь, прятавшаяся за деревьями, рванула вперед, вытягивая руки, чтобы сцапать того, кто шел ей навстречу. Еще одна фурия, находившаяся дальше всех, бросилась к цели, радостно качая башкой. Застыв от ужаса и едва дыша, мальчики наблюдали за жестокой борьбой между монстром и его жертвой. Стэнли бил его бидоном — это было его единственное оружие. Рваная черная шляпа свалилась с головы существа, обнажив белый череп с темными пятнами — должно быть, клочьями волос. Одна из женщин подбежала к дерущимся и стала тянуть за веревку, обмотанную вокруг шеи Стэнли. Вдвоем они в момент с ним справились: жуткие крики прекратились, и все трое исчезли за еловыми зарослями.

На мгновение мальчишкам показалось, что все еще можно исправить. Быстро удалявшийся мистер Хоуп Джонс внезапно остановился, повернулся, протер глаза и побежал по направлению к лугу. И это не все: оглянувшись, ребята заметили не только обитателей лагеря, спускавшихся с соседнего холма, но и бегом взбиравшегося к ним на вершину пастуха. Они начали подавать знаки, кричать, пробежали несколько ярдов навстречу старику, затем бросились назад. Пастух прибавил шагу.

Мальчики снова посмотрели в сторону луга. Там было пусто. Разве что… между деревьями что-то виднелось. Заросли были окутаны легким туманом — откуда он взялся? Мистер Хоуп Джонс перелез через ограждение и продирался сквозь кусты.

Пастух встал в нескольких шагах от мальчиков, переводя дух. Они подбежали и стали трясти его за руки.

— Его утащили! В чащу! — твердили они без конца.

— Как? Он все-таки пошел туда после того, что я вчера рассказал? Глупец! Вот глупец!

Он хотел добавить что-то еще, но его перебили другие голоса. Прибыли спасатели из лагеря. Несколько коротких реплик, и все опрометью бросились с холма.

Оказавшись внизу, скауты сразу же встретили мистера Хоупа Джонса. Он шел, перекинув через плечо тело Стэнли Джадкинса. Джонс снял его с

ветки, на которой мальчик висел, раскачиваясь туда-сюда. Тело было совершенно бескровным.

На следующий день мистер Хоуп Джонс отправился на то же место, прихватив топор и выразив намерение начисто вырубить заросли и сжечь все кусты на лугу. Когда он вернулся, топорище было сломано, а на ноге виднелась уродливая рана. Ему не удалось разжечь огонь, и он не сумел срубить ни одного дерева.

Я слышал, что теперь обитателями Плачущего колодца называют трех женщин, одного мужчину и мальчика.

Потрясение, пережитое Элджерноном де Монморанси и Уилфредом Пипсквиком, было страшным. Оба они немедленно покинули лагерь; ясно, что событие повергло в мрачное настроение — пусть даже ненадолго — всех, кто остался. Одним из первых, кто обрел душевное равновесие, оказался Джадкинс mi.

Такова, господа, история Стэнли Джадкинса, а также часть истории Артура Уилкокса. Полагаю, никто раньше об этом не рассказывал. Если вы захотите поискать здесь мораль, то мне она представляется очевидной; ну, а если вы ее не видите, то я не знаю, чем вам помочь.

Клайв Баркер

Клайв Баркер, прозаик и сценарист, родился в 1952 году в Ливерпуле и изучал английский язык и философию в Ливерпульском университете. Литературный успех пришел к нему с публикацией рассказов, собранных в шеститомный цикл «Книги крови» (1984–1985). Первый сценарий Баркер написал в 18-летнем возрасте; в 1973 году по нему был поставлен художественный фильм «Саломея». Кроме того, он написал сценарии фильмов «Запретное» (1978), «Подземный мир» (1985, американское прокатное название — «Трансмутации»), а также культового хоррора «Восставший из ада» (1987), в основу которого положен сюжет его собственного одноименного романа (1986); успех последней картины побудил Баркера написать продолжение — «Восставший из ада-2: Пленники ада» (1988). Он также выступил сценаристом и режиссером-постановщиком фильма «Ночной народ» («Племя тьмы», 1990), экранизации его романа «Племя тьмы» (1988), который принес автору номинацию на премию Академии научной фантастики, фэнтези и хоррора в категории «Лучший режиссер».

Если в начале своей писательской карьеры Баркер работал исключительно в жанре хоррора, то в дальнейшем он обратился к фэнтези (хотя и с элементами хоррора) и создал такие книги, как «Сотканный мир» (1987), «Явление тайны» (1989), «Имаджика» (1991) и «Таинство» (1996). Впоследствии он стал плодовитым автором комиксов и нескольких компьютерных игр.

Рассказ «Человеческие останки» был впервые опубликован в третьем томе «Книг крови» (Лондон: Сфера, 1984).

Человеческие останки (© Перевод А. Трофимова)

Одни предпочитают работать днем, другие — ночью. Гевин предпочитал второе. Зимой и летом, прислонясь к стене или позируя в дверном проеме, с огоньком сигареты у губ, он предлагал желающим самого себя.

Порой его покупала вдова, у которой денег было больше, чем любви. Она забирала Гевина на уик-энд, заполненный бесконечными встречами, вечеринками, поцелуями и — если почивший супруг был уже забыт — кувырканием на супружеском ложе, пропахшем лавандой. Или распутный

муж, склонный к собственному полу, жаждал провести часок с мальчиком, не спрашивавшим его имени.

Гевина ничто не волновало. Безразличие было его стилем, частью его привлекательности. И оно помогало прощаться с ним. Все позади, деньги уплачены, а бросить «пока» или «увидимся» в лицо тому, кого не волнует, жив ты или мертв, очень легко.

Это занятие Гевину нравилось. В одном случае из четырех даже удавалось получить физическое удовольствие. Худшее, что могло его ожидать, это жесткий секс, потные тела и безжизненные глаза. Но он уже привык ко всему.

Таким было ремесло, державшее Гевина на плаву.

Днем, прикрываясь от света руками, он спал в своей уютной кровати, завернутый в простыни так, что его можно было принять за мумию египетского жреца. Около трех он вставал, брился, принимал душ. Затем по полчаса придирчиво разглядывал свое отражение в зеркале. Он был болезненно самокритичен и никогда не позволял своему весу отклониться хотя бы на пару фунтов от идеала. Гевин умащал кожу маслами, если она казалась сухой, и подсушивал, если она жирно поблескивала, охотился за каждым прыщиком, выскочившим на гладкой щеке.

Он заботливо следил, не появлялись ли малейшие признаки венерических болезней — только такие любовные недуги ему грозили. Подцепленные где-то вши были быстро выведены, но гонореей он заразился уже дважды, что лишило его двух недель работы и дурно сказалось на положении дел. Так что у него были основания сломя голову бежать в клинику при малейших подозрениях на сыпь.

Но такое случалось нечасто. Приблудные вши были явно лишними в получасовом сеансе самолюбования: сочетание его генов дало восхитительный результат. Он был прекрасен. Ему это говорили не раз. Прекрасен. Господи, какое лицо! Сжимая Гевина в объятиях, люди словно приобщались к его сиянию.

Конечно, можно найти и других красавцев, хотя бы через соответствующие агентства или прямо на улице, если знаешь, где искать. Но лица других мальчиков не были так совершенны. Они напоминали скорее наброски, чем законченные полотна — процесс, а не результат работы природы. Гевин явился венцом ее творения. Все было сделано до него, ему требовалось лишь сохранить совершенство.

Завершив осмотр, Гевин одевался, иногда останавливался перед зеркалом еще минут на пять… и отправлялся торговать своими сокровищами.

Теперь он все реже работал на улице. Ему везло. С одинаковой легкостью удавалось избежать ненужных встреч с полицией и психами, мечтавшими разогнать «этот Содом». Можно было позволить себе не напрягаться и искать клиентов через эскорт-агентство, отбиравшее значительную долю прибыли.

Естественно, он имел и постоянных клиентов. Вдова из Форт-Лодердейла всегда нанимала его для своих ежегодных европейских путешествий. Часто появлялась дама, подозвавшая его однажды в роскошном магазине: она желала всего лишь пообедать с ним да между делом пожаловаться на мужа. Был еще господин, которого Гевин называл по марке его автомашины — Ровер. Этот навещал юношу каждые несколько недель, чтобы провести ночь в поцелуях и признаниях.

Но чаще случались вечера, когда не связанный предварительными договоренностями Гевин был предоставлен самому себе. Вряд ли кто-то другой из работавших на улице лучше изучил немой язык приглашения. Этим искусством Гевин овладел в совершенстве: смесь неуверенности и развязности, застенчивости и бесстыдства. Еле заметное движение ног, предоставляющее все его выпуклости в лучшем свете. Но с достоинством — никакой вульгарности. Просто ненавязчивое предложение, не больше.

Подчас на это хватало пяти минут. Во всяком случае, никак не больше часа. Хорошо играя свою роль, ему удавалось очень быстро убедить печальную женщину или сентиментального мужчину накормить его (иногда чуть-чуть приодеть), уложить в кровать и предложить полноценную ночь, что заканчивалась обычно до отхода последнего поезда метро в Хаммерсмит. Времена получасовых свиданий с пятью клиентами за вечер отошли. В голове Гевина роились честолюбивые мечты. Сейчас — уличный мальчик, скоро — жиголо, потом — любовник на содержании и, наконец, — муж. Однажды, это точно, он женится на одной из этих вдов. Может быть, на миллионерше из Флориды. Та частенько говорила ему, как славно он смотрелся бы, загорая после купания в ее бассейне в Форт-Лодердейле. Эта фантазия запала ему в душу. Даже если и не Флорида, то что-то похожее. Рано или поздно он там окажется. Проблема лишь в том, что все эти богатые ягодки требовали долгой возни, а многие из них умирали раньше, чем его усилия приносили плоды.

Еще один год. Всего лишь год — определенно что-то должно произойти. Что-то чудесное принесет эта осень, он чувствовал.

Он продолжал обдумывать свои шансы. От напряжения на лбу образовалась неглубокая складка, которая его, впрочем, только украшала.

Была четверть десятого. Промозглый вечер двадцать девятого сентября. В этом году бабье лето не позолотило улицы — беспощадная осень быстро вцепилась в Лондон своими когтями и безжалостно терзала усталый город. Ее сырое дыхание чувствовалось даже здесь, в просторном фойе отеля «Империал».

Холод сверлил зубы, его несчастные больные зубы. Если бы он сходил к дантисту, вместо того чтобы лишний час проваляться в постели, жизнь теперь не казалась бы адом. Ну что ж, сегодня уже слишком поздно, но завтра… Завтра он не пожалеет времени. И плевать на очередь. Он улыбнется секретарше, та смягчится и пролепечет, что постарается найти для него возможность. Еще одна улыбка: секретарша вспыхнет, и окажется, что нет никакой нужды ждать две недели, как ждут эти несчастные бедняги с серыми лицами.

А сегодня с болью уже ничего не поделать.

Все, что требовалось сейчас Гевину — какой-нибудь неудачник, который щедро заплатит за то, что у него возьмут в рот. Если все пойдет путем, уже к половине десятого можно будет забыться в одном из ночных клубов Сохо.

Но сегодня была не его ночь. За конторкой «Империала» сидел новый портье: худое потрепанное лицо под фуражкой, неуклюже сидящей на макушке. Он косился на Гевина уже полчаса.

Его предшественник Мэдокс был из тех, к кому без особого труда можно подобрать ключик. Он стал марионеткой в руках Гевина, узнавшего о том, что тот подчищает гостиничные бары. Пару месяцев назад Мэдокс даже заплатил за общество Гевина, уступившего ему полцены в своих же интересах. Но новичок, судя по всему, не интересовался мужчинами и был опасен. Гевину стало немного не по себе.

Он лениво направился к сигаретному автомату, непроизвольно следуя звукам мелодии, вырывавшейся из чрева древнего музыкального аппарата. Черт бы побрал эту ночь!

Новичок вышел из-за стойки и поджидал Гевина, возвращавшегося с пачкой «Винстона» в руке.

— Прошу прощенья… гм… сэр! — Тон не предвещал ничего доброго.

Гевин взглянул на портье, любезно улыбнувшись.

— Что вам угодно?

— Я хотел бы поинтересоваться, живете ли вы в этой гостинице… гм… сэр.

— Не вижу особого смысла этим интересоваться.

— Если нет, я готов помочь вам снять одну из наших комнат.

— Я кое-кого здесь жду.

— Да что вы? — Он, очевидно, не верил ни единому слову. — Нельзя ли поинтересоваться — кого?

— Не стоит.

— Назовите имя. — Голос зазвучал настойчивее. — И я охотно справлюсь, проживает ли ваш… друг… в отеле.

Мерзавец, видимо, твердо решил выставить Гевина на улицу. Оставалось либо спокойно выйти самому (такая возможность еще существовала), либо сыграть «возмущенного постояльца». Гевин, скорее со злости, чем осознанно, выбрал последнее.

— Вы не имеете оснований… — гневно начал он, но собеседник даже бровью не повел.

— Послушай, сынок, — спокойно произнес он, — я превосходно понимаю, что к чему, и не пытайся шутить со мной, не то я вызову полицию. — Его голос с каждым слогом терял сдержанность. — У нас останавливаются приличные люди, и сомневаюсь, что кто-то из них захочет связываться с такой дрянью, как ты. Я понятно выражаюсь?

— Мудак, — тихо произнес Гевин.

— Приятно слышать это от членососа. — (Удар ниже пояса. Что дальше?) — А теперь, сынок, подумай, не лучше ли тебе убраться подобру-поздорову, не дожидаясь ребят в форме.

Гевин выдал свой последний аргумент.

— Где господин Мэдокс? Я хочу его видеть, он меня знает.

— Нисколько не сомневаюсь, — последовал ответ. — Нисколько. Он уволен за недостойное поведение. — Голос портье опять обрел подчеркнутое спокойствие. — На вашем месте я не стал бы упоминать его имени. Надеюсь, понятно, по какой причине. Ступайте.

Он подкрепил свои слова выразительным жестом.

— Благодарю за внимание, и постарайтесь меня больше не тревожить.

Гейм, сет и весь матч были выиграны человеком в фуражке. Черт возьми! Есть, конечно, и другие отели, другие фойе, другие портье. Но теперь думать об этом было невыносимо.

В дверях Гевин, улыбнувшись, бросил:

— Увидимся!

Возможно, мерзавец с ужасом вспомнит его слова по пути домой, услышав за спиной звук шагов. Это слабо утешало, но хоть что-то.

Дверь захлопнулась, перекрыв за спиной поток теплого воздуха из фойе. На улице было холодно, еще холоднее, чем час назад. Тело охватила усиливающаяся дрожь. Гевин поспешил вниз по Парк-лейн к Саут-

Кенсингтону. На Хай-стрит есть несколько отелей, где можно немного передохнуть. Впрочем, если ничего не выйдет., он почти смирился с поражением.

На углу Гайд-парка лились потоки сверкающих машин, спешащих к Найтсбриджу или вокзалу Виктория. Он представил себя стоящим на бетонном островке между двумя ручьями автомобилей — кончики пальцев в карманах брюк (они настолько тесны, что больше, пожалуй, и не влезет), одинокий, брошенный.

Волна горечи накатила откуда-то из глубины. Сейчас ему двадцать четыре года… и пять месяцев. С семнадцати на улице, успокаивая себя тем, что непременно найдет богатую вдову (чем не пенсия за тяжелый труд жиголо?) или уж во всяком случае подыщет легальную работу к двадцати пяти…

Но время шло, а ничего не менялось. Единственным его приобретением стали мешки под глазами.

Теперь перед ним лился сверкающий поток машин с сотнями уверенных в завтрашнем дне людей, преграждая путь к спокойствию и определенности.

Он не стал тем, кем мечтал стать, кем обещал себе стать.

А молодость уже прошла.

Куда теперь? Комната сегодня покажется тюрьмой. Не поможет даже марихуана. Он хочет, нет, ему нужен кто-то. Хотя бы на один вечер. Хотя бы для того, чтобы увидеть отражение собственной красоты в чужих глазах. Пусть ему льстят, кормят, поят вином. Даже если это будет богатый уродливый Квазимодо. Надо отвлечься!

Добыча оказалась настолько легкой, что неприятный эпизод в фойе отеля мгновенно был забыт. Тип лет пятидесяти пяти, одет со вкусом: ботинки от Гуччи, стильное пальто. Одним словом, качественный.

Гевин стоял у дверей крохотного кинотеатра, время от времени без интереса поглядывая на экран. Показывали один из ранних фильмов Трюффо. Неожиданно он ощутил на себе ищущий взор. Гевин обернулся. Прямой взгляд чуть не спугнул того типа. Парень уже собрался сбежать, но тут, как бы передумав, пробормотал что-то себе под нос, остановился и продолжил довольно неубедительно демонстрировать интерес к фильму. Правила игры, похоже, были ему мало знакомы.

«Новичок», — подумал Гевин.

Гевин машинально полез в карман за сигаретой. Отсветы пламени позолотили его щеки: он знал, что выглядит очень эффектно. Еще один

взгляд на клиента, и тот уже не отводил глаз.

Стряхивая пепел, Гевин рассеянно выронил сигарету. Такой удачи не было уже давно, и теперь он был очень собой доволен. Безошибочное узнавание потенциального клиента, неясные отблески желания в глазах и на губах, легко переходящие в случае неудачи в невинное выражение дружелюбия. Все вышло просто замечательно.

Здесь-то ошибки уж точно быть не могло. Тип, как заговоренный, не спускал с Гевина глаз. Рот его чуть приоткрылся. Он глядел, не в состоянии сказать ни слова. Ничего особенного, хотя далеко не урод. Загорелый — наверняка вернулся из-за границы. Хотя он, без сомнений, англичанин: об этом свидетельствовала его нерешительность.

Против обыкновения Гевин сам сделал первый шаг.

— Любите французское кино?

На лице мужчины отразилось облегчение от того, что стена молчания наконец разрушена.

— Да.

— Войдем?

Предложение его немного озадачило.

— Я… мне что-то не хочется.

— Холодно…

— Да.

— Я хочу сказать, холодно стоять здесь.

— Да, это правда!

Клиент готов!

— Может… выпьем чего-нибудь?

— Почему бы нет! — улыбнулся Гевин.

— Я живу здесь недалеко.

— Идем.

— Мне стало тоскливо одному…

— Мне знакомо это чувство.

Теперь улыбнулся незнакомец.

— Вас зовут?…

— Гевин.

Мужчина протянул руку в перчатке. Очень формально, по-деловому. Пожатие оказалось сильным — никаких следов недавней неуверенности.

— А я — Кеннет, — сказал он. — Кен Рейнольдс.

— Кен.

— Может, уберемся отсюда поскорее?

— Да, конечно.

— Это совсем близко.

Теплая волна воздуха ударила в них, когда Кеннет открыл двери своей квартиры. От подъема на третий этаж у Гевина перехватило дыхание, но Рейнольдс чувствовал себя отлично. Наверное, следит за здоровьем. Чем занимается? Рукопожатие, кожаные перчатки. Может быть, чиновник?

— Входи, входи.

Да, здесь пахло деньгами. Ворсистый ковер мгновенно поглотил их шаги. Прихожая была почти пуста. Календарь на стене, маленький телефонный столик, стопка справочников, вешалка. И все.

— Здесь потеплее.

Кен сбросил пальто и, не снимая перчаток, повел Гевина в гостиную.

— Сними куртку, — сказал он.

— Ах да… конечно.

Гевин разделся, и Рейнольдс исчез с его курткой в темной прихожей. Вернувшись, он принялся снимать перчатки, что давалось ему не очень легко. Парень явно нервничал, даже на своей территории. Обычно это проходит, как только двери закрываются изнутри, но не у этого типа. Он казался воплощением тревоги.

— Принести что-нибудь выпить?

— Да, это было бы здорово.

— Чем предпочитаешь травиться?

— Водкой.

— Даже так! Что-нибудь к ней?

— Разве что каплю воды.

— О, да ты пурист.

Гевин не совсем понял, что ему хотят сказать.

— Да, — ответил он.

— Позволь мне исчезнуть на минуту — я схожу за льдом.

— Без проблем.

Кен бросил перчатки на кресло у двери и вышел.

Комната эта, как и прихожая, была удушающе жарко натоплена, но не выглядела уютно и тем более — гостеприимно. Где бы он ни работал, Рейнольдс явно был коллекционером: все стены и полки заполняли разные антикварные вещицы. Мебели очень мало, а та, что имелась, выглядела странно: например, кресло из металлических конструкций.

Возможно, он был университетским преподавателем, хранителем музея или каким-нибудь ученым. По крайней мере, такая комната не могла принадлежать биржевому брокеру.

Гевин мало понимал в искусстве и еще меньше — в истории, и эти предметы не говорили ему ничего. Но он принялся их рассматривать — просто чтобы показать хозяину, который наверняка спросит его о своих игрушках, свою заинтересованность. Коллекция была бестолковая: глиняные черепки, осколки античных скульптур и ничего целого — сплошные обломки. В некоторых фрагментах еще угадывались прежние формы, хотя краски давно потускнели. Иногда удавалось различить человеческие очертания: торс, ногу (между прочим, со всеми пятью пальцами), стертое временем лицо — уже не мужчина и не женщина. Гевин подавил зевок. Жара, глупые экспонаты и мысли об ожидающей его постели усыпляли.

Он переключил внимание на стены. Там имелись более выразительные штуки, чем хлам на полках, но тоже ничего целого. Непонятно, чем привлекают такие обломки. Каменные барельефы так испещрены многочисленными выбоинами и царапинами, что изображенные на них люди казались прокаженными, а латинские надписи почти невозможно разобрать. Ничего красивого быть здесь не могло — эти вещи слишком дряхлые для красоты. Гевина охватило чувство брезгливости, будто он прикоснулся к чему-то заразному.

Лишь один предмет заинтересовал его по-настоящему: каменное надгробие или что-то вроде того, больше других барельефов и в чуть лучшем состоянии. На нем был изображен всадник с мечом в руке, возвышающийся над поверженным обезглавленным противником. Под изображением — несколько слов на латыни. Передние ноги лошади отбиты, каменная окантовка беспощадно обезображена временем. Но в этом был некий смысл. На грубо вырубленном лице проступали неясные черты — длинный нос, широкий рот. Личность!

Гевин решил дотронуться, но отпрянул, услышав приближающиеся шаги Рейнольдса.

— Нет-нет, пожалуйста, трогай, — произнес вошедший хозяин. — Здесь все предназначено для удовольствия. Прикоснись!

Но уже пропало всякое желание. Гевин смутился — его застукали.

— Ну же! — Рейнольдс настаивал.

Гевин протянул руку — холодный камень, зернистый на ощупь.

— Римское, — произнес Кен.

— Надгробие?

— Да. Найдено около Ньюкасла.

— Кто это был?

— Некто Флавин. Он был полковым знаменосцем.

То, что Гевин принял за меч, оказалось при ближайшем рассмотрении небольшим знаменем с практически стертым символом: то ли пчела, то ли цветок, то ли колесо.

— Значит, вы археолог.

— И это тоже. Я исследую исторические места, наблюдаю за раскопками, но основное время посвящаю реставрации находок. Римская Британия — моя страсть.

Он надел принесенные очки и направился к полкам с глиняными черепками.

— Я собирал их долгие годы. Я всегда испытываю дрожь, когда касаюсь предметов, столетиями не видевших света дня. Это как бы прикосновение к истории. Ты понимаешь, о чем я?

— Да.

Рейнольдс взял с полки один из осколков.

— Конечно, лучшие находки попадают в музеи, но всегда выпадает случай оставить себе что-то интересное. Господи, какое огромное влияние! Римляне. Городские коммуникации, мощеные дороги, надежные мосты. — Рейнольдс рассмеялся взрыву собственного энтузиазма. — Черт возьми, опять читаю лекцию. Извини. Больше не буду.

Вернув черепок наместо, Кен стал наливать выпивку. Стоя спиной к Гевину, он неожиданно спросил:

— Сколько ты берешь?

Гевин вздрогнул. Волнение хозяина вдруг прошло, и невозможно было найти логическое объяснение резкому повороту от римлян к стоимости ласк.

— По-всякому бывает, — неуверенно ответил он.

— То есть, — все еще возясь с бокалами, сказал Кен, — ты хочешь узнать подробнее о моих наклонностях.

— Было бы неплохо.

— Разумеется. — Он повернулся и протянул Гевину внушительный бокал с водкой. Без льда. — Я не буду к тебе слишком требователен.

— Я не дешевка.

— Я это понимаю. — Рейнольдс безуспешно попытался улыбнуться. — Я хорошо заплачу. Ты останешься на ночь?

— Вы этого хотите?

— Мне кажется, да.

— Тогда безусловно.

Настроение хозяина мгновенно изменилось. Нерешительность уступила место самоуверенности.

— За любовь, жизнь и все остальное, за что стоит платить! — произнес он, звякнув своим бокалом о бокал Гевина.

Двусмысленность тоста не ускользнула от внимания Гевина. Парень, очевидно, не так прост!

— Прекрасно, — сказал он и сделал глоток.

Сразу стало намного лучше. После третьей порции водки Гевин до того оттаял, что болтовня Кеннета о раскопках и величии Рима, которую ему поневоле приходилось слушать, уже не действовала на нервы. Сознание засыпало. Как легко! Разумеется, он останется здесь на ночь, по крайней мере до рассвета, так почему бы не выпить и не послушать эту околесицу? Позже, если судить по состоянию Кена — много позже, придет время недолгих пьяных ласк в полутемной комнате. Такое Гевину знакомо. Все они одиноки, даже с любовником, всем им одинаково легко доставить удовольствие. Этот парень покупал скорее компанию, а не любовь. Легкие деньги!

Шум.

В первый момент Гевину показалось, будто шумит в его собственной голове. Но Кен внезапно вскочил. Губы его дрожали. Блаженная атмосфера улетучилась.

— Что это? — спросил Гевин, также вставая. Мозги плыли от алкоголя.

— Все в порядке. — Рейнольдс стоял, вцепившись длинными бледными пальцами в кожу кресла. — Успокойся!

Шум усиливался. Гевин почему-то подумал о барабанщике, сидящем в духовке и отчаянно стучащем, пока его поджаривают.

— Умоляю тебя, успокойся! Это, видимо, наверху.

Рейнольдс лгал: грохот шел не сверху. Ею источник находился тут, в квартире. Ритмичный стук то усиливался, то затихал, чтобы снова усилиться.

— Выпей немного, — произнес Кен. Лицо его внезапно вспыхнуло. — Проклятые соседи.

Призывный стук — а он был именно призывным — почти смолк.

— Только одну минуту, — пообещал Рейнольдс и закрыл за собой двери.

Гевину приходилось попадать в неприятные ситуации: с ловкачами, чьи любовники появлялись в самый неподходящий момент; с чудаками, пытавшимися набить себе цену, — один из них как-то разнес в щепки гостиничный номер. Такое случалось. Но Кеннет не был похож на них — никакого чудачества. Впрочем, те ребята тоже вначале казались

безобидными. К черту сомнения! Если он будет так нервничать при виде каждого нового лица, лучше бросить работу. Оставалось положиться на ситуацию, а она говорила Гевину, что не стоит ждать от Рейнольдса каких-то фокусов.

Проглотив водку, он снова наполнил бокал и стал ждать.

Стук вдруг прекратился, и все неожиданно встало на свои места. Может, это и правда сосед сверху? Шагов Кена в квартире не было слышно.

Взгляд Гевина блуждал по комнате в поисках чего-нибудь забавного. Надгробие.

Флавин-знаменосец.

Что-то все-таки в этом есть. Грубый портрет покойника изображен в том самом месте, где покоятся его кости. Он будет здесь, даже если какой-нибудь историк дерзнет разлучить прах и камень. Отец Гевина твердо настаивал на погребении вместо кремации.

— А как же иначе! — частенько говорил он. — Как еще можно заставить других помнить о себе? Кто заплачет над урной?

Ирония заключалась в том, что поплакать на могилу тоже никто не ходил. Гевин побывал там от силы пару раз с тех пор, как умер отец. Гладкий камень, имя, дата. Банально. Он даже не мог припомнить, в каком году отец умер.

А вот о Флавине помнят. Люди, которые не знают ничего ни о нем, ни о его жизни, не забудут его. Гевин встал и потрогал неровные буквы имени знаменосца; «FLAVINVS», второе слово в латинской надписи.

Внезапно шум возобновился. Гевин обернулся к двери, ожидая увидеть там Рейнольдса, пришедшего с объяснением. Никого.

— Черт возьми!

Шум продолжался. Кто-то где-то очень разозлился. И теперь обмануться было невозможно: барабанщик рядом, в нескольких шагах. Гевина охватило любопытство. Разом осушив бокал, он вышел в прихожую.

— Кен? — Слова застыли на его губах.

Прихожая была погружена в темноту, лишь в конце коридора пробивался слабый свет. Возможно, там находилась дверь. Гевин рукой нащупал выключатель, но свет не зажегся.

— Кен? — произнес он опять.

На этот раз последовал ответ. Сначала стон, а потом странный звук, как будто поворачивающегося тела. Может, с Рейнольдсом что-то случилось? Господи, вдруг он лежит без сознания там, совсем близко от Гевина? Надо спешить. Но ноги почему-то отказывались слушаться. Засосало под ложечкой, напомнив детскую игру в прятки, — нервная дрожь

охотника. Это было почти приятно.

К черту! Разве можно уйти, не узнав, что случилось с хозяином? Смелее!

Первая дверь была приоткрыта. Он толкнул ее. Вдоль всех стен стояли книжные шкафы. Видимо, комната служила спальней и кабинетом одновременно. Через открытое окно на заваленный книгами стол падал лунный свет. Ни Рейнольдса, ни барабанщика. Немного успокоившись, Гевин продолжил путь по коридору. Следующая дверь — в кухню — также была открыта, но света за ней не было. Ладони вспотели. Когда Кеннет пытался стянуть перчатки, они словно прилипли к его рукам. Чего он боялся? Это не простое предложение выпить. В квартире прячется кто-то еще! И у него дурной характер.

Дыхание перехватило: на двери виднелся отпечаток окровавленной руки.

Гевин толкнул дверь, но что-то мешало ей открыться. Он протиснулся в щель. В кухне стояла невыносимая вонь — то ли забытое мусорное ведро, то ли гниющие овощи. Скользнув рукой по гладкой стене, Гевин нащупал, выключатель. Лампа дневного света подала признаки жизни.

Ботинок Рейнольдса высунулся из-за двери. Гевин закрыл ее и обнаружил свернувшегося в три погибели Кена. Тот, безусловно, искал здесь спасения, он забился в угол затравленным зверем. Гевин прикоснулся к нему и почувствовал, что бедняга дрожит как осиновый лист.

— Все в порядке. Это я, — сказал Гевин и отвел окровавленную руку, которой Рейнольдс прикрывал лицо.

Через всю его щеку, от виска до подбородка, шли две глубокие кровоточащие царапины, будто кто-то полоснул его двузубой вилкой.

Кен открыл глаза. Ему потребовалась только секунда, чтобы сконцентрировать взгляд на юноше и внятно произнести:

— Убирайся!

— Ты ранен.

— Ради всего святого, убирайся! Быстро! Я передумал. Понятно?

— Может, вызвать полицию?

Рейнольдс буквально взорвался.

— Убирайся ко всем чертям! Слышишь?! Я передумал, чертов мальчишка!

Гевин поднялся, пытаясь хоть что-нибудь понять. Кену больно, это, видно, и есть причина его агрессивности. Проигнорировать оскорбления и принести что-нибудь, чтоб перевязать раны? Да, так будет лучше. Перевязать раны и оставить его в покое. Если он считает, что полиции

здесь нечего делать, это его выбор. Возможно, ему просто не хочется объяснять кому-то присутствие дружка в своей развеселой квартирке.

— Где у тебя бинт?

Гевин снова вышел в прихожую.

Из-за кухонной двери донеслось:

— Не надо.

Но он уже не слышал. Впрочем, если бы даже и слышал, вряд ли бы остановился. Ему нравилось непослушание. Отказ звучал для него как просьба.

Рейнольдс оперся спиной о дверь и попытался встать, схватившись за дверную ручку. Кружилась голова. Карусель ужасов: круг, еще круг, одна лошадка отвратительнее другой. Ноги его подкосились, и он снова рухнул на пол. Черт. Черт. Черт.

Гевин слышал, как упал Кеннет, но он был слишком поглощен поиском оружия, чтобы немедленно броситься на кухню. Если подонок, ранивший Кена, все еще в квартире, надо найти что-то для самообороны. На столе в кабинете он наткнулся на заваленный книгами бумажный нож. Рядом возвышалась гора нераспечатанной корреспонденции. Господи благослови! Он схватил нож. Легкий. Лезвие тонкое и хрупкое, но, если хорошо ударить, может и убить.

Повеселев, он вышел в коридор. Здесь он остановился на секунду, чтобы продумать свои действия. Первым делом — в ванную. Там может лежать бинт. В конце концов, сойдет чистое полотенце. Потом надо попробовать вытянуть из Кена объяснение.

За кухней коридор резко сворачивал налево. Гевин обогнул угол. Перед ним была еще одна дверь. Яркий свет ослепил его. Вода сверкала на кафеле. Вот и ванная.

Прикрывая левой рукой правую, в которой он держал нож, Гевин медленно пошел вперед. Мышцы напряглись от страха. Поможет ли ему нож? Кто знает! Он чувствовал себя бессильным, неуклюжим, глупым мальчишкой.

На дверном косяке была кровь — отпечаток ладони Рейнольдса. Видимо, здесь все и произошло. Пытаясь защититься от нападения, Кен выбросил вперед руку. Вот отпечаток. Если тот подонок все еще в квартире, он должен быть в ванной, больше спрятаться негде.

В трезвом состоянии Гевин, разумеется, не стал бы нарываться на конфликт и резко распахивать дверь, но теперь уже поздно — жалобно скрипнув, дверь отлетела в сторону и открыла взгляду Гевина кровавую пену, разбрызганную по кафелю. Вот-вот появится и сам убийца.

Нет. Никого. Преступника не оказалось и здесь. А значит, его и вовсе нет в квартире.

Гевин глубоко вздохнул. Рука, сжимающая нож, ослабела. Жизнь снова посмеялась над ним, обманула и указала на дверь. Теперь осталось только оказать помощь раненому коллекционеру и действительно убраться отсюда ко всем чертям.

Зеленоватый кафель в кровавых брызгах. Полупрозрачная занавеска душа с наивными изображениями рыбок и водорослей наполовину сорвана. Все это напоминало сцену из какого-то криминального фильма: слишком нереально. Кровь — чересчур красная, свет — чересчур яркий.

Гевин швырнул нож в раковину и открыл висевший на стене зеркальный шкафчик. Его заполняли зубные щетки, пасты и витаминные кремы, из медикаментов — лишь упаковка пластыря. Закрывая шкафчик, Гевин взглянул на свое изможденное лицо. Смертельно бледен. Открыв кран холодной воды, он подставил голову под ледяную струю в надежде, что вода смоет с его лица печать опьянения и подрумянит щеки.

Вдруг сзади раздался неясный шум. Гевин выпрямился — безумно заколотилось сердце — и дрожащей рукой закрутил кран. Крупные капли падали с его подбородка и ресниц.

Нож лежал в раковине, на расстоянии вытянутой руки. Звук исходил из ванны — изнутри ванны.

Тревога выплеснула в кровь поток адреналина, чувства до безумия обострились. Он ощутил тонкий запах лимонного мыла, блеск бирюзовой рыбки, плывущей между бурых листьев ламинарии на занавеске, холод воды — все, что он вечно пропускал, ленился видеть и чувствовать, нахлынуло вдруг.

«Все происходит в реальности, — сказал он самому себе. — Будь осторожен, иначе — смерть».

Почему он не заглянул в ванну?! Кретин! Почему?!

— Кто здесь? — спросил он.

Может, у Рейнольдса живет крыса, которая тоже не прочь принять душ? Тщетная надежда. Господи, там же кровь.

Он отвернулся от зеркала. Шум уже стих. Ну же!.. Ну! Занавеска с ангелоподобными рыбками отлетела в сторону на пластиковых крючках. Ринувшись отгадывать эту загадку, он совсем забыл о ноже. Слишком поздно… Ванна была полна воды.

От доходившей почти до краев мутной воды исходил какой-то животный запах, напоминавший запах мокрой собачьей шерсти. На поверхности плавала бурая пена. Вода была спокойна.

Гевин нагнулся, стараясь разглядеть дно. Его отражение наполовину закрыла пена. Нагнувшись еще ниже, он увидел руку с грубыми пальцами. Свернувшись, как зародыш, в грязной воде лежала, без сомнений, человеческая фигура.

Гевин протянул руку, чтобы отогнать грязь от поверхности воды, — его отражение задрожало и рассыпалось — и ясно увидел неподвижную фигуру. В ванне лежала статуя спящего человека, только голова почему-то была повернута вверх и глядела на Гевина нарисованными глазами. Два круглых глаза на грубо высеченном лице. Прямые губы, смешные торчащие уши на абсолютно лысой голове. Человек был голым, и его анатомия была отражена не лучше, чем черты лица: работа неумелого подмастерья. В некоторых местах краска — возможно, от воды — стала отваливаться серыми закругленными лепестками, обнажая деревянную основу.

Бояться было нечего. Обыкновенная деревяшка с откисающей краской. А звук, напугавший Гевина, издавали выходящие из нее пузырьки воздуха. А он, дурачок, испугался! Паниковать нет причин. «Заставь мое сердце биться», — как частенько говаривал бармен из «Амбассадора», когда новая красотка выходила на сцену.

Гевин иронически улыбнулся. Да, этот чурбан мало напоминал Адониса.

— Забудь об этом.

Рейнольдс стоял у двери. Кровотечение остановилось, хотя он еще прижимал к щеке замаранный платок. В ярком свете ванной его кожа приобрела желтый оттенок, что напугало бы и мертвеца.

— Ты в порядке? По тебе не скажешь.

— Все отлично… уйди, ради бога.

— Что случилось?

— Я поскользнулся. Ну, вода на полу… Вот и поскользнулся.

— Но стук…

Гевин оглянулся на ванну. Что-то в статуе на этот раз поразило его. Может, ее нагота. И эти сползающие полоски краски. Последние полоски краски… или кожи.

— Соседи.

— Что это? — спросил Гевин, по-прежнему рассматривая распухшее лицо в воде.

— Тебя это не касается.

— Почему он такой скрюченный? Он умирает?

Задавая вопрос, Гевин с улыбкой обернулся и поглядел на Рейнольдса.

— Ты ждешь, когда я расплачусь с тобой?

— Нет.

— Черт возьми! Ты на работе или нет? Там, у кровати, лежат деньги. Возьми, сколько считаешь нужным. За потерянное время… — Он оценивающе посмотрел на Гевина. — И молчание.

Статуя. Гевин уже не мог оторвать от нее взгляд: его собственное распухшее лицо, смутившее разум неизвестного художника, медленно разрушала вода.

— Не удивляйся, — произнес Кен.

— Что происходит?

— Тебя это не касается!

— Ты это украл… Это, верно, стоит немалых денег, и ты украл?

Рейнольдс, казалось, в конце концов устал лгать.

— Да, я украл, — кивнул он.

— И сегодня за ним кто-то приходил.

Кеннет пожал плечами.

— Не так ли? Кто-то за ним приходил?

— Да. Да, я это украл, — механически повторил он за Гевином. — И кто-то за ним приходил.

— Вот и все, что я хотел узнать.

— Не возвращайся сюда, Гевин или как тебя там. И не выдумывай ничего. Меня здесь не будет.

— Ты боишься вымогательства? — спросил Гевин. — Я не вор!

Взгляд коллекционера стал презрительным.

— Вор ты или нет, будь благодарен за то, что он — в тебе.

Рейнольдс отступил, давая Гевину пройти. Но тот даже не шелохнулся.

— Благодарен за что? — переспросил он.

Слова Кена явно разозлили его. Он был оскорблен тем, что его выставляют с какой-то небылицей, не удостаивая никакого объяснения.

У Рейнольдса же просто не было сил для объяснений. В изнеможении он прислонился к двери.

— Уходи, — тихо сказал он.

Гевин кивнул и вышел. Когда он уже достиг прихожей, от статуи, видимо, отвалился изрядный кусок краски. Он слышал, как заплескалась вода в ванной, и даже представил, как заколыхались на статуе световые блики.

— Спокойной ночи, — произнес ему вслед Кен.

Гевин не ответил. Даже не вспомнив о деньгах, он вышел. Будь проклят этот дом со всеми его надгробиями и тайнами.

Он зашел в гостиную, чтобы забрать свою куртку. Со стены на него

взглянуло лицо Флавина-знаменосца.

«Должно быть, герой», — подумал Гевин.

Только героям отдают такие почести. С Гевином ничего подобного не произойдет. Его лицо умрет вместе с ним.

Он закрыл за собой входную дверь. Тут же напомнил о себе больной зуб. И тут же возобновился стук: стук кулака по стене.

Или внезапная ярость пробуждающегося сердца.

Утром зубы ныли уже невыносимо, и он отправился к дантисту, надеясь уговорить секретаршу принять его немедленно. Но очарование покинуло его, глаза не сияли обаянием, как обычно. Девушка ответила, что придется подождать неделю. Он сказал, что дело срочное, на что она заметила: ей так не кажется. Да, не лучший день: зубная боль, секретарша-лесбиянка, снег хлопьями, ворчливые женщины на каждом углу, безобразные дети, безобразное небо.

В тот день началось преследование.

Поклонники преследовали Гевина и раньше, но не до такой степени. Бывало, кто-то таскался за ним, как собака, целыми днями, из бара в бар, с улицы на улицу, и это просто выводило его из себя. Ночь за ночью видеть одного и того же надоевшего типа, который никак все не может решиться угостить тебя выпивкой, предложить часы, кокаин, неделю в Тунисе или что-нибудь еще. Он очень быстро проникся отвращением к такому липкому обожанию, скисающему быстрее молока, — вонь от него стояла до небес. Один из наиболее пылких обожателей — говорят, знаменитый актер — никогда не пытался подойти близко, лишь ходил за ним повсюду и все смотрел. Вначале его внимание льстило Гевину, но вскоре удовольствие сменилось досадой, и однажды, наткнувшись на надоевшего поклонника в одном из баров, он пригрозил проломить ему череп. Гевин был до того взвинчен и раздражен бесконечными жадными взглядами, что мерзавцу непременно досталось бы, не пойми он намека. Возможно, он вернулся домой и повесился — Гевин никогда больше не встречал его.

На этот раз все было по-другому: не преследование, а ощущение слежки. Никаких доказательств того, что кто-то висит у него на хвосте, просто чертовски неприятное чувство. Всякий раз, когда он оглядывался, ему казалось, будто кто-то отступает в тень. Порой на ночной улице случайный прохожий вдруг начинал идти с ним в ногу, совпадая с каждым ударом его каблука, даже если Гевин оступался. Ощущение напоминало паранойю, хотя он не был параноиком — иначе ему бы давно об этом сказали.

Кроме того, происходили совершенно необъяснимые вещи: однажды утром старуха-кошатница, жившая над ним, поинтересовалась лениво, что за чудак приходил поздно ночью и прождал под его дверью несколько часов. Ни один из знакомых Гевина не подходил под описание.

В другой день на людной улице он отделился от толпы и отошел к двери закрытого магазина, чтобы прикурить сигарету. Когда он зажег спичку, в засаленном дверном стекле вдруг появилось чье-то отражение. Пламя обожгло пальцы. Гевин выронил спичку и опустил глаза. А когда он обернулся, людское море уже скрыло преследователя.

Это было неприятное, очень неприятное ощущение. И самое ужасное — Гевин не понимал, чем оно вызвано.

Гевин никогда не разговаривал с Преториусом, хотя они обменивались небрежными кивками при встрече на улице и справлялись друг о друге у общих знакомых, будто были друзьями. Преториус был черным, возраст — где-то между сорока пятью и насильственной смертью. Известный сводник, утверждавший, что он потомок Наполеона. Под его началом довольно успешно работало множество женщин и три или четыре мальчика. Когда Гевин только вышел на улицу, ему советовали просить покровительства у Преториуса, но он был слишком горд, чтобы искать такого рода помощи. В результате он не пользовался расположением Преториуса и его клана. Однако никто не решался бросить вызов его самостоятельности, поскольку Гевин сам стал довольно заметной фигурой. Поговаривали даже, будто Преториус выражал — отчасти недоброжелательно — восхищение жадностью Гевина.

Восхищался Преториус или нет, но в один из адски холодных дней он вдруг нарушил молчание и сам окликнул юношу:

— Эй, белый!

Было около одиннадцати. Гевин шел из бара на Сент-Мартинлейн в клуб на Ковент-Гарден. Улицы еще оставались многолюдными, и можно было найти хорошего клиента среди посетителей театров и кино, но в тот вечер у Гевина не было настроения. В кармане лежала сотня, заработанная накануне. Достаточно, чтобы твердо стоять на ногах.

Первое, что пришло в голову при виде загородивших дорогу Преториуса и его головорезов: им нужны деньги.

— Послушай, белый. — Преториус добродушно улыбался. Нет, он не был грабителем. Не был и не будет. — Белый, мне нужно переговорить с тобой.

Преториус достал из кармана орех, расколол его в руке и отправил

содержимое в огромный рот.

— Догадываешься, о чем?

— Что тебе нужно?

— Я же сказал: переговорить. Кое о чем расспросить. Идет?

— Хорошо. О чем?

— Не здесь.

Гевин взглянул на свиту Преториуса. Это были не огромные качки в стиле черных, но и не пятидесятикилограммовые хиляки. Ситуация складывалась довольно скверная.

— Благодарю.

Спокойным (насколько возможно) шагом Гевин прошел мимо троицы, последовавшей за ним. Он мысленно умолял их отвязаться, но они не отставали. Преториус положил руку ему на плечо.

— Послушай. До меня дошли неприятные новости о тебе.

— Не может быть!

— Боюсь, что может. Мне сказали, что ты напал на одного из моих ребят.

Гевин прошел шесть шагов, прежде чем ответить.

— Нет, вы ошиблись. Это не я.

— Он узнал тебя, белый, ты доставил ему кучу неприятностей.

— Говорю же, это не я!

— Ты псих, слышишь? Тебя стоит упечь за решетку.

Преториус все больше сердился. Прохожие обходили их.

Гевин молча свернул с Сент-Мартин-лейн на Лонг-Акр и тут же осознал, какую ошибку совершил. Здесь было пусто и довольно далеко от оживленных людных мест. Следовало, безусловно, свернуть не налево, а направо, тогда он быстро вышел бы на Чарринг-Кросс-роуд.

Там нетрудно затеряться. Черт возьми, он не мог развернуться и направиться в обратную сторону. Все, что ему оставалось, — двигаться прямо (идти, а ни в коем случае не бежать от бешеных псов, наступающих на пятки) и надеяться, что удастся удержать разговор в прежнем относительно мирном русле.

— Ты стоишь мне денег, — бросил ему в спину Преториус.

— Не понимаю…

— Ты вывел из строя моего лучшего мальчишку. Судя по всему, надолго. Он дьявольски напуган, слышишь?

— Повторяю, я ничего тебе не сделал.

— Почему ты врешь мне, белая шваль? Не считаешь меня достойным услышать правду? — Преториус нагнал его и пошел рядом, оставив своих

дружков позади. — Послушай, — шепнул он Гевину на ухо, — таких ребят легко соблазнить. Я это понимаю, и мне наплевать. Но ты причинил ему боль, а у меня сердце кровью обливается, когда кому-то из моих ребят делают больно.

— Ты думаешь, если бы я сделал такое, я спокойно разгуливал бы по улице?

— Ты, мне кажется, не такой хороший, насколько хочешь казаться. Речь идет не о паре синяков. Ты искупался в крови моего парня. Повесил и исполосовал ножом, а потом подбросил мне на порог в одних носках. Ты хорошо расслышал, белый? Ты меня понял?

Преториус был разъярен, и Гевин не знал, как ко всему этому относиться. Он не проронил ни слова в ответ и продолжал идти.

— Этот малыш восхищался тобой, — говорил Преториус. — Говорил, что твоя история — учебник для начинающих. Что скажешь?

— Ничего.

— Это чертовски лестно для тебя, парень, ведь на самом деле ты такого не заслуживаешь!

— Благодарю.

— Ты сделал неплохую карьеру. Но теперь она закончена.

Гевин ощутил леденящий холод. Он-то надеялся, что Преториус ограничится предупреждением. Но нет, они хотели разделаться с ним. Господи, они убьют его, и самое ужасное — убьют за то, чего он не делал, о чем он даже не догадывался.

— Мы вышвырнем тебя с улицы, белый! Навсегда.

— Я тут ни при чем.

— Малыш узнал тебя. Даже с чулком на голове. Твой голос и твоя одежда. Тебя опознали, белый. Делай выводы.

— Убирайся к черту!

Гевин бросился бежать. В юности он неплохо бегал — о, как нужна ему сейчас прежняя скорость! Преториус захохотал:

— Какой ты, однако, резвый!

По мостовой за ним неслись две пары ног. Ближе, еще ближе. Гевин уже выдохся. Плотно облегающие джинсы слишком неудобны для бега. Гонка проиграна.

— Тебя никто не отпускал. — Один из болванов вцепился в его руку.

— Неплохо бегаешь, — улыбнулся Преториус, приближаясь к своим псам и загнанной жертве. Он еле заметно кивнул одному из дружков.

— Кристиан.

Кристиан со всей силы ударил Гевина по почкам. Боль пронзила

юношу, перед глазами пошли разноцветные круги.

— Готов, — отрапортовал Кристиан.

— Давайте, быстро!

Его потащили в темный переулок. Куртка и рубашка треснули, дорогие туфли, испачканные в грязи, цеплялись о мостовую. Гевина поставили на ноги. В кромешной тьме перед собой он видел лишь висящие в пустоте глаза Претториуса.

— Ну, вот мы и на месте, — произнес он. — Как славно!

— Я… я не трогал его, — простонал Гевин.

Безымянный дружок Претториуса — должно быть, не христианин, а язычник [73]— взял Гевина за ворот и швырнул к стене. Он поскользнулся, не устоял и свалился в грязь. Его самолюбие — тоже. Он готов умолять. Он встанет на колени и будет лизать этим тварям пятки, лишь бы закончился этот кошмар. Лишь бы они не тронули его лицо.

По слухам, это одно из любимых развлечений Претториуса — уничтожать красоту. Случалось, он лезвием вырезал жертвам губы как сувенир на память.

Гевин бросился вперед и упал руками в грязную жижу. Что-то гнилостно-мягкое выскользнуло из-под ладони.

Язычник обменялся с Претториусом ухмылкой.

— Какой милашка!

Претториус расколол очередной орех.

— Похоже, он наконец-то нашел свое место в жизни.

— Я его не трогал! — канючил Гевин.

Ему оставалось только отрицать все, хотя это было уже бесполезно.

— Не оправдывайся!

— Пожалуйста!

— Хочу покончить с ним поскорее, — взглянув на часы, сказал Претториус. — Нужно еще кое-куда заглянуть, кое с кем повеселиться.

Гевин поднял глаза на своих мучителей. Уличные огни горели всего в десятке метров от него — если бы он мог вырваться из рук подонков.

— Позволь мне тебя немного подкрасить. Красота, видишь ли, требует жертв.

В руке Претториуса блеснул нож. Язычник вынул из кармана толстую веревку с узлом на конце. Узел во рту, веревка вокруг головы и никакой возможности кричать, когда от этого зависит жизнь.

Гевин резко вскочил, но, поскользнувшись на жирной грязи, налетел на Кристиана и вместе с ним рухнул на землю. Побег не удался.

На мгновение наступила полная тишина. Претториус, пачкая руки о

белую мразь, поставил его на ноги.

— Бежать некуда, сволочь! — сказал он и поднес лезвие к подбородку Гевина.

Здесь кости четко выступали из-под кожи, и Преториус без дальнейших дебатов начал резать по краю челюсти, забыв заткнуть жертве рот. Гевин вскрикнул, когда кровь заструилась по шее, но, казалось, чьи-то толстые пальцы схватили его за язык, и звук погиб, так и не вырвавшись наружу.

Пульс бешено отдавался в виске. Перед Гевином одно за другим стали открываться окна, и он падал в них, теряя сознание.

Лучше умереть. Они уродуют его лицо — лучше умереть.

Он опять вскрикнул. Или нет — это не он. Сквозь стук в ушах он попытался различить голос. Он слышал крик Преториуса.

Язык опять был свободен. Внезапно ему стало дурно. Он отшатнулся от дерущихся фигур. Его рвало.

Кто-то неизвестный вступил в игру и предотвратил катастрофу. На земле, раскинув руки, лежало чье-то тело. Язычник. Безжизненные глаза смотрели вверх. Господи, кто-то заступился за Гевина!

Дрожащей рукой юноша прикоснулся к лицу. Глубокая рана шла от середины подбородка почти до самого уха. Это, конечно, плохо, но Преториус всегда доводил дело до конца. Значит, лишь чудо спасло Гевина от страшной процедуры вырезания ноздрей и губ. Шрам вдоль скулы будет смотреться не слишком привлекательно, но ничего, бывают вещи пострашнее.

Кто-то из дерущихся направился к Гевину. Это Преториус, со слезами в глазах, расширенных от ужаса.

Кристиан, пошатываясь, поплелся в сторону улицы.

Преториус за ним не последовал. Почему?

Рот Преториуса был открыт, с нижней губы стекала длинная нитка слюны.

— Спаси меня, — прохрипел он, как будто его жизнь была в руках Гевина.

Рука его была поднята, словно он вымаливал прощение. Вместо этого из-за спины неожиданно выросла другая рука, сжимавшая страшное орудие с огромным лезвием. Еще одна схватила Преториуса за горло. Лезвие глубоко вошло ему в глотку, затем двинулось резко вверх. Лицо его разделилось, и из страшной раны на Гевина хлынул горячий поток крови.

Оружие отлетело на мостовую. Гевин увидел короткий и широкий меч.

Преториус все еще стоял перед ним, удерживаемый рукой своего

палача. Рассеченная голова безжизненно упала, и неизвестный, словно приняв этот кивок за знак согласия, аккуратно положил мертвеца у ног Гевина. Теперь юноша мог рассмотреть лицо своего спасителя.

Ему хватило секунды, чтобы узнать эти грубые черты: круглые безжизненные глаза, щель рта, кривые уши. Это была статуя из ванны Рейнольдса.

Она усмехнулась. Зубы слишком малы для столь внушительной головы. Молочные зубы. Что-то, однако, изменилось в этом лице, заметно даже в темноте: брови несколько посветлели, и само лицо обрело какую-то пропорцию. Все еще раскрашенная кукла, но теперь кукла казалась целеустремленной.

Статуя слегка наклонилась, и внутри ее что-то скрипнуло. Гевин неожиданно осознал мрачный идиотизм ситуации. Статуя двигается, черт ее побери, смеется, убивает, и в то же время она никак не может быть живой. Позже он будет проклинать себя. Он найдет тысячу причин откреститься от реальности. Будет винить недостаток крови в сосудах мозга, возбуждение, панику. Он постарается навсегда забыть кошмарное видение.

Если останется жив.

Видение приблизилось и легко коснулось своими грубыми пальцами щеки Гевина. Уличные огни осветили кольцо на мизинце — точно такое, как у самого Гевина.

— О, тут будет шрам!

Гевин узнал голос.

— Жаль, конечно, — говорил голос самого Гевина. — Но что поделать! Могло быть и хуже.

Его голос. Господи, его, его, его собственный голос! Он тряхнул головой.

— Да, верно, — сказала статуя, понимая, о чем он думает.

— Теперь меня?

— Нет.

— Почему?

Статуя дотронулась пальцами до своей щеки, показывая линию его раны, и на деревянной щеке вдруг открылась рана. Но крови не было — у статуи ее не было.

Пока еще это не Гевин: неподвижные брови, пронзительные глаза. Но скоро их нельзя будет отличить от его собственных.

— А мальчишка? — спросил Гевин, пытаясь разобраться в происходящем.

— Ах, мальчишка… — Статуя мечтательно закатила глаза. — Какое сокровище. А как он вырывался!

— Ты искупался в его крови?

— Мне это необходимо. — Статуя нагнулась над телом Преториуса и запустила пальцы в его рассеченную голову. — Старая кровь, конечно, но тоже сойдет. Мальчишка был получше.

Статуя вымазала кровью свои щеки. Гевин не сумел скрыть отвращение.

— Тебе это неприятно? — спросило Гевина изваяние.

Ответа не последовало. Разумеется, Гевина не огорчало, что Преториус мертв, но бедный мальчишка истек кровью только оттого, что истукан проголодался. Впрочем, в Лондоне случаются дела и пострашнее.

— Тебе, я вижу, это не по вкусу, — продолжала статуя. — Скоро и мне перестанет нравиться. Не собираюсь истязать детей. Хотя бы потому, что я на все смотрю твоими глазами, думаю твоими мыслями…

Статуя поднялась. В движениях ее все-таки недоставало плавности.

Кожа на щеках, впитывая кровь Преториуса, приобретала естественный оттенок. Уже почти не похоже на крашеную деревяшку.

— Мне никогда не дадут имени. Я — всего лишь рана на теле человечества. Но еще я — прекрасный незнакомец из твоих детских грез. Ты ведь всегда хотел, чтобы кто-то взял тебя на руки, приласкал, похвалил и… поднял над суетой улиц к распахнутым небесам.

Как это существо узнало о его детских мечтах? Откуда могло оно знать о его видениях? Об ослепительной чистоте небес из его снов…

— Потому что я — это ты, — словно отвечая на вопрос Гевина, продолжала статуя.

— Ты не можешь быть мной. Я никогда не сделал бы такого. — Гевин кивком указал на безжизненные тела.

Неблагодарно обвинять собственного спасителя, но это был единственный аргумент.

— Неужели? Мне так не кажется.

Гевин услышал голос Преториуса: «Красота, видишь ли, требует жертв».

Он опять ощутил холод лезвия у подбородка, тошноту, беспомощность. Да, он сделал бы это, сотню раз сделал бы. И поступил бы справедливо.

Статуе не требовался ответ.

— Я еще навещу тебя. А сейчас, — она захохотала, — тебе лучше уйти.

Гевин направился к улице.

— Нет, сюда! — Статуя кивнула в сторону не замеченной Гевином двери в стене. Так вот откуда она появилась так быстро и вовремя! — Держись подальше от людных мест. Я найду тебя, когда понадобится.

Гевина не пришлось уговаривать. Он почти не понимал, что происходит, но дело было сделано. На вопросы у него не осталось ни сил, ни времени.

Он, не оглядываясь, вошел в указанную дверь. То, что он услышал за спиной, могло бы вывернуть наружу его желудок: плотоядное хлюпающее чавканье. Чудовище заканчивало свой страшный ритуал.

И уж совсем ничего нельзя было разобрать в этом сне наяву на следующее утро. Никакого прояснения. Лишь череда безжалостных фактов.

В зеркале он увидел огромную гноящуюся рану, причинявшую куда больше страданий, чем гнилой зуб.

В газетах написали о двух трупах, найденных в районе Ковент-Гардена. Известные преступники, убитые с нечеловеческой жестокостью. И банальный вывод — мафиозные разборки.

В голове крутилась невыносимая мысль: рано или поздно найдут и его. Кто-то, несомненно, видел его вместе с Преториусом и сообщит об этом полиции. Может быть, даже Кристиан. И тогда за ним придут с наручниками. А чем он ответит на обвинения? Скажет, что преступление совершено не человеком, а чудовищем, которое отчасти является отражением его собственного «я»? Вопрос даже не в том, арестуют ли его. В другом: посадят его в тюрьму или в сумасшедший дом?

Теряясь от безнадежности, он отправился к врачу, где просидел в ожидании приема три с половиной часа, окруженный такими же покалеченными беднягами.

Врач был не очень-то любезен. Он сказал, что швы накладывать поздно, рана, безусловно, затянется, но шрама уже не избежать. Медсестра поинтересовалась, почему он не пришел сразу, как только это произошло. Да какое ей, собственно, дело! Фальшивое сочувствие раздражало его.

Свернув на свою улицу, он увидел полицейские машины и соседей, обменивающихся сплетнями. Слишком поздно. Они уже добрались до его одежды, его расчесок, его писем и теперь будут рыться в них, как обезьяны в собственной шерсти. Гевин знал, как бесстыдно действуют эти подлецы, когда им надо чего-то добиться, как безжалостно они унижают человеческое достоинство. Высосут всю кровь и убьют без выстрелов. Превратят в живой труп.

Поздно, ничего не остановить. Они уже лапали его жизнь липкими руками и прикидывали в уме, сколько стоит купить такого красавчика в одну из своих грязных ночей.

Пусть. Пусть будет так. Он теперь вне закона, потому что закон защищает собственность, а у него ее нет. Ему больше негде жить, у него ничего не осталось. Самое удивительное — он даже не испугался.

Гевин повернулся спиной к дому, где прожил четыре года, и почувствовал какое-то необъяснимое облегчение оттого, что прошлое потеряно навсегда.

Два часа спустя, уже далеко, он решил проверить содержимое своих карманов. Кредитная карточка, почти сто фунтов наличными, несколько фотографий — родители, сестры, он сам, — а также часы, кольцо и золотая цепочка. Карточкой пользоваться опасно. Банк, разумеется, уже оповещен. Лучшее, что можно придумать, — продать кольцо с цепочкой и рвануть на север. У него есть неплохие друзья в Абердине, они могут его на время приютить.

Но сначала — Рейнольдс.

Гевину потребовался час, чтобы найти дом Кеннета Рейнольдса. Он не ел уже почти сутки, и желудок все настойчивее давал о себе знать. Гевин вошел в здание. При дневном свете лестница выглядела гораздо скромнее. Ковер на ступенях оказался рваным, а краска на балюстраде — потемневшей от тысяч прикосновений.

Он быстро преодолел подъем и постучал в дверь Рейнольдса. Никто не ответил. Изнутри не доносилось ни звука. Впрочем, Кеннет предупреждал, что его здесь не будет. Догадывался ли он о том, что произойдет, когда выпустил это чудовище в мир?

Гевин постучал еще. Теперь он явно различал чье-то дыхание за дверью.

— Рейнольдс! — Он пнул дверь ногой. — Я слышу тебя!

Ответа не последовало, но Гевин готов был поклясться, что внутри кто-то есть.

— Открой немедленно, сволочь!

После короткой паузы приглушенный голос сказал:

— Убирайся.

— Мне нужно с тобой поговорить.

— Убирайся, тебе говорят. Мне не о чем с тобой разговаривать.

— Ты должен мне все объяснить, ради всего святого! Если ты не откроешь, я сломаю чертову дверь.

Пустая угроза, но Рейнольдс отреагировал:

— Нет. Подожди.

Послышался звон ключей, потом — звук отрывающегося замка, и дверь открылась. Прихожая была погружена во тьму. Гевин увидел перед собой неухоженное лицо Кеннета. Он выглядел очень усталым. Небритый, в грязной рубахе, изношенных штанах, подвязанных веревкой.

— Я не в силах тебе что-либо объяснять! Убирайся!

— Ты просто обязан рассказать… — Гевин переступил порог.

Рейнольдс был либо слишком пьян, либо слишком слаб, чтобы воспрепятствовать этому. Он отступил в сумрак прихожей.

— Что за чертовщина творится?

В квартире стоял тяжелый дух гнили. Кеннет позволил Гевину закрыть за собой дверь и вдруг вытащил из кармана своих засаленных штанов нож.

— Брось дурачить меня, — прохрипел он. — Я знаю, что ты натворил. Очень славно. Очень умно.

— Ты говоришь об убийствах? Я их не совершал.

Рейнольдс выставил свой нож вперед.

— Скольких ты прикончил, убийца? — На его глазах показались слезы. — Шестерых? Десятерых?

— Я никого не убивал!

— Чудовище!

Кеннет держал в руках тот самый нож для бумаги. Он приблизился. Не оставалось сомнений в том, что он намеревается сделать. Гевин вздрогнул, и это, казалось, воодушевило Рейнольдса.

— Забыл уже, наверное, каково это — чувствовать плоть и кровь?

Он, очевидно, окончательно сошел с ума.

— Послушай… я пришел всего лишь поговорить.

— Ты пришел убить меня, я знаю. Ты пришел меня убить.

— Ты что, не узнаешь меня? — испуганно спросил Гевин.

Рейнольдс криво усмехнулся.

— Ты не мальчишка. Ты похож на него, но ты — не он.

— Ради бога, я — Гевин!.. Гевин! — Он никак не мог сообразить, что сказать безумцу, чтобы остановить приближающийся к груди нож. — Гевин, помнишь?

Рейнольдс вдруг застыл, пристально глядя ему в лицо.

— Ты потеешь, — растерянно произнес он.

У Гевина пересохло во рту, и он лишь утвердительно кивнул.

— Да, — произнес Рейнольдс. — Ты действительно потеешь. — Он опустил нож. — Он никогда не потеет. И никогда не будет. Значит, ты

мальчишка. Мальчишка.

— Мне нужна помощь. — От волнения Гевин охрип. — Объясни мне, что происходит.

— Ты хочешь объяснений? Я постараюсь тебе их предоставить.

Они прошли в комнату. Шторы были опущены, но даже в темноте Гевин заметил, что коллекция разорена. Глиняные черепки превратились в пыль, каменные барельефы разбиты, а от надгробия Флавина-знаменосца осталась груда камней.

— Кто это сделал?

— Я, — ответил Рейнольдс.

— Почему?

Рейнольдс медленно подошел к окну и заглянул в щель между бархатными шторами.

— Я вернулся, ты видишь, — сказал он, игнорируя вопрос.

— Почему ты разбил все? — настаивал Гевин.

— Жить в прошлом — это болезнь, — ответил Кен. Он отвернулся от окна. — Я крал эти вещи долгие годы. Мне доверяли, а я злоупотреблял доверием. — Он пнул внушительный осколок ногой. Поднялась пыль. — Флавин жил и умер. Больше о нем сказать, пожалуй, нечего. Или почти нечего. Его имя не имеет никакого значения: он мертв… и счастлив.

— А статуя в ванной?

Рейнольдс замер, словно представил ее нарисованное лицо.

— Ты принял меня за него? Когда я пришел.

— Да, я думал, он уже закончил свои дела.

— Он изображает меня.

Рейнольдс кивнул.

— Да, насколько я понял его природу, он всегда кого-нибудь имитирует.

— Где ты нашел его?

— Возле Карлайла. Мне поручили произвести там раскопки. Мы нашли его в термах: статуя, свернувшаяся калачиком, и останки взрослого мужчины. Не спрашивай, что привлекло меня к ней. Я не знаю. Возможно, ему самому так захотелось. Я украл статую и принес сюда.

— И ты кормил его.

Рейнольдс побледнел.

— Не спрашивай.

— Я спрашиваю. Ты кормил его?

— Да.

— Ты хотел убить меня? Ты для этого привел меня сюда? Убить меня и

умыть его моей кровью!

Гевин вспомнил стук кулаков чудовища о края ванны — нетерпеливое требование еды. Так ребенок стучит по колыбельке. Гевина чуть не скормили этой твари.

— Почему он не напал на меня, как на тебя? Почему не выскочил из ванны и не сожрал?

Рейнольдс вытер пот со лба.

— Он увидел твое лицо.

Конечно, он увидел лицо Гевина и захотел сделать его своим. Он не мог украсть лицо мертвого человека, поэтому оставил его в живых. Рационализм статуи невольно восхищал.

— Человек, чьи останки вы нашли в термах…

— Что?…

— Он хотел остановить эту тварь?

— Да. Вероятно, поэтому его не предали земле. Просто бросили. Никто не догадался, что человек сражался с существом, пытавшимся отобрать его жизнь.

Теперь почти все понятно. Оставалось выплеснуть накопившуюся злобу.

Рейнольдс едва не убил его, чтобы накормить ненасытное чудовище. Гевин не мог удержать себя в руках. Он схватил Рейнольдса в охапку и встряхнул. Захрустели то ли зубы, то ли кости.

— Он уже почти скопировал мое лицо! Что будет со мной, когда он полностью переродится?

— Не знаю.

— Говори! Говори самое худшее!

— Могу лишь догадываться, — ответил Кеннет.

— Тогда догадайся!

— Когда он закончит перерождение, ему останется отобрать у тебя единственное, что он не способен скопировать, — твою душу.

Кеннет, похоже, ничуть не боялся Гевина. В его голосе звучала сочувственная мягкость, как если бы он разговаривал с обреченным. На губах мелькнула легкая усмешка.

— Мерзавец! — Гевин вцепился ему в волосы. — Тебе все равно! Тебе наплевать на меня!

Он ударил Рейнольдса по лицу. Потом еще, и еще, и еще… насколько хватило сил.

Кеннет, даже не пытаясь уклониться, молча принимал удары.

Наконец ярость утихла.

Рейнольдс выплюнул раскрошенные зубы.

— Я заслужил, — прошептал он.

— Как его остановить?

— Это невозможно. — Рейнольдс в изнеможении закрыл глаза.

Дрожащими пальцами он потянулся к руке Гевина, разжал его кулак и прикоснулся холодными губами к ладони…

Гевин выбежал на улицу, бросив Рейнольдса на руинах Рима. Рассказ Кеннета подтвердил его собственные догадки. Оставался последний выход — найти чудовище… и прикончить. В случае неудачи он потеряет единственное, чем дорожил: свое прекрасное лицо. Разговоры о душе и человечности казались теперь пустой болтовней. Ему нужно одно — его лицо.

Не заботясь о том, куда идет, он добрался до Кенсингтона. Год за годом он оставался жертвой обстоятельств. Наступил роковой момент. Победа или смерть.

Рейнольдс смотрел, как сумерки опускаются на город.

Он не увидит больше ни сумерек, ни городов. Он со вздохом опустил шторы и приставил к груди короткий клинок.

— Ну же, — сказал он себе и надавил рукоятку.

Едва почувствовав боль, Рейнольдс понял: ему не хватит решимости продолжить. Тогда он прислонился к стене, оперся о нее рукояткой меча и всем телом подался вперед. Получилось. Он не знал, глубоко ли вонзился клинок, но, судя по количеству крови, скоро должна наступить смерть. Рейнольдс неуклюже взмахнул рукой и упал, ощутив твердость беспощадной стали в своем теле.

Он прожил еще минут десять. Да, он наделал много глупостей в течение своих сорока семи лет, но сейчас его любимый Флавин мог им гордиться.

Крупные капли дождя звонко застучали по крыше. Рейнольдс представил себя погребенным под руинами смытого ливнем дома. Перед глазами пронеслось удивительное видение: фонарь в чьей-то руке, неясные голоса — призраки будущего явились за разгадкой его загадочной истории. Он открыл рот, чтобы спросить, который год на дворе…

Три дня прошли в безрезультатных поисках. Чудовище умело ускользало от преследователя, но Гевина не оставляло ощущение его постоянного присутствия. В баре к нему подходили совершенно

незнакомые люди:

— Я видел тебя вчера вечером на Эджвер-роуд!

А его там и близко не было.

Или:

— Как ты тогда врезал этому арабу!

Ему это даже начинало нравиться. Судьба подарила ему удовольствие, которого он не знал с двух лет, — беспечность.

Ну и что, если странное существо с его лицом цинично нарушает все законы на ночных улицах? Если эта тварь живет его жизнью? Засыпая, он знал, что его двойник бродит сейчас в поисках очередной жертвы, и это знание доставляло ему удовольствие. Гевин начал относиться к статуе не как к угрожающему его жизни монстру, а как к своему общественному лицу. Чудовище стало его тенью.

Он проснулся.

На часах — четверть пятого. Уличный шум проникал сквозь плотно закрытые окна. Наступали сумерки. В комнате было душно, воздух многократно прошел через его легкие. После визита к Рейнольдсу прошла неделя. За это время Гевин всего трижды выбирался из своей конуры — крохотная спальня, кухня и ванная. Сон стал важнее, чем еда и прогулки. Гевин глотал снотворное, если сон не приходил (что, впрочем, случалось нечасто); привык к затхлости воздуха, к яркому свету, льющемуся в незанавешенные окна, к ощущению оторванности от мира, где ему нет больше места.

Сегодня он решил, несмотря на отсутствие желания, выбраться подышать свежим воздухом. Позже, когда бары опустеют и никто не сможет рассказать ему, где встречал его на этой неделе. Собраться с силами было трудно.

Вода.

Ему снилась вода. Сидя у пруда с рыбками в Форт-Лодердейле, он наблюдал за тем, как возникают, расходятся и исчезают круги на воде. Журчали струи небольшого водопада. Гевин слышал это во сне. Теперь он проснулся, но шум не стих.

Слышалось уже не журчание, а плеск воды. Очевидно, кто-то пришел, пока Гевин спал, и сейчас принимает ванну. Он стал мысленно перебирать своих знакомых, пытаясь понять, кто это. Претендентов было не так много. Во-первых, Пол — он ночевал здесь на полу пару дней назад, мальчишка из начинающих. Потом — Чинк, продавец наркотиков. Еще девчонка с одного из нижних этажей, кажется, ее зовут Мишель. Кто же? Он прекрасно знал,

кто это, но продолжал бессмысленную игру с самим собой, пока не отбросил всех троих. Но оставался еще один…

Гевин вылез из-под простыней и одеял. От холода кожа покрылась мелкими пупырышками. По пути за халатом, лежавшим в другом конце комнаты, он взглянул на себя в зеркало. Кадр из фильма ужасов — в тусклом сумеречном свете стоял худой, сжавшийся от холода человечек. Тень.

Надев халат — свое единственное приобретение за последние дни, — он пошел в ванную. Тишина. Гевин толкнул дверь.

Линолеум под ногами был влажен. Ему хотелось одного: увидеть гостя и тут же прокрасться обратно в кровать. Но это любопытство было болезненным — слишком много вопросов остаются без ответа.

За окном тем временем окончательно стемнело, и комната погрузилась в холодный мрак. Только стук дождя нарушал тишину. Ванна наполнилась до краев. Вода была совершенно спокойна… и черна. Ничто не нарушало ее глади. Он лежал там, на дне.

Сколько дней прошло с тех пор, когда Гевин зашел в ярко освещенную ванную и взглянул на воду? Казалось, это произошло вчера. Его жизнь с тех пор стала похожа на одну бесконечную ночь. Гевин заглянул в ванну: да, он там. Опять спит, свернувшись калачиком; в одежде, будто не успел раздеться перед тем, как спрятаться в воде. На месте лысины теперь красовалась роскошная копна волос. Черты лица стали почти совершенными. Тонкие нежные руки сложены на груди.

Наступала ночь. Гевину надоело стоять у края ванны и разглядывать спящую тварь. Ну что ж, его нашли, причем явно не собирались больше с ним расставаться.

Ничего не оставалось, как идти досматривать сны. Дождь за окном усиливался. После невыносимо долгого рабочего дня тысячи людей возвращаются домой. Скользкие дороги. Несчастные случаи. Объятые пламенем машины и тела. Сон то приходил, то пропадал опять.

Посреди ночи он проснулся от скрипа двери. Во сне он снова видел воду и слышал ее плеск. Его двойник вылез из ванны и вошел в комнату.

В тусклом свете из окна ничего нельзя было толком разглядеть.

— Гевин, ты проснулся? — прозвучал вопрос.

— Да, — ответил он.

— Мне нужна твоя помощь.

В голосе не звучало никакой угрозы. Так просят брата.

— Что тебе нужно?

— Немного подлечиться.

— Подлечиться?

— Зажги свет.

Гевин включил светильник и взглянул на стоящую перед ним фигуру. Руки существа уже не были сложены на груди, и глазам предстала огромная рана. Крови, разумеется, не видно — ей неоткуда взяться. На таком расстоянии Гевин не заметил также внутри твари ничего похожего на человеческие внутренности.

— Господи, что случилось? — спросил он.

— У Преториуса были друзья, — ответил монстр, прикоснувшись пальцами к краям раны.

Этот жест напомнил Гевину о картине, висевшей в его родном доме, — Спаситель на кресте и подпись: «Я умер за вас».

— Почему ты не умер?

— Потому что я еще не живу.

Еще не живет… Значит, он все-таки смертен.

— Тебе больно?

— Нет. — Ответ прозвучал грустно, будто чудовищу очень недоставало простых человеческих ощущений. — Я ничего не чувствую. Но я учусь. Я уже умею зевать и пускать газы.

Это было столь же трогательно, сколь и абсурдно. Как он, однако, гордится любым признаком принадлежности к роду человеческому.

— А что будет с твоей раной?

— Заживет со временем.

Гевин не хотел больше разговаривать.

— Я тебе неприятен? — спросила статуя.

— Немножко, — ответил он, пожав плечами.

Существо смотрело его глазами, его собственными прекрасными глазами.

— Что тебе сказал Рейнольдс?

— Почти ничего.

— Говорил, наверное, что я — чудовище, что я питаюсь человеческими душами!

— Ну… не совсем.

— И все-таки я угадал.

— Отчасти.

Существо грустно покачало головой.

— С его точки зрения, он, может быть, и прав. Мне нужна была кровь — это, безусловно, чудовищно, но что поделаешь! В молодости, месяц назад, я в ней купался. Это давало моему деревянному телу ощущение

плоти. Сейчас в этом нет необходимости — я почти ожил. Теперь мне нужна только…

Оно смутилось. Не потому, что собиралось солгать, скорее — не могло подобрать подходящих слов.

— Так что же тебе нужно? — настаивал Гевин.

Существо опустило глаза.

— Ты знаешь, я уже жил несколько раз. Иногда я крал чужие жизни, жил ими, а когда надоедало — сбрасывал старое лицо и находил себе новое. Иногда — как это произошло в последний раз — просто поддавался очарованию и терялся…

— Ты — какой-то механизм?

— Нет.

— Что же тогда?

— Я — это я… Мне не приходилось встречать никого, похожего на меня. Может быть, таких много, а может — совсем нет. Вдруг я единственный в своем роде? И вот я живу, умираю, ровным счетом ничего не зная о самом себе, — с горечью произнесло создание. — Видишь ли, ты живешь в мире подобных тебе людей. А если бы ты был один на свете, что бы ты знал? Только то, что видно в зеркале. Остальное — догадки.

Не согласиться с ним было трудно.

— Можно мне прилечь? — спросило оно.

Существо приблизилось, и Гевин смог разглядеть рану на его груди. На месте сердца — что-то вроде бесформенной грибницы. Не сняв мокрой одежды, чудовище с тяжким вздохом нырнуло в кровать.

— Мы вылечимся, — сказало оно. — Было бы время.

Гевин пошел к двери и проверил, заперта ли она. На всякий случай он подтащил стол и поставил его так, чтобы никто не мог опустить ручку. Никто не помешает их сну. Они здесь в безопасности — он и оно, он и его второе «я». Гевин сварил кофе и сел в кресло напротив кровати, не сводя глаз со спящего гостя.

Дождь не прекращался. Ветер с бешенством бросал на стекло мокрые листья, а тяжелые капли добивали их, как любопытных мотыльков. Гевин иногда поглядывал на них, устав смотреть на свою спящую копию, но взор против его воли возвращался к кровати. Он опять видел эти тонкие запястья, длинные ресницы… Под вой сирены «скорой помощи», промчавшейся за окном, он заснул. А дождь все шел…

В кресле было не очень удобно, он поминутно просыпался и приоткрывал глаза. Существо выбралось из постели, вот оно стоит у окна, вот разглядывает себя в зеркало, а теперь шумит на кухне. Оно открывало

кран — Гевину снилось море. Оно раздевалось — Гевину снилось, что он занимается любовью. Оно смотрело на него — Гевину на мгновение показалось, что он поднимается над крышами домов… Существо надело его одежду — он во сне пробормотал что-то о краже. Уже рассвело. По комнате, насвистывая веселую песенку, прогуливался он сам. Гевин очень хотел спать и уже не обращал внимания на то, что какой-то парень разгуливает в его одежде и живет его жизнью.

Наконец существо нагнулось, по-братски поцеловало Гевина в губы и вышло. Дверь тихо закрылась.

Прошло еще несколько дней — Гевин не считал сколько. Он безвылазно сидел дома и пил воду. Жажда казалась неутолимой. Пил и спал, спал и пил…

Его постель так и не высохла после того, как в ней лежал нежданный гость, но желания сменить простыни не возникало. Гевину нравилось лежать на влажном белье, сушить его теплом своего тела. Когда постель немного подсыхала, он принимал ванну в воде, которую не менял после ухода двойника, и возвращался, весь в темных холодных каплях. Холодная комната пропахла плесенью. Порой ему так не хотелось вставать, что он опустошал мочевой пузырь прямо в кровати.

И все еще, несмотря на ледяной холод комнаты, голод и наготу, смерть не приходила.

В шестую или седьмую ночь он проснулся с твердым решением покончить с бессмысленной жизнью. Не понимая толком, что собирается сделать, он бродил по комнате, как неделю назад бродила по ней его копия. Он останавливался у окна, у зеркала, откуда на него глядело жалкое подобие неотразимого Гевина. Снег проникал сквозь ставни и медленно таял на подоконнике.

Его взгляд неожиданно остановился на лежавшей у окна семейной фотографии. Существо тоже разглядывало ее тогда. Или ему все приснилось? Нет. Он ясно помнил темный силуэт на фоне окна и фотографию в тонкой руке.

Нельзя уйти из жизни, не попрощавшись с родителями. Может, после этого он сумеет умереть.

Он шел по запущенному кладбищу, одетый в старые брюки и легкую рубашку. Случайные прохожие отпускали едкие замечания, которые он игнорировал. Какое дело всем этим людям до того, что он идет к смерти босиком. Дождь то усиливался, то стихал, иногда переходил в мокрый обжигающий снег, но не прекращался.

Перед церковью, где шла служба, стояли яркие автомобили. Он заглянул внутрь. Хотя сырость проникла и туда, Гевину сразу стало теплее. Он увидел высокие своды, бесконечные ряды скамей, зажженные свечи. Он смутно представлял себе, где искать могилу отца, и медленно пошел мимо одинаковых надгробий. Гевин совершенно не помнил тот день, миновало уже шестнадцать лет. Все прошло как-то незаметно — ни слов о жизни и смерти, ни плачущих родственниц. Никто не отвел его в сторону, чтобы разделить испепеляющее сердце горе.

Могилу, скорее всего, никто не посещает. Гевин ничего не слышал о своих родных с тех пор, как ушел из дому. Сестре всегда хотелось уехать из этой «чертовой страны», хотя бы в Новую Зеландию. Мать, наверное, в очередной раз вышла замуж, бедняжка, или живет в жалком одиночестве. Гевин помнил ее истерические припадки.

Ну, вот он. В мраморной вазе стояли свежие цветы. Старика не забыли! Похоже, сестра пыталась найти здесь какое-то утешение. Гевин прикоснулся пальцами к холодному камню. Имя, даты, эпитафия. Ничего особенного. А что еще можно сказать об отце?

Он представил себе отца, сидящего у края могилы. Болтая ногой, старик приглаживал ладонью редкие волосы.

— Что скажешь, папа?

Отец не реагировал.

— Меня, наверное, долго не было?

— Ты сам сказал это, сынок.

— Я всегда был осторожен, как ты меня учил. По-моему, за нами никто не наблюдает.

— Чертовски рад.

— Мне так ничего и не удалось.

Отец аккуратно высморкался — трижды, как всегда. Сначала левую ноздрю, потом правую, потом опять левую. И исчез…

— Старый олух.

Раздался свисток проходившего невдалеке поезда. Гевин поднял глаза. В нескольких метрах перед ним абсолютно неподвижно стоял… он сам. В той же одежде, которую он взял, уходя из квартиры. Она стала грязной и потрепанной. Но кожа! Такой прекрасной кожи никогда он у себя не помнил. Она почти светилась в промозглом осеннем воздухе, а слезы на щеках двойника еще больше подчеркивали совершенство черт.

— Что с тобой? — спросил Гевин.

— Ничего особенного. Я всегда плачу на кладбище.

Переступая через могилы, он направился к Гевину. Под его ногами

скрипел песок, пригибалась жухлая трава. Все было так реально.

— Ты бывал здесь раньше?

— Да, много раз… в течение многих лет.

Многих лет? Что он имеет в виду? Неужели он оплакивал здесь тех, кого убил?

— Я приходил к отцу. Дважды, может, трижды в год.

— Он не твой отец, — удивленно пролепетал Гевин. — Он мой.

— Что-то я не вижу слез на твоих глазах.

— Я чувствую…

— Ничего ты не чувствуешь, — ответил ему он сам. — Признайся, что не чувствуешь ничего особенного.

Это была правда.

— А я… — Слезы хлынули из глаз двойника. — Я буду помнить о нем до самой смерти.

Это походило на дешевый спектакль, но откуда столько горя в его глазах? Почему слезы обезобразили его прекрасные черты? Гевин не любил плакать — в такие минуты он самому себе казался жалким и смешным. Но это существо не скрывало слез. Оно ими гордилось. Они были его триумфом.

Даже теперь, когда перед ним стояло воплощение скорби, Гевин не находил в своей душе никакого отклика.

— Ну же, утри сопли. Я прошу тебя.

Двойник едва ли слушал.

— Почему мне так больно? — спросил он после небольшой паузы. — Это страдание делает меня человеком?

Гевин пожал плечами. Его мало заботило сложное искусство быть человеком. Двойник тем временем утер рукавом слезы, шмыгнул носом и с тем же выражением невосполнимой потери на лице попытался улыбнуться.

— Прости, — сказал он. — Я, конечно, веду себя глупо. Пожалуйста, прости меня.

Пытаясь успокоиться, он сделал глубокий вдох.

— Все в порядке, — ответил Гевин.

Разыгравшаяся сцена немного смутила его, и он хотел уйти.

— Твои цветы? — спросил он, отвернувшись от могилы.

— Да, — кивнул двойник.

— Он терпеть не мог цветов.

Существо всхлипнуло.

— Ах…

— А впрочем, какое это имеет значение.

Даже не взглянув на своего двойника, Гевин повернулся и зашагал по узкой тропинке, ведущей к церкви.

— Не мог бы ты порекомендовать мне хорошего дантиста? — услышал он за спиной.

Гевин усмехнулся и пошел своим путем.

Был час пик. Узкая дорога, проходившая рядом с церковью, была слишком тесна для нескончаемого потока автомобилей. Пятница — завершилась еще одна неделя, и сотни людей спешили домой. Блеск фар, пронзительные сигналы.

Гевин сошел с тротуара, не обращая внимания на визг тормозов и ругань водителей, и двинулся вперед, не глядя по сторонам, будто гулял по цветущему лугу.

Одна из машин задела его крылом, с другой он чуть не столкнулся. Нетерпеливое желание людей поскорее добраться до места, откуда они вскоре будут стремиться уехать куда угодно, было комическим. Пусть они злятся на Гевина, пусть ненавидят, пусть рассматривают его бесцветное лицо… и катят дальше. Возможно, один из них не успеет повернуть руль и собьет его. Все равно. Отныне он принадлежит случаю, знаменосцем которого ему так хотелось стать.

Сидни Хорлер

Сидни Генри Хорлер(1888–1950) родился в лондонском районе Лейтонстоун и получил образование в школах Редклифф и Колстон в Бристоле. В 1905 году он стал журналистом бристольской газеты «Вестерн дейли пресс», а в 1911 году — штатным автором манчестерской издательской фирмы «Эдвард Халтон и К°». Впоследствии он перебрался в Лондон, где работал на «Дейли мэйл» и «Дейли ситизен», а когда разразилась Первая мировая война, вступил в ряды BBC и служил в воздушной разведке, сперва чиновником, а затем — сотрудником отдела пропаганды; из-за слабого зрения он не принимал участия в боевых действиях. После войны Хорлер женился и стал помощником редактора литературного журнала «Джон О'Лондон уикли»; он также начал писать художественную прозу и, когда в 1919 году был уволен, целиком посвятил себя сочинению книг о спорте, романов и рассказов.

В 1925 году Хорлер опубликовал свой первый детективный роман «Тайна первого номера», а в последующие три десятилетия стал наиболее плодовитым, популярным и успешным автором триллеров в Великобритании. Им написано 157 книг — по большей части это криминальные романы, а также несколько историй о сверхъестественном. Издатели неизменно помещали на суперобложку его очередной книги восклицание «Хорлер для острых ощущений!». Самый известный «сквозной» персонаж писателя — достопочтенный Тимоти Овербери Стендиш по прозвищу Задира, энергичный искатель приключений наподобие «Бульдога» Драммонда.

Рассказ «История со священником» был впервые опубликован в авторском сборнике «„Кричащий череп“ и другие истории» (Лондон: Ходдер и Стоутон, 1930).

История со священником (© Перевод А. Чикина.)

Довольно часто, по крайней мере раз в неделю, я навещал католического священника. Так было вплоть до его смерти. То, что сам я протестант, никоим образом не отражалось на нашей дружбе. Отец Р. был одним из самых замечательных людей, встретившихся на моем жизненном пути. Он очень располагал к себе и был человеком, открытым миру — в самом лучшем смысле. Он проявлял живой интерес к моей писательской

деятельности, и мы часто обсуждали вместе различные сюжеты и ситуации.

История, которую я собираюсь рассказать, случилась года полтора тому назад, за десять месяцев до его болезни. В то время я работал над романом «Проклятие Луна», где речь шла о том, как один злодей для своих целей воспользовался страшной легендой, связанной со старинным поместьем в Девоншире.

Отец Р. выслушал сюжет и, к моему громадному удивлению, заметил:

— Для некоторых ваш роман может стать предметом насмешек. Они не позволят себе поверить в то, что предания о вампирах имеют реальную основу.

— Пусть так, — ответил я, — однако Брэм Стокер взбудоражил читательское воображение «Дракулой», одной из самых ужасающих и захватывающих книг, когда-либо вышедших из-под пера сочинителя. Мои читатели, я надеюсь, тоже воспримут описываемые мною события как обычную «выдумку» автора.

— Несомненно, — кивнул священник и заметил: — Кстати, я верю в существование вампиров.

— Верите?

У меня по спине пробежали мурашки. Одно дело — писать об ужасном, но совершенно другое — видеть, как оно обретает конкретную форму.

— Да, — сказал священник, — я вынужден верить в существование вампиров по одной простой и одновременно невероятной причине: с одним из них я встречался лично.

Я приподнялся со стула. Я не сомневался в правдивости священника, и все же…

— Понимаю, мой дорогой друг, — продолжил он, — мое признание может показаться весьма странным, но, уверяю вас, это правда. История, которую я собираюсь вам рассказать, приключилась со мной много лет назад и в другом месте. Где конкретно, не стоит уточнять.

— Поразительно… Вы действительно видели вампира так же, как я сейчас вижу вас?

— Не только видел, но и разговаривал с ним. До сегодняшнего дня я ни одной живой душе, кроме одного монаха, не рассказывал об этом случае.

Это было приглашение послушать. Набив трубку, я поудобнее устроился на стуле напротив пылающего камина. Мне уже доводилось слышать о том, что правда невероятнее вымысла, — и вот теперь, похоже, я

получил необыкновенную возможность стать свидетелем того, как мои самые смелые фантазии бесславно меркнут перед реальными событиями.

Священник начал свою историю.

— Название небольшого городка не имеет значения. Достаточно упомянуть, что находится он на западе Англии и живет в нем много весьма состоятельных людей. В семидесяти пяти милях оттуда расположен большой город, и тамошние предприниматели, уходя от дел, часто переезжают в Н., чтобы провести там остаток своих дней. Я был молод, моя деятельность приносила мне большое удовлетворение. Но тут произошло… Впрочем, я забегаю вперед.

Я очень дружил с местным врачом; он навещал меня, когда у него выпадало свободное время, и мы беседовали на разные темы. Мы пытались найти ответы на многие вопросы, которые, как убеждает мой жизненный опыт, не имеют решения… по крайней мере, в этом мире.

Однажды вечером мы сидели у меня дома, и мне показалось, что он как-то странно посмотрел на меня.

— Что вы думаете об этом Фарингтоне? — спросил он.

По странному совпадению он задал свой вопрос именно в тот момент, когда я сам бессознательно вспомнил о Фарингтоне.

Человек, называвший себя Джозефом Фарингтоном, был в городе новичком — он совсем недавно поселился там. Одно это обстоятельство могло стать питательной средой для пересудов, не говоря о том, что он приобрел самый большой дом на холме, возвышающемся в южной части города — в самом лучшем квартале. Не считаясь с расходами, он обставил дом с помощью одного из самых известных лондонских торговых домов. В этом особняке, носившем название «Фронтоны», он часто устраивал приемы, однако никто не желал приходить к нему в гости во второй раз. Ходили слухи, что Фарингтон «какой-то чудной».

Я, конечно, знал об этом — все сплетни в мельчайших подробностях доходят до ушей священника, — но все же колебался с ответом на прямо поставленный вопрос.

— Признайтесь, отче, — мой собеседник заметил мои колебания, — как и всем нам, вам не нравится этот человек! Фарингтон выбрал меня в качестве личного врача, но лучше бы его выбор пал на кого-нибудь другого. Какой-то он чудной.

И снова — «какой-то чудной». Слова доктора еще звучали у меня в ушах, а я уже мысленно представил себе Фаринггона таким, как я его запомнил во время прогулки по главной улице: он фланировал, а все вокруг

исподтишка поглядывали в его сторону. Крупного телосложения, само воплощение мужественности, Фарингтон выглядел таким цветущим, что на ум невольно приходила мысль: этот человек не умрет никогда. Розовощекий, с волосами и глазами черными как смоль, он передвигался с гибкостью юноши. Однако, судя по его биографии, лет ему было никак не меньше шестидесяти.

— Я думаю, Сандерс, — решил я утешить друга, — Фарингтон не доставит вам хлопот. Он здоров как бык.

— Вы не ответили на мой вопрос, — упорствовал врач. — Забудьте о своем сане, отче, и скажите мне, что вы думаете о Джозефе Фарингтоне. Вы согласны, что от него бросает в дрожь?

— Вы врач — и говорите такое! — пожурил я его, не желая высказывать свое истинное мнение о Джозефе Фарингтоне.

— Ничего не могу с собой поделать… Я испытываю перед ним невольный страх. Сегодня днем меня вызвали во «Фронтоны». Как и множество людей подобного телосложения, Фарингтон ипохондрик. Ему показалось, что его сердце не в порядке.

— И что же?

— Да он сто лет проживет! Но поверьте, отче, с ним рядом невыносимо тяжко, в нем есть что-то жуткое. Я испугался… да, испугался. Все время, пока я находился в доме, меня одолевал страх. Мне было необходимо поделиться с кем-нибудь этими страхами, а вы самый надежный человек в городе, поэтому я здесь… Но, как вижу, вы свое мнение держите при себе.

— Предпочитаю не спешить, — ответил я.

Такой ответ казался мне наиболее верным.

Два месяца спустя после беседы с Сандерсом не только город, но и всю страну потрясло и ужаснуло зверское преступление. В поле обнаружили труп восемнадцатилетней девушки, местной красавицы. Ее лицо, в жизни столь прекрасное, в смерти сделалось отталкивающим из-за застывшего на нем выражения смертельного страха.

Бедняжка была убита, причем таким кошмарным способом, что люди содрогнулись. На горле девушки зияла огромная рана, словно на нее напал какой-то хищник из джунглей.

Нетрудно догадаться, почему подозрения в совершении такого дьявольского преступления пали на Джозефа Фарингтона, как бы дико это ни звучало. Настоящих друзей ему завести не удалось, хотя он старался быть общительным. А Сандерс, будучи хорошим доктором, был не самым тактичным человеком, и его отказ стать врачом Фарингтона — вы помните,

он неоднократно намекал на это в нашей беседе — вызвал толки. Люди пребывали в крайне взвинченном состоянии и, несмотря на отсутствие прямых улик, стали называть Фарингтона убийцей. Горячие головы, в основном молодежь, даже поговаривали о том, чтобы ночью поджечь «Фронтоны» и поджарить хозяина в его постели.

Когда напряжение достигло апогея, я, сам того не желая, оказался вовлеченным в это дело. Фарингтон прислал мне записку с приглашением на ужин. Она заканчивалась словами:

> *Мне надо с вами кое-что обсудить. Пожалуйста, приходите.*

Как священник, я не мог оставить его просьбу без внимания и принял приглашение.

Фарингтон встретил меня радушно, угостил великолепным ужином; на первый взгляд все было в порядке. Но… странная вещь: едва увидев его, я ощутил неладное. Как и доктора Сандерса, в присутствии Фаринггона меня охватило беспокойство, я почувствовал страх. От него исходили флюиды зла, в нем ощущалось что-то дьявольское, отчего в моих жилах стыла кровь.

Я, как мог, старался скрыть замешательство, усилившееся после ужина, когда Фарингтон завел речь об убийстве несчастной девушки. И тотчас же страшная догадка пронзила мой мозг: он убийца, он чудовище!

Собравшись с силами, я принял его вызов.

— Вы выразили желание встретиться со мной сегодня вечером, дабы снять с души ужасное бремя, — сказал я. — Вы не станете отрицать свою причастность к убийству несчастной девушки?

— Нет, — тихо ответил он, — не стану. Я ее убил. Меня толкнул на это демон, которым я одержим. Но вы, как священник, должны свято блюсти тайну исповеди и не можете никому рассказать о моем признании. Дайте мне еще несколько часов. Я сам решу, что мне делать.

Некоторое время спустя я покинул его дом. Фарингтон больше ничего не хотел объяснять.

— Дайте мне еще несколько часов, — повторил он на прощание.

В ту ночь мне привиделся дурной сон. Я чувствовал, что задыхаюсь.

С трудом глотая воздух, я подбежал к окну, распахнул его настежь и без чувств повалился на пол.

Очнувшись, я увидел склонившегося надо мной Сандерса — его вызвала моя верная экономка.

— Что случилось? — спросил доктор. — У вас было такое лицо, будто вы заглянули в ад.

— Именно так, — ответил я.

— Это имеет отношение к Фарингтону? — спросил он без обиняков.

— Сандерс, — от избытка чувств я вцепился в его руку, — существуют ли в наше время такие ужасные существа, как вампиры? Скажите мне, умоляю вас!

Мой добрый друг заставил меня сначала сделать глоток коньяку и только потом ответил. Точнее, задал вопрос:

— Почему вы спрашиваете об этом?

— Звучит невероятно, и я надеюсь, что все это мне приснилось… но я лишился чувств после того, как распахнул окно и увидел — или мне почудилось — летящего мимо окна Фарингтона.

— Я не удивлен, — сказал доктор. — Исследование изуродованного тела бедной девушки привело меня к выводу, что она погибла в результате чего-то ужасного и аномального. В наши дни мы практически не слышим о вампирах, — продолжил он, — но это не означает, что дьявольские силы больше не вселяются в обычных людей, наделяя их сверхъестественными способностями. Кстати, на что походило существо, которое, как вам показалось, вы видели за окном?

— Оно напоминало большую летучую мышь, — ответил я, содрогаясь.

— Завтра, — произнес Сандерс решительным голосом, — я отправлюсь в Лондон, в Скотленд-Ярд. Может, меня там и осмеют сначала, но…

В Скотленд-Ярде его не осмеяли. Однако преступники со сверхъестественными способностями были не по их части. Кроме того, Сандерсу сказали, что для обвинения Фарингтона потребуются доказательства. И даже если я решусь нарушить обет священника — что при любых обстоятельствах исключалось, — моих показаний все равно будет недостаточно.

Решение задачи нашел Фарингтон — он покончил с собой. Его обнаружили в постели с простреленной головой.

Но, по словам Сандерса, погибло только тело, а злой дух парит над землею в поисках другой человеческой оболочки.

Боже, помоги его несчастной жертве!

Хью Б. Кейв

Хью Барнетт Кейв(1910–2004) родился в Честере, но во время Первой мировой войны его семья переселилась в Бостон, США. Недолгое время Кейв посещал Бостонский университет, затем работал в небольшом издательстве, выпускавшем книги за счет средств авторов, перед тем как в возрасте двадцати лет полностью посвятить себя литературе. Годом раньше были опубликованы два его рассказа, «Остров Божьего суда» и «Бассейн смерти»; в дальнейшем из-под его пера вышло более тысячи рассказов, опубликованных в палп-журналах, а также более трехсот, появившихся на страницах «глянцевых» изданий, таких как «Кольерс уикли», «Редбук», «Домашнее хозяйство» и «Сэтедей ивнинг пост». Хотя он работал практически во всех жанрах, чаще всего его вспоминают как автора страшных, мистических и научно-фантастических произведений. Помимо многочисленных рассказов Кейв написал сорок романов, книги для подростков и несколько томов нехудожественной прозы, включая авторитетное исследование вудуизма. Большой популярностью пользовался его роман «Ночи были долги» (1943), основанный на его подробном репортаже о событиях Второй мировой войны в Тихом океане, в частности о судьбе торпедных катеров в Гуадалканале; событиям в тихоокеанском театре военных действий посвящены также несколько документальных книг писателя.

Кейв — обладатель многих литературных наград, в том числе премии «Живая легенда» от Международной гильдии хоррора, премии Брэма Стокера за вклад в литературу от Американской ассоциации авторов хоррора и Всемирной премии фэнтези за вклад в литературу.

Рассказ «Страгелла» был впервые опубликован в журнале «Странные истории о таинственном и ужасном» в июне 1932 года.

Страгелла (© Перевод В. Двининой.)

Стояла ночь, черная как деготь, наполненная завываниями умирающего ветра, вязнущего бесформенным призраком в маслянистых водах Индийского океана, великого и угрюмого серого простора, пустого — за исключением одинокого пятнышка, то взлетающего, то падающего, повинуясь тяжелой зыби.

Этой несчастной, заброшенной в океан крошкой была корабельная

шлюпка. Семь дней и семь ночей носило ее по необъятной водной пустыне вместе с ее жутким грузом. И вот теперь один из двоих выживших, стоя на коленях, смотрел на восток, туда, где над краем мира уже брезжило красное зарево рассвета.

Рядом с ним на дне лодки лицом вниз лежал второй человек. Он провел в этой позе всю долгую ночь. Даже проливной дождь, хлынувший в сумерках, дождь, наполнивший плоскодонку дарующей жизнь влагой, не заставил его пошевелиться.

Первый человек пополз вперед. Помятой жестяной кружкой он зачерпнул с брезента немного воды, перевернул своего спутника и силой влил питье в щель между пересохшими губами.

— Миггз! — окликнул он товарища надтреснутым шепотом. — Миггз! Господи боже, ты же не умер, Миггз? Я не хочу оставаться тут совсем один…

Джон Миггз приоткрыл глаза.

— Что… что случилось? — пробормотал он.

— У нас есть вода, Миггз! Вода!

— Ты снова бредишь, Йенси. Это… это не вода. Это всего лишь море…

— Это дождь! — прохрипел Йенси. — Прошлой ночью шел дождь. Я расстелил брезент. Всю ночь я лежал вверх лицом, и дождь лился мне в рот!

Миггз прикоснулся к кружке кончиком языка и с подозрением лизнул ее содержимое. А потом с невнятным вскриком проглотил всю воду. И, бессвязно бормоча что-то, пополз, точно обезьяна, к брезенту.

Йенси, рыча, оттащил его назад.

— Нет! Мы должны беречь ее, ясно? Мы должны выбраться отсюда.

Миггз сердито уставился на него с противоположного конца шлюпки. Йенси неуклюже растянулся возле брезента и снова стал вглядываться в пустынный океан, пытаясь разобраться в случившемся.

Они находились где-то в Бенгальском заливе. Неделю назад они плыли на борту «Кардигана», крошечного грузового суденышка, взявшегося перевезти горстку пассажиров из Молмейна в Джорджтаун. Возле архипелага Мергуи на «Кардиган» обрушился тайфун. Двенадцать часов стонущий корабль качался на взбесившихся волнах. Затем он пошел ко дну.

Воспоминания о последующих событиях всплывали в памяти Нелза Йенси спутанной вереницей немыслимых кошмаров. Сперва в этой маленькой лодчонке их было пятеро. Четыре дня дикой жары, без еды, без питья, свели с ума маленького жреца-перса — он прыгнул за борт. Двое

других напились соленой воды и умерли в мучениях. Так они с Миггзом остались вдвоем.

Солнце засияло на раскаленном добела небе. Море было спокойным, маслянистую гладь не нарушало ничего, кроме черных плавников, терпеливо следующих за лодкой. Но ночью еще кое-кто присоединился к акулам в их адской погоне. Извивающиеся морские змеи, появившиеся словно из ниоткуда, охотились за шлюпкой, огибая ее круг за кругом: стремительные, ядовитые, мстительные. А над головой вились чайки, они то зависали в воздухе, то пикировали с дьявольскими криками, наблюдая за двумя людьми безжалостными, никогда не устающими глазами.

Йенси взглянул на них. Чайки и змеи могли означать только одно — землю! Наверное, птицы прилетели с Андаманских островов, с тех самых, куда Индия ссылает преступников. Но это неважно. Они были здесь. Эти омерзительные, опасные вестники надежды!

Рубаха Йенси, грязная и изорванная, висела на плечах расстегнутой, не скрывая впалой груди с нелепой татуировкой. Давным-давно — слишком давно, чтобы помнить, — он кутил на одной пирушке в Гоа. Во всем виноват японский ром и японский чудик. В компании с двумя другими матросами «Кардигана» Йенси ввалился в заведение, где делают татуировки, и надменно приказал япошке «Намалевать все, что твоей чертовой душе угодно, профессор. Все, что угодно!» И японец, оказавшийся религиозным и сентиментальным, украсил грудь Йенси великолепным распятием, огромным, витиеватым, цветным.

Взгляд Йенси упал на рисунок, и губы его искривились в мрачной улыбке. Но тотчас же внимание его сосредоточилось на чем-то другом — на чем-то необычном, неестественном, приводящем в замешательство, — на том, что маячило у горизонта. Там низко над водой висела узкая полоса тумана, словно приплюснутая туча спустилась с неба и теперь тяжело плывет, наполовину погрузившись в море. И маленькую лодку несло туда.

Довольно скоро плотный туман уже окутал плоскодонку. Йенси встал и огляделся по сторонам. Джон Миггз пробормотал что-то себе под нос и перекрестился.

Серовато-белое, вязкое, липкое на ощупь облако не имело формы. Оно пахло — но не так, как пахнет влажный морской туман, нет, от него исходила тошнотворная вонь ночлежки или заплесневевшего погреба. Солнечные лучи не могли пробить эту пелену. Йенси видел над собой лишь расплывчатый красный шар, притушенное око светила, заслоненного клубящимся паром.

— Чайки, — прохрипел Миггз. — Они исчезли.

— Знаю. Акулы тоже. И змеи. Мы совсем одни, Миггз.

Секунды растягивались в вечность, а лодку затягивало все глубже и глубже в туман. А потом возникло что-то еще — что-то, вырвавшееся из тумана, точно стон. Приглушенный, неровный, монотонный бой корабельного колокола!

— Слушай! — задохнулся Миггз. — Слышишь…

Но дрожащая рука Йенси вдруг вскинулась, показывая вперед:

— Ради бога, Миггз! Смотри!

Миггз с трудом поднялся, покачнув лодку. Его костлявые пальцы стиснули руку Йенси. Так они и стояли вдвоем, глядя, как бесплотным призраком иного мира вырастает из воды массивный черный силуэт. До корабля оставалась всего сотня фров.

— Мы спасены, — бессвязно пролепетал Миггз. — Слава богу, Нелз…

Йенси пронзительно закричал. Его хриплый голос распорол туман, точно вой запертого в клетку тигра, и задохнулся в тишине. Ни отклика, ни ответного крика — ни даже слабого шепота.

Шлюпка подошла ближе. Двое мужчин не издали больше ни звука. Ничего — и лишь глухой прерывистый звон загадочного колокола.

А потом они осознали правду — правду, сорвавшую стон с губ Миггза. Судно было покинуто, брошено в океане — пустое, зловещее, окутанное саваном неземного тумана. Корма задралась так, что обнажился красный от ржавчины винт, к которому прицепились гнилые водоросли. На баке, почти стертые временем, с трудом читались слова: «Голконда — Кардифф».

— Йенси, это не настоящий корабль! Он не от мира сего…

Йенси с рычанием наклонился и схватил валяющееся на дне шлюпки весло. С потрепанного корпуса корабля черной змеей свисал канат. Неловкими ударами весла по воде человек направил маленькую лодку к тросу; затем, дотянувшись до линя, он пришвартовался к темному борту.

— Ты… ты собираешься подняться туда? — со страхом в голосе спросил Миггз.

Йенси помедлил, глядя вверх изможденным, мутным взором. Он боялся, сам не зная чего. Облепленная туманом «Голконда» пугала его. Шхуна тяжеловесно качнулась на зыби, а колокол продолжал негромко бить где-то в недрах покинутого корабля.

— Что ж, почему бы и нет? — рявкнул Йенси. — На корабле, быть может, найдется еда. Чего тут бояться?

Миггз промолчал. Ухватившись за канат, Йенси принялся взбираться по нему. Тело его моталось, как труп повешенного. Вцепившись в перила, он подтянулся и перевалился через них, оказавшись на палубе; там он и

стоял, всматриваясь в густую серую пелену, пока Миггз карабкался на шхуну.

— Мне… мне здесь не нравится, — прошептал матрос. — Это не…

Йенси ощупью двинулся вперед. Доски палубы зловеще заскрипели под ним. Миггз держался за спиной товарища. Так они добрались до шкафута, а потом и до бака. Холодный туман, казалось, скопился здесь вязкой массой, как будто притянутый к нему магнитом. Йенси пробирался сквозь него шаркающими шагами, вытянув вперед руки: слепой человек в странном мире.

Внезапно он остановился — остановился так резко, что Миггз налетел на него. Йенси напрягся. Расширившиеся глаза вглядывались в палубу. Глухой, неразборчивый звук слетел с приоткрывшихся губ.

Мертвенно-бледный, непроизвольно съежившийся Миггз, взвизгнув, вцепился в плечо Йенси.

— Что… что это? — выдавил он.

У их ног лежали кости. Скелеты, увитые локонами вязких испарений. Йенси с содроганием склонился над ними, изучая останки. Мертвы. Мертвы и безобидны, но кружение тумана дало им новую жизнь. Они, казалось, ползли, извивались, скользили к человеку и от него.

Некоторые походили на части человеческих тел. Другие представляли собой причудливые, бесформенные обломки. Третьи вообще непонятно как оказались тут. Тигриный череп ухмылялся голодно разинутыми челюстями. Хребет гигантского питона лежал на палубе разбитыми кольцами, скрученными, точно в агонии. Йенси опознал останки тигров, тапиров, еще каких-то неизвестных животных джунглей. И человеческие черепа, множество человеческих черепов, разбросанных повсюду, черепов с насмешливыми, живыми в своей смерти лицами, искоса смотрящих на него, следящих за моряком с каким-то адским предвкушением. Этот корабль — покойницкая, морг, склеп!

Йенси отпрянул. Ужас вновь навалился на него с утроенной силой. Холодная испарина выступила на лбу, на груди, липкие струйки потекли по вытатуированному распятию.

Он круто развернулся, стремясь к благословенному одиночеству кормы, но лишь наткнулся на лихорадочно вцепившегося в него Миггза.

— Надо убираться отсюда, Нелз! Этот проклятый колокол — и эти штуки…

Йенси оторвал от себя руки товарища. Он пытался усмирить собственный ужас. Этот корабль — эта «Голконда» — всего-навсего грузовое торговое судно. Оно перевозило диких зверей, отловленных

какой-нибудь экспедицией. Животные взбесились, вырвались, потом шхуна попала в шторм. Здесь нет ничего сверхъестественного!

В ответ ударил скрытый под палубой колокол и мягко плеснула волна, зашуршав водорослями, оправшими днище корабля.

— Идем, — мрачно буркнул Йенси. — Я намерен здесь осмотреться. Нам нужна еда.

И он зашагал обратно, к средней части корабля. Миггз потащился следом. Йенси обнаружил, что чем ближе вздернутая корма, тем тоньше слой тумана и слабее смрад.

Люк, ведущий вниз, в трюм, оказался открытым. Крышка его висела перед лицом Йенси, как поднятая рука — израненная, распухшая, застывшая в немом предостережении. А из проема зловеще выползала особенно странная на этом заброшенном судне лоза с пятнистыми треугольными листьями и огромными оранжевыми соцветиями. Точно живая змея, оплелась она вокруг себя, ныряя кольцами в трюм и стелясь по палубе.

Йенси нерешительно шагнул ближе, нагнулся и потянулся к одному из цветков, но тут же отпрянул, невольно зажав нос. Цветы пахли тошнотворно-сладко. Их дикий аромат не притягивал, а отталкивал.

— Что-то, — хрипло прошипел Миггз, — глядит на нас, Нелз! Я чувствую.

Йенси огляделся. Он тоже ощущал близкое присутствие кого-то или чего-то третьего. Чего-то злобного, неземного, чему не подобрать имени.

— Это все твое воображение, — фыркнул он. — Заткнись, ладно?

— Мы не одни, Нелз. Это совсем не корабль!

— Заткнись!

— И цветы — они неправильные. Цветы не растут на борту христианского судна, Нелз!

— Эта лоханка проторчала тут достаточно долго, чтобы на ней успели вырасти деревья, — отрезал Йенси. — Наверное, какие-то семена дали корни в скопившейся внизу грязи.

— Мне это не нравится.

— Иди вперед, посмотри, нет ли там чего. А я поищу внизу.

Миггз беспомощно пожал плечами и побрел по палубе. Йенси же в одиночку спустился на нижнюю палубу. Здесь было темно, полно пугающих теней и странных предметов, потерявших всю свою суть, всю реальность в клубах густого волнующегося тумана. Он медленно шагал по коридору, ощупывая стены обеими ладонями. Моряк забирался в лабиринт все глубже и глубже, пока наконец не отыскал камбуз, который оказался

темницей, провонявшей смертью и гнилью. Тяжелый запах, ничем не тревожимый, словно провисел тут целую вечность. Весь корабль пропитала эта атмосфера — атмосфера могилы, сквозь которую не мог пробиться свежий воздух извне.

Но здесь нашлась еда: жестянки с консервами смотрели на человека с трухлявых полок. Надписи на этикетках размылись, прочесть их Йенси не удалось. Некоторые банки рассыпались, стоило только до них дотронуться — распадались сухой коричневой пылью, которая тонкой струйкой стекала на пол. Другие оказались в лучшем состоянии, они сохранили герметичность. Матрос засунул четыре жестянки в карманы и повернулся к выходу.

Обратно по коридору он шагал гораздо бодрее. Перспектива скорого обеда вытеснила из головы рой неприятных мыслей, так что когда Йенси наткнулся на капитанскую каюту, он пребывал во вполне благодушном настроении.

Здесь тоже поработало время. Стены посерели от плесени, сползшей и на разбитый, покореженный пол. У дальней стены возле койки обнаружился одинокий стол — грязный, закопченный стол, на котором стояла масляная лампа и лежала черная книга.

Йенси осторожно взял лампу и встряхнул ее. Круглое основание все еще наполовину заполняло масло. Он аккуратно поставил лампу на место. Она еще пригодится чуть позже. Нахмурившись, он всмотрелся в книгу.

Это была Библия моряка, маленькая, покрытая слоем пыли. Вид ее оставлял гнетущее впечатление. Вокруг нее, словно какой-то слизняк изучал книгу со всех сторон, оставив след своих выделений, тянулась черная смоляная полоса, неровная, но непрерывная.

Йенси поднял книгу и открыл ее. Страницы скользили под пальцами, и на пол спорхнул клочок бумаги. Человек наклонился и подобрал его, а заметив на обрывке карандашную строчку, пристальнее вгляделся в бумажку.

Тот, кто писал это, явно трудился второпях, грубыми каракулями — бессмысленная записка гласила:

«Крысы и ящики. Теперь я знаю, но слишком поздно. Да поможет мне Бог!»

Покачав головой, Йенси вложил листок между страниц и сунул Библию за пояс — она удобно прижалась к телу, успокаивая уже одним своим присутствием. Затем он продолжил разведку.

В стенном шкафчике нашлись две полные бутылки спиртного — бренди! Оставив их там, Йенси выбрался из каюты и вернулся на верхнюю

палубу за Миггзом.

Миггз стоял, опершись на перила, наблюдая за чем-то внизу. Йенси устало шагнул к приятелю со словами:

— Эй, Миггз, я достал еду! Еду и брен…

Он не закончил. Его глаза автоматически последовали в направлении взгляда Миггза, и он невольно отшатнулся, проглотив слова, так некстати нарушившие напряженную тишину. На поверхности маслянистой океанской воды у корабельного борта сновали морские змеи — огромные, плавно скользящие рептилии в черных, красных и желтых полосах, кошмарные и отвратительные.

— Они вернулись, — быстро проговорил Миггз. — Они знают, что это неправильный корабль. Они вылезли из своих адских нор и поджидают нас.

Йенси с любопытством взглянул на товарища. Интонации голоса Миггза звучали странно — это совсем не тот флегматичный тон, которым коротышка обычно цедил сквозь зубы слова. Да он же возбужден!

— Что ты нашел? — пробурчал Йенси.

— Ничего. Все шлюпки висят на своих шлюпбалках. Ничего не тронуто.

— А я нашел еду, — отрывисто бросил Йенси и схватил своего спутника за руку. — Мы поедим и почувствуем себя лучше. Какого дьявола, кто мы такие — пара психов? Как только поедим, отцепим плоскодонку и уберемся с этого чертова корабля смерти и из этого вонючего тумана. Вода у нас есть в брезенте.

— Уберемся? Уберемся ли, Нелз?

— Да. Давай поедим.

И снова Йенси первым спустился вниз, на камбуз. Там, после двадцатиминутных мучений с проржавевшей печуркой, они с Миггзом приготовили еду, принесенную из капитанской каюты, в которой Йенси зажег лампу.

Ели они медленно, жадно, наслаждаясь вкусом каждого глотка, не желая заканчивать трапезу. Свет лампы дрожал на их и без того осунувшихся лицах, превращая человеческие черты в маски голода.

Бренди, извлеченное Йенси из буфета, вернуло товарищам силы, здравомыслие — и уверенность. А еще оно вернуло тот самый неестественный блеск бегающим глазам Миггза.

— Мы будем идиотами, если смоемся отсюда прямо сейчас, — внезапно заявил он. — Рано или поздно туман рассеется. Мне что-то неохота снова лезть в эту маленькую лодчонку и вверять ей свою жизнь, Нелз, тем более что мы не знаем, где находимся.

Йенси вскинул на него взгляд. Коротышка отвернулся, виновато пожав плечами, и, запинаясь, нерешительно произнес:

— Мне… мне вроде как нравится тут, Нелз.

Йенси снова заметил, как странно блеснули маленькие глазки моряка. Он быстро подался вперед.

— Куда ты отправился, когда остался один? — спросил он резко.

— Я? Никуда. Я… я просто немного осмотрелся и сорвал пару тех цветов. Смотри.

Миггз пошарил в кармане рубахи и вытащил зловещий ярко-оранжевый бутон. Когда он поднес его к губам и вдохнул смертельный аромат, лицо человека вспыхнуло порочным, дьявольским светом. В сверкающих по ту сторону стола глазах внезапно отразилась какая-то изуверская похоть.

Йенси на мгновение оцепенел, а потом вскочил со свирепым проклятием и выхватил цветок из пальцев Миггза. Смяв лепестки, он швырнул оранжевый комок на пол и раздавил его сапогом.

— Ты проклятый тупоголовый кретин! — взвизгнул он. — Ты… Да поможет нам Бог!

Он, прихрамывая и бормоча что-то неразборчивое, выбрался из каюты и, запинаясь, побрел по темному коридору на пустую палубу. Привалившись к перилам, он попытался взять себя в руки, превозмогая слабость.

— Боже, — хрипло шептал моряк. — Боже, что я такое сделал? Неужели я схожу с ума?

Ответа не последовало, ничто не нарушило тишину. Но он знал ответ. То, что он сделал там, в капитанской каюте, те бешеные слова, изрыгнутые его ртом, — они вырвались невольно. Что-то внутри его, какое-то чувство нависшей опасности, швырнуло эти слова в воздух прежде, чем он успел удержать их. Нервы его натянулись, точно готовые лопнуть струны.

Но инстинктивно Йенси понимал, что Миггз совершил страшную ошибку. Что-то потустороннее и нечистое было в этих тошнотворно-сладких соцветиях. На кораблях не растут цветы. Настоящие цветы. Настоящим цветам надо куда-то пускать корни, и, кроме того, у них не бывает такого пьянящего, дурманящего запаха. Не стоило Миггзу трогать лозу. Вцепившийся в поручни Йенси знал это, хотя и не понимал почему.

Он простоял так довольно долго, пытаясь все обдумать и прийти в себя. Однако в конце концов матрос почувствовал страх и одиночество и вернулся в каюту.

На пороге он остановился.

Миггз все еще был там — голова его неуклюже лежала на столе возле пустой бутылки. Он напился до беспамятства и пребывал в благословенном неведении относительно всего вокруг.

Йенси секунду сердито смотрел на товарища. Новый страх впился в его сердце — страх остаться одному в преддверии наступающей ночи. Он дернул Миггза за руку и яростно потряс его — безрезультатно. Пройдут часы, долгие, тоскливые, зловещие часы, прежде чем к Миггзу вернется сознание.

Расстроенный Йенси взял лампу и отправился исследовать оставшиеся части корабля. Он рассудил, что если найдет судовые документы, они, возможно, развеют страхи. Из них он узнает правду.

С подобными мыслями он отыскал каюту помощника капитана. В капитанской каюте, там, где им и место, бумаг не было; следовательно, они могут оказаться здесь.

Но нет. Тут не нашлось ничего — кроме хронометра, секстанта и других навигационных приборов, разбросанных на столе и траченных ржавчиной до полной непригодности. И еще флажков, сигнальных флажков, валяющихся так, словно ими только что пользовались и бросили. И еще груды человеческих костей на полу.

Сторонясь этой жуткой кучи, Йенси тщательно обшарил всю каюту. Очевидно, решил он, капитан «Голконды» умер от неведомой чумы первым. Его помощник перенес все инструменты и флажки к себе — чтобы погибнуть, не успев ими воспользоваться.

Уходя, Йенси взял с собой только одну вещь: фонарь, ржавый, ломкий, но все еще пригодный. Он был пуст, но матрос перелил в него масло из лампы. Затем, оставив лампу в капитанской каюте, где по-прежнему лежал без сознания Миггз, он отправился на палубу.

Взобравшись на мостик, Йенси поставил фонарь рядом. Ночь приближалась. Туман приподнялся, впуская тьму. Йенси был одинок и беспомощен перед неумолимой и зловещей чернотой, стремительно разливающейся в пространстве.

За ним следили. Он это чувствовал. Невидимые взоры, голодные, опасные, ловили каждое его движение. На палубе под ним стелились те самые загадочные лозы, вылезающие из неисследованного трюма. Цветы светились во мраке, точно фосфоресцирующие лица.

— Ради бога, — прошептал Йенси, — надо убираться отсюда.

Собственный голос напугал человека, заставив тревожно оглядеться вокруг, словно не он, а кто-то другой произнес эти слова. И вдруг взгляд его прилип к далекой точке у горизонта по правому борту. Губы дернулись,

открылись и выплюнули пронзительный крик:

— Миггз! Миггз! Огонь! Смотри, Миггз!

Он кинулся вниз с мостика и, лавируя по коридору, добежал до каюты помощника капитана. Йенси лихорадочно схватил сигнальные флажки, но тут же скомкал их, беспомощно застонал и отшвырнул яркие тряпицы. Он сообразил, что в темноте пользы от них никакой. Ругая себя, он принялся искать ракеты. Тщетно.

Внезапно он вспомнил о фонаре. Назад, назад, по коридору, на палубу, на мостик. И вот он уже карабкается с фонарем в руке все выше и выше по черному рангоуту мачты, то и дело поскальзываясь и едва не срываясь. Наконец моряк остановился высоко над палубой, цепляясь ногами и размахивая фонарем взад и вперед…

Палуба под ним перестала быть безмолвной и покинутой. От носа до кормы она дрожала, потрескивала, нашептывала что-то. Человек со страхом взглянул вниз. Расплывчатые тени, появившиеся словно из ниоткуда, шныряли во тьме, уныло прогуливались туда-сюда во мраке. Это они исподтишка следили за ним.

Он слабо вскрикнул. Глухое эхо принесло человеку обратно его голос. Только теперь Йенси осознал, что колокол зазвонил снова и шелест моря стал громче, настойчивее.

Страшным усилием воли он взял себя в руки.

— Проклятый дурак! Сам сводишь себя с ума…

Взошла луна. Она расплывчатой кляксой повисла над горизонтом — как будто грозный желтый указующий перст пронзил сумрак. Йенси, всхлипнув, опустил фонарь. Теперь он ни к чему. В лунном свете этот крошечный огонек будет невидим для людей на борту того, другого корабля. Медленно, осторожно он спустился на палубу.

Человек попытался придумать себе занятие, отвлечь разум от страха. Сперва он вытащил из шлюпки бочонки для воды. Затем расстелил брезент, чтобы на него оседала ночная роса. Неизвестно ведь, сколько им с Миггзом придется торчать на этой скорлупке.

Потом он отправился исследовать полубак. По пути моряк остановился и поднес фонарь к ползучей лозе. Благоухание странных цветов пьянило, отравляло, точно ядовитые испарения. Он проследил за кольцами, исчезающими в трюме, и заглянул вниз, но увидел лишь развалившуюся гору ящиков. Зарешеченных ящиков, когда-то, должно быть, служивших клетками.

Он снова отвернулся. Корабль пытается что-то ему сказать. Он чувствовал это — чувствовал движение досок палубы под ногами. Лунный

свет превратил разбросанные на носу белые кости в нечто чудовищное. Йенси посмотрел туда и содрогнулся. А потом взглянул снова, и нелепые мысли ворвались в его сознание. Кости шевелились. Они скользили, собираясь, выстраиваясь, образуя определенные фигуры. Он мог бы поклясться!

Выругавшись, моряк резко отвел взгляд. Проклятый болван, подумать такое! Стиснув кулаки, он двинулся к баку, но, не добравшись до него, снова застыл.

Его остановил звук хлопающих крыльев. Йенси быстро обернулся, испугавшись, что шум этот исходит из открытого трюма. Он нерешительно сделал шаг — и оцепенел, завопив во весь голос.

Из отверстия появились два жутких силуэта — два немыслимых существа с огромными хлопающими крыльями и горящими глазами. Чудовищные, гигантские. Летучие мыши!

Человек инстинктивно вскинул руки, пытаясь защититься. Но адские создания не собирались нападать. Они на миг зависли над люком, взирая на человека с неким дьявольским подобием разума в глазах. Затем они взлетели над палубой, перемахнули через поручни и нырнули в ночь. Чудовища спешно удалялись на запад, туда, где Йенси заметил мерцание огней второго корабля, держась рядышком, точно ведьмы, мчащиеся во весь опор на шабаш. А под ними, в жирном море, хищные змеи плели затейливые золотистые узоры — дожидаясь!..

Моряк не отрывал взгляда от летучих мышей. Они, точно два адских ока, становились все меньше и меньше, сжались в крошечные точки и наконец исчезли. Но человек по-прежнему не шевелился. Губы его пересохли, тело одеревенело. Он облизал губы. А потом до сознания его долетело кое-что еще. Откуда-то из-за спины тянулась тонкая, пульсирующая нить гармонии — прелестный, сладчайший, чарующий напев.

Он медленно повернулся. Сердце неистово колотилось. Внезапно глаза Йенси расширились.

Там, всего в пяти футах от него, стояла человеческая фигура. Не воображаемая. Настоящая!

Но он никогда не видел девушек, подобных ей. Она была так прекрасна! Дика, почти свирепа. Взгляд огромных черных глаз сверлил его. Белая, как алебастр, гладкая кожа. Угольно-черные волосы, волнующиеся завитки которых, точно порванная паутина смоляных нитей, обрамляют лицо. Нелепо большие золотые кольца в ушах. А в волосах, над серьгами, сияют два зловеще-оранжевых цветка с лозы.

Он не заговорил; он будто проглотил язык. Девушка была боса, с голыми ногами. Короткая темная юбчонка едва прикрывала стройные бедра. Изорванная белая блузка, расстегнутая у горла, не скрывала изгиба пышной груди. В одной руке она держала дудочку, что-то вроде флейты, грубо вырезанную из дерева. А пояс ее обвивал, свисая почти до палубы, алый шелковый кушак, яркий как солнце, но не как ее губы, которые разошлись в слабой, вызывающей порочные мысли улыбке, обнажив мраморные в своей белизне зубки!

— Кто… кто ты? — пролепетал Йенси.

Она покачала головой. Но глаза девушки сияли улыбкой, и он почему-то чувствовал, что она поняла его. Моряк попытался спросить снова, на всех известных ему языках. Она все качала головой, а он все так же был уверен, что она насмехается над ним. И лишь когда он, запинаясь, выдавил приветствие на ломаном сербском, она кивнула.

— Добре! — откликнулась красавица сиплым голосом, которым, похоже, ей не приходилось слишком часто пользоваться.

Тогда он шагнул ближе. Девушка, несомненно, цыганка. Цыганка с холмов Сербии. Она неуловимым движением своего изящного тела скользнула почти вплотную к мужчине. Вгляделась в его лицо, полыхнула западающей в сердце улыбкой, подняла флейту, словно и не было тут ничего странного и неуместного, и снова заиграла тот мотив, который привлек внимание Йенси.

Он слушал в молчании, пока она не закончила. Затем девушка лукаво улыбнулась, коснулась пальчиками своих губ и тихо прошептала:

— Ты — мой. Да?

Он не понял. Тогда она схватила его за руку и со страхом взглянула на запад.

— Ты — мой! — яростно повторила она. — Папа Бокито — Серафино — они — не иметь — тебя. Ты — не идти — им!

Теперь он, кажется, понял. Девушка отвернулась и молча пересекла палубу. Йенси видел, как она скрылась в носовом кубрике, и последовал бы за ней, но снова корабль — весь корабль — содрогнулся, силясь предостеречь человека.

Некоторое время спустя девушка вернулась, держа в белоснежной руке помятый серебряный кубок, очень старый и очень тусклый, наполненный до краев алой жидкостью. Мужчина молча принял его. Отказать ей было невозможно, немыслимо. Ее огромные глаза разлились озерами ночи, в которых сверкала жгучая луна. И ее губы, такие мягкие, ищущие…

— Кто ты? — выдохнул он.

— Страгелла, — улыбнулась она.

— Страгелла… Страгелла…

Само имя ее покоряло. Он медленно глотнул из кубка, не отрывая взгляда от прекрасного лица. У напитка был вкус вина — крепкого, сладкого вина. Оно пьянило точно так же, как пьянил таинственный аромат оранжевых цветов в ее волосах, тех самых, сорванных с лоз, что стелились по палубе за ее спиной.

Йенси вяло пошевелился. Он потер глаза, чувствуя внезапную слабость, бессилие, словно кровь его выкачали из вен. С едва слышным стоном моряк попытался отпрянуть.

Руки Страгеллы обвились вокруг него, лаская тело чувственными прикосновениями. Он ощущал их мощь, их неодолимость. Улыбка девушки сводила его с ума. Кроваво-красные губы, дразня, приближались к его лицу. И вдруг они потянулись к горлу мужчины. Эти теплые, страстные, безумно приятные губы стремились дотронуться до него.

Йенси вдруг испугался. Моряк попытался вскинуть руки и оттолкнуть чаровницу. Где-то глубоко-глубоко в его сознании блуждала полуоформившаяся мысль, или, скорее, интуиция, предостерегающая его, кричащая, что он в смертельной опасности. Эта девушка, Страгелла, она не такая, как он: она — создание тьмы, обитательница ее собственного, страшного мира, отличного от мира людей! Эти губы, жаждущие его плоти, — нечеловеческие, слишком уж они горячи…

Внезапно она резко отстранилась от него. Из жарких уст вырвалось звериное рычание. Рука девушки взлетела и застыла, показывая на вещь, заткнутую за пояс мужчины. Скрюченные пальцы дрожали возле Библии, бросившей вызов Страгелле!

Но алая жидкость уже возымела действие. Йенси безвольно рухнул, не в силах даже вскрикнуть. Так он и лежал, парализованный и беспомощный.

Он ощутил, что девушка велит ему подняться. Ее губы беззвучно шевелились, рождая немые слова. Мерцающие глаза гипнотизировали. Библия — она хотела, чтобы он швырнул ее за борт! Она хотела, чтобы он встал и пришел в ее объятия. А потом губы ее найдут…

Но он не мог подчиниться. Он не мог даже поднять руки. А она стояла поодаль, не желая помочь моряку. А потом губы ее сложились в дьявольский изгиб, восхитительный, но хищный, и девушка, развернувшись, отступила. Он видел, как она убегает, видел, как ее фигурка уменьшается, как алый кушак летит за удаляющейся Страгеллой.

Йенси закрыл глаза, уничтожая мучительное зрелище. Но когда он открыл их снова, то открылись они навстречу новому, еще более глубокому

ужасу. На палубе «Голконды» Страгелла металась среди груд светящихся костей. Но они не были больше костями. Они собрались, сцепились, обросли плотью, налились кровью. На глазах Йенси кости обретали реальность, превращаясь вновь в людей и животных. А потом началась оргия, какой Нелз Йенси никогда еще не видел, — оргия восставших мертвецов.

Обезьяны, гигантские приматы, скакали по палубе. Огромный извивающийся питон вскинул голову. Яростно рычащий снежный леопард припал к крышке люка, изготовившись для прыжка. Тигры, тапиры, крокодилы дрались друг с другом на носу судна. Здоровенный бурый медведь, из тех, что встречаются в высокогорьях Памира, точил когти о поручни.

А люди! Большинство оказались темнокожими — достаточно темнокожими, чтобы прибыть, например, из Мадраса. Среди них виднелись китайцы и несколько англосаксов. Все истощенные. Все худые, мрачные, безумные!

Столпотворение бушевало. Звери и люди взбесились от голода. Люди, обороняясь, сгрудились в одну кучу на втором люке. Они были вооружены пистолетами — и стреляли в упор в беснующуюся массу противника. А между ними, вокруг них, среди них металась девушка, назвавшая себя Страгеллой.

Они не отбрасывали теней, эти призрачные фигуры. Даже девушка, чьи руки секунду назад обнимали его. В этой сцене не было ничего реального, ничего человеческого. Даже хлопки выстрелов и крики загнанных в угол людей, даже рычание гигантских кошек затухали, словно драка шла в закрытой комнате, а Йенси видел ее сквозь толстое оконное стекло.

Он по-прежнему не мог пошевелиться — так и лежал, будто в каталепсии, наблюдая за пантомимой, не в силах убежать от нее. И чувства его были поразительно остры — так остры, что он вдруг инстинктивно вскинул взгляд и невольно съежился, обнаружив двух летящих над океаном гигантских летучих мышей…

Они возвращались. Покружив над ним, твари одна за другой с громким хлопаньем крыльев тяжело опустились на палубу возле дикой лозы с оранжевыми цветами. Они, казалось, утратили форму, ночные чудовища превратились в фантастические размытые кляксы, испускающие неземное фантастическое сияние. В мгновение ока они исчезли совсем — а когда странный туман рассеялся, у люка стояли две фигуры.

Не летучие мыши! Люди! Нелюди! Цыгане, облаченные в грязные

лохмотья, выдающие в них жителей Балкан. Мужчина и женщина. Костлявый, изнуренный старик с всклокоченными седыми усами и дородная старуха с маленькими черными крысиными глазками, явно непривычными к дневному свету. Они заговорили со Страгеллой — страстно, энергично заговорили. А она повернулась с сердитым лицом и показала на Библию за поясом Йенси.

Но немой спектакль еще не закончился. На палубе стонали и всхлипывали лежащие люди и звери. Страгелла бесшумно развернулась и позвала за собой старика и старуху. Позвала по имени:

— Идем — Папа Бокито, Серафино!

Трагедия, разыгравшаяся когда-то на борту корабля призраков, повторялась. Осознав это, Йенси содрогнулся. Экипаж «Голконды» обезумел от голода и холеры. Животные из джунглей, некормленые, разъяренные, вырвались из своих клеток. И теперь — теперь, когда последний поединок окончился, — Страгелла, Папа Бокито и Серафино выполняли свою страшную работу.

Страгелла вела их. Ее очарование, ее красота покоряли мужчин. Они влюблялись в нее. Она заставляла их любить себя — безумно, бессмысленно. Сейчас она переходила от одного к другому, прижимая к себе каждого. И когда она отходила от очередного мужчины, он оставался слабым и вялым, а она свирепо хохотала и направлялась к следующему. Острый розовый язычок жадно облизывал алые губки — он слизывал с них кровь.

Йенси не знал, сколько продолжалось все это. Часы, должно быть, долгие часы. Он вдруг осознал, что в снастях корабля воет ветер, и, вскинув взгляд, увидел, что мачты больше не наги и не прогнили от старости. Серые паруса развернулись на фоне черного неба — фантастические расплывчатые пятна без единой четкой линии. А луна пропала совсем. Визжащий ветер принес с собой шторм, неимоверно раздувший паруса. Корабль застонал, как живое существо, бьющееся в агонии. Волны хлестали шхуну, толкали шхуну, несли ее вперед с немыслимой скоростью.

Внезапно раздался оглушительный скрежет. «Голконду» швырнуло назад — это огромный зазубренный риф пропорол ей днище. Судно накренилось. Корма взмыла высоко в воздух. А Страгелла и два ее спутника стояли на носу, дико хохоча на ураганном ветру.

Йенси видел, как они повернулись к нему, но не остановились. Он почему-то и не ожидал, что они остановятся. Эта сцена, эта сумасшедшая пантомима, не принадлежала настоящему: это разыгрывалось прошлое. Его здесь вовсе не было. Все это происходило много лет назад! Это забыто,

похоронено во времени!

Но он слышал, как троица разговаривает на смешанном диалекте, изобилующем сербскими словами:

— Дело сделано, Папа Бокито! Теперь мы останемся тут навсегда. Земля в часе полета отсюда, свежей крови всегда будет вдоволь. Здесь, на этой жалкой скорлупке, никто никогда не найдет наших могил и не уничтожит нас!

Кошмарная троица подошла ближе. Страгелла повернулась, окинула взглядом воду, и рука ее взметнулась в безмолвном предупреждении. Йенси вяло скосил глаза и заметил разгорающееся над морем предрассветное зарево.

Странными, струящимися движениями трое не-мертвых существ потекли к открытому люку, спустились в него и скрылись из виду. Йенси напрягся, выпрямился рывком и с удивлением обнаружил, что с приближением дня эффект алого зелья ослабел. Он пополз к люку и заглянул в отверстие — как раз вовремя, чтобы увидеть ложащиеся в гробы дьявольские фигуры. Теперь он понял, что это за ящики. В тусклом утреннем свете, пристально всматриваясь, он разглядел то, чего не замечал прежде. Три удлиненных прямоугольных короба были наполнены сырой могильной землей!

Теперь он знал секрет необычных цветов. У них есть корни! Корни, уходящие в грунт, приютивший не-мертвые тела!

Затем, словно шарящие пальцы, рассветные лучи легли на море. Ошеломленный Йенси привалился к перилам. Все кончилось — совсем. Оргия завершилась. «Голконда» вновь стала заброшенным, прогнившим корпусом.

Почти час стоял он у поручней, блаженно впитывая тепло и сияние солнечного света. Но вновь из воды поднялась стена непроглядного тумана. Тошнотворная пелена окутала корабль, и Йенси содрогнулся.

Он подумал о Миггзе и бросился на нижнюю палубу, но замедлил шаги, пробираясь сквозь сгущающийся влажный туман. Дурное предчувствие закралось ему в душу.

Он окликнул друга еще до того, как добрался до двери. Но ответа не последовало. Толчком распахнув створку, он перешагнул порог — и окаменел, лишь хриплый крик сорвался с похолодевших губ.

Миггз лежал там, навалившись на стол, раскинув руки, — с нелепо свернутой набок головой, уставившись невидящими глазами в потолок.

— Миггз! Миггз! — Йенси задыхался. — О господи, Миггз, что случилось?

Он пошатнулся и неверной походкой направился к товарищу. Тело Миггза было ледяным и твердым. Он мертв, давно мертв. В лице, в руках — ни кровинки. Остекленевшие глаза широко открыты.

Он был белее мрамора и странно, чудовищно съежен. А на горле виднелись две параллельные отметины, словно пара острых крюков вонзилась в плоть и отдернулась. Сомнений нет — это следы зубов вампира.

Йенси долго не двигался. Комната вертелась вокруг него. Он остался один. Один! Все жуткие события произошли слишком внезапно.

Затем он покачнулся и опустился на колени, вцепившись в висящую руку Миггза.

— О боже, Миггз, — бессвязно пролепетал моряк. — Ты должен помочь мне. Мне этого не вынести!

Так он и стоял на коленях, бледный, плачущий, пока не обмяк, осел на пол жалкой грудой и потащил за собой тело Миггза.

Нескоро сознание вернулось к нему. Уже перевалило за полдень. Йенси поднялся, борясь с затопляющим его душу страхом. Он должен выбраться отсюда, выбраться! Мысль эта безостановочно стучала в его голове. Выбраться!

Моряк с трудом отыскал путь на верхнюю палубу. Миггзу уже не помочь. Придется оставить его тут. Пошатываясь, он побрел вдоль перил туда, где они пришвартовали шлюпку, чтобы подтянуть ее ближе, загрузить и подготовить к отплытию.

Но пальцы схватили лишь пустоту. Тросы исчезли. Лодка пропала. Человек повис на поручнях, тупо глядя на маслянистую гладь моря.

Он не шевелился около часа, пытаясь подавить ужас и начать думать о способе спасения. Затем Йенси усилием воли оторвался от перил.

Оставались еще корабельные шлюпки. Они — его единственный шанс. Он добрел до ближайшей и принялся лихорадочно трудиться.

Безнадежно. Железная плоскодонка проржавела насквозь. Намертво запутанные стальные канаты не желали сдвигаться с места. Йенси в кровь ободрал о них руки — и только. Впрочем, он знал, что эти лодки все равно не поплывут. Они сгнили в труху.

В конце концов ему пришлось остановиться от изнеможения.

После этого, осознав, что сбежать невозможно, он решил, что надо делать что-то, все равно что, чтобы сохранить здравый рассудок. Сперва он уберет с палубы эти ужасные кости, потом исследует оставшуюся часть корабля…

Задача была омерзительна, но он заставил себя приступить к ней. Если он избавится от костей, возможно, Страгелла и два других чудовища не вернутся. Он не знал наверняка. Просто в душе его теплилась слабая надежда — человеку нужно что-то, за что можно цепляться.

Плотно сжав губы, он мрачно подтаскивал выбеленные скелеты к краю палубы и спихивал их за борт, глядя, как они тонут, исчезая из виду. Затем, подавив ужас, Йенси направился к трюму и спустился в угрюмые недра корабля. С дрожью отвращения попятился он от ящиков. Вырвав с корнями (к которым прилипли комки могильной земли) кошмарные лозы, он отнес их наверх и тоже швырнул в океан.

После этого он обошел весь корабль из конца в конец, но ничего не нашел.

Йенси поднял якоря, надеясь, что волны сами понесут корабль, вырвут его из кольца мстительного тумана. Затем он принялся расхаживать взад и вперед, бормоча себе под нос и пытаясь собраться с духом для самой кошмарной части дела.

Океан темнел, и чем гуще становились сумерки, тем больше вырастал ужас моряка. Он знал, что «Голконда» дрейфует. И знал, что не-мертвые обитатели корабля разозлятся на человека за то, что он позволил судну уплыть от их источника пищи. Да, разозлятся — после того как вновь восстанут от своего вынужденного сна.

Есть лишь один способ защититься от них. Кошмарный способ, он уже пугал Йенси. Тем не менее он обшарил палубу в поисках шила для плетения каната — и нашел его; после этого моряк вновь медленно спустился в трюм.

Кол, вогнанный в сердце каждого из жуткой троицы…

Шаткие ступени окутали плотные тени. Солнце уже умирало, тонуло в пелене зловещего тумана. Он взглянул на тусклый багровый шар в кровавом кольце и понял, что должен торопиться. Йенси проклинал себя за то, что тянул слишком долго.

Это было трудно — спускаться в черный как смоль трюм, чувствуя лишь трухлявые доски под ногами и надеясь лишь на удачу. Лестница предостерегающе скрипела под сапогами. Он поднял руки, нащупав настил палубы.

И вдруг поскользнулся.

Нога, вставшая на край нижней ступеньки, неловко подвернулась, и Йенси упал головой вперед. Он закричал. Шило выпало из его руки и стукнулось об один из ящиков внизу. Человек слепо нашаривал опору. От толчка при падении что-то вылетело у него из-за пояса. И в тот момент,

когда голова его встретилась с одним из длинных ящиков, он понял, что Библия, защитившая его в прошлый раз, больше уже не с ним.

Но он не совсем потерял контроль над собой. Яростным усилием воли моряк встал на колени, шаря вокруг в поисках черной книги во мраке трюма. Жалкое всхлипывание срывалось с его дрожащих губ.

Негромкий ликующий смех раздался во тьме рядом с ним. Он резко отшатнулся — так резко, что снова растянулся на полу.

Слишком поздно. Она уже стояла рядом, жадно взирая на человека. Странное голубое сияние окружало ее лицо. Девушка была дьявольски прекрасна, когда, пошарив в своем гробу, начала очерчивать Библию кругом, пользуясь куском какого-то мягкого дегтеобразного вещества, который сжимала в бледных пальцах.

Йенси качнулся к ней, ища силы в отчаянии. Она выпрямилась, подавшись навстречу ему. Губы ее искривились, обнажив белоснежные зубы. Кольцо девичьих рук обвило мужчину, прекращая борьбу. Господи, как же сильны эти руки. Он не мог противиться им. На него вновь навалилась апатия, вялая покорность. Йенси упал бы, но девушка держала его.

Держала, но не касалась губами. За ее спиной выступили из мрака две другие фигуры. Свирепый Папа Бокито сердито уставился на человека; и крысиные, тлеющие глазки Серафино, полные голода, тоже вонзились в него. Страгелла, несомненно, боялась их.

Йенси оторвали от земли и быстро и легко понесли по лестницам, по коридорам, сквозь клубящееся одеяло адского тумана и тьму, в каюту, где лежал мертвый Миггз. Пока вампиры тащили человека, он лишился чувств.

Когда Йенси открыл глаза, он не мог сказать, сколько он пробыл в забытьи. Кажется, долго, очень долго. Рядом с ним сидела Страгелла. Он лежал на койке в каюте, на столе горела лампа, безжалостно освещая обмякшее тело Миггза.

Йенси испуганно ощупал свое горло. Отметин не было — пока не было.

Затем он услышал голоса. Папа Бокито и старуха с лицом хорька спорили с девушкой. Старика явно сердила ее холодная, собственническая улыбка.

— Нас относит от островов-тюрем, — рычал Папа Бокито, с нескрываемой ненавистью зыркая на Йенси. — Это его работа, он поднял якорь. Если ты не поделишься им с нами, мы погибнем!

— Он мой, — пожала плечами Страгелла, снижая голос до убедительного шепота. — Вы получили другого. А этот мой. Я заберу его!

— Он принадлежит нам всем!

— Почему? — улыбнулась Страгелла. — Потому что увидел ночь воскресения? Ах, он первый, кто узнал наш секрет.

Глаза Серафино сузились, превратившись в булавочные головки. Она резко подалась вперед и стиснула плечо девушки.

— Довольно спорить, — прошипела старуха. — Скоро рассветет. Он принадлежит нам всем, потому что увел корабль от островов и раскрыл нашу тайну.

Слова эти, точно сверло, вонзились в мозг Йенси.

Ночь воскресения!

Здесь скрывался зловещий смысл, и он решил, что знает его. Глаза, должно быть, выдали его мысли, поскольку Папа Бокито подался ближе и с победным ворчанием ткнул в лицо человека длинным костлявым пальцем.

— Ты видел то, что не видели больше ничьи глаза, — прорычал старик с горечью. — И поэтому теперь ты станешь одним из нас. Страгелла хочет тебя. Она получит тебя навечно — на долгую жизнь без смерти. Ты понимаешь, что это значит?

Йенси испуганно мотнул головой.

— Мы не-мертвые, — скосил глаза Бокито. — Наши жертвы превращаются в таких же, как мы, и так же жаждут крови. Ночью мы свободны. Днем возвращаемся в наши могилы. Вот почему, — он с омерзением ткнул пальцем вверх, в сторону палубы, — те, другие, так и не стали подобны нам. Они не были похоронены, у них нет могил, в которые можно спуститься. Каждую ночь мы даем им жизнь, просто развлекаясь, но они не принадлежат к братству — пока.

Йенси молча облизнул губы. Теперь он понял. Такое происходит каждый раз. Вновь и вновь повторяется ночная пантомима, в которой мертвые оживают и заново проигрывают события той ночи, когда «Голконда» стала кораблем преисподней.

— Мы цыгане, — торжественно и злобно заявил старик. — Когда-то мы были людьми, жили в прелестном маленьком лагере в тени высоких пиков, в лощине у реки Моравы, что в Сербии. То было во времена Милутина, [74]шесть веков назад. Потом вампиры холмов пришли за нами и забрали нас всех. Мы жили жизнью не-мертвых, пока в ущелье не осталось больше крови. Тогда мы отправились к берегу, мы трое, забрав с собой землю с наших могил. И стали жить там, живые ночью и мертвые днем, в прибрежных деревнях Черного моря, пока не решили отправиться в дальние края.

Хриплый голос Серафино перебил его:

— Торопись. Скоро рассвет!

— Мы раздобыли места на «Голконде» и тайно пронесли в трюм ящики с могильной землей. А на корабле свирепствовали холера и голод. В шторм он сел на мель. И вот — мы здесь. Но на островах нашлось вдоволь крови, красавчик, и мы закрепили «Голконду» на рифе, там, где жизнь была под рукой!

Йенси вздрогнул и зажмурился. Он не понимал всех слов, Бокито говорил на цыганском жаргоне. Но тем не менее понял достаточно, чтобы прийти в ужас.

А старик тем временем перестал злорадствовать. Он отступил, глядя на Страгеллу. А девушка расхохоталась — сумасшедшим, квохчущим, победным смехом обладателя. Она наклонилась, и тусклый свет лампы, который она перестала заслонять, упал на распростертое тело Йенси.

И Страгелла отпрянула со злобным рычанием. Глаза ее расширились от отвращения. На груди человека сияло распятие — вытатуированные Крест и Спаситель, несмываемый рисунок, запечатленный на коже навеки. Страгелла отвернулась, заслонив глаза и яростно проклиная моряка. Попятившись, она схватила своих компаньонов за руки и показала дрожащим пальцем на то, что оттолкнуло ее.

В наступившей тишине туман в каюте, казалось, сгустился еще плотнее. Йенси с трудом сел и привалился к стене, ожидая, когда вампиры нападут на него. Он знал, что все кончится в один миг. А потом он присоединится к Миггзу — на горле его останутся такие же жуткие отметины, а губы Страгеллы заалеют еще сильнее от его высосанной крови.

Но вампиры держались поодаль. Туман поглотил их, сделав почти неразличимыми. Человек видел лишь три пары фосфоресцирующих глаз, которые становились все больше, все шире от разгорающегося в них ужаса.

Он закрыл лицо руками, но вампиры не шли. Йенси слышал, как они бормочут что-то, перешептываясь. А еще он смутно различил еще один звук, очень-очень далекий. Волчий вой.

Койка под ним качалась в такт с кораблем. «Голконда» плыла, и плыла быстро. Поднявшийся откуда ни возьмись штормовой ветер пел панихиду в трухлявых снастях высоко над палубой. Моряк слышал его стоны и свистящее дыхание — словно там, наверху, пытали на дыбе человека.

Три пары мерцающих глаз придвинулись ближе. Шепоток затих, и коварная притягательная улыбка легла на лицо Страгеллы. Йенси закричал и прижался к стене. Очарование крадущейся девушки околдовывало его. Она заслоняла ладонью глаза, чтобы уберечь их от вида распятия. А другая

рука вампирши тянулась к человеку с зажатым в ней комком того самого похожего на смолу вещества, которым она очертила Библию!

Йенси понял, что она сделает. Эта мысль хлестнула его, как ледяной порыв ветра, полный страха и безумия. Она будет подбираться все ближе и ближе, пока рука ее не коснется его плоти. Затем Страгелла обведет черным кругом вытатуированный на груди моряка крест и убьет его силу. Йенси станет беззащитен. А потом — безжалостные губы на его шее…

Бежать некуда. Папа Бокито и толстуха, злорадно усмехаясь, загородили путь к двери. А алебастровая рука Страгеллы тянется, тянется…

В сознание человека проникал рев прибоя, очень близкого, очень громкого, бьющегося о стены наполненной туманом каморки. Корабль кренился, тяжело качаясь на высокой зыби. Должно быть, прошли часы. Долгие часы тьмы и ужаса.

И тут она прикоснулась к нему. Липкая дрянь обожгла грудь и медленно поползла по кругу. Йенси отшатнулся, споткнулся, упал, и девушка навалилась на него.

Под его истерзанным телом пол каюты раскололся на куски. Корабль содрогнулся сверху донизу от жестокого удара; прогнившие доски разлетались в щепки.

Лампа кувыркнулась со стола, погрузив каюту в полутьму. В иллюминатор сочился серый свет. Обращенное к Йенси лицо Страгеллы превратилось в прекрасную в своей ярости маску. Она отпрянула и злобно заорала на Папу Бокито и старую каргу:

— Назад! Назад! Мы слишком долго ждали! Уже утро!

Она кинулась к старшом и схватила их за руки. Губы девушки искривились, все тело тряслось. Она толкнула своих спутников к двери и последовала за ними по мрачному коридору, но напоследок повернулась к Йенси с гневным нечестивым рыком проигравшего. И скрылась с глаз.

Йенси безвольно лежал в углу. Когда же, собравшись наконец с силами, он поднялся на ноги и вышел на палубу, солнце сияло высоко в небе, разбухшее, кроваво-красное, пытаясь пробить пелену клубящегося вокруг корабля тумана.

Накренившийся корабль качался на волнах. А всего в сотне ярдов над поручнями — о благословенное, посланное небесами зрелище! — виднелась земля, полоса пустынного, окаймленного джунглями берега.

И моряк решительно приступил к работе — к работе, которую требовалось закончить быстро, до того, как его обнаружат прибрежные

жители и сочтут полным психом. Вернувшись в каюту, он подобрал масляную лампу и отнес ее к открытому трюму. Затем, выплеснув горючую жидкость на древнее дерево, бросил на палубу зажженную спичку.

Развернувшись, он шагнул к перилам. Крик агонии, долгий, потусторонний крик взлетел за его спиной. А потом моряк перемахнул через поручни и погрузился в волны прибоя.

Когда двадцать минут спустя Йенси выбрался на пляж, «Голконда» уже превратилась в ревущую топку. Рычащее пламя рвалось к небесам, пробивая адский покров тумана. Йенси угрюмо отвернулся и побрел вдоль берега.

Оглянулся он лишь через час упорной ходьбы. Лагуна была пуста. Туман исчез. Солнечные лучи заливали теплым сиянием морскую гладь.

Еще через несколько часов он добрел до поселения. Люди подходили к моряку, заговаривали с ним, задавали вопросы. Показывали на белоснежные волосы пришельца. Ему сказали, что он в порту Блэр, на самом южном из Андаманских островов. А после, заметив странный блеск его налитых кровью глаз, отвели в дом губернатора.

Там он рассказал свою историю — рассказал неохотно, потому что ожидал неверия и насмешек.

Но губернатор лишь бросил на него загадочный, покровительственный взгляд.

— Вы не ожидали, что я пойму вас? Кто знает, кто знает, сэр. У нас штрафная колония, остров-тюрьма. За последние несколько лет больше двухсот наших каторжников умерли при весьма странных обстоятельствах. У всех обнаружилось по две крошечные ранки на горле. И потеря крови.

— Вы… вы должны уничтожить могилы, — пробормотал Йенси.

Губернатор кивнул — молча, многозначительно.

Йенси вернулся в большой мир. Один. И навсегда остался один. Люди заглядывали в его лицо и шарахались, встретившись с диким, загнанным взглядом его глаз. Они видели распятие на его груди и удивлялись, отчего днем и ночью он носит рубаху распахнутой, выставив напоказ искусную татуировку.

Но их любопытство так и не было удовлетворено. Разгадку знал только Йенси; а Йенси молчал.

Верной Ли

Верной Ли— псевдоним Вайолет Пейджет (1856–1935), британской писательницы, которая родилась во французском городе Булонь и приходилась сводной сестрой поэту Юджину Ли-Хамильтону, к чьей фамилии восходит ее псевдоним. Некоторое время она жила в Лондоне, но затем переселилась в пригород Флоренции, где и провела остаток жизни.

Вернон Ли много писала об итальянском искусстве XVIII столетия, о музыке и архитектуре, являлась участницей английского эстетического движения конца XIX века и была знакома с самым активным из его лидеров, Уолтером Пейтером, а также знаменитым Оскаром Уайльдом; ее стихи появлялись на страницах самого известного декадентского издания — журнала «Желтая книга». Однако сегодня ее помнят главным образом как автора мистической прозы. Авторитетный исследователь готической литературы Монтегю Саммерс ставил Вернон Ли выше М. Р. Джеймса, полагая, что ее произведения — величайший пример сверхъестественного в современной прозе. Ее имя, несомненно, было бы куда более известно, напиши она больше тех полутора десятков рассказов и повестей, которые принадлежат ее перу. Вероятно, наиболее известной из них является повесть «Любовник-фантом», часто печатающаяся под названием «Оук из Оукхерста». Самый значительный из выпущенных ею сборников — «Явления призраков» (1890).

Рассказ «Марсий во Фландрии» был впервые опубликован в периодике в 1900 году; позднее вошел в авторский сборник «Для Мориса: Пять невероятных историй» (Лондон: Джон Лэйн, Бодли-Хед, 1927).

Марсий во Фландрии (© Перевод В. Теремязевой)

I

— Вы правы. Это не подлинник. Это совсем другое распятие. Il y a eu substitution, [75]— сказал старичок-антиквар из города Дюн и с таинственным видом кивнул, не сводя с меня испуганного взгляда.

Он произнес это едва слышным шепотом. В канун Дня обретения распятия в некогда знаменитой церкви сновали люди, украшавшие храм к празднику, и пожилые женщины с ведрами и швабрами, в странных

головных уборах. Антиквар притащил меня сюда сразу, как только я приехал, чтобы праздничная толпа прихожан не помешала мне потом хорошенько осмотреть церковь.

Перед знаменитым распятием стояли нескольких рядов незажженных свечей, а само изваяние было окружено венками из ветвей смолистой приморской сосны и гирляндами из бумажных цветов и разноцветного муслина. По обеим сторонам от распятия горели паникадила.

— Его подменили, — повторил антиквар, опасливо озираясь по сторонам. — Il y a eu substitution.

Я и сам сразу заметил очевидное: это была работа французского мастера тринадцатого века, довольно реалистическое изображение, в то время как легендарное творение святого Луки, несколько веков провисевшее у Гроба Господня в Иерусалиме, а затем, в 1195 году, таинственным образом выброшенное на берег моря близ города Дюн, представляло собой византийский образ, как и его чудотворный «близнец» из Лукки.

— Но кому понадобилось его подменять? — с невинным видом спросил я.

— Тише! — нахмурившись, зашипел антиквар. — Не здесь. Потом, потом…

Он провел меня по церкви, куда прежде стремились бесчисленные толпы богомольцев. Однако как отступило море, оставив после себя топкое соленое болото у подножия скал, так со временем отхлынули и волны стремившихся в храм паломников. Это была небольшая, но красивая и величественная церковь в сдержанном готическом стиле, сложенная из красивого светлого камня, который морская влага покрыла пятнами чудесного ярко-зеленого цвета от фундамента до капителей и лиственного орнамента. Антиквар показал мне трансепт и звонницу — их строительство было приостановлено в четырнадцатом веке, когда чудеса в церкви пошли на убыль. Затем он повел меня в караульню — большую комнату в трифории, с камином и каменными сиденьями для тех, кто денно и нощно стерег драгоценное распятие. По словам старика, в детстве он видел в окне этой караульни пчелиные ульи.

— Разве во Фландрии принято нанимать стражу, чтобы охранять церковные реликвии? — спросил я, поскольку ни разу не слышал о таком обычае.

— Ну что вы! — ответил антиквар и снова оглянулся по сторонам. — Стража была только в этом храме. Вы никогда не слышали о чудесах, которые здесь происходили?

— Нет, — прошептал я, заразившись его таинственностью. — Или вы имеете в виду легенду о том, что статуя Спасителя отвергала все новые кресты, пока море не выбросило на берег настоящий крест?

Антиквар покачал головой и молча пошел по крутым ступенькам вниз, где находился неф. Я задержался на секунду в караульном помещении, чтобы оглядеть комнату еще раз. Ни один храм не производил на меня столь странного впечатления. От пламени канделябров расплывались широкие круги света, перемежавшиеся с темными тенями колонн, между скамьями в нефе мерцал фонарь ризничего. В церкви пахло душистой сосновой хвоей, навевавшей воспоминания о песчаных дюнах и скалах, снизу доносились женские голоса, плеск воды и звяканье ведер. Все это смутно напоминало подготовку к шабашу ведьм.

— Какие же чудеса происходили в этой церкви? — спросил я, когда мы с антикваром вышли на темную площадь. — И что вы имели в виду, когда говорили о распятии? Почему вы решили, что его подменили?

На улице было совсем темно. Позади нас на фоне бледного, залитого лунным светом неба высилась черная несимметричная громада контрфорсов и остроконечных башенок. Морской ветер тихо покачивал высокие деревья в церковном саду, в темноте желтым огнем горели ярко освещенные окна, похожие на объятые огнем арки порталов.

— Пожалуйста, обратите внимание на горгулий, — сказал антиквар, указывая вверх.

И в самом деле, на краю крыши виднелись четкие уродливые очертания волкоподобных чудовищ, еще более страшные оттого, что сквозь разинутые пасти застывших монстров струился желто-голубой лунный свет. Налетел порыв ветра, деревья зашелестели, на самой верхушке шпиля задребезжал и жалобно заскрипел флюгер.

— Боже мой, кажется, что эти твари сейчас завоют! — воскликнул я.

Старый антиквар тихо рассмеялся.

— Вот, — сказал он, — я вам говорил! В этой церкви творились такие чудеса, каких не было ни в одном христианском храме. Она помнит их до сих пор! Ну что, видели вы когда-нибудь такую дикую, необузданную церковь?

Внезапно, переплетаясь с тихим дыханием ветра и скрипом флюгера, из здания послышались резкие вибрирующие звуки.

— Органист настраивает свой инструмент, ведь завтра праздник, — пояснил антиквар.

II

На следующий день я купил одну из книжечек, которыми бойко торговали в церкви: историю чудотворного распятия. В тот же день мой друг антиквар любезно рассказал мне все, что знал об этом. Сложив все воедино, я получил более или менее правдивую версию. Вот она.

Осенью 1195 года, после ужасного шторма, на берег моря возле города Дюн было выброшено судно. В те времена Дюн был маленькой рыбацкой деревушкой в устье реки Нис, напротив опасного подводного рифа.

Судно перевернулось и разбилось в щепки; возле него, на песке и смятой траве, лежало скульптурное изображение распятого Спасителя, но без креста и без рук — по всей видимости, они были сделаны из отдельного каменного блока и откололись. Как только весть о находке распространилась по округе, немедленно нашлись ее владельцы. На распятие претендовали: маленькая местная церковь, на чьих землях статуя была найдена, бароны Крей, имевшие право забирать себе все грузы, выброшенные на берег в этом месте, и огромное аббатство Сен-Ау из Арраса, духовные окормители здешних мест. Однако живший неподалеку праведный отшельник имел видение, разрешившее спор. Этому человеку явился сам святой Лука, который поведал, что фигуру Спасителя изготовил он сам, что это одно из трех распятий, висевших у Гроба Господня в Иерусалиме, что три рыцаря — нормандец, тосканец и аррасец, получив благословение небес, похитили распятия у неверных, положили в три лодки без гребцов и пустили по морю. Первая лодка была выброшена на берег у побережья Нормандии возле Саленеля; вторая причалила к берегу возле итальянского города Лукка, а третью нашел рыцарь из Артуа. Что касается последнего пристанища распятия, то, сказал отшельник, пусть оно само решает, где ему быть. Так посоветовал ему святой Лука. Распятие торжественно отправили обратно в море и в тот же день вновь нашли на прежнем месте — на песке и примятой траве в устье Ниса. После чего распятие поместили в маленькую церковь Дюна. Вскоре в храм потекли толпы верующих, желавших возложить свои дары к ногам каменного Христа, и церковь, освященную присутствием Спасителя, решили перестроить.

«Святой образ из Дюна» — Sacra Dunarum Effigies — творил удивительные, нерядовые чудеса. Слава о нем быстро разлетелась по стране, ибо чудеса не прекращались. Как уже сказано, образ нашли без креста; несмотря на горячие молитвы и напряженные поиски по всему

побережью, ни креста, ни остальных утраченных деталей море не выбросило. После долгих дискуссий было решено изготовить новый крест и прикрепить его к образу. Для этой цели из Арраса в Дюн вызвали самых искусных камнерезов. И что же? В тот самый день, когда крест торжественно установили в церкви, произошла неслыханная, ужасная вещь. Образ, накануне вечером подвешенный совершенно прямо, на следующий день сместился и резко накренился вправо, словно желая избавиться от креста.

Это видели не только сотни прихожан, но и местные монахи. Они немедленно зафиксировали случившееся в летописи, которая вплоть до 1790 года хранилась в епископских архивах Арраса, в монастыре Сен-Лу.

Дальше начались чудеса, прославившие чудотворное распятие на весь христианский мир. Образ никак не хотел оставаться в одном положении, все время смещался в сторону, и каждый раз создавалось впечатление, что это свершалось ценой огромных усилий. А через десять лет после обретения распятия, в один прекрасный день монахи и жители Дюна обнаружили, что образ висит в прежнем положении, но — о чудо! — без креста, сломанного в трех местах и брошенного на ступеньки перед входом в часовню.

Горожане, чьи дома стояли неподалеку от церкви, рассказали, что среди ночи их разбудили глухие раскаты грома. Наверное, это был звук падения каменных обломков, хотя… кто знает? Возможно, шум произвел сам образ, наконец-то сумевший избавиться от чужеродного креста. В этом и заключалась тайна: распятие, изготовленное руками святого и чудом попавшее в Дюн, отвергло сделанный для образа крест как нечто богопротивное. Так объяснил случившееся настоятель церкви в ответ на гневные проповеди аббата из Сен-Лу, выражавшего недовольство по поводу столь странных чудес. И в самом деле: как вскоре обнаружилось, кусок мрамора не был очищен от греховного прикосновения человека и не прошел необходимых обрядов до того, как образ прикрепили к кресту. Огромная, непростительная оплошность! С опозданием, но заказали новый крест. Его освящение произошло лишь через несколько лет.

Тем временем настоятель приказал построить в церкви караульное помещение с камином и нишей, после чего получил разрешение Папы посадить в караульню стража, наблюдавшего за распятием днем и ночью под предлогом того, что драгоценную реликвию могут украсть.

К этому времени образ затмил все подобные скульптуры, и деревушка Дюн, расположенная вдали от основных путей паломников, быстро превратилась в город — достояние сказочно разбогатевшего настоятеля

церкви Святого Креста.

Что касается аббатов монастыря Сен-Лу, у них на этот счет имелось свое мнение. Номинально оставаясь вассалами монастыря, настоятели церкви в Дюне постепенно вытянули у Папы привилегии, фактически дававшие им независимость. В частности, им разрешалось отсылать в аббатство Сен-Лу лишь незначительную часть доходов, получаемых от бесчисленных паломников. Особенно злобствовал по этому поводу аббат Вальтериус: он обвинил церковный приход Дюна в том, что там специально наняли сторожа, дабы распространять домыслы о странных перемещениях образа Спасителя, до сих пор пребывавшего без креста, игнорируя тот факт, что нет такой прямой линии, по которой можно было бы выправить положение фигуры. В конце концов был сделан и освящен новый крест, и в том же году, в праздник Святого Креста, образ прикрепили к нему в присутствии огромного количества монахов и прихожан. На этот раз, решили все, Спасителю понравится крест, и невероятные происшествия, вызывавшие сомнение в святости образа, прекратятся.

Эти ожидания вскоре развеялись. В ноябре 1293 года, через год после возникновения странных слухов о распятии, образ вновь сдвинулся. Точнее, судя по положению креста, фигура начала извиваться. В том же году, в канун Рождества, крест сломался во второй раз и упал на пол, рассыпавшись на множество осколков. В караульном помещении лежал дежуривший в ту ночь священник — как подумали сначала, мертвый. Изготовили третий крест, и на этот раз освящение проводилось в тайне. Под предлогом ремонта крыши церковь на время закрыли, чтобы совершить обряд, очищающий святыню, побывавшую в руках рабочих, от осквернения. Впоследствии настоятель старался пресечь разговоры о чудесах так же настойчиво, как его предшественник трубил о них повсюду. Священник, сторживший церковь в канун того примечательного Рождества, таинственным образом исчез; якобы он сошел с ума и был отправлен в церковную тюрьму, чтобы не наговорил лишнего. Вскоре — не без помощи монахов из Арраса — о маленькой церкви в Дюне поползли самые странные слухи. Следует напомнить, что церковь стояла на небольшом холме и была отделена от города высокими деревьями. С одной стороны ее окружали монастырские постройки, с другой — вода, с третьей — высокие стены. Тем не менее люди утверждали, что по ночам, когда ветер дует со стороны церкви, оттуда доносятся странные звуки. Во время шторма эти звуки были слышны особенно отчетливо: вой, стоны и громкий топот, как во время деревенских плясок. Один шкипер рассказывал, что в День Всех Святых, когда его судно входило в устье реки Нис, он видел, что

церковь ярко освещена, а в ее огромных окнах полыхает пламя. Но тот шкипер был известным пьяницей, любителем дурацких россказней, и все решили, что свет в караульне он принял за пылающий огонь. На защиту церкви встали не только горожане, но и монастырь, чье процветание зависело от толп паломников, и странные истории очень быстро были замяты. Однако они достигли ушей настоятеля монастыря Сен-Лу. После этого произошло событие, которое все расставило по своим местам.

Ибо в канун Дня Всех Святых 1299 года в церковь ударила молния. Очередной сторож был найден мертвым посреди нефа; крест был сломан пополам, и — о ужас! — образ Спасителя исчез. Всеобщий страх усилился, когда статуя была найдена за алтарем: она лежала, изогнувшись, словно в конвульсиях, и на ней — об этом говорили шепотом — остались черные следы от удара молнии.

На этом чудеса в Дюне закончились.

В Аррасе собрался церковный собор, и храм закрыли на год. Затем открыли вновь; на новом освящении присутствовал сам аббат монастыря Сен-Лу, а настоятель церкви Святого Креста прислуживал ему во время мессы. Была построена новая часовня, где установили украшенное драгоценными каменьями чудесное распятие, увенчав голову Спасителя огромной и пышной короной — по слухам, полученной в дар от герцога Бургундского.

Эта пышность, как и присутствие аббата, стала понятна, когда настоятель выступил вперед и объявил, что свершилось последнее и самое великое из чудес. Подлинный крест, на котором образ Спасителя висел у Гроба Господня и ради которого статуя разрушила все иные кресты, осквернённые руками грешников, был выброшен волнами на берег близ Дюна — в том самом месте, где сто лет назад нашли изображение распятого Спасителя. «Вот, — сказал настоятель, — объяснение ужасных происшествий, наполнявших скорбью наши сердца. Но теперь святой образ удовлетворен, он будет мирно покоиться в храме и творить чудеса в ответ на наши молитвы».

Одна часть этого предсказания сбылась: с того дня образ больше не двигался. Но чудеса в храме прекратились. Появились новые реликвии, обретенное распятие стали забывать, толпы паломников поредели. Теперь в церкви собирались лишь местные прихожане, а строительство так и не было закончено.

Что же случилось? Никто не знал, да и не хотел знать. Но в 1790 году дворец архиепископа Аррасского был разграблен, и некий нотариус, живший поблизости, купил значительную часть монастырских архивов по

цене бумажного мусора. Неизвестно, зачем он это сделал — то ли из интереса к историческим документам, то ли из желания найти факты, способные подтвердить его неприязнь к церковникам. Потом об этих документах надолго забыли — до тех пор, пока их не купил мой друг антиквар. Среди бумаг, похищенных из дворца во время беспорядков, находились и хроники из забытого монастыря Сен-Лу, в том числе собрание записей о церкви в Дюне. Эти записи представляли собой отрывки из протоколов допроса, учиненного в 1309 году. Чтобы понять их смысл, необходимо вспомнить, что в то время как раз начались процессы против ведьм, а после расправы с тамплиерами стало модно решать финансовые проблемы государства с помощью религии.

Оказывается, после катастрофы, случившейся в канун Дня Всех Святых, в октябре 1299 года, настоятеля Урбана де Люка внезапно обвинили в святотатстве и колдовстве, в сотворении чудес дьявольскими средствами и превращении своей церкви в сатанинский вертеп.

Настоятель понял, что обвинения исходят от разъяренного аббата монастыря Сен-Лу. Привилегии, полученные от архиепископа, позволяли ему немедленно обратиться в высший церковный трибунал, но вместо того, чтобы спасать свою жизнь, настоятель отдал себя на милость аббата, которого открыто презирал. Аббат, по-видимому, был удовлетворен таким поворотом событий, и вскоре, после ряда формальных допросов, дело было закрыто, о чем и говорят соответствующие записи, сохранившиеся в архивах архиепископа Аррасского.

Часть этих записей мой друг любезно позволил мне перевести с латинского языка, чтобы читатель мог составить собственное мнение о деле.

> «Следующий пункт. Господин аббат выражает удовлетворение тем, что его преподобие отец настоятель не имел личных сношений с духом зла (Diabolus). Тем не менее серьезность обвинения требует…»

Далее страница оторвана.

> «Гуго Жако, Симон ле Куврер, Пьер Дени, а также опрошенные горожане из Дюна дали нижеследующие свидетельства.
>
> Шум из церкви Святого Креста доносился по ночам, когда бушевал шторм, и всегда предвещал кораблекрушение. Из церкви

раздавались стоны, грохот, волчий вой, а иногда звуки флейт. Некий Жан, присужденный к выжиганию клейма и наказанию кнутом за разведение костров на берегу моря, в результате чего в устье Ниса разбивались корабли, во время допроса с применением блоков и веревки показал следующее: банда пиратов, в которой состоял и он, заранее определяла приближение шторма именно по звукам из этой церкви. Свидетель нередко перелезал через ограду и шнырял по церковному двору в ожидании этих звуков. Завывания и стоны, описанные предыдущими свидетелями, ему хорошо знакомы. Он слышал рассказ одного крестьянина о том, как однажды ночью его преследовала стая волков, хотя хорошо известно, что в нашей местности за последние тридцать лет не замечено ни одного волка. Свидетель полагает, что началу жесточайшего шторма всегда предшествовали громкие звуки флейт и дудок (quod vulgo dicuntur flustes et musettes), причем такие сладкие, каких не слыхивал и король Франции у себя при дворе. На вопрос, видел ли он что-либо, свидетель ответил, что видел ярко освещенную церковь, но по приближении к ней она оказывалась темной, и только в караульне горел слабый огонек. Однажды ночью, когда флейты, дудки и вой звучали особенно громко, ему показалось, что он видел волков, а на крыше церкви маячила человеческая фигура, однако он испугался и убежал, и более ничего не знает.

Следующий пункт. Господин аббат желает, чтобы его преподобие ответил, положив руку на Евангелие, слышал ли он сам вышеназванные звуки.

Его преподобие категорически отрицает, что когда-либо слышал подобные звуки. Однако под угрозой допроса с пристрастием (дыба?) признался, что ему часто рассказывал об этом священник, дежуривший в церкви по ночам.

Вопрос: Рассказывал ли тот священник его преподобию что-либо еще?

Ответ: Да, но только на исповеди. Более того, последний сторож — убитый молнией нечестивец, совершивший несколько ужасных преступлений, безумец, которого следовало бы отправить в сумасшедший дом, — был нанят только потому, что никто не соглашался дежурить в церкви по ночам.

Вопрос: Расспрашивал ли отец настоятель предыдущих

сторожей?

Ответ: О том, что они слышали по ночам, сторожа рассказывали только на исповеди. Предшественники отца настоятеля свято блюли тайну исповеди, и он сам желал бы поступить так же.

Вопрос: Что произошло со сторожем, ночевавшим в церкви после Дня Всех Святых?

Ответ: Настоятель этого не знает. Тот человек сошел с ума. Его преподобие полагает, что сторожа отправили в дом умалишенных».

Очевидно, его преподобию Урбану де Люку был приготовлен некий неприятный сюрприз, поскольку дальше я прочел:

«Следующий пункт. По приказу господина аббата слуги вводят Робера Бодуина, священника, некогда служившего сторожем в церкви Святого Креста и в течение десяти лет находившегося в тюрьме, куда его отправили по приказу его преподобия настоятеля. Сторож отказывается говорить, закрывает лицо руками и издает вопли. Его пытаются успокоить, говорят ему ласковые слова. За дело берется сам господин аббат — безуспешно. Наконец, под угрозой применения дыбы, сторож перестает упрямиться и немного успокаивается, но время от времени вскрикивает, жалуется и болтает всякий вздор, как это делают умалишенные.

Вопрос: Помнит ли священник, что происходило накануне Дня Всех Святых в церкви до того, как он упал в обморок?

Ответ: Нет. Грех говорить о таких вещах перед лицом высокого церковного собрания. Он всего лишь невежественный человек, к тому же сумасшедший. И очень хочет есть.

Он получает кусок белого хлеба со стола самого господина аббата. После этого перекрестный допрос продолжается.

Вопрос: Что он помнит из событий, произошедших в День Всех Святых?

Ответ: Он считает, что не всегда был сумасшедшим. И не всегда сидел в тюрьме. Ему кажется, что когда-то он плыл в лодке

по морю и т. д.

Вопрос: Помнит ли свидетель, бывал ли он когда-либо в церкви города Дюн?

Ответ: Не помнит. Но уверен, что не всегда сидел в тюрьме.

Вопрос: Слышал ли свидетель когда-либо вот такие звуки? (Господин аббат приказал своему шуту, прекрасному музыканту, заиграть на свирели.)

При этих звуках свидетель задрожал с головы до ног, разрыдался, упал на колени, схватил господина аббата за полы сутаны и попытался спрятать в них голову.

Вопрос: Почему он испытывает такой неподобающий ужас в присутствии доброго господина аббата?

Ответ: Свидетель не в силах слышать звуки свирели. От них у него стынет кровь. Он много раз говорил господину настоятелю, что больше не останется на ночь в караульне. Он боится за свою жизнь. Он не осмеливается осенять себя крестным знамением и не может читать молитвы, потому что боится огромного дикого человека. Этот человек схватил святой крест, разломил его пополам и принялся забавляться с обломками. В это время с крыши слетели все горгульи и пустились в пляс, встав на задние ноги и завывая, а дикий человек играл на церковном органе. Чтобы чудовища не забрались в караульню, свидетель быстро составил круг из маленьких крестиков, сложенных из стеблей ржи. Ах, ах, ах! Опять эти звуки! Воют волки!

Всеобщая суматоха.

Следующий пункт. Больше от свидетеля не удается добиться ничего. Он падает на пол и начинает биться, как одержимый. Его быстро удаляют с глаз его преосвященства господина аббата и его преподобия отца настоятеля».

III

На этом записи допросов прерываются. Удалось ли высокому церковному собранию выяснить правду об ужасных событиях, происходивших в церкви города Дюна? Догадались ли они, что послужило причиной?

— А причина и в самом деле была, — сказал антиквар, снимая очки, — вернее, существует до сих пор. Сейчас вы поймете то, чего шесть веков назад не могли понять ученые духовные лица.

Он встал, взял с полки ключ и повел меня к себе домой. Жил он на берегу реки Нис, в миле от Дюна.

Между низкими фермами виднелись соляные топи, покрытые сиреневыми зарослями кермека. Это был Остров Птиц — огромная песчаная отмель в устье Ниса, где собирались все виды морских пернатых. За ним, озаренные зловещим красным светом вечерней зари, мелькали белые гребешки морских волн. С другой стороны простиралась суша, где высоко над крышами домов возносила свой шпиль церковь города Дюн: виднелись ее высокая звонница, ломаные изгибы фронтонов и контрфорсов, а сидящие на крыше горгульи и окружавшие церковь сосны на фоне кроваво-красного неба казались совсем черными.

— Я же вам говорил, — рассказывал антиквар, вставляя ключ в замок одной из дворовых построек, — что распятие подменили. Сейчас в церкви Дюна висит вовсе не то чудотворное распятие, которое было выброшено на берег волнами в тысяча сто девяносто пятом году. Я считаю, что в нашей церкви находится скульптурная копия, о чем есть соответствующая запись в архивах монастыря Сен-Лу. В тысяча двести девяносто девятом году ее предоставили аббату камнерезы Этьен Ле Мае и Гийом Пернель, и в том же самом году в Дюне прекратились сверхъестественные явления. А подлинный образ Спасителя вы сейчас увидите и все поймете.

Антиквар открыл дверь, вступил в низкий сводчатый коридор, зажег фонарь и пошел вперед. Очевидно, мы попали в подвал какого-то средневекового здания: в темноте между массивными колоннами витали запахи вина, влажной древесины и еловых веток, которыми были утыканы стены.

— Здесь, — антиквар поднял фонарь над головой, — его и заточили, но прежде проткнули железным прутом, как вампира, чтобы он больше не ожил.

Изваяние стояло, прислоненное к темной стене, в окружении вязанок хвороста. Фигура была выше человеческого роста, обнаженная; руки отломаны по самые плечи, голова с растрепанными волосами тянулась вверх, лицо искажено от невыносимой муки, мышцы напряжены, как у всех распятых, ноги связаны веревкой. Такие изображения я видел во многих музеях. Я подошел ближе, чтобы рассмотреть ухо: оно было в форме остроконечного листа.

— Ах, я вижу, вы все поняли, — сказал антиквар.

— Да, я понял, — ответил я, не зная, что он имеет в виду. — Эта статуя — вовсе не Христос, а древний сатир Марсий, ожидающий кары.

Антиквар кивнул.

— Именно так, — сухо подтвердил он. — Это все объясняет. И мне кажется, аббат и настоятель поступили предусмотрительно, когда проткнули его железным прутом, вынося из церкви.

Ги де Мопассан

Ги де Мопассан(1850–1893) родился в Нормандии в старинной и знатной семье. Его родители развелись, когда ему было одиннадцать лет; мать будущего писателя дружила с Гюставом Флобером, который принял участие в ее старшем сыне и стал его литературным наставником. По окончании средней школы Мопассан был призван на военную службу и показал себя образцовым солдатом во время франко-прусской войны. Затем он около десяти лет работал государственным служащим; в эти же годы он начал писать, сперва стихи, не отличавшиеся выдающимися поэтическими достоинствами, а затем рассказы, большинство которых Флобер заставил его уничтожить как никуда не годные. Когда его первый рассказ, «Пышка», был опубликован под одной обложкой с произведениями такого литературного мэтра того времени, как Эмиль Золя, он затмил их все, и будущее Мопассана было обеспечено. В последующее десятилетие он написал более трехсот новелл, шесть романов, три книги путешествий, стихи, несколько пьес и свыше трехсот журнальных статей. Его натуралистический стиль оказал сильное влияние на других знаменитых новеллистов, в том числе на О. Генри и Уильяма Сомерсета Моэма.

К несчастью, жизнь Мопассана была короткой — он умер, не дожив до сорока трех лет. Страстный женолюб, он заразился сифилисом в весьма юном возрасте, а в зрелые годы к этому заболеванию прибавились и другие недуги. Его брат умер в клинике для умалишенных, и, когда Мопассан ощутил признаки надвигающегося безумия, он предпринял две попытки самоубийства; умер он, находясь в помраченном состоянии сознания.

Рассказ «Орля» был впервые опубликован в газете «Жиль Влас» 26 октября 1886 года.

Орля (© Перевод Э. Линецкой)

8 мая. Изумительный день! Все утро я провалялся на траве под исполинским платаном — он растет у моего дома, укрывает его, окутывает широкой своей сенью. Люблю этот край, мне легко в нем дышится, потому что здесь мои корни, те глубокие, восприимчивые корни, которые накрепко привязывают нас к земле, где появились на свет и умерли наши предки, привязывают к привычному ходу мыслей и привычной еде, к обыкновениям и кушаньям, к оборотам речи, говору крестьян, к запахам

вот этой почвы, этих деревень, даже к самому воздуху.

Люблю свой дом, [76]где прошло все мое детство. Из окон видна Сена, она течет вдоль садовой ограды по ту сторону проезжей дороги, в моих, можно сказать, владениях — большая, широкая река, усеянная проплывающими судами, катит воды из Руана в Гавр.

Вдали слева — Руан, огромный город, над его синими крышами высится островерхое племя готических колоколен. Их великое множество, и хрупких и кряжистых, над всеми царит чугунный шпиц собора, и бессчетные колокола полнят прозрачную синь чудесным благовестом заутрени, чей гулкий металлический зов, чья бронзовая песнь доносится до меня в дыхании ветра, то еле различимая, когда он замирает, то явственная, когда он набирается сил.

Как хорошо было сегодня утром!

Часов около одиннадцати мимо садовой решетки проплыл длинный караван торговых судов; их тащил буксирчик с муху величиной, он натужно хрипел и плевался густыми клубами дыма.

Вслед за двумя английскими шхунами, чьи алые флаги зыбились на фоне неба, появился горделивый бразильский трехмачтовый парусник, белоснежный, немыслимо чистый, весь сверкающий. Я непроизвольно отвесил ему поклон, так мне был приятен весь его облик.

12 мая. Последние дни меня немного лихорадит; как-то неможется, вернее, тоскуется.

Откуда они, эти таинственные флюиды, которые безмятежную радость превращают в уныние, спокойную уверенность — в душевную тревогу? Словно воздух, незримый воздух вокруг нас кишит какими-то непостижимыми Силами, и мы все время ощущаем их таинственное соседство. Я просыпаюсь, у меня чудесное настроение, хочется запеть во все горло. Почему? Я отправляюсь побродить у реки, но почти сразу поворачиваю и спешу домой с таким стеснением в груди, как будто меня ждет недобрая весть. Почему? Холодный ли ветер, коснувшись кожи, раздражил мои нервы и омрачил душу? Очертания ли облаков или облик дня, столь переменчивый облик нашего мира вещей, промелькнув перед глазами, смутил мои мысли? Кто ответит на этот вопрос? Быть может, все, что нас окружает, все, что мы видим, не глядя, осязаем, не отдавая себе отчета, к чему прикасаемся, не дотрагиваясь, с чем сталкиваемся, не замечая, — все оказывает на нас, на наши чувства и через них на мозг и даже на душу влияние мгновенное, потрясающее и необъяснимое?

Как глубока тайна Незримого! В нее не проникают наши столь

несовершенные чувства, наши глаза, не умеющие различать ни слишком малого, ни слишком большого, ни слишком близкого, ни слишком далекого, ни насельников звезд, ни насельников капли воды… Наши уши вводят нас в обман, ибо колебания воздуха они доносят до нас под маской звуков и, точно волшебники, чудесным образом превращают движение в ноты разной высоты, тем самым рождая музыку, наделяя певучестью немое шевеление природы… Наше обоняние менее чутко, чем обоняние собаки… Наш вкус едва распознает возраст вина!

Будь у нас другие органы чувств, которые осчастливили бы нас другими чудесами, сколько всякой всячины открыли бы мы еще вокруг себя!

16 мая. Решительно, я болен! А так хорошо себя чувствовал весь прошлый месяц! У меня лихорадка, жестокая лихорадка, вернее, лихорадочное возбуждение, изматывающее душу не меньше, чем тело. Не могу избавиться от невыносимого ощущения нависшей опасности, от страха не то перед неминуемым несчастьем, не то перед близкой смертью, от предчувствия беды, которое, без сомнения, есть признак еще не распознанного недуга, тлеющего в крови, в самых недрах нашего существа.

18 мая. Только что вернулся от своего врача — я пошел к нему потому, что совершенно лишился сна. Он нашел, что пульс у меня учащен, зрачки расширены, нервы напряжены, но никаких угрожающих симптомов не обнаружил. Прописал душ и бромистый калий.

25 мая. Никакого улучшения! Сам не пойму, что со мной творится. Чуть начинает смеркаться, как меня охватывает непонятная тревога, словно в ночи таится какая-то страшная угроза. Я наскоро обедаю, потом берусь за книгу, но не понимаю ни слова, буквы прыгают перед глазами. Тогда я принимаюсь мерить шагами гостиную, сердце сжимает безотчетная и непреодолимая боязнь — боязнь уснуть, боязнь лечь в постель.

Часов в десять я поднимаюсь в спальню. Едва переступив порог, сразу дважды поворачиваю ключ в замке, запираюсь на все задвижки: мне страшно… Чего?… До сих пор я не знал никаких страхов… Распахиваю шкапы, заглядываю под кровать… прислушиваюсь… прислушиваюсь… К чему?… Не удивительно ли, что ничтожное недомогание, какое-нибудь расстройство кровообращения, небольшой застой или, скажем, раздражение нервного волоконца, словом, мелкие неполадки в работе нашего живого механизма, такого несовершенного и хрупкого, превращают

весельчака в меланхолика, храбреца в труса? Наконец я укладываюсь в постель и жду прихода сна, как приговоренный — прихода палача. Я жду, дрожа от ужаса; сердце у меня колотится, в ногах судороги, меня знобит, хотя от простынь пышет жаром, и вдруг проваливаюсь в забытье, как в бездонную яму, полную стоячей воды, без надежды из нее вынырнуть. Я не чувствую, как бывало, приближения этого коварного сна, который прячется где-то рядом, следит за мной, вот-вот прыгнет мне на голову, закроет глаза, превратит в ничто.

Я сплю… долго сплю… несколько часов… потом мне начинает сниться сон… нет, не сон — кошмар… Я отлично сознаю, что лежу в постели и сплю — сознаю и понимаю… и вместе с тем чувствую, что кто-то подходит ко мне, оглядывает меня, ощупывает, влезает на кровать, коленями придавливает грудь, обеими руками хватает за горло и сжимает… сжимает изо всех сил… стараясь задушить…

Я пытаюсь освободиться, но мое тело сковано чудовищным бессилием, парализующим нас в кошмарах, хочу крикнуть — и не могу, хочу пошевелиться — и не могу, задыхаясь, делаю отчаянные попытки повернуться на бок, сбросить это существо, которое расплющивает меня, не дает вздохнуть, — и не могу.

Внезапно я просыпаюсь, обезумев от ужаса, весь в поту. Зажигаю свечу. В комнате никого нет.

После такого приступа, а повторяются они еженощно, я наконец спокойно засыпаю и сплю до рассвета.

2 июня. Мне стало еще хуже. Что все-таки со мной происходит? Бром не помогает. Душ не помогает. Сегодня утром я решил довести себя до полного изнеможения, хотя и без того совершенно разбит, и отправился на прогулку в Румарский лес. Сперва мне показалось, что свежий воздух, легкий, прозрачный, напоенный запахами трав и листвы, обновляет кровь, обновляет душевные силы. Я пошел широкой, проложенной для охотников дорогой, потом свернул в узкую, ведущую к Ля Буй аллейку меж деревьев-исполинов, которые сплелись наверху ветвями, заслонив от меня небо плотным темно-зеленым, почти черным, пологом.

И тут меня забила дрожь, но не от холода, а от непонятной тревоги.

Я ускорил шаги, мне было не по себе одному в этом лесу, было страшно, беспричинно, бессмысленно страшно от такого безлюдья. И вдруг мне почудилось, что кто-то идет за мной, крадется след в след, так близко, что вот-вот коснется меня.

Я круто повернулся. Ни души. Только уходящая вдаль прямая,

широкая аллея, пустынная, обсаженная высокими деревьями, — пустынная до жути. И в другую сторону она тоже тянулась, нескончаемо длинная, однообразная, страшная.

Я зажмурился. Почему? Упершись каблуком в землю, начал кружиться быстро-быстро, как волчок. Чуть было не упал — пришлось открыть глаза; деревья качались, земля плыла, я вынужден был сесть. Ну а потом уже не мог сообразить, с какой стороны я пришел. Дикий поступок! Дикий! Дикий! Я ничего не соображал. Свернул наобум вправо и добрел до той самой дороги, которая привела меня в глубь леса.

3 июня. Ужасная ночь. Уезжаю на несколько недель. Небольшое путешествие, безусловно, вернет мне равновесие.

2 июля. Я вернулся. Совершенно здоров. К тому же поездка была очень удачная. Впервые побывал на горе Сен-Мишель.

Какой открывается вид, если, как я, попадаешь в Авранш к концу дня! Город стоит на холме. Меня повели на самую окраину, в городской сад, — там я даже вскрикнул от изумления: меж обрывистых берегов широко раскинулась бухта, она простирается куда только достает глаз, теряясь в дымчатой дали. И посреди этой необъятной желтой бухты под золотым светоносным небом мрачно вздымается на песчаном острове удивительная остроконечная гора. Солнце только что скатилось в море, и на пламенеющем небе рисовался причудливый силуэт этой скалы, увенчанной причудливым сооружением.

Я отправился туда на рассвете. Был отлив, как и накануне вечером, и я не отрываясь смотрел на вырастающее с каждым моим шагом необыкновенное аббатство. Я шел несколько часов и наконец добрался до каменной громады, несущей на себе небольшое селение и большую церковь. Одолев узкую, крутую улочку, я вошел в эту готическую обитель, прекраснейшую из всех воздвигнутых Богу на земле, — целый город, несчетное множество низких палат, придавленных сводами, и высоких галерей на хрупких колоннах. Я вошел в это гигантское творение рук человеческих, выстроенное из гранита и, словно кружево, невесомое, покрытое башнями, стройными колоколенками, которые оплетены бегущими вверх лестницами, связаны друг с другом изящными резными арками и стремятся в небо — днем синее, ночью черное — всеми прихотливыми своими верхушками, где топорщатся химеры, черти, небывалые звери, чудовищные цветы.

Добравшись до вершины, я сказал моему провожатому-монаху:

— Как вам, должно быть, хорошо здесь, святой отец!

— Ветры у нас очень сильные, сударь, — ответил он, и мы начали беседовать, поглядывая, как прилив, набегая на песок, покрывает его стальной кольчугой.

Монах рассказал немало историй, старинных историй, связанных с этим краем, — преданий, разумеется, преданий.

Одно из них произвело на меня особенное впечатление. Местные жители, горцы, утверждают, будто в песках по ночам слышны человеческие голоса, а потом блеяние двух коз: одна блеет громко, другая потише. Скептики возражают им, что это кричат морские птицы — их крики напоминают то блеяние, то человеческие стоны. Но рыбаки стоят на своем: когда им случалось припоздниться, они неподалеку от этого затерянного в глуши городка встречали среди дюн в часы отлива дряхлого пастуха, который, закрыв лицо плащом, вел за собой двух коз, одну с мужским лицом, другую с женским; седые, длинноволосые, они ни на секунду не умолкали — то ссорились на непонятном языке, то вдруг начинали во всю мочь блеять.

— И вы верите этому? — спросил я монаха.

— Не знаю, — вполголоса ответил он.

Но я не унимался:

— Если бы на земле водились существа, совсем не похожие на нас, разве мы уже давным-давно не убедились бы в этом? Как же случилось, что их никогда не видели вы? Никогда не видел я?

— Но мы не видим и стотысячной доли того, что существует, — заметил он. — Возьмем, к примеру, хотя бы ветер: нет у природы силы неодолимее, он валит с ног людей, опрокидывает здания, с корнем вырывает деревья, вздымает морские валы высотой с гору, обращает в прах утесы, бросает на рифы большие суда, он убивает, он свистит, стонет, мычит — а вы его видели? И можете ли вы его увидеть? Меж тем он существует!

Что я мог возразить на столь простой довод? Передо мной был мудрец, может быть, простак, я не взялся бы утверждать ни того ни другого, но возразить ему не мог. Мне и самому приходили в голову такие мысли.

3 июля. Плохо спал: в здешнем воздухе, очевидно, разлито какое-то тлетворное влияние, неможется не только мне, но и моему кучеру. Вернувшись вчера домой, я обратил внимание на его болезненную бледность.

— Что с вами, Жак? — спросил я у него.

— Никак не могу отдохнуть по-настоящему, сударь, все дневные силы ночь съедает. Как вы уехали, так на меня это и нашло.

Хотя другие слуги чувствуют себя отлично, боюсь, как бы не началось у меня снова.

4 июля. Снова началось, это ясно. Опять все те же кошмары. Нынче ночью кто-то сидел у меня на груди и, прижавшись губами ко рту, высасывал мою жизнь. Да, он тянул ее у меня из горла, точь-в-точь как пиявка. Потом, насосавшись, встал, а я проснулся до того обессиленный, измученный, опустошенный, что руки не мог поднять. Если так будет продолжаться еще несколько дней, непременно уеду.

5 июля. Может быть, я сошел с ума? То, что произошло, чему я был свидетель прошлой ночью, не укладывается ни в какие рамки, у меня голова идет кругом, когда я об этом думаю.

Вечером, по нынешнему своему обыкновению, я запер дверь на ключ. Мне захотелось пить, я налил себе полстакана воды и при этом случайно обратил внимание, что графин полон до самой стеклянной пробки.

Я лег и, как со мной бывает теперь, на меня навалился мучительнейший сон, из которого часа через два я был вырван еще более мучительным пробуждением. Представьте себе человека, которому снится, будто его убивают, и который просыпается от того, что ему всадили нож между ребер: он хрипит, истекает кровью, не может вздохнуть, чувствует, что умирает, пытается что-то понять — вот так проснулся и я.

Когда я наконец пришел в себя, мне снова захотелось пить; я зажег свечу, подошел к столику, где стоял графин, и наклонил горлышко над стаканом: оттуда не вытекло ни единой капли. Графин был пуст! Абсолютно пуст! Сперва я не сообразил, в чем дело, потом вдруг понял и был так потрясен, что тут же сел, вернее, упал на стул. Потом вскочил и огляделся, опять сел, до умопомрачения удивленный и напуганный этим прозрачным, пустым графином. Я не сводил с него глаз, пытаясь найти разгадку. Руки у меня дрожали. Кто выпил воду? Кто? Я сам, конечно? Кто же еще, как не я? Выходит, я лунатик, я живу, сам того не подозревая, двойной таинственной жизнью, которая невольно наводит на мысль, что в каждом из нас два существа или что в часы, когда душа скована сном, некое чуждое существо, незримое и непостижимое, одушевляет наше порабощенное тело, и оно повинуется ему, как нам самим, больше, чем нам самим.

Кто поймет мой отвратительный страх? Кто поймет ощущения

человека, который в здравом уме и твердой памяти глядит, смертельно испуганный, на стеклянный графин, откуда, пока он спал, исчезла вода? Я просидел на стуле до самого утра, не решаясь перебраться в постель.

6 июля. Я схожу с ума. Ночью опять кто-то выпил всю воду из графина — вернее, я сам ее выпил.

Я? Так ли? А кто же еще? Кто? Боже милостивый! Или я схожу с ума? Кто подаст мне руку помощи?

10 июля. Какие потрясающие опыты я проделал за эти дни!

Решительно, я сошел с ума! И все же…

Шестого июля, перед тем как лечь, я поставил на стол вино, молоко, хлеб и землянику.

Кто-то выпил… я выпил всю воду и немного молока. Вино, хлеб, земляника не тронуты.

Седьмого июля повторил опыт с теми же результатами.

Восьмого июля поставил все, кроме воды и молока. Ни к чему не притронулись.

Наконец, девятого июля поставил только воду и молоко, тщательно обернув графины белой кисеей и обвязав пробки тесьмою. Потом натер рот, бороду, руки графитом и лег в постель.

Сразу уснул каменным сном; проснулся от непередаваемого ужаса. Во сне я, очевидно, ни разу не пошевелился — на простынях ни единого пятнышка. Вскочил и бросился к столу. Кисея по-прежнему белоснежна. Дрожа от страшного предчувствия, развязал тесьму. Вся вода выпита! Все молоко выпито! Боже мой! Боже!

Немедленно уезжаю в Париж.

12 июля. Париж. Какое странное затмение нашло на меня в последние дни! То ли я стал жертвой собственного разгулявшегося воображения, то ли я и впрямь лунатик или, может быть, находился под воздействием силы, уже общепризнанной, хотя до сих пор не разгаданной, которую называют внушением. Так или иначе, смятение мое граничило с помешательством, но сутки в Париже — и я опять здравомыслящий человек.

Вчера после деловых и дружеских визитов, которые ободрили и оживили меня, я закончил вечер во Французской комедии. Давали пьесу Дюма-сына, [77]и этот острый, могучий ум исцелил меня окончательно. Нет, одиночество пагубно для тех, чье сознание в безустанной работе. Нам необходимо жить в окружении людей, мыслящих и высказывающих свои

мысли. Долгое уединение понуждает нас населять пустоту призраками.

В гостиницу я возвращался в отличном расположении духа. Шагая по людным бульварам, я со снисходительной усмешкой вспоминал недавние свои страхи — я ведь думал, да, да, серьезно думал, что под одной крышей со мной поселился некто незримый! До чего же убог наш мозг: он теряет руль и ветрила, стоит ему столкнуться с самым ничтожным, но непонятным явлением!

Вместо того чтобы сделать простейший вывод: «Я не понимаю следствия, потому что не улавливаю причины», мы тут же начинаем громоздить какие-то жуткие тайны и сверхъестественные влияния!

14 июля. День Республики. Гулял по улицам. Как ребенок, развлекался, глядя на флаги и фейерверк. Хотя что может быть глупее вот такого веселья по декрету правительства в заранее установленный день! Народ — безмозглое стадо, порою он тупо терпелив, порою свирепо непокорен. Ему говорят: «Веселись!» — и он веселится. Ему говорят: «Иди, сражайся с соседом!» — и он сражается. Ему говорят «Голосуй за императора!» — и он голосует за императора. Ему говорят: «Голосуй за республику!» — и он голосует за республику.

Погонщики не умнее стада, только они повинуются не людям, а принципам, которые уже по одному тому нелепы, пустопорожни и лживы, что они принципы, то есть некие положения, почитаемые безошибочными и неколебимыми, — это в нашем-то мире, где и свет — иллюзия и звук — иллюзия.

16 июля. Я глубоко взволнован тем, чему был свидетелем вчера.

Я обедал у г-жи Сабле, моей кузины, — ее муж командует в Лиможе 76-м егерским полком. Кроме меня там были две молодые женщины и муж одной из них, доктор Паран; он серьезно занимается изучением нервных болезней и теми поразительными явлениями, которые стали известны сейчас в связи с опытами гипноза и внушения. [78]

Он подробно рассказал нам об удивительных результатах, полученных как английскими учеными, так и врачами нансийского медицинского института.

Факты, о которых он поведал нам, показались мне до того ни с чем не сообразными, что я тут же выразил полное свое неверие в них.

— Мы стоим сейчас, — утверждал он, — на пороге открытия одной из величайших загадок природы. Я разумею — одной из величайших ее загадок на Земле, потому что, несомненно, у нее без числа еще более

великих — вне наших пределов, в иных мирах. С тех пор, как человек начал мыслить, с тех пор, как научился устно и письменно выражать свою мысль, он непрерывно ощущает дыхание чего-то таинственного, чего-то неуловимого для его маловосприимчивых, несовершенных органов чувств и пытается возместить их бессилие напряженной работой разума. Пока этот разум пребывал в первобытном состоянии, соприкосновение с незримым порождало в нем самый что ни на есть заурядный страх. Страху и обязаны своим возникновением народные верования в сверхъестественное, легенды о блуждающих духах, о феях, гномах, выходцах из могил и даже, смею сказать, легенда о Боге, затем что ничего нет беспомощнее, тупее, нелепее, чем эти рожденные жалким умишком насмерть перепуганных тварей понятия о Боге-творце, какая бы религия их ни придумала. Всего лучше сказал об этом Вольтер: «Бог создал человека по своему образу и подобию, и человек не остался у него в долгу».

Но немногим более века назад люди начали мало-помалу прозревать. Месмер и другие ученые направили нас по пути совершенно неизведанному, и тому уже лет пять или шесть мы достигли результатов поистине потрясающих.

Моя кузина, тоже полная недоверия, улыбалась.

— Хотите, я попробую вас усыпить? — сказал доктор Паран.

— Что ж, попробуйте.

Она уселась в кресло, и доктор стал пристально смотреть на нее, стараясь загипнотизировать. Мне меж тем стало вдруг не по себе, сердце учащенно забилось, во рту пересохло. Я видел, что веки у г-жи Сабле смыкаются, рот кривится, дыхание становится все тяжелее.

Через десять минут она уже спала.

— Сядьте за ее спиной, — обратился ко мне доктор.

Я сел. Он вложил ей в руки визитную карточку и сказал:

— Это зеркало. Что вы в нем видите?

— Вижу моего кузена, — ответила она.

— Что он делает?

— Пощипывает усы.

— А сейчас?

— Вынимает из кармана фотографию.

— Чья это фотография?

— Его собственная.

Она не ошиблась! И вручили мне эту фотографию нынче вечером, перед самым моим уходом из гостиницы.

— В какой позе он снят?

— Он стоит, в руке у него шляпа.

В этой визитной карточке, в этом куске белого картона, она видела мое отражение, как в зеркале!

Перепуганные дамы наперебой восклицали:

— Довольно! Довольно! Довольно!

Но доктор повелительно сказал:

— Завтра вы встанете в восемь утра, пойдете в гостиницу к кузену и попросите у него взаймы пять тысяч франков: их у вас требовал ваш муж, и он напомнит вам о деньгах перед следующей своей поездкой.

Потом он ее разбудил.

Размышляя по дороге в гостиницу об этом весьма любопытном сеансе гипноза, я все больше приходил к убеждению, что, должно быть, тут кроется какое-то надувательство — разумеется, не со стороны моей безупречно прямодушной кузины, которую я знал с детства не хуже родной сестры, а со стороны врача. Не держал ли он украдкой зеркала перед уснувшей женщиной, которой для отвода глаз дал в руки визитную карточку? Настоящие фокусники и не то еще проделывают!

Итак, я вернулся к себе в номер и лег спать.

Утром около половины девятого меня разбудил мой лакей:

— Сударь, вас спрашивает госпожа Сабле — ей срочно надобно поговорить с вами.

Я второпях оделся, и ее провели ко мне.

Она была чем-то встревожена, села, не поднимая вуалетки, и, потупившись, сказала:

— Кузен, дорогой! Вы можете оказать мне великую услугу.

— Какую, кузина?

— Очень совестно обращаться к вам с этим, но у меня нет выхода. Мне позарез нужны, понимаете, позарез, пять тысяч франков.

— Вам? Вы это серьезно?

— Да, мне, вернее, моему мужу. Он поручил мне достать их.

От удивления я даже стал заикаться. И спрашивал себя: не сговорилась ли она с доктором Параном подшутить надо мной, не комедия ли это, заранее обдуманная и хорошо разыгранная?

Но, пристально вглядевшись в лицо кузины, я понял, что никакой игры тут нет. Она вся дрожала от волнения, так тяжко дался ей этот визит ко мне, и я видел, что она вот-вот разрыдается.

Зная, что г-жа Сабле женщина очень богатая, я продолжал:

— Как же так? У вашего мужа нет под рукой пяти тысяч франков? Подумайте хорошенько. Вы уверены, что он поручил вам занять их у меня?

Она помолчала, словно усиленно рылась в памяти, потом сказала:

— Да… да… уверена…

— Он написал вам об этом?

Она опять помолчала, пытаясь вспомнить. Я чувствовал, какого мучительного напряжения ей это стоит. Она не помнила. Знала только, что должна взять у меня взаймы пять тысяч франков для мужа. И решилась солгать.

— Да… написал.

— Но когда? Вчера вы мне ни словом об этом не обмолвились.

— Письмо пришло сегодня утром.

— Нельзя ли его прочесть?

— Нет… нет… это невозможно… оно предназначено только мне… касается вещей слишком личных… Я… я сожгла его.

— Так что ж, ваш муж залез в долги?

И опять она ответила не сразу.

— Не знаю, — еле слышно сказала она.

— Я не располагаю сейчас пятью тысячами франков, дорогая кузина, — резко сказал я.

Она даже застонала:

— Прошу вас, прошу, достаньте их для меня!..

Госпожа Сабле была в неописуемом смятении. Голос у нее изменился, она молитвенно сложила руки, плакала, всхлипывала, не смея ослушаться жестокого и непререкаемого приказа.

— Умоляю вас! Знали бы вы, так мне тяжело!.. Я сегодня же должна достать деньги!

Я сжалился над ней.

— Скоро вы их получите, обещаю.

— Благодарю вас! Благодарю! Вы очень добры! — вскричала она.

— Вы хорошо помните вчерашний вечер? — спросил я ее напоследок.

— Да.

— Помните, что доктор Паран вас усыпил?

— Да.

— Ну так вот, это он внушил вам, что вы должны сегодня утром прийти ко мне и попросить пять тысяч франков. Сейчас вы просто повинуетесь его внушению.

— Но ведь деньги нужны моему мужу, — немного подумав, возразила она.

Битый час я пытался разубедить ее, но так и не смог.

Не успела она выйти от меня, как я помчался к доктору. Он уже

собирался уходить и с улыбкой выслушал мой рассказ. Потом спросил:

— Ну как, теперь вы уверовали?

— Пришлось уверовать.

— Пойдемте к вашей родственнице.

Она уже дремала, сидя в шезлонге, вид у нее был бесконечно утомленный. Пристально глядя на нее, врач одной рукой сжал ей кисть, другую поднес к ее глазам, пока она не закрыла их, не в силах противиться его магнетическому взгляду.

— Вашему мужу больше не нужны пять тысяч франков, — сказал доктор Паран, как только она уснула. — И вы забудете, что просили их у вашего кузена, а если он напомнит вам, не поймете, о чем речь.

Потом он ее разбудил. Я вытащил из кармана бумажник.

— Я принес, дорогая моя, деньги, которые вы просили сегодня утром.

Она пришла в такое недоумение, что я не решился настаивать. Тем не менее я сделал попытку напомнить ей утренний разговор, но она категорически все отрицала, сочла, что я ее дурачу, и под конец чуть было не обиделась.

Только что вернулся в гостиницу. Не стал завтракать, так вывел меня из равновесия этот случай.

19 июля. Почти все, кому я рассказывал об опыте доктора Парана, поднимали меня на смех. Не знаю, что и думать. Мудрец сказал когда-то: «А что, если…»

21 июля. Обедал в Буживале, потом отправился на бал гребцов. Решительно, наши мысли целиком зависят от обстановки. Когда находишься в Лягушатне, вера в сверхъестественное кажется пределом бессмыслицы… А на вершине горы Сен-Мишель?… Или в Индии?… Как неодолимо влияние среды и места! На будущей неделе вернусь домой.

30 июля. Вчера вернулся. Все идет как нельзя лучше.

2 августа. Ничего нового. Погода отличная. Дни напролет гляжу, как течет Сена.

4 августа. Ссоры между слугами: кто-то из них будто бы бьет по ночам посуду в буфетах. Лакей обвиняет кухарку, та — экономку, экономка — их обоих. А кто истинный виновник? Загадка не из легких.

6 августа. На этот раз я в здравом уме. И видел… да, да, собственными глазами видел!.. Сомнений больше нет… Меня до сих пор бьет озноб… до сих пор волосы шевелятся от страха!.. Я видел!..

В два часа дня, когда вовсю светило солнце, я гулял по розарию, по дорожке, обсаженной осенними розами, которые уже начинают зацветать.

На розовом кусте сорта «воин-исполин» распустились три великолепные розы, я остановился, чтобы полюбоваться ими, и с полной отчетливостью увидел, как совсем близко от меня стебель одной из этих роз вдруг склонился, словно его пригнула незримая рука, а затем сломался, словно та же рука сорвала цветок! Потом роза описала кривую — казалось, кто-то поднес ее к лицу понюхать — и застыла в прозрачном воздухе: жуткое алое пятно, неподвижно висящее в пустоте в трех шагах от меня.

Я потерял голову и, рванувшись к цветку, попытался его схватить! Напрасный труд: роза исчезла. Моя злость на себя не поддается описанию, потому что разумный, здравомыслящий человек просто не имеет права на такие галлюцинации.

И все-таки галлюцинация ли это? Я взглянул на розовый куст, и мне тут же бросился в глаза сломанный стебель меж двух нетронутых роз!

И тогда я побрел домой, потрясенный до самых основ: как у меня нет сомнений, что на смену дню придет ночь, так нет сомнений и в том, что рядом со мной существует некто невидимый, что он пьет воду и молоко, дотрагивается до вещей, поднимает их, переставляет с места на место, то есть вполне материален, хотя и неуловим для наших органов чувств, и живет этот некто в моем доме, под одной крышей со мной.

7 августа. Ночь прошла спокойно. Он выпил всю воду из графина, но не нарушал моего сна.

Хочу понять, действительно ли я сумасшедший. Только что, гуляя по берегу под палящим солнцем, я задавал себе этот вопрос, но не мельком и туманно, как прежде, а трезво и в упор. Я знавал в своей жизни сумасшедших, встречал среди них людей, сохранивших ясность сознания, понятливых и даже проницательных во всем, кроме одного-единственного пункта. О любых вопросах они судили здраво, основательно и беспристрастно, но стоило их рассудку внезапно наткнуться на подводную скалу мании — и он давал трещину, разваливался на куски, погружался в грозный, бушующий океан, где шквальный ветер, и туманы, и громады волн, океан, который называется умопомешательством.

И конечно, я счел бы себя сумасшедшим, безусловно сумасшедшим,

если бы не видел, что со мной происходит, не сознавал бы этого, не анализировал бы своего состояния с полнейшим хладнокровием. Итак, если я и подвержен галлюцинациям, способность рассуждать у меня сохранилась. В моем мозгу угнездился какой-то неведомый недуг, один из тех, над природой и происхождением которых бьются нынешние физиологи, и вот этот-то недуг пробил глубокую брешь в моем разуме, в стройности и последовательности моих мыслей. Подобные состояния бывают во сне, когда любые фантасмагории мы принимаем как нечто вполне естественное, потому что чувство реальности — наше проверочное устройство — погружено в забытье, меж тем как воображение продолжает бодрствовать и работать. Не поврежден ли какой-нибудь неприметный клавиш у меня в мозгу? Люди, попавшие в катастрофу, порою совершенно забывают имена собственные, или глаголы, или цифры, или только даты. Нынче уже вполне доказано, что у любой частицы нашего сознания есть свое собственное, отведенное ей место. Что ж удивляться, если моя способность отделять действительность от галлюцинаций бывает иной раз нарушена?

Вот о чем я думал, прогуливаясь по берегу реки. Солнце зажигало искрами воду, дарило несказанную прелесть земле, полнило меня любовью к жизни, к ласточкам, чей резвый полет — радость моих глаз, к прибрежным травам, чей шелест — услада моего слуха.

Но мало-помалу я стал чувствовать необъяснимую тревогу. Казалось, какая-то потусторонняя сила наваливается на меня, останавливает, загораживает дорогу, велит повернуть назад. Мне нестерпимо хотелось домой — это чувство знакомо людям, у которых болен кто-то близкий: стоит им отлучиться, как они уже не могут отделаться от мысли, что за время их отсутствия больному стало хуже.

Итак, я против собственной воли поспешил домой, твердо уверенный, что там меня ждет дурная весть — письмо или даже депеша. Но не было ни того ни другого, и это поразило и обеспокоило меня больше, чем если бы мне снова примерещилось какое-нибудь ни с чем не сообразное видение.

8 августа. Вчерашний вечер был ужасен. Он больше ничем не выдает себя, но я чувствую, что он здесь, рядом, что он шпионит за мной, глядит на меня, проникает в каждую мою пору, завладевает моей волей; вот такой, затаившийся, он еще страшнее, чем когда заявляет о себе, незримом и неотступном, любыми сверхъестественными явлениями.

Тем не менее ночью я спал.

9 августа. Ничего нового, и все-таки мне страшно.

10 августа. Новостей нет, но что будет завтра?

11 августа. По-прежнему ничего нового; не могу больше жить у себя с этим страхом, с этим вечным ожиданием. Уеду.

12 августа. Десять часов вечера. С самого утра хотел уехать, но так и не мог. Хотел утвердить свободу своей воли простейшим и легчайшим способом: выйти из дому, сесть в карету, сказать кучеру, чтобы вез меня в Руан, — и не мог. Почему?

13 августа. Есть недуги, которые как бы ломают все пружины нашего существа, парализуют все силы, расслабляют все мышцы; кости тогда подобны мясу, мясо подобно воде. А у меня таким недугом поражена душа, этого нельзя понять, с этим нельзя смириться. Ни энергии, ни мужества, ни малейшей власти над собою, ни малейшей способности проявить собственную волю. Ее нет у меня, некто подменил мою волю своей, и я ему подчиняюсь.

14 августа. Я погиб! Некто вселился в меня и правит моей душой. Некто диктует мне все поступки, все мысли, все движения! Я уже как бы не существую, я только насмерть испуганный и рабски покорный зритель собственной жизни. Я решаю пойти погулять — и не могу: он не хочет, и вот я сижу, пригвожденный к креслу, и трясусь от страха. Я решаю доказать себе, что все-таки сам распоряжаюсь собой, пытаюсь встать, хотя бы приподняться с кресла — и не могу: я прикован к этому креслу, а оно прилипло к полу, и никакая сила не сдвинет нас с места.

А потом я вдруг чувствую, что должен, должен, должен пойти в сад, набрать земляники и съесть ее! И я иду. Набираю земляники и съедаю! О Боже! Боже! Боже! Существуешь ли ты? Если существуешь, спаси меня, освободи, приди на помощь! Даруй мне, Господи, прощение! Сжалься, смилуйся, спаси меня! Какая это мука! Какое терзание! Какой ужас!

15 августа. Вот так была одержима и порабощена моя бедная кузина, когда пришла ко мне просить пять тысяч франков. Яркая воля подчинила ее себе, словно в нее вселилась чья-то душа, душа-тунеядка, душа-тиранка! Быть может, это светопреставление?

Но кто, кто правит мною? Кто бродит вокруг меня, незримый и

непознаваемый, не нашего, не человеческого роду и племени?

Значит, невидимки существуют? Но почему тогда, с тех пор как стоит мир, они ни разу не дали о себе знать так явственно, как сейчас мне? Я никогда не читал ни о чем похожем на то, что происходит в моем доме. Если бы мне убежать из него, скрыться, уехать и вовеки не возвращаться, я был бы спасен! Но я не могу.

16 августа. Сегодня мне удалось вырваться на два часа, совсем как арестанту, который нежданно-негаданно обнаружил, что его камера не заперта: у меня вдруг появилось ощущение, что я свободен, что он куда-то отлучился. Не теряя ни минуты, я приказал заложить карету и уехал в Руан. Какое это счастье — сказать кому-то, кто тебе повинуется: «В Руан!»

Первым делом в Руане я заехал в библиотеку и попросил дать мне с собой объемистый трактат доктора Германа Герештауса о невидимых обитателях нашего мира в былые и нынешние времена.

Затем, садясь в карету, я хотел сказать: «На вокзал!» — но крикнул: «Домой!» — да, да, не проговорил, а крикнул так громко, что на меня оглянулись прохожие, — после чего буквально упал на сиденье, вне себя от отчаяния. Он выследил меня и снова осилил.

17 августа. Какая ночь! Господи, какая ночь! И вместе с тем мне, пожалуй, следует радоваться. До часу ночи я неотрывно читал. Герман Герештаус, доктор философии и теогонии, весь свой труд посвятил невидимым существам, которые в действительности либо в воображении бродят вокруг нас и так или иначе дают нам о себе знать. Он рассказал об их происхождении, о круге влияния и могущества. Но тот, кто преследует меня, вовсе на них не похож. Мне кажется, что человек, едва научившись мыслить, стал предчувствовать и бояться появления существа более сильного, чем он, своего преемника в нашем мире, и, ощущая его превосходство, но не умея ответить на вопрос, каков же этот новый владыка, придумал, замирая от ужаса, небывалое племя потусторонних тварей, неясных призраков, детищ страха.

Итак, до часу я читал, а потом сел у открытого окна: ночной ветерок, чуть колебля воздух, освежал мне лоб и мысли.

Было тепло, было чудесно! Как наслаждался бы я прежде такой ночью!

Безлунный сумрак. В бездне черного неба, мерцая, искрились звезды. Кто населяет эти миры? Какие создания, какие твари, животные, растения? Если обитатели этих дальних миров наделены даром мысли, знают ли они то, что нам неведомо? Способны ли на то, что для нас недостижимо? Видят

ли незримое нам? Не явится ли когда-нибудь, преодолев пространство, один из них на Землю, не завоюет ли ее, как некогда норманны, переплыв море, поработили более слабые племена?

Мы, люди, так беспомощны, безоружны, так невежественны и жалки на этом вечно крутящемся комочке грязи, разведенном каплей воды!

Вдыхая ночную свежесть, я все думал и думал об этом, пока не уснул.

Минут через сорок меня вырвало из забытья странное, прежде не испытанное ощущение. Все еще скованный сном, я открыл глаза и сперва не заметил ничего необычного, но внезапно мне почудилось, будто страница раскрытой на столе книги сама собой перевернулась. Ветер к этому времени стих. Удивившись, я стал ждать. И вот не прошло четырех минут, как я увидел, да, да, увидел, что еще одна страница сперва приподнялась, а потом легла на предыдущую, словно ее перевернула чья-то рука. В кресле никто, казалось, не сидел, но я понял, что это он, он занял мое место и читает мою книгу! Одним прыжком — прыжком вышедшего из повиновения зверя я перемахнул через всю комнату с единственным желанием схватить его, задушить, убить!.. Но тут кресло опрокинулось, точно кто-то успел отбежать в сторону… стол покачнулся, лампа упала и погасла, окно захлопнулось, как будто ночной вор, застигнутый врасплох, выскочил из него, обеими руками ухватившись за створки…

Итак, он удрал, он испугался меня… Он — меня!

Значит… значит… не завтра, так послезавтра., или когда-нибудь еще… я смогу наконец повалить его на землю и растоптать! Не случается разве, что псы кусают своих хозяев, перегрызают им горло?

18 августа. Целый день размышлял над этим. О да, конечно, я согнусь перед ним в три погибели, буду исполнять все его желания, все прихоти, стану тише воды, ниже травы… Он сильнее меня. Но придет час…

19 августа. Теперь я знаю… знаю… знаю все досконально! Только что прочитал об этом в «Научном обозрении»: «Из Рио-де-Жанейро получено любопытное сообщение. В провинции Сан-Паулу свирепствует эпидемия безумия, подобная той прилипчивой форме помешательства, которая в Средние века обрушилась на Европу. Жители в ужасе бегут из своих домов, покидают селения, бросают на произвол судьбы посевы, утверждая, что ими, точно стадом животных, владеют, распоряжаются, помыкают незримые, но осязаемые существа, своего рода вампиры, которые высасывают из них жизнь, пока они спят, а еще пьют молоко и воду, но ни к какой иной пище не прикасаются.

Профессор дон Педро Энрикес вместе с другими учеными-медиками отбыл в провинцию Сан-Паулу, чтобы на месте изучить причины и проявления этой небывалой формы помешательства и предложить императору те меры, которые, по его мнению, в наикратчайший срок вернут разум охваченному безумием населению».

Так, так! Я отлично помню тот бразильский красавец трехмачтовик, который восьмого мая проплыл мимо моих окон вверх по Сене! Он так порадовал меня своей красотой, стройностью, белоснежностью! А на нем был Некто, чье племя зародилось в тех краях! И он увидел меня! И увидел мой дом, тоже белый! И спрыгнул с корабля на берег! Боже милосердный!

Теперь я знаю, я восстановил все звенья. Царству человека настал конец.

Он пришел, тот, кого предчувствовали охваченные первобытным ужасом наши простодушные предки, кого изгоняли заклятиями смятенные жрецы, кого непроглядными ночами пытались вызвать и так ни разу не вызвали колдуны, кого вещая боязнь временных хозяев земли облекала то в чудовищные, то в прелестные обличья гномов, духов, гениев, фей, кобольдов. Со временем эти наивные верования, навеянные безотчетным страхом, сменились воззрениями более здравыми людей более проницательных. Его распознал Месмер, а врачи добрых десять лет назад, еще до того, как новый владыка начал воздействовать на людей, определили природу этого воздействия. И начали играть с его оружием, с той таинственной волей, которая, подавляя человеческую душу, превращает ее в рабыню. Они называли ее магнетизмом, гипнозом, внушением… каких только названий не придумывали! Я своими глазами видел, как они, словно неразумные дети, забавлялись силой столь разрушительной! Горе нам! Горе человеку! Он явился, этот… этот… как мне его назвать… этот… мне чудится, он выкрикивает свое имя, но я не могу разобрать… этот… да, выкрикивает… я напрягаю слух… не слышу… повторяет… этот… Орля! Расслышал наконец… да, да, это он… Орля… он явился!..

Ястреб пожрал голубку, волк пожрал ягненка, лев растерзал остророгого буйвола. Человек поразил льва стрелой, мечом, порохом, а Орля одним лишь усилием воли превратит человека в то, во что человек превратил быка и коня: в свое достояние, в своего раба, в свою пищу. Горе нам!

И все-таки животное порой восстает на своего поработителя и убивает его… Я тоже хочу… и у меня достанет сил!.. Но прежде надо его распознать, потрогать, увидеть! Зрение животных, утверждают ученые, отличается от нашего, их глаза не видят того, что видим мы. Вот и мои

глаза не различают пришельца, который подчинил меня своей воле.

Почему? Как тут не вспомнить слова монаха на горе Сен-Мишель: «Мы не видим и стотысячной доли того, что существует. Возьмем, например, хотя бы ветер: нет у природы силы неодолимее, он валит с ног людей, опрокидывает здания, с корнем вырывает деревья, вздымает морские валы высотой с гору, обращает в прах утесы, бросает на рифы большие суда, он убивает, он свистит, стонет, мычит — а вы его видели? И можете ли вы его увидеть? Меж тем он существует!»

И еще я подумал: мои глаза так несовершенны, так дурно устроены, что не различают даже твердых тел, если они прозрачны, — скажем, стекла. Пусть на моем пути поставят зеркальное стекло без амальгамы — и я ударюсь о него, как птица, которая, залетев в комнату, разбивается об оконное стекло. Да мало ли в мире такого, что сбивает меня с толку и направляет по ложному пути! Так нечего удивляться моей неспособности увидеть новоявленное существо, к тому же проницаемое для света!

Новоявленное существо! Ну и что же! Оно не могло не возникнуть! С чего мы взяли, что нами все завершится? Да, мы, как и другие твари, созданные до нас, не видим его, но это говорит лишь о том, что оно совершеннее других существ, что его тело сработано искуснее, чем наша плоть, слабосильная и неудачная по самому замыслу, перегруженная органами, вечно изнемогающими от усталости, вечно напряженными, как слишком сжатые пружины, плоть, с трудом черпающая жизненные силы из воздуха, злаков и мяса, подобно растениям, подобно животным, одушевленная машина, подвластная недугам, уродливым изменениям, тлению, одышливая, ломкая, глупая и нелепая, изощренно-топорная, неотесанная и вместе утонченная, набросок существа, которое могло бы стать разумным, несравненным!

Мы так малочисленны в этом мире, мы все, начиная с устрицы и кончая человеком! Почему бы и не зародиться чему-то новому, если уже истекло время, отделяющее последовательное появление разных видов?

Почему бы не зародиться еще одному? Скажем, дереву с огромными цветами, ослепительно яркими и полнящими ароматом целые округи? Или еще одной стихии, отличной от огня, воздуха, земли и воды? Их четыре, всего-навсего четыре, этих кормильцев живых существ! Какая малость! Почему не сорок, не четыреста, не четыре тысячи! До чего все у нас нищенское, убогое, мизерное! Как скаредно отпущено, впопыхах задумано, небрежно слеплено! Слон, гиппопотам — воплощение стройности! Верблюд — воплощение изящества!

А бабочка, возразите вы, этот крылатый цветок? Но я представляю

себе бабочку огромную, как сотни миров, ее крылья по легкости движений, по форме своей, красоте, раскраске не имеют себе равных… Я вижу ее… Она перелетает со звезды на звезду, освежая их, овевая своим ароматом, негромко и мелодично шелестя… И обитатели тех горних миров восторженно и благоговейно следят за ее полетом!..

Что со мною делается? Это он, он, это Орля вселился в меня и внушает мне эти сумасбродные мысли! Он живет во мне, становится мною… Я убью его!

19 августа. Я его убью. Мне удалось увидеть его! Вчера вечером я сидел за столом и прикидывался, будто не отрываясь пишу. И не сомневался, что он начнет бродить вокруг меня, будет подбираться все ближе, ближе, так близко, что, может быть, я смогу коснуться, схватить его… И тогда… тогда отчаяние удесятерит мои силы, я пущу в ход руки, колени, грудь, голову, зубы и задушу его, раздавлю, искусаю, раздеру в клочья!..

Я подкарауливал его, все мое существо было до предела напряжено.

Зажег обе лампы, зажег восемь свечей на камине, как будто чем ярче свет, тем легче его увидеть!

Напротив меня моя кровать, старинная дубовая кровать с колонками; направо камин, налево дверь — я долго не прикрывал ее, стараясь завлечь его, а потом тщательно запер, — за спиной высокий зеркальный шкаф; перед этим зеркалом я ежедневно бреюсь и одеваюсь, в нем оглядываю себя всякий раз, когда прохожу мимо.

Итак, я прикидывался, будто пишу, — он ведь тоже следил за мной, — и вдруг у меня появилось чувство, нет, уверенность, что он тут, рядом, что он читает через мое плечо, почти касаясь уха.

Я вскочил, протянул руки и так молниеносно обернулся, что чуть не упал. И вот… В комнате было светло как днем, но своего отражения в зеркале я не увидел… Чистое, незамутненное, прозрачное стекло, пронизанное светом. Я в нем не отражался… хотя стоял напротив! Я видел всю его поблескивающую поверхность, дико глядел на нее и не решался сдвинуться с места, шевельнуть рукой, чувствовал, что он по-прежнему рядом, но по-прежнему недосягаем, он, незримый и все же поглотивший мое отражение!

Как мне стало страшно! И тут я вдруг начал различать себя в зеркале, сперва неясно, точно сквозь туманную дымку или, вернее, сквозь толщу воды, и эта вода медленно-медленно переливалась слева направо, и так же

медленно становилось отчетливее мое отражение. Словно какое-то затмение пришло к концу. Прежде между мною и зеркалом стояло нечто расплывчатое, тускло-прозрачное, но не просвечивающее насквозь, потом мало-помалу оно начало светлеть.

Наконец я отразился в зеркале весь и с обычной четкостью.

Я его видел! До сих пор от пережитого ужаса меня колотит озноб.

*20 августа.*Его надо убить, но как? У меня нет способа подобраться к нему… Дать яду? Он увидит, что я подмешиваю отраву к воде, к тому же подействуют ли наши яды на того, чье тело незримо? Нет… конечно нет… Как же тогда?… Как?…

*21 августа.*Вызвал из Руана слесаря и заказал ему железные жалюзи вроде тех, что висят на окнах в нижних этажах парижских особняков: там это защита от воров. Заказал вдобавок такую же решетку на дверь. Он, очевидно, решил, что я трус, но мне наплевать!..

*10 сентября.*Руан, гостиница «Континенталь». Мне удалось… удалось… Но уничтожен ли он? Я видел такое, что у меня душа содрогнулась.

Итак, слесарь навесил железные жалюзи на окна и решетку на дверь, но я не закрывал их до полуночи, хотя уже стало прохладно.

Внезапно я почувствовал, что он явился, и какая это была радость, какая сумасшедшая радость! Не торопясь, я встал со стула, долго кружил по комнате, чтобы он ничего не заподозрил, потом скинул башмаки, небрежно сунул ноги в домашние туфли, опустил жалюзи на окнах, потом ленивым шагом подошел к двери и дважды повернул ключ в замке. Вернулся к окну, запер его на висячий замок, а ключ положил в карман.

Внезапно я ощутил, что он беспокойно снует вокруг меня, что теперь боится уже он и приказывает мне выпустить его. Я почти сдался, но все-таки выдержал характер, прислонился к двери и приоткрыл ее — чуть-чуть, ровно настолько, чтобы, пятясь, протиснуться в щель; я так высок ростом, что головой касался притолоки, и он не мог проскользнуть мимо меня, уж в этом-то нет сомнений! Я запер его в спальне, он там один, один! Какое счастье! Попался-таки в ловушку! Я сбежал по лестнице, бросился в гостиную, она как раз под спальней, облил керосином из обеих ламп ковер, мебель, что попало, затем поджег и выскочил на улицу, дважды повернув ключ в замке входной двери.

Потом я затаился в глубине сада, среди лавровых кустов. Но как

тянулось время! Как тянулось! Кругом черно, немо, недвижно, в воздухе ни дуновения, в небе ни звезды, только смутные кряжи туч, и каким грузом давили мне на душу эти почти неразличимые тучи!

Я не спускал глаз с дома и ждал. Как тянулось время! Я уже начал думать, что огонь сам собою погас или что это он его погасил. И в эту секунду одно из оконных стекол в нижнем этаже лопнуло под напором пламени, и огненный язык, огромный огненный язык, оранжево-красный, длинный, мягкий и ласковый, пополз вверх по белой стене, лизнул ее всю до самой крыши. По деревьям, веткам, листве пробежали блики и вместе с ними трепет — трепет страха! Проснулись птицы, завыла собака; мне даже показалось, что рассветает. Лопнуло еще два стекла, и весь нижний этаж дома превратился в чудовищный костер. И тут крик, жуткий, пронзительный, раздирающий уши женский крик ворвался в ночь, и настежь распахнулись два мансардных оконца. Я забыл о прислуге! И вдруг увидел обезумевшие лица, взмахивающие руки…

Ничего не соображая от ужаса, я помчался в деревню с воплем: «Пожар! Пожар! На помощь! На помощь!» Навстречу мне бежали люди, и я вернулся вместе с ними к дому, я хотел все увидеть!

Но вместо дома был костер, жуткий и величественный, грандиозный костер, озарявший землю, и в нем испепелялись люди, испепелялся он. Он, мой пленник, новоявленное Существо, новоявленный властелин, Орля!

Внезапно крыша, вся целиком, рухнула, стены поглотили ее, и огненный столп взметнулся к небу. Через все распахнутые окна этого горнила я видел плещущее пламя и думал — он там, в самом пекле, он мертв…

Мертв? А если?… Если его тело, проницаемое для света, не поддается тому, что убивает нас, людей?

Если он жив?… Если одно лишь время властно над невидимым и грозным Существом? Не для того же ему дана эта прозрачная плоть, плоть неощутимая, приравнивающая его к духам, чтобы и он, как мы, становился жертвой недугов, ранений, немощей, преждевременного уничтожения.

Преждевременное уничтожение! Вот он, источник ужаса, тяготеющего над людским родом! На смену человеку — Орля! На смену тому, кто может умереть в любой день, в любой час, в любую минуту из-за любой малости, явился тот, кто встретит смерть лишь в назначенный день, в назначенный час, в назначенную минуту, встретит ее, когда исчерпает весь отпущенный ему срок!

Ну да… ну да… это ясно… он жив… И значит… значит… мне остается одно — убить себя!..

Фриц Лейбер

Фриц Ройтер Лейбер(1910–1992) родился в Чикаго в семье знаменитых актеров шекспировского репертуара Фрица и Вирджинии Лейбер (урожденной Бронсон). Он получил диплом биолога в Чикагском университете и некоторое время следовал по стопам родителей в качестве драматического актера, появившись на киноэкране в нескольких фильмах — в том числе в классической «Камилле» (1937) с участием Греты Гарбо и Роберта Тейлора и в «Горбуне из Нотр-Дам» (1949), где также играл его отец. Кроме того, Лейбер год проучился в Общей теологической семинарии в Нью-Йорке, но не окончил ее. После Второй мировой войны он стал младшим редактором журнала «Научный дайджест», и эта работа вдохновила его на сочинение художественной прозы в жанрах фэнтези и научной фантастики.

В его богатом литературном наследии выделяется растянувшийся на полвека цикл героической фэнтези (термин, изобретенный Лейбером) о Фафхрде (герой, прототипом которого стал сам автор) и Сером Мышелове (чьим прототипом стал друг Лейбера Гарри Отто Фишер). Ряд его произведений экранизирован; самый известный пример такого рода — дебютный роман писателя «Ведьма» (1943), по которому поставлено три фильма: «Гори, ведьма, гори!» (1962) (по сценарию Джорджа Бакста, Чарльза Бомонта и Ричарда Матесона), «Странная женщина» (1944) и «Колдовское зелье» (1980).

Лейбер — лауреат восьми премий «Хьюго» и двух премий «Небьюла».

Рассказ «Девчонка с голодными глазами» был впервые опубликован в антологии «„Девчонка с голодными глазами“ и другие истории» под редакцией Дональда Уоллхайма (Нью-Йорк: Эйвон, 1949). В 1995 году режиссер Йон Джейкобс поставил по его мотивам одноименный фильм.

Девчонка с голодными глазами (© Перевод А. Лисочкина.)

Ну ладно, расскажу, почему от Девчонки у меня мороз по коже. Почему я стараюсь поменьше бывать в центре, чтоб лишний раз не смотреть, как толпа роняет слюни при виде щита над улицей, где она в обнимку с пивной банкой, или пачкой сигарет, или еще какой-нибудь хреновиной. Почему давно терпеть не могу журналы, поскольку знаю, что она обязательно появится на какой-нибудь странице в кружевном

бюстгальтере или пузырящейся ванне. Почему с ужасом думаю о миллионах американцев, жадно впитывающих эту отравленную полуулыбочку. Это целая история — история посильней, чем вам кажется.

Нет, вы только не подумайте, что я ни с того ни с сего вдруг проникся благородным негодованием к социальному злу под названием «реклама», способному вызвать общенациональный психоз в отношении какой-нибудь шикарной красотки. Если учесть, чем я сам зарабатываю на жизнь, это было бы просто смешно, точно? Хотя вы, наверное, вполне вправе считать, что в таком способе постановки секса на деловые рельсы все-таки есть что-то извращенное. Но я-то такими глупостями голову не забиваю. И я прекрасно знаю, что если у нас есть лицо, и тело, и взгляд, и все такое прочее, то почему бы вдруг когда-нибудь не объявиться одной такой единственной, в которой все это добро сочетается так качественно, что нам просто ничего не остается, как окрестить ее Девчонкой с большой буквы и насобачить на все рекламные щиты от Таймс-сквер до Телеграфного Холма?

Но та Девчонка совсем не как остальные. Она не настоящая. Она как болезнь. Она нечистая.

Ну конечно, год у нас сейчас одна тысяча девятьсот сорок восьмой, а на что я намекаю, попахивает чертовщиной. Но понимаете, и я сам до конца не просеку, на что намекаю, не считая кое-каких совершенно определенных вещей. Хотя бы на то, что вампиры и в самом деле есть, только далеко не все они кровь сосут.

И на то, что были убийства, если то и вправду были убийства.

А потом, позвольте мне вот чего спросить. Почему, коли вся Америка уже целиком и полностью обуяна Девчонкой, мы про нее почти ничего не знаем? Почему она не украшает обложку «Тайма» с залихватской биографией внутри? Почему не было ни единой большой статьи в «Лайф» или «Пост»? Очерка в «Ньюйоркере»? Почему «Шарм» или «Мадемуазель» еще не воспели ее карьеру на своих страницах? Пора не настала? Чушь собачья!

Почему ее до сих пор не зацапали киношники? Где ее «пара слов для наших радиослушателей»? Почему мы не видим, как она целует кандидатов на предвыборных гонках? Почему ее ни разу не выбирали королевой той или иной фигни, как это у нас полагается?

Почему мы не можем прочитать о ее вкусах и увлечениях, взглядах на положение в России? Почему репортеры не возьмут у нее, наряженной в кимоно, интервью на распоследнем этаже самого развысоченного отеля в Манхэттене и не расскажут нам, что у нее за приятели?

И наконец, — а это уже посерьезней всего будет, — почему ее никогда не рисовали и не писали маслом?

Нет-нет, точно не рисовали. Если б вы хоть чуток разбирались в коммерческой живописи, вы бы сразу это просекли. Любой такой, пусть даже и самый распрекрасный рисунок сделан с фотографии. Ни за что не подумаешь? А то! На этом деле самые спецы сидят. Но факт есть факт.

А теперь я вам отвечу на все эти «почему». Да потому, что хоть сверху донизу перерой весь мир рекламы, новостей и бизнеса, все равно не сыщешь ни единой живой души, которая знает, откуда эта Девчонка взялась, где живет, чем занимается и даже как ее звать.

Вы дальше слушайте. Больше того, ни единая-разъединая душа даже никогда ее просто не видела и не видит — не считая одного несчастного бедолаги-фотографа, который заколачивает на ней такую монету, какую за всю жизнь не надеялся заработать, и который до смерти перепуган и зашуган каждую минуту на дню.

Нет, и малейшего представления не имею, кто он такой и где у него студия. Но я точно знаю, что такой человек должен быть, и даю голову на отсечение, что чувствует он себя именно так, как я только что сказал.

Да, вообще-то я смог бы ее найти, если б постарался. Хотя точно не уверен — наверное, сейчас она стала поосторожней. Да и потом, у меня нет на это ровно никакого желания.

А, крыша у меня поехала, говорите? Таких вещей в наш атомный век просто не бывает? Люди не могут так надежно спрятаться от всех, даже Гарбо?

Ну что ж, мне довелось узнать, что все-таки могут, потому что в прошлом году я и был тем самым несчастным бедолагой-фотографом, про которого вам тут толкую. Да-да, в прошлом году, в сорок седьмом, когда Девчонка и выплеснула первую порцию своей отравы на наш славненький городок, который хоть и вырос давно, да ума не нажил.

Да-да, я в курсе, что вас тут в прошлом году не было и вы ничего про это не слыхали. Даже Девчонке пришлось начинать с малого. Но если вы пороетесь в подшивках местных газет, то найдете кое-какую рекламу, а я вам потом могу показать несколько сохранившихся витрин — по-моему, в «Грации» так свою и не сменили. У меня у самого была целая гора фотографий, только я их все пожег к чертовой матери.

Да, свое я получил и обрезал концы. Получил, конечно, не столько, сколько любой другой фотограф на моем месте, но на жизнь до сих пор хватает, и на виски, как видите, тоже. К деньгам она относилась довольно забавно. Я еще про это расскажу.

Но сперва представьте меня в сорок седьмом. У меня была студия на четвертом этаже в Хаузер-билдинг прямо через перекресток от парка Ардлейна.

В свое время я работал на студию Марша-Мейсона, пока не наелся от пуза и не решил попытать счастья в одиночку. Домишко был, чего греха таить, настоящая крысиная дыра — вовек не забуду, как там ступеньки скрипели, — но там было дешево, а свет естественный.

Дела шли паршиво. Я днями напролет шатался по заказчикам и рекламным агентствам, и хоть против меня лично никто ничего не имел, снимки почти никогда не подходили. Я был на грани самой настоящей нищеты. Я задолжал за студию. Черт, у меня даже не было денег, чтоб завести девчонку!

Все это произошло одним темным пасмурным вечером. В доме была жуткая тишина — эти гады даже при том, что жильцов кот наплакал, жмотились плату урезать! Я только что закончил печатать несколько фоток, которые рассчитывал на свой страх и риск толкнуть в «Грацию» (они дамские пояса делают), бассейну Баффорда и «Спортплощадке» — для тех эдакая насквозь дутая пляжная сценка. Моя модель только что ушла. Мисс Леон такая. Вообще-то она преподавала гражданское право в старших классах, а мне позировала на стороне, тоже исключительно на свой страх и риск. Едва поглядев на отпечатки, я понял, что мисс Леон вряд ли прокатит в «Грации» — или мои фотографии в принципе. День пошел коту под хвост, и я решил сворачиваться.

И тут четырьмя этажами ниже хлопает дверь, на лестнице слышатся шаги и входит она.

Она была в дешевом, таком сверкающем платье. В черных туфельках. Без чулков. И если не считать серого драпового пальтишка, которое она перекинула через локоть, ее худосочные ручонки были совершенно голые. Ручки у нее довольно худенькие, сами видели, или теперь вы такого просто не замечаете?

Тонкая шейка, исхудалое, чуть ли не изможденное личико, беспорядочная копна темных волос, а из-под нее глядят голоднейшие глаза во всем мире.

В том-то и причина, что сегодня она всю страну положила на лопатки, — в этих глазах. Вульгарности ни капли, но во взгляде такой голод, в котором и секс тебе, и еще что-то побольше, чем секс. Это как раз то, что каждый ищет еще с ноль тысяч ноль первого года, — чего-то чуток побольше, чем просто секс.

И вот, парни, я наедине с Девчонкой, в своей полутемной конторе в

практически безлюдном доме. Ситуация, которую миллионы американцев мужского пола наверняка не раз рисовали себе в голове с теми или иными сочными подробностями. И что же я чувствую? Жуткий испуг.

Я знаю, что секс может быть пугающим. Этакий холодок в животе и буханье сердца, когда вы остаетесь наедине с девушкой и чувствуете, что пора бы ее и потрогать. Но если в тот раз и присутствовал секс, то на него накладывалось и что-то другое.

По крайней мере, о сексе я тогда не думал.

Помню, что резко отпрянул, а рука у меня так дернулась, что фотографии, которые я смотрел, разлетелись по полу.

И вроде голова слегка закружилась, будто из меня что-то вытянули. Только самую малость.

Вот и все. Потом она открыла рот, и на некоторое время все вошло в норму.

— Гляжу, вы фотограф, мистер, — говорит она. — Не нужна ли вам, часом, модель?

Голосок у нее был не сильно культурный.

— Сомневаюсь, — отвечаю я, подбирая снимки. Понимаете, с ходу она меня не особо-то вдохновила. Коммерческие перспективы, которые сулили ее голодные глазки, засечь я еще не успел. — А раньше-то вы чем занимались?

В общем, выдает она мне какую-то довольно туманную историю, я начинаю проверять ее знание посреднических агентств, студий, расценок и всего такого прочего и довольно скоро ей говорю:

— Послушай-ка, да ты ведь в жизни не позировала фотографу. Ты просто замерзла и зашла погреться.

Ну, она соглашается, что это более-менее так.

На протяжении всего нашего разговора у меня было чувство, что она как бы нащупывает дорогу, словно человек в незнакомом месте. Не то чтобы она была не уверена в себе или во мне — скорее, во всей ситуации в целом.

— И ты думаешь, кто угодно может позировать? — спрашиваю я жалостливо.

— А то! — говорит она.

— Послушай, — говорю, — фотограф может отправить в корзину дюжину негативов, чтоб вышло более-менее человеческое изображение обычной женщины. И сколько же, по-твоему, придется выбросить, чтоб получить действительно живую, эффектную фотку?

— По-моему, я справлюсь, — говорит она.

В общем, надо было мне сразу дать ей хорошего пинка. Может, меня восхитила невозмутимость, с которой она продолжала упорно стоять на своем. Может, тронул ее полуголодный вид. Но более вероятно, я просто испытывал злорадство от возможности дать ей прочувствовать то же самое, что чувствовал я, когда мне швыряли назад мои фотки. Решил, что называется, в очередной раз найти виноватого.

— Ладно, придется преподать тебе небольшой урок, — говорю я ей. — Так и быть, попробую пару раз тебя щелкнуть. Но имей в виду — исключительно на твой страх и риск. Если кто-то вдруг пожелает купить твое фото, на что один шанс из миллиона, я заплачу тебе за время по обычным расценкам. Только так, и не иначе.

Она одарила меня улыбкой. Первой.

— Шикарно, — говорит.

В общем, сделал я три-четыре снимка — только лицо крупным планом, поскольку не пришел в восторг от ее дешевого платьишка, и, по крайней мере, весь мой сарказм она встретила достойно. Потом вспомнил, что у меня до сих пор еще валяется выданное в «Грации» дамское барахло, и, наверное, злорадство все еще играло во мне, поскольку я вручил ей пояс, велел зайти за ширму и надеть его, что она, вопреки моим ожиданиям, сделала просто-таки без тени смущения; и коли уж мы так далеко зашли, я решил отщелкать заодно и пляжную сценку, чтоб окончательно отстреляться.

Все это время я не ощущал ровно ничего необычного, не считая легких приступов головокружения, которые на меня то и дело находили, и гадал, то ли желудок у меня расстроился, то ли я неосторожно обращался с реактивами.

Хотя все-таки, знаете, наверное, тревога и смутное беспокойство во мне уже и тогда присутствовали.

Я бросил ей визитку и карандаш.

— Напиши тут, как тебя звать, адрес и телефон, — сказал я и заперся в лаборатории.

Немного погодя она ушла. Я с ней даже не попрощался. Я злился, что она не стала ломаться и нисколько не смутилась по поводу поз, в которые я ее ставил, и даже меня не поблагодарила, не считая той единственной улыбки.

Я закончил проявлять негативы, сделал несколько отпечатков, проглядел и пришел к заключению, что товар, по крайней мере, не намного хуже, чем с мисс Леон. И как-то вдруг решил подсунуть эти фотки в ту пачку, с которой завтра с утра собирался пройтись по клиентам.

К тому моменту уработался я в дым, так меня трясло и подташнивало, но пожалел тратить последние деньги на спиртное, чтоб слегка прийти в себя. Есть мне не очень хотелось. По-моему, я сходил в какую-то дешевую киношку.

О Девчонке я и думать забыл, может, разве рассеянно подивился, как это я на своем безбабье даже не попытался к ней подклеиться. Она вроде бы принадлежала к несколько… э-э… более доступной социальной прослойке, чем мисс Леон. Но тогда, конечно, нашлась тысяча весьма веских причин, почему я этого не сделал.

С утра я пошел по заказчикам. Первым номером в моем списке стояла пивоварня Мунша. Там требовалась «Девчонка Мунша». Папаша Мунш испытывал ко мне нечто вроде отеческой привязанности, хотя снимки мои в грош не ставил. Хотя, если по-честному, вкус и чутье в фотографии у него имелись, этого не отнимешь. Лет пятьдесят тому назад он вполне мог бы быть среди тех шустрых ребят, что закладывали Голливуд.

Он как раз только что вернулся с производства и занимался своим самым излюбленным делом. Отставив запотевшую банку, он облизал губы, отпустил кому-то несколько сугубо технических замечаний насчет хмеля, вытер свои толстые лапы о передник, прикрывающий пузо, и сграбастал пачку фотографий.

Он просмотрел уже где-то около половины, задумчиво пощелкивая языком, когда дошел до нее. Я мысленно дал себе по шее за то, что вообще ее туда засунул.

— Ага, — оживился он. — Фотография, конечно, не шедевр, но девчонка что надо.

Это все и решило. Я никак не мог взять в толк, почему Папаша Мунш сразу за нее зацепился, а я нет. Думаю, это было потому, что сперва я увидел ее во плоти, если это подходящее слово.

Но в тот момент я чуть в обморок не хлопнулся.

— Кто это такая? — спрашивает он.

— Да так, новая модель. — Я изо всех сил постарался, чтоб это прозвучало понебрежней.

— Приходи с ней завтра с утра, — говорит он мне. — И все свое барахло прихвати. Прямо тут ее пощелкаем. Покажу тебе, как это делается.

— Ну ладно, не кисни, — добавил он. — Выпей-ка лучше пивка.

Ну-с, я ушел, повторяя себе, что все это только случайность, что завтра при своей полной неопытности она наверняка опростоволосится, и все такое прочее.

И все-таки, когда я почтительно положил следующую пачку на

розовую конторскую книгу мистера Фитча из «Грации», ее фотографию я уже вытащил наверх.

Мистер Фитч всегда строил из себя великого знатока в искусстве. Он откинулся в кресле, прищурился, пошевелил в воздухе своими длинными артистическими пальцами и проговорил:

— Хм. Что скажете, мисс Виллоу? Я вот про эту. Конечно, сама фотография не отличается большой убедительностью. Наверное, в данной ситуации нам лучше обратиться к образу Бесенка, нежели Ангелочка. Но все-таки девушка… Подите-ка сюда, Бинс. — Опять шевеление пальцами. — Мне нужна реакция женатого человека.

Он не мог скрыть факта, что надежно попался на крючок.

Абсолютно то же самое случилось и в бассейне Баффорда, и в «Спортплощадке», не считая того, что Да Косте не потребовалось мнение женатого человека.

— Сила, — крякнул он, облизываясь. — Ну, парень, вроде как снимать научился?

Не чуя под собой ног, я полетел в контору и цапнул карточку, которую дал ей для имени и адреса.

Ничего на ней не было.

Могу вам признаться, что следующие пять дней довели меня чуть ли не до белой горячки. На следующее утро, поскольку я так и не сумел ее отловить, мне пришлось выкручиваться, как угрю на сковородке.

— Она заболела, — втолковывал я Папаше Муншу по телефону.

— Она что, в больнице? — интересовался он.

— Да так, ничего серьезного, — говорил я.

— Так тащи ее сюда. Голова, небось, разболелась?

— Простите, никак не могу.

У Папы Мунша проснулись какие-то подозрения.

— Она действительно на тебя работает?

— Да конечно на меня!

— Ну уж не знаю, как там «конечно». Я бы подумал, что она нездешняя, если б не узнал твой дубовый стиль.

Я хихикнул.

— Ну ладно, приводи ее завтра, слышишь?

— Попробую.

— Нечего пробовать. Бери и приводи.

Он не представлял и половины того, чего я только не перепробовал. Я обошел все агентства, работающие с фотомоделями и хористками. Я, как заправский детектив, совал нос в студии фотографов и художников. Я

грохнул последние медяки на объявления во всех трех газетах. Я просмотрел все выпускные фотографии школы и личные дела безработных на бирже. Я шатался по ресторанам и забегаловкам, приглядываясь к официанткам, по большим и маленьким магазинам, высматривая молоденьких продавщиц. Я обшаривал взглядом толпы, выходящие из кинотеатров. Просто бродил по улицам.

По вечерам я делал приличный кружок по известным улочкам, где собираются проститутки. Почему-то казалось, что это самое верное место.

На пятый день я понял, что окончательно сел в лужу. Крайний срок, данный мне Папашей Муншем — их было уже несколько, но этот был действительно крайний, — окончательно истекал в шесть часов вечера. Мистер Фитч уже успел плюнуть на все это дело и отвалить.

Я стоял у окна студии, глядя на парк Ардлейна.

И тут входит она.

Я уже столько раз мысленно представлял себе этот момент, что даже не задумался, как себя вести. Даже легкий приступ головокружения мне ничуть не помешал.

— Привет, — говорю я ей холодно.

— Привет, — говорит.

— Ну что, еще не отказалась от своей затеи?

— Нет.

Это не прозвучало ни робко, ни вызывающе. Это была голая констатация факта.

Я бросил взгляд на часы, поднялся и отрывисто бросил:

— Ну ладно, опять даю тебе шанс. Тут у меня один клиент ищет девчонку как раз твоего типа. Если справишься, может, и пойдет у тебя дело. Если поспешим, еще его застанем, — говорю, подхватывая кофр с аппаратурой. — Пошли. И в следующий раз, если на что-то рассчитываешь, не забывай оставить телефон.

— Вот еще, — говорит она, не двигаясь с места.

— Это ты о чем? — говорю.

— Да не собираюсь я встречаться с такими-то там твоими клиентами.

— Ах, не собираешься? — говорю. — Ты что, не понимаешь, чего мне это стоило?

Она медленно покачала головой.

— Только не делай из меня дурочку, малыш, не надо. Они сами меня хотят.

И тут она одарила меня второй улыбочкой.

В тот момент я подумал, что она просто прочитала мои объявления.

Теперь я далеко в этом не уверен.

— А теперь я тебе скажу, как мы будем работать, — продолжает она. — Ни имени, ни адреса, ни телефона ты не получишь. Их никто не получит. Все снимки мы будем делать только тут. Только я и ты.

Можете представить, как я тогда взвился. Чего я только тогда ни делал — злился, язвил, терпеливо уговаривал, бесился, грозил, умолял.

Я надавал бы ей по физиономии, если б это не был мой фотографический капитал.

Под конец единственное, на что я был способен, это позвонить Папаше Муншу и передать ему все ее условия. Понимаю, что это было глупо, но мне просто ничего другого не оставалось.

Он на меня жутко наорал, несколько раз подряд повторил «нет» и брякнул трубку.

Это не произвело на нее ровно никакого впечатления.

— Начнем съемку завтра ровно в десять, — сказала она.

Это ей очень пошло — эдакая графиня из кино.

Около полуночи позвонил Папаша Мунш.

— Понятия не имею, в каком сумасшедшем доме ты откопал эту девицу, — сказал он, — но я согласен. Приходи завтра с утречка, и я попробую вбить в твою дурную башку, какие мне нужны снимки. Очень рад, что вытащил тебя из постели!

После этого все наладилось. Даже мистер Фитч передумал и, убив два дня на втолковывание мне, что все это совершенно исключено, тоже принял все условия.

Конечно, вы уже все под чарами Девчонки, так что не способны понять, каким великим самопожертвованием со стороны мистер Фитча был добровольный отказ от личного присмотра за формированием образа Бесенка, или Мегеры, или на чем мы там в конечном счете сошлись.

На следующее утро она явилась точно к назначенному времени, и мы принялись за работу. В ее пользу могу сказать одно: она никогда не уставала и не капризничала, когда я вертел ее и так и эдак. Все шло, как по маслу, не считая того, что у меня по-прежнему было чувство, будто что-то помаленьку от меня ускользает. Может, и вы что-то подобное чувствуете, глядя на ее фотографии.

Когда мы закончили, я выяснил, что имеются и другие правила. Это было где-то под вечер. Я вышел за ней, чтоб выпить кофейку и съесть бутерброд в закусочной.

— Ну вот еще, — говорит она. — Я пойду одна. И имей в виду, малыш: если ты только попробуешь пойти за мной, если ты только

высунешь башку из окна, когда я выйду, можешь искать себе другую модель.

Можете представить, как вся эта фигня подействовала мне на психику — да и на воображение тоже. Помню, что открыл окно, когда она вышла — прежде несколько минут выждал, — и стоял там, дыша свежим воздухом и пытаясь понять, что за всем этим кроется: то ли она от полиции прячется, то ли она чья-то падшая дочь, то ли ей просто кажется шикарным так выпендриваться, то ли Папаша Мунш был прав и она действительно малость того.

Но надо было еще проявить пленку.

Оглядываясь назад, просто поражаешься, с какой быстротой ее колдовские чары опутали после этого весь город. Вспоминая, что наступило потом, я опасаюсь, что это случилось уже и со всей страной — а может, и со всем миром. Вчера я в «Таймс» прочел чего-то насчет того, что плакаты с Девчонкой уже чуть ли не в Египте появились.

Из остатка моей истории вам станет ясно, почему я настолько серьезно всего этого опасаюсь. Есть у меня и теория, которая все это объясняет, но это уже из тех вещей, которые выходят за рамки тех самых «совершенно определенных моментов». Это насчет Девчонки. Попробую растолковать буквально в нескольких словах.

Вы знаете, как современная реклама способна направлять человеческие умы в одну сторону, заставляя желать одного и того же, думать об одном и том же. И вы знаете, наверное, что психологи не так уж скептически относятся к телепатии, как они обычно выделываются.

А теперь добавим сюда два предположения. Представим, что одинаковые желания миллионов людей сфокусировались в одну телепатическую личность. Скажем, девушку. Создали ее из ничего, из воображения.

Только представьте себе ее знание затаеннейших желаний миллионов мужчин. Представьте ее способность заглянуть в эти желания глубже самих людей, которые их испытывают, видеть ненависть и стремление к смерти, кроющиеся за похотью. Представьте тот все более полный зрительный образ, который она принимает, оставаясь при этом холодной, как камень. И представьте при этом тот голод желаний, который она должна испытывать в ответ на их голод.

Но я уже здорово уклонился от фактов, про которые рассказываю. А против некоторых фактов никак не попрешь. Как против денег. Мы ведь деньги делали.

Это как раз тот забавный момент, о котором я уже обещал рассказать.

Я опасался, что Девчонка просто задумала меня малость потрясти в плане денег. Я ведь уже говорил, как она меня взяла в ежовые рукавицы — не пикнешь.

Но она никогда не запрашивала свыше самых обычных расценок. Позже я уже сам решил платить ей побольше, причем здорово побольше. Но она всегда брала деньги с таким презрительным видом, будто собиралась выбросить их в первый же мусорный бак, как только выйдет на улицу.

Может, так она и делала.

Как бы там ни было, деньги у меня завелись. Впервые за многие месяцы я мог позволить себе заложить за галстук, прилично приодеться и раскатывать в такси. Теперь я мог подъехать к любой девчонке, на которую бы только глаз положил. Надо было только выбрать.

Так что я, понятное дело, не мог не воспользоваться возможностью и не выбрать…

Но сперва давайте я вам про Папашу Мунша расскажу.

Не один Папаша Мунш искал встречи с моей моделью, но, по-моему, он один втрескался в нее по-настоящему. Я видел, какие у него становились глаза, когда он рассматривал фотографии. В них появлялось этакое сентиментальное, мечтательное выражение. Мамаша Мунш уже два года как лежала в могиле.

Спланировал он все очень ловко. Какими-то совершенно незначащими фразами он заставил меня проболтаться, когда она приходит на съемку, и одним прекрасным утром притопал по лестнице за несколько минут до нее.

— Я пришел на нее посмотреть, Дейв, — объявил он.

Я и спорил с ним, и врал, и втолковывал, что он не знает, насколько серьезно она относится к своим идиотским требованиям. Я предупреждал, что он нам обоим все испортит навсегда. Я даже, к собственному удивлению, пытался его вытолкать.

Он даже не возмутился, как поступил бы в любой другой ситуации. Только повторял:

— Но Дэйв, мне обязательно нужно ее увидеть.

Хлопнула дверь парадной.

— Это она, — сказал я, понизив голос. — Скорей уходите.

Он не ушел, так что пришлось затолкать его в лабораторию.

— И чтоб ни звука, — прошептал я. — Я ей скажу, что не могу сегодня работать.

Я знал, что он все равно попытается посмотреть на нее и наверняка вылезет оттуда, но на что-то большее был уже не способен.

Шаги слышались уже на четвертом этаже. Но в дверях она так и не показалась. Я почувствовал тревогу.

— А ну-ка убери оттуда этого засранца! — тявкнула она из-за двери. Не очень громко, самым своим обычнейшим голосом.

— Поднимаюсь еще на этаж, — объявила она. — И если этот толстопузый засранец немедленно не выкатится прямиком на улицу, то больше не получит ни единой моей фотки под свое вонючее пиво!

Папаша Мунш вышел из лаборатории. Он был весь белый. Выходя, он на меня даже не посмотрел. И больше никогда не рассматривал ее фотографии при мне.

Это про Папашу Мунша. Теперь про меня. Я уже не раз к ней подкатывался, делал прозрачные намеки, а со временем решился перейти и к более активным действиям.

Она стряхнула мою руку, точно сырую тряпку.

— Цыц, малыш, — сказала она. — Время-то рабочее.

— Но потом… — нажимал я.

— Разве мы не договаривались?

И я получил то, что, по-моему, было пятой улыбкой.

Трудно поверить, но с этой своей идиотской линии поведения она никогда и на дюйм не сворачивала. В конторе трогать ее было нельзя, потому что работа была важней всего, и она ее любила, и ничто не должно было отвлекать внимание. В другом месте я тоже не мог с ней встретиться, потому что, если бы попытался, больше бы уже ни одного снимка не сделал, — и это все при том, что деньги текли рекой, а у меня хватало ума не воображать, будто к этому имели какое-то отношение мой художественный вкус и способности.

Конечно, я не был бы живым человеком, если б и потом не пытался к ней подъехать. Но это всякий раз кончалось все тем же обращением, будто с мокрой тряпкой, и улыбок уже больше не было.

Я жутко изменился. Начал вести себя как сумасшедший, как дурень с пустой головой — только иногда мне казалось, будто она вот-вот лопнет. И все время ей чего-то рассказывал. В основном про себя.

Это было все равно что находиться в постоянном бреду, который, правда, нисколько не мешал делу. На головокружение я внимания не обращал. Это уже казалось вполне естественным.

Я метался по студии, и яркий рефлектор мог на мгновение обратиться листом раскаленной добела стали, сумерки за окном — густой тучей мошкары, а аппарат — большой черной вагонеткой. Но еще мгновение, и все опять становилось на место.

Мне кажется, что временами я ее до смерти боялся. Она представлялась страннейшей, ужаснейшей личностью во всем мире. Но в другие моменты…

И я говорил. Не важно, чем я тогда был занят: ставил свет, подбирал позу, возился с треногой, наводил фокус, — или где она сама была: на подиуме, за ширмой, в кресле с журнальчиком, — я трепал языком, не прерываясь ни на секунду.

Я рассказал ей буквально все, что сам про себя знал. Я рассказал ей про свою первую девушку. Рассказал про велосипед своего брата Боба. Рассказал про то, как однажды удрал из дома и уехал неизвестно куда на товарняке, и про взбучку, которую мне устроил папаня, когда я вернулся. Рассказал про плавание в Южную Америку и синее небо в ночи. Рассказал про Бетти. Рассказал, что моя мать умирает от рака. Рассказал, как меня однажды побили в темном переулке за баром. Рассказал про Милдред. Рассказал, как продал первый в моей жизни снимок. Рассказал, как Чикаго выглядит с борта яхты. Рассказал про самый длинный в моей жизни запой. Рассказал про студию Марша Мейсона. Рассказал про Гвен. Рассказал, как познакомился с Папашей Муншем. Рассказал о том, как за ней охотился. Рассказал, что сейчас чувствую.

Тому, что я говорил, она не уделяла ни малейшего внимания. Не возьмусь даже утверждать, что она меня вообще слышала.

В тот день, когда впервые клюнул действительно серьезный заказчик и нам предложили работать в масштабах страны, я решил пойти за ней, когда она отправится домой.

Хотя погодите, лучше я в другом порядке буду рассказывать. Кое-что вы наверняка припомните из иногородних газет — те предположительные убийства, о которых я уже упоминал. По-моему, их было шесть.

Я сказал «предположительные», потому что полиция ни в одном из этих случаев не была окончательно убеждена, не был ли причиной смерти попросту сердечный приступ. Но весьма подозрительно, когда сердечные приступы случаются с людьми, у которых с сердцем все в порядке, когда они одни, вдали от дома и совершенно непонятно, чем там занимались.

Эти шесть смертей породили очередные страхи перед каким-то «мистическим отравителем». К тому же было ощущение, что они и потом на самом-то деле не прекратились, просто продолжались в менее подозрительной форме.

Это как раз из того, что меня до сих пор пугает.

Но в тот момент моим единственным чувством было облегчение, когда в конце концов я решил ее выследить.

В тот день я заставил ее поработать дотемна. Объяснений никаких не требовалось — нас просто завалили заказами. Я выждал, пока не хлопнула дверь парадной, потом сбежал вниз. Ботинки у меня были на резиновой подметке. Я напялил темное пальто, в котором она никогда меня не видела, и темную шляпу.

Я постоял в дверях, пока ее не увидел. Она шла мимо ограды парка в сторону центра. Был один из этих теплых осенних вечеров. Я пошел за ней по другой стороне улицы. Мой замысел на этот вечер заключался только в том, чтобы выяснить, где она живет. Это позволило бы мне покрепче зацапать ее в лапы.

Остановилась она перед большой витриной магазина Эверли, держась подальше от ее огоньков. Там она постояла, заглядывая внутрь.

Я вспомнил, что для Эверли мы делали ее большую фотографию под плоский манекен в витрину дамского белья. Этот манекен, очевидно, она и разглядывала.

В этот момент я был просто-таки уверен, что она самовлюбленно любуется собственным изображением.

Когда мимо шли люди, она слегка отворачивалась или поглубже отступала в тень.

Потом показался какой-то мужчина, один. Лица его я как следует не разглядел, но на вид он был средних лет. Он остановился и стал разглядывать витрину.

Тут она вышла из тени и встала рядом с ним.

Что бы вы, парни, почувствовали, если б смотрели на плакат с Девчонкой и внезапно она оказалась бы рядом и взяла вас за руку?

Реакция парня была ясна, как день. В нем зародились безумные мечты.

Они о чем-то коротко переговорили. Потом он остановил такси. Они влезли внутрь и укатили.

Ух и назюзюкался же я тем вечером! Выглядело это все почти так, как будто она знала, что я слежу за ней, и выбрала именно такой способ, чтоб побольней меня ужалить. Может, и так. Может, то был конец.

Но на следующее утро она явилась в обычное время, и я опять впал в обычный бред, только теперь под несколько другим углом.

Вечером, когда я опять пошел за ней, она выбрала место под уличным фонарем, аккурат напротив одного из рекламных щитов Мунша.

Теперь мне страшно подумать, как хитро она действовала.

Минут через двадцать проезжающий мимо спортивный автомобиль притормозил, сдал назад и подрулил к тротуару.

На сей раз я был ближе. Я достаточно хорошо разглядел лицо того

малого. Он был чуток помладше, где-то моего возраста.

На следующее утро то же самое лицо глянуло на меня с первой страницы газеты. Спортивный автомобиль нашли у поребрика на боковой улочке. Парень был внутри. Как и в остальных подобных случаях, причину смерти установить не удалось.

Какие только мысли не крутились в тот день у меня в голове, но только две вещи я знал с полной определенностью. Что я получил первое настоящее предложение от крупного рекламодателя, и что я собираюсь взять Девчонку за руку и спуститься по лестнице вместе с ней, когда мы покончим со съемкой.

Она, похоже, ничуть не удивилась.

— А ты знаешь, на что идешь? — спросила она.

— Знаю.

Она улыбнулась.

— А я-то гадала, когда ты наконец дозреешь!

Я начал чувствовать себя получше. Мысленно я уже прощался со всем, но крепко держал ее за руку, и это было главное.

Был такой же теплый осенний вечер. Мы пошли напрямик через парк. Там было темно, но небо над нами было розовым от неоновых вывесок.

Мы долго шли по парку. Она ничего не сказала и на меня не глядела, но мне было видно, что губы ее кривит улыбка, и через некоторое время ее рука крепко стиснула мои пальцы.

Мы остановились. Мы как раз шли прямо по газону. Она повалилась на траву и потянула меня за собой, обнимая за плечи. Я смотрел вниз, прямо ей в лицо. На нем играл бледноватый розовый отсвет от зарева на небе. Голодные глаза казались черными дырами.

Я неловко завозился с пуговицами блузки. Она отвела мою руку, но не так, как тогда в студии.

— Я не этого хочу, — проговорила она.

Сперва я вам скажу, что я сделал потом. Затем объясню, почему я это сделал. А уже после скажу, что она тогда сказала.

А сделал я вот что: убежал без оглядки. До конца я всего не помню, потому что голова жутко кружилась, и розоватое небо раскачивалось над темными деревьями. Но через некоторое время, завидев уличные фонари, я остановился отдышаться. На следующий день я закрыл студию. Пока я запирал дверь, за ней надрывался телефон, а на полу валялись неоткрытые письма. Я больше никогда не видел Девчонку во плоти, если это подходящее слово.

Я сделал это, потому что не хотел умирать. Я не хотел, чтобы из меня

вытянули жизнь. Вампиры бывают всякие, и те, что сосут кровь, — еще далеко не худшая разновидность. Если б меня не насторожили эти постоянные приступы головокружения, и Папаша Мунш, и лицо в утренней газете, я отправился бы той же дорогой, что и остальные. Но я осознал, что мне грозит, когда было еще время вырваться. Я осознал, что откуда бы она ни явилась, что бы ее ни создало, она — квинтэссенция ужаса за ярким рекламным щитом. Она — это улыбка, что вынуждает вас швыряться деньгами и самой жизнью. Она — это глаза, которые заводят вас все дальше и дальше, а потом показывают смерть. Она тварь, которой вы отдаете все, но на самом деле не получаете ничего. Она создание, которое забирает все, что у вас есть, ничего не давая взамен. Когда вы пожираете взглядом ее лицо на плакатах, помните это. Она — приманка. Она — наживка. Она — Девчонка.

А сказала она вот что:

— Я хочу тебя. Я хочу все, что случалось с тобой в жизни. Я хочу все, что делает тебя счастливым, и все, что ранит тебя до слез. Я хочу твою первую девушку. Я хочу тот блестящий велосипед. Я хочу ту взбучку. Я хочу ту камеру-обскуру. Я хочу ноги Бетти. Я хочу синее небо, усыпанное звездами. Я хочу смерти твоей матери. Я хочу твою кровь на булыжниках. Я хочу рот Милдред. Я хочу первый снимок, который ты продал. Я хочу огни Чикаго. Я хочу джину. Я хочу руки Гвен. Я хочу, чтоб ты хотел меня. Я хочу всю твою жизнь. Ну давай же, малыш, давай!

Это воина?

Роберт Блох

Роберт Альберт Блох (1917–1994), уроженец Чикаго, начал свою успешную и продуктивную писательскую деятельность в ранней юности. Заядлый читатель «Странных историй» — самого успешного американского палп-журнала, посвященного научной фантастике и хоррору, он особенно восхищался прозой Г. Ф. Лавкрафта и вступил с ним в переписку. Лавкрафт поддержал писательские амбиции Блоха, в результате чего тот в возрасте семнадцати лет продал в «Странные истории» два рассказа.

За долгие годы своей литературной карьеры Блох написал сотни рассказов и около двух десятков романов, из которых наиболее известен «Психоз» (1959), давший сюжетную основу незабываемому фильму Альфреда Хичкока. Его ранние произведения были откровенным подражанием Лавкрафту, но постепенно он выработал собственную писательскую манеру. Многие рассказы Блоха были весьма мрачны, кровавы и жестоки для своего времени, однако эти черты компенсировал авторский юмор — часто основанный на игре слов в последней строке повествования. Нередко Блох сначала сочинял хороший финальный каламбур, а затем придумывал к нему сюжет. Добросердечный, дружелюбный и веселый в повседневной жизни, он возражал против безоговорочного причисления его к представителям литературы ужасов, уверяя, что не является таковым вовсе.

Рассказ «Живой мертвец» был впервые опубликован в «Эллери Куин'с мистери мэгэзин» в апреле 1967 года; позднее вошел в антологию «Короли ужаса» (Нью-Йорк: Мистериоз-пресс, 1977).

Живой Мертвец (© Перевод А. Чикина)

Весь день, пока внизу в деревне грохотала орудийная канонада, он отдыхал. Когда уже начало смеркаться и грохот залпов затих, он понял, что все закончилось: наступающие американские войска форсировали реку. Наконец они ушли, и он снова был в безопасности.

Граф Барсак выбрался из подземелья посреди развалин большого замка на поросшем лесом холме над деревней.

В черном плаще, темноволосый, с бледно-восковым лицом, с черными глазами в синих кругах, высокий и худой — худой как скелет, безобразно

худой, — он кривил в усмешке ярко-красные губы. Во всей его внешности только губы имели живой цвет.

Граф стоял и усмехался: настали сумерки, пробил час — можно приступить к игре.

К игре под названием Смерть. К игре, в которую он играл столько раз.

Он играл Смерть на сцене Гран-Гиньоль в Париже. Тогда его звали просто Эрик Карон, но он уже приобрел определенную известность как исполнитель необычных ролей. Затем началась война, и она дала ему шанс.

Задолго до взятия немцами Парижа он стал тайным агентом рейха. Деятельность на шпионском поприще складывалась удачно, его очень ценили: помогал актерский талант.

И он добился-таки высшей награды — получил главную роль. Правда, не на сцене, а в реальной жизни. Играть без света софитов, в настоящей тьме — это ли не воплощение актерской мечты? К тому же в твоей собственной пьесе.

— Все проще простого, — доложил он своему немецкому начальству. — Замок Барсака необитаем со времен Великой французской революции. Даже днем никто из деревенских не рискует приблизиться к нему из-за легенды о последнем графе Барсаке — будто бы он был вампиром.

Предложение приняли. В большом подземелье замка установили коротковолновый передатчик и разместили там троих опытных радистов, работавших по очереди. И возглавил всю операцию он — «граф Барсак». Ангел-хранитель, а точнее, демон-хранитель.

— Ниже по склону холма находится кладбище, — сообщил он своим подопечным. — Это скромное место последнего приюта бедных невежественных людей. Единственное внушительное сооружение там — родовой склеп Барсаков. Мы вскроем его, вынесем останки последнего графа наружу и устроим так, что жители деревни обнаружат пустой гроб. После этого они никогда более не осмелятся приблизиться ни к склепу, ни к замку, потому что увидят подтверждение легенды: граф Барсак — вампир, он снова бродит по свету.

Но возник вопрос:

— А если будут скептики? Если кто-нибудь не поверит?

— Поверят, — последовал незамедлительный ответ. — Потому что по ночам им буду являться я — граф Барсак.

Когда он показался в гриме и черном плаще, все вопросы отпали: это роль была как раз для него.

Да, это была его роль, и он отлично с ней справился. Взбираясь по

лестнице, граф одобрительно покачивал головой. Он вошел в передние покои замка. Крыши не было, и только паутина скрывала от взгляда сияние восходящей луны.

Да, это была его роль, но всему приходит конец. Американские войска стремительно наступают, значит, пора опустить занавес, раскланяться и уйти со сцены. Об уходе он позаботился заранее.

С началом отступления немецких войск склепу нашли еще одно применение. Там устроили надежный склад антиквариата, принадлежавшего Герингу, а в замок пригнали грузовик. Трое радистов получили новые роли: они должны спуститься на грузовике вниз к склепу и погрузить в него ценности.

Ко времени появления графа все должно быть готово. Затем они наденут похищенную американскую военную форму, возьмут поддельные документы и пропуска, проскочат через линию фронта за рекой и в установленном месте присоединятся к немецким войскам. Граф предусмотрел все случайности. Когда-нибудь в своих мемуарах…

Но думать об этом сейчас не было времени. Граф посмотрел на небо — луна взошла высоко. Пора отправляться в путь.

Ему не очень-то хотелось уходить. Там, где другие видели лишь пыль и паутину, он видел сцену — декорации его самого удачного спектакля. Играя вампира, он не пристрастился к вкусу крови, но, как всякий актер, обожал вкус славы. Здесь он ее достиг.

«Сладка печаль последнего привета». [79]Строка из Шекспира. Шекспир писал о привидениях, ведьмах и вампирах: он знал, что публика — невежественная толпа — верит в подобные вещи. Верила тогда, верит и сейчас. Великий актер всегда заставит зрителей поверить ему.

Выйдя из замка в ночную тьму, он спустился по тропинке к раскачивающимся деревьям.

Именно там, среди деревьев, несколько недель назад он наткнулся на Раймона, старосту деревни Барсак. Вероятно, Раймон рыскал около замка с намерением чем-нибудь поживиться. Суровый, величавый седой старик оказался самым восприимчивым зрителем. Едва заметив во тьме фигуру графа, старый дурак враз лишился всякой величавости, заголосил по-бабьи и побежал наутек.

Именно старика следовало бы поблагодарить за распространение слухов о возвращении графа-вампира. После той встречи староста и придурковатый мельник по имени Клод привели на кладбище группу вооруженных крестьян. Войдя в склеп Барсаков, они обнаружили, что гроб графа открыт и пуст. Ужас обуял их.

Крестьяне не могли знать, что прах графа развеяли по ветру, а кроме праха, в гробу ничего не было. Не могли они знать и о том, что случилось с Сюзанной.

Вспоминая прошедшие дни, граф добрался до небольшого ручейка и пошел вдоль него. Здесь он встретил девушку, дочь Раймона. И — какая удача! — она была не одна, а со своим возлюбленным Антуаном Лефевром. Они обнимались. Антуан был хром на одну ногу, и это обстоятельство спасло его от службы в армии, но, едва завидев скалящегося графа в черном плаще, он побежал быстрее лани. Сюзанна, к несчастью, осталась, и от нее пришлось избавиться. Граф закопал ее тело в лесу меж валунов, так что обнаружить труп не представлялось возможным. Тем не менее он сожалел о содеянном.

Однако в итоге все сложилось как нельзя лучше: суеверный Раймон лишний раз убедился, что вампир вернулся. Он своими глазами видел призрак, видел открытый пустой гроб. Его дочь исчезла. И старик запретил кому-либо приближаться к кладбищу, лесу и замку.

Бедный Раймон! Старостой он больше не был — деревню разрушили при обстреле. Невежественный сломленный старик, он только и делал, что нес бессвязную чушь о «живом мертвеце».

Граф улыбнулся и продолжил свой путь. Легкий ветерок развевал его плащ, и отбрасываемая им тень напоминала летучую мышь. Он уже мог разглядеть кладбище с покосившимися могильными камнями, торчащими из земли, как гниющие в лунном свете пальцы прокаженного. Наверное, самой большой данью его таланту можно было считать то, что на самом деле он испытывал отвращение к смерти, к мраку, к тому, что таилось в ночи. Он не выносил вида крови и чувствовал почти патологический страх перед замкнутым пространством склепа.

Да, это была великая роль, но граф благодарил судьбу за то, что пьеса близилась к концу. Пора сыграть заключительную сцену и сбросить с себя личину персонажа, придуманного им самим.

Приблизившись к склепу, он разглядел в темноте очертания грузовика. Склеп был открыт, но оттуда не доносилось ни звука. Значит, радисты закончили погрузку и подготовились к отъезду. Осталось переодеться, снять грим и отправиться в путь.

Граф подошел к темному пятну грузовика. И тут…

И тут они набросились на него. Он почувствовал, как вилы впились в спину, и, ослепленный светом фонарей, услышал суровый голос, приказавший ему не двигаться.

Он и не двигался. Он мог только следить взглядом за тем, как они

сходятся вокруг него. Они — Антуан, Клод, Раймон и другие. Наставив на графа вилы, около десятка крестьян глядели на него с яростью и страхом.

Как же они посмели?

Вперед вышел капрал американской армии. Вот и ответ: здесь были капрал американской армии и еще один человек в форме, со снайперской винтовкой. Это их заслуга. Графу даже не было нужды смотреть на сваленные в грузовике, изрешеченные пулями тела трех радистов, чтобы понять, что произошло. Американцы перестреляли его людей, застав их врасплох, а потом позвали крестьян.

Американцы забросали его вопросами: «Как тебя зовут? Эти люди работали по твоему приказу? Куда вы собирались отправиться на грузовике?» Спрашивали по-английски, конечно. Но граф молчал, хотя прекрасно понимал английскую речь. Он только улыбался и качал головой. Вскоре, как он и предполагал, американцы оставили его в покое.

Капрал повернулся к своему напарнику.

— Ладно, — сказал он, — поехали.

Тот кивнул, залез в кабину грузовика и включил зажигание.

Капрал направился к машине, но, не дойдя до нее, повернулся к Раймону:

— Мы переправим грузовик через реку. Присмотрите за нашим другом. Через час приедут солдаты, чтобы забрать его.

Раймон кивнул в ответ.

Грузовик исчез в ночи. Стало совсем темно, луна скрылась за тучей. Граф оглядел своих охранников, и улыбка сошла с его лица. Сброд, куча угрюмых невежественных идиотов. Однако они вооружены. Ни единого шанса на побег. Крестьяне таращились на него и что-то бормотали.

— Отведите его в склеп. — Граф узнал голос Раймона.

Крестьяне повиновались приказу и начали вилами подталкивать пленника вперед. И тут у графа затеплился первый слабенький лучик надежды. Крестьяне подталкивали его крайне осторожно, близко не подходили и под его взглядом опускали глаза.

Они боялись его и потому заталкивали в склеп. Американцы уехали, и суеверный страх вернулся — они боялись его присутствия, его силы. Ведь в их глазах граф был вампиром. Он мог превратиться в летучую мышь и исчезнуть. По этой причине они решили закрыть его в склепе.

Граф пожал плечами и оскалил зубы в самой зловещей улыбке. Когда он вошел в склеп, крестьяне отпрянули назад. Граф повернулся и, поддавшись порыву, завернулся в плащ. Это был инстинктивный заключительный жест, соответствовавший его роли, и реакция зрителей

оказалась адекватной. Крестьяне издали стон, а старый Раймон осенил себя крестом. Эта реакция доставляла большее удовольствие, чем аплодисменты.

Во тьме склепа граф позволил себе слегка расслабиться. Он ушел со сцены. Жаль, что ему не удалось уйти так, как задумывалось, но таковы превратности войны. Скоро его отвезут в американский штаб и допросят. Конечно, не избежать кое-каких неприятностей, но самое худшее, что его может ожидать, это несколько месяцев в лагере военнопленных. Даже американцы почувствуют восхищение, когда услышат историю о его мастерском обмане.

В склепе было темно и пахло плесенью. Граф беспокойно ходил взад-вперед. Он ободрал колено о край пустого гроба, стоявшего на возвышении внутри склепа. Он невольно вздрогнул и ослабил завязки плаща. Хорошо бы снять этот плащ, хорошо бы выбраться отсюда, хорошо бы навсегда покончить с ролью вампира. Он хорошо сыграл эту роль, но сейчас ему страстно захотелось уйти.

Из-за двери послышалось тихое бормотание, к которому примешивался другой, едва уловимый звук — какое-то царапанье. Граф подошел к закрытой двери и внимательно прислушался: тихо.

Чем занимаются эти придурки? Он желал скорейшего возвращения американцев. Внутри стало слишком жарко. И почему снаружи вдруг стих шум? Может быть, они ушли?

Да. Они ушли. Американцы велели им ждать и охранять его, но они испугались. Они действительно считают его вампиром. Старый Раймон убедил их в этом, и они сбежали. Они сбежали, а значит, он свободен и может идти… Граф открыл дверь.

И увидел их, замерших в ожидании. Сурово взглянув на графа, Раймон сделал шаг вперед. Он что-то держал в руках. Граф узнал этот предмет и понял, что за странный звук он слышал. В руках у Раймона был длинный, заостренный на конце деревянный кол.

И тогда граф во всю глотку завопил, что это розыгрыш, что он не вампир, что они — куча суеверных идиотов.

Не обращая внимания на его вопли, крестьяне затащили его обратно в склеп и затолкнули в открытый гроб. Они удерживали его там, пока мрачный Раймон заносил кол над сердцем вампира.

И только когда кол пронзил его тело, граф понял, что это значит — слишком хорошо сыграть свою роль.

Гарднер Дозуа, Джек Данн

Гарднер Рэймонд Дозуа(р. 1947) родился и вырос в городе Салем, штат Массачусетс. Вернувшись в 1969 году из армии, быстро приобрел известность среди авторов, издателей и поклонников научной фантастики и фэнтези. С 1984-го по 2004 год он был главным редактором «Журнала научной фантастики Айзека Азимова», удостоившись рекордных пятнадцати премий «Хьюго» в категории «Лучший редактор». С 1984 года он является редактором-составителем серии антологий научной фантастики «Лучшее за год». Кроме того, вместе с Джеком Данном он редактировал множество тематических антологий, среди которых — тома, посвященные единорогам, русалкам, динозаврам, ангелам, кошкам и проч. Дозуа — автор нескольких романов, включая написанный совместно с Джорджем Алеком Эффинджером «Кошмар в голубом» (1977) и «Незнакомцев» (1978); два из его многочисленных рассказов удостоены премии «Небьюла».

Джек Данн(р. 1945) — американский писатель, живущий в Австралии, автор и редактор более семидесяти книг разных жанров, переведенных на тринадцать языков мира, удостоившийся сравнений с Хорхе Луисом Борхесом, Роальдом Далем, Льюисом Кэрроллом и Марком Твеном и многочисленных наград, включая премию «Небьюла», две премии «Ореалис» (Австралия) и Всемирную премию фэнтези. Его перу принадлежат романы «Тайная история Леонардо Да Винчи» (1995), «Безмолвный» (1998), посвященный событиям Гражданской войны в Америке, «Скверное лекарство» (2001) — книга, названная лучшим «дорожным романом» со времен «В дороге» Джека Керуака, «Бунтарь: Воображаемая жизнь Джеймса Дина» (2004) и его продолжение — «Земля обетованная» (2007).

Рассказ «Среди мертвецов» был впервые опубликован в журнале «OUI» в июле 1982 года.

Среди мертвецов (© Перевод К. Плешков)

О том, что Вернеке — вампир, Брукман впервые узнал, когда они в то утро пришли в каменоломню.

Он как раз наклонился, чтобы поднять большой камень, когда из канавы неподалеку, как ему показалось, донесся какой-то звук. Оглядевшись по сторонам, он увидел Вернеке, склонившегося над каким-то

«мусульманином», [80]одним из ходячих мертвецов, новичком, так и не сумевшим приспособиться к жуткой лагерной жизни.

— Помощь нужна? — тихо спросил Брукман.

Вернеке поднял на него испуганный взгляд и прикрыл рот рукой, словно давая Брукману знак молчать.

Однако Брукман был уверен, что заметил размазанную по губам Вернеке кровь.

— Что с этим «мусульманином»? Жив? — (Вернеке часто рисковал жизнью, спасая кого-то из своего барака. Но рисковать из-за «мусульманина»?) — Что случилось?

— Убирайся.

«Ладно, — подумал Брукман. — Лучше не трогать его. Бледный он какой-то, а вдруг тиф? Охранники немало над ним поизмывались, а Вернеке старше всех в рабочей команде. Пусть немного посидит, отдохнет. Только вот кровь…»

— Эй ты, чем занимаешься? — крикнул Брукману молодой охранник-эсэсовец.

Брукман поднял камень и, словно не слыша окрика, двинулся в сторону от канавы, к ржавой коричневой вагонетке на рельсах, которые вели к ограде из колючей проволоки. Стоило попытаться отвлечь внимание охранника от Вернеке.

Однако охранник крикнул снова, требуя остановиться.

— Что, отдохнуть решил? — спросил он, и Брукман напрягся в ожидании удара.

Охранник был новый, аккуратно и чисто одетый — и никто не знал, чего от него ждать. Он подошел к канаве и, увидев Вернеке и «мусульманина», сказал:

— Ага, значит, твой дружок решил позаботиться о больном.

Охранник пошел к канаве и дал знак Брукману, чтобы тот следовал за ним.

Брукман понял, что совершил непростительный поступок — подвел Вернеке, и выругался про себя. Он достаточно долго пробыл в лагере, чтобы держать язык за зубами.

Охранник с силой пнул Вернеке под ребра.

— Погрузи этого «мусульманина» в вагонетку. Ну!

Он снова пнул Вернеке, словно спохватившись. Вернеке застонал, но поднялся.

— Помоги ему погрузить «мусульманина» в вагонетку, — сказал охранник Брукману, после чего улыбнулся и очертил в воздухе круг —

символ дыма, поднимавшегося из высоких серых труб у них за спиной.

«Мусульманину» предстояло в течение ближайшего часа оказаться в печи, и его пепел вскоре поплывет в горячем застоявшемся воздухе, словно частички его души.

Вернеке толкнул «мусульманина» ногой. Охранник усмехнулся, махнул другому наблюдавшему за ними охраннику и отошел на несколько шагов, уперев руки в бока.

— Давай, дохляк, вставай, или умрешь в печи, — прошептал Вернеке, пытаясь поставить того на ноги.

Брукман поддержал шатающегося «мусульманина», который начал тихо стонать. Вернеке с силой ударил его по щеке.

— Хочешь жить, «мусульманин»? Хочешь снова увидеть свою семью, ощутить прикосновение женщины, почувствовать запах свежескошенной травы? Тогда шевелись!

«Мусульманин», волоча ноги, с трудом шагнул вперед между Вернеке и Брукманом.

— Ты мертвец, «мусульманин», — подгонял его Вернеке. — Такой же мертвец, как твои отец и мать, такой же мертвец, как твоя ненаглядная жена, если она вообще у тебя была. Мертвец!

«Мусульманин» застонал, покачал головой и прошептал;

— Не мертвец… моя жена…

Вдоль трех стен барака тянулись голые деревянные нары шириной в фут, на которых спали люди, без одеял и матрасов. Зарешеченное окно в северной стене едва пропускало внутрь яркий свет прожекторов, превращавших царившую снаружи ночь в мертвенное подобие дня. Лишь внутри барака действительно была ночь.

— Знаете, что сегодня за вечер, друзья? — спросил Вернеке.

Он сидел в дальнем углу барака рядом с Йозефом, который с каждым часом все больше снова превращался в «мусульманина». В свете окна и электрической лампочки щеки Вернеке казались еще более ввалившимися, глаза глубоко запали, от носа к уголкам тонких губ шли глубокие складки. За то время, пока Брукман его знал, его черные волосы успели основательно поредеть. Он был очень высок, почти метр девяносто, из-за чего выделялся в толпе, что в лагере смерти представляло немалую опасность. Однако у Вернеке имелись свои тайные способы смешиваться с толпой и становиться невидимым.

— Нет, ты расскажи нам, что сегодня за вечер, — сказал старый сумасшедший Боме.

То, что подобным Боме удавалось остаться в живых, казалось чудом — или, как полагал Брукман, свидетельством существования таких, как Вернеке, каким-то образом находивших силы помочь выжить другим.

— Песах, [81]— сказал Вернеке.

— Откуда он знает? — пробормотал кто-то, хотя это было совершенно неважно — он просто знал и все, даже если календарь показывал совсем другой день. В тускло освещенном бараке наступил Песах, праздник свободы, время благодарения.

— Но какой же Песах без седера? [82]— спросил Боме. — У нас нет даже мацы, — захныкал он.

— Свечей у нас тоже нет, нет и серебряной чаши для пророка Илии, или бараньей ноги, или харосета [83]— да и вообще, я не смог бы устроить седер из той трефной еды, которой нацисты нас столь щедро снабжают, — улыбнулся Вернеке. — Но мы ведь можем помолиться. А когда мы все отсюда выберемся, когда в следующем году с Божьей помощью снова окажемся дома, у нас будет вдвое больше еды — два афикомена, [84]бутылка вина для пророка Илии и хаггада, [85]которой придерживались наши отцы и деды.

Это действительно был Песах.

— Исидор, помнишь четыре вопроса? — спросил Вернеке Брукмана.

И Брукман услышал звук собственного голоса. Ему снова было двенадцать, он сидел за длинным столом рядом с отцом, занимавшим почетное место. Сидеть рядом с ним уже само по себе являлось честью.

— Чем этот вечер отличается от всех прочих? Другими вечерами мы едим хлеб и мацу; почему сегодня вечером мы едим только мацу?

— Ма ништана халила хазех…

В ту ночь Брукману не спалось, хотя он настолько устал, что ему казалось, будто из его костей высосали мозг и залили вместо него свинец.

Он лежал в полутьме, чувствуя боль в мышцах и муки голода. Обычно он настолько изнемогал, что быстро проваливался в забытье, но не сегодня. Сегодня все его чувства были обострены, и вновь, как и в первые его дни в лагере, он каждой клеточкой ощущал свое окружение, замечал малейшие подробности. В бараке стояла удушающая жара, воздух был полон запахов смерти, пота и лихорадки, застоявшейся мочи и запекшейся крови. Спящие ворочались и метались, словно с кем-то сражаясь, многие что-то бормотали или вскрикивали; во сне они жили другой жизнью, крайне сжатой, быстро проносившейся в сновидениях, ибо скоро настанет рассвет и их снова

швырнут в ад. Окруженному со всех сторон спящими Брукману вдруг показалось, что эти бледные тела уже мертвы и он спит на кладбище. Неожиданно перед его мысленным взором вновь возник товарный вагон — и его жена Мириам, мертвая и непогребенная…

Брукман решительно отбросил все мысли прочь. Его снова била дрожь, и он испугался, не возвращается ли тиф, однако запретил себе думать об этом. Тот, кто не может заснуть, не может выжить. Выровнять дыхание, расслабить мышцы, не думать. Не думать.

Удивительно, но, когда ему удалось отогнать даже воспоминания об умершей жене, перед глазами по-прежнему стояло лицо Вернеке с окровавленными губами.

Появились и другие картины: Вернеке, читающий молитву с поднятыми руками и обращенным к небу лицом; бледное напряженное лицо спотыкающегося «мусульманина»; испуганный взгляд Вернеке, склонившегося над Йозефом… Но именно кровь вновь и вновь притягивала горячечные мысли Брукмана, и, лежа в полной шорохов и вони темноте, он снова представлял себе ее водянистый блеск на губах Вернеке, эту вязкую струйку в уголке его рта, похожую на крошечного алого червяка…

В то же мгновение перед окном промелькнула чья-то тень — черный силуэт на фоне ослепительно белого света. Судя по высоте тени и ее странному наклону вперед, Брукман понял, что это Вернеке.

Куда он мог направляться? Иногда какой-нибудь заключенный не мог дождаться утра, когда немцы снова выпустят их в сделанную в виде узкой траншеи уборную, и стыдливо проскальзывал в дальний угол, чтобы помочиться у стены, но от столь бывалого узника, как Вернеке, вряд ли можно было ожидать подобного… Большинство заключенных спали на нарах, особенно холодными ночами, когда они прижимались друг к другу, чтобы согреться, но иногда в жаркую погоду люди спали на полу; Брукман сам об этом подумывал, поскольку шевелящиеся вокруг тела спящих не давали ему заснуть.

Возможно, Вернеке, который всегда с трудом помещался на тесных нарах, просто искал места, где можно было бы лечь и вытянуть ноги…

И тут Брукман вспомнил, что Йозеф заснул в углу барака, где сидел и молился Вернеке, и что они оставили его там одного.

Сам не зная отчего, Брукман вдруг оказался на ногах. Тихо, словно призрак, в которого, как ему иногда казалось, он начинал превращаться, он пересек барак в том направлении, куда ушел Вернеке, не понимая ни того, что делает, ни почему. Лицо «мусульманина», Йозефа, словно парило перед

его глазами. У Брукмана болели ноги, и он знал, даже не глядя, что они кровоточат, оставляя едва заметные следы. В дальнем углу, вдали от окна, было темнее, но Брукман понял, что сейчас он возле стены, и остановился, чтобы глаза привыкли к полутьме.

Когда зрение прояснилось, он увидел Йозефа, который сидел на полу, прислонившись к стене. Вернеке склонился над «мусульманином», целуя его. Одна рука Йозефа запуталась в редеющих волосах Вернеке.

Прежде чем Брукман успел среагировать — подобное случалось несколько раз и прежде, хотя его глубоко потрясла сама мысль о том, что именно Вернеке может заниматься такой мерзостью, — Йозеф отпустил волосы Вернеке. Его поднятая рука безвольно упала в сторону, с глухим стуком ударившись о пол. Удар наверняка был болезненным, но Йозеф не издал ни звука.

Вернеке выпрямился и отвернулся. Когда он встал в полный рост, свет из высокого окна на мгновение осветил его лицо.

Губы Вернеке были измазаны кровью.

— О господи! — вскрикнул Брукман.

Вздрогнув от удивления, Вернеке сделал два быстрых шага вперед и схватил Брукмана за руку.

— Тихо! — прошипел Вернеке. Пальцы его были холодными и твердыми.

В тот же миг, словно внезапное движение Вернеке послужило неким сигналом, Йозеф начал сползать вбок по стене. На глазах у Вернеке и Брукмана он опрокинулся на пол, ударившись головой о половицы со звуком, какой могла бы произвести упавшая дыня. Он даже не попытался остановить падение или защитить голову и теперь лежал неподвижно.

— Господи, — снова проговорил Брукман.

— Тихо, я все объясню, — сказал Вернеке, на губах которого до сих пор блестела кровь «мусульманина». — Хочешь всех нас погубить? Ради всего святого, тихо!

Стряхнув руку Вернеке, Брукман присел возле Йозефа, склонившись над ним, как до этого Вернеке, и приложил руку к его груди, затем коснулся шеи.

— Он мертв, — тихо сказал Брукман, глядя снизу на Вернеке.

Вернеке присел по другую сторону от тела, и дальше они разговаривали шепотом над грудью Йозефа, словно друзья у постели больного, наконец погрузившегося в тревожный сон.

— Да, он мертв, — кивнул Вернеке. — Он был мертв еще вчера. Сегодня он просто перестал ходить.

Глаза его скрывала тень, но света было достаточно, чтобы увидеть, что Вернеке тщательно вытер губы. Или облизал их, подумал Брукман, ощутив внезапный приступ тошноты.

— Но ты… — запинаясь, пробормотал Брукман. — Ты…

— Пил его кровь? — сказал Вернеке. — Да, я пил его кровь.

Брукман словно оцепенел, его разум отказывался принимать услышанное.

— Но почему, Эдуард? Почему?

— Чтобы выжить, конечно. Почему каждый из нас поступает так, а не иначе? Чтобы выжить, мне нужна кровь. Без нее мне грозит смерть — еще более неизбежная, чем от рук нацистов.

Брукман открыл и закрыл рот, но слова застряли у него в горле. Наконец он сумел хрипло проговорить:

— Вампир? Ты вампир? Как в старых сказках?

— Так меня назвали бы люди, — спокойно сказал Вернеке. Он немного помолчал, затем кивнул. — Да, именно так назвали бы меня люди… Словно они в состоянии понять неведомое, просто дав ему имя.

— Но, Эдуард, — едва слышно пробормотал Брукман. — «Мусульманин»…

— Не забывай, что он был «мусульманином», — наклонившись вперед, сказал Вернеке. — Силы его были на исходе, он умирал. Он все равно умер бы к утру. Я забрал у него то, в чем он больше не нуждался, но в чем нуждался я, чтобы жить. Какая разница? Голодающие в шлюпках ели тела своих умерших товарищей, чтобы выжить. Чем хуже то, что сделал я?

— Но он не просто умер. Ты его убил…

Вернеке немного помолчал, затем тихо сказал:

— Что еще я мог для него сделать? Я не оправдываюсь за свои поступки, Исидор; я делаю лишь то, что приходится, чтобы жить. Обычно я беру лишь немного крови у нескольких человек, только чтобы выжить. И это ведь честно. Разве я не отдавал другим еду, чтобы помочь выжить им? Тебе, Исидор? В самых редких случаях я беру больше минимума у одного человека, хотя я постоянно слаб и голоден, поверь мне. И я никогда не лишал жизни того, кто хотел жить. Напротив, я помогал им бороться за выживание как мог, и ты это знаешь.

Он протянул руку, словно собираясь коснуться Брукмана, но передумал и снова положил ладонь на колено, покачав головой.

— Но эти «мусульмане» не хотят бороться за жизнь, они ходячие мертвецы, и дать им утешение в смерти лишь благо. Ты можешь честно сказать, что это не так? Что для них лучше продолжать ходить, когда они

уже мертвы, под ударами и издевательствами нацистов, пока их тела не откажутся им повиноваться, и тогда их бросят в печь и сожгут, словно мусор? Ты можешь это сказать? Могли бы они сами это сказать, если бы знали, что происходит? Или поблагодарили бы меня?

Вернеке неожиданно встал, и Брукман встал вместе с ним. На лицо Вернеке снова упал отблеск света, и Брукман увидел, что глаза его полны слез.

— Ты жил под властью нацистов, — сказал Вернеке. — Ты и в самом деле мог бы назвать меня чудовищем? Разве я не остаюсь евреем — кем еще я мог бы быть? Разве я не здесь, в лагере смерти? Разве меня не преследуют так же, как и любого другого? Разве мне не грозит та же опасность, что и остальным? Если я не еврей, скажи это нацистам — они-то как раз так считают. — Он немного помолчал, а затем криво усмехнулся. — И забудь про всякие суеверные истории. Я не ночной дух. Если бы я мог превратиться в летучую мышь и улететь отсюда — поверь мне, я бы давно так и сделал.

Брукман рассеянно улыбнулся, потом поморщился. Оба избегали взгляда друг друга. Брукман смотрел в пол, вокруг стояла тревожная тишина, нарушаемая лишь вздохами и стонами спящих в другом конце барака. Затем, не поднимая глаз, словно молчаливо признав правоту Вернеке, Брукман спросил:

— А как же он? Нацисты найдут тело, начнутся неприятности…

— Не беспокойся, — ответил Вернеке. — Никаких следов нет, а в лагере смерти никто не станет проводить вскрытие. Для нацистов он всего лишь очередной еврей, умерший от жары, от голода или истощения или от разрыва сердца.

Брукман поднял голову, и несколько мгновений они смотрели друг другу в глаза. Даже после того, что он узнал, Брукману трудно было представить Вернеке кем-либо иным, нежели тем, кем он казался — пожилым лысеющим евреем, сгорбленным и худым, с грустными глазами и усталым сочувственным выражением лица.

— Что ж, Исидор, — наконец сухо проговорил Вернеке. — Моя жизнь в твоих руках. Не стану бестактно напоминать тебе о том, сколько раз твоя жизнь оказывалась в моих.

Затем он ушел, направившись обратно к нарам, и тень его вскоре скрылась среди прочих теней.

Брукман долго стоял один во мраке, а потом двинулся следом. Ему потребовалась вся его сила воли, чтобы не оглянуться на угол, где лежал Йозеф, и тем не менее Брукману казалось, будто он ощущает взгляд

мертвых глаз Йозефа, укоризненно наблюдавших за ним, пока он шел прочь, оставив Йозефа в холодной компании мертвецов.

В ту ночь Брукман больше так и не заснул, и утром, когда нацисты разрушили серую предрассветную тишину, ворвавшись в барак с криками, пронзительными свистками и лаем полицейских собак, он чувствовал себя тысячелетним стариком.

Их, дрожащих на сыром утреннем ветру, построили в две колонны и повели в каменоломню. Густой рассветный туман еще не рассеялся, и, идя сквозь белую мглу, в которой едва виднелась спина шедшего впереди, Брукман сильнее обычного ощущал себя бестелесным призраком, висящим в пустоте между небом и землей. Лишь вонзавшиеся в его босые кровоточащие ноги камешки и кусочки угля связывали его с миром, и он цеплялся за боль словно за спасительную соломинку, пытаясь избавиться от чувства оцепенения и нереальности. Сколь бы странными и необычными ни были события прошлой ночи, они произошли наяву. Усомниться в них, лишь на мгновение подумать, что они были лишь горячечным бредом, вызванным голодом и усталостью, — означало сделать первый шаг на пути превращения в «мусульманина».

Вернеке — вампир, думал он. Жестокая, непреклонная реальность, с которой, как и с реальностью самого лагеря, пришлось столкнуться лицом к лицу. Можно ли считать ее более невероятной, чем окружавший их кошмар? Ему следовало забыть о сказках, которые в детстве рассказывала ему бабушка, «суеверных историях», как назвал их Вернеке, полузабытых преданиях, от которых у него подкашивались колени, стоило ему вспомнить о крови на губах Вернеке, о глазах Вернеке, смотревших на него в темноте…

— Проснись, еврей! — рявкнул охранник рядом с ним, слегка ударив его по руке прикладом автомата. Брукман споткнулся, но устоял на ногах и пошел дальше. Да, подумал он, надо проснуться. Проснуться в этой реальности, как прежде просыпался в реальности лагеря. Всего лишь еще один неприятный факт, к которому нужно приспособиться, научиться с ним жить…

«Жить — как?» — подумал он и содрогнулся.

Когда они добрались до каменоломни, туман уже рассеялся, превратившись в бесформенные обрывки; воздух постепенно накалялся. Лысина Вернеке тускло поблескивала в лучах утреннего солнца. Он не растворился в солнечном свете — по крайней мере одно суеверие не подтверждалось…

Они начали работать — словно големы, словно заводные игрушки.

Бессонная ночь лишила Брукмана последних остатков сил, и работать ему было невыносимо тяжело. Он давно научился всевозможным уловкам, позволявшим выкроить короткую передышку, делать минимум работы, изображая максимум усилий, избегать внимания охранников, смешавшись с безликой толпой заключенных, но сегодня голова у него соображала плохо, и ни одна из хитростей, похоже, не удавалась.

Его тело словно превратилось в хрупкий стеклянный лист, готовый рассыпаться в пыль, и из-за его медлительности на него сперва прикрикнули, а потом сбили с ног. Охранник дважды пнул его, прежде чем он смог встать.

Поднявшись на ноги, Брукман увидел, что Вернеке смотрит на него ничего не выражающим взглядом, который мог означать что угодно.

Почувствовав стекающую из уголка рта кровь, Брукман подумал: «Кровь… он смотрит на кровь…» — и снова содрогнулся.

Каким-то образом Брукману удалось заставить себя работать быстрее, и хотя все его мышцы пылали от боли, его больше не били, и день в конце концов прошел.

Когда их построили, чтобы вести назад в лагерь, Брукман почти бессознательно сделал так, чтобы оказаться с Вернеке в разных колоннах.

Вечером в бараке Брукман наблюдал, как Вернеке беседует с другими, то пытаясь помочь новичку по фамилии Мельник, почти мальчишке, приспособиться к ужасающей реальности лагеря, то увещевая кого-то, впавшего в отчаяние, что все же стоит жить назло своим мучителям. Он обменивался с бывалыми узниками мрачными шутками, считавшимися здесь юмором, слабо улыбаясь или даже смеясь над ними, а под конец вновь возглавил молитву; сильный, спокойный голос его произносил древние слова, вновь придавая им смысл…

Он поддерживает нас, подумал Брукман, не позволяет нам сдаться. Без него мы не протянули бы и недели. Наверняка это стоит нескольких капель крови, понемногу от каждого, что вряд ли может повредить… Да и не пожалел бы никто такой малости для него, если бы даже все узнали правду… Нет, он хороший человек, лучше всех остальных, несмотря на свою жуткую привычку.

Весь день Брукман избегал взгляда Вернеке и не разговаривал с ним, и внезапно ему стало невыносимо стыдно при мысли о том, сколь подло он отнесся к своему другу. Да, другу, несмотря ни на что, — человеку, который спас ему жизнь… Он нарочно поймал взгляд Вернеке и кивнул, а потом застенчиво улыбнулся. Мгновение спустя Вернеке улыбнулся ему в ответ, и

Брукман с облегчением ощутил разливающееся по телу тепло. Все будет хорошо, насколько это возможно здесь…

И все же, как только с наступлением ночи в бараке погасили свет, Брукман, лежа в темноте, снова почувствовал, как по телу побежали мурашки.

Еще мгновение назад у него слипались глаза, но во внезапно наступившей тьме он вдруг почувствовал, что весь сон с него как рукой сняло. Где Вернеке? Что он делает, к кому пошел этой ночью? Может, именно в эту минуту он подкрадывается все ближе, скрытый темнотой?.. Довольно, устало сказал себе Брукман, забудь ты все эти глупые сказки. Он твой друг, добрый человек, а не чудовище. Но невольный страх, от которого волосы вставали дыбом, не отступал, и пугающие картины не покидали его измученного разума.

Вот в темноте сверкнули глаза Вернеке… вот кровь заблестела на его губах, словно он уже испил из своей жертвы… При мысли о пятнах крови на желтых зубах Вернеке Брукмана бросило в дрожь, к горлу подкатила тошнота, и перед глазами снова всплыл образ Йозефа, его обмякшее тело, сползающее по стене; в ушах снова раздался тот ужасный стук, с которым его голова ударилась о пол… За то время, что он провел в лагере, Брукман видел множество куда более жутких смертей, видел застреленных и забитых до смерти, видел, как люди умирают в конвульсиях от лихорадки или выкашливают кровавые куски собственных легких, видел обугленные, похожие на пугала трупы, висящие на электрифицированных ограждениях, видел, как людей разрывают на части собаки… но почему-то именно тихая, почти безмятежная смерть Йозефа не давала ему покоя. И еще его безвольное тело, раскинувшееся на полу, словно брошенная тряпичная кукла, его бледное изможденное лицо, укоризненно белевшее в темноте…

Чувствуя, что больше не сможет выдержать, он, пошатываясь, поднялся и двинулся сквозь полумрак, снова не зная, куда идет или что собирается делать, но повинуясь некоему таинственному инстинкту, которого сам не понимал. На этот раз он шел осторожно, нащупывая перед собой путь и стараясь не шуметь, ожидая в любую секунду увидеть перед собой угольно-черную тень Вернеке.

Он остановился, услышав слабый шорох, затем двинулся дальше, еще осторожнее, низко пригнувшись, почти ползком по грязному полу.

Каким бы инстинктом он ни руководствовался — возможно, подсознательно воспринимая доносившиеся до его ушей звуки? — на месте он оказался как раз вовремя. Перед Вернеке кто-то лежал на полу: возможно, кого он вытащил из сбившейся в кучу массы спящих на одном

из рядов нар; на чье отсутствие никто не обратил бы внимания; или, возможно, кто-нибудь из тех, кто предпочел спать на полу в поисках уединения или большего комфорта.

Кем бы ни был этот человек, он пытался сопротивляться, но Вернеке справился с ним легко, почти играючи, что говорило о его немалой физической силе. Брукман слышал, как человек пытается кричать, но Вернеке сжимал одной рукой его горло, и из его рта вырывался лишь свистящий хрип. Несчастный бился в руках Вернеке, словно трепещущий на ветру воздушный змей в детских руках, но Вернеке уверенно и не спеша распластал его на полу.

Затем Вернеке нагнулся и прижался губами к его горлу.

Брукман в ужасе наблюдал за происходящим, понимая, что нужно закричать, попытаться разбудить других заключенных, но отчего-то не мог пошевелиться, не мог даже открыть рот, набрать в грудь воздуха. Сильнейший страх, какого он никогда не испытывал прежде, сковал его, словно кролика в присутствии хищника.

Человек сопротивлялся все слабее, и Вернеке, видимо, уже не столь сильно сжимал его горло рукой, поскольку тот едва слышно простонал: «Не надо — пожалуйста… не надо». Он пытался колотить кулаками по спине и бокам Вернеке, но все медленнее и медленнее, пока наконец его руки бессильно не упали на пол «Не надо…» — прошептал несчастный; еще несколько мгновений он что-то бессвязно бормотал, затем затих. Тишина тянулась минуту, две, три… Вернеке продолжал сидеть, склонившись над своей жертвой, которая теперь больше не двигалась.

Вернеке пошевелился, и по всему его телу пробежала дрожь, словно по шкуре потягивающегося кота. Он встал, и на его лицо упал яркий свет прожекторов из окна; черным блеском сверкнула кровь. Брукман молча смотрел, как Вернеке начал облизывать губы: его язык, тоже казавшийся черным в этом свете, скользил вокруг рта подобно гибкой змее, ловя последние капли.

Какой самодовольный у него вид, подумал Брукман, словно у кота, добравшегося до сметаны. При мысли об этом его охватил неподдельный гнев, вновь вернувший ему способность двигаться и говорить.

— Вернеке, — хрипло проговорил он.

Вернеке небрежно повернулся в его сторону.

— Опять ты, Исидор? — спросил Вернеке. — Ты вообще когда-нибудь спишь? — (Голос Вернеке звучал лениво и насмешливо, без всякого удивления, и Брукман подумал о том, не знал ли Вернеке о его присутствии с самого начала.) — Или тебе просто нравится за мной наблюдать?

— Лжец, — сказал Брукман. — Ты лгал мне от начала до конца. Зачем?

— Ты был чересчур возбужден, — ответил Вернеке. — Ты застал меня врасплох. И мне показалось разумным сказать тебе то, что тебе хотелось бы услышать. Если бы ты этим удовлетворился, проблема решилась бы сама собой.

— «Я никогда не лишал жизни того, кто хотел жить», — с горечью проговорил Брукман, повторяя слова Вернеке. — «Лишь понемногу у каждого!» Господи — и я тебе поверил! Я даже тебя пожалел!

Вернеке пожал плечами.

— В основном это так и есть. Обычно я беру понемногу у каждого, мягко и осторожно, так что они об этом даже не догадываются, просто утром они чуть слабее обычного…

— Как Йозеф? — гневно бросил Брукман. — Или бедняга, которого ты убил сегодня?

Вернеке снова пожал плечами.

— Да, признаюсь, последние несколько ночей я вел себя довольно беспечно. Но мне снова нужно набраться сил. — Глаза его блеснули в темноте. — События развиваются все быстрее — разве ты сам этого не чувствуешь, Исидор? Война скоро закончится, все это понимают. Еще до этого лагерь закроют, и нацисты отправят нас обратно в глубь страны или просто убьют. Я слабею, а скоро мне понадобятся все силы, чтобы выжить, чтобы воспользоваться любой возможностью для бегства. Я должен быть готов. И потому я позволил себе вновь напиться досыта, впервые за много месяцев. — Вернеке снова облизнул губы, возможно, сам того не замечая, и слабо улыбнулся Брукману. — Ты недооцениваешь мое самообладание, Исидор. Тебе не понять, как тяжело мне было сдержаться, брать лишь понемногу каждую ночь. Тебе не понять, чего мне это стоило…

— Ты весьма великодушен, — криво усмехнулся Брукман.

Вернеке рассмеялся.

— Нет, но я рационально мыслю и горжусь этим. Все вы, другие заключенные, — мой единственный источник пищи, и мне приходилось стараться, чтобы вы протянули как можно дольше. В любом случае, у меня нет никаких связей с нацистами. Я такой же пленник, как и все, как бы тебе ни хотелось считать иначе, — и мне приходится не только искать способ выжить в лагере, но и обеспечить себя пищей! Ни один пастух никогда не заботился о своем стаде с такой любовью, как я.

— И мы для тебя — всего лишь овцы? Скотина на убой?

Вернеке улыбнулся.

— Именно.

— Ты хуже нацистов, — сказал Брукман, когда к нему снова вернулся дар речи.

— Не думаю, — спокойно ответил Вернеке, на мгновение он показался невероятно изможденным и очень дряхлым, а в глазах мелькнула чудовищная усталость. — Этот лагерь построили нацисты, а не я. Нацисты отправили вас сюда, а не я. Нацисты каждый день пытаются вас убить тем или иным способом — а я пытался поддерживать в вас жизнь, даже с некоторым риском для себя. В конце концов, никто не заинтересован в выживании своего стада больше, чем фермер, даже если он иногда и режет то или иное животное. Я давал тебе еду…

— Еду, в которой сам не нуждался! Ты ничем не жертвовал!

— Да, конечно. Но в ней нуждался ты, не забывай. Чем бы я ни руководствовался, я помог тебе выжить — тебе и многим другим. Естественно, я действовал и в своих собственных интересах, но разве, побывав в лагере, кто-то может верить в такие вещи, как альтруизм? Какая разница, по какой причине я помогал другим, — я ведь все равно помогал вам.

— Все это софистика! — сказал Брукман. — Пустые рассуждения! Ты играешь словами, чтобы оправдаться, но тебе не скрыть того, кем ты на самом деле являешься — чудовищем!

Вернеке чуть улыбнулся, словно слова Брукмана его позабавили, и собрался было пройти мимо, но Брукман поднял руку, преграждая ему путь. Они не дотрагивались друг до друга, но Вернеке тут же остановился, и казалось, будто сам воздух между ними дрожит от напряжения.

— Я тебя остановлю, — сказал Брукман. — Во что бы то ни стало остановлю, не дам тебе творить этот кошмар…

— Ничего ты не сделаешь, — ответил Вернеке. Голос его звучал жестко, холодно и бесстрастно, словно исходил от камня. — Что ты можешь? Рассказать другим заключенным? Кто тебе поверит? Они решат, что ты свихнулся. Рассказать нацистам? — Вернеке хрипло рассмеялся. — Они тоже решат, что ты свихнулся, и отправят тебя в больницу — вряд ли мне стоит говорить, каковы твои шансы выйти оттуда живым. Нет, ты ничего не сделаешь.

Вернеке шагнул вперед; черные глаза его блеснули, словно лед, словно безжалостные глаза хищной птицы, и Брукман ощутил внезапный тошнотворный приступ страха. Он невольно отступил назад, и Вернеке прошел мимо него, казалось, отодвинул его в сторону, даже не прикасаясь.

Обернувшись, Вернеке посмотрел на Брукмана, и тому пришлось

призвать на помощь все оставшееся у него самообладание, чтобы не отвести взгляд.

— Ты самый сильный и умный из всех остальных животных, Исидор, — спокойно сказал Вернеке. — Ты был мне полезен. Любому пастуху нужен хороший пастуший пес. Ты нужен мне и дальше, чтобы помочь управляться с другими, помочь поддерживать в них жизнь, пока это необходимо для моих нужд. Вот почему я потратил на тебя столько времени, вместо того чтобы просто убить на месте. — Он пожал плечами. — Так что давай оба будем благоразумны — ты оставишь меня в покое, Исидор, а я тоже оставлю тебя в покое. Будем держаться друг от друга подальше и заниматься каждый своими делами. Договорились?

— А как же другие… — слабо пробормотал Брукман.

— Пусть сами заботятся о себе, — сказал Вернеке. Он улыбнулся едва заметным движением губ. — Чему я тебя учил, Исидор? Здесь каждый должен сам о себе заботиться. Какая разница, что станет с другими? Через несколько недель почти все они все равно будут мертвы.

— Ты чудовище, — сказал Брукман.

— Я мало чем отличаюсь от тебя, Исидор. Выживает сильнейший, любой ценой.

— У меня с тобой нет ничего общего, — с отвращением проговорил Брукман.

— Вот как? — иронически спросил Вернеке и ушел, через несколько шагов вновь превратившись в прихрамывающего и сгорбленного безобидного старого еврея.

Несколько мгновений Брукман стоял неподвижно, затем медленно и неохотно шагнул туда, где лежала жертва Вернеке.

Это оказался один из новичков, с которым Вернеке разговаривал вечером, — и, естественно, он был мертв.

Брукмана охватило чувство стыда и вины, казалось, давно забытое, — черное и горькое, сдавившее его горло так же, как Вернеке сжимал горло новичка.

Брукман не помнил, как вернулся на свои нары. Он лежал на спине и смотрел в душную темноту, окруженный стонущей, ворочающейся и вонючей массой спящих, прикрывая руками горло и конвульсивно вздрагивая. Как часто он просыпался утром с тупой болью в шее, думая, что это всего лишь обычные боли в натруженных мышцах, к которым все они давно привыкли? Как часто по ночам Вернеке пил его кровь?

Каждый раз, закрывая глаза, он видел лицо Вернеке, парящее в цветящейся тьме за его веками. Вернеке с полуприкрытыми глазами,

коварный, жестокий и ненасытный. Лицо его надвигалось все ближе, глаза открывались словно черные бездны, губы улыбались, обнажая зубы… губы Вернеке, липкие и красные от крови… а потом Брукман словно ощущал влажное прикосновение губ Вернеке к своему горлу, чувствовал, как зубы Вернеке вонзаются в его плоть, и снова открывал глаза, уставившись в темноту. Ничего. Пока — ничего…

В окне барака уже брезжил серый рассвет, когда Брукман наконец заставил себя убрать руки с горла, так и не сомкнув глаз.

Работа в тот день стала для Брукмана кошмаром, какого он не знал с самых первых дней в лагере. Невероятным усилием он заставил себя встать, спотыкаясь, вышел из барака и поковылял по дороге к каменоломне. Ему казалось, будто он плывет высоко над землей, голова его превратилась в туго надутый воздушный шар, а ноги — в лишенные костей стебли, почти ему не подчинявшиеся. Дважды он падал, и его несколько раз пинали, прежде чем ему снова удавалось подняться и ковылять дальше. На горизонте поднималось солнце, ярко-красный глаз на тошнотворно-желтом небе, который, как казалось Брукману, бесстрастно наблюдал за тем, как они сражаются за жизнь и умирают, подобно ученому, разглядывающему лабораторный лабиринт.

Диск солнца словно становился все ярче с каждым болезненным шагом, увеличиваясь и распухая, пока не поглотил все небо.

Потом он со стоном поднимал камень, чувствуя, как грубая поверхность раздирает ему руки…

Реальность начала ускользать от Брукмана. Временами ему казалось, будто весь мир куда-то исчезает, а потом он медленно приходил в себя, словно возвращаясь откуда-то издалека, и слышал свой собственный голос, произносивший слова, которые он не понимал, или бессмысленно причитавший, или хрипло рычавший по-звериному, после чего обнаруживал, что его тело продолжает механически работать, нагибаясь, поднимая и перенося камни, без участия воли.

«„Мусульманин“, — подумал Брукман, — я становлюсь „мусульманином“».

И его захлестнула холодная волна страха. Нарочно разбивая руки о камни, нанося самому себе порезы, чтобы болью очистить собственный разум, он изо всех сил пытался удержаться в этом мире, боясь, что в следующий раз, выпав из него, он уже больше не вернется.

Мир вокруг него пришел в норму. Охранник что-то хрипло крикнул и ударил его прикладом, и Брукман заставил себя работать быстрее, хотя и не

мог удержаться от беззвучных рыданий из-за боли, которой стоило ему каждое движение.

Он заметил, что Вернеке смотрит на него, и вызывающе посмотрел на него в ответ, чувствуя, как по грязным щекам текут горькие слезы, и думая: «Я не стану „мусульманином“ для тебя, я не буду облегчать тебе задачу, я не стану для тебя очередной беспомощной жертвой…» Вернеке несколько мгновений смотрел в глаза Брукману, а потом пожал плечами и отвернулся.

Брукман наклонился за очередным камнем, чувствуя, как трещат мышцы спины и боль вонзается в тело, словно нож. Какие мысли скрывались за невозмутимостью Вернеке? Выбрал ли он Брукмана в качестве своей следующей жертвы, почувствовав его слабость? Разочаровала ли Вернеке его воля к жизни? Наметит ли Вернеке себе теперь кого-нибудь другого?

К полудню у Брукмана снова началась лихорадка. Чувствуя, как пылает лицо, в глаза словно набился песок, а кожа на скулах натянулась, он подумал о том, сколько еще сможет продержаться на ногах. Споткнуться, ослабеть, лишиться чувств означало неминуемую смерть; если его не убьют нацисты, это сделает Вернеке. Вернеке теперь находился в другом конце каменоломни, и его нигде не было видно, но Брукману казалось, что жесткие черные глаза Вернеке присутствуют повсюду, паря в воздухе вокруг него, на мгновение выглядывая из-за спины нацистского солдата, наблюдая за ним с тусклой железной боковины вагонетки, рассматривая его с десятка разных углов. Он тяжело нагнулся за новым камнем и, поднимая его, обнаружил под ним глаза Вернеке, немигающе глядевшие на него с сырой мертвенно-бледной земли.

Днем на восточном горизонте, на краю бескрайней степи, появились яркие вспышки, они быстро следовали одна за другой, беззвучно озаряя серое небо. Нацистские охранники собрались вместе; глядя на восток, они о чем-то приглушенно разговаривали и не обращали внимания на заключенных. Впервые Брукман заметил, насколько потрепанными и небритыми стали охранники в последние дни, словно они сдались, словно их больше ничего не интересовало. С застывшими в напряжении лицами они то и дело смотрели туда, где на краю мира в небе вспыхивал огонь.

Мельник сказал, что это просто гроза, но старый Боме возразил, что это артиллерийская канонада и, значит, скоро придут русские и всех их освободят.

Боме настолько обрадовала эта мысль, что он начал кричать:

— Русские! Это русские! Русские идут нас освобождать!

Дикштейн, еще один новичок, и Мельник пытались заставить его

замолчать, но Боме продолжал подпрыгивать и кричать, размахивая руками, пока не привлек внимания охранников. Придя в ярость, двое из них набросились на Боме и начали бить прикладами, а когда он упал, продолжили пинать ногами. Боме извивался под их сапогами, словно червяк. Вероятно, они забили бы Боме на месте до смерти, но Вернеке организовал с помощью других заключенных отвлекающий маневр и, когда охранники переключились на них, помог Боме встать и проковылять на другую сторону каменоломни, где остальные заключенные до конца дня старались прикрыть его своими телами.

Что-то в том, как Вернеке помог Боме подняться на ноги и, хромая, отойти в сторону, в том, как Вернеке покровительственно обнимал его рукой за плечи, подсказало Брукману, что Вернеке выбрал себе следующую жертву.

Вечером Брукман не смог есть скудную тухлую еду, которую им давали, — его вырвало после первых же нескольких кусков. Дрожа от голода, усталости и лихорадки, он прислонился к стене, глядя, как Вернеке возится с Боме, ухаживая за ним, словно за больным ребенком, мягко с ним разговаривая, вытирая до сих пор сочившуюся из уголка рта Боме кровь, убеждая проглотить несколько глотков супа и наконец позволив ему вытянуться на полу вдали от нар, где его не толкали бы другие.

Как только погасло внутреннее освещение, Брукман встал, быстро и решительно пересек барак и лег в тени возле того места, где стонал и ворочался Боме.

Вздрагивая, он лежал в темноте, ощущая сильный запах земли, и ждал, когда придет Вернеке.

В прижатой к груди руке Брукман сжимал заостренную ложку, которую он украл и начал затачивать еще в тюрьме в Кёльне, так давно, что уже почти не помнил, как скреб ею по каменной стене камеры долгие часы каждую ночь; он сумел спрятать ее на себе во время кошмарной поездки в душном товарном вагоне и в первые ужасные дни в лагере, никому о ней не рассказывал, даже Вернеке, в те несколько месяцев, когда считал его кем-то вроде святого; и продолжал ее хранить даже после того, как стало ясно, что бежать отсюда невозможно, скорее как хрупкую связь с прошлым, чем орудие, которым когда-либо надеялся воспользоваться, относясь к ней почти как к священной реликвии, остатку исчезнувшего мира, в самом существовании которого он уже почти сомневался.

И теперь пришло время наконец ее применить, обагрив чужой кровью…

Он снова и снова ощупывал ложку, вертя ее в руке; она была твердой,

гладкой и холодной, и он сжимал ее изо всех сил, пытаясь не обращать внимания на дрожь в пальцах.

Он должен был убить Вернеке.

При этой мысли Брукмана охватила странная тошнотворная паника, но у него не было выбора, не было другой возможности. Дальше так продолжаться не могло, силы его иссякали; Вернеке убивал его столь же неумолимо, как он убил других, просто не давая ему спать. И пока Вернеке был жив, он не мог чувствовать себя в безопасности — всегда существовал шанс, что Вернеке придет к нему, нападет, как только он утратит бдительность. Стал бы Вернеке колебаться хоть секунду, зная, что может убить его в любой момент? Нет, конечно нет… Вернеке убьет его при первой же возможности, не раздумывая. Нет, он должен нанести удар первым…

Брукман беспокойно облизнул губы. Сегодня. Он должен убить Вернеке сегодня ночью.

Послышался шорох; кто-то вставал, выбираясь из массы спящих на нарах. Темная фигура пересекла барак, направляясь к Брукману, и Брукман напрягся, инстинктивно проведя большим пальцем вдоль острого края ложки, готовый подняться, напасть — но в последнюю секунду фигура свернула в сторону и поковыляла в другой угол. Послышался звук, похожий на шум дождевых капель по ткани; человек постоял немного, что-то бормоча, и медленно вернулся на нары, волоча ноги, словно у стены из него вытекла сама жизнь. Это был не Вернеке.

Брукман снова опустился на пол, чувствуя, как сотрясается от ударов отчаянно колотящегося сердца его измученное тело. Ладонь его взмокла от пота. Он вытер ее о рваные штаны и снова крепче сжал ложку.

Время как будто остановилось. Брукман ждал, вытянувшись на жестких досках пола; неструганое дерево царапало его кожу, пыль набивалась в рот и нос, и ему казалось, словно он уже мертвец, лежащий в грубом сосновом гробу, и сама вечность громоздится у него на груди подобно комьям сырой черной земли… Снаружи ярко светили прожектора, прогоняя ночь, но внутри барака ночь продолжала жить — возможно, единственный кусочек ночи, оставшейся на залитой светом прожекторов планете, и полосы света, падавшие сквозь зарешеченные окна, лишь подчеркивали окружавшую его тьму, делая ее еще более могущественной. Здесь, во тьме, ничто и никогда не менялось. Лишь удушающая жара, вечная темнота и застывшее время, где одно мгновение ничем не отличалось от другого…

У Брукмана то и дело тяжелели веки и медленно закрывались глаза, но

он тут же снова открывал их, вглядываясь в тень в ожидании Вернеке. Сон больше не был над ним властен, царство его было теперь для него закрыто; каждый раз сон извергал его прочь, так же как его желудок извергал попавшую в него еду.

При мысли о еде Брукман ощутил внезапный приступ голода, на мгновение забыв обо всем остальном. Никогда еще он не был столь голоден. Он подумал о еде, пропавшей впустую накануне вечером, и лишь последние остатки самообладания не дали ему громко застонать.

И тут рядом застонал Боме, которому словно передалось его беспокойство. «Аня», — отчетливо проговорил Боме, потом какое-то время бессвязно бормотал, а затем чуть громче сказал; «Цейтель, ты уже накрыла на стол?», и Брукман понял, что Боме уже не в лагере, что Боме снова в Дюссельдорфе, в маленькой квартирке со своей толстой женой и четырьмя здоровыми детьми. При мысли о том, что Боме удалось бежать, Брукмана пронзила острая зависть.

В то же мгновение Брукман понял, что рядом с Боме стоит Вернеке.

Брукман не заметил никакого движения. Вернеке словно медленно материализовался из темноты, атом за атомом, частица за частицей, пока в какой-то момент не обрел форму, и то, что мгновение назад было лишь тенью, стало, вне всякого сомнения, Вернеке, хотя он до сих пор продолжал напоминать тень.

От ужаса у Брукмана пересохло во рту, и ему почти показалось, будто он слышит шепчущий ему в уши голос покойной бабушки. Суеверные сказки — Как там говорил Вернеке? «Я не ночной дух». Да, именно так…

Вернеке был совсем рядом, на расстоянии вытянутой руки. Он смотрел сверху вниз на Боме; лицо его в пыльной полосе падавшего из окна света казалось холодным и отстраненным, и лишь полное отсутствие какого-либо выражения намекало на таившуюся под маской страсть. Вернеке медленно склонился над Боме. «Аня», — снова нежно проговорил Боме, а затем губы Вернеке припали к его горлу.

Пусть насытится, произнес холодный безжалостный голос в мозгу Брукмана. С ним легче будет справиться, когда он будет почти сыт, когда он станет сонным и медлительным… когда он наестся…

Медленно и очень осторожно Брукман приготовился к прыжку, не в силах отвести взгляд от ужасной картины. Он слышал, как Вернеке высасывает из Боме жизненные соки, словно в старике не хватало крови, чтобы его насытить, словно крови не хватало во всем лагере… или, может быть, во всем мире… Боме уже почти не сопротивлялся, лишившись последних сил.

Брукман кинулся на Вернеке, успев дважды воткнуть ложку ему в спину, прежде чем оба упали под собственным весом на пол. Какое-то время они молча катались и боролись, а потом Брукман обнаружил, что сидит верхом на Вернеке, белое лицо которого обращено к нему. Брукман снова вонзил свое оружие в Вернеке, и дрожь пробежала по всей его руке до самого плеча. Вернеке не издал ни звука; глаза его уже стекленели, но они смотрели на Брукмана с холодным гневом, с горькой иронией и, как ни странно, с облегчением, даже почти с жалостью.

Брукман наносил удар за ударом, тяжело дыша и сотрясаясь верхом на своей жертве, чувствуя, как кровь Вернеке брызжет ему в лицо, окутанный жаром и испарениями, поднимавшимися из истерзанного тела Вернеке удушливым черным облаком, кашляя и задыхаясь, ощущая, как они проникают в его поры, до самого мозга костей; мир вокруг него пульсировал, мерцал и менялся, словно он внезапно увидел его новыми глазами, словно что-то родилось внутри его, а потом он внезапно ощутил запах крови Вернеке, ее горячий смрад, и наклонился ближе, вдыхая этот всепоглощающий запах, вдруг показавшийся ему лучше запаха свежеиспеченного хлеба, лучше всего в мире, насыщенный и пьянящий, невообразимо сильный.

На мгновение его охватили отвращение и ужас, и он подумал о том, как давно древнее проклятие передавалось от человека к человеку, как далеко в прошлое тянется цепочка жизней, как угодил в ловушку сам Вернеке; а потом его пересохшие губы ощутили влагу, и он начал пить, быстро и жадно, и рот его наполнился чистым вкусом меди.

На следующий вечер, после того как Брукман прочитал поминальную молитву по Вернеке и Боме, к нему подошел Мельник. В глазах его стояли слезы.

— Как мы теперь будем без Эдуарда? Он был всем для нас. Что нам теперь делать?…

— Все будет хорошо, Мойше, — сказал Брукман. — Обещаю тебе, все будет хорошо.

Он на миг обнял Мельника, чтобы его утешить, и почувствовал горячую кровь, пульсировавшую в хитросплетении вен мальчика под самой кожей, теплую и питательную, которая лишь ждала, когда он ее освободит.

Современные вампиры

Брайан Ламли

Брайан Ламлиродился в 1937 году в графстве Дэрем на северо-востоке Англии, спустя девять месяцев после смерти писателя, оказавшего огромное влияние на его раннее творчество, — Говарда Филлипса Лавкрафта. Он прослужил 22 года в рядах корпуса Королевской военной полиции и вышел в отставку в 1980 году в чине уоррент-офицера.

Еще состоя на службе, он начал писать рассказы — по большей части в манере Лавкрафта, нередко забираясь и в мифы Ктулху. Правда он отмечал различие между своими образами и образами своего предшественника «Мои ребята сражаются, — писал он, — кроме того, иногда они не прочь посмеяться». Воодушевленный Августом Дерлетом, он написал несколько «лавкрафтианских» историй для одной из антологий издательства «Аркхэм хаус». Затем последовала первая книга шеститомного романного цикла о Титусе Кроу — «Беспощадная война»(1974).

Целиком Ламли посвятил себя писательской деятельности после ухода из рядов Королевской военной полиции. В 1981 году вышел в свет его роман «Воин Древнего мира», в 1981–1984 годах — трилогия «Психомех». В 1984 году он опубликовал суперуспешный роман «Некроскоп», о человеке по имени Гарри Киф, умеющем разговаривать с мертвыми; эта книга открыла серию бестселлеров, совокупный тираж которых составляет более миллиона экземпляров. В 1998 году, будучи почетным гостем Всемирного хоррор-конвента, он получил звание грандмастера за вклад в жанровую литературу.

Рассказ «Некрос» (не входящий в цикл «Некроскоп») был впервые напечатан на страницах антологии «После полуночи-2» под редакцией Эми Майерс (Лондон: Уильям Кимбер, 1986). В 1997 году он лег в основу одного из эпизодов телесериала Ридли Скотта «Голод».

Некрос (© Перевод П. Матвейца)

I

Старая женщина в выцветшем голубом платье и черном платке остановилась в тени навеса ресторанчика Марио и кивнула хозяину в знак

приветствия. Губы ее растянулись в улыбке, обнажив редкие зубы. Грузный сутулый подросток — дурачок в джинсах и грязной футболке, скорее всего внук, держал ее за руку и, безучастно переминаясь с ноги на ногу, пускал слюни.

Марио добродушно кивнул в ответ и с улыбкой завернул кусочек черствой фокаччи в плотную бумагу, после чего вышел из-за стойки и вручил сверток женщине. Посетительница сердечно пожала руку Марио и направилась к выходу.

Неожиданно все ее внимание обратилось на противоположную сторону улицы. Она разразилась потоком колоритной брани, и, несмотря на слабое знание итальянского, я, во многом благодаря интонациям, уловил нотки ненависти в ее голосе.

— Чертово отродье! — вновь и вновь повторяла старуха — Свинья!

Указывая пальцами дрожащей руки на то, что так сильно ее возмутило, она еще раз произнесла: «Чертово отродье!» — и уже при помощи обеих рук произвела красноречивый жест, тот, которым обычно итальянцы стараются защитить себя от всякого зла. Соленый хлебец, выпавший из рук разгневанной женщины, был ловко подхвачен дурачком.

Затем, все еще бормоча проклятия низким гортанным голосом и таща за руку шаркающего ногами и смачно чавкающего идиота, она стремительно зашагала по улице и вскоре исчезла из виду в ближайшей аллее. Но лишь одно слово, брошенное этой женщиной на ходу, напрочь засело в моей памяти: «Некрос». Несмотря на то что слово было мне незнакомо, я принял его за ругательство, поскольку она произнесла его с явным отвращением и неприкрытой злобой.

Я отхлебнул немного «Негрони», сидя за маленьким круглым столиком под навесом у заведения Марио. Любопытство заставило меня взглянуть на объект яростных нападок старой карги. Им оказался автомобиль, белый «ровер» с откидным верхом, модель нынешнего года. Он медленно продвигался в потоке праздничного дня. Единственным, из-за чего стоило посмотреть на эту машину, была девушка, сидевшая за рулем. Ее спутник, сморчок, чью голову украшала обвисшая белая шляпа, также вызывал интерес, однако по-настоящему достойной внимания была лишь она одна.

Мимолетного впечатления оказалось достаточно, чтобы я почувствовал себя ошеломленным. Совсем неплохо. Я думал, что уже и не способен ощутить снова то, что обычно чувствует мужчина, глядя на прелестную девушку. После Линды такое было трудно даже вообразить, и вот…

Она была молода, скажем, двадцати четырех или двадцати пяти лет.

Выходило, что между нами была незначительная разница в возрасте. Сидя за рулем, она держалась изящно, сохраняя величественную осанку. Черные как смоль волосы были прикрыты белой широкополой шляпой, плохо сочетающейся с головным убором ее спутника. Лицо было свежим и сочным, словно персик.

Я привстал, чтобы лучше рассмотреть девушку, и, на мое счастье, поток машин приостановился на какое-то время. В тот же миг она повернула голову и взглянула на меня. Черты этого лица поразили меня в самое сердце — я был безнадежно ранен. Девушка оказалась прекрасной, как юная богиня.

Темно-зеленые глаза ее сияли. Правильной миндалевидной формы, они располагались немного наискосок к переносице. Брови — тонкие и прямые, щеки — пухлые, губы — словно алый лук Купидона, длинная белая шея резко контрастировала с ярко-желтой блузкой. И конечно же улыбка. Да, она улыбалась.

Ее взгляд, поначалу излучавший холод, наполнился любопытством, затем злобой. Наконец, заметив мое смущение, девушка просияла улыбкой. В тот момент, когда ее внимание вновь переключилось на дорогу и взгляд устремился в бесконечность потока машин, мне почудилось, что на ее пухлых сочных щечках вспыхнул яркий румянец. А потом она исчезла.

Чуть позднее я вспомнил о том маленьком сморщенном человечке, сидевшем подле нее. По правде говоря, мне не удалось тогда его хорошо рассмотреть, но то, что я увидел, заставило меня поежиться. Он также проявил интерес к моей персоне, оставив у меня в памяти колючий умный взгляд крошечных, как бусинки, птичьих глаз, глядевших из-под шляпы. Он задержался на мне взором лишь на мгновение, затем отвернулся, уставившись прямо перед собой, однако мне все еще казалось, будто я чувствую на себе вопросительный взгляд этого драного ворона в шляпе.

Я полагал, что сумел верно истолковать выражение его глаз. Скорее всего, он не впервые сталкивался с пялившимися на него, а точнее, на его спутницу, молодыми людьми. Взгляд этого человека был ответной угрозой на угрозу, и, поскольку опыта отпора навязчивым незнакомцам у него было, видимо, более чем достаточно, я ощутил его превосходство в данной ситуации.

Я обратился к Марио, великолепно говорившему по-английски:

— А она имеет что-нибудь против дорогих автомобилей и богатых людей?

— Кто? — не отвлекаясь от своих дел, переспросил Марио.

— Старушка, та женщина с дурачком.

— А… — Он кивнул. — В основном против того маленького человечка в машине, так мне кажется.

— Как так?

— Хотите еще «Негрони»?

— С удовольствием, и налей-ка одну рюмочку себе, я угощаю, но с условием, что ты мне все объяснишь.

— Как вам будет угодно, но вам ведь интересна лишь девушка, я правильно понимаю?

Он осклабился.

Я пожал плечами:

— Она хорошенькая…

— Да, я видел ее. Ну а все прочее — просто предания старины глубокой, не более. Как, например, ваш английский Дракула.

— Трансильванский Дракула, — поправил я.

— Как вам будет угодно. А Некрос — это имя призрака.

— Некрос — вампир?

— Да, привидение.

— И это настоящая легенда? Старинная?

На лице Марио отразилось сомнение. Он развел руками.

— Местная легенда. Лигурийская. Я помню ее с детства. Если я вел себя плохо, этот самый Некрос должен был явиться и сцапать меня. Теперь, — он пожал плечами, — уже никто не забивает себе голову подобной чепухой.

— Как злой Бука. — Я понимающе кивнул.

— Кто?

— Никто. Так что же та старушка никак не угомонится?

Марио опять пожал плечами:

— Может, она полагает, что тот самый человек и есть Некрос. Она есть сумасшедший, понимаешь? Повернутый. Tutta la famiglia!

Мой интерес к происходящему нарастал.

— И о чем говорится в легенде?

— Призрак забирает твою жизнь. Ты стареешь, а он становится моложе. Это как сделка: он дает тебе то, что ты пожелаешь, а взамен получает то, что хочет. А хочет он всегда молодость, только вот расходует ее слишком быстро, и вскоре ему надо еще и еще. Все время требуется молодость.

— Что за сделка такая? Что, собственно, имеет с этого жертва?

— То, что пожелает, — повторил Марио и улыбнулся. Его смуглое лицо покрылось лучиками морщинок. — В вашем случае — девушку. Вот.

Если, конечно, тот человек был Некросом…

Он вернулся за стойку, а я остался допивать свой «Негрони». Разговор был окончен, и больше я не думал о рассказанном Марио. До поры до времени.

II

Разумеется, мне следовало путешествовать по Италии с Линдой, но… Я терпел ее «маленького Джона» в течение двух недель, после чего плюнул и напился, чем и привел в действие механизм разрушения идиллии. Это случилось месяц назад. Поездка в отпуск была забронирована, и я решил не отказываться от жаркого солнца, отправившись в гордом одиночестве. Погода стояла чудесная, купания освежали, а кухня была просто выше всяких похвал. За два дня до окончания отпуска я отметил для себя, что все идет не так уж плохо. Но с Линдой было бы лучше.

Линда… Я по-прежнему думал о ней. Воображение рисовало мне ее сидящей рядом даже в тот вечер, когда я расположился в баре гостиницы возле распахнутой двери на балкон, увитый бугенвиллеей, и любовался видом на залив, освещенный огнями ночного города. В моем сознании она была совсем близко. Я грезил о ней наяву. И естественно, не обратил внимания на появление прекрасной незнакомки в сопровождении сморчкоподобного спутника. Я заметил их лишь в тот момент, когда они уже усаживались за маленький столик по другую сторону от открытой балконной двери.

Так близко я ее еще не видел…

Похоже, первое впечатление не было досадной ошибкой. Девушка просто сияла ослепительной красотой. Сейчас она выглядела несколько иначе — чуть старше, но по-прежнему была очаровательной.

А старикан годился ей в отцы. Возможно, это прозвучит банально, но женщина вовсе не нуждалась в старике. Точнее, она нуждалась вовсе не в старике…

Чуть позже она заметила меня, и мой восторг перестал быть для нее тайной. Обратив свой взгляд в мою сторону, она одновременно улыбнулась и смущенно покраснела. На мгновение девушка посмотрела в сторону, но только на мгновение. К счастью, ее спутник сидел спиной ко мне, иначе он непременно понял бы, что я чувствовал в тот момент. Когда она взглянула на меня вновь, на этот раз только на меня и ни на кого больше, в ее глазах читался призыв, и все горькие обеты, данные мною прежде, потеряли

всякий смысл и были немедленно забыты. Боже, сделай так, чтобы он оказался ее отцом!

Я просидел в баре еще час и, вероятно, немного перебрал с коктейлями, закусывая их оливками и картофельными чипсами из маленьких блюдец, стоявших на барной стойке. Все это время я старался, насколько это было вообще возможно, хотя бы ради приличия, не смотреть в сторону девушки, однако непрестанно думал о том, как лучше ей представиться. В конце концов я понял, что мудрить в этом деле не стоит.

Но вот как быть с этим стариканом? Да и черт возьми, ее призывный взгляд оставался первым и единственным за весь вечер. Неужели я ошибся? Или она просто ждет инициативы с моей стороны? Боже, ну сделай же так, чтобы он оказался ее отцом!

Она с видимым наслаждением потягивала мартини. Старик налегал на красное вино. Я попросил официанта принести им еще выпивки и записать ее на мой счет. *Я*уже успел перекинуться парой слов с барменом по имени Франческо, дружелюбным щуплым парнишкой с юга. Но он был не в состоянии рассказать мне что-нибудь новое о них, твердя, что эта пара не проживает в гостинице. Обретаясь в отеле, я и сам знал это наверняка.

Как бы то ни было, вскоре мое угощение оказалось у них на столике. Девушка и старик не скрывали своего удивления. Придав лицу по-детски невинное выражение, красотка принялась расспрашивать официанта. Он кивнул в мою сторону и чуть заметно улыбнулся. Затем обернулся ее пожилой спутник. Он впился в меня взглядом пылавших, как раскаленные угли, глубоко посаженных глаз, но я обнаружил, что улыбаюсь в ответ, посматривая в сторону. Время, казалось, остановилось. Но лишь на мгновение. После чего девушка сказала что-то официанту, и он бодрым шагом направился к моему столику.

— Мистер Коллинз, сэр, тот джентльмен и юная леди благодарят вас и настаивают на том, чтобы вы присоединились к ним.

Это было, пожалуй, даже больше, чем то, на что я осмеливался рассчитывать в тот момент.

Встав из-за столика, я окончательно убедился, что выпил лишнего. Усилием воли мне удалось собрать остатки трезвого рассудка и подойти к их столику. Они остались сидеть, как и прежде. Голосом, в котором слышался шелест сухой травы, старик произнес: «Пожалуйста, садитесь». Официант со стулом наготове уже появился за моей спиной.

— Питер Коллинз, — представился я. — Как поживаете, мистер… э…

— Карпетес, — подхватил он. — Никос Карпетес. А это моя жена Эдриен.

Никто из них и не подумал протянуть мне руку, впрочем, это меня не смутило. Меня смутил, а точнее, ошарашил тот факт, что они были мужем и женой. Должно быть, он очень, очень богат, этот Никос Карпетес.

— Я безмерно признателен за приглашение, — сказал я, пытаясь изобразить улыбку на лице, — но уже вижу свою досадную ошибку. Видите ли, мне показалось, что вы говорили по-английски, и я…

— Приняли нас за англичан, — закончила девушка мою фразу. — Ничего удивительного, весьма частое заблуждение. Я армянка по происхождению, Никос — грек. Я не знаю греческого, Никос не говорит по-армянски, но мы оба говорим по-английски. Вы остановились в этой гостинице, мистер Коллинз?

— Да, но… В общем-то, еще один день, ночь, а затем, боюсь, придется вернуться в Англию. — Я произнес это с грустным выражением лица и пожал напоследок плечами.

— Боитесь? — шепотом переспросил старикан. — А какая опасность в том, что вы возвращаетесь домой?

— Это такое выражение, — пояснил я. — Я хотел сказать, что боюсь, мой отпуск уже заканчивается.

Он улыбнулся странной, задумчивой улыбкой, и лицо его сморщилось, напоминая небольшой грецкий орех.

— Но ваши друзья, должно быть, будут рады вашему возвращению. Ваши любимые, близкие люди?

Я покачал головой.

— Лишь горстка друзей, из них близких — ни одного, любимых — тем более. Я одинок, мистер Карпетес.

— Одинок? — Его глубоко посаженные глаза блеснули, а руки, вцепившиеся в край стола, задрожали. — Мистер Коллинз, вы не…

— Мы понимаем, — перебив его, вступила девушка, — несмотря на то что мы супруги, по сути, мы тоже одиноки. Видите ли, деньги сделали Никоса нелюдимым. Он нездоров, да и жизнь коротка. Он не желает тратить драгоценное время на легкомысленные связи. Что касается меня, то могу вам сказать: люди не понимают наших отношений с Никосом. Им любопытно, но я очень закрытый человек, то есть тоже, можно сказать, нелюдима.

В ее голосе не было ни малейшего намека на осуждение или обвинение, и все же я счел своим долгом сказать следующее:

— В мои намерения не входило совать нос в ваши дела, миссис…

— Эдриен. — Она улыбнулась. — Пожалуйста, называйте меня так. Я совсем не хочу, чтобы вы думали, что мы можем представить себе такое!

Вовсе нет! Но я все равно скажу вам, что объединяет нас с Никосом. Чтобы покончить с этой темой раз и навсегда.

Ее муж, поперхнувшись, закашлялся и затопал ногами. Я вскочил и схватил его за руку, но он оттолкнул меня, сделав это, как мне показалось, с некоторым отвращением. Эдриен тут же позвала официанта.

— Проводите, пожалуйста, мистера Карпетеса в уборную, — распорядилась она на хорошем итальянском, — и, будьте добры, помогите ему вернуться назад, к столику, после того как он придет в себя.

Уходя, Карпетес начал бурно жестикулировать. Возможно, старик пытался выразить таким образом свое сожаление по поводу случившегося, но, вновь зашедшись кашлем, он, пошатываясь, вышел, поддерживаемый официантом.

— Мне очень жаль, — произнес я растерянно, так как не знал, что подобает говорить в таких ситуациях.

— У него случаются приступы, — ответила она невозмутимо. — Я уже привыкла к ним.

Некоторое время мы просто сидели молча. В конце концов я не выдержал:

— Вы собирались рассказать мне…

— Ах да, я совсем забыла. Это симбиоз.

— Простите?

— Да, мне нужна эта красивая жизнь, которую он в состоянии обеспечить, а ему, в свою очередь, необходима моя молодость. Таким образом, мы отвечаем потребностям друг друга.

Значит, старушка с дурачком была вовсе не так уж далека от истины. Сделка здесь явно имела место: сделка между Карпетесом и его женой. В ту же минуту я почувствовал, как по спине забегали мурашки. Черт возьми, да ведь имя Никос даже созвучно Некросу! И вдобавок ко всему это юное создание… Совпадение, конечно. В конце концов, все взаимоотношения — своего рода сделки, одни хуже, другие лучше.

— Однако как долго это продлится? — спросил я. — Сколько еще времени это будет вам интересно?

Она пожала плечами:

— Я обеспечена. А он будет наслаждаться моим обществом до конца своих дней.

Я кашлянул, прочистив горло, и натянуто усмехнулся:

— А тут я — не любопытствующий.

— Нет, вовсе нет. Я хотела, чтобы вы все-таки поняли.

— Хорошенькое дело. — Я пожал плечами. — Но не слишком ли

подробно для первого раза?

— «Первого раза»? Вы что, думаете, что, купив мне выпивку, вы приобрели право на дальнейшее общение?

От неожиданности я вздрогнул.

— Вообще-то…

Она очаровательно улыбнулась, и мой мир снова засиял всеми оттенками радуги.

— Совсем не обязательно было тратиться на выпивку, есть ведь и другие способы.

Я вопросительно взглянул в ее глаза.

— Другие способы?

— Узнать, англичане мы или нет.

— Ах так!

— Вот и Никос. — Она опять улыбнулась. — Нам пора идти. Ему нехорошо. Скажите, вы будете завтра на пляже?

— О, разумеется! — сразу же ответил я. — Обожаю плавать, знаете ли.

— И я тоже, вот и поплаваем вместе.

Ее муж вернулся за столик уже без посторонней помощи. Он выглядел немного лучше: уже не таким сморщенным, как раньше. Не садясь, он ухватил спинку стула одной рукой и так крепко сжал ее, что костяшки его пальцев заметно побелели под натянувшейся, сухой, как пергамент, кожей.

— Мистер Коллинз… — с каким-то похрустыванием в голосе начал он. — Эдриен… мне жаль…

— Вам не за что извиняться, — сказал я, вставая со своего места.

Эдриен поднялась следом.

— Нам нужно идти. А ты ведь остаешься, верно, Питер? Спасибо за помощь, дальше, я думаю, мы справимся сами. Возможно, увидимся на пляже!

Не оглядываясь, они зашагали к выходу.

III

Они не были постояльцами этой гостиницы — просто заглянули в бар пропустить по стаканчику. Здесь было все понятно, хотя мне, конечно же, хотелось бы думать, что она появилась тут не случайно. Моя гостиница была, скорее всего, второсортной по сравнению с тем местом, где жили они. Я представил, что они разместились в одном из тех маленьких, недоступных простым смертным отелей, которые затеряны меж

средиземноморских пиний высоко в уступах Лигурийских гор. В таких местах огни, сверкая в ночи, притягивали деньги, а музыка лилась из маленьких дансингов под открытым небом, словно смех небожителей.

Если мой рассказ звучит чересчур поэтично — виной тому она. Выражаясь точнее, та прекрасная девушка, что была вместе с высохшим, сморщенным, как грецкий орех, старикашкой. С одной стороны, мне было искренне жаль его. Но только с одной стороны.

Так вот, если перестать прикидываться и сказать все как есть (на случай, если я до сих пор еще не проговорился), следует признать то, что я безумно желал близости с ней. Более того, состоявшийся между нами диалог давал основания предполагать, что и она не против такого поворота событий. Подобные мысли не давали мне уснуть в ту ночь.

Я пришел на пляж в девять утра и ждал их появления примерно до одиннадцати. Наконец они прибыли! А после… После она вышла из маленькой пляжной кабинки для переодевания… На пляже не было ни одного мужчины, чья голова не повернулась бы в ее сторону по крайней мере дважды. Но в чем, собственно, их можно было упрекнуть? Девушка в таком пляжном костюме заставила бы обернуться даже сфинкса! Было в ней что-то особенное. Зрелая не по годам. Она держалась как супермодель, а может, как принцесса. Но для кого? Для Карпетеса или же для меня?

Что касается старикана то он в это утро казался оживленным несколько больше обычного. Он был в измятой льняной паре, а на голове красовалась все та же шляпа. Похоже, что в отличие от меня, прошлой ночью старик спал сном невинного младенца. Пока его жена переодевалась, он нетвердой походкой прошел по пляжу, напрямик к тому месту, где в тени большого зонта за столиком расположился я. Старик уселся напротив и, прежде чем появилась Эдриен, заговорил:

— Доброе утро, мистер Коллинз!

— Доброе утро, — ответил я. — Пожалуйста называйте меня Питер.

— Питер так Питер! — Он кивнул.

Казалось, он запыхался то ли от прогулки, то ли из-за того, что все его движения были суетливыми. К тому же в его манерах ясно читалось желание немедленно перевести нашу беседу на что-то более важное.

— Питер, ты сказал, что пробудешь здесь еще один день.

— Совершенно верно, — ответил я, впервые имея возможность изучить своего соперника с такого близкого расстояния. Он сидел, словно садовый гном, половину его согбенного туловища закрывала тень, падавшая от пляжного зонта. — Сегодня — мой последний день в этом раю.

Мой собеседник был похож на вязанку сухого хвороста, на гнилой чернослив и одновременно на маленькое коричневое пугало, а его голос — на шуршание соломы или шелест осенней листвы, гонимой озорным ветром по тенистой тропинке. Живыми были лишь глаза.

— Так ты говоришь, в Англии у тебя никого нет и тебя никто не ждет? Ни семьи, ни друзей?

В моем мозгу зазвенели тревожные колокольчики. Настораживала не столько поспешность действий, выдававшая некую пока не понятную мне цель, сколько ярко выраженное стремление к этой цели любой ценой.

— Да, все верно. Я студент-медик. Когда вернусь домой, хочу найти место и начать работать. Больше ничего. Ни связей, ни знакомых.

Он подался вперед всем телом, птичьи глаза сверкнули. Трясущимися клешнями своих дряхлых рук старик потянулся ко мне через стол и…

Тень, источником которой была Эдриен, легла между мной и стариком. Привставший было Карпетес резким движением занял исходное положение на стуле. Переживаемое им сильнейшее эмоциональное напряжение отразилось на его лице множеством морщинок. Я почувствовал, что мое сердце вот-вот проломит грудную клетку и вырвется наружу. Немного успокоившись, я поднял на нее свой взгляд. Она стояла спиной к солнцу, так что, кроме силуэта ее фигуры, я практически ничего не мог разглядеть. Однако темное пятно лица девушки было будто прорезано изумрудным сиянием ее глаз.

— А не искупаться ли нам, Питер?

Эдриен повернулась, бросившись бежать по пляжу, и я, конечно же, устремился вслед за ней. Взяв старт раньше меня, она первой очутилась у кромки воды. И только когда мне удалось догнать ее, я вдруг подумал, что, сорвавшись с места, даже не извинился за столь стремительное исчезновение перед ветхим греком. Но лишь окунувшись в воду, я окончательно пришел в себя, вернулся к реальности, успокоился и осознал… Осознал, что ее чудесное тело нежится, практически касаясь моего. Окончательно восстановив дыхание после этого бешеного забега, я в двух словах описал Эдриен диалог с ее мужем. Она же, как ни в чем не бывало, улыбалась, подставляя лицо солнечным лучам. Дыхание девушки было ровным, и она не торопилась комментировать рассказанное мной.

— Никос мне не муж в полном смысле этого слова, — произнесла Эдриен в итоге, даже не взглянув в мою сторону. — Я всего лишь его компаньонка. Единственной причиной, почему я не призналась в этом вчера, было мое сомнение в том, что тебе это покажется интересным. А что, если ты только лишь хотел узнать, откуда мы родом? Что же до

завуалированных угроз в твой адрес, то ничего удивительного в этом нет. Он, может, и не скачет, как мальчик, но зависть не знает старости.

— Нет, — сказал я, — угроз никаких не было, во всяком случае ничего подобного я не заметил. Зависть? Он прекрасно знает, что сегодня последний день моего отпуска. Чего ему бояться? Чему завидовать?

Ее плечи слегка вздрогнули — самую малость, словно от легкой судороги. Она повернулась ко мне лицом. Наши губы разделяла какая-то пара дюймов. Ее ресницы, как шелковые занавески, закрывали доступ к изумрудным озерам глаз.

— Я совсем юная, Питер. Ты тоже молод и очень привлекателен. Желание твое безмерно! Да и курортные романы вовсе не редкость.

— Я не богат… Мы живем в разных гостиницах… Он уже заподозрил меня… Это просто невозможно…

— Что именно?

Испытав на себе ее абсолютно невинный взгляд, я чувствовал, что нахожусь в совершенной растерянности. Но вслед за этим она рассмеялась, откинула назад свои волосы и поболтала руками по воде.

— Там, где есть воля к победе… — проговорила она.

— Ты же знаешь, что я хочу тебя. — Слова слетели с моих губ прежде, чем я смог их сдержать.

— Конечно знаю. И я хочу тебя. — Она произнесла это так просто, что я ощутил себя обессилевшим и полетел, как мотылек на свет лампы.

Я поднял голову и поглядел в сторону пляжа. Несмотря на семьдесят пять футов искрившейся водной глади, зонтики, казалось, стояли угрожающе близко. Карпетес сидел в тени одного из них в той же позе, в какой я его оставил. Лицо старика скрывала тень, но я был уверен, что все это время он пристально следил за нами.

— Ничего не поделаешь. — Голос ее ослабел, а дыхание, как я заметил, сбилось.

— Этот… — произнес я со стоном, — собирается убить меня.

Она засмеялась, и смех ее, по-моему, искрился даже больше, чем само море в лучах солнечного света.

— Я сожалею, — успокоившись, сказала Эдриен. — Мне не следовало смеяться, но наш случай отнюдь не безнадежный.

— Вот как?

— Завтра рано утром у Никоса назначена встреча с каким-то специалистом в Генуе. Я отвезу его туда сегодня вечером. В Генуе мы заночуем.

Я застонал от отчаяния.

— В таком случае все напрасно — завтра я улетаю.

— Но если, например, я вывихну запястье, — продолжала Эдриен с вдохновением, — то не смогу вести машину. Тогда ему придется взять такси до Генуи, а я, страдая от головной боли, связанной с травмой, останусь здесь.

Она подплыла к бую, влезла на него, а затем спрыгнула в воду, рассыпав фонтан бриллиантовых брызг. Несколько секунд спустя, когда брызги осели, я поплыл за ней следом, борясь с поднятым ею волнением.

Выходя из воды, Эдриен оступилась и упала. Изображая страдания, она на четвереньках поползла по лигурийской гальке на берег. Одну руку она нарочито держала на весу. Элементарно. Проще пареной репы.

Карпетес уставился на девушку, разинув рот. Он привстал со своего складного стула. Эдриен ковыляла по пляжу, корчась от «боли». Я шел рядом. Здоровой рукой она сжимала «вывихнутое» запястье. То сдавливая его, то, наоборот, встряхивая рукой, она довольно артистично стонала. Капельки соленой морской воды шаловливо стекали по изгибам словно высеченного из мрамора тела девушки. Скажи мне в тот момент старикан: «Я — Некрос и хочу десять лет твоей жизни за одну ночь с этой женщиной», я согласился бы не раздумывая и был бы счастлив. Но старикашка не был Некросом. Легенды остаются всего лишь легендами! Он мне ничегошеньки не предложил!

IV

Мне представляется, что самым большим сомнением, терзавшим меня тогда, было то, что для нее все это лишь забава, игра, если хотите. Понятно, что для Эдриен такое развлечение было довольно безопасным: на следующий день я уезжал, и с моим отъездом исчезли бы все следы романа. Очевидно, девушка сильно истосковалась по обществу молодых людей, а потому с легкостью была готова пуститься в любую авантюру. Но почему я? Почему счастливчиком довелось оказаться именно мне?

Был ли я привлекательным? Не думаю. Возможно, она опасалась, что впоследствии все может обернуться не самым лучшим образом, и поэтому выбранный ею характер отношений — «сегодня я здесь, а завтра — где-нибудь еще» — казался наиболее подходящим. Никаких претензий. Да, должно быть, поэтому она выбрала меня. Если только мне не предназначалась роль дурачка из старого польского преферанса. А может, она развлекалась, играя со мной, как кошка с мышью?

Все оказалось гораздо сложнее…

В половине девятого в тот вечер я сидел в гостиничном баре. Уже прошло больше часа. Я изо всех сил старался не злоупотреблять спиртным. Смотреть на еду я был просто не в состоянии. Ко мне подошел официант и пригласил к телефону. Я поспешил к стойке. Портье деликатно удалился, оставив меня один на один с телефонным аппаратом.

— Питер. — Ее низкий голос звучал многообещающе. — Он уехал. Я заказала нам столик на двоих на девять вечера. Ты сможешь?

— Столик? Где? — Мой голос срывался.

— Здесь. Где же еще? Да не волнуйся же ты! Все в порядке. Да и в любом случае Никос все знает.

— Знает? — Я был застигнут врасплох и слегка запаниковал: — Что он знает?

— То, что мы будем ужинать вместе. Я сама ему все рассказала. Он ведь не хотел, чтобы я оставалась одна… И поскольку это твой последний вечер здесь…

— Уже еду, — выпалил я.

— Отлично. Жду с нетерпением… нашей встречи. Я буду в баре.

Я повесил трубку, гадая, что предложить ей в качестве аперитива.

Я принарядился. Можно сказать, оделся с шиком: белоснежная рубашка с черным галстуком, единственный в моем гардеробе белый пиджак и черные брюки. Но все же я был уверен, что мой костюм не пойдет ни в какое сравнение с ее нарядом. Ведь все, что касалось Эдриен, представлялось мне абсолютно идеальным.

Она была очаровательна. Черное кружевное платье с короткими, расшитыми серебряной нитью рукавами, в сочетании с бархоткой на шее, отлично подчеркивали красоту ее форм. Все время, пока мы сидели в баре и потягивали напитки, я — виски, она — чинзано, я не сводил с нее глаз. Дважды я пытался, как бы невзначай, коснуться руки Эдриен, но оба раза она резким движением отдергивала ее.

— Им следовало бы вести себя потактичнее. — Своими зелеными миндалевидными глазами она пристально взглянула сначала на толпящихся вдоль барной стойки и мирно беседующих посетителей, а затем вновь на меня. — Но на самом деле не стоит давать им повод для сплетен.

— Прошу прощения, Эдриен, — произнес я сдавленным, почти дрожащим голосом, — но…

— Как получилось, что такой симпатичный парень, как ты, совсем один?

Я откинулся на стул и усмехнулся:

— Нескромный вопрос для юной леди!

— Да ну! Может, ты полагаешь, что и на эту ночь у меня скромные планы?

— А что ты запланировала? — спросил я, окончательно теряя голос.

— Пока мы будем ужинать, — произнесла она низким голосом, — я расскажу тебе все по порядку.

В этот момент появился официант с перекинутой через руку полотняной салфеткой и пригласил нас проследовать за ним в обеденный зал.

Эдриен ела мало, я же, напротив, уплетал за обе щеки. Она медленно пила легкое белое вино, а мне приходилось изрядно стараться, чтобы не отстать от официанта, неустанно наполнявшего мой бокал креплеными красным вином. К счастью, я был голоден как волк, иначе я не осилил бы этой циклопической трапезы. И заметьте, все кушанья — первоклассные, изысканные блюда, приготовленные настоящим мастером, — были заказаны заранее.

— Вот этим ключом можно с легкостью отпереть дверь нашего номера, — сказала Эдриен, сидя в мягком кресле и наслаждаясь ликером и сигаретой. — Комнаты располагаются на первом этаже, и сегодня вечером ты войдешь в одну из них через дверь, а покинешь ее завтра утром через окно. Я думаю, утренний моцион по пляжу освежит тебя. Ну, как тебе мой план?

— Невероятно! — ответил я.

— Не веришь?

— Не могу поверить в свое счастье!

— Скажем так: все дело в потребностях.

— Мне кажется, я могу влюбиться в тебя… Что, если завтра я не захочу уходить?

Она улыбнулась и, пожав плечами, сказала:

— Кто знает, что случится завтра?

Неужели я мог позволить себе думать о ней как об очередной подружке или как о какой-нибудь обычной девушке! Разумеется, она была земной девушкой, женщиной, если угодно, но какой знающей, опытной! Прекрасная, как принцесса, и искушенная, как шлюха! Если бы байки Марио оказались правдой и Никос Карпетес действительно был самим Некросом, то лучшей спутницы, чем Эдриен, он и пожелать не мог. В чем я был абсолютно уверен, так это в том, что ни один мужчина на земле не устоял бы перед ее чарами.

С этими мыслями в кружившейся от табачного дыма голове я

направился, согласно ее указаниям, в номер, расположенный где-то в глубине гостиницы. Мое воображение рисовало яркие и очень откровенные картины.

Найдя нужный номер, я вошел, оставив дверь приоткрытой. Вам должно быть известно, что главная особенность гостиничных номеров в Италии — это бесчисленное количество комнат в них. К счастью, определить, в какой мне следовало дожидаться Эдриен, не составило труда — она предусмотрительно оставила нужную дверь открытой. От волнения меня лихорадило. Эдриен сказала, что ей необходимы еще пятнадцать минут для пары глотков коктейля и еще одной сигареты. Казалось, что все сотрудники гостиницы и ее постояльцы были уже в курсе происходившего между нами. Но в Италии на такие вещи особый взгляд.

V

Меня опять лихорадило. Предвкушение? Возможно. Я сбросил с себя всю одежду, отправился в ванную и как никогда быстро принял душ. Давая себе обсохнуть, я легкой поступью проскользнул в спальню. Маленькая дверка между ванной и спальней была чуть приоткрыта, и я, приблизившись к ней, застыл, напряженно вслушиваясь. Все мои чувства разом обострились. Я искал малейший намек на какой-нибудь посторонний звук. Звук действительно был. Он доносился из комнаты. Что это? Шелест? Шорох? Шепот? Разобрать не представлялось возможным, но в любом случае тишина была явно нарушена. Эдриен могла появиться здесь с минуты на минуту. Я стоял возле двери, автоматически продолжая тереть себя полотенцем. Прежний звук исчез, и лишь нежный шелест листьев, волнуемых ночным бризом, наполнял комнату сквозь распахнутое окно. Я перекинул полотенце через плечо и направился в спальню. Неожиданно таинственный звук появился вновь. Он напоминал что-то вроде сдавленного хрипа, словно кто-то, задыхаясь, жадно хватал воздух ртом. Карпетес? Какого черта?! Неужели он здесь?

Меня как током ударило. Судорожный спазм тяжелой волной прокатился по всему телу. Нечеловеческим усилием воли я привел себя в чувство и начал действовать. Забежав в спальню, я быстро оделся, забыв, правда, о галстуке и пиджаке, и, крадучись, вернулся к маленькой двери. Эдриен могла быть уже на пороге, а потому нельзя было допустить, чтобы меня застукали, как школьника, за вынюхиванием чужих секретов. Следовало бы подавить тревожное чувство, нахлынувшее на меня.

Конечно, нервный припадок в такой ситуации был вполне объясним, но нельзя позволить душевным слабостям окончательно испортить весь вечер. Я набрал полную грудь воздуха и, открыв дверь, отважно шагнул в окутанную ночным сумраком неизвестность. Остановившись, я правой рукой нащупал на стене выключатель.

Собравшись с духом, я зажег свет.

Комната была наполовину меньше, чем все остальные. Из мебели здесь имелись односпальная кровать, столик возле нее и платяной шкаф. Ничего более, по крайней мере ничего такого, что сразу бросалось бы в глаза. Мое сердце, бившееся в бешеном ритме, начало понемногу успокаиваться. Окно было распахнуто вовнутрь, но наружные ставни прикрыты. Звуки ночи легко просачивались сквозь них, наполняя комнату своей чарующей какофонией. Я задышал глубоко и с наслаждением. Неожиданно мой взгляд скользнул вниз, туда, где на кровати лежала подушка. Из-под нее торчала маленькая темная книжечка в кожаной обложке, походившая на бумажник.

— Паспорт, — пробормотал я.

Верно. Это был паспорт. Греческий паспорт на имя Никоса Карпетеса. Смущало лишь одно: человек на фотографии в документе был не старше меня! Стоявшая ниже дата рождения не оставляла сомнений. Имя было написано по-гречески, но вполне разборчиво. Может, этот парень — его сын?

Загадочный паспорт напрочь вывел меня из душевного равновесия, нервы были на пределе. Я швырнул документ на кровать и, нахмурившись, уставился на него, пытаясь все же понять, что к чему. Немного успокоившись, я вдруг замер, пораженный жуткой догадкой. Шорох, шипение и похрюкивание за шкафом. Мыши? Или здесь все-таки дело нечисто?

Я начал злиться, так как слишком многое было непонятным. И чего, собственно, я боялся? Россказней Марио? Нет, ведь я прекрасно знал, что итальянцы обожают сгущать краски, в таких делах им нет равных.

Я взялся за ручку шкафа и резко дернул ее на себя. Поначалу я не обнаружил здесь ничего примечательного. Да я, в общем-то, и не знал, куда мне следует смотреть и что искать. В самом низу стояли туфли из дорогой кожи, две пары. На плечиках висели костюмы, на первый взгляд совсем детских размеров. И… О боже, жилетка… Господи. Я попятился на подгибающихся ногах. Пронзительная тишина комнаты оглушала, доводила меня до исступления.

— Питер?

Она возникла в дверях номера и медленным шагом стала приближаться ко мне. Ее глаза пылали огнем желания. На губах играла улыбка, но вдруг выражение лица начало меняться. Девушка уже успела правильно оценить ситуацию. Огонь вожделения в глазах Эдриен сменился огнем презрения, а затем гневом и яростью.

— Питер?! — произнесла Эдриен снова, но уже с совершенно иной интонацией.

Я постарался увернуться от ее протянутых ко мне рук — рук, которые никогда меня не касались и которых еще не касался я сам. В мгновение ока я очутился в спальне. Схватив с кровати галстук и пиджак, я с истошным воплем бросился к окну. Когда мне удалось уже наполовину выбраться, Эдриен настигла меня. Я отчаянно пытался оттолкнуть ее, но цепкие пальцы девушки сомкнулись на моем предплечье. С чудовищной силой Эдриен стала втаскивать меня обратно в свою чертову берлогу. Ее глаза горели адским огнем.

— Питер!

Упершись ногами в стену, я резким движением оттолкнулся и выпал из окна, обретя таким образом желанную свободу. Мое приземление в заросли кустарника было вполне удачным. Оказавшись внизу, я со всех ног бросился прочь, подальше от этой обители зла. Я бежал наугад, не разбирая дороги, то вверх, то вниз, по холмам и оврагам, мимо пиний, упиравшихся своими макушками в безмятежно-звездное средиземноморское небо. Где-то далеко мелькали мирные огоньки укрытой чернотой южной ночи деревни.

Утром, оглядываясь на события минувшей ночи, я поражался тому счастливому стечению обстоятельств, которое позволило мне избежать гибели. Я не мог понять, как, упав с такой высоты и скатившись кубарем по обрывистому склону холма, я остался невредимым? Мне удалось пережить ту страшную ночь, удалось улизнуть от Эдриен!

Окончательно придя в себя только на закате дня, я ощупал свои синяки, ссадины и массивную шишку на лбу. Мой путь в гостиницу был непрост. Кое-как доковыляв до места, я забаррикадировался в номере и просидел так, тихо страдая, до глубокой ночи, до самого времени моего отъезда.

Слабак? Может быть…

Лишь по дороге в Геную, в компании окружавших меня попутчиков, я, сидя у окна и пригревшись на солнышке, вновь обрел способность здраво мыслить. Я закатал рукава рубашки и внимательно осмотрел след клешнеобразной пятерни, который оставила ведьма. Ее ногти так глубоко вонзились в мою кожу, что я опасался, как бы на их месте не остались

шрамы. Глядя на пострадавшую руку, я вновь вспомнил о том шкафе, а именно о его содержимом. О человеке, точнее, о немногом, что еще оставалось от него и было похоже на высушенную мумию. Однако эта мумия с руками-соломинками и головой, уменьшившейся до размеров детской, все еще дышала. Дыхание было совсем слабым, голова свешивалась на грудь, касаясь ее подбородком. Но самым ужасным было то, что он висел, прикрепленный огромной прищепкой к перекладине в шкафу. Прищепка с бульдожьей яростью впивалась в собранные в складки излишки кожи на его голове. Его тонюсенькие ноги беспомощно болтались в воздухе. Мне не забыть его глаз, все еще молящих о пощаде.

Но речь в данном случае не о глазах…

А что касается зеленого цвета, то отныне я его просто ненавижу.

Рэй Брэдбери

Рэй Дуглас Брэдбериродился в 1920 году в Уокигане, штат Иллинойс. Еще мальчиком он переехал с родителями в Калифорнию, где окончил лос-анджелесскую среднюю школу и, не имея средств на учебу в университете, начал трудовую жизнь продавцом газет. В 1941 году его рассказ напечатал палп-журнал «Супер сайнс сториз», а в следующем году Брэдбери решает полностью посвятить себя литературе. Его первой книгой стал сборник «Темный карнавал» (1947). За последующие десятилетия он написал более шестисот рассказов и выпустил в свет 60 книг, включая ставшие классикой современной литературы «Марсианские хроники» (1950), «Человек в картинках» (1951), «451° по Фаренгейту» (1953), «Октябрьская страна» (1955), «Вино из одуванчиков» (1957) и «Электрическое тело пою!» (1969).

Многие его сочинения были адаптированы для телевидения, в частности 65 рассказов, составивших цикл «Театр Рэя Брэдбери», и «Марсианские хроники», в 1980 году превращенные в мини-сериал с участием Рока Хадсона. Среди художественных фильмов, снятых по его романам, — «Пришелец из космоса» (1953), «Чудовище с глубины 200 000 морских саженей» (1953), «Человек в картинках» (1969) и превосходный «451° по Фаренгейту» (1966) с Оскаром Вернером и Джулией Кристи в главных ролях. Брэдбери удостоен многочисленных наград, в том числе специального упоминания Пулитцеровского комитета, звезды на Голливудской аллее славы, Премии Брэма Стокера, Всемирной премии фэнтези и премии Американской ассоциации писателей-фантастов за вклад в литературу, а также медали Национального книжного фонда за выдающийся вклад в американскую литературу.

Рассказ «Постоялец со второго этажа» был впервые опубликован в «Харперс мэгэзин» в марте 1947 года.

Постоялец со второго этажа (© Перевод Т. Ждановой.)

Он помнил, как заботливо и со знанием дела бабушка поглаживала холодное разрезанное брюхо цыпленка и вынимала оттуда диковины: влажные блестящие петли кишок, пахнущие мясом, мускулистый комок сердца, желудок с зернышками внутри. Как аккуратно и нежно бабушка вспарывала цыпленка и засовывала внутрь пухлую маленькую ручку, чтобы лишить цыпленка его регалий. Потом все это разделялось, одно попадало в

кастрюлю с водой, другое в бумагу — то, что пойдет на корм собакам. А затем ритуальная таксидермия: набивка птицы пропитанным водой и приправами хлебом и хирургическая операция, производимая быстрой сверкающей иглой, стежок за стежком.

За одиннадцать лет жизни Дугласа это зрелище было одним из самых захватывающих.

Всего он насчитал двенадцать ножей в скрипучих ящиках магического кухонного стола, откуда бабушка, седовласая старая колдунья с добрым, мягким лицом, вынимала атрибуты для совершения таинства.

Дугласу разрешалось стоять, уткнув веснушчатый нос в край стола, и смотреть, но он обязан был молчать — пустая мальчишеская болтовня могла нарушить чары. Свершалось чудо, когда бабушка размахивала над птицей баночками для приправ, обильно посыпая ее, как подозревал Дуглас, прахом мумий и порошком из костей индейцев, при этом бормоча беззубым ртом таинственные вирши.

— Бабушка, — сказал наконец Дуглас, нарушив тишину, — я такой же внутри? — Он показал на цыпленка.

— Да, — сказала бабушка. — Чуточку аккуратнее и презентабельнее, но такой же…

— И гораздо больше, — добавил Дуглас, гордясь своими кишками.

— Да, — сказала бабушка. — Гораздо больше.

— А у дедушки их даже больше, чем у меня. Вон у него какой живот — он может класть туда свои локти!

Бабушка засмеялась и покачала головой.

Дуглас сказал:

— И Люси Уильямс, которая живет в конце улицы, она…

— Помолчи, детка! — закричала бабушка.

— Но у нее…

— Тебя не касается, что у нее! Это совсем другое дело.

— А почему у нее по-другому?

— Вот прилетит игла-стрекоза и прострочит тебе рот, — строго сказала бабушка.

Дуглас помолчал, потом спросил:

— Откуда ты знаешь, что я внутри такой же, бабушка?

— Ступай отсюда!

Зазвенел дверной колокольчик.

Выбежав в холл, Дуглас через стекло входной двери увидел соломенную шляпу. Колокольчик все бренчал. Дуглас открыл дверь.

— Доброе утро, деточка. Хозяйка дома?

Холодные серые глаза на длинном, гладком, цвета ореховой скорлупы лице смотрели на Дугласа. Человек был высоким, худым, в руках у него были чемодан и портфель, а под мышкой зонтик, на тонких пальцах дорогие толстые серые перчатки и на голове совершенно новая соломенная шляпа.

Дуглас отступил.

— Она занята.

— Я хотел бы снять комнату наверху, по объявлению.

— У нас десять постояльцев, и все занято, уходите!

— Дуглас! — неожиданно возникла сзади бабушка. — Здравствуйте, — сказала она незнакомцу. — Не обращайте внимания на ребенка.

Не улыбаясь, человек чопорно ступил внутрь. Дуглас следил, как они поднялись вверх по лестнице, услышал, как бабушка перечисляла удобства верхней комнаты. Вскоре она поспешила вниз, чтобы нагрузить Дугласа постельным бельем из комода и послать его бегом наверх.

Дуглас остановился у порога. Комната странно изменилась, и только потому, что в ней находился незнакомец. Соломенная шляпа, хрупкая и кошмарная, лежала на кровати, вдоль стены вытянулся застывший зонтик, похожий на дохлую летучую мышь со сложенными темными мокрыми крыльями.

Дуглас моргнул при виде зонтика.

Незнакомец стоял посредине комнаты, высокий-высокий.

— Вот. — Дуглас швырнул на кровать белье. — Мы обедаем ровно в полдень, и, если вы опоздаете, суп остынет. Бабушка так постановила, и так будет каждый раз!

Высокий странный человек отсчитал десять новых оловянных пенсов, и они зазвенели в кармане рубашки Дугласа.

— Мы станем друзьями, — сказал он мрачно.

Смешно, но у этого человека были лишь пенсовики. Много. Ни серебра, ни десятицентовиков, ни двадцатипятипенсовиков. Лишь новые оловянные пенни.

Дуглас угрюмо поблагодарил его.

— Я брошу их в копилку, когда поменяю на десятицентовики. У меня шесть долларов пятьдесят центов в десятицентовиках, которые я коплю для августовского путешествия.

— Теперь я должен умыться, — сказал высокий странный человек.

Как-то в полночь Дуглас проснулся от грохота грозы — холодный

сильный ветер сотрясал дом, дождь бежал по окну. А потом за окном с глухим ужасающим треском приземлилась молния. Он вспомнил, как жутко было тогда смотреть на комнату, такую необычную и страшную при мгновенной вспышке.

Так было и теперь, в этой комнате. Он стоял, глядя на незнакомца. А комната была уже не та, она изменилась, потому что этот человек мгновенно, подобно молнии, преобразил ее своим отсветом.

Дуглас медленно отступил, когда незнакомец шагнул вперед.

Дверь захлопнулась перед носом Дугласа.

Деревянная вилка с картофельным пюре поднялась вверх и вернулась обратно пустой. Мистер Коберман — так его звали — принес с собой деревянную вилку и деревянный нож, когда бабушка позвала его обедать.

— Миссис Сполдинг, — тихо сказал он, — это мой собственный столовый прибор, пожалуйста, подавайте его. Сегодня я пообедаю, но с завтрашнего дня я буду только завтракать и ужинать.

Бабушка сновала то туда, то сюда, внося то супницу с дымящимся супом, то бобы, то картофельное пюре, дабы поразить нового постояльца, а Дуглас сидел и постукивал серебряной вилкой по тарелке, так как заметил, что это раздражает мистера Кобермана.

— А я фокус знаю, — сказал Дуглас. — Смотрите.

Он нащупал ногтем зубец вилки. Он тыкал пальцем в различные места на столе, словно волшебник. В том месте, на которое он указывал, раздавался, словно металлический волшебный голос, звук дрожащего зубца вилки. Делалось это, конечно, просто. Он тайком прижимал ручку вилки к столу. Дерево вибрировало, казалось, будто звучит доска. Словно совершалось колдовство.

— Там, там и там! — воскликнул счастливо Дуглас, вновь дергая вилку.

Он указал на суп мистера Кобермана, и звук раздался оттуда.

Орехового цвета лицо мистера Кобермана стало твердым, решительным и ужасным. Он в ярости отодвинул чашку с супом, губы у него дрожали. Он откинулся на стуле.

Появилась бабушка:

— Что случилось, мистер Коберман?

— Я не могу есть этот суп.

— Почему?

— Потому что я сыт и не в состоянии больше есть. Благодарю.

Мистер Коберман покинул комнату, сверкая глазами.

— Что ты тут устроил? — резко спросила бабушка Дугласа.

— Ничего. Бабушка, почему он ест деревянными приборами?

— Не твое дело! Кстати, когда тебе в школу?

— Через семь недель.

— О господи, — сказала бабушка.

Мистер Коберман работал по ночам. Каждое утро в восемь часов он таинственно возвращался домой, проглатывал крошечный завтрак, а затем беззвучно спал в своей комнате весь сонный жаркий день до вечера, потом плотно ужинал в компании остальных жильцов.

Из-за ритуала сна мистера Кобермана Дуглас обязан был вести себя тихо. Это было невыносимо. Поэтому, когда бабушка уходила в магазин, Дуглас громко топал на лестнице, стуча в барабан, колотя о пол мячиком, или просто орал минуты три перед дверью мистера Кобермана, или же семь раз подряд сливал воду в туалете.

Мистер Коберман не реагировал. В его комнате было тихо и темно. Он не жаловался. Ни звука не раздавалось оттуда. Он спал и спал. Это было непонятно.

Дуглас чувствовал, как где-то внутри его разгорается чистое белое пламя ненависти. Теперь эта комната превратилась в Страну Кобермана. Некогда она ярко сияла, когда там жила мисс Садлоу. Теперь она стала застывшей, обнаженной, холодной, чистой, все на своих местах, чужое и хрупкое.

На четвертое утро Дуглас поднялся наверх.

На полпути ко второму этажу находилось большое, полное солнца окно, состоящее из шестидюймовых кусков оранжевого, пурпурного, синего, красного и цвета бургундского вина стекла. Чарующими ранними утрами, когда солнечный луч падал сквозь него на лестничную площадку и скользил по перилам, Дуглас стоял у этого окна завороженный, разглядывая мир сквозь разноцветные стекла.

Вот синий мир, синее небо, синие люди, синие автомобили и синие семенящие собаки.

Он передвинулся к другому стеклу. Вот янтарный мир! Две лимонного цвета женщины вышагивали рядом, словно дочери Фу Манджу! Дуглас хихикнул. Сквозь это стекло даже солнце становилось более золотистым.

Было восемь часов. Внизу по тротуару брел мистер Коберман, возвращаясь с ночной работы; трость торчала из-под локтя, к голове приклеилась запатентованным маслом соломенная шляпа.

Дуглас приник к другому стеклу. Мистер Коберман — красный человек, в красном мире с красными деревьями и красными цветами и… чем-то еще.

Что-то с мистером Коберманом.

Дуглас скосил глаза.

Красное стекло что-то выделывало с мистером Коберманом. С его лицом, одеждой, руками. Одежда, казалось, тает. В одно ужасное мгновение Дуглас почти поверил, что он может смотреть внутрь мистера Кобермана. И то, что он увидел, заставило его сильнее прильнуть к крошечному красному стеклышку, моргая от удивления.

Мистер Коберман взглянул вверх, увидел Дугласа и замахнулся своей тростью-зонтиком словно для удара. Он быстро побежал по красной лужайке к входной двери.

— Молодой человек! — закричал он, взбежав вверх по лестнице. — Чем вы занимаетесь?

— Просто смотрю, — ошеломленно сказал Дуглас.

— И все? — крикнул мистер Коберман.

— Да, сэр. Я наблюдаю сквозь стекла. Всевозможные миры. Синие, красные, желтые. Все разные.

— Всевозможные миры, вот что! — Мистер Коберман взглянул на стекла, лицо его было бледным. Он взял себя в руки. Вытер лицо носовым платком, силясь улыбнуться. — Да. Всевозможные миры. Разные. — Он подошел к двери комнаты. — Иди играй, — сказал он.

Дверь закрылась. В коридоре стало пусто. Мистер Коберман удалился.

Дуглас пожал плечами и приник к новому стеклу.

— Ах, все фиолетовое!

Где-то через полчаса, играя в песочнице за домом, Дуглас услышал грохот и оглушительный звон. Он подскочил.

Минуту спустя на заднем крыльце появилась бабушка. В ее руках дрожал старый ремень для правки бритв.

— Дуглас! Сколько раз я тебе говорила: не играй в мяч возле дома .

— А я здесь сидел! — запротестовал он.

— Иди посмотри, что ты наделал, противный мальчишка!

Большие куски оконного стекла, разбитые, радужным хаосом покрывали верхнюю площадку. Его мяч валялся среди осколков.

Прежде чем Дуглас успел сообщить о своей невиновности, на его спину обрушилась дюжина жгучих ударов. Как он ни пытался увернуться, ремень снова находил его.

Позже, спрятавшись в песок, словно устрица, Дуглас лелеял свою ужасную боль. Он знал, кто кинул этот мяч. Человек с соломенной шляпой и застывшим зонтиком и холодной, серой комнатой. Да, да, да. У него текли

слезы. Ну погоди! Ну погоди!

Он слышал, как бабушка вымела разбитое стекло. Она вынесла его на улицу и выбросила в мусорный ящик. Синие, розовые, желтые метеориты стекла сыпались, сверкая, вниз.

Когда она ушла, Дуглас, скуля, потащился спасать три куска необычного стекла. Мистеру Коберману не нравятся цветные стекла. Значит — он позвенел ими в руках, — стоит их сохранить.

Каждый вечер дедушка возвращался из своей редакции газеты в пять часов, чуть раньше остальных жильцов. Когда в коридоре звучала медленная, тяжелая поступь и громко стучала толстая, красного дерева трость, Дуглас бежал, чтобы прижаться к большому животу и посидеть на дедушкином колене, пока тот читал вечернюю газету.

— Привет, дед!

— Привет, там внизу!

— Бабушка сегодня опять потрошила цыплят. Так интересно смотреть! — сказал Дуглас.

Дедушка ответил, не отрываясь от газеты:

— Цыплята уже во второй раз на этой неделе. Она цыплячья женщина. Тебе нравится смотреть, как она их потрошит? Хладнокровие с чуточкой перца! Ха!

— Просто я любопытный.

— Ты-то! — прогромыхал хмуро дедушка. — Помнишь тот день, когда погибла девушка на вокзале? Ты просто подошел и смотрел на кровь и все остальное. — Он засмеялся. — Чудак. Оставайся таким же. И не бойся ничего, никогда ничего не бойся. Я думаю, ты унаследовал это от своего отца, ведь он военный, а ты был очень близок ему, пока не переехал сюда в прошлом году. — Дед вернулся к своей газете.

Долгая пауза.

— Дед?

— Да?

— Вот если есть человек без сердца, легких или желудка, а он все равно ходит, живой?

— Это, — прогромыхал дед, — было бы чудом.

— Я не имею в виду… чудо. Я имею в виду, что если он совсем другой внутри. Не как я.

— Тогда бы он был не совсем человек, ведь так, мальчик?

— Наверное, дед. Дедушка, а у тебя есть сердце и легкие?

Дед фыркнул:

— По правде говоря, я не знаю. Никогда их не видел. Никогда не делал

рентген, никогда не ходил к врачу. Может быть, там сплошная картошка, а что там еще — я не знаю.

— А у меня есть желудок?

— Конечно есть! — закричала бабушка, появляясь в дверях комнаты. — Я же кормлю его! И легкие у тебя есть, ты так громко орешь, что мертвых разбудишь. У тебя грязные руки, иди и вымой их! Ужин готов. Дед, пошли. Дуглас, шагай!

Если дед и намеревался продолжить с Дугласом таинственный разговор, то поток жильцов, спешащих вниз, лишил его этой возможности. Если ужин задержится еще, бабушка и картофель разгневаются одновременно.

Постояльцы смеялись и болтали за столом, мистер Коберман сидел с мрачным видом. Все затихли, когда дедушка прочистил горло. Несколько минут он рассуждал о политике, а потом перешел к интригующей теме о недавних загадочных смертях в городе.

— Этого достаточно, чтобы старый газетчик навострил уши, — сказал он, разглядывая их. — На этот раз юная мисс Ларссон, которая жила за оврагом. Найдена мертвой три дня назад, без видимых причин, вся покрытая необычной татуировкой и с таким странным выражением лица, что и Данте бы содрогнулся. И другая девушка, как ее звали? Уайтли? Она ушла и больше не вернулась.

— Ага, так оно всегда и бывает, — сказал, жуя, мистер Бритц, механик гаража. — Видели когда-нибудь списки в Агентстве по поиску пропавших? Такие длинные, — пояснил он. — И неизвестно, что случилось с большинством из них.

— Кому еще гарнир?

Бабушка раскладывала на равные части цыплячье нутро. Дуглас наблюдал, размышляя о том, что у цыпленка два вида внутренностей: созданные Богом и созданные человеком.

А как насчет трех видов внутренностей?

А?

Почему бы и нет?

Разговор продолжался о таинственных смертях тех-то и тех-то, и, ах да, помните, неделю назад Марион Варсумиан умерла от сердечного приступа, а может, это не связано? Или связано? Вы с ума сошли! Прекратите, почему нужно говорить об этом за ужином? Так.

— Никогда не узнаешь, — сказал мистер Бритц. — Может, у нас в городе вампир?

Мистер Коберман перестал есть.

— В тысяча девятьсот двадцать седьмом году? — сказала бабушка. — Вампир? Продолжайте.

— Ну да, — сказал мистер Бритц. — Их убивают серебряными пулями. Или еще чем-нибудь серебряным. Вампиры ненавидят серебро. Я когда-то где-то читал. Точно.

Дуглас взглянул на мистера Кобермана, который ел деревянными ножом и вилкой и носил в кармане только новые оловянные пенни.

— Глупо рассуждать о том, чего не понимаешь, — сказал дедушка. — Мы не знаем, что собой представляют хобгоблин, вампир или тролль. Это может быть все, что угодно. Нельзя распределить их по категориям, и увешать ярлыками, и говорить, что они ведут себя так или эдак. Это глупо. Они люди. Люди, которые совершают поступки. Да, именно так: люди, которые совершают поступки.

— Простите, — сказал мистер Коберман, встав из-за стола и отправившись на свою ночную работу.

Звезды, луна, ветер, тиканье часов, звон будильника на рассвете, восход солнца, и снова утро, и снова день, и мистер Коберман шагает по тротуару со своей ночной работы. Подобно крошечному заведенному механизму с внимательными глазами-микроскопами, Дуглас следил.

В полдень бабушка ушла в бакалейную лавку.

Дуглас, как всегда, начал орать перед дверью мистера Кобермана. Как обычно, ответа не последовало. Тишина была ужасающей.

Он сбегал вниз, взял ключ, серебряную вилку и три куска цветного стекла, которые он спас. Он вставил ключ в скважину и медленно отворил дверь.

В комнате стоял полумрак, занавески опущены. Мистер Коберман в пижаме лежал поверх постельного белья, грудь его вздымалась. Он не шевелился. Лицо было неподвижно.

— Привет, мистер Коберман!

Бесцветные стены отражали равномерное дыхание человека.

— Мистер Коберман, привет!

Дуглас пошел в атаку, начав стучать в мяч. Он завопил. Нет ответа.

— Мистер Коберман! — Дуглас ткнул серебряной вилкой в лицо человека.

Мистер Коберман вздрогнул. Он скорчился. Он громко простонал.

Реакция. Хорошо. Блестяще.

Дуглас вынул из кармана кусок синего стекла. Глядя сквозь синее

стекло, он очутился в синей комнате, в синем мире, не похожем на мир, который он знал. Такой же непохожий, как и красный мир. Синяя мебель, синяя кровать, синие потолок и стены, синяя деревянная посуда на синем бюро, и синее мрачное лицо мистера Кобермана, и руки, и синяя вздымающаяся, опадающая грудь. Еще…

Широко раскрытые глаза мистера Кобермана буравили его голодным, темным взглядом.

Дуглас отпрянул и отвел от глаз синее стекло.

Глаза мистера Кобермана были закрыты.

Снова синее стекло — открыты. Синее стекло прочь — закрыты. Снова синее — открыты. Прочь — закрыты. Странно. Дрожа от возбуждения, Дуглас ставил опыт. Синее стекло — глаза, казалось, пялились голодным, алчным взглядом сквозь сомкнутые веки. Без синего стекла казалось, что они крепко сжаты.

Но тело мистера Кобермана.

Пижама на мистере Кобермане растаяла. Так на нее подействовало синее стекло. А может, она растаяла потому, что была на мистере Кобермане. Дуглас вскрикнул.

Он глядел сквозь живот мистера Кобермана прямо внутрь.

Мистер Коберман был геометричен.

Или что-то вроде этого.

Внутри его виднелись необычные фигуры странных очертаний.

Минут пять пораженный Дуглас размышлял о синих мирах, красных мирах, желтых мирах, сосуществующих подобно кускам стекла большого окна на лестнице. Одно за другим, цветные стекла, всевозможные миры; мистер Коберман сам так сказал.

Так вот почему разноцветное окно было разбито.

— Мистер Коберман, проснитесь!

Нет ответа.

— Мистер Коберман, где вы работаете по ночам? Мистер Коберман, где вы работаете?

Легкий ветерок шевельнул синюю оконную занавеску.

— В красном мире или зеленом, а может, в желтом, мистер Коберман?

Над всем царила синяя стеклянная тишина.

— Подождите-ка, — сказал Дуглас.

Он спустился вниз на кухню, раскрыл большой скрипучий ящик и вынул самый острый, самый длинный нож.

Тихонечко он вышел в коридор, снова взобрался по лестнице вверх, открыл дверь в комнату мистера Кобермана, вошел и закрыл ее, держа в

руке острый нож.

Бабушка была занята проверкой корочки пирога в печке, когда Дуглас вошел в кухню и положил что-то на стол.

— Бабушка, это что?

Она мельком взглянула поверх очков:

— Не знаю.

Это что-то было квадратным, как коробка, и эластичным. Это было ярко-оранжевым. К нему были присоединены четыре квадратные трубки синего цвета. Оно странно пахло.

— Ты когда-нибудь видела такое, бабушка?

— Нет.

— Так я и думал.

Дуглас оставил это на столе и вышел из кухни. Через пять минут он вернулся с чем-то еще.

— А это?

Он положил ярко-розовую цепочку с пурпурным треугольником на конце.

— Не мешай мне, — сказала бабушка. — Это цепочка.

В следующий раз у него были заняты обе руки. Кольцо, квадрат, треугольник, пирамида, прямоугольник и… другие фигуры. Все они были эластичные, упругие и, казалось, сделаны из желатина.

— Это не все, — сказал Дуглас, кладя их на стол. — Там их еще много.

Бабушка сказала:

— Да-да, — далеким, очень занятым голосом.

— Ты ошибаешься, бабушка.

— В чем?

— В том, что люди одинаковые внутри.

— Не болтай ерунды.

— Где моя свинья-копилка?

— На камине, где ты ее бросил.

— Спасибо.

Он протопал в общую комнату за свиньей-копилкой.

В пять часов из конторы пришел дедушка.

— Дед, пошли наверх.

— Ага. Зачем?

— Я хочу тебе кое-что показать. Оно некрасивое, но интересное.

Дедушка с кряхтеньем последовал за внуком наверх в комнату мистера Кобермана.

— Бабушке не стоит говорить: ей не понравится, — сказал Дуглас. Он

широко распахнул дверь. — Вот.

Дедушка замер.

Последние несколько часов Дуглас запомнил на всю жизнь. Следователь со своими помощниками стоял у обнаженного тела мистера Кобермана. Бабушка внизу около лестницы спрашивала кого-то:

— Что там происходит?

И дедушка дрожащим голосом говорил:

— Я увезу Дугласа надолго, чтобы он позабыл этот кошмар. Кошмар, кошмар!

Дуглас сказал:

— Что тут плохого? Ничего плохого я не видел. Мне не плохо.

Следователь вздрогнул и сказал:

— Коберман мертв.

Его помощник вытер пот.

— Видел эти штуки в банках и в бумаге?

— Боже мой, боже мой, да, видел.

— Господи Иисусе Христе.

Следователь снова склонился над телом мистера Кобермана.

— Лучше держать все в секрете, ребята. Это не убийство. То, что совершил мальчик, — это милосердие. Бог знает что бы произошло, если бы он этого не сделал.

— Так кто же Коберман? Вампир? Чудовище?

— Вероятно. Не знаю. Что-то… не человек. — Следователь ловко провел руками вдоль шва.

Дуглас гордился своей работой. Ему пришлось повозиться. Он внимательно следил за бабушкой и все запомнил. Иголку, нитку и все остальное. В целом мистер Коберман был аккуратно зашит, как любой цыпленок, когда-либо засунутый бабушкой в пекло.

— Я слышал, как мальчик говорил, будто Коберман жил даже после того, как эти штуки были вынуты из него. — Следователь смотрел на треугольники, цепи, пирамиды, плавающие в банке с водой. — Продолжал жить, Господи.

— Мальчик это сказал?

— Сказал.

— Так что же тогда убило Кобермана?

Следователь вытянул несколько ниток из шва.

— Это… — сказал он.

Солнце холодно блеснуло на наполовину приоткрытом кладе: шесть

долларов и семьдесят центов серебром в животе у мистера Кобермана.

— Я думаю, что Дуглас сделал мудрое помещение капитала, — сказал следователь, быстро сшивая плоть над «сокровищем».

Мэнли Уэйд Уэллман

В 1955 году **Мэнли Уэйд Уэллман**переехал в Северную Каролину и провел там остаток жизни, став специалистом по музыке горцев, Гражданской войне и истории Старого Юга и написав ряд книг на эти темы. Среди них — «Мертвые и пропавшие: Классические преступления Северной Каролины» (1955), удостоенная премии Эдгара Аллана По как лучший документальный детектив, «Они заняли свое место: Основатели Конфедерации» (1959) и «Песенник восставших: Песни, которые пели конфедераты» (1959). Уэллман также написал 14 детских книг.

За рассказ «Звезда для воина» Уэллман в 1946 году был удостоен ежегодной премии журнала «Эллери Куинс мистери мэгэзин» в номинации «Лучший рассказ»; претендовавший на эту же награду Уильям Фолкнер написал гневное письмо протеста. Среди других наград Уэллмана — премии за вклад в литературу от Всемирного общества авторов фэнтези (1980) и Британского общества авторов фэнтези (1986), а также Всемирная премия фэнтези в номинации «Лучший сборник» за «Худшее еще впереди» (1975).

Несколько рассказов Уэллмана были адаптированы для телевидения, в том числе «Долина была тиха» (для одного из эпизодов «Сумеречной зоны», 1961) и «Дьявол не шутит» (для «Ночной галереи», 1971). По его сценариям сняты два эпизода сериала «Огни погашены» — «Злоумышленники» (1951) и «Школа невыразимого» (1952).

Рассказ «Честель» впервые был напечатан в антологии «Лучшие рассказы ужасов за год. Серия 7» под редакцией Джеральда У. Пейджа (Нью-Йорк, 1979).

Честель (© Перевод Д. Кальницкой.)

— Ну почему вы никак не хотите оставить графа Дракулу покоиться с миром? — с ухмылкой на широком лице вопрошал Ли Коббет.

Их было пятеро, они собрались в гостиной номера судьи Кейта Хилари Персиванта на Централ-Парк-Вест. Сам судья восседал в кресле с бокалом вина в крупной старческой руке. Сегодня он отмечал свой восемьдесят седьмой день рождения, но его голубые глаза оставались все такими же ясными и пронзительными, на массивном лице играл румянец, лишь по-прежнему густые шевелюра и усы из некогда рыжевато-коричневых

сделались снежно-белыми. В своем сшитом на заказ костюме Персивант все еще выглядел мощным и широкоплечим.

Коренастый Ли Коббет был одет в пиджак и брюки, почти такие же коричневые, как и его лицо, рядом с ним сидела Лорел Парчер, миниатюрная юная девушка с рыжевато-каштановыми волосами. Помимо них в комнате присутствовали щеголеватый Фил Драмм, продюсер летнего театра, и Изабель Аррингтон из телеграфной службы новостей. Одетая в дорогой костюм блондинка Изабель курила темную сигарету с белым мундштуком, а ее перо не останавливалось ни на минуту.

— Дракула жив, так же как и Шерлок Холмс, — не сдавался Драмм. — Все эти вновь появляющиеся пьесы, фильмы…

— Вашему мюзиклу в любом случае придется воскрешать умершего, — прокомментировал Коббет, отпивая из своего стакана. — И каков коронный номер, Фил? «Час чеснока»? «Кровь, кровь, аллилуйя»?

— Ли, где твое христианское милосердие? — вступился за Драмма Персивант. — Как-никак, мисс Аррингтон пришла сюда, чтобы взять у меня интервью. Налейте даме вина и дайте мне наконец ответить на ее вопросы.

— Замечания мистера Коббета тоже весьма интересны, — произнесла Изабель своим тягучим грудным голосом. — Он известный специалист в области сверхъестественного.

— Возможно, — признал Коббет. — И у мисс Парчер тоже есть определенный опыт. Но настоящий специалист здесь судья Персивант, он автор «Вампирикона».

— Я читала издание в мягкой обложке, — сказала Аррингтон. — Фил, там упоминаются различные коннектикутские легенды, касающиеся вампиров. Вы ставите в этой местности свое шоу. Еще раз — как называется тот город?

— Деслоу, — ответил продюсер. — Сейчас мы как раз превращаем в театр один прекрасный каменный амбар. Я пригласил Ли и мисс Парчер посмотреть.

Журналистка взглянула на Драмма:

— Деслоу — это курорт?

— Пока нет, но, возможно, шоу привлечет туда туристов. В Деслоу, во всяком случае до нынешнего дня, в почете всегда были мир и спокойствие. Стоит вам только чихнуть — все тут же решат, что происходит ограбление банка.

— Деслоу расположен неподалеку от Джеветт-Сити, — резюмировал Персивант. — Около полутора веков назад там обитали вампиры. Точнее

говоря, семейство Рэй. А к востоку, в Род-Айленде, последние несколько лет можно встретить весьма яркие образцы фольклора, связанные с этой темой.

— Оставим Род-Айленд подражателям Говарда Лавкрафта, — предложил Коббет. — Как называется ваше шоу, Фил?

— «Земля за лесом», — отозвался Драмм. — Сейчас мы отбираем актеров. В эпизодических ролях заняты местные. Но на роль графини Дракулы у нас есть Гонда Честель.

— А я и не знала, что у Дракулы была графиня, — удивилась Лорел Парчер.

— Я помню театральную звезду по имени Честель, она блистала давным-давно, во времена моей молодости, — откликнулся Персивант. — Только одно это имя — Честель.

— Гонда — ее дочь, она переехала в Деслоу где-то около года назад, — сообщил Драмм. — Там похоронена ее мать. Гонда вложила некоторые средства в наше представление.

— Именно поэтому она получила роль? — поинтересовалась Изабель.

— Она получила роль за талант и красоту, — довольно сердито ответил продюсер. — Старики говорят: она точная копия своей матери. А вот и доказательства.

Он протянул Аррингтон два глянцевых снимка.

— Очень мило, — промурлыкала журналистка и передала их мисс Парчер.

Коббет наклонился посмотреть.

Первая фотография явно была копией, сделанной с более старого фото. На ней можно было разглядеть исполненную внутреннего величия женщину в изящно отделанном туалете, с диадемой поверх волны густых черных волос. На другом снимке красовалась еще одна дама — в современном вечернем платье и с локонами, уложенными в модную прическу. Поразительное сходство бросалось в глаза.

— Ах, она очаровательна, — сказала Лорел. — Правда, Ли?

— Действительно, — согласился Драмм.

— Великолепно, — подтвердил Коббет, протягивая фотографии Персиванту, который уставился на них с мрачным видом.

— Честель оказалась в Ричмонде сразу после Первой мировой, — медленно проговорил судья. — Великолепная леди Макбет. Я был в нее влюблен. Да все были в нее влюблены.

— Вы сказали ей о своих чувствах? — спросила Лорел.

— Да. Мы дважды ужинали вместе. Потом она отправилась на

гастроли, а я уехал в Англию учиться, в Оксфорд, и больше мы не встречались. Наверное, именно из-за этой женщины я так никогда и не женился.

На минуту воцарилось молчание.

— «Земля за лесом», — повторила Лорел. — По-моему, была книга с таким названием?

— Действительно, дитя мое, была, — кивнул судья. — Автор — Эмили де Лазовска Джерард. Там рассказывается о Трансильвании — родине Дракулы.

— Именно поэтому мы использовали это название — «Земля за лесом», ведь так переводится слово «Трансильвания», — вставил Драмм. — В этом нет ничего страшного, книга не охраняется авторским правом. Хотя я удивлен, что кто-то о ней слышал.

— Я сохраню ваш маленький секрет, Фил, — пообещала Аррингтон. — А что это у вас в окне, судья?

Персивант повернулся, чтобы посмотреть:

— Что бы то ни было, это не Питер Пэн.

Коббет вскочил и подбежал к наполовину занавешенному окну. В воздухе июньской ночи парил силуэт — голова и плечи. Ли едва успел разглядеть черты лица, полный рот, яркие глаза, как все тут же исчезло. Он поднял оконную раму и выглянул наружу. Лорел поспешила к нему.

Ничего. Четырнадцатью этажами ниже шумела улица. В отдалении проплывали огоньки машин. Под окном — лишь стена, ряды тусклого кирпича и оконные ниши: справа и слева, снизу и сверху. Коббет, держась руками за подоконник, осмотрел кладку.

— Осторожнее, Ли, — умоляющим голосом попросила Лорел.

Коббет вернулся к остальным, столпившимся у окна.

— Никого там нет, — сказал он ровным голосом. — Да никого и не могло быть. Просто стена — зацепиться не за что. Даже на этом подоконнике устоять — и то трудно.

— Но я что-то видела, и судья Персивант тоже, — проговорила Аррингтон, дрожащими пальцами сжимая сигарету.

— Я тоже видел, — подтвердил Ли. — А ты, Лорел?

— Только лицо.

Изабель снова взяла себя в руки:

— Если это ваша шутка, Фил, то у вас хорошо получилось. Только не надейтесь, что я включу это в свою статью.

Драмм нервно покачал головой:

— Никаких шуток, клянусь.

— Ну не надо так со старыми друзьями, — усмехнувшись, проговорила журналистка. — Сначала фотографии, затем это, непонятно что, в окне. Я, конечно, использую снимки, но ничего не буду писать о странном призраке, явившемся на этот день рождения.

— Как насчет того, чтобы выпить? — предложил Персивант.

Он наполнил стаканы. Аррингтон задала еще несколько вопросов, записала ответы, а затем сказала, что ей пора. Фил поднялся, чтобы проводить ее.

— Так вы будете завтра в Деслоу, Ли? — поинтересовался он.

— Да, я и Лорел. Вы говорили, что там есть где остановиться.

— «Клен» — хороший мотель, — ответил продюсер. — Я уже забронировал для вас номера.

— Кстати, — неожиданно вмешался Персивант, — я бы тоже съездил, если для меня найдется местечко.

— Я посмотрю, что можно сделать, судья, — отозвался Драмм, и они вместе с Изабель ушли.

Коббет обратился к Персиванту:

— Не слишком ли это спонтанно? Вот так вдруг решиться поехать с нами?

— Я подумал о Честель, — мягко улыбнулся судья, — о паломничестве на ее могилу.

— Мы выезжаем где-то в девять часов завтра утром.

— Я буду готов к этому времени, Ли.

Коббет и Лорел попрощались и тоже ушли. Они спустились в свои комнаты, расположенные этажом ниже.

— Ты думаешь, Фил Драмм действительно подстроил для нас эту иллюзию? — спросил Коббет.

— Если да, то он использовал лицо той актрисы, Честель.

Ли проницательно посмотрел на девушку:

— Ты все видела.

— Мне показалось, что да; да и ты тоже.

На пороге ее номера они поцеловались на прощание и пожелали друг другу спокойной ночи.

На следующее утро, когда Коббет постучал, Персивант был уже готов. У судьи были с собой только один чемодан и толстая, покрытая коричневыми пятнами тросточка из ротанга, с полоской серебра чуть ниже резного набалдашника.

— Беру с собой лишь самые необходимые вещи; носки и прочее я смогу купить в Деслоу, если мы задержимся больше чем на пару дней, —

пояснил он. — Нет, не надо мне помогать, я вполне могу нести его сам.

Когда они добрались до гостиничного гаража, Лорел как раз укладывала вещи в багажник черного седана Коббета. Персивант отказался садиться на переднее сиденье, придержал дверь для мисс Парчер, а затем устроился сзади. Они выехали прямо в солнечное июньское утро.

Коббет вел машину на восток по шоссе № 95: миля за милей вдоль побережья Коннектикута, мимо заправочных станций, рынков, закусочных. Справа то и дело мелькал пролив Лонг-Айленд. Возле шлагбаумов Ли расплачивался четвертаками за проезд, и они ехали дальше.

— Нью-Рошель и Порт-Честер, — почти пропела Лорел, — Норуолк, Риджпорт, Стартфорд…

— Там в тысяча восемьсот пятьдесят первом году в доме министра появился дьявол, — вставил Персивант.

— Не названия, а сплошная поэзия, — откликнулась девушка.

— Такая же поэзия, как если бы ты читала вслух расписание поездов, — сказал Коббет. — Мы пропустили парочку действительно хороших имен: Мистик и Загривок Великана, а ведь они не очень далеко отстоят от нашего маршрута. И Грисволд — Серый Лес, — там, согласно книге судьи, родился Хорес Рэй.

— На карте Коннектикута больше нет Грисволда, — отозвался Персивант.

— Исчез? — поинтересовалась Лорел. — Может быть, он теперь появляется только в определенное время дня, например как раз перед закатом.

Она засмеялась, но судья оставался серьезным.

— Сейчас мы проедем мимо Нью-Хейвена, — сказал он. — Я учился здесь в Йельском университете семьдесят лет назад.

Они пересекли реку Коннектикут между Олд-Сайбруком и Олд-Лаймом, после Нью-Лондона повернули на север по государственному шоссе № 82 и неподалеку от Джеветт-Сити съехали на двухполосную дорогу, которая и привела их в Деслоу вскоре после полудня.

Среди вязов и цветочных клумб были разбросаны милые маленькие домики, обшитые вагонкой. На центральной улице красовались яркие магазины, а еще дальше возвышалась прочная старая церковь с колокольней. Коббет подъехал к дорожному знаку «Мотель „Клен“». Их взгляду предстала колоннада с бетонным полом и ряды коттеджей: белые фасады, выкрашенные синей краской двери и оконные рамы. Фил Драмм, стоя за конторкой в главном здании, беседовал с пышнотелой хозяйкой.

— Добро пожаловать, — поприветствовал он их. — Судья, я как раз

спрашивал миссис Симпсон о номере для вас.

— В дальнем домике, сэр, — ответила леди. — Хорошо было бы поселить вас рядом с вашими друзьями, но сюда понаехало столько всякого театрального народа.

— Я уже давным-давно научился радоваться любому пристанищу, — уверил ее судья.

Они проводили Лорел до дверей номера, занесли внутрь ее чемоданы и направились к самому дальнему коттеджу, отведенному для Персиванта. Затем Коббет вернулся к своим апартаментам (они с Лорел были соседями). Войдя в комнату, Ли достал из портфеля бутылку бурбона; Фил поспешил за льдом, и чуть позже к ним присоединился судья.

— Очень мило с вашей стороны так нас опекать, — сказал Коббет, глядя на Драмма поверх края стакана.

— О, я буду за это вознагражден, — уверил его тот. — Вы и мистер Персивант — выдающиеся эксперты в области фольклора, о вашем присутствии здесь напишут во всех газетах.

— Как бы то ни было, — продолжал Коббет, — предлагаю пообедать где-нибудь, как только Лорел приведет себя в порядок.

Пока они вчетвером поедали рыбу и яблочный пирог в маленьком ресторанчике, Драмм рассказывал о «Земле за лесом». На роль Дракулы он пригласил не очень знаменитого Каспера Меррика.

— У него прекрасный баритон, — объяснил продюсер, — сегодня днем он будет на репетиции.

— А Гонда Честель? — поинтересовался судья, намазывая булочку маслом.

— Она будет там вечером, — сообщил Фил счастливым голосом. — Днем репетируют массовка и хор. Я не только продюсер, но и режиссер.

Они закончили обед, и Драмм поднялся:

— Если вы не очень устали, пойдемте посмотрим наш театр.

До переоборудованного амбара было недалеко. Их взору предстало массивное здание с новенькой черепичной крышей и старинными стенами, сложенными из тяжелых серо-коричневых камней Новой Англии. Коббет предположил, что строение воздвигли в колониальные времена. Напротив в узкой боковой улочке возвышалась белая церковь с огороженным забором кладбищем.

— Довольно своеобразно. Это старый погост, — пояснил Драмм. — Теперь тут уже никого не закапывают, хоронят в основном на дальней стороне, но могила Честель именно здесь. Весьма живописная, надо заметить.

— Мне бы хотелось на нее взглянуть, — отозвался Персивант, опираясь на свою отделанную серебром трость.

Внутри амбара тянулись ряды складных стульев, их хватило бы на несколько сотен зрителей. В дальнем конце сцены в свете прожекторов сновали туда-сюда рабочие. Драмм поднялся на подмостки вместе со своими гостями.

Высоко под потолком изгибались леса, занавес темнел, словно широкое лезвие гильотины. Фил продемонстрировал друзьям холщовый задник, на котором были нарисованы мрачные крепостные стены. Персивант кивал и задавал вопросы.

— Здесь я не специалист и точно не знаю, на что похожа Трансильвания, — сказал он наконец, — но все это смотрится вполне достоверно.

Кто-то вышел к ним из-за кулис.

— Привет, Каспер, — поприветствовал подошедшего Драмм. — Позволь тебе представить: судья Персивант и Ли Коббет. И конечно, мисс Лорел Парчер.

Все раскланялись.

— Это мистер Каспер Меррик, наш граф Дракула.

Меррик был элегантным высоким мужчиной, привлекательным, с тщательно уложенными черными волосами. Стремительно склонившись над рукой Лорел, он распрямился и улыбнулся всем остальным.

— Я, само собой разумеется, знаю работы судьи Персиванта, — сказал он низким грудным голосом. — Я читаю все книги о вампирах, которые могу достать, ведь мне придется стать одним из них.

— Приготовились, сцена с иллюзией! — провозгласил помощник режиссера.

Коббет, Персивант и Лорел спустились по ступенькам и заняли места в зрительном зале. Вперед выступили восемь молодых людей и восемь девушек. Все они были одеты в летнюю одежду, явно позаимствованную из какого-нибудь местного самодеятельного театра. Кто-то взял аккорд на фортепиано, Драмм с важным видом махнул рукой, вступил хор. Меррик исполнил свою партию, спустившись с подмостков (хор присоединялся на припеве). Затем Фил заставил их повторить все сначала.

После этого последовала сцена с двумя комиками, которые с важным видом путали слова «вампир» и «ампир». Коббет нашел все это весьма утомительным. Извинившись перед своими спутниками, он вышел из театра и, перейдя улицу, очутился на старинном, заросшем деревьями погосте.

На могильных камнях можно было прочитать весьма любопытные эпитафии: не только обычное «О странник, здесь остановись / И я когда-то был как ты» и «Земной бутон, цвети в раю», но и несколько более оригинальных. Одна из надписей оплакивала некоего моряка, который бесследно сгинул в пучине и, следовательно, едва ли мог здесь лежать. На другом камне под изображением лица на фоне крыльев летучей мыши красовалось: «Смерть оплачивает все долги» и дата — 1907. Коббет решил, что все это имеет непосредственное отношение к тогдашней финансовой панике.

Ближе к центру кладбища под поникшей ивой темнело похожее на сарай строение из тяжелых гранитных глыб. Ли приблизился к двери: на тяжелой металлической решетке висел ржавый замок размером с банку сардин. На притолоке можно было различить высеченную в камне надпись: «Честель».

Значит, именно здесь была похоронена прекрасная актриса, о которой у Персиванта сохранились столь романтичные воспоминания. Коббет внимательно всмотрелся сквозь прутья решетки.

Внутри было темно и пыльно. В глубине, среди мрачных теней, на неровном, вымощенном плитами полу возвышалось некое подобие каменного саркофага, в котором, должно быть, и находилось тело. Ли развернулся и направился к выходу с кладбища.

В театре неистово гремело фортепиано, артисты репетировали что-то из последних сил (по всей видимости, это был народный танец).

— Ах, просто потрясающе, — сказала Лорел севшему подле нее Коббету. — А где ты был?

— На могиле Честель.

— Честель? — откликнулся Персивант. — Мне необходимо увидеть эту могилу.

Актеры из хора и массовки продолжали петь и танцевать. Посреди представления появился оживленный репортер из Хартфорда, желающий взять у Персиванта и Коббета интервью. В конце концов Драмм громовым голосом отпустил артистов со сцены и присоединился к своим гостям.

— Ведущие исполнители репетируют в восемь вечера, — объявил он. — Будет и Гонда Честель, она обязательно захочет вас увидеть. Могу я рассчитывать на ваше присутствие?

— Можете. По крайней мере, на мое, — подтвердил Персивант. — А сейчас мне и, я думаю, Лорел необходимо немного отдохнуть перед ужином.

— Да, я бы прилегла ненадолго, — призналась девушка.

— Почему бы нам не встретиться вечером и не поужинать в том ресторанчике, где мы сегодня завтракали? — предложил Коббет. — Вы тоже приходите, Фил.

— Спасибо, но у меня встреча с финансистами из Нью-Лондона.

Когда они выходили из театра, было полшестого.

Коббет отправился в свои апартаменты, растянулся на кровати и задумался.

Он оказался в Деслоу вовсе не из-за музыкальной интерпретации легенды о Дракуле. Ли очутился здесь потому, что знал: этот край был и, возможно, до сих пор остается краем вампиров. Лорел поехала вслед за ним, а судья Персивант подчинился неожиданному порыву, за которым могло скрываться нечто большее, чем просто желание посетить могилу Честель.

Коббет вспомнил истории о вампирах из Джеветт-Сити, пересказанные в книге Персиванта, в которой тот цитировал газету «Норвичский курьер» 1854 года. Хорес Рэй, родом из ныне исчезнувшего Грисволда, умер от «изнурительной болезни». Вскоре за ним последовал его старший сын, затем средний. Когда заболел третий отпрыск, друзья и родственники выкопали Хореса и двух мертвых братьев из могил и сожгли тела. Выживший молодой человек быстро пошел на поправку. Нечто подобное произошло ранее в Эксетере, неподалеку от городка Провиденс в Род-Айленде. Прекрасно, но зачем же тогда ставить мюзикл о Дракуле здесь, в Деслоу, в непосредственной близости от тех мест?

С Драммом Коббет первый раз повстречался годом раньше, на юге. Блестящий и непоседливый продюсер, обожающий истории о дьяволе и блуждающих по ночам мертвецах, Фил был достаточно искушен в сценической магии, чтобы устроить представление с призраком в окне отеля в Нью-Йорке. Если это и вправду было лишь представление и лицо не было настоящим. Могло ли невозможное произойти на самом деле? Коббет повидал на своем веку немало такого, что разумлые люди считали невозможным, невероятным, и потому сейчас испытывал некоторые сомнения.

В дверь негромко постучали: на пороге стояла Лорел, облаченная в зеленые брюки и зеленую же куртку. Как всегда при виде Коббета, она улыбнулась. Вместе они отправились на поиски коттеджа Персиванта. Записка на двери его номера гласила «Ищите меня в кафе».

Когда молодые люди вошли в ресторанчик, судья окликнул их от дверей кухни.

— Ужин готов, — поприветствовал он пришедших. — Я лично

руководил процессом и хорошо заплатил за эту привилегию.

Официант принес нагруженный поднос и расставил на столе миски с салатом и тарелки с политыми красным соусом спагетти. Персивант собственноручно посыпал их сыром пармезан.

— Не солите и не перчите, — предупредил он. — Я сам добавлял приправы, и поверьте мне на слово, это как раз то, что надо.

Коббет разлил по бокалам красное вино. Лорел, попробовав спагетти, воскликнула:

— Восхитительно! Что вы туда положили?

— Ну, помимо молотой говядины, помидоров, лука и чеснока, — отозвался Персивант, — я добавил майоран, зеленый перец, перец чили, тимьян, лавровый лист, орегано, петрушку и еще несколько важных ингредиентов. И еще немного итальянской ветчины.

Коббет ел с большим аппетитом.

— Я не буду заказывать десерт, — объявил он, — хочу сохранить этот вкус на языке.

— Если вам так понравилось, на кухне осталась добавка, как раз вместо десерта, — уверил его судья. — Кстати говоря, у меня для вас два небольших подарка на память.

Он вручил молодым людям по маленькому серебристому свертку. Ли внимательно изучил свой: небольшой предмет, аккуратно завернутый в фольгу. Коббет решил, что это орешек.

— Я полагаю, у вас есть карманы? — поинтересовался Персивант. — Положите их туда. И не открывайте, а то желание, которое я загадал для вас, не сбудется.

Когда ужин закончился и они отправились в театр, в темнеющем небе уже всходила полная луна.

В зале сидело несколько посетителей, ярко светили софиты. Драмм стоял у фортепиано и беседовал с двумя тучными людьми в летних деловых костюмах. Когда Персивант с друзьями появились в проходе между кресел, Фил энергично помахал им рукой, а затем представил своим собеседникам — финансистам, с которыми он недавно отужинал.

— Мы весьма заинтересованы, — признался один из них. — Легенды о вампирах всегда увлекают, если не принимать во внимание тот факт, что мотивация здесь — простое насыщение.

— Не совсем, здесь нечто большее, — отозвался Персивант, — это скорее социальная мотивация.

— Социальная мотивация? — повторил один из бизнесменов.

— Вампир жаждет общества себе подобных, ведь его жертва

становится вампиром, копией его самого. В противном случае любой кровопийца был бы всего лишь несчастным отчаявшимся одиночкой.

— В этом что-то есть, — признал впечатленный Драмм.

Потом последовала беседа, касающаяся финансовой стороны постановки; Коббет не мог принимать в ней участие на равных. Неожиданно из-за кулис к ним вышла женщина, и оба бизнесмена изумленно уставились на нее.

Высокая, невероятно грациозная дама с черными с рыжинкой волосами, уложенными в прическу, она обладала потрясающей фигурой и внешностью. Красавица была одета в синее платье до пола с украшенным оборками воротником. Наряд подчеркивал стройную талию. На белых, красивой формы обнаженных руках сверкали драгоценными камнями браслеты. Драмм едва ли не кинулся ей навстречу, чтобы подвести к гостям.

— Гонда Честель, — объявил он почти благоговейно. — Гонда, вы обязательно должны познакомиться с этими людьми.

Двое финансистов представились, запинаясь от восхищения. Персивант поклонился, а Лорел улыбнулась. Мисс Честель протянула Коббету свою тонкую холодную руку.

— Вы так много знаете, о том, что мы пытаемся здесь изобразить, — произнесла она своим бархатистым голосом.

Драмм наблюдал за ними с жалобным выражением лица.

— Многому меня научил судья Персивант, мисс Честель, — ответил Коббет. — Он, кстати говоря, знал вашу мать.

— Я помню ее, хоть и не очень ясно, — отозвалась Гонда. — Она умерла, когда я была совсем малышкой, тридцать лет назад. Я приехала сюда вслед за ней, и теперь здесь мой дом.

— Вы очень на нее похожи, — сказал Персивант.

— Я горжусь любым сходством с ней, — улыбнулась актриса.

«Перед ней невозможно устоять», — подумал Коббет.

— Мисс Парчер, — продолжала Гонда, поворачиваясь к Лорел, — вы такая миниатюрная. Вы должны участвовать в нашем шоу — не знаю, в какой роли, но вы просто обязаны. — И снова эта головокружительная улыбка. — Мне пора. Фил хочет, чтобы я поднялась на сцену.

— Эпизод со стуком в дверь, Гонда, — сообщил Драмм.

Актриса грациозно взлетела по ступенькам. Зазвучало фортепиано, Гонда запела. Коббет понял, что это лучшая песня из всех, что он когда-либо слышал.

— «Ищут ли они прибежище в ночи?» — пела Честель глубоким

голосом.

Каспер Меррит появился на сцене, чтобы присоединиться к ней на речитативе. Затем вступил хор, голоса певцов звучали пронзительно и резко.

Персивант и Лорел расположились в зале. Коббет покинул их и снова оказался на улице, залитой серебристо-голубым лунным сиянием.

Он направился к кладбищу. Деревья, которые днем манили приятной прохладой, теперь отбрасывали неясные тени. Когда Ли подходил к могиле в центре погоста, ветви над его головой, казалось, опускались ниже, склонялись, словно распростертые крылья.

Зарешеченная дверь, раньше запертая на огромный замок, была распахнута настежь. Коббет всмотрелся в царивший внутри мрак и спустя мгновение шагнул через порог на вымощенный плитами пол.

Ему пришлось идти на ощупь, касаясь одной рукой шершавой стены, пока наконец он не натолкнулся на огромный каменный саркофаг в глубине, тоже раскрытый: откинутая крышка прислонена к стене.

Внутри, конечно, было совершенно темно. Ли щелкнул зажигалкой. Язычок пламени осветил высеченный из цельного камня саркофаг длиной почти в десять футов. Точно подогнанные стенки из серого мрамора скрывали гроб: роскошное темное дерево, серебряная отделка и снова — открытая крышка.

Низко склонившись к испещренной пятнами шелковой обивке, Коббет уловил резкий душный запах, похожий на аромат сухих трав. Он погасил зажигалку и нахмурился в темноте, затем на ощупь пробрался обратно к двери, вышел наружу и направился назад к театру.

— Мистер Коббет, — послышался прекрасный голос Гонды.

Актриса стояла на краю кладбища, около поникшей ивы. Она была почти одного с ним роста, ее глаза сияли в лунном свете.

— Вы пришли, чтобы узнать правду о моей матери, — почти виновато сказала Честель.

— Я был обязан попытаться, — отозвался Ли. — С того самого момента, как увидел известное вам лицо в окне одного нью-йоркского отеля.

Красавица отодвинулась от него.

— Вы знаете, что она…

— Вампир, — закончил за нее Коббет. — Да. Я знаю.

— Умоляю вас, помогите, будьте милосердны! — воскликнула Гонда, однако в ее голосе не было мольбы. — Я поняла это уже много лет назад. Именно поэтому и живу здесь, в маленьком Деслоу. Я хочу найти какой-

нибудь способ подарить ей покой. Ночь за ночью размышляю, как это сделать.

— Я вас понимаю, — отозвался Коббет.

Гонда глубоко вздохнула:

— Вы знаете об этом все. Мне кажется, в вас есть что-то такое, что может устрашить даже вампира.

— Если и так, я не знаю, что это, — правдиво ответил Коббет.

— Дайте мне клятву, поклянитесь, что не будете возвращаться к ее могиле, что не расскажете остальным о том, что знаем вы и я. Я… мне хочется надеяться, что вдвоем нам удастся что-нибудь для нее сделать.

— Если таково ваше желание, я ничего никому не скажу, — пообещал Ли.

Честель стиснула его руку.

— У нас был пятиминутный перерыв, наверное, уже пора возвращаться на репетицию, — сказала она неожиданно веселым голосом. — Пойдемте.

Они покинули кладбище.

Актеры собирались на сцене. Драмм с несчастным видом наблюдал за тем, как Гонда и Коббет вдвоем идут по проходу. Ли сел рядом с Лорел и Персивантом и досмотрел представление до конца.

Это была весьма своеобразная (если не сказать больше) версия романа Брэма Стокера. Осуществлению зловещих планов Дракулы очень мешало наличие графини, мертвой красавицы, которая прилагала все усилия, чтобы сделаться воплощением доброты. Артисты исполнили несколько песен в интересных минорных тонах, затем танец, в котором мужчины и женщины прыгали, как кенгуру. Наконец Драмм объявил об окончании репетиции, и усталые исполнители столпились за кулисами.

Мисс Честель задержалась, чтобы поговорить с Лорел.

— Дорогая, скажите мне, есть ли у вас какой-нибудь театральный опыт? — спросила она.

— Я участвовала в школьных постановках у себя на родине, на Юге, когда была маленькой.

— Фил, — сказала Гонда, — мисс Парчер, у нее такой прекрасный типаж, такая внешность. Для нее просто должна найтись роль в нашем шоу.

— Вы очень добры, но боюсь, это невозможно, — улыбаясь, ответила Лорел.

— Может быть, вы еще передумаете, мисс Парчер. Зайдете с друзьями ко мне на стаканчик вина перед сном?

— Спасибо, — включился в разговор Персивант, — но нам нужно

сделать кое-какие записи, для этого необходимо присутствие всех троих.

— Тогда увидимся завтра вечером. Мистер Коббет, не забудьте про наше соглашение.

И она ушла за кулисы. Друзья направились к выходу. Драмм поспешил за Коббетом и схватил его за локоть.

— Я видел вас, — резко проговорил он, — видел, как вы вдвоем вошли в театр.

— А мы видели вас, Фил. И что с того?

— Вы ей нравитесь. — Это было почти обвинение. — Она перед вами чуть ли не заискивает.

Коббет ухмыльнулся и высвободил свою руку.

— В чем дело, Фил, вы в нее влюблены?

— Да, будь я проклят, влюблен. Я в нее влюблен. Она знает об этом, но ни разу еще не звала меня к себе. А вы… вы встречаетесь с ней первый раз и уже получили приглашение.

— Полегче, Фил, — сказал Ли. — Если это вас хоть как-то утешит, я люблю совсем другого человека, и ни на что другое у меня просто нет времени.

Он поспешил выйти из театра, чтобы нагнать своих компаньонов.

Дорогу заливал лунный свет. Пока они шли обратно в мотель, Персивант с почти беспечным видом размахивал своей тросточкой.

— О каких записях вы говорили, судья? — спросил его Коббет.

— Я все расскажу в своем номере. Как вам шоу?

— Возможно, мне понравится больше, когда они еще немного порепетируют, — ответила Лорел. — Пока я не очень понимаю замысел.

— Есть довольно слабые места, — добавил Ли.

Они устроились в коттедже судьи. Персивант налил всем выпить.

— А теперь перейдем к делу, — сказал он. — Мы столкнулись здесь с совершенно определенными явлениями. Явлениями, о которых я более или менее подозревал.

— Это какая-то тайна, судья? — спросила Лорел.

— Не совсем, ведь о многом я уже догадывался. Как далеко мы сейчас находимся от Джеветт-Сити?

— Двадцать или пятнадцать миль по прямой, — предположил Коббет. — Джеветт-Сити — это то место, где жила семья вампиров, Рэй? Там они умерли?

— Умерли дважды, можно и так сказать, — кивнул Персивант, поглаживая седые усы, — где-то около ста двадцати пяти лет назад. И здесь мы, возможно, встретимся с осколками их семейной истории. У меня есть

определенные подозрения насчет Честель, той самой, которой я когда-то так восхищался. Насчет ее полного имени.

— Но у нее было только одно имя? — спросила Лорел.

— Да, на сцене она пользовалась только одним именем. Так же как и Бернар, Дузе, а позднее Гарбо. Но у всех этих актрис были полные имена. Перед тем как мы сегодня отправились на ужин, я сделал два телефонных звонка: связался с моими знакомыми театральными историками и навел справки о полном имени Честель.

— Так у нее все-таки было полное имя, — откликнулся Коббет.

— Да, было. Ее полное имя — Честель Рэй.

В комнате воцарилась глубокая тишина.

— Не похоже на простое совпадение, — продолжил судья. — Теперь о тех небольших подарках, которые я вручил вам сегодня.

— Вот мой, — откликнулся Коббет, доставая из кармана рубашки завернутый в фольгу «орешек».

— А свой, — сказала Лорел, прижав руку к груди, — я положила в маленький медальон на цепочке.

— Пусть он там и остается, — предупредил ее Персивант, — ни за что не снимайте цепочку. Ли, пусть твой подарок тоже всегда будет с тобой. Это дольки чеснока, вы знаете, зачем они нужны. И вы, наверное, уже догадались, почему я добавил так много чеснока в спагетти сегодня за ужином.

— Вы думаете, что где-то здесь прячется вампир, — предположила Лорел.

— Довольно необычный вампир. — Судья набрал в грудь побольше воздуха. — Честель. Честель Рэй.

— Я тоже так думаю, — ровным голосом проговорил Коббет.

Лорел кивнула. Ли посмотрел на наручные часы.

— Полвторого ночи, — объявил он. — Наверное, нам пора расходиться, если мы хотим хоть немного поспать.

Пожелав судье спокойной ночи, Лорел с Коббетом отправились в свои, расположенные по соседству коттеджи. Девушка вставила ключ в замочную скважину, но повернула его не сразу. Внимательно вглядываясь в залитую лунным светом улицу, она прошептала.

— Кто это там? Или лучше спросить — что это там?

Ее спутник посмотрел в ту сторону.

— Ничего, ты просто немного взволнована. Спокойной ночи, дорогая.

Лорел вошла в номер и заперла дверь. Ли быстро пересек улицу.

— Мистер Коббет, — прозвучал в темноте голос Гонды.

— Интересно, что вам понадобилось здесь в столь поздний час, — сказал он, подходя ближе.

Актриса распустила свои темные волосы, которые теперь свободно струились по ее плечам. «Это самая прекрасная женщина из всех, что я когда-либо видел», — подумал Коббет.

— Я хотела еще раз вас проверить, — сказала она, — удостовериться, что вы не забудете про свое обещание и не пойдете на кладбище.

— Я всегда держу слово, мисс Честель.

Он почувствовал, как вокруг них сгустилась гнетущая тишина. Замерли даже листья на деревьях.

— Я надеялась, что вы не будете рисковать, — продолжила актриса. — Вы с друзьями только недавно в городе и можете вызвать у нее особый интерес. — Она подняла на Коббета взгляд своих вспыхнувших в темноте глаз. — И это совсем не комплимент.

Гонда повернулась, чтобы уйти. Ли шагнул вслед за ней.

— Но сами вы ее не боитесь.

— Бояться собственной матери?

— Она принадлежала к семейству Рэй, — ответил Коббет, — а все Рэй пили кровь своих родственников. Мне рассказал об этом судья Персивант.

И снова взгляд ее прекрасных темных глаз.

— Этого никогда не случится со мной и моей матерью.

Они оба остановились. Своей тонкой сильной рукой Гонда схватила его за запястье.

— Вы мудры и отважны, — сказала она. — Мне кажется, что вы приехали сюда с добрыми намерениями, и совсем не ради нашего шоу.

— Я всегда стараюсь руководствоваться добрыми намерениями.

Над их головами сквозь ветви пробивался лунный свет.

— Вы зайдете ко мне? — пригласила актриса.

— Я прогуляюсь до кладбища, — отозвался Коббет. — Я обещал вам, что не буду туда заходить, но я могу постоять у ограды.

— Не заходите внутрь.

— Я же дал вам слово, мисс Честель.

Гонда направилась обратно к коттеджам, а Ли, минуя ряд молчаливых вязов, зашагал к погосту. Пятна лунного света испещряли могильные камни, между ними, словно черная вода, разлились глубокие тени. Казалось, из-за ограды за ним наблюдают.

Присмотревшись, Ли заметил какое-то движение среди могил. Он не мог ничего точно разглядеть, но там определенно что-то было. Коббет

различил (или ему показалось?) очертания чьей-то головы, неясные, словно существо было завернуто в темную ткань. Затем еще один силуэт. И еще один. Они собирались в небольшую группу и как будто следили за ним.

— Вам лучше вернуться в ваш номер, — произнес голос Гонды где-то совсем рядом.

Оказывается, она последовала за ним, неслышная, словно тень.

— Мисс Честель, — сказал Коббет, — ответьте мне, если это возможно, на один вопрос. Что произошло с городом или деревней Грисволд?

— Грисволд? — отозвалась актриса. — А где это? Грисволд означает «Серый лес».

— Ваш предок или родственник, Хорес Рэй, родился в Грисволде, а умер в Джеветт-Сити. Я уже говорил вам, что ваша мать была урожденная Рэй.

Ему казалось, что он тонет в этих сияющих глазах.

— Я не знала об этом, — сказала Гонда.

Ли посмотрел на кладбище, где двигались невидимые тени.

— И руки мертвых тянутся к живым, — промурлыкала Честель.

— Тянутся ко мне? — спросил он.

— Возможно, к нам обоим. Наверное, сейчас, кроме нас, в Деслоу не бодрствует ни одна живая душа. — Она снова посмотрела на Коббета. — Но вы можете себя защитить.

— Почему вы так думаете? — удивленно спросил он, вспомнив о дольке чеснока в кармане рубашки.

— Потому что эти существа на погосте лишь наблюдают, но не пытаются на вас наброситься. Вы их не привлекаете.

— Как, по всей видимости, и вы, — ответил Ли.

— Я надеюсь, вы не смеетесь надо мной, — едва слышно проговорила Гонда.

— Нет, клянусь своей душой.

— Своей душой… — повторила Честель. — Спокойной ночи, мистер Коббет.

И она ушла, высокая, гордая, грациозная. Ли наблюдал за ней до тех пор, пока женщина не скрылась из виду, а затем направился назад в мотель.

На пустой улице ничто не двигалось, только кое-где светились огоньки в закрытых на ночь магазинах. Коббету померещилось позади негромкое шуршание, но он так и не оглянулся.

Подойдя к своему номеру, Ли услышал, как закричала Лорел.

Судья Персивант, сняв куртку, сидел в спальне и изучал потертую коричневую книжку. «Скиннер» — было написано на корешке, «Мифы и легенды нашего края». Он уже столько раз перечитывал этот отрывок, что мог повторить его почти наизусть: «Чтобы победить чудовище, его необходимо схватить и сжечь, по крайней мере, сжечь его сердце. Выкапывать из могилы его нужно днем, пока оно спит и не ведает опасности».

«Есть и другие способы», — подумал Персивант.

Должно быть, было уже очень поздно, или, вернее сказать, очень рано, однако судья не собирался ложиться. Только не тогда, когда снаружи кто-то крадется, тихо ступая по бетонной галерее перед коттеджем. Ему показалось или неизвестный замер как раз перед его дверью? Большая, с набухшими венами рука Персиванта потянулась к воротнику, где под рубашкой висел мешочек с чесноком, его амулет. Будет ли этого достаточно? Судья любил чеснок — такая сочная вкусная приправа для салатов и соусов. Неожиданно Кейт увидел свое отражение в зеркале комода: старое широкое лицо, усы, белеющие, словно полоска снега на темной земле. Ясное четкое отражение, выражение лица не умиротворенное, но полное решимости. Персивант улыбнулся сам себе, обнажив неровные, но все еще свои собственные зубы.

Он поправил манжет и посмотрел на часы: около половины второго. В июне, несмотря на летнее изменение времени, рассвет наступает рано. Перед восходом солнца вампиры отправляются в свои гробницы, печальные убежища, где они, согласно Скиннеру, «спят и не ведают опасности».

Судья отложил книгу в сторону, налил себе бурбона, добавил несколько кубиков льда и немного воды, сделал глоток. Это был уже не первый стакан за сегодня, хотя обычно, по совету врача, он позволял себе лишь одну порцию виски с содовой в день. В эту минуту Персивант был благодарен за резкий вкус, чем-то напоминающий вкус грецкого ореха. Если не злоупотреблять, виски могло быть естественнейшей в мире вещью, самым добрым товарищем. Судья взял со стола папку с исписанными неразборчивым почерком листами — свои выписки из трудов Монтегю Саммерса.

Саммерс утверждал, что вампиры обычно происходят из одного источника: эта зараза распространяется от короля или королевы, чьи кровавые пиры доводят жертв до могилы, после чего те в свою очередь восстают из гроба. Если найти и уничтожить первопричину, остальные упокоятся с миром, превратятся в обычные мертвые тела. Брэм Стокер

придерживался этой же теории, когда писал «Дракулу», а Брэм Стокер, без сомнения, знал, что делал. Персивант обратился к следующей странице, содержащей стихотворение из «Загадок и тайн разных народов» Джеймса Гранта. Это была баллада, написанная архаичным языком, повествующая о мрачных событиях, произошедших в «городе Пешта» — возможно, имелся в виду Будапешт?

И мертвые тела, заполонившие кладбища,
Зловещий пир устраивали, пили кровь,
В полночный час вторгались к нам в жилища,
Страх иссушал живые души вновь и вновь…

И несколькими строками ниже:

И вот погост огорожен решеткою железной,
Засовы заперты, чтоб мертвых удержать,
Но против нечисти когтей усилья бесполезны,
Разбиты все замки, и беззащитны мы опять.

Персивант много раз пытался узнать, кто автор стихов и когда же было написано это замысловатое произведение. Возможно, баллада вовсе не была старинной, может быть, она появилась только в 1880 году, незадолго до того, как Грант опубликовал свою книгу. В любом случае, судья чувствовал: он знает, что скрывается за этими строками, что за переживания отражены в них.

Он отложил листы в сторону и взял свою испещренную пятнами прогулочную трость. Сжав ее левой рукой, правой он ухватился за набалдашник, повернул его и потянул. Из полого стержня выскользнуло тусклое лезвие, тонкое, наточенное, обоюдоострое.

Персивант позволил себе улыбнуться. Одно из его самых ценных сокровищ — серебряное оружие, которое, согласно легенде, выковал тысячу лет назад святой Дунстан. Судья наклонился и прочитал по слогам выгравированную на клинке латинскую надпись: «Sic pereant omnes inimici tui, Domine». Это были заключительные строки неистовой победной песни Деворы из «Книги Судей»: «Так да погибнут все враги Твои, Господи!» Действительно ли клинок принадлежал святому Дунстану или нет… В любом случае, серебряное лезвие и молитва воина, запечатленная на нем,

уже не раз в прошлом доказывали свою действенность в борьбе против зла.

Неожиданно снаружи раздался громкий, леденящий душу крик, исполненный смертельного ужаса.

В ту же секунду Персивант вскочил со стула. Он распахнул дверь, едва не высадив ее, и с клинком в руке выбежал наружу. Около коттеджа Лорел судья увидел Коббета и поспешил туда с невероятной скоростью, словно помолодев на пятьдесят лет.

— Лорел, открой! — кричал Коббет. — Это Ли!

Когда Персивант добежал до коттеджа, дверь подалась внутрь, и они вместе ворвались в освещенную комнату.

На полу лежала Лорел, сжавшись в комочек и указывая дрожащей рукой на окно.

— Она пыталась войти внутрь, — запинающимся голосом произнесла девушка.

— В окне ничего нет, — попытался успокоить ее Коббет, но там совершенно точно кто-то был.

Бледное, словно восковое, лицо прильнуло к стеклу. Они увидели расширившиеся, вытаращенные глаза, открытый рот, шевелящиеся губы, сверкающие острые зубы.

Коббет подался вперед, но Персивант схватил его за плечо.

— Позвольте мне, — сказал он, направляясь к окну и подняв вверх острие своего клинка.

Когда серебряное оружие с легким стуком коснулось стекла, лицо исказила судорога. Рот раскрылся в беззвучном крике. Существо отпрянуло и скрылось из виду.

— Я уже видел это лицо раньше, — хрипло сказал Коббет.

— Да, — отозвался Персивант, — в окне отеля. И позже.

Он опустил лезвие. Снаружи послышался звук, стремительный и торопливый, похожий на топот ног — множества ног.

— Мы должны разбудить людей в главном здании, — сказал Ли.

— Сомневаюсь, что мы сможем разбудить хоть кого-нибудь в этом городке, — спокойным голосом ответил судья. — Я полагаю, кроме нас, не бодрствует ни одна живая душа, все спят глубоким, зачарованным сном.

— Но там снаружи… — Лорел показала на дверь, на которую, казалось, кто-то давил.

— Я же сказал: ни одна живая душа.

Он перевел взгляд с нее на Коббета и повторил:

— Живая.

Судья пересек комнату и кончиком клинка начертил на двери

перпендикулярную линию. Затем аккуратно провел еще одну поперек, образовав таким образом крест. Давление снаружи неожиданно прекратилось.

— Вон оно, снова там, — выдохнула Лорел.

Персивант широкими шагами вернулся к окну, в котором застыло угрожающее лицо, обрамленное струящимися черными волосами, и провел по стеклу серебряным лезвием, сверху вниз, а затем слева направо. Лицо исчезло. Он повернулся и нарисовал такие же кресты на остальных окнах.

— Вот видите, — в тихом голосе судьи слышалось торжество, — это старое, очень старое волшебство.

Он с трудом уселся на стул и, устало посмотрев на Лорел, сумел улыбнуться:

— Возможно, если нам удастся пожалеть эти несчастные создания там за дверью, это немного облегчит наше положение.

— Пожалеть? — почти выкрикнула девушка.

— Да, — отозвался судья и процитировал:

> …Помысли, как печально может быть
> Томиться вечной жаждой; каждый день,
> Как в приступе, желать напиться крови.

— Я знаю эти стихи, — вмешался Коббет, — это Ричард Уилбер, несчастный проклятый поэт.

— Как в приступе… — повторила Лорел.

— Приступе, повторяющемся изо дня в день, — откликнулся Ли.

— Да, словно при малярийной лихорадке, — добавил Персивант.

Лорел и Коббет уселись на кровать.

— Я бы сказал, что здесь мы пока в безопасности, — провозгласил судья. — Не совсем на свободе, но, по крайней мере, в безопасности. На рассвете, когда они отправятся спать, мы сможем открыть дверь.

— Но как же так? Почему только мы в безопасности? — воскликнула девушка. — Почему мы бодрствуем, тогда как все остальные в городе спят и совершенно беспомощны?

— Очевидно, потому, что у нас с собой чеснок, — терпеливо объяснил Персивант, — и потому, что мы съели достаточно чеснока на ужин. И еще потому, что здесь начертаны кресты, довольно условные, но тем не менее они защитят нас, если кто-нибудь попробует войти. Я не прошу вас сохранять спокойствие, прошу лишь быть решительными.

— Я решителен, — процедил Коббет сквозь стиснутые зубы, — я готов выйти и встретить их лицом к лицу.

— Выходите, — отозвался судья, — и даже при наличии чеснока вы продержитесь не дольше, чем пинта виски во время удачной игры в покер. Нет, Ли, расслабьтесь, если можете, и давайте побеседуем.

И они беседовали, пока снаружи бродили странные существа (их можно было скорее почувствовать, нежели услышать). Они беседовали о многих вещах, ни словом не упоминая о своем опасном положении. Коббет вспомнил о тех необычных случаях, с которыми сталкивался в городах, среди гор, на пустынных дорогах, о том, как он выходил из сложных ситуаций. Персивант рассказал о нью-йоркском вампире, которого он одолел, и о вервольфе, жившем неподалеку от одного южного поместья. Лорел, поддавшись уговорам Ли, спела несколько песен, старых песен Юга, ее собственной родины. У девушки был чудесный голос. Когда она закончила «Водим хоровод по кругу», в окне опять появились лица, они маячили, словно пятна сажи, поверх стекол с начертанными там крестами. Лорел увидела их и запела снова, старую веселую аппалачскую песню «Ночью услышала Мэри стук в дверь». Лица медленно отступили от окна. Медленно проходили часы, один за другим.

— Там на улице, видимо, целое полчище вампиров, — наконец не выдержал Коббет.

— И они усыпили жителей Деслоу, сделали из них беспомощных жертв, — согласился с ним Персивант. — Кстати говоря, это шоу, «Земля за лесом»… Может быть, все было затеяно как лишняя возможность для распространения этой чумы? Даже город, полный спящих людей, уже не может накормить возросшую компанию кровопийц.

— Если бы только добраться до источника всего этого, до носителя этой заразы… — начал Коббет.

— До их повелительницы, до королевы, — закончил за него судья. — Да, Она одна, блуждающая в ночи, способна поднять их из могил. Если удастся ее уничтожить, все эти создания наконец смогут умереть по-настоящему.

Он посмотрел в окно. Лунный свет приобрел оттенок серого сланца.

— Утро почти наступило, — заключил Персивант. — Самое время наведаться на ее могилу.

— Я дал слово не ходить туда, — сказал Коббет.

— А я не давал таких обещаний, — отозвался судья, поднимаясь. — Оставайтесь здесь вместе с Лорел.

Сжав в руке серебряный клинок, он шагнул за порог в темноту, где уже

почти померк лунный свет.

Звезды над головой гасли одна за другой. Близился рассвет.

Персивант уловил быстрое движение напротив коттеджа, почти неслышный, едва различимый звук. Твердыми шагами он пересек улицу, но ничего не увидел и не услышал. Решительной походкой судья направился к кладбищу, держа оружие наготове. Темнота постепенно сменялась серым светом.

Персивант пробрался сквозь живую изгородь, ступил на траву и на минуту задержался возле одной из могил. Над ней свивался в небольшую воронку сгусток легкого тумана, напоминающий по форме водоворот воды, стекающей в кухонную раковину. Судья наблюдал, как туман впитывается в землю, исчезает. «Так, — сказал он сам себе, — видится душа, возвращающаяся в свой гроб».

Он отправился дальше по направлению к склепу в центре кладбища, шаг за шагом, усталый, но полный решимости. Ранний луч солнца, проскользнувший сквозь покрытые густой листвой ветви, осветил его путь. Этим утром Персивант найдет то, что должен найти. Он точно это знал.

Решетчатая дверь склепа была заперта на тяжелый висячий замок. Судья внимательно его рассмотрел, а затем вставил кончик клинка в заржавленную скважину, не спеша надавил, повернул и снова надавил. Скрипнула пружина, он медленно открыл дверь и, затаив дыхание, вошел внутрь.

Крышка большого каменного саркофага была закрыта. Персивант ухватился за край и потянул. Жалобно застонали петли, и тяжелая крышка подалась. Внутри стоял темный закрытый гроб. Судья открыл и его.

Она лежала там; лицо выражало умиротворение, глаза были полузакрыты — женщина словно прилегла вздремнуть.

— Честель, — обратился к ней Персивант, — не Гонда, нет. Честель.

Ее веки дрогнули. Ничего более, но он знал, что его слова были услышаны.

— Теперь ты наконец сможешь отдохнуть, покойся с миром, наконец-то с миром.

Судья поднес острие серебряного лезвия к ее левой груди и, взявшись своими большими руками за резной набалдашник, нажал изо всех сил.

Честель чуть слышно вскрикнула.

Когда он вытащил оружие, из раны хлынула кровь. Стало еще светлее. Капли темной жидкости исчезали с лезвия, словно испаряющаяся роса.

Гордое лицо Честель усыхало, сморщивалось, темнело. Быстрым движением Персивант захлопнул крышку гроба, закрыл саркофаг и

торопливо вышел. Он снова запер дверь, защелкнул неподатливый старый замок и зашагал к воротам кладбища. Судья шел среди могил над его головой щебетала птица, в отдалении послышался приглушенный шум мотора. Город просыпался.

В усиливающемся солнечном сиянии Персивант брел по улице. Теперь его походка была походкой старика, очень усталого старика.

В коттедже Лорел и Коббет готовили в пластиковых кружках растворимый кофе. Их вопрошающие взгляды обратились к судье.

— С ней покончено, — сказал он отрывисто.

— Но что вы скажете Гонде? — спросил Коббет.

— Честель и была Гондой.

— Но…

— Это была Гонда, — повторил Персивант, усаживаясь на стул. — Честель умерла. Эта чума подняла ее из могилы, она назвалась Гондой, и, разумеется, жители города ей поверили. — Он устало ссутулился. — Теперь, когда с ней покончено, когда она покоится с миром, остальные — те, чью кровь она пила, блуждающие по ночам, — упокоятся тоже.

Лорел отпила кофе, ее побледневшее лицо склонилось над кружкой.

— Почему вы считаете, что Честель и Гонда один человек? — спросила она. — Откуда вы знаете?

— Я догадывался об этом с самого начала. И совершенно уверился в этом сейчас.

— Уверились? — переспросила Лорел. — Но как вы можете быть в этом уверены?

Персивант улыбнулся ей едва заметной улыбкой.

— Дорогая моя, вы не думаете, что мужчина всегда узнает ту, которую любил?

Казалось, к нему вернулась его обычная нарочитая энергичность. Он поднялся, подошел к двери и взялся за ручку.

— А сейчас, прошу прощения, мне необходимо ненадолго вас покинуть.

— Вы не считаете, что нам лучше как можно скорей уехать отсюда? — спросил его Коббет. — До того, как люди заметят ее исчезновение и начнут задавать вопросы?

— Совсем наоборот, — ответил Персивант своим вновь окрепшим голосом. — Если мы уедем сейчас, они начнут задавать вопросы касательно нас, возможно, довольно неприятные вопросы. Нет, мы останемся. Мы с аппетитом позавтракаем или, по крайней мере, сделаем

вид. И мы будем не меньше остальных удивлены исчезновением ведущей актрисы.

— Я буду стараться изо всех сил, — торжественно пообещала Лорел.

— Я знаю, дитя мое, — отозвался Персивант и вышел из коттеджа.

Питер Тримейн

Питер Берресфорд Эллисродился в 1943 году в городе Ковентри в семье журналиста — уроженца Корка, род которого уходит своими корнями в XIII век. Эллис (опубликовавший большинство произведений под псевдонимом Питер Тримейн) получил бакалаврскую и магистерскую степени в области изучения кельтской культуры, а затем последовал по стопам своего отца и стал журналистом. Его первая книга, вышедшая в свет в 1968 году, была посвящена истории борьбы валлийцев за независимость; впоследствии Эллис опубликовал еще несколько популярных исследований кельтской культуры. С 1988-го по 1990 год он занимал пост международного председателя Кельтской лиги; он также является почетным пожизненным президентом шотландского Общества 1820 года и Ирландского литературного общества.

Эллис — автор 88 книг, примерно такого же количества рассказов и множества научных статей. Как Питер Тримейн он написал восемнадцать всемирно известных романов-бестселлеров о средневековой ирландской монахине-детективе сестре Фидельме, совокупный тираж которых составляет 3 ООО ООО экземпляров. Под псевдонимом Питер Макалан он с 1983-го по 1993 год опубликовал восемь триллеров, а в жанре хоррора создал два с половиной десятка романов, по большей части вдохновленных кельтскими мифами и легендами, в том числе «Дракула нерожденный» (1977), «Месть Дракулы» (1978) и «Дракула, любовь моя» (1980).

Рассказ «Кресло Дракулы» был написан в качестве эпилога романа «Месть Дракулы», но затем автор изъял его из текста книги. Впервые он был опубликован в антологии «Книга вампирских историй от Фан-клуба графа Дракулы» (Чикаго: Адамс-пресс, 1980).

Кресло Дракулы (© Перевод Н. Кудрявцева.)

Может быть, это галлюцинация? Может, я сошел с ума. Как еще это можно объяснить?

Я сижу здесь, беспомощный и одинокий. Я так одинок! Заброшен не в свое время, в чужое тело. Боже мой! Меня медленно убивают или даже хуже! Но что может быть хуже смерти? Только преддверие ада, где томятся язычники, умершие до пришествия Христа и некрещеные, где нет покоя смерти, нет радостей жизни, а есть только кошмар несмерти.

Он высасывает из меня жизнь, но я ли должен быть его жертвой? Как мне сказать ему, что того человека, за которого меня принимают, в чьем теле мечется мой разум, уже нет здесь? Я пришел из другого времени, из другой эпохи, из другого мира!

Боже, помоги мне! Он высасывает из меня жизнь, а я ничего не могу сделать!

Когда же начался этот кошмар? С тех пор прошла вечность. Думаю, все началось, когда мы с женой увидели кресло.

Одним жарким июльским воскресным днем мы возвращались в Лондон, проведя уик-энд на пикнике в Эссексе. Было где-то часа два, когда мы проезжали городок Ньюпорт, стоявший на шоссе А11, и вдруг моя жена попросила меня остановиться.

— Смотри, какое потрясающее кресло в витрине того антикварного магазина.

Я не слишком обрадовался, так как хотел пораньше попасть домой, посмотреть по телевизору классический фильм с Хамфри Богартом. Этого фильма я никогда не видел, хотя и являюсь поклонником Богарта уже много лет.

— Ну и что? — пробормотал я угрюмо, выходя из машины и идя вслед за ней. — Магазин все равно закрыт.

Но он был открыт. Торговля по воскресеньям, когда огромное количество жителей Лондона возвращаются домой после выходных, была очень прибыльной, и поэтому большинство антикварных магазинов здесь открыто во второй половине дня.

Кресло стояло в витрине подобно одинокому стражу. Оно напоминало квадрат с прямой спинкой и крепкими ручками, сделанный из темного дуба, без обычной резьбы по дереву, о которой вспоминаешь, когда видишь подобные вещи. Вид его был прост и аскетичен. Сиденье было обито выцветшей тканью черного цвета, по всей видимости созданной вместе с креслом. Выглядело оно отталкивающе, наверное, из-за странных голов драконов, изображенных на нем. Такой же рисунок был и на маленькой подушке для спины, полоске в фут шириной, протянутой посреди спинки. Я никак не мог назвать этот предмет мебели потрясающим или изысканным — это было приземистое, уродливое и какое-то агрессивное кресло. И уж точно оно не стоило ста фунтов, как гласила бирка, прикрепленная к одной из ручек.

Но у жены были совершенно противоположные виды на него. Она уже решила, что кресло идеально подходит для моего кабинета и даст нам лишний стул, куда мы сможем усадить незваных гостей. Его можно легко

обить заново, чтобы оно подходило к общей цветовой, зелено-золотой гамме нашего дома.

— Нам нужно функциональное кресло, — заявила мне жена, — и это оно.

Она была непоколебима, так что я поворчал лишь для порядка, краем глаза поглядывая на часы. Сделку заключили на удивление быстро, хотя моя жена очень любит поторговаться, а продавец магазина, в отличие от обыкновенного антиквара, оказался удручающе болтливым.

— Это очень красивое кресло. Викторианский период, сделано в Восточной Европе. Посмотрите, сзади есть дата и место изготовления. — Он указал на спинку, где маленькими буквами было вырезано слово «Бистрица» и дата «1887». Торговец уверенно улыбнулся. — Его сделали в Румынии. Я купил это кресло в старой Художественной галерее Перфлита.

— Художественная галерея Перфлита? — спросил я, чувствуя, что настало время и мне вступить в разговор. — Это не та старая галерея, по поводу которой прошло несколько акций протеста пару месяцев назад?

— Да. Вам знакомо это место? Городок Перфлит в Эссексе? Галерея располагалась в старинном здании, поместье Карфакс, построенном еще в Средние века. Ее открыли в викторианское время, но из-за недостатка денег расформировали, а здание отдали под квартиры.

Я кивнул, думая, что, пожалуй, не к месту встрял в разговор и нарвался на целую лекцию.

Не обращая внимания на меня, антиквар беспечно продолжил:

— Когда музей закрыли, множество его экспонатов выставили на аукцион, где я и купил это кресло. Согласно каталогу, оно находилось там еще до открытия галереи и принадлежало бывшему владельцу дома. Говорят, он был иностранцем… румыном, если судить по этой вещице.

Наконец действо свершилось, мою супругу просветили насчет древесных червей и методов обивки мебели, мы передали деньги, прикрутили кресло веревкой к крыше машины и поехали домой.

Наступил понедельник. Жена поехала в офис, а я все утро просидел в кабинете, разрисовывая бумагу, в тщетной надежде написать гениальный сюжет для «мыльной оперы», где работал сценаристом. В середине дня позвонила жена и велела обзвонить обивщиков мебели для сравнения цен. К тому времени я уже совершенно забыл о кресле, все еще привязанном к крыше машины, и, чувствуя себя слегка виноватым, спустился в гараж, снял его, отнес в кабинет и поставил в выбранный женой угол, обозрев новый элемент антуража критическим взглядом. Признаюсь, эта вещь мне не нравилась: она была такой… квадратной и, казалось, бросала мне вызов.

Трудно описать это ощущение, но вы же видели людей с выставленной вперед челюстью — квадратных и агрессивных? Вот примерно такие впечатления оставляло у меня это кресло.

Через некоторое время, наверное, чтобы ответить на вызов, я сел в него, и по позвоночнику сразу пополз холодок, а в душу закралось странное чувство тревоги, столь сильное, что меня буквально выбросило из кресла. Я стоял, смотрел на этот предмет и чувствовал себя несколько неловко. Смешно! Как прокомментировал бы такое поведение мой друг Филип, психиатр? Конечно, мне не нравилось кресло, но совершенно необязательно было создавать физические иллюзии вокруг своей неприязни.

Я снова сел и, как ожидал, холодное чувство тревоги исчезло — всего лишь легкая тень в разуме. На самом деле кресло было потрясающе комфортным. Я устроился поудобнее, положил руки на подлокотники, откинул голову, раскинул ноги. Все было просто замечательно.

Мне стало так хорошо, что потянуло в сон. Признаюсь, люблю поспать минут десять после обеда, это расслабляет и стимулирует разум. Я сел прямо, закрыл и так смыкающиеся веки, позволив нежной дреме унести меня вдаль.

Когда проснулся, уже стемнело.

Какое-то время у меня кружилась голова, но затем сон окончательно ушел, и я огляделся вокруг. Который час? За высокими стрельчатыми окнами виднелось темно-голубое небо раннего вечера. Постойте, но в моем кабинете нет высоких стрельчатых окон, их нет во всем доме!

Быстро моргая, чтобы приспособиться к темному комнатному освещению, я неожиданно понял, что нахожусь в каком-то неизвестном мне месте, постарался подняться, но с удивлением обнаружил, что не могу пошевелиться, — все тело было вялым и совершенно не слушалось приказов, хотя разум оставался ясным и твердым. Так что мне пришлось лишь сидеть здесь, обливаясь холодным потом от паники и страха, широко раскрытыми глазами осматривать незнакомое помещение, стараясь проснуться и осмыслить происходящее.

Я мог пошевелить головой и выяснил, что сижу в своем кресле — в этом проклятом кресле! Правда, выглядело оно поновее. Возможно, это были причуды света. Мои ноги прикрывало шерстяное одеяло, а поверх пижамы накинут вельветовый пиджак. У меня такого точно не было. Я переводил взгляд с одного незнакомого предмета на другой, и с каждой секундой мой ужас нарастал, переполняя кровь адреналином. Это была гостиная, забитая викторианской мебелью. Кресло стояло перед открытым

камином, в котором слабо светились угли. В углу находились большие старинные часы, их мерное тиканье только усиливало общую гнетущую атмосферу.

Но самым страшным был странный паралич, приковавший меня к креслу. Я дергался, стараясь подняться, до тех пор, пока пот градом не покатился по лицу, открывал рот, пытаясь закричать, но издавал только странные, захлебывающиеся звуки. Что, ради всего святого, со мной произошло?

Неожиданно открылась дверь. В комнату вошла девушка лет семнадцати, держа над собой старую медную масляную лампу, одну из тех, которые в наши дни модники переделывают в электрические. Но в этой лампе потрескивало пламя, распространяя вокруг запах горящего парафина. Девушка была в длинном черном платье с высоким воротником на пуговицах и белом льняном переднике. Ее светлые волосы были подоткнуты под маленькую белую шапочку, лихо заломленную набекрень. Она выглядела как служанка из какой-нибудь викторианской драмы, которые мы так часто ставили для телевидения. Горничная подошла поближе, поставила лампу на столик рядом со мной, но затем отшатнулась, увидев мои широко открытые глаза, смотрящие прямо на нее. Я старался заговорить с ней, потребовать, вымолить объяснение, которое помогло бы понять смысл этой чудовищной аферы, но из моего горла вырывались только задушенные хрипы.

Девушка испугалась и сделала реверанс, прежде чем повернуться к двери.

— Мэм! Мэм! — Я с трудом понял, что она зовет хозяйку, так как из-за ее чудовищного акцента рабочих кварталов это слово прозвучало как «мама». — Хозяин проснулся, мэм. Что мне делать?

В комнате появилась еще одна женщина, высокая, изящная, в элегантном викторианском платье, не закрывающем плечи и выставляющем практически на полное обозрение грудь. Ее стройную шею обвивала черная лента с камеей, иссиня-черные волосы убраны в узел на затылке, а лицо было маленьким, красивым, в форме сердца. Губы горели ярко-красным цветом, хотя и несколько мрачным для ее хорошенького лица. Глаза сияли глубокой зеленью и казались грустными. Она подошла к креслу, склонилась надо мной и устало улыбнулась. Кожа ее была странной, неестественно бледной.

— Можешь идти, Фанни. Я пригляжу за ним.

— Хорошо, мэм. — Девушка сделала еще один реверанс и ушла.

— Бедный Аптон, — прошептала мне женщина. — Несчастный

Аптон. Я бы хотела знать, не болен ли ты? Никто не может понять, что за странный недуг поразил тебя. — Она встала и горестно вздохнула. — Пора принимать лекарство.

Женщина взяла бутылку, ложку и влила в меня пахучую, горькую на вкус жидкость янтарного цвета. Я почувствовал, как у меня занемел пищевод.

— Бедный Аптон, — снова вздохнула она. — Горько, я знаю, но доктор сказал, что это снимет боль.

Я старался произнести хоть слово; сказать ей, что я не Аптон и не хочу принимать ее лекарство, крикнуть, чтобы люди вокруг прекратили разыгрывать спектакль, но услышал только скрежетание своих зубов и нечленораздельные звуки, похожие на вопли дикого зверя. Женщина отошла в сторону, ее глаза расширились от страха, но затем она вновь овладела собой.

— Прекрати, Аптон. Не надо. Постарайся расслабиться.

В дверях вновь появилась Фанни:

— Пришел доктор Сьюард, мэм.

В комнату вошел коренастый, приземистый человек в коричневом твидовом костюме, похожий на персонажа из романа Диккенса, и наклонился поцеловать предложенную ему руку.

— Джон, — улыбнулась ему женщина. — Я рада, что ты здесь.

— Как ты, Клара? Ты выглядишь очень усталой, такой бледной.

— Все в порядке, Джон. Но я беспокоюсь об Аптоне.

Мужчина повернулся ко мне.

— Да, ну и как наш пациент? Клянусь, сегодня он какой-то встревоженный.

Женщина, Клара, развела руками:

— Мне кажется, что ему немного лучше. Даже когда Аптон взволнован, он может только выть как зверь. Я стараюсь, как могу, но боюсь… я боюсь, что…

Мужчина по имени Джон похлопал меня по руке и жестом попросил Клару соблюдать тишину, затем повернулся ко мне и приветливо улыбнулся.

— Странно, — пробормотал он. — Совершенно непонятное заболевание. Но по-моему… по-моему, его взгляд сегодня более осмысленный. Привет, дружище, ты меня узнаешь? Это Джон… Джон Сьюард. Ты понимаешь меня?

Мужчина наклонился так низко, что до меня донесся запах апельсинов в его дыхании.

Я изо всех сил старался сбросить охвативший меня паралич, но преуспел только в очередной серии стонов и нечленораздельного рычания.

— Клара, а что, разве раньше он вел себя столь же воинственно?

— Не совсем, Джон. Аптон так развлекается в присутствии гостей. Хотя, скорее всего, он просто хочет нам что-то сказать.

Мужчина хмыкнул и согласно кивнул.

— Единственное, что мы можем для него сделать, — это облегчить боль и давать настойку опия, которую я прописал. Мне кажется, нашему пациенту несколько лучше. Тем не менее я приду завтра, посмотрю, нет ли каких-либо изменений. В худшем случае мне придется попросить твоего разрешения проконсультироваться со специалистом, скорее всего с доктором с Харли-стрит. Есть несколько моментов, которые приводят меня в недоумение, — анемия, видимая нехватка красных телец в крови, или гемоглобина. Его бледность и слабость. И эти странные раны на шее, которые ничем не вылечить.

Женщина закусила губу и тихим голосом спросила:

— Ты можешь быть откровенным со мной, Джон. Ты знаешь меня и Аптона уже несколько лет. Я понимаю, что его состояние может только ухудшиться. Я боюсь за него. Очень боюсь.

Мужчина бросил нервный взгляд в мою сторону:

— А разве нам следует говорить о подобных вещах в его присутствии?

Женщина вздохнула:

— Он ничего не понимает, в этом я уверена. Бедный Аптон. Только подумать, еще несколько дней назад он был так полон жизни, так оживлен, а теперь его сразила эта непонятная болезнь…

Джон снова кивнул:

— Ты — истинная богиня, Клара, само милосердие, ты столько сил тратишь, ухаживая за ним день и ночь. Я загляну завтра, но если никаких улучшений не будет, то мне придется обратиться за помощью к специалисту.

Клара склонила голову, как будто покоряясь обстоятельствам.

Мужчина повернулся ко мне и натужно улыбнулся:

— Не унывай, мой старый друг…

Я старался крикнуть, отчаянно пытался позвать на помощь, но он ушел.

Минуты складывались в часы, женщина, Клара, которая, судя по всему, была моей женой, сидела у камина, неотрывно смотря на языки пламени, а я был прикован к этому проклятому креслу. Как долго это продолжалось, не могу сказать. Время от времени она печально и

задумчиво смотрела на меня, но затем где-то в глубине дома раздался бой часов. Спустя несколько секунд оживились и старые часы в гостиной, наполнив пространство гулкими и какими-то пустыми звуками. Не поднимая головы, я насчитал двенадцать ударов. Полночь.

Клара неожиданно взвилась из своего кресла и встала, выпрямившись, рядом с камином.

Она как-то изменилась, это трудно объяснить. Ее лицо будто стало грубее, каким-то одутловатым. Алый, сверкающий язык нервно метался, облизывая губы, делая их еще более красными на фоне бросающейся в глаза белизны зубов. В глазах появился странный блеск. Она вяло подняла руку и принялась медленно, чувственно массировать себе шею.

Неожиданно Клара засмеялась. Низко и сладострастно. Так, что волосы у меня на голове встали дыбом.

Она взглянула на меня жарким, иссушающим взглядом, похотливо улыбнувшись.

— Бедный Аптон. — Голос ее был злорадно нежен. — Он уже идет. Тебе же нравится это. Я не могу понять, почему он предпочел тебя. Почему? Разве я не полна теплотой жизни, разве в моих венах не кипит горячая, молодая, густая кровь? Почему ты?

Она непристойно, соблазняюще принялась ласкать свое тело.

То, как Клара напевала, слюна, текущая из уголка ее красных, ослепляюще алых губ, заставило мое сердце биться чаще, но в то же время кровь во мне, казалось, застыла, и по жилам текла обжигающе-холодная, ледяная жидкость.

Что за новый кошмар предстоит мне испытать?

Я не понял, как появился он.

Высокий мужчина, по-видимому в возрасте, хотя на его бледной коже и не было признаков старения, только длинные седые усы, ярко выделявшиеся на его гладко выбритом лице, говорили об этом.

В нем все дышало силой — орлиный нос с характерно изогнутыми ноздрями, высокий лоб. Волосы незнакомца были очень густыми, только около висков они торчали клочками, а брови практически срослись.

Но больше всего в нем привлекал внимание рот, как будто вырезанный на лице, его жесткая, даже жестокая складка, зубы выступали над ярко-красными губами, почти что светящимися на белой коже, делая ее ужасающе бледной. Клыки же незнакомца были белоснежными и острыми.

Глаза мужчины были призрачно-красными от мерцания затухающего огня в камине.

Клара подошла к нему, раскинув руки, как будто умоляя, на ее

похотливо изогнутых губах застыл крик радости, грудь тяжело вздымалась, женщина была будто пьяна от дикого, неземного удовольствия.

— Мой повелитель! — закричала она. — Ты пришел!

Высокий незнакомец не обратил на нее внимания. Взгляд его красных глаз словно пожирал меня.

Клара вскинула руку к своему горлу:

— Повелитель, возьми меня первой! Возьми меня, молю!

Мужчина одним быстрым движением подошел к ней и оттолкнул.

— Я возьму первым его, — с шипением произнес он, говоря по-английски с каким-то странным акцентом. — Тебе придется ждать своей очереди, но скоро придет и твой срок.

Женщина захотела было возразить, но незнакомец оборвал ее, подняв руку.

— Ты осмеливаешься просить меня? — мягко сказал он. — Не бойся. Ты как бутылка изысканного вина, которому надо вызреть. Но сначала я утолю жажду им.

Мужчина возвышался надо мной, а я был беспомощен, по-прежнему прикован к этому проклятому креслу. Улыбка исказила его лицо.

— Разве это не справедливо? — прошептал незнакомец. — Разве не справедливо, что, помешав мне, ты, Аптон Уэлсфорд, теперь стал тем, чего так боялся и так презирал?

И пока часть моего разума отказывалась верить в эту ужасную галлюцинацию, в глубине меня зрело странное чувство, почти сексуальное наслаждение, пока мужчина склонялся надо мной… все ближе надвигались эти страшные красные глаза, взгляд которых, казалось, проникал на самое дно моей души. Его рот слегка приоткрылся, я почувствовал едва уловимый запах тления. В движениях незнакомца было намеренное сладострастие, одновременно завораживающее и пугающее, — он облизнулся, как голодный зверь, алый язык вспышкой мелькнул между белыми острыми зубами.

Его голова опускалась все ниже, и я уже не видел его лица, только слышал причмокивание и чувствовал дыхание на своей шее. И затем обжигающе-холодные губы прикоснулись к моей коже, а два острых клыка погрузились в мою плоть!

На какое-то мгновение я отдался наслаждению, забыв обо всем на свете.

Затем он встал, сардонически улыбаясь, а по его подбородку катилась капля крови. Моей крови!

— Осталась еще одна ночь, — мягко сказал мужчина. — Еще одна

ночь, и ты станешь моим братом, Аптон Уэлсфорд.

Женщина крикнула со злостью:

— Но ты обещал! Обещал!!! Когда ты призовешь меня?

Незнакомец повернулся к ней и засмеялся.

— Да, я обещал, мое изысканное вино. На тебе уже горит моя метка. Ты принадлежишь мне и станешь со мной одним целым, не бойся. Скоро ты обретешь бессмертие, дашь мне вино жизни, и мы разделим нашу жажду. Терпение, ибо лучшие вина надо смаковать. Я еще вернусь.

Затем, к моему ужасу, мужчина исчез. Просто исчез, как будто распавшись в изначальную пыль.

Какое-то время я сидел, не в силах прийти в себя от страха, глядя на женщину, которая погрузилась в некое подобие транса. Затем раздался звон древних часов, и Клара очнулась, как будто пробудившись от глубокого сна. Она в изумлении взглянула на циферблат, а затем в сторону окна, где уже показались первые лучи восходящего солнца.

— Боже мой, Аптон. Мы с тобой бодрствовали всю ночь. Надо уложить тебя в постель. Должно быть, я заснула. Прости меня. — Она вздрогнула. — Мне приснился такой странный сон. А, не важно. Надо уложить тебя в постель. Пойду позову Фанни.

Женщина нежно улыбнулась мне, в ее изысканных чертах не осталось и следа от той развратной соблазнительницы.

Клара вышла, оставив меня одного в этом кресле-тюрьме.

Я сижу здесь, беспомощный и одинокий. Я так одинок! Заброшен не в свое время, в чужое тело. Боже мой! Меня медленно убивают или даже хуже! Но что может быть хуже смерти? Только преддверие ада, где томятся язычники, умершие до пришествия Христа и некрещеные, где нет покоя смерти, нет радостей жизни, а есть только кошмар несмерти.

И где сейчас этот человек… Аптон Уэлсфорд, в чьем теле я нахожусь? Каким невиданным усилием воли сумел он поменяться со мной и сейчас очнуться от сна где-то в будущем? В моем теле, в моем кабинете, чтобы начать жить моей жизнью? Аптон будет жить, когда я уже умру? Что все это значит?

Может быть, это галлюцинация? Может, я сошел с ума. Как еще это можно объяснить?

Ричард Лаймон

Ричард Карл Лаймон(1947–2001) родился в Чикаго и вырос в Лос-Анджелесе, штат Калифорния. Он получил звание бакалавра искусств по специальности «английская литература» в Университете Уилламетт, штат Орегон, и степень магистра в Университете Лойола в Лос-Анджелесе. Перед тем как полностью посвятить себя сочинению художественной прозы, Лаймон некоторое время работал школьным учителем, библиотекарем, стенографистом в юридической фирме. Хотя писатель знаменит в первую очередь своими романами ужасов, он уделял внимание и другим жанрам, особенно детективному: его рассказы публиковались в «Эллери Куинс мистери мэгэзин», «Альфред Хичкокс мистери мэгэзин», антологии криминальной прозы «Черная ящерица» и других жанровых изданиях.

В жанре хоррора он написал около шестидесяти рассказов и тридцать романов, которые пользуются в Великобритании и континентальной Европе гораздо большим успехом, чем в США. Его книги удостоены многочисленных наград, включая четыре номинации на премию Брэма Стокера от Американской ассоциации авторов хоррора — за романы «Плоть» (номинация в категории «Лучший роман» в 1988 году) и «Страна дураков» (номинация в категории «Лучший роман» в 1990 году), антологию «Дурные новости» (номинация в категории «Лучшая антология» в 2000 году) и роман «Передвижное шоу вампиров» (премия в категории «Лучший роман» в 2000 году). Вдобавок «Плоть» стала лучшим романом ужасов года по версии журнала «Хроника научной фантастики». Он также выпустил несколько романов под именами Ричард Келли, Карл Лаймон.

Рассказ «Особенная» был впервые напечатан в антологии «Под клыком» под редакцией Роберта Р. Маккаммона (Нью-Йорк: Покетбукс, 1991).

Особенная (© Перевод К. Плешкова)

Женщины дикарей с криками и воплями бежали прочь из лагеря — все, кроме одной, которая осталась, чтобы сражаться.

Она стояла возле костра, доставая изящной рукой стрелу из колчана за спиной, совсем одна, когда мужчины начали падать под быстрыми ударами клыков десятка напавших на их лагерь вампиров.

— Она моя! — крикнул Джим.

Никто из его товарищей-стражей не стал с ним спорить. Возможно, им не хотелось с ней связываться. Они помчались во тьму леса, преследуя остальных.

Джим устремился к женщине.

«Хватай ее, и она твоя!»

Она выглядела совершенно невинной, страстной и великолепной, спокойно вкладывая в лук стрелу. Ее густые волосы казались золотистыми в отблесках пламени. Ее ноги словно светились под короткой кожаной юбкой, едва прикрывавшей бедра. Когда она натянула тетиву, ее жилетка распахнулась, соскользнув со смуглой округлости ее правой груди.

Джим никогда прежде не видел подобной женщины.

«Хватай ее!»

Она посмотрела на него, а потом, не колеблясь ни на мгновение, повернулась и выпустила стрелу.

Джим бросил короткий взгляд в ту сторону. Стрела с глухим звуком ударила в спину Странга. Вампир выпустил бьющееся в его руках тело дикаря и развернулся кругом, уставившись черными глазами на женщину. Извергая из большого рта потоки крови, он проревел: «Моя!»

Джим остановился.

Сузив глаза и плотно сжав губы, женщина потянулась за новой стрелой. Странг ковылял ей навстречу, и Джим слышал вырывавшееся из его ноздрей дыхание. Словно зачарованный, он смотрел, как она накладывает стрелу на тетиву, не отводя взгляда от Странга. Она натянула тетиву до подбородка, и ее обнаженная грудь слегка приподнялась и опала.

Но стрелу она не выпустила.

Странг сделал еще один шаг, с залитым кровавой пеной лицом, вытянув руки, словно хотел протянуть их за костер и схватить женщину за голову. А потом он упал лицом вниз в пылающие дрова, подняв сноп искр. Волосы его охватило пламя.

Женщина встретилась взглядом с Джимом.

«Хватай ее, и она твоя!»

Ни одна женщина прежде не вызывала у него такого желания.

— Беги! — прошептал он. — Спасайся!

— Сдохни, дерьмо, — пробормотала она и выстрелила. Стрела просвистела возле руки Джима.

Метнувшись к ней, Джим не мог поверить, что она промахнулась. Однако он услышал, как стрела в кого-то попала, услышал рев раненого вампира и понял, что она нашла свою цель. Во второй раз она предпочла

прикончить вампира, а не защититься от Джима. И она не убежала, когда он дал ей шанс. Что же это за женщина?

Левой рукой он отшвырнул в сторону лук. Правой — ударил ее по лицу. Его кулак врезался ей в челюсть. Голова ее дернулась в сторону, рот открылся, из него вылилась струйка слюны. Она завертелась на месте, лук вылетел из ее руки. Ноги ее заплелись, и она упала. Поднявшись на четвереньки, она быстро поползла прочь от Джима.

Дать ей уйти?

Он поспешил за ней, глядя на ее ноги, на которых мерцали тени и отблески костра. Они блестели от пота. Короткая юбка едва прикрывала ягодицы и промежность.

«Хватай ее, и она твоя!»

Она вскочила.

«Я должен дать ей уйти, — подумал Джим. — Они убьют меня и, скорее всего, все равно ее схватят, но…»

Вместо того чтобы броситься в лес, она развернулась кругом, вытаскивая нож из ножен на поясе, и кинулась на Джима Лезвие разорвало спереди его рубашку. Прежде чем она успела нанести второй удар, он схватил ее за запястье, резко рванул ее руку вверх и ударил кулаком в живот. У нее перехватило дыхание. Удар мог бы отбросить ее назад, швырнув на землю, но Джим продолжал крепко держать ее за запястье. Она висела перед ним, извиваясь и хрипло дыша. Ее залитое потом лицо исказилось от боли.

Одна пола ее жилетки распахнулась.

«У нее мог быть шанс.

Она моя, моя».

Джим сжал ее теплую влажную грудь, чувствуя прикосновение соска к ладони.

Ее кулак обрушился на его нос. Он успел его увидеть, но остановить уже не смог. Голова его взорвалась болью, однако он продолжал держать ее, высоко подняв за руку, и бил ее в живот до тех пор, пока хватало сил.

Наконец он отпустил ее, вытирая слезы с глаз и кровь с носа. Она упала перед ним на колени, уткнувшись лицом в землю у его ног. Присев, он снял с пояса наручники. Заливая кровью из носа ее жилетку, он завел руки ей за спину и защелкнул наручники на запястьях.

— Ну и отделала же она тебя, — сказал Роджер.

Сидя на земле рядом с обмякшим телом женщины, Джим посмотрел на ухмыляющегося вампира.

— Крутая, ничего не скажешь, — пробормотал он, сглатывая кровь. — Жаль, что не удалось быстрее ее остановить.

Роджер погладил его по голове.

— Не переживай. Со Странгом так или иначе всегда геморроя хватало, а Уинтроп и вообще был настоящим варваром. По мне, так без них только лучше. А в остальном — я бы сказал, отличная ночка.

Присев перед женщиной, Роджер схватил ее за волосы и приподнял, поставив на колени. Глаза ее были закрыты, и, судя по тому, как безвольно свисало ее тело, Джим понял, что она до сих пор без сознания.

— Красотка, — сказал Роджер. — Если спросишь меня — вполне стоит сломанного носа. — Он усмехнулся. — Конечно, нос не мой, но на твоем месте я был бы сейчас чертовски счастлив.

Мягко опустив женщину на землю, он направился к остальным вампирам.

В ожидании возвращения всех стражей с их пленницами они обыскали убитых дикарей, забрали все то, что сочли интересным, и содрали с тел одежду, которую бросили в огонь, даже не заботясь о том, чтобы вытащить из пламени Странга.

Подшучивая и смеясь, они разрубили тела на куски. Шум утих, когда они начали высасывать оставшуюся кровь из отрубленных голов, шей, рук, ног и органов. Джим отвел взгляд и посмотрел на женщину. Ей повезло, что она лишилась чувств и не могла видеть жуткую резню, не слышала довольного ворчания и вздохов, влажных хлюпающих звуков удовлетворенной отрыжки наслаждающихся пиршеством вампиров. Не слышала она и женщин, которых схватили и приволокли другие стражи. Они плакали, умоляли, кричали, блевали.

Когда Джим наконец отвернулся от нее, он увидел, что все стражи уже вернулись, каждый с пленницей. У Барта и Гарри было по две. Большинство женщин выглядели изрядно побитыми. Почти все были без одежды.

Джиму они показались кучкой жалких созданий.

Ни одна не стояла перед ним гордо и вызывающе.

«Мне досталось самое лучшее», — подумал он.

Поднявшись, Роджер бросил высосанную голову в костер и утер рот ладонью.

— Что ж, парни, — сказал он, — как насчет того, чтобы отправиться домой?

Джим поднял женщину. Забросив ее на плечо, он присоединился к шагавшей через лес процессии. Другие стражи поздравляли его с добычей,

кто-то отпускал скабрезные шуточки. Некоторые заглядывали ей под юбку. Кто-то предложил поменяться, ответив на отказ Джима недовольным ворчанием.

Наконец они вышли на дорогу и, шагая по ее залитой лунным светом середине, добрались до автобуса. Остававшиеся возле него Бифф и Стив, охранявшие автобус от дикарей и вампирских банд, приветственно помахали им с крыши.

На борту черного автобуса сияли в свете луны огромные золотые буквы: РАСПУТНЫЕ РАЗБОЙНИКИ РОДЖЕРА.

Вампиры, стражи и пленники забрались внутрь.

Роджер сел за руль.

Через час они въехали в ворота его укрепленного поместья.

На следующее утро Джим проснулся поздно. Он долго лежал в постели, думая о той женщине, вспоминая ее отвагу и красоту, ощущение ее груди в своей руке, вес, тепло и мягкость ее тела, когда она висела на его плече по пути к автобусу.

Он надеялся, что с ней все в порядке. Всю поездку она была без сознания, хотя, конечно, могла и притворяться. Сидя рядом с ней, Джим наслаждался ее красотой, ощущая возбуждение каждый раз, когда сквозь разрыв в деревьях на нее падал лунный свет.

Остальные стражи всю поездку были заняты тем, что насиловали своих пленниц. Некоторые подшучивали над ним, спрашивая, не стал ли он голубым вроде Биффа и Стива, и предлагая заплатить ему за шанс трахнуть Спящую красавицу.

Он сам не знал, почему не притронулся к ней тогда. Раньше он никогда не колебался перед тем, чтобы развлечься со своими пленницами.

Скоро Джим ее получит. Наедине. Готовую ко всему, отважную и жестокую.

Скоро.

Но не сегодня.

Сегодня о новоприбывших позаботятся Док и его команда. Их вымоют и выведут у них вшей, после чего осмотрят. Те, кого сочтут неспособными рожать детей, отправятся в донорское отделение. Каждая из доноров должна была исполнять двойную задачу — ежедневно отдавать пинту крови в общее хранилище и обеспечивать сексуальными услугами не только стража, который ее поймал, но и любого другого желающего, после того как тот закончит.

Остальным пленницам предстояло оказаться в Особом зале.

Это был не зал даже — просто напоминавшее казарму помещение, похожее на донорское отделение, но к тем, кто туда попадал, относились по-особому. У них не брали кровь. Их хорошо кормили.

И каждой особенной мог пользоваться лишь тот страж, который ее пленил.

«Моя будет особенной, — подумал Джим. — Должна быть. И будет. Она молодая и сильная.

Она будет моей. Только моей.

По крайней мере, до Дня родов».

Он почувствовал, как на него наваливается холодная тяжесть.

«Это еще не скоро, — убеждал он сам себя. — Не думай об этом».

Джим со стоном выбрался из постели.

В десять утра он стоял на страже на северной башне, когда пискнуло радио и в громкоговорителе послышался голос Дока:

— Хармон, тебя ждут в Особом зале, Почетная комната номер три. Беннингтон сейчас тебя сменит.

Джим нажал кнопку микрофона.

— Принято, — сказал он.

С бьющимся сердцем он ждал Беннингтона. Прошлой ночью он узнал, что его пленница, которую звали Диана, назначена особенной. Он надеялся, что это случится сегодня, но не мог на то рассчитывать; Док обычно давал добро лишь по прошествии положенного времени. По мнению Дока, следовало выждать около двух недель женского месячного цикла.

Джим не мог поверить своему счастью.

Наконец появился Беннингтон. Джим спустился с башни и направился через двор к Особому залу. Он тяжело дышал, и у него подгибались ноги.

Он уже прежде бывал в Почетных комнатах, со многими женщинами. Но никогда он не чувствовал подобного возбуждения — и волнения. Ему казалось, будто он окаменел.

В Почетной комнате номер три стояла одна большая кровать, устланная красными атласными простынями. Красным был и бархатный ковер, и занавеси на зарешеченных окнах, и тени от одинаковых ламп по обе стороны кровати.

Джим сел в мягкое кресло и стал ждать, весь дрожа.

«Успокойся, — убеждал он себя. — Это глупо. Она просто женщина».

Да, конечно.

Услышав в коридоре шаги, он вскочил на ноги и повернулся к двери,

ожидая, когда та откроется.

Спотыкаясь, вошла Диана, которую подталкивали сзади Морган и Доннер, коренастые помощники Дока. Она сверкнула глазами на Джима.

— Ключ, — сказал Джим.

Морган покачал головой.

— Я бы на твоем месте не стал.

— Это ведь я ее притащил.

— Стоит дать ей послабление, и она расквасит тебе не только нос.

Джим протянул руку. Морган, пожав плечами, бросил ему ключ от наручников, затем оба вышли. Дверь захлопнулась, автоматически закрывшись на замок.

И он остался наедине с Дианой.

Судя по ее виду, она отчаянно сопротивлялась, пока ее вели в Почетную комнату. Ее густые волосы были растрепаны, падая золотыми прядями на лицо. Синее атласное платье свалилось с одного плеча. Пояс платья распустился, открыв узкую щель от поясницы до каймы у колен. Больше на ней ничего не было.

Джим подсунул палец под пояс и потянул, распуская наполовину развязавшийся узел, затем распахнул платье, стягивая его с рук, пока оно не уперлось в наручники на запястьях.

Несмотря на возбуждение, он ощутил чувство вины, увидев красные полосы на ее животе.

— Мне очень жаль, — пробормотал он.

— Делай, что собирался, — ответила она. Хотя она старалась, чтобы голос ее звучал твердо, Джим услышал в нем едва заметную дрожь.

— Я сниму с тебя наручники, — сказал он. — Но если станешь драться, мне придется снова тебя стукнуть. А мне этого не хочется.

— Тогда не снимай их.

— Без них будет легче.

— Легче для тебя.

— Ты знаешь, почему ты здесь?

— Разве не очевидно?

— Не столь уж очевидно, — сказал Джим, стараясь говорить осторожно. Комната прослушивалась. Страж в Центре безопасности наверняка все слышал, а сам Роджер очень любил слушать записи из Почетных комнат. — Дело не в том, что я просто… могу с тобой развлечься. Дело в том, что… я должен сделать тебя беременной.

Глаза ее сузились. Она прикусила губу и ничего не сказала.

— Это значит, — продолжал Джим, — что мы будем видеться каждый

день. По крайней мере, в те дни, когда ты можешь зачать. Каждый день, пока ты не забеременеешь. Понимаешь?

— Зачем им нужно, чтобы я забеременела? — спросила она.

— Им нужно больше людей. Для охраны, обслуги и так далее. Нас слишком мало.

Она посмотрела ему в глаза. Он не мог понять, поверила ли она в его ложь или нет.

— Если ты не забеременеешь, тебя отправят к донорам. Там намного хуже, чем здесь. Доноры… все стражи могут их иметь, когда захотят.

— Значит, или ты, или вся банда?

— Именно.

— Ладно.

— Ладно?

Она кивнула.

Джим начал раздеваться, чувствуя нескрываемый упрек в ее взгляде.

— Ты, наверное, ужасный трус, — сказала она.

Он почувствовал, как его охватил жар.

— Ты на вид совсем не злой. Значит, ты трус. Раз служишь этим тварям.

— Роджер очень хорошо к нам относится, — сказал он.

— Если бы ты был мужчиной, ты бы убил его и всех ему подобных. Или умер бы, попытавшись это сделать.

— У меня и здесь неплохая жизнь.

— Жизнь пса.

Раздевшись, он присел перед Дианой. Его лицо отделяло от золотистого пушка в ее промежности лишь несколько дюймов. Ощутив неожиданную жаркую волну похоти и стыда, он опустил взгляд к короткой цепочке, туго натянутой между ее лодыжек.

— Я не трус, — сказал он и снял стальные браслеты.

Едва оковы упали на ковер, она ударила коленом ему в лоб, не слишком сильно, но достаточно, чтобы он потерял равновесие и стукнулся задом о пол. Диана упала назад, изогнувшись и упираясь бедрами ему в грудь. Прежде чем он сумел подняться, ей каким-то образом удалось просунуть скованные руки и запутавшееся платье под ягодицы, подтянув ноги вверх. Руки неожиданно оказались перед ней, прикрытые свисающим платьем.

Когда ее пятки ударились о пол, Джим бросился на нее. Она широко раскинула ноги, подняв колени и вытянув руки над головой. Платье окутало ее лицо и грудь, словно блестящий занавес.

Джим обрушился на нее сверху. Она застонала и обхватила его ногами. Он потянулся к ее рукам, но те двигались слишком быстро. Скрытая под платьем цепь мелькнула перед его глазами и туго обмоталась вокруг горла.

Задыхаясь, он нащупал скрещенные на его затылке запястья и потянул за них, чувствуя, как ослабевает цепь. Он продолжал тянуть ее за руки, пока цепь не вдавилась в горло Дианы.

Платье свалилось с ее лица, глаза выпучились, зубы оскалились. Она извивалась, брыкалась и дергалась.

Когда он вошел в нее, в глазах ее блеснули слезы.

На следующий день Джим позволил Моргану и Доннеру приковать ее к кровати.

Сделав свое дело, все еще ощущая тугое тепло ее тела, он прошептал:

— Прости…

Джим надеялся, что микрофон не уловил его слов.

В одно мгновение ненависть в ее глазах сменилась чем-то другим. Удивлением? Надеждой?

— За что ты просил прощения, Джим?

— Прощения?

— Ты извинялся. За что?

— Перед кем?

— Ты стал с ней слишком мягок, — сказал Роджер. — Не могу сказать, что в чем-то тебя обвиняю. Она красивая. И отважная. Но она явно тебя портит. Боюсь, придется отдать ее кому-нибудь другому. Поменяешься с Филом. Можешь взять его девку, а он возьмет твою. Так будет лучше для всех.

— Да, сэр.

Девушку Фила звали Бетси, это была хорошенькая брюнетка с красивой фигурой. Она отдавалась ему не только с радостью, но с энтузиазмом. Она говорила, что ненавидит жизнь дикаря — в лесу, где приходится часто голодать и всегда бояться. Здесь же, по ее словам, был рай.

Джим имел ее раз в день.

И каждый раз он закрывал глаза, заставляя себя поверить, будто она — Диана.

Он тосковал по ней. Он мечтал о ней. Но ее содержали в Особом зале, где она была доступна только для Фила, так что вряд ли у него мог

появиться шанс когда-либо увидеть ее снова. Тоска съедала его. Он начал надеяться, что она не сумеет забеременеть и тогда ее в конце концов отправят в донорское отделение.

Ужасная судьба для такой, как она. Но по крайней мере, Джим смог бы видеть ее, приходить к ней, прикасаться к ней, иметь ее. И она избежала бы того кошмара, который в конечном счете ждал всех особенных. Однако Док считал, что она в состоянии родить, и Джим понимал, что, скорее всего, никогда ее больше не увидит.

Через неделю после того, как ему назначили Бетси, Джим сидел в столовой, пытаясь есть, хотя у него не было аппетита, когда неожиданно взвыла сирена.

— Убит страж в Почетной комнате номер один! Живо, парни! — раздалось в громкоговорителях.

Джим и еще шестеро выбежали из столовой. Промчавшись через двор, он обогнал остальных и увидел ждавшего в коридоре бледного и дрожащего Доннера который показывал на закрытую дверь Почетной комнаты номер один.

Джим распахнул дверь.

Вместо кровати эта комната была оборудована переплетением стальных стержней, на которых можно было подвешивать и растягивать особенных в разнообразных позах.

Диана свисала с высокой перекладины, подвешенная за запястья. Ноги ее были свободны. Раскачиваясь и извиваясь, она пнула Моргана, и лицо ее исказила яростная гримаса. Волосы ее прилипли к лицу. Кожа, которую Фил, видимо, намазал маслом, блестела от пота. Оковы врезались в ее запястья, и кровь стекала по рукам и бокам.

Фил неподвижно лежал на полу под ее извивающимся телом. Голова его была повернута в сторону под неестественным углом.

«Она сломала ему шею?

Но как?»

В то же мгновение Джим увидел, как Морган метнулся вперед и схватил ее за лодыжку. С болезненным криком Диана высоко выбросила вторую ногу и, изогнувшись, зацепила ступней за затылок Моргана. Тот невольно шагнул к ней, выпустив ее лодыжку. Освободившаяся нога тоже взмыла вверх. Морган упал на колени, и голова его оказалась зажата между ее бедрами.

Похоже, проблема Моргана заключалась в том, чтобы вырвать из оцепенения зачарованно наблюдавших за происходящим стражей.

Джим бросился вместе с остальными на помощь.

Он схватился за одну ногу, Барт за другую. Они силой раздвинули бедра Дианы, освобождая Моргана. Тот свалился на тело Фила и, жалобно скуля, быстро пополз назад.

— Унесите отсюда Фила, — сказал Руни, главный страж.

Тело вытащили из-под Дианы и вынесли из комнаты.

— Что будем с ней делать? — спросил Джим.

— Пусть висит, — сказал Руни. — Подождем до вечера и пусть Роджер решает.

Они отпустили ее ноги и быстро попятились к двери.

Она висела, раскачиваясь вперед и назад и не отводя взгляда от Джима.

Он задержался в дверях, зная, что никогда больше ее не увидит.

Но он ошибался.

Он увидел ее месяц спустя, когда, сменив Биффа, приступил к своим новым обязанностям, наблюдая за видеоэкранами в Центре безопасности. На одном из десятка экранов была Диана — в Комнате наказаний.

Джим не мог поверить своим глазам. Он был уверен, что Роджер ее убил — вероятно, позволив другим вампирам попробовать ее крови, прежде чем самому высосать ее досуха. Однажды Джим видел, как это случилось с одной из пытавшихся бежать женщин-доноров. Преступление Дианы было намного хуже. Она убила стража.

Однако, вместо того чтобы лишить ее жизни, Роджер просто отправил ее в Комнату наказаний, которая являлась не более чем одиночной камерой.

Невероятно. Удивительно.

Ночь за ночью, сидя в одиночестве в Центре безопасности, Джим наблюдал за ней.

Он смотрел, как она спит на каменном полу, набросив простыню на обнаженное тело. Смотрел, как она неподвижно сидит, скрестив ноги и глядя на стены. Смотрел, как она присаживается над железным ведром, чтобы справить нужду. Иногда она обмывалась губкой.

Часто она упражнялась. Несколько часов подряд она могла бегать на месте, подпрыгивать, размахивать руками и ногами, приседать и отжиматься. Джиму нравилось наблюдать за ее быстрыми изящными движениями, за ее гибкими мускулами, за ее развевающимися волосами и покачивающимися грудями. Ему нравилось, как блестит от пота ее тело.

Ему постоянно ее не хватало.

Каждый день Джиму не терпелось дождаться часа, когда он сможет сменить Биффа и остаться наедине с Дианой.

Когда ему приходилось отправляться на ночную облаву, он чувствовал себя донельзя несчастным. Но он исполнял свой долг, охотясь на женщин-дикарок. Некоторые из них становились особенными, и он посещал их в Почетных комнатах, но, будучи с ними, он всегда пытался представлять на их месте Диану.

А потом, однажды ночью, наблюдая за ее упражнениями, он заметил, что живот ее уже не столь плоский.

— Нет, — пробормотал он.

Всю зиму он наблюдал, как с каждой ночью увеличиваются ее груди и живот превращается в выпирающий холмик.

Он часто думал о том, чьего ребенка она носит. Возможно, его. А возможно, Фила.

Его постоянно беспокоил День родов.

В свободное время он начал совершать одиночные вылазки в окружавший поместье лес.

С собой он брал автомат и мачете.

Часто он возвращался с добычей, которую отдавал Джонсу на кухню. Улыбающийся повар всегда был рад получить свежее мясо. И ему нравилось общество Джима, когда он готовил ужин для стражей.

Наступила весна. Однажды в шесть утра, когда в Центр безопасности пришел Барт, чтобы сменить Джима, Диана судорожно дернулась и проснулась. Лицо ее исказила гримаса. Подтянув колени, она обхватила руками ставший огромным живот, скрытый простыней.

— Что случилось? — спросил Барт.

Джим качнул головой.

Барт посмотрел на монитор.

— У нее начинаются схватки. Лучше позвонить Доку.

Барт позвонил, затем занял место Джима перед видеоэкранами.

— Посижу тут, наверное, — сказал Джим.

— Да пожалуйста, — усмехнулся Барт.

Джим смотрел на монитор. Вскоре в камеру вошли Док, Морган и Доннер. Они отбросили в сторону простыню, и Морган с Доннером развели ноги Дианы в стороны. Док осмотрел ее, затем ее подняли на каталку и привязали. Каталку выкатили из камеры.

— Сейчас поймаю их в Комнате приготовлений, — пробормотал Барт. — Ты ведь это хотел увидеть.

Он ухмыльнулся через плечо.

Джим с трудом заставил себя улыбнуться.

— Верно.

Барт нажал несколько кнопок. Опустевшая Комната наказаний исчезла с экрана, и появилась Комната приготовлений.

Док и его помощники вкатили каталку.

Намочив тряпку хлороформом, Док прижимал ее к носу и рту Дианы, пока та не потеряла сознание. Затем ее развязали, обрызгали водой и натерли белой пеной. Все трое подошли к ней с бритвами.

— И я бы не отказался от такой работенки, — сказал Барт.

Джим смотрел, как бритвы прокладывают в пене широкие полосы, срезая не только густые золотистые волосы Дианы, но и пушок в ее промежности. После бритв оставалась лишь блестящая розовая кожа. Затем ее перевернули и выбрили остальную часть ее тела.

После ее ополоснули и вытерли полотенцами.

Диану перенесли с каталки на дубовый стол на колесиках. По краям прямоугольного стола, рассчитанного на шестерых, шли медные желобки для стока. По углам в одном конце стола — на месте Роджера — были закреплены медные стремена.

Чувствуя тошноту, Джим смотрел, как бесчувственное тело Дианы поднимают на стол. Ей согнули ноги и закрепили их в стременах, затем сдвинули ее вперед, чтобы до нее легко мог достать Роджер. Затем ее грудь обвязали ремнем, руки вытянули над головой и привязали запястья к столу.

— Пока все, — сказал Барт. — Если зайдешь вечером около семи, ее как раз будут готовить. Тогда она уже придет в себя. Именно тогда их по-настоящему охватывает паника. Обычно на это стоит посмотреть.

— Я уже видел, — пробормотал Джим и вышел.

Вернувшись к себе, он попытался заснуть, но тщетно. Наконец он встал и взял оружие. Стив выпустил его из ворот. Много часов он бродил по лесу, где с помощью автомата добыл трех белок.

Около полудня он нырнул в укрытие, которое нашел среди кустов, и связал вместе двадцать деревянных копий, которые сделал за последние недели. В карман он положил маленький мешочек с ядовитыми грибами, которые собрал и размолол в пыль.

Он отнес копья на край леса и, прислонив их к дереву, вышел на открытое пространство. Улыбнувшись, он помахал убитыми белками в сторону северной башни. Ворота открылись, и он вошел в поместье.

Он отнес белок Джонсу на кухню и помог веселому повару

приготовить ужин для стражей.

Сразу после заката Джим отправился в Центр безопасности и постучал в дверь.

— Да? — послышался голос Биффа.

— Это Джим. Хочу посмотреть, как ее готовят.

— Рановато пришел, — сказал Бифф, открывая дверь. Мгновение спустя он судорожно выдохнул и сложился пополам, когда Джим вогнал нож ему в живот.

Диана была в сознании, лицо ее заливал, пот. Она со стоном билась в оковах, скрежеща зубами и судорожно застывая во время очередных схваток.

Джим уставился на экран. Без волос и бровей она выглядела… странно. Уродливо. Даже ее фигура с раздутым животом и распухшими грудями казалась чужой. Но глаза ее оставались глазами Дианы. Несмотря на боль и ужас, в них ощущалась гордость и непокорность.

В Комнату приготовлений вошел Док, быстро осмотрел Диану и вышел.

Джим проверил остальные экраны.

В донорском отделении женщин заперли на время ужина стражей. Некоторые спали. Другие разговаривали с подругами на соседних койках. Джим быстро подсчитал их.

В Особом зале Морган и Доннер возвращали назад женщину из Почетной комнаты. Уложив ее на одну из десяти пустых коек, они приковали ее за ноги к металлической раме. Джим пересчитал всех по головам.

Тридцать два донора. И всего шестнадцать особенных. Однако, как правило, доноры были женщинами старшего возраста, ослабевшими от ежедневной потери крови и постоянных измывательств стражей. Особенных было меньше, но они были моложе и сильнее. Хотя некоторые, судя по всему, находились на последних месяцах беременности, у большинства она еще не зашла столь далеко, а многие из более новых, вероятно, даже еще не зачали.

Пусть будут особенные, решил Джим.

Он посмотрел вслед Моргану и Доннеру, выходящим из зала.

В столовой стражи начали ужинать.

В залитом светом фонарей дворе Стив и Беннингтон поднимались по лестницам на северную и западную башни, неся котелки с едой стоявшим

на страже. Закончив, они должны были направиться к оставшимся двум башням.

Морган и Доннер вошли в столовую, сели, и Джонс принес им миски с тушеным мясом.

В Комнату приготовлений вошел Док. Поставив на стол рядом с бедром Дианы чашу с мерцающей красной жидкостью, он окунул в нее кисть и начал раскрашивать ее тело. Кровь покрывала ее словно краска.

В столовой Бакстер застонал и, пошатываясь, пошел прочь от стола, схватившись за живот.

В Банкетном зале не было камеры. Но Джим знал, что Роджер со своими приятелями уже там и нетерпеливо ждут. Отсутствие привычного стола наверняка уже подсказало им, что сегодняшний вечер будет особым. Роджер, скорее всего, уже сейчас выбирал пятерых, которые будут сидеть вместе с ним. Оставшимся четверым предстояло лишь наблюдать, ужиная своей обычной порцией крови доноров.

В столовой стражи шатались, падали и катались по полу.

В Комнате приготовлений Док отставил в сторону кисть и чашу, и покатил стол к двери. Диана извивалась в оковах, и ее красная безволосая голова дергалась из стороны в сторону.

Джим выбежал из Центра безопасности.

— Начался настоящий ад! — крикнул он, взбегая по лестнице на северную башню. — Не прикасайся к еде! Джонс ее отравил!

— О черт! — выпалил Харрис, выплевывая то, что было у него во рту.

— Успел что-нибудь проглотить? — спросил Джим, бросаясь к нему.

— Немного, но…

Выхватив из-за пояса нож, Джим перерезал Харрису горло и нажал кнопку на панели управления.

Когда он добрался до ворот, те были открыты. Выбежав наружу, он пересек открытое пространство у стены и схватил связку копий.

Ворота оставались открытыми. Видимо, яд уже прикончил стража на западной башне.

Пробегая через двор, он увидел двоих стражей, корчившихся на земле.

У входа в Особый зал Джим схватил висевший на гвозде ключ, распахнул дверь и вбежал внутрь.

— Внимание, дамы! Слушайте все! Сейчас мы пойдем убивать вампиров!

Едва не оглохнув от выстрелов, Джим разнес вдребезги замок. Отбросив автомат, он пинком открыл дверь и ворвался в Банкетный зал.

За ним бежали шестнадцать голых особенных, крича и размахивая копьями.

Еще несколько мгновений собравшиеся вокруг стола вампиры занимались своим делом — жадно слизывали коричневую засохшую кровь с лица, грудей и ног Дианы, пока Роджер возился между ее бедер. Четверо, наблюдавшие за ними с кубками в руках, среагировали первыми.

Затем, взревев, из-за стола вскочили все.

Все, кроме Роджера.

Роджер не тронулся с места. Его взгляд встретился с взглядом Джима.

— Гребаный придурок! — заорал он. — Хватайте его, парни!

Вампиры бросились к Джиму.

Но первыми их встретили особенные. Несколько вампиров упали с копьями в груди, в то время как другие отшвыривали женщин в стороны, ломали им хребты, разрывали горло.

Джим метнулся вперед сквозь гущу сражающихся, остановившись возле ближнего конца стола.

— Ты за этим сюда пришел? — крикнул Роджер. Руки его на мгновение углубились между ног Дианы и тут же появились снова, держа крошечного мокрого младенца. — Боюсь, поделиться будет нечем.

Оскалившись, он поднес ребенка ко рту и быстрым движением перекусил пуповину.

Держа одной рукой младенца за ноги, он высоко поднял его, откинув назад голову. Рот его широко раскрылся, вторая рука ухватила ребенка за макушку.

Он собирался оторвать ему голову. Насладиться особым, редким угощением.

— Нет! — пронзительно закричала Диана.

Джим метнул копье. Рука Роджера резко дернулась вниз. Он поймал древко, остановив его полет у самой груди.

— Глупец, — сказал, он. — Неужели ты думал…

Джим бросился к Диане. Упав на нее, он перекатился через ее широко расставленные ноги, схватил копье и вонзил его глубоко в грудь Роджера.

Вампир взревел и отшатнулся. Изо рта его хлынула кровь, заливая лицо и руки Джима. Упав на колени, он посмотрел на младенца, которого продолжал держать высоко над собой, и поднес его головку к широко распахнутому рту.

Спрыгнув со стола, Джим навалился на копье. Древко сломалось под его весом, и на его голову обрушился кровавый водопад. Приподнявшись, он увидел ребенка, висевшего над ртом Роджера. Вампир тщетно пытался

укусить его за голову. Метнувшись вперед, Джим схватил младенца. Роджер отпустил его и безжизненно обмяк на полу.

Всех доноров освободили.

Они помогли организовать похороны.

Одиннадцать погибших особенных похоронили во дворе, поставив на их могилах сколоченные из копий кресты.

Моргана, Доннера и всех стражей, умерших от яда, похоронили за южной стеной поместья.

Тела Роджера и других вампиров отнесли в лес на поляну у перекрестка двух дорог. Им отрубили головы и похоронили тела вместе с вонзенными в них копьями. Головы отнесли на милю дальше к другому перекрестку и там сожгли. Обгоревшие черепа раздробили и закопали.

После голосования среди женщин. Дока и троих стражей, которым не досталось отравленное мясо, приговорили к смерти. Джонс тоже не ел мяса, но женщинам он, похоже, нравился. Его назначили поваром. Джима назначили главным.

Он выбрал Диану себе в помощницы.

Младенец оказался девочкой. Ее назвали Глория. У нее были глаза Дианы и такие же оттопыренные уши, как у Джима.

Маленькая армия жила в поместье Роджера, и, похоже, вполне счастливо.

Часто в хорошую погоду группа хорошо вооруженных добровольцев погружалась в автобус Джим садился за руль, и они ехали в глубь леса. Остановив автобус, они долго бродили вокруг, обшаривая заросли. Иногда они находили вампиров и приканчивали их градом стрел. Иногда — банды дикарей, которых приглашали в свои ряды.

Однажды утром внимание Джима привлекла какая-то суматоха во дворе. Выглянув из северной башни, он увидел возле автобуса Диану и еще полдюжины женщин. Вместо обычных кожаных юбок и жилетов они были одеты в лохмотья.

Диана увидела его и помахала рукой. Волосы ее отросли, но до сих пор оставались короткими. На солнце они блестели словно золото.

Она выглядела просто великолепно в своей невинности.

Вместе со своими подругами она красила автобус в розовый цвет.

Дэн Симмонс

Дэн Симмонсродился в 1948 году в Пеории, штат Иллинойс, а в дальнейшем жил в различных больших и малых городах Среднего Запада. В 1970 году он получил звание бакалавра искусств по специальности «английская литература» в колледже Уобаш, а годом позже — звание магистра педагогики в Вашингтонском университете в Сент-Луисе и восемнадцать лет проработал в системе начального образования. Его первый рассказ, «Река Стикс течет вспять», написанный при участии Харлана Эллисона, в 1982 году победил на литературном конкурсе, объявленном журналом «Сумеречная зона», и появился в печати в тот день, когда у автора родилась дочь.

Большинство ранних сочинений Симмонса относятся к литературе ужасов, начиная с его дебютного романа «Песнь Кали» (1985), удостоенного Всемирной премии фэнтези. После выхода в свет романа «Лето ночи» (1991) его жанровые пристрастия начали смещаться в область научной фантастики, хотя роман «Дети ночи» (1992) получил, среди прочего, премию «Локус» в категории «Лучший хоррор». Роман «Гиперион» (1989), удостоенный премий «Хьюго» и «Локус», стал одной из самых успешных книг писателя. Его структура (странствие группы паломников, ищущих демоническое божество по имени Шрайк, к планете Гиперион и рассказ каждого из них о причине своего путешествия) восходит к «Кентерберийским рассказам» Джеффри Чосера.

Рассказ «Утеха падали», название которого заимствовано из стихотворения Джерарда Мэнли Хопкинса, был впервые опубликован в журнале «Омни» в сентябре-октябре 1983 года. Позднее Симмонс расширил его в роман с тем же названием (в русском переводе «Темная игра смерти»), который в 1990 году был удостоен премии Брэма Стокера.

Утеха падали (© Перевод А. Кириченко)

Я знала, что Нина отнесет смерть этого битла Джона на свой счет. Полагаю, что это проявление очень дурного вкуса. Она аккуратно разложила свой альбом с вырезками из газет на моем журнальном столике красного дерева. Эти прозаические констатации смертей на самом деле представляли собой хронологию всех ее Подпиток. Улыбка Нины Дрейтон сияла, как обычно, но в ее бледно-голубых глазах не было и намека на

теплоту.

— Надо подождать Вилли, — сказала я.

— Ну конечно, Мелани, ты права, как всегда. Какая я глупая. Я ведь знаю наши правила.

Нина встала и начала расхаживать по комнате, иногда бесцельно касаясь чего-то или сдержанно восторгаясь керамическими статуэтками и кружевами.

Когда-то эта часть дома была оранжереей, но теперь я использую ее как комнату для шитья. Растениям здесь по-прежнему доставалось немного солнечного света по утрам. Днем комната выглядела теплой и уютной благодаря солнцу, но с приходом зимы ночью здесь было слишком прохладно. К тому же мне очень не нравилось впечатление темноты, подступающей к этим бесчисленным стеклам.

— Обожаю этот дом. — Нина повернулась ко мне и улыбнулась. — Просто не могу передать, как я всегда жду возвращения в Чарлстон. Нам нужно проводить здесь все наши встречи.

Но я-то знала, как Нина ненавидит и этот город, и этот дом.

— Вилли может обидеться, — сказала я. — Ты же знаешь, как он любит похвастаться своим домом в Голливуде. И своими новыми девочками.

— И мальчиками.

Нина засмеялась. Она здорово изменилась и потускнела, но ее смех остался прежним. Это был все тот же хрипловатый детский смех, который я услышала впервые много лет назад. Именно из-за этого смеха меня тогда потянуло к ней; тепло одной девчушки притягивает другую одинокую девочку-подростка, как пламя — мотылька. Теперь же смех этот лишь обжег меня холодом и заставил еще больше насторожиться. За прошедшие десятилетия слишком много мотыльков слеталось на пламя Нины.

— Давай выпьем чаю, — предложила я.

Мистер Торн принес чай в моих самых лучших фарфоровых чашках. Мы с Ниной сидели в медленно передвигающихся квадратах солнечного света и тихо разговаривали о пустяках: об экономике, в которой обе ничего не понимали; о совершенно вульгарной публике, с которой приходится теперь сталкиваться, летая самолетами. Если бы кто-нибудь заглянул из сада в окно, он подумал бы, что видит стареющую, но все еще привлекательную племянницу, навестившую любимую тетушку. (Нас не могли принять за мать и дочь: тут я не уступлю.) Все считают, что я хорошо, даже стильно одеваюсь. Господь свидетель, я дорого плачу за шерстяные юбки и шелковые блузки, которые мне присылают из

Шотландии и Франции. Но рядом с Ниной мой гардероб всегда выглядит безвкусным. В тот день на ней было элегантное светло-голубое платье. Оно обошлось ей в несколько тысяч долларов, если я правильно угадала модельера. Этот цвет так оттенял ее лицо, что оно казалось еще более совершенным, чем обычно, и подчеркивал голубизну ее глаз. Волосы Нины поседели, как и мои, но она по-прежнему носила их длинными, закрепив бареткой, и это ее не портило. Напротив, она выглядела шикарно и моложаво, а у меня было ощущение, что мои короткие искусственные локоны блестят от синьки.

Вряд ли можно было подумать, что я на четыре года моложе Нины. Время обошлось с ней не слишком сурово. И она чаще искала и получала Подпитку.

Нина поставила чашку с блюдцем на столик и вновь беспокойно заходила по комнате. Это было совсем на нее не похоже — проявлять такую нервозность. Остановившись перед застекленным шкафчиком, она обвела взглядом вещицы из серебра и олова и замерла в изумлении.

— Господи, Мелани… Пистолет! Разве можно в таком месте хранить старый пистолет?

— Это антикварная вещь, — пояснила я. — И очень дорогая. Вообще ты права, глупо держать его тут. Но во всем доме нет больше ни одного шкафчика с замком, а миссис Ходжес часто берет с собой внуков, когда навещает меня…

— Так он что, заряжен?!

— Нет, конечно, — солгала я. — Но детям вообще нельзя играть с такими вещами… — Я неловко замолчала.

Нина кивнула, но в ее улыбке была изрядная доля снисходительности, и она не пыталась это скрыть. Она подошла к южному окну и выглянула в сад.

Будь она проклята! Нина Дрейтон даже не узнала тот пистолет. Это много о ней говорит.

В тот день, когда его убили, Чарлз Эдгар Ларчмонт считался моим кавалером уже ровно пять месяцев и два дня. Об этом не объявляли официально, но мы должны были пожениться. Эти пять месяцев представили, как в микрокосмосе, всю ту эпоху — наивную, игривую, подчиненную строгим правилам настолько, что она казалась манерной. И еще романтичной. Причем в самом худшем смысле этого слова — подчиненной слащавым либо глупым идеалам, к которым могли стремиться только подростки. Мы были как дети, играющие с заряженным оружием.

У Нины — тогда она была Ниной Хокинс — тоже имелся кавалер: высокий неуклюжий англичанин, исполненный самых благих намерений. Звали его Роджер Харрисон. Мистер Харрисон познакомился с Ниной в Лондоне годом раньше, в самом начале поездки Хокинсов по Европе. Этот долговязый англичанин объявил всем, что он сражен, — еще одна нелепость той ребяческой эпохи, — и стал ездить за Ниной из одной европейской столицы в другую, пока ее отец, скромный торговец галантереей, вечно готовый дать отпор всему свету из-за своего сомнительного положения в обществе, довольно сурово не отчитал его. Тогда Харрисон вернулся в Лондон, — чтобы привести в порядок дела, как он сказал, — а через несколько месяцев объявился в Нью-Йорке, как раз в тот момент, когда Нину собрались отправить к тетушке в Чарлстон, чтобы положить конец другому ее любовному приключению. Но это не могло остановить неуклюжего англичанина, и он отправился за ней на юг, строго соблюдая при этом все правила протокола и этикета тех дней.

У нас была превеселая компания. На следующий день после того, как я познакомилась с Ниной на июньском балу у кузины Селии, мы наняли лодку и отправились вчетвером вверх по реке Купер к острову Дэниел на пикник. Роджер Харрисон обо всем судил серьезно и даже немного напыщенно и потому был отличной мишенью для Чарлза с его совершенно непочтительным чувством юмора. Роджер, похоже, совсем не обижался на добродушное подтрунивание; во всяком случае, он всегда присоединялся к общему смеху со своим непривычным британским хохотом.

Нина была без ума от всего этого. Оба джентльмена осыпали ее знаками внимания, хотя Чарлз всегда подчеркивал, что его сердце отдано мне, но все понимали: Нина Хокинс — одна из тех девушек, которые неизменно становятся центром притяжения мужской галантности и внимания в любой компании. Общество Чарлстона тоже вполне оценило шарм нашей четверки. В течение двух месяцев того, теперь уже такого далекого, лета ни одна вечеринка, ни один пикник не могли считаться удавшимися, если не приглашали нас, четверых шалунов, и если мы не соглашались участвовать в этом. Наше первенство в светской жизни было столь заметным и мы получали от него столько удовольствия, что кузина Селия и кузина Лорейн уговорили своих родителей отправиться в ежегодную августовскую поездку в штат Мэн на две недели раньше.

Не могу припомнить, когда у меня с Ниной возникла эта идея насчет дуэли. Возможно, в одну из тех долгих жарких ночей, когда одна из нас забиралась в постель к другой и мы шептались и хихикали, задыхаясь от приглушенного смеха, едва послышится шорох накрахмаленного

передника, выдававший присутствие какой-нибудь горничной-негритянки в темных коридорах. Во всяком случае, идея эта естественно возникла из романтических притязаний того времени. Эта картинка — Чарлз и Роджер дерутся на дуэли из-за какого-то абстрактного пункта в кодексе чести, касающегося нас, — наполняла меня и Нину прямо-таки физическим возбуждением.

Все это выглядело бы совершенно безобидным, если бы не наша Способность. Мы так успешно манипулировали мужчинами (а общество того времени ожидало от нас такого поведения и одобряло его), что ни я, ни Нина не подозревали о существовании чего-то необычного в нашей способности переводить свои капризы в действия других людей. Парапсихологии тогда не существовало; точнее, она сводилась к стукам и столоверчению во время игр в гостиных. Как бы то ни было, мы несколько недель забавлялись, предавались фантазиям и шепотом обсуждали их, а потом одна из нас — или мы обе? — воспользовалась нашей Способностью, чтобы перевести фантазию в реальность.

В некотором смысле то была наша первая Подпитка.

Я уже не помню, что послужило предлогом для дуэли — возможно, недоразумение, связанное с какой-то шуткой Чарлза. Не помню, кого Чарлз и Роджер уговорили стать секундантами во время той противозаконной прогулки. Я помню только обиженное и удивленное лицо Роджера Харрисона. Оно было просто карикатурой на тяжеловесную ограниченность и недоумение человека, попавшего в безвыходную ситуацию, созданную вовсе не им самим. Помню, как поминутно менялось настроение Чарлза, веселье и шутки внезапно переходили в депрессию и мрачный гнев; помню слезы и поцелуи в ночь накануне дуэли.

То утро было прекрасным. С реки поднимался туман, смягчивший жаркие лучи восходящего солнца. Мы направлялись к месту дуэли. Помню, как Нина порывисто потянулась ко мне и пожала мою руку — это движение отдалось во мне электрическим током.

Большая часть происшедшего в то утро — провал, белое пятно. Возможно, из-за напряжения того первого, неосознанного случая Подпитки я буквально потеряла сознание, меня захлестнули волны страха, возбуждения, гордости… Я поняла, что все это происходит наяву, и в то же время ощущала, как сапоги шуршат по траве. Кто-то громко считал шаги. Смутно помню тяжесть пистолета в чьей-то руке… Наверное, то была рука Чарлза, но я этого никогда не узнаю в точности. Помню миг холодной ярости, затем выстрел прервал нашу внутреннюю связь, а острый запах пороха привел меня в чувство.

Погиб Чарлз. Никогда не изгладится из моей памяти вид невероятного количества крови, вылившейся из маленькой круглой дырочки в его груди. Когда я подбежала к нему, его белая рубашка стала алой. В наших фантазиях не было никакой крови. Там не было и этой картины: голова Чарлза запрокинута назад, на окровавленную грудь изо рта стекает слюна, а глаза закатились, так что видны только белки, как два яйца в черепе. Когда Роджер Харрисон рыдал на этом поле погибшей невинности, Чарлз сделал последний судорожный вздох.

Что случилось потом, я не помню. Только на следующее утро я открыла матерчатую сумку и нашла там среди своих вещей пистолет Чарлза. Зачем мне понадобилось его сохранить? Если я хотела взять что-то на память о своем погибшем возлюбленном, зачем было брать этот кусок металла? Зачем было вынимать из его мертвой руки символ нашего безрассудного греха?

Нина даже не узнала этого пистолета. И этим о ней все сказано.

Прибыл Вилли.

О приезде нашего друга объявил не мистер Торн, а компаньонка Нины, эта омерзительная мисс Баррет Крамер. Она выглядела бесполой: коротко подстриженные черные волосы, мощные плечи и пустой агрессивный взгляд, который ассоциируется у меня с лесбиянками и уголовницами. По моему мнению, ей было лет тридцать пять.

— Спасибо, милочка, — сказала Нина.

Я вышла поприветствовать Вилли, но мистер Торн уже впустил его, и мы встретились в холле.

— Мелани! Ты просто великолепна! С каждой нашей встречей ты кажешься все моложе. Нина! — Когда он повернулся к Нине, голос его заметно изменился.

Мужчины по-прежнему испытывали легкое потрясение, видя Нину после долгой разлуки. Далее пошли объятия и поцелуи. Сам Вилли выглядел еще ужаснее, чем когда-либо. Спортивный пиджак на нем был от прекрасного портного, а ворот свитера успешно скрывал морщинистую кожу шеи с безобразными пятнами, но, когда он сдернул с головы веселенькую кепку, длинные пряди седых волос, зачесанные вперед, чтобы скрыть разрастающуюся плешь, рассыпались, и картина стала неприглядной. Лицо Вилли раскраснелось от возбуждения, на носу и щеках предательски проступали капилляры, выдавая чрезмерное пристрастие к алкоголю и наркотикам.

— Милые леди, вы, кажется, уже знакомы с моими компаньонами

Томом Рейнолдсом и Дженсоном Лугаром?

Двое мужчин подошли ближе, и теперь в моем узком холле собралась, казалось, целая толпа. Мистер Рейнолдс оказался худым блондином; он улыбался, обнажая зубы с прекрасными коронками. Мистер Лугар — огромного роста негр с массивными плечами, на его грубом лице застыло угрюмое, обиженное выражение. Я была абсолютно уверена, что ни я, ни Нина никогда прежде не видели этих приспешников Вилли.

— Что ж, пройдемте в гостиную? — предложила я.

Толкаясь и суетясь, мы поднялись наверх и в конце концов втроем уселись в тяжелые мягкие кресла вокруг чайного столика Георгианской эпохи, доставшегося мне от дедушки.

— Принесите нам еще чаю, мистер Торн.

Мисс Крамер поняла намек и удалилась, но пешки Вилли по-прежнему неуверенно топтались у двери, переминаясь с ноги на ногу и поглядывая на выставленный хрусталь, как будто от одного их присутствия что-нибудь могло разбиться. Я бы не удивилась, если бы это действительно случилось.

— Дженс! — Вилли щелкнул пальцами.

Негр немного постоял в нерешительности, затем подал дорогой кожаный кейс. Вилли положил его на столик и открыл застежки своими короткими, толстыми пальцами.

— Ступайте отсюда. Слуга мисс Фуллер даст вам чего-нибудь выпить.

Когда они вышли, он покачал головой и улыбнулся Нине:

— Извини меня, дорогая.

Нина тронула Вилли за рукав и наклонилась с таким видом, словно предвкушала что-то:

— Мелани не позволила мне начать Игру без тебя. Это так ужасно с моей стороны, что я хотела сделать это, правда, Вилли, дорогой?

Тот нахмурился. Пятьдесят лет прошло, а он все еще дергался, когда его называли Вилли. В Лос-Анджелесе он был Большой Билл Борден. А когда возвращался в свою родную Германию — не очень часто, из-за связанных с этим опасностей, — то снова становился Вильгельмом фон Борхертом, владельцем мрачного замка, леса и охотничьего выезда. Нина назвала его Вилли в их самую первую встречу в Вене в 1931 году, и он так и остался для нее Вилли.

— Начинай, Вилли, — сказала Нина. — Ты первый.

Я еще хорошо помню, как раньше, встречаясь после долгой разлуки, мы по нескольку дней проводили за разговорами, обсуждая все, что случилось с нами. Теперь у нас не было времени даже на такие салонные

беседы.

Обнажив в улыбке зубы, Вилли вытащил из кейса газетные вырезки, записные книжки и стопку кассет. Он едва успел разложить свои материалы на столике, как вошел мистер Торн и принес чай, а также альбом Нины из оранжереи. Вилли резкими движениями расчистил на столе немного места.

На первый взгляд Вильгельм фон Борхерт и мистер Торн были чем-то похожи, но только на первый, ошибочный взгляд. Оба краснолицые, но если цвет лица Вилли свидетельствовал об излишествах и разгуле эмоций, то мистер Торн не знал ни того ни другого уже много лет. Вилли стыдливо прятал свою лысину, проступающую тут и там, как у ласки, заболевшей лишаем, а обнаженная голова мистера Торна была гладкой, как колено, даже трудно представить, что у него когда-то были волосы. У обоих — серые глаза (романист назвал бы их холодными), но у мистера Торна глаза были холодны от безразличия, во взгляде светилась ясность, порожденная абсолютным отсутствием беспокойных эмоций и мыслей. В глазах же Вилли таился холод порывистого зимнего ветра с Северного моря, их часто заволакивало переменчивым туманом обуревавших его чувств — гордости, ненависти, удовольствия причинять боль, страсти от разрушения. Вилли никогда не называл использование Способности Подпиткой — похоже, только я мысленно применяла это слово; но он иногда говорил об Охоте. Возможно, он вспоминал о темных лесах своей родины, когда выслеживал жертв на стерильных улицах Лос-Анджелеса. Я подумала интересно, а снится ли Вилли этот лес? Вспоминает ли он охотничьи куртки зеленого сукна, приветственные крики егерей, кровь, хлещущую из туши умирающего кабана? Или он вспоминает топот сапог по мостовым и стук кулаков в двери — кулаков его помощников? Возможно, у Вилли Охота все еще связана с тьмой европейской ночи, с горящими печами, за которыми присматривал и он сам.

Я называла это Подпиткой, Вилли — Охотой. Однако я никогда не слышала, как это называла Нина. Пожалуй, никак.

— Где у тебя видео? — спросил он. — Я все записал на пленку.

— Ах, Вилли, — раздраженно сказала Нина. — Ты же знаешь Мелани. Она такая старомодная. У нее нет видео.

— У меня нет даже телевизора, — призналась я.

Нина рассмеялась.

— Черт побери, — пробормотал Вилли. — Ладно. У меня тут имеются и другие записи. — Он сдернул резиновую стяжку с черной записной книжки. — Просто на пленке было бы гораздо лучше. Телекомпании Лос-

Анджелеса уделили много внимания «голливудскому душителю», а я еще кое-что добавил… Ну, неважно. — Он бросил кассеты в кейс и с треском захлопнул крышку. — Двадцать три, — продолжил он. — Двадцать три, с нашей последней встречи год назад. Как время пролетело.

— Покажи. — Нина снова наклонилась вперед. Ее голубые глаза блестели. — Я иногда думала, что ты имеешь к нему отношение, после того как увидела этого «душителя» в «Шестидесяти минутах». Значит, он был твой, да, Вилли? Он имел такой вид…

— Ja, ja, [86]он был мой. Вообще-то он никто. Так, пугливый человечек, садовник одного моего соседа. Я оставил его в живых, чтобы полиция могла допросить его и развеять все сомнения. Он повесился в камере через месяц после того, как пресса потеряла к нему интерес. Но тут есть кое-что более любопытное. Смотрите. — Вилли бросил на стол несколько глянцевых черно-белых фотографий. — Исполнительный директор Эн-би-си убил пятерых членов своей семьи и утопил в плавательном бассейне пришедшую в гости актрису из «мыльной оперы». Потом он несколько раз ударил себя ножом в грудь и кровью написал «И еще пятьдесят» на стене строения, где был бассейн.

— Вспоминаешь старые подвиги, Вилли? — спросила Нина — «Смерть свиньям» и все такое прочее?

— Да нет же, черт возьми. Я считаю, мне положены лишние очки за иронию. Девица все равно должна была утонуть в своем сериале. Так написано в сценарии.

— Трудно было его использовать? — Этот вопрос задала я, поневоле испытывая какой-то интерес.

Вилли поднял бровь:

— Не очень. Он был алкоголиком, да к тому же прочно сидел на игле. От него мало что осталось. Семью свою он ненавидел, как и большинство людей.

— Возможно, большинство людей в Калифорнии, но не везде. — Нина поджала губы. Довольно странная реплика в ее устах. Отец Нины совершил самоубийство — бросился под троллейбус.

— Где ты установил контакт? — спросила я.

— На какой-то вечеринке. Обычное дело. Он покупал наркотики у режиссера, который довел до ручки одного из моих…

— Тебе пришлось повторить контакт?

Вилли нахмурился, глядя на меня. Он пока сдерживал злость, но лицо его покраснело.

— Ja, ja. Я видел его еще пару раз. Однажды я просто смотрел из окна

автомобиля, как он играет в теннис.

— Очки за иронию дать можно, — сказала Нина. — Но за повторный контакт очки надо снять. Если он — пустышка, как ты сам говоришь, ты должен был использовать его после первого же контакта. Что еще?

Дальше шел обычный набор: жалкие убийства в трущобах, пара бытовых убийств в семье, столкновение на шоссе, закончившееся стрельбой и смертью.

— Я был в толпе, — сказал Вилли. — Я сразу установил контакт. У него в бардачке был пистолет.

— Два очка, — улыбнулась Нина.

Один добротный случай Вилли оставил напоследок. Нечто странное приключилось с человеком, когда-то в молодости бывшим знаменитостью, кинозвездой. Он вышел из своей квартиры в Бел-Эйр, а пока его не было дома, она заполнилась газом, потом он вернулся и зажег спичку. Взрыв, пожар, кроме него погибли еще два человека.

— Очки только за него, — сказала Нина.

— Ja, ja.

— А ты уверен, что все так и произошло? Это мог быть обычный несчастный случай…

— Не смеши, — оборвал ее Вилли и повернулся ко мне: — Его было довольно трудно использовать. Очень сильная личность. Я стер в его памяти информацию о том, что он включил газ. Надо было заблокировать ее на целых два часа, а потом заставить его войти в комнату. Он бешено сопротивлялся, не хотел зажигать спичку.

— Надо было заставить его чиркнуть зажигалкой.

— Он не курил, — проворчал Вилли. — Бросил в прошлом году.

— Да, — улыбнулась Нина. — Кажется, я помню; он говорил об этом Джонни Карсону.

Я не могла понять, шутит она или говорит серьезно.

Потом мы втроем подсчитали очки, как бы исполняя ритуал. Больше всех говорила Нина. Вилли сначала хмурился, потом разошелся, потом снова стал угрюмым. Был момент, когда он потянулся ко мне и со смехом похлопал меня по колену, прося помощи. Я никак не отреагировала. В конце концов он сдался, подошел к бару и налил себе бокал виски из графина моего отца. Сквозь цветные стекла эркера пробивались последние, почти горизонтальные лучи вечернего солнца и падали красным пятном на Вилли, стоявшего рядом с буфетом мореного дуба. Глаза его казались крохотными красными угольками, вставленными в кровавую маску.

— Сорок одно очко, — подвела итог Нина. Она посмотрела на нас

блестящими глазами и подняла калькулятор, как будто он мог подтвердить какой-то объективный факт. — Я насчитала сорок одно очко. А ты, Мелани?

— Ja, — перебил ее Вилли. — Прекрасно. Теперь глянем на твою заявку, милая Нина.

Он говорил тусклым, бесцветным голосом. Даже Вилли начинал терять интерес к Игре.

Не успела Нина начать, как вошел мистер Торн и объявил, что обед подан. Прежде чем мы перешли в столовую, Вилли налил себе еще из графина, а Нина взмахнула руками, изображая отчаяние из-за того, что пришлось прервать Игру. Когда мы сели за длинный стол красного дерева, я постаралась вести себя, как подобает настоящей хозяйке дома. По традиции, в течение уже нескольких десятков лет разговоры об Игре за обеденным столом были запрещены. За супом мы обсудили последний фильм Вилли и Нинину покупку еще одной из ее модных лавок. Ежемесячная колонка Нины в «Вог», похоже, будет снята, но ею заинтересовался газетный синдикат, готовый продолжить дело.

Запеченный окорок был встречен восторженными похвалами, но мне показалось, что мистер Торн пересластил соус. Когда мы перешли к шоколадному муссу, за окнами стало совсем темно. Отблески отраженного света люстры плясали на локонах Нины, мои же волосы больше обычного отдавали синевой — во всяком случае, так мне казалось.

Внезапно со стороны кухни послышался какой-то шум. В дверях появился негр-гигант. На его плече лежали чьи-то белые руки, от которых он пытался освободиться, а на лице застыло выражение, как у обиженного ребенка.

— Какого черта мы тут сидим, как… — Но руки тут же уволокли его.

— Извините меня, дорогие леди. — Вилли прижал салфетку к губам и встал.

Несмотря на возраст, он все еще сохранял грацию движений.

Нина ковыряла ложкой в шоколадном муссе. Мы услышали, как из кухни донеслась резкая, короткая команда, потом звук удара. Вероятно, бил мужчина: звук был жесткий и хлесткий, как выстрел из малокалиберной винтовки. Я подняла глаза. Мистер Торн убирал тарелки из-под десерта.

— Пожалуйста, кофе, мистер Торн. Всем кофе.

Он кивнул, мягко улыбаясь.

Франц Антон Месмер знал об этом, хотя и не понимал, что это такое. Я подозреваю, Месмер сам имел зачатки Способности. Современная

псевдонаука изучала это, нашла для этого новые названия, уничтожила большую часть этой мощи, перепутала ее источники и способы использования, но это остается лишь тенью того, что открыл Месмер. У них нет никакого представления о том, что значит ощущать Подпитку.

Я в отчаянии от разгула насилия в нынешние времена. Иногда я целиком отдаюсь этому отчаянию, падаю в глубокую пропасть без какого-либо будущего — пропасть отчаяния, которое поэт Джерард Мэнли Хопкинс называл «утехой падали». Я смотрю на эту всеамериканскую скотобойню, на все эти покушения на президентов, римских пап и бесчисленное количество других людей и иногда задумываюсь: может быть, в мире есть много таких, как мы, обладающих нашей Способностью? Или такая вот бойня стала теперь просто образом жизни?

Все человеческие существа питаются насилием, они питаются властью над другими, но мало кто испробовал то, что есть у нас, — абсолютную власть. Без этой Способности очень немногим знакомо несравненное наслаждение в момент лишения человека жизни. Без этой Способности даже те, кто питается жизнью, не могут смаковать поток эмоций в охотнике и его жертве, абсолютный восторг нападающего, который ушел далеко за грань всех правил и наказаний, и странное, почти сексуальное чувство покорности, охватывающее жертву в последнее мгновение истины, когда уже нет никакого выбора, когда будущее уничтожено, когда все возможности стерты в акте подчинения другого своей абсолютной власти.

Меня приводит в отчаяние нынешний разгул насилия, его безличность и случайность. Насилие стало доступным слишком многим. У меня был телевизор, но я его продала в самый разгар войны во Вьетнаме. Эти стерильные кусочки смерти, отнесенные вдаль линзой камеры, совершенно ни о чем мне не говорили. Но наверное, они что-то значили для того сброда, который нас окружает. Когда закончилась война, а вместе с ней ежевечерние подсчеты трупов по телевидению, этот сброд потребовал: «Еще! Еще!» И тогда на экраны и на улицы городов этой милой умирающей нации была выброшена масса посредственных убийств на потребу толпе. Я-то хорошо знаю эту наркотическую тягу. Все они упускают главное. Насильственная смерть, если ее просто наблюдать, — всего лишь грустная смазанная картинка смятения и хаоса. Но для тех из нас, кто испытал Подпитку, смерть является таинством.

— Теперь моя очередь! Моя! — Голос Нины все еще напоминал интонации красавицы, приехавшей в гости и только что заполнившей танцевальную карточку именами кавалеров на июньском балу кузины

Селии.

Мы вернулись в гостиную. Вилли допил свой кофе и попросил у мистера Торна коньяку. Мне стало стыдно за Вилли. Когда допускаешь даже намек на небрежность в поведении в кругу самых близких людей, это верный признак ослабления Способности. Нина, казалось, ничего не замечала.

— Тут у меня все разложено по порядку. — Она раскрыла свой альбом с вырезками на уже прибранном чайном столике.

Вилли аккуратно просмотрел все. Иногда он задавал вопросы, но чаще ворчал что-то, выражая согласие. Время от времени я тоже давала понять, что согласна, хотя ни о чем из перечисленного не слышала. За исключением, разумеется, того битла. Нина приберегла его под конец.

— Боже мой, Нина, так это ты? — Вилли был почти в ярости.

Нина кормилась в основном самоубийствами на Парк-авеню и ссорами между мужем и женой, заканчивавшимися выстрелами из дорогих дамских пистолетов малого калибра. А случай с битлом больше походил на топорный стиль Вилли. Возможно, он счел, что кто-то вторгается на его территорию.

— Я хочу сказать… ты же сильно рисковала. Черт побери… Такая огласка!..

Нина засмеялась и положила калькулятор.

— Вилли, дорогой, но ведь в этом весь смысл Игры!

Он подошел к буфету и снова налил себе коньяку. Ветер трепал голые сучья перед окнами синеватого стекла эркера. Я не люблю зиму. Даже на юге она угнетает дух.

— Разве этот, как его, разве он не купил пистолет на Гавайях или где-то там еще? — спросил Вилли, все еще стоя в противоположном углу. — По-моему, он сам проявил инициативу. Я хочу сказать, если он уже подбирался к этому…

— Вилли, дорогой. — Голос Нины стал таким же холодным, как ветер, что трепал голые сучья за окном. — Никто не говорит, что он был уравновешенным человеком. А разве кто-нибудь из твоих людей был уравновешенным? И все же именно я заставила его сделать это. Я выбрала место, выбрала время. Неужели не ясно, насколько удачен выбор места? После той милой шалости с режиссером колдовского фильма несколько лет назад? Все прямо по сценарию…

— Не знаю. — Вилли тяжело опустился на диван, пролив коньяк на свой дорогой пиджак. Он ничего не заметил. Свет лампы отражался на его лысеющем черепе. Старческие пятна вечером проступали отчетливее, а

шея, где ее не прикрывал ворот свитера, представляла собой сплошное сплетение жил. — Не знаю. — Он поднял на меня глаза и вдруг заговорщицки улыбнулся. — Все как с тем писателем, правда, Мелани? Возможно, именно так.

Нина опустила глаза и теперь смотрела на свои руки, сложенные на коленях. Кончики ее ухоженных пальцев побелели.

«Вампиры мозга». Так этот писатель собирался назвать свою книгу. Иногда я думаю: а мог ли он вообще что-нибудь написать? Как же его звали?… Что-то русское.

Однажды мы оба, Вилли и я, получили телеграммы от Нины:

ПРИЕЗЖАЙТЕ КАК МОЖНО СКОРЕЕ ТЧК ВЫ НУЖНЫ МНЕ ТЧК

Этого было достаточно. На следующее утро я полетела в Нью-Йорк первым же рейсом. Самолет был винтовой, поэтому очень шумный, и я большую часть времени пыталась убедить чересчур заботливую стюардессу, что мне ничего не нужно и я вообще чувствую себя прекрасно. Она явно решила, что я — чья-то бабушка, впервые путешествующая самолетом.

Вилли ухитрился прилететь на двадцать минут раньше меня. Нина совершенно потеряла голову: я никогда не видела, чтобы она была так близка к истерическому припадку. Оказалось, что двумя днями раньше она гостила у кого-то в Нижнем Манхэттене (она, конечно, потеряла голову, но не настолько, чтобы отказать себе в удовольствии упомянуть, какие важные лица присутствовали), и там, в укромном уголке гостиной, обменялась заветными мыслями с молодым писателем. Точнее, писатель поделился с нею кое-какими заветными мыслями. По словам Нины, это был довольно замызганный тип — жиденькая бороденка, очки с толстыми линзами, вельветовый пиджак, старая фланелевая рубашка в клетку; в общем, один из тех, кто непременно попадается на удавшихся вечеринках, как утверждает Нина. Слово «битник» уже вышло из моды, и Нина это знала, поэтому она его и не называла так, а слово «хиппи» еще никто не употреблял, да оно и не подходило к нему. Он был из тех писателей, что едва-едва зарабатывают себе на хлеб, по крайней мере в наше время: сочинял вздор с трупами и кровью и писал романы по телесериалам. Александр… фамилию не помню.

У него была идея, сюжет для новой, уже начатой книги. Идея

заключалась в том, что многие из тогдашних убийств на самом деле задумывались небольшой группой убийц-экстрасенсов (он называл их «вампирами мозга»), которые использовали других людей для исполнения своих кошмарных деяний. Писатель сказал, что одно издательство, специализирующееся на массовых карманных книжках, проявило интерес к его заявке и готово заключить с ним контракт хоть сейчас, если он изменит название и добавит немного секса.

— Ну и что? — спросил Вилли почти с отвращением. — И из-за этого ты заставила меня лететь через весь материк? Я бы сам купил такую идею и сделал бы по ней фильм.

Мы воспользовались этим предлогом, чтобы хорошенько допросить Александра, когда Нина на следующий день устроила экспромтом небольшую вечеринку. Меня там не было. Вечер прошел не очень удачно, по словам Нины, но он дал Вилли шанс как следует побеседовать с этим молодым многообещающим романистом. Писателишка выказал прямо-таки суетливую готовность угодить Биллу Бордену, продюсеру «Парижских воспоминаний», «Троих на качелях» и еще пары фильмов, чьи названия не удерживались в памяти. Они шли во всех открытых кинотеатрах тем летом. Оказалось, что «книга» представляет собой довольно потертую тетрадку с изложением сюжета и десятком страниц заметок. Однако он был уверен, что за пять недель сможет сделать развернутый конспект сценария; может быть, даже за три недели, если отправить его в Голливуд, к источнику «истинного творческого вдохновения».

Поздно вечером мы обсудили и такую возможность. Но у Вилли как раз было туго с наличностью, а Нина настаивала на решительных мерах. В конце концов молодой писатель вскрыл лезвием «жилетт» бедренную артерию и выбежал с истошным воплем в узкий переулок Гринвич-Виллидж, где и умер. Я уверена, никто не потрудился разобрать оставшиеся после него заметки и прочий хлам.

— Может быть, все будет как с тем писателем, ja, Мелани? — Вилли потрепал меня по колену. — Он был мой, а Нина хотела записать его на свой счет. Помнишь?

Я кивнула. На самом деле ни Нина, ни Вилли не имели к этому никакого отношения. Я не пошла тогда к Нине, чтобы позднее установить контакт с молодым человеком, а он и не заметил, что за ним кто-то идет. Все оказалось проще простого. Помню, как сидела в слишком жарко натопленной маленькой кондитерской напротив жилого дома. Все закончилось так быстро, что я почти не ощутила Подпитки. Потом я вновь

услышала звук шипящих радиаторов и почувствовала запах ванили, а люди бросились к дверям посмотреть, кто кричит. Я медленно допила свой чай, чтобы не пришлось выходить раньше, чем уедет «скорая».

— Вздор, — сказала Нина, снова занявшись своим крохотным калькулятором. — Сколько очков?

Она посмотрела на меня, потом на Вилли.

— Шесть. — Он пожал плечами.

Нина сделала вид, что складывает очки.

— Тридцать восемь. — Она артистично вздохнула. — Ты опять выиграл, Вилли. Точнее, обыграл меня. Мы еще послушаем Мелани. Ты сегодня что-то очень уж тихая, моя дорогая. У тебя, наверное, какой-то сюрприз для нас?

— Да, — кивнул Вилли. — Твоя очередь выигрывать, Мелани. Ты ждала этого несколько лет.

— У меня — ничего.

Я ожидала взрывного эффекта, потока вопросов, но тишину нарушало лишь тиканье часов на каминной полке. Нина смотрела в угол, словно пыталась увидеть что-то прячущееся в темноте.

— Ничего? — переспросил Вилли.

— Ну, был… один, — призналась я наконец. — Хотя это просто случай. Я увидела их, когда они грабили старика за… Просто случай.

Вилли разволновался. Он встал, подошел к окну, повернул старый стул спинкой к нам и сел на него верхом, сложив руки.

— Что это значит?

— Ты отказываешься от Игры? — Нина в упор посмотрела на меня.

Я промолчала — ответ был ясен.

— Но почему? — резко спросил Вилли.

От волнения у него снова прорезался немецкий акцент.

Если бы я воспитывалась в эпоху, когда молодым леди было позволено пожимать плечами, я бы сейчас пожала плечами. А так — просто провела пальцами по воображаемому шву своей юбки. Вопрос задал Вилли, но, когда я ответила, мои глаза смотрели прямо на Нину.

— Я устала. Все это тянется так долго. Наверное, я старею.

— Если не будешь охотиться, еще не так постареешь, — констатировал Вилли. Его поза, голос, красная маска лица — все говорило о том, как он зол. Он еле сдерживался. — Боже мой, Мелани, ты уже выглядишь старухой. Ты ужасно выглядишь, ужасно! Мы ведь ради этого и охотимся, разве не ясно? Посмотри на себя в зеркало! Ты что, хочешь умереть старухой, и все только потому, что устала их использовать? —

Вилли встал и повернулся к нам спиной.

— Вздор! — Голос Нины был твердым и уверенным. Она снова овладела ситуацией. — Мелани устала, Вилли. Будь с ней поласковее. У всех бывают такие моменты. Я помню, как ты сам выглядел после войны. Как побитый щенок. Ты не мог выйти из своей жалкой квартиры в Бадене. Даже когда мы помогли тебе перебраться в Нью-Джерси, ты просто сидел, хандрил и жалел себя. Мелани придумала Игру, лишь бы поднять твое настроение. Так что не шуми. И никогда не говори леди, если она устала и немного подавлена, что она ужасно выглядит. Ну правда, Вилли, ты иногда такой Schwachsinniger. [87]И к тому же жуткий хам.

Я предвидела разные реакции на свое заявление, но вот этой боялась больше всего. Это означало, что Нине тоже наскучила Игра и она готова перейти на новый уровень поединка. Другого объяснения не было.

— Спасибо, Нина, милая, — сказала я. — Я знала что ты поймешь меня.

Она потянулась ко мне и коснулась колена, словно желая подбодрить. Даже сквозь шерсть юбки я почувствовала, как холодны ее пальцы.

Мои гости ни за что не хотели оставаться ночевать у меня. Я умоляла их, упрекала, говорила, что их комнаты готовы, что мистер Торн уже разобрал постели.

— В следующий раз, — сказал Вилли. — В следующий раз, Мелани, моя радость. Мы останемся на весь уик-энд, как когда-то. Или на целую неделю!

Настроение Вилли заметно улучшилось после того, как он получил по тысяче долларов от меня и от Нины в качестве приза. Сначала он отказывался, но я настаивала. А когда мистер Торн принес чек на имя Уильяма Д. Бордена, было видно, что Вилли это пришлось по душе.

Я снова попросила его остаться, но он сообщил, что у него уже заказан билет на самолет до Чикаго. Нужно было встретиться с автором, который только что получил какую-то премию, и договориться насчет сценария. И вот он уже обнимал меня на прощанье, мы стояли в тесном холле, его компаньоны ждали у меня за спиной, а я на мгновение ощутила ужас.

Но они ушли. Светловолосый молодой человек продемонстрировал белозубую улыбку, негр на мгновение втянул голову — это, наверное, была его манера прощаться. И мы остались одни. Мы с Ниной.

Но не совсем одни. Мисс Крамер стояла рядом с Ниной в конце холла. Мистер Торн находился за дверью в кухне. Его не было видно, и я оставила его там.

Мисс Крамер сделала три шага вперед. На мгновение я перестала дышать. Мистер Торн поднял руку и коснулся двери. Но крепкая брюнетка подошла к шкафу, сняла с вешалки пальто Нины и помогла ей одеться.

— Может, все же останешься?

— Нет, Мелани. Я обещала Баррет, что мы поедем в отель.

— Но уже поздно…

— Мы заранее заказали номер. Спасибо. Я непременно свяжусь с тобой.

— Да.

— Правда, правда, милая Мелани. Нам обязательно нужно поговорить. Я тебя понимаю, но ты должна помнить, что для Вилли Игра все еще очень важна. Нужно будет найти способ положить этому конец так, чтобы не обидеть его. Может, мы сможем поехать к нему весной в Каринхалле, или как там называется этот его старый мрачный замок в Баварии? Поездка на континент очень помогла бы тебе, дорогая Мелани. Очень.

— Да.

— Я обязательно свяжусь с тобой, как только закончу дела с покупкой магазина. Нам нужно побыть немного вместе, Мелани… Ты и я, никого больше… как в старые добрые времена. — Она поцеловала воздух рядом с моей щекой и на несколько секунд крепко сжала мои локти. — До свидания, дорогая.

— До свидания, Нина.

Я отнесла коньячный бокал на кухню. Мистер Торн молча взял его.

— Посмотрите, все ли в порядке, — велела я.

Он кивнул и пошел проверять замки и сигнализацию. Было всего лишь без четверти десять, но я чувствовала себя очень уставшей.

«Возраст», — подумала я, поднимаясь по широкой лестнице.

Эта лестница, пожалуй, была самой красивой частью дома.

Я переоделась для сна. За окном разразилась буря, в ударах ливневых струй по стеклу слышался нарастающий печальный ритм.

Я расчесывала волосы, жалея, что они такие короткие, когда в спальню заглянул мистер Торн. Я повернулась к нему. Он опустил руку в карман своего темного жилета. Когда он вытащил руку, сверкнуло тонкое лезвие. Я кивнула. Он сложил нож и закрыл за собой дверь. Было слышно, как его шаги удаляются вниз по лестнице — к стулу в передней, где ему предстояло провести ночь.

Кажется, в ту ночь мне снились вампиры. А может, я думала о них перед тем, как заснуть, и обрывки мыслей застряли в голове до утра. Из

всех ужасов, какими человечество пугает себя, из всех жалких крохотных чудовищ только в мифе о вампирах есть какой-то намек на внутреннее достоинство. Вампиром движут его собственные темные влечения — как и теми, кем он питается. Но в отличие от жалких человеческих жертв вампир ставит себе единственную цель, способную оправдать грязные средства: бессмертие, в буквальном смысле. В этом есть благородство. И печаль.

Вилли прав, я действительно постарела. Этот последний год отнял у меня больше, чем предыдущее десятилетие. И все же я не прибегала к Подпитке. Несмотря на голод, несмотря на стареющее отражение в зеркале, несмотря на темное влечение, правившее нашей жизнью столько лет, я ни разу не прибегала к Подпитке.

Я заснула, пытаясь вспомнить черты лица Чарлза.

Я заснула голодной.

Когда я проснулась, сквозь ветви пробивались яркие лучи солнца. Был один из тех хрустальных зимних дней, из-за которых стоит жить на юге: совсем не то, что на севере, где янки с тоской пережидают зиму. Над крышами виднелись зеленые верхушки пальм. Когда мистер Торн принес мне завтрак на подносе, я велела ему слегка приоткрыть окно. Я пила кофе и слушала, как во дворе играют дети. Несколько лет назад мистер Торн принес бы вместе с подносом утреннюю газету, но я давно поняла, что читать о глупостях и мировых скандалах — лишь осквернять утро. По правде сказать, жизнь общества все меньше занимала меня. Уже двенадцать лет я обходилась без газет, телефона и телевизора и никак от этого не страдала, если только не назвать страданием растущее чувство самоудовлетворения. Я улыбнулась, вспомнив разочарование Вилли, когда он не смог показать нам свои видеокассеты. Вилли просто ребенок!

— Сегодня суббота, не так ли, мистер Торн? — Когда он кивнул, я приказала ему жестом убрать поднос. — Сегодня мы выйдем из дому. На прогулку. Возможно, поедем к форту. Потом пообедаем «У Генри» — и домой. Мне надо сделать кое-какие приготовления.

Мистер Торн слегка задержался и чуть не споткнулся, выходя из комнаты. Я как раз завязывала пояс халата, но тут остановилась — прежде мистер Торн не позволял себе неловких движений. До меня сразу дошло, что он тоже стареет. Он поправил блюда на подносе, кивнул и вышел.

В такое прекрасное утро я не собиралась огорчать себя мыслями о старости. Меня наполняли новая энергия и решимость. Вчерашняя встреча прошла не слишком удачно, но и не так плохо, как могло быть. Я честно сказала Вилли и Нине о том, что намерена выйти из Игры. В следующие

несколько недель или месяцев они, или по крайней мере Нина, начнут задумываться над возможными последствиями этого решения, но к тому моменту, когда они соберутся действовать, вместе или поодиночке, я уже исчезну. Новые да и старые документы уже ожидали меня во Флориде, Мичигане, Лондоне, Южной Франции и даже в Нью-Дели. Хотя Мичиган был пока исключен — я отвыкла от сурового климата. А Нью-Дели стал теперь не так гостеприимен к иностранцам, как перед войной, когда я недолго жила там.

В одном Нина была права: возвращение в Европу пойдет мне на пользу. Я уже тосковала по яркому солнечному свету в моем загородном доме близ Тулона, по сердечности местных крестьян и их умению жить.

Воздух был потрясающе свежим. На мне было простое ситцевое платье и легкое пальто. Когда я спускалась по лестнице, артрит в правой ноге немного мешал мне, но я опиралась на старую трость, принадлежавшую когда-то моему отцу. Молодой слуга-негр вырезал ее для отца в то лето, когда мы переехали из Гринвилла в Чарлстон.

Во дворе нас обдало теплым ветром, и я невольно улыбнулась.

Из своего подъезда вышла миссис Ходжес. Это ее внуки играли со своими друзьями вокруг высохшего фонтана. Уже два столетия двор этот был общим для трех кирпичных зданий. Из них только мой дом не разделен на дорогие городские квартиры.

— Доброе утро, миз Фуллер.

— Доброе утро, миссис Ходжес. Прекрасный день сегодня.

— Замечательный. Собираетесь пройтись по магазинам?

— Нет, всего лишь на прогулку, миссис Ходжес. Странно, что мистера Ходжеса не видно. Мне казалось, по субботам он всегда работает во дворе.

Миссис Ходжес нахмурилась. Мимо пробежала одна из ее маленьких внучек, а за ней с визгом промчалась ее подружка.

— Джон сегодня на причале.

— Днем?

Мне всегда было забавно лицезреть мистера Ходжеса, отправляющегося по вечерам на работу: форма охранника аккуратно выглажена, из-под фуражки торчат седые волосы, сверток с едой крепко зажат под мышкой. Мистер Ходжес походил на пожилого ковбоя, с его дубленой кожей и кривыми ногами. Он был из тех людей, которые вечно собираются уйти на пенсию, но понимают, что образ жизни пенсионера — вроде смертного приговора.

— Да. Один из этих цветных в дневную смену бросил работу в хранилище, и они попросили Джона заменить его. Я сказала ему, что он не

так уж молод, чтобы работать четыре ночи в неделю, а потом еще и в субботу. Но вы же знаете, что он за человек…

— Ну что ж, передайте ему привет от меня. — Мне уже становилось не по себе от этой детской беготни вокруг фонтана.

Миссис Ходжес проводила меня до наших железных кованых ворот.

— Вы куда-нибудь едете отдыхать, миз Фуллер?

— Вероятно, миссис Ходжес. Вполне вероятно.

И вот уже мы с мистером Торном идем не торопясь по тротуару к Батарее. По узкой улочке медленно проехали несколько автомобилей с туристами, которые глазели на дома в нашем старом квартале, но в общем день обещал быть спокойным и безмятежным. Мы свернули на Брод-стрит, откуда уже виднелись мачты яхт и парусных лодок, хотя до воды было еще далеко.

— Пожалуйста, купите билеты, мистер Торн, — попросила я. — Мне бы хотелось посмотреть форт.

Как и большинство людей, живущих по соседству с известной достопримечательностью, я уже много лет просто не замечала ее. Сегодняшнее посещение форта для меня сентиментальный поступок. Я все больше примирялась с мыслью, что мне придется навсегда покинуть эти места. Одно дело — планировать какой-то шаг, и совсем другое — столкнуться с его неизбежной реальностью.

Туристов было мало. Паром отошел от причала и двинулся в путь по спокойной воде гавани. Солнечное тепло и мерный стук дизеля навевали сон, и я слегка задремала. Проснулась я, когда паром уже причаливал к острову у темной громадины форта.

Некоторое время я двигалась вместе с группой туристов, наслаждаясь катакомбной тишиной нижних уровней и даже получая удовольствие от бессмысленно-певучего голоса девушки-экскурсовода. Но когда мы вернулись в музей с его пыльными диорамами и мишурными наборами слайдов, я снова поднялась по лестнице на внешние стены. Жестом велев мистеру Торну оставаться у лестницы, я вышла на бастион. У стены стояла только одна пара — молодые люди с ребенком в ужасно неудобном на вид рюкзачке и с дешевым фотоаппаратом.

Момент был очень приятный. С запада надвигался полуденный шторм, он служил темным фоном для все еще освещенных солнцем шпилей церквей, кирпичных башен и голых ветвей города. Даже на расстоянии двух миль можно было видеть, как по тротуару Батареи прогуливаются люди. Опережая темные тучи, налетел ветер и стал швырять белые комья пены в борта покачивающегося парома и на деревянную пристань. В

воздухе пахло рекой и предзакатной сыростью.

Нетрудно было представить себе, как все происходило в тот давний день. Снаряды падали на форт, пока не превратили верхние этажи в кучи щебня, которые все же давали какую-то защиту. С крыш за Батареей люди вопили «ура» при каждом выстреле. Яркие цвета разодетой толпы и солнцезащитных зонтиков, наверное, приводили в ярость артиллеристов-северян, и в конце концов один из них выстрелил из орудия поверх крыш, усеянных людьми. Должно быть, отсюда забавно было наблюдать за последовавшей затем паникой.

Мое внимание привлекло какое-то движение в воде. Что-то темное скользило по серой поверхности, темное и молчаливое, как акула. Мысли о прошлом улетучились: я узнала силуэт подлодки «Поларис», старой, но все еще действующей. Она беззвучно разрезала темные волны, которые пенились о корпус, зализанный, как тело дельфина. На башенке стояли несколько человек в плотной одежде, в низко надвинутых фуражках. На шее одного из них висел необычайных размеров бинокль; наверное, это был капитан. Он указывал пальцем куда-то за остров Салливана. Я пристально смотрела на него. Периферийное зрение постепенно отключилось, когда я вошла в контакт с ним через все водное пространство. Звуки и ощущения доносились до меня, словно с большого расстояния.

Напряжение. Удовольствие от соленых брызг, бриз с норд-норд-веста. Беспокойство по поводу запечатанного конверта с инструкциями внизу в каюте. Песчаные отмели по левому борту.

Внезапно я вздрогнула: кто-то подошел ко мне сзади. Я повернулась, и контакт с лодкой тут же пропал. Рядом стоял мистер Торн, хотя я его не звала. Я уже открыла рот, чтобы отослать его назад к лестнице, когда поняла, почему он приблизился. Молодой человек, до того фотографировавший свою бледную жену, шел ко мне. Мистер Торн сделал движение, чтобы остановить его.

— Извините, мисс, можно попросить вас об одолжении? Вы не могли бы снять нас? Вы или ваш муж.

Я кивнула, и мистер Торн взял протянутый фотоаппарат, казавшийся очень маленьким в его длинных пальцах. Два щелчка, и эта пара могла чувствовать себя удовлетворенной: их присутствие здесь увековечено для потомства. Молодой человек заулыбался как идиот, кивая головой. Младенец заплакал: подул холодный ветер. Я оглянулась на подводную лодку, но та ушла уже далеко; ее серая башенка виднелась как тонкая полоска, соединяющая море и небо.

Мы плыли обратно, и паром уже поворачивал к причалу, когда совершенно посторонний человек рассказал мне о смерти Вилли.

— Ведь это ужасно.

Какая-то болтливая старуха увязалась за мной, когда я пошла на палубу. Ветер был довольно холодный, и я дважды меняла место, чтобы оградить себя от ее глупой болтовни: эта дура явно выбрала меня в качестве мишени своего словоизвержения на все оставшееся время поездки. Ее не останавливали ни моя сдержанность, ни хмурый вид мистера Торна.

— Просто ужасно, — продолжала она. — Все случилось в темноте, ночью…

— О чем вы? — спросила я, движимая нехорошим предчувствием.

— Ну как же, я про авиакатастрофу. Вы разве не слышали? Наверное, им было так страшно, когда они упали в болото. Я сказала своей дочери утром…

— Какая катастрофа? Где?

Старуха немного опешила от резкости моего тона, но дурацкая улыбка так и осталась у нее на лице, как приклеенная.

— Прошлой ночью. Или сегодня, рано утром. Я сказала дочери…

— Где? Что за самолет?

Уловив тон моего голоса, мистер Торн придвинулся ближе.

— Самолет из Чарлстона, — продребезжала она. — Там в кают-компании есть газета, в ней все сказано. Ужасно. Восемьдесят пять человек. Я сказала дочери…

Я повернулась и пошла вниз, оставив ее у поручня. Около стойки буфета лежала скомканная газета, и в ней под огромным заголовком из четырех слов были напечатаны немногочисленные подробности смерти Вилли. Рейс четыреста семнадцать до Чикаго вылетел из международного аэропорта Чарлстона в 12.18. Через двадцать минут самолет взорвался в воздухе недалеко от города Колумбия. Обломки фюзеляжа и тела пассажиров упали в болото Конгари, где и были обнаружены рыбаками. Спасти никого не удалось. ФБР и другие ведомства начали расследование.

В ушах у меня громко зашумело, и мне пришлось сесть, чтобы не упасть в обморок. Влажными руками я ухватилась за виниловую обивку. Мимо меня к выходу потянулись люди.

Вилли мертв. Убит. Нина уничтожила его. Голова моя шла кругом. В первые несколько секунд я подумала, что это заговор, хитрая ловушка, куда Вилли и Нина хотят заманить меня, заставив думать, будто опасность угрожает мне теперь только с одной стороны. Нет, не похоже. Если Нина

вовлекла Вилли в свои козни, в таких нелепых махинациях просто нет смысла.

Вилли мертв. Его останки разбросаны по вонючему, никому не известному болоту. Легко вообразить себе его последние минуты. Он наверняка сидел в роскошном кресле салона первого класса со стаканом в руке, возможно, переговаривался с кем-нибудь из своих компаньонов. Потом — взрыв, крики, внезапная тьма, жуткий крен и падение в небытие. Я вздрогнула и стиснула металлическую ручку кресла.

Как Нине это удалось? Она вряд ли прибегла к помощи кого-то из свиты Вилли. Нине было вполне по силам использовать одного из его подручных, особенно если учесть ослабевшую Способность Вилли, но у нее не было причины делать это. Она могла использовать любого человека, летевшего тем рейсом. Конечно, это непросто. Нужно проделать сложные приготовления: изготовить бомбу, потом стереть всякую память об этом, что требует немалого усилия; наконец, она должна была совершить невозможное: использовать кого-то как раз тогда, когда мы сидели у меня и пили кофе с коньяком. Но Нина сделала это. Да, сделала. И выбор именно этого времени означал только одно.

Последний турист поднялся на палубу. Я почувствовала легкий толчок и поняла, что мы причалили. Мистер Торн стоял у двери.

Выбор момента означал, что Нина пыталась разделаться с нами обоими сразу. Очевидно, она спланировала все задолго до нашей встречи и моего робкого заявления о выходе из Игры. Как оно, должно быть, позабавило Нину! Неудивительно, что она так великодушно отреагировала. Но она все же совершила большую ошибку. Нина сначала принялась за Вилли, полагая, что я ничего не узнаю об этом, а она тем временем займется мною. Она знала, что я не слежу за ежедневными новостями и не имею такой возможности, к тому же редко выхожу из дому. И все же это было не похоже на Нину — оставлять что-то на волю случая. Или она решила, что я совершенно утратила Способность, а Вилли представляет большую угрозу?

Мы вышли из кают-компании на серый послеполуденный свет. Я тряхнула волосами. Ветер продувал мое тонкое пальто насквозь. Трап я видела сквозь пелену и только тут поняла, что глаза мои застилают слезы. По кому я плакала? По Вилли? Вилли был напыщенный, слабый, старый дурак. Или из-за предательства Нины? Не знаю. Может быть, просто от ветра.

На улицах Старого города почти не было пешеходов. Под окнами роскошных домов голые ветви постукивали друг о друга. Мистер Торн

держался рядом со мной. От холодного воздуха правую ногу до самого бедра пронизывала артритная боль. Я все тяжелее опиралась на трость.

Каким будет следующий ход Нины? Я остановилась. Кусок газеты, подброшенный ветром, обернулся вокруг моей щиколотки, потом полетел дальше.

Как она попытается добраться до меня? Вряд ли с большого расстояния. Она где-то здесь, в городе. Я была в этом уверена. Вообще-то можно использовать человека и на большом расстоянии, но это требует тесного контакта, почти интимного знакомства с этим человеком, и если контакт потеряется, восстановить его на расстоянии очень трудно, почти невозможно. Никто из нас не знал, почему так происходит, но теперь это было неважно. Мысль о том, что Нина где-то поблизости, заставила мое сердце забиться быстрее.

Нет, большое расстояние исключено. Человек, которого она будет использовать, нападет на меня, и я увижу нападающего. Я в этом не сомневалась — ведь это Нина. Конечно, гибель Вилли была вовсе не Подпиткой, а всего лишь технической операцией. Нина решила свести со мной старые счеты, и Вилли являл для нее препятствие, небольшую, но очевидную угрозу, и его следовало устранить, прежде чем продолжать выполнение главного плана. Мне было нетрудно представить, что сама Нина считала свой способ убрать Вилли чуть ли не актом сострадания. Со мной — другое дело. Я знала; Нина постарается дать мне понять хотя бы на мгновение, что именно она стоит за нападающим. В каком-то смысле ее тщеславие само подаст мне сигнал тревоги. Во всяком случае, я на это надеялась.

Огромным соблазном было уехать сейчас же, немедленно. Мистер Торн мог завести «ауди», и через час мы были бы уже вне пределов ее досягаемости, а еще через несколько часов я могла бы начать новую жизнь. В доме, конечно, останутся ценные вещи, но при тех средствах, что я запасла в разных местах, их легко можно будет заменить, по крайней мере их большую часть. Возможно, стоило оставить все здесь вместе с отброшенной личиной, с которой эти вещи были связаны.

Нет, я не могу уехать. Не сейчас.

Стоя на противоположной стороне улицы, я смотрела на свой дом: он казался темным и зловещим. Я не могла вспомнить, сама ли я задернула шторы на втором этаже. Во дворе мелькнула тень — это внучка миссис Ходжес и ее подружка перебегали от одной двери к другой. Я в нерешительности стояла на краю тротуара и постукивала отцовской тростью по темной коре дерева. Я понимала, что медлить было глупо, но

мне уже давно не приходилось принимать решения в напряженной обстановке.

— Мистер Торн, идите и проверьте дом. Осмотрите все комнаты. Возвращайтесь быстрее.

Я наблюдала, как темное пальто мистера Торна сливается с мраком двора. Вновь подул холодный ветер. Оставшись в одиночестве, я чувствовала себя весьма уязвимой и поймала себя на том, что посматриваю по сторонам: не мелькнут ли где-нибудь в конце улицы темные волосы мисс Крамер? Но никаких признаков движения не наблюдалось, только молодая женщина далеко от меня катила по тротуару детскую коляску.

Штора на втором этаже взлетела вверх, и с минуту там маячило бледное лицо мистера Торна, выглянувшего наружу. Потом он отвернулся, а я продолжала напряженно смотреть на темный прямоугольник окна. Крик во дворе заставил меня вздрогнуть, но там оказалась маленькая девочка — забыла ее имя, — она звала свою подружку. Кэтлин, вот как ее зовут. Дети уселись на край фонтана и занялись пакетиком с печеньем. Я наблюдала за ними некоторое время, потом расслабилась и даже слегка улыбнулась: все-таки у меня определенно мания преследования. На секунду я подумала: не использовать ли мистера Торна напрямую? Но мне вовсе не хотелось стоять здесь на улице совершенно беспомощной, и я отказалась от этой идеи. Когда находишься в полном контакте, органы чувств работают, но как бы на большом расстоянии.

«Быстрее».

Я послала эту мысль почти без волевого усилия. Двое бородатых мужчин шли по тротуару с моей стороны улицы. Я перешла проезжую часть и остановилась перед калиткой своего дома. Мужчины смеялись и, разговаривая, жестикулировали.

«Быстрее».

Мистер Торн вышел из дома, запер за собой дверь и пересек двор, направляясь ко мне. Одна из девочек что-то сказала ему и протянула печенье, но он не обратил на нее внимания. Затем он отдал мне большой ключ от парадной двери, я опустила его в карман пальто и испытующе глянула на мистера Торна. Он кивнул. Его безмятежная улыбка была невольной насмешкой над овладевшим мною ужасом.

— Вы уверены? — спросила я.

Он снова кивнул.

— Вы проверили все комнаты? Всю сигнализацию?

Кивок.

— Вы посмотрели подвал? Есть какие-нибудь признаки посторонних?

Мистер Торн отрицательно покачал головой.

Прикоснувшись рукой к металлической ограде, я остановилась. Беспокойство наполняло меня, как разлившаяся желчь.

«Глупая уставшая старуха, дрожащая от холода!»

Но я не могла заставить себя открыть ворота.

— Пойдемте. — Я пересекла улицу и быстро зашагала прочь от дома. — Мы пообедаем «У Генри», потом вернемся.

Однако я шла вовсе не к старому ресторану, а уходила подальше от дома охваченная слепой, безрассудной паникой. Я стала понемногу успокаиваться, только когда мы добрались до гавани и пошли вдоль стены Батареи. По улице ехало несколько автомобилей, но тому, кто захочет приблизиться к нам, придется сначала пересечь широкое открытое пространство. Серые тучи опустились совсем низко, сливаясь с серыми вздымавшимися волнами бухты.

Свежий воздух и сгущающиеся сумерки придали мне бодрости, теперь я соображала яснее. Каковы бы ни были планы Нины, мое отсутствие в течение целого дня почти наверняка расстроило их. Вряд ли Нина осталась бы здесь, если бы ей угрожала малейшая опасность. Нет, она наверняка возвращается самолетом в Нью-Йорк — именно сейчас, когда я стою здесь, у Батареи, дрожа от холода. Утром я получу телеграмму. Я могла в точности представить себе, что она там напишет: «Мелани! Как ужасно то, что случилось с Вилли. Скорблю. Могла бы ты полететь со мной на похороны? Целую. Нина».

Я понимала, что причиной моей нерешительности, кроме всего прочего, было желание вернуться в тепло и комфорт собственного дома. Я просто боялась сбросить с себя этот старый кокон. Но теперь я могла это сделать. Подожду в каком-нибудь безопасном месте, а мистер Торн вернется в дом и возьмет там единственную вещь, которую я не должна оставлять. Потом он пригонит машину, и к тому времени, когда придет телеграмма Нины, я буду уже далеко. Тогда уже Нине придется шарахаться в сторону при виде любой тени в последующие месяцы и годы. Я улыбнулась и стала продумывать необходимые команды.

— Мелани.

Я резко повернула голову. Мистер Торн молчал двадцать восемь лет. И вот он заговорил:

— Мелани.

Лицо его было искажено улыбкой, похожей на гримасу трупа, видны были даже коренные зубы. В правой руке он держал нож. Как раз в тот момент, когда я повернулась, из рукоятки выскочило лезвие. Я глянула в его

глаза и поняла все.

— Мелани.

Длинное лезвие описало мощную дугу, и я ничего не могла сделать, чтобы остановить его. Оно прорезало тонкую ткань рукава пальто и ткнулось мне в бок, но, когда я поворачивалась, моя сумочка качнулась вместе со мной. Нож прорвал кожу, прошел сквозь содержимое сумочки, распорол ткань пальто и до крови оцарапал тело у нижнего левого ребра. В общем, сумочка спасла мне жизнь.

Я подняла тяжелую отцовскую трость и ударила мистера Торна прямо в левый глаз. Он пошатнулся, но не издал ни звука. Затем снова взмахнул ножом, рассекая перед собой воздух по широкой дуге, но я сделала два шага назад, а он теперь плохо видел. Ухватив трость обеими руками, я опять подняла ее, потом опустила неловким рубящим движением. Это было невероятно, но палка снова попала ему в глаз. Я сделала еще три шага назад.

Кровь заливала левую сторону лица мистера Торна, его поврежденный глаз свисал на щеку. Он улыбался той же улыбкой мертвеца. Подняв голову, потянулся левой рукой к щеке, вырвал глаз — при этом какая-то серая жилка лопнула со щелкающим звуком — и выбросил его в бухту. Потом двинулся ко мне. Я повернулась и побежала.

Точнее сказать, я попыталась бежать. Через двадцать шагов боль в правой ноге заставила меня перейти на шаг. Еще через пятнадцать торопливых шагов легкие мои задохнулись без воздуха, а сердце готово было выскочить из груди. Я чувствовала, как что-то мокрое течет по моему левому бедру; там, где лезвие ножа коснулось тела, было немного щекотно, словно к коже прижали кубик льда. Бросив взгляд назад, я увидела, что мистер Торн шагает за мной быстрее, чем я ухожу от него. При обычных обстоятельствах он нагнал бы меня в два счета. Когда используешь кого-то, трудно заставить его бежать, особенно если тело человека в это время реагирует на шок и травму. Я снова оглянулась, едва не поскользнувшись на гладком тротуаре. Мистер Торн криво ухмыльнулся. Кровь хлестала из его пустой глазницы, окрашивая зубы. Вокруг никого не было видно.

Я побежала вниз по лестнице, цепляясь за поручни, чтобы не упасть, и вышла на улицу. Фонари на столбах мерцали и вспыхивали, когда я проходила мимо. За моей спиной мистер Торн перескочил через ступени в два прыжка. Торопливо поднимаясь по дорожке, я благодарила Бога, что надела туфли на низком каблуке, когда собиралась на прогулку в форт. Интересно, что мог подумать случайный свидетель этой нелепой гонки двух старых людей, словно в замедленной съемке? Но свидетелей не было.

Я свернула на боковую улицу. Закрытые магазины, пустые склады. Если пойти налево, я попаду на Брод-стрит. Но тут справа, где-то посередине квартала, из темного подъезда магазина появилась одинокая фигура, и я направилась в ту сторону, совсем уже медленно, почти теряя сознание. Артритные судороги в ноге причиняли мне страшную боль, я чувствовала, что вот-вот рухну на тротуар. Мистер Торн шел сзади, шагах в двадцати, и расстояние между нами быстро сокращалось.

Человек, к которому я приближалась, оказался высоким худым негром в коричневой нейлоновой куртке. В руках у него была коробка с фотографиями в рамках. Когда я подошла ближе, он взглянул на меня, потом посмотрел через мое плечо на привидение шагах в десяти от нас.

— Эй! — успел только выкрикнуть негр, и тут я стремительно установила с ним контакт и резко толкнула его.

Он дернулся, как марионетка в неловких руках. Челюсть его отвисла, глаза подернулись пеленой, и, пошатываясь, он шагнул навстречу мистеру Торну, как раз когда тот уже протянул руку, чтобы схватить меня за воротник пальто.

Коробка взлетела в воздух, стеклянные рамки разбились на мелкие осколки от удара о кирпичный тротуар. Длинные коричневые пальцы негра потянулись к белому горлу мистера Торна, вцепились в него, и они оба закрутились, как неловкие партнеры в танце. Я дошла до поворота в переулок и прислонилась лицом к холодному кирпичу, чтобы прийти в себя. Я не могла позволить себе отдохнуть хотя бы секунду: нужно было огромное усилие, чтобы сосредоточиться на управлении этим незнакомцем. Глядя, как двое высоких мужчин неуклюже топчутся на тротуаре, я попыталась сдержать совершенно нелепое желание рассмеяться.

Мистер Торн взмахнул ножом и дважды вонзил его в живот негра. Своими длинными пальцами негр старался выцарапать единственный глаз мистера Торна, а его крепкие зубы щелкали вблизи сонной артерии соперника. Я ясно ощутила, как холодная сталь вонзилась в плоть в третий раз, но сердце незнакомца еще билось, его еще можно было использовать. Негр подскочил, зажав тело мистера Торна между ног, а его зубы вонзились в мускулистое горло. Ногти рвали белую кожу, оставляя кровавые полосы. Противники упали на асфальт беспорядочной массой.

«Убей его».

Пальцы негра почти нащупали здоровый глаз мистера Торна, но тот вытянул левую руку и переломил худое запястье врага. Безжизненные пальцы продолжали дергаться. Огромным усилием мистер Торн уперся локтем в грудь негра и поднял его тело над собой — так отец подбрасывает

своего ребенка. Зубы вырвали кусок плоти, но серьезных повреждений не было. Мистер Торн поднял нож вверх, влево, потом резко вправо. Вторым движением он почти надвое перерезал горло негра, и их обоих залило кровью. Ноги незнакомца дважды дернулись, мистер Торн отбросил его тело в сторону, а я повернулась и быстро пошла по переулку.

Я снова вышла на свет и поняла, что загнала себя в ловушку. Здесь вплотную к воде подступали задние стены складов и металлический корпус причала без единого окна. Налево уходила извилистая улица, но она была слишком темной, слишком пустынной и длинной, чтобы пытаться уйти по ней. Я оглянулась и увидела в конце переулка темный силуэт.

Я попыталась установить контакт, но там ничего не было. Ничего. Мистер Торн был дырой в пространстве. Позже меня долго терзала мысль: как Нина добилась этого?

Боковая дверь эллинга была заперта. До главного входа оставалось метров сто, но я не сомневалась, что и он заперт. Мистер Торн стоял, поворачивая голову то влево, то вправо, разыскивая меня. В тусклом свете его лицо, залитое кровью, казалось почти черным. Шатаясь, он двинулся ко мне.

Я подняла отцовскую трость, ударила по нижней части застекленной двери и просунула руку внутрь, стараясь не пораниться об острые торчащие осколки. Если там задвижки сверху и снизу, я погибла. Оказалось, на двери всего лишь простой засов рядом с дверной ручкой. Мои пальцы сначала только скользили по холодному металлу, но потом засов поддался, и дверь открылась, как раз когда мистер Торн шагнул на тротуар за моей спиной. В следующее мгновение я влетела в помещение и задвинула засов.

Внутри было очень темно, от цементного пола тянуло холодом. Было слышно, как множество небольших суденышек у причала потихоньку колышутся на волнах. Метрах в пятидесяти из окон конторы лился свет. Я надеялась, что на эллинге есть сигнальная система, но здание, видно, было слишком старым, а суда слишком дешевыми, чтобы устанавливать ее.

Рука мистера Торна разнесла в куски оставшееся в двери стекло, и я пошла к свету. Рука исчезла. От страшного удара ногой панель около засова проломилась, дверь сорвалась с верхней петли. Я глянула в направлении конторы, но оттуда доносился только слабый звук: радио. Последовал еще один удар в дверь.

Я повернула направо, прыжком преодолела расстояние около метра и оказалась на носу небольшого катера. Еще пять шагов, и я спряталась в маленьком закутке, который хозяева, наверное, называли носовой кабиной.

Закрыв за собой тонкую панель, я глядела наружу сквозь мутный пластик.

Третьим ударом мистер Торн вышиб дверь, и она повисла на длинных полосах расщепленного дерева. Его темная фигура заполнила собой весь проем. В свете далекого фонаря лезвие поблескивало в его руке.

Если в конторе кто-то есть, они должны были услышать шум, но оттуда по-прежнему доносился лишь звук радио. Мистер Торн сделал несколько шагов, остановился, потом прыгнул на первую из стоявших в ряд лодок. Это была открытая моторка, и через несколько секунд он снова стоял на цементном полу. На второй лодке имелась небольшая кабина. Послышался треск дерева — это мистер Торн ударом ноги проломил крохотный люк и тут же вернулся назад. Мой катер стоял в ряду восьмым. Я не понимала, почему он не может найти меня по стуку бешено бьющегося сердца.

Переместившись к левому борту, я снова выглянула. Свет просачивался сквозь пластик какими-то полосами и узорами. В освещенном окне конторы мелькнули седые волосы, слышно было, как радио переключили на другую станцию, и громкая музыка разнеслась гулким эхом по длинному помещению. Я метнулась назад, к правому иллюминатору. Мистер Торн выходил из четвертой лодки.

Закрыв глаза и задержав дыхание, я попыталась припомнить те бессчетные вечера, когда я наблюдала, как фигура этого кривоногого старика удаляется по улице. Мистер Торн закончил осмотр пятой лодки — это был длинный катер с кабиной и множеством скрытых мест — и вернулся на причал.

Шестая лодка оказалась небольшой. Он глянул на нее, но спускаться не стал. Седьмым стоял парусник с опущенной мачтой, накрытой парусиной. Нож мистера Торна рассек толстую ткань. Перепачканные кровью руки отбросили парусину, словно саван, срываемый с тела. Он прыжком выскочил назад.

Когда мистер Торн ступил на нос моего катера, я почувствовала, как лодка качнулась под его весом. Спрятаться было решительно негде, тут стоял только крохотный сундучок под сиденьем для хранения всякого добра. Я развязала парусиновые тесемки, крепившие подушку к скамье. Мое свистящее дыхание, казалось, отдавалось эхом в этом малом пространстве. Я свернулась в углу, загородившись подушкой, и в этот момент ноги мистера Торна мелькнули в иллюминаторе правого борта. «Сейчас». Через секунду его лицо, отделенное тонкой перегородкой, оказалось не далее как в тридцати сантиметрах от моего лица «Вот сейчас». Улыбка мертвеца, и так неправдоподобно широкая, стала еще шире.

«Сейчас. Сейчас. Сейчас».

Мистер Торн пригнулся над дверью кабины. Я попыталась упереться в крошечную створку ногами, но правая нога не слушалась. Кулак мистера Торна пробил тонкую перегородку, рука его схватила меня за щиколотку.

— Эй!

Это был дрожащий голос мистера Ходжеса. Он направил луч своего фонарика на наш катер.

Мистер Торн налег на дверь. Я согнула ногу и ощутила резкую боль. Левой рукой, просунутой сквозь сломанную перегородку, он крепко держал мою лодыжку, а его правая рука с ножом появилась в открывшемся люке.

— Эй! — снова крикнул мистер Ходжес, и в это мгновение я направила на него всю силу своей Способности.

Старик остановился, бросил фонарь и расстегнул кобуру револьвера.

Мистер Торн раз за разом наносил удары ножом. Он чуть не выбил подушку из моих рук; обрывки поролона разлетелись по кабине. Лезвие задело кончик моего мизинца.

«Стреляй! Сейчас же!»

Мистер Ходжес вскинул револьвер обеими руками и выстрелил. В темноте он промахнулся; звук выстрела эхом разнесся по всему помещению.

«Ближе, болван. Подойди ближе!»

Мистер Торн снова налег на дверь и попытался протиснуться в образовавшееся отверстие. Когда он на секунду отпустил мою щиколотку, я потянулась к выключателю на потолке и зажгла свет. Изувеченное лицо с пустой глазницей смотрело на меня сквозь сломанную перегородку. Я метнулась в сторону, но его рука ухватила меня за пальто. Он опустился на колени, намереваясь нанести удар.

«Стреляй!»

Вторым выстрелом мистер Ходжес попал в бедро мистеру Торну. Тот осел, издав нечто среднее между стоном и рычанием. Пальто мое порвалось, на палубу со стуком посыпались пуговицы. Нож вонзился в переборку рядом с моим ухом, и рука тут же поднялась для нового замаха.

Мистер Ходжес нетвердо ступил на нос катера, чуть было не потерял равновесие, но потом начал медленно продвигаться вдоль правого борта. Я ударила по руке мистера Торна крышкой люка, однако он не отпускал пальто и продолжал тянуть меня к себе. Я упала на колени. Последовал очередной удар ножом. Лезвие прошло сквозь поролон и рассекло ткань пальто. То, что осталось от подушки, вывалилось у меня из рук. Я остановила мистера Ходжеса в полутора метрах от нас и заставила упереть

ствол револьвера в крышу кабины.

Мистер Торн приготовился к удару, держа нож, как матадор держит шпагу. Всем своим существом я ощущала немые вопли триумфа, доносившиеся до меня, словно зловонный дух из этого рта с испачканными кровью зубами. В единственном выпученном глазу горел безумный огонь Нины.

Мистер Ходжес выстрелил. Пуля пробила позвоночник мистера Торна и ударилась в правый борт. Тело его выгнулось, и, раскинув руки, он рухнул на палубу, как огромная рыба, только что выброшенная на берег. Нож упал на пол кабины; белые окостеневшие пальцы судорожно шарили по палубе. Я заставила мистера Ходжеса шагнуть вперед, приставить ствол к виску Торна над оставшимся глазом и нажать на курок. Выстрел прозвучал приглушенно, как в пустоту.

В туалете конторы нашлась аптечка. Я приказала старику сторожить у двери, пока перевязывала мизинец. Еще я выпила три таблетки аспирина.

Пальто мое было изодрано, ситцевое платье перепачкано кровью. Я сполоснула лицо и, как могла, привела в порядок волосы. Невероятно, но моя сумочка все еще была при мне, хотя половина ее содержимого высыпалась. Переложив ключи, бумажник и очки в большой карман пальто, я бросила сумочку за унитаз. Отцовской трости со мной уже не было, и я не могла вспомнить, где потеряла ее.

Когда я осторожно высвободила тяжелый револьвер из руки мистера Ходжеса, его пальцы так и остались согнутыми. Провозившись несколько минут, я ухитрилась открыть барабан. В нем оставались два патрона. Этот старый дурак ходил с полностью заряженным барабаном! «Всегда оставляй патронник под бойком незаряженным», — так учил меня Чарлз в то далекое беззаботное лето, когда оружие было лишь предлогом поехать на остров, чтобы пострелять по мишени. Мы с Ниной много и нервно смеялись, а наши кавалеры направляли и поддерживали наши руки при мощной отдаче от выстрелов, когда мы чуть не падали в крепкие объятия своим чрезвычайно серьезным учителям «Надо всегда считать патроны», — поучал меня Чарлз, а я в полуобморочном состоянии прислонялась к нему, вдыхая сладкий мужской запах крема для бритья и табака, исходивший от него в тот теплый яркий день.

Мистер Ходжес слегка пошевелился, как только мое внимание ослабло. Рот его широко раскрылся, вставная челюсть нелепо отвисла. Я взглянула на поношенный кожаный поясник, но запасных патронов там не увидела и понятия не имела, где он их хранит. В мозгу у старика мало что

осталось, кроме путаницы мыслей, в которой бесконечной лентой прокручивалась одна и та же картинка: ствол, приставленный к виску мистера Торна, вспышка выстрела и…

— Пошли.

Я поправила очки на его безучастном лице, вложила револьвер в кобуру и вышла вслед за ним из здания.

Снаружи было очень темно. Мы двигались от фонаря к фонарю и прошли уже шесть кварталов, когда я заметила, как он дрожит, и вспомнила, что забыла приказать ему надеть пальто. Я крепче сжала мысленные тиски, и он перестал дрожать.

Дом выглядел точно так же, как сорок пять минут назад, света в окнах не было. Я открыла ворота и прошла через двор, пытаясь отыскать в набитом всякой всячиной кармане ключ. Пальто мое распахнулось, холод ночи пробирал тело до костей. Из освещенных окон с другой стороны двора послышался детский смех, и я поспешила, чтобы Кэтлин, не дай бог, не увидела, как ее дедушка идет в мой дом. Мистер Ходжес вошел первым, с револьвером в вытянутой руке. Прежде чем переступить порог, я заставила его включить свет.

Гостиная была пуста, все стояло на своих местах. Свет люстры отражался на полированных поверхностях. Я присела на минутку в старинное кресло в холле, чтобы сердце немного успокоилось. Мистер Ходжес по-прежнему держал револьвер в вытянутой руке, я даже не позволила ему отпустить взведенный курок. Рука его начала дрожать от напряжения. Наконец я встала, и мы пошли по коридору к оранжерее.

Мисс Крамер вихрем вылетела из двери кухни, тяжелая железная кочерга в ее руке уже описывала дугу. Револьвер выстрелил, пуля застряла в деревянном полу, не причинив никому вреда, а кисть старика повисла, перебитая страшным ударом. Револьвер выпал из безжизненных пальцев, мисс Крамер замахнулась для нового удара.

Я повернулась и побежала назад по коридору. За спиной я услышала звук, словно раскололся арбуз, — это кочерга опустилась на череп мистера Ходжеса. Вместо того чтобы выбежать во двор, я стала подниматься по лестнице. Это было ошибкой. Мисс Крамер оказалась у двери спальни уже через несколько секунд после того, как я туда добралась. Мельком увидев ее широко распахнутые сумасшедшие глаза и поднятую кочергу, я захлопнула тяжелую дверь прямо перед ее носом и заперлась. Брюнетка навалилась на дверь с другой стороны, но она даже не дрогнула. Удары сыпались один за другим.

Проклиная свою глупость, я оглядела знакомую комнату, но в ней не

было ничего, что могло бы помочь мне: ни телефона, ни кладовки, куда можно спрятаться. Только старинный гардероб. Я быстро подошла к окну и подняла верхнюю створку. Если я закричу, кто-нибудь может услышать, но это чудовище доберется до меня прежде, чем подоспеет помощь. Она уже пыталась поддеть край двери кочергой. Я выглянула наружу, увидела тени в окне через двор и сделала то, что должна была сделать.

Две минуты спустя я едва осознавала, что происходит. Будто во сне я слышала скрежет кочерги, которой эта женщина пыталась выломать металлическую пластину. Затем дверь в спальню распахнулась.

Искаженное лицо мисс Крамер было покрыто потом, нижняя челюсть отвисла, с подбородка капала слюна. В глазах ее не было ничего человеческого. Ни она, ни я не слышали, как за ее спиной раздались тихие шаги.

«Иди, иди. Подними его. Оттяни курок назад. До конца. Обеими руками. Цельсь».

Но что-то предупредило мисс Крамер об опасности. Не мисс Крамер, конечно, — такого человека больше не существовало, — а Нину. Брюнетка повернулась. Перед ней на верхней ступеньке лестницы стояла маленькая Кэтлин с тяжелым дедушкиным револьвером в руках. Курок его был взведен, а ствол направлен прямо в грудь мисс Крамер. Вторая девчушка осталась во дворе, она что-то кричала своей подруге.

На этот раз Нина знала, что ей надо убрать эту угрозу. Мисс Крамер замахнулась кочергой, и в это мгновение револьвер выстрелил. Отдача отбросила Кэтлин назад, она покатилась по лестнице, а над левой грудью мисс Крамер расплылось красное пятно. Хватаясь за перила, чтобы не упасть, она кинулась вниз по лестнице за ребенком. Я оставила девочку в тот момент, когда кочерга опустилась на ее голову, затем поднялась и вновь опустилась. Я подошла к верхней ступеньке лестницы. Мне надо было видеть.

Мисс Крамер оторвалась от своего жуткого занятия и подняла на меня глаза. На ее забрызганном кровью лице виднелись только белки глаз. Мужская рубашка была залита ее собственной кровью, но брюнетка все еще двигалась, все еще могла действовать. Левой рукой она подняла револьвер. Рот ее широко раскрылся, оттуда раздался звук, похожий на шипение пара, вырывающегося из старого радиатора.

— Мелани… Мелани…

Это существо принялось карабкаться вверх по лестнице. Я закрыла глаза.

Подружка Кэтлин влетела в открытую дверь, ее маленькие ноги так и

мелькали. В несколько прыжков она одолела лестницу и плотно стиснула шею мисс Крамер своими тонкими белыми ручками. Они обе покатились вниз по ступенькам, через тело Кэтлин, к самому основанию широкой лестницы.

Девочка, похоже, отделалась синяками. Я спустилась к ним и оттащила ее в сторону. На скуле у нее расплывалось синее пятно, на руках и лбу краснели царапины и порезы. Она бессмысленно моргала голубыми глазами.

У мисс Крамер была сломана шея, голова ее запрокинулась под совершенно неестественным углом, но она была жива. Тело явно парализовано, по полу растеклась лужа мочи, хотя глаза мигали, а зубы омерзительно пощелкивали. Я подняла револьвер и ногой отбросила кочергу в сторону. Надо было торопиться. Из дома Ходжесов послышались голоса взрослых. Я повернулась к девочке:

— Вставай.

Она еще раз моргнула и, преодолевая боль, поднялась на ноги.

Я закрыла дверь и сняла с вешалки коричневый плащ. Мне понадобилось не больше минуты, чтобы переложить содержимое карманов и сбросить безнадежно испорченное весеннее пальто. Голоса раздавались уже во дворе.

Встав на колени рядом с мисс Крамер, я схватила ее голову и крепко стиснула руками, чтобы прекратить этот жуткий звук щелкающих зубов. Глаза ее снова закатились, но я резко встряхнула ее, пока не вернулись наместо зрачки. Потом наклонилась так низко, что наши лица почти соприкоснулись, и прошептала:

— Я доберусь до тебя, Нина.

И этот шепот был громче вопля.

Отпустив голову мисс Крамер так, что она стукнулась о пол, я быстро прошла в оранжерею — мою комнату для шитья. Времени на то, чтобы сходить наверх и взять ключ, не оставалось, поэтому я разбила стулом стеклянную дверцу шкафчика. То, что я оттуда взяла, еле поместилось в кармане плаща.

Девочка стояла в холле. Я отдала ей пистолет мистера Ходжеса. Ее левая рука висела плетью — скорее всего, сломанная. В дверь постучали, кто-то пробовал повернуть ручку.

— Сюда, — прошептала я и провела девочку в столовую.

По дороге мы переступили через тело мисс Крамер, прошли в темную кухню; стук стал громче, но мы уже выходили из дома в переулок, в ночь.

В этой части Старого города имелось три отеля. Один из них — дорогой, современный, кварталах в десяти отсюда — я сразу же отвергла. Второй — маленький, уютный, в одном квартале от моего дома, приятное, но общедоступное место, в точности такое, какое я сама выбрала бы, если бы приехала в другой город. Его я тоже отвергла. Третий был отсюда в двух с половиной кварталах — старый особняк на Брод-стрит, небольшой, с дорогой антикварной мебелью в номерах и нелепо высокими ценами. Туда я и поспешила.

Девочка быстро шагала рядом. Револьвер она по-прежнему держала в руке, но я заставила ее снять свитер и накрыть им оружие. Нога у меня болела, и я часто опиралась на ее плечо, пока мы вот так торопливо шли вдоль улицы.

Администратор «Мансарды» узнал меня. Брови его поползли вверх, когда он заметил мой непрезентабельный вид. Девочка осталась в фойе, метрах в трех-четырех, почти неразличимая в тени.

— Я ищу свою подругу, — оживленно сказала я. — Мисс Дрейтон.

Администратор открыл рот, чтобы ответить, затем невольно нахмурился.

— Извините. У нас нет никого с такой фамилией.

— Возможно, она зарегистрировалась под девичьей фамилией, — сказала я. — Нина Хокинс. Это пожилая женщина, но очень привлекательная. На несколько лет моложе меня, с длинными седыми волосами. Возможно, ее зарегистрировала подруга… Симпатичная молодая темноволосая леди по имени Баррет Крамер.

— Извините, — снова проговорил администратор каким-то вялым, сонным голосом. — Никто под такой фамилией не значится. Что передать, если ваша знакомая появится позже?

— Ничего. Ничего не надо передавать.

Я провела девочку через холл, и мы свернули в коридор, ведущий к туалетам и боковым лестницам.

— Простите, — обратилась я к проходившему мимо коридорному. — Возможно, вы сможете мне помочь.

— Да, мэм. — Он остановился, явно недовольный, и откинул назад свои длинные волосы.

Задача у меня была непростая. Чтобы удержать девочку, действовать нужно было быстро.

— Я ищу знакомую, — пояснила я. — Пожилая леди, но очень привлекательная. Голубые глаза, длинные седые волосы. С ней должна быть молодая женщина с темными вьющимися волосами.

— Нет, мэм. Я такой не видел.

Я вытянула руку и взяла его повыше локтя. Затем отпустила девочку и сосредоточилась на коридорном.

— Ты уверен?

— Мисс Харрисон, — сказал он. Глаза его смотрели мимо меня. — Номер двести семь. Северная сторона с фасада.

Я улыбнулась. Мисс Харрисон. Бог мой, до чего же она глупа, эта Нина! Девочка вдруг заскулила и привалилась к стене. Я быстро приняла решение. Мне нравится думать, что тут сыграло роль сострадание, но иногда я вспоминаю, что ее левая рука никуда не годилась.

— Как тебя зовут? — спросила я, нежно поглаживая ребенка по волосам.

Глаза ее скользнули влево, потом вправо; она явно была в смятении.

— Как твое имя? — снова задала я вопрос.

— Алисия, — прошептала она наконец еле слышно.

— Хорошо, Алисия. Теперь ты пойдешь домой. Иди быстро, но бежать не нужно.

— У меня болит рука. — Она всхлипнула, губы задрожали.

Я снова коснулась ее волос и толкнула:

— Ты идешь домой. Рука у тебя не болит. Ты ничего не будешь помнить. Все это сон, который ты забудешь. Иди домой. Торопись, но не беги. — Я взяла у нее револьвер, завернутый в свитер. — До свидания, Алисия.

Она моргнула и пошла через холл по направлению к двери. Оглянувшись по сторонам, я отдала револьвер мальчишке-коридорному.

— Спрячь его под жилет, — велела я.

— Кто там? — послышался из номера беззаботный голос Нины.

— Альберт, мэм. Коридорный. Ваш автомобиль у подъезда. Я мог бы сейчас отнести ваши чемоданы.

Щелкнул замок, дверь приоткрылась, но цепочка осталась на месте. Альберт прищурился от хлынувшего света и застенчиво улыбнулся, откидывая волосы назад. Я вжалась в стену.

— Хорошо. — Нина сняла цепочку и отступила в сторону. Она уже отвернулась и закрывала замок чемодана, когда я вошла в комнату.

— Привет, Нина, — тихо сказала я.

Спина ее выпрямилась, но даже это движение было грациозным. На покрывале осталась вмятина — там, где она только что лежала. Она медленно повернулась. На ней было розовое платье, которого я никогда

прежде не видела.

— Привет, Мелани. — Она улыбнулась, глядя на меня своими небесно-голубыми глазами.

Я мысленно приказала мальчишке-коридорному вытащить револьвер и прицелиться. Рука его была тверда, он со щелчком взвел курок. Нина неотрывно следила за мной.

— Почему? — спросила я.

Она слегка пожала плечами. В какой-то момент я решила, что Нина рассмеется. Я бы не вынесла этого ее хрипловатого детского смеха, так трогавшего меня в прошлом. Вместо этого она закрыла глаза, по-прежнему улыбаясь.

— Почему «мисс Харрисон»?

— Ну как же, дорогая. У меня такое чувство, что я ему обязана. Я имею в виду бедного Роджера. Разве ты не знаешь, как он умер? Конечно нет. Но ведь ты никогда и не спрашивала. — Глаза ее открылись.

Я посмотрела на коридорного, но он все так же, не шелохнувшись, целился в нее. Оставалось только нажать на курок.

— Он утонул, моя дорогая, — продолжала Нина. — Бедный Роджер бросился в океан с того самого парохода, на котором плыл назад в Англию. Так странно. А ведь перед этим он написал мне письмо с предложением выйти за него замуж. Ужасно печальная история, правда, Мелани? И почему он так поступил, как ты думаешь? Наверное, мы никогда не узнаем правды.

— Наверное. — Я кивнула и мысленно отдала приказ коридорному нажать на спусковой крючок.

Но… ничего не произошло.

Я быстро глянула вправо. Молодой человек поворачивал голову ко мне. Я ему этого не приказывала! Его вытянутая рука с револьвером двигалась в мою сторону равномерно, как кончик флюгера, подгоняемый ветром.

«Нет!»

Я напряглась, так, что у меня на шее вздулись жилы. Движение замедлилось, но не остановилось, пока ствол не оказался направленным мне в лицо. Нина рассмеялась. Этот смех звучал очень громко в маленькой комнате.

— Прощай, Мелани, дорогая моя.

Она снова рассмеялась и кивнула молодому человеку.

Я не отрываясь смотрела в черное отверстие. Курок щелкнул по пустому патроннику. Еще раз. И еще.

— Прощай, Нина.

Я улыбнулась и вытащила из кармана плаща длинноствольный пистолет Чарлза. Отдача от выстрела ударила меня в грудь, комната заполнилась синим дымом. Точно посередине лба Нины появилась маленькая дырка, меньше десятицентовой монеты, но такая же аккуратная, круглая. Какую-то долю секунды она продолжала стоять, словно ничего не произошло, потом покачнулась, ударилась о высокую кровать и ничком упала на пол.

Я повернулась к коридорному и заменила его бесполезное оружие своим древним, но ухоженным револьвером. Я только сейчас заметила, что мальчишка немного моложе, чем был когда-то Чарлз. И волосы у него почти такого же цвета. Я наклонилась и слегка коснулась губами его губ.

— Альберт, — прошептала я, — в револьвере еще четыре патрона. Патроны всегда надо считать, понял? Иди в холл, убей администратора. Потом застрели еще кого-нибудь — того, кто ближе всех к тебе окажется. А после этого вложи ствол себе в рот и нажми на спуск. Если будет осечка, нажми еще раз. Револьвер спрячь, никому не показывай, пока не окажешься в холле.

Мы вышли в коридор. Там царила паника.

— Вызовите «скорую»! — крикнула я. — Произошел несчастный случай! Вызовите «скорую», кто-нибудь!

Несколько человек кинулись выполнять мою просьбу. Я покачнулась и прислонилась к какому-то седовласому джентльмену. Люди толпились вокруг, некоторые заглядывали в номер и что-то кричали. Вдруг в холле раздался выстрел, потом другой, третий. Паника и суматоха усилились, а я тем временем проскользнула к черной лестнице и через пожарный выход выбежала на улицу.

Проходит время. Я очень счастлива здесь, на юге Франции. Я живу между Каннами и Тулоном, однако, к моей радости, далеко от Сан-Тропе.

Я редко выхожу из дому. Генри и Клод делают для меня покупки в деревне. Я никогда не хожу на пляж. Иногда я уезжаю в мой парижский дом или в итальянский пансион южнее Пескары, на Адриатике. Но и эти путешествия случаются все реже.

Среди холмов есть заброшенное аббатство, и я часто прихожу туда, чтобы посидеть и поразмышлять среди каменных развалин и цветов. Я думаю об одиночестве и воздержании, о том, как одно зависит от другого.

Сейчас я чувствую себя моложе. Я говорю себе, что это влияние климата и моей свободы, а не результат последней Подпитки. Но иногда

мне чудятся знакомые улицы Чарлстона и тамошние люди. Это голодные грезы.

Иногда меня будят поющие голоса — это деревенские девушки едут на велосипедах на молочную ферму. В такие дни восхитительно жаркое солнце освещает белые цветы, растущие между камнями аббатства, и я чувствую полное удовлетворение от того, что нахожусь здесь, впитываю вместе с ними солнечный свет и тишину.

Но в другие дни — холодные хмурые дни, когда тучи надвигаются с севера, — я вспоминаю, как безмолвная тень субмарины, подобно акуле, рассекает волны залива, и хочу знать, имеет ли смысл мое добровольное воздержание. Я хочу знать: те, о ком я мечтаю в своем уединении, — позволят ли они устроить себе последнюю грандиозную Подпитку?

Сегодня тепло. Мне хорошо. Но я все еще одинока. И я очень, очень голодна.

Гэхан Уилсон

Гэхан Уилсонродился в 1930 году в Эванстоне, штат Иллинойс. По его собственным словам, он с детства был не от мира сего, любил играть в одиночестве, обожал фэнтези и научную фантастику и особенно увлекался страшными рассказами, публиковавшимися в журнале «Странные истории». Под влиянием рассказов Лавкрафта и комиксов Чарльза Аддамса он начал рисовать собственные комиксы, которые появились на страницах упомянутого журнала, а затем и других изданий — таких как «Кольерс уикли», «Взгляд», «Национальная сатира», «Ньюйоркер» и «Плейбой» (последние два и по сей день публикуют его оригинальные, уморительные комиксы с участием гигантских гротескных монстров и прочих жутковатых гостей из иных миров).

Помимо деятельности художника-комиксиста Уилсон зарекомендовал себя и как талантливый писатель, на счету которого — юмористические романы «Последнее дело Эдди Деко» (1987) и «Любимая всеми утка» (1988), романы-фэнтези для детей «Гарри, толстый медведь-шпион» (1973), «Гарри и морской змей» (1976) и «Гарри и волшебный луч» (1978), более пятнадцати книг комиксов и пользующиеся большой популярностью рассказы, которые публиковались в известной антологии Харлана Эллисона «Новые опасные видения» (1972), «Журнале фэнтези и научной фантастики», «Плейбое» и других изданиях. Он также является создателем компьютерной игры «Gahan Wilson's the Ultimate Haunted House». Уилсон награжден премией Всемирного конвента фэнтези (1981) и премией Милтона Каниффа за вклад в жанр от Национального общества карикатуристов (2005).

Рассказ «Вода была мокра насквозь…» был впервые опубликован в журнале «Плейбой» в мае 1967 года.

Вода была мокра насквозь… [88](© Перевод С. Теремязевой.)

У меня было ощущение, что мы омерзительно противоречим тихой безмятежности, окружавшей нас. На чистой синеве неба не было ни единой тучки или птицы, ничто не нарушало тишины широко раскинувшегося пляжа, где мы были одни. Море, сиявшее в лучах восходящего солнца, манило своей чистотой. Хотелось броситься в его волны и умыться, но я боялся его испачкать.

Мы грязь и больше ничего, подумал я. Мы стайка уродливых липких жучков, ползущих по чистой и гладкой поверхности мрамора. На месте Бога я бы глянул вниз, увидел, как мы тащим на себе дурацкие корзинки для пикников да яркие нелепые одеяла, наступил бы на нас ногой и раздавил всех в лепешку.

В таком месте надо быть влюбленными или монахами, но мы были всего лишь кучкой скучающих и скучных пьяниц. Когда находишься рядом с Карлом, невозможно не напиться. Добрый, прижимистый старина Карл — великий провокатор. Он использует выпивку, как садист использует кнут. Он пристает к тебе с предложением выпить до тех пор, пока ты не начинаешь рыдать, сходить с ума или же, напившись, падаешь замертво; этот процесс доставляет Карлу величайшее наслаждение.

Мы пили всю ночь, а когда наступило утро, кому-то из нас — кажется, Мэнди — пришла в голову блестящая идея устроить пикник. Естественно, все нашли эту мысль превосходной, все были в прекрасном настроении, быстро упаковали корзинки, не забыв о выпивке, набились в машину и вскоре уже были на пляже — кричали, размахивали руками и искали место, где можно устроить нашу идиотскую пирушку.

Отыскав широкий плоский камень, мы решили, что это будет стол, и выгрузили на него наши запасы — наспех подобранную коллекцию пакетов с едой и бутылок со спиртным.

Наряду с прочими продуктами кто-то сунул в корзину банку колбасного фарша. При виде этой банки на меня внезапно нахлынула волна странной тоски. Я вспомнил войну и себя, молоденького солдатика марширующего по Италии. Вспомнил, как давно это было и как мало я сделал из того, о чем мечтал в те годы.

Открыв банку с фаршем, я отошел в сторонку, чтобы с ней предаться воспоминаниям, однако длилось это недолго. Люди из компании Карла не любят одиночества и не любят воспоминаний, поэтому им трудно представить, что кому-то на свете это нравится.

Моей спасительницей стала Ирен, всегда отличавшаяся особой чувствительностью: Ирен не в силах видеть одинокого человека, поскольку для нее самой одиночество несколько раз едва не закончилось весьма печально. Одиночество — и пилюли, чтобы покончить с этими страданиями…

— Что с тобой, Фил? — спросила она.

— Ничего, — ответил я, разглядывая нанизанный на вилку кусок розового фарша. — Вкус такой же, как и прежде. Ничего не изменилось.

Она осторожно опустилась на песок рядом со мной, стараясь не

расплескать ни единой капли виски из своего стакана — должно быть, миллионного по счету.

— Фил, — сказала она, — меня беспокоит Мэнди. Она выглядит такой несчастной!

Я взглянул на Мэнди. Запрокинув голову, она заливалась смехом от очередной шутки Карла. Тот, улыбаясь, смотрел на нее; его зубы поблескивали, а глубоко посаженные глаза казались мертвыми, как всегда.

— А с чего ей быть счастливой? — спросил я. — Господи боже, да что у нее есть такого, чтобы чувствовать себя счастливой?

— О, Фил, — сказала Ирен. — Тебе нравится изображать ужасного циника. Она ведь жива, разве этого мало?

Я взглянул на Ирен, размышляя, что она имеет в виду — она, столько раз пытавшаяся свести счеты с жизнью. Я решил, что никогда этого не узнаю. Еще я понял, что совсем не хочу колбасного фарша. Обернулся, чтобы зашвырнуть его подальше, внеся тем самым свою лепту в загрязнение пляжа, — и вот тут-то их и увидел.

Они находились далеко, фигурки не больше точки, однако в их облике было что-то странное, заметное даже с большого расстояния.

— А мы здесь не одни, — сказал я.

Ирен взглянула в ту сторону.

— Эй, смотрите! — крикнула она. — Здесь еще кто-то есть!

Все посмотрели туда, куда она показывала.

— Это еще кто? — спросил Карл. — Они не знают, что этот пляж — моя собственность?

И рассмеялся.

У Карла две страсти: собственность и власть. Когда напивается, он корчит из себя правителя мира.

— Покажи им, кто здесь главный, Карл! — сказал Хорес.

У Хореса всегда в запасе искрометные шуточки вроде этой, на все случаи жизни. Долговязый, лысый, с огромным адамовым яблоком, он, как и я, работает на Карла. Честно говоря, мне было бы жаль Хореса, если бы не гаденькое подозрение, что ему просто нравится пресмыкаться. Хорес поднял тощий кулак и погрозил парочке, расположившейся на пляже.

— Вы бы валили отсюда! — крикнул он. — Это частная собственность!

— Слушай, когда ты заткнешься и перестанешь быть идиотом? — спросила его Мэнди. — Нельзя так разговаривать с незнакомыми людьми. Кстати, не исключено, что это их собственность.

Не знаю, как это вышло, но Мэнди — жена Хореса. Между прочим,

его дети разговаривают с ним примерно так же. Хорес тут же замолчал и принялся застегивать свою ветровку, поскольку, во-первых, похолодало, а во-вторых, ему приказали замолчать.

В нашу сторону двинулись две фигуры. Одна, высокая и грузная, двигалась какой-то странной раскачивающейся походкой. Вторая, низенькая и сутулая, выписывала замысловатые зигзаги, шагая рядом со своим огромным, как башня, спутником.

— Они идут к нам, — сказал я.

Внезапно налетевший холодный ветер и приближение двух незнакомцев оказало на нас какое-то странное впечатление. Мы притихли и молча наблюдали, как они идут. Чем ближе они подходили, тем более странной казалась нам их внешность.

— Господи боже! — воскликнула Ирен. — У низенького-то квадратная шляпа!

— Мне кажется, она сложена из газеты, — заметила, прищурившись, Мэнди. — Ну да, это газета, сложенная газета.

— Нет, вы только поглядите на усы этого высоченного негодяя! — сказал Карл. — Я таких зарослей в жизни не видел.

— Они мне что-то напоминают, — проговорил я.

Все посмотрели на меня.

Да это же Морж и Плотник…

— Они похожи на Моржа и Плотника, — сказал я.

— На кого? — спросила Мэнди.

— Только не говори, что никогда не слышала о Морже и Плотнике, — ответил Карл.

— Никогда, — сказала Мэнди.

— Какое безобразие, — отозвался Карл. — Ты просто невежественная сучка. Морж и Плотник — это, наверное, два самых популярных литературных персонажа. Льюис Кэрролл сочинил про них стишок в одной из своих книг про Алису.

— «Алиса в Зазеркалье», — подхватил я и процитировал:

Рыдает Плотник, плачет Морж,
Дойдя до бережка
Когда вокруг один песок,
И впрямь берет тоска.

Мэнди пожала плечами.

— Ну и что? Зато я красивая.

— Простите, что вмешиваюсь в ваш разговор, — сказала Ирен, — но у маленького действительно есть носовой платок.

Мы уставились на незнакомцев. Низенький держал в руках огромный носовой платок, который он время от времени прикладывал к глазам.

— А что, низенький — Плотник? — поинтересовалась Мэнди.

— Да, — ответил я.

— Тогда все в порядке, — сказала она, — потому что он тащит пилу.

— Да, так оно и есть, — подтвердил Карл. — Да поможет нам Бог. А чтобы картинка была полной, смотрите — на нем фартук.

— Значит, ваш Плотник должен носить фартук? — спросила Мэнди.

— Кэрролл об этом не упоминал, — сказал я, — но на иллюстрациях Тэниэла Плотник действительно носит фартук. И нос у него такой же, и челюсть квадратная, как у этого.

— Черт, двойники какие-то, — произнес Карл. — Одна только заминка — этот Морж вовсе не морж, он просто похож на моржа.

— А ты подожди, — посоветовала ему Мэнди. — Вот сейчас на нем начнет расти мех, а изо рта вылезут длинные бивни.

И тут странная парочка заметила нас. По-видимому, наше присутствие оказалось для них полной неожиданностью. Они резко остановились, уставились на нас, и низенький быстро спрятал носовой платок.

— Странно, что они нас до сих пор не замечали, — прошептала Ирен.

Высокий медленно двинулся вперед, осторожно переступая ногами. За ним последовал низенький, стараясь держаться за его спиной, подальше от нас.

— Первый контакт с пришельцами, — сказала Мэнди, и Ирен и Хорес нервно захихикали.

Я промолчал. Я уже решил, что больше не буду работать у Карла, что вся его компания мне не по душе — может быть, за исключением Ирен, — а эти незнакомцы вызывают у меня настоящий ужас.

Тут высокий улыбнулся, и все изменилось.

Моя работа связана с индустрией развлечений, рекламой и связями с общественностью. Мне приходится иметь дело с самыми обаятельными мальчиками и девочками нашей гордой страны. Поэтому я стал настоящим профи по части обворожительных улыбок и научился им противостоять — так сказать, оделся в крепкую броню. Когда ко мне подходит напудренный красавчик, сияющий белоснежной улыбкой, я понимаю это так: он просто демонстрирует мне, чем будет меня кусать, только и всего.

Однако в улыбке Моржа скрывалось нечто совершенно иное.

Улыбка Моржа подействовала на меня так, как ничто не действовало уже много лет: она растопила мое сердце. Я специально употребил столь сентиментальную фразу. При виде его улыбки я понял, что этому человеку можно доверять; я кожей почувствовал, что он обходителен и любезен, что у него благие намерения. Его сходство с Моржом из сказки перестало меня пугать, теперь я находил его смешным и милым. Я обожал его, как когда-то в детстве обожал своего плюшевого медвежонка.

— О, простите, — звучным голосом произнес он, — надеюсь, мы вам не помешали.

— Надеюсь, мы не помешали, — пискнул Плотник, выглядывая из-за спины своего спутника.

— Гм, дело в том, — вновь загудел Морж, — что мы вас не сразу заметили.

— Дело в том, что мы разговаривали, — добавил Плотник.

Когда вокруг один песок,
И впрямь берет тоска.

— О песке? — спросил я.

Морж потрясенно уставился на меня.

— Д-да… раз уж вы сами догадались.

Подняв огромную ногу, он затряс ею, чтобы вытряхнуть из ботинка песок.

— Сил никаких нет, — пожаловался он. — Набивается в обувь, потом рассыпается по всему ковру.

— Надо его убрать, вот что, — сказал Плотник.

«А семь служанок, — Морж спросил, —
Ну, скажем, за семь лет
Смести метлой песок долой
Смогли бы или нет?»

— Убрать весь песок? Но его слишком много! — удивился Карл.

— Действительно, — ответил Морж, с мрачным неодобрением оглядывая пляж, — слишком много.

Затем он взглянул на нас, и мы вновь окунулись в сияющие лучи его улыбки.

— Однако позвольте нам представиться, — сказал он.

— Надеюсь, вы извините Джорджа, — вставил Плотник, — он у нас обожает церемонии, вы заметили?

— Ну и что? — Морж похлопал Плотника по бумажной шляпе. — Это Эдвард Фарр, а я Джордж Твиди, к вашим услугам. Боюсь, мы с ним… э-э… немного пьяны.

— Да-да. Немного.

— Мы ушли с восхитительной вечеринки. Наверное, нам лучше вернуться и продолжить.

— Если, конечно, найдем еще немного топлива, — прибавил Фарр, помахивая пилой.

К этому времени он осмелел настолько, что вышел из-за спины приятеля и стоял прямо перед нами.

— Так вот, к вопросу о вечеринке, — продолжал Твиди. — Вы не видели, здесь где-нибудь не валяется плавник? Мы весь пляж обшарили, нигде ничего.

— Мы-то думали, его на берегу полно, — сказал Фарр, — а здесь один песок.

— Готов поклясться, вы искали устриц, — сказал Карл.

И вновь Твиди изумленно уставился на него.

> «О Устрицы! — воскликнул Морж. —
> Прекрасный вид кругом!
> Бегите к нам! Поговорим,
> Пройдемся бережком».

— Устриц? — спросил он. — О нет, нет, устрицы у нас есть. Нам их не на чем приготовить, вот в чем дело.

— Потому что нам кое-чего не хватает, — подхватил Фарр, глядя на своего спутника.

— Полагаю, да, — задумчиво отозвался тот.

— Боюсь, с топливом мы вам помочь не сможем, — сказал Карл, — но можем предложить выпить с нами.

Его голос показался мне необычным, и я насторожился. Я обернулся к нему и через некоторое время понял, чем вызвано мое удивление.

Его глаза. В кои-то веки, впервые в жизни в них появилось дружелюбное выражение.

Не хочу сказать, что у Карла рыбьи бесцветные глаза, вовсе нет.

Такими они кажутся на первый взгляд. Но только на первый. На самом деле Карл отлично умеет выражать свои чувства взглядом, лицом, всем телом. Можно сказать, он мастер экспрессии. Он умеет казаться трогательно-заботливым, или дружелюбным, или исполненным холодной ярости, или своим в доску, и всегда одинаково убедительно.

В том-то и дело — он «умеет казаться». Если познакомиться с Карлом поближе и узнать его получше, а на это уйдет немало времени, можно понять, что на самом деле он не испытывает никаких чувств. Наверное, потому что когда-то, очень давно, он умер или был убит. Возможно, в детстве. Возможно, он родился мертвым. И под любой маской его выдают глаза — глаза трупа.

Но сейчас все изменилось. В глазах Карла сквозило искреннее дружелюбие, это было хорошо видно. Улыбка Твиди-Моржа сотворила чудо. Карл восстал из могилы. Я чувствовал благоговение.

— Чудесная мысль, старина! — сказал Твиди.

Приятели с видимым удовольствием взяли предложенные им стаканы и стали знакомиться с остальными участниками пикника. Когда Твиди уселся рядом со мной, я почувствовал сильный запах рыбы, но, как ни странно, это мне понравилось. Я обрадовался его соседству. Он взглянул на меня и улыбнулся, и мое сердце совсем растаяло.

Вскоре выяснилось, что все то, что мы выпили до встречи с новыми знакомыми, было лишь затравкой. Твиди и Фарр оказались закаленными выпивохами, и мы, глядя на них, старались не отставать.

Мы произносили дурацкие тосты и с радостью обнаружили, что Твиди — отличный рассказчик. Особо ему удавались всякие страшилки, дикие истории о совершенно непостижимых вещах, событиях и персонажах. Его фантазия не знала предела.

И Морж заводит разговор
О всяческих вещах.
Сначала о капусте речь,
Потом о королях,
Про рачий свист, про стертый блеск
И дырки в башмаках.

Мы смеялись и пили, пили и смеялись. Вскоре я уже спрашивал себя: почему же всю свою жизнь я был мрачным и угрюмым сукиным сыном, вечно недовольным подозрительным негодяем, в то время как самая

великая тайна, тайна самой жизни так проста — нужно наслаждаться ею, наслаждаться каждым прожитым днем, принимая все таким, как есть.

Я оглянулся по сторонам и усмехнулся, нисколько не заботясь о том, что обо мне подумают. Все участники пикника были веселы и здоровы, все выглядели гораздо лучше, чем раньше.

Ирен казалась по-настоящему счастливой. Она тоже открыла тайну жизни. Больше она не станет принимать таблетки, подумал я. Теперь, когда она встретила Твиди, открывшего ей эту тайну, чертовы таблетки больше не понадобятся.

Я не верил глазам — Хорес и Мэнди держались за руки! Они сидели, тесно прижавшись друг к другу, и дружно смеялись, когда Твиди рассказывал очередную историю. Мэнди больше не будет ворчать, подумал я, а Хорес перестанет заискивать — и все потому, что они тоже узнали великую тайну.

Затем я взглянул на Карла, смеющегося и расслабленного, забывшего обо всем на свете, полностью раскрепощенного после стольких лет…

Я вновь взглянул на Карла.

Потом я посмотрел на свой стакан, потом — на свои колени, потом — на сверкающее, чистое, далекое и безликое море.

И тут я понял, что мне холодно, очень холодно, а в небе не видно ни одной птицы, ни единого облака.

Вода была мокра насквозь.
Песок насквозь был сух.
Не видно было в небесах
Ни птиц, ни даже мух.
Надеясь услыхать о них,
Не напрягайте слух.

Эта часть стихотворения представляет собой точное описание безжизненной земли. На первый взгляд звучит прекрасно, мягко, но когда перечитываешь текст, понимаешь, что на самом деле Кэрролл описывает голую безжизненную пустыню.

Внезапно тишину прорезал голос Карла:

— Эй, Твиди, да это здорово! Богом клянусь, отличная мысль! Правда, ребята?

Ему ответил дружный хор голосов, выражающих одобрение. Все вставали на ноги. Я смотрел на них снизу вверх, как человек, который

проснулся в незнакомом месте и не понимает, что происходит. Все глупо посмеивались, глядя на меня.

— Вставай, Фил! — крикнула мне Ирен.

Ее глаза сияли, но не от счастья. Теперь я это видел.

Воскликнул Морж: «Какой позор
Бедняжек обижать!»

Хлопая глазами, я смотрел на них, переводил взгляд с одного на другого.

— Старина Фил, похоже, немного перебрал, — смеясь, сказала Мэнди. — Да вставай же, Фил! Идем, продолжим вечеринку!

— Какую вечеринку? — спросил я.

Я никак не мог понять, что происходит. Все вокруг потеряло форму, исказилось, стало смешным и нелепым.

— Ради бога, Фил, — проговорил Карл, — Твиди и Фарр пригласили нас пойти к ним и продолжить вечеринку. У нас больше не осталось выпивки, зато у них полно!

Я осторожно поставил на песок пластиковый стаканчик. Если бы все заткнулись хоть на минуту, подумал я, моя голова бы прояснилась.

— Пошли с нами, сэр! — весело прогудел Твиди. — Прогуляемся немного, это совсем рядом!

«О Устрицы! — воскликнул Морж. —
Прекрасный вид кругом!
Бегите к нам! Поговорим,
Пройдемся бережком».

Он по-прежнему улыбался, но его улыбка на меня больше не действовала.

— Вы не сможете взять за ручки первых четверых, — сказал я.

— Э? О чем это вы?

Но чур лишь первых четверых
За ручки мы берем.

— Вы не сможете взять за ручки первых четверых, — повторил я.

— А ведь он прав, — сказал Фарр, Плотник.

— Ну, — отозвался Морж, — если вы и в самом деле не можете идти, приятель…

— О чем вы там толкуете? — спросила Мэнди.

— Он зациклился на этих идиотских стихах, — ответил Карл. — Льюис Кэрролл на него страху нагнал.

— Слушай, Фил не будь занудой и не разрушай компанию, — сказала Мэнди.

— Да ну его к черту. — Карл двинулся вперед.

Все потянулись за ним. Кроме Ирен.

— Ты уверен, что не хочешь пойти с нами, Фил? — спросила она.

На солнечном свету она казалась тоненькой и хрупкой. Я понял, что от настоящей Ирен почти ничего не сохранилось, а то, что находилось передо мной, — жалкие остатки.

— Да, — ответил я, — уверен. А ты уверена, что хочешь пойти с ними?

— Конечно уверена, Фил.

Я подумал о таблетках.

— Вижу, — сказал я. — Полагаю, тебя уже ничто не остановит.

— Да, Фил, ничто.

Потом она наклонилась и поцеловала меня. Поцеловала очень нежно, и я почувствовал прикосновение ее сухих потрескавшихся губ и легкое теплое дыхание.

Я поднялся на ноги.

— Останься, — попросил я.

— Не могу, — ответила она.

Потом повернулась и побежала за остальными.

Я смотрел, как они уходили все дальше, следуя за Моржом и Плотником. Я смотрел, как они приблизились к тому месту, где берег уходил за поворот, и скрылись за утесом.

Я посмотрел на небо. Голубое и чистое. Безликое.

— И что ты об этом думаешь? — спросил я у неба.

Ничего. Оно меня даже не заметило.

«Друзья, готовьтесь. Мы хотим
Поужинать средь вас».
«Как?! Нами?! — Устрицы кричат;
Их пробирает дрожь. —

Так, значит, ваша доброта
По сути дела — ложь!»

Вот именно — ложь.

Я сорвался с места и побежал по пляжу в сторону утеса. Я поминутно спотыкался и едва не падал, потому что был пьян. Слишком пьян. Я слышал, как под ногами трещали маленькие раковины, как хрустел песок.

Наконец я тяжело плюхнулся на землю и остался лежать, хватая ртом воздух. Сердце бешено колотилось. Я слишком стар для таких забегов. Не бегал столько лет. Много курил и пил. Вел абсолютно нездоровый образ жизни. Я никогда и ничего не делал правильно.

Я заворочался на песке, пытаясь встать, и не смог. Сердце колотилось так, что я испугался. Я физически ощущал, как отчаянно оно стучит, перегоняя по артериям пульсирующую кровь.

Как устрица, которую колышет морская вода.

Друзья, отлично мы прошлись.
Но нам пора назад.

Устрицей было мое сердце.

Я встал, вновь упал, опять встал и побежал, увязая в песке, широко открыв рот и чувствуя, как раскаленный воздух обжигает легкие, Я весь вспотел, пот ручьями стекал у меня по телу, холодный ветер пронизывал насквозь.

Друзья, отлично мы прошлись.
Но нам пора назад.

Я завернул за утес и застыл на месте, пошатываясь, затем упал на колени.

В чистом голубом небе не было ни одного облака, ни единой птицы, ничто не нарушало тишины далеко раскинувшегося песчаного пляжа.

…Промолвил Плотник Устрицам,
А те в ответ молчат.
Иначе и не может быть…

Ничто не нарушало тишины пляжа, но они были там, все они. Ирен и Мэнди, Карл и Хорес, и еще четыре человека. Прямо возле утеса.

Но чур лишь первых четверых
За ручки мы берем.

Морж и Плотник сделали два захода.

Я пополз к ним на коленях. Мое сердце, мое сердце-устрица стучало так, что я не мог подняться на ноги.

Те четверо тоже устроили пикник на пляже, как и мы. У них тоже были пластиковые стаканы и тарелки, и они также принесли с собой бутылки с выпивкой. Они сидели и ждали, когда вернутся Морж и Плотник.

Ирен лежала прямо передо мной. Ее неподвижные глаза смотрели вверх, в небо. В чистое голубое небо. В левый глаз ей попало несколько песчинок. На лице почти не было крови. Лишь несколько капель попало на подбородок. Страшная рана на груди уходила вниз и направо. Я протянул руку и дотронулся до ее кисти.

— Ирен, — тихо произнес я.

Иначе и не может быть:
Их съели всех подряд.

Я взглянул на остальных. Все были мертвы, как и она. Морж и Плотник съели устриц, оставив лишь раковины.

Плотник так и не нашел топлива, так что они съели их сырыми. При желании устриц можно есть и живьем.

Я еще раз позвал Ирен по имени — просто так, чтобы запомнить, как оно звучало, — затем повернулся и пошел прочь. Завернув за утес, я остановился. Где-то впереди расстилался пляж — огромный, ровный, пустынный и очень отдаленный.

Даже если бы я пустился бежать, чтобы поскорее скрыться, пляж все равно был очень далеко.

---

notes

Примечания

1

Рассказ впервые был опубликован в 1925 г. В те времена сто долларов представляли собой весьма значительную сумму. (Здесь и далее примечания переводчиков.)

2

Поскольку энциклопедия англоязычная, слова на букву «V» находятся в последних ее томах.

3

Этимология слова «вампир» довольно неясная. Одни «вампирологи» считают его происхождение славянским, другие — венгерским или румынским.

4

Вальпургиева ночь — ночь с 30 апреля на 1 мая, праздник начала весны у древних германцев, канун Дня св. Валпургии, девонширской святой, предположительно скончавшейся в Германии 1 мая 777 г. Согласно старинному поверью, в эту ночь на горе Брокен (Блоксбург) в Гарцских горах в Германии происходит «великий шабаш», во время которого ведьмы пытаются помешать приходу весны и насылают порчу на людей и скот.

5

Месмеризм — разновидность так называемого животного магнетизма (гипнотерапевтического воздействия на человеческое сознание, осуществлявшегося в различных формах), связанная с именем и деятельностью австрийского медика и теолога Франца Антона Месмера (1734–1815). Его эффектно-театрализованные опыты, включавшие гипноз, наложение рук и прикосновение металлических пластин к телу больного, снискали, несмотря на их малорезультативность, огромный успех у европейской публики конца XVIII — начала XIX в.

6

Автоматическое письмо, или психография, — в теории и практике спиритизма процесс письма, осуществляемого медиумом в состоянии транса под диктовку потусторонней силы. Своего рода учебником психографии является популярная на рубеже веков «Книга медиумов, или Руководство для изучающих спиритизм, для медиумов и вызывателей духов» (1861) французского спирита Аллана Кардека (наст. имя Ипполит Леон Денизар Ривайль, 1804–1869).

7

Имеется в виду эпидемия бубонной чумы, пришедшая в Европу с Востока ок.1347 г.; ее последующие вспышки на протяжении второй половины XIV столетия унесли жизни, по разным данным, от трети до половины тогдашнего европейского населения (то есть от 25 до 50 млн человек).

8

ученый (фр.)

9

«Швеция древняя и современная» (лат.).

10

«Ассамблея философов» **(**лат.).

11

«Книга черного паломничества» (лат.).

12

Здесь и далее цитаты из рассказа «Заживо погребенные» приводятся в переводе В. Хинкиса

13

Один из терминов «месмеризма», или теории животного магнетизма, названной по имени немецкого врача Франца Месмера (1734–1815). Согласно этой теории, между живыми телами в природе существует незримая (магнитная) связь, позволяющая улавливать в том числе мысли на расстоянии. Месмер имел свою практику в Париже, где лечил при помощи магнита «все заболевания».

14

Гребная регата на Темзе. Проводится в первую декаду июля. Соревнования длятся пять дней. Регата (как и многое в Англии) носит титул королевской и ведет свое начало с 1839 г.

15

Архитектурный стиль, господствовавший в Англии с 20-х гг. XVIII в. вплоть до 40-х гг. XIX в.

16

«Четыре времени года» (фр.).

17

Да, мой господин (нем.).

18

Вальпургиева ночь (нем.).

19

Цитата из популярной «страшной» баллады немецкого поэта Готфрида Августа Бюргера (1747–1794) «Аенора» (1773), приводимая также в гл. 1 романа «Дракула». Перевод В. Левика.

20

Бистрица — почтовый городок на северо-востоке Трансильвании.

21

Принкип — греческий остров в Мраморном море, вблизи Стамбула. Входит в группу Принцевых островов.

22

Имеется в виду византийская императрица Ирина (752–803), которая была свергнута с престола в результате заговора и сослана на остров Лесбос в 802 году.

23

Мир тебе (лат.).

24

Детский роман английской писательницы Эдит Несбит, впервые вышедший в 1902 г. Псаммед — странное существо с вращающимися глазами на рожках, ушами летучей мыши и паучьим телом, поросшим шерстью.

25

Национальное блюдо Индии и некоторых других азиатских стран. Представляет собой лепешку из пресного теста с начинкой из баранины, картофеля, овощей или сыра.

26

«Философские и христианские размышления о вампирах» (лат.)

27

Вечный покой дай ему, Господи! (лат.)

28

Последний удар (фр.).

29

Посмертного (лат.).

30

Лангелла Фрэнк (р. 1938) — американский актер, исполнитель роли Дракулы в одноименной бродвейской постановке 1977 г.

31

Пиенковски Ян (р. в 1936 г. в Польше) — английский иллюстратор и автор книг для детей.

32

Гигер Ганс Рудольф (р. 1940) — швейцарский художник, представитель фантастического реализма.

33

Название Токио до 1868 г. Произошло от названия старинной центральной части города, где находится замок Эдо.

34

Самурай высокого ранга.

35

Усадьба (обычно большая и богатая).

36

Пехота в средневековой Японии (в переводе это слово означает «легконогие»), набираемая из крестьян, все вооружение которых составляли пики. Часть асигару были слугами в усадьбах батамото.

37

Известная японская сказка о рыбаке по имени Урасима Таро. Однажды он спас черепаху и за это был вознагражден посещением подводного дворца бога-дракона. Когда же он вернулся в родную деревню, оказалось, что прошло уже триста лет.

38

Шаффлборд — игра, участники которой палками пытаются забросить деревянные кружки в определенные квадраты поля. Есть и настольный вариант, где вместо кружков используются монеты.

39

Итак, что ж? (идиш)

40

Свершившийся факт (фр.)

41

Спрингстин Брюс (р. 1949) — американский рок-певец.

42

Хороший, достойный человек (идиш)

43

Пьяница (идиш).

44

Цицит — кисти, прикрепляемые к четырем углам талиса — полотнища, в которое облачаются евреи во время утренней молитвы.

45

Чуть-чуть, немного (идиш)

46

см. сноску 39

47

Мэйсон Джеки (р. 1931) — американский комик.

48

Мясное кошерное блюдо.

49

«Paddy's Pig» — американский ансамбль ирландской музыки.

50

Бенсонхерст — рабочий квартал в Нью-Йорке, в Бруклине.

51

Шум, суета (идиш)

52

Синагога (идиш)

53

Радость, удовольствие (идиш)

54

Система школ по изучению Торы и Талмуда для верующих всех возрастов (идиш)

55

О нет! (идиш)

56

Молитва, часть заупокойной службы в иудаизме (идиш)

57

Цитата из поэмы Р. Киплинга «Гунга Дин».

58

Режим Виши — коллаборационистский режим во Франции, существовавший во время ее оккупации нацистами во время Второй мировой войны. Название — от курортного города Виши, где в июле 1940 г. Национальное собрание передало власть маршалу А. Петену.

59

см. сноску 39

60

«Динти Мур» — марка американских консервов и продуктов быстрого приготовления.

61

Зеленая комната — театральная уборная.

62

Кастер Джордж Армстронг (1839–1876) — генерал кавалерии США во время Гражданской войны и войны с индейцами. Потерпел поражение и был убит во время битвы против союза индейских племен на реке Литл-Бигхорн.

63

Битва при Аламо (1836) — сражение, происшедшее во время Техасской революции, борьба техасцев за независимость от Мексиканской республики. Осада миссии в Аламо мексиканскими войсками закончилась поражением и гибелью ее защитников.

64

Пресуществление — превращение хлеба и вина в Тело и Кровь Христову, которое происходит во время мессы.

65

Вот так! (фр.)

66

Цитата из Ветхого Завета, Исход 5:1. «…Моисей и Аарон пришли к фараону и сказали (ему): так говорит Господь, Бог Израилев: отпусти народ Мой, чтоб он совершил Мне праздник в пустыне».

67

Спортивный клуб в Ричмонде, около Лондона.

68

Чизмен (cheeseman) — сыровар.

69

«Аппетит приходит во время еды» (фр.)

70

Имеется в виду Томас Кен (1637–1711), епископ англиканской церкви, королевский капеллан английской армии при Карле II и один из семи епископов, которые в 1688 г. выступили против «Декларации религиозной терпимости» Якова II, которая должна была способствовать распространению римского католицизма.

71

Провост — ректор в некоторых английских университетских колледжах.

72

Mi — видимо, младший, от minor; ma — видимо, старший, от major.

73

Игра слов: имя Кристиан (Christian) — означает «христианин»; Not-Christian — соответственно, не христианин, язычник.

74

Милутин Стефан Урош II (?- 1321) — сербский король с 1282 года, из династии Неманичей.

75

Его подменили (фр.)

76

Здесь и далее Мопассан описывает дом Флобера в Круассе.

77

Имеется в виду последняя пьеса Дюма-сына «Дениза» (1855), где речь идет о женщине, отвергнутой обществом.

78

Вопросы гипноза, а также лечения истерии посредством гипноза были в 1880-х гг. на повестке дня. В это время большой известностью пользуются работы доктора Жана Мартена Шарко (1825–1893), у которого с 1885 г. начинает стажироваться в больнице Сальпетриер Зигмунд Фрейд (1856–1939).

79

Перевод А. Григорьева

80

Так в фашистских концлагерях часто называли «доходяг» — до крайности истощенных голодом и потерявших всякую волю к жизни заключенных. Другие заключенные обычно сторонились «доходяг», и у них не оставалось никаких шансов выжить.

81

Песах — еврейская пасха.

82

Седер — ритуальный ужин в день Песаха.

83

Харосет — ритуальное блюдо из орехов, фруктов, вина и специй, которое подается во время седера

84

Афикомен — хлеб, который едят в конце пасхального ужина

85

Хаггада — священный текст, описывающий ритуал пасхального ужина.

86

Да-да (нем.)

87

Недоумок (нем.)

88

Стихи из романа Л. Кэрролла «Алиса в Зазеркалье» даны в переводе А. А. Щербакова.